

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

P 51a- 176. 25

Bound
AUG 25 1899

Harvard College Library

FROM THE BEQUEST OF

MRS. ANNE E. P. SEVER,

OF BOSTON,

WIDOW OF COL. JAMES WARREN SEVER,

(Class of 1817)

31 Mar. 1899 — 29 Apr. 1899

ВѢСТНИКЪ Е В Р О П Ы

ТРИДЦАТЬ-ЧЕТВЕРТЫЙ ГОДЪ. — ТОМЪ II.

ГОДЪ LXIII. — ТОМЪ CCCLXX. — 1/12 МАРТА 1899.

ВѢСТНИКЪ Е В Р О П Ы

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРИИ — ПОЛИТИКИ — ЛИТЕРАТУРЫ

СТО-ДЕВЯНОСТО-ШЕСТОЙ ТОМЪ

ТРИДЦАТЬ-ЧЕТВЕРТЫЙ ГОДЪ

ТОМЪ II

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“: ГАЛЕРНАЯ, 20.

Главная Контора журнала:	Экспедиція журнала:
на Васильевскомъ Острове, 5-я линія, № 28.	на Вас. Остр., Академич. переулокъ, № 7.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГЪ

1899

413
45
P Slav 170.25

Slav 30.2

1899, Mar 31 — 1899 Apr 29

Sever fund

2757

СВѢДѢНІЯ
О
СВѢДѢНІЯ

МАР 31 1899

СВѢДѢНІЯ

ИСТОРИИ-ПОЛИТИКИ.
ИЗДАНИЕ.

ТРИДЦАТЬ-ЧЕТВЕРТЫЙ ГОДЪ.—КН. 3-я.

МАРТЪ, 1899.

ПЕТЕРБУРГЪ.

КНИГА 3-я. — МАРТЪ, 1899.

Стр.

РАСПОРЯЖЕНІЕ МИНИСТРА ВНУТРЕННИХЪ ДѢЛЪ, 20 февраля 1899 г.	3
I.—КУДА ИДТИ?—Романъ въ двухъ частяхъ.—Часть вторая: I-VIII.—И. Д. Боборыкина	5
II.—ПОЗДНЯЯ ВОСПОМИНАНІЯ О ДАВНО МИНУВШИХЪ ВРЕМЕНАХЪ.— Для моихъ дѣтей и внуковъ.—I.—А. А. Дан. Шумахера	89
III.—УВИДѢШЬ ЛИСТЪ.—Стих. Н. Ленау.—Съ пѣн. Н. Г.	129
IV.—ПРОМЫШЛЕННЫЯ „РЕСПУБЛИКИ“.—Изъ наблюденій надъ экономическими кооперациями въ Англіи.—О. Н. Р-тъ	131
V.—АРТОНАВТЫ.—Повесть.—Съ польскаго.—VII-VIII.—Элизы Орженско	168
VI.—НАЧАЛО ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНАГО ДѢЛА ВЪ РОССІИ.—1836—1855.—I-II. В. В. Сазона	221
VII.—„ХОЗЯИНЪ“.—Повесть изъ крестьянскаго бита восточной Германіи.—Der Bauernbauer, von W. v. Polenz.—XV-XXII.—Съ нѣмек. А. В-г—	269
VIII.—ПЕТЕРБУРГСКІЕ РАБОЧІЕ и ихъ экономическое положеніе.—Замѣтки и на- блюденія праца.—М. И. Покровской	323
IX.—БОНРАДЪ ВАЛЕНРОДЪ.—Изъ поэмы Мицковича.—Пѣсня IV: Разговоръ.— Перев. Влад. Марковъ	343
X.—ХРОНИКА.—ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Манифестъ и „Основныя По- ложенія“ 3-го февраля.—„Земскій Ежегодникъ“ Волгана экономическаго общества и общеземскій періодическій органъ, проектируемый московскою губернскою земскою управою.—Протесты губернаторовъ тверскаго и кур- скаго.—Вопросъ о порубѣхъ.—Освобожденіе земства отъ нѣкоторыхъ обязательныхъ расходовъ	353
XI.—ВНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Кончина Феликса Фора и президентскіе выборы во Франціи.—Новый президентъ, Эмиль Лубб.—Жизнь и дѣятель- ность Фора.—Успѣхи современной демократіи.—Французскія дѣла и ан- глійская политика.—Министерскій кризисъ въ Венгріи	375
XII.—ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Памяти Ф. И. Булгакова: рѣчи и обзоры его трудовъ.—А. И. Пыпинъ.—Собраніе сочиненій П. А. Голышева.—Въ соро- ковыхъ годахъ, Ч. Вітрянскій.—Сборники старинныхъ бумагъ въ музеѣ П. И. Пущина.—Т.—Новыя книги и брошюры	387
XIII.—НОВОСТИ ВНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.—I. Aug. Strindberg, Margit, la femme du chevalier Bengst.—II. L. Rouanet, Drame religieux de Caldé- ron.—III. R. Kiepling, The Day's Work.—З. В.	403
XIV.—НЕКРОЛОГЪ.—Л. И. Поляяновъ.—Вл. С. Соловьева	421
XV.—ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.—Новыя кѣсти изъ невзрачныхъ губер- ній.—Ходъ продовольственнаго дѣла въ вятской губерніи.—Невзражны: Е. А. Перетъ	423
XVI.—ВЗВѢЩЕНІЯ.—Отъ Императорскаго Казанскаго Университета	428
XVII.—БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.—Уставъ уголовного судопроизводства, съ подлинными замѣчаніями, и т. д. Составл. М. Шрагелъ и В. Широминъ. Галіиіе морской сизы на французскую революцію и исторію 1793—1812). Послѣдованіе кан. А. Т. Мехена (А. Мейно). Въ 2-хъ т. Т. II.—Генрихъ Гейне. Собраніе сочиненій. Ред. П. Вейлиберга. Т. IV.—Исторія права рус- скаго народа, Н. П. Загоскина.—„Отрокъ-мученикъ“, угличское преданіе, В. М. Михайлова	
XVIII.—ОБЪЯВЛЕНІЯ.—I-IV; I-XVI стр.	

РАСПОРЯЖЕНІЕ МИНИСТРА ВНУТРЕННИХЪ ДѢЛЪ.

20 февраля 1899 г.

Въ виду вреднаго направленія журнала „Вѣстникъ Европы“, проявлявшагося неоднократно въ статьяхъ этого журнала, касающихся правительственныхъ мѣропріятій въ Финляндіи, особенно же въ статьѣ Мехелина „Новая книга г. Еленева и поправки къ ней“, напечатанной въ № 12 за 1898 годъ, и въ статьѣ „Изъ общественной хроники“ въ № 2 текущаго года, Министръ Внутреннихъ Дѣлъ на основаніи ст. 144 Уст. о ценз. и печ., Св. Зак. Т. XIV, (изд. 1890 г.), *опредѣлилъ*: объявить журналу „Вѣстникъ Европы“ *второе* предостереженіе, въ лицѣ издателя-редактора Дѣйствительнаго Статскаго Совѣтника Михаила Стасюлевича.

КУДА ИДТИ?

Романъ въ двухъ частяхъ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

I *).

Русскій туристъ поглядѣлъ на планъ Рима въ своемъ красномъ гидѣ, съ которымъ съ утра не разставался, и взялъ вѣтвь отъ какой-то обломанной арки, куда пришелъ отъ „Palazzo di Venezia“, и тотчасъ же попалъ въ узенькій проходъ, поднимавшійся въ гору.

По лѣвой сторонѣ этого корридорчика, гдѣ проѣхать было возможно развѣ на ослѣ—тѣснился рядъ запущенныхъ фасадовъ въ четыре, въ пять ярусовъ. На булыжную мостовую выплескивали прямо помои. Входы были безъ дверей; изъ оконъ висѣло бѣлье бѣднаго люда, для просушки. Пахло нечистоплотнымъ жильемъ. По правую руку шелъ низкій досчатый заборъ, вдоль—не то пустыря, не то постройки. Но особенной грязи и хмурой сырости не было, хотя это и приходилось, по русскому календарю, около половины декабря. Солнце заглядывало бокомъ въ этотъ чисто римскій проулокъ и вляло веселые блики и на обтѣвленную штукатурку домовъ, и на тряпки, повислыя изъ оконъ.

Пріѣзжій, пробравшійся къ форуму, былъ профессоръ Мѣдниковъ. Онъ измѣнился въ лицѣ; замѣтная просьба пробивалась на вискахъ. И на ходу онъ немного гнулъ, подпираясь палкой.

*) См. выше: февраль, 445 стр.

На немъ просторно сидѣло свѣтлое лѣтнее пальто; на лицо падала тѣнь отъ мягкой шляпы, съ довольно широкими полями.

И походка его стала менѣе бодрой и скорой, чѣмъ два слиш-комъ года назадъ, когда онъ выѣхалъ съ княземъ Елатомскимъ изъ нѣмецкаго курорта.

Въ личной жизни онъ перенесъ второе сильное испытаніе. И опять—отъ женщины. Въ какихъ-нибудь полтора года онъ прошелъ черезъ „передраги“ самаго печальнаго свойства: онъ оставилъ послѣ себя слѣды и въ органической машинѣ, и на днѣ души.

Переулокъ-корридоръ вывелъ Мѣдникова къ тому проѣзду, гдѣ открывается форумъ: влѣво—„Campus Vassino“, вправо—узкій кусокъ подъ скалою Капитолія.

Онъ остановился у паперти церкви и долго смотрѣлъ. Въ Римѣ попадалъ онъ во второй разъ. Въ первую поѣздку онъ слишкомъ быстро продѣлалъ „все“,—въ какихъ-нибудь двѣ недѣли,—страдалъ отъ жары, утомлялся отъ ходьбы по развалинамъ, церквамъ и галереямъ. Тогда въ немъ не было совсѣмъ и „настроения“, какое нужно для того, чтобы вмѣстить въ себя „вѣчный городъ“.

И форумъ оставилъ въ немъ память почти какъ непріятный „скурпризъ“. Онъ показался ему слишкомъ тѣснымъ, лишеннымъ величія и даже красоты.

Теперь впечатлѣніе всплыло другое—свѣжее, вдумчивое и какъ бы тихо-радостное. Раздѣльно онъ ничего не рассматри-валъ—оставлялъ это до другого раза, а только вбиралъ въ себя общую картину, сочетаніе обломковъ вѣковой старины съ тѣмъ, что выросло кругомъ изъ ипыхъ эпохъ, и съ лазурью неба, куда, съ вышины Палатина, на виллѣ Фарнѣзе, пиніи поднимали свои округлыя шапки.

Ему надо было торопиться. Къ одиннадцати онъ долженъ былъ попастьъ туда, на самый верхъ Капитолія, по лѣстницѣ, идущей прямо съ форума. Съ своего мѣста онъ могъ видѣть и край того дома, гдѣ его ждали въ эту минуту.

Мѣдниковъ дошелъ по проѣзду между двумя триумфальными арками и сталъ взбираться по крутой каменной лѣстницѣ, съ высокими ступеньками. Поднимался онъ осторожно, боясь, чтобы не запыхаться: вотъ уже съ полгода, какъ онъ началъ страдать сердечбіеніемъ, дававшимъ часто и одышку.

Не трудно было найти нумеръ того дома, куда онъ направ-лялся. Ихъ всего-то два-три на проходѣ, идущемъ къ площади Капитолія, мимо подъѣзда въ городскую думу, въ такъ называе-мую „Casa del Senatore“.

Какъ разъ на порогѣ узкаго входа стоялъ старичокъ, въ потертомъ картузѣ военного покроя и обшарпанномъ буромъ пиджакѣ, въ туфляхъ, плохо брѣтый, съ хитрыми, смѣющимися глазками.

— *Синьоръ руссо?* — спросилъ его Мѣдниковъ, знавшій итальянски дюжины двѣ словъ, для объясненія съ прислугой.

Старикъ смахнулъ съ себя картузъ и сдѣлалъ правой рукой пригласительный жестъ.

— *Escelezza? Favorisca signor! Secundo piano.*

Мѣдниковъ самъ зналъ, что тотъ русскій, кого онъ отыскивалъ, живетъ во второмъ этажѣ.

Но прежде чѣмъ подняться къ нему, онъ, обернувшись въ сторону форума, подошелъ еще разъ къ рампѣ и невольно засмотрѣлся.

Кустодъ проводилъ его до площадки перваго этажа и повторилъ:

— *Secundo piano a sinistra.*

На двери слѣва Мѣдниковъ увидалъ карточку, гдѣ латинскими буквами было напечатано: „*Escopine*“.

Онъ позвонилъ не безъ волненія. Черезъ минуту онъ увидѣть милѣйшаго старца, Степана Андреяновича—наставника, которому онъ всего больше считалъ себя обязаннымъ за общее свое развитіе, за то, что не превратился въ узкаго специалиста-практика, а держался всегда научно-философскаго грунта въ своихъ „штудіяхъ“, наблюденіяхъ и выводахъ.

Ему отворила пожилая женщина, вѣроятно хозяйка квартиры, врядъ ли римлянка, скорѣе иностранка, въ гладко причесанныхъ волосахъ съ просѣдью и темномъ шерстяномъ платьѣ, очень опрятно одѣтая.

На его вопросъ по-французски она отвѣтила по-французски же, съ нѣмецкимъ акцентомъ, и указала ему изъ темноватой, узенькой передней на дверь въ комнаты своего стояльца.

— Илья Федоровичъ! Голубчикъ!

Они обнялись и три раза поцѣловались.

Степанъ Андреяновичъ Екунинъ, отставной заслуженный профессоръ философіи, весь бѣлый какъ лунь, съ розовыми щеками и мягкимъ возбужденнымъ взглядомъ еще не потухшихъ глазъ, стоялъ передъ Мѣдниковымъ, держа его за обѣ руки, по срединѣ высокой, прѣсторной комнаты, полной всякаго подержаннаго добра римскихъ меблировокъ. Одѣтъ онъ былъ по домашнему, въ темно-сѣрой блузѣ и въ теплыхъ „боткахъ“, вывезенныхъ еще изъ Россіи.

Въ комнатѣ окна были открыты, и свѣтъ съ юго-востока заливалъ ее.

— Вотъ вы и у насъ! Не обманули... Сидите, сидите сюда на диванъ; дайте на себя хорошенько взглянуть.

Старикъ посадилъ гостя на низкую софу и, не выпуская его руки изъ своихъ, ласково оглядывалъ его.

— Есть перемены... И не то чтобы къ лучшему!..

— Знаю, Степанъ Андреевичъ!

— Вы еще три года, не больше, какія молодцомъ смотрѣли. Рядкой молодавостью блистали... А теперь не то... не то! Ну, да мы здѣсь васъ подвинтимъ, живой рукой. Вы какъ— на весь сезонъ?

— Взялъ отпускъ... до воста.

— Мало этого. Надо здѣсь и апрѣль захватить... Мартъ у насъ со вичинкой. Сегодня вѣдро. Только вы шляпу-то надѣньте. Здѣсь надобно по туземному... безъ крайней нужды не слѣдуетъ обнажать головы. Вотъ и я скуфью мою.

На немъ была бархатная ермолка, придававшая его головѣ что-то монашеское, съ густыми ободками серебристыхъ волосъ и длинной и густой бородой, которая начинала уже отливать желтизной.

— Вотъ и чудесно! Вотъ и чудесно! Я такъ обрадовался, когда получилъ ваше письмо... первое. Но въ немъ, другъ мой, были какіе-то горькіе нотки и намеки на что-то тяжелое, пережитое въ самое послѣднее время.

Голубые глаза старика вопросительно взглянули на Мѣднкова.

— Мы вѣдь съ вами больше двухъ лѣтъ не видались, Степанъ Андреевичъ.

— Конечно! Вотъ уже два года, какъ я сдѣлался... сѣвъ господамъ. И сдается мнѣ, что здѣсь, а не на берегахъ Клязьмы, моей родной рѣки, сложать мои косточки. Вы вѣдь знаете... старуха моя свончалась... вотъ уже пятый годъ пошелъ... Сынъ— петербургскій службистъ, на линіи молодого сановника... Дочь давно замужемъ, народила дѣтей. Оба они, то-и-дѣло, просятъ меня поступить къ нимъ на иждивеніе. Но я не сдаюсь. Пока хватаетъ силъ, стану навѣщать ихъ лѣтомъ. А штабъ-квартира моя здѣсь, вотъ у Тарпейской скалы, откуда виденъ и Капитолій, и базилика Константина, и арка Тита, и часть той площади, гдѣ народъ-богатырь началъ разбойничьиѣмъ станомъ, а кончилъ—воиъ тѣмъ!

Онъ подбѣжалъ къ окну и широкимъ жестомъ показалъ на форумъ.

— Простите, Илья Ѳеодоровичъ, дорогой мой, простите старику его болтовню. Не обо мнѣ идетъ рѣчь въ эту минуту, а о васъ, голубчикъ. Я вѣдь ничего не знаю толкомъ... Въ правильной перепискѣ мы не состояли. По службѣ, что-ли, каверзы?.. Вѣдь нынче наша съ вами alma mater, какъ и всѣ остальные... распатана почти до основанія.

— Нѣтъ, Степанъ Андреяновичъ, хоть и не сладки нынче времена, но я не имѣю права особенно жаловаться.

— Помилуйте! Славу стяжали и у себя на родинѣ, и за границей, на съѣздахъ. Читаль! Читаль!

— Свои... домашнія испытанія.

Старикъ опустилъ голову, приготовившись слушать Мѣдникова.

— Да вѣдь вы... одинокій?..—промолвилъ онъ.

— Я женился... въ третьемъ году. И этотъ бракъ стоилъ мнѣ очень дорого... глубоко передернулъ всю мою психію.

— Что вы!

— Увѣряю васъ! И все это закрутило меня въ какіе-нибудь полгода. Опять я одинъ.

— Супруга ваша скончалась?

— Нѣтъ, совсѣмъ не то. Мы разошлись—и навсегда.

— Формально?—подсказалъ Ежунинъ.

— Грязи мнѣ было достаточно. Я не добивался развода...

Чего-то Мѣдниковъ не досказалъ.

— Все это, Степанъ Андреяновичъ, въ связи съ тѣмъ, что въ головѣ моей стало бродить и требовать отвѣтовъ, сильно меня вкочалило. Не мудрено, что вы нашли во мнѣ большую перемѣну... И вотъ—какъ я вамъ писалъ—потянуло меня къ вамъ, сюда, въ Римъ—здѣсь подвести съ вами всякіе итоги и житейскіе, и мыслительные.

— Какъ же это... какъ же это?..—повторялъ Ежунинъ, качая головой, и его добрые голубые глаза затуманились.—Стало быть, личное счастье не задалось?..

— Не задалось, Степанъ Андреяновичъ, не задалось.

Голосъ Мѣдникова дрогнулъ.

— И это непоправимо?

— Заплетъ на этомъ вретницѣ я самъ не желаю. Искать новой пристани нѣтъ ни силы, ни охоты!..

— Помилуйте, дружище, вы еще юноша... для меня, по крайней мѣрѣ! Вѣдь я двадцать-шестого года. Семьдесятъ стукнуло. Ась? А вы... въ вашемъ положеніи... идете на всѣхъ парусахъ. Какъ будто мало бродить по русской землѣ, и по всей

Европѣ, разныхъ отроковицъ, чающихъ супружескаго благополучія?!

— Довольно! У меня, откровенно вамъ скажу, такое теперь отношеніе къ прекрасной половинѣ рода человѣческаго... Ну, да что объ этомъ распространяться!... При случаѣ, когда найдетъ такой стихъ, я расскажу кое-что... Успѣется.

И протянувъ обѣ руки къ старику, онъ заговорилъ другимъ тономъ:

— Вотъ я съ вами въ Римѣ, гдѣ хочу пожить вплотную... заново въ него окунуться... спустить съ себя російскую оболочку, забыть про все, что мѣшаетъ моему я найти новые устои.

— Въ добрый часъ, Илья Ѳедоровичъ! Я несказанно этому радъ. Располагайте мною. Я здѣсь *шалобитничая*... Это—слово одного моего пріятеля, бывшаго дерптскаго бурша, изъ корпораціи „Рутенія“. Шатуномъ я здѣсь великимъ сталъ. Ноги еще носятъ. Верстъ до пятнадцати въ день продѣлываю ни почемъ. А теперь—по порядку—позвольте допросить васъ: гдѣ вы думаете поселиться? Здѣсь, у меня, какъ видите—хорошо! И воздухъ, и видъ; но врядъ ли вы найдете что-нибудь порядочное на нашей улочкѣ. А внизу, справа и слѣва, и вокругъ форума, и подъ Капитоліемъ, я вамъ не совѣтую поселиться. Вы гдѣ же обрѣтаетесь? Въ какомъ кварталѣ?

— Совсѣмъ на другомъ концѣ, въ новомъ Римѣ, гдѣ когда-то была Villa Ludovisi.

— Что-жъ! Хвалю. Прекрасная мѣстность! Высокая, здоровая. И теперь, съ электрическимъ трамваемъ—удобно, близко отовсюду. Отъ меня, правда, далеконько. Да вѣдь мы будемъ сходиться... въ центрѣ. Дома я не ѣмъ. Вотъ я сегодня поведу васъ въ одинъ трактирчикъ, на самой Piazza Colonna, гдѣ флорентинская кухня, вино дешевое и хорошее. Въ двѣнадцать я уже спускаюсь туда. Да!—вспомнилъ старикъ:—вы вѣдь писали мнѣ, что васъ въ Римъ потянуло желаніе повидаться также и съ тѣми... какъ бишь, князьями?.. память стала слаба на фамиліи...

— Съ княземъ Иваномъ Романовичемъ Елатомскимъ и его младшимъ сыномъ.

— Вѣдь это вашъ бывшій паціентъ, кажется? Онъ былъ немножко того?..

Ежунинъ ткнулъ себя въ лобъ двумя пальцами и подмигнулъ.

— Всего было,—полумутливо, но съ грустной интонаціей откликнулся Мѣдниковъ.—А вы ихъ здѣсь встрѣчали гдѣ-нибудь?

— Нѣтъ, не приводилось. Я вѣдь съ барами компаніи не вожу. И посольскихъ избѣгаю. Кое-кого изъ художниковъ знаю...

и заѣзжіе бываютъ молодые магистранты... Такъ вы съ ними близки?

— Къ обоимъ, и къ отцу, и къ сыну, я очень, какъ бы это сказать... привязался, если хотите. Князя я, болѣе двухъ лѣтъ тому назадъ, вырвалъ изъ его прежней обстановки, и если не могъ дать ему другую натуру, то все-таки подправилъ его значительно. Сынъ его—способный, симпатичный малый—чистая душа, но мистикъ, рискующій потерять душевное равновѣсіе. Оба они живутъ въ Римѣ съ осени. Отецъ, кажется, подпадаетъ подъ обаяніе идей сына, хотя прежняя религіозная жилка въ немъ давно перешла въ нѣчто совсѣмъ другое. Но кто знаетъ! Въ здѣшнемъ воздухѣ старыя дрожжи могутъ снова забродить. Я съ ними еще путѣмъ не видался. Не знаю—что я найду въ томъ и другомъ. Можетъ быть, попаду въ самый психологическій моментъ...

— Ахъ, голубчикъ, зачѣмъ вы себя опять впрягаете добровольно въ лямку?—вскричалъ Екунинъ.—Оставьте вы, ради Создателя, всѣхъ вашихъ кандидатовъ въ желтый домъ! Вѣдь сейчасъ же увѣрили, что хотите сбросить съ себя древняго-то человѣка, какъ въ писаніи говорится.

— Не бойтесь за меня, Степанъ Андреяновичъ. Римъ я выбралъ не потому только, что здѣсь мои Елатомскіе. Къ вамъ я сильно стремился. Но я ихъ не могу же игнорировать, разъ я здѣсь? А если что-нибудь окажется несовсѣмъ ладное, то кому же, какъ не мнѣ, и ставить ихъ опять на болѣе прочные рельсы?

— Ваше дѣло, милый мой, ваше дѣло.

Екунинъ всталъ и мелкими, еще бойкими шажками отошелъ къ двери въ маленькую спальню.

— Вы мнѣ позволите облачиться... Мы можемъ продолжать разговоръ.

— Пожалуйста, Степанъ Андреяновичъ, не стѣсняйтесь.

Мѣдникову стало сейчасъ же легче говорить о себѣ, о томъ, съ чѣмъ онъ пріѣхалъ въ Римъ, какъ только старикъ перешелъ въ спальню, гдѣ началъ очень аккуратно и неторопливо одѣваться.

— Да,—продолжалъ Мѣдниковъ такимъ тономъ, точно онъ думалъ вслухъ.—Восчувствовалъ я живую потребность въ бесѣдахъ съ вами, Степанъ Андреяновичъ. Вы мой бывшій руководитель, подъ вашей мыслительной сѣнью складывалось мое міропониманіе.

— Спасибо, спасибо за память!—раздался изъ спальни возбужденный, высокій голосъ отставного профессора.

— Но я не скрою отъ васъ, что самого-то себя я на прежнихъ моихъ рельсахъ—какъ я сейчасъ выразился—чувствую уже не такъ, какъ прежде.

— Это почему же?

Голова старика выглянула изъ двери.

— Ужели позывать стало къ Ватикану? Ха, ха! Ну, это врядъ ли!..

— Къ Ватикану! Нѣтъ, — протянулъ Мѣдниковъ. — Не въ ту сторону. Но какое-то недомоганіе, идущее, быть можетъ, отъ того, что слишкомъ я возился и возжусь все съ людьми, съ ихъ болѣзнями нервами, ненормальнымъ мозгомъ, съ ихъ аффектами, страстишками и маніями.

— Конечно, конечно! — отозвался также возбужденно Ежунинъ. — Ваша профессія—убійственная! Я часто объ этомъ думалъ. Не мудрено...

— И уму за разумъ зайти!—веселѣе договорилъ Мѣдниковъ и прошелся по комнатѣ: —и, какъ знаменитый докторъ Крупповъ у Герцена, придти къ тому выводу, что всѣ люди—сумасшедшіе.

— Ха, ха! А развѣ Ломброзо, — спросилъ Ежунинъ, уже одѣтый, —немножко не въ этомъ родѣ? У него геній—безуміе, а всякій, у кого уши безобразныя—кандидатъ на каторгу или на плаху.

— Нѣтъ, Степанъ Андреевичъ, такого пунетика я въ себѣ —благодареніе богамъ!—не замѣчаю. Видно, критическій періодъ насталъ... не для однихъ мозговъ, а для всего я, для всей души; какъ это у женщинъ бываетъ послѣ того, какъ перевалить за сорокъ—вотъ такъ же и со мною. Но объ этомъ рѣчь впереди. А то я буду въ родѣ тѣхъ обывателей, которые встрѣтятъ пріятеля—годами не видались—и сейчасъ подавай имъ консультацію, благо ты врачъ!

— Весь, весь къ вашимъ услугамъ. И вообще, и въ эту минуту, дорогой Илья Федоровичъ!.. Я готовъ. Нынче какъ? Очень тепло?

— Какъ у насъ въ маѣ. Мнѣ въ лѣтнемъ пальто было хорошо.

— Да, но послѣ трехъ засвѣжѣть, особенно тамъ, въ низинѣ. Вы очень-то римскому климату не довѣряйтесь, милый мой. Эта зима особенно выдалась мягкой. Но климатъ довольно предательскій. И вопросъ верхняго платья здѣсь капитальный. Я цѣлую зиму маялся, никогда не потрафляя, что надѣть. И инфлуэнцу схватилъ. Да и теперь, слышно, она хозяйничаетъ

здѣсь. Надѣнемъ нѣчто среднее. Вы не смѣйтесь надо мной. Вотъ я заслуженный профессоръ—въ „пифферары“ записался!

Въ шкафу, стоявшемъ около двери въ спальню, Екунинъ досталъ короткую мантилью, съ мѣшкомъ, изъ плотнаго драпа, и накиннулъ на плечи. Ермолеу онъ замѣнилъ шляпой.

— Andiamo! До Piazza Colonna добрыхъ минутъ двадцать. Попадемъ въ мой трактирчикъ къ самому адмиральскому часу.

По лѣстницѣ старикъ спускался очень быстро, и Мѣдниковъ еще разъ подивился его юркости. Въ короткой мантильѣ, какія носятъ почтальоны и берсальеры, онъ сзади смотрѣлъ бы совсѣмъ молодымъ, еслибъ не ободокъ сѣдыхъ, какъ лунъ, волосъ.

— Пройдемте здѣсь,—пригласилъ онъ Мѣдникова,—налѣво.

Они вышли на Капитолійскую площадь, въ эту минуту уже очень оживленную. Много экипажей выстроилось въ рядъ, передъ лѣвымъ корпусомъ, гдѣ Мѣдниковъ когда-то ходилъ по заламъ музея.

— Все ищущія матримонія, — указалъ Екунинъ въ ту сторону. — Тутъ вѣдь совершаются въ мѣриі гражданскіе браки, въ утренніе часы... вонъ тотъ подъѣздъ. И всегда толпа зѣваекъ смотритъ на этихъ...

— Безумцевъ! — подсказалъ Мѣдниковъ.

Конная статуя императора Марка Аврелія высилась передъ ними, въ нѣсколькихъ саженихъ, съ огромнымъ крупомъ лошади, съ правой рукой, протянутой въ воздухъ, и съ курчавой открытой головой.

— Точно нашъ приволжскій мужичокъ, — указалъ Екунинъ, когда они, обогнувъ памятникъ, подошли уже къ среднему спуску, съ плоскими ступеньками, и обернулись назадъ. — Голова-то, ни дать, ни взять, знакомый мнѣ сельскій староста, подъ Нижнимъ. И курчавость, и очертанія черепа, и выраженіе лица, и даже какъ сидитъ на лошади, безъ стремянъ, по-мушкетерски.

— Лошадей не мастера были лѣпить древніе, — замѣтилъ Мѣдниковъ. — Посмотрите, что это за шея и голова. А тѣ двѣ лошади... у Диоскуровъ? Онѣ, по сравненію съ ростомъ человѣческихъ фигуръ въ родѣ собакъ.

— Вѣрно. И пріятно мнѣ видѣть, что вы не такъ, какъ наши пріѣзжіе россияне. Какъ только ввалился въ Римъ, такъ и началъ: или все ругательски ругать, или облизываться и восторгаться до безобразія.

— Цезарь — философъ, а лицо не мыслителя. На обманутаго мужа, правда, похожъ. Слишкомъ много простоты и довѣрчи-

вості во всемъ его существѣ, — съ тихой усмѣшкой вымолвилъ Мѣдниковъ.

— Мыслить онъ по-своему умѣлъ, дружище, и философіи, какъ онъ ее понималъ, воздавалъ самый искренній культъ. Но зашибленъ былъ тѣмъ же, какъ и всѣ стояки. Для нихъ все неизмѣнно въ мірѣ, все повторяется и обречено на гибель. До идеи эволюціи, безконечнаго развитія они не додумались! Оттого они пѣли въ униссонъ съ аскетами первыхъ вѣковъ христіанства. Все тлѣнь! Все прахъ! Въ этомъ ихъ философская ограниченность. Но, зато, какая вѣра въ величіе мышленія, какое отрѣшеніе отъ дрязгъ и суеты, не мертвенное, изувѣрское, а жизненное, гуманное! Этимъ они почти предвосхитили міропониманіе тѣхъ, кто теперь, по прошествіи полуторы тысячи лѣтъ, не можетъ удовлетворяться сведеніемъ всего на свой человѣческій аршинъ, точно будто вся вселенная создавалась и создается только для тѣхъ двуногихъ, которыя бродятъ по растительной плесени на планетѣ, какихъ не перечесть въ міровыхъ пространствахъ!

Мѣдниковъ сталъ слушать старика, точно молодой студентъ въ аудиторіи. То, что у его бывшаго профессора вылилось, въ эту минуту, въ видѣ импровизаціи — въ такой чудесной обстановкѣ, на самомъ Капитоліѣ, передъ статуей цезаря-философа — сразу звучнымъ аккордомъ возбудило въ немъ сочувственный откликъ. Особенно послѣднія слова отвѣчали, точно по уговору, на его новую потребность въ болѣе широкомъ *spedo*.

— Этотъ нижегородскій мужичокъ, — говорилъ Екунинъ, — одинъ не сливался съ той вакханаліей, какую справлялъ Римъ. Наивный чудакъ! Простофиля! Смѣхотворный фанатикъ долга! Годами служилъ государству, воюя съ разными сектами на окраинахъ, болѣлъ, мокъ, мерзнулъ... и вносилъ въ памятную книжечку свои мысли. А супружница въ это время прожигала жизнь и срамила его и какъ мужа, и какъ цезаря!

— Простофиля! — вырвалось съ горечью у Мѣдникова. — Рогоносецъ!

— Эхъ, голубчикъ! Онъ вѣрилъ въ то, что все пройдетъ и не оставитъ послѣ себя даже праха. Не пройдетъ только святая философія. Все — тлѣнь! Велика только способность ничтожнаго человѣка постигать судьбы вселенной.

— *Wünschen die Herrschaften einen Führer?* — раздалось отъ нихъ вправо, и гдѣ, въ котелѣ и короткомъ пиджакѣ, по лицу и акценту скорѣе итальянецъ — подошелъ къ нимъ.

— *Danke! Danke!* — отдѣлся отъ него Екунинъ и отвелъ

Мѣдникова вѣво.—Нынче по-французски уже не пристають, а непременно по-нѣмцки. Нѣмцы совсѣмъ засидѣли вѣчный городъ. Потомки Катоновъ и Муціевъ отдають себя въ добровольное обученіе берлинскихъ и франкфуртскихъ бюргеровъ И это не плохо, съ одной стороны.

— Мнѣ показалось, что онъ итальянецъ, ломающій по-нѣмцки,—замѣтилъ Мѣдниковъ.

— Очень можетъ статься. Оттуда, изъ Гетто, гдѣ племя авраамово до сихъ поръ гнѣздится. Имъ легче мараковать по-нѣмцки... По какому спуску хотите сойти: по среднему или по тому вонъ, гдѣ въ клѣткѣ волеъ съ волчицей?.. По крытой аллеѣ? Или вотъ налѣво возьмемъ, по боковому спуску... Онъ—самый легкій для ногъ. Да, кстати, и площадь подъ рукой, передъ нѣмецкимъ, какъ разъ, посольствомъ—Palazzo Caffarelli. До завтрака закусимъ однимъ изъ милыхъ видовъ на ту часть города.

Они вошли въ ворота палаццо и постояли на площадкѣ, у каменныхъ глухихъ перилъ.

Опять на Мѣдникова нашло мягкое душевное настроеніе. Въ прозрачную дымку окутана масса черепичныхъ крышъ, куполовъ, колоколенъ. Общій розоватый колеръ лежалъ на всемъ. Картина не дышала большимъ просторомъ; но въ самой скученности строеній было что-то не каменное, не суровое, а трепетное и радостное.

Надо всѣмъ, точно въ небѣ, повисъ бѣлый куполъ св. Петра. Мѣдниковъ тотчасъ же призналъ его.

— Хороши у васъ глаза, Илья Ѳеодоровичъ? — окликнулъ его Екунинъ и, сложивъ въ трубеу лѣвую руку, сталъ смотрѣть туда же.—Я, какъ старичина, долженъ былъ бы страдать дальноркостью. Анъ-нѣтъ! Плохъ становлюсь и по этой части. Видите вы—влѣво отъ Петра, на высотахъ, гдѣ теперь прогулка и аллея идетъ отъ фонтана „Aqua Paula“, чернѣется въ воздухѣ нѣчто?

— Какъ будто различаю...

— Это памятникъ генералу!..

— Какому генералу?

— Единственному, батюшка! Народному герою девятнадцатаго вѣка—Джузеппе Гарибальди. Развѣ вы не видали его? Вѣдь вы не въ первый разъ сюда заѣзжаете?

— Сколько помню, Иванъ Андреяновичъ, тогда памятника не было.

— Очень можетъ быть. Прекрасный памятникъ, другъ мой,

не въ примѣръ многимъ новѣйшимъ. Довольно-таки они намъ всѣмъ, кто много ѣздилъ по Италіи, оскормину набили статуями генерала. Нѣтъ такой дыры, гдѣ бы онъ не красовался: то пѣшій, то просто въ рубашкѣ, то въ пладѣ, то въ плащѣ, на конѣ. И эта конная статуя—въ шапочкѣ и плащѣ. Но, по моему, превосходная. Вотъ когда вы туда пойдете или поѣдете, оглядите ее со всѣхъ сторонъ. Стоитъ! Положеніе выбрано самое видное. Царить надъ всѣмъ Римомъ! Но этого мало... распрекшное мѣсто для черной братіи. Хе, хе! Генералъ съ высоты своего пьедестала смотритъ прямо туда, влѣво, на куполъ Петра и ту вселенскую вотчинную усадьбу, что зовется Ватиканомъ. Точно живой, говоритъ онъ, глядя на тѣ двѣ твердыни: „Что взяли? Вотъ я здѣсь! И меня отсюда ужъ вы не сдвинете“.

— Будто никогда?—замѣтилъ Мѣдниковъ.

— Я, дружище, не ясновидящій и не пророкъ. Но смѣю предсказать, что на моемъ вѣку этого не случится. Да и вы врядъ ли это увидите. Символическій памятникъ—какъ, быть можетъ, ни одно изъ древнихъ изваяній и сооружений Рима! Торжество идей, съ какимъ нашъ вѣкъ перейдетъ въ вѣчность. Это несомнѣнно! И какъ бы теперь ни жутко чувствовали себя итальянскіе патріоты—моментъ былъ увѣковѣченъ. Генералъ сидитъ на своемъ боевомъ конѣ, и всѣ, кто чтитъ его память—повторяютъ то, что и онъ говорилъ бы, еслибъ ожилъ: „Нѣтъ, дудки, мы вамъ опять вѣчнаго города не отдадимъ“. Да и нельзя. Я чужаекъ, но россиянинъ, стало—общечеловѣкъ, по теоріи нашихъ народолюбцевъ-мистиковъ—и когда туда взберусь и стану у подножія памятника,—меня разбираетъ задоръ, точно я красную гарибальдійку въ юности нашивалъ, и я чуть не вслухъ повторяю: „Шалите, мы вамъ назадъ не отдадимъ такого города, ни за что на свѣтѣ“!

Все это сангвиничный старикъ, раскраснѣвшись, говорилъ съ большими жестами, спускаясь по сѣзду, который идетъ къ подножію капитолійской лѣстницы, и Мѣдниковъ любовался имъ. Онъ не помнилъ, чтобы и прежде, двадцать лѣтъ назадъ, Ежунинъ такъ одушевлялся, на лекціяхъ или у себя, въ застольныхъ бесѣдахъ. Римъ точно вливалъ въ него чуть не юношеское одушевленіе.

— Съ такимъ чувствомъ,—замѣтилъ онъ,—вамъ, Степанъ Андреяновичъ, здѣсь много лучше живется, чѣмъ жилось бы дома.

— Пожалуй, дорогой мой! Мнѣ этотъ городъ полюбился, въ особенности тѣмъ, что въ немъ старый и новый духъ человечества такъ противостоятъ одинъ другому, какъ нигдѣ и никогда

не было, ни въ древнемъ мірѣ, ни въ средневѣковье, ни здѣсь, до того дня, когда войско Виктора Эммануила произвело брешь около Porta Pia и вошло въ стѣны Рима.

И онъ остановился на троттуарѣ—они были уже внизу—и жестомъ показывалъ, какъ старый и новый духъ вѣютъ здѣсь съ двухъ сторонъ, не желая уступить одинъ другому.

Совсѣмъ внизу Екунинъ показалъ Мѣдникову на лѣстницу къ древнему, лишенному всякой отдѣлки, фасаду церкви Ага Соелі и воскликнулъ:

— И туда проникнетъ арійскій духъ, и памятникъ себѣ воздвигнетъ... нерукотворный!..

Они взяли одинъ другого подъ руку, и Екунинъ повелъ его боковой, невзрачной улочкой, у подножія монументальнаго сооруженія въ память короля-объединителя—а черезъ нѣсколько минутъ они очутились какъ разъ у той полуобрушенной арки, откуда Мѣдниковъ сталъ, часъ назадъ, подниматься къ форуму. Было уже очень шумно и людно. Ъхала возы, трусили вьючные ослики, извозчики коляски сновали вправо и влево, разносчики кричали на разные напѣвы.

Противъ средневѣковой тяжелой глыбы венеціанскаго палаццо, Екунинъ попридержалъ своего спутника, не доходя до того перекрестка, гдѣ трамваи и omnibusы скучиваются вблизи Корсо.

— Вотъ новѣйшій пупъ Рима!..—заговорилъ Екунинъ, проведя рукой по воздуху.—И я вамъ прямо скажу, Илья Ѳеодоровичъ, мнѣ теперешній Римъ—Римъ итальянцевъ—кажется въ десять разъ интереснѣе прежняго—чисто папскаго. Былъ я здѣсь еще въ пятьдесятъ-восьмомъ году. Не вѣрите вы, пожалуйста, батюшка мой, тѣмъ туристамъ и умникамъ, которые фыркаютъ на все, что не пахнетъ прежнимъ Римомъ. Не вѣрите! И живописность та же, кромѣ развѣ нѣкоторыхъ церемоній, кардинальскихъ парадныхъ каретъ и папскихъ кортежей по городу. Зато сколько невиданныхъ прежде элементовъ духовной жизни! Не то что уже политической, соціальной, литературной, ученой—а *духовной* въ самомъ узкомъ, профессиональномъ смыслѣ. Никогда Римъ, вплоть до конца жизни Піа IX, не былъ такъ полонъ борьбы за вселенское владычество римской курии, какъ именно теперь... вотъ въ эти десять-пятнадцать лѣтъ. Вы увидите сами, если поинтересуетесь этой стороной теперешняго Рима; а она—одна изъ наиболѣе характерныхъ. Но не единственная! И никогда этотъ Римъ, про который кричатъ, что онъ обнищалъ и профершипилился, не привлекалъ такъ иностранцевъ, какъ теперь. Зимой здѣшній *космополисъ*... какъ нынче по-мод-

ному говорятъ, самый блестящій и разноязычный, даже и послѣ парижскаго.

Они уже шли по тѣневой сторонѣ Корсо. Улица была—объ эту пору дня—еще совсѣмъ не людная. Даже пѣшеходы не мѣшали имъ разговаривать, идя по узкому троттуару.

— А вотъ и пришли!—крикнулъ Екунинъ.—Тотчасъ за магазинами „Fratelli Vossopi“—въ углубленіи площадки—мой флорентинскій кабачокъ, гдѣ мы и начнемъ обязательно съ ризотто.

II.

Часовъ около трехъ того же дня, къ окошечку воротъ на виллу Боргезе подошелъ князь Иванъ Романовичъ Елатомскій и купилъ входный билетъ за двадцать пять сантимовъ. Онъ гулялъ тутъ почти каждый день и уже запомнилъ, что есть дорогіе и дешевые дни, со входомъ въ пять и только въ два су.

И всякій разъ эта плата—прежде не существовавшая—относила князя Ивана къ годамъ отрочества, проведеннымъ въ Римѣ. Ему всегда представлялся онъ самъ—хорошенькій, худенькій подростокъ, на котораго засматривались всѣ женщины—въ куртѣ и бѣломъ тугомъ воротникѣ вокругъ шеи, на аглицкій ладъ, такомъ, какъ у чистаго британскаго „master’a“, и въ высокой шляпѣ. Рядомъ съ нимъ выступаетъ степенной походкой его дядька—„le menin“—полудуховный, въ длинномъ сюртугѣ, какіе носятъ церковные служители—въ башмакахъ съ пряжками и въ плюшевой шляпѣ съ широкими полями. Онъ былъ полу-французъ, полу-испанецъ и родился въ Италіи.

Тому минуло уже слишкомъ тридцать лѣтъ. И эти самые Боргезе были тогда богачи; а теперь вотъ вошли въ соглашеніе съ городомъ и взимаютъ плату за прогулку въ своемъ паркѣ, гдѣ, бывало, каждый оборванецъ считалъ себя хозяиномъ, да и до сихъ поръ смотритъ какъ на *свою* собственность: на парки, и церкви, и княжескіе палаццо, и Ватиканъ, и развалины... на все, куда можно проникнуть съ улицы.

Князь былъ одѣтъ по осеннему, въ длинномъ темно-коричневомъ пальто, безъ талии, и въ сѣрой шляпѣ; но уже безъ той молодящейся изысканности, какъ слишкомъ два года назадъ. И усы его смотрѣли не такъ молодцовато. Онъ ихъ не фабрилъ, и сѣдина давно пробивалась въ нихъ. Въ лицѣ онъ пополнѣлъ, и кожа стала темнѣе. Глаза не такъ уходили въ

орбиты, и взглядъ ихъ не имѣлъ прежней тревожности и такъ внезапно не загорался.

Шелъ онъ довольно бодро. Отъ боли въ ногахъ оставалось у него изрѣдка появлявшееся нытье въ колѣнѣ. Отъ этого онъ ступалъ правой ногой гораздо осторожнѣе, чѣмъ лѣвой.

По открытой дорогѣ, по срединѣ двухъ лужаекъ, въ ровномъ свѣтѣ нежаркаго зимняго солнца, онъ спускался внизъ, оглядывая, вправо и влево, купы зонтичныхъ пиній, какъ ему сдавалось, порѣдѣлыхъ со временъ его юности. Налѣво эти купы были гуще, и туда—къ виллѣ Медичи. Видъ пиній всегда настраивалъ князя Ивана къ тихой радости.

Наканунѣ, подѣ вечеръ, онъ былъ обрадованъ депешей о прїѣздѣ Мѣдниковъ, котораго ждалъ больше недѣли и — какъ онъ надѣялся—на всю зимовку. Сегодня утромъ профессоръ забѣжалъ къ нему на минутку, и они согласились встрѣтиться на виллѣ Боргезе около фермы, гдѣ князь будетъ часа въ три пить молоко.

Не видались они больше года. Частой переписки между ними не было; но Мѣдниковъ не забывалъ его: разъ въ мѣсяцъ, много въ два мѣсяца — справлялся о его здоровьѣ, просилъ писать ему подробно обо всемъ, очень интересовался и младшимъ сыномъ князя. Ему про нихъ обоихъ гораздо больше извѣстно, чѣмъ князю про своего „врача и друга“, какъ онъ теперь привыкъ называть Илью Федоровича.

Князь зналъ, что Мѣдниковъ женился, года полтора назадъ, и что бракъ этотъ весьма скоро оказался несчастнымъ. Но жены его онъ не видалъ, потому что больше года не бывалъ ни въ Москвѣ, ни въ Петербургѣ, и за границей живетъ уже около года.

Сегодня утромъ онъ успѣлъ замѣтить, что Мѣдниковъ сильно измѣнился. Тотъ пожаловался ему слегка и на здоровье. О себѣ онъ не успѣлъ ничего сказать, торопился опять на вокзалъ, гдѣ у него случилась какая-то путаница съ багажемъ.

Пройдясь внизъ почти до того мѣста, гдѣ стоятъ пропилен въ египетскомъ стилѣ, князь повстрѣчалъ всего одинъ экипажъ и нѣсколько молодыхъ людей въ дорожныхъ костюмахъ — по всѣмъ признакамъ нѣмцевъ. Мимо него проходилъ открытый вагончикъ узкоколейной конки, поднимавшійся снизу, отъ главныхъ воротъ, около Porta del Popolo.

Къ фермѣ онъ вернулся немного въ обходъ и болѣе скорымъ шагомъ, боясь, что Мѣдниковъ его ждетъ и врядъ ли сразу догадается: которое изъ строеній, разбросанныхъ по парку—

ферма, хотя онъ и подробно объяснялъ ему, какъ пройти къ ней, и сверху, и снизу.

Пришелъ онъ раньше Мѣдникова и сѣлъ подь дерево, у одного изъ довольно неопрятныхъ столиковъ. Сейчасъ же выбѣжалъ къ нему служитель, низко поклонился, сдѣлалъ даже ручкой, исчезъ и появился со стаканомъ молока, который принесъ безъ подноса.

Князь любилъ балагурить съ нимъ, употребляя разныя слова и поговорки настоящаго „gomanesco“, т.-е. трансевтеринскаго нарѣчія, что того приводило въ изумленіе. Онъ уже зналъ, что „esselenza“ — русскій.

И на этотъ разъ онъ пожелалъ-было вступить съ княземъ въ разговоръ; но его тутъ же обликнули двѣ дамы-англичанки, и онъ долженъ былъ заняться ими.

Поджидая Мѣдникова, князь вынулъ изъ бокового кармана пальто листокъ газеты и, сбросивъ свой монокль—онъ все еще носилъ его,—началъ читать первую статью. Газета была „Avanti“. Онъ ее только-что купилъ на улицѣ.

Минуты черезъ три, поднявъ голову отъ газеты, онъ издали запримѣтилъ рослую фигуру Ильи Ѳедоровича, шедшаго снизу отъ Piazza del Popolo. Князь всталъ, снялъ шляпу и замахалъ ею. Мѣдниковъ тоже обнажилъ голову, издали кивая ему, и прибавилъ шагъ.

— Сюда, сюда, Илья Ѳедоровичъ! Идите прямо по газону! — крикнулъ князь и тотчасъ же придвинулъ другой стулъ.

— Молочный режимъ? — спросилъ Мѣдниковъ, съ рукопожатіемъ.—Превосходно... Между обѣдомъ и завтракомъ... И въ такой обстановкѣ.

Князя онъ обглядывалъ такъ же ласково, какъ и своего стараго наставника, но съ особымъ отгѣнкомъ заботы.

Самъ онъ отъ молока отказался, а только присѣлъ къ столу, противъ князя, чтобы удобнѣе было разговаривать.

— Благодать!—вырвалось у него.—И чудесный какой здѣсь пейзажъ! Однѣ эти сосны чего стоятъ! Только вотъ чтѣ, Иванъ Романовичъ,—онъ давно уже привыкъ такъ звать князя,—извините за приставаніе: эта самая прославленная вилла Боргезе—сколько я читалъ и слыхалъ отъ бывалыхъ людей — лихорадку можетъ дать.

— Нѣтъ, другъ мой, бояться нечего! Во-первыхъ, у меня не лихорадочная натура, а во-вторыхъ, прежнихъ мѣзмовъ уже нѣтъ. Какъ я ни тоскую иногда о старомъ Римѣ, но долженъ сознаться, что теперь вся эта мѣстность стала неузнаваема.

— Въ смыслѣ оздоровленія?

— Именно! Я сюда хожу почти ежедневно, и до сихъ поръ ничего не чувствую подозрительнаго. Но обо мнѣ рѣчь впереди. Дайте на себя посмотреть... Я вашимъ видомъ недоволенъ, Илья Оедоровичъ.

— Вы мнѣ это уже говорили.

— Мы васъ здѣсь скоро выкупаемъ... какъ это одинъ славянофилъ писалъ—въ банѣ... паки... паки?...

Слово не давалось князю.

— „Въ банѣ пакибытія“?—подсказалъ Мѣдниковъ.

— Да, да! Какой варварскій переводъ! Не правда ли? Мнѣ сынъ указалъ недавно на греческій текстъ въ посланіи апостола Павла. Но звучить это все-таки красиво: *пакибытіе*!.. Поживите съ нами подольше... Роли наши перемѣнились. *Ou à peu près!* Я былъ такъ тронутъ, мой другъ, однимъ изъ вашихъ писемъ, гдѣ вы говорили, что я—единственный человѣкъ, которому вамъ легко было бы излиться.

— Какъ-то это мнѣ—не къ лицу, Иванъ Романовичъ,—выговаривалъ Мѣдниковъ, точно немного застыдившись.

— Ваши сердечныя раны не буду тревожить, Илья Оедоровичъ, если это хоть сколько-нибудь тяжело вамъ. Но столько вопросовъ тѣснится у меня на душѣ и на языкѣ! Вѣдь мы больше года не видались. Вы мой врачъ—въ самомъ обширномъ смыслѣ. Врачъ тѣла и души. Вамъ я обязанъ, прежде всего, своей теперешней свободой.

Князь взялъ руку Мѣдникова сбоку и крѣпко пожалъ ее.

— Дѣлалъ, что могъ, Иванъ Романовичъ. Всей душой желалъ создать для васъ совсѣмъ новую жизнь.

— Это не было въ вашей власти. Довольно и того, что вы—и никто другой—освободили меня отъ самаго постыднаго наважденія—отъ малодушной трусости передъ концомъ жизни. И теперь я... съ тѣмъ же апостоломъ—*pardon* за эти цитаты—могу воскликнуть: „смерть, гдѣ твое жало“?! Приди она сейчасъ—милости просимъ.

— Зачѣмъ же ее звать?

— Вы думаете, ха, ха, что я, какъ дровосѣкъ, въ баснѣ Эзопа, попрошу ее взвалить мнѣ на плечи вязанку дровъ? Нѣтъ! Буду жить, пока не умерла душа... только не для себя. На это я теперь рѣшительно неспособенъ. И я несказанно счастливъ—не тѣмъ, конечно, что вы, мой другъ и врачъ, пострадали въ вашей интимной жизни, а тѣмъ, если я могу, хоть чуточку, уврачевать ваши раны.

— Крестъ надо поставить на томъ, что было, Иванъ Романовичъ,—сказалъ Мѣдниковъ, сидя у столика, съ опущенной головой, въ характерной, чистой-русской позѣ.—Ломоть отрѣзаны и даже стѣденъ. И во всемъ виноватъ я одинъ!

— Почему же вы, если вы имѣли несчастье полюбить женщину, недостойную васъ?

— Эхъ, ваше сіятельство! Всѣ мы, или почти всѣ, и ловимся на такихъ-то вотъ недостойныхъ женщинахъ. Онѣ въ насъ и вызываютъ страсть. А не тѣ, кто дѣйствительно былъ бы достоинъ не насъ... зачѣмъ такъ, князь!.. а идеи честнаго брака. Та же исторія повторилась со мною. Развѣ я не зналъ прошлаго моей пациентки? Прекрасно зналъ. Но, быть можетъ, это-то сильнѣе и привлекало меня. А потомъ разумъ уступилъ мѣсто болѣе чувственной иннервации. Когда стукнетъ за-сорокъ и вы не испытаете еще хорошаго взаимнаго чувства, является и жалкая сентиментальная тревога... и фатовство. Тогда всякой прожженной бабенкѣ ничего не стоитъ разыграть комедію пылкой страсти. На этомъ ловится восемь мужчинъ на десять!

— Допускаю,—вымолвилъ князь съ легкимъ вздохомъ.

— Разумъ отшибеть, а простой расудокъ уже не дѣйствуетъ! Какъ будто трудно разглядѣть—чего такой госпожѣ нужно?—А разглядѣли—вы уже облиты помоями! Хорошо, если хватитъ силы рѣзнуть, когда самый позоръ слишкомъ явенъ и разразится черезчуръ быстро. Иначе вѣдь съ нимъ можно сжиться. Примѣры кишать.

Князь кивнулъ многозначительно головой.

— И опять-таки,—продолжалъ болѣе нервно Мѣдниковъ,—какъ врачъ, я виню себя безусловно.

— Почему же, другъ мой?

— А потому, что изъ своей же пациентки, изъ клиническаго субъекта—я создалъ себѣ предметъ... любви, и въ возрастѣ, когда надо бы покончить съ эротизмомъ и даже съ идеалистическими увлеченіями.

— Развѣ мы въ силахъ бороться съ тѣмъ, что фатально?

— Полноте, Иванъ Романовичъ! Нашему брату—работнику науки—не пристало оправдывать себя теоріей метафизика Шопенгауэра.

— Онъ былъ, однако—„nicht auf den Kopf gefallen“?!

— Это при немъ и останется! Лучше ужъ брать у него то, что онъ сказалъ вѣрнаго и безошибочнаго вообще о женщинахъ. Но „локти кусать“, когда поймался—по крайней мѣрѣ смѣшновато.

— Вы слишком суровы къ самому себѣ, Илья Ѳеодоровичъ.

— Нисколько. Для меня истеричка есть истеричка. Я обязанъ знать—на что каждая изъ нихъ способна. И прежде всего на ложь, на самую виртуозную ложь, о которой мужчинѣ и не мечтать, если онъ даже рожденъ Хлестаковымъ. Потомъ... самолюбленность и патологическій эротизмъ. А тутъ является какая-то гадливая, глупая вѣра въ то, что это все—позади, что душа освободится отъ своихъ физическихъ тенетъ, особливо когда вы—мнимый предметъ ея обожанія. Вотъ въ чемъ моя положительная вина, Иванъ Романовичъ. Когда-то я и съ вами некрасиво поступилъ, какъ съ своимъ пациентомъ... въ чемъ вы меня съ истиннымъ великодушіемъ простили. Если есть возмездіе, въ родѣ древняго рока, о которомъ мы съ вами любили бесѣдовать, то оно постигло и меня.

Онъ замолкъ. Ноты горечи прорвались сильно въ концѣ его рѣчи.

Вокругъ рта у князя дрогнули нервныя струйки. Онъ положилъ ладонь своей красивой руки на локоть Мѣдниковъ и взглянулъ ему въ лицо.

— „Что прошло...

— ...То будетъ мило!“ Я знаю ваше любимое изреченіе!— вскричалъ Мѣдниковъ и поднялъ голову.

— Такіе люди, какъ вы—не должны погибать отъ женщины. У васъ впереди еще цѣлая жизнь... каеэдра, наука, практика...

— Эхъ!

Мѣдниковъ махнулъ рукой.

— То, что я способенъ на это сказать—покажется вамъ непростительнымъ малодушіемъ или даже отступничествомъ. Вы знаете отчасти, по моимъ письмамъ, что я слегъ. Но разстройство было не одно физическое. На меня напало почти отвращеніе къ моей профессіи, къ моему спеціальному ремеслу...

— Ah, bah?!—вырвалось у князя, и онъ откинулся на спинку стула.

— Я иначе не могу назвать... Двадцать лѣтъ возиться...

— Съ нашимъ братомъ—полубезумненькимъ! — подхватилъ весело князь Иванъ.

— И когда жизнь подсадитъ тебя, и ты, со всѣмъ твоимъ знаніемъ и опытомъ, увидишь во-очію, что и ты самъ поддался жалкому аффекту, что и ты игрушка шалой дури, съ потемнѣніемъ разума, того, что мы въ нашихъ пациентахъ менторски называемъ „абудіей“...

— Чѣмъ и я, грѣшный, такъ долго страдалъ, — добавилъ князь вполголоса.

— И я васъ увѣряю, что мой клиническій казусъ былъ хуже всѣхъ вашихъ неврастеническихъ недомоганій. Это повело за собою совсѣмъ неизвѣданное мною сомнѣніе въ самомъ себѣ, въ своихъ силахъ, въ тѣхъ устояхъ, за какіе держался и считалъ ихъ неизблемыми.

Говоря это, Мѣдниковъ сознавалъ, что эти изліянія могутъ его серьезно взволновать. У старика Екунина онъ воздержался отъ нихъ, не то изъ страха разстроить себя, не то изъ стыдливаго чувства. Но князь Иванъ былъ ему въ эту минуту особенно близокъ. Когда-то тотъ называлъ себя съ нимъ „братьями по оружію“. И ихъ, съ этой самой поры, связывалъ родъ товарищества. Ни передъ кѣмъ онъ не въ состояніи былъ такъ говорить о себѣ, какъ передъ этимъ бывшимъ пациентомъ, съ такимъ сложнымъ и долгимъ прошлымъ, гдѣ женщина явилась также толчкомъ и бродиломъ.

— Неужели и здоровье серьезно пошатнулось? — спросилъ князь съ тревогой въ голосѣ.

— Сердце стало шалить. Можетъ быть, и эндокардитъ разовьется. Нервы теперь еще туда-сюда. Дорогой схватилъ-было что-то въ родѣ инфлуэнцы.

— Мы все это наладимъ здѣсь въ Римѣ. Позвольте мнѣ, Илья Оедоровичъ, быть вашимъ лейбъ-медикомъ. Я знаю Римъ съ дѣтства. Надо особенно тренировать себя, чтобы его климатъ сдѣлался купелью „пакибытія“.

Мѣдниковъ взглянулъ на своего собесѣдника, и вдругъ сообразилъ, что вѣдь онъ ѣхалъ сюда—пожить съ княземъ Иваномъ и его меньшимъ сыномъ, готовясь къ роли если не врача, то руководителя на случай какихъ-нибудь новыхъ душевныхъ осложнений, если не въ отцѣ, то въ сынѣ, а можетъ быть и въ обоихъ вмѣстѣ.

Ему припомнился возгласъ Екунина, когда рѣчь зашла о Елатомскихъ.

Но въ князѣ Иванѣ Мѣдниковъ не замѣтилъ ничего тревожнаго. И ему захотѣлось тутъ же, чтобы дальше не втягивать себя въ горькія изліянія, разспросить князя про ихъ римское житье съ Борисомъ. Кое-что онъ уже зналъ по письмамъ; но въ нихъ, за послѣдніе мѣсяцы, князь былъ какъ-то сдержаннѣе; да и онъ самъ не могъ еще въ то время уйти въ жизнь самыхъ близкихъ къ нему людей.

— Не пройти ли намъ? — спросилъ онъ князя, поднимаясь.

Тотъ крикнулъ „ботэгу“, бросилъ на столѣи нѣсколько никелевыхъ монетокъ и повелъ Мѣдникова къ тому мѣсту парка, гдѣ находятся пруды и куда пускаютъ за особую плату. Они сошли къ озеру, гдѣ и въ жары столько влажной прохлады, и сѣли у воды, на мшистой скамѣ, недалеко отъ обломковъ красиваго портика, точно перенесеннаго съ форума въ сокращенныхъ размѣрахъ.

Кругомъ никого не было, кромѣ двухъ дѣвочекъ, съ ихъ боннами, по другую сторону озера. Сюда Мѣдниковъ—сколько помнится ему—не заглядывалъ въ первый свой прїѣздъ въ Римъ.

— Простите, Иванъ Романовичъ,—заговорилъ онъ другимъ тономъ,—я навелъ на васъ уныніе...

— Какъ не стыдно, мой другъ!..

— Гадости жизни дѣлаютъ себялюбцемъ. Мнѣ бы слѣдовало радоваться, глядя на то, какой вы теперь молодецъ. Мнѣ за васъ нечего ужъ бояться. Скорѣе—вамъ за меня.

Онъ зналъ, что князь—вотъ уже больше года—совершенно отдѣлилъ себя отъ остального семейства, предоставивъ княгинѣ часть состоянія, которымъ имѣлъ право распоряжаться, выдѣлилъ дочь и положилъ годовое содержаніе старшему сыну; за собою онъ удержалъ только свое заповѣдное имѣніе и половину доходовъ отдавалъ на то, что считалъ достойнымъ денежной поддержки. Дочь его уже за Скурловымъ. Сынъ—за границей, на службѣ; но, кажется, уже въ большихъ долгахъ. Боялся онъ за князя, и въ эту минуту, что княгиня не оставитъ его въ покоѣ. Съ нимъ самимъ у нея чуть не дошло до тяжбы, и еслибъ онъ не выдержалъ до конца своей позиціи—она бы не выпустила изъ своихъ рукъ мужа. Ему извѣстно было также, что она тайно прибѣгала и къ вмѣшательству разныхъ „сферъ“, чтобы овладѣть снова личностью князя.

Но чѣмъ наполняется его „état d'âme“, съ тѣхъ поръ, какъ онъ здѣсь, Мѣдниковъ вполне опредѣленно не знаетъ, кромѣ того, что отецъ уѣхалъ вслѣдъ за сыномъ, а не наоборотъ.

— Бояться за меня, слава Богу нечего,—сказалъ, послѣ паузы, князь Иванъ и закурилъ первую папиросу съ тѣхъ поръ, какъ пришелъ на виллу.—Но развѣ можно застраховать себя до конца дней живота своего? Отъ страха смерти вы меня освободили, Илья Ѳедоровичъ; но пересоздать не могли и не брались. Безъ какой-нибудь вибрирующей ячейки, тамъ гдѣ-то—въ мозгу или въ сердцѣ—я существовать не могу. Вы отчасти знаете, какая это ячейка. Меня сталъ все сильнѣе и сильнѣе привлекать вопросъ великой важности. Первый, по-моему, для

каждаго русскаго человѣка, — протянулъ онъ послѣднія два слова. — Нельзя дышать безъ свободы совѣсти, безъ терпимости! Это банально, это буки-азъ—ба; но закрѣпощеніе совѣсти еще значится на лицо. Страшные факты — также на лицо. Прежде я скользилъ по нимъ, какъ и всѣ мы, русскіе обыватели. Открылъ мнѣ глаза... сынъ мой.

— Борисъ Ивановичъ?

— Конечно, не тотъ—велосмѣнъ и клубмѣнъ. Я былъ, положимъ, немногимъ лучше въ его лѣта. Но онъ такимъ и останется до могилы... Да, Боря просвѣтилъ меня. Онъ воспылалъ, точно членъ первобытнаго братства, что рыли здѣшнія катакомбы. У него это—на чисто-мистической и вѣроисповѣдной почвѣ. Изъ меня, мистика, какъ вамъ извѣстно, не вышло, несмотря на фамиліи традиціи. Мы съ нимъ разныхъ толковъ. Лучше сказать, въ немъ—безусловная вѣра, а во мнѣ—сладъ разной разности... всего, только не того, что такъ согрѣваетъ моего сына...

— Во вкусѣ Алеши Карамазова? — тихо подсказалъ Мѣдниковъ.

— Нѣтъ. Совсѣмъ не тотъ отгѣнокъ. Тамъ—вериги и лампадное масло; а тутъ—стремленіе къ одной вселенской религіи.

— И что же... онъ развѣ присоединился?..

Мѣдниковъ поглядѣлъ на князя.

— Нѣтъ... не думаю. Онъ бы не скрылъ отъ меня.

— Дѣло это—рискованное у насъ... для каждаго, кто желаетъ сохранить свои права.

— Для всякаго другого, — возразилъ князь, — это могло бы и не повести ни къ какимъ непріятностямъ. Но Борисъ не таковъ. Разъ онъ чѣмъ проникнется, онъ будетъ ратовать за это всячески, и словомъ, и дѣломъ. И не за границей только, а у себя дома. Но я его не стѣсняю!—горячѣе выговорилъ князь и поднялъ высоко голову. — Въ основахъ нашего чувства мы съ нимъ глубоко едины. Оба ненавидимъ насилія надъ совѣстью, надъ тѣмъ, что у человѣка есть самаго святого и драгоцѣннаго — все равно, чему онъ вѣритъ, кто онъ: буддистъ, еврей, католикъ, анабаптистъ, или изувѣръ изъ какой-нибудь нашей акулиновщины! „Вотъ оно что!“ — подумалъ Мѣдниковъ съ нѣкоторой тревогой за своего бывшаго пациента.

Князь точно инстинктомъ понялъ его чувство.

— Вы, другъ мой, за меня не бойтесь. Рецидива мистики во мнѣ не будетъ. Здѣсь, въ Римѣ, менѣе, чѣмъ гдѣ-либо. Вы

читали, может быть, хороший романъ братьевъ Гонкуръ— „*Madame Gervaisais*“?

— Нѣтъ, не случилось. Но что-то помню, по разговорамъ съ однимъ пріятелемъ, большимъ любителемъ французскихъ натуралистовъ.

— Въ двухъ словахъ вотъ сюжетъ: молодая еще вдова, воспитанная отцомъ-ученымъ, свободнымъ мыслителемъ, пріѣзжаетъ въ Римъ съ болѣзненнымъ ребенкомъ, слабо развитымъ умственно, и незамѣтно поддается обаянію церковнаго Рима. И кончаетъ пылкимъ католицизмомъ. Психологія прослѣжена тонко, красиво; но умышленно. Я не допускаю, чтобы въ такой французскій произошла метаморфоза именно здѣсь, въ Римѣ. Всѣ умные французы, какіе только писали о Римѣ, начиная съ Рабле и Монтэни, и тогда, триста лѣтъ назадъ, и теперь находили и находятъ, что здѣсь-то истинная набожность и не найдете себѣ никакой пищи. Позвольте!..

Князь улыбнулся и повелъ бровью. Мѣдникову былъ хорошо знакомъ этотъ жестъ.

— Я вѣдь неисправимъ, Илья Ѳедоровичъ. У меня страсть въ выпискамъ. Съ книжечкой цитать я не расстаюсь. Здѣсь я завелъ особенное „*cahier*“ для мыслей и изреченій о Римѣ. И виопу въ него почти каждый день что-нибудь.

Онъ полѣзъ въ боковой карманъ своего пиджака и вынулъ книжечку въ темнокрасномъ сафьянѣ, съ золотымъ обрѣзомъ, прихваченную сбоку лентой изъ эластѣка—съ карандашомъ.

— Вотъ прислушайте. Вамъ, на первыхъ порахъ, будетъ не лишнее ознакомиться съ этими цитатами. Избавлю васъ отъ перечитыванія разнаго старья. Во-первыхъ, вотъ вамъ глубоко вѣрное замѣчаніе одной пѣмки и художницы, изъ кружка великаго веймарскаго олимпійца—Кауфманъ. Я нашелъ его въ французскомъ переводѣ: „*Si la foi se manifeste par la prière, ce n'est pas dans les grandes églises de Rome qu'il faut la chercher*“.

— Она была, быть можетъ, лютеранка?

— А героиня Гонкуровъ? Та была и совсѣмъ свободна отъ всякой традиціи. И эта Кауфманъ жила здѣсь многіе годы. Могла бы, какъ художница, сильнѣе суховатой французки, увлечься красотой культа, папской службой, пѣніемъ, *par tout l'apparat hiératique!* И то, что не одна она подмѣтила—то бросается въ глаза каждому свѣжему человѣку и теперь...

— Какъ же Борисъ Ивановичъ не замѣчаетъ этого?

— Навѣрно замѣчаетъ! Но для него это не доказательство. Онъ въ себѣ самомъ носить уже цѣлый... какъ это выразиться...

сосудъ милости Божіей. Я беру евангельское изреченіе всего болѣе къ нему подходящее. Для него Римъ—центръ вселенской церкви... понимаете, *вселенской*, — протянулъ князь и поднялъ вверхъ палецъ свободной руки. Для него все окрашено въ совершенно особый колоритъ. Но онъ не ослѣпленъ ничѣмъ, и чувство его, то-и-дѣло, коробить отъ разныхъ разностей, какія онъ здѣсь видитъ и слышитъ. Идея, какую онъ себѣ создалъ, парить... тамъ, превыше всего. Для него римская *вселенская сила* сливается съ міромъ красоты, которая для него равнозначна съ благомъ, съ божественной сущію бытія!

— Такъ и должно быть,—подумалъ вслухъ Мѣдниковъ.

— Въ этомъ я опять-таки его сторонникъ, — продолжалъ, еще болѣе оживляясь, князь Иванъ.—Въ Римѣ то, что въ васъ сохранилось въ душѣ — какъ бы это сказать... *la vibration du beau*... не такъ ли?—опять заиграетъ, затрепещетъ, и вы нигдѣ такъ не отрѣшаетесь отъ себя, отъ своей человѣческой матеріи, такъ не купаетесь въ соверпаніи всего, что человѣкъ сооружалъ изъ своей души... изъ своихъ мозговъ, сказали бы вы, Илья Ѳедоровичъ: — громадное зданіе миеовъ, вѣрованій, образовъ, чудесъ... *de la création symboliste!*—заключилъ онъ французской фразой, не найдя русскую.

Психіатръ слушалъ его съ возрастающимъ интересомъ. Онъ уже не боялся за князя, понималъ его теперешнее „*état d'âme*“, видѣлъ, что прежней душевной „простраціи“ не замѣтно и слѣда. Но за Бориса смущался.

— И примите мой совѣтъ, добрыйшій Илья Ѳедоровичъ. Захотите окунуться въ міръ красоты—не вдавайтесь въ нѣмецкую *Grübelelei*, не добивайтесь того, что именно въ такой-то статуѣ подлинно и что нѣтъ — носъ, лобъ, локоть, плечо, часть ноги. Берите самыя совершенныя вещи. И чтобы онѣ въ васъ вошли, и заново воспитали ваше чувство и пониманіе! Это и умныя нѣмцы, изъ самыхъ ученыхъ археологовъ, начинаютъ говорить. И вамъ теперь — послѣ такихъ испытаній—прогулки по Риму будутъ лучшимъ лекарствомъ. И я это испыталъ... вотъ, въ мои года, и въ городѣ, который зналъ съ дѣтства, какъ свой карманъ... Простите вашему неисправимому чудодѣю...

Онъ сталъ опять перелистывать книжку съ золотымъ обрѣзомъ.

— Не угодно ли нѣсколько мыслей? Всѣ взяты у самыхъ даровитыхъ людей, какіе только посѣтили Римъ. Одни слишкомъ носились съ собой, напримѣръ Шатобріанъ. Другіе обожали искусство или глубоко чувствовали вѣчный престижъ вѣч-

наго города. Но, кажется, я начинаю говорить стихами? Вотъ что пишетъ эстетикъ Винкельманъ, отрывшій Европѣ греческое искусство: „Man muss alle Sachen in Rom mit einem gewissen Flegma sehen“. Великая истина! И я вамъ то же говорю. И моему Борису тоже твержу. Но флегма и мой сынъ—это вода и огонь! А вотъ знаменитое признаніе олимпійца Гёте: „Ich zähle einen zweiten Geburtstag, eine wahre Wiedergeburt, von dem Tage, da ich Rom betritt“.

— Ему можно было и въ наши съ вами лѣта, Иванъ Романовичъ, такъ купаться въ Римѣ. Жизнь его такъ не ломала. Онъ слишкомъ довольнѣлся самому себѣ.

— О, да! Но и великій Шатобрианъ былъ любитель женщинъ, еще болѣе влюбленный въ самого себя. У меня записаны два его изреченія. Одно очень горькое, но не знаю—искреннее ли? Прислушайте, милый: „C'est une belle chose que Rôme pour tout oublier, pour mépriser tout et pour mourir“. Все презирать! Развѣ человѣкъ съ душой, привыкшій мыслить, можетъ что-либо презирать... А? Скажите?

— Презирай не презирай,—отълинулся Мѣдниковъ, разводя руками:—а то, что есть—сильнѣе твоего субъективнаго чувства.

— Превосходно сказано! А другая фраза вылилась изъ-подъ пера истинно великаго писателя. Вы поймете ея правду, проживя здѣсь. Именно вы... въ вашемъ теперешнемъ настроеніи. И какъ это прекрасно выражено...

— Ну-те, ну-те,—подтолкнулъ Мѣдниковъ, заглядывая даже въ книжку.

— Вотъ, вотъ: „Rome! c'est le plus grand appui aux lassitudes de l'âme“. Это прямо для насъ съ вами. Если у васъ водится альбомъ—я вамъ завтра же впишу это самъ.

— Lassitudes de l'âme,—негромко повторилъ Мѣдниковъ.

— Да, да, мой другъ. Но Борисъ не этого здѣсь ищетъ. Онъ рѣдкій между русскими примѣръ, особенно въ нашемъ съ вами поколѣніи, да и раньше. Но согласитесь: будь мы съ вами такихъ же вѣрованій, какъ и большинство, нельзя же выказывать полное равнодушіе къ тому, что составляетъ святую святыхъ всякаго вѣрующаго? Нельзя хоть сколько-нибудь не отълишаться на вопросъ: какъ смотрѣть на Римъ, на его первосвященника, на возможность осуществить то, о чемъ молится каждый, кто крестить себѣ лобъ и ходить къ обѣднѣ?..

— „Вопросъ, котораго не разрѣшите вы“,—продекламировалъ Мѣдниковъ.

— Я и не берусь. И знаю, что мой сынъ не увидитъ этой новой зари. Но я не спорю съ нимъ, я его не удерживаю. Свой взглядъ онъ разовьетъ и вамъ, если вы съ нимъ заведете объ этомъ рѣчь. Во имя свободы совѣсти я на его сторонѣ, какъ сейчасъ сказалъ вамъ.

— И онъ видится здѣсь съ черной братіей?

— Конечно... и съ красной, т.-е. съ „prograti“. Ха, ха! Вѣдь я вамъ, кажется, писалъ... здѣсь проживаетъ моя кузина... графиня Порѣцкая. Она давно уже принадлежитъ... латинству... какъ принято говорить у насъ.

— Совсѣмъ присоединилась?

— Какже, какже! Но русскіе—мужчины ли, женщины ли—никогда не могутъ безусловно подчиниться. Она... крайняя лѣвая латинства... со своими идеями, весьма широкими взглядами на многое, что считается здѣсь „мерзостью запустѣнія“. Она увѣровала, что старецъ, живущій въ Ватиканѣ, тоже красивый, но уже не въ кардинальскомъ, а въ русскомъ смыслѣ, ха, ха!

— Она, я думаю, и спитъ, и видитъ обратитъ вашего сына?

— Нѣтъ, они, кажется, размежевались. Онъ мечтаетъ только о воссоединеніи. А это не одно и то же. Кузина ему полезна. Знаетъ много всякаго народа, для него интереснаго. Черезъ нее можно имѣть ходъ всюду.

— А вы, какъ любящій отецъ, скажете: „чтобы дитя ни тѣшилось“...

— О, нѣтъ, мой другъ! Боря—натура цѣлѣнѣйшая, несмотря на свою нервность, которую я ему передалъ... каюсъ! Позитивистомъ онъ никогда не будетъ. Онъ долженъ уйти во что-нибудь страстно. Но это, повторяю, не мрачное изуверство. За его голову, и даже за здоровье, я не боюсь... Онъ, какъ вы, можетъ быть, замѣтили, возмужалъ, очень красивъ. Цѣлый день шагаетъ по Риму, и все пѣшкомъ. Я даже думаю, что въ его интимной жизни есть и другое что. У меня только „dunkle Ahnung“... Но что-то есть.

Мѣдникову уже съ начала ихъ бесѣды хотѣлось узнать, какъ княгиня Евпраксія Андреевна здравствуетъ и оставляетъ ли ихъ съ Борисомъ въ покоѣ.

Отъ прямого запроса онъ воздержался, а сказалъ только:

— И здѣсь васъ обоихъ никто не тревожитъ?

— Пока никто,—подхватилъ князь,—но не знаю, что будетъ дальше. Отъ кузины своей я кое-что слышалъ. Княгиня, видите ли, стала теперь защитницей самаго суроваго... государственнаго правовѣрія. А тамъ, у насъ, и въ Москвѣ, и въ Пе-

тербургъ, ходять легенды, что я... уже попалъ въ руки іезуитовъ, и пока тайный отступникъ, а когда наберусь смѣлости, то открыто сдѣлаюсь исчадіемъ латинства. И про Бориса идутъ такіе же слухи... Кто знаетъ, быть можетъ, она и пожалуетъ сюда,—окончилъ князь, слегка пожимая плечами.

— Неужели нельзя вамъ избѣжать такого осложненія жизни въ Римѣ, гдѣ, какъ я вижу, и вамъ, и Борѣ, такъ хорошо дышется?

— Пускай! Со мной княгиня ничего сдѣлать не можетъ... Если она начнетъ интриговать противъ сына и надѣлаетъ ему непріятностей, тогда и я выступлю. Вдвоемъ, особенно при вашей поддержкѣ, Илья Ѳеодоровичъ,—одолѣмъ! Ахъ, кстати! Вы не слыхали, что тетуська моя отправилась туда?..

Князь поднялъ глаза въ небо.

— Присоединилась къ большинству?—спросилъ Мѣдниковъ, вспомнивъ англійское выраженіе князя.

— Ахъ, да... Rejoined the majority! И въ той же виллѣ. И не оправдала надеждъ княгини Евправсіи Андреевны. Представьте... она, помимо своихъ родственниковъ, въ томъ числѣ и нашихъ дѣтей, завѣщала виллу доктору-нѣмцу, а остальное—на два богоугодныя заведенія своего имени. Большія надежды и лопнули. Кажется, вѣдь есть таковъ романъ Диккенса: „Great expectations“?

Они поглядѣли одинъ на другого. Ихъ объединяло чувство не столько горечи или озлобленія противъ женщины вообще, сколько тѣ „lassitudes de l'âme“, о которыхъ писалъ великій французскій романтикъ.

— Затѣмъ, другъ мой,—заговорилъ князь, вставая,—затѣмъ намъ бередить старыя раны? Въ Римѣ надо уйти въ созерцаніе, бѣгать всего, что нашептываетъ намъ мятущійся бранный составъ нашъ.

Они пошли къ воротамъ, откуда проникъ на виллу князь.

Опираясь на руку Мѣдникова, онъ продолжалъ такъ же оживленно бесѣдовать съ нимъ. Ильѣ Ѳеодоровичу особенно нравились бодрость и разительно-молодые переливы голоса своего спутника. Его „душевнымъ“ здоровьемъ онъ былъ еще болѣе доволенъ.

Не доходя до воротъ, князь остановилъ его и показалъ ногой на одинъ изъ обломковъ античныхъ изваяній, разложенныхъ по краю дерна.

— Здѣсь ногами попираешь красоту! А красота... все переживаетъ, хотя она и мгновенна... Помните у Тургенева... Но

мы съ вами, Илья Ѳедоровичъ, какъ истые русаки, проболтали чуть не два часа, а въ музей Боргезе—ни ногой! А какія тамъ есть вещи!

— Это еще успѣется. Надъ нами не каплетъ.

— Ха, ха, ха!.. Надъ нами не каплетъ! Мятущемуся духу—одна команда: стопъ! Я теперь заново подчитываю римскихъ поэтовъ. Еще не забылъ. Увѣрю васъ! И вотъ вамъ еще motto въ альбомъ. Изъ Виргилія... или Vergilius'a, какъ стали печатать ученые нѣмцы: „Qui metuens vivit, liber mihi erit unquam“! Вы вѣдь докторъ—по-латыни должны знать...

— Докторъ нынѣшній... не старинный, стало быть, плохой латинистъ.

— Ну, все же... Чуть что, заберетъ тоска-кручина... Сейчас припомните: „Qui metuens vivit“... Ха, ха! Это забавно—точно я врачъ, а вы—мой пациентъ. Идемте прямо... Это вашъ отель—вы не узнаете улицы?—вонъ тамъ, на углу.

Гостинницу, гдѣ остановился Мѣдниковъ, рекомендовалъ ему князь. Онъ нашелъ ее очень пріятной. Изъ его оконъ были видны высоты Квиринала.

У подъѣзда князь долго трясъ его руку.

— Поживемъ здѣсь въ свое удовольствіе, Илья Ѳедоровичъ.

— Надо бы взять еще третьяго члена... въ нашъ союзъ,—весело сказалъ Мѣдниковъ.—Моего стараго наставника, мудреца... Степана Андреяновича Екунина. Я о немъ писалъ вамъ.

— Помню. Очень, очень радъ. Идите, отдохните передъ обѣдомъ. Здѣсь необходима siesta. Дня на два я васъ оставляю въ покоѣ, а потомъ къ намъ, на чашку чаю.

Князь, стоя въ дверяхъ, сдѣлалъ ему ручкой. Мѣдникову гарсонъ предложилъ подняться на лифтѣ.

III.

Было еще довольно свѣтло, когда изъ улицы Ripetta, держа въ лѣваго троттуара, вышелъ на Piazza del Popolo князь Борисъ, какъ разъ въ то время, когда на виллѣ Боргезе о немъ говорили два пріятели.

Отецъ его не преувеличивалъ: дѣйствительно онъ возмужалъ, въ лицѣ сталъ менѣе худъ, носилъ красивую, короткую бороду, на ходу не такъ гнулсѣ, какъ прежде; одѣтъ онъ былъ старательно и во все черное; только высокая цилиндрическая шляпа была сѣрая съ широкой черной же лентой. И ростомъ онъ на

полвершка сталъ выше. Сходство съ отцомъ также сильно бросалось въ глаза; но весь его складъ былъ крупнѣе и осанистѣе.

Шагалъ онъ быстро, опираясь на трость, и держалъ голову внизъ, не глядя по сторонамъ.

По вѣздамъ къ Monte-Pincio въ этотъ часъ—было около четырехъ—поднимались и спускались экипажи. День выдался особенно ясный и сухой, и обычная зимой въ этому часу сырость еще не спадала въ улицы въ видѣ отпотѣлой мостовой. На прогулкѣ по верху, вдоль всего проѣзда къ виллѣ Медичи—сплошь мелькали группы гуляющихъ, головы лошадей, пестрые шляпки дамъ въ коляскахъ, шляпы съ ковардами вучеровъ и лавеевъ.

Борису захотѣлось подняться на Пинчіо, отдохнуть тамъ на любимой своей площадкѣ и идти дальнѣе, мимо Trinità de' Monti къ Via Sistina, куда онъ могъ бы еще попасть засвѣтло.

Онъ только-что вышелъ изъ-подъ высокихъ воротъ стараго дома, куда сталъ часто захаживать—всегда послѣ двухъ. Когда впервые ему показали этотъ домъ, говоря, что тутъ какъ бы генеральный штабъ „Общества Іисуса“,—онъ ощутилъ что-то въ родѣ дрожи. Какъ большинство русскихъ, онъ съ дѣтства произносилъ самое слово: „іезуитъ“, особымъ звукомъ и привыкъ соединять съ нимъ цѣлый рядъ представлений о потаенномъ и страшномъ могуществѣ ордена.

Еще недавно, когда передъ отъѣздомъ въ Римъ, Борисъ перечитывалъ романъ: „Rome“, онъ хоть и чувствовалъ густоту красокъ, наложенныхъ авторомъ, особенно въ исторіи съ отравленными фигурами, но все-таки допускалъ, что многое тутъ похоже на правду.

И вотъ онъ уже вторую недѣлю ходитъ въ тотъ старый домъ, съ внутренней калиткой, продѣланной въ какой-то точно желѣзной занавѣси; кустодъ съ нимъ пріятно раскланивается, и онъ прямо идетъ во второй этажъ, и звонить у одной изъ дверей, гдѣ его всегда съ радостной улыбкой и разными любезностями встрѣчаетъ среднихъ лѣтъ патеръ, французъ, въ поношенной, но опрятной сутанѣ и съ беретомъ священника на головѣ, надѣтомъ немного на-бекрень. И они тихо и пріятно бесѣдуютъ. Патеръ—ученый и свѣтски воспитанный парижанинъ, былъ много лѣтъ преподавателемъ въ разныхъ заведеніяхъ ордена, занимался его исторіей, жилъ долго въ австрійской Польшѣ, говоритъ свободно по-польски, а по-русски читаетъ. Въ первый же свой визитъ Борисъ увидаль у него на столѣ нѣсколько русскихъ книгъ и одну по своей спеціальности.

Часто онъ получаетъ отъ него записки, и всегда съ самой изысканной фразеологіей, какую свѣтскіе французы давно уже не употребляютъ, даже и въ Сенъ-Жерменскомъ предмѣстьѣ. Каждый день онъ работаетъ въ архивахъ Ватикана, и тамъ они не разъ видались, и патэръ знакомилъ его съ разными учеными всякихъ націй, духовными и не-духовными.

Иногда мѣстомъ ихъ бесѣды бываетъ внутренній дворикъ стараго дома, съ садикомъ въ итальянскомъ вкусѣ, съ высокой насыпью, крестомъ, прорѣзанной дорожками, на кирпичномъ фундаментѣ, гдѣ насажены кусты и кое-какіе цвѣты—все заросшее сочными травами.

Не дальше, какъ сегодня, они прогуливались подъ окнами того іезуита, который считается первымъ трибуномъ и—какъ французъ прибавилъ ему на ухо—„немножко социалистомъ“. Въ томъ же этажѣ живутъ и главные сотрудники двухъ журналовъ, гдѣ ведется главная борьба со всѣми врагами римской курии.

Все это теперь для Бориса нисколько не страшно и даже не таинственно, а очень просто и совершенно понятно: иначе и быть не можетъ, разъ въ такомъ „обществѣ“ сосредоточены самыя лучшія силы, и всѣ, какъ одинъ человѣкъ, работаютъ „ad maiorem ecclesiae gloriam“.

Онъ бывалъ уже и въ другихъ „генеральныхъ штабахъ“, и всего чаще у доминиканцевъ. Но тамъ онъ не нашелъ такой же подготовки, и универсальнаго, тонкаго пониманія всего, что дѣлается на свѣтѣ и что можно направить въ извѣстную сторону.

Но и тамъ, и тутъ, къ нему, къ его „идеѣ“, къ его отечеству, къ благочестію русскаго народа относятся съ особеннымъ какимъ-то благодушіемъ, почти съ нѣжностью. Подъ этимъ онъ, конечно, распознаетъ извѣстный „mot d'ordre“, но зато такой общій тонъ облегчаетъ бесѣду, дѣлаетъ то, что нѣтъ почти никакихъ зацѣпокъ и непріятныхъ недомолвокъ.

Еслибъ его спросили теперь: правда ли, что глава римской церкви въ рукахъ „Общества Іисуса“?—онъ не могъ бы сказать ничего ни за, ни противъ. Но въ разговорахъ съ своимъ патромъ онъ слышалъ постоянное, и не грубо-льстивое, а умное и тонкое изумленіе передъ тѣмъ подъемомъ духа, каковой выказываетъ „святот отецъ“ въ своемъ прележномъ возрастѣ и тѣлесной слабости.

Не дальше, какъ сегодня—они также ходили по дворику—патэръ повторялъ:

— Comme idées, le saint père est au-dessus de tous ses prédécesseurs.

И его широкое, благообразное лицо дышало сочувствіемъ всѣмъ этимъ „новшества́мъ“, упованіямъ и мечтамъ.

Тутъ же они подѣлились личными своими впечатлѣніями: оба они имѣли недавно случай присутствовать на утренней воскресной службѣ во внутреннихъ покояхъ Ватикана. Борисъ удивлялся тому, что старецъ подъ девяносто лѣтъ можетъ самъ служить больше получаса, опускаться и подниматься и даже, подъ конецъ, стоя на колѣняхъ, произносить громко молитву. Патеръ видалъ его очень слабымъ, когда каноники, состоящіе при немъ, поддерживаютъ его за обѣ руки, причемъ онъ показавъ на рукѣ Бориса, какъ крѣпко они должны его держать.

— *Quelle puissance spirituelle dans un corps aussi débile!* — воскликнулъ онъ.

И про работу іезуита разспрашивалъ Борисъ. Она подвигалась впередъ. Множество книгъ еще не добытыхъ документовъ нашелъ онъ и по исторіи ордена въ Россіи и Польшѣ въ XVIII столѣтіи.

Екатерину Вторую патеръ не иначе называлъ, какъ: „*notre matouchka*“, и каждый разъ весело подмигивалъ правымъ глазомъ.

— *Nous lui pardonnons bien des choses*, — говорилъ онъ почти радостно:—*mais quand on nous chassait de partout, elle nous accueillit en vraie mère!*

Странно было Борису слышать это въ такой обстановкѣ. И возражать не приходилось, потому что такъ оно и происходило на самомъ дѣлѣ, и члены „Общества Іисуса“ не даромъ, значить, зовутъ ее „*notre matouchka*“.

Сегодня Борисъ пришелъ въ іезуитскій домъ не съ пустыми руками.

Записка, которую онъ составлялъ больше мѣсяца—совсѣмъ готова и нужно ее только переписать. У него самого почеркъ „ужасный“, и онъ долженъ добыть себѣ переписчика. Но огласки онъ не желаетъ и поэтому ни къ кому изъ русскихъ не обращался.

Сегодня была рѣчь объ этой запискѣ. Они согласились посвятить въ концѣ недѣли дообѣденные часы, о ту же пору, на прочтеніе и обсужденіе. Можетъ быть, черезъ патера же побудетъ онъ и переписчика.

Тогда надо будетъ найти дорогу туда, въ большое темнокрасное палаццо, что стоитъ противъ колонны „Непорочнаго Зачатія“, и гдѣ помѣщается самая „Пропаганда“. Черезъ кухню отца, графиню Порѣцкую, онъ найдетъ ходы. Іезуита онъ объ этомъ просить не будетъ, зная напередъ, что тотъ уклонится; но добрый совѣтъ дать. Онъ уже намекалъ ему съ академиче-

скими „circonlocutions“ на то, что въ темно-красномъ палаццо, на Piazza di Spagna, на этотъ вопросъ смотреть врядъ ли такъ, какъ въ самомъ Ватиканѣ; а можетъ быть и вовсе не такъ. Но, во всякомъ случаѣ, записка будетъ просмотрѣна и о ней кому слѣдуетъ доложено.

— Seulement, mon prince, — прибавилъ иезуитъ, — la procédure est longue à la Propagande. Il faudra patienter résolument.

И его глазки заиграли, освѣтивъ его благообразный, хорошо выбритый обликъ.

Поднимаясь по ближайшему съѣзду около „Hôtel de Russie“, Борисъ шагаль бодро. И на душѣ у него было легко. Нигдѣ не испытываль онъ такой душевной взвинченности, какъ въ Римѣ, съ нѣкоторыхъ поръ.

Онъ невольно подумаль о прїѣздѣ профессора Мѣдникова. Съ нимъ онъ еще не успѣль, какъ слѣдуетъ, повидаться. И тотъ былъ бы доволенъ его „иннервацией“, какъ онъ навѣрное будетъ утѣшенъ тѣмъ — какимъ онъ найдетъ его отца. Но Борисъ предвидѣль, что съ профессоромъ у него завяжутся принципиальныя бесѣды. И тотъ навѣрное будетъ предостерегать его; можетъ быть, даже грозить извращеніемъ интеллекта; станетъ, вѣроятно, указывать на печальный примѣръ великаго русскаго сатирика, жившаго когда-то на Via Felice, какъ разъ рядомъ съ тѣмъ домомъ, куда онъ зайдетъ черезъ полчаса. Вспомнить и геніальнаго славянскаго поэта, Мицкевича, получившаго здѣсь же, въ Римѣ, толчокъ своему иллюминатству, въ обществѣ мистиковъ, въ домѣ Зинаиды Волконской. Онъ станетъ доказывать, что безъ этого римскаго „заряда“ онъ не поддакъ бы такъ сразу обаянію полубезумнаго Товянскаго и не впалъ бы въ прогрессирующую мономанію, дошедшую до того, что въ 1848 году, на аудіенціи у папы Пія IX-го, онъ началъ говорить съ нимъ совсѣмъ какъ психопатъ, такъ что вышло нѣчто весьма курьезное. И добрый-шій Ильѣ Ѳеодоровичъ будетъ напирать на то, что все это — неоспоримыя факты, вошедшіе въ біографію и русскаго сатирика, и польскаго поэта.

Напрашиваться на такія бесѣды у него нѣтъ охоты; но онъ радъ былъ бы успокоить Илью Ѳеодоровича и показать ему не въ одинъ какой-нибудь разговоръ, а всѣмъ своимъ душевнымъ „habitus“ — какъ тотъ любитъ выражаться — простоту и ясность своего душевнаго настроенія, далекаго отъ всякаго изувѣрства и фанатическаго ослѣпленія. Онъ надѣется, что у него съ Ильей Ѳеодоровичемъ сложится что-нибудь въ родѣ того, какъ съ отцомъ, и что исходному мотиву его упованій онъ способенъ даже со-

чувствовать, какъ сочувствуетъ имъ и отецъ, преисполненный теперь самаго пылаго протеста противъ насилій совѣсти.

На верхней площадкѣ Пинчіо его охватила пестрота толпы. Справа, противъ перилъ, выстроились экипажи. Другіе проѣзжали шагомъ или останавливались. Красивые и по-римски изысканные мужчины подходили къ коляскамъ съ модными глубокими кузовами и, облокотясь о крылья опущенныхъ верховъ, разговаривали съ дамами, больше все въ мѣховыхъ навидахъ и шляпкахъ съ цѣлымъ лѣсомъ перьевъ и бантовъ.

Борису лица римскихъ барынь казались слишкомъ рѣзкими; онъ не находилъ и ихъ посадеу, манеру сидѣть въ экипажѣ особенно красивой. Граціи было мало въ ихъ движеніяхъ, хотя и чувствовалась „порода“ въ ростѣ и профиляхъ. Мужчины—въ массѣ—смотрѣли красивѣе и статнѣе женщинъ—и офицеры, и статскіе.

Гуляющіе туго двигались по аллеямъ, или густой толпой скупивались передъ военной музыкой, подальше, на нѣкоторомъ возвышеніи, гдѣ темнѣетъ сильно запылившаяся листва зимнихъ деревьевъ купами и рядами дорожекъ, уставленныхъ мраморными бюстами знаменитыхъ „объединителей“ Италіи.

Яркимъ пятномъ у самыхъ перилъ площадки, откуда Римъ кажется всю свою арену, вплоть до высотъ Яникула опять съ св. Петромъ и памятникомъ Гарибальди—выдѣлялась группа семинаристовъ въ красныхъ балахонахъ, съ длинными помочами до полу, и въ плюшевыхъ священническихъ шляпахъ.

Когда-то Борисъ, до пріѣзда въ Римъ, какъ и другіе русскіе, считалъ эти характерныя фигуры римскихъ жанровъ, масляныхъ картинъ и акварелей—молодыми послушниками, итальянцами. Но еще отецъ объяснилъ ему разъ, въ Россіи, что это—студенты нѣмецкой коллегіи католическаго факультета, гдѣ преподаютъ іезуиты; что ими завѣдуетъ „Congregatio de propaganda Fide“, и между ними всего больше австрійцевъ; но есть и рейнскіе пруссаки, и швейцарцы изъ нѣмецкихъ кантоновъ.

Какъ-то въ началѣ сезона, когда на Пинчіо бывало еще пусто, онъ подсѣлъ къ тремъ изъ такихъ красныхъ семинаристовъ и вступилъ съ ними въ разговоръ по-нѣмецки. И тогда уже ему хотѣлось попасть на лекціи богословія въ одну изъ высшихъ коллегій или „университетовъ“, какъ ихъ называли „черная братія“. Изъ троихъ молодыхъ людей одинъ оказался изъ Вѣны, другой изъ Кельна, третій откуда-то изъ Гларуса или Санъ-Галлена. Самый рѣчный и развитой былъ вѣнецъ—красивенькій блондинъ, который когда-нибудь навѣрное добьется

епископской тиары, какъ и большинство воспитанниковъ нѣмецкой коллегіи.

Разговорились они сейчасъ же о ихъ ученѣхъ, лекціяхъ, житѣхъ въ интернатѣ при „Пропагандѣ“, откуда они ходятъ въ грегорианскій университетъ, почему ихъ процессіи—по два въ рядъ—такъ часто и видны на улицахъ. И такъ же, какъ и другіе студенты богословія, они, каждый день, гуляютъ по Пинчіо, и всегда одни, безъ надзирателя или профессора.

Красивенькій вѣнецъ—первый изъ нихъ троихъ—сообщилъ Борису, что изъ двухъ главныхъ заведеній, считающихся богословскими „факультетами“, въ одномъ—іезуитскомъ, гдѣ учатся „красные“ семинаристы,—строго держатся доктрины Томы Аквината о различіи между „бытіемъ“ и „существованіемъ“; а въ другомъ—доминиканскомъ—такой „дистинкціи“ не признаютъ. И по лицамъ всѣхъ трехъ семинаристовъ онъ могъ понять, что рознь допускается безъ всякаго соблазна, какъ традиціи двухъ разныхъ богословскихъ школъ, въ нѣдрахъ той же церкви.

Это нисколько не смутило Бориса. Напротивъ! Скорѣе пришлось ему по душѣ. Оно показывало допустимость различнаго толкованія умозрительной истины, не только въ родственныхъ культахъ, но и въ одномъ и томъ же.

„Красные“ семинаристы еще не собирались идти обратно. Борисъ, воззрившись въ нихъ, узналъ издали бѣлокурого вѣнца, а рядомъ съ нимъ худого, некрасиваго брюнета, съ угреватымъ лицомъ, малаго роста—нѣмца съ береговъ Рейна.

И они его признали, когда онъ былъ ближе, и оба сняли свои плюшевыя шляпы.

Но онъ не подошелъ къ нимъ, на этотъ разъ. Часы доложили ему, что надо спѣшить къ Via Sistina, если хочешь захватить послѣдніе лучи солнца; а то въ мастерской художника, куда онъ шелъ, наступать сумерки.

У воротъ французской академіи стоялъ привратникъ — сѣденькій французъ, его пріятель, большой балагуръ, провансалецъ. Онъ—и не въ показные дни—пускалъ его гулять въ садъ виллы Медичи, гдѣ Борису полюбилось сидѣть съ книгой, въ тѣни, на площадкѣ, откуда видъ на паркъ виллы Боргезе и окрестные холмы.

Старичокъ снялъ свой форменный картузъ и сдѣлалъ ему ручкой.

Наискосокъ церкви S.-Trinita de' Monti помѣщается желѣзная будка лифта, соединяющаго Piazza di Spagna съ прогулкой на Пинчіо.

Въ первые дни, когда Борисъ былъ гораздо нервнѣе — ему

дѣлалось жутко спускаться, а въ особенности подниматься на этомъ лифтѣ. Но теперь онъ имъ часто пользовался. Вся небольшая площадь передъ церковью французскихъ монахинь, — съ обелискомъ и угловымъ фасадомъ дома, гдѣ начинается романъ Буржэ, „Cosmopolis“, — розовѣла отъ бокового свѣта, оживленная постояннымъ мельканьемъ гуляющихъ, крикомъ дѣтей, зазываніемъ разносчиковъ и хлопаньемъ бичей. Передъ высокой папертью стояло нѣсколько открытыхъ фіакровъ — мордами лошадей къ подъѣзду отеля, всегда переполненнаго нѣмцами. Отъ Пинчіо доносился крѣпкій запахъ перцового дерева.

Борисъ подходилъ къ лифту какъ разъ въ тотъ моментъ, когда кѣтка подползла снизу и служитель въ обтертой шапкѣ раскрылъ чугунную дверь и сталъ пропускать на троттуаръ подыавшихся отъ Piazza di Spagna.

Вышли двѣ англичанки въ пестрыхъ накидкахъ съ капюшонами, сѣдой баринъ, по всѣмъ примѣтамъ русскій, и монахъ, съ непокрытой, бритой головой и въ сандаліяхъ.

За ними очень легко спустилась на троттуаръ молодая женщина, въ высокой шляпѣ съ черными перьями, стоявшими торчкомъ, и свѣтлой кофточкѣ, стройная, не очень большого роста, въ красноватыхъ ботинкахъ.

— Князь! Здравствуйте! — окликнула она Бориса, остановившись лицомъ къ нему. — Вы уже домой? Я только-что на Пинчіо. Вы меня, конечно, не будете сопровождать?

Это была Людмила Полуянова, пополнившая въ бюстѣ, но съ такими же блестящими глазами, немного загорѣлая, болѣе похожая на молодую даму, чѣмъ два года передъ тѣмъ.

Князь Иванъ, бесѣдуя съ Мѣдниковымъ, забылъ ему сказать или не счелъ нужнымъ, что дѣвица Полуянова, которой старая княгиня оставила, кромѣ „сувенировъ“, и небольшой капиталецъ, перебралась въ Римъ, къ его кузинѣ, графинѣ Порѣцкой, также въ какомъ-то двойственномъ качествѣ — не то дальней родственницы, не то „demoiselle de compagnie“.

— Извините, Людмила Васильевна, — сказалъ Борисъ, немного стѣсняясь, — мнѣ надо въ ту сторону.

И онъ указалъ рукой по направленію къ Via Sistina.

— Не будетъ нескромностью спросить — куда?

— Къ одному русскому художнику.

— А! Я знаю. Къ Пахомову?

— Да.

Она прищурилась на него съ чуть замѣтной усмѣшкой.

— А сестра его интересна, князь?

— Очень хорошая дѣвушка.

— Въ какомъ вкусѣ?

Борисъ повелъ плечомъ.

— На это трудно отвѣтить сразу.

— Ха, ха! Хорошо, хорошо! Я васъ не задерживаю. А что же вы къ намъ не показываетесь? Графиня начала даже беспокоиться.

— Приду... скоро... Можетъ быть даже завтра.

— За вами... одно обѣщаніе, князь.

— Какое, Людмила Васильевна?

— Сѣздить со мною въ катакомбы.

— Которыя? Ихъ здѣсь нѣсколько.

— Мнѣ все равно. Въ самыя большія... въ тѣ... святого Каликста. Начнемъ съ нихъ.

— Я готовъ. Какъ-нибудь сговоримся.

— Вы не оттягивайте. Надо же меня просвѣщать. Это все— по вашей части.

Онъ приподнялъ шляпу, протягивая ей руку.

— Позвольте. Одно слово... Правда, что ваша татап бундетъ скоро здѣсь?

— Не знаю.

— И вашъ старшій братъ, въ сопровожденіи какой-то венгерки, прогремѣвшей по всей Европѣ... баронессы... забыла фамилію...

— Ничего не знаю.

— Я слышала въ одной русской гостиной.

Борисъ торопливо раскланялся съ нею; а Людмила довольно долго смотрѣла ему вслѣдъ, пристукивая большимъ полосатымъ зонтикомъ.

Онъ быстро перешелъ площадку, куда выходятъ двѣ улицы—Sistina и Gregoriana, и взялъ по лѣвой—по Систинѣ, спускаясь къ перекрестку, гдѣ продолженіе этой улицы называлось когда-то Felice, и гдѣ, въ № 126, Гоголь докончилъ, выправилъ и продиктовалъ П. В. Анненкову первый томъ „Мертвыхъ душъ“.

Встрѣча съ Людмилой Полуяновой выбила его изъ строя мыслей, съ какими онъ поднимался на Пинчіо.

Къ этой дѣвушкѣ онъ желалъ бы относиться гораздо добрѣе, но не могъ ни въ чемъ ее не подозрѣвать, не чувствовать себя съ нею всегда насторожѣ.

Про ихъ отношенія съ братомъ, два года назадъ, онъ догадывался, но стыдливо отгонялъ отъ себя всякое любопытство.

Въ полномъ невѣдѣніи находился онъ и о томъ, что у нихъ вышло въ горахъ.

Профессоръ увезъ его съ отцомъ нѣсколько дней спустя. Съ тѣхъ поръ, до пріѣзда сюда, онъ не встрѣчался съ этой дѣвушкой и не безъ удивленія нашелъ ее у своей двоюродной тетки. Она, повидимому, вошла въ тотъ воздухъ, которымъ дышала графиня Порѣцкая, интересовалась Ватиканомъ гораздо больше, чѣмъ всѣмъ остальнымъ въ Римѣ, ставила ему всевозможные вопросы, давая ему понять—при всякомъ случаѣ,—что ей извѣстны его идеи и стремленія, надъ чѣмъ онъ работаетъ и о чемъ мечтаетъ. На все это онъ туго подавался, но ни однимъ словомъ не смутилъ до сихъ поръ графиню Порѣцкую насчетъ Людмилы.

Вопросъ о пріѣздѣ его матери и старшаго брата не особенно встревожилъ его. За отца онъ теперь гораздо менѣе боялся. Ему было бы гораздо отраднѣе знать, что его родители хоть изрѣдка видятся между собою. Если бы его мать стала выѣзжать въ его внутреннюю жизнь и стѣснять его духовную свободу—онъ готовъ на борьбу, и не боится ея.

Что всего сильнѣе отдаляло его отъ Людмилы—это ея неподходящій тонъ, нескромности дурного вкуса.

Вотъ и сейчасъ, это умышленное прищуриваніе при вопросѣ о сестрѣ русскаго художника Пахомова—его новаго пріятеля... Явный намекъ извѣстнаго сорта.

Его уже не въ первый разъ, съ тѣхъ поръ какъ онъ въ Римѣ, огорчало то, что всѣ такъ охотно предаются пересудамъ и вмѣсто того, чтобы жить возвышающими впечатлѣніями Рима, говорятъ только о знакомыхъ и незнакомыхъ русскихъ, передаютъ слухи и сплетни, точно въ какомъ-нибудь провинціальномъ захолустѣ.

Мастерская, куда онъ шелъ, сдѣлалась для него дѣйствительно самымъ теплымъ угломъ, гдѣ ему всего свободнѣе дышалось. Художника Пахомова онъ въ Россіи никогда и нигдѣ не встрѣчалъ. Не случалось ему и видать его картины на выставкахъ. Они впервые встрѣтились здѣсь, въ небольшой русской компаніи, собирающейся въ одной изъ кондитерскихъ, на Корсо.

Пахомовъ почти безвыѣздно сидитъ въ Римѣ уже около пяти лѣтъ и боится возвращаться домой. Онъ очень слабого здоровья; онъ знаетъ, что въ Петербургѣ его легкимъ не долго придется дышать. Даже и здѣсь, какъ только настаютъ сырые и свѣжіе дни, онъ весь съѣжится, усиленно топить у себя желѣзную пе-

чурку и не иначе выходитъ на улицу, какъ въ галошахъ и въ ватномъ пальто, привезенномъ изъ Россіи.

Съ мѣсяцъ назадъ, къ нему пріѣхала на зиму его сестра—тоже слабого здоровья, съ разстроенными нервами и порокѣмъ сердца, Олимпіада Петровна, дѣвушка лѣтъ двадцати-четырехъ, на первое знакомство странная, молчаливая, какъ бы болѣзненно застѣнчивая или обидчивая.

Но они незамѣтно сходились, и теперь онъ съ ними—точно какъ съ родными. Она больше читала, чѣмъ ея братъ, была на курсахъ, но, по болѣзни, не могла кончить, много работала въ редакціяхъ газетъ, въ началѣ года схватила воспаленіе легкихъ; теперь, сколотивъ кое-какъ деньжонокъ, пріѣхала на вызовъ брата провести здѣсь зиму, на отдыхъ и тепло. Онъ нашелъ ей комнату рядомъ съ своей мастерской, въ сосѣднемъ домѣ. Когда она не гуляла по Риму, то сидѣла у него. Они вмѣстѣ ходили и завтракать, и обѣдать—въ простенькій трактиръ; а вечеромъ—въ кафѣ, изрѣдка—въ дешевые театры.

IV.

По узкой лѣстницѣ, съ облѣзлыми старыми стѣнами, Борисъ поднялся въ темноватые сѣни, гдѣ, справа отъ хода въ верхніе этажи, за грязной стеклянной перегородкой помѣщается ложа кустода—ремесломъ сапожника.

Онъ всегда кивалъ ему курчавой головой въ бумажномъ колпакѣ.

— А casa?—спросилъ его Борисъ, проходя дальше.

Привратникъ уже зналъ, кого тотъ спрашиваетъ, и крикнулъ ему:—Si, si!..—Русскихъ жило въ этомъ домѣ, гдѣ только мастерскія—трое; но Борисъ навѣщалъ часто одного—Вивентія Петровича Пахомова.

Борисъ навѣрное зналъ, что художникъ поджидаетъ его. Пахомовъ просилъ его зайти передъ обѣдомъ, когда въ мастерской именно такой свѣтъ, какой ему нуженъ для его картины.

Она у него еще не кончена; но главная фигура уже почти готова, и вотъ ее-то онъ и рѣшилъ наконецъ показать Борису. До сихъ поръ онъ ее припрятывалъ, отставлялъ за ширмы. Но охотно о ней говорилъ. Сюжетъ чрезвычайно привлекалъ Бориса. На немъ они оба сходились въ полетахъ души къ божественному источнику безпредѣльнаго милосердія и жалости ко всѣмъ „труждающимся и обремененнымъ“.

Но между ними часто велись пренія, въ которыхъ принимала участіе и сестра Пахомова—Олимпиада Петровна. Художникъ горячо отстаивалъ всегда чистоту преданія восточной церкви и къ „папству“ относился съ той великорусской складкой доводовъ и обличеній, которая, въ глазахъ Бориса, была главнымъ препятствіемъ къ „вселенскому единенію“, о какомъ онъ мечталъ.

По узенькой, кривой лѣсенкѣ съ желѣзными перилами, сдѣлавъ два-три поворота по корридорчикамъ и площадкамъ, онъ взобрался въ четвертый этажъ и позвонилъ у двери, когда-то выкрашенной зеленой масляной краской, съ ржавой скобой. На ней прибиты были двѣ визитныхъ карточки—одна латинскими буквами, другая—русскими: „Викентій Петровичъ Пахомовъ“. Звонить надо было за проволоку, безъ всякой ручки.

Изнутри колокольчикъ надтреснуто звякнулъ.

— А, Борисъ Ивановичъ! Пожалуйте! Спасибо! Не опоздали!

Борисъ съ первыхъ дней знакомства попросилъ Пахомова не звать его: „князь“.

— И Олимпиада Петровна здѣсь?

— Придетъ, придетъ!

Художникъ протянулъ ему худую, бѣлую руку, съ ладонью „грудного“—теплой и нѣсколько влажной. Онъ былъ выше ростомъ Бориса, гнулъ и держалъ голову немного вбокъ, къ лѣвому плечу. Въ продолговатомъ овалѣ худого, точно прозрачнаго лица сидѣло что-то бытовое, приволжское, какъ у крестьянъ, съ нѣсколько библейскимъ пошибомъ. Большіе сѣрые глаза смотрѣли грустно-ласково изъ-подъ высокихъ выступовъ бровей. И яркій цвѣтъ губъ указывалъ на его слабогрудость. Маленькая борода—волосами свѣтлѣе, чѣмъ на головѣ—дѣлала наружность еще болѣе русскою. На немъ просторно сидѣла фланелевая блуза—очень опрятная, совсѣмъ безъ слѣдовъ краски, угля или мѣла.

Пахомовъ занималъ одну очень высокую и помѣстительную мастерскую. Она служила ему всѣмъ—и спальней, и приемной. За ширмами стояла кровать. На простомъ бѣломъ столѣ, справа отъ входной двери, среди множества разныхъ вещей выглядывалъ и маленькій тульскій самоваръ. Средину занимали нѣсколько полотентъ, на мольбертахъ. Въ глубинѣ—небольшой мягкій диванъ, обитый бумажной матеріей неопредѣленнаго колера. Стѣны обвѣшаны этюдами въ рамкахъ—и масляными красками, и на листахъ, карандашомъ, сепіей, въ перемежку съ акварелями.

Около табурета, на которомъ только-что сидѣла передъ тѣмъ натурщица, для другой картины, стоялъ маленькій столикъ съ палитрой и горшокъ съ кистями.

По комнатѣ ходилъ какой-то лекарственный запахъ, оты- вающійся немного дегтемъ.

— Присядьте, Борисъ Ивановичъ, а то и прилягте... вотъ сюда на диванъ. Вамъ съ этого мѣста всего лучше будетъ видно. И для освѣщенія вы попадаете въ самый разъ.

Борисъ сейчасъ же сообразилъ, что это—полотно, стоявшее ближе къ дивану, куда его усадилъ Пахомовъ; оно было оборо- чено изнанкой.

— Вотъ это она? — тихо спросилъ онъ художника.

— Да, да!

Пахомовъ волновался.

— Видите ли...—заговорилъ онъ торопливо и глуховато.—Вы уже знаете: тутъ будетъ группа тѣхъ рудокоповъ, которыхъ охватилъ въ шахтѣ смертный страхъ взрыва—они только намѣ- чены. У меня есть уже головы, лица, посадки, но двухъ-трехъ еще не хватаетъ... и самыхъ главныхъ. Но мѣсто имъ отведено и контуры посадокъ сдѣланы... Вся лѣвая половина полотна готова.

— И Спаситель уже выписанъ вами вполне?

— Вполнѣ? Какъ это сказать! Больше я трогать теперь не буду. Потомъ, когда скomпаную остальное, можетъ быть и пройдуся еще...

Съ нѣкоторой нерѣшительностью подошелъ онъ къ картинѣ и медленно сталъ ее поворачивать. Борисъ закрылъ на минуту глаза, поддаваясь чувству, сохранившемуся въ немъ съ дѣтства— стыдливости за другихъ больше, чѣмъ за себя, когда вдругъ надо что-нибудь хвалить, и оно окажется не тѣмъ, чего ждешь.

Когда онъ полуоткрылъ вѣки, въ желто-сѣромъ, очень мяг- комъ свѣтѣ выступалъ темный фонъ картины и слѣва всего одна фигура въ бѣломъ, окруженная сияніемъ.

Художникъ самъ отошелъ въ сторону и стоялъ съ опущен- ной головой, не глядя на гостя; въ лицѣ его явилась напря- женность, и рѣзкая складка выступила на бѣломъ лбу, между концами всегда приподнятыхъ бровей.

Впечатлѣнію мѣшало то, что въ правой половинѣ холста оставалось кругловатое голое пятно, съ кое-гдѣ намѣченными контурами цѣлой группы. Но Пахомовъ подробно рассказывалъ ему— въ какихъ позахъ и съ какими лицами будетъ группа шести или семи рабочихъ-рудокоповъ, охваченныхъ ужасомъ отъ

громового взрыва угольного газа въ сосѣдней шахтѣ. Но надъ пустымъ мѣстомъ сгущался мракъ свода съ отпотѣлыми глыбами угля.

Слѣва всплывалъ бѣлый, въ лучистомъ сіяніи, удлиненный станъ Христа, въ хитонѣ, съ простертыми внизу руками и слегка наклоненной головой. Художникъ придалъ ему что-то народное, въ томъ типѣ великорусскихъ лицъ, какой и у него самого, но болѣе тонкое, съ выраженіемъ яснымъ, почти радостнымъ. Весь онъ дышалъ тѣми словами Евангелія, которыя Пахомовъ выбралъ тезисомъ своей картины: „Придите ко Мнѣ всѣ труждающіеся и обремененные, и Я успокою васъ“.

Борисъ долго смотрѣлъ молча. Онъ не хотѣлъ разбирать—привлекаетъ ли его главная фигура полотна, воплотившая сюжетъ, или же даровитость всей концепціи и выполненія. Судя по тому, что онъ видалъ въ мастерской Пахомова, по двумъ небольшимъ работамъ изъ римской жизни, по акварелямъ и этюдамъ—онъ не чуялъ въ немъ яркаго и блестящаго таланта. Можетъ быть, группа рабочихъ, обьятыхъ ужасомъ, ему и не удастся. Но Спаситель уже созданъ—и не силой мастерства. Онъ вылился такъ цѣльно и одухотворенно оттого, что художникъ трепетно жилъ идеей сочетанія божественной благодати, исходящей отъ Сына человѣческаго, съ сердечной болью за всѣхъ рабовъ конца девятнадцатаго вѣка, за безчисленныхъ пролетаріевъ, которымъ такъ нужна была бы вѣра въ лучезарную обитель, гдѣ нѣтъ „ни печали, ни воздыханія“.

Все это роилось въ душѣ Бориса, и онъ совсѣмъ отдался своему настроенію, забывъ о томъ, что художникъ ждетъ отеліка, что ему, какъ и каждому артисту, нужно живое слово пониманія и одобренія.

— Небось, скажете—не вытанцовалось?—раздался еще болѣе глухой вопросъ Пахомова.

— Что вы!.. Викентій Петровичъ! Это чудесно!

Борисъ вскочилъ, подбѣжалъ къ Пахомову и обнялъ его.

— Взаправду?—тронутымъ голосомъ спросилъ тотъ.

— Дышетъ... дышетъ весь образъ Спасителя! И какъ легко все видѣніе—и вмѣстѣ жизненно. Точно слышишь самыя слова Его. И онъ вполголоса повторилъ ихъ по-гречески, какъ бы про себя.

— Спасибо, голубчикъ, спасибо. Я сильно трусилъ... по правдѣ сказать.

— Какой же я цѣнитель, Викентій Петровичъ?!

— Идеальный... Вотъ какой! Этакихъ-то мнѣ и надо—первымъ дѣломъ. А вы весь въ этой идеѣ... коли я васъ разумѣю.

— О! Конечно!—вырвалось у Бориса.

Онъ взялъ подъ руку Пахомова и посадилъ его рядомъ съ собою, на диванъ.

— Можетъ быть, и не нужно теперь трогать?

— Не трогайте!

— А не удастся мнѣ пролетарій — я все-таки Христа не уничтожу.

— Сохрани Боже! Но все это вопросы техники. Не это главное... Вещь ваша символическая...

— Если хотите—да.

— И символическая — въ высокомъ смыслѣ. Такъ она и должна быть понята всѣми, у кого есть что-нибудь за душой. Вы схватили въ такомъ чудесномъ замыслѣ: и страждущее человечество, и его жажду Неба. Никогда еще не было такого момента въ исторіи... Никогда!..

Борисъ не досказалъ, прерванный хриплымъ дребезжаньемъ колокольчика.

Пахомовъ пошелъ отворять. Борисъ поднялся тотчасъ же съ дивана, зная, что это должна быть Олимпіада Петровна.

Въ полусумеркахъ той половины комнаты, гдѣ была входная дверь, ея стройный станъ выступилъ свѣтлыми очертаніями короткой мантили, накинутой на плечи, и тюлемъ, которымъ отдѣлана была шляпка.

— Опоздала!—раздался ея слабый, музыкальный голосъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, Олимпіада Петровна!—окинулъ ее Борисъ, пожимая ей руку.

— Витя мнѣ тоже до сегодня не показывалъ.

Она ласково оглянула ихъ обоихъ своими большими темными глазами. Сходство ея съ братомъ замѣчалось больше въ очертаніи самой головы. Но сестра была красивѣе и съ менѣе болѣзненной прозрачностью кожи. Маленькій ротъ съ яркими губами, нѣжный румянецъ щекъ съ родимымъ пятнышкомъ около уха всѣхъ обманывали насчетъ ея здоровья. Она мало походила и на трудовую петербургскую дѣвушку. На нее жизнь черно-рабочей умственного труда не наложила еще своей лапы.

— Вотъ пожалуйста сюда,—пригласилъ ее Борисъ на диванъ.

— Да теперь, Липа, свѣту уже нѣтъ, какого нужно,—поморщившись, сказалъ братъ.

— Ничего, ничего, Вивентій Петровичъ. Я нахожу, что въ полусвѣтѣ выходитъ еще лучше.

— Вотъ видишь, Витя. Ужъ ты не ворчи.

Она смолкла и стала жадно всматриваться въ фигуру Спасителя.

Братъ отошелъ къ столу и закурилъ папиросу. Борисъ сидѣлъ молча, привлеченный опять полотномъ художника.

— Витя! Вѣдь хорошо!

И точно испугавшись такого рѣшительнаго сужденія, она спросила тихо Бориса, взглянувъ на него искоса:

— А вамъ какъ?

— Чудесно!

Она покраснѣла отъ удовольствія.

— Борисъ Ивановичъ одобрилъ. Даже слишкомъ.

— Погоди! Погоди! Я совсѣмъ не ожидала. Какъ жаль только, что нѣтъ группы!

Она знала сюжетъ картины; но братъ и ей не показывалъ того, что было готово.

— Это само по себѣ. Но Христосъ полонъ высокой прелести... и глубины содержания,—сказалъ Борисъ, впадая въ тонъ, какимъ онъ говорилъ о картинѣ до прихода Олимпиады Петровны.

— Витя! Скажи: вѣдь ты у насъ тамъ, въ Петербургѣ, ни за что бы не задумалъ такой вещи?

— Что же тутъ мудренаго?

— Это Римъ сдѣлалъ,—замѣтилъ Борисъ съ особеннымъ выраженіемъ. Нигдѣ вы такъ не охвачены вотъ этими двумя полюсами христіанской души:—великой жалости къ пролетарію и великой жажды божественной благодати. Я сейчасъ это говорилъ вашему брату. А вы, Олимпиада Петровна, развѣ не чувствуете того же?

— Чувствую.

Она опять ушла глазами въ фигуру Христа.

— Викентій Петровичъ!—окликнулъ Борисъ.—Присядьте къ намъ. Поговоримъ. Ваше символическое созданіе подняло во мнѣ столько мыслей... Вотъ вѣдь мы при Олимпиадѣ Петровнѣ не разъ бесѣдовали и даже спорили все о томъ же...

— О вселенской церкви?—тихо подсказала дѣвушка.—Братъ не поддается, но, право, онъ не такой, какимъ выдаетъ себя иногда. Мы вѣримъ, каждый по-своему. Но я согласна съ Борисомъ Ивановичемъ, здѣсь—въ этомъ міровомъ городѣ, нельзя не подниматься надъ всѣмъ мѣстнымъ, цѣпляться за то только, что свое, а главное замыкаться передъ всѣмъ, что не наше, къ чему мы съ дѣтства не приучены.

— Да, да,—полушопотомъ выговорилъ Борисъ. — И вашъ

братъ, быть можетъ противъ воли, отълинулся на то, что слышалось и оттуда, съ Лѣнгула, съ высоты престола римскаго владыки. Вы не забыли и энциклики, которая такъ обрадовала, во всемъ христіанскомъ мірѣ, тѣхъ, кто давно ждетъ отъ церкви призыва къ милліонамъ обездоленныхъ. Согласитесь, Викентій Петровичъ, ваша картина—когда она будетъ готова—предстанетъ передъ нами, какъ художественный символъ того самаго призыва. Викарій св. Петра, а стало быть и Того, Кто его поставилъ на свое мѣсто,—напоминаю слова Милолюбца и Утѣшителя,—призывалъ сердца всѣхъ къ обездоленнымъ, къ рабамъ жестокаго общественнаго строя.

— Разумѣется!—съ теплотой въ голосѣ, какъ бы, подтвердила Олимпіада Петровна.

— Грѣшный человѣкъ,—въ социализмъ Ватикана я не очень-то вѣрю,—сказалъ, тряхнувъ головой, Пахомовъ и сильно затынулся. —Пожалуй, теперь и въ Римѣ, и во Франціи завелись клерикалы-социалисты; слыхалъ я и здѣсь іезуитовъ-проповѣдниковъ. Какъ громить бездушныхъ капиталистовъ! Любо-дорого слушать! Но все это—политика, и еслибъ римская курія своего добила, она, разумѣется, была бы за „statu quo“, самое буржуазное.

— Утверждать этого нельзя,—кратко возразилъ Борисъ.—Да и зачѣмъ намъ, милый Викентій Петровичъ, впадать въ такое разбирательство? Удержимъ въ себѣ чудное настроеніе, вызванное вашей работой. Не такъ ли?—обратился онъ къ Олимпіадѣ Петровнѣ.

— Конечно, конечно. Вы сто разъ правы насчетъ Рима. И зачѣмъ придирается, когда такіе слова раздаются оттуда?—дѣвушка протянула руку вправо.—И развѣ тотъ старецъ, что живетъ въ Ватиканѣ—попади онъ вотъ сюда, въ эту мастерскую,—Витя... передъ твоей картиной,—развѣ онъ не отдался бы всей душой тому, что насъ охватило?

— Еще бы!—отълинулся восторженно Борисъ.—Викентій Петровичъ не станетъ это отрицать. Дайте срокъ, и онъ самъ почувствуетъ потребность призванія единого союза послѣдователей Того, Кто вотъ тутъ простираетъ свою искупительную длань на всю вселенную.

Пахомовъ покручивалъ концы бороды, медленно прохаживаясь по мастерской, гдѣ сумерки сгущались.

Возражать онъ не хотѣлъ. Удовлетворенное чувство художника настроивало его благодушно. Онъ видѣлъ, что и Борисъ, и сестра, все еще находятся подъ притягательнымъ обаяніемъ его недоконченной, но выношенной картины. Онъ признателенъ

быть тому городу, гдѣ его творческія силы такъ разрослись, въ созерцаніи и внутренней работѣ, подъ воздѣйствіемъ великаго прошлаго Рима, и языческаго, и христіанскаго.

Въ Борисѣ его смущала „восторженность“; онъ боялся, чтобы того не забрала въ свои руки „черная братія“. Не совсѣмъ спокійно относился онъ и къ тому, какъ Борисъ можетъ повліять на его сестру. Онъ ей очень симпатиченъ. Она еще не встрѣчала такой чистой души. Въ ней также большой подъемъ духа и даже что-то въ родѣ мистическаго налета; но больше въ общихъ идеяхъ о добрѣ, о красотѣ, о всемірномъ началѣ, чѣмъ въ вѣроисповѣдномъ смыслѣ.

Здѣсь они навѣрное еще больше сблизятся, и ему уже представлялся вопросъ: не будетъ ли нареканій на него за то, что онъ помогалъ этому сближенію, какъ бы ловилъ „князька“, о которомъ здѣсь уже, между русскими, поговариваютъ какъ о „шаломахъ“ и даже тайномъ католикѣ?

— До пріѣзда сюда, — тихо говорила Олимпіада Петровна, немного наклоняясь къ Борису, — я не понимала всего величія искусства и глубокой потребности въ немъ для человѣчества. Вотъ даже эти слова было бы странно произносить тамъ у насъ. Это отзывалось бы книжкой. А здѣсь я съ каждымъ днемъ все ярче чувствую: что можетъ создать человѣкъ изъ своихъ вѣрованій, изъ своихъ идеаловъ. Вотъ у насъ, въ газетахъ, сколько лѣтъ твердили, что русскому художнику сюда незачѣмъ ѣздить, опасно жить здѣсь, что это все академія, казенщина, повтореніе задовъ, и такъ далѣе, и такъ далѣе. Можетъ быть, — если выѣзжать на римскомъ жанрѣ, на картинахъ по шаблону, да на всякихъ штучкахъ, уйти отъ своей родной жизни. Но проникнуться тѣмъ, что даетъ Римъ — необходимо!..

— Да и работать нельзя нигдѣ лучше, чѣмъ здѣсь, — отзывался Пахомовъ, ушедшій за ширмы переодѣться.

— Это еще не главная суть, Витя! — возразила Олимпіада Петровна. — Князь тысячу разъ правъ: это, какъ ты, кладешь въ работу все свое существо, въ извѣстномъ направленіи, на того навѣрно найдешь здѣсь настроеніе, о какомъ нечего и мечтать въ Петербургѣ.

Борисъ въ полутемнотѣ слушалъ ее и все глядѣлъ на свѣтлое пятно картины, на фигуру въ бѣломъ хитонѣ, и ликъ Спасителя продолжалъ выдѣляться передъ нимъ, хотя глаза его и не могли уже различать отдѣльныя черты.

Голосъ симпатичной ему дѣвушки точно вливался ему въ душу, и ея складная рѣчь, безъ претензій и педантизма, съ по-

рывомъ къ тому, что стоитъ выше всѣхъ личныхъ интересовъ ласкала его. Въ ней это его вдвое радовало. Она могла бы уже заразиться въ Россіи суетнымъ духомъ того, что теперь зовется, по модному, „феминизмомъ“, ничего не видать дальше борьбы за независимость женской личности и гарантій своего заработка. Она была трудовая дѣвушка, слабаго здоровья, знающая, что такое эта личная погоня за всякимъ грошевымъ урокомъ, а въ ней онъ чувствовалъ трепетаніе совѣсть не тѣхъ струнъ.

И не въ первый уже разъ вспыхивала въ немъ надежда найти въ ней „сочувственницу“ тому, съ чѣмъ онъ пріѣхалъ въ Римъ; онъ думалъ черезъ нее привлечь и ея брата, не путемъ бесплодныхъ препирательствъ, а путемъ мирныхъ, теплыхъ бесѣдъ во имя великаго начала свободы совѣсти.

— Борисъ Ивановичъ!—окликнулъ его Пахомовъ, выглядывая изъ-за ширмъ.—Вы—какъ сегодня? Можете располагать обѣденнымъ часомъ?

— Я всегда свободенъ.

— А батюшка вашъ?

— У насъ съ нимъ такой уговоръ: одинъ другого не ждетъ, ни къ обѣду, ни къ завтраку.

— Вотъ это превосходно! Я на кутильномъ взводѣ... Мнѣ такъ лестно было ваше доброе слово.

— А мое?—спросила сестра.

— И твое также, Липа, и твое, разумѣется! Вы вѣдь не стакнулись же, чтобы мнѣ поддурить. Надо spruzzare это бутылкой „Asti Spumante“. Знаю, что это мнѣ не весьма полезно. Но одинъ разъ—не въ счетъ. Въ нашемъ кабачкѣ, право, не дурно кормятъ.

— Да я все ѣмъ. Очень, очень буду радъ.

— Вотъ и чудесно! — обрадованно воскликнула Олимпіада Петровна.

Они поднялись разомъ съ дивана.

— Позвольте, только приготовлю все для затопки печурки.— И возбужденно Пахомовъ завожился около желѣзной печки. Сестра и Борисъ стали ему помогать.

Часу въ десятомъ они возвращались къ Via Sistina по ближайшему пути, по Via del Tritone.

Пообѣдали они въ рестораникѣ, куда Пахомовъ ходилъ только въ экстренные дни, потому что считалъ его дорогимъ. Борисъ попадалъ туда въ первый разъ. Старинный трактиръ, въ незатѣливомъ итальянскомъ вкусѣ, помѣщался на дворикѣ

невзрачнаго дома, въ одной изъ узкихъ улицъ, соединяющихъ Корсо съ Via Babuino. Ему понравился и дворикъ съ рядомъ огромныхъ бутылей, укутанныхъ въ солому, и родъ сѣней, съ ходомъ въ кухню, и комнатка, гдѣ конторка.

Обѣдали они въ общей низковатой залѣ, довольно опрятной, съ гарсономъ въ пиджакѣ, который со всѣми обычными по-сѣтителями обращался по-пріятельски. За двумя-тремя столами сидѣли все нѣмцы, изъ журналистовъ и художниковъ, громко спорили и пили вино изъ большихъ флясокъ.

За обѣдомъ Олимпиада Петровна замѣтила, что Борисъ не заказалъ себѣ ничего мясного, а спросилъ ризотто, фриттуру изъ овощей и какую-то рыбу подъ соусомъ. Пахомовъ за десертомъ сказалъ ему шутя:

— Вамъ, Борисъ Ивановичъ, не совсѣмъ полагается быть толстовцемъ.

— Я и не толстовецъ, — возразилъ Борисъ и даже покраснѣлъ.

— А насчетъ убойни?

— Развѣ всѣ, кто не ѣдятъ мяса четвероногихъ — толстовцы? Тогда къ нимъ надо причислить и римскаго епископа, живущаго въ Ватиканѣ.

И, помолчавъ, онъ сказалъ задумчиво, тихимъ голосомъ:

— Я никогда не былъ любителемъ мяса. Но я не хочу быть и фанатикомъ вегетаріанства. Рыбу я допускаю. Она ничего не говоритъ моему чувству. Но высшихъ животныхъ я не могу употреблять въ пищу, даже еслибъ нашли способъ истреблять ихъ безъ всякихъ страданій, а не звѣрски умерщвлять въ бойняхъ.

Олимпиадѣ эта отвѣдь пришлась по душѣ. О себѣ она сказала, что и сама не большая охотница до говядины. Но ее докторъ принуждаетъ ѣсть мясо и даже сырыя котлеты, что ей особенно противно.

Всѣ трое они очень мало ѣли, и ихъ кутежъ свелся къ небольшой бутылкѣ „Asti Spumante“. Разговоръ ихъ продолжался и по пути черезъ Корсо къ Piazza Colonna. Электрическіе шары, висящіе въ воздухѣ на мало замѣтныхъ проволокахъ, заливали свѣтомъ всемірно извѣстную узковатую и длинную улицу, въ этотъ часъ совсѣмъ почти безъ ѣзды. Изрѣдка проѣзжала карета. Извозчики фіакры вытянулись вдоль той площадки съ приподнятымъ грунтомъ, гдѣ когда-то стоялъ не очень давно снесенный домъ напротивъ магазиновъ Воссони съ зеркальными сажеными стеклами.

Черныя мужскія фигуры медленно двигались больше по сре-

динѣ улицы, въ пальто и плащахъ. Между самымъ бойкимъ кафѣ Рима—„Агагно“—и прозрачной вывѣской увеселительной залы „Olimpia“, на троттуарѣ и на улицѣ еще темнѣли группы мужчинъ, штатскихъ и офицеровъ, по итальянской привычкѣ курили и разговаривали, не такъ громко, какъ внутри кафѣ, такъ что и вблизи не слышно было гула.

Борись, пересѣкая въ этомъ мѣстѣ Корсо съ своими спутниками, вспомнилъ, что ему надо бы завернуть къ „Агагно“, какъ разъ сегодня вечеромъ, чтобы захватить тамъ одного интереснаго для него священника-славянина. Но тотъ навѣрное засидится часовъ до одиннадцати. Онъ успѣетъ проводить Пахомовыхъ и вернуться на Корсо.

Они вошли въ еще болѣе узкую, чѣмъ Корсо, улицу Три-тоне. Днемъ она шумная и полная вожовъ, экипажей, выючныхъ ословъ, омнибусовъ, пѣшеходовъ по обоимъ тѣснымъ и грязнымъ бульварамъ. Къ ночи она пустѣетъ очень быстро, и только пѣшеходы до позднихъ часовъ пробираются вдоль стѣнъ, по этой артеріи, соединяющей теперь всѣ низины Рима съ нагорной частью, гдѣ вокругъ центральнаго вокзала выросъ кварталъ, самый благоустроенный и здоровый во всемъ городѣ.

Тутъ электрическій свѣтъ казался еще ярче, чѣмъ на Корсо. И было что-то красивое и привлекательное въ этомъ обилии изсиня-бѣлаго, трепетнаго свѣта, льющагося сверху, изъ ряда шаровъ, которые длиннѣйшей вереницей поднимались въ гору, до Piazza Barberini и дальше, въ гору, гдѣ уже и въ этотъ ранній часъ ночи совсѣмъ безлюдно.

Передъ дверью дома, гдѣ жилъ Пахомовъ, они постояли минуты съ двѣ. Улица Sistina, съ обыкновенными газовыми рожками, казалась унылой и провинціальной. Она стояла совсѣмъ безмолвной и только двѣ-три остеріи еще были освѣщены.

Олимпиада жила въ нѣсколькихъ шагахъ отъ брата—наискосокъ отъ его дома. Пахомовъ, пожимая руку Борису на порогѣ входной двери, вдругъ сообразилъ, что лучше будетъ ему довести сестру до ея дома и вернуться.

Но Борисъ предупредилъ его и совершенно просто сказалъ ему:

— Викентій Петровичъ! Отправляйтесь почивать. Я провожу Олимпиаду Петровну.

Тотъ не нашелъ ничего отвѣтить и, протянувъ еще руку обоимъ, юркнулъ въ узкій проходъ, совсѣмъ темный, гдѣ въ самой глубинѣ мерцало пламя грошовой лампочки.

Борись и Олимпиада перешли молча улицу и остановились на троттуарѣ.

— Вы не опоздаете?—спросила она.

— Куда?

— А вы, кажется, говорили, что вамъ надо на разговоръ съ однимъ...

Она хотѣла-было сказать „іезуитомъ“, но удержалась, не зная въ точности—кто это.

— Да, съ „штафнымъ“ священникомъ, славяниномъ. Личность любопытная, и совсѣмъ, совсѣмъ новая въ католическомъ духовенствѣ.

— Откуда онъ родомъ?

— Изъ Галиціи.

Они незамѣтно спускались по троттуару къ площади.

— Борись Ивановичъ, скажите мнѣ... если васъ это не потревожить...

— Все, что вамъ угодно, спрашивайте.

— Вы развѣ вѣрите, что здѣсь... какъ принято выражаться... въ куріи... дѣйствительно къ сердцу принимаютъ то, что васъ наполняетъ?

Онъ понялъ, о чемъ она говорить.

— Отвѣтить за всѣхъ трудно. Тамъ, въ Ватиканѣ, это—завѣтная мечта... Старецъ, живущій тамъ, достаточно высказался. И теперь... я это знаю отъ того, кому онъ еще недавно говорилъ на эту тему, и прибавилъ, какъ всегда: „я слишкомъ старъ, чтобы войти въ обѣтованную землю“... И тѣ, кто ему преданъ — раздѣляютъ это упованіе. Но многіе ли желаютъ этого, даже и тамъ, гдѣ сосредоточены всѣ такіе вопросы? — я не знаю. Скорѣе—нѣтъ.

— Почему?

— Въ другой разъ я вамъ объясню.

— А можно ли на это надѣяться... хотя бы и вамъ, Борись Ивановичъ?

— Надѣяться? О, да!

— Я, простите, не вполне точно выразилась.

— Вы хотѣли сказать—нужно ли этого желать, а еще мнѣ добиваться этого? Не правда ли?

— Если хотите, да.

— И объ этомъ, Олимпиада Петровна, я готовъ бесѣдовать съ вами, но только не спорить. Споръ всегда идетъ по тѣмъ же зарубкамъ. Братъ вашъ считаетъ себя вооруженнымъ несокрушимыми доводами. Но я чувствую, что онъ гораздо ближе

ко мнѣ, чѣмъ онъ думаетъ. О различіяхъ не надо препираться... все это не составляетъ неодолимаго препятствія. Не въ этомъ вся душа вопроса. Но простите... я васъ задерживаю.

— Почему же *сы?*—возразила она съ милой усмѣшкой.

Они давно уже были на площади и двигались теперь по продолженію Via Tritone—также ярко залитой электричествомъ, какъ и нижняя улица того же имени. Въ эту минуту они были совершенно одни.

— Какъ я люблю Римъ ночью, вотъ при этомъ освѣщеніи! Это не отзывается античнымъ міромъ,—нужды нѣтъ. Еслибы не было поздно—зайти бы къ фонтану Trevi.

— Пройдемте!—предложилъ Борисъ.

— Нѣтъ, сыро. Братъ и то бы забранилъ, еслибы зналъ, что мы съ вами гуляемъ.

Въ сизо-бѣломъ свѣтѣ лицо русской дѣвушки получило матовую прозрачность, и ея большіе темносѣрые глаза казались почти черными. Сегодня, лицо Бориса, его убѣжденно-трепетный тонъ, необычайно привлекательная простота и чистота—притягивали ее совсѣмъ не такъ, какъ недѣлю назадъ. Ее привлекала широта религіознаго чувства, проникавшаго все его существо. Развѣ онъ—ханжа, или баринъ-модникъ, который желаетъ тѣшить себя игрой въ римско-католическія приманки? Какъ онъ горячо отнесся къ идеѣ картины ея брата! Сегодня они всѣ трое сливались въ одномъ чувствѣ—своего общенія съ рабами желѣзнаго вѣка. Но для него мало головного сочувствія; душа его жаждетъ высшаго завѣта и не находитъ нигдѣ, кромѣ божественнаго завѣта Распятая. И красоту онъ ставитъ высоко. И на нее онъ смотритъ какъ на драгоценный удѣлъ чело-вѣчества.

Ей неудержимо захотѣлось сказать ему что-нибудь отъ души; но она боялась, что выйдетъ банально.

— Спорить мы нѣкогда не будемъ, Борисъ Ивановичъ,—заговорила она, когда они пошли—гораздо поспѣвшиѣ—обратно къ площади.—Я ничего не боюсь, для меня нѣтъ никакихъ зарубокъ, какъ вы сейчасъ прекрасно сказали. Въ Римѣ я хочу отдаться всему, что онъ будитъ въ васъ, надъ чѣмъ заставляетъ задуматься и чѣмъ восхищается. Не спорить съ вами я хочу, а понять и оцѣнить...

Она не договорила.

Борисъ шелъ съ опущенной головой, смущенный и радостный.

Она тутъ только замѣтила, что онъ въ одномъ сюртукѣ. Ей показалось даже, что Борисъ вздрогнулъ отъ сильно засвѣжав-

шей ночи. И ей подъ драповой накидкой не было особенно тепло.

У фонтана съ тритонами стоялъ одинъ закрытый фіакръ.

— Борисъ Ивановичъ!—она остановилась недалеко отъ поворота въ свою улицу.—Прошу васъ... Вонъ карета... Вы продрогли. На васъ нѣтъ и лѣтняго пальто.

— Я все время на ходу. А о пальто совсѣмъ забылъ.

— Ну, пожалуйста. Это на моей совѣсти будетъ. Вы заболѣете.

— Позвольте довести васъ.

— Тутъ два шага. Меня никто не обидитъ. А карету могутъ взять.

И не дожидаясь его отвѣта, она крикнула фіакру.

— Такъ лучше я васъ доведу.

— Нѣтъ, не надо, не надо. Не стойтъ. Садитесь, садитесь!

Она даже отворила дверцу. Борисъ пожалъ ей руку и, кажется, въ первый разъ, поглядѣлъ ей прямо въ глаза.

— Вы меня много утѣшили... всѣмъ, что мнѣ говорили, Олимпіада Петровна.

Дѣвушка отвѣтила ему быстрымъ и крѣпкимъ пожатіемъ.

— *Aragno!*—крикнулъ Борисъ кучеру.

— *Si, signor!*

Бичъ хлопнулъ. Олимпіада кивнула головой и быстро пошла вверхъ.

Двое молодыхъ людей, въ войлочныхъ шляпахъ и въ однѣхъ визиткахъ—какъ истые римляне—проходили мимо нихъ, и ихъ музыкальные голоса звенѣли въ холодномъ воздухѣ. Они видѣли эту сцену и, конечно, приняли ее за прощанье двухъ любовниковъ. При своемъ темпераментѣ, они бы изумлялись, узнавъ, какъ цѣломудренно все обошлось у этихъ русскихъ.

V.

День былъ сѣренькій и сырой. Часовъ около десяти, повернувъ отъ Пантеона, куда Мѣдниковъ уже ходилъ раза два, онъ, въ темной крылатѣ, пробирался боковыми улочками къ *Corso Vittorio-Emanuele*.

Онъ условился съ Борисомъ сойтись въ церкви *S. Andrea della Valle*, къ началу службы. Праздники „*Vefana*“ справляются въ этой церкви цѣлымъ рядомъ службъ различныхъ исповѣданій *восточнаго* обряда. Сегодня идетъ архіерейская обѣдня на

греческомъ языкѣ. Борисъ увѣрилъ его, что эта служба совершенно тождественна съ нашей и служить будутъ итальянскіе греки, сохранившіе въ южной Италіи и Сициліи свой обрядъ, но признающіе главенство папы. Онъ приглашалъ его и на коптскую службу, и на сирохалдейскую, и на армянскую, и на русинскую, съ церковно-славянскимъ языкомъ; но Мѣдниковъ нашель, что довольно и одной восточной—греческой.

Въ эти двѣ-три недѣли, пролетѣвшія у него очень быстро, Мѣдниковъ часто видался съ Елатомскими, познакомилъ ихъ съ старикомъ Екунинымъ, ходилъ по Риму со всѣми троими, чаще съ княземъ Иваномъ, иногда съ Борисомъ. Отецъ радовалъ его всѣмъ своимъ „психическимъ строемъ“; но онъ побаивался того, какъ бы князь въ чемъ не попался, по своимъ сношеніямъ въ Россіи. Могли выйти съ этой стороны какіе-нибудь „милые подходы“ и отъ княгини Евпраксіи Андреевны, тѣмъ болѣе, что слухъ о ея пріѣздѣ въ Римъ держался... И Борисъ немного тревожилъ его. Его „затѣю“, какъ онъ называлъ мечту о „единеніи“, онъ допускалъ въ томъ же смыслѣ, какъ и князь Иванъ—во имя свободы совѣсти. Но въ такихъ натурахъ идея—да еще на мистической почвѣ—могла повести далеко. Мѣдниковъ часто думалъ о великомъ русскомъ сатирикѣ, который именно здѣсь, въ какихъ-нибудь три-четыре года, такъ взвинтилъ себя самоизобличеніемъ, уже охваченный маніей писательскаго величія; значить, въ самомъ воздухѣ вѣчнаго города было что-то, что помогало процессу, кончившемуся полнымъ банкротствомъ творческихъ силъ.

Но онъ не спорилъ съ Борисомъ, не предостерегалъ его, не подпучивалъ надъ нимъ, давалъ ему высказываться, и Борисъ охотно его „просвѣщалъ“. Онъ же, о Рождествѣ, предложилъ ему идти на Капитолій, въ древнюю церковь „Ara Coeli“, гдѣ, по обычаю римской куріи, днемъ, — противъ той капеллы, гдѣ декорація изъ дерева и папье-маше изображаетъ поклоненіе царей и волхвовъ Младенцу Іисусу — у входа, около колонны, взятой когда-то изъ языческаго храма, на каменномъ помостѣ дѣти — мальчики и дѣвочки, и подростки, и совсѣмъ каплюшки — говорятъ проповѣди на тему пришествія въ міръ Спасителя.

Мѣдниковъ давно, еще въ первый пріѣздъ сюда—зналъ по Бедэверу, что иностранцы считаютъ эти дѣтскія проповѣди однимъ изъ курьезныхъ зрѣлищъ. Но онъ попалъ туда съ Борисомъ въ первый разъ.

По пути къ холму „Ara Coeli“, Борисъ находилъ, что такой обычай очень трогателенъ, что въ немъ есть что-то ми-

лое и простое, показывающее, что церковь допускаетъ всѣхъ — вплоть до малыхъ дѣтей — славословить и поучать, напоминая этимъ, что Спаситель имѣющимъ дѣтскую душу общалъ царствіе небесное.

Возвращался оттуда Борисъ съ инымъ чувствомъ: ему эти упражненія въ духовномъ краснорѣчіи показались чѣмъ-то мало допустимымъ въ стѣнахъ храма, да еще съ такой легендой, какъ „Ага Соелі“. Сначала вскакивали на помость мальчики-подростки и съ заученной жестикულიціей говорили наизусть свое слово. Одинъ даже декламировалъ съ пафосомъ и, обращаясь къ яслямъ — по другой сторонѣ церкви, совершенно театрално прокричалъ нѣсколько тирадъ съ латинскими тезисами, изъ писанія. Ужъ и эти смутили Бориса. Но когда на помость стали одну за другой поднимать дѣвочекъ отъ восьми до четырехъ лѣтъ, и онѣ — разряженные, какъ куклы — то лепетали, поводя руками, какъ марионетки, то конфузились и запинаясь — одна даже заплакала — и публика, изъ разнаго мелкаго люда, въ перемежку съ „форестьерами“ — ободряла ихъ или смѣялась — имъ обоимъ сдѣлалось жутко, и Борисъ увелъ его до окончанія этого дарового зрѣлища.

Онъ — дорогой — напиралъ на то, что ему вовсе не желательно принимать „западный обрядъ“, какъ бы успокоивая этимъ Мѣдникова. И сегодняшнюю греческую архіерейскую службу онъ предложилъ ему, чтобы воочию увидѣть — какъ Римъ объединяетъ всѣ извѣстные на востокѣ культы.

Передъ главнымъ алтаремъ, гдѣ поклоненіе царей и волхвовъ изображено было въ видѣ декораціи съ фигурами въ чело-вѣческой ростъ — скучилась публика, занимавшая нѣсколько рядовъ соломенныхъ стульевъ.

Борисъ сейчасъ увидалъ Мѣдникова и привелъ его поближе къ алтарю. Служба только-что началась.

— Вы видите, — объяснялъ Борисъ, — епископъ въ точно такомъ же облаченіи: савось, митра; наши иподьяконы, и прото-дьяконъ, и священники. Служать соборне. Дикири и трикири — у владыки...

И дѣйствительно, когда архіерей повернулся къ паствѣ — онъ перекрещивалъ совершенно такъ же свѣтильники, и хоръ пѣлъ ему: „исъ полла эті, деспота“!

Мѣдниковъ сейчасъ же схватилъ эти слова и замѣтилъ Борису, что произносятъ они какъ и въ нашихъ семинаріяхъ. Весь ритуалъ службы, на которой онъ не бывалъ многіе годы, вспомнился ему живо. Онъ и самъ пѣлъ алта въ архіерейскомъ хорѣ.

Еслибы не открытый алтарь, безъ иконостаса и съ этой декорацией ясель — можно бы было почувствовать себя за тысячи верстъ отъ Рима и латинства.

Въ публикѣ врядъ ли кто молился. Тутъ были иностранцы, цѣлыми партіями семинаристы, монахи въ бѣлыхъ мантияхъ, съ бородами, и тотъ особый людъ, который набирается на всякую церемонію: старухи, мальчишки, нищенки, нѣсколько итальянокъ — дамъ въ черномъ. Тѣ, кто не попалъ впередъ, преспокойно влѣзали на стулья и глазѣли.

Служба шла не больше часа. Когда духовенство отправилось процессіей въ ризницу — всѣ столпились на проходѣ, разглядывая облаченіе епископа, священниковъ, дьяконовъ и пѣвчихъ.

Борисъ взялъ Мѣдникова за руку и отвелъ его въ глубину церкви, противъ каѳедры, гдѣ въ теченіе этой недѣли произносятся проповѣди на разныхъ европейскихъ языкахъ.

— Вотъ видите, Илья Ѳеодоровичъ, нашъ восточный обрядъ сохраненъ въ чистотѣ... и совершается онъ, на глазахъ у всѣхъ, въ католической церкви. И остальные службы я видѣлъ. Слишкомъ какъ-то чуждо. А русины, т.-е. хохлы, сильно олатинились, и безъ всякой надобности. Тутъ же — настоящее архіерейское служеніе...

Онъ не докончилъ, взглянувъ вправо. Къ нимъ приближалась дама въ низенькой шляпѣ и черной кофточкѣ.

— Моя знакомая... я вамъ объ ней говорилъ... сестра художника Пахомова. Вы позволите познакомиться съ вами, Илья Ѳеодоровичъ?

Мѣдниковъ и Борисъ подошли къ Олимпіадѣ Петровнѣ. Она, немного опоздавъ, попала на вторую половину службы, и была замѣтно возбуждена тѣмъ, что видѣла.

Борисъ познакомилъ ихъ.

Мѣдниковъ спросилъ ее вполголоса:

— Вамъ это такъ же по душѣ, какъ и Борису Ивановичу?

— Я не ожидала ничего подобнаго. Римъ все въ себя вбираетъ!..

— Прекрасно сказано! — похвалилъ ее Мѣдниковъ.

— Да, все въ себя вбираетъ, — повторилъ съ особымъ выраженіемъ Борисъ. — Но прежде онъ дѣйствовалъ *per fas et nefas*... а теперь все должно исходить изъ внутреннихъ побужденій.

— Какая же будетъ сегодня проповѣдь? — спросила Олимпіада Петровна.

— Польская. Священникъ вошелъ уже...

Передъ высокой каедрой разсѣлась другая публика, на стульяхъ, поставленныхъ поперекъ церкви.

Худошавая фигура еще молодого каноника въ чемъ-то фіолетовомъ, съ сухимъ, бритымъ лицомъ блондина, и плотно остриженная голова точно выплыли изъ-подъ шюпитра, зазвучалъ высокій теноровый голосъ, и польская рѣчь стала разноситься по холодной церкви.

Борисъ одинъ понималъ немного по-польски. Въ числѣ первыхъ фразъ, какія онъ схватилъ слухомъ, была одна, произнесенная съ сильнымъ взмахомъ руки внизъ:

— „Все, что не Богъ, то есть ложь“...

И это слово „ложь“, звучащее: „фалшь“, по-польски, съ твердымъ „л“—какъ-то сразу дало совсѣмъ другую ноту послѣ мягкихъ греческихъ возглашеній „исполлаэти“.

Борисъ поборолъ въ себѣ непріятное ощущеніе, но проповѣдь трогала его такъ же мало, какъ и все, что онъ, съ той же каедры, слышалъ нѣсколько дней сряду: и англійская проповѣдь амѣриканскаго епископа изъ ирландцевъ, и слашавая фразеологія французскаго аббата, и отечески-учительская бесѣда нѣмца-патера, и пылая декламация испанца, съ самыми порывистыми жестами, какіе ему только случалось видѣть.

Онъ даже попенялъ себѣ за то, что не увелъ Олимпіаду Петровну и Мѣдниковъ тотчасъ послѣ службы.

Но они и сами не пожелали оставаться до конца, и подѣ возгласы молодого каноника всѣ трое направились къ входной двери, гдѣ нищенка, въ ожиданіи милостыни, отвернула для нихъ тяжелую завѣсу.

Моросилъ мелкій дождь, когда они спустились съ крутой паперти. Нищенки жалобно причитали, сидя на стульяхъ. По улицѣ расплзался грохотъ отъ ѣзды; вагонъ трамвая проходилъ какъ разъ передъ церковью, по направленію къ Palazzo di Venezia.

— Не хотите ли?—предложилъ Мѣдниковъ имъ обонмъ.

— Мнѣ надо въ ту сторону...

И Борисъ показалъ внизъ по улицѣ, къ рѣкѣ. Онъ, немного смутившись, сказалъ торопливо Олимпіадѣ Петровнѣ:

— Простите... Я бы васъ проводилъ. Но сегодня утромъ пришла депеша отъ тетки моей. Она вызываетъ меня по какому-то спѣшному дѣлу. „Affaire urgente“—сказано въ телеграммѣ.

Мѣдниковъ, стоя подѣ зонтомъ, дожидался конца ихъ „a parte“.

— Илья Ѳедоровичъ! Извините! Я васъ задерживаю... И вагонъ прошелъ уже. Простите, Бога ради!

— Ничего,—успокоила его Олимпіада.—Сейчасъ и другой придетъ.

— А намъ съ вами по дорогѣ?—спросилъ ее Мѣдниковъ.

— Вы гдѣ живете?

— Я—на Via Ludovisi, въ отелѣ. Мнѣ надо до почты до-
ѣхать.

— И мнѣ также... Такъ мы сядемъ теперь на конку, а по-
томъ въ простой омнибусъ.

— Сложненько, но иначе нельзя.

Олимпіада приблизилась къ Борису, все еще на паперти
церкви, и спросила его съ тревогой въ голосъ:

— Вы не догадываетесь, зачѣмъ васъ вызываетъ тетушка?

— Право... не знаю... Но она очень нервная... Что-нибудь
вдругъ встревожило ее.

— Вы намъ сообщите съ братомъ?

— Сегодня же.

Онъ взглядомъ поблагодарилъ ее.

Опять раздался звонокъ трамвая.

— Идемте,—пригласилъ Мѣдниковъ Пахомову.

Она крѣпко пожала руку Борису. Спускаясь по ступенямъ,
она обернулась и сказала:

— Пожалуйста.

Борисъ далъ знакъ кучеру и посадилъ ее въ вагонъ. Мѣд-
никовъ крикнулъ ему:

— Батюшкѣ скажите, что я на него рассчитываю относи-
тельно поѣздки въ Альбано, какъ только установится погода.

Въ вагонѣ, гдѣ сидѣнья шли попережь кареты, Мѣдниковъ
сѣлъ противъ Пахомовой, у окна, и между ними сейчасъ же за-
вязался разговоръ.

Ихъ сразу объединила симпатія къ Борису. Мѣдниковъ зналъ
отъ князя Ивана про его пріятельство съ русскимъ художни-
комъ и его сестрой; былъ намекъ на возможность серьезной
привязанности.

— Вы знакомы съ тетенькой Бориса Ивановича?—спросилъ
Мѣдниковъ съ особеннымъ выраженіемъ, которое она поняла.

— Нѣтъ, я не была у нея. Да меня и не влечетъ къ ней.

— Боятесь ея латинской вѣры?

— Нѣтъ, за себя не боюсь.

— А за князя?

По блѣдному лицу Пахомовой точно прошла тѣнь.

— Нѣтъ, и за него не боюсь полного обращенія въ латин-
ство. Но вѣдь то, о чемъ онъ мечтаетъ, можетъ завести далеко.

— Борисъ Ивановичъ хотѣлъ насъ обоихъ убѣдить во-очію, что чистый греческій обрядъ согласимъ съ принципомъ вселенскаго значенія римскаго епископа.

— Спорить противъ очевидности нельзя,—какъ бы вслухъ подумала она.—Такъ вѣдь то на Западѣ, а не у насъ. Его идея прекрасная,—глаза дѣвушки тихо загорѣлись,—высокая. Онъ готовъ всю душу свою положить за свободу совѣсти. Но развѣ это осуществимо? И нужно ли этого желать? Даже еслибъ вотъ здѣсь, въ Римѣ, собралась такая община русскихъ, о которой мечтаетъ Борисъ Ивановичъ?

— Не знаю,—вдумчиво откликнулся Мѣдниковъ и опустил голову.

Сидѣвшій около нихъ полный, пожилой патеръ прислушивался къ звукамъ незнакомаго ему языка.

Олимпиада Петровна что-то какъ бы вспомнила и, немного подвинувшись къ Мѣдникову, сказала вполголоса:

— Профессоръ, не будетъ нескромностью спросить васъ объ одной вещи?

— Все, что угодно.

— Вы пріѣхали сюда пожить?

— Да, до конца зимы.

— Стало быть, вы отдыхаете и совѣтовъ давать не будете?

— По моей специальности? Практиковать, конечно, не собираюсь. Но отказать въ совѣтѣ кому-нибудь изъ соотечественниковъ не имѣлъ бы духа.

— Вѣдь вы, кромѣ душевныхъ, и по нервнымъ болѣзнямъ специалистъ?

— Одно отъ другого отрѣшить нельзя.

— Еще разъ простите.

Она начала говорить быстро и замѣтно волнуясь.

— Братъ мой пишетъ теперь одну вещь... Можетъ быть, князь говорилъ вамъ?

— Говорилъ... содержаніе символическое.

— Да... И онъ такъ ею поглощенъ, что... я, право, опасуюсь ужасно переутомленія. Онъ плохо спитъ, головныя боли... чрезвычайное возбужденіе. И если у него вторая половина картины не удастся, это будетъ для него сильнѣйшимъ ударомъ...

Мѣдниковъ поглядѣлъ на нее глазами практиканта и оставилъ ее вопросомъ:

— А вы сами развѣ довольны вашимъ здоровьемъ?

— Я—не въ счетъ! Со своими болѣзнями я не буду при-

ставать къ вамъ, пользуясь знакомствомъ. Здѣсь я поправила. Сердце мое не въ порядкѣ, такъ это уже органическое. Римъ свое возьметъ. И я съ него возьму дань. Но братъ—другое дѣло. И все оттого, что хорошіе русскіе люди, какъ онъ, какъ Борисъ Ивановичъ... и здѣсь все нутромъ живутъ... простите за это неизящное слово,—вмѣсто того, чтобы отдаваться всему, что этотъ чудный городъ даетъ даромъ, что по нему разсыпано такой щедрой рукой. Что здѣсь цѣннѣе всего?..

— Красота?—вопросительно подсказалъ Мѣдниковъ.

— Не чувственная только, а и духовная. Какія идеи приходятъ, какіе горизонты раскрываются! А наши хорошіе люди—мученики и страстотерпцы.

Вагонъ затормазил. Надо было выходить.

— Вотъ мы съ вами и давайте врачевать!—весело сказалъ Мѣдниковъ, помогая ей сойти съ подножки.—Вашему брату готовъ помочь, если только онъ будетъ меня слушать... А вы бы отвлекали Бориса Ивановича въ сторону того, что здѣсь есть самого вѣчнаго и возрождающаго.

— Въ добрый часъ!—воскликнула Олимпиада Петровна.

И они перешли тутъ же къ другой каретѣ.

VI.

Кузина князя Ивана, графиня Порѣцкая, жила недалеко отъ Palazzo Madama, по близости отъ небольшой площади, гдѣ стоятъ церкви св. Лудовика „dei Francesi“—какъ бы приходская церковь всѣхъ французовъ, проживающихъ въ Римѣ,—въ старомъ монсиньорскомъ домѣ, съ высокими воротами и внутреннимъ, не особенно чистымъ дворомъ.

Надъ ней, по той же лѣстницѣ, была квартира монсиньора, президента одной академіи, съ литературнымъ именемъ въ мірѣ любителей итальянской поэзіи.

Старичокъ-кустодъ, похожій лицомъ на цѣлую дюжину кустодовъ, какихъ Борисъ зналъ уже въ домахъ, гдѣ живутъ духовные, высунулся изъ своей каморки съ оконцемъ подъ сводами воротъ и крикнулъ ему:

— La signora contessa è a casa!

Борисъ спалъ, что графиня ждетъ его.

Онъ позвонилъ. На площадкѣ перваго этажа дверь была обита чѣмъ-то въ родѣ волосяной матеріи, побурѣлой, изсиня-чернаго цвѣта, съ оторочкой по бортамъ, изъ побурѣлой же

кожи—какъ въ церехахъ и помѣщеніяхъ монсиньоровъ. У кардиналовъ такая же обивка—изъ краснаго сукна и кожи.

Вся квартира, выходящая окнами въ переулокъ, стояла въ сѣровой темнотѣ. Въ передней, куда Бориса впустилъ мальчикъ въ курточкѣ пассѣра, всегда обдавалъ запахъ вродѣ церковнаго—не то ладономъ, не то воскомъ. Должно быть, и тутъ жилъ когда-нибудь „un rogorato“, потому что у правой стѣны сохранился балдахинъ. Налѣво отъ входа бѣлѣло распятіе изъ кости и чернаго дерева.

Казачокъ говорилъ по-французски съ какимъ-то трудно опредѣлимымъ акцентомъ.

— Madame la comtesse est dans la salle à manger,—доложилъ онъ, пропуская Бориса въ короткій проходъ, совсѣмъ темный, откуда онъ попалъ сначала въ высокую, съ расписнымъ потолкомъ, гостиную, всю заставленную мебелью и вещами всевозможныхъ стилей и эпохъ — отъ итальянскаго „Cinquescento“ до японскихъ бездѣлушекъ, вѣровъ и ширмъ. И въ ней было такъ же свѣжо, почти холодно, какъ и въ передней.

Изъ-подъ тяжелой полинялой портьеры столовой выплыла женская голова и два блестящихъ глаза уставились на него.

— Князь! Пожалуйста! Графиня ждетъ васъ съ утра... и очень волнуется,—прибавила вполголоса Людмила.

Она показалась вся, очень свѣжая въ лицѣ, съ роскошнымъ бюстомъ, обтянутымъ кофточкой свѣтложелтаго цвѣта; широкій кружевной бантъ еще выгоднѣе отгбнялъ свѣжесть ея щекъ.

— Чтò такое?—спросилъ Борисъ, подавая ей руку.

— Кажется, княгиня пріѣхала,—такимъ же полушопотомъ отвѣтила Людмила.

— Княгиня?

— Да, ваша мама, княгиня Евпраксія Андреевна. И не одна... со всѣми остальными. Enfin, tout le conseil de famille!

И Людмила прищурила глаза съ насмѣшливымъ движеніемъ своихъ яркихъ губъ.

Борисъ ничего на это не сказалъ и прошелъ за нею слѣдомъ въ столовую—узкую комнату, гдѣ на столѣ былъ сервированъ чай по-русски, съ самоваромъ. Въ ней стояли такія сумерки, что висячая лампа была зажжена, и ея свѣтъ падалъ сверху прямо на лицо и фигуру графини.

Трудно было опредѣлить, сколько графинѣ лѣтъ—отъ сорока до пятидесяти-пяти: еще миловидное, безкровное лицо, съ налетомъ пудры, мелкія черты, тонкій, удлинненный носъ, блѣдный маленькій ротъ, на лбу взбитые пепельные волосы, на головѣ

черная кружевная накладка. Все ея худощавое тѣло ушло въ бѣлую фланелевую блузу; изъ широкихъ рукавовъ выглядывали еще хорошенькія руки.

У нея былъ родъ тика: нервное миганіе большихъ карихъ глазъ, безпрестанно мѣнявшихъ выраженіе.

— Ah... Mon enfant! — встрѣтила она Бориса и немного поднялась съ кресла.

И въ этомъ звукѣ задрожало что-то очень тревожное. Голосъ сохранилъ молодую возбужденность, съ вибраціей въ груди.

Онъ поцѣловалъ у нея руку.

— Людмила, chérie, налейте ему чаю. Ты, дружокъ, совсѣмъ голодный? Ты откуда?

Графиня кидала вопросы, не дожидаясь отвѣтовъ.

— Садись, садись!.. Людмила! Пожалуйста, напоите его чаемъ.

— Сейчасъ, графиня.

— Mon enfant... прости за мою депешу... Она тебя не очень смутила? Мнѣ не хотѣлось прямо тревожить твоего бѣднаго отца.

— Въ чемъ же дѣло, ma tante?

Графиня быстро поглядѣла на Людмилу, наливавшую чаю для Бориса, потомъ опять перевела глаза на него, наклонилась къ нему и шопотомъ сказала:

— Та mère... est à Rome.

— Когда же она пріѣхала?—довольно спокойно спросилъ Борисъ.

— Около недѣли, какъ она здѣсь. Вотъ Людмила видѣла ее... на улицѣ, въ каретѣ... Гдѣ, душа моя?

— Я не могла ошибиться,—отозвалась Людмила, передавая Борису чай.

— Не слишкомъ ли крѣпко?

— Князь такъ любитъ.

— Но я знаю, — продолжала графиня и взяла свободную руку Бориса въ свои обѣ руки.— Я знаю изъ вѣрнѣйшаго источника... Встрѣтила я вчера Бѣлянина.

— Кто это?

— Ну, Бѣлянинъ... умникъ. Un orthodoxe, bourré de pré-somptions. Софистъ, выдающій себя за поборника чисто христіанской традиціи. Какъ это у насъ теперь называютъ въ газетахъ... un „государственникъ“... qui voudrait réduire le saint père au rôle d'un petit évêque... schismatique. Ха, ха! Но не въ томъ дѣло. Онъ вѣдь un gros bonnet... восходящая звѣзда.

— И онъ вамъ сообщилъ, ma tante?..

— Онъ, онъ. И даже съ особенной улыбочкой. Вотъ, молъ, и до васъ, милая моя, доберутся. Это все ваши возни! Ха, ха! *N'est-ce pas, c'est le comble?* Мои возни! Кого? Кого я совращала? Спроси Людмилу... совращаю я ее? Мы теперь одни. И ты меня не выдашь.

Она еще разъ очень молодо засмѣялась и выпустила руку Бориса, которому было очень неловко пить чай.

— Изъ намековъ этого умника я догадалась, душа моя, что твоя мать явилась сюда съ какимъ-то планомъ. И планъ этотъ я, хоть и слабой моей головой, могу представить себѣ. Людмила!—окликнула графиня.—Не правда ли? *Ma chère belle-soeur est de cette force-là?*

Людмила пожала значительно плечами и ничего не отвѣтила.

— Но что же она можетъ сдѣлать?—спросилъ Борисъ какъ бы съ недоумѣнiемъ.

— *Mon pauvre chéri!* Какъ что? Ты, съ твоей чистой душой, далека отъ всякаго подозрѣнiя... Какъ что, милый? Какъ что?—повторила графиня и вся встрепенулась. Кудерки на ея лбу вздрогнули.—И ты, и отецъ твой, въ ея глазахъ—что вы такое? Помилуй! Ты думаешь, она не знаетъ, чѣмъ ты здѣсь занятъ, чему ты отдался съ такимъ дивнымъ рвенiемъ... une *divine abnégation de tout ton être chrétien?*.. А она теперь—столбъ!—Графиня съ юморомъ подняла руку въ воздухъ:—Столбъ! *Plus intransigente*, чѣмъ Бѣлянинъ... И если взять въ расчетъ все, что было въ вашемъ домѣ два года назадъ...

Она допила изъ своей чашки остатки совсѣмъ холоднаго чая и опять взяла его за руку.

— Развѣ ты хочешь превратиться въ изгнанника?—спросила она, и глаза ея усиленно замигали.

Борисъ вопросительно поглядѣлъ на нее.

Людмила черезъ столъ взяла отъ него чашку.

— Если ты надѣешься..., *avec la grâce de Dieu et la bénédiction du Saint-Père*, дать толчокъ дѣлу объединенiя, и не въ теорiи, а на практикѣ—развѣ тебя оставить въ покоѣ?.. А твоя мать увѣрена, что здѣсь ты попалъ въ мои сѣти... И право, *en ton âme et conscience*—лучше бы было сыграть роль такой коварной совратительницы.

Отпустивъ руку Бориса, графиня откинулась и широко развела своими красивыми худыми руками.

— Скажу тебѣ еще разъ, и вотъ при ней, — она указала на Людмилу:—*ton idée est celle du Souverain Pontife*. Она исходитъ изъ великой души старца, живущаго тамъ!—она указала

вправо.—Но осуществиться ей—не дано, по крайней мѣрѣ на нашихъ глазахъ. И не даромъ самъ тотъ, кто ее лелѣетъ, всегда говоритъ, что онъ, какъ Моисей, не войдетъ въ землю обѣтованную!..

Она закрыла глаза, и ея миловидныя черты сложились въ горькую усмѣшку.

— *Tout cela est bel et bon!* — вскричала она и круто повернулась въ креслѣ къ Борису.—Но васъ съ отцомъ я не могла не предупредить. И, быть можетъ, ему предстоитъ что-нибудь очень неприятное.

— Чтѣ же?—совсѣмъ тихо выговорилъ Борисъ.

— *Mais, mon pauvre enfant!* Точно вы съ отцомъ—граждане Американскихъ Соединенныхъ-Штатовъ?.. Вы не разорвали съ родиной? И *Jean*—тебѣ это лучше меня извѣстно—сталъ рыцаремъ, который ратуетъ за свободу совѣсти... какъ и ты, дитя мое, какъ и я.

Выраженіе у нея опять измѣнилось. Она продолжала медленно и строже:

— *Ton père ne cherche pas la grâce.* Онъ давно утратилъ то, чтѣ было бы великимъ утѣшеніемъ въ его испытаніяхъ. Но я не хочу осуждать его. И тебѣ онъ сочувствуетъ изъ-за своего принципа. *C'est entendu!* Лучше такъ, чѣмъ иначе! Вы согласны, Людмила?

— Согласна, графиня.

— Но онъ навѣрно надѣлалъ всякихъ неосторожностей. И княгиня Евпраксія Андреевна хочетъ *d'un coup de filet faire deux prises!*

Графиня встала.

— Ты еще хочешь чаю?

— Нѣтъ, *ma tante.*

— Перейдемъ въ мой кабинетъ. Здѣсь душно отъ лампы.

Кабинетикъ графини—узкая комната въ одно окно—былъ еще болѣе заставленъ, чѣмъ гостиная; ея письменный столъ совсѣмъ уходилъ подъ разбросанные по немъ книжки, брошюры, листки газетъ. Въ двухъ шкафахъ тѣснились книги въ дорогихъ переплетахъ. И здѣсь стоялъ запахъ изъ смѣси духовъ и табачнаго дыма съ чѣмъ-то похожимъ на ладанъ.

Людмила осталась въ столовой.

— Присядь, бѣдный мой Борисъ, присядь.

Она указала ему рукой на пуфъ, сама прилегла на кушетку, съ ногами, и сейчасъ же закурила длинную папиросу съ сладкимъ запахомъ Мариланда.

— Такъ воть, душа моя, какое дѣло! *Parle à ton père!*

— Конечно, я скажу ему, *ma tante*.

— Этого мало. Не надо допускать, чтобы она, какъ бомба, разлетѣлась въ вамъ и сдѣлала сцену.

Борису стало сейчасъ же непріятно, что такъ говорятъ про его мать. Онъ былъ радъ за отца, за его теперешнюю тихую, свободную жизнь; но онъ еще надѣялся, что они вернутся „подъ одинъ кровъ“; все простять и все забыть; не забыть только Того, Кто поучалъ людей прощать и терпѣть.

— Я не думаю, *ma tante*, чтобы мать моя стала такъ дѣйствовать.

— Ахъ, мой ангелъ! Ты ничего не можешь себѣ представить дурного, оттого, что ты—какъ кринъ сельный. *Tu vois*,—тихо засмѣявшись, прибавила графиня,—*je n'ai pas oublié nos écritures slaves*. Кринъ сельный! *C'est le lys de la vallée*. А по просту, кажется, ландышъ? Ты думаешь,—вернулась она къ нервно-возбужденному тону,—твой отецъ теперь—благодареніе Создателю—здоровъ и бодръ. Но кто можетъ поручиться? Одна бурная сцена—*et voilà toute la machine détraquée! N'est-ce pas?*

Борисъ опустилъ голову.

— И потому, душа моя, необходимъ тутъ посредникъ. Я бы готова всей душой; но въ глазахъ твоей матушки я—немногимъ лучше исчадія ада. Ренегатка! Заблудшая овца! Чуть не преступница! *Une égarée et une toquée!* Я выступлю только въ случаѣ крайней необходимости. И воть что мнѣ пришло на умъ, *mon pauvre chéri...* бѣдный мой Борисъ: *Jean* говорилъ мнѣ какъ-то, что тотъ профессоръ—я къ нему какъ-нибудь обращусь насчетъ моихъ головныхъ болей—кажъ, бишь, его зовутъ?

— Илья Ѳедоровичъ Мѣдниковъ.

— Онъ вѣдь въ Римѣ?

— Какже, около мѣсяца.

— Тутъ необходимо его участіе. *Il paraît qu'il était seul de taille à tenir tête à ta mère? А?*

Графиня засмѣялась, что опять подѣйствовало на Бориса непріятно, какъ всякое напоминаніе о томъ, что было или могло быть между матерью и Мѣдниковымъ.

— Я, право, не знаю,—выговорилъ онъ вполголоса.

— *Mais c'est évident!* И такъ досадно, что я еще не успѣла съ нимъ познакомиться. Привези мнѣ его. Или попроси отца. А главное, сейчасъ же передай ему мою просьбу. Онъ меня пойметъ и, конечно, согласится.

— Ильѣ Ѳедоровичу врядъ ли будетъ пріятно такое вмѣшательство. Онъ самъ, кажется, прошелъ черезъ большія испытанія. И здѣсь онъ ищетъ покоя.

— Но, душа моя, иначе нельзя. Это его обязанность, какъ психіатра. Твой отецъ не даромъ же называетъ его „mon ami et médecin“. Тутъ можно поступиться своимъ спокойствіемъ. Если это тебя стѣсняетъ—я обращусь къ нему, хоть сегодня же.

Борисъ зналъ, что у графини была страсть писать письма, хлопотать за другихъ, препираться и улаживать.

— Лучше ужъ я, ma tante.

— Merci, mon chéri.

Она поцѣловала его въ лобъ и тутъ же, еще держа его за руку, крикнула:

— Людмила, какой сегодня день?

— Четвергъ,—подсказалъ ей Борисъ.

Изъ портъеры вынырнуло лицо Людмилы.

— Чтò вы спрашивали, графиня?

— Pardon, chérie. У меня куриная память, une vraie tête de linotte. Четвергъ сегодня?

— Четвергъ.

— Ахъ, Боже мой! А который часъ?—спросила она Бориса, торопливо поднимаясь съ кушетки.

— Теперь половина двѣнадцатаго, ma tante.

— Половина двѣнадцатаго! А мнѣ ровно въ двѣнадцать надо быть—и, наклоняясь къ уху Бориса, она добавила:—chez son éminence.

И рукой показала куда-то вверхъ и вправо... должно быть на Ватиканъ.

— Людмила! Душа моя! Пошлите поскорѣе за каретой. Тутъ на углу всего легче достать. Que le petit se dépêche! Извини меня, Борисъ. Мнѣ надо бы еще съ тобой обо всемъ сговориться. Но завтра ты меня долженъ успокоить... насчетъ этого профессора. Прошу тебя не медлить. Напиши мнѣ по городской... или лучше пришли депешу. А теперь я должна одѣться.

Графиня поцѣловала его въ голову и выбѣжала. За портъерой слышно было Борису, какъ она зоветъ на ходу свою камеристку.

Онъ не сразу вышелъ изъ ея кабинета. Людмила на минуту скрылась, вслѣдъ за графиней; но тотчасъ же заглянула въ портъеру и окликнула его:

— Борисъ Ивановичъ!

Она знала, что онъ не любитъ величанія титуломъ.

— Вы тоже торопитесь?

— Да, мнѣ надо.

— По какимъ дѣламъ? По ватиканскимъ?

Людмила подошла къ нему и глядѣла на него съ игрой въ глазахъ, не то злобно, не то сочувственно.

— Наша графиня, — понижая немного голосъ, заговорила она, — добрейшая душа, но царя у нея здѣсь нѣтъ, — она приблизила палецъ къ своему бѣлому, очень красивому лбу. — Смотрите, какъ бы она вамъ же не повредила. Но вѣдь это фактъ: княгиня Евпраксія Андреевна въ Римѣ, и не спроста, — произнесла Людмила съ удареніемъ на послѣднемъ словѣ.

— Все „образуется“, — съ печальной усмѣшкой проговорилъ Борисъ.

— „Образуется“? Вѣдь это, кажется, слово изъ какого-то романа Толстого?

— Да.

— Имъ злоупотреблять не надо. Вы дѣйствительно... простите... я вѣдь слышала оттуда весь вашъ разговоръ... вы чисты, какъ еринъ сельный.

Ему почему-то стало жутко отъ ея тона и взгляда, и онъ сдѣлалъ чуть замѣтное движеніе въ сторону двери.

— Вы отъ меня бѣжите. Богъ съ вами! Но совѣтъ графини обратиться къ профессору — совѣтъ не плохой.

Она прибавила, немного ослабивъ свой сочный ротъ:

— Признаюсь — эту идею дала ей я.

— Вы?

— Повѣрьте, такъ лучше будетъ. Если даже Мѣдниковъ и уклонится отъ всякаго участія... въ семейномъ — она хотѣла сказать: „карамболяжъ“ — инцидентъ, то лучше будетъ ему приготовить князя. Онъ ему очень преданъ... и вамъ также. Ха, ха! Вы на меня такъ посмотрѣли: откуда, молъ, ты все это знаешь? Я — всевѣдущая и вседѣйствующая!

Они проходили черезъ столовую. Людмила проводила его и въ переднюю, и даже помогла ему надѣть пальто.

— Что, Борисъ Ивановичъ? Вотъ ужъ когда наша графиня права, повторяя: „mon раувге enfant“! Вы ушли здѣсь въ служеніе своей задачѣ, парили духомъ. И вдругъ опять старая исторія, гдѣ сердце ваше снова будетъ страдать за другихъ... Быть можетъ, и за себя надо будетъ давать отпоръ. Ну, да что я каркаю! Простите! Зашли бы завтра.

Онъ молча пожалъ ей руку и медленно сходилъ съ крутыхъ ступеней лѣстницы.

VII.

Недалеко отъ отеля, откуда еще не выѣзжалъ Мѣдниковъ, на тѣхъ самыхъ мѣстахъ, гдѣ когда-то Лукуллъ развелъ свои роскошные сады, въ оградѣ небольшого садика, болѣе похожаго на огородъ, темнѣло старинное казино. Оно сохранилось отъ древнихъ чертоговъ, а теперь напоминало тѣ маленькіе отели, которые устроены на берегахъ Рейна, въ полуобвалившихся рыцарскихъ замкахъ.

Это казино занимали Елатомскіе, отецъ съ сыномъ. Тутъ была сначала мастерская извѣстнаго живописца-итальянца, а земля принадлежала какому-то лавочнику изъ швейцарцевъ, разбогатѣвшему на спекуляціяхъ, на покупкѣ земельныхъ участковъ въ пустыряхъ, какими еще полонъ Римъ.

Наверху отдѣланы были только двѣ комнатки, гдѣ жилъ Борисъ. Въ нижнемъ этажѣ главная, очень высокая комната была превращена изъ мастерской въ „hall“, въ англійскомъ вкусѣ. Тутъ князь Иванъ Романовичъ и спалъ въ нишѣ, съ стариннымъ занавѣсомъ, и работалъ, и принималъ гостей. Позади ютились уборная, комнатка для чемодановъ и закута для его неизмѣннаго „Личарды“, какъ онъ называлъ камердинера Ефима.

Они дома не обѣдали; а завтракъ князю, чай и кофе мастерила фавкино Джиджи—расторопный малый на всѣ руки, неизмѣнно одѣтый въ вязаную куртку, съ полуобнаженными руками, и въ плисовые шаровары.

При этой маленькой усадьбѣ состоялъ и привратникъ, жившій въ будочкѣ у входа.

Погода еще съ утра установилась. Теперь, во второмъ часу пополудни, солнце играло на зелени садика, гдѣ, кромѣ двухъ-трехъ оливковыхъ деревьевъ на жиденькой полянкѣ, темнѣли высокіе кусты лавровъ. Свѣтъ, смягченный красными сторами, проникалъ и въ нижнее жилие.

Камердинеръ Ефимъ дремалъ въ своей закутѣ и сквозь дрему слышалъ отрывки разговора господъ. У барина завтракалъ „докторъ“—такъ онъ привыкъ звать Илью Ѳедоровича. Съ нимъ онъ давно уже въ большихъ ладахъ. Онъ слышалъ, о чемъ у нихъ шла рѣчь за завтракомъ, и сначала встревожился про себя, узнавъ о пріѣздѣ въ Римъ княгини Евпраксіи Андреевны; но здѣсь князю Ивану Романовичу нечего бояться, коли при немъ такой подручный человѣкъ, какъ Илья Ѳедоровичъ. Онъ и самъ смущается—опять-таки про себя—многимъ: князь, по

добротѣ души своей, въ послѣднее время сталъ допускать до себя разныхъ „іерихонцевъ“ и отсюда посылать имъ всякія пособія. И сегодняшній разговоръ господъ за завтракомъ прямо касался, между прочимъ, и этого самаго предмета.

Плотный завтракъ, хоть и заморской стряпни, и бѣлое вино, которое ему въ Римѣ полюбилось, брали свое, и онъ сладко дремалъ, изрѣдка широко раскрывая глаза и прислушиваясь—не звонитъ ли кто.

Сдавалось ему, что вотъ-вотъ нагрянетъ барыня.

Князь Иванъ Романовичъ, въ домашнемъ костюмѣ изъ полосатой фланели, сидѣлъ съ ногами на низкой оттоманкѣ, покрытой ковромъ. Мѣдниковъ, по своей привычкѣ, ходилъ въ одномъ углу обширнаго „hall“. Оба они курили.

Борисъ послушался совѣта графини и еще вчера былъ у Мѣдникова.

— Другъ мой и врачъ! — говорилъ въ эту минуту князь, выпуская длинную струю дыма. — Неужели вы за меня чего-нибудь боитесь? Я хочу сказать—за мою психію? Мнѣ кажется, я не способенъ больше на опасные аффекты... простите... это вы меня выучили употреблять спеціальныя слова. Ха, ха!

— Никто за себя не можетъ поручиться, — сказалъ Мѣдниковъ.

Сегодня онъ чувствовалъ себя гораздо болѣе смущеннымъ вѣстью о томъ, что „пожаловала“ княгиня Евпраксія, чѣмъ это было вчера,—и за князя, и отчасти за Бориса.

— Мудрое ваше изреченіе! Но „избѣжать Божьяго гнѣва не можетъ никто, зло творящій“. Есть и такое греческое изреченіе. Мнѣ его внушалъ еще мой дядька, вотъ здѣсь, въ Римѣ, когда водилъ меня по Колизею и рассказывалъ про злодѣйства Нерона и его постыдный конецъ.

Князь протянулъ ноги и сладко затянулся.

— Мнѣ жалко княгиню; жаль ея неисправимаго... какъ бы помягче выразиться... злобнаго и суетнаго задора. Но кто знаетъ? Быть можетъ, въ Римѣ она вдругъ получить un coup de grâce. Такіе примѣры бывали.

— Дорога въ Дамаскъ,—подсказалъ Мѣдниковъ съ усмѣшкой.

— Да, да! Савлъ поѣхалъ преслѣдовать христіанъ... а вернулся апостоломъ. Есть и такое изреченіе: „трудно противу рожна прѣти“.

Мѣдниковъ прислушивался къ тону князя и внутренне спрашивалъ себя: „что онъ—только храбрится, или въ самомъ дѣлѣ спокоенъ духомъ?“ И ему давалось, что скорѣе второе.

— Надо на все быть готовымъ, Иванъ Романовичъ.

— Да на что же, мой милый? Съ нѣкоторыхъ поръ... да съ тѣхъ поръ, какъ вы меня отрѣшили отъ страха смерти—я всегда, каждую минуту, готовъ на все, то-есть на полный расчетъ съ жизнью. Оттого у меня такая ясность духа... Если княгиня или нашъ любезный зятекъ, Скурловъ, или мой первенецъ, князь Романъ, подставятъ мнѣ какую-нибудь хорошенькую гадость—*bien assortie*—это ихъ дѣло! Я готовъ.

И только-что онъ произнесъ эти слова—задребезжалъ звонокъ у калитки сада.

— Вотъ, можетъ быть, и княгиня!—вполголоса сказалъ Мѣдниковъ и подошелъ къ окну.

— Врядъ ли. Сразу она не пожалуетъ.

Изъ окна Мѣдникову видна была калитка. Кустодѣ отворилъ ее и впустилъ гостей. Они прѣехали въ открытомъ ландо. И надъ низкимъ, полуобрушеннымъ заборомъ виднѣлась голова кучера въ шляпѣ съ ковардой, бритыя, толстыя щеки его и высокій галстухъ.

Ливрейный лакей шелъ вслѣдъ за господами. Впереди плавно выступала Елена—вся въ бѣломъ, съ цѣлымъ снопомъ перьевъ на шляпѣ и въ мантильѣ, расшитой серебромъ, съ пышнымъ боа. Она сильно пополнила въ лицѣ. Мужъ ея тоже пополнилъ и двигался мелкими шажками, въ высокомъ цилиндрѣ и длинномъ, свѣтло-песочномъ балахонѣ. Старшій сынъ, князь Иванъ, шелъ сзади, въ темномъ пальто, по пяты. Его совсѣмъ бритое, похудѣлое лицо, съ нечистымъ цвѣтомъ кожи, смотрѣло напряженно и сухо. Монокль торчалъ у него въ глазу, какъ и у его отца.

У двери позвонилъ лакей. Ефима окликнулъ князь Иванъ—и тотъ стоялъ уже на порогѣ.

Князь былъ на ногахъ, когда всѣ трое вошли въ „hall“.

— Добро пожаловать! — привѣтствовалъ онъ ихъ съ улыбающимся лицомъ, но заложивъ руки въ карманы своего фланелеваго вестона.

Мѣдниковъ остался у окна. Онъ ощущалъ нѣкоторую тревогу.

Елена протянула руку, подойдя ближе къ отцу. Онъ вынулъ свою правую, слегка притянулъ ее къ себѣ и поцѣловалъ въ щеку, насколько позволяли борта ея шляпки.

Зятю онъ пожалъ только руку, а сыну сказалъ:

— Здравствуй!

И всѣмъ троицъ указалъ мѣста около своей оттоманки, куда и присѣлъ тотчасъ же.

— Съ профессоромъ вы, кажется, всѣ знакомы?—сказалъ онъ имъ такимъ тономъ, что они всѣ трое въ разъ поклонились издали Мѣдникову.

Тотъ не подходилъ къ нимъ, ограничился общимъ поклономъ и сѣлъ на рѣзную деревянную скамью, у самого окна.

— Mon père, —заговорила первая Елена, —vous venons vous présenter nos hommages...

— Милая моя!—остановилъ ее князь движеніемъ руки.—Пожалуйста, безъ дипломатическихъ фразъ... И нельзя ли употребить свой языкъ? Мы вѣдь здѣсь за границей, и мы—русскіе. Илья Ѳедоровичъ!—окликнулъ онъ:—помните у Щедрина: *Филиппъ иси?*

— Какъ вамъ будетъ угодно, князь,—вступился Скурловъ и повелъ головой.

— Слава Богу... я хоть и воспитывался на старинный ладъ и до юношескихъ лѣтъ говорилъ на чужихъ языкахъ; но съ тѣхъ поръ нагналъ своихъ сверстниковъ, Илья Ѳедоровичъ!—обратился онъ опять къ Мѣдникову черезъ плечо.—Я какъ разъ сегодня перечитывалъ одну вещь Тургенева: „Несчастная“. Помните, у него баринъ-вольтерьянецъ, когда разгнѣвался на управителя, началъ переводить съ французскаго?..

И тутъ князь сталъ смотрѣть на своего зятя и сына, сидѣвшихъ рядомъ.

— „Вы *суть* подлецъ и мздолюбецъ“! Это онъ въ умѣ перевелъ: „Vous êtes un gredin et un prévaricateur“. Ха, ха! „Я васъ выставлю наружу“! Какъ вы думаете — что онъ хотѣлъ сказать?—спросилъ онъ, наклонившись къ Скурлову.

— Право, не знаю.

— И ты не понимаешь?—сказалъ онъ сыну.

— Не понимаю,—отвѣтилъ тотъ глухо.

— Je vous mettrai dehors! Ха, ха! Это безподобно придумано. И вѣрно! Безъ всякаго шаржа. Слава Богу! Мы съумѣемъ выразить то же, если понадобится, настоящимъ русскимъ языкомъ. Ха, ха!

„Не сорвется ли мой князенька?“—подумалъ Мѣдниковъ, не ожидавшій такого внезапнаго „камуфлета“.

Скурловъ все ѣжилъ и вбокъ кивалъ на жену своими масляными глазами. Князь Романъ сидѣлъ съ безстрастнымъ выраженіемъ бритаго лица.

— Мы просили бы васъ, князь, — заговорилъ Скурловъ, —назначить намъ другой часъ. Вы не одни.

— Вы можете говорить что угодно и какъ угодно.

Мѣдниковъ приподнялся, какъ бы желая показать, что онъ можетъ удалиться.

— Илья Ѳеодоровичъ! Сидите пожалуйста. Съ какой стати?— На щекахъ князя выступила легкая краска. — При моемъ первомъ другѣ, профессорѣ Мѣдниковѣ—никакихъ секретовъ быть не можетъ, любезнѣйшій зятекъ. Я знаю, княгиня пожаловала въ Римъ. Вы, вѣроятно, отъ нея? Съ какой-нибудь новой миссіей.

— Позволь, папа!—почти перебилъ его сынъ и всталъ во весь ростъ.—Нельзя же такъ!..

— Чего нельзя?.. Вашъ визитъ ужасно похожъ на семейный совѣтъ, какъ во французскихъ пьесахъ: un conseil de famille. Если вы пріѣхали провѣдать меня — благодарю. А если это только... предиминарій какихъ-нибудь... какъ бы это сказать... подходовъ, что ли, то я, по просту говоря, просилъ бы оставить меня въ покоѣ. Пора и честь знать!

Онъ быстро закурилъ новую папиросу и перемѣнилъ позу, сѣвъ ближе къ валику, на который и облокотился.

— Позвольте, cher beau-père,—началъ Скурловъ, смотря на разводы ковра подъ своими желтыми франтоватыми ботинками.—Княгиня прибыла сюда вовсе не съ какимъ-нибудь враждебнымъ намѣреніемъ. Почему же не предположить, что и она, и всѣ мы, сочли своимъ долгомъ предупредить васъ о серьезной опасности...

— Что это вы какъ выражаетесь, мой милый?—Князь покачалъ головой.—Точно мы здѣсь на какомъ-то конгрессѣ. Пожалуйста, говорите проще. Ну, вы—молодой дипломатъ, дѣлаете вашу карьеру. На здоровье! Только это еще не резонъ!

Мѣдниковъ хотѣлъ-было удалиться; но его удержала боязнь: а вдругъ какъ эти два посланца княгини Евпраксии Андреевны выведутъ князя изъ себя, онъ потеряетъ равновѣсіе, и дѣло кончится, по крайней мѣрѣ, сильнѣйшимъ нервнымъ припадкомъ, если не ударомъ?

„Останусь“,—рѣшилъ онъ и уже больше не колебался.

— Я говорю, какъ умѣю,—съ пожатіемъ плечъ возразилъ Скурловъ, и оглядѣвъ жену и ея брата. — Вы не можете же, князь, запретить и матери сокрушаться о своемъ собственномъ сынѣ.

— Которомъ? Вотъ этомъ?—спросилъ князь и указалъ рукой на Романа.—Не запрещаю. Ха, ха!

Тотъ цобурѣлъ и весь какъ-то встряхнулся.

— Во все не обо мнѣ, папа, а о князѣ Борисѣ Ивановичѣ,—произнесъ онъ имя своего брата съ особенной интонаціей.

— А! Понимаю! Вы приехали спасать его! Даже и вы, Скурловъ, такъ распалились въ вашихъ ортодоксальныхъ чувствахъ, что оставили временно свой постъ. Положимъ, у насъ съ Испаніей ровно никакихъ дѣлъ, а все-таки. Илья Ѳедоровичъ... я вспомнилъ сейчасъ маленькую подробность изъ своей первой поѣздки въ Мадридъ. А замѣтите, тогда время еще было интересное. Вотъ какое количество дѣлъ накопилось въ канцеляріи... Случилось это въ августѣ. Мнѣ надо было засвидѣтельствовать двѣ довѣренности. И что же? На одной стоялъ номеръ третій, а на другой—четвертый. Это за цѣлыхъ семь слишкомъ мѣсяцевъ, ха, ха!

Скурловъ опять переглянулся съ Еленой и ея братомъ.

Мѣдниковъ ждалъ—что-то будетъ.

— Такъ вы приехали спасать Бориса,—повторилъ князь.— Но вѣдь онъ совершеннолѣтній. У него своя совѣсть, а всякая совѣсть должна быть свободна. Или вы считаете, что свободно можно располагать только своимъ желудкомъ или бумажникомъ? Борисъ, для васъ и, конечно, для княгини—свращенъ. Кѣмъ? Мною. Кѣмъ же другимъ? Или, можетъ быть, милѣйшей моей кузиной, графиней Порѣцкой? Такъ вы противъ кого же желаете дѣйствовать: противъ меня, ея, или, вотъ, моего друга профессора?

И, подавшись корпусомъ къ Скурлову, князь вставилъ свой моноколь и продолжалъ въ томъ же тонѣ:

— Вы въ уголовномъ законѣ врядъ ли тверды. Но вѣроятно вамъ какой-нибудь ревнитель или ревнительница... une rigueur... сообщили, что есть у насъ статья,—кажется, по счету сто какая-то, — по которой намъ съ кузиночкой не сдобровать? Если оно такъ, то надо бы подождать — пока мы вернемся изъ-за границы. Она врядъ ли когда-либо, а я не тороплюсь. Да и въ такомъ случаѣ необходимо, чтобы и жертва моя состояла въ предѣлахъ государства. Nous sommes suffisamment ferrés sur le code, cher beau-fils!

И откинувшись на подушку оттоманки, князь положилъ на нее обѣ руки и оглянулъ своихъ гостей.

Голова Бориса показалась въ скважинѣ двухъ занавѣсей изъ старинной римской ткани. Онъ вошелъ такъ тихо, что никто не услышалъ.

— А! Вотъ и подсудимый или свращенный!.. Боря, иди сюда! Твоя сестра, и братъ, и зять... кажется, надо говорить по-русски-зять, если не шуринъ?.. цѣлымъ синедріономъ явились отъ имени твоей матери. И требуютъ насъ обоихъ къ отвѣту.

Всѣ трое разомъ обернулись. Елена лѣниво приподнялась, за ней Скурловъ. Князь Романъ не пошевелилъ ни ногой, ни мускуломъ лица.

Борисъ пожалъ мужчинамъ руки и поцѣловалъ сестру; она подставила ему щеку, по-французски.

Никто изъ нихъ какъ бы не рѣшался заговорить съ нимъ.

Онъ подошелъ къ Мѣдникову, пожалъ ему руку и вопросительно поглядѣлъ на него.

Тотъ чуть слышно сказалъ ему въ сторону:

— Надо ихъ поскорѣе спустить.

— Присядь сюда!—крикнулъ князь, и въ звукъ его голоса оба—и Мѣдниковъ, и Борисъ—зачуяли болѣе сильное возбужденіе.

Борисъ присѣлъ на оттоманку, прямо противъ брата своего, согнувшись и положивъ ладони между колѣнъ, что у него выходило всегда, когда онъ хотѣлъ слѣдить за собою и сдерживаться.

— Ну вотъ, оба подсудимые передъ вами. *Cher gendre...* Извольте начинать свою прокурорскую рѣчь.

Скурловъ пожалъ плечами и взглянулъ на него.

— Князю угодно шутить, — обратился онъ къ Борису. — А теперь весьма нужно бы говорить о вещахъ совершенно интимнаго характера.

— О комъ же идетъ рѣчь?—тихо спросилъ Борисъ. — Обо мнѣ или объ отцѣ?

— Съ вами будетъ говорить княгиня, — отчеканилъ Скурловъ.

— Ты не маленький, — вмѣшался тутъ князь Романъ и вносъ повелъ своими толстыми губами. — Ты здѣсь Богъ знаетъ что такое затѣваешь, за что тебя по головкѣ не погладятъ.

Мѣдниковъ съ своего мѣста увидалъ тотчасъ же, что Борисъ поблѣднѣлъ какъ полотно, глаза сверкнули, и онъ, высоводивъ одну руку, нервно закинулъ за уши прядь волосъ.

— Я прошу тебя, — раздался необычайно сильно его голосъ, съ замѣтной дрожью, — я прошу тебя, братъ, не трогать меня и особенно того, что составляетъ мою Святую Святыхъ...

— Святая Святыхъ! *Allons donc!*

Князь Романъ шумно поднялся. Привсталъ и Борисъ.

— Отецъ, — обратился онъ къ князю: — скажи ему, что онъ, не имѣетъ никакого права производить такое насиліе надъ нашей совѣстью. Ты отъ нихъ ушелъ. И теперь они вторгаются. Они будутъ грозить и выдавать... Этому имени нѣтъ!..

Въ голосѣ звучали слезы.

Мѣдниковъ оставилъ свое мѣсто и тихо подошелъ къ дивану, со стороны князя-отца.

— Этому имени нѣтъ!—повторилъ Борисъ и сдѣлалъ шагъ къ брату.—Я не обязанъ отвѣчать тебѣ. Я не хочу осквернять того, что у меня есть самаго дорогого. Слышишь! Илья Федоровичъ!—окликнулъ онъ Мѣдниковъ.—Извините за то, что здѣсь происходитъ!

— Извиненіе кстати!—подхватилъ Романъ.—Ты въ нашемъ лицѣ оскорбляешь свою мать! Она имѣетъ права на тебя. Она считаетъ своимъ священнымъ долгомъ удержатъ тебя... въ твоемъ же интересѣ!..

— Удержатъ отъ чего? Отъ какой опасности? Я знаю, что меня ожидаетъ у себя дома, если Богу угодно будетъ сдѣлать меня служителемъ... вселенскаго примиренія. Я не испугаюсь. Но я прошу и тебя, и васъ,—онъ повернулся къ сестрѣ и зятю,—оставить меня. Не я, а отецъ—предметъ вашихъ печальныхъ домогательствъ...

Отъ волненія онъ не докончилъ и опустился на диванъ.

— Полно, Боря! Успокойся, дитя мое! — заговорилъ князь, уже овладѣвшій собою.—Твой единородный и единоутробный братъ—кандидатъ на права первородства — изволилъ позволить себѣ намекъ на то, что твоя мать ищетъ тебя по родительскому праву... и въ смиренный домъ запрячетъ. Mon gendre—вамъ и этотъ бы законъ записать... Ха, ха! Но вотъ бѣда: у тебя есть отецъ, не лишенный еще правоспособности—видите, какъ я богатъ юридическими знаніями!—и безъ его согласія сажать тебя не полагается. Да и куда, если дѣйствіе будетъ происходить въ Римѣ? Въ развалины Палатина? Или въ одну изъ церковныхъ криптъ?

И смѣхъ князя раскатился по обширному залу, молодой и дробный.

Скурловъ, переглянувшись съ женой, поднялся въ разъ съ нею.

— Намъ лучше удалиться, — сказалъ онъ съ движеніемъ праваго плеча, которое у него было чѣмъ-то въ родѣ тика.

— Mon père,—прибавила нѣсколько торжественно Елена,—vous affligez beaucoup notre mère.

Князь Романъ придвинулся къ отцу.

— Матап, согласись самъ, не можетъ рисковать найти здѣсь такой же пріемъ. Но она имѣетъ къ тебѣ обратиться.

— *Имѣетъ* обратиться!—повторилъ князь, вставая.—Гдѣ это ты, любезный другъ, выудилъ такое выраженіе? Въ дипломатическихъ сферахъ?

И, оглядѣвъ ихъ троихъ, онъ сказалъ болѣе серьезно:

— Если княгинѣ угодно было повидаться со мною, она

могла это сдѣлать гораздо проще. Но я предупреждаю и ее, и васъ, милые мои друзья, что я, какъ и сынъ мой Борисъ, котораго я глубоко уважаю за чистоту и свободу всѣхъ его идей и упованій,—что я не допущу и малѣйшаго вторженія ни въ его, ни въ свою совѣсть, въ нашу Святую Святыхъ. Слышите, князь Романъ Ивановичъ? Такія слова вамъ и выговаривать не слѣдуетъ. А за симъ, извините. Мой другъ, Илья Ѳеодоровичъ, желаетъ давно гулять со мною, и мы его задерживаемъ.

— Извините! — иронически процѣдилъ Скурловъ, метнувъ взглядъ въ сторону князя Романа.

— Намъ ничего не остается, какъ удалиться! — точно перхнувшись, сказалъ тотъ и сразу сталъ красенъ, какъ его мать, въ минуты гнѣва.—А тебѣ,—сказалъ онъ брату,—если ты вернешься, покажутъ, какъ удобно изображать изъ себя непрощеннаго примирителя.

По лицу Бориса—все такъ же блѣдному—прошла дрожь. Онъ всталъ и сдѣлалъ шагъ впередъ.

— Довольно! — отеческимъ тономъ крикнулъ князь Иванъ и сдѣлать общій поклонъ.

Елена хотѣла-было поцѣловать у него руку; но онъ не далъ и молча проводилъ ихъ до передней.

На ходу они кивнули головой Мѣдникову.

Какъ только они скрылись, Борисъ сначала провелъ по лицу рукой и опустился на диванъ. Князь Иванъ подошелъ къ нему и потрепалъ его по плечу.

— Полно, Боря! Не волнуйся! На тебѣ лица нѣтъ!

— Это ужасно! — прошепталъ тотъ и сейчасъ же весь вздрогнулъ и откинулъ голову на подушку.

— Илья Ѳеодоровичъ! Чтò съ нимъ?

Мѣдниковъ быстро подошелъ и наклонился надъ Борисомъ.

— Нервы! Ничего! Пожалуйте вашихъ капель... знаете... въ темной стѣляночкѣ.

Бориса трепало какъ въ лихорадкѣ. Онъ съ трудомъ могъ разнять зубы, чтобы проглотить съ ложечки лекарство, и такъ сразу ослабъ, что надо было его положить тутъ же на диванъ и укутать толстымъ одѣяломъ. Нервный припадокъ держалъ его не больше получаса; но Мѣдниковъ боялся чего-нибудь въ родѣ столбняка.

Князь, сильно встревоженный, ходилъ на цыпочкахъ и все спрашивалъ, не надо ли послать за сестрой милосердія, и самъ вызывался сѣздить. Но Мѣдниковъ увѣрилъ его, что черезъ два-три часа равновѣсіе будетъ восстановлено.

Борисъ, когда оправился, сталъ просить ихъ идти гулять. У отца онъ схватилъ руку и горячо поцѣловалъ. На рѣсницахъ князя Ивана блеснули слезинки.

— Лежи! Мы здѣсь походимъ въ садикѣ. Ты видишь, при насъ нашъ другъ и врачъ Илья Ѳедоровичъ — втроемъ авось устоимъ!.. Ха, ха!

Тихо засмѣявшись, онъ отвелъ Мѣдникова къ окну и тамъ обнялъ его.

— Вѣдь устоимъ?—повторилъ онъ.—Вы должны быть мной довольны. Мнѣ захотѣлось всѣхъ ихъ вытолкнуть собственно-ручно, но я сдержалъ себя.

Мѣдниковъ кивнулъ молча головой, и они оба тихонько вышли изъ угловой стеклянной двери прямо въ садикъ—подышать послѣдними минутами еще теплаго воздуха, передъ закатомъ солнца.

VIII.

Въ Grand Hôtel'ѣ, недалеко отъ центрального вокзала, въ самой дорогой и парадной гостинницѣ новаго Рима, въ тѣсно-ватомъ салонѣ нижняго этажа, шелъ разговоръ по-русски, и возгласы женскихъ голосовъ долетали черезъ дверь и на площадку.

Княгиня Евпраксія Андреевна занимала помѣщеніе изъ двухъ комнатъ. Ея дѣти и зять жили въ другихъ этажахъ.

Ихъ тутъ не было. Княгиня занимала одинъ уголъ диванчика; другой — ея гостя, графиня Порѣцкая. У дивана, подобравъ подъ себя короткія ноги, сидѣлъ человекъ подь-сорокъ лѣтъ, съ маленькой круглой головой, блондинъ, одѣтый и причесанный по модному. На лицѣ его, бритомъ и женоподобномъ, топорщились усы. Щеки съ очень свѣжимъ цвѣтомъ кожи порозовѣли отъ сдержаннаго напряженія.

Княгиня тоже сильно раскраснѣлась. Отъ прежней ея красоты, за эти два слишкомъ года, оставалась еще фигура, со всѣмъ не пополнѣвшая; но по лицу шли красноватые пятна; оно раздалось, и всѣ черты потеряли прежнія линіи. Тяжелое полковое платье, по которому блестяла отдѣлка съ металлическими пуговицами, дѣлало ее теперь похожею на богатую московскую коммерсантку.

Графиня, въ черномъ туалетѣ, въ какомъ ѣздила въ Ватиканъ, въ кружевной косынкѣ, подалась вся впередъ, а въ ея худенькой красивой рукѣ вздрагивала папирота съ обсыпавшимся пепломъ.

Къ кузинѣ мужа княгиня не разсудила отправиться съ визитомъ, считая ее сообщницей Бориса и князя Ивана, а стало быть и своимъ врагомъ. Сегодня графиня сама явилась къ ней и нашла у нея Бѣлянина, того самаго господина, о которомъ говорила на-дняхъ Борису.

На ея обращеніе въ приподнятомъ тонѣ, во имя христіанской любви и примиренія, княгиня отвѣтила сухо, а черезъ нѣсколько минутъ начала дѣлать ей косвенные упреки и вообще такъ отзываться о Римѣ, Ватиканѣ, подпольной іезуитской „бандѣ“, что нервно-пылкая графиня, разумѣется, не вытерпѣла и поставила ребромъ вопросъ о племянникѣ и его „безумствахъ“, какъ выражалась княгиня.

За эти два слишкомъ года княгиня дѣйствительно вдалась въ особый видъ благочестія, съ особымъ отбѣнкомъ, и, забывая, что она не у себя дома, стала держаться такого тона, точно она—свыше поставленная „ревнительница“,—попутно трагую все, что она находила въ столицѣ католическаго міра чуть не „омерзительнымъ“.

Бѣлянинъ говорилъ съ улыбочкой, сдержанно и черезчуръ мягко, давая понять, что онъ не раздѣляетъ всѣхъ взглядовъ княгини.

— Vous n'y êtes pas!—вскричала графиня и откинула голову на спинку дивана.—Гдѣ это вы все нашли, скажите ради Бога? И вотъ monsieur Бѣлянинъ вамъ подтвердитъ первый, что никакихъ капкановъ никто не разставляетъ здѣсь... C'est à pouffer de rire!

Бѣлянинъ повелъ своими тонкими губами.

— За цѣлыхъ десять лѣтъ, какъ я здѣсь живу—скажите на милость: кого это совратили изъ русскихъ? Кого?—почти взвизгнула она.—Ха, ха! Да, была одна. У русской барыни—и вы знаете, monsieur Бѣлянинъ, у кого,—ее-то, кажется, никто и не подозреваетъ въ ренегатствѣ. Elle est tout ce qu' il y a de plus orthodoxe... Кухарка Афімья, настоящая русачка съ Волги... влюбилась въ факкино Луиджи—моложе ея, и захотѣла сама быть съ мужемъ одной вѣры. И никто ее не совращалъ! И катехизировать ее пришлось единственному въ Римѣ священнику изъ русскихъ,—chère cousine, вы слышите—единственному! А онъ здѣсь, кажется, лѣтъ больше тридцати сидитъ. Сколько я ни напрягаю память—никого не могу вамъ назвать: ни женщины, ни мужчины, ни одного художника, ни одного ученаго, ни одного даже юнца!

— Зачѣмъ же у нихъ, — возразила княгиня, — эта самая „Пропаганда“?

— Какъ зачѣмъ?—графиня затянулась.—Какъ зачѣмъ? Для проповѣди слова Божія. Вотъ зачѣмъ! Кто же будетъ просвѣщать язычниковъ? А у насъ этого не дѣлаютъ? Или они должны спрашивать у насъ дозволенія, а не у главы своей церкви? *Allons donc!* Я уважаю ваши вѣрованія и неспособна ничѣмъ задѣть ваше, *chère cousine*, или *profession de foi monsieur Бѣянина*. Но нельзя же, господа, быть до такой степени нетерпимыми!..

— Русскій народъ нетерпимостью никогда не отличался, — выговорилъ Бѣянинъ медленно и вѣско.

— Народъ! Я не про него говорю. Онъ въ этомъ дѣлѣ голоса не имѣетъ, и его по головѣ не гладятъ, когда онъ...

— ...Когда онъ впадаетъ въ сектантство, вредное въ государственномъ смыслѣ!..

Княгиня кивнула одобрительно головой.

— Но развѣ рѣчь идетъ у насъ о русскомъ сектантствѣ? Боже мой! Дороже всего—совѣсть, свобода совѣсти!

— Чтобы мѣнять вѣру, какъ перчатки?—сурово выговорила княгиня.

— Чтобы ни передъ кѣмъ не отвѣчать, *chère amie*, кромѣ Небеснаго Судіи. Пускай Онъ меня одинъ судитъ.

— Никто этого и не отрицаетъ! — сказалъ Бѣянинъ, подавшись немного впередъ. Я всегда говорю: здѣсь духовная власть слишкомъ свободна, а у насъ....

— Вы это говорите такъ—*par acquit de conscience*, — возразила графиня.—Но развѣ не печально, что въ нашемъ обществѣ до сихъ поръ равнодушны, постыдно равнодушны, — повторила она, — къ такому великому вопросу?!

— Какому?—остановила ее княгиня.—Я не понимаю, о чемъ вы изволите такъ горячиться... Кто васъ, напримѣръ, беспокоитъ? Вы уже давно католичка. Если вамъ угодно будетъ еще разъ перемѣнить законъ—на здоровье!

— Всякія препирательства о томъ, какое исповѣданіе выше, я считаю лишними... по крайней мѣрѣ въ настоящую минуту. Съ *monsieur Бѣяниннымъ* — сказала графиня — мы уже имѣли случай обмѣниваться доводами. Они всѣ извѣстны... И другихъ еще не сочинили на вашей сторонѣ. Это всегда одно и то же! Сейчасъ на сцену вопросъ: кого считать истиннымъ римскимъ первосвященникомъ, когда ихъ бывало по двое? Папа Евгенийъ, какъ бишь... вы, *monsieur*, Бѣянинъ мнѣ подскажете?

Vous êtes très ferré sur les noms et les dates... А у меня память слабая. Не въ томъ дѣло!

— А въ чемъ же?—опять холодной струей окатила ее княгиня.—Я удивляюсь, графиня, какъ вы можете возмущаться чувствомъ русскихъ, вѣрныхъ завѣту отцовъ, особенно чувствомъ матери, когда она видитъ, что ея сынъ, попавъ въ здѣшній воздухъ, гдѣ все пропитано іезуитскимъ ядомъ, затѣваетъ безумства, которыя могутъ завести его Богъ вѣдаетъ куда? Это, по меньшей мѣрѣ, странно.

И своими большими глазами, гдѣ краснѣли уже жилки, она какъ бы добавила: „Ты, матушка, полудурья! Разлетѣлась ко мнѣ непрошенной и затѣяла дерзкій и нелѣпый разговоръ“.

Но графиня ничего этого не замѣтила. Она прищурила на нее глаза и, пододвинувшись къ ней очень близко, заговорила еще искреннѣе и нервнѣе:

— Вы неправы! Вы тысячу разъ неправы, если думаете, княгиня, что вашего сына кто-нибудь началъ совращать здѣсь! Извините. Я бы не позволила себѣ касаться вашихъ интимныхъ дѣлъ... теперь, въ эту минуту. Но это,—она указала рукой на Бѣлянина,—свой человѣкъ, если не ошибаюсь—вашъ совѣтникъ и пріятель. И, наконецъ, я—сестра вашего мужа, и Бориса люблю такъ же искренно, какъ и его отца, князя Ивана. И я себя не защищаю, потому что это было бы слишкомъ смѣшно. Борю я не видала нѣсколько лѣтъ. Онъ пріѣхалъ сюда совсѣмъ готовымъ человѣкомъ...

— Готовымъ безумцемъ.

— Дайте мнѣ досказать!—стремительно проговорила графиня.—Да, Борисъ пріѣхалъ сюда съ своей идеей. Она у него назрѣла тамъ, у васъ, а не здѣсь—въ логовищѣ іезуитовъ. Онъ привезъ цѣлую записку, онъ мнѣ ее читалъ. Онъ далъ ей ходъ. Я ему повторила, что сочувствую ему; но предсказывала, что онъ готовитъ себѣ горькую чашу. Не скрывала и того, что и здѣсь только его святѣйшество и тѣ, кто ему истинно преданы, мечтаютъ объ этомъ; а остальные—или равнодушны, или даже противъ. Но позвольте!—она обратилась къ Бѣлянину и сложила руки на груди, бросивъ папиросу.—Это все равно, Борисъ или другой кто, князь или разночинецъ, священникъ или прихожанинъ, воспылаетъ равностыю къ великой идеѣ единенія. Развѣ это постыдно? Тогда къ чему же каждый день за службой молиться о томъ же? Зачѣмъ?

— Мы молимся объ единеніи тѣхъ, кто отпалъ,—тихо выговаривалъ Бѣлянинъ.

— А не желаемъ играть въ руку...—добавила княгиня.

— *Princesse*,—остановила ее графиня и взяла за локоть.—
Vous allez décocher une parole dure! Будьте хоть на минутку христианкой! Ваше материнское чувство я понимаю. Вы боитесь за сына. Но что же такому чистому существу, какъ вашъ Борисъ, терять? Разубѣждайте его, если можете, но къ чему же дѣйствовать угрозами, подавлять свободу совѣсти?

— Полноте, графиня, — вмѣшался Бѣлянинъ. — Предупреждать — не значить грозить.

Княгиня выпрямилась и ротъ ея скосился.

— Кому же кто грозить?—спросила она.

— *Se ravirte enfant a eu une crise nerveuse.* Я не знаю, что было тамъ, и не хочу никого обвинять. Но нельзя же такъ. Мы здѣсь не въ любезномъ отечествѣ!..

— Позвольте, графиня, — остановилъ ее Бѣлянинъ. — Княгиня Евпраксія Андреевна не могла же сама рисковать, предвидя, какой приѣмъ ей будетъ оказанъ.

— Я мать,—заговорила княгиня глухо, сдерживая себя.— У меня есть правъ... И пока я жива, я не позволю, чтобы изъ нашей фамиліи вышелъ такой ренегатъ. Еще того недоставало, чтобы онъ пошелъ въ поны и очутился въ разстригахъ. Кому же, какъ не мнѣ, вступиться, если и отецъ этого несчастнаго самъ своими сумасбродными дѣлами довелъ себя до того, что его могутъ потребовать къ отвѣту, какъ только онъ перейдетъ границу?

— Съ какой стати?—воскликнула графиня.—Развѣ я его не знаю... Онъ никакой пропагандой не занимается, да и не можетъ. Я скорблю о томъ, что князь Иванъ не ищетъ единой истины, какая открывается душѣ человѣка. *Il est libre penseur, comme vous n'ignorez pas.*

— Но это не мѣшало ему,—замѣтилъ очень тихо Бѣлянинъ,—весьма сильно скомпрометтировать себя.

— И вотъ мое положеніе!—выговорила съ горечью княгиня, и ее всю какъ-то передернуло.—Такой мужъ... и такой сынъ! Вы, графиня, выступаете въ роли адвоката князя Ивана. Извините меня! Лучше бы вы, какъ женщина, которая познала истину... высшую истину—привели его къ сознанію своихъ безумствъ и своего... безчинства. Я не могу иначе выразиться. Еслибы здѣсь были моя дочь и мой зять—они бы вамъ сообщили, какъ онъ велъ себя съ ними. Этому имени нѣтъ!..

Она стала тяжело дышать и провела платкомъ по лицу.

Въ дверяхъ безшумно всплыла фигурка съ остриженной го-

ловой—отельного „егеря“, въ курточкѣ; онъ держалъ на подносѣ карточку.

Графиня первая увидала его.

— Une visite!—сказала она, жестомъ указавъ на него княгинѣ.

Та оправилась и, немного овладѣвъ собою, протянула руку.

Мальчикъ подбѣжалъ мелкими шажками. Княгиня взяла карточку и прочла, про себя, подъ строчкой, напечатанной русской вязью, съ именемъ профессора Мѣдникова, написанное чернилами:

„Отъ князя Ивана Романовича съ его письмомъ и личнымъ порученіемъ“.

Пятна на ея лицѣ сдѣлались вдругъ почти багровыми.

Первое ея движеніе было не принимать ненавистнаго „поповича“, приказать передать ему, что княгиня Елатомская для него дома не бываетъ. Но сейчасъ же острое желаніе видѣть того, кого она считала виновникомъ всего, что произошло въ ея домѣ—превозмогло. Она даже тихо усмѣхнулась и передала карточку Бѣлянину, сказавъ вполголоса:

— C'est lui!

Мальчику она приказала просить „se monsieur“.

Графиня поняла, что тутъ что-нибудь особенное, и поднялась.

— Le prince?—полушопотомъ спросила она.

— Oh que non!—отвѣчала ей княгиня.—Son directeur de conscience.

— Je te sauve! Но я умоляю васъ—она взяла княгиню за обѣ руки—пожалуйте ихъ обоимъ. Покажите примѣръ единенія. И Господь воздастъ вамъ!

Она поцѣловала въ щеку княгиню, которая только протянула ей руку, и то такъ, какъ будто хотѣла оттолкнуть ее.

— Que Dieu vous garde!

Графиня быстро пожала руку Бѣлянина и скрылась за портьерой.

Оттуда дошелъ сейчасъ же ея голосъ: нѣсколько словъ, сказанныхъ ею Мѣдникову.

Бѣлянинъ и княгиня были на ногахъ.

— Faut-il que je reste?—очень тихо спросилъ онъ.

— Mais certainement, mon ami!

Ей хотѣлось, чтобы онъ былъ свидѣтелемъ того, что выйдетъ сейчасъ между нею и „господиномъ профессоромъ“.

Егерь откинулъ половину портьеры и ступевался передъ крупной фигурой Мѣдникова—въ черномъ сюртукѣ и, по заграничному, въ пальто поверхъ сюртука.

Онъ поклонился у самыхъ дверей и потомъ уже сѣлъ на кресло.

— Имѣю честь кланяться, княгиня,—выговорилъ онъ тихо, безъ всякаго выраженія, и глазами какъ бы спросилъ ее: кто ея гость?

— Профессоръ Мѣдниковъ... Другъ нашего семейства Бѣлянинъ,—назвала она, не подавая ему руки.

— А-а!.. — выговорилъ Мѣдниковъ, поднимая тонъ. — Это весьма удачно.

И съ этими словами онъ вынулъ письмо и подаль его княгинѣ.

— То, что князь поручилъ мнѣ передать,—продолжалъ онъ,—относится одинаково и къ вамъ, и къ господину Бѣлянину.

Тотъ сжалъ губы и провелъ рукой по своимъ точно-наклеенымъ усамъ.

— Очень хорошо,—выговорила княгиня, сидѣвшая жестко и прямо, точно въ тискахъ.

Она взяла письмо, вскрыла его и, пробѣжавъ нѣсколько строкъ, передала Бѣлянину.

— Тутъ ничего нѣтъ. Князю Ивану Романовичу не угодно было пожаловать ни ко мнѣ, ни къ тому лицу, которое имѣло, кажется, право на нѣсколько другое отношеніе къ себѣ...

— Извините меня, Евпраксія Андреевна, — остановилъ ее Мѣдниковъ.—Входить въ обсужденіе того, какъ поступать и поступаетъ князь—я не уполномоченъ и не желаю. Прошу васъ и господина Бѣлянина вѣрить, что мнѣ не особенно пріятно было брать на себя роль посредствующаго лица. Но князь—мой лучший другъ; его интересы, его здоровье и спокойствіе дороже для меня, чѣмъ мои собственные.

И указавъ рукой на Бѣлянина, онъ спросилъ:

— Вы позволите, княгиня, сначала передать то, что относится и къ кругу вашего семейства.

Бѣлянинъ поджалъ ноги и сидѣлъ весь въ комочѣ, улыбаясь и играя часовой цѣпочкой.

— Черезъ васъ, княгиня, было доставлено письмо господина Бѣлянина, гдѣ стоитъ... какъ бы это выразиться... предостереженіе въ довольно категорической формѣ.

— Нѣтъ надобности распространяться объ этомъ!—возразила княгиня и взяла платокъ, брошенный на диванъ.

— Я буду очень кратокъ. Вы, чрезъ посредство господина Бѣлянина, дали знать князю, что если бы онъ желалъ вернуться на родину, то онъ долженъ предварительно подписать формен-

ную записку, что впередъ и абсолютно отказывается отъ всякихъ сношеній съ тѣми, въ судьбѣ которыхъ онъ принимаетъ участіе. Вѣдь такъ?—спросилъ онъ у Бѣлянина.

— Совершенно-съ.

— И что же по вашему?—сразу заговорила княгиня, громкимъ голосомъ.—Развѣ это не милостивое снисхожденіе?— Съ другимъ бы не такъ обошлись—и съ полнымъ правомъ. Нельзя допускать такую прямую крамолу!

— Положимъ, княгиня,—но повторяю: я не призванъ къ роли судьи. Я только передаточный органъ.

— Что же поручилъ вамъ передать князь?—спросилъ Бѣлянинъ, не поднимая глазъ на Мѣдникова.

— Князь никакой такой подписки дать не согласенъ.

— Стало быть, онъ добровольно обрекаетъ себя на изгнаніе?—отчетливо и замедленно выговорилъ Бѣлянинъ.

— Повидимому.

— И по дѣломъ!—вскричала княгиня.—Россіи не нужно такихъ людей! Довольно и того, что онъ срамить весь свой родъ. Но я не позволю ему губить сына. Теперь я имѣю полнѣйшее право, и мой священный долгъ заставляетъ меня ходатайствовать о томъ, чтобы сынъ мой былъ отнятъ у безумнаго отца.

— Вашъ сынъ совершеннолѣтній, княгиня,—возразилъ Мѣдниковъ.—Отнимать его ни у кого нельзя.

— Я знаю, что я говорю, профессоръ!—глухо крикнула она, и дрожъ прошлась по всему ея плотному тѣлу.

— *Chère princesse! Calmez-vous!*

Бѣлянинъ всталъ и протянулъ къ ней обѣ руки.

— *Je n'en puis plus!*—громко и почти съ плачемъ вскричала она.

И обернувшись всѣмъ станомъ и лицомъ къ Мѣдникову, она однимъ духомъ, порывисто, проговорила:

— Вы можете порадоваться... Вы и никто иной довели все до полного разстройства. Вы овладѣли моимъ мужемъ и сыномъ. Вы, изъ личнаго чувства, вплоть до этой минуты—мстите. Радуйтесь! Но всему есть предѣлъ! И въ этой послѣдней выходѣ князя—уже явно крамольной—его совѣтникомъ и вдохновителемъ, конечно, вы—русскій профессоръ, состоящій на службѣ. Какъ это благородно!

Она захохотала истерически и опустилась на диванъ бокомъ, охвативъ рукой подушку.

— *Princesse! Au nom du ciel!*

Бѣлянинъ подскочилъ къ ней и продолжалъ говорить ей шопотомъ.

До слуха Мѣдниковъ долетѣли сказанныя шопотомъ слова:
— *Congédiez-le!*

— Не безпокойтесь, — обратился онъ къ нему, вставая. — Какъ врачъ, я долженъ былъ бы предложить княгинѣ успокоительное. Но я понимаю ея душевное состояніе.

— Избавьте меня отъ вашихъ умничаній! — сказала княгиня, повернувъ къ нему лицо, багрово-красное и мокрое отъ слезъ.

Она показала ему чрезвычайно жалка, и онъ совсѣмъ не узнавалъ въ ней великолѣпную Евпраксію Андреевну. Оскорблять же эту барыню, преступившую всякую мѣру — онъ не могъ.

— Имѣю честь кланяться! — выговорилъ онъ съ невольной усмѣшкой — и съ поклономъ вышелъ.

На площадкѣ до слуха его долетѣли звуки новыхъ гнѣвныхъ рѣчей княгини.

Когда Мѣдниковъ вышелъ на улицу — уже смерклось. Изъ круглыхъ шаровъ электрической свѣтъ лился мягкими струями. Воздухъ сильно засвѣжѣлъ. Ызда внизъ и вверхъ въ сторону вокзала глуховато гудѣла.

Онъ пошелъ очень тихо, съ поникшей головой, къ скверу, гдѣ фонтанъ „Aqua Marcia“ уже переливалъ разноцвѣтными полосами, разметывая кругомъ искристые брызги.

Присѣлъ онъ на одну изъ скамеекъ аллеи и, не отрывая глазъ отъ этого свѣтящагося водомета, тяжело задумался.

Внутри у него щемило. Знакомая ему насада закралась опять въ душу. Сейчасъ вышло что-то некрасивое... Онъ шелъ на непріятное объясненіе, но все-таки не ожидалъ отъ этой женщины такого „бабьяго“ взрыва. А между тѣмъ въ его долготѣйшей практикѣ развѣ не сотнями и не тысячами насчитывались выходы женскаго темперамента?

Не это одно щемило его. Вотъ сейчасъ похоронилъ онъ безвозвратно свою молодость. И то, съ чѣмъ онъ пріѣхалъ въ Римъ — всплыло съ заново воскресшею силою. Его вторая любовь кончилась еще печальнѣе. Неужели онъ не найдетъ здѣсь, въ этомъ городѣ гробницъ, полномъ праха цѣлыхъ тысячелѣтій, хоть нѣкоторое врачеваніе своему оскудѣлому духу?..

Изъ-за свѣтового конуса воды, журчавшей въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него, куда могъ достигнуть его взглядъ, темнѣли руины — термъ Діоклетіана.

Когда-то тутъ блистала и рвалась къ наслажденію рыная жизнь, съ античнымъ култомъ тѣла, его линій и контуровъ.

Потомъ варвары, погромъ, кровь, мрачное невѣжество, мерзость запустѣнія... Теперь тамъ, гдѣ прохладжались римляне въ грандіозныхъ „тэпидаріяхъ“—христіанскій храмъ, возсозданный геніемъ флорентинскаго художника-богатыря; тамъ же—музей античнаго искусства; тамъ же—и больница безнадежно лишенныхъ зрѣнія бѣдняковъ...

Жалка, очень жалка показалась ему та барыня; но она все-таки живетъ, злобствуетъ, возмущается, интригуетъ; а онъ—только „подводитъ итоги“, ищетъ какой-то нирваны...

П. Боворыкинъ.

ПОЗДНІЯ ВОСПОМИНАНІЯ

0

ДАВНО МИНУВШИХЪ ВРЕМЕНАХЪ

ДЛЯ МОИХЪ ДѢТЕЙ И ВНУЧАТЪ.

I.

Трудно на 70-мъ году своей жизни вспоминать о предшествовавшихъ ему 69-ти годахъ; но, по поговореѣ: „лучше поздно, чѣмъ никогда“, я все-таки рѣшаюсь, на досугѣ, находясь за границей, приступить къ этому труду, надѣясь, современемъ, если Богу угодно будетъ продлить дни мои, довести его до конца въ каникулярное время слѣдующихъ лѣтъ. Въ записки эти я буду вносить воспоминанія, касающіяся какъ меня лично, такъ и другихъ лицъ, съ которыми приходилось мнѣ столкнуться и дѣйствовать на служебномъ и вообще на жизненномъ пути моемъ, а также и тѣхъ, дѣятельность которыхъ мнѣ была современна ¹⁾).

Родился я въ 1820 г., именно 25-го апрѣля, въ воскресный день, въ г. Тавастгуссѣ; но уже въ 1822 г., когда мнѣ еле минуло два года, отецъ нашъ переселился со всею семьею въ Москву, такъ какъ онъ желалъ дать дѣтямъ своимъ воспитаніе въ центрѣ Россіи и образовать изъ нихъ русскихъ гражданъ. Такимъ образомъ, несмотря на фактическое рожденіе въ Финляндіи,

¹⁾ Все относящееся къ семьѣ Шумахеровъ, какъ неимѣющее общаго интереса, здѣсь исключено.

я могу считать своею родиною Москву, гдѣ сталъ сознать свое „я“,—началъ говорить, выросъ, началъ и окончилъ свое образованіе,—Москву, къ которой одной относятся воспоминанія моего дѣтства, отрочества и юности, такъ какъ о Тавастгуссѣ, откуда я былъ вывезенъ двухъ лѣтъ отъ роду, я, конечно, не могъ имѣть никакихъ воспоминаній.

Читать и писать я научился на пятомъ году, присутствуя при обученіи брата Даніила, а затѣмъ—продолжалъ все ученіе совмѣстно съ нимъ. Училъ насъ всему, кромѣ французскаго языка, отецъ, который былъ очень взыскателенъ и строгъ. Въ учебныхъ часовъ, какъ при домашнемъ воспитаніи, такъ и послѣ, во время ученія въ пансіонѣ, намъ предоставлена была полная свобода, и мы, по возможности, проводили время на открытомъ воздухѣ, пользуясь обширнымъ дворомъ и садомъ при собственномъ домѣ отца, бѣгая взапуски, играя въ лапту, чехарду и другія игры, перепрыгивая черезъ стулья и столы, а зимою сами устраивали себѣ ледяную гору и катокъ. Лѣтомъ, съ раннихъ лѣтъ (8-ми) мы дѣлали съ отцомъ большія прогулки in's Grüne—на дачахъ въ то время еще не жили—въ окрестныхъ мѣстности: Останкино, Кусково и Кунцово, отстоявшія отъ города не болѣе десяти верстъ. Всѣ эти игры и прогулки укрѣпляли наши физическія силы лучше, чѣмъ это въ настоящее время достигается методическими, размѣренными, гимнастическими упражненіями въ домахъ.

Мать свою я помню очень немного, такъ какъ она умерла, когда мнѣ было всего 11 лѣтъ; но у меня осталось въ памяти, что она была очень добрая и нѣжная мать, и потому умѣряла излишнюю подчасъ строгость отца и даже нѣсколько баловала насъ.

Помню я живо, какъ поздно вечеромъ, когда насъ, младшихъ дѣтей, уже сильно клонило ко сну, отецъ пришелъ и объявилъ намъ, что умирающая мать желаетъ сказать намъ послѣднее „прости“ и напутствовать насъ материнскимъ благословеніемъ на тернистый путь жизни,—и я твердо убѣжденъ, что это благословеніе матери до сихъ поръ охраняло насъ отъ большихъ невзгодъ въ жизни и осчастливило насъ самихъ въ нашихъ дѣтяхъ.

Говоря о смерти моей матери, я не могу не коснуться нѣсколько личности одного изъ приглашенныхъ консультантовъ, именно д-ра Гаазе, пользовавшагося въ Москвѣ громкою извѣстностью и приглашавшагося на консультаціи въ опасныхъ случаяхъ. Относительно костюма онъ былъ послѣдній изъ могиановъ въ Москвѣ: онъ носилъ черный фракъ особаго покроя, съ

длинными, узкими фалдами, бѣлый высокій галстухъ и бѣлую манишку съ выдающимся мелко-гофрированнымъ воланомъ; брюки узкіе по-колѣно, черныя шолковые чулки и башмаки съ пряжками, затѣмъ сѣдой парикъ и косу; развѣзжалъ онъ не иначе какъ въ каретѣ, запряженной четверкою цугомъ, какъ и другіе, болѣе извѣстные врачи того времени. Такой оригинальный костюмъ на высокой, сухопарой фигурѣ его и всегда серьезная вѣщность естественно производили на насъ, дѣтей, сильное впечатлѣніе. Но популярность свою въ Москвѣ и даже далеко за предѣлами ея, особенно въ далекой Сибири, онъ пріобрѣлъ не костюмомъ своимъ, а дѣятельностью—по званію главнаго врача пересыльной тюрьмы на Воробьевыхъ-Горахъ, въ которой сосредоточивались изъ всей Россіи арестанты, осужденные къ ссылкѣ въ Сибирь. Съ виду чопорный и сухой, онъ носилъ въ груди своей сердце, полное любви къ человѣчеству и особенно ко всѣмъ „несчастливымъ“, какими онъ, подобно русскому народу вообще, считалъ преступниковъ. Необычайная гуманность, съ какою этотъ рѣдкій человѣкъ обращался съ людьми, отринутыми обществомъ, и то теплое сочувствіе, съ которымъ онъ относился ко всѣмъ ихъ потребностямъ, стяжали ему такую любовь и такое, если можно сказать, обожаніе среди этихъ грубыхъ натуръ, что самыя закоснѣлыя изъ нихъ, упорно отрицавшіе на слѣдствіи и судѣ, даже при пыткѣ, свою виновность, повтореніемъ одной и той же стереотипной фразы: „знать не знаю и вѣдать не вѣдаю“, нерѣдко, по убѣжденію д-ра Гаазе, ихъ возлюбленнаго „дѣдушки“, откровенно сознавались въ содѣланныхъ ими преступленіяхъ; возвращаемые изъ ссылки въ Сибирь, по прибытіи въ Москву, слѣшили прежде всего понавѣдаться о немъ и справиться о его здоровьѣ...

Одно изъ самыхъ раннихъ воспоминаній моего дѣтства относится къ случаю, который до того сильно запечатлѣлся въ моемъ дѣтскомъ мозгу, что я и въ настоящую минуту, черезъ 64 года, живо могу представить себѣ всѣ обстоятельства дѣла. Въ виду бунта, бывшаго въ Петербургѣ въ декабрѣ 1825 года, при вступленіи на престолъ императора Николая I и предстоявшаго провоза черезъ Москву тѣла усопшаго въ Таганрогѣ императора Александра I, въ Москвѣ возникло опасеніе, что въ день прихода туда печальнаго кортежа вспыхнетъ народное возмущеніе ¹⁾, вслѣдствіе чего отецъ мой, одаренный сильною энер-

¹⁾ Опасеніе это возникло вслѣдствіе распространившагося слуха, что Александръ I вовсе не умеръ; что у него вынудили отреченіе отъ престола, и онъ

гією, рѣшился до послѣдней возможности отстаивать жизнь свою и своей семьи. Совершенно ясно припоминаю, какъ отецъ нашъ, сидя передъ печкою въ корридорѣ нашего дома, отливалъ въ особой формочкѣ изъ свинца пули для имѣвшейся у него пары двухствольныхъ пистолетовъ, и какъ мы всѣ, тѣснясь около него, слѣдили за его работою съ какимъ-то безотчетнымъ страхомъ, не понимая, конечно, ни значенія того обстоятельства, которое привело отца нашего къ отливкѣ пуль, ни ихъ дѣйствія.

Затѣмъ, въ воспоминаніяхъ моихъ воскресаетъ 1830—1831 г., когда впервые появилась въ Москвѣ холера, которую старики отождествляли съ свирѣпствовавшимъ въ Москвѣ, при Екатеринѣ II, чернымъ моромъ, и которую всѣ вообще, не исключая и врачей, и правительственныхъ учреждений, считали столь же прилипчивою, какъ и чуму. Поэтому письма въ Москву доходили не иначе, какъ проколотыми и окуренными, какъ то было въ турецкую войну 1828—1829 г. съ письмами, приходившими съ театра войны ¹⁾; тамъ были два брата матери, артиллеристъ и врачъ. Вся Москва была оцѣплена карантиннымъ кордономъ, и всю провизію, которую доставляли для Москвы изъ деревень, можно было пріобрѣтать только при въѣздахъ въ городъ у заставъ, что до крайности стѣсняло населеніе, при громадныхъ разстояніяхъ большей части мѣстностей отъ заставъ, и имѣло естественнымъ послѣдствіемъ значительное вздорожаніе съѣстныхъ припасовъ, увеличеніе нужды въ бѣдныхъ слояхъ населенія, которая въ свою очередь вліяла на усиленіе болѣзни. Московскій генералъ-губернаторъ, князь Дмитрій Владиміровичъ Голицынъ, опасаясь возмущенія со стороны народа, который не разъ пытался прорвать карантинную цѣпь, испросилъ особымъ всеподданнѣйшимъ докладомъ уполномочіе государя не примѣнять долѣе къ Москвѣ этой стѣснительной мѣры, предписанной тогдашнимъ министромъ внутреннихъ дѣлъ, гр. Загребскимъ, принимая на себя передъ его величествомъ всѣ могущія быть послѣдствія отъ свободнаго сообщенія столицы съ окрестными мѣстностями. Послѣдствія между тѣмъ вполне оправдали такой рѣшительный шагъ со стороны „главнокомандующаго столицею“ (какъ тогда называли генералъ-губернатора); вслѣдъ за снятіемъ карантина, холера не только не усилилась, но, напротивъ, съ каждымъ днемъ стала дѣйствовать слабѣе и въ непродолжительномъ времени совсѣмъ прекратилась. Само поселеніе въ какомъ-то скитѣ, а вмѣсто него положили въ гробъ какого-то умершаго солдата.

¹⁾ Гдѣ и господствовала чума.

собою разумѣется, что всего этого я въ то время не былъ въ состояніи понимать, хотя и слышалъ разговоръ о томъ въ домѣ, и впоследствии отецъ, который вообще былъ врагомъ всякихъ стѣснительныхъ мѣръ, разъяснилъ намъ суть дѣла; но я считалъ излишнимъ внести это обстоятельство въ мои записки, какъ иллюстрирующее взглядъ правительства на холеру и потому имѣющее историческое значеніе. Изъ холернаго года осталось у меня еще въ памяти, какъ ежедневно у насъ окуривали весь домъ уксусомъ, наливаемымъ на раскаленное желѣзо; какъ запахъ этотъ былъ для меня невыносимъ, и я всякій разъ выбѣгалъ на дворъ; какъ рассказывали о случаяхъ возвращенія съ кладбища домой заболѣвшихъ холерою людей, которыхъ считали умершими и бросали на кладбищѣ въ общую яму до наполненія ея; какъ издѣвались надъ трусостью врачей, въ томъ числѣ надъ однимъ знакомымъ намъ профессоромъ, о которомъ рассказывали анекдотъ, будто онъ, будучи приглашенъ къ холерному, не рѣшался подойти къ нему, а рассматривалъ его изыскъ, стоя у дверей, черезъ бинокль.

Затѣмъ, изъ времени отрочества моего оставилъ во мнѣ сильное впечатлѣніе одинъ разговоръ съ служившимъ у насъ въ лакеяхъ московскимъ мѣщаниномъ изъ вольноотпущенныхъ крестьянъ. Въ людской у женской прислуги нашей висѣла лубочная картина, на которой изображены были красною краскою всѣ муки, которымъ подвергаются въ аду грѣшники, ежедневно, будто бы, подвергаемые сожженію, причемъ внизу картины было напечатано обстоятельное объясненіе каждой изъ этихъ мукъ. Лакей этотъ былъ грамотный, обученный не только чтенію, но и письму (что въ то время встрѣчалось весьма рѣдко) и вообще отличался большою толковитостью. Въ виду этого, я, имѣя уже 14 лѣтъ отъ роду, рѣшился сдѣлать ему вопросъ: насколько онъ вѣритъ тому, что изображено на картинѣ. На вопросъ этотъ онъ отвѣтилъ, что такъ какъ тѣло умершаго человѣка не имѣетъ никакой чувствительности и, какъ извѣстно, истлѣваетъ въ землѣ, — при этомъ онъ указалъ, что ему въ деревнѣ извѣстны были случаи, когда люди, настигнутые въ лѣсу хищными звѣрями или замерзшіе въ пути, были ими съѣдены до костей, — то онъ сомнѣвается, чтобы муки, претерпѣваемые грѣшниками на томъ свѣтѣ, могли имѣть какое-либо отношеніе къ ихъ тѣлу; что муки эти, по его мнѣнію, заключаются въ угрызеніяхъ совѣсти, которыя чувствуются въ полной силѣ тогда, когда душа отдѣляется отъ тѣла, и не могутъ быть ни заглушаемы, ни умѣряемы никакими чувственными наслажденіями, ни развлеченіями, ни занятіями, и

что такія угрызения совѣсти должны быть дѣйствительно ужасно мучительны, и потому могутъ быть названы муками адскими. Къ этому онъ присовокупилъ, что Богъ черезъ нѣсколько времени такихъ мученій, вида искреннее раскаяніе грѣшника, прощаетъ его грѣхи, и тогда муки оканчиваются, и что это и есть очищеніе души, черезъ ничѣмъ не смягчаемыя терзанія совѣсти, а вовсе не черезъ огонь ада. Конечно, я передаю его взглядъ не собственными его словами, но передаю сущность слышаннаго отъ него отвѣта, который произвелъ на меня тѣмъ болѣе сильное впечатлѣніе, что отвѣтъ этотъ исходилъ отъ человѣка, не принадлежавшаго къ нашему слою общества, который не могъ вычитать такого взгляда изъ бывшихъ въ его рукахъ книгъ житія святыхъ, катехивиса, молитвъ (не помню, имѣлъ ли онъ даже въ рукахъ Новый Заветъ) и, слѣдовательно, самъ додумался до него своимъ умомъ.

По окончаніи домашняго ученія, подъ руководствомъ отца я поступилъ въ средніе классы, въ одинъ изъ двухъ лучшихъ въ то время въ Москвѣ частныхъ ¹⁾ пансіоновъ съ полнымъ гимназическимъ курсомъ и даже обоими древними языками, именно въ пансіонъ, содержавшійся чехомъ Чермакомъ. Тамъ я имѣлъ сверстниками нѣсколько воспитанниковъ, получившихъ въ послѣдствіи болѣе или менѣе громкую извѣстность: Шренка, окончившаго курсъ въ Дерптѣ и сдѣлавшагося потомъ извѣстнымъ по своимъ ученымъ трудамъ академикомъ въ Петербургѣ; Достоевскаго, Ѳедора (который былъ при насъ недолго и поступилъ въ инженерное училище); Калачева, бывшаго потомъ профессоромъ исторіи русск. гражд. права въ московскомъ университетѣ, въ послѣдствіи сенаторомъ, завѣдывавшимъ историческимъ музеемъ министерства иностранныхъ дѣлъ въ Москвѣ и учредителемъ археологическаго института въ Петербургѣ; Мильгаузена, Ѳедора, въ послѣдствіи профессора финансоваго права въ Москвѣ, и кн. Волконскаго, одного изъ самыхъ полезныхъ, хотя и скромныхъ, дѣятелей по земству въ первыя три или четыре трехлѣтія въ рязанской губерніи, гдѣ онъ былъ и губ. предводителемъ дворянства, и предсѣдателемъ губ. земской управы. Большая часть нашихъ сверстниковъ по пансіону, даже и такіе, которые стояли ниже меня и Мильгаузена, поступили, по экзамену, въ университетъ въ 1835 г.; мы же двое не могли быть приняты туда, по недостиженію 16 лѣтъ, и потому, подготовивъ себя еще болѣе въ

¹⁾ Казенныхъ гимназій въ то время было очень мало—въ самой Москвѣ всего двѣ. Второй извѣстный пансіонъ содержалъ профессоръ Павловъ.

теченіе года частными уроками изъ русской словесности, математики, физики и древнихъ языковъ, выдержали въ 1836 году экзаменъ первыми: я—въ юридическій, а Мильгаузенъ—въ филологическій факультеты, съ перваго же курса котораго онъ перешелъ также на юридическій факультетъ. Тамъ мы снова сошлись, изъ пансіонныхъ товарищей, съ Калачевымъ, который изъ пансіона перешелъ въ дворянскій институтъ. Изъ студентовъ II-го курса, на которомъ находился братъ Даниилъ, мы сблизились болѣе всего съ Конст. Дмитр. Кавелинымъ, потомъ профессоромъ гражд. права сначала въ московскомъ, потомъ въ петербургскомъ университетѣ и, наконецъ, въ военно-юридической академіи. Не только тамъ, гдѣ профессорствовалъ Кавелинъ, онъ приобрѣлъ особенную любовь и уваженіе въ средѣ своихъ слушателей, не исключая и офицеровъ, но и воспитанники другихъ высшихъ учебныхъ заведеній раздѣляли общую къ нему симпатію, хотя лично не знали его, что особенно рельефно выразилось на его похоронахъ. Учеными своими трудами, частью помѣщенными въ журналахъ, частью изданными отдѣльно, онъ стяжалъ себя уваженіе всего ученаго міра; съ нимъ я сохранилъ самыя дружескія отношенія до его кончины (въ 1887 г.), слишкомъ рано похитившей его и не давшей ему окончить нѣкоторые, частью начатые, частью только задуманные имъ труды. Въ числѣ моихъ бумагъ сохранилось одно письмо его, въ которомъ мнѣ весьма лестно было прочесть, что онъ гордится такимъ другомъ, какъ я, тогда какъ я, конечно, имѣлъ болѣе основанія гордиться тѣмъ, что въ числѣ друзей имѣлъ Кавелина. Съ Калачевымъ ни я ни кто-либо изъ его товарищей не поддерживалъ близкихъ отношеній: онъ всегда держалъ себя особнякомъ, —и въ университетѣ, гдѣ всѣ студенты нашего курса были между собою на „ты“, съ однимъ Калачевымъ всѣ были на „вы“, не исключая Мильгаузена и меня, знавшихъ его еще съ пансіона.

Съ 1835 года послѣдовало обновленіе въ составѣ какъ профессоровъ, такъ и администраціи московскаго университета. Большая часть каведръ на юридическомъ и филологическомъ факультетахъ была замѣщена молодыми профессорами, долговременною подготовкою приготовленными каждый къ своей спеціальности: съ этою цѣлью избрали кандидатовъ разныхъ университетовъ, выказавшихъ наибольшія способности, и отправили ихъ въ дерптскій университетъ, который уже въ то время стоялъ неизмѣримо выше прочихъ русскихъ университетовъ, и при которомъ былъ образованъ особый профессорскій институтъ, гдѣ молодые кандидаты слушали лекціи въ теченіе трехъ лѣтъ и, такимъ образомъ,

подготовили себя для исполнѣ снзательнаго слушанія „приватиссима“ и вообще лекцій въ лучшихъ германскихъ университетахъ, гдѣ онѣ читались не въ видѣ полнаго курса какой-либо науки, а болѣе монографически. По пробитіи за границею трехъ лѣтъ, они подвергались въ Россіи особому испытанію (юристовъ экзаменовалъ извѣстный Сперанскій), и они обязаны были сдать экзаменъ на степень доктора. На юридическій факультетъ московскаго университета поступили изъ нихъ: Петръ Григорьевичъ Рѣдкинъ—по кафедрѣ энциклопедіи законовѣдѣнія и философіи права, а также и государств. права; Никита Ивановичъ Крыловъ—по исторіи и догмѣ римскаго права; Сергѣй Ивановичъ Баршевъ—по уголовному праву и судопроизводству; Николай Степановичъ Лѣшковъ—по международному, а потомъ и полицейскому праву, и Александръ Ивановичъ Чивилевъ—по политической экономіи и статистикѣ. Такимъ образомъ, профессорами прежняго состава, не получившими означенной подготовки, преподавались при мнѣ только гражданское право,—Оед. Лук. Морошкинымъ, магистромъ еще молодымъ, не безъ таланта; полицейское право и мѣстные законы — Н. И. Даниловичемъ, челоувѣкомъ почтенныхъ лѣтъ, переведеннымъ изъ упраздненнаго виленскаго университета, читавшимъ означенные предметы просто по своду законовъ, и, наконецъ, финансовое право—профессоромъ Васильевымъ, крайне слабымъ по знанію своего предмета и еще болѣе по умѣнію заинтересовать въ немъ слушателей. Когда я окончилъ курсъ въ университетѣ, то, въ виду того, что излюбленнымъ моимъ предметомъ была политическая экономія, по которой я прочиталъ много сочиненій, указанныхъ профессоромъ Чивилевымъ и много съ нимъ бесѣдовалъ у него на квартирѣ,—какъ онъ, такъ и П. Гр. Рѣдкинъ, очень убѣждали меня остаться при университетѣ, для того, чтобы быть отправленнымъ за границу на казенный счетъ, съ цѣлью подготовить себя для занятія кафедры финансоваго права. Не признавая въ себѣ призванія для преподавательской дѣятельности, я рѣшительно отказался отъ этого; другъ же мой и товарищъ по пансіону, Ѳ. Б. Мильгаузенъ, отправленный за границу собственно для изученія римскаго права при слушаніи лекцій иностранныхъ профессоровъ по наукѣ финансовъ, предпочелъ этотъ предметъ римскому праву и былъ назначенъ въ Москву на мѣсто Васильева. Не излишнимъ считаю указать на то, что, въ виду крайне ограниченнаго въ то время числа гимназій въ Россіи, изъ которыхъ притомъ большая часть провинціальныхъ далеко не могла дать воспитанникамъ своимъ надлежащей подготовки

для успішнаго слуханія факультетських предметів, а также и въ виду неодинаковой подготовки студентовъ, поступившихъ изъ частныхъ учебныхъ заведеній, первый курсъ имѣлъ своимъ назначеніемъ болѣе уравненіе слушателей въ предметахъ гимназическаго курса, и потому, напр., на I-мъ курсѣ юридическаго факультета изъ факультетскихъ предметовъ читалась только энциклопедія законовѣдѣнія, и студенты-юристы слушали, вмѣстѣ съ студентами другихъ факультетовъ, исторію всеобщую и російскую, русскую словесность, логику, физику, римскую словесность, а также французскій и нѣмецкій языки. Нельзя, впрочемъ, не замѣтить, что исторія, какъ русская, такъ и всеобщая, читалась вовсе не по гимназической программѣ, а въ томъ видѣ, какъ она преподавалась вообще по факультету историко-филологическому, именно первая—Мих. Петр. Погодинымъ, лучшимъ въ то время специалистомъ по этому предмету, а вторая—Тимоѣемъ Николаевичемъ Грановскимъ, на талантливыхъ лекціяхъ котораго стекались студенты всѣхъ факультетовъ и всѣхъ курсовъ. Русская словесность читалась весьма даровитымъ молодымъ профессоромъ, Степ. Петр. Шевыревымъ; отъ слуханія лекторовъ иностранныхъ языковъ Мильгаузенъ, Калачевъ, я и нѣкоторые другіе студенты были освобождены, въ виду оказаннаго нами при вступительномъ экзаменѣ отличнаго знанія этихъ языковъ, а римскую словесность мы слушали вмѣстѣ съ филологами II-го курса.

Молодые профессора юридическаго факультета, за мое время, находились въ совершенно иныхъ отношеніяхъ къ студентамъ, чѣмъ тѣ, какія существуютъ въ настоящее время между студентами и профессорами, что обуславливалось какъ собственною ихъ молодостью и ретивостью къ ихъ предмету, такъ и особенно малочисленностью студентовъ (со мною окончилъ въ 1840 году курсъ на юридическомъ факультетѣ всего 21 челов.), что давало каждому профессору возможность знать близко своихъ слушателей. Студенты имѣли личный доступъ къ профессорамъ, какъ въ стѣнахъ университета, такъ и у нихъ на квартирѣ, куда могли приходиться для бесѣдъ, для пользованія книгами ихъ частныхъ библіотекъ, изъ которыхъ иногда снабжались книгами и на домъ; профессора принимали отъ студентовъ записки (которые вносились на кафедру), съ изложеніемъ ихъ сомнѣній и даже прямо возраженій противъ читаннаго на лекціи, и на такія записки отвѣчали на слѣдующей лекціи.

Одновременно съ перемѣною въ личномъ составѣ преподавателей, перемѣнился, съ 1835 г., и административный персоналъ. Попечителемъ москов. учебнаго округа назначенъ былъ

молодой генералъ-адъютантъ графъ Сергѣй Григорьевичъ Строгановъ, по внѣшнему виду своему, по обращенію и по манерамъ аристократъ самой высшей пробы, а по образованію своему одинъ изъ самыхъ образованныхъ людей того времени въ Россіи. Окончивъ въ Петербургѣ при императорѣ Александрѣ I курсъ въ школѣ колонновожатыхъ (преобразованной при Николаѣ I въ военную академію), онъ прослушалъ полный курсъ въ знаменитомъ политехническомъ институтѣ въ Парижѣ, гдѣ слушалъ извѣстныхъ въ то время профессоровъ; независимо отъ наукъ математическихъ и другихъ, составлявшихъ главнѣйшіе предметы преподаванія въ означенныхъ высшихъ заведеніяхъ, онъ близко былъ знакомъ съ римскими классиками, а изъ языковъ иностранныхъ владѣлъ въ совершенствѣ французскимъ, нѣмецкимъ, англійскимъ, а также отчасти и итальянскимъ. Необыкновенно начитанный, онъ могъ вести серьезный разговоръ по всякому предмету. Гордый въ средѣ равныхъ ему и даже превосходившихъ его по древности рода аристократовъ, изъ коихъ большинство не отличалось образованностью, онъ былъ необыкновенно гуманенъ съ профессорами и студентами, былъ вполне доступенъ для каждаго изъ нихъ, входилъ во всѣ ихъ нужды и, по изслѣдованіи такихъ нуждъ, дѣлалъ все, что зависѣло отъ него для ихъ удовлетворенія. Когда до него доходили свѣдѣнія о неудовольствіи студентовъ на кого-либо изъ профессоровъ, онъ самъ приходилъ на лекціи профессора, тихо, безъ всякой свиты, садился на скамью рядомъ съ студентами и выслушивалъ лекцію до конца. Затѣмъ нерѣдко дѣлалъ профессору внушенія, а разъ, по жалобѣ ¹⁾ на крайнюю сухость и схоластичность лекцій по логикѣ профессора изъ духовной академіи, Терновскаго, предложилъ ему, по окончаніи года, оставить университетъ.

Время управленія гр. С. Гр. Строгановымъ моск. учебнымъ округомъ составляетъ цѣлую эпоху въ лѣтописяхъ московск. университета, о которой съ благодарностью вспоминаютъ всѣ, кому привелось пройти курсъ въ *alma mater* за это время. Пока графъ находился въ живыхъ, и между завсегдатаями обѣдовъ 12-го января въ С.-Петербургѣ было довольно лицъ, знавшихъ лично графа, ему всегда посылались привѣтственная телеграмма въ Москву, а потомъ, по переселеніи его въ Петербургъ, ежегодно, по окончаніи обѣда, отправлялась къ нему на домъ депутація, большею частью изъ А. Ѳ. Бычкова и меня, при чемъ онъ

¹⁾ Жалоба эта, по порученію студентовъ I курса, была доведена до свѣдѣнія графа студентами: Стаховичемъ, Мильгаузеномъ и мною, черезъ посредство сына графа, находившагося на II курсѣ вмѣстѣ съ моимъ братомъ Д.

всегда бывалъ тронуть доброю памятью о немъ со стороны бывшихъ студентовъ московскаго университета. При одной изъ такихъ бесѣдъ нашихъ онъ поразилъ насъ своею болѣе, чѣмъ необычайною памятью, разспрашивая насъ о дальнѣйшей судьбѣ нѣкоторыхъ изъ лицъ, кончившихъ курсъ въ 1840 г. (почти за 40 лѣтъ), принадлежавшихъ къ числу самыхъ заурядныхъ студентовъ, и припоминалъ самъ, гдѣ они начали свою службу.

Одновременно съ гр. Строгановымъ, инспекторомъ студентовъ состоялъ отставной капитанъ второго ранга Платонъ Степановичъ Нахимовъ, братъ одного изъ доблестныхъ защитниковъ Севастополя и героя синопской битвы. Человѣкъ недалекій по уму, по образованію, онъ обладалъ необыкновеннымъ тактомъ при обращеніи со студентами, и, благодаря этому такту, успѣлъ привлечь къ себѣ расположеніе университетской молодежи до такой степени, что если ему дѣлалась извѣстною какая-либо предположенная затѣя со стороны студентовъ, ему стоило только попросить, чтобы бросили эту затѣю „для него“, и затѣя не приводилась въ исполненіе. При столкновеніи студентовъ съ полиціею или съ жандармами, онъ, по возможности, выгораживалъ первыхъ, ловко пользуясь авторитетомъ гр. Строганова. Всякій изъ студентовъ того времени помнить, къ какимъ уловкамъ онъ прибѣгалъ, чтобы отвратить отъ провинившагося студента предстоящее ему взысканіе. Въ то время студенты носили ту же форму, какая недавно введена вновь въ университетахъ, при чемъ въ праздничные дни на улицахъ обязательно было быть при шпагѣ и въ треугольной шляпѣ, и за нарушеніе въ третій разъ этого требованія виновныхъ подвергали содержанію въ карцерѣ. Поэтому, когда Нахимову случалось въ третій разъ встрѣчаться съ студентомъ не въ установленной формѣ, онъ, завидѣвъ его издали, тотчасъ входилъ подъ ворота дома или въ двери перваго магазина, чтобы дать студенту возможность пройти непримѣченнымъ со стороны инспектора. Конечно, на слѣдующій день онъ наединѣ давалъ студенту головомойку или, вѣрнѣе, дѣлалъ ему отеческое наставленіе, мотивированное главнѣйше тѣмъ, — въ какое положеніе студентъ такимъ поступкомъ своимъ ставитъ его, инспектора!

Въ мое время, профессора не выдавали своихъ лекцій студентамъ, и нѣкоторые изъ нихъ даже не составляли для себя самихъ полныхъ лекцій, въ томъ видѣ, какъ они произносили ихъ съ кафедръ. Обстоятельство это вынуждало студентовъ аккуратно посѣщать лекціи и самимъ записывать ихъ во время слушанія, употребляя при этомъ отдѣльныя буквы для означенія

словъ или фразъ, а затѣмъ одинъ студентъ, принимавшій на себя составлять лекціи, напр., по римскому праву, бралъ съ собой записки одного или двухъ другихъ студентовъ по тому же предмету и вечеромъ, по свѣжей памяти, излагалъ подробно утреннюю лекцію и на другой день передавалъ ее товарищамъ. Такимъ образомъ, студенты не только имѣли лекціи по всѣмъ предметамъ, но сами, слушавъ ихъ, записавъ и дополнивъ, не должны были передъ экзаменомъ изучать, какъ это дѣлается теперь, по литографированнымъ лекціямъ предметы, имъ почти вовсе незнакомые, но только повторяли то, что они уже знали болѣе или менѣе хорошо.

При испытаніи студентовъ I-го курса изъ энциклопедіи законовѣдѣнія и исторіи философіи, права, П. Г. Рѣдкинъ не ограничивался отвѣтомъ студента на случайно полученный билетъ, а задавалъ вопросы изъ разныхъ частей курса, чтобы убѣдиться, знаетъ ли экзаменуемый весь предметъ, или только нѣкоторыя его части, и, не довольствуясь отвѣтами, переданными словами его, профессора, просилъ изложить тотъ же отвѣтъ своими словами. При такомъ испытаніи онъ остался вполнѣ доволенъ только моими отвѣтами, и я одинъ получилъ у него высшую отмѣтку. Поэтому, когда на экзаменахъ на III и IV курсѣ, кромѣ меня, получили полныя баллы по всѣмъ факультетскимъ предметамъ также Мильгаузенъ и Калачевъ, и отецъ, передъ окончательными выпускными экзаменами, спросилъ меня, надѣюсь ли я окончить курсъ кандидатомъ, я съ нѣкоторою самоувѣренностью отвѣтилъ, что въ этомъ не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія, и вопросъ можетъ быть только въ томъ, окончу ли я курсъ *первымъ* ¹⁾ кандидатомъ. Будучи убѣжденъ, что первымъ будетъ Мильгаузенъ, отецъ отнесся съ недоустріемъ къ моимъ словамъ; но когда надежда моя дѣйствительно осуществилась, онъ предложилъ мнѣ ѣхать съ нимъ въ Финляндію, чтобы познакомить меня съ родными нашей матери и самому съ ними повидаться, къ чему онъ давно стремился. Осуществленіе этого желанія его именно лѣтомъ 1840 г. представлялось тѣмъ болѣе удобнымъ, что я, до переселенія въ Петербургъ, могъ сопровождать его, и онъ могъ разсчитывать свидѣться съ болѣею частью родственниковъ въ Гельсингфорсѣ, по случаю празднованія тамъ 200-лѣтняго юбілея александровскаго университета. Поѣздка

¹⁾ Для первыхъ кандидатовъ испрашивалось высочайшее разрѣшеніе на вступленіе на службу въ высшія государственныя установленія, въ изыатіе изъ общаго закона 1837 г., въ силу котораго окончившіе курсъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ обязывались прослужить три года въ среднихъ или низшихъ инстанціяхъ.

наша въ Петербургъ по шоссе въ дилижансѣ, на перекладныхъ, продолжалась до пяти сутокъ—такое путешествіе покажется невыносимымъ для настоящаго поколѣнія, привыкшаго совершать этотъ переѣздъ, и при томъ со всѣми удобствами, въ 19 часовъ, а съ курьерскимъ поѣздомъ даже въ 15 часовъ. Отцу же моему переѣздъ изъ Москвы въ Петербургъ въ пять сутокъ показался, напротивъ, крайне быстрымъ, такъ какъ изъ памяти его не изгладились еще всѣ неудобства переѣзда, совершеннаго имъ въ 1822 г. со всею семьею,—переѣзда не по шоссе, а по бревенчатой мостовой, и длившагося цѣлыхъ двѣ недѣли.

Петербургъ произвелъ на меня благопріятное впечатлѣніе, не постройками, которыя въ то время по фасадамъ своимъ, напоминали казармы, а большимъ, сравнительно съ Москвою, благоустройствомъ, болѣе же всего—величественною Невою, которая представлялась чуть ли не цѣлымъ моремъ въ сравненіи съ печальною Москвою-рѣкою и еще болѣе печальною Яузою. Изъ Петербурга, за неимѣніемъ другихъ способовъ передвиженія, мы поѣхали до Бѣлоострова по почтовой дорогѣ, вымощенной булыжникомъ самаго крупнаго размѣра. Поѣздка по этой мостовой, въ которой чуть ли не на каждомъ шагѣ встрѣчались ямы отъ выброшенныхъ булыжниковъ, и притомъ въ телѣжкѣ безъ рессоръ, очень напоминала отцу ѣзду по бревенчатой мостовой въ 1822 г., и дѣйствительно, этотъ короткій переѣздъ въ сорокъ верстъ утомилъ и разбилъ насъ гораздо болѣе, чѣмъ пятидневный переѣздъ изъ Москвы въ Петербургъ по шоссе. Зато, какъ удобенъ и пріятенъ намъ показался дальнѣйшій переѣздъ въ 100 верстъ отъ границы до Выборга, хотя также на простыхъ почтовыхъ телѣжкахъ, но по прекраснымъ финляндскимъ дорогамъ. На пути этомъ поражали меня какъ необычайная для русскаго челоуѣка чистота на станціяхъ, гдѣ можно было имѣть ночлегъ на опрятныхъ постеляхъ, безъ знакомыхъ путешествовавшимъ по Россіи насѣкомыхъ, такъ и встрѣчавшіеся по дорогѣ въ массѣ огромные камни, которые издали казались избами, а затѣмъ громадныя скалы и множество озеръ—все предметы о которыхъ москвичи не имѣли никакого понятія. Выборгъ произвелъ на меня впечатлѣніе своими древними башнями, во многомъ отличавшимися отъ башенъ московскаго Кремля, затѣмъ садомъ барона Николаи — „Монрепо“, но болѣе всего видомъ на открытое море. Изъ Выборга мы отправились въ Гельсингфорсъ на маленькомъ пароходикѣ ¹⁾, который не рисковалъ идти по

¹⁾ Изъ Петербурга тогда не было пароходнаго сообщенія съ Выборгомъ; такое сообщеніе только-что началось тогда между столицей и Петергофомъ, и на этотъ переѣздъ требовалось не менѣе трехъ часовъ.

ночамъ, а, проходя по шхерамъ, поражавшимъ насъ своею прелестью, останавливался на ночь во всѣхъ попутныхъ городахъ—Фридрихсгаммѣ, Ловизѣ и Борго; въ городахъ этихъ всѣ постройки были деревянные, окрашенные въ красный цвѣтъ, и потому города ничѣмъ не отличались одинъ отъ другого, за исключеніемъ Фридрихсгамма, который въ то время представлялъ груды развалинъ, вслѣдствіе пожара, уничтожившаго его за нѣсколько недѣль до нашего прибытія. Тутъ отецъ обратилъ мое вниманіе на особенную попечительность по отношенію къ проѣзжающимъ, которую законъ возлагаетъ на городскія управленія, изъ которыхъ каждое обязано имѣть отъ себя гостиницу для пріѣзжающихъ и, въ случаѣ ея переполненія, размѣстить ихъ по обывательскимъ квартирамъ. На основаніи этого, за истребленіемъ пожаромъ городской гостиницы въ Фридрихсгаммѣ, бургомистръ отвелъ намъ съ нѣкоторыми другими пассажирами ночлегъ въ уцѣлѣвшемъ домѣ какого-то сѣдельнаго мастера, гдѣ мы получили чай съ ужиномъ изъ одного горячаго блюда и обычный въ Финляндіи холодной закуски съ водкою и прелестною простоквашею „фильбунка“, удобную постель съ чистымъ бѣльемъ и утромъ кофе съ хлѣбомъ и масломъ,—и за все это съ насъ обоихъ взяли 60 коп. На одномъ пароходѣ съ нами ѣхалъ изъ Выборга и профессоръ московскаго университета Ник. Иван. Крыловъ, пожелавшій также присутствовать на 200-лѣтнемъ юбилей гельсингфорскаго университета. Странно, что изъ всѣхъ русскихъ университетовъ только петербургскій и дерптскій послали отъ себя депутатовъ въ Гельсингфорсъ, каждый двухъ профессоровъ и двухъ студентовъ; московскій же университетъ никакой депутации отъ себя не послалъ, такъ какъ и Крыловъ, и я, мы оба пріѣхали туда какъ частныя лица и на свой счетъ. Тѣмъ не менѣе, когда я, по совѣту дяди моего, Мерлина, представлялся генералъ-губернатору, онъ принялъ меня какъ officialнаго представителя московскаго университета, равно какъ и профессора Крылова, о пріѣздѣ котораго я ему доложилъ, и предложилъ намъ отправиться въ зданіе обсерваторіи, гдѣ всѣмъ депутатамъ были отведены помѣщенія. Я предпочелъ, однако, остаться въ квартирѣ дяди моего, а Н. И. Крыловъ, объ отысканіи котораго генералъ-губернаторъ приказалъ полиціимейстеру, нигдѣ не могъ быть отысканъ, и впослѣдствіи оказалось, что онъ, переночевавъ на пароходикѣ (мы прибыли вечеромъ), пробѣгалъ все слѣдующее утро по городу, отыскивая квартиру, но, не найдя ничего, въ обѣденное время отправился на томъ же пароходѣ обратно. Такимъ образомъ, я остался единствен-

нимъ (мнимымъ) представителемъ московскаго университета и потому получилъ билетъ на входъ на всѣ торжественныя собранія университета, а также и отдѣльныя приглашенія на официальные обѣды, данные генераль-губернаторомъ и городскимъ обществомъ, равно какъ и на балы, данные разными корпораціями. Торжественныя собранія университета происходятъ въ Nicolay-Kirche, тогда только-что отстроенной, но еще не освященной: профессора университета, имѣя во главѣ Rector'a magnificus'a, въ малиновой тогѣ, а за ними молодые магистры и доктора, которые должны были получить свою *gromotio*, т.-е. посвященіе или утвержденіе, шли въ процессіи, сопровождаемые массою студентовъ изъ университетскаго зданія въ названную церковь, ежедневно нѣсколько дней подъ рядъ. Тамъ прочитанъ былъ отчетъ о дѣятельности университета за 200 лѣтъ, произносились рѣчи ректоромъ и профессорами университета на языкахъ шведскомъ, русскомъ, нѣмецкомъ и латинскомъ, прочитывались привѣтствія отъ названныхъ двухъ русскихъ университетовъ ¹⁾ и отъ многихъ иностранныхъ, какъ приславшихъ депутаціи, такъ и не приславшихъ.

Наиболѣе интереса представлялъ обрядъ такъ называемаго „*gromotio*“ новыхъ докторовъ и магистрантовъ. Такая промоція происходитъ обыкновенно каждые четыре года, но, въ ожиданіи празднованія 200-лѣтней годовщины университета, промоція, долженствовавшая быть за четыре года, была отложена до 1840 г. и, такимъ образомъ, на этотъ годъ пришелся двойной комплектъ докторантовъ и магистрантовъ. Обрядъ посвященія докторантовъ заключался въ томъ, что Rector magnificus надѣвалъ на каждого изъ нихъ мантию и шляпу съ кисейнымъ бантомъ, а магистрантовъ вѣнчали лавровыми вѣнками избранныя ими самими молодыя дѣвицы (изъ наиболѣе красивыхъ), при чемъ онѣ же надѣвали имъ на палецъ кольцо, въ знакъ обрученія ихъ съ наукою, на подобіе того, какъ, при вступленіи въ должность вновь избраннаго дожа Венеціи, онъ обручался съ моремъ, властительницею котораго считала себя эта республика. Считаю неизлишнимъ разъяснить, что въ гельсингфорсскомъ университетѣ всѣ студенты, до избранія себѣ той или другой специальности (факультета), проходятъ общій университетскій курсъ, такъ называемый *philosophicum* и, по выдержаніи экзамена, получаютъ степень ма-

¹⁾ Московскій и прочіе три русскихъ университета—казанскій, харьковскій и кіевскій, блистали полнымъ своимъ отсутствіемъ, не приславъ ни депутацій, ни письменныхъ привѣтствій.

гистра, и такихъ магистровъ набралось за послѣдніе два года около двухсотъ. Они также давали балъ, на который пригласили, вмѣстѣ съ депутатами отъ другихъ университетовъ, и меня, а по окончаніи танцевъ, когда остались одни мужчины, разносили въ большихъ мискахъ особый напитокъ, подъ названіемъ *Caroline*, при чемъ вновь промовирте магистры пили *Bruderschaft* со всѣми прибывшими изъ другихъ мѣстъ.

Празднованіе 200-лѣтней годовщины университета въ Финляндіи дало мнѣ понятіе о томъ значеніи, какое имѣетъ онъ въ странѣ, гдѣ все основано на школѣ, гдѣ все почти населеніе грамотно, гдѣ почти всѣ отрасли управленія судебнаго, административнаго и казеннаго (исключеніе составляли только полицейское и почтовое управленія) состоятъ изъ чиновъ, получившихъ университетское образованіе, и гдѣ все духовенство, не исключая сельскаго, ближе всего стоящаго къ народу, окончило курсъ въ богословскомъ факультетѣ; торжество университета явилось потому праздникомъ всей страны, изъ всѣхъ концовъ которой нахлынула въ Гельсингфорсъ масса лицъ, считавшихъ александровскій университетъ своею *alma mater*, и торжество это, праздновавшееся въ столицѣ великаго княжества, имѣло свои отклики во всѣхъ городахъ и селахъ страны. Въ „Русской Мысли“ были статьи, въ 1886 и 1887 гг., подъ названіемъ: „Страна, гдѣ тысяча озеръ“; статьи эти даютъ наглядное понятіе о томъ значеніи, которое имѣетъ народное образованіе на благосостояніе страны, особенно въ связи съ энергіею и настойчивостью, присущими характеру финляндцевъ, не менѣе чѣмъ англичанамъ. Приведенныя въ этихъ статьяхъ данныя привели меня къ убѣжденію въ томъ, что если побѣду, одержанную Пруссіею въ 1866 г. надъ своею соперницею въ Германіи—Австро-Венгріею, а потомъ, въ 1870 и 1871 гг., въ союзѣ съ другими германскими государствами, надъ Франціею,—справедливо приписывали вліянію образованія, пустившаго глубокіе корни во всѣхъ слояхъ населенія, и выражали эту мысль словами: „школьный учитель побѣдилъ“,—то это же выраженіе можно съ неменьшею справедливостью примѣнить къ Финляндіи, гдѣ школьный учитель побѣдилъ не непріятеля на поляхъ сраженія, а природу, которая такъ скупно одарила эту страну своими дарами, что только усиленный трудъ, въ связи съ образованіемъ народа, дали ему возможность преодолѣть всѣ препятствія, на каждомъ шагѣ встречаемыя имъ въ стремленіи къ улучшенію своего матеріальнаго положенія и къ достиженію той степени благосостоянія, на которой стоитъ въ настоящее время эта маленькая страна. Въ

бытность мою, позже, въ 1888 г., въ Вильманstrandъ, маленькомъ городѣ съ населеніемъ едва 1.000 человекъ, лучший домъ въ городѣ было новое зданіе „народной школы“, „Kansa Kaula“, —зданіе, которое сдѣлало бы честь всякой гимназіи, по массѣ воздуха и свѣта, которые оно доставляетъ подроствающимъ поколѣніямъ.

На обратномъ пути изъ Финляндіи мы, для переѣзда изъ Петербурга до Москвы, воспользовались только-что учрежденными тогда почтовымъ вѣдомствомъ каретами „malle-poste“; кареты эти совершали этотъ переѣздъ въ 700 верстъ въ двое сутокъ; такая быстрота обуславливалась тѣмъ, съ одной стороны, что онѣ, будучи обязаны проѣхать въ часъ по 15 верстъ, не встрѣчали особыхъ препятствій со стороны многочисленныхъ, тянувшихся по шоссе между обѣими столицами, обозовъ, которые, по сигналу почтоваго кондуктора, дававшегося имъ посредствомъ рожка или трубы, обязаны были давать дорогу почтовой каретѣ, а съ другой—тѣмъ, что о приближеніи къ станціи кондукторъ такимъ же сигналомъ давалъ знать почтовому смотрителю, независимо отъ того, что время прибытія почтовой кареты на каждую станцію было точно опредѣлено, вслѣдствіе чего перемѣнные лошади стояли всегда готовыми въ сбруѣ, и перепряжка совершалась въ какихъ-нибудь пять минутъ. Этотъ быстрый способъ передвиженія на лошадяхъ, приводившій въ изумленіе иностранцевъ, которые ничего подобнаго не встрѣчали ни въ одной другой странѣ, долженъ былъ уступить мѣсто еще болѣе быстрому передвиженію силою пара, съ открытіемъ, въ 1851 г., николаевской желѣзной дороги.

Упомянувъ объ этой дорогѣ, не могу не сказать нѣсколько словъ относительно постройки ея. Мысль о соединеніи желѣзною дорогою обѣихъ столицъ возникла въ умѣ императора Николая I вслѣдъ за устройствомъ дороги между Петербургомъ и Павловскомъ; но осуществленіе ея задерживалось какъ недостаткомъ потребныхъ на устройство пути громадныхъ суммъ, такъ и тѣмъ, что большинство совѣтниковъ государя высказывалось противъ его устройства, доказывая, что, по ограниченности торговаго движенія между столицами и рѣдкости населенія, доходъ отъ дороги будетъ и въ дальнемъ будущемъ такъ ничтоженъ, что придется не только уплачивать проценты погашенія и интереса на занятый капиталъ изъ средствъ казны,—но и самые расходы по ремонту дороги и подвижного состава, топкѣ паровозовъ и содержанію служебнаго персонала будутъ почти всецѣло покрываться изъ того же источника, вслѣдствіе чего долгъ государственнаго казначейства будетъ

ежегодно нарастать. Мнѣ пришлось въ 1841 г. прочесть записку (которую мнѣ давалъ во время моего дежурства управляющій министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, графъ Александръ Григорьевичъ Строгановъ), гдѣ были изложены всѣ доводы про и contra устройства желѣзной дороги между Петербургомъ и Москвою. Изъ записки этой видно было, что даже сторонники устройства дороги (къ числу которыхъ главнѣйше принадлежалъ министръ государственныхъ имуществъ генералъ-адъютантъ графъ Киселевъ, одинъ изъ образованнѣйшихъ и наиболѣе либеральныхъ государственныхъ людей того времени) могли насчитать только крайне ограниченное число проѣзжающихъ, на которое можно было рассчитывать, число, въ нѣсколько десятковъ разъ превзойденное дѣйствительностью. Дѣло въ томъ, что обѣ стороны совершенно позабыли главный факторъ въ доходности желѣзныхъ дорогъ, именно пассажировъ третьяго класса, исходя изъ того предположенія, что крестьяне, отправляющіеся въ Петербургъ на разныя, преимущественно строительныя работы, при значительности для нихъ платы за проѣздъ, будутъ по прежнему совершать переходъ пѣшкомъ. Между тѣмъ крестьяне очень скоро сообразили, что расходъ на переѣздъ по желѣзной дорогѣ съ лихвою окупится какъ заработанною платою за тѣ лишнія двѣ-три недѣли, которые они непроизводительно употребили бы на переходъ пѣшкомъ, такъ и сбереженіемъ за это же время расходовъ на харчи и ночлеги. Впослѣдствіи дѣйствительность показала, что плата за проѣздъ въ вагонахъ III класса составляетъ весьма значительную часть всей валовой выручки. Въ настоящее время дорога эта, по размѣру выручаемаго ею поверстнаго дохода, есть самая производительная изъ всѣхъ дорогъ въ мірѣ, хотя въ отношеніи процента доходности на затраченный капиталъ уступаетъ многимъ дорогамъ. Устройство николаевской желѣзной дороги, построенной на средства казны исключительно *русскими* инженерами, обошлось свыше 200 тыс. рублей на версту, тогда какъ устройство дорогъ Главнаго Общества—варшавской и нижегородской—обошлось, кажется, по 100 тыс. руб. верста, и впослѣдствіи расходъ на постройку другихъ желѣзныхъ дорогъ постепенно уменьшался и дошелъ, при сдачѣ концессій съ торговъ, до 38 тыс. руб. Современникамъ постройки николаевской желѣзной дороги очень хорошо извѣстно, что, независимо отъ наживы подрядчиковъ, многіе изъ инженеровъ-строителей составили себѣ солидныя состоянія, но и при постройкахъ другихъ желѣзныхъ дорогъ строители также не забывали себя; главнѣйшая же причина дороговизны устройства николаевской же-

лѣзной дороги заключалась въ тѣхъ трудностяхъ ¹⁾, которыя приходилось преодолевать при проведеніи дорожнаго полотна по болотамъ и трясинамъ петербургской и тверской губерній и въ валдайскихъ горахъ,—трудностяхъ, которыя возрастали особенно оттого, что государю угодно было приказать, чтобы дорога была проложена по прямой линіи, проведенной имъ по картѣ между обѣими столицами. На линіи этой встрѣчались такъ называемыя „бездонныя“ болота, причемъ оказывалось, что послѣ вбивки въ нихъ въ теченіе цѣлой зимы громаднаго числа свай, весною всѣ эти сваи исчезали и показывались въ озерахъ, отстоявшихъ отъ мѣста забивки ихъ въ болѣе или менѣе отдаленномъ разстояніи, и такимъ образомъ миллионы, употребленные на матеріалы и работу, оказывались затраченными безъ всякой пользы для дороги. Независимо отъ того, нельзя не отдать справедливости николаевской желѣзной дорогѣ въ томъ отношеніи, что она, по солидности своей, несмотря на зыбкость грунта, и по монументальности станціонныхъ сооруженій, превосходить всѣ не только желѣзныя дороги въ Россіи, но едва ли и не въ цѣломъ мірѣ.

Нѣсколько увлекшись рассказомъ объ устройствѣ николаевской желѣзной дороги, я забѣжалъ впередъ—къ 1851 г., тогда какъ я остановился еще на 1840 г., именно на возвращеніи нашемъ изъ Финляндіи. Несмотря на прекрасно проведенное мною въ Финляндіи лѣто, гдѣ я въ первый разъ познакомился съ живописными мѣстностями этой страны, въ томъ числѣ озеро Сайма и водопадомъ Иматра,—я, какъ только мы выѣхали изъ Петербурга, горѣлъ нетерпѣніемъ снова увидѣть свою бѣлокаменную родную Москву, и не могу не признаться, что когда я впервые увидѣлъ въ тверской губерніи, ближе къ границамъ московской, высокія шляпы на ямщикахъ, какія вообще носили крестьяне московскіе (въ петербургской и новгородской губерніяхъ ямщики носили низкія шляпы на подобіе кучерскихъ, но съ загнутыми вверхъ полями), у меня невольно навернулись слезы на глазахъ,—до такой степени во мнѣ еще былъ силенъ специальный,

¹⁾ Многія изъ нашихъ желѣзныхъ дорогъ, особенно проложенныхъ въ степныхъ мѣстностяхъ, гдѣ, по народному выраженію, дорога скатертью, требовали очень мало расходовъ на устройство дорожнаго полотна, и шпалы укладывались прямо на землю. Въ началѣ всѣ были поражены дешевизною постройки финляндской желѣзной дороги, менѣе 30 тыс. руб. на версту, при необходимости проложить ее черезъ скалы, но вскорѣ разъяснилось, что скалистые горы устраиваются взрывами, посредствомъ пороха или динамита, несравненно дешевле, чѣмъ горы изъ обыкновеннаго состава, и особенно чѣмъ укрѣпленіе болотъ и трясинъ.

московскій патриотизмъ. Отъѣздъ мой изъ Москвы въ Петербургъ могъ состояться не ранѣе, какъ во второй половинѣ октября, когда отъ попечителя округа была написана бумага къ министру народнаго просвѣщенія объ исходатайствованіи для меня высочайшаго разрѣшенія на вступленіе на службу въ министерство внутреннихъ дѣлъ. Собственно я самъ выразилъ желаніе поступить во II-ое отд. Собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи, но гр. Сергій Григорьевичъ Строгановъ объяснилъ мнѣ, что занятія служащихъ тамъ, состоящіе въ кодификаціи законовъ, чужды живому дѣлу, и рекомендовалъ мнѣ поступить въ министерство внутреннихъ дѣлъ, которымъ управлялъ въ то время братъ его, графъ Александръ Григорьевичъ, вслѣдствіе чего и снабдилъ меня частнымъ письмомъ къ нему. Письмо это не имѣло, однако, никакого вліянія на мою службу въ министерствѣ, какъ по кратковременности управленія имъ гр. Александра Григорьевича Строганова, такъ и потому, что онъ, очевидно, тотчасъ же забылъ о немъ, въ чемъ я убѣдился на одномъ изъ дежурствъ моихъ у него на дачѣ, когда онъ, давъ переписать лекціи профессора Гизо по исторіи, записанныя его братомъ, и удивившись тому, что я разобралъ всю рукопись, несмотря на неразборчивость ея мѣстами и сокращеніе словъ, спросилъ меня, гдѣ я воспитывался. Графъ Ал. Григ. Строгановъ былъ товарищемъ министра внутреннихъ дѣлъ при Дм. Ник. Блудовѣ (впослѣдствіи графъ) и былъ командированъ, кажется, въ 1837 г., для исправленія должности харьковскаго, полтавскаго и черниговскаго генераль-губернатора, а по выbitii Блудова изъ министерства внутреннихъ дѣлъ, по случаю назначенія его министромъ юстиціи, — былъ вызванъ въ С.-Петербургъ, для управленія министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, но въ званіи министра утвержденъ не былъ. Отъ управленія министерствомъ онъ былъ уволенъ осенью 1841 г., съ назначеніемъ начальникомъ резервной артиллеріи. Внезапное увольненіе гр. Строганова отъ управленія министерствомъ внутреннихъ дѣлъ нѣкоторые относили къ неудовлетворительности распоряженій его по случаю сильнаго неурожая во многихъ губерніяхъ въ 1840 г., о которыхъ тогдашній морской министръ, кн. Меншиковъ (извѣстный своими остроумными изреченіями), отозвался, будто бы, государю, что голодающіе крестьяне должны быть вполне накормлены, такъ какъ гр. Строгановъ (во время поѣздки по губерніямъ, постигнутымъ неурожаемъ) „такую заварилъ кашу“, что ее и въ нѣсколько лѣтъ не расхлебашь. Гр. Строгановъ съ поста управляющаго министерствомъ былъ, такъ сказать, смѣщенъ на должность начальника резервной

артиллеріи, подчиненнаго не только военному министру, но и артиллерійскому д-ту, въ лицѣ его начальника генералъ-фельдцейхмейстера. Графъ Строгановъ былъ человѣкъ высокаго образованія, но не отличался выдающимися административными способностями.

Личный составъ высшихъ чиновъ министерства внутреннихъ дѣлъ, т.-е. директоровъ, которыхъ я засталъ въ началѣ 1841 г., былъ слѣдующій (товарища министра и вице-директоровъ не было): директоромъ канцеляріи министерства (что нынѣ д-тъ общихъ дѣлъ) былъ дѣйствительный статскій совѣтникъ Карлъ Карловичъ фонъ-Поль, дворянинъ острова Эзеля, воспитанникъ дерптскаго университета, человѣкъ хорошо образованный, но большой формалистъ и особенно трусливый, робкій не только передъ министромъ, но и передъ другими директорами и губернаторами. По религіознымъ своимъ воззрѣніямъ онъ былъ піетистъ, гернгутеръ и всегда покровительствовалъ этой сектѣ. Помѣщенный во II томѣ св. зак. наказъ губернаторамъ, изданный при Дм. Ник. Блудовѣ въ 1835 г., принадлежитъ перу К. К. фонъ-Поля. Наказъ этотъ опредѣляетъ права и обязанности губернаторовъ весьма систематично и съ особенною подробностью, вслѣдствіе чего, при совершенной невозможности исполнять въ точности всѣ эти обязанности, губернаторы называли его не наказомъ, а „наказаніемъ“ для губернаторовъ.

Директоромъ хозяйственнаго департамента былъ извѣстный тогда всему Петербургу Михаилъ Ивановичъ Лексъ, образование котораго ограничилось программой кадетскихъ корпусовъ начала настоящаго столѣтія, вслѣдствіе чего онъ былъ человѣкъ совершенно необразованный, вовсе не знавшій иностранныхъ языковъ и плохо владѣвшій письменно и русскимъ языкомъ. Службу онъ началъ въ канцеляріи смоленскаго губернатора, откуда онъ выбылъ въ 1812 г., вслѣдствіе занятія Смоленска Наполеономъ, вмѣстѣ со всѣми служившими въ губерніи чиновниками, спасаясь отъ наступавшей непріятельской арміи. Объ этомъ отступленіи передъ непріателемъ М. И. Лексъ очень любилъ рассказывать, но придавалъ этому періоду своей жизни совершенно иное значеніе, никогда не упоминая о томъ, что онъ находился, такъ сказать, въ оboѣхъ губернатора, а передавалъ разныя подробности о сраженіяхъ ¹⁾ подъ Краснымъ, Дорогобужемъ и Духовщиною,

¹⁾ Въ одно осеннее утро, при первомъ морозѣ, когда я ѣхалъ съ нимъ къ министру Бибикову (онъ тогда уже былъ товарищемъ министра), онъ рассказалъ мнѣ про одно изъ этихъ сраженій, что исходъ не былъ рѣшенъ, когда наступила темнота, а на другое утро, послѣ легкаго ночного мороза, градусовъ въ 6, мы были удивлены, увидѣвъ до 20 тысячъ французовъ замерзшими.

какъ будто онъ принималъ въ нихъ личное участіе. Онъ до того освоился съ этою собственной выдумкой, что, казалось, самъ уже вѣрилъ въ справедливость своихъ разсказовъ, какъ можно было заключить по тому, что не задумывался повторять эти излюбленные разсказы въ присутствіи двухъ министровъ, гр. Перовскаго и Д. Г. Бибикова, которые сами принимали участіе въ Отечественной войнѣ. Свою близость къ войску онъ не ограничилъ одною сухопутною арміею, но распространилъ и на флотъ, такъ какъ, по разсказу Н. А. Милютина, Мих. Ив. въ англійскомъ клубѣ, въ разговорѣ съ однимъ адмираломъ, служившимъ въ черноморскомъ флотѣ въ то время, когда Лексъ былъ директоромъ канцеляріи новороссійскаго генераль-губернатора, напомнилъ ему о какихъ-то маневрахъ, ими совершѣнныхъ съ цѣлью рекогносцировки у береговъ Турціи.

По службѣ Михаилъ Ивановичъ былъ необыкновенно исполнительъ и аккуратенъ, никогда не манкировалъ и ни разу въ теченіе своей 50-лѣтней службы не былъ въ отпуску. При отсутствіи образованія, ему нельзя было отказать въ природномъ умѣ, особенно въ русской смѣтливости, въ практичности и умѣньѣ угодить своимъ начальникамъ. Просителямъ онъ былъ доступенъ во всякое время, обходился съ ними совершенно просто и привѣтливо. Первые его слова всякому входившему въ его кабинетъ были: „покорнѣйше прошу присѣсть“, такъ что говорили, будто бы онъ, возвращаясь отъ министра (у Александринскаго театра) въ департаментъ, сказалъ одному просителю, обратившемуся къ нему на Чернышевской площади означенную фразу, приглашавшую его сѣсть—на мостовой. Разсказывали также, что когда онъ былъ командированъ гр. Воронцовымъ въ бессарабскую область, гдѣ (въ Кишиневѣ) находился въ ссылкѣ поэтъ Пушкинъ, этотъ послѣдній, выйдя отъ него послѣ очень любезнаго приѣма, написалъ на дверяхъ его квартиры: „Михаилъ Ивановичъ Лексъ—прекрасный человѣкъ-съ“ (эту частицу „съ“ Лексъ присовокуплялъ постоянно къ словамъ).

Прохожденіе службы М. И. Лекса, послѣ канцеляріи смоленскаго губернатора, мнѣ совершенно неизвѣстно; знаю только, что, до перехода въ министерство внутреннихъ дѣлъ на должность директора хозяйственнаго департамента, онъ былъ въ Одессѣ директоромъ канцеляріи новороссійскаго генераль-губернатора, гр. Воронцова, по рекомендаціи котораго онъ и былъ назначенъ директоромъ названнаго департамента, а послѣ, въ концѣ управленія Перовскаго министерствомъ,—и товарищемъ министра. Главнѣйшее законоположеніе, состоявшееся за время

директорства М. И. Лекса, было высочайше утвержденное въ 1846 году Городовое Положеніе объ общественномъ управленіи С.-Петербурга, инициатива котораго принадлежала, конечно, не ему, но Н. А. Милютину, бывшему тогда еще начальникомъ отдѣленія и пользовавшемуся особымъ расположеніемъ министра Перовскаго (объ этомъ Положеніи будетъ сказано ниже). Вскорѣ по назначеніи министромъ внутреннихъ дѣлъ генераль-адъютанта Бибикова, Лексъ былъ уволенъ отъ должности товарища министра, съ назначеніемъ сенаторомъ.

Директоромъ департамента полиціи исполнительной былъ Василій Владиміровичъ Оржевскій, происходившій изъ духовнаго званія, окончившій блистательно курсъ въ с.-петербургской духовной академіи со степенью магистра богословія. Началь онъ свою карьеру воспитателемъ дѣтей князя Кочубея, по рекомендаціи котораго поступилъ на службу въ министерство внутреннихъ дѣлъ. Гр. Ал. Григ. Строгановъ, имѣя въ супружествѣ дочь князя Кочубея, очень благоволилъ къ Оржевскому, который, впрочемъ, вполне оправдывалъ эту рекомендацію своими изъ ряда выходящими способностями и глубокимъ умомъ, знаніемъ дѣла и необыкновеннымъ трудолюбіемъ. Несмотря на свое происхожденіе изъ духовнаго званія (сколько помню, сынъ сельскаго священника) и прохожденіе курса въ духовной академіи, онъ хорошо понималъ нѣмецкій языкъ, а французскій зналъ въ совершенствѣ теоретически. Подборъ начальниковъ отдѣленій былъ образцовый ¹⁾—все люди очень умные, свѣдущіе и преданные своему дѣлу. Въ противоположность Лексу, Оржевскій былъ далеко не любезенъ, иногда и очень рѣзокъ и грубовать съ лицами, къ нему обращавшимися; говорили, будто онъ одному вновь назначенному вице-губернатору, предшествовавшая служба котораго вовсе не подготовила его къ этой должности, окинувъ его испытующимъ взглядомъ, сказалъ: „Ахъ, ты лыкомъ сшитый вице-губернаторъ“! При оставленіи Оржевскимъ должности директора, онъ не былъ назначенъ сенаторомъ, и пенсія ему была назначена въ нормальномъ размѣрѣ.

Директоромъ медицинскаго департамента былъ тайный софѣтникъ Гаевскій, при управленіи котораго медицинскія должности въ губерніяхъ замѣщались не иначе, какъ за особое вознагражденіе, по особой для каждой изъ нихъ таксѣ; таково было общее мнѣніе какъ въ Петербургѣ, такъ и въ провинціи, и мнѣ

¹⁾ Въ хозяйственномъ департаментѣ при Лексѣ только одинъ начальникъ отдѣленія былъ съ университетскимъ образованіемъ—Н. А. Милютинъ.

лично одинъ врачъ другого вѣдомства говорилъ, что онъ самъ далъ взятку, отъ имени одного изъ своихъ товарищей, за назначеніе его на должность по вѣдомству медицинскаго департамента. Вскорѣ по вступленіи въ управленіе министерствомъ внутр. дѣлъ Л. А. Перовскаго, Гаевскій былъ уволенъ отъ должности и замѣщенъ Ал. Андр. Рихтеромъ, бывшимъ начальникомъ медицинской академіи въ Москвѣ.

Департаментомъ духовныхъ дѣлъ иностранныхъ исповѣданій управлялъ Плисовъ, человѣкъ довольно старый и не имѣвшій того образованія, которое необходимо для удовлетворительнаго исполненія обязанностей, сопряженныхъ съ этою должностію—отчасти дипломатическаго характера,—а именно, необходимо основательное знакомство съ исторіею римско-католической церкви и спеціально со всѣми трактатами и конкордатами съ римскимъ престоломъ, а также знаніе латинскаго языка, для личнаго, безъ посредства переводчика, уразумѣнія папскихъ буллъ, излагаемыхъ на этомъ языкѣ.

Въ то время въ составѣ министерства внутреннихъ дѣлъ былъ еще департаментъ казенныхъ врачебныхъ заготовленій, директоромъ котораго былъ Дмитріевъ. Хотя по предмету дѣятельности и этого департамента, производившаго операціи на большія суммы, скорѣе могло бы пасть нареканіе на директора, но ни на Дмитріева, ни на преемника его, П. П. Ланге, никто не набрасывалъ и тѣни подозрѣнія въ незаконномъ обогащеніи. Департаментъ этотъ впослѣдствіи былъ присоединенъ въ военному министерству, для потребностей котораго преимущественно заготовлялись врачебные припасы.

Директоромъ статистическаго комитета былъ К. И. Арсеньевъ, бывшій профессоръ географіи и статистики въ с.-петербургскомъ университетѣ, сопровождавшій цесаревича Александра Николаевича въ путешествіи его, въ 1837 г., по Россіи... Не помню, кто былъ при графѣ Строгановѣ редакторомъ журнала министерства внутреннихъ дѣлъ; быть можетъ, и не было въ то время особой должности редактора, и журналъ издавался при статистическомъ комитетѣ, подъ главнымъ редакторствомъ директора его. Первый редакторъ, который мнѣ памятенъ, былъ, при Л. А. Перовскомъ, Ник. Иван. Надеждинъ, бывшій профессоръ россійской словесности въ московскомъ университетѣ, мѣсто котораго потомъ занялъ Василій Васильевичъ Григорьевъ, бывшій профессоръ восточныхъ языковъ въ с.-петербургскомъ университетѣ, и затѣмъ И. А. Гончаровъ, извѣстный беллетристъ.

Личный составъ второстепенныхъ чиновъ канцеляріи мини-

стерства внутр. дѣлъ оставлялъ желать весьма многого. Одинъ только начальникъ III-го отдѣленія, гдѣ производились дѣла о раскольникахъ, имѣлъ университетское образованіе, притомъ ученую степень магистра (московскаго университета), носившій двойную фамилію, если не ошибаюсь—Стеблинъ-Каменскаго; изъ 11 столоначальниковъ лишь двое были университетскіе. За четыре года до поступленія моего на службу, императоръ Николай Павловичъ, посѣтивъ неожиданно губернскія и уѣздныя присутственныя мѣста въ С.-Петербургѣ, былъ пораженъ крайне печальнымъ видомъ чиновниковъ, и потому, желая облагородить эти учрежденія, повелѣлъ, чтобы лица, кончившія курсъ въ высшихъ и среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, не принимались на службу въ министерства и главные управленія до прослуженія не менѣе трехъ лѣтъ въ губернскихъ или уѣздныхъ мѣстахъ. Не знаю, насколько цѣль эта была достигнута по отношенію къ низшимъ учрежденіямъ ¹⁾, но я лично могъ убѣдиться въ томъ, что предписанная мѣра имѣла несомнѣнно вліяніе на ухудшеніе личнаго состава чиновъ въ министерствахъ, гдѣ вакансіи на первое время по необходимости замѣщались лицами, не получившими никакого образованія. Такъ, въ канцеляріи министерства внутреннихъ дѣлъ было не мало лицъ изъ пѣвческой капеллы, спавшихъ съ голоса, и воспитанниковъ военныхъ учебныхъ заведеній, уволенныхъ, по неспособности къ военной службѣ, для опредѣленія къ гражданскимъ дѣламъ ²⁾. Изъ молодыхъ чиновниковъ, болѣе образован-

¹⁾ Поступленіе на службу въ мѣстныя учрежденія задерживалось и крайне ограниченнымъ содержаніемъ (столоначальникъ въ палатѣ гражданскаго или уголовного суда получалъ всего 10 руб. въ мѣсяцъ), которымъ могли довольствоваться только лица, не получившія никакого образованія и почерпавшія средства къ жизни главнѣйше отъ взятокъ—такъ называемое „красивное сѣмя“.

²⁾ Для курьеза позволю себѣ указать на двухъ чиновниковъ, оригиналовъ sui generis: одинъ былъ младшій помощн. столоначальника (Юдинъ); онъ, при содержаніи въ 342 р. 85 к., успѣлъ скопить капитадецъ тысячи въ двѣ, который онъ носилъ въ заднемъ карманѣ вицмундирнаго фрака, зашитомъ нитками; фракъ этотъ весь лоснился, а на локтяхъ были заплаты собственного издѣлія. Онъ до того былъ грязенъ, что товарищи давали по копѣйкѣ, чтобы послать его въ баню, куда экзекуторъ, по распоряженію начальства, и отправлялъ его со сторожемъ. Всякаго вновь вступившаго въ канцелярію онъ тотчасъ спрашивалъ о его финансахъ. Другой былъ главный журналистъ м-ства Калининъ, распредѣлявшій входящія бумаги по д-мъ. Онъ отличался легендарною глупостью, примѣромъ чему могутъ служить слѣдующіе два случая. Не зная, куда слѣдуетъ отправить одну секретную бумагу, онъ, подойдя съ нею къ столоначальнику, къ вѣдомству котораго считалъ ее принадлежащею, спросилъ его: „не въ вашъ ли столъ слѣдуетъ эта бумага?“—и когда тотъ, естественно, просилъ дать ее для прочтенія, отвѣтилъ: „не могу, бумага секретная“. Миѣ онъ жаловался на дочь, только-что кончившую курсъ въ институтѣ за то, что она не

ныхъ, я засталъ въ канцеляріи моего сотоварища по университету, Сергѣя Львовича Левицкаго (побочнаго сына д. т. с. Яковлева, брата по отцу Ал. Ив. Герцена), который, записавшись въ университетъ вольнослушателемъ, въ то же время числился на службѣ въ какомъ-то мѣстномъ учрежденіи въ Москвѣ и такимъ образомъ обошелъ требованіе новаго закона, какъ это дѣлали, конечно, потомъ и другіе. Левицкій получилъ отъ отца своего капиталъ въ 100 т. руб., который онъ очень скоро спустилъ въ биржевой игрѣ въ Парижѣ, но какъ онъ вмѣстѣ съ тѣмъ занялся тамъ химіею и заинтересовался фотографіею, то онъ и посвятилъ себя этому искусству, въ которомъ скоро до того усовершенствовался, что открылъ въ С.-Петербургѣ фотографическое заведеніе, успѣлъ приобрѣсти репутацію лучшаго специалиста по этой части и сдѣлался фотографомъ императорской фамиліи, чему очень способствовали изысканность его манеръ и знаніе языковъ—нѣмецкаго и особенно французскаго. Другой молодой чиновникъ, хотя и не кончившій университетскаго курса, но имѣвшій лоскъ образованнаго человѣка, былъ нѣкто Сверчковъ, извѣстный потомъ не только въ Россіи, но и за границею живописецъ, занимавшій въ канцеляріи должность писца для переписки всеподданнѣйшихъ докладовъ. Вскорѣ, однако, открывшіяся вакансіи стали замѣщаться лицами университетскаго образованія, кончившими курсъ первыми кандидатами или прослужившими въ провинціи три года, а также лицеистами, на которыхъ законъ 1837 года не распространялся. Тогда между молодыми чиновниками съ высшимъ образованіемъ начался обмѣнъ мыслей и совѣщанія по болѣе серьезнымъ дѣламъ, находившимся въ производствѣ того или другого стола, и они старались проводить, при разрѣшеніи такихъ дѣлъ, извѣстные принципы, начала науки. Болѣе всего такихъ дѣлъ было въ моемъ столѣ, въ предметамъ котораго относилось производство дѣлъ, поступавшихъ на разсмотрѣніе совѣта министра, такъ что столъ этотъ, въ сущности, составлялъ канцелярію совѣта, и потому былъ изъятъ изъ вѣдѣнія начальника отдѣленія и подчиненъ непосредственно вице-директору, на котораго возложено было завѣдываніе дѣлами совѣта и скрѣпа его журналовъ. Къ счастью для дѣла вообще и въ частности лично для меня, первымъ вице-директоромъ, по учрежденіи этой должности, было назначено лицо весьма способное, сочувствовавшее нашимъ стремленіямъ, именно Але-

сѣмъ сказала ему содержаніе одного прошенія на французскомъ языкѣ, прибавивъ что она сама покраснѣла—стыдась.

Есандръ Николаевичъ Анненскій, бывшій начальникомъ отдѣленія въ кредитной канцеляріи министерства финансовъ. Наши взаимныя отношенія не имѣли ничего общаго съ отношеніями между начальникомъ и подчиненнымъ, а были вполнѣ дружественныя, и онъ относился ко мнѣ какъ старшій братъ къ младшему, мѣтнія котораго онъ уважалъ, какъ равнаго себѣ. Когда я, заболѣвъ корною сыпью на лицѣ и рукахъ, не уступавшею никакимъ средствамъ изъ аптекарской кухни, долженъ былъ цѣлую зиму просидѣть дома, то онъ, вице-директоръ, по два и по три раза въ недѣлю приходилъ ко мнѣ, столоначальнику, на квартиру, для совмѣстнаго подготовленія дѣлъ къ доводу совѣту.

Назначеніе меня на службу въ этотъ именно столъ послужило основаніемъ для всей будущей служебной карьеры моей, потому, съ одной стороны, что, при разнообразіи и серьезности дѣлъ, вносимыхъ въ совѣтъ изъ всѣхъ департаментовъ министерства, занятіе этими дѣлами было для меня прекрасною школою, пройденною притомъ подъ руководствомъ вышеупомянутаго просвѣщеннаго вице-директора департамента общихъ дѣлъ (Александра Николаевича Анненскаго), приемы котораго въ разработкѣ сложныхъ дѣлъ я усвоилъ себѣ, а также при участіи въ разрѣшеніи этихъ дѣлъ нѣсколькихъ весьма умнымъ членовъ совѣта (Ник. Арс. Жеребцовъ, Вал. Вал. Скрипицынъ, Ник. Павл. Безакъ, а потомъ Дм. Петр. Хрущовъ); а съ другой, потому что, занимаясь дѣлами совѣта, членами котораго по званію своему состояли всѣ директора департаментовъ, я сдѣлался извѣстнымъ каждому изъ нихъ. Независимо отъ директора департамента общихъ дѣлъ, гдѣ я служилъ, директора двухъ другихъ важнѣйшихъ департаментовъ, хозяйственнаго и полиціи исполнительной, общали мнѣ первую, могущую открыться у нихъ, вакансію начальника отдѣленія. Когда же я, задумавъ жениться, искалъ случая улучшить свое матеріальное положеніе и директоръ департамента желѣзныхъ дорогъ, бывшій начальникъ отдѣленія въ департаментѣ общихъ дѣлъ, предлагалъ мнѣ у себя должность правителя канцеляріи, то директора трехъ названныхъ департаментовъ министерства внутреннихъ дѣлъ, вмѣстѣ съ товарищемъ министра, совокупными стараніями убѣдили министра Перовскаго ¹⁾ не выпускать меня изъ министерства и дать мнѣ

¹⁾ Это былъ первый случай назначенія имъ чиновника по особымъ порученіямъ изъ чиновниковъ лично ему неизвѣстныхъ и нерекомендованныхъ ему со стороны; но, желая и тутъ выдержать свой принципъ, онъ заявилъ желаніе лично со мною познакомиться, для чего и пригласилъ меня къ себѣ и въ продолженіе цѣлаго часа под-

должность чиновника особыхъ порученій VI-го класса, съ содержаніемъ, равнымъ начальнику отдѣленія.

Первымъ наиболѣе сложнымъ дѣломъ, которымъ мнѣ пришлось заняться, былъ проектъ новаго положенія объ опекахъ, который и до сихъ поръ не получилъ еще окончательнаго разрѣшенія. Проектъ этотъ внесенъ былъ на разсмотрѣніе государственнаго совѣта еще бывшимъ министромъ юстиціи Дашковымъ; но совѣтъ, установивъ нѣкоторыя основныя начала соединенія дворянскихъ опекъ и сиротскихъ судовъ въ одну уѣздную опеку и учрежденіе во 2-й инстанціи особой губ. опеки—возвратилъ, въ 1838 г., проектъ въ министерство внутреннихъ дѣлъ, съ тѣмъ, чтобы оно разослало его на заключеніе всѣхъ предводителей дворянства и городскихъ головъ, а также и губернаторовъ, и затѣмъ, по обсужденіи этихъ мнѣній и по новомъ сношеніи съ министерствомъ юстиціи, внесло проектъ, въ переработанномъ видѣ на окончательное утвержденіе государственнаго совѣта. На мою долю выпала работа далеко не легкая: составить изъ всѣхъ полученныхъ справокъ (около 1.200) систематическій сводъ о замѣчаніяхъ, сдѣланныхъ какъ вообще на проектъ, такъ и на отдѣльныя его статьи, стараясь, по возможности, соединять эти мнѣнія, по ближайшему сходству ихъ между собою, въ отдѣльныя группы. Сводъ этотъ, составленіе котораго, при другихъ текущихъ занятіяхъ, потребовало много времени, представленный мною вице-директору Анненскому, еще болѣе поднялъ меня въ его глазахъ, и тогда мы втроемъ (онъ, я и мой помощникъ, 1-й кандидатъ с.-петербургскаго университета Ал. Ив. Стригоцей) приступили къ коренной переработкѣ проекта. Имѣя въ виду, что главный успѣхъ дѣла завѣдыванія опекунствами зависитъ прежде всего отъ удовлетворительнаго выбора опекуновъ, мы предположили, для достиженія этой цѣли, постановить, что на первомъ планѣ должны стоять опекуны, назначенные самими родителями или посторонними лицами въ ихъ завѣщаніяхъ; затѣмъ, должны идти опекуны, избранные ближайшими родственниками малолѣтнихъ (семейными совѣтами, *conseils de famille*), и наконецъ, при неимѣніи опекуновъ, назначенныхъ этими путями, таковые должны были назначаться изъ кандидатовъ, избранныхъ для этого дворянскими и городскими обществами по принадлежности. Проектъ этотъ,

вергалъ меня своего рода испытанію, и только тогда, когда удовлетворился моими отвѣтами, сказалъ мнѣ, что онъ назначаетъ меня своимъ чиновникомъ особыхъ порученій.

внесенный въ государственный совѣтъ министромъ Перовскимъ, былъ возвращенъ преемнику его, Дм. Гавр. Бибикову, по распоряженію котораго была образована, для разсмотрѣнія проекта, особая коммиссія, подъ предсѣдательствомъ д. с. с. Зарина, въ которой принималъ участіе М. Н. Любощинскій (об. пр. I-го д-та сената) и я. Затѣмъ, послѣ новаго такого же перехода, проектъ положенія объ опекахъ пересматривался въ коммиссіи при мин. юстиціи, подъ предсѣдательствомъ того же Любощинскаго (сенатора) и при моемъ участіи; при каждомъ пересмотрѣ приходилось дѣлать значительныя измѣненія, по случаю освобожденія крестьянъ, введенія положенія о земскихъ учрежденіяхъ, новаго судебного устройства и преобразованія городского управленія. Такимъ образомъ дѣло это, настоятельно требовавшее скорѣйшаго разрѣшенія, находится въ производствѣ уже около 60-ти лѣтъ, и юнецъ его еще не предвидится. Впрочемъ, это не единственное дѣло, длящееся около полустолѣтія: преобразование городского общественнаго управленія поручено было м-ру внутреннихъ дѣлъ постановленіемъ государственнаго совѣта еще въ 1821 г., но оно получило свое окончаніе только въ 1870 году. Вопросъ о преобразованіи паспортной системы также разсматривался въ теченіи не менѣе 30-ти лѣтъ въ разныхъ коммиссіяхъ, но до сихъ поръ не получилъ разрѣшенія, хотя, съ отмѣною рекрутской повинности и подушныхъ податей, главнѣйшія изъ прежнихъ затрудненій отпали.

При гр. Строгановѣ въ совѣтъ министра поступало очень мало дѣла, и отчеты губернаторовъ разсматривались весьма поверхностно. Перовскій же вносилъ въ совѣтъ много разныхъ дѣлъ по департаментамъ и приказалъ представить порядковъ болѣе обстоятельнаго разсмотрѣнія губернскихъ отчетовъ. Въ этихъ видахъ, до доклада отчетовъ, выписки изъ нихъ сообщались въ департаменты по принадлежности, и, по полученіи отъ нихъ надлежащихъ свѣдѣній, совѣтъ не только дѣлалъ необходимыя указанія губернаторамъ, но давалъ порученія и депар-мъ. Въ числѣ дѣлъ, поступавшихъ въ совѣтъ изъ департаментовъ, нахожу неизлишнимъ упомянуть о представленіяхъ объ уничтоженіи старыхъ дѣлъ въ архивахъ губернскихъ правленій, въ положеніи о которыхъ исчислены были разряды дѣлъ, уничтоженіе коихъ предоставлено было самимъ правленіямъ, при чемъ было присовокуплено, что дѣла могутъ быть уничтожаемы не иначе какъ съ разрѣшенія министра. Губернаторы, желая освободить сколь возможно болѣе мѣста въ архивахъ, представляли чрезвычайно объемистые списки о нѣсколькихъ тысячахъ и даже десяткахъ

тысячъ дѣлъ, а департаментъ полиціи вносилъ ихъ въ совѣтъ со стереотипнымъ заключеніемъ, что онъ не встрѣчаетъ препятствія къ утвержденію представленія. Просмотрѣвъ первое такое представленіе, я нашелъ, что въ списокахъ включена масса дѣлъ, заключающихъ въ себѣ важныя статистическія и историческія данныя по разнымъ предметамъ, уничтоженіе коихъ было бы верхомъ невѣжества. Не желая участвовать въ такомъ варварствѣ, я просиживалъ вечера и утра за этими тяжеловѣсными списками, и такимъ образомъ могу смѣло сказать, что единственно мнѣ обязаны сохраненіемъ древнихъ источниковъ для будущихъ изслѣдованій, которые были бы всѣ уничтожены съ легкимъ сердцемъ. По архангельской губерніи полагалось уничтожать всѣ дѣла о нашемъ судостроеніи, о мореходствѣ, о торговлѣ и проч.

Выше, говоря о директорахъ министерства внутреннихъ дѣлъ, а затѣмъ и о себѣ лично, я упомянулъ уже о министрѣ Львѣ Алексѣевичѣ Перовскомъ, но о его личности я ничего еще не сказалъ. Онъ занималъ должность товарища министра удѣловъ (свѣтлѣйшаго кн. Волконскаго, бывшаго министромъ императорскаго двора и особенно довѣреннымъ лицомъ императора Николая I), каковую должность онъ и сохранялъ при назначеніи его, въ 1842 г., министромъ внутреннихъ дѣлъ. Левъ Перовскій, равно какъ и братъ его Василій, бывший оренбургскимъ генералъ-губернаторомъ (подъ начальствомъ котораго совершенъ былъ неудавшійся походъ противъ Хивы) были побочными сыновьями извѣстнаго вельможи конца прошлаго столѣтія, гр. Разумовскаго, который далъ имъ фамилію Перовскихъ по названію его подмосковнаго имѣнія Перовское, въ которомъ они родились. Воспитывался Левъ Перовскій въ московскомъ университетѣ, откуда онъ, въ 1812 г., поступилъ на военную службу въ корпусъ колонновожатыхъ, замѣненный впослѣдствіи генеральнымъ штабомъ. По службѣ своей въ министерствѣ удѣловъ онъ почему-то слылъ за очень крутого начальника, такъ что его называли даже, вмѣсто Льва, Тигръ Алексѣевичъ, и потому всѣ служащіе съ трепетомъ ожидали первыхъ распоряженій его по министерству внутреннихъ дѣлъ. Онъ, дѣйствительно, оказался грозой для нѣкоторыхъ директоровъ (деп. дух. дѣлъ, мед. и ваз. врач. заготовленій), которыхъ вскорѣ замѣстилъ новыми лицами, а также для губернаторовъ, между коими было не мало людей съ дурною нравственною репутаціею. Ему принадлежитъ безспорно честь улучшенія личнаго состава губернаторовъ, и пріемъ его, при назначеніи новыхъ губернаторовъ, заслуживалъ

бы подражанія со стороны его преемниковъ. Приѣмъ этотъ заключался въ томъ, что имѣвшася въ виду кандидата на губернаторскую должность онъ командировалъ для обревизованія подвѣдомственныхъ министерству учреждений, преимущественно въ такой губерніи, начальника которой предполагалось уволить. Представленный командированнымъ лицомъ отчетъ онъ передавалъ директорамъ, которые дѣлали ему вопросы и замѣчанія на отчетъ, на что лицо это и должно было отвѣчать тутъ же въ присутствіи министра. Такимъ образомъ, Перовскій имѣлъ возможность убѣдиться, насколько кандидатъ на должность губернатора понимаетъ порученное ему дѣло; дѣйствительно ли онъ самъ производилъ ревизію и составилъ отчетъ, а не пользовался при этомъ услугами своихъ же чиновниковъ, взятыхъ имъ съ собою, и, сколько мнѣ извѣстно, былъ случай, въ которомъ министръ убѣдился въ плохомъ усвоеніи однимъ изъ командированныхъ для ревизіи лицъ того, что онъ изложилъ въ своемъ отчетѣ, и потому кандидатура его была устранена. Къ сожалѣнію, Перовскій придавалъ нѣсколько преувеличенное значеніе числу накопившихся въ губернскихъ правленіяхъ и другихъ учрежденіяхъ неисполненныхъ бумагъ и особенно указовъ правительств. сената. Такъ, онъ представилъ въ сенатъ о привлеченіи къ отвѣтственности астраханскаго губернатора Тимирязева, за которымъ не оказалось никакихъ другихъ провинностей, кромѣ накопленія неисполненныхъ бумагъ и неоконченныхъ дѣлъ. Присутствовавшій въ I-мъ департаментѣ сенаторъ генерал-лейтенантъ Эльпидифоръ Антіоховичъ Зуровъ (бывш. новгородскій губернаторъ, бесспорно одинъ изъ лучшихъ губернаторовъ) замѣтилъ участвовавшему въ засѣданіи сената товарищу министра внутреннихъ дѣлъ, тайному совѣтнику Сениявину, его преемнику по управленію новгородской губерніей, что онъ, Зуровъ, передалъ ему, Сениявину, гораздо болѣе неисполненныхъ бумагъ и указовъ сената, чѣмъ сколько найдено ихъ у Тимирязева, и что, въ свою очередь, при Сениявинѣ не только не уменьшилось число такихъ бумагъ, но онъ передавалъ ихъ своему преемнику еще въ большемъ количествѣ; а между тѣмъ онъ не только не былъ привлеченъ за то къ отвѣтственности, но былъ избранъ изъ числа губернаторовъ для занятія должности товарища министра внутреннихъ дѣлъ. Что же касается неоконченныхъ дѣлъ, то понятіе это совершенно относительное, смотря потому, заводится ли особое дѣло по каждому предмету, или же ведутся наряды дѣлъ по однороднымъ предметамъ. По этимъ соображеніямъ онъ, сенаторъ Зуровъ, находилъ, что сенатъ не

можетъ утвердить представленія министра внутреннихъ дѣлъ о привлеченіи къ отвѣтственности астраханскаго губернатора Тимирязева, если вмѣстѣ съ тѣмъ не возбудить вопросъ объ отвѣтственности бывшихъ новгородскихъ губернаторовъ Зурова и Сенявина, въ виду чего I департаментъ и постановилъ представленіе министра оставить безъ послѣдствій, а Тимирязевъ, вмѣсто увольненія въ отставку, былъ назначенъ сенаторомъ.

За время м-ства Перовскаго былъ одинъ оригинальный случай съ однимъ изъ губернаторовъ, именно Владимірскимъ-Кожинымъ, который, въ отвѣтъ на замѣчаніе одного изъ совѣтниковъ губернскаго правленія, что предположенное имъ рѣшеніе дѣла прямо противорѣчитъ закону, взялъ изъ его рукъ подлежащій томъ свода законовъ, положилъ его на свое кресло и, сѣвъ на него, сказалъ: „вотъ мѣсто вашему закону, и прошу безотговорочно исполнить мое приказаніе“. Хотя Кожинъ не принадлежалъ къ числу губернаторовъ безчестныхъ и бездѣятельныхъ, но одинъ такой поступокъ, въ присутствіи губернскаго правленія, выказавшій полное презрѣніе къ закону, слѣдовавшему отъ верховной власти, требовалъ безотлагательнаго увольненія его отъ должности; но Перовскій не рѣшился на такую мѣру, въ виду того, что Кожинъ былъ племянникомъ все-сильнаго тогда министра императорскаго двора, князя Волконскаго, который вмѣстѣ съ тѣмъ былъ начальникомъ Перовскаго, какъ товарища м-ра удѣловъ. Перовскій не оставлялъ безъ вниманія даже подписи губернаторовъ на ихъ представленіяхъ м-ству, а онѣ иногда дѣлались нѣкоторыми такъ, что послѣ не вполне ясно выведенной начальной буквы фамиліи слѣдовала болѣе или менѣе извилистая черта и затѣмъ росчеркъ. Такія бумаги Перовскій возвращалъ губернаторамъ при письмѣ, въ которомъ объяснялъ, что возвращаетъ представленіе, написанное на бланкѣ губернской канцеляріи или другого учрежденія, адресованное на имя министра, но подписанное лицомъ ему совершенно неизвѣстнымъ.

Что касается отношенія министра Перовскаго къ служащимъ въ министерствѣ, то въ этомъ отношеніи взглядъ его былъ совершенно неправильный, дурно отражавшійся на положеніи чиновниковъ. При немъ были впервые учреждены должности вице-директоровъ въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, но ни одна изъ этихъ должностей не была замѣщена изъ начальниковъ отдѣленій или другихъ служащихъ въ министерствѣ, а всѣ вице-директора были взяты со стороны изъ другихъ министерствъ, какъ будто въ многочисленномъ составѣ чиновъ министерства

внутренних дѣлъ не было вовсе лицъ, способныхъ для занятія такихъ должностей. Затѣмъ Перовскій, совершенно забывалъ имъ же самимъ избраннаго вице-директора, встрѣчаясь съ нимъ только во время управленія имъ деп-мъ при случайномъ и довольно рѣдкомъ въ то время отсутствіи директора, и при открывшейся вакансіи директора ни одинъ изъ вице-директоровъ не былъ назначенъ на его мѣсто ¹⁾. Когда директоръ докладывалъ о желаніи кого-либо изъ начальниковъ отдѣленій занять мѣсто вице-губернатора, при чемъ рекомендовалъ его какъ чиновника весьма способнаго, дѣятельнаго и знающаго, Перовскій отклонялъ это ходатайство, на томъ основаніи, что подобныхъ лицъ не слѣдуетъ выпускать изъ министерства. Понятно, что при такихъ взглядахъ министра не было никакого движенія, и всякій, кто только имѣлъ случай, искалъ возможности перейти въ другое вѣдомство, что было и со мною, какъ это объяснено выше.

Наибольшимъ вліяніемъ и значеніемъ при Перовскомъ пользовались два лица: Вл. Ив. Даль, состоявшій секретаремъ при немъ, какъ товарищъ министра удѣловъ, которому Перовскій поручалъ многія изъ особенно интересовавшихъ его дѣлъ по министерству внутреннихъ дѣлъ; и Ив. П. Липранди, въ производствѣ котораго находились всѣ важнѣйшія дѣла о раскольникахъ, особенно о скопцахъ, а также дѣла политическаго свойства.

Трудно указать на другое лицо со столь выдающимися разносторонними способностями, какими обладалъ Владиміръ Ивановичъ Даль: онъ былъ и медикъ, и инженеръ, и литераторъ, и администраторъ. Окончивъ курсъ по медицинскому факультету въ Дерптѣ со степенью доктора медицины, Даль состоялъ полковымъ врачомъ въ арміи, назначенной для усмиренія польскаго мятежа въ 1830 г.; при переходѣ черезъ Вислу, когда піонеры не находили возможнымъ перекинуть въ данномъ мѣстѣ понтонный мостъ, онъ вызвался построить такой мостъ и, получивъ на то разрѣшеніе командующаго арміею, дѣйствительно устроилъ мостъ, по которому вся армія перешла на другой берегъ рѣки. Независимо отъ того, приобрѣвъ почетное имя въ русской литературѣ, гдѣ онъ извѣстенъ былъ подъ псевдонимомъ Луганскаго (отъ поэмы его: „Казаки Луганскіе“ ²⁾), Даль выказалъ далеко

¹⁾ Единственное исключеніе составлялъ Н. А. Милютинъ, который и въ вице-директоры попалъ изъ начальниковъ отдѣленія и, по назначеніи М. И. Лекса товарищемъ министра, былъ назначенъ управляющимъ хозяйств. д-мъ. Быть можетъ, въ этомъ избраніи вице-директора, независимо отъ несомнѣнныхъ дарованій Н. А. Милютина, Перовскій руководствовался и тѣмъ, что Милютинъ былъ племянникомъ бывшего м-ра государств. имуществъ, гр. Киселева.

²⁾ Онъ же авторъ „Толковаго словаря“ и „Сборника русскихъ пословицъ“.

не дюжинныя способности и по администраціи, сначала въ должности правителя канцеляріи оренбургскаго и самарскаго генераль-губернатора (гр. Вас. Перовскаго), потомъ личнаго секретаря при министрѣ внутреннихъ дѣлъ, который поручалъ ему болѣе важныя дѣла по самымъ разнообразнымъ предметамъ. Дѣйствующее нынѣ Положеніе о губернскихъ правленіяхъ, высочайше утвержденное въ 1845 г., есть произведеніе его пера и многосторонняго знанія нашего внутренняго управленія. При такихъ способностяхъ и значеніи его, онъ всегда отличался особенною скромностью, и по внѣшнему виду никакъ нельзя было признать въ немъ столь выдающуюся личность. Когда директоръ департамента общихъ дѣлъ послалъ меня для нѣкоторыхъ объясненій съ Вл. Ив. Далемъ, я, не зная его лично и чтобы не ошибиться, обратился къ тому изъ находившихся въ Особой канцеляріи министерства внутреннихъ дѣлъ чиновниковъ, въ которомъ я наименѣе всего могъ предполагать Даля, съ вопросомъ: гдѣ Владиміръ Ивановичъ Даль? На этотъ вопросъ спрошенный, по виду, если можно такъ выразиться, весьма невзрачный чиновникъ, съ короткими брюками, въ куцемъ вице-мундирѣ и съ лицомъ, похожимъ на перечницу, весьма скромно отвѣчалъ мнѣ, что это онъ и есть. Служба его при Перовскомъ была самая изнурительная: съ 8 часовъ утра до поздней ночи онъ постоянно былъ призываемъ по звонку, нерѣдко съ 4-го этажа, гдѣ была его квартира—во 2-ой, гдѣ жилъ министръ, такъ что, наконецъ, несмотря на всю необыкновенную выносливость его натуры, онъ не могъ долѣе продолжать эту по истинѣ каторжную жизнь и просилъ о назначеніи его управляющимъ удѣльною конторою въ Нижній-Новгородъ. На мѣсто Даля назначенъ былъ, по его рекомендаціи, бывшій профессоръ московскаго университета (оставившій университетъ вслѣдствіе разныхъ интригъ) ¹⁾ П. Г. Рѣдкинъ, который, конечно, не могъ угодить Перовскому, особенно послѣ Даля, какъ теоретикъ, не имѣвшій никакой дѣловой опытности, и потому скоро получилъ другое назначеніе члена департамента удѣловъ (нѣкотораго рода синекура съ содержаніемъ въ 800 руб.). На мѣсто его былъ назначенъ редакторъ хозяйственнаго департамента Горшковъ, который, подъ гнетомъ возлагаемыхъ на него обязанностей, скоро сошелъ съ ума. Затѣмъ, П. Г. Рѣдкинъ, Н. И. Надеждинъ (редакторъ журнала) и Н. А. Милютинъ намѣревались предложить Перовскому меня, но я откло-

¹⁾ Въствѣ съ нимъ выбылъ изъ университета проф. полит. экон. Чивилевъ (оба они были въ профессорскомъ институтѣ въ Дерптѣ), который получилъ должность начальника отдѣленія въ департаментѣ удѣловъ и имѣлъ несчастье сгорѣть въ своей спальнѣ отъ загорѣвшихся бумагъ.

нилъ эту честь, не желая подвергнуть себя участи бѣднаго Горшкова.

Д. с. сов. Липранди, изъ офицеровъ генеральнаго штаба, былъ человекъ рѣдкаго ума и весьма образованный. Его Перовскій употреблялъ по двумъ специальностямъ: по дѣламъ раскольниковъ, преимущественно скопцовъ, и по дѣламъ политическаго свойства. Это было время самаго безпощаднаго преслѣдованія раскола, сопровождавшагося ссылкой раскольниковъ, опечатаніемъ и уничтоженіемъ ихъ молельнъ и скитовъ и отобраніемъ ихъ церковныхъ книгъ и другихъ предметовъ богослуженія. Допросы раскольниковъ и скопцовъ Липранди производилъ у себя въ квартирѣ за самоваромъ, потчивая ихъ чаемъ съ ромомъ и располагая ихъ такимъ фамиліарнымъ отношеніемъ къ большой отервенности. Сподвижникомъ его по этимъ дѣламъ былъ нѣкій Стариковъ. Кромѣ же того, иногда былъ употребляемъ по дѣламъ о раскольникахъ—извѣстный въ литературѣ подъ именемъ Печерскаго—Пав. Ив. Мельниковъ, большой знатокъ религіозныхъ вѣрованій, раскольниковыхъ сектъ и ихъ быта. Но его изслѣдованія были направлены не столько къ преслѣдованію раскольниковъ, сколько къ собиранію матеріаловъ объ ихъ дальнѣйшемъ и общественномъ бытѣ, что и послужило ему канвою для его сочиненій: „Въ лѣсахъ“ и „На горахъ“.

Дѣятельность Липранди по дѣламъ политическаго характера относится преимущественно ко времени общаго политическаго движенія въ западной Европѣ (1848 и 1849 гг.), имѣвшаго нѣкоторый, хотя и слабый, отголосокъ и въ Россіи. Въ это время въ Петербургѣ образовался кружокъ молодыхъ людей, собиравшихся у бывшаго лицейста Петрашевскаго, гдѣ происходили чтенія по разнымъ вопросамъ политической экономіи, въ обширномъ значеніи этого слова, при чемъ молодежь съ жаромъ воспроизводила ученіе тогдашнихъ выдающихся экономистовъ Франціи, Кабѣ, Прудона и др. Къ кружку этому примкнули бывшіе воспитанники какъ лицей, такъ и университетовъ, и нѣсколько молодыхъ офицеровъ гвардіи. Надо полагать, что кружокъ этотъ не имѣлъ ничего особенно важнаго, опаснаго для государства, такъ какъ бывшее III-ье отд. Соб. Его Импер. Величества канцеляріи, которое не могло не знать о его существованіи, не преслѣдовало участниковъ его, быть можетъ, впрочемъ только до поры до времени, чтобы дать обществу принять болѣе широкіе размѣры и затѣмъ уже накрыть его. Перовскій, признававшій отдѣльное существованіе III-ьяго отд. непущнымъ, старался доказать, что и общая полиція министерства внутреннихъ дѣлъ можетъ

предупредить всякія политическіе перевороты и знать о зародышахъ такихъ стремленій ранѣе III-ьяго отд. Въ этомъ отношеніи образованіе кружка Петрашевскаго представило очень удобный случай: Липранди сумѣлъ провѣдать о существованіи этого кружка, при самомъ началѣ его дѣятельности и раздуть его намѣренія до такихъ размѣровъ, о которыхъ, быть можетъ, не мечтали и самые смѣлые изъ его участниковъ. Для того, чтобы знать о всемъ, что происходитъ въ собраніяхъ кружка, Липранди уговорилъ родственника своего, студента Антонелли ¹⁾, оставить университетъ и примкнуть къ кружку. Къ этому дѣлу былъ причастенъ и Фед. Мих. Достоевскій, сильно пострадавшій, какъ причисленный къ первой категоріи заговорщиковъ. Въ числѣ заподозрѣнныхъ, но не привлеченныхъ къ суду, былъ и Беклемишевъ, по воспитанію лицеистъ, который, какъ и многіе другіе подобные ему, былъ отданъ подъ надзоръ полиціи. Замѣчательно, что когда этотъ самый Беклемишевъ, Александръ Петровичъ, былъ назначенъ впоследствии губернаторомъ, онъ, къ удивленію своему, въ спискѣ лицъ, состоящихъ подъ надзоромъ полиціи, нашелъ и себя самого. Такъ имя его переносилось въ спискѣ поднадзорныхъ изъ году въ годъ, и департаментъ полиціи, зная о томъ, что Беклемишевъ былъ назначенъ губернаторомъ, т.-е. представителемъ верховной власти въ губерніи, не подумалъ, что давно пора исключить его изъ списка поднадзорныхъ.

Къ сожалѣнію, и на мою долю пришлось играть нѣкоторую, хотя и третъестепенную, роль въ этомъ несчастномъ дѣлѣ. Директоръ департамента общественныхъ дѣлъ, фонъ-Поль, въ личномъ завѣдываніи котораго находилась переписка по этому дѣлу, заключающаяся главнѣйше въ составленіи исполнительныхъ бумагъ по докладнымъ запискамъ Липранди, отъѣзжая, въ май 1849 г., въ продолжительный отпускъ, испросилъ 17-го мая разрѣшеніе министра передать эту переписку мнѣ, вслѣдствіе чего я производилъ ее до возвращенія директора, именно по 18 апрѣля 1850 г., т.-е. цѣлыхъ 11 мѣсяцевъ. Время это было для меня тягостное, какъ потому, что приходилось имѣть иногда личныя объясненія съ Липранди, такъ и потому, что, зная о назначенномъ на слѣдующую ночь арестѣ нѣкоторыхъ моихъ сослуживцевъ, я впередъ испытывалъ за нихъ тотъ страхъ и тѣ муки, которымъ они должны были подвергнуться совершенно неожиданно, а между тѣмъ не смѣлъ предупредить ихъ о пред-

¹⁾ По окончаніи всего дѣла, Липранди просилъ новаго дир. деп., О. Д. Гвоздева, предоставить этому несчастному молодому человѣку должность помощника столоначальника, но Гвоздевъ отвѣчалъ ему, что ни одинъ изъ столоначальниковъ его департамента не изъявилъ согласія принять его въ свой столъ.

стоящей имъ бѣдѣ. Къ счастью, оба эти сослуживца, бывшіе воспитанники московскаго университета, съ которыми я находился въ хорошихъ отношеніяхъ, были скоро освобождены изъ-подъ ареста и къ дальнѣйшему производству дѣла вовсе не привлекались, такъ какъ противъ нихъ даже Липранди не могъ найти никакихъ уликъ, и они были арестованы единственно потому, что были знакомы съ тѣмъ или другимъ изъ участниковъ кружка. Дѣло, возбужденное Перовскимъ съ цѣлью доказать бесполезность существованія III-яго отдѣленія Собственной Его Величества канцеляріи, имѣло своимъ послѣдствіемъ гибель многихъ молодыхъ людей, къ глубокой скорби ихъ родителей, а между тѣмъ цѣль, которую преслѣдовалъ Перовскій, не осуществилась, такъ какъ лица, стоявшія во главѣ III-яго отдѣленія, пользовались довѣріемъ государя, и оно продолжало существовать еще нѣсколько десятковъ лѣтъ. Липранди имѣлъ большую и разнообразную библіотеку, и разъ, когда у него былъ Н. А. Милютинъ и хозяинъ просилъ его ознакомиться съ находящимися въ ней книгами, Ник. Ал. отвѣтилъ, что по надписямъ на корешкахъ онъ уже познакомился съ содержаніемъ книгъ, но опасается—не спрятаны ли за ними шпіоны.

Перовскій былъ человѣкъ несомнѣнно умный и просвѣщенный, и отличался необыкновенною дѣятельностью. Изъ министровъ, при которыхъ мнѣ пришлось служить въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, ни одинъ не посвящалъ столько времени занятіямъ, какъ Перовскій; но, къ сожалѣнію, занимался онъ безъ особой пользы для дѣла, по совершенному неумѣнью взяться за него. Не имѣя ни къ кому довѣрія, онъ требовалъ, чтобы всѣ исходящія изъ министерства бумаги представлялись къ его подписи, въ томъ числѣ заключавшія въ себѣ одно лишь требованіе отъ губернаторовъ дополнительныхъ свѣдѣній или подтвержденія; вслѣдствіе того онъ ежедневно получалъ изъ департаментовъ цѣлыя кипы бумагъ, которыя онъ всѣ долженъ былъ прочитать, такъ какъ по внѣшнему виду нельзя было судить о томъ, заключаютъ ли онѣ въ себѣ разрѣшеніе по важному дѣлу, и вообще имѣютъ ли онѣ существенное значеніе, или нѣтъ. Онъ подписывалъ не одинъ проектъ циркуляра, который потомъ разсылался въ печатныхъ экземплярахъ за скрѣпою начальника отдѣленія; но ему представлялись къ подписи печатные циркуляры ко всѣмъ губернаторамъ, и онъ возвращалъ ихъ для передѣлки, если оказывалось, что циркуляръ былъ адресованъ на имя губернатора, тогда какъ тотъ былъ въ отсутствіи и мѣсто его заступалъ вице-губернаторъ, или когда, напротивъ, циркуляръ былъ

адресованъ на имя управляющаго губерніи, когда губернаторъ уже возвратился (въ этомъ отношеніи у него была память изумительная). Понятно, что, при такой непроизводительной тратѣ времени и силъ на пустяки, онъ не имѣлъ досуга сосредоточиться на болѣе серьезныхъ дѣлахъ, дѣйствительно достойныхъ вниманія министра. Къ тому же онъ усердно занимался и другого рода дѣлами—преслѣдованіемъ обмѣра и обвѣса со стороны торговцевъ съѣстныхъ припасовъ, и для накрытія ихъ самъ incognito являлся на Сънную площадь, забывая, что для надзора за торговцами существуетъ цѣлая фаланга чиновъ полиціи (полиціймейстеръ, частные пристава, квартальные надзиратели, торговые смотрители) подъ контролемъ высшихъ мѣстныхъ властей, именно оберъ-полиціймейстера и генераль-губернатора. Впрочемъ, къ чести Перовскаго слѣдуетъ упомянуть, что по его распоряженію отмѣнены были такъ-называемые безмѣны для взвѣшиванія съѣстныхъ припасовъ, которые въ рукахъ ловкихъ продавцовъ вели къ обману покупателей, и замѣнены вѣсами. Докладовъ въ опредѣленные дни въ такомъ видѣ, какъ ввелъ ихъ въ послѣдствіи Дм. Гавр. Бибииковъ, т.-е. докладовъ начальниковъ отдѣленій въ присутствіи вице-директора и директора, не было, и потому Перовскій не зналъ лично никого изъ чиновниковъ департамента, кромѣ однихъ директоровъ. Жизнь Перовскій велъ самую скромную и уединенную; всецѣло преданный занятіямъ, онъ не дѣлалъ никакихъ пріемовъ и, будучи холостымъ, занималъ во 2-мъ этажѣ всего пять комнатъ (въ послѣдствіи занятыхъ главн. тюр. управл.), предоставивъ всѣ остальные подъ разныя учрежденія: свою канцелярію, статистическій комитетъ, врем. комит. о земск. повинностяхъ и т. д.

Управленіе Перовскаго министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, продолжавшееся десять лѣтъ (съ 1842 г. по 1852 г.), не обильно новыми законодательными распоряженіями; изъ такихъ мнѣ памяты лишь четыре капитальныя, именно: новое Положеніе о губернскихъ правленіяхъ, изданное въ 1845 г.; Положеніе о городскомъ общественномъ управленіи въ С.-Петербургѣ 1846 г.; уставъ лечебныхъ заведеній, высочайше утвержденный въ 1851 г., въ видѣ опыта на три года, но въ дѣйствительности сохранившій силу до 1893 г., и наконецъ уставъ о земскихъ повинностяхъ того же 1851 г.; уставъ лечебн. завед. правильнѣе назвать инструкціею для нихъ, которую министерство могло дать подвѣдомственнымъ ему заведеніямъ и своею властью. Уставъ о повинностяхъ, сколько помню, выработанъ во II-мъ отдѣленіи Собств. Его Величества канцеляріи. Болѣе всего заслуживаетъ упоми-

нанія учрежденіе въ Спб., а потомъ и въ Москвѣ, комитета для разбора споровъ между рядчиками и рабочими,—учрежденіе весьма полезное, составляющее какъ бы зародышъ мирового суда.

По отношенію къ Положенію объ общественномъ управленіи въ С.-Петербургѣ, я долженъ объяснить, что оно состоялось по инициативѣ бывшаго тогда начальникомъ отдѣленія Н. А. Милютина, который одинъ изъ всѣхъ начальниковъ отдѣленій былъ лично извѣстенъ Перовскому и пользовался особеннымъ его довѣріемъ. На основаніи этого Положенія, вмѣсто созыва всего городского общества (состоявшаго исключительно изъ двухъ сословій—купцовъ и мѣщанъ), для обсужденія общественныхъ дѣлъ и постановленія приговоровъ, образована была въ С.-Петербургѣ городская „Общая дума“, гласные которой избирались пятью обществами: 1) потомств. и личныхъ дворянъ-домовладѣльцевъ, 2) почетныхъ гражданъ, 3) купцовъ, 4) мѣщанъ, и 5) ремесленниковъ, отъ каждаго по 100; гласные отъ трехъ послѣднихъ группъ составляли особое представительство подлежащихъ сословій и замѣняли собою собранія этихъ сословій въ полномъ составѣ. Исполнительнымъ органомъ городского общественнаго управленія была „распорядительная дума“ (нынѣ городская управа), состоявшая подъ предсѣдательствомъ с.-петербургскаго генералъ-губернатора, а исполнительными органами по дѣламъ городскихъ сословій были управы: купеческая, мѣщанская и ремесленная. Законъ 1846 г. преобразовалъ только общественное управленіе въ столицѣ, но не коснулся устава о городскомъ хозяйствѣ, и затѣмъ права этого управленія по завѣдыванію предоставленными обсужденію его дѣлами остались въ прежнемъ положеніи, при которомъ дума могла только обсуждать эти дѣла и постановлять по нимъ приговоры, но на приведеніе ихъ въ исполненіе должна была испрашивать разрѣшеніе подлежащаго начальства, а городскія росписи, какъ годовыя, такъ и дополнительныя, требовали даже высочайшаго утвержденія черезъ государственный совѣтъ. Такимъ образомъ, о какомъ-либо самоуправленіи не могло быть и рѣчи, и тѣмъ не менѣе, состоявшееся въ 1846 г. преобразование с.-петербургскаго городского общественнаго управленія навлекло на автора, его, Н. А. Милютина, обвиненіе въ крайности его воззрѣній и его причислили къ категоріи „красныхъ“. Это тѣмъ болѣе непонятно, что и новое устройство названнаго управленія гораздо болѣе носитъ на себѣ характеръ мѣры консервативной, чѣмъ ultra-либеральной, такъ какъ прежнее городское общество, которое могло собираться въ количествѣ болѣе 100 т. человекъ, было замѣнено думою, собраніе которой ни въ какомъ случаѣ

не могло превзойти 500 чел.; и къ тому же въ составъ этой думы введены были *дворяне-домовладѣльцы*, которыхъ принято было признавать за главную опору престола и государства, а также и личные дворяне и почетные граждане (не изъ купцовъ). Если же, за всѣмъ тѣмъ, недоброжелатели Н. А. Милютина находили, что законъ 1846 г. колеблеть монархическія начала, то поводомъ къ этому могло служить развѣ то, что дворяне въ Общей думѣ входили въ общій составъ гласныхъ въ $\frac{1}{5}$ части ихъ и должны были сидѣть вмѣстѣ съ купцами и лавочниками, и что обсужденіе дѣлъ въ такомъ собраніи, по внѣшнимъ признакамъ (каедрa, съ которой произносились рѣчи, стенографы, публичность засѣданій), подходило къ порядкамъ парламентарнымъ. Какъ бы то ни было, но обвиненіе Милютина въ „краснотѣ“ его возрѣвнѣй до такой степени распространилось, что даже императоръ Александръ Николаевичъ настолько проникнутъ былъ этимъ предубѣжденіемъ, что, несмотря на троекратные доклады старика Ланского, пользовавшагося неограниченнымъ его довѣріемъ, не соглашался *утвердить* Милютина въ должности товарища министра; въ теченіе двухъ лѣтъ онъ оставался „временно исполняющимъ обязанности товарища министра“, считаясь въ должности директора хозяйственнаго департамента, и съ окончаніемъ крестьянской реформы былъ назначенъ присутствовать въ сенатѣ. При личномъ представленіи государю, онъ, поблагодаривъ Милютина за труды по крестьянской реформѣ, высказалъ ему, что, признавая его просвѣщенный умъ, всѣ считаютъ его противникомъ дворянства; на это Ник. Алексѣевичъ позволилъ себѣ отвѣтить, что онъ не можетъ быть противникомъ этого сословія, потому что самъ имѣетъ честь принадлежать къ нему; оно занимаетъ первое мѣсто въ Россіи не только по привилегированному его значенію, но и въ виду того, что, по образованію своему, оно стоитъ гораздо выше другихъ сословій; а за симъ, онъ, котораго считаютъ поборникомъ просвѣщенія, не можетъ быть противникомъ этого наиболѣе развитого сословія; всѣ особенно полезныя мѣры въ Россіи принимались по инициативѣ и при участіи дворянъ, и, наконецъ, лучшіе люди изъ ихъ среды оказали ревностное содѣйствіе величайшей изъ реформъ, именно—освобожденію крестьянъ. Это объясненіе свое съ государемъ Николай Алексѣевичъ лично передалъ мнѣ дня черезъ два послѣ того, какъ оно происходило...

Ал. Дан. Шумахеръ.

УВЯДШІЙ ЛИСТЪ

„Das dürre Blatt“, v. N. Lenau.

Распахнулъ сильный вѣтеръ окошко мое
И забросилъ мнѣ листъ пожелтѣвшій,—
То открытое было отъ смерти письмо,—
Почеркъ странный, какъ будто истлѣвшій.

Но посолье грозной смерти меня не смутилъ,—
На душѣ стало грустно и нѣжно...
Безпріютный листокъ! Много ты пережилъ!..
Отдохни у меня безмятежно.

Ты скитался не мало средь дальнихъ дорогъ,
Долго буря тебя колотила,
И въ тѣни ты лежалъ, и лучъ солнечный жёгъ,
Непогода слезами кропила.

Я тебя будто ждалъ... Твои нѣсколько строкъ
Послѣ писемъ, написанныхъ ею,
Будутъ встать... Въ нихъ—усопшей любви эпилогъ,
Иль надгробное слово надъ нею.

И какъ дерево то, что, утративъ тебя,
Ужъ не знаетъ, что стало съ тобою,
Гдѣ ты будешь на утро грядущаго дня,
Ночью сорванный вѣтра рукою,—

Такъ, быть можетъ, она—только подпись свою
Въ этихъ письмахъ узнаетъ и снова

Не напишеть тѣхъ строкъ, что я свято храню,
И не вспомнить забытаго слова.

Вотъ они, эти письма... Листы ихъ лежать
Подъ моимъ испытующимъ взглядомъ,
Какъ пугливыя тѣни, и тихо дрожать,
Переполнены ложью, какъ ядомъ;

И какъ будто они умоляютъ о томъ,
Чтобъ я сжегъ ихъ... и пепелъ померещий,
Трепеща, улетитъ, но узнаю на немъ
Тотъ же почеркъ, слегка поблѣднѣвшій.

Нѣтъ, огонь не коснется ихъ... Правдой святой
Было каждое слово когда-то;
Неповинны они, что жестокой судьбой
Мнѣ назначена сердца утрата.

Ихъ читая, люблю предаваться душой
Сладкой скорби—и прежнія грезы
Окружаютъ меня легкокрылой толпой
И роняютъ въ нихъ робкія слезы.

Ты, увядшій листокъ, не сбиваясь съ пути,—
Съ доброй вѣстью спѣшишь издалѣка—
Явись съ миромъ!.. Ужъ смогло страданье въ груди,
И, усталый, засну я глубоко!

Н. Г.

ПРОМЫШЛЕННЫЯ „РЕСПУБЛИКИ“

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ КООПЕРАЦИЯ ВЪ АНГЛІИ.

I.

Было бы очень интересно, если бы кто-нибудь взялъ весь капиталъ, находящійся въ рукахъ европейцевъ и вложенный въ разныя торгово-промышленныя предпріятія, и представилъ его въ видѣ глобуса, на которомъ, вмѣсто политическихъ границъ, были бы обозначены границы каждой отдѣльной торгово-промышленной собственности. Мы тогда получили бы цѣлыя группы разныхъ промышленныхъ организацій, своимъ устройствомъ мало чѣмъ отличающихся отъ знакомыхъ намъ политическихъ формъ правленія. Какъ и среди послѣднихъ, мы могли бы указать тогда и среди промышленныхъ предпріятій своего рода королевства и республики, деспотіи и ограниченныя монархіи, бюрократію и демократію. Капиталъ занялъ мѣсто территоріи, денежные единицы замѣнили населеніе, и приказчики и управляющіе—чиновниковъ и министровъ. Выраженіе „желѣзнодорожный“ или „хлопчатобумажный король“—вовсе не насмѣшка, не иронія, а передача факта, безсознательно воспринятаго современнымъ человѣчествомъ, какъ вообще воспринимаются всѣ соціальныя представленія и понятія. Огромное желѣзнодорожное предпріятіе, хлопчатобумажная фабрика, или какой-нибудь гигантскій машиностроительный заводъ имѣетъ, пожалуй, право называться такимъ же королевствомъ, какъ и территоріальное государство. Обоого рода королевства имѣютъ, такъ сказать, одну схему, одну и ту

же связь между отдѣльными органами, высшими и низшими, болѣе важными и менѣе значительными.

Если во главѣ промышленнаго предпріятія стоитъ одинъ человѣкъ, собственникъ его, то оно безспорно королевство съ абсолютнымъ образомъ правленія. Прочтите, напр., извѣстный романъ П. Д. Боборыкина: „По другому“, знакомый и вашимъ читателямъ, и вы увидите, какъ въ сущности мало отличается одно русское фабричное предпріятіе отъ иной восточной деспотіи. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ дѣло доходитъ до поразительнаго сходства даже въ мелочахъ. Тѣ же таинственные заговоры, тотъ же „хозяинъ“, та же бюрократическая заботливость рядомъ съ отсутствіемъ самаго важнаго и потребнаго для дѣйствительныхъ интересовъ и благосостоянія населенія—благосклонность и „доброта“ „самого“, который, уступая на грошъ, грабитъ на милліоны.

Въ промышленномъ предпріятіи, въ которомъ имѣются нѣсколько пайщиковъ, мы имѣемъ примѣръ конституціонной монархіи. Акціонерное общество представляетъ собою во всѣхъ своихъ чертахъ республику съ олигархическимъ правленіемъ, въ которой акціонеры играютъ роль безправной толпы, а директора—венеціанскихъ дождей.

Наконецъ, мы приходимъ къ формѣ демократической республики, находящей свое полное выраженіе въ кооперативныхъ предпріятіяхъ.

Можно было бы прослѣдить эту параллель на разныхъ формахъ и видахъ какъ политическихъ, такъ и промышленныхъ организацій. Можно было бы прослѣдить ее и во времени, и открывать ту же преемственность формъ, какъ въ территоріальныхъ, такъ и капиталистическихъ владѣніяхъ: тѣ же отклоненія отъ правильнаго хода событій, вслѣдствіе тѣхъ же причинъ, какъ, напр., непріятельское нашествіе—съ одной стороны, и появленіе конкурента въ видѣ ли новаго изобрѣтенія, или болѣе искуснаго и богатаго предпринимателя—съ другой. Параллельное изученіе государственныхъ и промышленныхъ формъ современемъ, нужно надѣяться, станетъ такой же составной частью политической экономіи, какъ сравнительная анатомія—зоологіи. Такое изученіе потребовало бы, конечно, спеціальнаго труда, которымъ, однако, мы вовсе не задаемся теперь. Указали же мы на это сходство промышленныхъ и политическихъ формъ лишь мимоходомъ, считая такое указаніе весьма важнымъ для яснаго пониманія роли тѣхъ промышленныхъ предпріятій, которыя извѣстны подъ именемъ кооперативныхъ обществъ, и о которыхъ мы намерены кое-что рассказать здѣсь.

II.

„Кооперативное“ движеніе, какъ извѣстно, получило свое начало въ Англіи; здѣсь оно потерпѣло свои безчисленныя пораженія, здѣсь оно перенесло свои дѣтскія болѣзни, выстрадало свою молодость, и здѣсь, наконецъ, оно разрослось и расширилось до такихъ размѣровъ и до такого разнообразія формъ, до какихъ оно не доходило еще ни въ какой другой странѣ. Если поэтому кто хочетъ изучить его со всѣхъ сторонъ, тотъ долженъ познакомиться съ нимъ на мѣстѣ его рожденія и роста и наблюдать его именно въ Англіи, гдѣ оно представится во всемъ своемъ богатомъ разнообразіи. Однако, и здѣсь было бы преждевременно выводить какія-нибудь заключенія насчетъ будущности его. Все, что мы можемъ узнать, это—его настоящее, его мѣсто, которое оно занимаетъ въ ряду другихъ формъ промышленной предпримчивости, его вліяніе на нихъ, тѣ надежды, которыя оно возбуждаетъ, и тѣ разочарованія, которыя оно приноситъ. Кооперативное движеніе въ Англіи, при всѣхъ своихъ успѣхахъ и размѣрахъ, все еще—малый ребенокъ. Правда, онъ уже вышелъ изъ пеленокъ и сталъ на собственные ноги, но все-таки рѣчь его еще неясна, характеръ точно не опредѣлился и вырастетъ ли онъ богатыремъ, или захирѣетъ еще до совершеннолѣтія—предсказать трудно. Единственно, что можно сказать, такъ это то, что оно—„многообѣщающее дитя“...

Само собою разумѣется, что сами кооперанты гораздо рѣшительнѣе въ своихъ отзывaxъ. Для нихъ блестящая будущность кооперативнаго движенія представляется несомнѣнной и ясной, какъ Божій день, и многіе изъ нихъ вполне убѣждены, что одно лишь это движеніе и призвано спасти міръ. При этомъ, такъ думаютъ не какіе-нибудь кабинетные мечтатели и увлекающіеся юноши, а вполне умудренные опытомъ люди, прошедшіе свою жизнь не за книгами, а среди шума и толкотни людскаго базара, на фабрикахъ, заводахъ или въ лавкахъ. Вотъ, напр., въ какихъ выраженіяхъ высказывается о кооперативномъ движеніи комитетъ лейчестерскаго округа въ отчетѣ, представленномъ имъ на послѣднемъ годичномъ конгрессѣ кооперацій въ Петерборо (Peterborough):

„Твердое и прогрессивное шествіе народнаго движенія (т.-е., движенія, касающагося лишь одного рабочаго класса и изъ него начавшагося, по-англійски: the people's movement) не характеризуется бросающимися въ глаза раскрашенными плакатами,

украшающими болѣе или менѣе—скорѣе менѣе—наши переулки. Впереди насъ не раздаются трубные звуки, оповѣщающіе обыкновенно удивительную щедрость того или другого предприимчиваго торговца, который раздаетъ что-то такое даромъ и который нерѣдко кончаетъ банкротствомъ. Нашъ прогрессъ не отмѣченъ этими внѣшними и видимыми знаками, но онъ тѣмъ не менѣе проченъ и постояненъ, а бойкотированіе со стороны нашихъ завистниковъ дало нашему движенію толчокъ, совершенно не предвидѣнный мудрыми инициаторами этого бойкотирования, и хотя народъ еще недостаточно сильно пользуется единственнымъ движеніемъ, могущимъ оказать дѣйствительную пользу,—все-таки постоянное увеличеніе числа членовъ показываетъ, что рабочіе медленно, но зато основательно начинаютъ сознавать тѣ социальныя и финансовыя улучшенія, какія оно приноситъ съ собою, и тѣ преимущества, которыми, въ видѣ ли накопленныхъ капиталовъ, или въ видѣ затратъ на дома, сдѣлавшихъ ихъ собственными лэндлордами, пользуются уже старые кооперанты.

„Успѣхъ потребительныхъ кооперацій настолько упроченъ, что о нихъ уже перестали говорить, какъ о чемъ-то сомнительномъ. Съ каждымъ годомъ отерываются новыя поля дѣятельности, покрытыя золотыми облаками кооперативности и содѣйствующія просвѣтленію и благосостоянію рабочихъ всего свѣта. То, что мы могли хотя бы мелькомъ замѣтить на международныхъ конгрессахъ (кооперантовъ), даетъ намъ право глубоко вѣрить, что кооперативному движенію предназначено въ будущемъ развить такое чувство братства, что нельзя будетъ по капризу отдѣльныхъ лицъ ввергать народы въ международныя распри и кровопролитія. И мы искренно надѣемся, что посланіе, которое кооперативное движеніе шлетъ народамъ свѣта, окажется оливковой вѣткой въ клювъ голубя, что потопъ коммерческой конкуренціи прекратится, и миръ, и процвѣтаніе наступятъ повсемѣстно“...

Таковъ языкъ, таковъ оптимизмъ почти всѣхъ дѣятелей кооперативныхъ обществъ. Всѣ ихъ отчеты и рѣчи, несмотря на всю прозаичность содержанія, на колонны цифръ, на подробности о лавкахъ, машинахъ, сапогахъ, посудѣ, жакеткахъ, на разсужденія о рабочей платѣ, процентахъ на капиталъ, дивидендахъ и пр.,—несмотря на всю эту сухую прозу, то тутъ, то тамъ, усѣяны высокими полетами фантазіи и взрывами краснорѣчія. Вы чувствуете, что къ вамъ обращается не простой лавочникъ, для котораго барышъ — все, а лицо, для котораго кооперативная лавка—преддверіе социальнаго рая.

И слѣдуетъ признаться, что этотъ оптимизмъ, этотъ приподнятый тонъ кооперантовъ, если и не имѣетъ подъ собою прочной основы, какую могутъ дать только наука и продолжительный, въѣзвой опытъ, все-таки не лишентъ нѣкотораго основанія, и факты, пока, оправдываютъ его.

О нѣкоторыхъ фактахъ мы дальше скажемъ болѣе подробно, при описаніи нѣсколькихъ кооперативныхъ предпріятій. А пока считаемъ необходимымъ остановиться нѣсколько на общихъ чертахъ кооперативнаго движенія въ Англіи.

III.

Движеніе это прежде всего демократическое, т.-е. оно зиждется на вѣрномъ фундаментѣ всеобщаго голосованія и всеобщей пользы. Это не пустая затѣя, не случайный капризъ и не классовое или сословное предпріятіе. Демократизмъ является такимъ образомъ основной чертой англійскаго кооперативнаго движенія и главною причиною его успѣха. Обращаемъ на это особенное вниманіе читателя, потому что подъ названіемъ „кооперативныхъ обществъ“ часто подразумѣвается нѣчто совершенно противоположное духу и характеру англійскихъ кооперацій рабочихъ. Такъ, напр., вездѣ существуютъ потребительныя общества желѣзно-дорожныхъ служащихъ, чиновъ арміи и флотовъ, гражданскихъ чиновниковъ и пр.; существуютъ производительныя общества, основанныя на капиталахъ филантроповъ, или же при содѣйствіи правительства,—но все это ничего общаго не имѣетъ съ тѣмъ кооперативнымъ движеніемъ, о которомъ идетъ рѣчь здѣсь.

Другая черта англійскаго движенія, это—его абсолютная независимость отъ государственной инициативы. Оно идетъ въ Англіи само собою, представляя въ частной жизни то, что въ политической и общественной выражается социализмомъ и „трэд-юніонизмомъ“.

Существующая нынѣ форма кооперативнаго движенія въ Англіи, началась въ 1844 г., въ Рочдэлѣ, когда въ кооперативное дѣло введенъ былъ новый принципъ, принятый послѣ всѣми потребительными обществами Англіи. Принципъ этотъ кажется теперь до того простымъ и яснымъ, что даже непонятно, какъ это раньше не додумались до него. Онъ состоитъ, какъ извѣстно, въ томъ, что прибыль распредѣляется не между одними пайщиками соотвѣтственно ихъ капиталамъ, и не между рабочими и

служащими соотвѣтственно ихъ труду, а между потребителями — соотвѣтственно ихъ покупкамъ.

Когда прибыль распредѣляется между одними пайщиками, то кооперація ничѣмъ не отличается отъ обыкновеннаго акціонернаго общества. И если даже акціонеры отказываются отъ дивиденда и жертвуютъ его на что-нибудь, или въ пользу кого-нибудь, хотя бы и рабочихъ, — то отъ этого характеръ предпріятія рѣшительно не мѣняется, такъ какъ послѣднее все-таки зависитъ отъ одной лишь опредѣленной группы собственниковъ, — все равно, вложили ли они въ него свои деньги съ цѣлью наживы, или съ цѣлью благотворительной. То же самое было бы, еслибы прибыль распредѣлилась между одними служащими и рабочими. Если бы, напр., кучка людей открыла лавку или мастерскую и стала бы сама работать въ ней и завѣдывать ею, распредѣляя между собою прибыль, то и тутъ потребителю, т. е. обществу въ его цѣломъ, не было бы ни тепло, ни холодно. При естественномъ порядкѣ вещей члены этой кучки могутъ такъ же разбогатѣть, какъ и всякій другой лавочникъ или фабрикантъ, и хотя они могутъ продолжать сами работать, наживъ даже миліоны, все-таки ихъ организація была бы такъ же далека отъ истинной демократіи, какъ и всякое другое промышленное дѣло, принадлежащее одному лишь лицу или акціонерной компаніи. И здѣсь строго ограниченный кругъ лицъ наживался бы удовлетвореніемъ извѣстныхъ нуждъ населенія и самовластно распоряжался бы народнымъ потребленіемъ, ограниченный лишь дѣйствіями конкурентовъ.

Одно только участіе самого потребителя въ капиталахъ и прибыляхъ промышленнаго предпріятія, въ контролѣ надъ нимъ и управленіи имъ дѣлаетъ кооперацію истинно демократическимъ учрежденіемъ. Богатъ ли человекъ, или бѣденъ, князь ли онъ, рабочій, мужчина или женщина — онъ всегда какой бы ни было потребитель, и слѣдовательно каждый изъ насъ можетъ сдѣлаться участникомъ дѣла, призваннаго удовлетворять ту или другую потребность нашу. Какъ покупатель, онъ можетъ участвовать въ выгодахъ; а если онъ беретъ пай, — что, какъ мы дальше увидимъ, доступно рѣшительно всякому желающему, — то получаетъ право участія и въ выборахъ членовъ правленія, и въ обсужденіи всѣхъ вопросовъ, касающихся веденія дѣла.

Замѣчательно, что до сихъ поръ еще не выяснено, кому первому принадлежитъ эта простая мысль о распредѣленіи прибыли между пайщиками и потребителями. Первоначальный уставъ рочдальскаго потребительнаго общества былъ составленъ извѣст-

нымъ въ свое время рабочимъ дѣятелемъ Говардомъ, но были послѣдній самъ авторомъ этой мысли, или заимствовалъ ее у какой-нибудь старой коопераціи—неизвѣстно. Во всякомъ случаѣ, благодаря именно этой крайне простой мысли, движеніе, начавшееся въ 1844 г. маленькой коопераціей, состоявшей всего изъ 28 человѣкъ и обладавшей капиталомъ въ 28 фунтовъ,—разрослось за 52 года (послѣднія данныя—за 1896 г.) въ огромную сѣть обществъ съ 1.436.995 членами и 17.507.024 фунтами стерлинговъ пайщицкаго капитала и съ оборотомъ, приблизительно, въ 57 милліоновъ фунтовъ въ годъ. При этомъ замѣчательно то, что движеніе это совершенно не знаетъ тѣхъ внезапныхъ скачковъ впередъ или назадъ, столь свойственныхъ промышленному прогрессу. Ни общіе коммерческіе кризисы, съ одной стороны, ни оживленіе рынковъ, съ другой, какъ будто совершенно не касались его. Оно растетъ независимо, составляя какъ бы государство въ государствахъ, избираетъ собственные пути и открываетъ собственные рынки. Если и случались отклоненія, то они были очень незначительны и общаго характера не мѣняють. Такъ, напр., передъ нами лежитъ таблица, въ которой съ „птичьяго полета“ дана картина развитія кооперацій въ Англіи съ 1861 по 1896-й годъ, и изъ этой таблицы вы видите, какъ изъ года въ годъ, за очень малыми исключеніями, кооперативное движеніе росло безъ перерывовъ; безъ какихъ-нибудь сенсаціонныхъ переходовъ, но твердо, съ какой-то желѣзной постепенностью и неуступающимъ упорствомъ. Правда за эти 36 лѣтъ (1861—1896) много кооперативныхъ предпріятій потерпѣли неудачу; одни отцвѣли, не успѣвъ расцвѣсть; другія распались, просуществовавъ довольно продолжительное время; третьи были поглощены окружающими морями капитализма, обратившись въ обыкновенныя акціонерныя компаніи,—но въ общемъ все-таки эта демократическая форма промышленности, извѣстная подъ именемъ кооперацій, продолжаетъ расти, все болѣе и болѣе увеличивая число своихъ членовъ, свой торговый оборотъ, свои капиталы и имущества.

IV.

Рядомъ съ этимъ медленнымъ, но постояннымъ матеріальнымъ ростомъ, мы видимъ и быстрое усовершенствованіе внутренней организаціи, сплоченіе отдѣльныхъ частей и въ то же время выдѣленіе особыхъ органовъ для спеціальныхъ цѣлей,—сло-

вомъ, тутъ происходитъ то же, что составляетъ сущность роста и развитія всякаго живого организма. Мы видимъ „кооперативный союзъ“ (Cooperative Union), организацію, въ которую включены до 1.000 коопераций, представляющихъ до 1.250.000 членовъ, т.-е. почти шесть-сѣмыхъ всего числа участниковъ въ кооперацияхъ Англіи. Задачи союза—воспитательныя, политическія и проповѣдническія. Онъ разсылаетъ лекторовъ, печатаетъ листки и брошюры, издаетъ еженедѣльную газету, устраиваетъ годовые конгрессы, слѣдитъ за парламентскимъ законодательствомъ, выступаетъ защитникомъ въ судахъ и вообще старается оказать всевозможное нравственное содѣйствіе.

Въ промышленномъ отношеніи кооперативныя общества создали колоссальныя организаціи въ видѣ англійской и шотландской оптовыхъ коопераций (Wholesale Societies), продавшихъ въ теченіе 1897 года товаровъ на 16¹/₂ миллионѣ фунтовъ стерлинговъ и выручившихъ чистой прибыли около 350.000 фунтовъ.

Организація этихъ обществъ сама по себѣ является высшимъ выраженіемъ социальнаго генія, которымъ такъ богато одаренъ англійскій народъ. Каждое изъ этихъ двухъ оптовыхъ обществъ, хотя во многихъ случаяхъ и дѣйствуетъ за-одно съ другимъ, имѣетъ все-таки свое отдѣльное правленіе и свой особый уставъ. Пайщикомъ ихъ можетъ быть только кооперативное общество, а не отдѣльное лицо, и продавать товары они могутъ опять-таки лишь однимъ кооперациямъ, а не постороннимъ лавочникамъ и предпринимателямъ, а прибыль, за отчисленіемъ процентовъ на капиталъ, распределяется между покупателями, соразмѣрно ихъ покупкамъ.

Такимъ образомъ, англійское или шотландское оптовое кооперативное общество является федераціей множества потребительныхъ коопераций, основанной съ цѣлью завладѣнія всей прибылью, какая только возможна при переходѣ товара изъ однихъ рукъ въ другія и изъ одного состоянія въ другое, а также съ цѣлью придать всей промышленности страны вполне демократическій характеръ.

Мы только-что сказали: „изъ одного состоянія въ другое“, потому что опковыя общества не только являются посредниками между потребительною кооперацией и производителемъ, но въ нѣкоторыхъ случаяхъ они берутъ на себя и фабрикацію товаровъ. Они, напр., имѣютъ свои мельницы, свои суконныя фабрики, свои фабрики мужской и дамской обуви, заводы мыла, сыроварни, молочныя фермы и пр.

Отсюда, между прочимъ, легко видѣть, что терминъ „потре-

бательное“ общество имѣть въ Англіи совсѣмъ особое значеніе. Потребительное общество здѣсь не только „потребляет“, но и „производить“, фабрикуетъ и мастерить, если не само, то черезъ свое оптовое общество, въ которое оно входитъ частицей. Когда мы поэтому говоримъ объ англійскомъ потребительномъ обществѣ, то подразумѣваемъ не лавку, не складъ, а нѣчто другое. Дѣло тутъ идетъ не о томъ, что общество дѣлаетъ, а кѣмъ держится, изъ кого состоитъ или, иначе говоря, чьи интересы оно имѣетъ въ виду. Та же самая мастерская или фабрика можетъ быть такимъ же дѣломъ потребительной коопераціи, какъ и производительной, въ зависимости отъ того, кому она принадлежитъ: рабочимъ въ ней, или потребителямъ и заказчикамъ. Останавливаясь на этой разницѣ потому, что безъ яснаго пониманія, что такое „производительное“ и что такое „потребительное“ общество, трудно имѣть и ясное представленіе о главныхъ теченіяхъ кооперативнаго движенія, о той внутренней борьбѣ и тѣхъ разногласіяхъ, какія мы замѣчаемъ въ нѣдрахъ его. Кооперативное движеніе, несмотря на свои широкіе размѣры и на свою болѣе или менѣе продолжительную исторію, далеко еще не представляетъ собою нѣчто гармонически-цѣльное, окончательно установившееся и общепринятое. И въ теоріи, и на практикѣ, до сихъ поръ еще продолжаютъ споры о томъ, какой видъ операціи выгоднѣе для потребителя, справедливѣе для рабочаго и безопаснѣе для капиталиста. Какъ дѣло живое, кооперативная предпримчивость вырабатываетъ все новыя и новыя формы, которыя продолжаютъ иногда существовать одновременно, мѣшая другъ другу и задерживая прогрессивный ходъ. Въ мою задачу не входитъ описаніе всѣхъ этихъ формъ. Скажу лишь, что всѣ тѣ виды коопераціи, которые существовали въ Англіи во времена Роберта Оуэна, давно исчезли. Въ настоящее время ни одно кооперативное общество не является дѣломъ какого-нибудь филантропа или идеалиста, а самихъ рабочихъ. Пожеланіе рабочаго 20-хъ годовъ, высказанное имъ на митингѣ и приведенное въ „Исторіи кооперативнаго движенія“, Беатрисы Поттеръ (Веббъ), давно исполнилось. Миссъ Поттеръ рассказываетъ, что когда разъ въ 20-хъ годахъ, по случаю голода, былъ собранъ въ Вигонѣ митингъ, на которомъ мѣстная знать обсуждала вопросъ объ учрежденіи дешевыхъ народныхъ столовыхъ, одинъ простой ткачъ, проникши въ собраніе, громко заявилъ: „Мы не хотимъ вашего супа. Дайте намъ правъ—и мы будемъ ѣсть ростбифъ“!

Это пожеланіе исполнилось: рабочіе получили права; они свободно могутъ соединяться въ рабочіе союзы или экономи-

чекія коопераціи и сами для себя отыскивать рѣшеніе вопроса объ улучшеніи своего положенія.

И дѣйствительно, добившись раньше политическихъ правъ, англійскіе рабочіе умѣютъ устроиваться и экономически, не нуждаясь ни въ чемъ покровительствѣ, котораго они не выносятъ. „Потребители“ или „производители“ сами соединяются въ кооперативныя общества и сами же несутъ рискъ своихъ затѣй. Но хотя возвышенный идеализмъ, вдохновлявшій Роберта Оуэна и его друзей въ 20-хъ годахъ, или „христіанскихъ соціалистовъ“ 50-хъ годовъ, давно испарился изъ среды англійскихъ кооперантовъ, тѣмъ не менѣе и до послѣдняго дня кооперативныя общества стараются придавать здѣсь своимъ предпріятіямъ моральную основу, не упуская въ то же время и практической дѣловитости. Коопераціи устроиваются не только потому, что отъ нихъ ждутъ матеріальныхъ выгодъ, но и потому, что онѣ кажутся чище по средствамъ и возвышеннѣе по цѣлямъ. Это погоня не столько за барышомъ, сколько за справедливостью, и въ этомъ-то заключается одно изъ главныхъ достоинствъ и, быть можетъ, самая главная причина жизненности кооперативнаго движенія.

Затѣмъ, съ исчезновеніемъ типа филантропической затѣи, все рѣже и рѣже попадаетъ теперь и типъ производительной коопераціи, бывшій столь моднымъ въ 40-хъ годахъ во Франціи подъ названіемъ „Associations Ouvrières“, когда считали, что рѣшеніе соціальнаго вопроса зависитъ отъ основанія многихъ мастерскихъ, въ которыхъ рабочіе были бы и полными хозяевами, и распорядителями. Какъ извѣстно, опытъ этотъ во Франціи кончился ничѣмъ.

Столь же неудачнымъ оказался онъ и на англійской почвѣ, гдѣ жизнь мало-по-малу выдвинула другой видъ производительной коопераціи, которая если и является для насъ еще загадкой насчетъ своей будущности, успѣла, однако, уже громко заявить себя въ настоящемъ. Объ этой-то новой формѣ кооперативныхъ организацій, особенно развившихся въ послѣднія десять лѣтъ, я и хочу поговорить болѣе подробно. Главная черта этой новой формы, извѣстной подъ названіемъ „Co-Partnership Cooperation“ (кооперація на началахъ участія, т.-е. участія рабочихъ), заключается въ томъ, что она состоитъ въ стремленіи угодить всѣмъ вмѣстѣ и каждому порознь: и потребителямъ, и рабочимъ, и капиталистамъ. Въ то время какъ кооперація рочдальскаго типа знаетъ только интересы потребителя, а кооперація типа „Associations Ouvrières“ — только рабочихъ, — новая форма признаетъ и капита-

листа, и не только оставила мысль бороться съ нимъ, но старается захватить и его въ свой потокъ и дать ему возможность получать доходъ съ своихъ капиталовъ, не прибѣгая къ эксплуатаціи.

Это новое теченіе выдѣлило уже и два общества: одно подъ названіемъ „ассоціаціи труда“ (Labour Association), а другое— „федераціи продуктивныхъ коопераций“ (Cooperative Productive Federation), имѣющія своей цѣлью развитіе кооперативнаго движенія именно въ духѣ новыхъ производительныхъ коопераций. Первое изъ этихъ обществъ ставитъ своей цѣлью пропаганду и дѣлаетъ въ сферѣ производительныхъ коопераций то же, что „кооперативный союзъ“—для кооперативнаго движенія вообще, а второе оказываетъ финансовую помощь, являясь посредникомъ между кооперациями, которыя нуждаются въ капиталахъ, и тѣми, у которыхъ имѣются свободные капиталы. Какъ показываетъ уже одно имя этого общества (федерация), членами его могутъ быть не отдѣльныя лица, а лишь кооперативныя общества. Федерация платитъ своимъ членамъ и постороннимъ лицамъ четыре процента за вклады и вѣщаетъ пять процентовъ за ссуды, образуя изъ лишняго процента запасный капиталъ для покрытія возможныхъ убытковъ, при чемъ расходы на администрацію покрываются по раскладкѣ между кооперациями, состоящими членами федерации. Замѣчательно, что до сихъ поръ не пришлось тронуть ни пенса изъ этого запаснаго капитала, что безспорно указываетъ какъ на здоровый ростъ новыхъ производительныхъ коопераций, такъ и на осторожность членовъ правленія федерации.

V.

Чтобы изучить именно этотъ видъ „Сорпартершип Кооперации“, эту форму экономическаго сотоварищества, и мимоходомъ лучше ознакомиться и съ другими формами кооперации, отправимся въ небольшой городокъ, находящійся въ графствѣ Нортгемптонскомъ, верстахъ въ 120 отъ Лондона. Здѣсь, въ этомъ городѣ, кооперативному движенію особенно посчастливилось и именно въ формѣ производительныхъ коопераций. Въ маленькомъ городѣ вообще всякое движеніе замѣтнѣе, виднѣе и легче поддается изученію, чѣмъ, напр., въ такомъ огромномъ городѣ, какъ Лондонъ. Что же касается спеціально кооперативнаго движенія, то помимо того, что оно крайне слабо развито въ Лондонѣ, оно къ тому еще тонетъ въ массѣ частной предпримчивости. Вы можете прожить здѣсь цѣлые годы,

десятки лѣтъ и не встрѣтить ни одного участника кооперации и ни разу не наткнуться на кооперативную лавку или мастерскую, несмотря на то, что здѣсь находятся громаднѣйшіе склады „Wholesale Society“ (оптоваго кооперативнаго общества Англіи) и нѣсколько процвѣтающихъ производительныхъ коопераций. Конечно всѣ знаютъ объ „Army and Navy Stores“ (магазины служащихъ въ арміи и флотѣ) и „Civil Service Stores“ (магазины чиновниковъ), но прежде всего, это—кооперации только по имени, а на самомъ дѣлѣ это обыкновенныя акціонерныя компаніи, отличающіяся отъ другихъ лишь тѣмъ, что покупатели, уплативъ нѣсколько шиллинговъ годичнаго взноса, имѣютъ право на „дивидендъ“, соотвѣтственно суммѣ покупокъ. Ни контроль, ни вообще право голоса имъ не принадлежитъ, и въ данномъ случаѣ „дивидендъ“ составляетъ такую же подачку, какъ и тѣ коробка, или кувшины, которые выдаютъ своимъ покупателямъ или покупательницамъ нѣкоторые здѣшніе чайныя магазины. Ни по своимъ цѣлямъ, ни по своему устройству, эти такъ-называемыя кооперативныя общества ничего общаго не имѣютъ съ настоящими кооперативными предпріятіями, составляющими всецѣло дѣло рукъ рабочаго класса.

Нѣкоторые признаки кооперативнаго движенія въ Лондонѣ можно замѣтить лишь на восточной окраинѣ его, въ Вульвичѣ, гдѣ рабочіе арсенала создали себѣ огромную потребительную кооперацию, обладающую теперь шестью лавками, одною изъ лучшихъ въ Лондонѣ хлѣбопекарней, 70 лошадьми, 65 крытыми телѣгами для развозки товаровъ, портняжной мастерскою, ссудосберегательнымъ банкомъ, фермою и т. д. Общая выручка въ 1897 году за проданный членамъ товаръ достигла двухъ слишкомъ милліоновъ рублей.

Успѣхъ этой кооперации, основанной въ 1868 г., замѣчательнъ особенно тѣмъ, что она начала очень скромно и бѣдно. Весь капиталъ, подписанный въ первый годъ, составлялъ около 45 рублей, и секретарь кооперации въ первое время, бывало, послѣ работы въ арсеналѣ самъ отправлялся по вечерамъ въ Лондонъ за покупками съ мѣшкомъ на плечахъ. Лавка была открыта лишь по субботамъ, и члены комитета, т.-е. „директора“, исполняли должность приказчиковъ, а жены ихъ—приказницъ и кассиршъ. Само собою разумѣется, что все это дѣлалось безплатно, лишь по одному долгу товарищества. Такъ продолжалось около двухъ лѣтъ, пока дѣло не развилось настолько, что можно было нанять и помѣщеніе, и приказчика.

Но и въ Вульвичѣ кооперативное движеніе далеко не такъ

замѣтно, какъ въ Кеттерингѣ, гдѣ оно бросается вамъ въ глаза само собою чуть ли не на каждомъ шагѣ вашемъ. Достаточно сказать, что ко дню переписи 1891 года въ Кеттерингѣ считалось всего около 20.000 жителей, а въ Вульвичѣ—около 100.000, и слѣдовательно 15 тысячъ кооперантовъ (считая и членовъ семействъ) въ первомъ мѣстѣ должны невольно выдѣляться болѣе рельефно, чѣмъ 25 тысячъ вульвичскихъ.

По всѣмъ признакамъ Кеттерингъ принадлежитъ къ экономически процвѣтающимъ и нравственно прогрессирующимъ городамъ Англіи. Кругомъ на окраинахъ его тянутся новыя улицы, высокія зданія новыхъ фабрикъ, церквей, школъ, госпиталей. Въ гостинницѣ, въ которой мы остановились, вишѣло веселыми коммивояжерами, этими вѣрными вѣстниками бойкой, оживленной промышленности. Главное производство Кеттеринга—обувь. Какъ и сосѣдніе съ нимъ большіе города, Нортгемптонъ и Лейчестеръ (Leicester), онъ держится, такъ сказать,—если можно употребить каламбуръ—на чужихъ ногахъ. За очень малыми исключеніями, тамъ всѣ—сапожники, или живутъ около сапожниковъ.

По общему своему характеру Кеттерингъ мало чѣмъ отличается отъ другихъ небольшихъ городовъ Англіи промышленнаго типа. Та же внѣшняя благоустроенность и та же внутренняя культурность. Мостовыя, водопроводы, освѣщеніе, чистота улицъ и домовъ не оставляютъ желать ничего лучшаго. Богатыя школы, залы для лекцій, концертовъ и митинговъ, клубы—все это бросается въ глаза, куда ни повернетесь. Вы берете въ руки мѣстную газету (газетъ нѣсколько) и узнаете, напр., что въ помѣщеніи „общества друзей“ (квакеры), вчера, миссъ такая-то, миссіонерка изъ Мадагаскара, прочла лекцію о жизни туземцевъ, иллюстрируя ее выставкой разныхъ привезенныхъ лектрисой предметовъ; а въ залѣ кооперацій, въ тотъ же вечеръ, игралъ заѣзжій комикъ. Сегодня въ залѣ „общества трезвости“ будетъ прочитана лекція какой-то знаменитостью изъ Лейчестера; въ среду городъ посѣтитъ циркъ, а въ четвергъ, пятницу и субботу предстоитъ „большой парижскій базаръ и фантастическій костюмированный карнавалъ“ въ пользу одной изъ мѣстныхъ школъ. Вообще же по субботамъ будутъ даваемы вокально-музыкальные концерты и увеселительные вечера и будутъ читаться лекціи въ „клубѣ членовъ городского оркестра“, въ музыкальномъ кружкѣ „Гармонія“, въ обществѣ трезвости, въ конгрегаціи методитской церкви на Лондонской улицѣ, и т. д., и т. д. И все это въ маленькомъ городѣ съ населеніемъ между 20 и 30 тысячами жителей!

Единственная особенность Кеттеринга, наиболее выделяющая его из ряда другихъ подобныхъ ему англійскихъ городовъ, это — вывѣски на многихъ изъ его лавокъ и складовъ. „Kettering Industrial Cooperative Society“ (Промышленное кооперативное общество Кеттеринга) читаете вы надпись на этихъ вывѣскахъ — и сразу видите, что вы въ центрѣ кооперативной промышленности. Такая надпись имѣется на 21 торговомъ заведеніи, изъ которыхъ одиннадцать — мелочныя лавки, семь мясныхъ и одинъ очень большой магазинъ, находящійся въ специально выстроенномъ высокомъ трехъ-этажномъ зданіи и заключающій въ себѣ обувь, мебель, платье и пр. Этотъ магазинъ составляетъ что-то въ родѣ кеттерингскаго „Лувра“, самое большое и самое красивое торговое заведеніе города.

Кромѣ лавокъ, можно замѣтить и другія зданія или воздвигающіяся постройки, носящія на себѣ также вывѣски „промышленнаго общества“ или другихъ кооперацій. Всего въ Кеттерингѣ пока шесть кооперативныхъ обществъ, изъ которыхъ лишь одно „промышленное“ является потребительнымъ. Оно было пионеромъ кооперативнаго движенія въ Кеттерингѣ и въ то же время оказалось ферментомъ его, вызвавшимъ и всѣ другія коопераціи.

Общество было основано въ 1866 г. Въ то время населеніе Кеттеринга считало 6.500 жителей, большинство которыхъ едва сводило концы съ концами. Городокъ вообще былъ бѣдный и совершенно незначительный. Главнымъ промысломъ его и тогда состояло сапожничество, и сапожники-то его и явились первыми кооперантами. Нѣсколько человекъ, наиболее энергичные изъ нихъ, взялись за дѣло, собирались нѣсколько разъ для обсужденія подробностей, составили сами себѣ уставъ по образцу рочдальскихъ пионеровъ, и въ началѣ 1866 года вновь основанное общество, имѣя всего 60 членовъ и 91 фунтъ стерл. капитала въ далеко не оплаченныхъ паяхъ, отерло свою первую лавку, состоявшую всего изъ одной небольшой комнатки, и надѣ входомъ въ эту-то лавку впервые заперстрѣла вывѣска: „Kettering Industrial Cooperative Society, Limited“.

Въ своей дальнѣйшей исторіи это потребительное общество доказало, что очень многое зависитъ отъ людей, особенно тамъ, гдѣ, какъ, напр., въ Англии, на учрежденія жаловаться нельзя. „Имперія нуждается въ людяхъ, и наша имперія держится главнымъ образомъ на нихъ“, — сказалъ на-дняхъ лордъ Розбери въ своей прекрасной рѣчи, обращенной имъ къ университетской молодежи въ Единбургѣ. Это, конечно, было маленькое ритори-

ческое преувеличеніе, такъ какъ, помимо людей, Англія вѣдь кое-чѣмъ обязана и своимъ учрежденіямъ, но въ общемъ это—вѣрно, и во всякомъ случаѣ разъ есть учрежденія, то нужны и люди; но, быть можетъ, еще больше „имперіи“, въ энергичныхъ, честныхъ и дѣловыхъ работникахъ нуждаются именно мелкія мѣстныя предпріятія, въ родѣ коопераций, которыя хотя и возникаютъ, то тутъ, то тамъ, десятками, но выживаютъ въ борьбѣ съ частно-капиталистической конкуренціей и съ апатіей рабочихъ лишь въ очень небольшомъ процентѣ. И выживаютъ именно тѣ, во главѣ которыхъ оказываются дѣйствительно преданные своему дѣлу и толковые люди. Лишь благодаря такимъ людямъ, описанное выше вульвичское общество достигло своего нынѣшняго упроченнаго положенія, и благодаря такимъ же работникамъ, кеттерингское „промышленное общество“ развилось и разрослось въ такое громадное дѣло, какимъ мы его нашли при нашемъ его посѣщеніи.

Въ главной конторѣ общества, помѣщающейся въ собственномъ домѣ, на стѣнахъ висятъ портреты его учредителей и первыхъ его печальниковъ и пѣстуновъ. Большинства изъ нихъ уже теперь нѣтъ въ живыхъ, а другіе перестали давно принимать въ немъ прежнее дѣятельное участіе, но какія у всѣхъ у нихъ интеллигентныя и хорошія лица, даромъ что сапожники! Безъ сомнѣнія, лишь такая группа людей и могла выносить на своихъ плечахъ такое крупное дѣло. Про одного изъ нихъ, сапожника, имя котораго было первымъ въ спискѣ пайщиковъ, который состоялъ членомъ комитета общества въ теченіе 22 лѣтъ и былъ основателемъ его пенсоваго банка, мнѣ рассказывали, напр., что онъ, бывало, покончивъ съ своей обычной работой, посвящалъ все свое остальное время дѣламъ общества, часто засиживаясь за счетами, книгами или въ разныхъ комиссіяхъ далеко за полночь. Само собою разумѣется, что все это дѣлалось имъ бесплатно, лишь бы, какъ онъ говорилъ, „оставить міръ хотя бы чуточку лучше, чѣмъ я его нашелъ“.

Этотъ кооперантъ № 1 (по списку) „оставилъ міръ“ нѣсколько лѣтъ тому назадъ, и дѣйствительно, что касается по крайней мѣрѣ до Кеттеринга, то онъ его оставилъ куда лучшимъ, чѣмъ нашелъ. Въ настоящее время потребительная кооперация считаетъ 4.500 членовъ, что, съ прибавкой членовъ ихъ семействъ, составитъ больше половины всего населенія Кеттеринга; выручка ея въ недѣлю достигаетъ около 20 тысячъ рублей; ея недвижимое имущество оцѣнено въ полмилліона рублей,

и одного жалованья служащимъ она выплачивается въ годъ до 45.000 рублей.

По уставу этой кооперации, каждый мужчина или женщина имѣетъ право вступать въ члены ея, уплативъ всего одинъ шиллингъ. Затѣмъ, каждый членъ обязанъ взять два пая, по фунту стерлингу каждый, при чемъ деньги можно внести и не сразу, а частями, не менѣе трехъ пенсовъ въ недѣлю. Пока пай не уплаченъ сполна, членъ не получаетъ изъ прибылей ничего на руки, и всѣ выдачи идутъ въ погашеніе долга. Уплативъ же за пай полностью, онъ получаетъ 5 процентовъ на свой капиталъ и часть дивиденда; остальная часть идетъ въ пользу покупателей, которыми, само собою разумѣется, главнымъ образомъ и бываютъ сами же члены кооперации.

Чтобы послѣдняя не обратилась въ акціонерное общество, уставъ ея, во-первыхъ, не позволяетъ одному лицу владѣть больше чѣмъ 50 паями, и, во-вторыхъ, пай могутъ перейти отъ одного лица къ другому лишь по наслѣдству, а не черезъ продажу или подарокъ. Такимъ образомъ, ни торговать паями, ни завладѣть посредствомъ нихъ дѣломъ нельзя, тѣмъ болѣе, что право голоса всѣ члены имѣютъ одинаковое, независимо отъ числа принадлежащихъ имъ паявъ. Общество управляется комитетомъ или правленіемъ изъ десяти лицъ, президентомъ и секретаремъ; всѣ эти выборныя лица находятся подъ постояннымъ и бдительнымъ контролемъ всѣхъ членовъ общества, собирающихся ежемѣсячно для обсужденія дѣлъ кооперации, для выясненія нѣкоторыхъ правилъ и принциповъ ея, вообще для бесѣды о разныхъ желательныхъ улучшеніяхъ и перемѣнахъ. Каждую же четверть года комитетъ печатаетъ отчетъ, экземпляры котораго раздаются даромъ всякому, даже совершенно постороннему лицу, заявившему желаніе получить его.

Вообще уставъ старается обставить кооперацию всевозможными гарантіями, чтобы не обратить ее въ обыкновенную торговую компанію и чтобы дѣло ея велось солидно и прочно.

Въ 1874 г., по мысли двухъ членовъ правленія, былъ основанъ при кооперации „пенсовый банкъ“. Вкладчикомъ въ него можетъ быть и не членъ кооперативнаго общества, и размѣръ единовременнаго вклада можетъ быть отъ одного пенса до пяти шиллинговъ, но сумма всѣхъ вкладовъ, принадлежащихъ одному лицу, не должна превышать десяти фунтовъ стерлинговъ. Накопивъ эту сумму, вкладчикъ можетъ оставить ее въ банкѣ, при чемъ дальнѣйшее накопленіе уже не даетъ ему никакихъ выгодъ, т.-е. никакого процента; или же онъ переноситъ ее въ государ-

ственную сберегательную кассу, которая принимает до 50 фунтов, а государственными бумагами—до 200 фунт. Въ настоящее время въ банкѣ имѣется около 3.000 фунтовъ, принадлежащихъ вкладчикамъ, которыхъ свыше 4.000. Деньги находятся въ распоряженіи кооперативнаго общества, такъ-называемаго „промышленнаго“, помѣщающаго ихъ въ недвижимое имущество и платящаго за нихъ вкладчикамъ 4⁰/₁₀₀ годовыхъ. „Банкъ“ открытъ два раза въ недѣлю, въ субботу по полудни и по вечерамъ во вторникъ. Собственнаго помѣщенія онъ не имѣетъ; касса его и книги содержатся въ конторѣ коопераціи, а вклады принимаются и выдаются въ такъ-называемой „кооперативной залѣ“ (Cooperative Hall), въ прекрасномъ помѣщеніи, специально устроенномъ кооперативными обществами Кеттеринга для своихъ митинговъ, праздниковъ, лекцій, концертовъ, классовъ и пр.; здѣсь-то намъ и пришлось разъ присутствовать при операціяхъ банка. Все дѣло происходило удивительно просто и гладко, словно на машинѣ. За большимъ столомъ, на которомъ стояли ящики съ деньгами и громоздились кипы банковыхъ книжекъ, сидѣли два конторщика, и одинъ изъ нихъ записывалъ, а другой принималъ деньги. Вкладчики состояли почти исключительно изъ дѣтей школьнаго возраста и изъ женщинъ. Вкладчикъ подходилъ, называлъ номеръ своей книжки и сумму взноса, что-то тутъ же отгибалось конторщикомъ со словъ его—и вы не успѣли оглянуться, какъ „операція“ совершилась, и на мѣсто перваго сталъ уже второй вкладчикъ. Въ теченіе вечера, т.-е. отъ 5 до 8 ч., было такимъ образомъ совершено до 900 операцій.

Это было одно изъ самыхъ интересныхъ зрѣлищъ, какія намъ только приходилось наблюдать въ социальной жизни Англіи. Вы могли тутъ видѣть во-дѣло, какъ маленькіе ручьи народныхъ сбереженій впадаютъ въ глубокое море народнаго богатства. Эти сотни и тысячи маленькихъ пенсовыхъ вкладчиковъ могли служить хорошимъ мѣриломъ благосостоянія рабочаго населенія Кеттеринга. Правда, въ пенсовую сберегательную кассу попадаютъ лишь маленькія капли, но это—капли изъ переливающейся уже черезъ край чаши. Уже одинъ видъ этихъ многихъ сотенъ дѣтей, продефилировавшихъ мимо насъ у стола „банка“, прекрасно одѣтыхъ, краснощекихъ, веселыхъ, былъ хорошей живою иллюстраціей къ ихъ банковскимъ книжкамъ. Достаточно было взглянуть на ихъ здоровыя, умныя и воодушевленные, прекрасныя лица, чтобы тутъ же вспомнить перваго творца кооперацій, Роберта Оуэна, столь глубоко вѣрившаго, что „среда мѣняетъ людей“. Дѣйствительно, передо мною стояли не только

„другіе люди“, но и совершенно другая раса, ничего общаго не имѣвшая съ тою, съ которою намъ приходилось встрѣчаться прежде, хотя бы даже на нѣкоторыхъ улицахъ Лондона. Было сразу же ясно, что эти дѣти не знаютъ голода и нужды, что они растутъ въ хорошей, человѣчной и культурной обстановкѣ, что у ихъ колыбелей стояли попеченіе, любовь и разумная заботливость, и ихъ дѣтскія души не осквернялись картинами пьянства и разврата, насилія и грубости.

Главнымъ сезономъ процвѣтанія Кеттеринга, и слѣдовательно его кооперативной сберегательной кассы, считаются первые шесть мѣсяцевъ въ году, особенно первая четверть года. Отъ января до іюня Кеттерингъ не знаетъ отдыха, и на всѣхъ фабрикахъ работаютъ лишнее время. Но зато въ первую недѣлю іюля мѣсяца Кеттерингъ устраиваетъ себѣ праздникъ, работы вездѣ прекращаются, и населеніе расходится кто куда,—на морской берегъ, по деревнямъ и въ другія мѣста. Въ это-то время сберегательная касса значительно пустѣетъ и едва успѣваетъ удовлетворять всѣ требованія о возвратѣ вкладовъ. Затѣмъ наступаетъ затишье. Вклады поступаютъ вяло и такъ же вяло вынимаются, и лишь съ наступленіемъ сентября дѣятельность ея оживаетъ, и наплывъ пенсовъ и шиллинговъ начинаетъ быстро расти.

VI.

Успѣхъ „промышленнаго“ общества настолько упроченъ и капиталы его настолько растутъ, что главной заботой его комитета сталъ теперь вопросъ: что дѣлать съ деньгами? Это вопросъ въ высшей степени серьезный и чрезвычайно характерный для всякаго истиннаго кооперативнаго предпріятія, по самому существу своему отличающагося отъ капиталистическаго. Какъ потребительная кооперація, „промышленное общество“ совершенно противоположно акціонерной компаніи или единичному предпринимателю. Въ то время какъ число акцій акціонерной компаніи ограничено, а обороты ея могутъ быть безконечны, въ кооперации, наоборотъ, число паевъ безгранично, а обороты ограничены. Въ первомъ случаѣ, выраженіе: „новый акціонеръ“, ничуть не говоритъ о новыхъ акціяхъ, которыя могли перейти къ нему посредствомъ купли-продажи и разными другими путями. Во второмъ же случаѣ, новый участникъ—значитъ, новые пай, по которымъ придется выплачивать новые проценты. Всякій новый членъ кооперации представляетъ собою новые взносы, новую прибавку къ

капиталу ея и, слѣдовательно, новыя обязательства по отношенію къ уплатѣ процентовъ на него, уже не говоря о томъ, что и число паевъ старыхъ участниковъ растетъ, такъ какъ накапливающіеся проценты и дивиденды обращаются многими въ лишніе пай до достиженія предѣльной нормы ихъ. Съ другой стороны, всякая рабочая кооперация можетъ расширять свои обороты лишь до опредѣленныхъ, иногда очень малыхъ размѣровъ. Предметы ея торговли могутъ быть лишь самые нужные, предметы первой необходимости, а не роскоши. Ея покупатель, это—почти исключительно рабочій, и поэтому въ кооперативной лавкѣ вы найдете лишь наиболѣе употребительные предметы домашняго обихода, съѣстные припасы, и при томъ не изъ деликатесовъ, а нѣчто дешевое, простое, здоровое и питательное, какъ мука, хлѣбъ, крупа, масло, сыръ, яйца, мясо и т. под.; затѣмъ, держать и платье, и обувь. Но ни одна рабочая кооперация не можетъ держать въ своихъ лавкахъ, напр., драгоценные камни, не можетъ открыть заводъ верховыхъ лошадей или складъ элегантныхъ экипажей, выписывать лучшіе сорта брюссельскихъ кружевъ или открыть галерею для продажи картинъ старинныхъ итальянскихъ мастеровъ. Для такого товара у нея еще нѣтъ потребителя. Охвативъ поэтому весь тотъ кругъ людей, которые готовы применить къ ней, кооперация, основанная на демократическихъ началахъ, неминуемо обречена, при продолжающемся успѣхѣ, такъ сказать, на ожирѣніе: капиталы ея растутъ, а исхода имъ нѣтъ, между тѣмъ пайщики требуютъ установленнаго процента. Такъ оно и случилось въ Кеттерингѣ, гдѣ „промышленное общество“ обязалось платить 5% на пайщичій капиталъ. Число паевъ росло, но доходъ кооперации за нимъ угнаться не могъ, и комитету ея по неволѣ пришлось начать изыскивать способы для расширенія операций.

Конечно, первый способъ напрашивался самъ собою: это—пониженіе процента на капиталъ. Комитетъ, съ согласія всѣхъ членовъ кооперации, такъ и сдѣлалъ, и вмѣсто 5% сталъ платить 4%. Но дальше понижать нельзя было, такъ какъ многіе участники потребовали бы тогда обратно свои капиталы, и кооперации пришлось бы ликвидировать дѣла. Было поэтому рѣшено принятися за постройку домовъ для своихъ членовъ. Такимъ образомъ было выстроено въ Кеттерингѣ свыше ста коттеджей, стоившихъ около 260.000 рублей и дающихъ теперь кооперации вполне опредѣленный и вѣрный доходъ. Но въ виду того, что въ кассѣ кооперации все еще продолжали накапливаться лишніе капиталы, комитетъ сталъ выдавать и ссуды членамъ на

постройку домовъ, взимая 4⁰/₀ въ годъ, и въ настоящее время такихъ ссудъ роздано уже приблизительно на сумму въ 120.000 руб. Посѣтитель Кеттеринга можетъ, поэтому, теперь видѣть цѣлыя улицы, принадлежащія или коопераціи, или отдѣльнымъ членамъ ея. Улицы эти застроены рядами двухъ-этажныхъ коттеджей, каждый изъ которыхъ состоитъ изъ шести комнатъ и снабженъ всѣми новѣйшими санитарными приспособленіями, садиками и двориками. Обыкновенно каждая рабочая семья занимаетъ отдѣльный коттеджъ, и, судя по внутреннему убранству комнатъ, обитатели ихъ съ достоинствомъ поддерживаютъ званіе „домовладѣльцевъ“. Когда мы проходили вечеромъ по нѣкоторымъ изъ этихъ улицъ, населенныхъ однѣми рабочими семьями, изъ оконъ многихъ домовъ доносились звуки піанино и пѣнія.

Въ истекшемъ (1898) году „промышленное общество“ почувствовало себя уже настолько богатымъ и солиднымъ, что отважилось даже на новый опытъ, а именно: на полученіе сельскохозяйственныхъ продуктовъ изъ собственной фермы, снятой имъ вблизи города. Эта ферма какъ бы завершаетъ кооперативный циклъ „промышленнаго общества“. Вопросъ о собственной фермѣ былъ поднятъ еще въ 1895 г., когда было сосчитано, что за предшествовавшій годъ, напр., т.-е. за 1894, было отпущено членамъ коопераціи 119.000 фунтовъ масла, 430.000 яицъ, 6.240 бушелей картофеля, и было убито 236 головъ крупнаго скота, 690 овецъ и 520 свиней. Имѣя такой рынокъ, отчего и не попробовать фермерства? Однако, мысль о собственной фермѣ показалась многимъ членамъ рискованной, и лишь въ началѣ текущаго года комитетъ получилъ полномочіе приступить къ осуществленію ея.

Посѣтивъ теперь Кеттерингъ, мы полюбопытствовали осмотрѣть и эту новую кооперативную ферму. Управляющій ея повелъ меня по ея огородамъ, пашнямъ, лугамъ, пастбищамъ, хлѣвамъ и клѣтушкамъ. Мѣсто отличное, земля хорошая, хотя и требуетъ сильной обработки. Всего снято 80 акровъ земли, по два фунта за акръ арендныхъ денегъ, — выходитъ что-то около 55 рублей за десятину, и то, оказывается, считается благодѣяніемъ со стороны лэндлорда. Въ день нашего посѣщенія на фермѣ почти не работали. Всего одинъ рабочій, правя кооперативной лошадыю и кооперативнымъ плугомъ, поднималъ землю для будущаго посѣва кооперативнаго картофеля.

На огородѣ другой рабочій, жуя что-то (дѣло было утромъ, часу въ десятомъ, время завтрака у англійскихъ земледѣльческихъ рабочихъ), лѣниво расхаживалъ у высокой насыпи изъ со-

ломы и земли, подъ которой хранился зимній кормъ для скота. Большое капустное поле рядомъ пріятно выдѣлялось на черномъ фонѣ взрытой земли своими высокими кочанами, на которыхъ торчали огромные свѣтло-голубые листья, оставленные въ кормъ овцамъ. А тамъ дальше, черезъ дорогу, паслось небольшое стадо овецъ, а еще дальше, за живой изгородью, штукъ 10--15 рогатаго скота, очень недоувѣрчиво осматривавшаго новаго, незнакомаго человѣка, — точно чувя въ каждомъ посѣтителѣ мясника. Съ одной стороны дома, въ которомъ жилъ управляющій, стояли высокія скирды соломы и стога сѣна, а съ другой стороны — помѣщался свиной хлѣвъ, птичій насѣсть, стояла и пр. На этой сторонѣ, какъ и слѣдовало ожидать, все было полно навоза и жидкой грязи, особенно при дождѣ, непрестанно моросившемъ тогда во весь день. Управляющій фермою, однако, почелъ своимъ долгомъ пригласить насъ и сюда, а у насъ не хватало мужества отказаться, и такимъ образомъ мы имѣли случай познакомиться и съ пугливыми поросятами, и съ непомѣрно жирнымъ боровомъ, не поднимавшимся отъ собственной тяжести, съ пѣтухами и молоденькими бычками, словомъ, со всѣмъ будущимъ товаромъ кооперативныхъ лавокъ, съ которыми, однако, управляющій очень нѣжно заговорилъ, словно мать, показывающая своего любимца гостю. Дворъ огласился такимъ же еудахтаньемъ, визгомъ и хрюканьемъ, какими оглашаются всякій скотный и птичій дворы, кооперативные или не-кооперативные, когда на нихъ начинаются „нѣжные“ разговоры.

Вообще, эта кооперативная ферма производила такое же впечатлѣніе, какъ и всякое другое хорошо устроенное хозяйство, и несомнѣнно показала, что границы кооперативнаго движенія можно раздвинуть очень далеко, и сфера его такъ же необъятна, какъ и земля, до маленькаго клочка которой оно теперь добралось. Но это, конечно, еще не значитъ, что сельскохозяйственное предпріятіе кеттерингскаго „промышленнаго общества“ окажется непременно успѣшнымъ. Много тутъ зависитъ отъ мѣстныхъ условій и разныхъ другихъ обстоятельствъ, въ объясненіе которыхъ здѣсь не мѣсто входить. Уже одна рента наврядъ ли можетъ дозволить веденіе хозяйства въ такихъ сравнительно небольшихъ размѣрахъ. Если, однако, этотъ опытъ съ фермой окажется успѣшнымъ, то его вліяніе на дальнѣйшее развитіе кооперативнаго движенія въ Англіи будетъ непомѣрнымъ. Собственно говоря, кооперативныхъ земледѣльческихъ хозяйствъ въ Англіи до сихъ поръ почти и не было вовсе, если не считать вульвичской фермы да ирландскихъ мелочныхъ кооперацій, которыя,

по существу, ничего общаго не имѣютъ съ только-что описаннымъ земледѣльческимъ предпріятіемъ. Нѣкоторые другія земледѣльческія коопераци въ Англіи принадлежатъ къ типу производительныхъ, или скорѣе къ смѣшанному типу производительно-потребительныхъ, въ родѣ, напримѣръ, коопераци англійскихъ „толстовцевъ“ въ Эссексѣ; но эти коопераци не имѣютъ рѣшительно не только никакой будущности, но и никакого настоящаго. Это какіе-то фантомы, всплывающіе на экранѣ общественной жизни, безплотные и мимолетные призраки, не имѣющіе связи ни съ обществомъ, среди котораго живутъ, ни съ эпохой, въ которую живутъ. Имѣя же въ виду однѣ серьезныя экономическія попытки, вызванныя обстоятельствами времени и мѣста и могущія претендовать на продолжительное существованіе, приходится признать затѣю кеттерингскаго „промышленнаго общества“ одною изъ самыхъ интересныхъ въ исторіи англійскаго кооперативнаго движенія.

Рабочіе и служащіе на фермѣ получаютъ такое же вознагражденіе и работаютъ вообще на такихъ же условіяхъ, какъ и въ частныхъ хозяйствахъ, но они, конечно, всегда могутъ стать „хозяевами“ дѣла такъ же, какъ и другіе члены „промышленнаго общества“, внесши шиллингъ и пріобрѣвъ два пая, за которые, какъ мы уже сказали, можно выплачивать по три пенса въ недѣлю, и въ счетъ которыхъ зачисляются и дивиденды.

VII.

Выше мы постарались дать описаніе матеріальнаго роста кеттерингской потребительной коопераци. Но, помимо этого, оно замѣчательно и своимъ огромнымъ нравственнымъ вліяніемъ на окружающее населеніе. Своимъ примѣромъ, своими успѣхами оно указываетъ „путь ко спасенію“, указываетъ на ту скалу, на которую, по мнѣнію кооперантовъ, слѣдуетъ спастись рабочимъ отъ бущущей кругомъ конкуренціи. Затѣмъ, своими общими собраніями и комитетскими засѣданіями оно воспитываетъ цѣлый классъ людей, научая ихъ самостоятельности, предпріимчивости и способности организоваться. Рабочіе научаются не только работать, но и управлять (искусство очень сложное!), не только исполнять приказанія, но и умѣть толково приказывать. Они сами знакомятся съ рынкомъ, съ цѣнами, съ условіями различныхъ производствъ.

Болѣе же непосредственнымъ способомъ коопераци вліяетъ

своими лекціями и митингами, праздниками и классами. Такъ, напр., этой осенью членъ парламента Маддисонъ (самъ изъ рабочаго класса) прочелъ курсъ объ „организаціи труда“, а классы состоятъ въ этотъ учебный сезонъ изъ курса бухгалтеріи, исторіи кооперативнаго движенія и принциповъ его.

Неудивительно поэтому, что въ Кеттерингѣ кооперативная идея пустила глубокіе корни, и здѣсь, лучше чѣмъ гдѣ бы то ни было, принялись производительныя коопераціи въ ихъ новой формѣ. Тѣмъ болѣе что потребительная кооперативность по самому ходу вещей, ища истоковъ для своихъ растущихъ капиталовъ, сама собою наталкивается на разныя формы производительной промышленности, въ которую она и старается помѣщать свои излишки. Стремленіе капитала къ непрерывному самовозрожденію, подмѣченное К. Марксомъ въ капиталистической промышленности, столь же замѣтно и въ кооперативной формѣ ея. Разница между капитализмомъ и кооперативной промышленностью въ отношеніи роста капитала—лишь та, что первый идетъ отъ производства къ потребленію, а вторая наоборотъ: начинается потребленіемъ и кончается производствомъ. Какой-нибудь, напр., фабрикантъ ситцевъ раньше производитъ, а потомъ ищетъ рынка, въ то время какъ кооперативная фабрика сначала запасается рынкомъ, а потомъ производитъ. Мы уже видѣли на примѣрѣ „промышленнаго общества“, какъ, начавъ съ лавокъ и создавъ рынокъ на столько-то бушелей картофеля, столько-то штукъ яицъ и пр., оно перешло затѣмъ къ фермерской предпріимчивости. То же самое было и съ другими производительными коопераціями Кеттеринга, выросшими на почвѣ, удобренной и расчищенной потребительной кооперативностью.

Первая производительная кооперація въ Кеттерингѣ, какъ и слѣдовало ожидать, появилась въ основномъ мѣстномъ промыслѣ, въ сапожномъ. Кооперація была основана въ 1888 г. и въ слѣдующемъ, 1889 г., она открыла свои дѣйствія. Надпись кругомъ печати этой сапожной коопераціи гласитъ: „Justice to all“ (справедливость по отношенію ко всѣмъ). И дѣйствительно, кооперація старается удовлетворить всѣ заинтересованныя въ ней стороны: и рабочихъ, и капиталистовъ, и заказчиковъ. Участникомъ ея можетъ быть всякій, хотя бы и не рабочий, и доходъ отъ предпріятія, за вычетомъ процентовъ на капиталъ, распределяется между этими тремя сторонами, при чемъ на долю рабочихъ отпускается 40%, раздѣляющихся между ними пропорціонально суммѣ заработковъ каждаго изъ нихъ за данный отчетный періодъ времени. Заказчики получаютъ также 40% пропорціо-

нально суммѣ покупокъ каждаго, а пайщики— $2\frac{1}{3}\%$; остальные идутъ въ пользу комитета (правленія) и образовательныхъ цѣлей, а также и въ резервный фондъ.

Такъ, напр., за первое полугодіе (январь—іюнь 1898 г.) изъ чистаго дохода въ 1.289 фунт. стерл. рабочіе получили по 1 шиллингу и 9 пенсовъ на каждый фунтъ, заработанный ими въ этотъ промежутокъ времени, а заказчики—по семи пенсовъ. Членамъ комитета досталось 35 фунтовъ, капиталу въ пользу образованія—32 фунт. съ чѣмъ-то, въ резервный капиталъ отчислено 106 фунт. и т. д.

Членомъ коопераціи считается тотъ, кто владѣетъ пятью паями. Пай стоитъ одинъ фунтъ, но деньги уплачиваются не сразу, а маленькими частями. Первые два фунта погашаются въ теченіе года, а остальные три—въ теченіе послѣдующихъ трехъ лѣтъ. Такимъ образомъ, участіе въ коопераціи доступно рѣшительно всякому. Больше чѣмъ 25 паями владѣть нельзя, такъ что кооперація совершенно гарантирована отъ завладѣнія ею какимъ-нибудь крупнымъ капиталистомъ.

Во главѣ коопераціи стоитъ комитетъ изъ президента, секретаря и казначея, избираемыхъ разъ въ году, и 12 членовъ, шесть изъ которыхъ избираются каждые шесть мѣсяцевъ.

Такимъ образомъ, главные черты этой формы производительной коопераціи состоятъ въ томъ, что, во-первыхъ, рабочіе, участвуя въ доходахъ, не присваиваютъ ихъ всецѣло; во-вторыхъ, участвуя въ администраціи, рабочіе все-таки не являются единственными хозяевами, и, въ-третьихъ, кооперація учреждается самими рабочими, а не ихъ хозяевами или людьми совершенно посторонними.

Когда сапожная кооперація открыла свои дѣйствія, она имѣла всего 400 фунтовъ капитала и 140 членовъ. Съ тѣхъ поръ она годъ изъ году растетъ и улучшается, размѣры ея оборотовъ все болѣе и болѣе расширяются и положеніе ея на кооперативномъ рынкѣ окончательно упрочилось. Теперь у нея уже 10.886 фунтовъ капитала, 715 членовъ и выдѣлка товаровъ въ годъ достигаетъ около 350.000 рублей. Начавъ работать въ наемномъ и небольшомъ помѣщеніи, она, спустя нѣсколько лѣтъ, перешла въ собственное зданіе, составляющее теперь одну изъ самыхъ большихъ и красивыхъ фабрикъ въ городѣ и извѣстное подъ именемъ „Havelock Works“. Пай этой коопераціи могутъ свободно переходить изъ рукъ въ руки, и въ числѣ ея пайщиковъ числятся многія кооперативныя общества, между прочимъ и веттерингское „промышленное общество“, ко-

торое, встати сказать, помѣстило уже около 2.500 рублей въ разныя производительныя коопераціи и около 20.000 руб. (2.000 фунт.)—въ оптовое потребительное общество.

Изъ 715 членовъ сапожной коопераціи около 400 живутъ въ Кеттерингѣ, и изъ нихъ свыше 200 работаютъ на фабрикѣ. Члены комитета состоятъ почти изъ однихъ сапожниковъ, и самъ управляющій, Франкъ Баллардъ—бывшій сапожникъ. Онъ стоитъ во главѣ дѣла съ самаго основанія коопераціи, избираемый ежегодно вновь членами ея. Мы его нашли на фабрикѣ, одѣтаго, поверхъ жилета, въ какой-то длинный бѣлый балахонъ, не то изъ парусины, не то изъ резины. Онъ очень любезно сейчасъ же вступилъ со мною въ длинный разговоръ, несмотря на то, что, очевидно, былъ очень занятъ. Слѣдуетъ сказать, что эта любезность составляетъ характерную черту всѣхъ руководителей англійскихъ кооперацій. Они всѣ очень охотно и съ большой любезностью готовы дать всевозможныя свѣдѣнія, касающіяся ихъ предприятий, что составляетъ, какъ извѣстно, рѣзкую противоположность съ обычаемъ, принятымъ въ капиталистической промышленности, въ которой „торговая тайна“ составляетъ какой-то религіозный догматъ.

— Мы вовсе не хотимъ изгнать капиталиста, мы стремимся лишь поднять рабочаго,—сказалъ онъ мнѣ.—Въ нашей коопераціи участвуютъ и капиталисты. Рабочій получаетъ у насъ плату по трэдъ-юніонской таксѣ, работая всего 48 часовъ въ недѣлю. На другихъ сапожныхъ фабрикахъ онъ работаетъ 53 часа. Затѣмъ, какъ вы знаете, онъ получаетъ, какъ рабочій, часть чистаго дохода; другую часть онъ получаетъ какъ капиталистъ, какъ владѣлецъ пая.

— Но развѣ каждый рабочій на фабрикѣ владѣтъ паемъ?—спросили мы.

— Не каждый рабочій владѣтъ, но каждый рабочій обязанъ владѣтъ, и пока у него нѣтъ установленнаго для члена размѣра пая, т.-е. пяти, онъ, поверхъ рабочей платы, ничего на руки получить не можетъ, а причитающіеся проценты и дивиденды зачисляются въ счетъ долга,—отвѣтилъ онъ.

Объяснивъ мнѣ финансовую часть коопераціи, Баллардъ повелъ меня по фабрикѣ, чтобы показать и ея техническую сторону. Это былъ мой первый визитъ на сапожную фабрику. До сихъ поръ сапожное производство всегда представлялось мнѣ въ видѣ испачканнаго ваксой тѣлѣдушнаго человѣка, который, сидя на низкомъ табуретѣ, что-то вколачиваетъ въ сапогъ, опрокинутый подошвами вверхъ. Молотокъ, дратва, шило — и полу-

штофъ, вотъ единственные инструменты, связанные въ моемъ умѣ съ этимъ тщедушнымъ человѣкомъ. И вдругъ моимъ глазамъ открылся совершенно новый міръ: какія-то огромныя, ярко освѣщенныя, высокія залы, съ длинными столами, вдоль которыхъ сидятъ молодыя дѣвушки, или работаютъ, стоя, взрослые, мускулистые мужчины; воздухъ наполненъ стрекотаньемъ швейныхъ машинъ, стукотней какихъ-то автоматическихъ молотовъ, лязгомъ гигантскихъ ножицъ. Это было царство машинъ, то таинственное и сказочное царство, въ которомъ зарождается новый міръ и воскресаютъ чудеса древняго міра. Правда, здѣсь не дѣлаютъ сапоговъ-сорокоходовъ, въ которые стѣбитъ только всунуть ногу, чтобы понестись семиверстными шагами; не шьютъ башмачковъ Сандрильоны, которые годились бы лишь для одной единственной пары ногъ на свѣтѣ; не готовятъ также и сапоговъ для того кота, который, если вѣрить сказкѣ, выручилъ Иванушку-дурачка, но зато здѣсь шьютъ простую, „реальную“ пару сапогъ дѣйствительно сказочнымъ образомъ. Машина рѣжетъ кожу и выкраиваетъ разные куски подошвы, верхи, задки, передки, и пр., и пр.; машина пришиваетъ подъемы, оторачиваетъ подметки, скрѣпляетъ каблуки, натягиваетъ на колодеу и выдѣлываетъ разныя другія операціи, которыя наши глаза могли отлично видѣть, но которыя нашъ языкъ профана, за незнаніемъ всѣхъ терминовъ, не умѣетъ называть. Нѣкоторыя изъ машинъ работали съ поразительной быстротой, точностью и даже какимъ-то ухарствомъ, словно желая сказать, что имъ все нипочемъ. Одна, напр., изъ нихъ прикрѣпляла подметки къ сапогу. Вы берете сапогъ, имѣющій лишь внутреннюю подошву, надѣваете его на торчащую при машинѣ колодеу, кладете сверху подметку и спускаете рычагъ. Моментально машина начинаетъ работать, сапогъ автоматически оборачивается кругомъ и вдоль края подметокъ автоматически же вгоняются желѣзные винтики. Вся операція продолжается секундъ двадцать, и въ теченіи пяти минутъ, которыя мы простояли у этой искусницы, были такимъ образомъ прибиты восемь паръ подметокъ. Другая машина прибиваетъ каблуки, которые, въ свою очередь, приготовляются третьей машиной.

Всего машинъ для разнородныхъ операцій я насчиталъ 14, но нѣкоторыя изъ нихъ, особенно швейныя и рѣзальныя, имѣются на фабрикѣ многими десятками. Мужчины рѣжутъ, вколачиваютъ гвозди, перетаскиваютъ съ мѣста на мѣсто и вообще совершаютъ всѣ тѣ работы, которыя требуютъ больше мускульной силы и большаго навыка; женщины же шьютъ, наклеиваютъ би-

летики на коробки и пр. Среди женщин—замужних на фабриках нѣтъ. Въ уставѣ кооперации, правда, никакихъ ограниченій насчетъ работы женщинъ нѣтъ, но комитетъ самъ поставилъ себя за обыкновеніе не пользоваться трудомъ замужнихъ. „Ихъ мѣсто дома, а не на фабрикахъ, — сказалъ мнѣ Баллардъ; при этомъ онъ добавилъ: — мы достаточно хорошо платимъ, чтобы мужья могли содержать женъ“.

Обыкновенный заработокъ мужчины, считая одну рабочую плату и нормальный рабочій день въ 8 часовъ, отъ 27 до 35 шиллинговъ (приблизительно отъ 13½ до 17½ руб.) въ недѣлю, а женщины — отъ 6 до 7½ руб. На самомъ дѣлѣ, однако, въ теченіе зимы заработокъ значительно большій, такъ какъ фабрика работаетъ тогда въ сверхъ-урочное время.

Окончивъ осмотръ фабрики, я наконецъ былъ въ состояніи охватить однимъ взглядомъ всѣ метаморфозы, совершаемыя матеріаломъ, пока онъ изъ куска кожи не обратился въ сапогъ. Я могъ, наконецъ, прослѣдить его на всѣхъ путяхъ его передвиженія на фабрикахъ и видѣть, какъ, разсѣиваясь въ началѣ по разнымъ рукамъ мелкими кусками, онъ начинаетъ затѣмъ мало-по-малу собираться опять вмѣстѣ и, наконецъ, выходитъ изъ этого моря машинной работы и ручного труда въ видѣ вполне отдѣланнаго, лоснящагося своей глянцевиной поверхностью сапога съ широкимъ или узкимъ носкомъ. Послѣ этого сама фабрика, съ ея машинами и людьми, представилась мнѣ уже не въ видѣ какого-то безсвязнаго и спутаннаго конгломерата, а въ видѣ *одной* огромной машины, управляемой *однимъ* человекомъ. Вся фабрика, всѣ ея рабочіе и работницы, машины и инструменты дѣйствовали каждый на своемъ мѣстѣ, въ свое время, подъ командой одного человека. Но что замѣчательнѣе тутъ всего и чего на капиталистической фабрикахъ не увидите, — это то, что человекъ этотъ, стоящій во главѣ и котораго всѣ слушаются—самъ слуга рабочихъ, ихъ служащій, ими же избранный и отъ нихъ зависящій. Проходя по помѣщеніямъ фабрики, мы между прочимъ замѣтили на одной изъ дверей два объявленія, вывѣшенныя рядомъ. Одно изъ нихъ сообщало о результатѣ выборовъ въ члены комитета кооперации, въ члены комиссіи по дѣламъ *образованія* и въ управляющіе, въ которые, какъ отсюда видно было, Баллардъ былъ единогласно опять избранъ; а второе объявленіе содержало въ себѣ какія-то „строжайшія правила“ насчетъ своевременнаго начатія и оканчиванія работъ, подписанныя тѣмъ же Баллардомъ, какъ управляющимъ. Такимъ образомъ, на этой фабрикахъ, въ этомъ промышленномъ предпріятіи

мы увидѣли ту же демократію, тотъ же „образъ правленія“, то же устройство, какое мы знаемъ въ политической жизни самой Англіи.

VIII.

Всѣ работы на такой „фабрикѣ“ исполняются исключительно для потребительныхъ коопераций, которыя всегда предпочитаютъ заказывать свои товары кооперативнымъ предпріятіямъ, а не капиталистическимъ. При этомъ, и въ кооперативной промышленности заказчикъ и фабрика приходятъ въ соприкосновеніе другъ съ другомъ, какъ и въ капиталистической, т.-е. черезъ коммивояжеровъ. Сапожная кооперация, напр., имѣетъ нѣсколько человекъ, на обязанности которыхъ лежатъ разъѣзды по Англіи и посѣщеніе разныхъ кооперативныхъ лавокъ для полученія заказовъ. Но и тутъ, и въ этомъ кооперативномъ мірѣ, дѣло безъ конкуренціи не обходится. Во-первыхъ, кооперативныя лавки, хотя и предпочитаютъ имѣть дѣло съ производительными кооперациями, — все-таки ищутъ, гдѣ подешевле и лучше, и ради одного лишь принципа на большія жертвы не пойдутъ, тѣмъ болѣе, что по аксіомѣ, принятой вообще среди англійскихъ кооператоровъ, кооперация, которая производитъ плохо и слишкомъ дорого, поддержки не заслуживаетъ. Во-вторыхъ, сами производительныя кооперации конкурируютъ между собою, особенно въ сапожномъ дѣлѣ, въ которомъ имѣется очень много коопераций. Наиболѣе сильнымъ конкурентомъ среди нихъ выступаетъ оптовое общество (Wholesale Society), имѣющее въ Лейчестерѣ (Leicester) собственную сапожную фабрику, одну изъ самыхъ большихъ въ Англіи. Изъ этой гигантской фабрики, извѣстной подъ именемъ „Wheat Sheaf Works“, выпущено, напр., за предпрошлый (1897) годъ свыше 1.600.000 паръ обуви, на сумму приблизительно въ три съ половиною милліона рублей. Даже въ самомъ Кеттерингѣ имѣется еще одна сапожная кооперация, основанная въ 1896 г. послѣ большой стачки сапожниковъ на фабрикахъ средней Англіи. По своему уставу эта кооперация мало чѣмъ отличается отъ описанной выше. Она также принадлежитъ къ типу „Co-Partnership Co-operation“, т.-е. пайщиками въ ней могутъ быть и рабочіе, и постороннія лица, а въ чистомъ доходѣ участвуютъ и заказчики. Но главная ея отличительная черта—это та, что участники изъ рабочихъ должны обязательно принадлежать къ членамъ мѣстнаго сапожнаго трэдъ-юніона, а въ техническомъ отношеніи она представляетъ собою не фабричную кооперацию въ совре-

менномъ смыслѣ слова, а скорѣе союзъ сапожниковъ, и каждый изъ нихъ работаетъ или можетъ работать у себя на дому. Это правильнѣе сказать — русская артель на англійской подкладкѣ. Пока это еще очень небольшая кооперация; она всего считаетъ, кажется, 27 или 30 членовъ; помещеніе занимаетъ также очень небольшое, и при моемъ посѣщеніи я нашелъ въ немъ лишь нѣсколько человѣкъ, добросовѣстно точавшихъ сапоги на колѣняхъ по давно знакомому намъ способу. Но, очевидно, и этой кооперации предстоитъ хорошая будущность, судя по отчетамъ за первыя четыре полугодія; такъ, за первые шесть мѣсяцевъ своего существованія, она продала всего товара на 2.072 фунт. стерл., а въ послѣдніе, т.-е. отъ 1-го января по 1-ое іюня с. г., на 2.833 ф.

Замѣчательно, что объ этой маленькой кооперации мнѣ ничего не говорили, когда я знакомился съ сапожной фабрикой „Havelock Works“. Рассказывая мнѣ о разныхъ сапожныхъ кооперацияхъ въ Лейчестерѣ, Бристолѣ, Норвичѣ, Дѣсборо и другихъ мѣстахъ, о формѣ республиканско-бюрократической промышленности, представленной въ фабрикѣ „Wheat Sheaf Works“ оптоваго общества, республиканско-демократической — въ фабрикѣ „Equity“, тамъ же, въ Лейчестерѣ, или кеттерингской, — Баллардъ ни словомъ не упомянулъ о сапожной кооперации трэдъ-юніонистовъ. О ней узналъ я лишь послѣ, со словъ одного мѣстнаго фабриканта, о которомъ я еще скажу кое-что ниже.

Эта конкуренція между самими кооперативными обществами многими изъ кооперантовъ (не всѣми ими) признается крайне опаснымъ явленіемъ, и, напр., въ отчетѣ комитета средне-англійскаго кооперативнаго округа, къ которому принадлежитъ и Кеттерингъ, на конгрессѣ кооперантовъ 1898 г., мы находимъ слѣдующія строки: „Съ большимъ удовольствіемъ отмѣчая всѣ шаги, сдѣланные въ кооперативной производительности, какъ имѣющіе возвышающій характеръ для заинтересованныхъ рабочихъ, мы въ то же время вынуждены сказать, что растущая конкуренція между иными изъ сапожныхъ обществъ, производящихъ одинъ и тотъ же сортъ товара, полна зловѣщаго значенія для будущности этого рода кооперативной производительности въ границахъ округа“.

И нужно полагать, что современемъ производительныя кооперации выработаютъ такую форму федеративности, при которой конкуренція окажется ненужной или невозможной.

Описанная нами сапожная фабрика, въ свою очередь, явилась новымъ факторомъ въ распространеніи идеи кооператив-

наго движенія. Присоединившись въ пропагаторской дѣятельности „промышленнаго общества“, она также стала устроить классы, лекціи, увеселительные вечера и пр. И мы, напр., изъ отчета ея за первое полугодіе 1898 г. узнаемъ, что, благодаря ея содѣйствію, были даны въ городѣ лекціи о „законахъ, касающихся общественнаго здравія“, и о „коопераци и землѣ“. Мы также узнаемъ, что былъ открытъ классъ для изученія организациі разныхъ типовъ рабочихъ экономическихъ коопераций, и семь человекъ, державшихъ экзаменъ изъ этого предмета, удостоились свидѣтельствъ, выдаваемыхъ „кооперативнымъ союзомъ“.

Нужно было, чтобы прошло 22 года со дня основанія въ Кеттерингѣ потребительнаго общества, первой мѣстной коопераци, пока не появилась вторая коопераци—общество сапожной фабрики. Но зато появленіе третьей коопераци уже не заставило себя такъ долго ждать: не прошло еще пяти лѣтъ, какъ тамъ появилось новое кооперативное предпріятіе, на этотъ разъ въ дѣлѣ портняжномъ.

Однако, раньше, чѣмъ перейти къ описанію его и другихъ кеттерингскихъ производительныхъ коопераций, считаю необходимымъ привести здѣсь выдержку изъ „Ежегодника“ за 1897 г., издаваемого „федерацией производительныхъ коопераций“. Авторъ, давъ отчетъ за 1896 годъ, продолжаетъ:

„Естественно является вопросъ, чѣмъ кончится это движеніе (описаннаго типа)? Дастъ ли оно полное рѣшеніе социальнаго вопроса? Наврядъ ли многіе изъ его защитниковъ считаютъ, что оно дастъ, но безъ сомнѣнія,—не можетъ быть полнаго рѣшенія безъ него. Есть огромное поле дѣятельности, которая можетъ принадлежать лишь одному государству; есть и дѣятельность, доступная лишь мѣстнымъ учрежденіямъ; но зато весь обычный кругъ обрабатывающей промышленности, повидимому, находится внѣ государственной или муниципальной дѣятельности. Мы считаемъ, что добровольныя кооперативныя общества, въ которыхъ рабочіе являются заинтересованными участниками, наилучше отвѣчаютъ характеру промышленной дѣятельности. Мы, поэтому, надѣемся, что такого рода общества будутъ все болѣе и болѣе увеличиваться, и что современемъ они сольются въ одну федерацию, такъ чтобы конкуренція между ними, въ дурномъ значеніи ея, исчезла и водворились бы общія дѣйствія для общихъ цѣлей. Такимъ образомъ, создается организациі промышленности, при которой общее, централизованное дѣйствіе въ интересахъ всѣхъ будетъ связано съ мѣстнымъ самоуправ-

леніемъ каждаго общества отдѣльно и отвѣтственностью каждаго личності отдѣльно“.

Таковъ идеалъ! Теперь будемъ продолжать описаніе кооперацій.

IX.

Исторія основанія третьей коопераціи въ Кеттерингѣ очень характерна. Она началась съ того, что „промышленное общество“ вздумало завести у себя и продажу мужского платья, которое оно стало заказывать на одной изъ большихъ мѣстныхъ фабрикъ. Другіе владѣльцы магазиновъ платья, боясь потерять покупателей изъ среды участниковъ коопераціи, заявили фабриканту, что если онъ будетъ снабжать ее своими товарами, то они впредь не станутъ брать у него. Послѣ этого фабриканту ничего другого не осталось, какъ подчиниться волѣ своихъ старыхъ заказчиковъ и отклонять заказы коопераціи. Но случилось такъ, что среди служащихъ и мастеровъ фабрики было и много членовъ „бойкотированной“ потребительной коопераціи. Отказъ фабриканта снабжать ее товарами привелъ ихъ въ негодованіе, и они заявили своимъ товарищамъ-кооперантамъ, что если тѣ дадутъ имъ возможность, то они оставятъ капиталистическую фабрику и откроютъ собственную, кооперативную. Мысль эта была одобрена многими, былъ созванъ митингъ, и тутъ же рѣшено основать новое кооперативное общество для изготвленія мужского платья, при чемъ уставъ, съ небольшими измѣненіями, былъ заимствованъ у сапожной кооперативной фабрики.

Работы этой новой коопераціи открылись въ 1893 г. при 30 пайщикахъ и 12 рабочихъ. Въ настоящее время кооперативное общество фабрикаціи платья владѣетъ прекрасной четырехъ-этажной фабрикой, второй по величинѣ въ городѣ, построенной въ 1895 г. и названной „Excelsior Works“. Надъ ея главнымъ входомъ красуется эмблема, представленная въ видѣ человѣка, протягивающаго руку для поднятія другого. Общество считаетъ уже 680 пайщиковъ, изъ которыхъ 130 составляютъ разныя кооперативныя общества, и 550—отдѣльные лица. Сумма оплаченныхъ паевъ составляетъ около 65.000 руб., а сумма ссуднаго капитала, заимствованнаго почти исключительно у разныхъ кооперацій для расширенія дѣла, достигаетъ 38 тыс. руб. За первые шесть мѣсяцевъ текущаго 1898 г. оно исполнило заказовъ на 160.600 руб., отложило въ резервный капиталъ

около 5.400 руб. и распредѣлило чистой прибыли, за отчисленіемъ процентовъ, около 9.800 рублей.

Успѣхъ, какъ видите, выдающійся, и по словамъ управляющаго фабрики, служившаго раньше также у вышеупомянутаго фабриканта, работа въ кооперациі обезпечена уже на цѣлый годъ впередъ полученными заказами, которые, какъ и на сапожной фабрикѣ, получаютъ исключительно отъ потребительныхъ коопераций.

Осматривая фабрику, я и тутъ поражаюсь количествомъ и разнообразіемъ машинъ. Въ отдѣленіи, напр., закройщиковъ, вы можете видѣть, какъ толстый кусокъ матеріи, сложенный въ 30 или 50 разъ, быстро разрѣзывается по линіямъ, обозначеннымъ мѣломъ, на разные куски, и въ теченіе *двухъ минутъ* при мнѣ было такимъ образомъ скроено до двухъ дюжинъ пиджаковъ. Кусокъ матеріи, поступивъ на фабрику, мѣняетъ 18 паръ рукъ, пока не выйдетъ оттуда въ видѣ готоваго платья.

Сначала матерія попадаетъ въ руки мужчинъ, которые разрисовываютъ ее мѣломъ по трафаретамъ и выкройкамъ, кроятъ и сортируютъ; затѣмъ она переходитъ въ руки женщинъ, занимающихся шитьемъ и метаньемъ петель, и, наконецъ, поступаетъ опять къ мужчинамъ, которые утюжатъ ее и сортируютъ уже какъ готовое платье.

Дѣвушекъ на фабрикѣ очень много, — кажется, около ста, — но какъ мало общаго онѣ имѣютъ съ тою швеей, которую такъ трогательно воспѣлъ Томасъ Гудъ въ его знаменитой „Пѣснѣ о рубашкѣ“! Это были молодыя „барышни“, съ цвѣтущими лицами, отлично одѣтыя и съ интеллигентнымъ, умнымъ взглядомъ. Это уже была та новая раса швей, подростковъ которой мы видѣли раньше. Какое утѣшеніе доставилъ бы видъ этихъ работницъ славному поэту, на памятникѣ котораго на Кенсалгринскомъ владбищѣ въ Лондонѣ значится надпись: „He sang the song of the shirt“ („Онъ пѣлъ пѣсню о рубашкѣ“).

Само собою разумѣется, что и тутъ работаютъ только 48 часовъ въ недѣлю, если не считать сверхъ-урочнаго времени, за которое всегда и на частныхъ фабрикахъ платится въ полтора раза больше. И тутъ рабочіе обязаны быть членами кооперациі и пользуются такими же правами, какъ и въ сапожной кооперациі. Что же касается до женщинъ, то никакихъ ограниченій насчетъ замужнихъ у портныхъ нѣтъ, и въ составѣ хозяйственнаго комитета, т.-е. правленія фабрики, имѣются также и двѣ работницы. Эти женщины-директрисы тутъ же сидятъ за швейными машинами, какъ и всѣ остальные.

Громадное фабричное зданіе портняжной коопераціи было выстроено кооперативнымъ же обществомъ строительныхъ рабочихъ, основаннымъ въ Кеттерингѣ въ 1894 году.

Это общество существуетъ по настоящее время и представляетъ собою третью, по времени, производительную кооперацію въ Кеттерингѣ. Оно также работаетъ почти исключительно для кооперативныхъ обществъ, строя и ремонтируя дома, лавки, фабрики, мастерскія и пр. Во время моего пребыванія въ Кеттерингѣ строительная кооперація была занята возведеніемъ новыхъ зданій для лавокъ и магазиновъ потребительнаго общества и расширеніемъ портняжной фабрики. Общество это содержитъ тридцать рабочихъ, которые всѣ рѣшительно состоятъ и пайщиками его. Всего капитала общество имѣетъ около 34.000 руб., изъ которыхъ тысячъ пять принадлежатъ самимъ рабочимъ, а остальные деньги—разнымъ коопераціямъ и отдѣльнымъ лицамъ.

Послѣднимъ кооперативнымъ предпріятіемъ, основаннымъ въ Кеттерингѣ и при томъ на знакомыхъ уже читателю началахъ, является корсетная фабрика, открытая въ началѣ 1898 года. По уставу, кооперація эта мало чѣмъ отличается отъ другихъ производительныхъ кооперацій Кеттеринга, но рабочее время въ ней считается девять часовъ въ день вмѣсто восьми, что, какъ мнѣ объяснили, необходимо въ виду новизны дѣла и еще недостаточно упроченнаго положенія коопераціи.

Судя по всему, дѣла корсетной коопераціи сразу пошли очень бойко, и теперь комитетъ ея приступаетъ къ расширенію фабрики. Всего на фабрикѣ занято теперь до 80 человекъ, изъ которыхъ почти всѣ—женщины. Обыкновенный заработокъ женщины бываетъ отъ 12 до 18 шиллинговъ (приблизительно 6—9 рублей) въ недѣлю.

Обойдя со мною помѣщеніе фабрики, управляющій, между прочимъ, подвелъ меня къ одному рабочему, утюжившему корсеты. Это былъ одинъ изъ директоровъ фабрики; въ другомъ этажѣ онъ меня представилъ двумъ дѣвушкамъ-работницамъ, тоже членамъ правленія или, какъ они говорятъ, комитета.

И корсетная фабрика богато обставлена машинами, главнымъ образомъ швейными, изъ которыхъ нѣкоторыя глубоко поражаютъ своей удивительно-остроумной конструкціей. Особенно интересна показалась комната, въ которой вышивали разноцвѣтнымъ шолкомъ рисунки на корсетахъ. Дѣлалось это на швейныхъ машинахъ особой конструкціи, при чемъ вмѣсто обычнаго непрерывнаго и громкаго стука раздавались отдѣльные, строго-размѣренные тихіе удары. Слышалось что-то ритмическое, чуть

ли не какія-то мелодіи, которыя, какъ соло на барабанѣ, зави-
сѣли, конечно, отъ тѣмпа ударовъ.

Вечеромъ того же дня, послѣ осмотра корсетной фабрики, я имѣлъ случай побывать и на собраніи пайщиковъ ея, состоявшемся по случаю отчета за третью четверть года. Собрание происходило въ залѣ кооперативныхъ обществъ, о которой я уже говорилъ выше. Зала эта, между прочимъ, замѣчательна тѣмъ, что стѣны ея испещрены разными надписями и сентенціями, отлично характеризующими духъ и направленіе англійскаго кооперативнаго движенія, особенно въ его производительной формѣ. Вотъ нѣкоторыя изъ нихъ: „Justice to industrie“ ¹⁾ (справедливая доля—труду и предпріимчивости); „Рука въ руку“; „Трудись и жди“; „Братство, прилежаніе, единеніе“; „Присоединитесь въ нашему движенію и раздѣлите плоды его“, и т. под.

Отчетъ привлекъ очень немного пайщиковъ. Предсѣдательское мѣсто занялъ уже знакомый намъ изъ сапожной кооперации Ф. Баллардъ, который состоитъ президентомъ кооперации корсетницъ, а рядомъ съ нимъ сѣлъ управляющій корсетной фабрики. Въ залѣ особнячкомъ, словно спугнутое стадо барашекъ, усѣлись небольшой тѣсной группой пайщицы, среди которыхъ я узналъ работницъ фабрики, а кругомъ ихъ было разсѣяно по рядамъ стульевъ съ десятка полтора мужчинъ. Управляющій прочелъ протоколъ прошлаго засѣданія, представилъ финансовый отчетъ, а предсѣдатель разсказалъ о положеніи вопроса по расширенію фабричнаго помѣщенія.

Вопросъ шелъ главнымъ образомъ о томъ, какое предложеніе выгоднѣе принять. Какой-то мѣстный банкъ предлагалъ деньги и землю, но въ то же время представился случай обмѣняться зданіями съ нѣкоторой приплатой. Съ своей же стороны, предсѣдатель рекомендовалъ привлечь какъ можно больше пайщиковъ и вообще стараться обойтись собственными средствами.

Затѣмъ происходили выборы въ члены комитета на мѣсто выбывавшихъ по очереди, и собраніе закончилось предложеніемъ предсѣдателя высказать какія-либо мнѣнія и мысли, если таковыя у кого-либо изъ присутствующихъ имѣются. Въ отвѣтъ на этотъ призывъ поднялся какой-то старикъ и сказалъ нѣсколько словъ, довольно впрочемъ маловажныхъ, о пользѣ кооперативной предпріимчивости и о необходимости поддерживать ее и болѣе

¹⁾ Здѣсь „industrie“ очень трудно поддается переводу черезъ одно слово, такъ какъ оно подразумеваетъ и рабочихъ, и капиталистовъ (предпринимателей), и, конечно, не можетъ означать ни „промышленность“, ни „прилежаніе“, какъ обычно показывается въ словаряхъ.

усиленную ея пропаганду. Вообще же занятія прошли очень вяло и какъ бы оправдывали жалобы, слышанныя мною не разъ отъ руководителей кооперативнаго движенія на то, что благосостояніе кооперантовъ служить одною изъ самыхъ крупныхъ преградъ къ быстрому росту движенія. Кооперантъ-рабочій, убѣдившись, что его кооперация идетъ недурно, что она обеспечиваетъ извѣстный доходъ или работу, вполне успокоивается и предоставляетъ все—и веденіе дѣла, и пропаганду, и дальнѣйшую организацію и инициативу—своему комитету, который онъ избираетъ изъ года въ годъ почти въ одномъ и томъ же составѣ. Словомъ, и тутъ, въ мірѣ промышленныхъ демократій, происходитъ то же, что мы наблюдаемъ и въ мірѣ политическомъ.

X.

Ознакомившись болѣе или менѣе близко съ промышленными „республиками“ Кеттеринга, я рѣшилъ, для сравненія, заглянуть передъ отъѣздомъ и въ одну изъ тамошнихъ промышленныхъ „монархій“, благо у меня было письмо къ одному мѣстному фабриканту. Къ пріятному моему изумленію, фабрикантъ этотъ былъ какъ разъ тотъ, который отказался удовлетворять заказы потребительнаго общества насчетъ мужского платья, и отъ котораго, вслѣдствіе этого, ушли рабочіе и основали собственную фабрику, выше нами описанную. Я полагалъ увидѣть передъ собою „кулака“, человѣка со „шеурными“ интересами и низменными стремленіями, а увидѣлъ, вмѣсто того, одинъ изъ лучшихъ типовъ англійскаго коммерческаго сословія, изъ среды котораго вышли такіе купцы-фабриканты, какъ Робертъ Оуэнъ, Кобдэнъ, Брайтъ, Грѣшемъ и др. Мой новый знакомый оказался полнымъ доброжелательныхъ чувствъ по отношенію къ рабочимъ, человекомъ въ высшей степени культурнымъ, живымъ и отзывчивымъ, членомъ „независимой рабочей партіи“, т.-е. социаль-демократомъ, и въ кооперативное движеніе не вѣрившимъ. „Оно еще не получило своего крещенія“,—сказалъ онъ мнѣ.—По словамъ этого фабриканта, движеніе это еще не знало борьбы, еще слишкомъ мало, чтобы серьезно задѣвать чьи-либо интересы. „Но, вотъ, погодите,—прибавилъ онъ,—пусть оно только начнетъ наступать на ногу капитализму—и послѣдній его раздавитъ, какъ букашку“.

При этомъ онъ мнѣ далъ примѣръ изъ его собственной практики. У него, въ компаніи еще съ двумя, имѣются до шести портняжныхъ фабрикъ; одна въ Кеттерингѣ, а остальные—въ разныхъ

другихъ мѣстахъ средней Англіи. Когда въ Кеттерингѣ открылась кооперативная портняжная фабрика, всѣ потребительныя общества, бывшія раньше его заказчиками, мало-по-малу отошли къ ней. Заказы сократились у него на много тысячъ фунтовъ, и еслибы онъ не приобрѣлъ на ихъ мѣсто новыхъ, то ему бы пришлось открыть войну противъ портняжной кооперации и сбавить цѣны настолько, чтобы окончательно разорить ее. „Правда, — прибавилъ онъ, — наша фирма потеряла бы въ этой войнѣ нѣсколько тысячъ фунтовъ, — но что это значитъ, когда дѣло идетъ о жизни и смерти фирмы!“ Къ счастью, потребление въ извѣстныхъ производствахъ, какъ сапожное, портняжное и другія, вслѣдствіе общаго подъема благосостоянія рабочаго населенія, настолько растетъ въ Англіи, да и экспортъ ея по нѣкоторымъ предметамъ такъ растетъ, что ни производительныя кооперации, ни потребительныя, ничуть не стѣсняють капитализма, которому есть гдѣ развернуть свои богатырскія силы „въ вольную-волюшку“. Въ этомъ, по мнѣнію моего собесѣдника, и слѣдуетъ пока искать причину успѣха нѣкоторыхъ производительныхъ коопераций какъ въ Кеттерингѣ, такъ и въ другихъ мѣстахъ. Мой собесѣдникъ, однако, совершенно забылъ, что, помимо Англіи, капитализмъ можетъ найти для себя безконечный просторъ и за границей, въ Китаѣ, Россіи, въ Азій, Африкѣ и прочихъ еще „непочатыхъ краяхъ“, а слѣдовательно, пока наступитъ эта роковая минута борьбы, могутъ пройти еще вѣка, въ теченіе которыхъ кооперации успѣютъ настолько окрѣпнуть и распространиться, что и никакой капитализмъ имъ не будетъ страшенъ. Во всякомъ случаѣ, и мой скептическій собесѣдникъ все-таки долженъ былъ признаться, что производительныя кооперации, если не могутъ вытѣснить капитализма, обладаютъ, однако, тѣмъ несомнѣннымъ преимуществомъ передъ частной капиталистической предпримчивостью, что онѣ не знаютъ ни стачекъ, ни кризисовъ, и рабочіи въ нихъ обезпечены занятіями. У производительныхъ коопераций есть свой постоянный рынокъ; онѣ работаютъ исключительно для внутренняго потребления, а не для вывоза, работаютъ по заказамъ, а не на спекуляцію, и риска никакого почти не знаютъ, тѣмъ болѣе, что, по принятому правилу, ни производительныя, ни потребительныя кооперации ничего въ кредитъ не отпускаютъ, и всѣ сделки совершаются на наличныя, будь то грошъ или миллионъ.

Фабрика моего знакомаго оказалась огромнымъ зданіемъ, въ которомъ работало вдвое больше людей, чѣмъ въ „Excelsior Works“. И машинъ здѣсь было больше, и онѣ были разнообразнѣе,

хотя чего-либо болѣе новаго и искуснаго, чѣмъ у кооперантовъ, наврядъ ли здѣсь можно было найти.

Проходя по двору этой фабрики, я замѣтилъ подъ длиннымъ, специально выстроеннымъ, навѣсомъ рядъ велосипедовъ, штукъ съ 50 или 60. Это оказалось собственностью дѣвушекъ, работающихъ на фабрикѣ и жившихъ въ сосѣднихъ поселкахъ и деревняхъ при своихъ семьяхъ. „Иная,—сказалъ мнѣ фабрикантъ,—живетъ въ 10—15 верстахъ отсюда, но большинство живетъ ближе или же въ самомъ городѣ.

Въ общемъ, „подданные“ промышленной „монархіи“ какъ будто чувствовали себя не хуже, чѣмъ граждане и гражданки въ промышленныхъ „республикахъ“, и наружный видъ ихъ производилъ то же впечатлѣніе сытости, культурности и самостоятельности, какъ и на кооперативныхъ фабрикахъ. „Главное только,—сказалъ мнѣ фабрикантъ,—чтобы у рабочихъ былъ сильный трэдъ-юніонъ. Тогда они могутъ добиться тѣхъ же условій, что и въ коопераціяхъ, и даже гораздо лучшихъ, какъ это, напр., и есть въ Лейчестерѣ и др. мѣстахъ. Тамъ же, гдѣ такого юніона нѣтъ, тамъ они всецѣло въ рукахъ своего хозяина, и тамъ имъ дѣйствительно приходится плохо“.

— А рабочіе на вашей фабрикѣ состоятъ въ юніонѣ или нѣтъ?—спросили мы съ нѣкоторой наивностью, столь свойственною нашему брату-журналисту, когда онъ начинаетъ „задавать вопросы“.

— Право, не знаю,—отвѣтилъ нашъ собесѣдникъ съ улыбкой:—мы въ это никогда не вмѣшиваемся и не разспрашиваемъ. Это—личное и домашнее дѣло рабочихъ. Вотъ, еслибы мы вздумали сбавить плату или увеличить день, тогда бы я вамъ сейчасъ же могъ сказать, есть ли юніонисты у насъ, или нѣтъ. Надеюсь, однако, что наши рабочіе не хуже другихъ.

Было что-то глубоко-культурное въ этомъ добродушномъ признаніи правъ людей защищать свои интересы, въ этомъ сочувствіи трэдъ-юніонизму и въ этой гордости тѣмъ, что рабочіе на его фабрикѣ себя въ обиду не дадутъ!

И я, на прощанье, протянулъ руку главѣ „промышленной монархіи“ съ тѣмъ же уваженіемъ и такимъ же сочувствіемъ, какъ и „президентамъ промышленныхъ республикъ“.

Кто изъ нихъ правъ, кто побѣдитъ — покажетъ будущее, которое, увы, наступитъ, быть можетъ, лишь тогда, когда ни меня, ни васъ, читатель, давнымъ-давно уже не будетъ на свѣтѣ.

АРГОНАВТЫ

П О В Ъ С Т Ъ .

Съ польскаго.

VII *).

Баронъ Эмиль, бывало, увѣрялъ Ирену:

— Вы обладаете какимъ-то аристократизмомъ души. Вашъ умъ— „новый“ умъ... У васъ много прелестной ироніи...

Эти слова доставляли ей такое же удовольствіе, какое испытываетъ неопытный путешественникъ, когда горный житель похвалитъ его умѣнье карабкаться на головоломныя вершины. Ирена, дѣйствительно, приобрѣла не мало ироніи подъ вліяніемъ нѣкоторыхъ таинственныхъ сторонъ ея жизни. Но впервые дала себѣ ясный отчетъ въ этомъ подъ вліяніемъ и руководствомъ барона. Онъ импонировалъ своеобразностью своихъ понятій и рѣчей, безусловною искренностью своего невѣрія и своего эгоизма. Она уже съ дѣтства ознакомилась съ ложью, поразившей ея умъ и нанесшей ей рану въ самое сердце. Съ тѣхъ поръ все казалось ей лучше и милѣе притворства. Притомъ, по ея мнѣнію, баронъ былъ величайшимъ знаткомъ въ области искусства, и въ этомъ отношеніи она не особенно заблуждалась. Проповѣдуемые имъ взгляды невольно интересовывали ее новизною, а діалектича и смѣлыя его сравненія, подчасъ весьма грубыя и касавшіяся низменныхъ сторонъ жизни, возбуждали ея лю-

*) См. выше: февр., 551 стр.

бопытство. Она стала ему подражать, и въ бесѣдахъ съ нимъ стояла на стражѣ противъ произнесенія чего-либо, заслуживающаго въ его глазахъ названія „наивности“.

— Вы очень отдалены отъ состоянія пастушекъ, съ которыми я здѣсь встрѣчаюсь на каждомъ шагу. Вы—существо сложное, скомпликованное, въ родѣ орхидеи, у которой на одномъ стеблѣ цвѣтокъ въ видѣ мотылька, а на другомъ—двѣ мертвыя головки...

Отрывисто улыбнувшись, она перебила его:

— Мотылекъ—вѣдь это пошлость...

Смѣхъ ея звучалъ рѣзко, потому что холодный блескъ его глазъ устремлялся на нее дерзко и упорно.

— Нѣтъ, ничуть,—стоялъ онъ на своемъ.—Соединеніе мертвой головы съ мотылькомъ создаетъ диссонансъ. Это—скрежетъ, пропускающій новую пилу по душѣ.

— А эллинская гармонія? — встала вопросъ Ирена, снисходительно, но и подобоострастно улыбаясь.

Баронъ тотчасъ принялся развивать свои идеи.

— Не говорите никогда о гармоніи,—началъ онъ.—Это было молочишко, которымъ откармливали младенцевъ. Намъ этого мало, чтобы жить. Вы вѣдь любите дичь въ состояніи разложенія. Не правда ли? Непремѣнно въ состояніи разложенія. *P n'y a que du gibier faisandé, n'est-ce pas? Eh bien, nous mangeons du monde faisandé...* Мы питаемся свѣтомъ уже разлагающимся. *C'est ainsi!* А вы говорите о такихъ заштопанныхъ носкахъ, какъ гармонія! Ха, ха, ха! Но вы иногда—думаете такъ, иногда—иначе. Ваша душа переполнена скрежетами. Въ васъ и идиллія, и сатира. Вы насмѣхаетесь надъ идилліей, но, по временамъ, еще тоскуете по ней. Вѣрно ли я угадываю? Вѣдь правда?

— Правда,—отвѣчала она, опуская глаза.

А она ихъ опустила, потому что была смущена открытіемъ, которое сдѣлалъ въ ней баронъ, и притомъ Ирена почувствовала въ эту минуту на своемъ лицѣ его дыханіе и какое-то странное благовоніе, исходившее отъ него. Взглядъ его искалъ ея взгляда, усиливаясь наполнить ея взоръ своимъ „холоднымъ и въ то же время страстнымъ“ блескомъ. Онъ попытался взять ея руку, но рука уклонилась, и тогда онъ притихшимъ, нѣсколько гнусливымъ голосомъ, медленно заговорилъ:

— Вы—то желаете, то не желаете; вы чувствуете въ себѣ вопль жизни и стараетесь превратить его въ лирическую пѣсенку...

„Вопль жизни“! Надъ этимъ выраженіемъ она потомъ задумалась.

мывалась, впрочемъ не на долго. Преждевременно „познавшая“, она быстро поняла значеніе этихъ словъ. Этотъ человѣкъ, по виду хилый и небольшой, съ лицомъ увядшимъ и некрасивымъ, былъ большимъ мастеромъ въ дѣлѣ вызыванія у женщинъ „вопля жизни“. Манера обращенія его съ ними была изысканная, но вмѣстѣ и довольно дерзкая. Изъ его сѣрыхъ зрачковъ, окаймленныхъ красноватыми вѣками, по временамъ исходилъ упорный взглядъ, гипнотизирующий какою-то холодной страстностью и напоминавшій блѣдный блескъ стали. Въ его особенной манерѣ проницать нравящуюся ему женщину взглядомъ, будто срывающимъ съ нея всѣ покровы, въ его стараніи подчеркивать нѣкоторыя слова—проглядывала, несмотря на изысканность ихъ, первобытная чувственность дикаря. Среди приторности и скуки надѣвшихъ флиртовъ, это явленіе представляло собою извѣстную силу, циническую, но не лишенную смѣлости и искренности. Это было нѣчто похожее на косматую звѣриную голову, выглядывающую изъ корзины, наполненной геліотропами, вѣчно одинаковыми и распространяющими вокругъ себя всегда одинъ и тотъ же запахъ. Голова эта безобразна, но отъ нея исходитъ пещерой и троглодитомъ, что обладаетъ преимуществомъ оригинальности посреди приторныхъ, пошлыхъ цвѣтковъ.

Когда Иренѣ случалось, что нервы ея въ обществѣ барона начинали дрожать, подобно струнамъ, къ которымъ прикоснулись путемъ доселѣ еще неизвѣданнымъ, то ей приходили въ голову „атавистическія“ предположенія, и она спрашивала себя: „ужъ не влюблена ли я“? Но лишь только онъ удалялся, вопросъ этотъ тотчасъ вызывалъ на ея лицѣ мимолетную ироническую улыбку. Она начинала анализировать и критиковать все существо барона, физическое и нравственное, не только съ подобающимъ хладнокровіемъ, но отчасти даже съ отгѣнкомъ пренебреженія. Представленіе о немъ связывалось въ ея умѣ съ понятіемъ объ увяданіи физическомъ и нравственномъ, и слово „вибріонъ“ невольно сходило съ ея устъ для опредѣленія наглядной картины— еле способной къ жизни твари, трепещущей въ пространствѣ. Рядомъ съ этимъ представленіемъ, она испытывала нѣчто въ родѣ предчувствія какой-то здоровой, благородной и прекрасной силы, и тогда сердцемъ ея овладѣвало отвращеніе къ барону, проникавшее до мозга приторнымъ чувствомъ и горечью мысли. „Почему это на свѣтѣ все такъ, а не иначе“? Можетъ быть, впрочемъ, для другихъ бываетъ и иначе, но не для нея. Въ-рять въ идиллію она перестала давно. Ей довелось слишкомъ вблизи видѣть трагедію и комедію жизни, чтобы не потерять

такой вѣры. Можетъ быть, гдѣ-нибудь и существуютъ идилліи, только не въ той средѣ, въ которой она живетъ! Можно ли тосковать о томъ, чего, можетъ быть, вовсе нѣтъ на свѣтѣ, чего навѣрное не будетъ на ея долю! Что за „ревматизмъ мысли“! Свинцовая тяжесть заставляла ее склонять голову со связанными въ японскій узелъ огненными волосами. Привычнымъ жестомъ она спрятала кисти своихъ длинныхъ рукъ на колѣняхъ, предаваясь раздумью.

„Однако, надо же какъ-нибудь устроить свою судьбу, и чѣмъ же эта была бы хуже другой? Тутъ, по крайней мѣрѣ, обоюдная искренность и одинаковость взглядовъ“!

Спустя нѣкоторое время, она стала себя увѣрять, что ея чувства къ барону—это тоже своего рода любовь, и что, въ сущности, другой любви и не бываетъ, а если и бываетъ, то не все ли это равно: всякая любовь проходить. Вообще этой стороной жизни она стала придавать все меньше и меньше значенія, а вмѣстѣ съ тѣмъ и сама жизнь потеряла въ ея глазахъ прелесть очарованія. Угрюмое настроеніе и апатія подсказывали ей, что чувство, привязывавшее ее къ барону—то же, что электрический фонарь среди уличнаго мрака и толкотни. Это не лучистое солнце, не серебристая луна, а попросту какой-то фонарь, при помощи котораго можно, однако, увидѣть среди уличной толпы не мало любопытнаго и замѣчательнаго.

Лили Кертъ, ея роль въ свѣтѣ вообще и отношенія ея къ барону въ частности—Иренѣ были извѣстны. Въ этомъ, какъ и во всѣхъ иныхъ случаяхъ жизни, баронъ не считалъ нужнымъ таиться. По временамъ онъ сопровождалъ Лили на общественныхъ прогулкахъ, и раза два его видѣли съ нею въ ложѣ театра. Это не согласовалось съ приличіями, особенно если принять въ расчетъ его отношенія къ Иренѣ; но подчиняться правиламъ приличій, на его взглядъ, развѣ не то же, что стоять на стражѣ могилъ?

Однако, на этотъ разъ, Маріанъ, неизвѣстно почему, не похвалилъ своего пріятеля.

— *C'est trop cochon!* — осудилъ онъ барона и нѣсколько надулся на него, при чемъ не безъ любопытства наблюдалъ за сестрой, бывшей тоже въ театрѣ.

Ирена сидѣла по обыкновенію спокойно, съ достоинствомъ и нѣсколько строгимъ видомъ, какъ всегда недоступная ни восторгамъ, ни смѣху. Въ антрактахъ баронъ приходилъ съ ней бесѣдовать, а Маріанъ, всматриваясь въ нее, началъ посмѣиваться.

— Какъ тебѣ нравится твое *vis-à-vis*? — спросилъ онъ ее.

Ирена равнодушно отвѣтила:

— Qui? cette fille? У нея превосходный цвѣтъ волосъ. Настоящее венеціанское золото.

Ни тѣни обиды или смущенія.

— Bravo!—изрекъ Маріанъ.

И съ комической торжественностью въ голосъ прибавилъ:

— Милая сестра, да ты вполне „новый“ умъ! Ты превзошла мои ожиданія, и съ этой минуты я буду тебя называть: ma vgaie soeur!..

Въ чемъ же дѣло? Не могъ же театръ сдѣлать ее наивной? Она прекрасно знала, что такія дѣла всюду творятся, и не можетъ ихъ не быть и въ жизни барона. А если они должны быть, то пусть уже будутъ открыты. Все, что угодно—лучше тайны и маски. Главная же суть заключалась въ томъ, что похищенія барона съ шансонетной пѣвицей нисколько ее не интересовали.

Бѣловатой тѣнью заволакивались окна. Шелъ снѣгъ. Въ гостиной у одного изъ оконъ на высокомъ табуретѣ сидѣла Ирена. На фонѣ окна, подернутаго сумерками, отпечатывалась ея фигура съ удлиненной таліей, узкими плечами и нѣсколько вытянутымъ профилемъ, напоминая старинныя статуи въ церквахъ, прямые и загадочно улыбающіяся. Вѣки ея были опущены; длинныя руки, спокойно сложенныя, покоились на платьѣ, но блуждавшая на устахъ ея улыбка безпрестанно измѣнялась. Въ послѣднее время ей особенно часто случалось бывать въ обществѣ барона, который старался какъ можно чаще ее видѣть, встрѣчаться съ нею. Онъ попросту преслѣдовалъ ее и очень часто являлся въ тѣ магазины, которые она посѣщала, одна или въ сопровожденіи матери. Встрѣчи свои онъ не объяснялъ случайностью, а со свойственной ему откровенностью говорилъ:

— Я хотѣлъ васъ сегодня видѣть—и вижу. Я умѣю хотѣть!

Въ этотъ день она посѣтила заведеніе знаменитаго портного; баронъ не замедлилъ войти туда же и тотчасъ оживленно заговорилъ съ ней о своемъ великомъ проектѣ поѣхать въ Америку съ тѣмъ, чтобы поселиться въ ней надолго, если не навсегда. Помыселъ этотъ возбуждалъ въ немъ чуть не энтузіазмъ. Воображеніе его воспламенилось надеждой новыхъ перспективъ, впечатлѣній и, быть можетъ, великихъ пріобрѣтеній. О послѣднихъ онъ тоже говорилъ Иренѣ:

— Необходима подвижность, надо пробуждать фантазію, втя-

путь въ дѣятельность нервы, иначе они изсохнутъ. Надо побѣждать и покорять. Кто неспособенъ завоевывать, тотъ достоинъ лишь могилы. Деньги—предметъ, заслуживающій завоеванія, ибо онѣ отерываютъ врата жизни. Вильямъ Моррисъ—извѣстный поэтъ и живописецъ, и тѣмъ не менѣе рѣшился сдѣлаться фабрикантомъ. Онъ понялъ, что пренебрежительное отношеніе къ промышленности, это тоже своего рода сосудъ изъ раскрашенной глины. Расписали его поэты чудесными красками, и затѣмъ сами перемерли съ голоду. Въ Америкѣ—другое дѣло; тамъ еще существуютъ новые горизонты...

Онъ говорилъ долго, повидимому даже удивляясь своему увлеченію.

— Я ужъ думалъ-было, что никогда ничѣмъ не увлекусь, и что увлеченіе есть тоже своего рода „ревматизмъ мысли“. Между тѣмъ, я ощущаю въ себѣ энтузіазмъ, да! именно энтузіазмъ! Это наполняетъ меня пріятной лихорадкой. Развѣ вы не раздѣляете со мной этого чувства? Развѣ вамъ не кажутся привлекательными эти далекія перспективы, новые горизонты, „les vibrations divines des mers virides, les silences traversés des mondes“?..

И позволяя себѣ „плагиатъ“, онъ повторилъ прибавку Маріана:

— Et des millions!

И для Ирены это было завлекательно. Не милліоны, конечно,—потому что съ ними она свыклась,—но далекія перспективы, новые горизонты, безбрежныя и бездонныя моря, глубокая тишина этихъ пространствъ,—все это въ одно мгновеніе представилось ей воображенію. Глухія страданія и смутныя горечи, давно бродившія въ ней, проснулись съ крикомъ: „Да, да! ѣхать, летѣть далеко, какъ можно подальше, подъ новыя небеса, къ инымъ людямъ... Уѣхать, убѣжать, искатъ“...

Едва примѣтнымъ румянцемъ на нѣжныхъ щекахъ молодой дѣвушки все это высказано было барону, котораго измятое лицо засіяло радостью.

— Vous me faites heureux, vous me faites vraiment heureux!—прошепталъ онъ и прибавилъ:

— Велите мнѣ бить вамъ челомъ. Смиряюсь—и бью челомъ!

Между тѣмъ, въ большой магазинъ ежеминутно входило множество почитателей. Видъ ихъ напомнилъ Иренѣ о цѣли ея прихода, и она направилась въ комнату, гдѣ ее окружили цѣлыя волны разложенныхъ передъ нею великолѣпныхъ тканей. Баронъ обладалъ познаніями, относящимися къ женскому туалету, любилъ говорить объ этомъ предметѣ и нерѣдко, съ обстоятельностью дамскаго портного и съ наслажденіемъ художника, по-

дробно описывалъ костюмы, когда-либо обратившіе на себя его вниманіе. Не удивительно, что въ кабинетѣ знаменитаго портного, среди зеркалъ и раскиданныхъ по столамъ изящныхъ матерій, онъ не молчалъ.

— Пожалуйста только не дѣлайте себѣ ничего шаблоннаго, — не лишайте меня наслажденія смотрѣть на васъ! Я здѣсь не встрѣчаю женщинъ съ тонкимъ вкусомъ. Есть средства, есть даже вкусъ, но какой-то пошлый, шаблонный! Для васъ надо придумать что-нибудь новое, что-нибудь символическое или, лучше сказать, символизирующее. Костюмъ женщины долженъ быть символомъ ея индивидуальности. Вамъ надо выдумать символъ, который бы символизировалъ аристократизмъ плоти и духа.

И онъ сталъ придумывать; онъ придумывали вдвоемъ. Перебирая и пересматривая различные сорта тканей, баронъ дополнял ихъ, подробностями, заимствованными изъ собственной фантазіи. Послѣ нѣкотораго времени, потраченнаго на это дѣло, они пришли къ соглашенію, чтобы платью было цвѣта „flamme“. Нѣжный цвѣтъ лица Ирены и огненный цвѣтъ волосъ создадутъ, по мнѣнію барона, въ общемъ нѣчто раздражающее.

— Въ такомъ платьѣ вы будете раздражающе-восхитительны...

Хозяинъ магазина, франтоватый и важный, то входилъ, то удалялся изъ комнаты, обращался съ вопросами, совѣтовалъ и снова предоставлялъ ихъ собственному усмотрѣнію. А они проводили пріятно время среди атмосферы, пропитанной духами, и окруженные шелестомъ шоловаго каскада изъ разноцвѣтныхъ матерій, падавшаго къ ихъ ногамъ. Хотя „flamme“ была уже выбрана, но они продолжали далѣе выбирать. Баронъ, на лицѣ котораго выступилъ румянецъ, воскликнулъ:

— А вѣдь мы превосходно проводимъ время! И кто бы могъ ожидать? Гдѣ? У портного! Но мы съ вами умѣемъ испытывать такія ощущенія, какія другимъ недоступны. Для этого надо обладать шестымъ чувствомъ. Мы съ вами надѣлены именно шестымъ чувствомъ.

Ирена начала терять свою обычную серьезную осанку, заговорила торопливо и много, громко хохотала, движенія ея стана и рукъ теряли свою плавность, дѣлаясь по временамъ то чересчуръ оживленными, то исполненными сонливой граціи. Баронъ умолкъ и, вглядываясь въ нее восторженными глазами, сказалъ:

— Какъ вы преобразились въ эту минуту! Какъ это прелестно и какъ неожиданно! Такія неожиданности и интере-

сують, и раздражаютъ... Вы обладаете талантомъ дарить неожиданности...

Съ блескомъ въ глазахъ, онъ назойливо приставалъ къ ней, чтобы она сказала ему, чему надо приписать происшедшую въ ней перемѣну: невольному ли настроенію минуты, или искусному кокетству?

— Вѣдь вы продуктъ несомнѣнно высокой культуры; поэтому у васъ нелегко распознать, гдѣ кончается природа и гдѣ начинается искусство. Скажите, что въ васъ природа, и что искусство? Умоляю!

Слушая эти рѣчи, подлелкой которымъ служила мысль крайне дерзкая, Ирена смѣялась, смотря въ сторону, а онъ, съ улыбкой сатира на лицѣ и наклоняясь къ ней, повторялъ свой допросъ:

— *Est-ce nature? Est-ce art?*

Съ внезапной рѣшимостью она отвѣтила:

— *C'est la nature!*

Она думала поддержать смѣлость отвѣта смѣлымъ взглядомъ, но лицо ея разгорѣлось румянцемъ, и вѣки скрыли зрачки, въ которыхъ почувствовалось смущеніе. Несмотря на то, что и дѣвичій стыдъ причислялся у нихъ къ разряду раскрашенныхъ пу-
стяковъ, но эта новая метаморфоза произвела на барона вліяніе раздраженія. Онъ схватилъ изъ шелестящей кучи раскиданнаго шлеа обѣ ея руки и, устремляя взоромъ своимъ цѣлый снопъ магнетическихъ лучей въ ея пламенѣющее лицо, привлечь къ себѣ ея нѣжный станъ. Она было-попыталась вырвать руки изъ его рукъ и откинуться назадъ, но хилый баронъ въ эту минуту былъ очень силенъ, сжималъ ея руки точно въ клещахъ и на-
шептывалъ ей у самого лица:

— Не сопротивляйтесь этому „воплю жизни“, который раздался въ васъ... Я—деспотъ... Я умѣю желать...

При послѣднихъ словахъ онъ прильнулъ своими губами къ ея губамъ. Но въ этотъ моментъ и она нашла въ себѣ достаточно силы, чтобы въ одно мгновеніе очутиться на разстояніи нѣсколькихъ шаговъ отъ него. Поблѣднѣвъ и вздрогнувъ, она воскликнула:

— *Oh, c'est trop nature!*

Съ поднятой головой она остановилась, сверкая глазами, которые, впрочемъ, скоро растаяли въ обычной ея холодной ироніи. Презрительно приподнявъ плечи и саркастически улыбаясь, она проговорила:

— Боже, какъ это было пошло!

Осторожно ступая, какъ бы изъ опасенія вынести на платъ

хотя бы пылинку сора изъ этой комнаты, она перешла въ помѣщеніе магазина. Минуту спустя послѣ этого, баронъ видѣлъ ее разговаривающею съ хозяиномъ магазина собственнымъ ей спокойнымъ тономъ, и затѣмъ, съ короткимъ поклономъ, она направилась къ выходу...

Въ эту минуту она сидѣла на высокомъ табуретѣ, у окна, съ каменною неподвижностью нѣсколько удлиннившагося профиля. „Вопль жизни“, который въ образѣ слова заключалъ въ себѣ нѣкоторую прелесть новизны и дерзости,—будучи превращенъ въ поступокъ, затронулъ въ ней всѣ ощущенія стыда и обиды. „Косматое животное“ черзчуръ просунулось изъ-за цвѣтовъ и распространило слишкомъ сильный запахъ пещеры и троглодита. „Это пошло!“—сказала она барону, и въ самомъ дѣлѣ, ей сразу сдѣлалось понятнымъ, что все происшедшее не заключаетъ въ себѣ ничего ни новаго, ни рѣдкаго. Напротивъ, все это старо, какъ свѣтъ, и обыденно, какъ улица. Въ магазинѣ множество публики приходитъ, безпрестанно смѣняясь, какъ на улицѣ... Поцѣлуй, полученный на улицѣ! Уличное приключеніе... Она почувствовала лихорадочную дрожь во всемъ тѣлѣ. Въ воображеніи ея пронеслась картина „женскихъ фигуръ“, двигающихся по троттуарамъ улицъ въ вечернія сумерки. И на понишемъ лицѣ ея выступила краска смущенія, того самаго „прописного вздора“, который называется женскимъ стыдомъ,—этимъ унаслѣдованнымъ инстинктомъ, оберегающимъ достоинство женщины. Инстинктъ этотъ болѣзненно и неотразимо бередилъ ея нервы. Чувство отвращенія овладѣло ею. Баронъ, искавшій во всемъ тонкость изящества, представился ей настоящимъ пошлякомъ. Взаимное чувство оказалось вблизи вовсе не такимъ, какимъ она его себѣ представляла. Оно почему-то напомнило ей мифологическія картины фавновъ съ козлиными бородами, гоняющихся въ лѣсахъ за нимфами. Уста ея изобразили насмѣшливо презрительную, почти гнѣвную усмѣшку. И что это онъ толковалъ про „шестое“ чувство? При чемъ тутъ „шестое“ чувство? Праздныя слова! Онъ смѣется надъ унаслѣдованными понятіями, называетъ ихъ „раскрашенными горшками“, а самъ ихъ лѣпитъ изъ той же глины и раскрашиваетъ въ прежніе цвѣта. Идиллія—вещь старая, да и пещера—вещь тоже старая; но идиллія была бы лучше, еслибъ только она существовала. Но гдѣ же она? Своими глазами она ни разу ея не видѣла, а вмѣсто того видѣла... ахъ, видѣла, что творится и происходитъ съ людскими привязанностями и даже съ такими, которые носятъ названіе святыхъ чувствъ!.. Что же дальше? Что дѣлать съ барономъ и Америкой? Вся она переполнилась такимъ

презрѣніемъ ко всему, такимъ невѣріемъ во все, такимъ равнодушіемъ къ участи другихъ и своей собственной, что въ заключеніе всѣхъ размысленій сказала себѣ: „все равно!“ Въ отчаяніи сжимая руки на груди и проронивъ нѣсколько слезинокъ, она повторяла свое „все равно!“, добавивъ къ этому восклицанію: „лишь бы скорѣе“!

Но что скорѣе? Зачѣмъ скорѣе? Съ дрожащими губами и блестящею, скатившеюся на нихъ слезой, она медленно повернула лицо въ сторону комнатъ ея матери. Видъ ея напоминалъ плачущаго втихомолку ребенка. Брови ея приподнялись, и она прошептала:

— Мама!

И въ тотъ же моментъ подъ этими бровями глаза, напоминашіе нѣжные огоньки, стали смотрѣть ласковѣе. И слезы, и насмѣшливое выраженіе, стали исчезать передъ силой какой-то успокоивающей мысли.

Въ это время въ потускнѣвшей отъ сумерекъ сторонѣ комнаты что-то подвижное прорѣзало воздухъ. Это была Кара. Она шла по направленію отъ кабинета отца, тихо напѣвая, а вслѣдъ за ней бѣжала собачка Пуфикъ. Увидя сестру, она умолкла и издали закричала:

— Знаешь, Ира? Папаша сегодня будетъ съ нами обѣдать!

Въ звонкомъ голосѣ ея звучала радость побѣды. Послѣ многихъ недѣль отецъ сядетъ къ семейному столу; а вѣдь когда это случится, то и все пойдетъ хорошо... Что именно шло дурно и почему шло дурно?—этого она не знала, но чувствовала тѣмъ воистину „шестымъ“ чувствомъ, которымъ обладаютъ существа съ чрезмѣрной чувствительностью, мучительно ощущающія въ воздухѣ всякую грозу, хотя они и не понимаютъ, откуда она надвигается.

И Кара продолжала свой путь, весело напѣвая. Когда, нѣсколько позже, Ирена вошла въ кабинетъ матери, она уже нашла тамъ кружокъ, составленный изъ трехъ лицъ. На кушеткѣ сидѣла сама Мальвина Дарвидъ съ украшеніемъ изъ чернаго джэ, блестящаго въ свѣтлыхъ волосахъ; около нея, пригнувшись къ ней, помѣстился на приземистомъ креслѣ по обыкновенію щегольски одѣтый Маріанъ, а у колѣнъ матери, опираясь на нихъ, заняла мѣсто, подогнувъ свои колѣни, Кара, окаймляя блѣдно-голубою полосой чернѣвшее платье матери.

— Вотъ картина не хуже Сары и Ревекки! — пошутила Ирена, подходя прямо къ большому зеркалу, передъ которымъ начала приводить въ порядокъ свою прическу—узелъ волосъ, связанный поверхъ головы.

Весело настроенный Маріанъ уговаривалъ мать согласиться снять съ себя портретъ одному изъ извѣстнѣйшихъ мѣстныхъ художниковъ.

— Это знаменитая кисть! Не понимаю, каѣмъ образомъ на лонѣ здѣшной отсталости могъ народиться талантъ въ такой степени новый, индивидуальный. Въ его картинахъ—великолѣпный *plein-air*! Портреты его работы прямо-таки воспроизводятъ душу! Мамаша! мнѣ такъ бы хотѣлось имѣть вашу душу, заколдованную въ портреты!.. Замѣчали ли вы, мамаша, что глаза на нѣкоторыхъ портретахъ смотрятъ точно съ того свѣта? Въ нихъ, значить, вколдована душа. Поэтому я хочу имѣть вашъ портретъ, сдѣланный художникомъ, отъ работъ котораго вѣтъ какою-то запредѣльностью...

Онъ наклонилъ при этомъ свою красивую голову и поцѣловалъ руку матери, покоившуюся на плечикѣ Кары; а та тотчасъ потребовала:

— За-одно и меня поцѣлуй!

— Это сентиментальность! Берегись ты, маленькая, сентиментальностей. Это я тебѣ говорю, твой прадѣдъ!

— Отлично сказано!—отозвалась у зеркала Ирена.—У Кары душа первобытная, а у тебя...

— На склонѣ...—вставилъ Маріанъ.

— Значить, за тобой право быть ея прадѣдомъ...

— Привѣтствую тебя, прабабушка! — воскликнулъ онъ, со смѣхомъ обращаясь къ сестрѣ, и пояснилъ матери:

— Видите ли, мамаша, со взрослой сестрой мы уже отлично сѣлись въ понятіяхъ, а съ этой—еще нѣтъ; но это еще будетъ—и, вѣроятно, скоро. Но возвратимся къ портрету.

Мальвина смѣялась. Лицо ея, незадолго передъ тѣмъ казавшееся измученнымъ, теперь помолодѣло. Какимъ-то лучомъ прорѣзалась тяжелая туча. Но отъ портрета она старалась защититься.

— Зачѣмъ? И безъ того моихъ портретовъ много, слишеомъ много!

— Это все каррикатуры, а не портреты, и притомъ ни одинъ изъ нихъ не принадлежитъ мнѣ исключительно. Я прошу у васъ портретъ специально для себя, въ мою исключительную собственность.

— Зачѣмъ? — повторила Мальвина.—Когда ты чувствуешь такую потребность—смотри на оригиналъ. Даже лучше, чтобы у тебя не было портрета: можетъ быть, чаще пожелаешь меня видѣть.

— Point des reproches, maman! Пусть всё эти упреки, угрозы, весь арсеналъ патріархальности, останутся тамъ, на той сторонѣ...

Онъ указалъ жестомъ по направленію въ сторону кабинета отца. Кара приподняла при этомъ голову, и вѣки ея какъ-то вдругъ замигали.

— А на этой сторонѣ, — продолжалъ Маріанъ, — пусть будетъ одна сладость, одна прелесть, одна эта дорогая, милая кротость, передъ которой я всегда падаю на колѣни. Что касается того, что я могу всегда, когда захочу, смотрѣть на оригиналъ портрета, о которомъ умоляю, — то это еще вопросъ. Мы — песчинки, которыя разноситъ по свѣту порывъ страсти къ путешествіямъ.

— А у тебя развѣ опять явилось намѣреніе странствовать? — спросила Мальвина.

— Да. Еще не вполне определенное, въ общихъ чертахъ, но понемногу эти черты обозначаются. Это будетъ шагъ гиганта, спасающагося бѣгствомъ отъ угрожающей ему розги, какою, по совѣту Духа святого, наказываютъ дѣтокъ!

И снова онъ указалъ жестомъ по направленію къ дальнимъ комнатамъ. Въ отрывистомъ его смѣхѣ, сопровождавшемъ послѣднія слова, звучала язвительность, почти ненависть. Но въ эту минуту взглядъ его встрѣтился съ глазами Кары, и онъ воскликнулъ:

— Чтѣ ты, маленькая, такъ глядишь на меня? Voilà des yeux! Какіе-то любопытные и испуганные, какъ у преслѣдуемой лани. Чтѣ тебѣ показалось такимъ любопытнымъ? И чего ты точно испугалась?

Кара быстро скрыла свое личико въ складкахъ платья матери, а Ирена отозвалась, все еще стоя у зеркала:

— А какъ бы вамъ, мама, понравилось, еслибъ мы съ вами совершили бѣгство въ Америку?

Приведя окончательно въ порядокъ свои волосы, она протянула узелъ фантастической булавы и, отвернувшись отъ зеркала, продолжала:

— У меня есть такіе волшебные сапожки, которые мнѣ стоятъ только надѣть, чтобы — разъ, два, три — и очутиться намъ съ мамой за морями. Какъ вы, мамаша, думаете объ этомъ?

— У васъ сегодня цѣлый потокъ проектовъ, — пошутила Мальвина. — Портретъ, бѣгство отъ розги, Америка...

— А балъ! — воскликнула Кара. — Вѣдь Маріанъ объ этомъ ничего еще не знаетъ. У насъ черезъ двѣ недѣли будетъ настоящій, большой балъ.

— Любопытную исторію ты рассказываешь, моя крошка. Ну, рассказывай дальше!—сказалъ Маріанъ.

Но ужъ если дѣло состояло лишь въ томъ, чтобы рассказывать, то объ этомъ два раза просить Кару не было нужды. Она тотчасъ вскочила и принялась излагать исторію проведеннаго ею недавно часа въ кабинетѣ отца. Объ этомъ проектѣ бала она уже сообщила матери и сестрѣ, но о томъ, какъ возникъ этотъ проектъ, она еще не успѣла рассказать—что-то помѣшало. Теперь она всѣмъ за-разъ расскажетъ.

— Вотъ какъ было. Къ папашѣ пришли три господина: князь Зенонъ, графъ Чарскій и какой-то третій, котораго фамиліи я не помню—такой огромный господинъ, высокій и широкий, а грудь у него блестѣла отъ звѣздъ и крестовъ. Я хотѣла, было, спрятаться за этажерку... тамъ есть такая длинная этажерка, за которую я часто причусь; очень удобно за ней прятаться, только бѣда съ Пуфикомъ, потому что какъ только кто входитъ, онъ сейчасъ желаетъ залазать, и я должна держать его мордочку въ рукахъ. Но на этотъ разъ папаша ни за что не пустилъ меня за этажерку и велѣлъ сидѣть на креслѣ. Ну, я важно усѣлась, вотъ такъ... Только Пуфикъ мѣшалъ мнѣ быть важной—вскочилъ мнѣ за спину и полѣзъ лапками на плечи къ самому уху. Одинъ изъ гостей обратился ко мнѣ:

— „Хорошенькая у васъ собачка!“—Да,—я отвѣтила,—она очень ласковая.—„А какъ ее зовутъ?“ Я сказала:—Пуфикъ.—Я вовсе не смѣялась, потому что Пуфикъ и въ самомъ дѣлѣ очень милая собачка, а эти господа все улыбались, и одинъ изъ нихъ сказалъ папашѣ:

— „Какъ быстро бѣжитъ время! Еще такъ недавно я видѣлъ вашу младшую дочь ребенкомъ, а теперь“... А другой господинъ сказалъ: „Совсѣмъ почти взрослая. Почти сравнялась со старшей сестрой“...

— Потомъ онъ сказалъ: „Очень рѣдко въ эту зиму мы имѣемъ удовольствіе встрѣчать ваше семейство“... А тотъ подтвердилъ: „Ваша супруга и дочь въ этомъ году ведутъ замкнутую жизнь“... Папаша имъ сказалъ: „Жена моя жалуется на частыя мигрени“,—а огромный господинъ...

Здѣсь Кара, имѣвшая привычку подражать голосу и движеніямъ дѣйствующихъ лицъ своихъ рассказовъ, постаралась изобразить самыя низкія ноты, имѣвшіяся въ ея распоряженіи:

— А огромный господинъ сказалъ: „Я еще не имѣлъ чести быть представленнымъ вашей супругѣ и старшей дочери, хотя такъ много о нихъ слышалъ“,—и такъ далѣе.

— Потомъ,—продолжала Кара,—они еще долго разговаривали о чемъ-то другомъ, а уходя, говорили мнѣ разные красивые комплименты. Я только дѣлала реверансы, и могу смѣло сказать, что сыграла съ блескомъ роль взрослой дѣвицы. Когда они ушли, папаша сказалъ, что онъ очень доволенъ визитомъ огромнаго господина, потому что знакомство съ нимъ ему полезно для его дѣлъ. Потомъ онъ задумался и вдругъ сказалъ: „Знаешь ли, моя маленькая, надо тебѣ начать показываться въ свѣтъ“!

Здѣсь Маріанъ вполголоса проворчалъ:

— Потребовалась ему новая колонка въ его святая святыхъ...

Ирена улыбнулась, а Мальвина показала видъ, будто не слышала сказаннаго. Кара, разболтавшись, ничего не слыхала и продолжала щебетать:

— Потомъ папаша говорилъ, что мама и Ирена ведутъ въ этомъ году монастырскую жизнь, мало принимаютъ и выѣзжаютъ, что это имѣетъ видъ какой-то домашней невзгоды или банкротства. Это имѣетъ дурной видъ и вредить дѣламъ. Чтобы поправить такое положеніе, надо устроить хоть одинъ приѣмъ, но самый блестящій. „Въ концѣ карнавала,—сказалъ онъ,—мы зададимъ балъ, на которомъ наша „маленькая“ въ первый разъ выступитъ въ свѣтъ“. А сегодня папа общалъ съ нами обѣдать и поговорить подробно объ этомъ балѣ съ мамой.

На этомъ Кара окончила свой рассказъ, имѣвшій нѣкоторое подобіе драматическаго представленія. Маріанъ вдругъ поднялся съ мѣста и холодно объявилъ:

— Надо мнѣ уходить.

Мальвина потихоньку сказала ему:

— Оставайся!

Лицо ея снова осунулось, морщина на лбу углубилась, въ голосѣ слышалась мольба. Маріанъ посмотрѣлъ на мать, съ минуту колебался и автоматическимъ движеніемъ опустился на кресло, сказавъ:

— *Que votre volonté soit faite.* Изобразу я изъ себя фигуру, выращенную въ цвѣтъ сыновней любви.... Для тебя, мама!

Но при одной мысли, что ему предстоитъ встрѣча съ отцомъ, всѣ внутренности въ немъ стали точно сохнуть.

Въ этотъ моментъ лакей возвѣстилъ, что обѣдъ поданъ. Кара тотчасъ вскочила на ноги, объявивъ, что она пойдетъ за отцомъ.

Она побѣжала-было къ дверямъ, но, возвратившись, бросилась снова къ матери и нѣсколько горячихъ поцѣлуевъ съ какою-то

особенною страстью запечатлѣла на ея рукахъ, а потомъ, подбравшись къ ея шеѣ, зашептала:

— Мамочка, золотая моя, дорогая!

И, снова подскочивъ, выпорхнула, какъ птица, изъ комнаты.

Что могъ означать этотъ стремительный взрывъ нѣжности къ матери? Никто, можетъ быть и сама Кара, не знали этого. Въ этомъ чувствовалась какая-то просьба за кого-то, можетъ быть, желаніе завѣрить, что она не только этого „кого-то“, но и свою маму сильно любитъ; наконецъ, это могло быть просто проявленіе радостнаго чувства, что вотъ она увидитъ ихъ обоихъ вмѣстѣ. Она полетѣла черезъ рядъ комнатъ, уже освѣщенныхъ лампами, и, съ быстротою свѣтлаго луча проникнувъ въ кабинетъ отца, стоявшаго у своего бюро, просунула свою руку подъ его плечо, объявивъ:

— Обѣдъ поданъ!

Въ то же время, когда отецъ Дарвидъ съ Карой входили въ столовую, въ противоположную дверь его сынъ Маріанъ вводилъ подъ руку мать. Дарвидъ наклонился, чтобы прикоснуться губами къ рукѣ жены, а Мальвина привѣтливо улыбнулась.

— Я до такой степени занятъ, что не каждый день хватаетъ у меня времени спросить у тебя о здоровьѣ.

— Благодарю; я себя чувствую превосходно.

Хозяинъ дома любезно поздоровался съ миссъ Мэри, стройной и довольно еще молодой англичанкой, пуритански просто одѣтой и совершенно гладко причесанной. Она стояла возлѣ стола, на которомъ блестѣли хрусталь и серебро. Дарвидъ выразилъ и ей сожалѣніе, что по поводу занятій ему такъ рѣдко приходится ее видѣть. Когда всѣ усѣлись къ столу, Мальвина, съ ловкостью опытной хозяйки, тотчасъ счумѣла завести общую бесѣду.

— Мы тутъ только-что говорили о Соединенныхъ-Штатахъ, которыми Ира и Маріанъ стали очень интересоваться.

— Вѣроятно, по поводу готовящейся тамъ выставки?—спросилъ Дарвидъ.—Да, это будетъ дѣйствительно колоссальное дѣло.

Миссъ Мэри заговорила о женскомъ конгрессѣ, предположенномъ къ открытію во время этой выставки, а госпожа Дарвидъ и Ирена дополнили это свѣдѣніе подробностями. Разговоръ шелъ плавно, но холодно, легко наполняясь различными извѣстіями. Маріанъ не принималъ въ немъ никакого участія, сидѣлъ неподвижно, былъ глухъ и нѣмъ, съ напряженными чертами лица. Былъ онъ какъ автоматъ, выражая собой апатію и пренебреженіе, лимфу и желчь. Даже бѣлизна кожи на лицѣ его подерну-

лась будто желтизной и губы поблѣднѣли. Видъ его напоминалъ восковую фигуру въ щегольскомъ костюмѣ и съ стекляннымъ блескомъ въ глазахъ.

Дарвидъ не безъ шутилой снисходительности говорилъ о зданіи, предполагающемся къ постройкѣ въ Чикаго по проекту женщины-архитектора.

— Не завидую участи тѣхъ, кому придется жить въ этомъ домѣ. Въ архитектурѣ величайшее значеніе имѣетъ искусство сохранить равновѣсіе; а для женщинъ это труднѣе всего. Женщины удивительно легко, часто и почти неизбежно теряютъ равновѣсіе...

Сказано это было незначительнымъ тономъ, шутиливо, но почему-то въ голосѣ говорившаго дрогнули двѣ-три ноты язвительныя, отъ которыхъ у госпожи Дарвидъ выступилъ на лицѣ чуть замѣтный румянецъ. Но тутъ Ирена принялась сообщать миссъ Мэри послѣднія новости объ эмансипаторскомъ движеніи среди англійскихъ женщинъ, и самъ Дарвидъ поспѣшилъ принять участіе въ этой бесѣдѣ, высказывая по этому вопросу довольно объективные мнѣнія, хотя и не лишенные нѣкоторой ироніи.

Роскошная сервировка стола освѣщалась сильнымъ свѣтомъ висячихъ и стѣнныхъ лампъ; лакеи въ бѣлыхъ перчаткахъ безшумно двигались, то перемѣняя тарелки, украшенныя монограммами, то съ бутылками въ рукахъ, то подавали блюда съ запахомъ трюфелей, пикелей и рѣдкихъ овощей. Разговоръ перешелъ отъ Америки къ европейскимъ столицамъ и къ различнымъ сторонамъ ихъ жизни, и звучалъ то англійской, то французской рѣчью. По-англійски говорили изъ вниманія къ миссъ Мэри, а по-французски потому, что Дарвидъ и его жена на этомъ языкѣ говорили свободно, чѣмъ на англійскомъ. Ирена же и Кара говорили на немъ какъ истыя англичанки. Вся обстановка, окружавшая эту трапезу, обличала жизнь на большую ногу, несомнѣнную high-life.

Былъ одинъ моментъ, когда Дарвидъ, обвѣда взоромъ все окружавшее его, самодовольно откинулъ голову назадъ, морщины на его челѣ разгладились, а хорошо обрисованныя, тонкія и нервныя ноздри его, казалось, съ наслажденіемъ вдыхали не только благоуханіе яствъ, но и атмосферу собственнаго величія. Но это состояніе продолжалось не долго. Какая-то задумчивость и дуновение разсѣянности начали вдругъ мутить свѣтлое его настроеніе, и рѣчь его, всегда плавная, стала какъ бы спотыкаться. Онъ вертѣлъ между пальцами десертный ножикъ и говорилъ, обращаясь къ миссъ Мэри:

— Да, я съ величайшимъ уваженіемъ отношусь къ вашимъ соотечественникамъ за ихъ практически-высокій умъ. Это народъ... это такой народъ...

Онъ запнулся на медленной, всегда плавной у него рѣчи, чего съ нимъ никогда не случалось. Онъ думалъ о чемъ-то другомъ.

— Это народъ, который рѣшилъ, что время—деньги, который притомъ...

И снова онъ запнулся. Глаза его, подстрекаемые какою-то непреодолимою силой, направлялись къ тому мѣсту стола, гдѣ блестяли черныя джэ въ свѣтлой куафюрѣ. Разсѣянно онъ окончилъ начатую имъ фразу:

— Онъ, притомъ, обладаетъ величайшимъ денежнымъ могуществомъ...

На этомъ мѣстѣ Маріанъ впервые заговорилъ:

— Не однимъ денежнымъ могуществомъ! Въ настоящее время Англія находится во главѣ даже новѣйшаго движенія въ искусствѣ...

Высказано это было сквозь зубы, при чемъ не пошевелилась ни одна черта на лицѣ, совершенно застывшемъ въ безучастіи ко всему окружающему. На устахъ же Дарвида появилась какая-то непріятная улыбка.

— Новѣйшее движеніе въ искусствѣ!—произнесъ онъ съ нѣкоторымъ шипѣніемъ. — Искусство—вещь превосходная; жаль только, что иногда его превращаютъ въ игрушку, которую портятъ избалованныя дѣти!

Маріанъ поднялъ на отца свой взоръ, изъ котораго струилась цѣлыми волнами иронія, и, чуть шевеля губами, отвѣтилъ:

— Не ребенокъ, значить, только тотъ,—сказалъ онъ,—кто знаетъ, что всѣ мы—дѣти, готовые превратить всякую вещь въ свою игрушку. Но разные, конечно, бываютъ игрушки...

При этихъ словахъ Мальвина не въ силахъ была превозмочь свое безпокойство и шепнула:

— Маріанъ!

Дарвидъ внезапно повернулъ къ ней лицо, и взгляды ихъ, до тѣхъ поръ старательно избѣгавшіе встрѣчи, вдругъ взаимно вонзились, и хотя это продолжалось едва нѣсколько секундъ, но этого было довольно, чтобы глаза Дарвида наполнились блескомъ отточенной стали. Мальвина нагнулась лицомъ къ самой тарелкѣ, такъ что при яркомъ освѣщеніи виденъ былъ только ея лобъ, прорѣзанный во всю ширину довольно глубокой морщиной. Но въ то же мгновеніе Ирена обратилась къ отцу съ вопросомъ

относительно Лондона, въ которомъ ему случалось подолгу бывать. Отвѣчая дочери, Дарвидъ заговорилъ опять плавно и занимательно, представляя вмѣстѣ съ тѣмъ поводы къ участію въ бесѣдѣ и англичанкѣ. Разговоръ, такимъ образомъ, снова оживился и пошелъ гладко и непринужденно. Между тѣмъ, надъ столомъ основательные запахи мясныхъ блюдъ смѣшались легкимъ благоуханіемъ фруктовъ и ванили. Лакеи разносили десерты. Дарвидъ рассказывалъ о фруктахъ, свойственныхъ различнымъ мѣстностямъ земного шара, какія ему довелось посѣщать въ непрерывныхъ своихъ разъѣздахъ. Вдругъ, остановившись на полусловѣ, онъ умолкъ, услыхавъ сухой кашель Кары.

— Мнѣ казалось, что твой кашель уже прошелъ, а онъ все еще продолжается! Это печально!

На раскраснѣвшемся лицѣ Кары видно было выраженіе не то страданія, не то досады. Она съ порывистой поспѣшностью быстро отвѣтила:

— На свѣтѣ столько грустныхъ вещей, папаша, что въ сравненіи съ ними мой кашель—пустяки!...

Отвѣтъ этотъ былъ совершенно неожиданный, и впечатлѣніе, какое могъ онъ произвести, Ирена тотчасъ постаралась изгладить своимъ смѣхомъ и восклицаніемъ, можетъ быть чересчуръ громко произнесеннымъ:

— Voilà où le pessimisme va se nicher! Ужъ не захворалъ ли Пуфикъ?

— Замѣчаніе Кары хотя и преждевременно, но мѣтко,— не шевеля губами, проговорилъ Маріанъ.

Начала говорить и госпожа Дарвидъ. Подавая маленькую чашку кофе сыну, она замѣтила:

— У меня твой вкусъ. Я такъ люблю кофе, что еще недавно пила его очень много, но увидѣла, что онъ разстроиваетъ нервы и отнимаетъ сонъ. А бессонница такъ непріятна, что лучше отказаться отъ чего-нибудь вкуснаго, чѣмъ лишиться сна...

Мальвина говорила много и говорила почти ни о чемъ, но съ тою мягкостью въ голосѣ, съ какою позволительно говорить для того только, чтобы говорить, или чтобы избѣгнуть другихъ, нежелательныхъ разговоровъ. Дарвидъ въ это время снова смотрѣлъ на нее сквозь стекла своего пенснэ и смотрѣлъ до тѣхъ поръ, пока она опять не склонила голову надъ чашкой, а видъ ея не уподобился существу, жаждущему исчезнуть подъ землей, испариться въ воздухъ, превратиться въ тѣнь или хоть въ трупъ, лишь бы не быть дамъ, гдѣ она находится, не быть тѣмъ, что она есть въ дѣйствительности.

Выручить ее изъ невыносимаго положенія опять попробовала Ирена.

— Я думаю, папаша, ты долженъ знать, какъ готовятъ кофе на Востокеѣ?

Дарвидъ бывалъ и на Востокеѣ, и, повидимому, охотно сталъ рассказывать о туркахъ, какъ они, усѣвшись въ кругъ, медленно потягиваютъ любимый напитокъ. Они наслаждаются имъ съ достоинствомъ маговъ, въ полнѣйшемъ молчаніи.

— А самый моментъ, въ который они предаются этому абсолютному отдохновенію при помощи чернаго кофе и безмолвія, носить у нихъ названіе кейфа.

— Турки хорошо дѣлаютъ, что молчатъ, — отозвался тонкій голосокъ Кары, — потому что какая польза отъ того, что люди разговариваютъ другъ съ другомъ?

— Эта головка всегда полна вопросами и отвѣтами, — пошутилъ Дарвидъ.

— Критицизмъ — наша семейная черта, — замѣтила Ирена.

— Кара съ самаго ранняго дѣтства отличалась любознательностью, — сказала Мальвина.

Даже и Маріанъ, смотря на младшую сестру, заговорилъ:

— Непремѣнно всегда наступаетъ то время, когда дѣти перестаютъ болтать, а начинаютъ говорить.

Миссъ Мэри была видимо озабочена и не говорила ничего. На лицахъ же говорившихъ стало появляться утомленіе, несмотря на не перестававшія улыбаться уста.

Хозяйка встала съ мѣста. За нею и Дарвидъ сдѣлалъ то же и при этомъ отвѣсилъ всѣмъ общій поклонъ, полный изысканной любезности. Затѣмъ, подойдя къ женѣ, подаль ей руку. Они прошли сосѣднюю со столовой, небольшую, ярко освѣщенную комнату и остановились въ слѣдующей, съ бѣлыми гирляндами на стѣнахъ и мебелью, обитой голубымъ штофомъ, и съ такими же занавѣсами. Въ первой изъ этихъ комнатъ миссъ Мэри присѣла съ Маріаномъ за партію шахматъ. Кара помѣстилась возлѣ нихъ въ качествѣ наблюдательницы, а Ирена занялась разсматриваніемъ, при свѣтѣ лампы, какой-то археологической находки. Это былъ кусокъ матеріи, весьма древней и отъ времени попорченной, который въ качествѣ рѣдкости принесъ ей баронъ Эмилъ. Она затѣвала возстановить вышивку на ней при помощи шовковыхъ и золотыхъ нитей.

Дарвидъ съ женой остановились посреди комнаты, слабо освѣщенной лампой подъ абажуромъ. Поблѣднѣвшая больше обыкновеннаго, съ сильно бьющимся сердцемъ и ускореннымъ дыха-

ніемъ, Мальвина думала: „Наконецъ пришло то, чего я давно и напрасно ожидала—окончательный и рѣшительный разговоръ“! Всѣми силами она жаждала выясненія и перемѣны въ своемъ положеніи,—какой бы ни было, лишь бы перемѣны. Она стояла въ ожиданіи, готовая перенести все, лишь бы онъ, наконецъ, высказался.

Онъ началъ говорить.

— Завтра я уѣзжаю на охоту въ князю Зенону; а такъ какъ оттуда мнѣ надо еще отправиться по дѣламъ въ другое мѣсто, то я возвращусь дней черезъ десять. Тотчасъ по моемъ возвращеніи, въ послѣднее воскресенье карнавала, у насъ состоится вечеръ, попросту говоря, балъ, по возможности самый блестящій. Этого требуютъ мои дѣла и репутація дома. Я притомъ желаю, чтобы Кара на этомъ балѣ впервые показалаcя свѣту. Я составляю списокъ лицъ, которымъ надо будетъ послать приглашенія. Въ списокѣ этомъ будутъ помѣщены только тѣ лица, о которыхъ ты могла бы позабыть. Остальное общество ты знаешь лучше меня. Я знаю, что ты прекрасно умѣешь устроить эти вещи, и надѣюсь, что и на этотъ разъ все будетъ сдѣлано какъ нельзя лучше. Чековую книжку тебѣ передать мой секретарь, который и самъ будетъ въ твоемъ полномъ распоряженіи, какъ и чековая книжка. Расходами прошу не стѣсняться, сколько бы ни потребовалось. Все должно быть лучше, чѣмъ у кого-либо. Мнѣ необходимъ этотъ пріемъ въ дѣловомъ отношеніи и ради поддержанія достоинства дома, немного... впрочемъ, болѣе чѣмъ немного поколебленнаго...

Онъ говорилъ не спѣша, очень вѣжливо, но въ глубинѣ этой вѣжливости слышался повелительный тонъ. Съ послѣдними словами онъ бросилъ на нее взглядъ твердый и пронизывающій, поклонился и сдѣлалъ движеніе, желая уйти. Но она съ умоляющимъ жестомъ воскликнула:

— Алонзій!

Она дрожала всѣмъ тѣломъ при мысли, что ничего не сказано о томъ, что ей было важно. Какъ же это? Балъ и больше ничего! А человеческое достоинство, а совѣсть, а невыносимое положеніе, боязнъ укора дѣтей...

Онъ остановился.

— Что прикажешь?

Опустивъ глаза, она начала говорить:

— Мнѣ надо, я желаю поговорить съ тобой рѣшительно...

— Для чего? Мы ничего пріятнаго не можемъ сказать другъ

другу, а неприятные разговоры приносятъ вредъ нервамъ больше, чѣмъ... черный кофе!

Она выпрямилась и съ твердостью, которая ей не легко давалась, начала-было снова:

— Такъ, какъ теперь, нельзя оставаться. Мое положеніе...

Но Дарвидъ, сдѣлавъ удивленные глаза, перебилъ ее:

— Твое положеніе?! Но вѣдь положеніе твое превосходно!

При этомъ онъ сдѣлать движеніе, какъ бы указывая на все, находящееся въ этомъ домѣ. Вся кровь бросилась ей въ лицо, какъ бываетъ съ тѣми, къ кому привоснуты до ихъ самаго больного мѣста.

— Да я прежде всего именно этого-то и не желаю! Я имѣю право желать отдѣлаться отъ этой роскоши и блеска... удалиться куда-нибудь...

Всѣ усилія она употребляла на то, чтобы устоять передъ овладѣвавшими ею рыданіями, между тѣмъ какъ онъ съ глубочайшимъ удивленіемъ повторилъ:

— Не желаешь?.. Имѣешь право?..

Все его существо, все лицо, всѣ морщины на лбу, поблѣднѣвшія губы,—все задрожало подъ натискомъ неукротимаго бѣшенства. Самообладаніе не было потеряно только по отношенію къ голосу. Онъ говорилъ сдержанно, хотя и язвительно:

— Какое право? У тебя нѣтъ никакихъ правъ! Ты потеряла всякія права!.. Не желаешь? Но ты не имѣешь права ни желать, ни не-желать! Ты должна! Ты принуждена жить какъ слѣдуетъ и какъ нужно. Пространныхъ и рѣшительныхъ разговоровъ, театральныя сценъ—никакихъ! Я ихъ не желаю, я, который не потерялъ своего права хотѣть и не-хотѣть! Я самъ молчу и требую молчанія. Въ этомъ заключается и будетъ заключаться нашъ *modus vivendi*, который, впрочемъ, для тебя долженъ быть не особенно труднымъ. У тебя есть все: положеніе въ свѣтѣ, избытокъ состоянія, блескъ... даже, какъ вѣжется, и любовь дѣтей... Ты обладаешь всѣмъ, кромѣ... кромѣ...

Онъ колебался произнести слово. Привычка къ сдержанности въ соблюденіи формы при всѣхъ случаяхъ жизни боролась въ немъ съ увлеченіемъ, которое, однако, пересилило, и онъ вполголоса, но ядовито шипя, произнесъ:

— Кромѣ... любовника, котораго ты удалила, съ чѣмъ тебя поздравляю, и... моего уваженія, которое ты потеряла и безъ котораго придется тебѣ обходиться. Мы въ первый разъ говоримъ объ этомъ предметѣ и—въ послѣдній. Слишкомъ долго и теперь объ этомъ я говорю. Я спѣшу къ своимъ занятіямъ. Доброй ночи!

Онъ поклонился ей такъ, что издали этотъ поклонъ всякому могъ бы показаться проникнутымъ однимъ лишь дружественнымъ расположеніемъ. Затѣмъ спокойной походкой удалился. Между тѣмъ Ирена уже направлялась твердымъ, но поспѣшнымъ шагомъ къ матери, держа въ рукахъ распростертый кусокъ старой матеріи.

— Я убѣдилась,—говорила она на ходу,—что безъ вашей помощи, мама, я не сдюжю этого сдѣлать. Чтобы реставрировать эту средневѣковую прелесть, нуженъ вкусъ, котораго у меня, какъ оказывается, не хватаетъ.

Ирена стала между нею и развернутой матеріей, цвѣта которой переливались серебромъ и сафиромъ, и указывала на изъяны, происшедшіе на ней отъ времени. При этомъ она, повидимому, не замѣчала ни смертельной блѣдности лица матери, ни дрожанія рукъ, ни отчаянія въ ея взорѣ. Не видя ничего этого, она весело и громко продолжала говорить:

— У васъ, мамаша, пропасть разныхъ шелковъ осталось отъ прежнихъ нашихъ работъ. Пойдемте разыскивать ихъ. Пойдемте,—мнѣ хочется скорѣе приняться за поправку этой чудной развалины. Вы мнѣ поможете, мамаша? Боже мой, сколько ужъ мы нашими четырьмя руками исполнили разныхъ такихъ работъ! И всегда и все вмѣстѣ!

Она ухватила мать подъ-руку и увлекла смертельно-блѣдную женщину по направленію къ ея комнатѣ. Онѣ прошли черезъ свѣтлую комнату, въ которой три лица внимательно смотрѣли на шахматную доску, черезъ столовую, гдѣ занимались уборкой лакеи, черезъ кабинетъ матери, въ которомъ протекло столько часовъ ихъ совмѣстной жизни, и, наконецъ, вошли въ спальню, полуосвѣщенную лампой съ абажуромъ. Здѣсь Ирена въ одно мгновеніе засунула у дверей задвижку и, повернувъ къ матери свое вдругъ разгорѣвшееся лицо, схватила обѣ ея руки въ свои ладони.

— Довольно уже намъ этихъ тайнъ, недосказываній, этихъ преградъ между нашими сердцами и устами!...

Торопливый шопотъ этотъ вытекалъ изъ нея, какъ горячее дыханіе вдругъ раскрытаго сосуда, наполненнаго жаромъ.

— Скажемъ другъ другу все... Или нѣтъ,—вы, мама, ничего мнѣ не говорите... не говорите, не говорите!.. Я все знаю и тоже не буду говорить!.. Мы только обсудимъ... обсудимъ вмѣстѣ... О, моя мама!

Ея вѣчно прямая и сдержанная фигура стала изгибаться, какъ тонкій тростникъ, а уста, прославленные постояннымъ вы-

раженіемъ ироніи и равнодушія, цѣлымъ градомъ поцѣлуевъ покрывали дрожащія руки и блѣдное лицо матери.

— Ира, прости меня! Да проститъ меня Богъ! — промолвила Мальвина, — она не въ силахъ была сказать ничего больше.

Упавъ на колѣни и положивъ въ изнеможеніи голову на низкое кресло, она казалась совершенно подавленной, разбитой, уничтоженной. Видъ этого страданія заставилъ Ирену собраться съ силами. Она снова, казалось, по прежнему застыла. Трезвая мысль засвѣтилась въ ея взорѣ. Наклонившись надъ своей матерью, она почти покровительственнымъ движеніемъ положила свою нѣжную ладонь на ея плечо и стала говорить тономъ благоразумія:

— Моя милая мама, я прошу васъ не предаваться отчаянію, а главное, не мучить себя упреками за то, что вы считаете своею виной. Вы никогда не должны говорить вашимъ дѣтямъ: простите! Вы были всегда для насъ матерью доброю и кротою, какъ ангелъ. Живя съ вами, мы любили васъ, цѣнили, я — особенно. Помните, что возлѣ васъ — сердце преданное и родное... Надо намъ вмѣстѣ встрепнуться, имѣть волю, обдумать, придумать, рѣшить, спастись...

Смотря въ лицо матери съ чудесной улыбкой, она прибавила:

— И меня надо спасать, потому что и я несчастная, не знаю сама, какъ поступить.

Мальвина тотчасъ подняла голову, выпрямилась и встала на ноги.

— Да, — тихо проговорила она. — Ты... я такъ давно собираюсь поговорить съ тобой о тебѣ, но... не смѣла.

— Будемъ же, наконецъ, говорить! — воскликнула Ирена.

Взявъ мать опять подъ руку, она подвела ее къ дивану и сказала:

— Двери заперты, никто намъ не помѣшаетъ; поговоримъ... будемъ долго говорить... Но намъ необходимо благоразуміе, спокойствіе. Мы должны смотрѣть на все и на самихъ себя съ полной ясностью, мы должны ясно сознавать, чего мы хотимъ или не хотимъ, а потомъ попробовать осуществить наши желанія и намѣренія... надо умѣть хотѣть!

Произнося послѣднія слова, она невольно впала въ подражаніе барону и сказала ихъ нѣсколько въ носъ, при чемъ засмѣялась.

Обѣ усѣлись на низкія кресла. Нѣжно смотря въ лицо матери, Ирена начала говорить:

— Моя мама, если только вы согласны, я очень скоро выйду замужъ за знаменитаго мѣдвѣалиста, барона Эмиля Блауендорфа, и тогда мы втроемъ уѣдемъ отсюда въ Америку... за океанъ!

— Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ!—перебила ее Мальвина, испуганно обнимая дочь, какъ бы охраняя ее отъ наваливающейся на нее тяжести.

— Нѣтъ, не то! Совсѣмъ другое... другое...

Въ этотъ моментъ чья-то нетерпѣливая рука постучала ручкой двери.

— Нельзя!—громко сказала Ирена, спросивъ при этомъ:— кто тамъ?

Отвѣта не было, но ручка задвигалась еще разъ, хотя уже менѣе настойчиво.

— Нельзя!—повторила Ирена.

За дверьми послышались удаляющіеся легкіе и быстрые шаги.

— Это Кара,—сказала Мальвина.

Сдвинувъ брови, Ирена замѣтила:

— Ради нея, какъ и ради насъ, надо положить этому конецъ.

Кара отошла отъ дверей съ понижшей головой и недовольнымъ лицомъ, забывъ о своемъ Пуфикѣ, по обыкновенію слѣдовавшемъ за нею. За полчаса до этого, послѣ того, какъ миссъ Мэри окончила свою партію шахматъ съ Маріаномъ, Кара взяла подъ-руку брата, сказавъ ему:

— Мнѣ падо съ тобой поговорить.

Взглянувъ на ея серьезный видъ, Маріанъ улыбнулся.

— Если ты будешь говорить съ такою торжественностью, то намъ предстоитъ не очень веселое препровожденіе времени. О чемъ же ты хочешь говорить?

Не отвѣчая ему, она повела его черезъ голубую гостиную, въ слѣдующую, слабо-освѣщенную комнату. Здѣсь Кара остановилась, посмотрѣла кругомъ и задала брату вопросъ:

— Почему ты въ ссорѣ съ отцомъ?

Удивленный этимъ, Маріанъ отвѣтилъ вопросомъ:

— Для чего тебѣ это знать? Не мечтаешь ли ты принять на себя роль примирительницы?

На ея лицѣ не было и слѣда всегдашней ея улыбки. Нахмурившись, она повторила свой вопросъ:

— За что ты въ ссорѣ съ отцомъ? Ты развѣ его не любишь? За что ты можешь его не любить? Онъ такой милый,

умный, благородный! Когда такъ долго его не было между нами, я мечтала о немъ, ждала его возвращенія, представляла себѣ, какъ мы всѣ будемъ счастливы, когда онъ будетъ съ нами... Между тѣмъ, совсѣмъ не то! Всѣ будто перессорились между собою. Я вижу это все,—только не могу понять, отчего это? Отчего? отчего?

Внимательно всматриваясь въ нее, Маріанъ будто усмѣхнулся. Это былъ, однако, смѣхъ неискренній.

— Ты знаешь пословицу, что любопытство—первый шагъ къ аду и вѣрнѣйшій путь къ преждевременной старости. Ты хочешь, моя крошка, раньше времени постарѣть...

— Это не любопытство, это какая-то такая печаль... Я и сама не знаю, что это такое, но что-то очень страшное. Мнѣ иногда кажется, будто кто-то умретъ или пропадетъ, или вообще съ кѣмъ-нибудь произойдетъ что-нибудь ужасное... не знаю что, но что-то очень нехорошее... Что-то тутъ есть; не знаю, не знаю только—что!..

Маріанъ, сдвинувъ брови, сказалъ:

— А если не знаешь ни того, съ кѣмъ, ни того, что случится, то что же я могу тебѣ сказать? Я не гадалка, чтобы могъ объяснять дѣтскіе сны.

— Это вовсе не сны,—говорила она.—Это что-то такое, что носится въ воздухѣ, прикасается, дышетъ... исчезаетъ и опять возвращается... точно туманъ или вѣтеръ... Ты вѣдь ужъ большой, и всѣ говорятъ, что ты умный. Объясни мнѣ это. Мнѣ кажется, что еслибъ ты захотѣлъ только, все бы пошло лучше. Это—твоя обязанность. Развѣ ты не любишь маму, папашу, Иру? Я ихъ ужасно люблю... Я готова всѣмъ для нихъ пожертвовать. Но что же мнѣ дѣлать, когда я еще не взрослая, не умная, даже ничего не могу понять. Ты—другое дѣло, но ты въ ссорѣ съ отцомъ. Кажется, даже и не любишь его! Я вижу это. За что? Почему? Мой милый Марысъ, неужели ты не можешь мнѣ объяснить...

Она умоляла, а онъ смотрѣлъ на нее съ возрастающей досадою на лицѣ. Какое-то безпокойство и состраданіе блеснули въ его глазахъ. Одно мгновеніе казалось, что онъ обвиняетъ ее или приголубить, чтобы сгладить съ дѣтскаго лица признаки горя. Но онъ вѣдь не аркадскій пастушокъ, а потому и повелъ съ нею рѣчь медленную и разсудительную.

— Дорогая моя, ты напрасно мучишь свою маленькую головку дѣлами этого свѣта, пока ты до нихъ не доросла. Я не могу тебѣ ничего ни сказать, ни объяснить, потому что мы съ тобой

находимся на двухъ противоположныхъ полюсахъ понятій. Ты говоришь о самопожертвованіи, объ обязанностяхъ и о любви—словами твоей гувернантки. Что касается моихъ несогласій съ отцомъ, то ты не можешь еще судить о такихъ вещахъ. Но, изъ любезности, я отвѣчу тебѣ на твой вопросъ въ нѣсколькихъ словахъ. Видишь ли, тутъ встрѣтились между собой и, какъ двѣ планеты, столкнулись двѣ выработанныя и энергическія индивидуальности и два эгоизма... Однако, не дѣлай такихъ испуганныхъ глазъ! Глупыя няньки пугаютъ дѣтей букой, цыганомъ и эгоизмомъ, но взрослымъ людямъ извѣстно, что эгоизмъ есть общій законъ, и къ тому же это дѣло хорошее. Будь и ты эгоисткой. Не заботься о томъ, что тебя самой не касается, и старайся лишь развивать свою индивидуальность. Съ этой цѣлью поиграй весело съ Пуфикомъ и иди пораньше спать, потому что позднее сидѣніе портитъ молодымъ дѣвушкамъ цвѣтъ лица. Завтра начни думать о томъ платьѣ, которое на тебѣ будетъ во время блестящаго бала, придуманнаго нашимъ отцомъ на мученіе мамашѣ—*et ça ira...* Не обращай вниманія ни на какіе туманы, сны и инныя привидѣнія, которыя то прикасаются, то убѣгаютъ. Это все состоянія души, еще подчиняющейся мечтательности и всякимъ вздорамъ. Вотъ и все, что я могу тебѣ сказать и посоветовать, я, твой прадѣдушка. Посмотри на Иру и бери съ нея примѣръ благоразумія. Она умѣетъ шутить надъ свѣтомъ. Покойной ночи, моя малютка!—Онъ пожалъ ея руку, потрясъ ее по-пріятельски и исчезъ въ амфиладѣ комнатъ.

Кара постояла съ минуту, съ опущенными къ землѣ глазами, а потомъ оглянулась на окружавшую ее пустоту и тишину. Стекланные шары лампъ наполняли комнаты полусвѣтомъ, кое-гдѣ отражавшимся на позолотѣ и картинахъ. Все живое казалось отъ нея очень далеко. Не слышно было ни голосовъ, ни шаговъ людей. Вдругъ въ которой-то изъ комнатъ забили часы. Пробило девять медленными звуками басистаго колокола, громко раздававшагося въ тишинѣ жилища. Вслѣдъ за этимъ пробили другіе часы болѣе высокими нотами и торопливѣе. Потомъ опять: разъ, два, три... Это казалось какою-то бесѣдой, которую вели между собой неодушевленные предметы.

Кара вскочила съ мѣста и быстро побѣжала на цыпочкахъ къ комнатѣ матери. Въ широко раскрытыхъ глазахъ ея виденъ былъ испугъ, а лобъ ея подъ бѣловатыми вудрями сильно нахмурился.

VIII.

Десять дней отсутствія Дарвида привели къ тому, что, по возвращеніи своемъ въ городъ, послѣ шумнаго и великолѣпнаго развлеченія на княжеской охотѣ, онъ увлеченъ былъ въ водоворотъ непрерывныхъ занятій, хлопотъ и визитовъ, которые даже для него, привычнаго ко всему этому, оказались нелегкими. Онъ то разбѣзжалъ, то принималъ у себя; по цѣлымъ часамъ просиживалъ, одинъ или при помощи другихъ, за писаніемъ бумагъ и цифровыхъ выкладокъ, совѣтовался, обсуждалъ, спорилъ, заключалъ условія со множествомъ людей. Случалось, что послѣ утомительнаго дня, послѣ усиленныхъ трудовъ, захватившихъ даже часть ночи, онъ ложился въ постель, безъ особенной надежды на спокойный сонъ, и начиналъ сознавать, во чтѣ ему обходится каждый перерывъ занятій, въ родѣ охоты у князя Зенона. Жизнь его—это цѣпь трудовъ и обязанностей, столь тѣсно заполняющихъ его время, что каждая остановка въ его дѣятельности отражается загроможденіемъ, для устраненія котораго у него не хватаетъ силъ,—даже его силъ. И къ чему это? Зачѣмъ ему было ѣхать на эту охоту? Развѣ онъ испыталъ тамъ хотя какое-нибудь удовольствіе? Какое?! Всѣ эти совершеннѣйшія, а то и пожилые люди, дѣлающіе вопросъ удачи или неудачи изъ мѣткости или неловкости выстрѣла, эти знатные господа, прожигающіе время въ развлеченіяхъ, которыя своимъ шумомъ, предметомъ разговоровъ, видомъ пролитой крови, напоминаютъ умственное и чувственное состояніе дикарей,—всѣ они представлялись ему дѣтьми, то скучными, то смѣшными. Это легкомысленное, безцѣльное препровожденіе времени,—не то рыцарское, не то дикое,—не укладывалось въ его мозгу, давно уже занятомъ одними строгими вычисленіями, цифровыми расчетами. Правда, встрѣтился онъ тамъ однажды съ лирическимъ настроеніемъ, но это случилось всего одинъ разъ. Это былъ молодой человѣкъ, ѣхавшій, а потомъ стоявшій возлѣ него на одной изъ охотъ, который пытался привлечь его къ восхищенію видомъ поля, занесеннаго снѣгомъ, дуновеніями рѣзвыхъ вѣтерковъ, гуляющихъ надъ этимъ полемъ, далекими перспективами лѣса и прочаго. Это былъ истый лирикъ. Онъ откровенно высказывалъ, что къ охотѣ относится равнодушно, и что участвуетъ въ ней не съ цѣлью стрѣлять въ звѣря, а ради наслажденія природой. Еще бы! Дарвидъ зналъ, что не мало есть людей, обожающихъ природу. Природа и искусство, должно быть, представляютъ

могучую силу, коль скоро такое множество людей бьютъ передъ ними челомъ. И онъ бы ударилъ, вѣроятно, еслибъ жизненный путь привелъ его къ тому же; но его путь повелъ въ иномъ направленіи, вдалекѣ отъ нихъ. Поэтому онъ не могъ ознакомиться съ ними,—не было времени. Смотри на поля, лѣса, снѣгъ, онъ видѣлъ поля, лѣсъ, снѣгъ—и ничего больше. Онъ принадлежалъ къ числу тѣхъ людей, которые юта называютъ ютомъ, и втихомолку презираютъ всевозможныя гиперболы, оды и всякія увлеченія. Съ перваго раза общество этого лирика показалось ему интереснымъ, онъ слушалъ его съ любопытствомъ, наблюдая въ немъ извѣстный родъ людей, мало ему знакомый; потомъ, только изъ вѣжливости, тая испытываемую скуку, онъ, однако, старался показать, что вполне раздѣляетъ восторгъ, увлеченіе и удовольствіе лирика. Онъ находился въ средѣ людей именитыхъ, аристократовъ чистой крови, поэтому склонности своей къ ироніи не давалъ хода, позволяя себѣ проявлять наружу лишь гладкія манеры, гибкость, всестороннюю пріятность въ движеніяхъ, въ рѣчи, въ улыбкѣ. Это былъ тоже своего рода трудъ, вознаграждаемый сразу ощущеніемъ извѣстнаго рода живого наслажденія. Онъ даже самъ не замѣчалъ того, какъ его осанка выпрямлялась, какъ высоко держалъ онъ свое мудрое, разглаженное чело, когда расхаживалъ по княжескимъ салонамъ на равной съ ними ногѣ и пріятельски съ ними бесѣдуя. Онъ казался выше, чѣмъ былъ въ дѣйствительности, и пошевеливалъ лишь своими подвижными ноздрами, втягивая въ себя величіе всего окружающаго и свое собственное. Вскорѣ, однако, это состояніе душевнаго удовлетворенія уступило мѣсто какому-то другому чувству, довольно несносному и не совсѣмъ ясно опредѣленному. Чувство это мѣшало его самоувѣренности и нарушало устойчивость въ отношеніи окружающаго. Какъ ни безупречна была предупредительность того общества, въ которое онъ такъ стремился, какъ ни лестны были слова признанія за нимъ заслугъ его въ области полезнаго труда, какъ ни твердо стоялъ онъ на почвѣ, выкованной изъ золота,—онъ все-таки чувствовалъ себя здѣсь чужимъ, попавшимъ въ кругъ новыхъ явленій, не всегда ему понятныхъ. По временамъ здѣсь происходили разговоры о неизвѣстныхъ ему предметахъ, употреблялись выраженія, ему непонятныя, упоминались происшествія, о которыхъ онъ не слыхалъ. Ему приходилось быть на стражѣ своихъ словъ и движеній, съ тайнымъ опасеніемъ, чтобы какое-нибудь изъ нихъ не выдѣлилось слишкомъ рѣзко на фонѣ свѣтскости, среди которой онъ находился. Кромѣ того, что его связывало съ этимъ фо-

номъ, онъ сталъ замѣчать и широкую пустоту, отдѣлявшую его отъ этого свѣта. Потеря самоувѣренности была для него новостью. Съ самыхъ юныхъ лѣтъ онъ никогда не испытывалъ ничего подобнаго. Мучительныя сомнѣнія появились лишь въ послѣдніе дни, вмѣстѣ со скукой и чувствомъ отчужденности отъ окружающаго его общества. Противъ этого онъ былъ безпомощенъ. Ни желѣзный трудъ его, громко здѣсь прославляемый, ни пріобрѣтенные этимъ трудомъ милліоны, которымъ открыто воздавали почетъ, не въ силахъ были помочь ему въ этомъ. Вообще, между этими людьми, въ кругъ которыхъ онъ всегда такъ жаждалъ попасть, на этой общественной вершинѣ, къ которой возносились его мечты, онъ очутился точно на неудобномъ стулѣ, выставленномъ на холодъ и притомъ безъ всякихъ видовъ. Не на чемъ остановиться ни взору, ни мысли. Пустота и скука! Нѣкоторое уничтоженіе, точно мельчайшій, но неутомимый червякъ, сверлило его сердце. Неудивительно поэтому, что, отдавая себѣ отчетъ въ употребленіи времени и во всемъ видѣнномъ, слышанномъ и испытанномъ, онъ не могъ обойтись безъ натянутыхъ улыбокъ и чтобы мысленно не восклицать:—ничтожество!

Онъ былъ слишкомъ уменъ, чтобы не примѣнять этого слова ко многому, даже изъ того, къ чему самъ стремился.

Дня черезъ два напряженной работы, которая поражала тѣхъ, кто былъ ея свидѣтелемъ, и изнуряла до потери силъ принимавшихъ въ ней участіе, передъ наступленіемъ вечера, по обыкновенію, онъ принималъ въ своемъ кабинетѣ всѣхъ посѣщавшихъ его по дѣламъ или просто для свиданія съ нимъ. Исключеній онъ не дѣлалъ ни для кого, не пытаясь ничѣмъ облегчить себя. Всѣхъ принималъ, со всѣми бесѣдовалъ, потому что нельзя предвидѣть, кто и что принесетъ, что для чего можетъ пригодиться, если не сейчасъ, то когда-нибудь, если не очень, то хоть на что-нибудь. Однако, лицо его казалось худощавѣе обыкновеннаго, и рѣчь его по временамъ теряла свою обычную плавность. Поѣздка на охоту и все испытанное тамъ, а затѣмъ усиленные занятія и напряженіе мысли, явно переутомили его. Запинанію въ рѣчи онъ сталъ подвергаться вслѣдствіе того, что мысль его часто отклонялась къ предмету, то-и-дѣло мучившему его, словно поднимая ему подъ самое сердце клубокъ ослизлыхъ змѣй.

Часа два передъ тѣмъ онъ спросилъ своего секретаря, отличавагося усердіемъ и находчивостью: все ли въ домѣ готово къ предстоящему балу? Секретарь былъ удивленъ вопросомъ.—Какъ?

Развѣ балъ не отмѣненъ? На другой день послѣ отъѣзда прин-
ципала, онъ явился за приказаніями къ госпожѣ Дарвидъ, но
видѣлъ только панну Ирену, которая объявила ему, что ника-
кихъ порученій по этому поводу ему дано не будетъ. Затѣмъ
въ домѣ царил тишина, не нарушаемая никакими приготовленіями.

— Да, да!—перебилъ его Дарвидъ:—жена моя, должно быть,
дурно себя чувствуетъ. У нея частыя мигрени... Ну, что дѣ-
лать! Женскіе нервы—force majeure!

Но во время приѣма у себя, и говоря о дѣлахъ, онъ замѣ-
чалъ, что мысль его то-и-дѣло возвращалась къ этому, неочи-
данно встрѣченному имъ въ своемъ домѣ, упорству. Какъ! Она?
Та, которая должна считать величайшей милостью, счастьемъ,
что ей предоставляется возможность оставаться во главѣ его
дома, въ блескѣ его богатства и общаго почета, она осмѣли-
лась... имѣла безстыдство противиться его волѣ?! Онъ мысленно
презиралъ эту женщину. Несмотря на то, почти безсознательно
всю вину приписывалъ онъ не ей, а Иренѣ. Невольно онъ пред-
ставлялъ себѣ фигуру высокой, стройной, изящной и холодной
дѣвушки, которую онъ встрѣтилъ на площадкѣ лѣстницы, въ
черной шубѣ, съ жесткимъ блескомъ въ глазахъ, выглядывав-
шихъ изъ-подъ фантастической шляпы. Она какъ бы говорила ему:

— Бала нельзя будетъ устроить.

„Да, это она, Ирена. Та бы не рѣшилась на это. Развѣ я
ея не знаю? Она всегда была кроткая и слабая... Безсильная,
ничтожная! Какая же въ ней можетъ быть энергія. Нѣтъ, это
дѣло Ирены“!

Занятый этими мыслями, онъ пожалъ руку послѣднему изъ
удалявшихся посѣтителей и, провожая его до дверей, говорилъ
ему совсѣмъ не то, что въ эту минуту его занимало.

— Необходимо, — говорилъ онъ, — чтобы товарищество по-
старалось развить пошире свою дѣятельность путемъ упроченія
вѣрныхъ источниковъ кредита. Кредитъ, милостивый государь,
это первая буква въ азбукѣ нынѣшнихъ финансовыхъ предпріятій.
Постарайтесь послать кого-нибудь въ столицу, кого-нибудь,
кто...—Онъ спотыкнулся, потому что его преслѣдовала мысль: „да,
это Ирена“!

Замолчавъ на мгновеніе, онъ окончилъ:

— Кого-нибудь достаточно компетентнаго и съ положеніемъ;
лучше всего ту особу, о которой мы съ вами говорили. Вотъ
мой совѣтъ.

Дверь за послѣднимъ посѣтителемъ закрылась. Дарвидъ обер-
нулся и увидѣлъ стоявшую у круглаго стола Ирену.

Онъ снова вспомнилъ свою сегодняшнюю встрѣчу съ нею. Она быстро поднималась по лѣстницѣ, возвратившись откуда-то, а онъ спѣшилъ къ ожидающей его каретѣ. Они поздоровались нѣскоро, не останавливаясь,—у него не было ни секунды времени.

— Bonjour, père! — торопливымъ движеніемъ наклоняя голову, сказала она.

— Bonjour, Irène! — отвѣтилъ онъ, приподнявъ шляпу.

За нимъ шелъ секретарь съ тяжелымъ портфелемъ, за ней несли покупки, и они оба прошли, не останавливаясь.

Поэтому теперь здороваться уже не было надобности. Ирена, не отходя отъ стола, сразу начала говорить ему:

— Я пришла къ тебѣ, папаша, чтобы отъ имени мамы и отъ себя просить у тебя полчаса для разговора, но непременно сегодня и сейчасъ.

Ея темный, тѣсно обхватывающій талію лифъ заканчивался сверху очень высокимъ воротомъ, который, какъ полураскрытая цвѣточная чашка, обнималъ ея тонкое, продолговатое, блѣдное лицо. Да и вся она въ этой комнатѣ—съ очень высокимъ потолкомъ и мебелью крупныхъ размѣровъ—казалась меньше и ниже ростомъ, чѣмъ въ иномъ мѣстѣ. И однако, слова: „сейчасъ и непременно“, она произнесла съ такимъ рѣшительнымъ видомъ, что Дарвидъ остановился посреди кабинета и устремилъ на нее свой пронизывающій взглядъ.

— Ты говоришь: отъ имени матери и своего?.. Зачѣмъ же эта торжественность и рѣшительность рѣчи? Вѣроятно, ты желаешь объяснить причину, почему твоя мать и ты признали личнымъ противиться моей волѣ...

— Нѣтъ, папаша, я имѣю намѣреніе, напротивъ, извѣстить тебя о волѣ мамы и моей...

Онъ торопливо спросилъ:

— Относительно этого бала?

— Нѣтъ; дѣло идетъ о вещахъ гораздо болѣе важныхъ, чѣмъ балъ.

На минуту воцарилось молчаніе. Еслибы слова, которыми они обмѣнивались, заключали въ себѣ менѣе извѣстности и не слѣдовали одно за другимъ съ такой поспѣшностью, то, можетъ быть, отецъ и дочь обратили бы вниманіе на послѣдовавшійся въ этотъ моментъ изъ угла комнаты легкій, непродолжительный шорохъ. Что-то какъ будто пошевелилось, но въ тотъ же моментъ стихло.

— Дѣло идетъ о предметѣ гораздо болѣе важномъ, чѣмъ балъ,

—повторила Ирена: — дѣло идетъ о спокойствіи, чести и совѣсти моей матери.

— Что за напыщенные выраженія! — слегка усмѣхнувшись, воскликнулъ Дарвидъ. — Я все болѣе и болѣе убѣждаюсь, что склонность къ эвзальтаціи — господствующая болѣзнь въ моемъ семействѣ. Я предпочелъ бы, чтобы ты говорила проще...

— Вопросъ, о которомъ я должна говорить, не обыденный, поэтому и между словами моими могутъ встрѣтиться выраженія не обыденныя, — отвѣтила она, присѣвъ на кресло, выпрямивъ свой станъ и сложивъ руки на колѣняхъ. — Вопросъ, о которомъ я буду съ тобой говорить, папаша, очень сложный и тонкій. согласишься ли ты, папаша, раздѣлить мое мнѣніе, что можно совершить то, что обыкновенно называютъ проступкомъ, и въ то же время имѣть безконечно благородное сердце и испытывать ужасныя страданія? По общему мнѣнію, такое страданіе есть справедливое наказаніе или покаяніе за совершенный проступокъ; но я считаю это мнѣніе „раскрашеннымъ вздоромъ“, потому что, Боже мой, какъ на свѣтѣ все перепутано, мелко, относительно!..

Говорила она совершенно спокойно, только при послѣднихъ словахъ слегка пожала плечами. Дарвидъ вглядывался въ нее, оцѣпенѣвъ отъ удивленія.

— Какъ это? — упавшимъ голосомъ заговорилъ онъ. — Ты... ты приходишь ко мнѣ говорить о томъ, что... Тебѣ извѣстно? Ты понимаешь? И ты приходишь, чтобы говорить... объ этомъ!

— Ахъ, папаша, прежде всего, для того, чтобы нашъ разговоръ привелъ насъ къ какому-нибудь заключенію, надо устранить изъ него всякаго рода „раскрашенные глиняные горшки“.

— Что это значить? — спросилъ Дарвидъ.

— Что? Раскрашенные горшки? А это, папаша, такія плохія издѣлія изъ глины, которыя расписываютъ въ яркіе цвѣта. Напримѣръ, въ данномъ случаѣ такими оказались бы наивность, скромность, застѣнчивость и тому подобный раскрашенный вздоръ.

Она засмѣялась и продолжала:

— Мнѣ давно все извѣстно, что произошло... Я была еще маленькой дѣвочкой, когда одинъ разговоръ между тобой, папаша, и мамой долетѣлъ до моего слуха, проникъ въ сознаніе и значительно помогъ мнѣ впослѣдствіи повясть положеніе моей матери. Дѣла и занятія принуждали тебя, папаша, постоянно отсутствовать. Я, конечно, не намѣрена осуждать тебя. Ничуть! Но здѣсь вопросъ о простой логикѣ. Ты преслѣдовалъ одну свою идею, и въ этомъ было твое счастье, твоя радость; а

мама... бѣдняжка!.. вѣдь и она тоже могла желать для себя хоть немного счастья и радости. Разница въ томъ, что твое счастье и твои радости были блестящими, открытыми, торжествующими, а мамы... мрачныя, наполненныя отравой и стыдомъ...

На этомъ мѣстѣ голосъ ея дрогнулъ, она почему-то нагнулась и сняла съ платья какую-то пылинку; но сейчасъ же оправилась и, совершенно яснымъ и спокойнымъ взоромъ смотря на отца, сидѣвшаго противъ нея, продолжала:

— Для того, чтобы убѣдить тебя, папаша, что нашъ разговоръ имѣетъ серьезное значеніе, я позволю себѣ объяснить, что скрытыя, но для меня очевидныя пружины, породившія такъ называемый проступокъ и повліявшія на настоящее настроеніе мамы...

— Нельзя ли лучше обойти это и прямо перейти къ дѣлу? — нервно перебилъ онъ свою дочь, набрасывая на носъ пенснѣ.

— Нѣтъ, папаша, я прошу тебя уступить мнѣ нѣсколько лишнихъ минутъ для нашего объясненія. Это мнѣ необходимо. У каждаго человѣка есть своя, такъ называемая, душа, не похожая на прочія. Впрочемъ, можетъ быть это тоже своего рода раскрашенный предразсудокъ! Но такъ принято называть наши склонности и чувства. Поэтому, для удобства рѣчи, я буду употреблять это выраженіе...

Она улыбнулась и продолжала:

— Души бываютъ разныя: твердыя, какъ сталь, и мягкія, какъ воскъ; недоступныя никакому чувству и чувствительныя. У мамы душа мягкая и чувствительная. Ей необходимы, какъ воздухъ, нѣжная забота, признательность, словомъ—все, что входитъ въ составъ привязанности, любви и т. д. У тебя, папаша, всегда была стальная душа и безконечное множество дѣлъ и занятій... Когда мы были дѣтьми и Кара едва начинала говорить... Ну, что же? Пришла минута... Не знаю, какая, потому что объ этомъ мнѣ трудно судить... Въ концѣ концовъ случилось то же самое, что и съ тобой въ твоихъ долгихъ, частыхъ и далекихъ путешествіяхъ не разъ, разумѣется, случалось... Развѣ нѣтъ? Развѣ это не такъ?

Она покраснѣла, слегка улыбнулась и проницательнымъ взглядомъ смотрѣла прямо въ лицо отца.

— Потому что, папаша, только „ревматикъ мысли“ могъ бы думать, что ты всегда любилъ только одну маму, и что вообще ты ее любилъ... Мама, разумѣется, не вѣрила этому.

— Ирена! — воскликнулъ Дарвидъ, но она не дала себя прервать.

— Прости меня, папаша, но позволь тебѣ повторить, что я не осуждаю тебя. Я подтверждаю только факты и причины, и поясняю ихъ—только всего. Это необходимо. Безъ этого было бы непонятно желаніе мамы и мое, которое я сейчасъ выскажу. А теперь возвращаюсь къ вопросу о душѣ, индивидуальной душѣ. Это очень важно. Такъ называемые проступки и преступленія могутъ возникать какъ въ низкихъ, такъ и въ благородныхъ душахъ. Если они совершаются послѣдними, то за этимъ слѣдуютъ величайшія, ужаснѣйшія страданія... Я насмотрѣлась на нихъ, папаша, и, насмотрѣвшись, пришла къ тому, что теперь считаю всякую такъ называемую любовь и такъ называемое счастье раскрашенною глиной. Идиллія! Можетъ быть, она гдѣ-нибудь и существуетъ, но та, которую я видѣла,—увѣряю тебя, папаша,—способна была отвѣдить отъ всякой охоты смотрѣть на вещи съ точки зрѣнія идилліи.

Дарвидъ вскочилъ съ мѣста.

— Говори же, наконецъ, о дѣлѣ, Ирена, говори о томъ желаніи своемъ, по поводу котораго ты пришла сюда! Я не понимаю терзаній твоей матери. Было бы лучше, еслибы ты безъ всякихъ вступленій, сразу сказала, чего ты желаешь. Угрызенія совѣсти, что-ли, ее мучили? надоѣли? У меня нѣтъ времени для психологическихъ анализовъ, и я желалъ бы скорѣе покончить нашъ разговоръ. Можетъ быть, помимо совѣсти и разныхъ подобныхъ вещей, она не встрѣтила въ своемъ другѣ сердца идеала, созданнаго чувственною фантазіей? Мнѣ стыдно говорить съ тобой объ этомъ... Скажи скорѣе, что тебѣ нужно?

Трясущейся рукой онъ старался зажечь конецъ папирсы о пламя свѣчи; лицо его какъ будто съѣжилось отъ морщинъ, обильно покрывшихъ его чело и дрожавшихъ на обѣихъ щекахъ.

Ирена, поблѣднѣвъ и слѣдя глазами за всѣми движеніями отца, отвѣчала:

— Да, папаша,—совѣсть. Въ душѣ мамы очень сильно развито то, что называется совѣстью. Но, кромѣ того, стыдъ передъ нами и чувство униженія отъ сознанія, что все, что у нея есть, она получаетъ отъ тебя.

Опять послышался какой-то шорохъ въ углу комнаты, но никто не обратилъ на это вниманія. Въ это самое время Дарвидъ, отъ нетерпѣнія быстро зашагавъ по комнатѣ назадъ и впередъ, произнесъ съ досадою:

— Говори же наконецъ! Я не понимаю, чего можетъ желать твоя мать. Я оставилъ ей положеніе жены, матери и хо-

зайки дома. Она окружена достаткомъ, блескитъ въ свѣтѣ и пользуется жизнью...

Ирена страдальчески взглянула на него.

— Именно вотъ этого-то мама и не желаетъ! То именно, что ты считаешь величайшимъ благодѣніемъ для нея, она считаетъ невыносимымъ. Она не хочетъ пользоваться въ свѣтѣ почетомъ, котораго, по ея мнѣнію, она не заслуживаетъ; не хочетъ пользоваться состояніемъ, которое ты ей предоставляешь, и которое приправлено твоимъ презрѣніемъ. Мама желаетъ покинуть и домъ этотъ, и вообще свѣтскую жизнь, со всѣми его излишествами и блескомъ. Я знаю объ этомъ давно, и потому имѣла намѣреніе скоро выйти замужъ и уѣхать отсюда вмѣстѣ съ мамой.

Дарвидъ превозмогъ свое волненіе; слова дочери показывали, что она приближается къ фактической сторонѣ дѣла, а факты требуютъ хладнокровія.

— Если ты хочешь со мной говорить о намѣреніи своемъ выйти за барона Блауендорфа, то я долженъ тебѣ сказать...

— Нѣтъ надобности тебѣ объ этомъ говорить, потому что отъ этого намѣренія я уже отказалась. Дѣйствительно, оно было, но вмѣсто того у меня теперь другое въ виду. У тебя, папаша, есть наслѣдственная деревушка въ глухой провинціи. Я хочу просить тебя, папаша, чтобы ты мнѣ подарилъ ее, но сейчасъ же. Я знаю, что ты бы мнѣ далъ приданое въ десять разъ больше. Я отказываюсь отъ девяти-десятихъ, но обращаюсь къ тебѣ съ сердечной просьбой о томъ, чтобы ты отдалъ мнѣ эту одну-десятую, и чтобы я немедленно могла ее получить. Прошу у тебя, папаша, объ этой милости, сердечно прошу!

Она нагнулась къ отцу и подняла на него умоляющій взоръ. На глазахъ ея выступили слезы.

Дарвидъ, помолчавъ минуту, отвѣтилъ:

— Хотя мнѣ непонятенъ этотъ вапризъ,—я не вижу въ немъ, однако, ничего невозможнаго или вреднаго. Напротивъ, мнѣ будетъ пріятно доставить тебѣ удовольствіе, и, хотъ завтра, я тебя сдѣлаю собственницею этой... скучной деревушки. Но что ты будешь съ нею дѣлать, зачѣмъ она тебѣ?

Ирена встала, быстро обошла столъ и, такъ же быстро нагнувшись, взяла руку отца, чтобы прижать ее къ губамъ. Возвратясь на прежнее мѣсто, она сказала:

— Благодарю тебя, папаша. Ты исполнишь мое самое горячее желаніе. То, что ты называешь скучной деревушкой, именно

такое мѣсто, какого желаетъ мама. Мы поспѣшимъ по возможности скорѣе туда уѣхать и поселиться тамъ...

— Что такое?—пораженный удивленіемъ, спросилъ Дарвидъ, наклонясь всѣмъ корпусомъ впередъ, но тотчасъ снова заговорилъ спокойнымъ голосомъ:—Я прихожу къ убѣжденію, что когда мнѣ приходится говорить съ моими дѣтьми, то я не долженъ удивляться ничему. Я долженъ быть приготовленъ ко всякимъ неожиданностямъ...

— Это очень естественно, папаша: вѣдь мы почти не знаемъ другъ друга...—прервала его Ирена и продолжала:

— Въ угрызеніяхъ совѣсти и иныхъ чувствахъ этого рода мама доходитъ до преувеличеній, до желанія перенести какое-либо добровольное наказаніе! Еслибы время и обстоятельства были иные, она, вѣрно, пошла бы въ монастырь и облеклась бы въ власницу. Это, разумѣется, экзакерація, но что дѣлать! Характеры бываютъ разные. Но желаніе мамы удалиться отъ свѣтской жизни я понимаю вполне, потому что, во-первыхъ... всѣ эти почести, излишества—все это тѣ же врата къ одному и тому же; за ними—прахъ, ничто...

— О, Господи!—воскликнулъ Дарвидъ.

— Что ты сказалъ, папаша?

— Въ твоемъ возрастѣ, въ твоемъ блестящемъ положеніи, въ которомъ ты находилась съ самаго дѣтства—и такое разочарованіе!

— Это-то блестящее положеніе, папаша, можетъ быть именно оно-то и было причиной... но не обо мнѣ рѣчь... Именно вслѣдствіе того, что ты называешь разочарованіемъ, я получила способность понять желаніе мамы удалиться отъ свѣта. Еслибы я была въ ея положеніи, то и для меня весь этотъ почетъ и блескъ, всѣ эти развлечения и роскошь, были бы невыносимы. Это уже зависитъ отъ характера. Повторяю, мама ни на минуту не забываетъ, что всѣ удобства жизни она получаетъ отъ тебя, папаша, при чемъ всѣ они приправлены униженіемъ и видимой невозможностью, чтобы когда-нибудь ваши отношенія измѣнились въ лучшее. Это—отрава... Поэтому я рѣшилась просить тебя подарить мнѣ Криничную. Я твоя дочь, и, сколько мнѣ извѣстно, ты не предполагалъ лишать меня приданого. Когда я получу отъ тебя эту Криничную, мама будетъ жить у меня и будетъ получать все только отъ меня.

Голосъ Ирены начиналъ ослабѣвать, станъ ея дѣлался менѣе прямымъ; во всей фигурѣ замѣтно было изнеможеніе. Все высказанное ею стоило ей большого усилія и душевной муки.

Дарвидъ помолчавъ немного, сталъ говорить:

— Мнѣ представляется, что я слушаю какую-то шехерезаду. Положимъ, что я соглашусь на осуществленіе твоего желанія, о которомъ ты говоришь,—но что же вы тамъ будете дѣлать? Что ты будешь тамъ дѣлать?

— Я еще хорошо не знаю... Это идея мамы, ея страстное желаніе; она придумаетъ и меня научить. Осмотримся... Въ предположеніи мамы, кромѣ тишины, спокойной жизни, она имѣетъ въ виду также и трудъ.

Голосъ ея отъ утомленія сдѣлался очень тихимъ.

— Идиллія!—засмѣялся Дарвидъ.

— Да, папаша, я смѣялась надъ всякими идилліями, а не подозревала, что и во мнѣ живетъ одна изъ нихъ. Она же и спасла меня отъ многихъ ужасовъ. Да, у меня есть своя идиллія—я горячо люблю маму.

Въ эту минуту ея тонкія губы, прославившіяся въ свѣтѣ преждевременною и ѣдкою ироніей, дрожали какъ у ребенка, собирающагося расплакаться. Дарвидъ нетерпѣливымъ движеніемъ обратился къ ней и сквозь зубы спросилъ:

— За что?

Она подняла грустные глаза и сказала тономъ, въ которомъ слышались ласкающіе звуки голоса ея матери:

— Я не знаю, можно ли отвѣтить обстоятельно на вопросъ, за что любятъ? Мама всегда была очень доброй... Не знаю, впрочемъ, можетъ быть и то, что мы всегда были вмѣстѣ... Кто знаетъ, можетъ быть и потому, что я видала ее не разъ такой несчастной... Вотъ видишь, папаша, я съ тобой говорю искренно, отвѣчаю тебѣ на твои вопросы, какъ умѣю. Умоляю тебя,—ради страданій мамы, ради меня,—не препятствуй нашимъ намѣреніямъ!..

Дарвидъ сталъ посреди комнаты, поднялъ голову, глаза его свѣтились стальнымъ блескомъ.

— Нѣтъ,—сказалъ онъ,—никогда я не соглашусь на то, чтобы моя дочь завяла въ какомъ-то углу, потому только, что матери ея вздумалось скрывать тамъ свой позоръ!

— Я должна предупредить тебя, папаша, что твое сопротивленіе можетъ повести къ тому, что наше удаленіе получитъ болѣе рѣзкую форму и для тебя болѣе непріятную.

Она встала и снова выпрямила свой станъ. Рѣшимость и энергія отражались на ея лицѣ. Истомленная бесѣдой, она снова почувствовала приливъ энергіи, когда явилась потребность защищаться.

— Предполагаешь ли ты въ себѣ, папаша, способность все прошлое объяснить хладнокровно, искренно простить такъ называемый проступокъ и возвратить мамѣ свое уваженіе и дружбу?

Неподвижно стоя, со злобной улыбкой на устахъ, Дарвидъ немедля отвѣтилъ:

— Нѣтъ. Мнѣ очень непріятно, что я не въ состояніи разыгрывать комедію великодушія,—это, кажется, теперь въ модѣ... Но то, что ты говоришь, навсегда остается невозможнымъ.

Ирена утвердительно наклонила голову.

— Значить, мама и я должны будемъ отсюда уѣхать, если не въ Криничную, то въ какой-нибудь заграничный городъ... Я знаю четыре языка, умѣю рисовать и немного кое-чего другого. У мамы есть настоящій талантъ къ разнымъ работамъ, и она еще можетъ возвратиться къ своей музыкѣ, немного забытой. Будемъ давать уроки, и какъ-нибудь найдется возможность существованія. Но умоляю тебя, папаша, повѣрить мнѣ, что ни въ какомъ случаѣ мы здѣсь не останемся.

Она улыбнулась блѣдными, даже нѣсколько посинѣвшими губами и прибавила:

— Одно изъ двухъ: поселиться въ Криничной, или добывать пропитаніе въ одномъ изъ отдаленныхъ городовъ... смотря потому, что ты предпочтешь, папаша. Это зависитъ отъ тебя. Ты долженъ, однако, что-нибудь выбрать, потому что одно изъ двухъ мы сдѣлаемъ несомнѣнно, то-есть, собственно, сдѣлаю я, потому что я—единственная защита у моей мамы. Кстати, два мѣсяца тому назадъ я достигла совершеннолѣтія, и теперь никто и ничто не помѣшаетъ мнѣ поступить согласно моему намѣренію.

Смотря на нее въ этотъ моментъ, нельзя было не повѣрить ей, что никто и ничто ее не остановитъ. Она была живымъ портретомъ отца. Такая же, какъ и у него, хладнокровная увѣренность въ самой себѣ, тотъ же взглядъ ясный, стальной, та же самая загадочная улыбка на впечатлительныхъ и вмѣстѣ холодныхъ устахъ. Понизивъ голосъ, она поясняла:

— Мы должны радикально покончить нашу семейную... идиллію, еще и ради Кары. Она пока ни о чемъ не знаетъ... всѣхъ любить... не только любить, но боготворить. Жизнь не тронула еще ни одного изъ ея ангельскихъ перышковъ. Представь себѣ, папаша, что бы могло случиться, еслибъ въ этотъ вулканчикъ возвышенныхъ чувствъ какимъ-нибудь образомъ проникла искра сознанія! А это можетъ случиться каждую минуту. Это можетъ случиться, если мы не измѣнимъ нашего положенія.

Она умоляла. Дарвидъ тоже молчалъ. Гдѣ-то въ углу снова слышался шорохъ. Но въ это время въ дверяхъ появился лакей, возвѣстивъ:

— Лошади готовы.

Ирена, услышавъ шумъ, уже довольно громкій, въ углу, повернула-было голову въ ту сторону, но, въ виду множества наложенныхъ въ этой комнатѣ бумагъ, подумала, что вѣроятно какая-нибудь изъ нихъ свалилась съ своего мѣста; а Дарвидъ, которому тоже слышался шумъ, тотчасъ о немъ забылъ, какъ только взглянулъ на часы.

— Я уже опаздываю,—сказалъ онъ.—Ты мнѣ сказала многое, о чемъ я долженъ подумать. Не спорю, что все это серьезно. Я подумаю объ этомъ и попрошу тебя для продолженія нашей бесѣды. Пока—до свиданія. Можетъ быть, до завтра.

— Я прошу тебя, папаша, чтобы это было только до завтра,—сказала Ирена.

Миссъ Мэри сидѣла въ комнатѣ своей ученицы. Это было чудесное гнѣздышко, при помощи роскоши свитое въ видѣ ранней весны жизни. Съ верху до низу—стѣны, увѣшанныя свѣжими легкими тканями. Все было усыяно цѣлымъ дождемъ живыхъ незабудокъ и розъ. На окнахъ и возлѣ оконъ жардиньерки и горки представляли собою цѣлый лѣсъ густой и яркой зелени, точно ожидающей соловьиного пѣнія. Рѣдкія игрушки, фарфоровыя фигурки, казалось, предполагали здѣсь маленькаго ребенка, который еще забавляется куклами, но множество книгъ въ красивыхъ переплетахъ говорило о трудолюбивомъ, заботливомъ собираніи средствъ для развитія юношескаго ума, которому на постели, отдѣланной атласомъ и кружевами, должны были сниться райскіе сны. Весенніе тоны, веселые мотивы, легкія и изящныя формы, наполняли всю эту комнату маленькой милліонерки, окруженной лаской и нѣжностью. Миссъ Мэри, при розовомъ свѣтѣ лампы, казалось, чѣмъ-то была встревожена. Изъ-подъ гладкихъ прядей волосъ лобъ ея, чистый и спокойный, не обнаруживалъ тревожнаго состоянія духа, но въ задумчивыхъ ея глазахъ и въ положеніи головы, упиравшейся на ладонь, видна была озабоченность женщины, совѣстливо исполнявшей принятыя на себя обязанности. Это было существо, насквозь проникнутое сердечной теплотой и чистотой, унаследованной отъ семьи англиканскаго пастора. Такому существу случайность довѣрила ухаживать за одной изъ тѣхъ рѣдкихъ душъ, которыя являются на свѣтъ въ видѣ горящаго пламени. Уже года

три тому назадъ, миссъ Мэри убѣдилась, что для Кары жить значить—любить, обожать, жалѣть, довѣрять—и больше ничего. Никакихъ, кромѣ этого, стремленій, мечтаній и помысловъ. Всѣ желанія ея и мысли исходили изъ сердца и сосредоточивались въ сердцѣ. Прирожденная чувствительность ея проистекала изъ какого-то источника, въ такой же степени необъяснимаго, какъ бываетъ необъяснимымъ источникъ, напримѣръ, гениальности. Въ этой чувствительности была своего рода вспыльчивость, которая настойчиво домогалась немедленнаго удовлетворенія своихъ желаній, подобно тому, какъ въ иныхъ организаціяхъ развѣ, напримѣръ, голодъ способенъ домогаться насыщенія тѣлеснаго. При этомъ необыкновенная подвижность и рѣзвость, болтливость и смѣшливость. Изъ задумчивости, въ которую она все чаще и чаще впадала, она внезапно пробуждалась веселымъ и избалованнымъ ребенкомъ. Ея комната была всегда наполнена громкимъ разговоромъ, пѣвучимъ голоскомъ, почти театральными жестами, хохотомъ, которые разносились иногда по цѣлой амфиладѣ пустыхъ гостиныхъ и залъ. Сегодня она проснулась щебечущей безъ остановки и, еще не успѣвъ одѣться, обняла оголенной рукой шею миссъ Мэри, смотря ей въ глаза, цѣлуя ее, рассказывая свой сонъ и декламируя.

— Чему ты такъ радуешься?—спрашивала ее миссъ Мэри:—не тому ли, что скоро будетъ балъ?

Презрительно выпятивъ пунцовыя губы, она отвѣтила:

— Что балъ! зачѣмъ мнѣ балъ? Не хочу я никакого бала. Мама и Ира тоже его не хотятъ. Я пойду къ отцу и буду его просить, чтобы онъ отложилъ его на другое время. Но мнѣ сегодня такъ весело! Какое солнце сегодня веселое! Посмотрите, миссъ Мэри, какъ эти лучи скачутъ, дрожать и скользятъ между листьями, точно живыя змѣйки! Точно золотые мотыльки!

Она слѣдила за этой игрой свѣта, указывая на нее пальцемъ; эта игра представляла собой видъ вѣжнаго существа бабочки, выползающей изъ кокона дѣтства. Подъ вечеръ, изъ устъ ея вылеталъ цѣлый рой историческихъ названій и поэтическихъ строфъ, которыми она была занята въ теченіе дня; она кружилась по комнатѣ съ своимъ Пуфикомъ и вдругъ, сдѣлавъ реверансъ до самой земли передъ миссъ Мэри, объявила, что отправляется къ отцу. Она давно уже не посѣщала его и ни одной минуты не бесѣдовала съ нимъ. То онъ уѣзжалъ, то у него не было времени. Но сегодня она его подкараулитъ, переждетъ дѣловыхъ гостей, захватитъ своего папашу и поведетъ его въ маминъ кабинетъ. Миссъ Мэри тоже придетъ туда, а можетъ быть, и Марысь. Ея

кроткая душа вѣчно мечтала о тихихъ убѣжищахъ, о разговорахъ по душѣ, о сердечныхъ связяхъ, о взаимныхъ ласкахъ. Разказы миссъ Мэри о жизни семейства пастора въ домикѣ, окруженномъ густымъ дубовымъ лѣсомъ, улыбались ей точно изъ уголка рая. А кабинетъ мамы—такой тихій, и въ немъ столько цвѣтовъ!

Цѣлый часъ прошелъ съ тѣхъ поръ, какъ ушла Кара, съ Пуфикомъ на рукахъ и съ отраженнымъ въ веселыхъ ея глазахъ „уголкомъ рая“. Миссъ Мэри почувствовала безпокойство. Съ нѣкотораго времени такое безпокойство овладѣвало ею безпрестанно. Пристально слѣдя за переменами въ расположеніи духа Кары, она всегда открывала ихъ причину. Но помочь въ этомъ случаѣ ничѣмъ не могла. Будучи признательной семейству, въ которое судьба забросила ее, и находя въ немъ доказательства доброжелательства и уваженія, тѣмъ не менѣе она была ему чужда. Молча, она замѣчала все происходившее въ немъ, и всячески старалась быть неразлучно съ Карой и направлять ея умъ на предметы, отдаленные отъ этого дома. Это былъ великолѣпный домъ, но по пустыннымъ палатамъ его, среди роскошнаго убранства ихъ, блуждали страшные призраки...

Изъ-подъ воротъ дома выѣхалъ экипажъ съ шумомъ, умолявшимъ въ отдаленіи. Значить, хозяинъ дома отправился, чтобы окунуться въ омутъ житейскаго моря большого города, съ тѣмъ, чтобы вернуться домой лишь къ поздней ночи. Прошло еще съ четверть часа,—Кара не возвращалась. Не пошла ли она къ матери? Еще четверть часа... Миссъ Мэри встала, взявъ въ руку подсвѣчникъ, такъ какъ въ большихъ залахъ уже воцарился мракъ. Но высокая дверь подъ красивой портьерой тихо отворилась, и въ комнату вошла Кара съ Пуфикомъ на рукахъ. Она наклонилась такъ, что нижняя часть ея лица скрывалась въ шелковистой шерсти собачки. Садясь на прежнее мѣсто, миссъ Мэри спросила у нея:

— Гдѣ же ты была послѣ отъѣзда отца? У мамы?

Вмѣсто отвѣта, Кара, сдѣлавъ всего нѣсколько шаговъ отъ дверей, уронила Пуфика на коверъ. Руки ея непроизвольно опустились. Подавшись впередъ, миссъ Мэри пристально взглянула на нее. Боже! Чтò случилось съ нею? Чтò-нибудь да произошло. Щеки Кары, всегда напоминавшія собой лепестки полевой розы, теперь были мертвенно блѣдны,—поблѣднѣли и губы. Съ неподвижными руками, она стояла прямо, смотря будто куда-то въ даль. Потомъ она машинально прошла по комнатѣ и безпомощно

опустилась на низенькій стулъ возлѣ миссъ Мэри. Англичанка дотронулась до ея руки и ощутила холодъ льда.

— Чтѣ съ тобой, дорогая моя? Ты нездорова?

Вмѣсто отвѣта, Кара подошла къ жардиньерѣ у окна и остановилась, обращенная спиной къ миссъ Мэри, какъ бы разсматривая растенія, но, минуто спустя, сдѣлала нѣсколько шаговъ и стала посреди комнаты, устремивъ взглядъ внизъ.

— Кара! Приди ко мнѣ, милая!—позвала ее миссъ Мэри.

Дѣвушка подошла къ ней и сѣла возлѣ нея. Взглядѣвши въ нее, миссъ тихонько спросила:

— Не случилось ли какой-нибудь неприятности? Можетъ быть, кто-нибудь...

Фразу нельзя было окончить, потому что блѣдное личико Кары быстро обратилось къ ней, и она торопливо произнесла:

— Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ!

Послѣ этого, тонкая фигура дѣвушки съѣхала со стула на коверъ и тяжело уперлась своей маленькой головой о колѣни миссъ Мэри. Но едва ладонь послѣдней коснулась ея волосъ, она снова приподнялась съ пола и ушла въ глубину комнаты, гдѣ, нечаянно задѣвъ за ширмы, уронила ихъ,—ширмы ударились о полъ, но Кара, не обращая вниманія на шумъ паденія, шла теперь къ лампѣ и, присѣвъ къ столу, противъ своей гувернантки, открыла одну изъ книгъ, лежавшихъ на столѣ. Миссъ Мэри ужаснулась, увидя, что блѣдность на лицѣ Кары усиливается, лобъ ея сморщился. Одну минуту казалось, что она читаетъ, но она уже закрыла книгу рѣзкимъ движеніемъ, и, быстро вскочивъ со стула, направилась къ дверямъ, ведущимъ въ рядъ сосѣднихъ комнатъ.

— Ты къ мамѣ идешь?—спросила миссъ Мэри.

Не отвѣтивъ ничего, Кара присѣла на табуретъ у самыхъ дверей. Пуфикъ подошелъ къ ней и, положивъ переднія лапки на ея колѣни, тянулъ ее за руку. Но рука эта, всегда готовая его приласкать, неожиданно оттолкнула собачку. Миссъ Мэри уже шла къ стоявшему у дверей табурету—но Кара успѣла встать и пошла, какъ казалось, ей на встрѣчу. Англичанка схватила ее за обѣ руки.

— Дорогая моя, ты меня пугаешь!—Чтѣ случилось? Чтѣ съ тобой? Ты должна мнѣ довѣриться. Я вѣдь другъ твой и твоихъ родныхъ... Можетъ быть, и посоветую тебѣ что-нибудь, или объясню... Чтѣ случилось? Чтѣ съ тобой?

Сухіе, точно изъ далекой глубины глядѣвшіе глаза дѣвушки

встрѣтились съ ласковымъ, испуганнымъ взглядомъ друга, но изъ устъ первой послышался лишь слабый шопотъ:

— Ничего, ничего!

Сдѣлавъ еще нѣсколько шаговъ, она остановилась у столика съ лампой и снова открыла одну изъ книгъ. Слѣдуя за ней, миссъ Мэри обняла ее, желая привлечь къ себѣ, но Кара испуганно высвободилась изъ ея объятій, сложила книгу и, отвернувшись, опять куда-то направилась и, указавъ на двери, сказала:

— Я пойду за мамой.

Миссъ Мэри хотѣла послѣдовать за ней, но тотчасъ принуждена была остановиться, потому что Кара изъ всѣхъ силъ вдругъ вскрикнула:

— Не надо!

При этомъ зрѣчки ея расширились, она задрожала. Не было сомнѣнія для англичанки, что въ амфиладѣ пустынныхъ большихъ комнатъ, украшенныхъ золотыми бордюрами и арабесками, Карѣ что-нибудь почудилось. Но что это былъ за призракъ? Англичанка этого не знала, отъ страха она сама поблѣдѣла и въ тревогѣ сложила на колѣняхъ безпомощныя руки. Въ виду безмолвія этихъ посинѣвшихъ устъ, точно на нихъ наложена какая-то священная или адская печать, можно ли ей что-нибудь предпринять? Отца нѣтъ дома. Какъ призвать мать, когда отъ одного ея имени дѣвушка издаетъ крикъ ужаса?! Это было бы напрасной жестокостью. Братъ? старшая сестра? Англичанка сдѣлала движеніе головой, означавшее сомнѣніе. Надо подождать, предоставить Кару на время самой себѣ. Быть можетъ, она немного успокоится, побѣдитъ страхъ, заговорить...

Но, предоставленная самой себѣ, Кара ушла въ спальню, опустилась на колѣни передъ кроватью и погрузилась головой въ пушистую постель, но не надолго. Черезъ нѣсколько минутъ, она повернула свой гибкій станъ и устремила глаза въ потолокъ. Въ этой позѣ она оставалась довольно долго, измѣняя лишь положеніе головы, прислоненной къ краю кровати. Миссъ Мэри, слѣдившая за нею, вспомнила, что люди, испытывающіе сильныя страданія, въ напрасной надеждѣ утолить боль, безпрестанно перемѣняютъ мѣсто и положеніе. Какое-то ужасное ощущеніе мучило эту несчастную дѣвушку; изъ худощавой ея груди по временамъ вырывались тихіе стоны.

— Кара, дорогая моя, что у тебя болитъ?

Отъ кровати долетѣлъ еле слышный отвѣтъ:

— Ничего!

Затѣмъ, она встала, подошла къ миссъ Мэри и ушла въ спальню.

нее на коверъ, положивъ голову ей на колѣни, лицомъ къ полу. Руки свои она закинула на свои растрепавшіеся волосы, а потомъ эти руки бессильно упали на коверъ. Сухіе, воспаленные глаза продолжали смотрѣть на потолокъ. Миссъ Мэри нагнулась и тихо и ласково опять спросила:

— Что случилось? Что съ тобой?—Не пригрезилось ли тебѣ что-нибудь?

Снова мѣняя положеніе головы, точно желая освободить ее отъ какой-то тяжести, она прошептала:

— Ничего.

И опять ушла въ глубину комнату. Волоса ея получили видъ спутаннаго шелковистаго войлока и лежали неподвижно на ея узкихъ плечахъ; руки безвольно повисли. Минуту постоявъ передъ клумбой зеленыхъ растений, она обошла ее вокругъ и скрылась съ глазъ миссъ Мэри за густыми пальмами. За окномъ царила темнота зимняго вечера, чуть-чуть прояснявшаяся отъ бѣлизны снѣга, покрывавшаго большой садъ. Кое-гдѣ мелькали красноватые пятна фонарей, освѣщавшихъ улицу за садомъ. На этотъ-то самый садъ, осыпанный первымъ инеемъ, нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, Кара однажды вздумала любоваться при лунномъ свѣтѣ, открывъ окно. Теперь, въ концѣ зимы, лежалъ тамъ снѣгъ; вѣроятно, послѣдній.

Кара оставалась долго въ промежуткѣ между жардиньеркой и окномъ. Когда миссъ Мэри вошла туда же, — Кара стояла у самаго окна, засмотрѣвшись на мрачный видъ его. Миссъ Мэри замѣтила въ лицѣ ея перемѣну. На блѣдномъ лицѣ выступилъ яркій румянецъ, и выраженіе его какъ будто измѣнилось. Въмѣсто одной горечи, явилось въ немъ нѣчто въ родѣ глубокаго раздумья. Какъ это не разъ случалось съ ней, она при этомъ приложила конецъ пальца къ губамъ. Миссъ Мэри тотчасъ почувствовала облегченіе. Блѣдность проходитъ, она останавливается надъ какою-то мыслью, дольше остается на одномъ мѣстѣ—это, подумала она, признаки возвращенія къ равновѣсію; вѣроятно, скоро она успокоится совсѣмъ и скажетъ, что съ ней приключилось.

— Не хочешь ли, я тебѣ прочту что-нибудь?

Отрицательно покачавъ головой, Кара тихо сказала:

— Хочется спать.

— Спать? Такъ рано? Но, должно быть, ты утомлена. Хорошо, моя дорогая. Лягъ и отдохни. Я позову Людвигу приготовить постель. Или лучше я сама тебѣ постелю. Не надо, чтобы намъ кто-нибудь помѣшалъ бесѣдовать.

Принявшись за это дѣло, миссъ Мэри стала оживленно говорить о разныхъ предметахъ, которые всегда занимали Кару, и хотя изъ-за зеленой влумбы не доходили отвѣты Кары, но ласковый голосъ самой говорившей пріятно разсѣивалъ угрюмость и тишину комнаты.

Немного погодя, дверь пріотворилась чуть-чуть, и голосъ Ирены произнесъ нѣсколько словъ по-англійски. Миссъ Мэри быстро, на цыпочкахъ, подбѣжала къ двери и сказала ей:

— Кара уже спитъ; не надо ее будить; она не совсѣмъ здорова.

Дверь тихонько затворилась, и черезъ нѣсколько минутъ горничная тихо внесла въ комнату подносъ съ чаемъ и разными приборами къ нему. А вслѣдъ затѣмъ вошла въ комнату Мальвина. Въ безпокойствѣ она тихо подошла къ кровати Кары.

— Чтѣ съ ней?—шопотомъ спросила она:—отчего она такъ рано легла спать?

Англичанка отвѣтила нѣсколькими успокоительными словами. Это была осторожность; необходимость которой она въ этомъ домѣ чувствовала всегда, а сегодня болѣе чѣмъ обыкновенно, и потому воздержалась отъ передачи какихъ-либо наблюдений. Онѣ вдвоемъ смотрѣли на этого ребенка, который казался въ глубокомъ снѣ и дышалъ ровно и медленно. На лицѣ Кары былъ сильный румянецъ. Мальвина нагнулась и долгимъ поцѣлуемъ прикоснулась ко лбу спящей дочери. Въ этотъ моментъ миссъ Мэри замѣтила что-то такое, въ чемъ она, однако, не была увѣрена, полагая, что, быть можетъ, ей это показалось. Она замѣтила, что когда уста матери приблизились ко лбу спящей, то по всему тѣлу Кары пробѣжала дрожь. Послѣ ухода матери, она долго еще стояла у кровати, устремивъ взоръ на лицо Кары, которое становилось болѣе и болѣе лихорадочнымъ; краснота его замѣтно увеличивалась. Полуоткрытыя губы казались сухими; изъ-за нихъ выглядывалъ бѣлѣвшій рядъ мелкихъ зубовъ.

„Она больна, но хорошо, что уснула, — разсуждала про себя миссъ Мэри.—Можетъ быть, ея испугъ былъ простой игрой воображенія? Вѣроятно, это было простое недомоганіе и при томъ небольшое, если она такъ скоро заснула“.

Въ комнатѣ Кары, въ видѣ голубой искры, свѣтилась ночная лампа; рядомъ, за открытыми дверями, еще долго за полночь шелестѣли страницы книги, которую пробовала читать бодрствовавшая гувернантка. Это продолжалось долго, и миссъ Мэри много разъ подходила къ дверямъ, прислушиваясь къ ровному дыханію Кары. Спитъ! Раза два она зашевелилась, слышалась

стонъ—и опять все стихло. Въ ногахъ ея помѣстился въ видѣ шолковаго клубка Пуфикъ и слегка храпѣлъ...

На улицѣ за садомъ смолкло. Уже утренній свѣтъ началъ просвѣчивать сквозъ спущенныя шторы и разсвѣивать ночную темноту надъ мебелью. Миссъ Мэри, истомленная, въ длинномъ пеньюарѣ, ежеминутно готовая вскочить на ноги, прилегла, уснула и, проспавъ нѣкоторое время, пробудилась подъ впечатлѣніемъ величайшей тревоги. Ее разбудилъ пронзительный холодъ морознаго воздуха, врывавагося въ открытую дверь. Она съ крикомъ вбѣжала въ спальню Кары, и уже съ порога комнаты увидѣла позади пальмъ раскрытое настежь большое окно, а на немъ бѣлѣла въ сидячемъ положеніи фигура Кары на сѣромъ фонѣ утренняго разсвѣта. Когда она это сдѣлала? Сколько времени она просидѣла такъ, на морозѣ, съ оголенными ступнями, грудью и плечами? Этого такъ никогда и не узнали. Миссъ Мэри, схвативъ ее съ тою силой, какая является подъ вліяніемъ испуга, и неся ее на постель, ощущала въ своихъ обѣитіяхъ до того застывшее тѣло, что казалось ей, будто она прикасается къ холодному трупу. Но грудь ея тяжело и громко дышала, щеки и лобъ горѣли. Полминуты—и окно закрыто. Миссъ Мэри изо всѣхъ силъ своихъ длинныхъ и гибкихъ рукъ принялась отогрѣвать ея холодныя, какъ ледъ, руки, грудь спину...

— Дитя мое, что ты натворила, дорогая бѣдняжка! Затѣмъ ты это сдѣлала? Развѣ можно дѣлать такія страшныя вещи? Ты развѣ не знала, что ты дѣлала? Это несчастный случай, или это ты нарочно? Скажи, неужели нарочно? Скажи! Скажи!

Кара взглянула прямо въ лицо гувернантѣ. Это былъ первый такой взглядъ со вчерашняго появленія ея въ своей комнатѣ. Быстрымъ движеніемъ она перевѣсила голову, взглядъ ея былъ торжествующій и смѣхъ разомкнулъ спекшія уста. На одно мгновеніе тутъ какъ будто проявилась прежняя шалунья Кара. Но вслѣдъ затѣмъ зубы ея застучали, все тѣло задрожало въ лихорадочномъ припадкѣ съ такою силой, что даже кровать затрещала. Къ этому присоединился сухой, непрерывный кашель, потрясавшій ея слабую и холодную, какъ ледъ, грудь. У миссъ Мэри на устахъ стали путаться слова:

— Родителей! Доктора!

Въ это время прогремѣлъ подъѣзжавшій экипажъ. Миссъ Мэри, съ распущенными волосами, въ ночномъ дезабильѣ, поспѣшно шла по направленію къ кабинету Дарвида черезъ рядъ залъ, въ которыхъ ночная темнота едва начинала отступать передъ проникающими въ нее слабыми лучами утра.

Такой же смутный свѣтъ былъ и въ кабинетѣ, и лакей то-ропился зажечь тамъ лампу, висѣвшую надъ круглымъ столомъ. Дарвидъ былъ блѣднѣе обыкновеннаго. Онъ нервно снималъ, или, вѣрнѣе, срывалъ съ рукъ перчатки, слушая миссъ Мэри.

— Вы говорите—пришла отъ меня? Пришла откуда? Пришла такою отъ меня? Но она вчера вовсе сюда не приходила. Я не видалъ ея, она здѣсь не была...

— Была, — отвѣтила миссъ Мэри. — Она мнѣ сказала, что идетъ къ вамъ—и больше часу не возвращалась.

— Можетъ быть, была у матери?

— Нѣтъ, я спрашивала объ этомъ у Ирены. Она не была у матери, а была здѣсь...

Дарвидъ, удивленный, задумался и внезапно воскликнулъ:

— А! Понимаю!

Въ движеніи его было нѣчто трагическое. Онъ жестомъ указалъ на большую этажерку, наполненную книгами, за которой не разъ сидѣла Кара, и прибавилъ:

— Она была тамъ!.. Она слышала!..

Минуту онъ стоялъ какъ окаменѣлый, съ прикушенной нижней губой, съ дрожащими мускулами на лицѣ и морщинами на челѣ; потомъ онъ подошелъ ближе къ миссъ Мэри и едва слышно спросилъ:

— Неужели умышленно Кара открыла окно?

Съ отчаяніемъ въ голосѣ миссъ Мэри тихо произнесла:

— Я не могу скрывать... можетъ быть, отъ этого что-нибудь будетъ зависѣть... Да, умышленно!

Этотъ всегда сдержанный человѣкъ однимъ скачкомъ тигра очутился въ передней и закричалъ:

— Карету!

Когда знаменитѣйшій изъ врачей города уже во второй разъ выходилъ изъ комнаты больной, Дарвидъ остался съ нимъ наединѣ въ голубой гостиной. Онъ уже успѣлъ, какъ говорится, войти въ себя, сооротивъ передъ человѣкомъ съ громкимъ именемъ любезную улыбку:

— Опредѣлилась ли болѣзнь?—спросилъ онъ.

Врачъ сказалъ, что болѣзнь весьма опредѣленная и вмѣстѣ очень серьезная. Воспаленіе быстро распространялось въ области легкихъ и сильно работало въ слабомъ организмѣ, уже разстроенномъ недавней болѣзью. Кромѣ того, тутъ оказалось нѣкоторое осложненіе, причину чего надо искать въ отравленіи мозга и всей нервной системы, въ дѣятельности психическаго аппарата.

Дарвидъ упомянулъ о консилиумѣ.

— Не потребуется ли вызвать кого-нибудь изъ-за границы? Къ вашимъ услугамъ телеграфы, желѣзныя дороги... Чего бы это ни стоило...

Онъ окончилъ тономъ необыкновенно равнодушнымъ:

— Все мое состояніе въ вашемъ распоряженіи.

Говоря такъ, Дарвидъ смотрѣлъ въ глаза врача, какъ бы серьезно желая увѣриться въ возможности молчаливаго его согласія.

— Я говорю не риторическую фигуру, — прибавилъ онъ: — я готовъ созвать всю ученую Европу и отдать половину моего состоянія...

Вся кожа на лицѣ его двигалась отъ душевнаго потрясенія, но онъ улыбался. Врачъ тоже улыбался.

— Увѣряю васъ, — отвѣтилъ врачъ, — случай вовсе не такой исключительный, чтобы отдавать его на судъ Европы. Я, конечно, готовъ вамъ сейчасъ же представить имена моихъ заграничныхъ коллегъ. Но что касается громадныхъ пожертвованій съ вашей стороны, то долженъ сказать вамъ, что они будутъ бесполезны. Смерть, другъ мой, это такой исполинъ, что если уже суждено ей придти, то никакія золотыя горы ее не задержатъ. Я не утверждаю, что она тутъ неизбежна. Но въ случаѣ чего — и все ваше состояніе... и горы золота не помогутъ... Она прорвется — и...

Послѣ ухода врача, Дарвидъ остался одинъ и, вперивъ взглядъ въ полъ, думалъ: „Исполинъ! Горы золота ее не задержать. Да, но вѣдь наука тоже гигантъ, и она принадлежитъ людямъ. А все человеческое можно купить. Чтобы вооружить одного гиганта противъ другого — нужны золото и энергія“!

Въ кабинетѣ долго раздавался шумъ отъ процедуры послѣдней разсылки писемъ и телеграммъ. Голосъ Дарвида не былъ громкимъ, но внятнѣмъ, когда онъ раздавалъ порученія и приказанія. Онъ выказалъ и теперь рѣшительность, хладнокровіе и неутомимость, какъ всегда, когда предпринималъ борьбу. Спустя немного времени, передъ подъѣздомъ стали останавливаться экипажи. Изъ нихъ вылѣзали люди, преисполненные важности, съ громкими именами, великіе ученые, теоретики и практики, спеціалисты, пожилые и молодые. Между ними были и такіе, которыхъ уже нельзя встрѣтить нигдѣ, которые уже отдыхали на лаврахъ — и они были вырваны изъ лона отдыха громомъ пріѣхавшей за ними золотой колесницы. Ихъ собралось много. Черная одежда, какъ туча вороновъ, насѣла на голубую гостиную. Дарвидъ пожималъ имъ всѣмъ руки гораздо крѣпче, чѣмъ имѣлъ

обыкновеніе это дѣлать; можетъ быть, теперь только бакенбарды его не спускались съ обычной корректностью съ его щекъ, пожелтѣвшихъ болѣе, чѣмъ когда-либо. Другихъ перемѣнъ въ немъ не было. Напротивъ, когда онъ увидѣлъ, что черная туча поднялась, чтобы идти въ комнату больной, въ глазахъ его блеснуло чувство торжества. Пусть помѣряются двѣ гигантскія силы. Посмотримъ—кто побѣдитъ! Вѣра въ могущество науки составляла одинъ изъ параграфовъ его убѣжденій. Стало быть, оно велико, это могущество, если безъ него трудно приобрести состояніе. Онъ убѣждался въ этомъ неоднократно во время своей борьбы, веденной изъ-за желанія разбогатѣть. Это еще только начало бигвы!.. Болѣзни вѣдь продолжаются многіе дни, иногда недѣли, а завтра, послѣ-завтра начнетъ стѣзжаться Европа на золотой колесницѣ. Исполнѣ—противъ исполина! Посмотримъ!..

Воспаленіе легкихъ яростно развивалось въ слабогрудой дѣвушкѣ и притомъ при незамѣтномъ, но несомнѣнномъ участіи мозгового осложненія... Послѣдовалъ обмѣнъ мнѣній врачей, происходившій вполголоса; явилось нѣсколько лекарствъ и нѣсколько предписаній изъ области гігіены. Изъ массы экипажей, два стояли еще у дома. Два представителя науки оставались въ домѣ Дарвида. Онъ повелъ ихъ въ свой кабинетъ, гдѣ тотчасъ были поданы черный кофе, дорогіе ликеры и сигары. Врачи согласились остаться здѣсь на нѣсколько часовъ, до смѣны ихъ другими. Они сначала противились этому, находя, что обстоятельства не требуютъ того, но Дарвидъ весьма любезно, хотя рѣшительно, прибѣгнулъ къ магическому аргументу. Такимъ убѣдительнымъ аргументомъ оказалась цифра неслышанная, почти сказочная. Врачи еще нѣсколько времени продолжали колебаться и сопротивляться, но въ концѣ концовъ установили между собою очередь и остались. На мгновеніе чело Дарвида прояснилось, часть морщинъ исчезла. „Мой ребенокъ,—подумалъ онъ про себя,—моя дочь не останется ни на минуту безъ защиты этой гигантской благотѣльной силы“. Въ городѣ уже разнеслась молва, что Дарвидъ, въ страхъ за жизнь любимой дочери, доходитъ до безумія, но очевидцы могли бы, пожимая плечами, утверждать противное. Нисколько! Кто бы могъ при подобныхъ обстоятельствахъ сохранить больше самообладанія и хладнокровія! Только по временамъ, судя по судорогамъ, пробѣгавшимъ по лицу, по столбняку въ зрачкахъ, по небрежной его прическѣ, можно было заподозрить въ немъ игрока на крупную ставку. И дѣйствительно, въ борьбѣ, которую онъ повелъ, главнымъ предметомъ хотя и была Кара, но дѣло шло не только о ней. Въ

глубинѣ души онъ не переставалъ быть тѣмъ, чѣмъ былъ всегда, — игрокомъ, основывающимъ свои расчеты на энергіи, деньгахъ и всестороннемъ разумѣ, добытомъ имъ за деньги. Ставкой игры была не только жизнь его ребенка, но и единственная его вѣра — во всемогущество энергіи, ума и денегъ.

Между тѣмъ, по временамъ, съ докторами и безъ нихъ, онъ приходилъ въ комнату больной. По распоряженію врачей, окна въ ней не были завѣшаны, и цѣлые потоки солнечныхъ лучей вливались въ комнату больной. Все находившееся въ ней, казалось, радовалось и проникнуто было жаждой жизни подъ вліяніемъ обильнаго свѣта. Лучи озаряли складки желтаго кретона, огибавшаго стѣны, играли на незабудкахъ и розахъ, рѣзвились на пальмовыхъ листьяхъ, ложились на цвѣтной коверъ, трепетали и искрились на позолотахъ, на переплетахъ книгъ, отражались радужными красками на инкрустаціяхъ изъ перламутра. Среди этого обилія ласкающаго и веселящаго свѣта, среди весеннихъ тоновъ, изящныхъ и воздушныхъ очертаній, собранныхъ въ этой комнатѣ, на постели, до которой солнечный свѣтъ достигалъ безпрепятственно, нельзя было сразу отличить блескъ солнечныхъ пятенъ отъ прядей бѣлокурыхъ волосъ, разсыпанныхъ по бѣлоснѣжнымъ подушкамъ, вокругъ маленькаго личика, горѣвшаго сильнымъ лихорадочнымъ румянцемъ. Губы дѣвушки, казавшіяся налитыми кровью, и полуоткрытые глаза упорно молчали. Только грудь работала частымъ, хрипящимъ дыханіемъ и кашель встряхивалъ все тѣло, котораго худощавыя и хрупкія очертанія обрисовывались нѣжнымъ барельефомъ на голубомъ атласѣ покрывавшаго его одѣяла. Каждый разъ, когда Дарвидъ входилъ въ комнату, отъ постели больной безшумно и безмолвно отходила женщина въ темной одеждѣ. Ступая мягкими шагами, она удалялась, и затѣмъ продолжала стоять, съ утомленнымъ лицомъ и въ простой прическѣ волосъ совершенно одинаковаго цвѣта со смятой шевелюрой, раскинутой на подушкахъ, подъ головой больной дѣвушки.

— Чтѣ съ тобой, моя крошка? Не лучше тебѣ? Не хочешь ли чего-нибудь?

Вмѣсто всякаго отвѣта, лицо больной отвернулось къ стѣнѣ.

— Отчего ты не отвѣчаешь мнѣ, Кара? Можетъ быть, ты чего-нибудь хочешь? Скажи только, шепни мнѣ... Ну, скажи мнѣ на ухо... Не принести ли тебѣ чего-нибудь? Чтѣ ты любишь? Чтѣ бы тебѣ хотѣлось имѣть? Ты все можешь имѣть... все... Шепни мнѣ только!

Но напрасно онъ нагибался, приближая ухо свое къ са-

мымъ губамъ больной,—изъ нихъ не выходило ни одного звука. Она только отворачивалась, и дыханіе ея становилось болѣе и болѣе тяжелымъ, сопровождаясь усиливающимся хрипѣніемъ.

Онъ приходилъ въ комнату больной много разъ, но всѣ обращаемыя къ ней вопросы оставались безъ отвѣта. Ему все казалось, что у молодой дѣвушки, хотя бы и больной, должны же быть какія-нибудь желанія, мечты, исполненіемъ которыхъ можно бы было доставить ей облегченіе, утѣшить ее. Онъ былъ въ состояніи исполнить всякую, хотя бы самую безумную прихоть, лишь бы ему вызвать и услышать изъ ея устъ какое-нибудь самое короткое слово.

Прошло два дня. Къ дому одинъ за другимъ подъѣзжали въ экипажахъ доктора. Входили и уходили, встрѣчая по пути множество всякихъ посѣтителей, записывавшихъ свои фамиліи у швейцара. Дарвидъ принималъ врачей и гостей, благодарилъ, разговаривалъ, выѣзжалъ въ городъ, возвращаясь, спѣшилъ покончить съ дѣлами наиболѣе спѣшными и уходилъ въ комнату Кары. Однажды, пріѣхавъ домой, онъ поднимался по лѣстницѣ вмѣстѣ съ двумя лицами, говорившими съ нимъ на иноземномъ языкѣ. Лицо его пылало, онъ былъ разговорчивъ, въ настроеніи торжествующемъ. Это были вспомогательныя силы, прибывшія изъ-за границы для поддержанія мѣстныхъ силъ, явившихся на совѣтъ съ первыми въ полномъ составѣ. Опять черная туча фравовъ, насквѣшая на голубую мебель гостиной, отправилась изъ нея въ комнату больной, наполненную лучами почти весенняго солнца, манившего и призывавшаго все живое къ жизни. Еще одна гора золота и ума прибавилась въ видѣ защитной насыпи у постели больной. Послѣ ухода этихъ серьезнѣйшихъ фізіономій, къ больной подошла мать.

— Замучили они тебя, эти господа! Зато ты поправишься. Это очень умный народъ. Двое изъ нихъ только-что пріѣхали; это нѣмецкіе врачи, извѣстные во всемъ свѣтѣ. Они тебя вылечатъ навѣрно. А теперь не хочешь ли немного этого варенья? Они его разрѣшили... Или капельку вина? А то, можетъ быть, одну маленькую ложку, всего одну, бульона?

Вмѣсто всякаго отвѣта, горѣвшее въ лихорадкѣ лицо дѣвушки отворачивалось къ стѣнѣ. Склонившись надъ дочерью, Мальвина цѣловала ей руку, ощущая на своихъ губахъ мучительный жаръ этой руки и какую-то дрожь, пробѣгавшую по ней.

— Отчего ты не скажешь намъ хоть слово, Кара? Одно слово! Одно маленькое слово! Не дать ли тебѣ вина? Они велили... хочешь теперь? Шепни мнѣ!—умоляла мать.

Но напрасно и она прислоняла свое ухо къ устамъ больной. Ни звука, ни шопота нельзя было добиться отъ нея. Только лицо ея продолжало при этомъ отворачиваться къ стѣнѣ.

Въ комнату вошелъ Маріанъ съ большой связкой цвѣтовъ.

— Ну, что, крошечка моя? Мы все еще хвораемъ! Ну, ничего, это дѣло обыкновенное. Еще царь Соломонъ сказалъ, что каждому полагается время, чтобы похворать, и время, чтобы потанцовать. Немного похвораешь, а потомъ будешь танцовать. А вотъ тебѣ цвѣты безъ запаха; отъ пахучихъ цвѣтовъ, говорятъ, у больныхъ дѣвочекъ можетъ разболѣться голова. Эти не пахнутъ, зато очень красивы. Вотъ я тебѣ разбросаю ихъ на кровати—это будетъ очень поэтично. Смотри на нихъ, ты повесѣлѣешь, послѣ того, какъ насмотрѣлась на это стадо черныхъ вороновъ. Отецъ собираетъ для тебя со всего свѣта скучныхъ мудрецовъ, а я собиралъ для тебя по всему городу самые веселые цвѣты.

Смѣясь, онъ разбрасывалъ по голубому одѣялу самые красивые цвѣты, какіе только могъ добыть изъ оранжерей. Она смотрѣла на него своими большими, пылающими глазами, но лишь только онъ отошелъ, принялась понемногу сбрасывать цвѣты съ постели на полъ. Она вовсе не смотрѣла на нихъ, но длинная рука ея медленнымъ, упорнымъ движеніемъ сталкивала цвѣтокъ за цвѣткомъ—до послѣдняго. Она ничего не хотѣла! Однако, ночью, когда Мальвинѣ и миссъ Мэри казалось, что она спала, среди глубокой тишины съ постели Кары слышался шопотъ ея:

— Пуфивъ! Пуфивъ!

Миссъ Мэри тотчасъ сняла съ сосѣднаго кресла собачку и поднесла къ ней. Больная взяла-было ее въ свои горячія руки, но сейчасъ же отодвинула отъ себя на край постели, тихо проговоривъ:

— Нѣтъ!

На слѣдующій день лица мудрыхъ „вороновъ“ были очень пасмурны. Ежедневно прилетавшіе по сосѣдству, какъ и тѣ, что прилетѣли издалека, одинаково облакались въ таинственную торжественность, напоминающую погребальный звонъ. Но Дарвидъ еще надѣялся. Онъ не слагалъ оружія, не терялъ вѣры въ могущество гигантской благотѣльности-науки, ожидалъ новыхъ подкрѣпленій. И дѣйствительно, вскорѣ прибыло новое подкрѣпленіе въ образѣ еще одной знаменитости, говорившей уже не на томъ языкѣ, на которомъ объяснялась предшествовавшая. Это было величайшее изъ медицинскихъ свѣтилъ въ Европѣ, со славою почти чудотворца. Прибавилась новая оборонительная насыпь изъ золота и ума, выше всѣхъ остальныхъ. Въ голубой

гостиной раздавался говоръ не громкій, но многоязычный. Лакен разносили закуски и напитки. Дарвидъ лично предлагалъ почетнымъ посѣтителямъ сигары. Самый почетный изъ нихъ, только-что прибывшій изъ-за границы, сосредоточенно выслушивалъ докладъ коллегъ о случаѣ и ходѣ болѣзни, по поводу котораго ему предстояло дать свое заключеніе. Невозмутимо и вполне корректно, съ пріятной улыбкой на устахъ и съ челомъ почти торжествующимъ, Дарвидъ повелъ своихъ знаменитостей въ комнату больной дочери. Знаменитѣйшій изъ знаменитыхъ вошелъ первымъ. Онъ остановился, сдѣлавъ всего шага два отъ дверей; за нимъ остановились всѣ прочіе представители славной науки.

На запекшихся губахъ больной свѣтились рубинами кровяныя капли; глаза ея были широко раскрыты; къ сырому отъ пота лбу прилипли пряди волосъ. Внезапно въ комнатѣ послышался хриплый шопотъ больной:

— Ира! Ира!

Ирена быстро подошла къ ней и, нагнувшись, тонкимъ платкомъ тихонько сняла съ губъ кровинки.

— Чтò тебѣ, крошка моя? Чего ты хочешь?

Кара вперила въ нее свои глаза; съ ними происходило въ это время что-то чрезвычайное: темные зрачки становились все болѣе и болѣе выпуклыми; казалось, что они выступаютъ, отъ усилія сосредоточить взглядъ въ одной точкѣ. Это продолжалось до тѣхъ поръ, пока глаза не стали застилаться стекловидною влагой. Въ то же время губы пошевелились, какъ будто желая что-то произнести. Отуманившіеся уже глаза вдругъ направили взглядъ прямо на сестру. Кара, какъ бы въ знакъ какого-то соглашенія съ нею, тряхнула своей маленькой головкой и едва слышнымъ голосомъ, но въ которомъ ясно выражалась безысходная тоска тревоги и жалобы, произнесла:

— Раскрашенный... вздоръ!

Въ груди ея поднялся шумъ отъ цѣлаго хора разнообразныхъ страшныхъ звуковъ, хрипящихъ и свистящихъ. Голова вдругъ отяжелѣла и углубилась въ пухъ подушекъ. Изъ группы прибывшихъ ученыхъ наиболѣе знаменитый, приземистый, подвижной, весь сѣдой, съ лицомъ необыкновенно умнымъ, сдѣлавъ нѣсколько шаговъ къ кровати и минуты черезъ двѣ, положивъ ладонь на kloчующую грудь умирающей, вымолвилъ всего одно слово:

— Агонія!

Смерть, значить, не остановилась передъ горами воздвигнутыхъ ей преградъ—и вошла...

Элиза Оржешко.

НАЧАЛО ЖЕЛѢЗНОДОРОЖНАГО ДѢЛА ВЪ РОССІИ

1836—1855 г.

Въ нашей литературѣ встрѣчается не мало указаній на возникновеніе желѣзнодорожнаго дѣла въ эпоху императора Николая I, но всѣ эти свѣдѣнія имѣютъ характеръ болѣе или менѣе отрывочный. Систематическое, хотя и краткое, изложеніе исторіи желѣзныхъ дорогъ въ Россіи въ эту эпоху, основанное на точныхъ архивныхъ свѣдѣніяхъ, появилось лишь въ минувшемъ 1898 году въ изданныхъ, по распоряженію министра путей сообщенія, князя М. Ив. Хилкова, историческихъ очеркахъ развитія въ Россіи путей сообщенія вообще и, въ частности, желѣзныхъ дорогъ.

Изъ этихъ матеріаловъ мы почерпнули для нашего очерка главнѣйшія офіціальные свѣдѣнія; но кромѣ того мы пользовались и другими офіціальными матеріалами министерства путей сообщенія, въ особенности же всеподданнѣйшими донесеніями и приказами главноуправляющаго путями сообщенія и публичными зданіями за періодъ времени съ 1842 по 1855 г. включительно. Свѣдѣнія частнаго характера заимствованы нами изъ „Журнала министерства пут. сообщ.“, изъ „Русской Старины“ и изъ другихъ органовъ періодической прессы.

Указывая на постепенное развитіе желѣзнодорожнаго дѣла въ Россіи въ царствованіе императора Николая I, мы не могли

не коснуться, въ общихъ чертахъ, и нѣкоторыхъ изъ главныхъ его сотрудниковъ въ этомъ дѣлѣ. Крайне сожалѣемъ, что недостатокъ матеріаловъ препятствуетъ намъ очертить этихъ дѣятелей болѣе всесторонне. Надобно надѣяться, что этотъ пробѣлъ будетъ со временемъ пополненъ другими, и семейные архивы сороковыхъ и пятидесятихъ годовъ послужатъ не только къ составленію подробныхъ біографій лицъ, принимавшихъ, въ указанный періодъ времени, дѣятельное участіе въ желѣзнодорожномъ дѣлѣ, но и дадутъ возможность пополнить исторію первыхъ желѣзныхъ дорогъ въ Россіи новыми, еще неизвѣстными подробностями, къ которымъ отнесутся, несомнѣнно, съ полнымъ вниманіемъ всѣ интересующіеся экономическимъ развитіемъ нашего отечества.

I.

Въ 1830 г., открыта была для движенія первая въ мірѣ паровозная желѣзная дорога. Она устроена была въ Англіи между Ливерпулемъ и Манчестеромъ, на протяженіи 42 верстъ. Не прошло послѣ того двухъ лѣтъ, какъ въ той же Англіи приступлено было (въ 1832 г.) къ постройкѣ желѣзной дороги отъ Лондона до Бирмингама, на протяженіи 290 верстъ.

Англичане, легко усвоивающіе всякія новыя полезныя изобрѣтенія, отнеслись весьма сочувственно къ новому способу передвиженія пассажировъ и грузовъ. Глава англійскаго кабинета, сэръ Робертъ Пиль, въ 1834 г., на митингѣ въ Тамфортѣ, окончилъ свою рѣчь слѣдующими словами: „Поспѣшимъ, милостивые государи, поспѣшимъ; необходимо установить паровыя сообщенія отъ одного конца государства нашего до другого, если только Великобританія желаетъ удержать въ свѣтѣ свое положеніе и свое первенство“ ¹⁾.

Не того мнѣнія были о паровозныхъ желѣзныхъ дорогахъ государственные люди европейскаго континента.

Почти около того же времени, какъ Пиль говорилъ свою рѣчь въ Тамфортѣ, одинъ изъ членовъ французскаго министерства, извѣстный Тьеръ, возвратившись изъ Англіи, гдѣ онъ осматривалъ ливерпульскую желѣзную дорогу, открыто заявлялъ съ трибуны, что „желѣзныя дороги годятся лишь для того, чтобы служить забавою для любопытныхъ жителей столицы, и только

¹⁾ Aug. Perdonnet. Traité élémentaire des chemins de fer. 1858, Tome I, page 28.

въ нѣкоторыхъ, совершенно исключительныхъ случаяхъ, онѣ могутъ представлять одинъ изъ способовъ перевозки "... „Въ настоящее время, — прибавилъ Тьеръ, — во Франціи имѣется въ постройкѣ всего какихъ-нибудь 8 или 10 лѣ желѣзныхъ дорогъ, и что касается до меня, то еслибы меня увѣрили, что такихъ дорогъ будетъ построено въ нашемъ отечествѣ по 5 лѣ въ году, то я считалъ бы себя вполне этимъ удовлетвореннымъ“¹⁾.

Въ Бельгіи, вслѣдъ за Англіею, общественное мнѣніе высказалось ранѣе, чѣмъ въ другихъ государствахъ Европы, въ пользу желѣзнодорожныхъ сообщеній; тѣмъ не менѣе, когда въ 1833 г. внесенъ былъ правительствомъ въ палату проектъ небольшой желѣзнодорожной сѣти, то потребовалось 17 бурныхъ засѣданій палаты, чтобы добиться принятія проекта. Много возраженій встрѣтили предположенія о постройкѣ этой сѣти самимъ правительствомъ; были сѣтованія и о предстоявшей гибели извознаго промысла, о пагубномъ вліяніи желѣзныхъ дорогъ на коннозаводство, о разореніи содержателей постоянныхъ дворовъ и т. п. Вообще, желѣзныя дороги представлялись для многихъ какимъ-то чудовищемъ, которое грозило общимъ переворотомъ всей народной жизни, въ ущербъ ей.

Въ Германіи, какъ и въ другихъ европейскихъ государствахъ, уже въ 1832 г. явились пропагандисты идеи сооруженія паровозныхъ желѣзныхъ дорогъ, при чемъ постройку рельсовыхъ путей предполагалось начать отъ Лейпцига, какъ центра тогдашней торговли, и вести ихъ по разнымъ отъ этого города направленіямъ, но эта идея встрѣтила, однако, неодобреніе и даже противодѣйствіе не только со стороны публики, но и со стороны правительства. Последнее опасалось, между прочимъ, вреднаго демократическаго и либеральнаго вліянія желѣзныхъ дорогъ на страну. При такихъ условіяхъ, лишь въ 1835 году построена была въ Германіи первая паровая жел. дорога, протяженіемъ всего 5½ верстъ, между Нюрнбергомъ и Фюрстомъ; всѣ же прочіе германскіе рельсовые пути были съ коннымъ двигателемъ.

Одинъ изъ предпринимателей такихъ желѣзно-конныхъ путей, профессоръ геометріи и землемѣрнаго искусства въ вѣнскомъ политехническомъ институтѣ, Францъ фонъ-Герстнеръ, концессионеръ желѣзно-конной желѣзной дороги между рѣками Дунаемъ и Молдавою (Будвейсомъ и Маутгаузенемъ) въ Австріи, будучи приглашенъ въ 1834 г. начальникомъ штаба корпуса горныхъ инженеровъ—Чеввинимъ, для ознакомленія съ металлургическими

¹⁾ Тамъ же, стр. 28—29.

производствами уральскихъ горныхъ заводовъ, совершилъ обширное путешествіе по Россіи и, по возвращеніи изъ этого путешествія въ С.-Петербургъ, обратился, 6-го января 1835 г., къ императору Николаю Павловичу съ запискою, въ которой, указывая на пользу сооруженія желѣзныхъ дорогъ въ странѣ, столь обширной и богатой естественными силами, какъ Россія, и, въ особенности, на необходимость желѣзной дороги между С.-Петербургомъ, Москвою, Нижнимъ-Новгородомъ и Казанью, ходатайствовалъ о предоставленіи ему 20-лѣтней привилегіи на исключительное право постройки въ Россіи этихъ новыхъ путей сообщенія. Для того же, чтобы на опытъ доказать примѣнимость и выгодность у насъ рельсовыхъ путей, Герстнеръ, 9-го марта того же 1835 года, предложилъ построить небольшую желѣзную дорогу между С.-Петербургомъ, Царскимъ-Селомъ и Павловскомъ, съ вѣтвью до Колпина.

Въ то время вопросъ о желѣзныхъ дорогахъ интересовалъ уже многихъ въ нашемъ отечествѣ, но вообще онъ былъ еще мало разработанъ, въ особенности же не только публики, но даже и техники были мало знакомы съ примѣненіемъ пара къ движенію по рельсовымъ путямъ.

Между тѣмъ, въ 1830 г., въ №№ 1 и 2 газеты промышленности, „Сѣверный Муравей“, издававшейся профессоромъ с.-петербургскаго университета, Щегловымъ, помѣщена была статья „О желѣзныхъ дорогахъ и преимуществахъ ихъ надъ обыкновенными дорогами и каналами“.

Въ статьѣ этой авторъ,—которымъ былъ самъ издатель газеты, профессоръ Щегловъ,—указывалъ на тѣ бѣдствія, которыя терпятъ Россія отъ отсутствія въ ней усовершенствованныхъ путей сообщенія и отъ той значительной цѣны провоза, которая составляетъ послѣдствіе громадныхъ разстояній передвиженія грузовъ. Не говоря уже объ обыкновенныхъ дорогахъ, болѣею частью доступныхъ для перевозокъ лишь въ зимнее время, авторъ замѣчаетъ, что и наши водяные пути, замерзающіе на полгода, а въ засухи обмелѣвающіе и мѣстами загражденные опасными для судоходства порогами, представляютъ мало удобствъ для своевременнаго сбыта земледѣльцами своихъ произведеній. Устраненіе этихъ неудобствъ возможно лишь, по мнѣнію автора, устройствомъ въ отечествѣ нашемъ цѣлой сѣти металлическихъ дорогъ, по которымъ хорошая лошадь будетъ въ состояніи везти грузъ, превышающій въ 10 разъ ту тяжесть, которую та же лошадь въ состояніи перевезти по санному пути, и притомъ со скоростью въ $2\frac{1}{2}$ и 3 раза болѣею, чѣмъ по этому пути. Триста кулей,

помѣщающихся въ одной барѣѣ, 6 хорошихъ лошадей перевезутъ по чугунной дорогѣ отъ Твери до С.-Петербурга на разстояніи 500 верстъ въ какихъ-нибудь 10—12 дней, тогда какъ водянымъ путемъ кули эти достигнутъ петербургскаго порта почти черезъ годъ.

Преимущество желѣзныхъ дорогъ надъ дорогами обыкновенными и каналами, доказанное печатно въ первый разъ вполне ясно въ Англіи въ 1821 г. Томасомъ Греємъ, настолько представляется, по словамъ профессора Щеглова, несомнѣннымъ—англійскимъ и американскимъ капиталистамъ и инженерамъ, что въ Англіи желѣзныя дороги проеладываются даже по берегамъ существующихъ каналовъ, а въ Америкѣ предполагавшійся между Филадельфіею и Питтсбургомъ каналъ рѣшено было, по докладу Вильгельма Стрикленда, замѣнить желѣзною дорогою.

Даже и въ Россіи,—замѣчаетъ авторъ статьи,—построена и съ успѣхомъ дѣйствуетъ съ 1810 года въ колыванскомъ округѣ, на протяженіи 1 версты 366 сажень, между змѣиногорскимъ рудникомъ и ближайшимъ заводомъ, чугунная дорога, по которой 1 лошадь везетъ 3 телѣги, въ 500 пудовъ каждая, т.-е. производитъ работу 25 лошадей, употребляемыхъ на обыкновенныхъ дорогахъ.

Въ русской службѣ находился въ то время, въ чинѣ генераль-маіора, Дестремъ, одинъ изъ числа нѣсколькихъ французскихъ инженеровъ, принятыхъ къ намъ на службу въ 1810 г., по рекомендаціи нашего посла въ Парижѣ, князя Куракина, и съ разрѣшенія императора Наполеона I.

Будучи большимъ поклонникомъ судоходныхъ путей, Дестремъ считалъ выводы статьи въ газетѣ „Сѣверный Муравей“ ложными и, въ опроверженіе этихъ выводовъ, прочелъ, весною 1831 г., въ институтѣ инженеровъ путей сообщенія публичную лекцію, на французскомъ языкѣ: „О причинахъ непримѣнимости желѣзныхъ дорогъ къ средствамъ и потребностямъ Россіи“. Лекція эта была переведена на русскій языкъ маіоромъ Васильевымъ и помѣщена въ томъ же 1831 году въ журналѣ путей сообщенія, подъ заглавіемъ: „Общія сужденія объ относительныхъ выгодахъ каналовъ и дорогъ съ колеями, и приложеніе выводовъ къ опредѣленію удобнѣйшаго для Россіи способа перевозки тяжестей“ ¹⁾.

¹⁾ Журналъ путей сообщенія 1831 г. Книжка 21, стр. 1—90. Та же статья, но на французскомъ языкѣ, помѣщена въ изданномъ въ 1835 году сборникѣ сочиненій генераль-лейтенанта Дестрема, озаглавленномъ: „Mémoires sur divers objets, relatifs à la science de l'ingénieur“, стр. 106—174 сборника).

„Нѣкоторые писатели, — говоритъ Дестремъ, — очевидно ослѣпленные выгодами новыхъ обществъ, образовавшихся за границею для устройства чугунныхъ дорогъ, — выгодами, зависѣвшими отъ чрезвычайно благоприятныхъ мѣстныхъ обстоятельствъ, не ограничиваются тѣмъ, чтобы почитать желѣзныя дороги средствомъ для перевозки тяжестей гораздо превосходнѣйшимъ противъ дорогъ обыкновенныхъ, но смѣло утверждаютъ, что желѣзныя дороги несравненно превосходятъ судоходныхъ каналовъ, и даже предлагаютъ замѣнить ими водныя сообщенія, что, по справедливости, возбуждаетъ удивленіе всѣхъ свѣдущихъ въ искусствахъ людей“.

Для опроверженія этого мнѣнія Дестремъ исчисляетъ относительныя выгоды перевозки грузовъ по желѣзнымъ дорогамъ и по судоходнымъ каналамъ, при чемъ онъ беретъ для сравненія дороги съ коннымъ двигателемъ, такъ какъ примѣненіе парового двигателя на рельсовыхъ путяхъ находилось въ то время еще въ зародышномъ состояніи.

Основываясь на данныхъ, приводимыхъ различными современными инженерами, и принявъ во вниманіе какъ относительную величину груза, передвигаемаго по каналамъ и по рельсовымъ путямъ, такъ и относительную скорость передвиженія, а равно и относительную стоимость сооруженія и содержанія путей того и другого рода, Дестремъ приходитъ къ заключительному выводу, что выгоды перевозки грузовъ по судоходнымъ каналамъ и желѣзнымъ дорогамъ выражаются отношеніемъ $3\frac{1}{4}$ къ 1.

При такомъ выводѣ въ пользу судоходныхъ каналовъ, Дестремъ полагаетъ, что желѣзныя дороги могутъ быть предпочтательны каналамъ лишь въ случаяхъ совершенно исключительныхъ, напримѣръ, „въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ природа противопоставляетъ великія препятствія для усовершенствованія судоходства“. Въ особенности же, по мнѣнію Дестрема, велико преимущество судоходныхъ каналовъ предъ желѣзными дорогами въ Россіи по причинамъ климатическимъ и вслѣдствіе дешевизны у насъ водной перевозки.

Необходимо принять, однакоже, при этомъ въ соображеніе, что въ то время желѣзныя дороги состояли изъ рельсовъ (шинъ), поддержанныхъ отдѣльными каменными стульями, устройствомъ на фундаментахъ, погруженныхъ въ грунтъ на глубину до 5 футовъ. Дестремъ указываетъ на слѣдующіе главные недостатки рельсовыхъ путей подобнаго типа: 1) крайнюю неустойчивость пути, при нашихъ климатическихъ условіяхъ, вслѣдствіе глубокаго промерзанія грунта; 2) необходимость частыхъ исправленій

щебеночной насыпи между колеями, легко выбивасмой лошадьми; 3) затруднительность расчистки зимою снѣга, а осенью и весною грязи съ полотна, находящагося между рельсами и расположеннаго ниже ихъ поверхности; 4) дороговизну насыпей по разливамъ, а также мостовъ чрезъ рѣки и овраги, сухіе лѣтомъ и многоводные весною, и при наводняхъ; 5) отсутствіе у насъ мастерскихъ и кузницъ для исправленія повозокъ и металлическихъ частей пути, и т. п. Всѣ эти затрудненія и препятствія у насъ въ Россіи должны отразиться на желѣзныхъ дорогахъ въ значительной степени невыгоднѣе, чѣмъ въ иностранныхъ государствахъ. „Правда, — прибавляетъ авторъ, — что судоходство въ Россіи продолжается не болѣе 6 или 7 мѣсяцевъ въ году, между тѣмъ какъ желѣзныя дороги хотя и имѣютъ много неудобствъ, но могутъ служить для перевозки въ продолженіе всего года. Но мнѣ кажется сомнительнымъ, чтобы сіе постоянное сообщеніе, сопряженное съ такими затрудненіями, могло быть выгодно для Россіи“.

Обращая, затѣмъ, вниманіе читателей на необходимость наибольшаго сокращенія издержекъ на провозъ такихъ малоцѣнныхъ грузовъ, какъ хлѣбъ, пенька, ленъ, сало, поташъ, металлы и т. п., которые отправляются водою къ нашимъ портамъ, пользуясь весенними половодіями, и успѣваютъ къ погрузкѣ на иностранныя суда прежде окончанія навигаціи, достигая мѣстъ назначенія безъ перегрузки, Дестремъ замѣчаетъ, что и въ зимнее время перевозка тяжестей обходится у насъ весьма дешево. Въ доказательство этого Дестремъ приводитъ стоимость провоза грузовъ отъ С.-Петербурга до Москвы, не превосходящую, на разстояніи 700 верстъ, въ теченіе всей зимы, 1 рубля (ассигн.) съ пуда, а иногда понижающуюся даже до 60 коп. (ассигн.) съ пуда.

Устройство судоходныхъ каналовъ обходится въ Россіи, по исчисленію генерала Дестрема, почти втрое дешевле, чѣмъ въ западной Европѣ, а потому относительныя преимущества судоходныхъ каналовъ представляются въ нашемъ отечествѣ еще болѣе значительными, чѣмъ за границею, не говоря уже о томъ, что стоимость провоза водою у насъ крайне дешева. Такимъ образомъ, перевозка водою хлѣбныхъ и другихъ массовыхъ грузовъ между Тверью и С.-Петербургомъ, т.-е. крайними точками вышневолоцкой системы, обходится не болѣе 30 коп. ассигн. за пудъ. Еслибы между тѣми же пунктами была построена желѣзная дорога и на дорогѣ этой примѣнялся бы къ перевозкѣ хлѣба, строевого лѣса, металловъ и т. п. тотъ же тарифъ, ко-

торый установленъ на желѣзной дорогѣ между Манчестеромъ и Ливерпулемъ, составляющій $2\frac{1}{2}$ пенса съ тонны за милю, то провозъ упомянутыхъ грузовъ по желѣзной дорогѣ между Тверью и С.-Петербургомъ, на протяженіи 500 верстъ, стоилъ бы 1 р. 33 коп. (ассигн.) съ пуда, т.-е. былъ бы въ $4\frac{1}{2}$ раза дороже доставки между тѣми же пунктами водянымъ путемъ.

Дестремъ заканчиваетъ свою статью слѣдующими строками, восхваляющими наши водяные пути.

„Такъ какъ сіи выводы удостовѣряютъ очевидно въ значительномъ превосходствѣ каналовъ предъ всякимъ другимъ способомъ сообщенія, могущимъ быть учрежденнымъ въ Россіи, между важнѣйшими въ торговомъ отношеніи мѣстами, то да преисполнимъ сердца наши радостью, взирая на совершенное окончаніе сихъ новыхъ судоходныхъ путей, которые будутъ доставлять пространнымъ областямъ изобиліе и благосостояніе ¹⁾. Какъ благоуспѣшный плодъ попечительной заботливости начальника корпуса, коему ввѣрено устройство оныхъ ²⁾, сіи полезные памятники будутъ для потомства несомнѣннымъ свидѣтельствомъ щедротъ монарха могущественнѣйшей въ свѣтѣ державы. Въ грядущіе вѣка оно узнаетъ, что если царствованіе императора Николая I было владычествомъ славы, то оно было также и торжествомъ науки и искусствъ“.

Столь же несочувственно относился къ желѣзнымъ дорогамъ и бывшій въ 1835 году главноуправляющимъ путями сообщенія графъ Толь.

Имя графа Карла Фёдоровича Толя, ознаменовавшаго свою дѣятельность блистательными военными подвигами, служить однимъ изъ лучшихъ украшеній русской военной исторіи, но гражданскій постъ главноуправляющаго путями сообщенія и публичными зданіями мало соотвѣтствовалъ его способностямъ или его вкусу. Этимъ объясняется отчасти незначительность слѣдовъ заботъ графа о развитіи и благоустройствѣ нашихъ путей сообщенія, оставленныхъ имъ послѣ почти девятилѣтняго управленія его вѣдомствомъ путей сообщенія (съ 1-го октября 1833 года по 23 апр. 1842 г.).

¹⁾ Здѣсь идетъ рѣчь о каналѣ герцога Александра Виртембергскаго, открытаго для судоходства въ 1828 г., а также о московскомъ и виндавскомъ сообщеніяхъ, къ устройству которыхъ было приступлено въ концѣ двадцатыхъ годовъ этого столѣтія, и которыя такъ и остались недоконченными, хотя въ 1831 г. работы были очень подвинуты впередъ.

²⁾ Герцога Александра Виртембергскаго, перваго главноуправляющаго путями сообщенія, назначеннаго на эту должность 20-го сентября 1822 г., по увольненіи бывшаго главнаго директора водяныхъ и сухопутныхъ сообщеній А. А. Бетанкура.

Вѣроятно, будучи подъ вліяніемъ взгляда на значеніе у насъ рельсовыхъ путей столь авторитетнаго инженера, какъ Дестремъ, графъ Толъ, 14-го января 1835 г., доложилъ государю, что вопросъ о выгодахъ желѣзныхъ дорогъ быть предметомъ обсуждения при главномъ управленіи уже нѣсколько лѣтъ раньше, но, въ виду существованія въ Россіи удобныхъ водяныхъ путей и климата страны, вопросъ этотъ разрѣшенъ не въ пользу желѣзныхъ дорогъ.

Такое же отрицательное заключеніе относительно желѣзныхъ дорогъ дано было въ 1835 г. и бывшимъ тогда министромъ финансовъ графомъ Канкринымъ ¹⁾. Желѣзные дороги,—говоритъ графъ Канкринъ,—обоснованы не на безусловныхъ видахъ пользы, а имѣютъ лишь относительныя достоинства. При дешевизнѣ въ Россіи перевозки гужевою и водяною, желѣзныя дороги не только не въ состояніи будутъ возвратить процентовъ на капиталъ, но и не дадутъ достаточныхъ средствъ на починки и на покрытіе расходовъ по содержанію дороги. Кромѣ того, самая постройка желѣзныхъ дорогъ, по мнѣнію графа Канкрина, отнимая заработки отъ извознаго промысла, составляющаго весьма важную поддержку для земледѣльцевъ, можетъ повлечь за собою упадокъ государственныхъ и частныхъ доходовъ и вызвать большой ропотъ въ народѣ. Еслибы народъ отвыкъ, наконецъ, отъ извознаго промысла, вслѣдствіе проведенія желѣзныхъ дорогъ, то, въ случаѣ порчи таковыхъ и затрудненія движенія, могло бы возникнуть затрудненіе и даже недостатокъ въ продовольствіи. Въ виду этихъ соображеній, бывший министръ финансовъ полагалъ, что мысль о покрытіи Россіи цѣлою сѣтью желѣзныхъ дорогъ слѣдуетъ считать превышающею всякую дѣйствительную возможность, и самое предположеніе о сооруженіи желѣзной дороги отъ С.-Петербурга до Казани надлежитъ признать на нѣсколько вѣковъ преждевременнымъ. Въ заключеніе графъ Канкринъ замѣчаетъ, что, во всякомъ случаѣ, паровая тяга не можетъ быть допущена на желѣзныхъ дорогахъ въ Россіи, такъ какъ, вслѣдствіе отсутствія въ нашемъ отечествѣ каменнаго угля, тяга эта повлечетъ за собою истребленіе лѣсовъ. Для перевозки войскъ

¹⁾ Графъ Ег. Фр. Канкринъ, состоявшій въ 1812—13 гг. генералъ-интендантомъ дѣйствующей арміи, былъ назначенъ въ 1823 г. министромъ финансовъ, на мѣсто графа Гурьева, и на этомъ посту оставался до 1844 г. Онъ извѣстенъ многими финансовыми реформами, изъ коихъ главнѣйшія были: замѣна въ 1839 г. ассигнаціонныхъ рублей серебряными и первый выпускъ въ 1841 г. кредитныхъ билетовъ. Въ таможенной политикѣ графъ Канкринъ держался строго покровительственной системы.

желѣзные дороги представляются также неудовлетворительными, такъ какъ онѣ должны имѣть на этотъ предметъ огромное число повозокъ, кои въ обыкновенное время вовсе не нужны ¹⁾).

Мнѣнія о желѣзныхъ дорогахъ главныхъ правительственныхъ лицъ того времени нашли себѣ отголосокъ и въ прессѣ. Въ одномъ изъ журналовъ 1835 г. помѣщена была статья, подъ заглавіемъ: „Мысли русскаго крестьянина-извозчика о чугунныхъ дорогахъ и пароводныхъ экипажахъ между С.-Петербургомъ и Москвою“ ²⁾).

Безъ сомнѣнія, статья эта принадлежитъ перу человѣка съ литературнымъ образованіемъ, принявшаго на себя лишь личину крестьянина-извозчика и старавшагося подладиться подъ тонъ мужицкой рѣчи. Она настолько характерна, что мы сдѣлаемъ изъ нея большое извлеченіе.

„Дошли до насъ слухи,—говоритъ авторъ,—что нѣкоторые наши богатые господа, прельстясь заморскими затѣями, хотятъ завести у насъ между Питеромъ, Москвою и Нижнимъ чугуныя колеи, по которымъ будутъ ходить экипажи, двигаемые невидимою силою, помощію паровъ.

„Мы люди темные, неученые, но, проживши полъ-вѣка, Богъ привелъ измѣрить всю родную землю: быть не разъ въ нѣмечинѣ, на ярмаркѣ въ Липовцѣ, и довольно наглядѣться иноземнаго и послушаться чужихъ толковъ. Затѣваемое на Руси неслыханное дѣло за сердце взяло: хочу съ проста-ума молвить, авось, люди умные послушаютъ моихъ мужицкихъ рѣчей“...

Восхваляя, затѣмъ, удобства ѣзды по вновь устроенному московскому шоссе и указавъ на пагубныя отъ постройки желѣзныхъ дорогъ послѣдствія для извознаго промысла, для коннозаводства, для сбыта избытка украинскаго овса, для торговли на постоянныхъ дворахъ, а также упомянувъ о затруднительности добыванія, при такихъ условіяхъ, средствъ на уплату оброка и податей, авторъ статьи заканчиваетъ ее слѣдующими словами:

„Сдается, однакоже, что этому не бывать. Русскія вьюги сами не потерпятъ иноземныхъ хитростей, занесутъ, матушки, снѣгомъ колеи, въ шутку, пожалуй, заморозятъ пары. Да и гдѣ взять такую тьму топлива, чтобы вѣчно не угасалъ огонь подъ ходунами-самоварами. Али тратить еще деньги на покупку за-

¹⁾ Историческій очеркъ развитія желѣзныхъ дорогъ въ Россіи. Выпускъ 1-й, 1898 г., стр. 25—26.

²⁾ Журналъ общепользныхъ свѣдѣній, издававшійся Башуцкимъ; № 18 отъ 27-го апрѣля 1835 г., стр. 177—178.

морскаго угля, для того, чтобы отнять насущный хлѣбъ у православныхъ. Стыдно и грѣшно! А тутъ-то можетъ быть и штука. Господа богатые, да умные! поразмыслимъ: коли вамъ наскутили деньги, употребите ихъ на такое дѣло, чтобы вамъ было прибыльно и народу любо; мало ли что можно придумать. Такое предпріятіе Богъ благословить и милосердый нашъ государь дозволить. Кланяемся“.

Записка Герстнера, отъ 6 января 1835 г., подвергнута была разсмотрѣнію въ особой комиссіи, образованной 14 января того же года, при главномъ управленіи путями сообщенія, подъ предсѣдательствомъ генерала Потье, изъ членовъ: Готмана, Зегефонъ-Лауренберга и Мельникова.

29-го января, комиссія уже представила свой рапортъ по этому дѣлу. Высказываясь безусловно противъ предоставленія Герстнеру исключительной привилегіи на постройку желѣзныхъ дорогъ въ Россіи, комиссія признала, что климатическія условія Россіи не могутъ служить препятствіемъ къ устройству у насъ желѣзныхъ дорогъ; ровная же, по большей части, поверхность страны даже благопріятствуетъ этому. Тѣмъ не менѣе, комиссія находила, что паровые двигатели должны быть примѣняемы у насъ на желѣзныхъ дорогахъ исключительно къ пассажирскому движенію; для торговыхъ же путей, въ виду разрушительнаго вліянія тяжелыхъ паровыхъ машинъ на желѣзныя полосы дороги, въ особенности въ точкахъ ихъ упора и соединенія, а также для удешевленія построекъ и содержанія желѣзныхъ дорогъ, надлежитъ сохранить лошадиную тягу.

Дальнѣйшее обсужденіе вопросовъ: общаго—о пользѣ введенія желѣзныхъ дорогъ, и частнаго—объ удобствѣ допущенія предлагаемыхъ Герстнеромъ условій, послѣдовало уже въ комитетѣ объ устройствѣ желѣзныхъ дорогъ, учрежденномъ, по повелѣнію государя 17 февраля 1835 г., изъ слѣдующихъ восьми лицъ: Новосильцова (предсѣдателя государственнаго совѣта), графа Толя (главноуправляющаго п. с.), графа Чернышева (военнаго министра), графа Канкринъ (министра финансовъ), князя Волконскаго (министра императорскаго двора), графа Бенкендорфа (шефа жандармовъ), Сперанскаго и Блудова (министра внутреннихъ дѣлъ).

Собравшись 28 февраля 1835 г., подъ предсѣдательствомъ самого государя, комитетъ высказался за полезность постройки желѣзныхъ дорогъ въ Россіи и за ихъ исполнимость въ техническомъ отношеніи, но осуществленіе проекта Герстнера признано было представляющимъ, въ финансовомъ отношеніи, зна-

чительныя затрудненія, въ особенности при образованіи необходимыхъ на предпріятіе капиталовъ. Въ виду этого, подробное разсмотрѣніе предложеній Герстнера и личныя съ нимъ объясненія были возложены государемъ на особый комитетъ изъ трехъ лицъ: графа Толя, графа Бенкендорфа и Сперанскаго, при дѣлопроизводителѣ баронѣ Корфѣ.

Не прошло трехъ недѣль, какъ особый комитетъ уже представилъ государю (19 марта 1835 г.) заключеніе свое по предложенію Герстнера. Находя представленныя при этомъ предложеніи цифровыя данныя недостаточными для убѣжденія въ осуществимости предпріятія, особый комитетъ признавалъ необходимымъ потребовать отъ Герстнера новыя данныя и расчеты относительно стоимости постройки желѣзной дороги, содержанія подвижнаго состава, въ томъ числѣ и лошадей, какъ двигательной силы, приблизительной прибыли на затраченный капиталъ и т. п.

Того же 19 марта, на запискѣ особаго комитета, государь сдѣлалъ слѣдующую надпись: „Должно всѣ сіи замѣчанія сообщить Герстнеру, чтобы представилъ на оныя свои возраженія, или признался, что ошибся въ расчетахъ“ ¹⁾.

Стоимость желѣзной дороги между С.-Петербургомъ и Москвою Герстнеръ опредѣлялъ въ 75 милліоновъ руб. асс., изъ коихъ 40 милл. на земляныя работы, 5 милл. на мосты, 23 милл. на металлическія принадлежности и 7 милл. на зданія и всѣ прочіе предметы. Движеніе по дорогѣ было исчислено въ количествѣ 120.000 пассажировъ и 12 милліоновъ пудовъ товаровъ въ годъ, а валовая выручка, считая по 50 руб. асс. съ пассажира и по 75 коп. асс. съ пуда товара, опредѣлена была въ 15 милл. руб. асс. въ годъ. Отчисляя на расходы половину, Герстнеръ опредѣлялъ чистую годовую прибыль предпріятія въ суммѣ 7½ милл. рублей, что составляло бы 10% на затраченный капиталъ. Подвижной составъ дороги долженъ былъ состоять, по предположенію Герстнера, изъ 600 экипажей, 30 паровозовъ, или, въ замѣнъ ихъ, 200 лошадей.

На вопросъ: какія средства имѣетъ онъ, Герстнеръ, для исполненія столь обширнаго предпріятія, — Герстнеръ далъ отзывъ, что хотя у него и нѣтъ въ виду компаніи, но она можетъ состояться, когда ему выдана будетъ привилегія.

Пока шла переписка съ Герстнеромъ по предложенію его

¹⁾ Историческій очеркъ развитія желѣзныхъ дорогъ въ Россіи; выпускъ 1-й, 1898 г., стр. 27.

относительно постройки желѣзной дороги между С.-Петербургомъ и Москвою, особый комитетъ разсмотрѣлъ другое предложеніе Герстнера, о которомъ уже сказано было выше, именно его предложеніе, отъ 9 марта 1835 г., о постройкѣ имъ, въ видѣ опыта, желѣзной дороги изъ С.-Петербурга въ Царское-Село и Павловскъ.

Предложеніе это также признано было особымъ комитетомъ неподкрѣпленнымъ достаточными цифровыми данными, ни въ отношеніи стоимости сооруженія желѣзной дороги, ни въ отношеніи ожидаемаго количества пассажировъ и грузовъ; при этомъ особый комитетъ находилъ, что поддержки правительства заслуживаютъ лишь предпріятія обдуманныя и солидныя, ибо, въ противномъ случаѣ, можетъ быть поколеблено довѣріе публики, возстановить которое будетъ крайне затруднительно.

Журналъ особаго комитета былъ, повидимому, представленъ государю графомъ Толемъ 8 іюня 1835 г., одновременно съ новою запискою Герстнера, отъ 20 апрѣля 1835 г., озаглавленной: „Mémoire sur l'avantage de l'introduction des chemins de fer en Russie“.

Записка эта была возвращена графу Толю съ слѣдующею собственноручною надписью императора: „Читалъ съ большимъ вниманіемъ и убѣжденъ, какъ и прежде былъ, въ пользѣ сего дѣла, но не убѣжденъ въ томъ, чтобы Герстнеръ нашелъ довольно капиталовъ, чтобы начать столь огромное предпріятіе. На сей предметъ желаю отъ него объясненій письменныхъ; потому, если нужно, призову къ себѣ. Дорогу въ Царское-Село дозволяю, буде представить мнѣ планы“¹⁾.

Записка Герстнера, съ изложенною выше надписью государя, препровождена была графомъ Толемъ, 19 іюня 1835 г., Сперанскому, на котораго, по случаю отъѣзда графа Толя изъ С.-Петербурга для обозрѣнія работъ, возложено было императоромъ дальнѣйшее веденіе дѣла по предложеніямъ Герстнера.

Резолюція государя была объявлена особому комитету Новосильцовымъ, временно замѣнившимъ въ этомъ комитетѣ, въ качествѣ председателя, отсутствовавшаго изъ С.-Петербурга графа Толя. Особый комитетъ составилъ, для представленія государю, записку о финансовомъ положеніи проекта устройства желѣзныхъ дорогъ въ Россіи. Въ запискѣ этой, послѣ общихъ финансовыхъ соображеній относительно образованія компаній

¹⁾ Историческій очеркъ развитія желѣзныхъ дорогъ въ Россіи; выпускъ 1-й, 1898 г., стр. 29.

для устройства въ Россіи желѣзныхъ дорогъ, особый комитетъ высказывается за необходимость увѣдомленія Герстнера, что и ранѣе его проекта правительство было убѣждено въ пользу введенія въ Россіи желѣзныхъ дорогъ, но устройство сихъ дорогъ должно быть разрѣшаемо компаніямъ изъ частныхъ лицъ лишь по представленіи ими доказательствъ составленія нужныхъ капиталовъ или имѣнія достаточнаго на устройство дороги кредита. Такого рода компаніямъ будетъ оказываемо со стороны правительства, согласно съ законами имперіи и общегосударственными интересами, содѣйствіе; выборъ же непосредственнаго строителя дорогъ предоставляется усмотрѣнію компаніи, и правительство не намѣрено стѣснять въ этомъ компанію безъ особо уважительныхъ причинъ. Что касается до сокращеннаго предложенія Герстнера относительно постройки имъ желѣзной дороги между С.-Петербургомъ и Царскимъ-Селомъ, то особый комитетъ полагалъ, что еслибы компанія, предпринявшая устройство дороги между столицами, пожелала, прежде приступа къ работамъ по этой линіи, произвести постройку дороги между С.-Петербургомъ и Царскимъ-Селомъ, то не представилось бы надобности въ выдачѣ привилегіи на эту постройку; но если компанія образуется исключительно для постройки линіи С.-Петербургъ — Царское-Село, что мало представляется выгоднымъ, то правительство можетъ дать свое согласіе на учрежденіе такой компаніи, но не иначе, какъ по представленіи о томъ просьбы отъ первоначальныхъ надежныхъ вкладчиковъ.

Соображенія эти, доложенныя государю Новосильцовымъ 2 іюля 1835 г., и государемъ одобренныя, были сообщены Герстнеру Новосильцовымъ 6 того же іюля.

Несмотря на возраженія особаго комитета противъ предложенія Герстнера относительно постройки имъ желѣзной дороги между С.-Петербургомъ и Москвою, Герстнеръ вновь обратился къ Новосильцову съ просьбою о разрѣшеніи ему русскимъ правительствомъ на печатаніе особыхъ объявленій съ приглашеніемъ капиталистовъ въ Россіи и въ западной Европѣ образовать капиталъ въ 100 милл. рублей, для устройства желѣзной дороги между обѣими нашими столицами, съ тѣмъ, что если въ годовой срокъ со дня означенныхъ публикацій капиталъ этотъ не будетъ собранъ и изъ него 5 милл. рублей не будутъ внесены наличными, то правительство будетъ въ правѣ считать предложеніе Герстнера потерявшимъ для правительства обязательную силу.

Это новое предложеніе Герстнера подвергнуто было разсмотрѣнію особаго комитета и, согласно заключенію этого ко-

митета, одобренному государемъ 3 декабря 1835 г., просимыя Герстнеромъ публикаціи были ему разрѣшены, при чемъ императоръ разрѣшилъ даже, вопреки мнѣнія министра финансовъ, беспошлинный ввозъ изъ Англіи потребныхъ для желѣзной дороги желѣза и чугуна.

На этомъ, повидимому, и остановилось дѣло относительно постройки Герстнеромъ желѣзной дороги между С.-Петербургомъ и Москвою, осуществленіе которой особый комитетъ призналъ преждевременнымъ до окончанія постройки царскосельской желѣзной дороги. Герстнеру, ходатайствовавшему о разрѣшеніи ему произвести изысканія желѣзной дороги между С.-Петербургомъ и Москвою и устроить заводъ для изготовленія желѣзныхъ шинъ (рельсовъ) и другихъ издѣлій, было объявлено, по постановленію особаго комитета, одобренному 11-го февраля 1836 г. императоромъ, что ходатайства эти оставлены комитетомъ безъ разсмотрѣнія, такъ какъ, послѣ постройки царскосельской желѣзной дороги, самый опытъ укажетъ вѣроятность успѣха подобныхъ предпріятій въ Россіи.

Что касается до царскосельской желѣзной дороги, то предложеніе Герстнера относительно ея постройки, въ видѣ опыта, было принято правительствомъ, и еще 17-го декабря 1835 г. государь утвердилъ журналъ особаго комитета, постановившаго объявить Герстнеру, что правительство, по разсмотрѣніи достаточности складочнаго капитала, имѣющаго быть имъ и составленною имъ компаніею представленнаго, а равно по разсмотрѣніи, въ установленномъ порядкѣ, его просьбы, готово дать свое согласіе и содѣйствовать осуществленію его предпріятія, и, въ этихъ видахъ, правительство дозволяетъ ему помѣщать въ публикаціяхъ указаніе тѣхъ-преимуществъ, которыя будутъ обѣщаны будущей компаніи.

Затѣмъ, вопросъ о выдачѣ Герстнеру десятилѣтней привилегіи на устройство желѣзной дороги отъ С.-Петербурга до Царскаго-Села и ея продолженія до Павловска разсматривался въ особомъ комитетѣ въ февралѣ 1836 г. Комитету было доложено письмо, подписанное церемоніймейстеромъ графомъ Алексѣемъ Бобринскимъ, негоціантами Бенедиктомъ Крамеромъ и Иваномъ Плитомъ, а также и Герстнеромъ, въ которомъ лица эти, объясняя о собраніи ими пятой части необходимаго для предпріятія капитала и о томъ, что всѣ акціи дороги ими лично разобраны, ходатайствовали о скорѣйшемъ разрѣшеніи привилегіи. Одновременно была разсмотрѣна и записка, составленная Герстнеромъ о выгодахъ желѣзной дороги между С.-Петербургомъ и

Царскимъ-Селомъ. Въ запискѣ этой Герстнеръ объясняетъ, что пассажиры и грузы будутъ перевозиться въ дилижансахъ, повозкахъ или паровыхъ каретахъ, при чемъ если число пассажировъ будетъ превышать 50 человѣкъ, то перевозка ихъ будетъ произведена паровыми машинами; въ противномъ же случаѣ пассажиры будутъ перевозимы на лошадяхъ. Каждая паровая машина въ состояніи будетъ перевезти отъ 200 до 300 пассажировъ и разстояніе между С.-Петербургомъ и Царскимъ-Селомъ пройдетъ въ 40 минутъ. На лошадяхъ же этотъ переѣздъ потребуетъ около часа времени. Если пассажиръ пожелаетъ совершить переѣздъ въ собственной каретѣ, то карета эта будетъ постановлена на особый ходъ. Плата за проѣздъ была опредѣлена до Царскаго-Села и до Павловска въ слѣдующихъ размѣрахъ: въ каретѣ—2 р. 50 к. и 3 р. асс.; въ дилижансѣ крытомъ—1 р. 80 к. и 2 р. 10 коп., и въ дилижансѣ открытомъ—80 к. и 1 р. асс.

По разсмотрѣніи предложенія четырехъ поименованныхъ лицъ, особый комитетъ призналъ возможнымъ выдать имъ просимую ими десятилѣтнюю привилегію, не внося этого дѣла въ установленномъ порядкѣ въ государственный совѣтъ, и разрѣшить учрежденіе компаніи для проведенія желѣзной дороги отъ С.-Петербурга до Царскаго-Села, съ продолженіемъ ея до Павловска.

На журналѣ комитета, 11-го февраля 1836 г., государь сдѣлалъ слѣдующую надпись: „Совершенно согласенъ, но направление дороги слѣдуетъ измѣнить, ибо надобно бы было: 1) устроить повую заставу, что вовсе неудобно, и 2) что сіе направление лишило бы артиллерію единственнаго мѣста, гдѣ опыты производимы быть могутъ. Сверхъ того надо узнать, согласенъ ли М. П. (Михайлъ Павловичъ) дозволить провести дорогу чрезъ его садъ. Я назначилъ на планѣ карандашемъ другое направление, которое первыя двѣ невыгоды устраняетъ“¹⁾.

Въ томъ же журналѣ особый комитетъ, считая, что порученіе, данное ему государемъ, исполнено, испрашивалъ разрѣшенія императора на закрытіе комитета, съ передачею его журналовъ и всѣхъ его бумагъ въ главное управленіе путями сообщенія и публичными зданіями. За выраженнымъ на это согласіемъ государя, дальнѣйшій ходъ дѣла по устройству царско-сельской желѣзной дороги сосредоточенъ былъ въ главномъ управленіи, которое и объявило 12-го того же февраля учредителямъ означенной дороги—резолюцію императора.

¹⁾ Историческій очеркъ развитія желѣзныхъ дорогъ въ Россіи; выпускъ 1-ый, 1898 г., стр. 36.

16-го и 17-го февраля, учредители представили графу Толю свои возраженія противъ потребованнаго отъ нихъ измѣненія избраннаго ими направленія дороги, объяснивъ, что проведеніе дороги вдоль московскаго шоссе было бы сопряжено съ опасностью для проѣзжающихъ по этому шоссе, потребовало бы значительнаго расхода на сносъ находящихся на этомъ направленіи построекъ и вызвало бы необходимость удалить петербургскій вокзалъ дороги отъ центра города, что лишило бы дорогу очень многихъ пассажировъ и сопряженнаго съ ихъ проѣздомъ дохода компаніи. Въ виду этого, учредители желѣзной дороги ходатайствовали о разрѣшеніи имъ сохранить прежде избранное ими направленіе, обязуясь: 1) выстроить на свой счетъ новую заставу; 2) перенести бывшую на артиллерійскомъ полѣ лабораторію на другое мѣсто, и 3) осушить находящееся на этомъ полѣ болото, помощью 4-хъ-верстной канавы, проведенной отсюда до Невы.

Такъ какъ одновременно съ этимъ и великій князь Михаилъ Павловичъ не встрѣтилъ препятствія къ проведенію желѣзной дороги чрезъ Волково-поле, при условіи перенесенія артиллерійской лабораторіи, за счетъ компаніи, на указанное правительствомъ мѣсто, а также изъявилъ согласіе на продолженіе дороги до Павловска и на устройство въ павловскомъ паркѣ нѣкоторыхъ строеній для удовольствія публики, съ тѣмъ лишь, чтобы планы проведенія дороги чрезъ павловскій паркъ были представлены на утвержденіе великаго князя, и чтобы отошедшая подъ постройку земля не считалась собственностью компаніи, — то императоръ Николай Павловичъ, 21-го февраля 1836 г., согласился на сохраненіе избраннаго учредителями компаніи для царскосельской желѣзной дороги направленія, при соблюденіи компаніею требованій, вошедшихъ въ послѣдствіи въ число условій данной ей концессіи.

21-го марта 1836 г., государемъ было окончательно утверждено, по всеподданнѣйшему докладу графа Толя, положеніе объ учрежденіи общества акціонеровъ для сооруженія желѣзной дороги отъ С.-Петербурга до Царскаго-Села съ продолженіемъ до Павловска, при чемъ было удовлетворено и новое ходатайство учредителей о разрѣшеніи имъ, въ случаѣ надобности, увеличенія суммы акціонернаго капитала, первоначально опредѣленнаго въ 3.000.000 руб. асс., еще на 500.000 р., по причинѣ вздорожанія желѣза въ Англіи и возложеннаго на компанію обязательства построить еще одинъ лишній мостъ чрезъ предполагавшійся новый, второй обводный каналъ.

Главнѣйшія условія этой первой въ Россіи желѣзнодорожной концессіи весьма характерны. Условія эти слѣдующія:

1) Привилегія, т.-е. исключительное право компаніи на постройку желѣзной дороги изъ С.-Петербурга въ Павловскъ, чрезъ Царское-Село, дается на 10 лѣтъ. Впослѣдствіи, 17-го августа 1844 г., графомъ Бенкендорфомъ было объявлено правленію общества царскосельской желѣзной дороги, что государь не имѣетъ намѣренія устраивать когда-либо другую желѣзную дорогу отъ С.-Петербурга до Царскаго-Села. Это обѣщаніе было подтверждено императоромъ Николаемъ Павловичемъ, 16-го ноября 1853 г., письменно, и, такимъ образомъ, десятилѣтняя привилегія компаніи обратилась въ безсрочную ¹⁾.

2) Компаніи предоставляется право устроить по окружности города Царское-Село другую, побочную желѣзную дорогу, дабы каждый проѣзжающій могъ сходить, гдѣ ему нужно. Правомъ этимъ общество царскосельской желѣзной дороги не воспользовалось, и пассажиры выходятъ въ Царскомъ-Селѣ изъ поѣзда только на одной станціи.

3) Устроенная компаніею дорога остается ея собственностью и по истеченіи привилегіи.

4) Компанія, при устройствѣ желѣзной дороги, пользуется всѣми преимуществами казенныхъ работъ, при чемъ, при отчужденіи частныхъ земель, дабы не останавливать работъ, компаніи дозволено было приступать къ работамъ, не ожидая окончанія оцѣнки, по вносѣ лишь въ подлежащее присутственное мѣсто суммы наличныхъ денегъ, равной цѣнѣ, платимой за подобныя участки въ окрестностяхъ. Право отчужденія предоставлено компаніи не только подъ желѣзнодорожную полосу, но, на протяженіи отъ Обводнаго канала до Царскаго-Села (за исключеніемъ артиллерійскаго поля), и на 100 сажень въ обѣ стороны отъ желѣзной дороги.

5) Компаніи предоставляется выписать изъ-за границы безпошлинно: паровые экипажи, вагоны и прочія машины, нужныя для желѣзныхъ дорогъ, а также и иностранное желѣзо, въ количествѣ потребномъ для сооруженія дороги,—но желѣзо въ томъ лишь случаѣ, если русскіе заводчики откажутся поставить этотъ матеріалъ въ потребной добротѣ и формѣ и въ опредѣленные сроки, по цѣнамъ не выше какъ на 15⁰/₁₀₀ болѣе дорогимъ, чѣмъ цѣны иностраннаго желѣза съ поставкою въ С.-Петербургъ.

¹⁾ Историческій очеркъ развитія желѣзныхъ дорогъ въ Россіи; выпускъ 1-й, 1898 г., стр. 39.

6) Желѣзная дорога, при ея устройствѣ и въ продолженіе дѣйствія привилегіи, не подвергается никакимъ казеннымъ сборамъ или налогамъ.

7) Компаніи дозволяется устроить въ Царскомъ-Селѣ гостиницу для пріѣзжающихъ, а также возвести по жел. дор. въ павловскомъ паркѣ нѣкоторыя строенія для пристанища и удовольствія публики, съ тѣмъ, чтобы планы, образъ построекъ и выборъ мѣстъ представлены были предварительно на утвержденіе великаго князя Михаила Павловича, и чтобы мѣсто, на коемъ строеніе будетъ возведено, не считалось собственностью компаніи; и

8) Установленіе платы за проѣздъ и провозъ по желѣзной дорогѣ предоставляется усмотрѣнію четырехъ учредителей, а въ послѣдствіи директоровъ компаніи, такъ какъ „проѣздъ по обыкновенному шоссе остается по прежнему совершенно свободнымъ“.

Обязательства компаніи состояли: а) въ постройкѣ дороги въ теченіе двухлѣтняго срока, по точно указанному направленію, а именно на послѣднихъ 24-хъ верстахъ по прямой линіи на храмъ Аполлона въ павловскомъ паркѣ, съ окончаніемъ дороги, однакоже, не у этого храма, а не доходя пруда; б) въ постройкѣ собственнымъ иждивеніемъ компаніи желѣзнодорожнаго моста чрезъ второй обводный каналъ, если въ послѣдствіи таковой каналъ будетъ построенъ, и в) въ принятіи на счетъ компаніи всѣхъ издержекъ, какъ по перенесенію находившихся на Волковомъ-полѣ: батарей, ракетнаго заведенія и прочихъ строеній, на мѣсто, указанное компаніи, такъ и по осушенію и планировкѣ присоединяемаго въ артиллерійскому полю мѣста, въ 370¹/₂ десятинъ, и по устройству земляныхъ насыпей.

Къ этимъ обязательствамъ, по повелѣнію государя, добавлены были еще два требованія: одно—о снабженіи паровыхъ экипажей колокольчиками или другими предвѣщательными знаками, для огражденія публики въ аллеяхъ павловскаго парка и вообще въ ночное время, и другое—о недопущеніи пріѣзжающимъ по желѣзной дорогѣ въ Петербургъ выхода изъ экипажей на части дороги между городскою заставою и конторою, гдѣ будутъ осматриваться ихъ виды.

Къ производству работъ по постройкѣ желѣзной дороги приступлено было 1-го мая 1836 г., при участіи австрійскихъ инженеровъ. Дорогу строили въ одинъ путь, шириною 6 футовъ, безъ всякаго балластнаго слоя, съ постепенными подъемами къ Павловску, при чемъ, однакоже, уклоны подъёмовъ нигдѣ не

превосходить 0,0019. Работы были ведены весьма дѣлательно: такимъ образомъ, напримѣръ, при возведеніи насыпей работали одновременно 2.500 рабочихъ и до 1.400 солдатъ. При ровной мѣстности, возвышающейся у Царскаго-Села всего на $11\frac{1}{4}$ саж. надъ площадкою с.-петербургской станціи, а у Павловска всего на $12\frac{1}{4}$ саж. надъ тою же площадкою, къ концу сентября того же 1836 г., рельсовый путь былъ уже уложенъ на всемъ протяженіи 22 верстъ отъ С.-Петербурга до Царскаго-Села, но такъ какъ къ этому времени не прибыли еще изъ-за границы паровозы, то движеніе было открыто по дорогѣ 27-го сентября 1836 г. съ конною тягою и притомъ на протяженіи всего $7\frac{1}{2}$ верстъ отъ столицы. Паровозовъ было заказано 4 и дилижансовъ—55.

Паровое движеніе было открыто лишь 3-го ноября 1836 г., но только, въ видѣ опыта, на небольшомъ протяженіи дороги. По словамъ отчета, представленнаго Герстнеромъ акціонерамъ, англійскіе паровозы, при пробныхъ поѣздкахъ, оказались вполне удовлетворительными: они ходили при 18 градусахъ мороза, въ бурю, дождь и ужасную мятель 4-го января 1837 г. Кромѣ пассажировъ, перевозились лошади, овцы, свиньи, строевой и дровяной лѣсъ и разные экипажи, поставленные на дороги. Зимой вѣтеръ сметалъ съ дороги снѣгъ, такъ что приставленнымъ къ ней рабочимъ почти нечего было дѣлать; только на Царско-сельской станціи, гдѣ дорога идетъ наравнѣ съ землею, навалилъ снѣгъ и его свозили на возахъ. Кромѣ того, снѣгъ лежалъ на дорогѣ и въ павловскомъ паркѣ, потому что просѣка была сдѣлана тамъ всего въ 4 сажени шириною, такъ что вѣтеръ не могъ сметать снѣга.

О пробныхъ поѣздахъ по царскосельской желѣзной дорогѣ Герстнеръ рассказываетъ слѣдующее: „вслѣдствіе газетныхъ статей объ этихъ поѣздахъ, стеченіе публики къ желѣзной дорогѣ было громадное. Я самъ долженъ былъ принимать на себя управленіе поѣздами. Вниманіе мое было обращено преимущественно на отклоненіе несчастныхъ случаевъ, ибо вся окрестность, кровли сосѣднихъ домовъ и весь путь были загромождены несмѣтными толпами народа, смотрѣвшаго съ удивленіемъ на небывалое зрѣлище“. Герстнеру пришлось самому совершать всѣ пробныя поѣздки на паровозѣ, и онъ, такимъ образомъ, въ теченіе первыхъ пяти дней проѣхалъ по 5-верстному разстоянію 116 разъ, при чемъ никакихъ несчастій, ни даже безпорядковъ, не случилось. Впрочемъ, самъ Герстнеръ, ѣдучи на паровозѣ 3-го октября 1837 г., получилъ сильный ушибъ въ грудь и лишенъ былъ воз-

возможности продолжать управленіе поѣздами до дня торжественнаго открытія дороги для публики, на всемъ ея протяженіи отъ С.-Петербурга до Царскаго-Села.

Это торжественное открытіе послѣдовало 30-го октября 1837 г., въ присутствіи министровъ, членовъ государственнаго совѣта, дипломатическаго корпуса и другихъ приглашенныхъ лицъ. Первый поѣздъ, въ составѣ 8 вагоновъ, отправился подъ управленіемъ Герстнера и въ 35 минутъ времени прибылъ изъ С.-Петербурга въ Царское-Село.

Ко дню открытія дороги были изготовлены бронзовыя медали, для раздачи ихъ присутствовавшимъ при этомъ открытіи, но раздача эта была воспрещена, такъ какъ медаль не понравилась государю.

Вскорѣ поѣздки въ Царское-Село сдѣлались моднымъ развлеченіемъ жителей столицы; простой же народъ сбѣгался толпами на Семеновскій плацъ, чтобы видѣть вблизи проходъ поѣзда. Изображеніе паровоза и вагоновъ появилось на лубочныхъ картинкахъ, на ситцевыхъ платкахъ, на конфетныхъ коробкахъ, на листахъ почтовой бумаги.

Движеніе по дорогѣ производилось весьма исправно, несмотря на погоду, но до 4-го апрѣля 1838 г. поѣзда отправлялись то съ паровозами, то съ конною тягою, смотря по количеству пассажировъ. Начиная съ 4-го апрѣля 1838 г., поѣзда съ паровозами стали ходить до Царскаго-Села ежедневно, и въ теченіе 27 дней апрѣля мѣсяца дорога провезла 13.293 пассажира и выручила за эту перевозку 26.058 р. ассигн., т.-е., въ среднемъ, около 1.000 р. асс. въ день. До Павловска, на всемъ протяженіи 25 верстъ, дорога была открыта 22-го мая того же года.

Къ концу 1838 г., т.-е. въ теченіе 9 мѣсяцевъ, перевезено было по царскосельской желѣзной дорогѣ болѣе 500.000 пассажировъ и выручено было за ихъ перевозку около 770.000 р. асс. Въ лѣтнее время движеніе производилось отъ 7 ч. утра до 11 ч. вечера, при чемъ отправлялось ежедневно по 8 поѣздовъ съ каждаго конца дороги. Пассажиры перевозились не только въ желѣзнодорожныхъ омнибусахъ, но и въ собственныхъ экипажахъ, которые устанавливались въ поѣздѣ на открытыя платформы. За отсутствіемъ телеграфа, устроеннаго лишь въ 1856 г., отправленіе поѣздовъ по царскосельской желѣзной дорогѣ регулировалось исключительно временемъ.

Съ открытіемъ движенія по дорогѣ до Павловска, начались увеселенія въ павловскомъ вокзалѣ: ежедневно игралъ оркестръ

музыки Германа, по временамъ пѣли цыгане и пускались фейерверки.

Для привлеченія публики въ Павловскѣ, въ зимній сезонъ 1838—39 гг. приглашенъ былъ для концертовъ оркестръ Лабичкаго, но концерты эти прекратились съ половины января 1839 г., и администрація дороги рѣшила ограничиться впредь въ павловскомъ вокзалѣ увеселеніями лишь лѣтняго сезона. Германъ дирижировалъ въ Павловскѣ оркестромъ до 1844 г. включительно; его замѣнилъ, съ 1844 по 1848 г.,—Иоганнъ Гунгль. На 1849 г. былъ приглашенъ Гильманъ, а затѣмъ, съ 1850 по 1855 г.—Иосифъ Гунгль. Гунгль смѣнилъ въ 1856 г. Иоганнъ Штраусъ, который и дирижировалъ павловскимъ оркестромъ до 1864 г. включительно.

21-го мая 1839 г., на царскосельской станціи случилось несчастіе, стоившее жизни управляющему дорогою Фасману и оберъ-кондуктору Бушу. Болѣе крупное несчастіе, именно столкновеніе двухъ встрѣчныхъ поѣздовъ, произошло 11-го августа 1841 г., при чемъ 6 человекъ было убито и 80 изувѣчено и ранено. Столкновеніе это вызвало распоряженіе императора Николая Павловича относительно воспрещенія отправлять поѣздъ изъ С.-Петербурга до прибытія поѣзда изъ Царскаго Села. Впослѣдствіи, по укладкѣ на царскосельской желѣзной дорогѣ второго пути, когда встрѣча на одномъ и томъ же пути двухъ поѣздовъ сдѣлалась невозможною, испрошено было разрѣшеніе императора Александра Николаевича на отмѣну упомянутаго воспрещенія.

Бывшій управляющій царскосельскою желѣзною дорогою, инженеръ Н. Н. Петерсъ, сообщалъ намъ, что послѣ катастрофы 1841 г. стали помѣщать во всѣ поѣзда царскосельской желѣзной дороги, для успокоенія публики, между паровозомъ и вагонами съ пассажирами, по одному и болѣе вагоновъ, нагруженныхъ соломенными тюфяками, съ цѣлю ослабленія этими тюфяками удара, еслибы случилось столкновеніе поѣздовъ.

3-го января 1843 г., сгорѣлъ почти весь павловскій вокзалъ. Его возобновили къ 13-му мая того же года, а впослѣдствіи расширили, но оставляютъ его и до сихъ поръ деревяннымъ. Что касается до пассажирскихъ зданій въ С.-Петербургѣ и Царскомъ-Селѣ, которыя первоначально были также выстроены деревянными, то ихъ перестроили въ каменные зданія въ 1849—52 гг.

Основной капиталъ общества царскосельской желѣзной дороги, опредѣленный первоначальнымъ уставомъ общества въ суммѣ 3¹/₂ милл. рублей ассигнаціями, былъ переведенъ въ 1852 г.,

при утвержденіи новаго устава общества, въ кредитные рубли и исчисленъ въ суммѣ 1.050.000 рублей, распределенной между 17 $\frac{1}{2}$ тысячами акцій, по 60 руб. каждая. Еще въ 1837 г. выяснилось, что основного капитала не хватитъ на окончаніе дороги; поэтому въ іюлѣ 1837 г. правленіе общества царско-сельской жел. дороги вошло къ правительству съ ходатайствомъ о выдачѣ обществу ссуды въ 1 $\frac{1}{2}$ милл. рублей ассигнаціями.

Комитетъ министровъ, обсуждая это ходатайство 3-го августа 1837 г., высказалъ, что если, съ одной стороны, неувѣренность многихъ лицъ въ успѣшномъ ходѣ дѣлъ общества царско-сельской желѣзной дороги, даже и по устроеніи оной, даетъ думать, что ссуда на окончаніе сего предпріятія не получитъ одобренія, то, съ другой стороны, нельзя не опасаться, что рѣшительное отклоненіе такого ходатайства можетъ, ко вреду духа предпріимчивости, возродить сомнѣніе въ готовности правительства способствовать частнымъ общепольнымъ начинаніямъ и произвести, особенно въ чужихъ краяхъ, между людьми пристрастными къ желѣзнымъ дорогамъ, невыгодное впечатлѣніе, возбудивъ упреки, что правительство, изъ одного только лишь финансоваго разсчета, отрекается отъ содѣйствія къ окончательному завершенію предпріятія, которое есть еще первый опытъ подобныхъ дорогъ въ Россіи, и на которое уже употреблены значительныя суммы. Имѣя, однакоже, въ виду, что испрашиваемая обществомъ ссуда не можетъ быть произведена, на законномъ основаніи, по банковымъ правиламъ, какъ сопряженная съ рискомъ, комитетъ полагалъ, что выдача этой ссуды зависитъ отъ благоволенія государя. Императоръ Николай Павловичъ настолько сочувствовалъ сооруженію царско-сельской желѣзной дороги, что призналъ возможнымъ, 7-го ноября 1837 г., въ отступленіе отъ всѣхъ правилъ, ссуду эту разрѣшить. Впослѣдствіи общество выплачивало ежегодно, изъ доходовъ дороги, около 30.000 р. с. на проценты и погашеніе ссуды.

Въ царствованіе императора Николая Павловича царско-сельская желѣзная дорога (въ періодъ времени съ 1838 по 1854 г. включительно) перевозила ежегодно отъ 508 до 848 тысячъ пассажировъ, выручая при этомъ отъ 216 $\frac{1}{2}$ до 299 тысячъ рублей валового сбора, въ томъ числѣ отъ 2 до 11 тысячъ рублей за перевозку клади и тяжестей. Чистая прибыль дороги составляла отъ 74 $\frac{1}{2}$ до 146 $\frac{1}{2}$ тысячъ рублей. Въ числѣ ежегодно расходовавшихся отъ 106 до 182 тысячъ рублей, отъ 20 до 22 тысячъ рублей тратились, при императорѣ Николаѣ, на увеселеніе публики.

Интересно сопоставить эти цифры съ результатами эксплуатаціи той же царскосельской желѣзной дороги въ позднѣйшее время, напримѣръ въ 1896 году, т.-е. почти чрезъ 60 лѣтъ по открытіи дороги для движенія. Пассажировъ въ означенномъ году перевезено 1.577.740; товаровъ—76.000 пудовъ. Валовой доходъ составилъ 703.114 руб.; расходъ—450.415 руб., въ томъ числѣ на увеселенія 59.662 руб. Чистая выручка выразилась суммою 252.699 руб., изъ коихъ 137.928 руб. пошли на уплату процентовъ и на погашеніе по займамъ общества, 11.900 руб. отчислены на чрезвычайные расходы и 102.871 руб. выданы въ дивидендъ по акціямъ. Необходимо принять при этомъ во вниманіе, что въ 1838 г. стоимость царскосельской желѣзной дороги составляла всего 1.550.000 руб. кред. (на версту протяженія дороги—62.000 руб.), а къ концу 1896 г. дорога стоила уже 3.124.390 руб. мет. (на версту 125.096 руб. мет.), т.-е. втрое дороже, чѣмъ въ 1838 году.

Количество подвижного состава на дорогѣ выражалось слѣдующими цифрами: къ концу 1856 г. паровозовъ было 7, пассажирскихъ вагоновъ—49; товарныхъ вагоновъ и платформъ—31; чрезъ 40 лѣтъ, къ концу 1896 г., паровозовъ было 16, пассажирскихъ вагоновъ—84, багажныхъ и вспомогательныхъ—7 и товарныхъ—63.

Въ 1847 г. было предположено продолженіе царскосельской желѣзной дороги до Гатчины, на что послѣдовало даже, 8 іюля 1847 г., и согласіе государя, но общество царскосельской желѣзной дороги предположенія этого не осуществило.

Управляющими царскосельской желѣзной дороги, въ царствованіе императора Николая I, между прочими, были: до 12-го апрѣля 1847 г. инженеръ-полковникъ Романовъ, окончившій курсъ первымъ въ 1821 г. въ институтѣ корпуса путей сообщенія, а послѣ него, съ 22-го апрѣля того же года, инженеръ-маіоръ, а потомъ подполковникъ, Таубе I, выпуска 1831 года. Романовъ перешелъ на должность начальника I округа путей сообщенія, и въ сентябрѣ 1851 г. былъ назначенъ начальникомъ с.-петербурго-московской желѣзной дороги. Фердинандъ Ивановичъ Таубе (впослѣдствіи баронъ) былъ очень популяренъ въ публикѣ и пользовался также расположеніемъ какъ государя, такъ и многихъ лицъ императорской фамиліи.

Въ свое время царскосельская желѣзная дорога сослужила Россіи ту службу, что доказала на опытѣ публикѣ, что паровозное движеніе по рельсовымъ путямъ и у насъ вполне возможно, несмотря на наши неблагоприятныя климатическія условія.

II.

Строитель царскосельской желѣзной дороги Герстнеръ, не окончивъ еще постройки этой дороги и не смотря на неуспѣшный ходъ его ходатайствъ о предоставленіи ему сооруженія желѣзной дороги между двумя нашими столицами, предпринималъ и другія предпріятія по сооруженію желѣзныхъ дорогъ въ Россіи. Такимъ образомъ, еще въ 1836 г. онъ помышлялъ о постройкѣ желѣзной дороги изъ С.-Петербурга чрезъ Петергофъ въ Ораніенбаумъ и сдѣлалъ даже публикацію о подпискѣ на акціи общества этой дороги, но дальнѣйшее движеніе этого дѣла было прекращено, такъ какъ Герстнеру было объявлено, что всѣ другія предположенія его о постройкѣ у насъ желѣзныхъ дорогъ оставлены безъ разсмотрѣнія, до выясненія на практикѣ результатовъ постройки и эксплуатаціи царскосельской желѣзной дороги.

Въ томъ же 1836 г., Герстнеръ намѣревался произвести изысканія для желѣзной дороги отъ Москвы до Коломны. Главнѣнчайшимъ въ Москвѣ графъ Толстой, за отсутствіемъ московскаго генералъ-губернатора князя Дм. Вл. Голицына, сообщая объ этомъ министру внутреннихъ дѣлъ, прибавилъ, что самъ онъ, лично, не убѣжденъ въ пользѣ устройства означенной дороги и признавалъ бы болѣе полезнымъ устройство судоходнаго пути между рѣками Москвою и Волгою.

Министръ внутреннихъ дѣлъ вошелъ по этому предмету, 8-го августа 1836 г., съ представленіемъ въ комитетъ министровъ, въ которомъ высказался за разрѣшеніе Герстнеру произвести нивелировку мѣстности между Москвою и Коломною, имѣя въ виду, что нивелировка эта не потребуетъ издержекъ казны, а между тѣмъ она принесетъ пользу въ топографическомъ отношеніи.

На журналѣ комитета министровъ императоръ Николай I сдѣлалъ 29-го августа 1836 г. слѣдующую надпись: „Симъ дѣломъ нечего торопиться, а надо ждать возвращенія князя Голицына; кромѣ того, г. Герстнеръ публиковалъ въ газетахъ объ устройствѣ имъ желѣзной дороги изъ Петергофа въ Ораніенбаумъ, о чемъ тамошніе помѣщики ничего не знаютъ, и врядъ ли дадимъ свое согласіе, ежели вздумаетъ проводить дорогу чрезъ сады петергофскіе“¹⁾.

¹⁾ Историческій очеркъ развитія желѣзныхъ дорогъ въ Россіи; выпускъ 1-й, 1898 г., стр. 42.

Возвратившись изъ-за границы, князь Дм. Вл. Голицынъ сообщилъ министру внутреннихъ дѣлъ, что онъ считаетъ желѣзныя дороги очень полезными въ обширномъ русскомъ государствѣ, если только опытъ укажетъ, что вліять нашъ не препятствуетъ устройству этихъ дорогъ; поэтому онъ полагаетъ, что желательно, чтобы Герстнеръ приступилъ къ производству, на свой счетъ, предварительной съемки и нивелировки отъ Москвы до Коломны и на этомъ основалъ бы свой проектъ, который далъ бы ему способъ собрать нужный капиталъ для устройства дороги, но онъ сожалѣетъ, что Герстнеръ преждевременно публиковалъ объ устройствѣ дороги, не выждавъ опыта устраиваемой царскосельской дороги. Отзывъ этотъ, къ которому, въ своемъ заключеніи по этому дѣлу, присоединился и министр внутреннихъ дѣлъ, рассмотрѣвъ былъ, 20-го октября 1836 г., въ комитетѣ министровъ, и, на основаніи положенія сего комитета, утвержденного государемъ 30-го октября того же года, Герстнеру было дозволено произвести, за собственный свой счетъ, нивелировку и съемку мѣстъ отъ Москвы до Коломны, но съ тѣмъ, чтобы онъ приступилъ къ сему не иначе, какъ по предварительному добровольному соглашенію съ помѣщиками, земли коихъ лежатъ на предполагаемомъ имъ направленіи дороги, чтобы настоящее дозволеніе онъ отнюдь не считалъ разрѣшеніемъ устройства самой желѣзной дороги, и чтобы, въ случаѣ, если устройство дороги будетъ признано правительствомъ неудобнымъ, онъ не имѣлъ права просить никакого вознагражденія за произведенныя имъ по сему дѣлу издержки.

Дальнѣйшій ходъ этого предпріятія намъ неизвѣстенъ; вѣроятно, Герстнеръ самъ отъ него отказался, какъ вообще онъ отказался, по окончаніи постройки царскосельской желѣзной дороги, отъ всякихъ дѣлъ въ Россіи, переселившись навсегда въ 1838 году въ Америку, гдѣ онъ и скончался въ 1842 году.

Кромѣ Герстнера, въ концѣ тридцатыхъ годовъ были и другіе предприниматели, испрашивавшіе разрѣшенія на постройку ими въ Россіи желѣзныхъ дорогъ.

Такимъ образомъ, въ мартѣ 1838 г., Аг. В. Абаза испрашивалъ разрѣшенія на учрежденіе общества для постройки желѣзной дороги между С.-Петербургомъ и Москвою, предполагая устроить эту дорогу въ два пути, изъ которыхъ по одному перевозились бы пассажиры паровозами, а по другому передвигались бы тяжести лошадьми.

Протяженіе дороги предполагалось въ 600 верстъ. Стоимость постройки была исчислена въ 120 милл. рублей ассигн.

Ежегодный валовой доходъ былъ опредѣленъ въ 22 милл. руб. ассигн. (160.000 пассажировъ по 75 руб., 60.000 мастеровыхъ и рабочихъ по 15 руб., 3 милл. пуд. грузовъ изъ С.-Петербурга въ Москву по 80 коп. съ пуда и 11 милл. пудовъ грузовъ въ обратномъ направленіи по 60 коп.). На расходы назначено было 10.270.000 р. асс., и чистая прибыль составляла бы 11.730.000 руб. ассигн., или около 10⁰/о на затраченный капиталъ. Между различными льготами, которыя испрашивалъ предприниматель, обращаетъ на себя вниманіе его ходатайство о разрѣшеніи желающимъ дворянамъ получать въ опекунскихъ совѣтахъ добавочную ссуду въ размѣрѣ 50 рубл. асс. на душу, съ тѣмъ, чтобы добавочная ссуда эта обращаемая была на приобрѣтеніе акцій общества за счетъ заемщика.

Для разсмотрѣнія этого предложенія учрежденъ былъ особый комитетъ, мотивированное заключеніе котораго мы считаемъ интереснымъ привести здѣсь почти цѣликомъ.

„Не отвергая пользы, которую могла бы принести желѣзная дорога чрезъ облегченіе способовъ перевозки, во всякое время и въ оба пути, товаровъ, особенно тяжеловѣсныхъ, нельзя однакожь согласиться, чтобы должно было ожидать большой пользы отъ умноженія быстроты переѣздовъ частныхъ между двумя столицами проѣзжающихъ и, вообще, едва ли можно надѣяться всѣхъ общаемыхъ просителемъ выгодъ. Разсматриваемое предложеніе не содержитъ въ себѣ достаточныхъ удостовѣреній и ручательства, что сіе важное, хотя и частному обществу предоставляемое, но, по обширности его и огромности потребныхъ капиталовъ, государственное предпріятіе дѣйствительно можетъ быть съ успѣхомъ приведено въ исполненіе“.

Далѣе, въ заключеніи особаго комитста, указывается на примѣрное и совершенно гадательное опредѣленіе цифръ стоимости дороги и результатовъ ея эксплуатаціи и выражается неувѣренность въ возможности для предпринимателя окончить и поддерживать свое предпріятіе.

„Такъ какъ не было еще изысканій на предполагаемой линіи желѣзной дороги и не составлено правильной смѣты расходовъ на устроеніе оной, то и никакое исчисленіе по сему предмету не можетъ быть признано вѣрнымъ или даже достаточно вѣроятнымъ; съ другой стороны, и количество сбора съ проѣзжающихъ и товаровъ можетъ опредѣлить только время и опытъ, но уже и одно сомнѣніе въ успѣхѣ столь огромнаго, требующаго столь значительныхъ расходовъ, предпріятія должно остановить всякое предположеніе объ оказаніи ему правительствомъ особеннаго по-

ровительства и содѣйствія. Правительство, дозволяя учрежденіе какаго-либо общества, не ручается за успѣхъ онаго, но, принимая открытое дѣятельное участіе въ предпріятіи особенно важномъ, оно до нѣкоторой степени примѣромъ своимъ одобряетъ другихъ къ такому же участію и, въ случаѣ неудачи, сопряженной съ значительными для акціонеровъ убытками, дастъ поводъ къ жалобамъ не совсѣмъ неосновательнымъ⁴.

Въ виду этихъ соображеній, особый комитетъ отнесся несочувственно и къ ходатайству предпринимателя о разрѣшеніи желающимъ дворянамъ брать въ опекунскихъ совѣтахъ дополнительную ссуду, по заложеннымъ въ этихъ совѣтахъ имѣніямъ, на пріобрѣтеніе акцій общества. „Сія мѣра, — говоритъ особый комитетъ, — имѣла бы уже рѣшительно видъ особеннаго желанія правительства привлечь частныя лица къ участію въ предпріятіи общества и, въ случаѣ неуспѣха онаго, повлекла бы къ новому обремененію имѣній дворянства“.

„Устройство желѣзныхъ дорогъ въ Европѣ и въ Америкѣ, — прибавляетъ особый комитетъ, — дѣло еще весьма новое; кратковременные въ томъ опыты еще не сильны убѣдить: соразмѣрны ли употребляемымъ на нихъ суммамъ, какъ польза ихъ, такъ и прибыли акціонеровъ? Кажется, лучше и благоразумнѣе ожидать, чѣмъ окончатся и какой будутъ имѣть успѣхъ предпринимаемыя въ разныхъ государствахъ работы сего рода. Это будетъ имѣть еще и ту важную выгоду, что между тѣмъ, безъ сомнѣнія, и способъ устройства желѣзныхъ дорогъ усовершенствуется, и, можетъ быть, найдены будутъ средства уменьшить требующіеся на сіе расходы“¹⁾.

При такихъ взглядахъ особаго комитета на желѣзнодорожное дѣло въ Россіи, предложеніе Абазы было имъ отклонено.

Другое предложеніе относительно постройки с.-петербургомосковской желѣзной дороги явилось въ мартѣ 1839 г. изъ-за границы, со стороны лейпцигскихъ банкировъ Дюфуръ и Гаркартъ, которые желали образовать въ Германіи для этой постройки акціонерное общество съ правительственною гарантіею ежегодной чистой прибыли въ 4⁰/₀ и 2⁰/₀ на погашеніе капитала и на уплату премій акціонерамъ. Въ числѣ расходовъ на построеніе дороги должно было заключаться вознагражденіе учредителямъ въ размѣрѣ 1⁰/₀ со всего капитала безденежными акціями и 1⁰/₀ деньгами. Учредители требовали себѣ также

¹⁾ Журналъ главнаго управленія п. с. и п. зд. за 1863 г. Книжка 1-ая, статьи Ив. П. Боричевскаго: „Предположенія частныхъ лицъ объ устройствѣ желѣзныхъ дорогъ, поступившія въ гл. упр. п. с. и п. зд. до 1860 года,“ стр. 138—140.

права назначать, по усмотрѣнію общества, плату за провозъ пассажировъ и влады, съ тѣмъ, однакоже, чтобы цѣны провоза были, по крайней мѣрѣ, 10-ю процентами дешевле существующихъ для доставленія пассажировъ и влады по шоссе.

Для разсмотрѣнія этого предложенія составленъ былъ, по бывшимъ примѣрамъ, особый комитетъ. Комитетъ этотъ призналъ необходимымъ установленіе лишь предварительнаго и условнаго указанія предпринимателямъ тѣхъ главныхъ началъ, на основаніи коихъ имъ могло бы быть предоставлено окончательное дозволеніе на составленіе общества, по представленіи ими и надлежащемъ разсмотрѣніи проекта устава этого общества. Главныя эти начала были слѣдующія:

а) Общество учреждается на акціяхъ для постройки и, затѣмъ, пользованія двойнымъ, т.-е. двухходнымъ, желѣзнымъ путемъ между С.-Петербургомъ и Москвою, приспособленнымъ къ паровой перевозкѣ не менѣе 200.000 пассажировъ и 24 милл. пудовъ влады въ годъ.

б) Правительство даетъ акціонерамъ ручательство (гарантію) въ 4 со ста процентовъ и въ 2 со ста погашенія, а всего въ 6%, на капиталъ, потребный для возведенія означенной дороги, но не свыше 43 милліоновъ руб. сер. Ручательство это имѣетъ силу со дня окончанія и открытія всей дороги, въ теченіе 37 лѣтъ, послѣ коихъ желѣзная дорога, со всѣми ея принадлежностями, движимыми и недвижимыми, обращается въ собственность правительства и должна быть ему сдана въ полномъ устройствѣ.

в) Общество можетъ начать свои дѣйствія лишь по внесеніи $\frac{1}{10}$ части всего своего капитала.

г) Правительство предоставляетъ себѣ право выкупить во всякое время всѣ акціи общества.

д) Дивиденды на погашенныя акціи обращаются въ пользу правительства и могутъ быть употреблены правительствомъ на усиленіе погашенія акцій.

е) По окончательномъ образованіи общества, дозволяется выдавать его учредителямъ, изъ каждаго взноса по акціямъ, банковскую комиссію въ размѣрѣ $1\frac{1}{2}\%$, въ томъ числѣ $\frac{1}{2}\%$ акціями безденежно и 1% деньгами. Выдача этой комиссіи присовокупляется къ общимъ на возведеніе дороги расходамъ.

Условія эти были объявлены предпринимателямъ, но они настаивали на томъ, чтобы гарантія была назначена обществу не со дня открытія дороги, а со времени окончанія денежныхъ взносовъ акціонеровъ, и чтобы учредителямъ выдано было не

1¹/₂%, а 2%. Такъ какъ на эти требованія правительство не согласилось, то учредители отказались отъ своего предпріятія ¹⁾.

Въ тотъ же періодъ времени сороковыхъ годовъ, когда поступали къ правительству ходатайства о выдачѣ желѣзнодорожныхъ концессій, отъ нѣкоторыхъ лицъ были получены заявленія, въ видѣ совѣтовъ о способахъ осуществленія у насъ тѣхъ или другихъ желѣзныхъ дорогъ. Эти заявленія принимались весьма благосклонно и подвергались обсужденію.

Такимъ образомъ, 17-го декабря 1837 г., нѣкто отставной поручикъ Голиевскій представилъ государю всеподданнѣйшую записку, въ которой онъ предлагалъ строить въ Россіи желѣзныя дороги „безъ малѣйшихъ со стороны казны пожертвованій“, на счетъ особаго подушнаго сбора въ 14¹/₂ коп. съ души населенія тѣхъ губерній, по которымъ должны были быть проложены желѣзныя дороги, а равно и при помощи натуральной повинности того же населенія, долженствовавшего выставить для земляныхъ работъ по одному рабочему на 500 жителей, съ лопатою и топоромъ. Голиевскій предлагалъ устроить двѣ большихъ желѣзнодорожныхъ линій: одну, длиною 1.830 верстъ, отъ С.-Петербурга чрезъ Новгородъ, Боровичи, Великія-Луки, Витебскъ, Кіевъ и Бѣлую-Церковь до Одессы, съ вѣтвью, протяженіемъ 410 верстъ, отъ Бѣлой-Церкви до австрійской границы, и другую, длиною 1.360 верстъ, отъ Москвы чрезъ Витебскъ, Вильно, Гродно и Бѣлостокъ до Варшавы, а всего устроить до 3.600 верстъ желѣзныхъ дорогъ.

Предположенія эти были рассмотрѣны въ главномъ управленіи пут. сооб. и публ. зданій и признаны были незаслуживающими уваженія, по своей бездоказательности. Съ мнѣніемъ этимъ согласился и комитетъ министровъ.

Другая записка объ устройствѣ въ Россіи желѣзныхъ дорогъ, болѣе обстоятельная, чѣмъ записка Голиевскаго, была представлена государю 6-го декабря 1838 г. статсъ-секретаремъ Муравьевымъ. Въ запискѣ этой излагаются слѣдующія соображенія:

Съ возрастаніемъ въ Россіи народонаселенія, возрастаетъ и настоятельная необходимость въ развитіи путей сообщенія, между которыми надлежитъ отдать преимущество путямъ желѣзнодорожнымъ, причемъ эти пути, для отвращенія торгашества акціями, ни въ какомъ случаѣ не должны быть предоставлены частнымъ компаніямъ, а должны быть устроиваемы правительствомъ.

Первою наиболѣе необходимою желѣзною дорогою представ-

¹⁾ Тамъ же, стр. 143—148.

ляется рельсовый путь между столицами. Если назначить для товаровъ, перевозимыхъ изъ Твери въ С.-Петербургъ провозную плату въ 6 коп. съ пуда, то всѣ грузы, отправляемые по выше-волоцкой и тихвинской системамъ, обратятся на желѣзную дорогу, и дорога можетъ доставлять значительный доходъ, при ея стоимости, не превышающей 300 милл. руб. асс. Для свободнаго движенія столь огромнаго количества грузовъ, независимо отъ пассажирскаго движенія, необходимо устроить с.-петербурго-московскую ж. д. о 6-ти путяхъ, изъ коихъ 3 пути конныхъ и 3 пути паровозныхъ, при чемъ третьи пути того и другого рода должны оставаться запасными, на случай исправленія дороги.

Въ дополненіе къ этой запискѣ, Муравьевъ представилъ еще новыя соображенія: о продленіи московской желѣзной дороги чрезъ Пензу въ Сибирь и на Кавказъ, и объ устройствѣ боковыхъ отъ нея дорогъ къ р. Гжати, Рыбинску, Ярославлю, Нижнему - Новгороду, Казани, Самарѣ, Саратову, Тамбову и Орлу. Не считая дорогъ сибирской и кавказской, потребовалось бы такимъ образомъ построить 3.000 верстъ желѣзныхъ дорогъ.

Первая записка Муравьева была передана, по приказанію государя, на разсмотрѣніе графа Толя.

Соглашаясь вполнѣ съ авторомъ записки о необходимости развитія въ Россіи путей сообщенія, въ зависимости отъ возростанія населенія, графъ Толь, во всеподданнѣйшемъ докладѣ своемъ отъ 25-го декабря 1838 г., находитъ, что потребности страны не будутъ удовлетворены устройствомъ лишь однихъ желѣзныхъ дорогъ. Дороги эти, по его мнѣнію, наиболѣе выгодны для страны съ мануфактурною дѣятельностью уже развитою и гдѣ уже существуетъ дѣятельный сбытъ фабричныхъ издѣлій; въ такихъ случаяхъ, для равномерности предложенія издѣлій на рынкахъ сбыта, необходимо эти рынки соединить съ мануфактурными центрами быстрыми и постоянными путями сообщенія. Но въ Россіи, обладающей во время зимы довольно продолжительнымъ саннымъ путемъ, а лѣтомъ — самыми удобными водяными сообщеніями, графъ Толь не знаетъ мѣстностей, гдѣ примѣненіе желѣзныхъ дорогъ могло бы быть сдѣлано съ вѣроятнымъ успѣхомъ. Россія—страна земледѣльческая, и сбытъ ея сырого продукта не нуждается въ скорой и срочной доставкѣ; поэтому мнѣніе о необходимости для Россіи большихъ желѣзнодорожныхъ линій неправильно.

Относительно собственно желѣзной дороги между С.-Петербургомъ и Москвою, графъ Толь говоритъ въ своемъ докладѣ:

„признаюсь, что есть нѣкоторое умозрѣніе въ пользу сей дороги, но умозрѣніе это въ статистическомъ отношеніи еще столь неопредѣленно и столь невѣрно, что на немъ нѣтъ возможности основать такого огромнаго предпріятія, каково есть устройство упомянутой дороги“. Далѣе, въ своемъ докладѣ графъ Толъ прибавляетъ, что онъ не видитъ особой надобности въ устройствѣ этой дороги, такъ какъ Петербургъ уже достаточно соединенъ съ волжскимъ бассейномъ, и это сообщеніе, при выполненіи нѣкоторыхъ предположенныхъ улучшеній маринской и вышневолоцкой системъ, будетъ еще болѣе развито, при томъ безъ затраты столь значительныхъ суммъ, какія потребуются на устройство желѣзной дороги между двумя нашими столицами.

По обсужденіи записокъ Муравьева въ комитетѣ министровъ, комитетъ этотъ нашелъ, что соображенія, изложенныя въ запискахъ, настолько общи, что не представляется повода входить въ ихъ разсмотрѣніе. Что же касается до желѣзныхъ дорогъ между двумя столицами и между другими пунктами нашего отечества, то, вслѣдствіе громадныхъ разстояній и недостатка капиталовъ, не удовлетворяющихъ еще многимъ другимъ отраслямъ промышленности, правительство не можетъ приступить къ этому вопросу иначе, какъ съ соблюденіемъ болѣе, нежели въ другихъ европейскихъ государствахъ, осторожности. Самый выборъ пунктовъ, между которыми надлежитъ приступить къ постройкѣ желѣзныхъ дорогъ, еще окончательно не выясненъ: одни желаютъ дороги между Петербургомъ и Москвою, другіе—между Петербургомъ и Рыбинскомъ; наконецъ, третьи стоятъ за соединеніе между собою различныхъ пунктовъ водяныхъ сообщеній. Необходимо взвѣсить всѣ данныя этихъ направленій, какъ въ торговомъ, такъ и въ гражданскомъ отношеніяхъ, а также взвѣсить и пожертвованія, какихъ они потребуютъ, и выгоды, какихъ можно ожидать отъ нихъ въ будущемъ. Отсрочка на два или на три года будетъ менѣе вредна, чѣмъ ошибка въ расчетахъ. Между тѣмъ, вопросъ о желѣзныхъ дорогахъ все болѣе и болѣе выяснится. И въ чужихъ краяхъ устройство ихъ не вездѣ признается одинаково полезнымъ: многіе начинаютъ тамъ думать, что желѣзныя дороги болѣе пригодны для частаго и скорого передвиженія жителей, но не для торговли. Поэтому слѣдуетъ выждать разрѣшенія вопроса о пригодности желѣзныхъ дорогъ за границею, и тогда Россія, воспользовавшись опытомъ, безъ особыхъ пожертвованій, можетъ принять ихъ у себя. На основаніи всѣхъ этихъ соображеній, комитетъ министровъ полагалъ оставить предложенія Муравьева безъ послѣдствій, возложивъ

на министра финансовъ и главноуправляющаго п. с. и п. зд. собраніе всѣхъ необходимыхъ по этому вопросу свѣдѣній.

На этомъ журналѣ комитета министровъ государь сдѣлалъ, 22-го января 1839 г., слѣдующую надпись: „Не лишне будетъ однако поручить г. Толю нынѣ же заняться всѣми нужными соображеніями для устройства желѣзной дороги отъ Рыбинска къ С.-Петербургу, ибо выгоды сей дороги, кажется, были бы неоспоримы“¹⁾.

Относясь вполне отрицательно къ пользѣ желѣзныхъ дорогъ для Россіи, графъ Толь во всѣхъ своихъ всеподданнѣйшихъ представленіяхъ настойчиво поддерживалъ свою мысль о преждевременности постройки рельсовыхъ путей въ нашемъ отечествѣ и о предпочтительности предъ этими путями судоходныхъ путей. Такимъ образомъ, во всеподданнѣйшемъ своемъ отчетѣ, представленномъ государю 15-го марта 1839 года, графъ Толь говорить: „Мнѣ кажется, что вопросъ объ устройствѣ въ Россіи желѣзныхъ дорогъ, коими предполагается въ разныхъ мѣстахъ замѣнить, съ большою выгодною, водяныя сообщенія, требуетъ разсмотрѣнія въ особенностяхъ самаго характера нашего судоходства“. Далѣе, основываясь на примѣрѣ примѣненія на Волгѣ механической тяги судовъ, при посредствѣ конныхъ машинъ, главноуправляющій п. с. и п. зд. замѣчаетъ, что внутренняя торговля Россіи нуждается въ дешевизнѣ, а не въ скорости доставки, и что благосостояніе внутренней Россіи требуетъ болѣе улучшенія судоходства, чѣмъ постройки желѣзныхъ дорогъ. На докладѣ этомъ государь написалъ: „Вопросъ этотъ я не умѣю рѣшить, но, признаюсь, я болѣе склоненъ признать желѣзную дорогу вещь весьма полезною и значительно облегчающею внутреннюю торговлю“¹⁾.

Въ другомъ своемъ всеподданнѣйшемъ докладѣ, отъ 12 апрѣля 1839 г., по вопросу о постройкѣ рыбинской желѣзной дороги, графъ Толь, приводя статистическія данныя о количествѣ и стоимости товаровъ, перевезенныхъ по каждой изъ трехъ невско-волжскихъ водяныхъ системъ, и о провозной по нимъ платѣ, доказываетъ, что перевозъ по желѣзной дорогѣ обошелся бы вдвое дороже, чѣмъ по самой дорогой изъ трехъ водяныхъ системъ — тихвинской, а такъ какъ и по тихвинской системѣ возится немного владі (всего 3 милл. пудовъ), потому что плата

¹⁾ Историческій очеркъ развитія желѣзныхъ дорогъ въ Россіи; выпускъ 1-й, 1898 г., стр. 46.

²⁾ Историческій очеркъ развитія желѣзныхъ дорогъ въ Россіи; выпускъ 1-й, 1898 г., стр. 48.

за доставку по этой системѣ вдвое дороже, чѣмъ по другимъ системамъ, то по желѣзной дорогѣ или ничего не повезется, или повезется столь мало, что не будетъ никакого расчета предпринимать устройство дороги. Въ томъ же докладѣ графъ Толь объясняетъ, что, по мнѣнію извѣстнаго писателя Мишеля Шевалье, перевозка пассажировъ по желѣзнымъ дорогамъ, какъ въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ, такъ и въ Европѣ, есть самое демократическое учрежденіе, какое только можно было бы придумать для преобразованія государства. Графъ Толь вполне раздѣляетъ это мнѣніе и находитъ при этомъ, что развитіе водныхъ путей сообщенія не разовьетъ въ государствѣ демократическихъ идей и распространить въ народѣ благосостояніе несравненно болѣе, нежели какія-либо желѣзныя дороги.

Всѣ эти соображенія, какъ графа Толя, такъ и всего комитета министровъ, о несвоевременности сооруженія у насъ желѣзныхъ дорогъ не поколебали, однакоже, вѣры императора Николая Павловича въ будущность этого рода путей, но вызвали, съ его стороны, 13 апрѣля 1839 г., приказаніе о представленіи ему доклада, относительно командировки въ Сѣверную Америку, для осмотра тамошнихъ желѣзныхъ дорогъ, двухъ надежныхъ офицеровъ корпуса путей сообщенія. О командировкѣ этой будетъ изложено ниже.

Пока, такимъ образомъ, колебанія нашихъ государственныхъ дѣятелей въ желѣзнодорожномъ вопросѣ отсрочивали осуществленіе рельсовыхъ путей въ имперіи, на западной нашей окраинѣ, въ царствѣ польскомъ, приступлено было къ постройкѣ второй у насъ, по времени, желѣзной дороги — варшавско-вѣнской, между Варшавою и австрійскою границею, по направленію къ Вѣнѣ.

Дорога эта предполагалась первоначально для конной тяги. По инициативѣ польскаго банка, варшавскій банкиръ Петръ Штейнкеллеръ вошелъ въ 1838 г. съ ходатайствомъ о разрѣшеніи ему образовать, для сооруженія означенной дороги, акціонерное общество съ капиталомъ въ 500.000 фунтовъ стерл., при правительственной гарантіи въ 4⁰/₁₀₀ годовыхъ. Бывшій въ то время намѣстникомъ царства, князь Варшавскій, отнесся весьма сочувственно къ этому дѣлу, и 6 января 1839 г. представленъ былъ государю къ подписанію декретъ о сооруженіи варшавско-вѣнской желѣзной дороги, съ приложеніемъ проекта контракта съ банкиромъ Штейнкеллеромъ, при чемъ статсъ-секретарь по дѣламъ царства польскаго Туркулъ испрашивалъ разрѣшенія императора, по подписаніи имъ декрета и одобренія

проекта контракта, отправить ихъ немедленно къ князю Варшавскому съ фельдгегеремъ. На докладѣ Туркула государь написалъ: „Я прочелъ, но считаю дѣло слишкомъ важнымъ, чтобы разрѣшить прямо, не передавъ на разсмотрѣніе департамента польскихъ дѣлъ. Поэтому сейчасъ послать въ оный, съ тѣмъ, чтобы завтра утромъ было разсмотрѣно и представлено въ тотъ же день“¹⁾.

Заслушавъ 7-го того же января представленіе Туркула, государственный совѣтъ, по департаменту польскихъ дѣлъ, не входя въ обсужденіе пользы и необходимости дороги, какъ уже высочайше прежде разрѣшенной, разсмотрѣлъ только финансовую сторону, недостаточно, по его мнѣнію, разъясненную представленными данными; поэтому, поднося проекты декрета и контракта къ подписанію государя, государственный совѣтъ полагалъ предоставить намѣстнику царства право, въ случаѣ, еслибы онъ, при ближайшей извѣстности дѣла, раздѣлялъ сомнѣнія, приостановить исполненіе декрета и все дѣло представить вновь съ его заключеніемъ.

Въ ночь съ 7-го на 8-е января, государь написалъ на журналѣ государственнаго совѣта: „Журналъ сей послать въ копіи князю Варшавскому съ тѣмъ, что съ мнѣніемъ согласенъ“²⁾.

Работы были начаты въ томъ же 1839 году, но, вмѣсто конной тяги, рѣшено было строить дорогу съ паровымъ двигателемъ. Такая переменна типа дороги вызвала необходимость въ увеличеніи капитала общества, но такъ какъ намѣстникъ царства не согласился увеличить этотъ капиталъ свыше добавочной субсидіи въ 4 милліона польскихъ злотыхъ, то 31-го мая 1842 г. общество отказалось отъ постройки дороги. Работы были приостановлены почти на два года и возобновлены лишь въ 1844 г. на средства казны, подъ руководствомъ начальника инженерной дѣйствующей арміи инженеръ-генерала Дена и состоявшаго при немъ по строительной части генераль-маіора Герстфельда. Первый изъ нихъ былъ назначенъ предсѣдателемъ управленія постройки, а второй—главнымъ строителемъ. Правительство возвратило акціонерному обществу всѣ произведенные имъ на сооруженіе желѣзной дороги расходы, съ приплатою 4⁰/₁₀₀.

Эта дорога, протяженіемъ 288 верстъ, съ вѣтвью—длиною 20 верстъ, отъ Скерневицы до Ловичъ, устроена была въ одинъ рель-

¹⁾ Историческій очеркъ развитія желѣзныхъ дорогъ въ Россіи; выпускъ 1-й, 1898 г., стр. 50.

²⁾ Тамъ же, стр. 51.

совый путь, шириною 4 фута $8\frac{1}{2}$ дюймовъ, соотвѣтствующую нормальной колеѣ заграничныхъ желѣзныхъ дорогъ. Земляное плотно и каменные части мостовъ были устроены подъ два пути. Дорога обошлась казнѣ, вмѣстѣ съ подвижнымъ составомъ, около 7 милліоновъ рублей.

Самая дорога открывалась по участкамъ, начиная съ іюня 1845 г., и окончена была постройкою къ 1-му апрѣля 1848 года. До конца 1857 года эксплуатація дороги производилась правительствомъ. Первымъ директоромъ дороги былъ ея строитель Эд. Ив. Герстфельдъ, впослѣдствіи (13-го авг. 1850 г.) назначенный товарищемъ главноуправляющаго пут. сообщ. и п. зд., вмѣсто умершаго въ маѣ 1850 г. Рокассовскаго.

Въ слѣдующемъ царствованіи, именно 28-го сентября 1857 г., дорога была уступлена на 85 лѣтъ въ арендное пользованіе частнаго акціонернаго общества, принявшаго наименованіе варшавско-вѣнской желѣзной дороги. Ежегодная арендная плата въ казну была опредѣлена: въ теченіе первыхъ 5 лѣтъ по 200.000 р., въ теченіе вторыхъ 5 лѣтъ по 225.000 р. и въ теченіе остальныхъ 75 лѣтъ по 250.000 рублей.

Съ устройствомъ зомеовицкой вѣтви и продолженіемъ ловичской желѣзной дороги до прусской границы, по направленію къ Бромбергу, а также съ постройкою отъ бромбергской дороги вѣтви на Цѣхоцинки, протяженіе дороги увеличилось до 463 верстъ.

Въ 1849 году, т.-е. въ годъ, слѣдующій за открытіемъ движенія по всей варшавско-вѣнской дорогѣ, поверстный валовой доходъ былъ всего 1.677 р., расходъ—1.282 р. и чистый доходъ—395 рублей.

Позже, въ 1866 году, результаты эксплуатаціи варшавско-вѣнской и варшавско-бромбергской дорогъ представлялись уже въ слѣдующихъ цифрахъ: поверстный валовой доходъ былъ 5.900 р., расходъ 3.200 р. и чистый доходъ—2.700 рублей.

Наконецъ, въ 1896 году поверстный валовой доходъ возросъ до 30.887 р., расходъ—до 20.457 р. и чистый доходъ достигъ цифры 10.430 р. на версту протяженія дороги. Столь громадное повышеніе доходности дороги объясняется необычайнымъ развитіемъ движенія по варшавско-вѣнской желѣзной дорогѣ, выражавшемся въ 1896 г. перевозкою почти $3\frac{1}{2}$ милліоновъ пассажировъ и свыше 276 милліоновъ пудовъ товаровъ. При такихъ условіяхъ, и затраты на усиленіе и улучшеніе дороги были настолько значительны, что общая стоимость дороги возросла къ концу 1896 г. до громадной цифры 52.049.016 руб. металл., что составляетъ на версту протяженія дороги 112.416 р.

металл., или, по курсу 1 р. 50 коп. кр. за 1 руб. металл.,— 168.624 р. кредитныхъ.

Тотъ же варшавскій банкиръ Штейнкеллеръ, которому въ 1839 г. выдана была концессія на сооруженіе варшавско-вѣнской желѣзн. дороги, ходатайствовалъ о разрѣшеніи ему построить, при правительственной $4\frac{1}{3}\%$ -ной гарантіи капитала, еще двѣ желѣзныя дороги: одну отъ Варшавы до Нижняго-Новгорода и другую отъ р. Нѣмана, у Форбурга, до Либавы.

Какъ главноуправляющій путями сообщенія, такъ и министръ финансовъ признали, что предположеніе о постройкѣ варшавско-нижегородской желѣзной дороги, по своей громадности и недостатку представленныхъ Штейнкеллеромъ данныхъ, надлежитъ считать несвоевременнымъ; что же касается либавской желѣзной дороги, при осуществленіи которой представилась бы возможность освободить торговлю царства польскаго отъ тягостныхъ для нея транзитныхъ прусскихъ пошлинъ, то графъ Канкринъ и графъ Толь полагали необходимымъ поручить князю Варшавскому разсмотрѣть и дополнить это дѣло необходимыми свѣдѣніями и, по составленіи проекта договора съ Штейнкеллеромъ, войти въ сношеніе съ министромъ финансовъ, для представленія этого дѣла на высочайшее усмотрѣніе. На этомъ дѣло это и остановилось и дальнѣйшаго хода оно не получило.

Въ 1840 году въ первый разъ появились въ нашей технической литературѣ обстоятельныя свѣдѣнія объ относительныхъ выгодахъ различныхъ родовъ путей сообщенія, изложенныя въ введеніи къ отчету молодыхъ инженеровъ, подполковника Мельникова и капитана Кербедза, командированныхъ въ 1837—38 гг. за границу, для ознакомленія въ Германіи, Бельгіи, Швейцаріи, Франціи и Англіи съ наиболѣе замѣчательными по инженерной части работами, въ томъ числѣ и съ желѣзными дорогами.

Соображенія по вопросу объ относительныхъ выгодахъ различныхъ родовъ путей сообщенія, высказанныя Мельниковымъ и Кербедзомъ болѣе полустолѣтія тому назадъ, настолько важны для исторіи развитія нашихъ путей сообщенія, что мы позволяемъ себѣ сдѣлать здѣсь выписки цѣлыхъ страницъ изъ интереснаго введенія къ отчету этихъ инженеровъ ¹⁾.

„До начала текущаго столѣтія,—говорятъ авторы отчета,—назначеніе внутреннихъ сообщеній государствъ не имѣло ничего неопредѣлительнаго: натуральные водяные пути, опредѣляемые

¹⁾ Журналъ путей сообщенія 1840 г., томъ III, кн. 3, стр. 206—227: „Объ относительныхъ выгодахъ различныхъ системъ внутреннихъ сообщеній“.

теченіемъ рѣкъ, и каналы, служащіе или для соединенія бассейновъ рѣкъ, или для обхода несудоходныхъ ихъ частей, начались исключительно для медленной перевозки грузныхъ предметовъ торговли; обыкновенные же дороги и экипажи, запряженные лошадьми, были единственнымъ способомъ переѣздовъ путешественниковъ; но съ изобрѣтеніемъ паровой машины, составляющимъ одну изъ важнѣйшихъ эпохъ въ исторіи народовъ, открываются новые способы сообщеній и значительно измѣняется назначеніе прежнихъ путей: являются желѣзныя дороги съ ихъ локомотивами; на рѣкахъ и каналахъ учреждаются пароходы, которые въ быстрыхъ переѣздахъ удовлетворяютъ самымъ прихотливымъ требованіямъ путешественниковъ, вводится новый способъ путешествія по каналамъ въ ускоренныхъ лодкахъ и, наконецъ, въ послѣднее время дѣлаютъ опыты для замѣны лошадей паровыми машинами въ разѣздахъ по простымъ дорогамъ¹⁾ и даже каналамъ.

Далѣе, составители отчета, сравнивая между собою пути сообщенія въ Англіи и Бельгіи, указываютъ, что въ Англіи къ постройкѣ желѣзныхъ дорогъ было приступлено въ то время, когда каналы были уже тамъ построены и дороги обыкновенныя были доведены до высокой степени совершенства; поэтому постройкою желѣзныхъ дорогъ стремились въ Англіи достигнуть, главнымъ образомъ, увеличенія скорости передвиженія и сокращенія разстояній до крайняго предѣла, несмотря на колоссальныя работы, вызывавшіяся прямолинейнымъ начертаніемъ дорогъ. Если къ этимъ условіямъ присоединить еще и неопытность въ сооруженіи рельсовыхъ путей, то легко объясняется крайне дорогая поперстная цѣна англійскихъ желѣзныхъ дорогъ (доходившая въ то время до 490 тысячъ рублей ассигн.), что, въ свою очередь, отразилось на высокихъ тарифахъ перевозки по этимъ дорогамъ.

Въ Бельгіи, наоборотъ, желѣзныя дороги учреждены были при весьма выгодныхъ обстоятельствахъ и притомъ за цѣну въ четыре раза меньшую, чѣмъ стоили англійскія дороги. Кромѣ того, въ Бельгіи желѣзныя дороги принадлежатъ правительству, которое, не преслѣдуя въ дѣлѣ пользованія этими путями коммерческихъ цѣлей, назначило цѣны перевозки значительно пониженныя сравнительно съ англійскими цѣнами. Во Франціи, по мнѣнію составителей отчета, желѣзнодорожныя сообщенія

¹⁾ Изъ этого видно, что модный въ настоящее время вопросъ объ автомобиляхъ былъ затронутъ еще 60 лѣтъ тому назадъ. Въ Журналѣ путей сообщенія тридцатыхъ годовъ помѣщены были нѣсколько статей относительно этихъ машинъ.

представляютъ также во многихъ отношеніяхъ значительныя выгоды сравнительно съ существующими тамъ водными сообщеніями, которыя обошлись очень дорого и требуютъ значительныхъ сборовъ для погашенія затраченныхъ на нихъ капиталовъ.

Какъ видно изъ введенія въ отчетъ, въ 1838 году въ Англіи было 657 верстъ совершенно оконченныхъ желѣзныхъ дорогъ, въ Бельгіи 130 верстъ и во Франціи 181 верста, но на французскихъ желѣзныхъ дорогахъ, не болѣе какъ на одной четверти ихъ протяженія, примѣнялись, въ качествѣ двигателя, подвижныя паровыя машины (локомотивы).

Проѣхавъ по всѣмъ желѣзнымъ дорогамъ Англіи, Франціи и Бельгіи, сдѣлавъ нѣсколько поѣздоеъ по рѣкамъ и каналамъ и, наконецъ, прослѣдовавъ на большомъ пространствѣ по обыкновеннымъ дорогамъ и собравъ, при всѣхъ этихъ поѣздахъ, множество данныхъ, необходимыхъ для выясненія назначенія и относительныхъ достоинствъ различныхъ системъ внутреннихъ сообщений, инженеры Мельниковъ и Кербедзъ пришли по этому вопросу къ слѣдующему заключенію:

„Желѣзныя дороги представляютъ преимущество скорости, которое даетъ имъ высокое назначеніе въ системѣ внутреннихъ сообщений государствъ. Государство, имѣющее полную систему желѣзныхъ дорогъ, допускающихъ, напримѣръ, скорость въ четыре раза болшую скорости обыкновенной почтовой ѣзды, можетъ быть разсматриваемо, въ отношеніи администраціи и взаимныхъ сношеній, какъ бы сосредоточеннымъ на пространствѣ въ 16 разъ меньшемъ. Такое сближеніе предѣловъ государства представляетъ слишкомъ большія выгоды, чтобы рано или поздно ими не воспользовались. Несмотря на это, нельзя не допустить, чтобы повсемѣстное введеніе желѣзныхъ дорогъ могло совершенно вытѣснить системы водяныхъ сообщений, и эти послѣднія всегда останутся выгоднѣйшими линіями сообщений для перевозки грузныхъ предметовъ торговли, несмотря на ихъ недостатки, зависящіе отъ меньшей скорости, отъ болшей длины пути, отъ прекращенія сообщений въ теченіе мѣсяцевъ зимы и т. п.“

Затѣмъ, въ концѣ введенія въ отчетъ приведены слѣдующія разсужденія:

„Кто отвергнетъ ту пользу, которую промышленность и просвѣщеніе приобрѣли отъ усовершенствованій внутреннихъ сообщений, принесенныхъ текущимъ столѣтіемъ? Разстоянія, такъ сказать, исчезли предъ скоростью локомотивовъ и пароходовъ; дѣятельность движенія въ нѣкоторыхъ мѣстахъ увеличилась въ 6, 8 и болѣе разъ. Манчестеръ сдѣлался какъ бы пред-

мѣстемъ Ливерпуля, и колоссальная промышленность первого питается обширною торговлею второго. Разстояніе между городами Бельгіи до того сблизилось, что изъ Антверпена ѣдутъ провести одинъ день въ Люттихъ и въ тотъ же день возвращаются въ Антверпенъ, между тѣмъ какъ въ этой прогулкѣ путешественникъ проѣзжаетъ отъ одного конца государства до другого.

„Въ этихъ результатахъ нельзя видѣть одно увеличеніе удобствъ общественной жизни; нельзя полагать, напримѣръ, чтобы въ Англіи, гдѣ такъ дорожатъ временемъ, чрезвычайное увеличеніе движенія на желѣзныхъ дорогахъ и каналахъ побуждалось одними причинами удовольствія; напротивъ того, эта дѣятельность движенія есть плодъ возростающихъ промышленности и торговли, которыя, въ свою очередь, питаются удобствами взаимныхъ сношеній людей и сбереженіемъ времени“...

Какъ видно изъ всего изложеннаго выше, составители отчета относились въ то время еще недовѣрчиво къ роли желѣзныхъ дорогъ, какъ путей для перевозки массовыхъ грузовъ. Могли ли они въ то время предвидѣть, что чрезъ 60 лѣтъ въ нашемъ отечествѣ массовыми грузами будетъ совершаться по желѣзнымъ дорогамъ свыше 700 миллиардовъ пудовъ въ годъ и что будутъ такія дороги, какъ, напримѣръ, екатерининская, которая одного каменнаго угля перевозитъ ежегодно свыше 200 милліоновъ пудовъ.

Чрезъ годъ послѣ напечатанія введенія въ отчетъ по командировкѣ за границу Мельникова и Кербедза, первый изъ нихъ помѣстилъ въ томъ же журналѣ статью о желѣзныхъ дорогахъ Бельгіи, извлеченную изъ того же отчета ¹⁾.

Въ статьѣ этой, между прочимъ, указывается, что когда въ 1833 г. обсуждался совѣтомъ бельгійскихъ инженеровъ мостовъ и дорогъ вопросъ о наивыгоднѣйшемъ способѣ сообщенія между Кальномъ и Антверпеномъ, то вопросъ этотъ, послѣ обстоятельнаго его изслѣдованія, былъ рѣшенъ въ пользу учрежденія желѣзной дороги.

„Выборъ этотъ, — по словамъ автора статьи, — былъ основанъ, между прочимъ, на слѣдующихъ главныхъ соображеніяхъ: 1) учрежденіе желѣзной дороги потребуетъ капитала не большаго, нежели устройство водяного сообщенія; 2) перевозка по желѣзной дорогѣ будетъ производиться меньшею цѣною и въ гораздо кратчайшее время, что весьма важно для путешествен-

¹⁾ Журналъ путей сообщенія, 1841 года, томъ I, книжка 1-я, стр. 1—28.

никовъ и нѣкоторыхъ предметовъ торговли между Рейномъ и Антверпеномъ; 3) принятіемъ желѣзной дороги сбережется большое пространство земли для хлѣбопашества, и промышленность воспользуется водами, которыя надлежало бы обратить для питанія канала, и наконецъ, 4) самое учрежденіе и поддержаніе желѣзной дороги послужитъ къ развитію самыхъ важныхъ отраслей промышленности государства.

„Сверхъ того, принятіемъ желѣзной дороги имѣли въ виду: 1) выгоды сокращенія времени для начальнаго учрежденія; 2) увѣренность въ успѣхѣхъ, ибо въ устройствѣ желѣзныхъ дорогъ не существуетъ многихъ мѣстныхъ причинъ, отъ которыхъ успѣхъ учрежденія гидравлическихъ сооружений можетъ быть сомнительнъ; 3) безостановочность дѣйствія желѣзной дороги въ теченіе пѣлаго года, между тѣмъ какъ судоходство каналами въ Бельгіи прерывается на два и болѣе зимнихъ мѣсяца; и наконецъ, 4) удобство, съ какимъ проводятся побочныя вѣтви къ главной линіи желѣзной дороги“.

Остановившись, такимъ образомъ, на общемъ рѣшеніи вопроса, бельгійскому правительству предстояло составить проектъ направленія желѣзнодорожной сѣти въ Бельгіи. Центромъ этой сѣти принять былъ городъ Мѣхельнъ, отъ котораго и построены были желѣзныя дороги: въ Брюссель, въ Антверпенъ, въ Тэрмондъ, въ Люттихъ и въ Гентъ.

„Учрежденіемъ центральной станціи въ Мѣхельнѣ, — говоритъ авторъ статьи, — сдѣлано значительное уменьшеніе въ числѣ локомотивовъ и экипажей, требующихся для удовлетворенія извѣстному числу перевозимыхъ путешественниковъ, ибо всѣ поѣзды сходятся въ одно время въ Мѣхельнѣ: здѣсь пассажиры переходятъ въ тѣ экипажи, которые слѣдуютъ къ мѣсту ихъ назначенія, и въ одно время всѣ поѣзды разъѣзжаются по четыремъ различнымъ направленіямъ. Но это расположеніе представляетъ и нѣкоторое неудобство въ томъ отношеніи, что различные поѣзды находятся въ зависимости между собою, и какое-либо поврежденіе въ одномъ изъ нихъ останавливаетъ всѣ прочіе, вынужденные ожидать прибытія въ Мѣхельнѣ запоздалаго поѣзда. Интересно видѣть этотъ сѣздъ на центральной станціи: тишина станціи, находящейся въ разстояніи около версты отъ города, смѣняется вдругъ самымъ дѣятельнымъ движеніемъ. Отъ тысячи до полуторы тысячъ и болѣе пассажировъ сѣзжаются въ одно время съ четырехъ концовъ государства. Эта пестрая толпа суетится, хлопочетъ о занятіи мѣстъ, о полученіи билетовъ; экипажи перемѣщаются изъ одного поѣзда въ другой; паровозы,

отдѣлившись отъ своихъ поѣздовъ, спѣшать запасть топливомъ и водою; и чрезъ десять минутъ все это исчезнетъ и опять—прежняя тишина въ опустѣлой станціи. Надобно, однако, отдать справедливость отличному порядку, какой заведенъ при раздачѣ билетовъ и при перемѣщеніи пассажировъ; конечно, не можетъ не быть суеты тамъ, гдѣ полторы тысячи человѣкъ должны перемѣститься въ теченіе десяти минутъ, но при этомъ мнѣ ни разу не случилось быть свидѣтелемъ какого-либо шума или споровъ съ служителями при дорогѣ, какъ это нерѣдко бываетъ въ другихъ мѣстахъ“.

Въ заключеніе своей статьи, П. П. Мельниковъ указываетъ: „1) что цѣна ѣзды по бельгійскимъ дорогамъ почти вчетверо менѣе цѣны, платимой за то же разстояніе на дорогѣ между Ливерпулемъ и Манчестеромъ; 2) что, несмотря на дешевую цѣну ѣзды по желѣзнымъ дорогамъ въ Бельгіи, проценты выручки или чистаго дохода почти вдвое болѣе нежели на англійскихъ дорогахъ, и 3) что хотя Манчестеръ и Ливерпуль болѣе населены и имѣютъ большую дѣятельность торговыхъ сношеній, нежели Антверпенъ и Брюссель, но, несмотря на то, число перѣздовъ пассажирами между двумя послѣдними городами почти вдвое болѣе, чѣмъ на англійской дорогѣ“...

„Извѣстно,—прибавляетъ авторъ статьи,—что желѣзныя дороги Бельгіи устроиваются самымъ правительствомъ; обстоятельство это также могло имѣть нѣкоторое вліяніе на увеличеніе выгодъ предпріятія, ибо правительство имѣетъ часто средства миновать нѣкоторыхъ расходовъ, которые неизбѣжны для частныхъ обществъ. Впрочемъ, вопросъ о томъ, правительству ли, или частнымъ компаніямъ надлежитъ устроить въ Бельгіи большія линіи желѣзныхъ дорогъ, былъ предметомъ жаркихъ преній въ палатахъ; закономъ 1840 года работы эти были предоставлены правительству, и я думаю, что рѣшеніе это не могло быть до сихъ поръ предметомъ раскаянія для Бельгіи. Если даже предположить, что этимъ способомъ исполненія предпріятіе желѣзныхъ дорогъ не выиграло, какъ денежная спекуляція, что весьма невѣроятно, то, во всякомъ случаѣ, государство приобрѣло въ болѣе высокой степени всѣ тѣ выгоды, которыя должны быть необходимыми слѣдствіемъ улучшенія сообщеній. Развѣтленіе торговли и промышленности, облегченіе сношеній между различными частями государства, распространеніе просвѣщенія, наконецъ, упроченіе спокойствія государства—вотъ плоды усовершенствованія сообщеній, которые имѣютъ настоящую цѣну предъ лицомъ благонамѣреннаго правительства, и приобрѣтеніе которыхъ впослѣд-

ствѣи можетъ даже подвинуть правительство къ предпринятію такой линіи сообщеній, которая въ первые годы своего учрежденія и не принесетъ значительныхъ денежныхъ выгодъ; въ глазахъ же частнаго общества только расчетъ этихъ выгодъ и составляетъ единственную основу всякаго предпріятія. Конечно, частныя денежныя выгоды компаній бываютъ часто нераздѣльны съ выгодами общественными; такъ, напримѣръ, уменьшеніе цѣны на ѣзду по желѣзной дорогѣ должно имѣть необходимымъ послѣдствіемъ увеличеніе числа пассажировъ, а чрезъ то самое и приращеніе доходовъ предпріятія; но не менѣе того частная компанія остановится всегда уменьшеніемъ цѣны на той степени, на которой прекращается приращеніе ея доходовъ, правительство же можетъ простирать это уменьшеніе до гораздо болѣе степени, взвѣсивая, вмѣстѣ съ денежными доходами предпріятія, и тѣ государственныя выгоды, которыя возростають безъ предѣла съ увеличеніемъ дѣятельности сообщеній“.

Молодой авторъ статьи (въ 1838 г. ему было всего 34 года) и впослѣдствіи, будучи уже министромъ путей сообщенія (съ 1862 по 1869 г. включительно), оставался вполнѣ вѣренъ тѣмъ же взглядамъ о необходимости возможно болѣе с сосредоточенія въ рукахъ правительства какъ сооруженія, такъ и эксплуатаціи магистральныхъ желѣзныхъ дорогъ, въ виду чего онъ, между прочимъ, энергически возставалъ въ 1868 г. противъ передачи эксплуатаціи казенной николаевской желѣзной дороги частному обществу.

Несмотря на отрицательное отношеніе къ рельсовымъ путямъ главнаго начальника вѣдомства путей сообщенія и ближайшихъ его сотрудниковъ, новый способъ сообщенія все болѣе и болѣе находилъ приверженцевъ между молодыми инженерами, такъ что, въ 1836 г., въ институтѣ корпуса путей сообщенія былъ даже открытъ курсъ желѣзныхъ дорогъ. Сначала курсъ этотъ читался профессоромъ П. П. Мельниковымъ, въ качествѣ одного изъ отдѣловъ прикладной механики, но съ 1838 г. при механикѣ остались только части курса, относившіяся до паровозовъ и вагоновъ, а всѣ прочія его части образовали самостоятельный предметъ, лекціи по которому читались въ институтѣ капитаномъ Н. Ив. Липинымъ. Часть этихъ лекцій была даже напечатана въ 1840 г. въ „Журналѣ путей сообщенія“ и показываетъ, насколько, сравнительно подробно, изучалось теоретически 60 лѣтъ тому назадъ искусство строить желѣзныя дороги.

Между тѣмъ, во исполненіе приказанія государя, послѣдовавшаго 13-го апрѣля 1839 г., графъ Толь представилъ импе-

ратору Николаю Павловичу всеподданнѣйшій докладъ о командированіи въ Сѣверную Америку двухъ „отличнѣйшихъ и благонадежнѣйшихъ“ штабъ-офицеровъ корпуса путей сообщенія, полковника Крафта и подполковника Мельникова. Докладъ этотъ былъ утвержденъ государемъ, и оба названныхъ лица были командированы въ Сѣверную Америку съ іюня 1839 г. по іюнь 1840 года.

Возвратившись изъ командировки, П. П. Мельниковъ (въ то время уже полковникъ) напечаталъ въ 1842 г., въ „Журналѣ путей сообщенія“, въ видѣ извлеченія изъ своего отчета по командировкѣ, рядъ статей, подъ тремя общими заглавіями: „Описаніе въ техническомъ отношеніи желѣзныхъ дорогъ Сѣверо-Американскихъ Штатовъ“, „О работахъ при устройствѣ желѣзныхъ дорогъ“ и „Деревянные мосты“¹⁾.

Собранными въ Америкѣ свѣдѣніями Крафтъ и Мельниковъ съ успѣхомъ воспользовались при постройкѣ въ 1843—1851 годахъ, подъ ихъ руководствомъ, с.-петербурго-московской желѣзной дороги и придали этой дорогѣ типъ, соотвѣтствующій вполнѣ типу лучшихъ американскихъ желѣзныхъ дорогъ; поэтому мы извлекаемъ изъ статей Мельникова нѣкоторыя общія указанія, имѣющія значеніе въ вопросѣ о руководящихъ началахъ при сооруженіи у насъ первой желѣзной дороги большого протяженія.

П. П. Мельниковъ высказывается въ своихъ статьяхъ весьма сильнымъ сторонникомъ пологихъ скатовъ на желѣзныхъ дорогахъ и кривыхъ большого радіуса, въ особенности если дорога назначена для перевозки, главнымъ образомъ, тяжестей, при чемъ онъ рекомендуетъ принимать непременно въ соображеніе, при распредѣленіи скатовъ, господствующее движеніе грузовъ и въ этомъ направленіи уменьшать, насколько возможно, крутизну подъемовъ, хотя бы это и было сопряжено съ увеличеніемъ расходовъ на постройку дороги.

По вопросу о наивыгоднѣйшей ширинѣ пути для желѣзныхъ дорогъ П. П. Мельниковъ замѣчаетъ, что ширина 4 ф. 8¹/₂ д., принятая совершенно случайно на первой желѣзной дорогѣ въ Англіи (между Ливерпулемъ и Манчестеромъ), сдѣлалась нормальнымъ измѣреніемъ одного изъ главныхъ элементовъ желѣзныхъ дорогъ западной Европы и даже Америки, т.-е. страны, которая подчиняется вообще весьма мало вліянію рутинны.

¹⁾ „Журналъ путей сообщенія“ 1842 г.: томъ II, книжка 1-я, стр. 19—85; книжка 2-я, стр. 95—197; книжка 3-я, стр. 285—374; и томъ III, книжка 1-я, стр. 1—70; книжка 2-я, стр. 85—156.

Обстоятельство это, по мнѣнію автора, нисколько не доказываетъ, чтобы размѣръ 4 ф. 8¹/₂ д. былъ наивыгоднѣйшимъ для всѣхъ желѣзныхъ дорогъ вообще, но служить лишь до нѣкоторой степени доказательствомъ, что до сихъ поръ еще не обнаружались какія-либо убѣдительныя причины къ увеличенію или уменьшенію этого размѣра, или, по крайней мѣрѣ, что выгоды, которыя получились бы отъ измѣненія этого размѣра, недостаточно велики, чтобы имъ подчинить преимущество имѣть въ государствѣ систему желѣзныхъ дорогъ съ одинаковою шириною пути. „Впрочемъ,—прибавляетъ авторъ,—многіе изъ лучшихъ инженеровъ Америки полагаютъ, что ежели бы при теперешней ихъ опытности имъ предстояло назначить норму для ширины путей въ странѣ, гдѣ желѣзныхъ дорогъ еще не существуетъ, то они рѣшились бы увеличить эту ширину до 5¹/₂ и даже, можетъ быть, до 6 футовъ. Они находятъ, что при настоящей ширинѣ 4 ф. 8¹/₂ д. механизмъ локомотивовъ нѣсколько стѣсненъ, помѣщеніе въ каретахъ не совсѣмъ удобно, и ихъ колеса не имѣютъ достаточнаго діаметра для большой скорости; грузовые поѣзды съ товарами имѣютъ слишкомъ большую длину, и, наконецъ, локомотивы, кареты и карды не имѣютъ удовлетворительной устойчивости на рельсахъ. Сверхъ того, для полученія возможно большей скорости движенія, было бы желательно имѣть въ локомотивахъ болѣе большой объемъ котла, чего можно было бы достигнуть, безъ нарушенія удобныхъ пропорцій машины, увеличеніемъ діаметра котла, а слѣдовательно увеличеніемъ ширины хода.

„Съ другой стороны, при чрезмѣрно большомъ увеличеніи ширины дороги рождаются различныя невыгоды, а именно: большія издержки для приготовленія полотна, нѣкоторое увеличеніе расходовъ на ремонтъ дороги, уменьшеніе прочности въ осяхъ каретъ, вагоновъ и локомотивовъ, и, наконецъ, съ уширеніемъ пути увеличиваются, какъ сопротивленіе движенію въ кривыхъ частяхъ дороги, такъ и боковое движеніе локомотива или ея отклоненія то въ ту, то въ другую сторону отъ оси дороги, зависящее, какъ полагаютъ, отъ попеременнаго дѣйствія двухъ паровыхъ поршней: это боковое движеніе будетъ тѣмъ ощутительнѣе и тѣмъ для дороги и машины разрушительнѣе, чѣмъ болѣе ширина пути. Что же касается до цѣны локомотивовъ и вагоновъ, то она весьма мало измѣняется отъ измѣненія ширины пути.

„Впрочемъ, строящаяся теперь въ Англіи дорога „Great-Western“ (изъ Лондона въ Бристоль, съ шириною пути въ 7 фу-

товъ) должна представить въ непродолжительномъ времени достаточно данныхъ для основательнаго обсужденія этого вопроса. По всей вѣроятности, опытъ этой дороги приведетъ къ заключенію, что ширина 7 футовъ слишкомъ велика, точно такъ же, какъ ширина 4 ф. $8\frac{1}{2}$ д. недостаточна, такъ что средняя ширина около 6 футовъ должна быть признаваема выгоднѣйшею. Сами Стифенсоны (отецъ и сынъ) признаютъ, что при учрежденіи новой дороги, въ особенности же въ странѣ, гдѣ подобныхъ сооружений еще не существуетъ, они приняли бы ширину отъ 5 до 6 футъ“.

Извѣстно, что при устройствѣ с.-петербурго-московской желѣзной дороги остановились окончательно на нормѣ ширины пути для желѣзныхъ дорогъ въ Россіи въ 5 футовъ, что всего на $3\frac{1}{2}$ д. шире нормальной ширины заграничныхъ желѣзныхъ дорогъ.

Въ конструкціи верхняго строенія желѣзныхъ дорогъ Мельниковъ придерживается, безусловно, формы рельсовъ американскаго типа, въ видѣ двойной буквы Т или опрокинутой на бокъ буквы Н. Формѣ этой онъ отдаетъ рѣшительное предпочтеніе предъ формою англійскаго рельса съ двойною головкою или формою другого американскаго рельса, въ видѣ одиночной буквы Т.

Вотъ что говорить по этому поводу авторъ отчета:

„Рельсы формы опрокинутой на бокъ буквы Н употреблены были въ первый разъ на дорогѣ между городами Камденъ и Амбой, въ штатѣ Нью-Джерси. Стифенсъ, главный инженеръ этой дороги, пришелъ къ этой формѣ рельса, изыскивая средство избѣжать необходимости употребленія для поддержки рельса, имѣющаго форму одиночнаго Т, тяжелыхъ чугунныхъ подушекъ. Онъ вполне достигъ своей цѣли, расширивъ нижнее утолщеніе обыкновеннаго рельса съ двумя головками настолько, чтобы новый рельсъ могъ стоять на расширенномъ своемъ основаніи и могъ удерживаться неизмѣнно въ этомъ положеніи при движеніи локомотива, употребляя легкія подушки лишь въ соединеніяхъ смежныхъ рельсовъ (стыкахъ), въ прочихъ же мѣстахъ ограничиваясь употребленіемъ костылей, забиваемыхъ въ поперечины съ обѣихъ сторонъ рельса.

„Удачный опытъ Стифенса обратилъ на себя вниманіе всѣхъ желѣзнодорожныхъ инженеровъ Сѣверо-Американскихъ Штатовъ; убѣдившись въ экономіи, происходящей отъ употребленія этихъ рельсовъ, упомянутые инженеры почти совершенно оставили, съ тѣхъ поръ, прежній рельсъ вида буквы Т“...

По мнѣнію Мельникова, новый типъ американскаго рельса

представляетъ предъ типомъ рельса формы буквы Т слѣдующія преимущества: 1) онъ сопротивляется дѣйствию давленія на 25⁰/₀ болѣе; 2) издержки первоначальнаго устройства сокращаются слишкомъ на 50⁰/₀; 3) расходы на ремонтъ, содержаніе и возобновленіе пути сокращаются слишкомъ на 60⁰/₀; 4) укладка и переимѣна новаго рельса весьма проста, такъ что работа эта можетъ быть поручена рабочимъ, имѣющимъ мало въ этомъ дѣлѣ опытности, и 5) дорога, уложенная рельсами новаго типа, требуетъ менѣе надзора, при чемъ, если рельсы уложены на деревянныхъ поперечникахъ, то ослабѣвшій гвоздь или костыль прибавается безъ всякихъ затрудненій въ ту же поперечину, на новое мѣсто.

Отзывъ этотъ имѣлъ послѣдствіемъ примѣненіе, какъ на с.-петербурго-московской желѣзной дорогѣ, такъ и на всѣхъ нашихъ желѣзныхъ дорогахъ позднѣйшей постройки, исключительно рельсовъ американскаго типа съ подошвою, названнаго типомъ рельсовъ Виньоля, по имени англійскаго инженера, который первый примѣнилъ рельсы этой формы въ Европѣ.

Другую особенность верхняго строенія желѣзныхъ дорогъ, рекомендованную Мельниковымъ по образцу американскихъ желѣзныхъ дорогъ, составляетъ укладка подъ поперечинами, съ каждой стороны рельсоваго пути, длинныхъ продольныхъ лежней (rod sills), въ видѣ толстыхъ трехъ-дюймовыхъ досокъ, соединенныхъ между собою въ стыкахъ продольными подкладками изъ досокъ той же толщины. Подъ поперечиною, поддерживающую стыки смежныхъ рельсовъ, укладывались еще, съ каждой стороны, по короткому обрубку тѣхъ же трехъ-дюймовыхъ досокъ, такъ что каждая стыковая поперечина лежала на четырехъ дощатыхъ подкладкахъ. Система эта, примѣненная, несмотря на ея дороговизну, и на с.-петербурго-московской желѣзной дорогѣ, съ цѣлью предупрежденія неравной осадки поперечинъ, была, однакоже, въ послѣдствіи на дорогѣ этой отмѣнена, такъ какъ продольные лежни крайне затрудняли подбивку пути балластомъ и смѣну поперечинъ—и самі подвергались скорому гніенію.

Наконецъ, слѣдуетъ еще упомянуть, что Мельниковымъ было указано также, въ его отчетѣ о командировкѣ въ Америку, способъ возведенія желѣзнодорожныхъ насыпей на жидкихъ болотахъ, при помощи плотовъ, образованныхъ изъ срубленныхъ деревьевъ или изготовленныхъ фашиновъ, а также сообщены подробныя практическія свѣдѣнія объ устройствѣ временныхъ желѣзныхъ дорогъ для производства земляныхъ работъ.

1841-й годъ былъ, такимъ образомъ, послѣднимъ аетомъ

подготовительнаго періода, предшествовавшаго примѣненію въ Россіи—для государственныхъ путей сообщенія—новаго усовершенствованнаго способа сообщеній. Въ началѣ 1842 г., вопросъ о постройкѣ паровознаго рельсоваго пути между двумя столицами имперіи, былъ окончательно рѣшенъ, и приступлено было къ осуществленію самой постройки;—къ исторіи ея мы теперь и перейдемъ.

В. В. Саловъ.

„ХОЗЯИНЪ“

ПОВѢСТЬ

ИЗЪ КРЕСТЬЯНСКАГО ВЪТА ВОСТОЧНОЙ ГЕРМАНИИ.

„Der Büttnerbauer“, von Wilhelm von Polenz *).

XV ¹⁾).

Послѣ того, какъ вербовщикъ Цитвицъ постыдно обратился въ бѣгство, мужчины долго засидѣлись за кружкой пива,—долго не смолкалъ шумный восторгъ, предметомъ котораго былъ герой минуты, Густавъ.

Чувствовать себя героемъ было для него и ново, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, подняло его въ собственномъ мнѣніи. Онъ и самъ не зналъ, какъ это такъ случилось, что, раздраженный пылью, которую пускалъ въ глаза ловкій „агентъ“, онъ, Густавъ, обыкновенно такой сдержанный и почти робкій, вдругъ неожиданно возвысилъ голосъ и безъ боязни сталъ громить пришельца.

Онъ былъ пораженъ результатомъ своей смѣлости, и это сознание пріятно щекотало его самолюбіе, опьяняло, радовало его,—человѣка непривычнаго къ подобнымъ торжествамъ. Но не онъ одинъ торжествовалъ побѣду; вокругъ него всѣ возбужденно ликовали.

— Вотъ мы каковы!—раздавались голоса.—Знай нашихъ!..

¹⁾ См. выше: февр., 665 стр.

—хвастались мирные жители Гальбенау, вспоминая, какъ они провалили всѣ замыслы „агента“.

Пиво лилось, можно сказать, рѣкой; даже Густавъ не заставлялъ себя упрашивать. Онъ нарочно требовалъ пива по одному стакану: ему особенное удовольствіе доставляло видѣть, какъ его кузень, Рихардъ Кашель, на каждый его зовъ предупредительно вскакивалъ съ мѣста. Но, вотъ, за прилавкомъ появилась также и Оттилія, бросая на Густава проницательные взоры и искривленные улыбки. Онъ поднималъ стаканъ, показывая, что пьетъ за ея здоровье, и провозгласилъ:

— За твою красоту!

Звонкій смѣхъ молодыхъ людей подхватилъ его слова. Оттилія обиженно удалилась за прилавокъ.

Еще не улегся шумъ, поднятый этою грубоватою шуткой, какъ въ помещеніе вошелъ чужой, по наружнымъ признакамъ, странствующій ремесленникъ рабочій; за плечомъ—котомка, которую почему-то было принято величать „берлинкой“, а въ рукахъ „посохъ“—трость.

— А, нашъ „ученый“!—привѣтствовалъ его одинъ изъ молодыхъ людей, который когда-то служилъ съ нимъ вмѣстѣ на желѣзнодорожномъ заводѣ.—Здравствуй, товарищъ!

— Здравствуй, товарищъ!—отвѣтилъ человѣкъ съ котомкой.

— Ну, что подѣлываютъ на заводѣ?

— А почему я знаю? Не вѣкъ мнѣ тамъ сидѣть, ковать засовы! Слишкомъ на это благородный человѣкъ „сынъ моего отца“!

— Ну, ужъ нельзя сказать, чтобъ у тебя былъ такой благородный видъ! — усмѣхнулся товарищъ. — Или тебя вытурили оттуда?

— Вытурили? Меня-то? Никогда въ жизни! Не хочешь ли бумаги моя посмотреть? Самъ увидишь, что тамъ все въ порядкѣ.

— Ну, ну! Хорошо ужъ; чего смотрѣть! Не выпить ли наливочки? а, братецъ?

— И выпилъ бы; были бы только деньги.

— Э, все равно! Ну, чокнемся разочекъ!

— Твое здоровье! о, благородный человѣколюбецъ!

Гость поднялъ стаканъ, и въ эту минуту Густавъ пристально взглянулъ на него.

„Чортъ побери! Да провались я на этомъ самомъ мѣстѣ, если это не мой старый пріятель Гешке“!—подумалъ онъ, узнавъ своего сослуживца во второмъ эскадронѣ.

Положимъ, нарядъ его, нарядъ бродяги, и отросшая борода

значительно измѣнили его прежнюю наружность; но по оживленному взгляду его быстрыхъ глазъ, по живости движеній, Густаву немудрено было тотчасъ же признать въ немъ своего сослуживца.

— Гешке-Карль! — воскликнулъ онъ, перебивая разговоръ чокавшихся.

Пришелецъ оглянулся:

— Чортъ поberi! Да это... Бютнеръ-Густъ!

— Эй, живо! Пива другу! — крикнулъ Густавъ по направленію къ прилавку.

И оба друга принялись за безконечные разспросы. Шуткали?! Три съ половиной года не видались!

Густавъ усадилъ пріятеля рядомъ съ собою и принялся слушать исторію его житейскихъ тревоженій. Оказалось, что изъ строя Гешке вышелъ на родину, въ Саксонію, гдѣ и пристроился работать въ слесарной мастерской (онъ ремесломъ былъ слесарь); но не надолго. Вскорѣ, поссорившись съ хозяиномъ, онъ пошелъ дальше и чуть не всю Германію исколесилъ пѣшкомъ. Въ Вестфалии онъ, что называется, застрѣлъ... „по милости одной дѣвушки“... какъ онъ говорилъ. Тамъ онъ порядился на фабрику машинъ; однако и оттуда пришлось ему скорѣнько убраться: началась стачка, которая и затянулась.

На нѣкоторое время онъ было-пристроился къ работамъ на Сѣверномъ каналѣ; потомъ служилъ въ качествѣ кочегара на одной изъ сахарныхъ фабрикъ въ Позенѣ и, наконецъ, очутился на улицѣ.

Въ полку Густавъ особенно съ нимъ сошелся; да и вообще товарищи любили Карла Гешке за его добродушный характеръ и за легкость, съ которой у него такъ и сыпались шутки и остроты. Впрочемъ, начальству какъ разъ и было не по вкусу то, что онъ за словомъ въ карманъ не полѣзеть. Теперь все это вспомнилось обоимъ друзьямъ; не только своему ротмистру, но и многимъ другимъ они принялись шутя перемывать косточки; не одну веселую проказу выволокли они на свѣтъ Божій, чтобы посмѣяться... Да и засидѣлись за бесѣдою почти до сумерекъ (конечно, угощалъ Густавъ, который потребовалъ колбасы и хлѣба съ масломъ, какъ только узналъ, что у его друга съ утра не было ни крохи во рту). Не безъ тревоги Густавъ помышлялъ о томъ, что счетъ выйдетъ здоровый, но упаси, Боже, дать замѣтить свое безпокойство! Пусть, наоборотъ, Кашели, отецъ и сынъ, оба думаютъ, что двѣ-три марки ему нипочемъ!

Уходя изъ гостинницы, Гешке пошелъ по дорогѣ вмѣстѣ

съ Густавомъ и принялся жаловаться на свою судьбу, на свои лохмотья, на свою бездомную, кочевую жизнь — и кончилъ тѣмъ, что попросилъ у товарища займы.

Густаву было больно отказать пріятелю, но и то ужъ совѣсть мучила его, что за угощенье онъ заплатилъ изъ денегъ, которыя съ такимъ трудомъ копилъ себѣ на свадьбу. Свѣжій воздухъ далъ ему почувствовать, что голова у него несовсѣмъ ясна; впрочемъ, онъ могъ еще соображать настолько, что счелъ неловкимъ отказать другу въ просьбѣ „хоть пріютить“ его на нѣсколько дней, пока заживутъ натертыя ноги, пока онъ, Гешке, успѣетъ починить свои продранные сапоги и заплататъ свои лохмотья.

„Ну, дома мѣста вдоволь“! — подумалъ снисходительно Густавъ.

Однако нежданнаго гостя встрѣтилъ не особенно ласковый пріемъ.

Домашніе сразу замѣтили, съ какой чрезмѣрной словоохотливостью Густя отрекомендовалъ имъ своего стараго друга и товарища. Женщины смущенно переглянулись, вскидывая глазами на бородатаго незнакомца, внѣшность котораго не могла внушать имъ особаго довѣрія, особенно при тускломъ освѣщеніи масляной лампочки.

Старикъ Бютнеръ промолчалъ. Онъ принялъ это извѣстіе, какъ еще одну лишнюю каплю въ чашѣ неприятностей, которая и безъ того была полна: одной больше или меньше, не все ли равно? Посмѣлъ бы кто-нибудь, бывало, заикнуться привести къ нему на ночлегъ чужого, да еще такого оборванца! Онъ задалъ бы ему жару... Хозяйкѣ тоже не особенно былъ интересенъ такой гость; но она благоразумно промолчала, опасаясь вывести изъ себя Густава. Первая рѣшилась на рѣзкость Тереза, которую Густавъ спросилъ, гдѣ можно положить спать его друга.

— У свиней есть свободное стойло, — замѣтила она, и супругъ ея, который не сразу понялъ, въ чемъ тутъ острота, загоготалъ, да такъ усердно, какъ будто за весь вечеръ не имѣлъ намѣренія перестать смѣяться.

Густавъ поблѣднѣлъ отъ ярости.

— Когда такъ, я ему уступлю свою постель! — объявилъ онъ. — Пойдемъ, мой Гешке! Никто не скажетъ, что я своего товарища вышвырнулъ на улицу!

— А ты-то самъ какъ будешь? — озабоченно спросила хозяйка.

— Обо мнѣ, мать, не безпокойся: мнѣ всегда найдется уголокъ!—отвѣчалъ Густавъ.

И въ самомъ дѣлѣ, ему не пришлось искать такого уголка, гдѣ днемъ и ночью ему всегда одинаково были рады.

Несмотря на то, что Густавъ такъ горячо и убѣжденно провалилъ въ Гальбенау предпріятіе агента Цитвица, ему не разъ вспоминались тѣ сказочныя горы, которыя сулилъ вербовщикъ.

„А что, если это не все выдумки? А что, если это не обманъ?—думалось ему.—Вѣдь у него на бумагахъ стоитъ волостной и полицейскій штемпель, и условія для рабочихъ—печатныя“!

Все это припоминалось молодому унтеру, и онъ съ удивленіемъ замѣтилъ, что чувство его раздвоилось: и предложенія агента его манили, и въ то же время ему какъ бы стыдно было передъ своими односельчанами, что они тогда были такъ благодарны ему за вмѣшательство. Онъ держался пока въ сторонѣ отъ вербовщика, но по газетамъ слѣдилъ за нимъ и замѣчалъ, что Цитвицъ пользуется повсемѣстнымъ успѣхомъ; списокъ завербованныхъ растетъ съ каждымъ днемъ; растетъ въ людяхъ и заразительное стремленіе въ перемѣнѣ, въ новой, болѣе легкой жизни. Весна приближалась, а вмѣстѣ съ пробужденіемъ природы пробуждалась въ сердцахъ и надежда на что-то лучшее. Какъ птицы перелетныя, собирались люди стаями и сообщали другъ другу радостныя вѣсти; собирались и у церковнаго крыльца, и на работѣ,—словомъ, вездѣ, гдѣ толпится народъ по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ. Болѣе увлекающіеся и жизнерадостные заражали своимъ увлеченіемъ болѣе робкихъ. Движеніе въ пользу вербовки росло, все увеличиваясь, какъ лавина, неудержимо стремящаяся съ горной высоты.

И не одинъ Густавъ подумывалъ, что онъ могъ ошибиться въ своей вспышкѣ противъ приплаго агента: молодые люди и дѣвушки украдкой бѣгали въ сосѣднюю деревню, гдѣ онъ еще находился. Кончилось тѣмъ, что самъ Густавъ Бютнеръ отправился, тайкомъ отъ своихъ, въ тотъ самый Вермсбахъ, гдѣ Цитвицъ долженъ былъ въ тотъ день держать рѣчь къ народу. Впрочемъ, Бютнеръ рѣшилъ побывать тамъ незамѣтно для самого агента: не хотѣлось попадаться ему на глаза.

Въ гостинницѣ Вермсбаха главная комната представляла собою другую картину, чѣмъ недавно въ Гальбенау. Здѣсь Цитвицъ торжественно возсѣдалъ на возвышеніи, а рядомъ съ нимъ что-то писалъ какой-то молодой человѣкъ. Самъ агентъ то гово-

рилъ съ людьми, подходившими поочередно, то давалъ громогласныя разъясненія на вопросы, которые ему задавали. Если оба сходились, то рабочій подписывалъ свое имя на большомъ листѣ подѣ „правилами“, выведенными рукою усерднаго писца. Отъ поры до времени агентъ перечитывалъ вслухъ эти подписи и ободрялъ нерѣшительныхъ.

По наружности все шло такъ тихо, такъ мирно, какъ только можно было пожелать, но въ толпѣ подѣ шумокъ разыгрывалось немало душу раздирающихъ драмъ и трагедій. По близости Густава стояла какая-то старушка, а съ нею вмѣстѣ молодая, красивая, прекрасная дѣвушка. У старой на глазахъ блестѣли слезы, она горячо въ чемъ-то убѣждала молодую; но та молчала, какъ нѣмая, упрямой складкой сдвинувъ свои губы: ея вниманіе было устремлено туда, на возвышеніе, гдѣ воссѣдалъ самъ Цитвицъ.

— Да нѣтъ же, Густа! Нѣтъ, ты не захочешь насъ обидѣть! Чтѣ будетъ съ нашими малютками, если ты насъ бросишь? Полно! Лучше останься съ нами... право, Густа! Вѣдь ты сама не знаешь, какъ тебѣ тамъ проживется?—говорила старуха дрожащимъ голосомъ, озираясь и какъ будто призывая другихъ въ себѣ на помощь.—Ну, не стыдно ли? Ну, не грѣшно ли: такая дѣвушка и бѣжить на чужбину?!

Съ обычною у стариковъ словоохотливостію, она рассказывала всѣмъ и каждому, до чего имъ въ семьѣ и тяжело, и грустно.

— Дочь моя все болѣетъ да болѣетъ, а ей до разрѣшенія осталось еще ждать мѣсяца два; мужъ ея, каменщикъ, ушелъ въ горы добывать деньгѣ, а дома-то цѣлая вуча ребятишекъ... Мы пропадемъ, всѣ пропадемъ безъ Густы: она—послѣдняя наша опора! Чтѣ мы безъ нея будемъ дѣлать? Вѣдь вотъ, не слушаетъ меня старуху: хочетъ уйти, все бросить, лишь бы заработать деньги! Да убѣдите же ее! Скажите ей... Боже мой, чтѣ мы будемъ дѣлать?!

Такъ лепетала всѣмъ и каждому несчастная старушка, не замѣчая, что изъ-подъ рукъ у нея ускользнула ея внучка, и что ея красный платокъ уже мелькаетъ по сосѣдству съ возвышеніемъ, гдѣ воссѣдаетъ Цитвицъ. А нѣсколько минутъ спустя, послѣдній громко прочелъ ея имя въ числѣ завербованныхъ.

Густавъ удивлялся, до чего гладко шли дѣла агента: не то, чтѣ въ Гальбенау! Но въ Вермсбахѣ онъ, очевидно, былъ свой человѣкъ, да и народъ здѣсь пользовался не особенно хорошею славой. Въ сторонкѣ, за однимъ изъ столиковъ, Бют-

черъ замѣтилъ цѣлую группу разнородныхъ мундировъ и, подойдя поближе, призналъ въ нихъ одного жандарма, двухъ лѣсничихъ и одного „смотрителя“ графскихъ владѣній.

— Они тутъ по обязанности службы: наблюдаютъ! — пояснилъ Густаву одинъ изъ юношей, стоявшихъ около. — Недавно вотъ у насъ тутъ была свалка; да что, цѣлая сцена разыгралась! Отъ графа прямо сюда сбѣжали двѣ-три дѣвушки и одинъ дровосѣкъ. — Разсказчикъ злорадно усмѣхнулся. — Что же!? не давали бы такого нищенскаго содержанія, такъ не было бы отъ чего и бѣгать! У графа вѣдь ни то, ни сѣ! И сытъ не будешь, и съ голоду не умрешь: такая скарденная плата! Я самъ служу на скотномъ и такъ бы, кажется, бѣгомъ сбѣжалъ: да тамъ, говорить Цитвиць, женатыхъ не берутъ! Вотъ то-то и бѣда, что у меня есть и жена, и дѣти!

Въ эту минуту Цитвиць (легокъ на поминѣ!) сошелъ со своего пьедестала, объявивъ, что на сегодня вербовка закончена, и пошелъ по залѣ, перекидываясь словцами то съ тѣмъ, то съ другимъ. Увидавъ Густава, онъ вздрогнулъ и какъ будто старался припомнить, гдѣ онъ его видѣлъ; въ темныхъ глазахъ агента мелькнуло недовѣріе, но тотчасъ же лицо его прояснилось, и онъ съ самымъ благосклоннымъ видомъ протянулъ руку удивленному унтеръ-офицеру.

— Вотъ и прекрасно, что пришли! — замѣтилъ онъ, какъ старому другу и знакомому. — Значить, все-таки передумали? Пройдемте-ка впередъ: такой, какъ вы, мнѣ можетъ очень и очень пригодиться!

Густавъ поспѣшилъ возразить, что это ошибка: онъ и не думаетъ искать работы.

— Кто вамъ объ этомъ говорить?! Такого человѣка никто и не подумаетъ послать работать въ полѣ! Для васъ у меня есть кое-что готовое, но совсѣмъ въ другомъ родѣ. Вы, кажется, вѣдь унтеръ-офицеръ въ отставкѣ?

„Откуда онъ все разузналъ“? — подумалъ пораженный Бютнеръ.

— Я хочу предложить вамъ самому стать во главѣ другихъ, вмѣсто меня взять на себя наблюденіе за рабочими и за работой въ одномъ небольшомъ имѣніи, — ну, понимаете? Вы такимъ образомъ сами будете начальствомъ, тѣмъ-то въ родѣ „старшого“ или смотрителя...

Густавъ покачалъ головой: ему было какъ-то непонятно.

— Поймите же, мой милый! Это для васъ просто блестящее дѣло! Вы можете вѣдь заработать отъ трехъ до четырехъ ма-

роеъ „съ головы“; сверхъ того, вамъ полагается жалованье, какъ „старшѣму“, а осенью, вдобавокъ, по окончаніи работъ,— награда, если онѣ закончены благополучно. Мнѣ кажется, этимъ нельзя пренебрегать. Ну, что же? По рукамъ?

Густавъ только посмотрѣлъ на него въ удивленіи: все это какъ снѣгъ на голову на него свалилось.

— Да вотъ условія, прочтите сами! Вы—свѣтлая голова, и я убѣжденъ, что мы сойдемся. Первымъ дѣломъ или, такъ сказать, вступленіемъ къ нему будетъ вамъ порученіе самому подыскать четыре или пять человѣкъ рабочихъ и цѣлую кучку дѣвушекъ... Пока будетъ довольно. Вы—голова, я это еще тогда въ Гальбенау разглядѣлъ,—и онъ съ улыбкой похлопалъ его по плечу, какъ бы говоря безъ словъ: — Мы прекрасно поняли другъ друга!

Цитвицъ отошелъ въ сторону къ другимъ, а Густавъ, пробѣгая глазами условіе, могъ убѣдиться, что все обусловлено подробно, но этихъ подробностей онъ читать не сталъ.

— Къ чему онѣ?—думалось ему.—Все равно, по-моему, вѣдь невозможно нанимать рабочихъ въ совершенно незнакомую мѣстность, по порученію незнакомаго человѣка, при полнѣйшемъ невѣдѣніи тѣхъ условій, въ которыя они будутъ поставлены?

Когда агентъ вернулся къ Густаву, тотъ подалъ ему обратно бумагу и проговорилъ:

— Я вижу, что для меня это дѣло совсѣмъ неподходящее!

Но агентъ уцѣпился за рукавъ Густава, чтобы тотъ не сбѣжалъ, и потянулъ его къ столу:

— Пойдите! Очевидно, вы не такъ поняли! За кружкой пива я объясню вамъ все, до ниточки, подробно!

— Ну, говорите: въ чемъ же ваши возраженія?—продолжалъ онъ, когда они усѣлись.

Густавъ упиралъ главнымъ образомъ на то, что ему предстоитъ жениться.

— Что жъ, и чудесно!—восторгался агентъ.—Мы и жену молодую, и дѣтвору (если есть таковая) можемъ прихватить съ собой! Работниковъ, работницъ давайте вы мнѣ холостыхъ, а „старшѣму“—даже самому лучше, если у него будетъ такая подмога, какъ жена, которая можетъ присмотрѣть за порядкомъ въ домѣ, за стряпней, пока онъ въ полѣ. Ну, чѣмъ же это дурно? Можно ли придумать что-нибудь болѣе независимое, болѣе подходящее для молодого человѣка предприимчиваго, энергичнаго характера?

И онъ опять любезно похлопалъ Густава по волѣну.

— Да, можетъ быть, я самъ не знаю толку въ тѣхъ работахъ, за которыми долженъ надзирать?

— Умѣете косить?

— Умѣю.

— Умѣете вязать снопы?

— Умѣю.

— Умѣете садить?

— Умѣю.

— Ну, а распахивать поля подъ рѣпу, копать ее и корчевать,—все это дѣтскія игрушки! Понятно, кромѣ васъ, тамъ будетъ еще и „инспекторъ“, который можетъ также давать вамъ указанія; ваша обязанность, держать въ рукахъ рабочихъ; ваша роль, такъ сказать, та же самая, что роль капрала...

Слова Цитвица значительно повліяли на Густава; тѣмъ болѣе, что они согласовались съ его личными мечтами.

— Слушайте, я вамъ признаюсь откровенно: этотъ способъ найма рабочихъ и устройство надзора за ними—дѣло еще совершенно новое у насъ; но въ Америкѣ это практикуется повсемѣстно, и съ большимъ успѣхомъ, на фермахъ и плантаціяхъ; словомъ, вездѣ, гдѣ примѣняется современное, раціональное хозяйство. „Работодатель“ дѣлаетъ себѣ приблизительный расчетъ, затѣмъ выясняетъ, сколько ему потребуется рабочихъ; „агентъ“ доставляетъ ему этихъ рабочихъ, получая по столько-то съ человѣка; „рабочій“... что жъ, и ему приходится не хуже, чѣмъ другимъ,—рабочій за свои труды получаетъ наличными деньгами. А главное,—на то и контрактъ, чтобы обѣ стороны твердо знали, чего онѣ въ правѣ обоюдно требовать, въ чемъ заключаются ихъ обоюдныя обязанности. Въ былое время рабочему человѣку почти не приходилось видѣть свои трудовыя деньги,—объ этомъ ужъ заботились ихъ господа. Въ этомъ-то и состояла такъ-называемая „патріархальность“ нравовъ; но—между нами будь сказано!—это было чистѣйшее рабство. Теперь мы ведемъ дѣло на американскій ладъ; и это называется современнымъ образомъ дѣйствій... Но, понимаете? все, чтò я говорю, все это—строго между нами!

Голову ломило слушать такія разглагольствованія, и почти жутко становилось Бютнеру отъ его краснорѣчія.

— Миѣ еще надо повидать кой-кого,—замѣтилъ Цитвицъ, и какъ только онъ завелъ разговоръ съ другими, Густавъ проскользнулъ незамѣтно къ выходу.

Въ карманѣ у него остался листъ условій.

XVI.

Тѣ два-три дня, на которые Гешке-Карлъ просилъ приста-
нища, незамѣтно для него и для окружающихъ разрослись въ
двѣ недѣли, а непрощенный гость и не думалъ продолжать свой
путь.

Благодаря своему веселому характеру, онъ скоро пересталъ
быть въ тягость. Старику Бютнеру онъ помогалъ въ полѣ, и,
работая неутомимо по своей специальности, вскорѣ заготовилъ
все, необходимое для весеннихъ работъ: подвинутилъ всѣ винтики,
заострилъ всѣ зубчики, наточилъ всѣ бороны и косы... Женщинѣ
онъ плѣнилъ своими шутками и пѣснями, въ которыхъ зачастую
(когда хозяина не было по близости) подтягивала ему Эрнестина
своимъ хорошенькимъ голоскомъ,—а также и разсказами обо
всемъ, что онъ видѣлъ чудснаго въ своихъ вынужденныхъ ски-
таніяхъ. Эрнестина глазъ съ него не спускала, когда онъ гово-
рилъ; а Гешке, которому врядъ ли былъ извѣстенъ первый по-
водъ влеченія Дездемоны къ суровому мавру,—все-таки зналъ,
что больше всего женское сердце льнетъ къ тому, кто много
испыталъ опасностей на своемъ вѣку.

Замѣчательно искусно и проворно счумѣлъ Гешке превратиться
изъ грязнаго оборванца въ довольно приличнаго и опрятнаго
человѣка. Правда, для этого ему пришлось занять ножницы, ни-
токъ и иглоу; но онъ такъ „чисто“ ставилъ заплатки, такъ
ловко пригонялъ къ своимъ лохмотьямъ лоскутки, которые ему
давало Бютнерово „бабье“, что—чудо! Карлу Бютнеру пришлось
разстаться въ его пользу съ нѣскою частью бѣлья; сапожнику
пришлось починить его „плѣпанцы“... словомъ, онъ, что назы-
вается, приодѣлся.

Когда хозяинъ выѣхалъ въ первый разъ въ поле съ бороною,
трудно ему давалось выворачивать мерзлую землю; ему сопут-
ствовалъ при этомъ Гешке Карлъ.

— А что, хозяинъ?—предложилъ онъ.—Взяли бы вы меня
въ работники!—и со стороны старика ему не пришлось услы-
шать отказа.

Въ ту пору Густавъ Бютнеръ почти не показывался на
отцовскій дворъ; ему стоило только сойтись съ отцомъ, чтобы
тотчасъ же жестоко и совершенно бесполезно поругаться. Въдѣ
все равно,—измѣнить дѣла къ лучшему было невозможно; а съ
него и своихъ семейныхъ заботъ было уже довольно. На вос-
кресенье окончательно была назначена свадьба; справлять ее

пышно не хотѣли ни онъ, ни Полина, но вдова Кашнеръ не могла отказать себѣ въ удовольствіи единственный разъ въ жизни блеснуть своими кулинарными совершенствами, и настояла на томъ, чтобы гости изъ церкви пріѣхали къ ней „закусить“.

На слѣдующее утро послѣ того, какъ Густавъ побывалъ въ Вермсбахѣ, къ нимъ забѣжала Эрнестина и объявила, что она тоже хочетъ ѣхать на работу въ Саксонію. Братъ рассерчался; но она возразила, что и самъ онъ подумываетъ о томъ же. Это еще больше разсердило его.

— Съ чего ты взяла? Говори!

— Подруги были въ Вермсбахѣ и видѣли тебя. Тамъ говорятъ, что ты ужъ подрядился,—отвѣтила сестра.

Въ высшей степени взорвала Густава эта новость.

— Чортъ его побери! — ругнулъ онъ агента, затѣмъ принялся клясться, что всѣ эти слухи вздоръ, и кричалъ, что не пуститъ сестру никуда.

— А не то, такого чорта натворю,—смотри!—пригрозилъ онъ ей на придачу.

Но Эрнестина, повидимому, не особенно боялась его гнѣва; она давно привыкла къ яростнымъ вспышкамъ своихъ домашнихъ и терпѣливо выжидала, пока онъ усмирится, а затѣмъ спокойно объявила, что она знаетъ множество такихъ же дѣвушекъ, какъ и она сама, которыя охотно поѣдутъ вмѣстѣ съ нею.

— Вотъ еще! Очень нужно! Такъ я и поѣхалъ бы въ чужіе края съ цѣлой стаей дурацкихъ гусынь!—всплилъ Густавъ, но и это не смутило бойкую сестрѣнку.

Всю ночь Густавъ ворочался и вздыхалъ во снѣ; его и во снѣ тревожила мысль о контрактѣ, который (почемъ знать?), можетъ быть, сулилъ ему удачу и обезпечивалъ его семью?..

Слушая рѣшительныя рѣчи Эрнестины, онъ говорилъ самъ себѣ, что смѣлость этой юной дѣвушки должна послужить ему толчкомъ, который побѣдитъ его собственную нерѣшимость. Можетъ быть, такъ оно и лучше?

Густавъ вручилъ сестрѣ, по ея просьбѣ, контрактъ Цитвица, и она взялась доставить ему работницъ.

На слѣдующій же день она опять забѣжала къ нему объявить, что успѣла завербовать одиннадцать человѣкъ; а если ей дадутъ два дня сроку, то она надѣется къ нимъ прибавить еще человѣкъ пять-шесть. Рѣшительно, было что-то заразительное въ стремленіи односельчанъ подписывать условія припелъца. Къ величайшему удивленію Густава, Гешке тоже выразилъ же-

ланіе присоединить къ предъидущимъ и свою подпись. Прежде всего, товарищъ поднялъ его на смѣхъ; но затѣмъ самъ задумался надъ перемѣной, которая была замѣтна въ его пріятелѣ за послѣднее время. Гешке рѣшительно остепенился и сталъ надежнымъ работникомъ; таково было мнѣніе всѣхъ домашнихъ. И Густавъ согласился.

Съ контрактомъ въ карманѣ, отправился онъ, въ одинъ прекрасный день, къ самому Цитвицу.

— Вотъ видите, что я вамъ говорилъ!—крикнулъ ему тотъ на встрѣчу.—Ну, давайте сюда!—И онъ глазами пробѣжалъ длинный столбецъ подписей, съ довольнымъ видомъ покачивая головой.

— Не бѣда, что женщинъ больше, чѣмъ на самомъ дѣлѣ нужно,—замѣтилъ онъ.—Мнѣ ужъ по опыту знакома ихъ обычная уловка: непременно нѣсколько человѣкъ „раздумаютъ“ въ послѣднюю минуту, когда ужъ поздно идти на попятный, или сбѣгутъ съ работы...

— Ну, а теперь давайте займемся маршрутомъ!—прибавилъ онъ, держа „Путеводитель“ въ рукахъ.—Вы выѣзжаете въ понедѣльникъ утромъ, съ первымъ же поѣздомъ. Понятно, рабочихъ ожидаютъ съ нетерпѣніемъ! Да позаботьтесь, чтобы дѣвушки не слишкомъ много скарба забирали съ собою: разрѣшается имѣть при себѣ постель и сундукъ, но не больше. Я самъ былъ прежде такимъ же „старшимъ“, какъ и вы; потому я вамъ и даю такіе совѣты... Надо круто поступать съ подчиненными, особенно въ чужомъ краю: свою родину бросаютъ лишь бездомники да оборванцы.

Агентъ говорилъ теперь нѣчто совсѣмъ непохожее на свои недавнія рѣчи; впрочемъ, Густавъ былъ до того пораженъ вѣстью о скоромъ отъѣздѣ, что не могъ бы больше ничего сообразить, а тѣмъ болѣе подмѣтить тонкости въ перемѣнѣ обращенія своего новаго знакомаго. Не до того ему было, когда срокъ отъѣзда такъ неожиданно оказался сокращенъ: вѣдь въ воскресенье свадьба!

„Ну, да пожалуй это и лучше, что не успѣешь оглянуться; долгіе проводы, лишнія слезы“!—рѣшилъ онъ мысленно, примирясь съ необходимостью.

— Теперь давайте сосчитаемъ вашъ проѣздъ,—продолжалъ агентъ.—Вамъ и рабочимъ проѣздъ туда и обратно бесплатный; понятно, въ четвертомъ классѣ, вотъ вамъ и еще одна выгода,—прибавилъ онъ.

Густавъ подумалъ, что это такъ и слѣдуетъ, но промолчалъ.

Агентъ разсчиталъ, сколько слѣдуетъ за билеты, и вручилъ деньги Густаву подъ росписку.

— Ну, кажется, все готово?—спросилъ агентъ.—Постойте! Вотъ еще что: сколько залого дали вамъ рабочіе?

— Нисколько! Вѣдь у нихъ, все равно, нѣтъ за душою ни гроша.

— Но таковъ ужъ порядокъ, чтобы вербовщикъ получалъ съ cadaго завербованнаго извѣстное вознагражденіе за труды. Что же касается платы за „условіе“, то я, пожалуй, согласенъ обождать до слѣдующаго мѣсяца, и тогда могу вычесть изъ вашей первой же полочки.

Густавъ, совершенно пораженный подобными замѣчаніями, удивленно взглянулъ на агента, который встрѣтилъ его взглядъ съ полной холодною.

— Я что-то не пойму,—началь-было Густавъ:—ни о какой платѣ у насъ не было и рѣчи...

— Потому только, мой милѣйшій, что это подразумевается само собою!—перебилъ Цитвицъ, въ нетерпѣнн передернувъ плечами.—Неужели вы воображаете, что я дамъ кожу съ себя содрать, ни за что, ни про что? Катайся себѣ по селамъ и приселкамъ, злись на всѣхъ и пусть всѣ тебя злятъ, и собирай себѣ всевозможныя, нелѣпѣйшія бредни!—И опять ораторъ окинулъ Густава подозрительнымъ, враждебнымъ взглядомъ,—ясное доказательство, что въ немъ было еще свѣжо воспоминаніе объ инцидентѣ въ гостинницѣ Кашель-Эрнста.

— Д-да, мой милѣйшій! Я требую свою „долю“: таковъ ужъ обычай, которому подчиняется всякій, имѣющій съ нами дѣло. Понятно, прежде всего, вамъ слѣдовало освѣдомиться, какъ и что. Не могу же я, въ самомъ дѣлѣ, просто изъ любезности оказывать вамъ подобныя услуги? Вы, можетъ быть, воображали, что я въ состояніи даромъ вамъ уступить такой выгодный контрактъ? Ужъ очень вы наивны, мой милѣйшій! Въ наше время вся штука въ деньгахъ! За cadaго работника я съ васъ долженъ получить по пяти марокъ „съ головы“. Половину вы обязаны мнѣ уплатить на Ивановъ день и половину по окончаніи работъ. А тамъ ужъ ваше дѣло, какъ добыть отъ людей эти деньги.

Тутъ только Густавъ понялъ, что его провели. Поступай съ нимъ агентъ враждебно съ самаго начала, все было бы легче; но противъ такого безсердечнаго, холоднаго обмана онъ чувствовалъ, что онъ совсѣмъ безсиленъ.

Цитвицъ сидѣлъ, отвернувшись отъ него, и Густавъ видѣлъ

только его широкую спину. Проглотивъ обиду, всѣми силами стараясь сдерживать свое раздраженіе, онъ попросилъ, чтобъ его выслушали.

— А, Боже мой! Да вы еще здѣсь?—спросилъ тотъ и обернулся, весьма искусно прикидываясь удивленнымъ.—Ну, чего вамъ? Прошу поторопиться: мнѣ некогда васъ слушать.

Голосомъ, охрипшимъ отъ волненія, Густавъ началъ сбивчиво объяснять, что онъ знать ничего не зналъ ни про какой контрактъ.

— Вамъ это не удастся доказать, мой милый!—перебилъ его Цитвицъ.—Вотъ ваша подпись, и я крѣпко за нее держусь; а кто подписываетъ самъ не зная, что онъ подписалъ, тотъ по просту дуракъ! Сверхъ того, вы и другихъ заставите подписаться, и съ ними вы теперь неразрывно связаны: ну и держитесь ихъ, да смотрите: держитесь поврѣще! А не то есть у насъ въ законѣ такая статейка, которая называется: „нарушеніе контракта“, и которая весьма строго примѣняется къ нарушителямъ.

Густавъ не въ состояніи былъ ничего возразить. Онъ чувствовалъ, что правъ не Цитвицъ, а онъ, но вѣдь и отецъ его, въ сущности, правъ, а между тѣмъ, на законномъ основаніи, и Кашель-Эрнстъ, и Харрасовичъ считаютъ себя въ правѣ обирать его. Очевидно, по закону, право остается на сторонѣ того, кто смѣлливъ и умѣетъ „крючкотворить“!..

Цитвицъ опять углубился въ работу. Густавъ задумался.

Ему всего обиднѣе, всего ужаснѣе казалось то, что онъ можетъ вовлечь въ непріятность своихъ односельчанъ; ну, чѣмъ они-то виноваты? И наконецъ, если контрактъ будетъ, положимъ, нарушенъ,—какая же ему отъ этого польза? Онъ остается безъ обезпеченнаго куска хлѣба, безъ работы... Невеселая картина, что и говорить! Нечего дѣлать, выбора все равно, что нѣтъ...

— Ну что, Бютнеръ?—не безъ насмѣшки въ голосѣ спросилъ его агентъ:—вы все еще въ своихъ желаніяхъ не разобрались? А вѣдь сколько ни думай, ничего не надумаешь!

Густавъ вертѣлъ въ рукахъ фуражку и молча смотрѣлъ въ землю.

— Ну, да! Дешевле не могу: по пяти марокъ съ человѣка, и уплата пополамъ въ два срока, какъ я уже сказалъ. Или хотите? я перепродамъ вашъ контрактъ кому-нибудь другому? Это вѣдь тоже я могу свободно сдѣлать, если мнѣ вздумается, конечно. Или вы, можетъ быть, заблагоразсудите образумиться?

Густавъ до боли кусалъ себѣ губы, и, махнувъ рукой, безнадежно произнесъ, не поднимая глазъ:

— Что-жъ, если иначе нельзя!.. Только это... несправедливо!

XVII.

Настало воскресенье, день свадьбы Полины.

Гостей было не много. Изъ Бютнеровъ только и пришли въ церковь, что Карлъ съ женой да Эрнестина. Старуха осталась дома, не желая бросать одну свою старшую дочь, которая должна была съ часу на часъ разрѣшиться, а старикъ съ утра ушелъ вонъ изъ дому, прямо въ лѣсъ подальше! Его праздничный нарядъ, какъ былъ разложенъ въ комнатѣ на стулѣ, такъ тамъ и остался.

Изъ числа поѣзжанъ—товарищей Густава—особенно выдѣлялся недавній бродяга Гешке-Карлъ. Весь въ черномъ, въ бѣлой крахмальной рубашкѣ и маншетахъ, онъ казался настоящимъ господиномъ; откуда онъ досталъ такой дорогой нарядъ, было очевидно тайной, про которую зналъ только онъ одинъ.

Невѣстѣ подруга помогла самой сшить бѣлое кисейное платье, и оно плохо подходило къ ея грубоватой, но пышно-развитой фигурѣ и лицу. А все-таки смотрѣть было отрадно на новобрачныхъ: такіе они оба были молодые, рослые, здоровые,—настоящіе крестьянскіе дѣти!

Полина не могла надѣть вѣнчальнаго вѣнка. Пасторъ, въ приходѣ котораго подобные браки были не рѣдкость (молодежь въ Гальбенау отличалась легкомысліемъ), строго соблюдалъ это правило, чтобы отличить цѣломудренныхъ невѣстъ отъ тѣхъ, которыя еще до вѣнца вкусили отъ радостей супружескаго счастья; а для прихожанъ, падкихъ на всякаго рода зрѣлища, было даже большимъ развлеченіемъ послушать особаго рода наставленіе—выговоръ, которымъ старикъ напутствовалъ на новую жизнь подобную парочку. На этотъ разъ любителямъ скандаловъ пришлось разочароваться: во всеобщему удивленію, старикъ-пасторъ не читалъ строгаго внушенія своимъ духовнымъ дѣтямъ. Онъ съ малыхъ лѣтъ зналъ Полину и предпочелъ не подвергать ее—робею, любящую и преданную—публичному униженію.

Кашнерова-вдова приварядилась, насколько могла роскошнѣе при своихъ ограниченныхъ обстоятельствахъ. Еще бы! Она имѣла полное право величаться: въ числѣ ея гостей была сама „графская“ мамзель-Бумилла, раскраснѣвшаяся, съ двойнымъ

подбородкомъ, который отвисъ на ея полковое платье; ея большая золотая брошка, необъятная, волнующаяся грудь и тяжелое дорогое платье, шуршащее при малѣйшемъ ея движеніи, — словомъ, все, все въ ней говорило о ея принадлежности къ болѣе утонченному кругу, чѣмъ „грубыя мужички“. Послѣднія усѣлись вокругъ нея и жадно ловили каждое слово графской „мамзели“, а та все время сознавала, какая разница между нею и „необразованной деревенщиной“, и видимо старалась внушить это окружающимъ, съ помощью своего величественнаго обращенія, изысканной рѣчи и своеобразнаго шелеста своихъ пышныхъ юбокъ. Она вѣдь не кто-нибудь, а сама мамзель-Бумилла изъ графскаго замка; и ея присутствіе — большой почетъ для всей честной компаніи.

Женщины пролили не мало слезъ (какъ оно и подобаетъ, по ихъ мнѣнію, на свадьбѣ); особенно растрогала не только ихъ, но и самого жениха прекрасная рѣчь пастора. Впрочемъ, умиленіе Густава, которое онъ вообще считалъ позоромъ для солдата, выразалось не столько нѣжнымъ, сколько досадливымъ чувствомъ.

Изъ церкви приглашенные прошли пѣшкомъ въ домъ „молодой“ попарно; не мало времени прошло въ томъ, что гости останавливались и, по обыкновенію, болтали еще дорогой. Домикъ вдовы не могъ вмѣстить всѣхъ гостей, и потому у стола, въ комнатѣ, собралось лишь самое почетное общество, а во главѣ его царила все та же мамзель-Бумилла. Цѣлый день пили и ѣли шумные, разговорчивые гости въ скромномъ домикѣ Кампнеровой-вдовы; цѣлый день забѣгали туда и посторонніе обитатели деревни, не столько для того, чтобы принести свои поздравленія, сколько для того, чтобы вкусно закусить и перевертнуться словечкомъ, да встать полюбоваться на графскую „мамзель“.

А „мамзель“ красовалась во всеоружіи своихъ пышныхъ прелестей, жестикулируя пухлыми руками, затянутыми въ свѣтлыя лайковыя перчатки, натянутыя такъ туго, что у нея на ладони выглядывало красноватое тѣло. Она ораторствовала, слѣпша подѣлиться самыми свѣжими новостями:

— Въ Берлинѣ графиня Вандѣ сдѣлала предложеніе богатый князь; онъ офицеръ... сіятельный! Вотъ лѣтомъ увидите; то-то будетъ свадьба! Да-да! Наша Ванда — невѣста, и нашъ графъ хочетъ какъ можно богаче отпустить сестру изъ дома. Молодецъ наша графинюшка! Она и всегда была такая: ей и князя ни почемъ! Бывало, еще совсѣмъ крошкой, она забѣжитъ на минуточку въ кухню и пролепечетъ своимъ голоскомъ: „Мамдэль!..

Мамдэль! (это она меня такъ называла!) Дай мнѣ кусочекъ пирога! Да, смотри, побольше; непременно!“ Совсѣмъ вѣдь была крошка, а какъ говорила? Вотъ я еще тогда и говорю:—Смотрите! Ей и князя-то будутъ нипочемъ!

Кашнерова-вдова считала своимъ долгомъ въ подтвержденіе кивать головой на каждое слово ораторши, а всѣ остальные слушали, разиня ротъ. Подъ вечеръ, съ уходомъ почетной гостьи, картина измѣнилась: она утратила свой торжественный и нѣсколько натянутый видъ, и веселье разлилось по кучкамъ гостей, какъ старыхъ, такъ и молодыхъ. Особенно непринужденно чувствовали себя лица, группировавшіяся вокругъ героя вечера—Гешке-Карла, который не давалъ ни на минуту умолкнуть веселому смѣху: его остроты такъ и сыпались; онъ чувствовалъ себя, какъ рыба въ водѣ...

Уже стемнѣло.

Никому не говоря ни слова, Полина прошла къ себѣ въ комнату, уложила ребенка, и въ простомъ темномъ платьѣ проскользнула за ворота, а тамъ бѣгомъ побѣжала на дворъ къ Бютнерамъ. Что-жъ дѣлать, если они не могли быть на свадьбѣ? Она сама побѣжитъ и представится имъ, какъ дочь и невестка.

Вотъ она добѣжала; она—въ большой комнатѣ... Но что же это? Все и вездѣ темно! Только въ одномъ окошкѣ виденъ слабый свѣтъ и очертанія колеблющейся тѣни, похожей на старика Бютнера. Умиленная, до глубины души растроганная своимъ счастьемъ, Полина дѣйствовала сегодня рѣшительнѣе и смѣлѣе обыкновеннаго. Не долго думая, она вошла и, подойдя къ старику, объявила, что уже повѣнчана съ Густавомъ. Не робѣя, она обняла его старую, загорѣлую шею и отъ всего сердца поцѣловала... но въ тотъ же мигъ сама испугалась своей дерзости. Прикасаясь щекой къ его щекѣ, она почувствовала, что у нея на лицѣ осталось ощущеніе чего-то влажнаго... „Хозяинъ“... плакать!

Въ сердце Полины больно кольнуло. Бѣдный старикъ! Сидитъ себѣ одинокій, заброшенный, наединѣ со своимъ безысходнымъ горемъ; и Богъ вѣсть, сколько времени онъ такъ сидитъ, одинъ!

Полина зажгла лампу, чтобы ему хоть посвѣтлѣе было... Ей такъ хотѣлось что-нибудь сказать такое, что было бы ему приятно. Она глубоко его уважала и любила, хотъ и жила отъ него въ сторонѣ... Но на языкъ, на умъ, не шли подходящіе слова, и она кончила тѣмъ, что дрожащимъ голосомъ спросила:

— А ваши гдѣ?

— Наверху, въ коморѣ...

Полина поблагодарила и побѣжала наверхъ, во второй этажъ, но, запыхавшись, остановилась на верхней ступенькѣ. До нея долетѣли слабые звуки, отъ которыхъ вся кровь прилила ей къ сердцу. У нея затряслись руки и ноги... Она прислушалась... Уже яснѣе и громче повторился тотъ же пискъ... первый крикъ новорожденнаго ребенка Тони...

Апрѣльское утро—сырое и сумрачное. Небо нависло сѣрое, всклокоченное, и только изрѣдка прорывались на мгновеніе блѣдные лучи заслоненнаго солнца, которое не могло побороть цѣлую сѣть тумановъ.

На большой ломовой телѣгѣ, тѣснясь другъ къ другу, сидѣли мужчины и женщины, со своими пожитками въ рукахъ. Дѣвушки примостились на своихъ сундукахъ и постеляхъ; мужчины держали между ногъ свои узелки и болѣе легкіе пожитки. На передѣѣ, около кучера, какъ на самомъ почетномъ мѣстѣ, пристроили Полину съ ребенкомъ и Эрнестину. Густавъ расхаживалъ вокругъ да около, озабоченно поглядывая на часы и провѣряя число рабочихъ. Цитвицъ зналъ прекрасно ихъ повадки; дѣйствительно, къ отъѣзду не досчитались трехъ дѣвушекъ,—ихъ и дома-то не могли найти.

Очевидно, онѣ такъ же скоро раскаялись въ своемъ рѣшеніи, какъ и согласились; объ одной изъ нихъ прошелъ слухъ, что она ушла съ другою партіею работницъ. Но, по счастью, Густаву удалось завербовать еще одного, пятого работника, поляка, по имени: Рогалла. Насупившись, съ недовольнымъ выраженіемъ лица, сидѣлъ онъ, какъ дикая, залетная птица, въ цѣлой стаѣ свѣтлорусыхъ нѣмецкихъ крестьянскихъ дѣвушекъ; на головѣ у него была шапка длинныхъ и косматыхъ волосъ, черныхъ какъ смоль, а на плечахъ—овчинный тулупъ, мездрую вверхъ. Онъ сидѣлъ молча, непріязненно озираясь вокругъ, и жевалъ табакъ.

Несмотря на раннее время, почти вся деревня вышла проводить отъѣзжающихъ; кромѣ родныхъ и близкихъ, набралось много любопытныхъ. Всѣхъ, собственно говоря, тревожилъ вопросъ:—Каково-то имъ будетъ на чужбинѣ?

Никто изъ завербованныхъ не зналъ, что встрѣтитъ онъ въ чужомъ краю, при тѣхъ условіяхъ, которыя всѣмъ имъ чужды и даже совершенно неизвѣстны. Не знали и оставшіеся, пройдетъ ли благополучно для обѣихъ сторонъ разлука? Молодежь тревожи-

лась за своихъ возлюбленныхъ или невѣсть, и, не разъ возобновляя нѣмныя увѣренія въ любви и вѣрности, они обмѣнивались еще и еще горячими взглядами и рукопожатіями...

Единственный, кто чувствовалъ себя вполне привольно, былъ не кто иной, какъ Гешке-Карль, снова облекшійся въ свои живописныя лохмотья, испещренныя заплатами. Лихо сидѣла набекрень его потеряя фуражка на густыхъ, волнистыхъ волосахъ; на шеѣ, вмѣсто бѣлаго воротничка, мотался красный шейный платокъ.

— И общество какое прекрасное! Цѣлая куча „шикароковъ“!.. Ничего, еще можно жить!—разсуждалъ онъ, производя это выраженіе отъ слова „шикъ“ и обозначая имъ, по своему обыкновенію, дѣвушекъ. Весело напѣвалъ онъ себѣ подъ носъ какую-то „Пѣснь путника“, и какъ только замѣчалъ, что маленький Густя намѣревается пищать или кричать, живо строилъ ему такія уморительныя рожи, что мальчуганъ не могъ не улыбнуться.

Старуха Бютнерша, мать Густава, несмотря на свою хромоту, приплелась сюда, проводить своихъ любимцевъ—сына и младшую дочь. Слишкомъ уже много пришлось ей перенести тяжелаго за послѣднее время, и эти горести заслонили отъ нея все остальное; только теперь, при видѣ телѣги, нагруженной людьми и вещами, она поняла вполне, что ей грозитъ разлука съ ея младшими, ея любимцами. Ноги у нея подкосились, когда пришлось прощаться.

— Боже мой, Боже!..—лепетала она безсвязно:—Ахъ, Боже мой, Густавъ!.. Ахъ, Боже мой, Полина!.. Поберегите оба... да! Поберегите Эрнестину... Ахъ, Боже ты мой, Господи!.. Что мы будемъ дѣлать? Какъ намъ жить?

Поглощенный своими новыми обязанностями, Густавъ предоставилъ женѣ и сестрѣ нѣжно и ласково проститься съ матерью, самъ же озабоченно леталъ туда и сюда, волнуясь и чувствуя уже съ этой минуты, что на него бременемъ легла тяжелая отвѣтственность...

— Однако, пора ѣхать, если мы не хотимъ опоздать на поѣздъ,—разсудилъ онъ и, прыгнувъ въ телѣгу, крикнулъ извозчику:

— Трогай!..

Извозчикъ щелкнулъ бичомъ, лошади натянули построженки...

Всѣ наскоро жмутъ руки, киваютъ въ послѣдній разъ, заливаясь слезами... Въ воздухѣ высоко мелькаютъ фуражки...

Телѣга мчится по деревнѣ... мимо длиннаго ряда домиковъ

и домишекъ... Вонъ въ сторонѣ высокая крыша Бютнеровскаго дома: онъ стоитъ почти на околицѣ...

Густавъ смотритъ въ ту сторону... Онъ не заходилъ прощаться съ отцомъ: обоймъ было бы слишкомъ тяжело, и предлогъ былъ въ тому прекрасный—Тони и ея новорожденный!

— Ну, погоняй же! Погоняй!—торопилъ онъ извозчика.

Въ эту минуту ему показалось, что ему даже хочется поскорѣе вырваться отсюда...

Прошелъ еще часъ, и всѣ уже сидѣли, тѣсня другъ друга безпощадно, въ вагонѣ четвертаго класса, вмѣстѣ съ безчисленной толпой чуждыхъ имъ лицъ, которые ѣхали издалека, какъ и они, на работу въ Саксонію. Полинѣ пришлось сидѣть рядомъ съ грязной, всклоченной, курчавой женщиной, и ее почти оставило самообладаніе, съ которымъ она храбро перенесла прощанье со своей родной землею. Тѣснѣе прижала она къ груди своего крошку-сына, и ея рука искала руку Густава...

Печально занималась заря ихъ новой жизни!..

XVIII.

Слухъ, что большое и хорошо обработанное помѣстье Бютнера пойдетъ съ молотка, всполошилъ, однако, всѣхъ, несмотря на то, что за послѣднее время, по словамъ знатоковъ этого дѣла, „крестьянство падаетъ, какъ мухи по зимѣ“.

Дѣйствительно, продажа съ молотка была, въ сожалѣнію, не рѣдкость, но всѣхъ интересовалъ вопросъ: какой расчетъ зятю своего же зятя топить? Ни для кого вѣдь не осталось тайной, что онъ, Кашель-Эрнстъ, а не кто другой, наложилъ арестъ на имущество и пустилъ съ молотка имѣніе брата своей жены; и всякій спрашивалъ себя: что ему надо? Ужъ не хочетъ ли онъ по дешевой цѣнѣ самъ завладѣть Бютнеровской землею съ аукціона? Но для него это будетъ вѣдь только лишнимъ бременемъ, при его обычномъ трактирномъ дѣлѣ?..

Съ девяти часовъ утра въ городъ начали съѣзжаться лица, заинтересованныя въ аукціонѣ, который былъ назначенъ въ одиннадцатъ; главныя изъ нихъ сошлись по обыкновенію въ гостиницѣ „Левъ“. Она только и существовала, что съ помощью судебныхъ разбирательствъ; и друзья, и недруги, всѣ шли прямо туда—закусить до и послѣ разбирательства своего дѣла.

Въ то утро туда зашелъ выпить кружку пива не кто иной, какъ самъ хлѣботорговецъ Харрасовичъ; рядомъ съ нимъ кра-

совался въ столичной парѣ по послѣдней модѣ его искусный коммиссіонеръ, Эдмундъ Шмейсъ.

— Коньяку, garçon! Fine champagne!—приказаль послѣдній, произнося въ носъ.

Къ нимъ присоединились еще двое: банкиръ Шенбергеръ—толстенскій, бѣленькій человѣчекъ, казавшійся еще бѣлѣе, благодаря своимъ чернымъ волосамъ, а съ нимъ молодой адвокатъ Бруно-Ризенталь, недавно поселившійся въ этомъ городѣ и уже пользующійся значительною практикой.

Шенбергеръ усѣлся съ недовольнымъ лицомъ, а Ризенталь принялся перебирать бумаги у себя въ портфель. Они обмѣнивались разговоромъ вполголоса, потому что за сосѣдними столиками сидѣли все такіе люди, на которыхъ нельзя было положиться.

— Пока конкурентовъ еще нѣтъ, — тихонько замѣтилъ Эдмундъ Шмейсъ.

— Конкурентовъ для *меня* не существуетъ!—презрительно возразилъ ему Самъ.

— А графъ? Или онъ держится пока поодаль? — спросилъ адвокатъ.

— О графъ уже позаботились!—шопотомъ отвѣтилъ Шмейсъ. —Я за него ручаюсь. А остальные—все такая мелюзга!

Въ эту минуту на мостовой раздался лошадиный топотъ, стукъ колесъ... и у крыльца остановился охотничій экипажъ, запряженный парю добрыхъ лошадей. По длинной бородѣ, въ одномъ изъ вновь прибывшихъ Самъ узналъ главноуправляющаго графа, и громко выругался. Его спутникъ, сѣдой господинъ небольшого роста, очевидно, былъ также одинъ изъ графскихъ служащихъ.

Конкуренты оказались на-лицо!

Однако, несмотря на свой гнѣвъ, Харрасовичъ не растерялся; онъ вообще обладалъ способностью не отчаиваться до послѣдней минуты и даже теперь не терялъ надежды на удачу. Незадолго передъ тѣмъ, къ гостинницѣ подѣхала телѣжка Кашель-Эрнста—къ нему-то и обратился теперь Харрасовичъ. Онъ разыскалъ его внизу, уже въ зданіи суда, и долго говорилъ убѣдительнымъ шопотомъ. Ихъ бесѣда кончилась тѣмъ, что Самъ протянулъ руку, и Кашель-Эрнстъ положилъ въ нее свою, скривилъ фizioномію въ улыбку и проговорилъ:

— Ну, по рукамъ!

Въ одиннадцать часовъ, возсѣдая за зеленымъ столомъ въ залѣ присутствія, судья и оцѣнщикъ приступили къ предвари-

тельному чтенію претензій. Харрасовичъ просилъ обстоятельнаго отчета: ему интересно было законнымъ порядкомъ убѣдиться, кто именно имѣетъ наибольшія права на имущество должника; кто и какимъ оружіемъ владѣетъ для борьбы съ конкуррентами. Оказалось, что полковникъ Профъ явился во всеоружіи государственныхъ кредитныхъ бумагъ; онъ ихъ предъявилъ цѣлую большую пачку. И это, конечно, не спроста!

Судья былъ человѣкъ уже пожилой, состарѣвшійся на службѣ, и ему не въ диковину было присутствовать при окончательномъ разореніи неоплатныхъ должниковъ. Онъ исполнялъ свою обязанность гладко, безъ запинокъ и довольно вяло; ему было все равно, кто ни будетъ владѣльцемъ Бютнеровской родовой земли. Онъ и счетъ потерялъ, сколько аукціоновъ ему пришлось вести на своемъ вѣку. Понятно, что одна и та же неизмѣнная процедура не могла дѣйствовать на него умильтельнымъ образомъ.

Аукціонъ начался, но, по обыкновенію, сначала тихо. Сперва торговался Шенбергеръ, набивая цѣну до суммы своей личной претензіи; дальше онъ не пошелъ, а на его мѣсто выдвинулся служащій графа, которому оппонентомъ оказался Харрасовичъ.

Торговецъ набавлялъ спокойно, съ хладнокровнымъ выраженіемъ лица и невозмутимо стоялъ на мѣстѣ, засунувъ руки въ карманы. Представитель графскихъ интересовъ, гладко выбритый, уже сѣдой господинъ, видимо, страшно волновался, выказывая знаки нетерпѣнія; свою цѣну онъ произносилъ какъ бы робѣя и поспѣшно, не разъ оглядываясь назадъ, на дальніе ряды публики, гдѣ стоялъ полковникъ Профъ.

Такимъ образомъ, общая сумма поднялась до суммы претензіи Кашель-Эриста; послѣдній былъ тоже здѣсь, но не торговался...

Слово осталось за Харрасовичемъ.

Его противникъ не выдержалъ. Онъ просилъ на минуту приостановить торги и, добѣжавъ до полковника, взволнованно шепнулъ:

— Набивать до общей суммы долговъ?

Полковникъ нахмурился и немного подумалъ:

— На сто марокъ выше. Больше я не могу!

Старикъ поспѣшилъ обратно. Торги продолжались, но не долго. Харрасовичъ, улыбаясь, набавилъ еще.

Своимъ дрожащимъ голосомъ старикъ продолжалъ набивать цѣну до тѣхъ поръ, пока она не превысила на 100 марокъ сумму долговъ.

— Пятьдесятъ! — крикнулъ послѣ него Харрасовичъ и вызывающе взглянулъ на противника.

Водворилось краткое молчаніе. Судья посмотрѣлъ на часы.

— Если никто не предложитъ больше, я закрою присутствіе! — заявилъ онъ.

Никто — ни слова...

— Право остается за г. Харрасовичемъ. Кто имѣетъ что-либо возразить? Никто не возражаетъ? Хорошо. Результаты аукціона будутъ объявлены завтра, въ одиннадцать часовъ.

Въ то время, какъ въ городѣ его имущество шло съ молотка, Трауготъ Бютнеръ пахалъ свое поле.

Старуха уже съ недѣлю какъ не вставала съ постели; Тони была поглощена заботами о своемъ ребенкѣ; Тереза одна оставалась при хозяйствѣ. Изъ всей семьи только Карлъ присутствовалъ на аукціонѣ, и относился ко всему съ своимъ обычнымъ, лѣнливымъ равнодушіемъ.

Сегодня Трауготъ рѣшилъ вспахать пустырь, заросшій кустарникомъ. Онъ вывелъ изъ стойла пару воловъ, заложилъ ихъ въ плугъ и погналъ къ тому мѣсту, гдѣ вдоль поля шла длинная кайма лѣса. Въ сущности эту часть поля онъ считалъ своимъ обездоленнымъ дѣтищемъ, и она больше другихъ тревожила его. Онъ рѣшилъ въ то же лѣто собрать съ нея хотя бы овесъ, какъ наименѣе прихотливый изъ зерновыхъ хлѣбовъ.

Весна обѣщала быть особенно плодородной. Надъ полями подымался теплый паръ отъ ночного, мягкаго дождя. Поля красовались своими сочными здоровыми всходами; на лугахъ виднѣлась еще низкая молодая травка.

Плугъ съ трудомъ задиралъ землю, завязалъ въ липкой глинистой почвѣ, спотыкаясь о камни и твердые комки песку, спрессованнаго за множество лѣтъ, когда борона не касалась ихъ, оставляя полное раздолье сорнымъ травамъ и дикимъ кустарникамъ. Упорно не поддавались они и теперь усиліямъ старика-хозяина. Воли лѣнливо плелись, какъ нарочно.

Но старикъ не злился, не ругался, и досада у него выражалась молчаніемъ. Его плотно сжатія губы раскрывались только, чтобы выкрикивать обычное:

— Нн-ну-у!.. Нн-но-о!..

Дойдя до конца первой борозды, Бютнеръ остановилъ воловъ и, приподнявъ плугъ, перенесъ его на другую, новую. Мѣрно шагая, онъ строго держался прямой линіи, твердой ру-

кою и зоркимъ глазомъ помогая дѣлу, какъ человѣкъ еще сильный и молодой.

Солнце поднималось все выше и выше.

Царь, стоявшій надъ орошенною землею, разсѣлся, и впереди, до самой церкви, видѣлись дома и домишки Гальбенау, спускавшіеся почти до ея ограды. Кое-гдѣ вдали замѣчались фруктовые деревья, точно бѣлыми париками увѣнчанныя раннимъ цвѣтомъ. Какъ разноцвѣтная шашечница, широкой полосой лежали вдали въ перемежку желтоватые, зеленые или бурые квадратики крестьянскихъ владѣній. За ними съ лиловатымъ оттѣнкомъ синѣла темная полоса лѣса; но вдоль опушки, поближе, еще можно было различить переливы свѣтлой, веселой зелени ясеней и березъ и мрачной стѣны темныхъ елей и сосенъ. А надъ ними свѣтлое, радостное, чистое весеннее небо, по которому лишь изрѣдка проносились волнистыя облачка, бѣлыя и легкія, какъ пухъ...

Шестьдесятъ разъ наставляла для хозяина весна. Шестьдесятъ разъ оживалъ онъ съ наступленіемъ ея, радуясь, что прошла суровая, холодная зима, и близится чудное, свѣтлое, щедрое лѣто. Опять весна пришла, опять все засіяло, все зажило, казалось, новой жизнью. Даже старое, исхудавшее, трудовое тѣло старика съ нѣжной лаской согрѣвали лучи ливущаго солнца и будили въ немъ приливъ горячихъ, бодрыхъ силъ...

Напрасно! Эти силы ему больше не нужны. Въ нѣдрахъ души его—холодный сумракъ; въ ней умерло, угасло то, что ей освѣщало жизнь. Угасли, умерли... надежды!

Вотъ почему онъ закусилъ упорно губы и устремилъ такъ неподвижно взглядъ свой въ даль, на неопредѣленную точку, нарочно ничего не видя и стиснувъ зубы до боли. Еслибы онъ только оглянулся, обнялъ взглядомъ свои угодыя и родную, его трудами взлелѣянную, вскормленную землю,—горькія, обильныя, неудержимыя слезы полились бы изъ его остановившихся, безучастныхъ глазъ!.. Злоба, досада и негодованіе, которыя еще давали ему силу ожидать и переживать этотъ день, тотчасъ бы перешли въ безграничныя, нестерпимыя муки, при видѣ его родныхъ, его собственныхъ полей и луговъ, расцвѣтающихъ съ первымъ дыханіемъ весны.

Собственныхъ?!..

Въ эту самую минуту, быть можетъ, рѣшается вопросъ, чьей они будутъ собственностью... но только не его... не его! Сегодня онъ еще здѣсь; онъ живетъ въ родномъ, старомъ домѣ; а завтра...

Завтра явятся сюда чужіе и завладѣютъ его собственнымъ, кровнымъ наслѣдіемъ! Такъ вотъ для чего онъ трудился, вотъ для чего потомъ и кровью поливалъ родную землю! Теперь, когда онъ дожилъ до сѣдыхъ волосъ, когда онъ ничего бы больше не желалъ и ничего не требовалъ, какъ только возможности отдохнуть на старости лѣтъ, въ видѣ награды и признательности за управленіе отцовскимъ наслѣдіемъ,—теперь ему приходится переживать неизъяснимо тяжелое мученіе—быть беззащитнымъ свидѣтелемъ того, что его кровное имущество вырываютъ у него изъ рукъ... чужіе!

Еслибы отецъ его могъ предугадать, что станетъ съ наслѣдствомъ, которое онъ такъ оберегалъ и умножалъ, и холилъ... для своихъ дѣтей! Еслибы онъ зналъ, что благословеніе, которое сопровождало всѣ его труды и помогло ему спасти свое имущество отъ воинскаго погрома, отъ ига, тяготѣвшаго надъ крестьянствомъ въ тѣ дальнія времена,—обратилось его потомкамъ на проклятіе!

Онъ ли въ томъ виноватъ,—виноватъ ли Трауготъ Бютнеръ?

По справедливости нельзя не признать за сыномъ лишь такихъ недостатковъ, въ которыхъ были виновны всѣ хлѣбопашцы вообще, еще во времена его отца; хотя во многомъ дурно повлияли на дѣла также и его упорство, необразованность, отсталость убѣжденій. Въ свое время Трауготъ отличался отъ другихъ своей нравственной чистотою, строгостью въ исполненіи своихъ семейныхъ и общественныхъ обязанностей, готовностью лечь костью за отечество на полѣ брани (это онъ доказалъ тѣмъ, что дважды былъ въ походахъ); съ женою онъ обращался сдержанно и никогда не заходилъ въ своемъ неудовольствіи дальше воркотни или рѣзкаго окрика; оба они воспитали дѣтей своихъ въ страхъ и трепетъ, по извѣстному выраженію:—„Кто любитъ, тотъ и наказуетъ“!

Въ итогѣ всей его жизни получилось, что хозяинъ всегда и во всемъ строго исполнялъ свой долгъ, насколько умѣлъ и понималъ, конечно, съ точки зрѣнія крестьянской. За что же вдругъ его постигла кара? Какія преступленія можно ему поставить въ вину? Какъ зародилась и какъ возросла бѣда, которой было суждено погубить всю его семью? Какъ сътъ незримыхъ петель, сплетались надъ нимъ невзгоды и грозили совершенною гибелью. Въ чемъ кроется причина его злополучій, неудачъ? Можетъ быть, она зародилась еще во времена отцовъ и дѣдовъ? Можетъ быть, даже не они, а сами обстоятельства въ томъ виноваты? Или ужъ таковъ историческій ходъ міровыхъ со-

бытій, которыя подчиняють себѣ судьбы цѣлыхъ народовъ и отдельныхъ поколѣній?..

Въ тѣ первобытныя времена, когда люди жили по-просту, безъ такихъ затѣй, какъ, на примѣръ, кропотливыя изысканія и формулы ученыхъ и письменное крючкотворство, каждый считался, по справедливости, хозяиномъ того клочка земли, въ который онъ вкладывалъ свой трудъ. Ему принадлежалъ, безспорно, урожай; вѣдь онъ же самъ вспахалъ, самъ взборонилъ и самъ засѣялъ своими руками свою родную ниву. Но, вотъ, вибрился въ нѣмецкую почву чуждый ей духъ романскаго движенія, и на крестьянство повѣяло этой новой, увлекательной стихіей: она всѣхъ захватила, всѣхъ увлекла за собою, людей всѣхъ направленій, всѣхъ сословій. И всѣ сословія ей подчинились, какъ подчинилось само государство, церкви, школа и даже судебныя власти. Но тяжелѣе всего легло бремя этого новаго направленія на того, кто менѣе всего въ немъ понималъ, на юренинаго нѣмца-землепашца. Новые порядки скорѣе всего привились въ военному сословію, и къ торговому также: тутъ съумѣли извлечь для себя эгоистическую пользу изъ новыхъ воззрѣній, становились окончательно практиками и эгоистами: а это вѣдь главная основа римскаго права. Формализмъ и схоластика— вотъ главные отпрыски новаго направленія; вотъ тѣ безсердечныя „законныя“ причины и доводы, которые въ силу нѣсколькихъ словъ письменнаго обязательства даютъ неотъемлемое право надъ землею человѣку, который никогда не трудился надъ нею, и для котораго она—чужая!

Ничего вообще не понимаетъ хлѣбопашецъ въ міровыхъ явленіяхъ, и ему дѣла нѣтъ до историческихъ событій; онъ даже въ прошлое не пытается заглянуть... Трауготъ не былъ исключеніемъ. Онъ не зналъ и не пытался узнать, кто именно виновникъ его ужаснаго несчастья? Онъ только чувствовалъ, что надъ нимъ свершается что-то возмутительное, несправедливое; но откуда пришла напасть, какъ она подкралась, словно ночной воръ, тайкомъ,—онъ такъ и не могъ рѣшить. Никогда и ни въ чемъ не дѣлалъ онъ зла тѣмъ самымъ людямъ, которые безжалостно обидѣли его; онъ обратился къ нимъ за помощію, и ему казалось, что онъ видитъ въ нихъ сочувствіе—и только! И эти люди помогли ему, но изъ этой помощи возникли у нихъ такія на него права, благодаря которымъ онъ всецѣло очутился въ ихъ рукахъ.

Нѣтъ, сколько ни думай,—ничего не надумаешь!..

Послѣ всѣхъ его долгихъ, тяжкихъ думъ, въ душѣ оста-

лось только чувство глубокой горечи и озлобленія на незаслуженно постигшую его обиду и несправедливость.

Стиснувъ губы, онъ несъ свои муки молча. Еслибъ онъ вдругъ заговорилъ, изъ устъ его раздался бы такой потокъ стенаній и горчайшихъ воплей, которому не внялъ бы ни одинъ изъ судей грѣшнаго земного міра!..

XIX.

Наконецъ, партія рабочихъ изъ Гальбенау достигла мѣста своего назначенія. На станцію, встрѣтить Густава и его артель, выѣхалъ экипажъ. Въ самомъ помѣстьѣ Вельцлебенѣ, въ экономіи Габельдаммъ, ихъ принялъ самъ инспекторъ и самъ указалъ имъ домъ-казарму, въ которомъ они должны помѣщаться. На слѣдующее утро полагалось уже приняться за работу. Въ полѣ пока еще нечего было дѣлать: свекольникъ только начиналъ еще зеленѣть, а потому дѣвушкамъ дали рубить солому, мужчины же пошли помогать въ разныхъ весеннихъ полевыхъ работахъ.

Здѣсь, на западѣ, условія жизни были совсѣмъ другія, чѣмъ на востокѣ Пруссіи. Тѣснота, въ которой лѣпились крестьянскіе домики одинъ къ другому, отсутствіе „службъ“, длина пыльных улицъ,—все это было ново для хозяйственныхъ гальбенаусцевъ. Имъ, привыкшимъ къ своему истинно-деревенскому простору, дико было видѣть крестьянъ безъ такъ-называемыхъ „крестьянскихъ дворовъ“, въ которыхъ вѣчно толпились домашнія животныя и безъ умолку гоготали и еудахтали домашнія птицы. Здѣсь каждый ничтожнѣйшій клочокъ земли былъ обработанъ съ цѣлю приносить хозяину доходъ; на горизонтѣ не было и помину той еловой низкой поросли, которая составляетъ отличительную черту восточныхъ деревенскихъ видовъ; луговъ очень немного, а лѣсу—вовсе нѣтъ. Тамъ, гдѣ пестрыми влѣтками красовались угодья и нивы крестьянъ восточной Пруссіи, на западѣ повсюду наши „пришельцы“ только и видѣли, что свеклосахарныя поля.

Грубой и тяжелой работы руками не приходилось почти вовсе дѣлать; молотили здѣсь машинами; вѣяли—также. Въ хозяйствѣ все велось тоже по новому: и скотъ кормили, и людей—не такъ, какъ прежде. Въ хлѣву коровъ было много, самъ хлѣвъ былъ роскошный, а молочное хозяйство—весьма незначительное. Повидимому, здѣсь рогатый скотъ имѣлъ цѣнность въ глазахъ хозяина лишь какъ средство для удобренія полей.

А деревня? Да въ ней—не хуже города—домъ къ дому такъ и жметя! И что здѣсь за постройки? Одинъ домъ—точный сколокъ съ другого, своего сосѣда. Каждый крытъ черепицей, и каждый поражаетъ отсутствіемъ украшеній на домахъ; нѣтъ хотя бы узенькаго палисадника, за заборомъ, передъ окнами. Нигдѣ ни огорода, ни грядки, ни одного фруктоваго деревца,—обычнаго украшенія восточно-прусской деревни. Куда дѣвались навозныя кучи, голубятни и пруды для домашней птицы? Гдѣ здѣсь коровы, гуси? Ни у кого здѣсь нѣтъ ни птицы, ни рогатаго скота.

Тѣмъ не менѣе, бѣдныхъ здѣсь не было замѣтно: даже ребятишки не бѣгали босые, а взрослые одѣвались на городской манеръ. „Хозяева“, которыхъ здѣсь было немного, держали себя какъ помѣщики, жили въ большихъ домахъ, посылали дѣтей своихъ въ школу и говорили между собою на „вы“. Здѣшній „хозяинъ“ ни за что не сѣлъ бы за одинъ столъ со своимъ работникомъ.

Горь по близости, также и растительности—нигдѣ не было, да и не могло быть видно, тѣмъ болѣе, что отъ сахарной фабрики шелъ мелкій черный дымъ, который покрывалъ все вокругъ—съ одной стороны, а дымъ и сажа отъ кирпичнаго завода—съ другой.

Какъ на блюдечѣ, посреди зеленѣющихъ свекольныхъ всходовъ виднѣлись экономическія постройки подъ своими свѣтло-красными крышами; черезъ поле тянулась дорога, которая вела въ главное имѣнье—Вельцлебенъ. Нѣсколько въ сторонѣ отъ экономическаго двора красовалась та самая „казарма“, въ которой помѣстили нашихъ пришельцевъ. Внизу помѣщались двѣ просторныхъ комнаты: одна—для дѣвушекъ, замѣнявшая также столовую; другая—для мужчинъ. Наверху спальню „дѣвичью“ отдѣляла отъ спальни мужской комнаты самого „надзирателя“, какъ теперь величали Бютнера.

Инспекторъ повелъ Густава осматривать все помѣщеніе, давая ему на ходу всевозможныя указанія и распоряженія, заявивъ, что за каждое „свинство“ по отношенію къ управленію помѣстьемъ и къ его порядкамъ будетъ строго взыскано съ него, какъ съ надзирателя, т. е. лица отвѣтственнаго за дѣйствія своихъ подчиненныхъ.

Въ общемъ, Густаву все показалось, впрочемъ, лучше, нежели онъ ожидалъ. Помѣщеніе было просторно, и его нѣсколько казарменный видъ пріятно напоминалъ молодому унтеру строевую жизнь. Поинѣ именно это не особенно нравилось, но зато кухонными приспособленіями она осталась очень довольна. Сна-

чала имъ было объявлено, что имъ будутъ выдавать картофель на недѣлю.

— На всю компанію!—прибавилъ инспекторъ.—Дѣлитесь сами, какъ хотите: намъ некогда дѣлежкой заниматься.

Что касается работниковъ, то не всѣ изъ нихъ скоро освоились съ новыми условіями жизни. Такъ, напримѣръ, полякъ Рогалла принялся ворчать (разумѣется, по-польски) и категорически заявилъ, что спать въ общей комнатѣ не намѣренъ. Густаву удалось его уговорить; но когда всѣ его товарищи засыпали, Рогалла, крадучись, уходилъ куда-то, гдѣ, вѣроятно, онъ съумѣлъ устроить себѣ почлегъ болѣе по вкусу. Съ дѣвушками тоже были нѣкоторыя недоразумѣнія. Особенно трудно было Густаву съ двумя сестрами Гельфнеръ, которыя воспитывались въ пріютѣ для бѣдныхъ и не хотѣли работать; если же надзиратель настаивалъ, онѣ запирались у себя въ комнатѣ и не шли на работу. Съ мужчинами Густавъ умѣлъ справляться, но съ женщинами!.. Ему могла бы въ этомъ помогать Полина; но она была слишкомъ мягкаго характера. Каково же было его удивленіе, когда онъ неожиданно нашелъ себѣ помощницу въ лицѣ своей молоденькой сестрѣнки? Еще во время дороги какъ-то само собою опредѣлилось, что она взяла на себя роль вождя женской партіи. Самыя рослыя и грубыя изъ работницъ подчинялись энергіи этой „малютки“; даже сестры Гельфнеръ понемногу взялись за работу. Гешке не мало тревожилъ Густава. Онъ былъ добрый товарищъ, хорошій работникъ и всегда былъ готовъ оказать услугу себѣ подобнымъ,—но съ начальствомъ вель себя какъ разъ наоборотъ. Онъ даже объявилъ Густаву напрямикъ, что терпѣть не можетъ инспектора.

— Не дамъ я „обезьянѣ“ воли надъ собою! Не такъ-то легко будетъ „пучеглазому чорту“ разыграть изъ насъ дураковъ!

Гешке-Карлъ успѣлъ живо разузнать про всѣхъ и про все. Онъ разсказалъ товарищамъ, что хозяинъ Вельцлебена, землевладѣлецъ Гальштедтъ, обладаетъ капиталомъ въ нѣсколько милліоновъ и скупъ немилосердно; зато сыновья его, офицеры, составляютъ стараго скрягу раскошеляваться въ пользу трудящагося люда. Про инспектора Гешке прямо говорилъ:

— Это сущій звѣрь лютый!

Собственно говоря, пришлымъ работникамъ мало приходилось имѣть дѣла съ инспекторомъ; а хозяинъ, т.-е. самъ Гальштедтъ, только разъ, во время работы въ полѣ, проѣзжая мимо, поглядѣлъ на рабочихъ, которые трудились надъ увеличеніемъ его личнаго, и безъ того уже большого, капитала. Рабочіе увидѣли

издали экипажъ и даже могли различить сѣдобородую фигуру богача, который доставлялъ имъ хлѣбъ насущный; Густавъ подумалъ, что онъ, естественно, долженъ подойти... ну, хотя бы къ нему, къ надзирателю... и поинтересоваться работами... Но нѣтъ! Экипажъ медленно подъѣхалъ... немного постоялъ въ сторонѣ—и хозяинъ уѣхалъ, не бросивъ ни слова, ни взгляда своимъ рабочимъ въ знакъ привѣта.

Гешке-Карлъ плюнулъ ему во слѣдъ:

— Туда плеваемъ и дорога! Всѣ эти богачи никуда не годятся!

А Густаву припомнились слова агента Цитвица: „Одинъ даетъ свои червонцы; другой—свой трудъ и силы. Это—просто обоюдная сдѣлка; коротко и ясно! Все сводится на деньги! И это настоящій, вполне современный порядокъ вещей!

Каждое воскресенье Густаву на-руки сдавалась плата за недѣлю для всѣхъ его рабочихъ, при чемъ извѣстный процентъ управленіе удерживало въ залогъ на случай, если бы кто-либо изъ нихъ оставилъ работу раньше срока; штрафы также вычитались, а въ контрактахъ стояла, въдобавокъ, такая статья, что „...работникъ можетъ быть отпущенъ немедленно и безъ всякаго вознагражденія, если онъ не подчиняется требованіямъ работодателя и его служащихъ или представителей“.

При водвореніи ихъ на новомъ мѣстѣ, работникамъ изъ Гальбенау было объявлено, что дрова и картофель имъ полагаются даромъ; все же остальное продовольствіе они могутъ закупать—какъ это дѣлали (будто бы) ихъ предшественники—у сторожа; онъ держалъ лавочку и продавалъ всякую дрянъ да еще дорого. Такимъ образомъ, бѣднымъ труженикамъ приходилось всѣ свои сбереженія тратить на сѣбѣстное.

Но тутъ своимъ на выручку подоспѣлъ многоопытный и неунывающий Гешке-Карлъ. Однажды онъ отпросился у надзирателя на нѣсколько часовъ и получилъ взаймы, по своей просьбѣ, малую толику денегъ. Поздно вечеромъ вернулся онъ въ свою казарму усталый, но довольный, съ трудомъ волоча на спинѣ туго-набитый кулъ. Оказалось, что Гешке накупилъ всякой всячины, которую и взялся перепродавать товарищамъ за ту же цѣну, за какую самъ купилъ. Прибыли онъ не хотѣлъ никакой.

— Для меня и то ужъ несказанная прибыль, — говорилъ онъ,—что я непрерывно буду злить живодера-сторожа!

Кухней и страпней завѣдывала Полина, а малютка-Густъ, которому шелъ третій годъ, уже бѣгалъ проворно и все вертѣлся около нея. Ему суждено было служить матери большимъ

утѣшеніемъ въ тяжелыя минуты. А такихъ минутъ у нея было теперь не мало.

Она совсѣмъ иного ожидала отъ своей замужней жизни. Густава приходилось ей видѣть очень мало, да и то урывками,—усталаго и раздраженнаго, всецѣло поглощеннаго заботами трудового дня въ кругу многочисленныхъ рабочихъ. Встрѣчались мужъ съ женой болѣею частью при постороннихъ; а вечеромъ, вернувшись съ работы, Густавъ срывалъ съ себя на-скоро рабочее платье, бросался на постель и засыпалъ какъ убитый. За весь день ни однимъ словомъ не приходилось женѣ перемолвиться съ Густавомъ... Въ наивности своей Полина, вѣровавшая по-старинному, была убѣждена, что бракъ есть таинство и оно омоетъ ея беззаконіе,—освѣтитъ своимъ благословіемъ ея новую, уже вполне законную семейную жизнь; Густавъ станетъ къ ней еще ближе, заживетъ съ нею еще дружнѣе; ихъ счастье будетъ спокойнѣе, увѣреннѣе.

Полина ошиблась въ своихъ ожиданіяхъ и частенько проли-вала слезы, но такъ, чтобы мужъ не замѣчалъ; она боялась его прогнѣвить, обезпокоить, словомъ—быть ему въ тягость. Его невниманіе она сама себѣ объясняла тѣмъ, что у него слишкомъ много заботъ, и каждый разъ рѣшала мужественно нести это временное испытаніе. Она прилагала всѣ усилія къ тому, чтобы скрывать отъ мужа свои слезы, и онъ никогда не видѣлъ ея иначе, какъ улыбающейся. Но, какъ и всѣ страшно-занятые люди, онъ ничего не подозрѣвалъ о ея слезахъ, не замѣчалъ и не цѣнилъ ея улыбокъ, которыя ей трудно доставались.

Полина всей душой предалась заботамъ о насущныхъ потребностяхъ любимаго человѣка; вся ушла въ хлопоты о его физическомъ благѣ: для него все должно быть самое лучшее—и ужинъ, и постель, и платье!

Въ такихъ условіяхъ прожили они первыя недѣли на чужбинѣ. Въ одинъ прекрасный день неожиданно исчезъ полякъ Рогалла, а у его сотоварищей, одновременно съ нимъ, исчезли нѣсколько принадлежностей одежды и, вдобавокъ, въ своей кладовой Гешке-Карль не досчитался одной колбасы и двухъ кусковъ сала. Куда отлетѣла залетная, восматая птица? Ходили слухи, что онъ, будто бы, перешелъ на другой такой же заводъ, но гдѣ работаютъ исключительно поляки,—и служить тамъ поденщикомъ. Наводить о немъ справокъ не трудились: онъ былъ всегда работникомъ вялымъ и нерадивымъ,—такъ пусть сидитъ теперь на здоровье у себѣ подобныхъ!

XX.

Два мѣсяца прошло съ тѣхъ поръ, какъ Бютнеровское помѣстье пошло съ молотка. Самуилъ Харрасовичъ царилъ тамъ безраздѣльно.

Новый владѣлецъ милостиво разрѣшилъ старому временно проживать на своемъ старомъ пепелищѣ, и даже не бралъ за это ничего,—по той простой причинѣ, что нечего было взять.

— И, сверхъ того, — прибавлялъ онъ, — славные они старички, и я не прочь, изъ милости, хотъ чѣмъ-нибудь имъ придти на помощь!

Онъ предоставилъ старику самому распоряжаться полями: такимъ образомъ, тотъ могъ ему отдать хотъ часть тѣхъ денегъ, которыя онъ былъ ему долженъ еще, кромѣ векселя.

Въ хозяйствѣ Харрасовичъ ввелъ массу перемѣнъ.

Во-первыхъ, онъ свелъ со двора воловъ.

— Въ другомъ мѣстѣ они могутъ мнѣ же гораздо больше пригодиться. И, наконецъ, намъ были бы коровы... А, что? милѣйшій Бютнеръ?

Но Бютнеръ молчалъ, встрѣчая эти слова новаго хозяина, какъ и вообще все, что тотъ говорилъ, настойчивымъ молчаніемъ и непроницаемымъ выраженіемъ лица.

Вотъ до чего дошелъ Трауготъ Бютнеръ: выѣзжай въ поле на коровахъ, словно какой-нибудь мелкій огородникъ или мелкопомѣстный землепашецъ! Паши и борони поля не для себя, а для чужого, служи работникомъ у этого обидчика, пришельца!..

Если бы озлобленіе и адскія страданія разсѣялись по нивѣ, какъ хлѣбныя зерна,—какіе богатые всходы возшли бы на его родной землѣ!

Въ фруктовомъ саду тоже произвелъ Харрасовичъ значительную чистку. Тѣ старыя деревья, которыя всегда приносили такое множество кислыхъ яблокъ, что ихъ некуда было дѣвать, тѣ самыя яблони,—теперь уже кривыя и калѣки,—которыя еще дѣду Траугота въ самомъ началѣ столѣтія уже давали плоды, обладавшіе способностью сохраняться почти до весны;—тѣ самыя деревья, которыя Трауготъ помнилъ еще ребенкомъ, ему пришлось срубить, самому, своими руками распилить и вытесать на палки.

И эту работу, какъ всякую другую, старикъ выполнялъ молча, не спѣша; но пила какъ будто заскрипѣла, когда зубы ея вонзились въ сердце бѣдной яблони-калѣки.

Тони пришлось уѣхать изъ родительскаго дома: новый его владѣлецъ объявилъ, что онъ не можетъ содержать столько ртовъ на своихъ хлѣбахъ. Кстати, и мѣсто кормилицы въ-время подошло: дочь Харрасовича, которая жила въ Берлинѣ, разрѣшилась, и на Тони была возложена важная отвѣтственность—кормить юнаго отпрыска рода Харрасовичей. На этотъ разъ тутъ не было Густава, который, можетъ быть, опять бы удержалъ сестру отъ рискованнаго шага. Ребенка сдали на руки Терезѣ, а сама Тони уѣхала кормить чужого.

Надо отдать Саму справедливость: все, за чтѣ бы онъ ни брался, выходило у него такъ удачно, какъ будто онъ все тщательно, заблаговременно обдумалъ и размѣрилъ. Такъ, напримеръ, и на Карла Бютнера онъ имѣлъ свои виды. Какъ только весеннія работы въ полѣ пришли къ благополучному, желанному концу, новый владѣлецъ объявилъ молодому крестьянину, что его услуги ему, Харрасовичу, больше не нужны, и что онъ, со своей семьей, можетъ себѣ убираться во-свояся, куда его душѣ угодно.

Но куда?.. Вообще, Карлу и въ голову не приходило, что ему можетъ случиться куда бы то ни было выѣзжать изъ отцовскаго дома, про который онъ зналъ съ самыхъ раннихъ лѣтъ, что онъ одинъ ему наслѣдникъ. Тяжело приходилось бѣдному лѣннику: работать никогда онъ не любилъ, а тутъ приходится еще сперва искать работы. Одно время онъ какъ будто бы проснулся и сталъ суетиться, прискивая себѣ мѣсто; но эти поиски, признаться, состояли изъ бѣготни и безтолковаго метанья по тѣмъ окрестностямъ, гдѣ онъ могъ предложить себя въ извозъ. Поиски его, конечно, остались безуспѣшны; а Тереза, вдобавокъ, усугубляла его неудачи непрерывной грызней за то, что онъ обманулъ ее.

— Я вѣдь не думала, что выхожу за нищаго, за попрошайку!—говаривала она и называла его просто дуракомъ.

Между тѣмъ, отказывали ему въ мѣстѣ отчасти еще и потому, что у него была большая семья; а куда же ее дѣнешь?.. Вскорѣ дошло до того, что Карлъ просиживалъ цѣлые дни въ пивной, подъ предлогомъ, что просматриваетъ газетныя объявленія, но въ сущности только пилъ и дремалъ, предаваясь лѣни и бездѣлю. Сдѣлавъ открытіе, что Карлъ выпиваетъ, Тереза не могла оттого смягчиться, и бѣднягѣ приходилось теперь хуже, чѣмъ прежде. Но изъ этой бѣды его неожиданно выручилъ Харрасовичъ. Онъ ему предложилъ арендовать у него въ Вермбахѣ

небольшой клочокъ земли, который они и поѣхали вмѣстѣ смотреть.

Земля была плохо обработана; домъ на половину развалился; даже стѣны дали трещины, въ которыя виднѣлся дневной свѣтъ. Уже много лѣтъ никто не занимался этой заброшенной землею.

— Для человѣка молодого, дѣятельнаго — полный просторъ! — рассуждалъ Харрасовичъ. — Такого-то, какъ вы, намъ именно сюда и надо: вы поднимете цѣну этому участку!

Арендныя деньги?.. Харрасовичъ отсрочилъ взносъ, а вмѣсто того далъ денегъ впередъ, на покупку рогатаго скота, сѣмянъ и инвентаря...

Карла нетрудно было убѣдить; тѣмъ болѣе, что Харрасовичъ, какъ умный человѣкъ, и на людей болѣе развитыхъ, чѣмъ Карлъ, имѣлъ неотразимое вліяніе.

Итакъ, молодой Бютнеръ перебрался въ Вермсбахъ со всѣми своими чадами и домочадцами, со всѣмъ своимъ скуднымъ скарбомъ. Тереза вообще не склонна была въ нѣжнымъ чувствамъ и легче сердилась, чѣмъ умилялась; но, очутившись въ заброшенномъ домѣ съ побитыми окнами, мѣстами заклеенными бумагой, съ грязными лохмотьями обоевъ, которые отдѣлялись отъ ветхихъ, прокоптыхъ стѣнъ, — и Тереза не выдержала.

„Такъ вотъ гдѣ мнѣ придется жизнь коротать!“! — подумала она и горько зарыдала.

Около этого времени, въ Гальбенау появился какой-то совершенно незнакомый господинъ, въ сопровожденіи мальчика-подростка, который несъ за нимъ слѣдомъ какія-то карты, шкатулочки, свертки и длинную цѣпь.

— Гдѣ здѣсь у васъ бывшее помѣстье Траугота Бютнера? — спрашивали они.

Имъ указали, какъ туда пройти, и они принялись обходить поля, вколачивая небольшіе колышки и протягивая за собою цѣпь. Три дня проработали они такимъ образомъ, помѣчая на колышкахъ какія-то цифры и рисуя что-то на картѣ. Затѣмъ незнакомецъ исчезъ и больше не возвращался; но его колышки остались стоять.

Въ воскресенье, послѣ полудня, какъ на ярмарку, повалилъ народъ на Бютнеровскія поля: жители Гальбенау шли обозрѣвать утыканные колышками участки земли. Бютнеръ былъ на дворѣ и видѣлъ все происходившее у него на глазахъ. Жили на шеѣ и на лбу у него налились отъ гнѣва; онъ вышелъ за ворота и брянулъ на перваго попавшагося:

— Эй, ты! Чего тебѣ? Чтò ты здѣсь потерялъ?

— Я хочу купить моргенъ или два... Хочу купить!—отвѣтилъ тотъ и пошелъ дальше, не свернувъ съ дороги.

— Да этакъ они мнѣ траву истопчутъ, взроютъ сѣмена!— въ негодованіи волновался старикъ и крикнулъ въ догонку.— Здѣсь не проѣзжая дорога!

— Ну, полно, Трауготъ! Нечего представляться: завтра, все равно твою ниву продадутъ въ розницу. Въ объявленіи такъ прямо и стоитъ!—пояснилъ сосѣдъ.

Такъ вотъ оно чтò? Въ розницу!..

Старикъ застылъ на мѣстѣ, какъ пришибленный ударомъ, и тихо-тихо поплелся потомъ, волоча ноги, какъ человѣкъ, обремененный непосильною ношею.

Цѣлая кучка деревенскихъ обывателей шла къ нему на встрѣчу, возвращаясь съ поля. Слышался громкій говоръ; очевидно, они обсуждали видѣнное и толковали о предстоящихъ торгахъ. Завидѣвъ старика, они умоляли и прошли мимо молча, въ совершенномъ смущеніи.

Но вотъ показались еще двое: Рихардъ и Кашель-Эрнстъ.

Послѣдній остановился, поровнявшись со своимъ шуриномъ:

— Здравствуй, Трауготъ!—проговорилъ онъ.

Ни слова въ отвѣтъ.

— Эй, ты! Трауготъ! — вторично окликнулъ родственника Кашель, болтая какъ будто спроста. — Хорошіе будутъ хлѣба! Чудные хлѣба!

Бютнеръ промолчалъ, но бросилъ такой выразительный взглядъ на зятя, что тотъ невольно попятился назадъ и далъ ему дорогу.

— Эй, Трауготъ! — крикнулъ онъ ему вслѣдъ. — Когда придетъ уборка хлѣба, можешь придти мнѣ помогать: я заплачу тебѣ и, право, не пожалѣю, щедро заплачу! Весьма возможно, что я самъ не управлюсь; хлѣбъ уродился вѣдь на славу,—вишь, ты какой его вырастилъ!.. Ну, что же, придешь? А?

Старикъ Бютнеръ, не оглядываясь, шелъ впередъ.

— Ну, что же?.. Да, впрочемъ, тебѣ, вѣрно, неизвѣстно, что я купилъ у Харрасовича самый хлѣбный участокъ твоей вспаханной земли? Я какъ узналъ, что все будетъ продаваться въ розницу, такъ и подумалъ: „Что жъ, отчего бы и мнѣ не купить? все-таки самый лучшій участокъ останется въ Бютнеровской семьѣ“!

Какъ вкопанный остановился старикъ; глаза у него смотрѣли

неподвижно; ротъ полуоткрылся... Кашель-Эрнстъ купилъ его лучшую, его любимую ниву!..

— Да, да, Трауготъ: этотъ хлѣбъ—мой! Понимаешь ли, мой! И я глубоко тебѣ благодаренъ за то, что ты такъ добросовѣстно надъ нимъ трудился... Вотъ такъ хлѣбъ! Ну, чудо что за хлѣбъ!

Казалось, Трауготъ окаменѣлъ. Но въ головѣ его кипѣла неотвязчивая мысль:—Кашель-Эрнстъ! Кашель-Эрнстъ завладѣлъ его лучшею нивой!

Мало-по-малу лицо его стало оживляться; глаза загорѣлись, ноздри раздулись, губы раскрылись, какъ у хищнаго, разъяреннаго звѣря, который, вотъ-вотъ, готовъ растерзать врага... И глухимъ рокотаньемъ вырвалось у него:

— Пёсь!.. Пёсь!..

Рихардъ смѣялся, но, видя, что расвирыбѣвшій старикъ такъ смѣло на нихъ наступаетъ, рѣшительно сжимая кулаки, онъ пересталъ смѣяться.

— Пёсь! Пёсь!!—повторялъ тотъ, все приближаясь.—Да я вамъ кости... кости сокрушу!..

Милый племянничекъ поспѣшилъ спрятаться за спину отца, который быстро отступалъ, стараясь какъ можно больше увеличить разстояніе, отдѣлявшее ихъ отъ разъяреннаго родственника. Наконецъ, запыхавшіеся храбрецы нашли возможнымъ остановиться, перевести духъ.

Остановился также и старикъ. Откашливаясь, задыхаясь, онъ все еще кричалъ, потрясая въ воздухъ кулаками:

— Погоди, Кашель! Дай мнѣ до тебя добраться! Кости я твои сокрушу, собака!.. Пёсь!

Кашель что-то злорадно прокричалъ ему въ отвѣтъ; и снова бросился за нимъ несчастный Трауготъ, и снова съ замѣчательной поспѣшностью отецъ и сынъ принялись отступать. Тогда старикъ нагнулся и, поднимая камни на ходу, бросился бѣгомъ за ними, швыряя камни одинъ за другимъ. Въ волненіи онъ не могъ прицѣлиться хорошенъко, и давалъ мимо... Враги его бѣжали шибко и вскорѣ скрылись за крайнюю крестьянскую избой.

Къ старикѣ подбѣжали люди, которые лишь подъ конецъ замѣтили происходившее у нихъ же на глазахъ и только любовались на стычку между родственниками. Старика обступили, пробовали съ нимъ заговорить...

Безъ шапки, взъерошенный, Трауготъ Бютнеръ стоялъ, дрожа всѣмъ тѣломъ; его багровое лицо говорило про его кровную обиду. Молча онъ потрясалъ кулаками по тому направленію,

куда скрылись Кашели. Мало-по-малу даръ слова къ нему возвратился; но сначала раздалось только страшное, сиплое рокотанье и постепенно перешло въ глухой, а затѣмъ и громкій крикъ. Старикъ выкрикивалъ неистовыя проклятія и ругательства.

Кое-кто изъ молодыхъ попробовалъ-было отпустить на его счетъ несовсѣмъ почтительную шутку; но сверстники Траугота проявили настолько порядочности, что заставили замолчать немѣстныхъ путешниковъ. Обступивъ своего несчастнаго сосѣда, они принялись его успокаивать и тихонько повели его домой. Дорогой онъ не переставалъ выкрикивать всякіе ужасы, по видимому, не сознавая, что съ нимъ и гдѣ онъ.

Его хозяйка давно уже была прикована къ постели. У него была хоть работа, которая его нѣсколько отвлекала отъ горькихъ, тяжкихъ думъ; ее же окончательно сразили всѣ эти бѣды и отсутствіе дѣтей изъ родного гнѣзда. Теперь ей приходилось одной-одинѣшенькѣ лежать неподвижно, и только изрѣдка выпадало ей на долю утѣшеніе отвести душу и поплакать, когда забѣгала навѣстить ее то та, то другая сосѣдка.

Когда къ ней вошелъ угрюмый, молчаливый мужъ, она ничего особеннаго не подумала, да и не замѣтила. Слишкомъ ужъ много бѣдъ пришлось ей видѣть за послѣднее время. И она не стала приставать къ мужу, не стала расспрашивать.

Въ ту же ночь Трауготъ неожиданно зашевелился: всталъ съ постели, одѣлся и очевидно собрался куда-то идти...

— Куда ты?—спросила жена.—Еще въ такую пору!

— Корову посмотришь; видно, расхворалась,—возразилъ тотъ и ушелъ.

Старуха прислушалась и, благодаря своему обострившемуся слуху, скоро различила, что шаги его раздаются около сарая, гдѣ стоятъ полевые орудія; ей слышно было, что онъ запрягаетъ и выѣзжаетъ со двора...

„Что это значить? Пахать въ глухую ночь? Ужъ не хлебнулъ ли лишнее хозяинъ?“—думала старушка.

Свѣтало, когда домой вернулся Трауготъ, весь грязный, истомленный, разгоряченный и усталый, какъ послѣ продолжительной и тяжелой работы. Онъ раздѣлся, бросился на постель и проспалъ, какъ убитый, почти до вечера... Никогда за всю свою жизнь жена не помнила за нимъ ничего подобного.

На утро въ гостинницѣ Кашеля набралось немало покупателей: согласно объявленію, сегодня должны были состояться торги на землю Бютнера, или, вѣрнѣе, на ту часть ея, которую новый владѣлецъ рѣшилъ распродать въ розницу, оставивъ себѣ бѣль-

шую часть помѣстья, а самый лучший участокъ, въ десять моргеновъ величиной, уже заполучилъ самъ Кашель-Эристъ.

Настроение было самое возбужденное. Даже бѣднѣйшіе изъ поселянъ боялись пропустить такой удобный случай приобрести клочокъ отлично обработанной земли, и, гдѣ только могли, занимали денегъ на покупку; въ эти минуты имъ въ голову не приходила необходимость взвѣсить вопросъ: будутъ ли они въ состояніи погашать хотя бы проценты съ занятого ими капитала?

Въ волненіи народъ поджидалъ Харрасовича, безъ котораго аукціонъ не могъ бы состояться. Наконецъ, къ крыльцу подвѣтилъ знакомый экипажъ, и, выходя изъ него, Харрасовичъ успѣлъ однимъ взглядомъ убѣдиться, что въ покупателяхъ не будетъ недостатка.

— Они точно опалѣли! — шепнулъ Кашель-Эристъ другу.

И въ самомъ дѣлѣ, съ нетерпѣніемъ и безграничной горячностью послѣдовала толпа за нимъ въ поле: продажа, по мнѣнію владѣльца, пойдетъ горячѣе, если ее производить на мѣстѣ; видъ богатыхъ всходовъ долженъ былъ еще больше раззадорить покупателей. Толпа двинулась впередъ; Кашель-Эристъ и его другъ шли позади.

Вдругъ впереди послышалось какое-то хихиканье, перешептыванье.

— Ну, чего еще тамъ? — окликнулъ ихъ Харрасовичъ.

Ему указали на цѣлое поле, какъ будто приготовленное подъ пашню и, повидимому, недавно.

Кашель-Эристъ вскрикнулъ отъ ужаса, бросился впередъ и, пробѣжавъ нѣсколько шаговъ, остановился, какъ вкопанный, — онъ точно такъ же остолбенѣлъ, какъ Трауготъ наканунѣ.

На него указывали пальцемъ, злорадно усмѣхаясь.

— Такъ ему и надо!.. Подѣломъ!..

Молодыхъ, сочныхъ всходовъ какъ не бывало! А на томъ мѣстѣ, гдѣ еще наканунѣ красовалась ихъ роскошная зелень, сегодня разстилалось бурое, кочковатое, взрытое поле...

Недаромъ всю ночь до-свѣту надъ нимъ трудился самъ хозяинъ Бютнеръ.

XXI.

До сихъ поръ артель Густава работала, такъ сказать, „поштучно“, и это поощряло рабочихъ трудиться, потому что давало имъ возможность откладывать деньги. Но вотъ уже при-

ближался сборъ хлѣба—и условія, которыя они подписали по контракту, вступали въ свою силу. Какъ ни старался инспекторъ придираться въ работѣ, какъ ни пытался онъ заставить врасплохъ своихъ „пришлыхъ“, это ему положительно не удавалось,—а слѣдовательно, и вычитать у нихъ изъ жалованья было невозможно.

При извѣстїи о новомъ порядкѣ работы, о чемъ онъ сообщилъ своимъ подчиненнымъ, послѣдніе всполошились:

— Какъ? Чтѣ? Работать безъ счету,—жать, и вязать, и складывать въ скирды, и все это—какъ онъ прикажетъ: хоть сутки напролетъ? Цѣна поденная,—вотъ и весь свазъ! Такъ мы же ему покажемъ: будемъ лѣвтяйничать, сколько нашей душѣ угодно!

Главнымъ зачинщикомъ возмущенія былъ Гешке-Карль, который и слушать не хотѣлъ доводовъ Густава, убѣждавшаго рабочихъ и работницъ не спорить противъ условія, которое они же сами, нанимаясь, подписали.

Напрасный трудъ! Гешке не унимался; онъ кричалъ, необузданно ругаясь:

— Къ чорту ихъ всѣхъ! Мы вѣдь не крѣпостные, не рабы; мы ничѣмъ съ ними не связаны! Вымогательство,—вотъ это чтѣ! Злоупотребленіе правомъ сильного...

— Ты „красный“!—упрекнулъ его Густавъ Бютнеръ.

Гешке отвѣтилъ язвительно-насмѣшливой улыбкой:

— А „красные“ все-таки не такая дрянь, какъ „золотые“!—возразилъ онъ.

Наконецъ, инспекторъ явился въ рабочимъ и объявилъ рѣзкимъ тономъ, что съ завтрашняго дня начинается новый порядокъ.

— Завтра надо жать рожь! И чтобы все у меня было исправно: опозданій не потерплю! А не то—вычту изъ жалованья и прогоню въ ту же минуту!

Онъ стегнулъ лошадь и такъ круто повернулъ ее, что въ лицо рабочимъ полетѣлъ песокъ и комки земли.

Странной, особенной улыбкой проводилъ его Гешке-Карль:

— Смотри ты, мелюзга! Какъ бы ты на этомъ не обжегся! Если мы и выйдемъ завтра въ поле до пяти часовъ, такъ единственно по своей доброй волѣ. Если же тебѣ нужно, чтобы мы работали дольше положеннаго срока, ты можешь попросить объ этомъ,—да полюбезнѣ! Такъ-то, мой миленькій!

На утро не всѣ согласились выйти на работу на зарѣ, до пяти часовъ, и главаремъ несогласныхъ оказался Гешке-Карль.

— Въ условїи ничего не сказано про лишніе часы!—твердили они, съ его словъ.—Рабочій день всегда начинается съ

пяти утра и длится до семи вечера. Если насъ не попросятъ, мы ни минуты лишней не намѣрены работать!

Положеніе Густава было крайне непріятное. Онъ не могъ ничего возразить на доводы Гешке-Карла; идти противъ товарищей ему не хотѣлось; а исполнять условленное и не возстановлять инспектора противъ себя и противъ своихъ онъ даже считалъ своей обязанностью. Тяжелѣе обыкновеннаго почувствовалъ онъ на себѣ отвѣтственность, сопряженную съ его должностью. Однако, онъ далъ рабочимъ обѣщаніе передать ихъ требованія инспектору.

Во время полдничанья Густавъ явился къ начальству, и на удивленный вопросъ послѣдняго, что случилось, тотчасъ же приступилъ къ дѣлу.

— Какъ? Что?—въ ярости закричалъ тотъ, узнавъ, въ чемъ ихъ запросъ.—Вы меня обманули, и смѣете еще предъявлять свои требованія! Да я васъ всѣхъ сейчасъ могу прогнать, безъ дальнихъ размышленій! „Лишнее“?! Ни пфенига не получите вы за лишніе часы; а кто ровно въ четыре часа утра не будетъ на мѣстѣ,—съ того я вычитаю три марки штрафа! Ахъ, вы, негодные бродяги! Ну, впрочемъ, съ вами нечего церемониться: найдется и на васъ управа!

Густавъ прослушалъ до конца угрозы и ругательства инспектора, круто повернулъ назадъ, молча, и вернулся къ своимъ, чтобы передать имъ свой разговоръ съ инспекторомъ.

Въ негодованіи, Гешке, отъ лица всѣхъ, заявилъ, что единственный отвѣтъ на такое оскорбленіе—бросить работу! Густавъ, не менѣе ихъ оскорбленный, однако, опасался такой рѣшительной мѣры; можетъ быть, потому, что другимъ нечего было терять, а у него за плечами были Густя и жена!.. Но Гешке съумѣлъ и къ нему подойти съ его слабой стороны: онъ увѣрилъ надзирателя, что ему не столько важно возразить на личную обиду, сколько на поправное право справедливости.

— Честные, правые люди *должны* восторжествовать! Злу и несправедливости сопротивляться—вотъ долгъ каждого порядочнаго человѣка!

Съ этими доводами, какъ человѣкъ въ высшей степени совѣстливый, Густавъ не могъ не согласиться.

— Уррр-ра! Мы устроимъ стачку! — возликовалъ Гешке-Карлъ и, не откладывая дѣла въ долгій ящикъ, тотчасъ же обратился къ своимъ сотоварищамъ съ горячею рѣчью, сплошь начиненною плохо переваренными и сбивчивыми извлеченіями изъ газетныхъ статей; и чѣмъ меньше понимали они въ его

Филиппикъ, тѣмъ больше имъ казалось, что на нихъ убѣдительно дѣйствуютъ его слова. Дѣвушки—и даже самостоятельная, разсудительная Эрнестина—всѣ теперь были на его сторонѣ.

Въ заключеніе, работники-пришельцы бросили недожатый хлѣбъ лежать въ полѣ и вернулись прямо въ свои казармы.

Работники развалились на травѣ передъ домомъ, поку-ривая папиросы. Работницы поднялись въ свою спальню и занялись шитьемъ. Вскорѣ изъ открытыхъ оконъ донеслись тихіе звуки ихъ пѣсенокъ. Снизу къ нимъ присоединились, сначала негромко, глубокіе голоса мужчинъ; затѣмъ все смѣлѣе и громче, пока не слились въ одну общую пѣсню звонкіе голоса дѣвушекъ и мужскіе могучіе баритоны и басы. Вдругъ дѣвушки испуганно вскрикнули: снаружи къ нимъ въ окно просунулись чьи-то косматыя, смѣющіяся головы. То были мужчины, взобравшіеся по выступамъ и по карнизамъ до самаго подоконника. Насладившись до-сыта своими гримасами и испугомъ молодыхъ работницъ, Гешке и К^о спрыгнули на землю и опять улеглись на травѣ, представляя солнцу полную свободу жечь ихъ оголенные руки и ноги.

Вдругъ они съ крикомъ вскочили: ихъ обдало струями холодной воды, и они успѣли только замѣтить пестрыя юбки дѣвушекъ въ ту минуту, какъ тѣ съ громкимъ смѣхомъ исчезли за угломъ дома. И долго еще продолжалась веселая возня на самой незатѣйливой подкладкѣ.

Одному только Густаву было не до смѣха; онъ тревожился за судьбу своей семьи. Подъ-вечеръ его позвалъ къ себѣ инспекторъ, а товарищи напутствовали его своими благословеніями и совѣтами.

— Держи ухо востро!.. Смотри, не поддавайся!.. Не про-дешеви!..

Инспектору, признаться сказать, тоже было невстати остаться безъ рабочихъ въ страдную пору, и его тревожило, вдобавокъ, чтобы другія артели (на землѣ Гальштедта ихъ работало нѣ-сколько) не пристали къ этой.

При свиданіи съ Густавомъ, онъ велѣлъ повторилъ ему тре-бованія возмущившихся.

— Гм!.. Еслибъ это отъ меня зависѣло,—проговорилъ онъ, почесывая за ухомъ,—я бы готовъ все, что угодно, для васъ сдѣлать; но у г. Гальштедта свои воззрѣнія на этотъ предметъ, и на прибавку за лишніе часы онъ ни за что не согласится...

— Такъ я могу къ нему пойти и переговорить, — предло-жилъ Густавъ.

— Послушайте, Бютнеръ! Вы человѣкъ разсудительный и,

конечно, поймете, что лучше всего намъ попробовать сначала обойтись безъ него; вмѣшательства и личныхъ переговоровъ съ подчиненными онъ не допускаетъ, и ваше появленіе могло бы вамъ самимъ повредить. Вы, какъ старшій надъ своими рабочими, имѣете на нихъ большое вліяніе: постарайтесь ихъ уговорить, и убѣдить, и успокоить. А если все устроится,—будьте увѣрены, я ужъ позабочусь, чтобы, по окончаніи страдной поры, вамъ выдана была награда!

Но Густава не легко было поддѣть; и, вдобавокъ, онъ былъ слишкомъ честный и слишкомъ осторожный человѣкъ для того, чтобы нанести ущербъ товарищамъ, или такъ скоро сдаться. Такъ обѣ стороны и разошлись, не убѣдивъ ни въ чемъ одна другую.

На зарѣ, мимо казармы, въ которой жила артель изъ Гальбенау, со стукомъ и тяжелымъ грохотомъ прокатили рабочіи телеги въ дальнюю часть помѣстья.

Гешке и его товарищи приподняли головы съ подушекъ, разбуженные стукотнею, но только перевернулись на другой бокъ и крѣпче прежняго сладко уснули.

Стачку рѣшено было продолжать... опять-таки по настоянію Гешке, который уже успѣлъ разузнать, что для владѣльца въ такую горячую пору ихъ уходъ—бѣда и чуть что не разоренье!..

— Ужъ я сдумалъ бы заставить ихъ плясать по моей дудкѣ! — ораторствовалъ онъ.—Только смотрите: не робѣть, не смиренничать! Сами ставьте категорическія требованія этимъ упитаннымъ богачамъ и покажите имъ, что рабочій конца XIX вѣка—не какой-нибудь „пѣшка“ или конюхъ, имъ подвластный! Пора и „маленькому“ человѣчку уяснить себѣ свои преимущества. Небось, до сей минуты „великіе“ міра сего, „людоѣды“, только „сливки снимали“ со всего, съ чего только возможно!..

Но всѣ эти горячія рѣчи разбивались о гранитную твердыню здраваго смысла Густава. Политическія убѣжденія, которыя другъ его хотѣлъ провести на дѣлѣ,—оставляли его безучастнымъ.

„Не полезны онѣ, и даже опасны! — думалъ онъ.—Только бы намъ добиться своего,—должнаго и вполне праваго“!

Въ тотъ же день, еще утромъ, инспекторъ лично явился въ казармы и пожелалъ видѣть надзирателя. На этотъ разъ ихъ переговоры были коротки: начальство согласилось на всѣ желанія рабочихъ, и часъ спустя, работа уже кипѣла на пашнѣ, какъ и прежде.

Пришла пора собирать пшеницу.

Во время полдничанья за кушаньемъ обыкновенно ходила въ казарму которая-нибудь изъ двѣхъ, поочередно. Сегодня была очередь Эрнестины.

На башенныхъ часахъ пробило двѣнадцать, и каждый изъ рабочихъ спѣшилъ скорѣе найти себѣ удобное мѣстечко въ глубокой канавѣ, окаймлявшей дорогу. Мужчины лежали на спинѣ, защищаясь отъ солнечнаго зноя потертой фуражкой, наброшенной на лицо; женщины подставляли солнечнымъ лучамъ свои обнаженные руки и ноги и ограждали голову и щеки пестрымъ, ярко-цвѣтнымъ платочкомъ. Всѣ онѣ слишкомъ истомились для того, чтобы разговаривать между собою, и молча, лежа, поджидали, когда имъ принесутъ „полдникъ“. Шутка ли, не разгибаясь, проработать, — да еще на солнцепекѣ, — съ четырехъ часовъ утра и до полудня!...

Одинъ только Гешке не улегся съ товарищами въ придорожный ровъ; онъ незамѣтно отошелъ въ сторону и продолжалъ идти впередъ, не спѣша, но только до тѣхъ поръ, пока его видно было; а тамъ — гигантскими шагами, поспѣшно уходя все дальше и дальше, какъ человѣкъ, который горячо стремится скорѣе добраться до своей завѣтной цѣли. Наконецъ, ему на встрѣчу издали показалась женская фигура; на плечахъ у нея мѣрно покачивалось коромысло, а на немъ — двѣ плетеныхъ корзины. Это шла изъ казармы въ поле Эрнестина.

Крикъ радости вырвался изъ груди Гешке-Карла, и онъ прибавилъ шагу. Она тоже замѣтила его, поставила на землю корзины и, подбоченись, поджидала на мѣстѣ, чтобы онъ поровнялся съ нею; повидимому, эта встрѣча съ бородатымъ малымъ не испугала, даже не смутила ее, — скорѣе наоборотъ!

Эрнестина повернулась къ нему своимъ молодымъ, смѣющимся лицомъ, и веселая усмѣшка, полураздвинувъ ея свѣжія губы, обнаружила два ряда сверкающихъ бѣлыхъ зубовъ.

Гешке бросился къ ней, схватилъ ее всю въ свои могучія руки и обнялъ, приподнимая на воздухъ, а въ заключеніе сорвалъ съ ея губъ горячій поцѣлуй. Но и это, повидимому, не было для нея дѣломъ новымъ или хотя бы необычнымъ. Она спокойно поправила на головѣ свой красный платочекъ, который съѣхалъ на затылокъ, и такъ же спокойно объявила:

— Будетъ съ меня корзины волочить. Устала! На, понеси-ка!

Гешке охотно согласился и добродушно взвалилъ на себя ея ношу. Легкимъ шагомъ пошла впереди него Эрнестина; онъ

глазъ не могъ оторвать отъ ея стройнаго, гибкаго и сильнаго дѣвичьяго стана, красоту котораго онъ угадалъ, какъ настоящій знатокъ женскихъ совершенствъ, — угадалъ, несмотря на грубую и скучную одежду, которая ихъ прикрывала, на загорѣлыя, трудовыя руки и загорѣлыя, пыльныя ноги...

Легкомысленный и вѣроломный сердцеѣдъ, наконецъ, самъ попался. Привыкшій властвовать надъ другими, онъ всецѣло былъ во власти этой семнадцатилѣтней дѣвушки-простушки. Несмотря на свою крайнюю юность, Эрнестина умѣла обуздывать его порывы; желанье его, чтобы она ему принадлежала, еще не исполнилось... А между тѣмъ, какъ горячо онъ ее полюбилъ!.. Ради нея, онъ поступилъ въ артель; ради нея, онъ такъ долго жилъ на одномъ мѣстѣ, и не билъ баклуши, а дѣйствительно работать...

„Все! Все, что угодно! Я на все пойду, лишь бы не разставаться съ нею“, — думалъ онъ то-и-дѣло!..

У Эрнестины, можно смѣло сказать, всегда была голова на плечахъ.

— Вотъ еще! — разсуждала она. — Ну, стѣитъ ли того, чтобы себя погубить ни за что, ни про что, какъ Тони, напримѣръ. Броситься на шею первому встрѣчному? Этому не бывать! Нѣтъ! нѣтъ!

Гешке ей нравился, какъ веселый другъ и товарищъ; но, какъ онъ ни ластился, она никогда не теряла самообладанія. Вотъ и теперь, ей было весело смотрѣть, какъ онъ шагаль впереди нея, съ непрошеною ношей на плечахъ. Вотъ и теперь, что бы ни говорилъ онъ, она только весело смѣялась...

„Вотъ вѣдь всегда такая! — думалъ онъ съ досадой. — Кажется, вотъ ты ее поймаешь, — только-бы удержать въ рукахъ!.. Не тутъ-то было!.. Она ускользнетъ, какъ вьюнъ, — и была такова!“

Не разъ ему случалось звать ее съ собой, потанцовать и погулять въ воскресный день, куда всѣ ходятъ, въ Гадербаумъ; но она не хотѣла!

— Да полно же! Что тутъ зазорнаго проплясать при всѣхъ? — уговаривалъ ее Гешке-Карль. Эрнестина хотя любила танцовать, но не любила часто доставлять это удовольствіе мужчинамъ. Сегодня тоже все краснорѣчіе ревностнаго поклонника пропало даромъ. Она хихикала; она не говорила на его предложенія ни да, ни нѣтъ!

На сердцѣ у него кипѣла злость; онъ въ ярости готовъ бы разорвать ее, проглотить! Да жалъ: чортъ ее побери, она такъ миловидна!

Недалеко, въ сторонѣ отъ дороги, стояло нѣсколько большихъ копенъ ржи, которыя видѣлись на полѣ издалика. При видѣ ихъ, у Гешке-Карла блеснула счастливая мысль, которую онъ тотчасъ же принялся приводить въ исполненіе. Онъ вдругъ оставился и проговорилъ:

— А здѣсь, въ тѣни, не дурно бы и отдохнуть немножко. Пусть наши обождутъ; успѣютъ еще пополднивать. Авось не уйдутъ!

Оба подошли подъ сѣнь копенъ, и Гешке спустилъ на-землю обѣ корзины.

— А хорошо здѣсь! — воскликнулъ онъ и, обхвативъ ее обѣими руками, принялся цѣловать, не отрываясь.

Сначала Эрнестину это забавляло; она смѣялась, но потомъ стала на-сторожѣ и полупшутливо, однако строго объявила:

— Обрилъ бы бороду сперва!

— Да хоть сейчасъ! Только ты тогда должна мнѣ сдѣлать удовольствіе...

— Какое?

— Обойми хоть разъ!..

— Негодный, ты, дрянной...

— Чтѣ-жъ тутъ дурного, если ты меня любишь?

— Отстань ты, убирайся!

— Да никого вѣдь нѣтъ! Никто насъ не увидитъ...

Но слабенькая на видъ дѣвушка отстраняла его скорѣе своимъ леденящимъ взоромъ, нежели руками; и рослый, здоровенный малый ничего не могъ сдѣлать; ему оставалось только покориться.

Побѣдительница неудержимо покатила со смѣху и принялась подшучивать надъ нимъ. Это подѣйствовало на него, какъ свѣжая струя воды на пламя. Страсть его вспыхнула съ необузданной силой.

— Ну, полно! Ну, чего ты? Нѣчего кривляться! Вставай, не то всѣмъ можетъ показаться страннымъ, куда мы вдругъ запропастились.

— Мнѣ дѣла нѣтъ до *всѣхъ*! И не пойду я къ нимъ,—вотъ чтѣ! Ты слишкомъ мучаешь меня; ты мною помыкаешь... Я отъ тебя уйду, сбѣгу совсѣмъ—и все тутъ!

Въ его голосѣ весьма удачно зазвучали нотки искренней тоски и негодованія. Эрнестина стала рядомъ съ нимъ на колѣни, погладила его по взъерошенной, склоненной головѣ. Весь красный, онъ поднялъ на нее глаза и обвилъ ее станъ обѣими руками.

— Нѣтъ, я не вынесу! Я съ собой покончу! — повторялъ онъ въ отчаяніи.

— Ахъ, да чего ты, наконецъ, присталь?—спрашивала она въ то время, какъ сильный малый обнималъ ее.

— Да не прикидывайся, что ты такъ глупа! — ужъ прямо въ ухо прошептала онъ ей...

Вываться изъ его объятій было невозможно.

XXII.

Въ кругу рабочихъ, которые были подъ началомъ у Густава, бывали всякаго рода происшествія, разнообразившія ихъ трудовую жизнь; случались ссоры, недомолвки, мелочныя обиды, игра въ любовь и даже настоящая, пылкая ревность. Но въ качествѣ надзирателя или „старшого“, Густавъ не могъ всего провидѣть; тѣмъ болѣе, что любовныя шашни велись съ опаскою и съ тѣмъ расчетомъ, чтобъ онъ не могъ о томъ ничего заподозрить.

Всѣ трое работниковъ-мужчинъ были не особенно дружны между собою. Гешке-Карлъ сразу такъ себя поставилъ, что никто не смѣлъ къ нему подступиться; никто и не подумалъ бы тягаться съ нимъ. Вельке, бывшій конюхъ, былъ еще очень юный малый, съ нѣжнымъ цвѣтомъ лица и такой застѣчивый, что заигрываніе дѣвушекъ вызывало густѣйшую краску у него на щекахъ; а тѣ, замѣтивъ его крайнее смущеніе, еще больше (и, какъ всегда, нарочно) къ нему приставали. Третій изъ работниковъ, бывшій кузнецъ—Фумфакъ, былъ рослый, грубо сложенный дѣтина, скупой на слова, тяжеловѣсный, какъ вольтъ, и, какъ вольтъ, неуязвимый. Онъ въ состояніи былъ цѣлый Божій день палецъ о палецъ не ударить и не разѣвать рта ни для чего, кромѣ ѣды или зѣвка. По ночамъ же, наоборотъ, голосъ его звучно раздавался по всей казармѣ и не давалъ покоя остальнымъ. Фумфакъ оглушалъ стѣны своимъ неистовымъ храпѣньемъ. Но и у этого колосса была своя *любовь*. Онъ даже для того и поступилъ въ артель, чтобы не упускать предметъ изъ виду; собственно, ревновать было не къ кому и даже излишне: его возлюбленная была поразительно дурна.

Впрочемъ, ихъ любовныя отношенія были мало замѣтны. Оба были неразговорчиваго десятка; она заботливо пила и чинила ему бѣлье и платье, и половину своей порціи скармливала этому ненасытному обжорѣ. Въ теченіе недѣли они мало бывали вмѣстѣ, а по воскреснымъ днямъ онъ „выводилъ“ ее гулять: не сгибша

шелъ онъ по-полю, впереди нея, а она — немного отставая отъ него, но шагъ за шагомъ. Безмолвно, безучастно *цуля* такимъ образомъ эта любовная парочка.

Другихъ „парочекъ“ въ артели не было замѣтно, несмотря на то, что Гешке считался у дѣвушекъ интереснымъ малымъ; впрочемъ, Гешке относился къ нимъ равнодушно, и это радовало молодого надзирателя.

„Я еще съ гарнизона его знаю, — думалъ онъ. — И если кто пользовался у женщинъ неизмѣннымъ успѣхомъ, такъ это Гешке-Карлъ. Онъ избалованъ вниманіемъ женщинъ, — ну, и понятно, смотрѣть не хочетъ на артельныхъ работницъ. Тѣмъ лучше; а не то пришлось бы намъ такого наглядѣться!“

Случилось какъ-то надзирателю замѣтить, что постель пріятеля пуста въ ночное время; но и это не особенно его смутило.

„Тѣмъ лучше! — рассуждалъ онъ: — если котъ и блудитъ на сторонѣ, намъ же спокойнѣе; лишь бы у насъ въ артели было тихо“.

Въ одну прекрасную лунную ночь Густавъ, противъ обыкновенія, никакъ не могъ заснуть. Маленькій Густя спалъ что-то тревожно; онъ плакалъ и кричалъ, и отцу пришлось помогать матери успокаивать его. Послѣ того отцу никакъ не удавалось успокоиться и заснуть самому.

Вдругъ Густавъ прислушался, насторожилъ уши... Ему слышался какой-то странный, подозрительный шорохъ вдоль стѣны, словно шуршанье или поскребыванье снаружи, сверху внизъ... Вотъ точно кто-то упалъ или стукнулъ ногой объ землю... Чуть слышныя, глухіе стукі!

Въ умѣ у Густава тотчасъ же пронеслось:

— Не кто другой, какъ Гешке!

На мигъ затихли звуки и снова раздались, но ужъ съ другой, съ дѣвичьей стороны казармы... Комната надзирателя помѣщалась между мужской и дѣвичьей спальней.

Густавъ поднялся, стараясь не шумѣть, и, крадучись, подошелъ къ окну. Передъ нимъ, внизу, у стѣны, стояла чья-то мужская фигура. Лунный свѣтъ падалъ прямо въ лицо Гешке-Карлу.

Послѣдній смотрѣлъ вверхъ, въ окно „дѣвичьей“, и дѣлалъ кому-то знаки. Присмотрѣвшись внимательнѣе, Густавъ убѣдился, что вдоль стѣны колышется какой-то предметъ, который что-то очень ужъ напоминаетъ толстую веревку. Кровь бросилась въ голову надзирателю:

„Веревочная лѣстница! Дѣло знакомое! На маневрахъ чего не выдѣлывали?.. Этотъ мерзавецъ разсчитываетъ, очевидно, взобраться наверхъ, туда... въ дѣвичью! Еще вчера я съ вечера заперъ ихъ помѣщеніе на ключъ... На выдумки онъ мастеръ, этотъ Гешке-волокига! Пришлось намъ на одной стоянѣ испытать такую строгость, что управляющій того имѣнья собственноручно запиралъ по ночамъ своихъ дѣвушекъ-работницъ. Чтѣ же придумалъ Гешке, чтобъ до нихъ добраться? Онъ никогда ни передъ чѣмъ вступикъ не станетъ! Такъ было и тогда: онъ ночью отвязалъ коровъ, и онѣ, какъ шальные, помчались вонъ изъ хлѣва и принялись метаться по двору, мыча ужасно. Чтѣбъ ихъ поймать и отвести на мѣста, инспектору пришлось прибѣгнуть къ помощи работницъ. А въ это время мы съ Карломъ оба пробрались въ ихъ помѣщеніе,— чтѣ намъ и надо было“!

Всего досаднѣе было теперь Густаву, что Гешке-Карлъ задумалъ его провести, да еще въ такомъ дѣлѣ, которое обоимъ было хорошо знакомо.

„Постой, посмотримъ, чтѣ онъ затѣваетъ? Можетъ быть, и удастся увидать, къ кому онъ такъ стремится“?

Какъ бы въ отвѣтъ на желаніе Густава, на освѣщенномъ мѣстѣ, на стѣнѣ явилась темная, узкая тѣнь. На первый взглядъ казалось, что она неподвижна въ воздухѣ и повисла надъ землею; но затѣмъ можно было ясно различить, что тѣнь бросила веревку внизъ.

„Не можетъ быть! Мнѣ померещилось! Гешке и... сестренка Эрнестина? Нѣтъ, нѣтъ: она—совсѣмъ дитя... Великій Боже!.. это она, она“!..

У брата на глазахъ она проворно и ловко соскользнула внизъ, вдоль по веревкѣ, и на одно мгновеніе качнулась въ воздухѣ, не касаясь земли ногами и выпуская изъ рукъ веревку... Мужская тѣнь приняла ее въ свои открытыя объятія и удержала въ нихъ на минутку свою возлюбленную, прежде чѣмъ выпустить ее изъ рукъ. До Густава долетѣлъ задорный шопотъ и смѣхъ...

Ошеломленный такимъ чудовищнымъ открытіемъ, Густавъ стоялъ на мѣстѣ неподвижно.

„И какъ это я раньше ничего не замѣчалъ?!—думалъ онъ, какъ будто въ этомъ и была главная для него обида.—Вотъ погодите! Ужъ я же вамъ насолю“!

Влюбленные, при свѣтѣ луны, обнимались и осыпали другъ

друга поцѣлуями. Эрнестина обвила руками шею восматого, бородатого бродяги и цѣловала его, прижимаясь къ нему.

„Такой ребенокъ, а уже понимаетъ искусство ластиться!.. Цѣлуются какъ птички... Чортъ ихъ поberi“!..

Но на душѣ у Густава шевелились и другія чувства, кромѣ озлобленія; его терзали разныя мысли, а между тѣмъ изъ глубины прошедшаго напрашивались и воспоминанія о его собственномъ запретномъ счастьѣ, о его собственной любви... Но въ то же время братскія чувства подсказывали упорно, что онъ обязанъ вступить за сестру.

„Ей вѣдь всего семнадцать лѣтъ, а Гешке—старый грѣховодникъ!.. А, да ну ихъ? Къ чорту ихъ обоихъ! Ужъ и водили они меня за носъ! Вотъ, какъ они тѣшатся между собою своимъ умѣньемъ меня надувать“!

Влюбленная парочка подъ-руку двинулась впередъ, подальше въ поле.

„Пора! Пора на что-нибудь рѣшиться“!—и Густавъ встряхнулъ съ себя невольное оцѣпененіе, которому онъ поддался съ момента неожиданнаго и прискорбнаго отертыя. Проворно натянувъ на себя пиджакъ, онъ надѣлъ сапоги...

Полина вдругъ проснулась и тревожно окликнула его.

— Куда ты это ночью?

— Кто-то вылѣзъ изъ окна,—грубо отвѣтилъ мужъ.

Полина еще больше испугалась.

— Да кто же, кто?

Но мужу не хотѣлось признаваться, что это Эрнестина: ему было больно и стыдно за сестру. Онъ отвѣчалъ уклончиво:

— Одна изъ дѣвушекъ... не разглядѣлъ! А негодяй—вашъ Гешке!

Полина зажгла лампу и, стоя передъ мужемъ, смотрѣла на него испуганно, пытливо.

— Останься, не ходи! — умоляла она. — Не ходи, Густя! Прошу тебя, не надо!—но Густавъ грубо оттолкнулъ жену, напомнивъ ей, что онъ вѣдь надзиратель, и долженъ строго исполнять свою обязанность.

Въ послѣдній разъ схватила его за руку Полина на порогѣ.

— Не трогай Эрнестину! — отчаянно вырвалось у нея, и долго вслѣдъ звенѣли у него въ ушахъ ея слова.

Быстро ринулся Густавъ внизъ по лѣстницѣ и не особенно удивился, что входная дверь, которую онъ самъ заперъ на ключъ, была только притворена.

„Ну, понятно, для Гешке-Карла не велика премудрость

включь поддѣлать! И жена тоже не стѣсняется обманывать меня! Ей, значить, уже давно извѣстны шашни Эрнестины“...

Злость, ярость овладѣла имъ... Только бы подъ руку они попались!.. И Густавъ бросился впередъ, не разбирая, туда ли онъ стремится, куда они бѣжали. Но ихъ и слѣдъ простылъ: они успѣли скрыться.

„Давно бы мнѣ пора замѣтить... не сегодня! — горячился онъ.—Полина, и та уже съ ними за-одно! Почему знать, кому еще извѣстны ихъ прекрасныя дѣла? Я одинъ ничего не могъ подозрѣвать. Я и остался въ дуракахъ! Нечего сказать, хорошъ надзиратель, который у себя подъ носомъ ничего не видитъ“!

Въ горячности онъ не видалъ даже, куда летитъ, какъ вдругъ на перекресткѣ по неволѣ пришлось остановиться. Куда дѣвались бѣглецы? Чтò есть по близости такое, куда они могли бы скрыться? Ахъ, да: сѣнной сарай! Странно, что онъ давно объ этомъ не подумалъ...

Этотъ сарай, полуразрушенный и уже старый, стоялъ посреди поля, и въ обыкновенное время туда прятали всевозможныя полевыя орудія, а въ дождливую погоду прятались туда и сами рабочіе, спасаясь отъ дождя и града... Густавъ былъ увѣренъ, что его догадка подтвердится, и скорымъ шагомъ направился прямо туда. Мѣсяцъ обливалъ поле яркимъ свѣтомъ, и подойти къ сараю незамѣтно было невозможно.

И въ самомъ дѣлѣ, за нѣсколько шаговъ Густавъ замѣтилъ, что дверь пріотворилась осторожно и въ щели быстро показалась бородастая, мужская голова, но такъ же быстро скрылась. Мигомъ Густавъ очутился у двери и навалился на нее всѣмъ тѣломъ; но дверь не подавалась.

— Эй, отпирайте! Живо!—приказалъ онъ; но дверь не отворилась,—только послышался горячій, возбужденный шопотъ.

Ярость волной нахлынула и охватила обманутаго брата. Онъ отступилъ на нѣсколько шаговъ и со всего разбѣгу навалился на дощатую дверь сарая. Гнилое дерево разомъ подалось и затрещало, расщепляясь... Еще минута—и всѣ трое очутились лицомъ въ лицу.

Мужчины готовы были ринуться другъ на друга и, тяжело дыша, сжимали кулаки; дѣвушка въ испугѣ цѣплялась за своего милаго, отдаваясь подъ его защиту.

Густавъ былъ внѣ себя отъ гнѣва; одно движеніе, одинъ вызывающій взглядъ виноватаго,—и дѣло дошло бы до кровопролитія. Но Гешке, истинный знатокъ изгибовъ человѣческаго сердца, опасался чѣмъ бы то ни было раздражить противника.

Во всякомъ случаѣ, самымъ желательнымъ и самымъ выгоднымъ было для него сохранить съ братомъ Эрнестины миролюбивыя отношенія.

Гешке-Карлъ, какъ бы подавленный случившимся и своей виною, потупился, низко, беспомощно опустил голову и молча стоялъ передъ надзирателемъ, какъ передъ праведнымъ судьей кающійся грѣшникъ.

Его хитрый расчетъ удался вполнѣ: Густава подкупило его притворное смиреніе. Тѣмъ не менѣе, онъ сознавалъ, что долженъ дѣйствовать, долженъ хоть чѣмъ-нибудь проявить свой авторитетъ... И градомъ полился гнѣвный потокъ его ругательствъ. Въ эту минуту въ него вселился необузданный, гнѣвный духъ его отца; даже проклятія и брань складывались у него въ тѣ же выраженія, какія онъ, бывало, съ самаго дѣтства слышалъ отъ старика Траугота.

Откуда взялся вдругъ у обоихъ влюбленныхъ тотъ запасъ смиренія, съ какимъ они, склонивъ голову, слушали Густава?.. Но вотъ онъ кончился, и у Эрнестины нашелся цѣлый потокъ краснорѣчія для того, чтобы оправдать поведеніе любимаго человѣка.

— Развѣ мы дѣлаемъ что-нибудь дурное? — въ заключеніе сказала она. — Развѣ позоръ или преступленіе честно любить другъ друга?

Гешке былъ пораженъ, до чего горячо и находчиво приводила она его собственные доводы и убѣжденія; ему не стоило брать на себя защиту, ему больше ничего не оставалось говорить.

„Однако, скоро все себѣ можетъ усвоить это бабье“! — невольно думалъ онъ.

Густавъ не выдержалъ, прикрикнулъ на сестру:

— Ты глупая дѣвчонка, вотъ ты что! Ужъ я выбью изъ тебя всю эту дурь, — увидишь!

Но Эрнестина только разсмѣялась.

— Кто можетъ запретить мнѣ полюбить, кого я захочу? Только не ты, конечно! Ты самъ же первый подаль намъ примѣръ!..

Густавъ былъ пораженъ самоувѣренностью маленькой сестренки, и чувствовалъ, что на словахъ ее не одолѣешь.

— Ступай за мною! Маршъ!.. Ужъ я тебѣ... — не долго думая, приказалъ онъ сурово и, ухвативъ сестру за руку, какъ пойманнаго воришку, повелъ вонъ изъ сарая. Гешке послѣдовалъ за ними.

— Ну, ты, пусти! — сказала брату Эрнестина. Онъ жалъ ей руку, точно въ кандалахъ. — Пусти! Я обещаю, что не убѣгу! Я ничего и никому не сдѣлала дурного!

Густавъ отпустилъ ея руку, и всѣ втроемъ пошли по полю рядомъ. Озлобленіе давно улеглось, а природное добродушіе вернулось къ Густаву и подсказывало ему въ оправданіе виновныхъ только такіе доводы, которые должны были смягчить его гнѣвъ. И въ самомъ дѣлѣ, думалось ему, развѣ они дѣлаютъ что-нибудь такое уже особенно дурное?

Весьма возможно, что Гешке догадывался о происходившемъ въ душѣ брата Эрнестины, потому что, какъ бы подслушавъ его мысль, проговорилъ:

— Я вѣдь не кто другой... Я вѣдь ея женихъ и пойду съ нею подъ вѣнецъ.

— Ну, братецъ, это старая пѣсня! Всѣхъ дѣвушекъ, которымъ ты пѣлъ про женитьбу, и не перечесть. Да, наконецъ, я еще не настолько съ ума спятилъ, чтобы отдать свою сестру за бездомнаго скитальца!

Придя домой, всѣ трое, по возможности стараясь не шумѣть, прошли къ себѣ: Гешке прокрался на мужскую половину, а Густавъ тихонько вошелъ къ себѣ въ спальню, взявъ туда и Эрнестину.

Замѣтно встревоженная, Полина встрѣтила обоихъ на порогѣ. Но мужъ былъ молчаливъ и круто обрывалъ ея разспросы.

Женщины обмѣнялись многозначительнымъ взглядомъ, но Густавъ Бютнеръ ничего не замѣтилъ.

Нѣсколько дней длилось какое-то неладное настроеніе между надзирателемъ и подчиненными. Густавъ ходилъ мрачный, еле говорилъ, а съ Гешке-Карломъ рѣшительно не хотѣлъ разговаривать; съ сестрой онъ обращался, какъ съ послѣдней изъ работницъ, а по ночамъ особенно старался всюду быть, все видѣть: онъ по два, по три раза вскакивалъ съ постели, осматривалъ мужскую спальню и крадучись подслушивалъ у дверей дѣвичьей. Тяжелѣе всего отзывалось положеніе дѣлъ на Полинѣ; чаще прежняго раздражался Густавъ, приговаривая то-и-дѣло:

— Ну, да! Ты ужъ, конечно, съ ними за-одно!

Никакихъ извиненій, никакихъ объясненій онъ и слушать не хотѣлъ; а на увѣренія, что Гешке-Карлъ имѣетъ честное намѣреніе жениться, онъ краснѣлъ какъ ракъ и выходилъ изъ себя:

— Знаю я его, знаю! Три года съ нимъ служилъ!—Однако, въ дальнѣйшія поясненія не пускался.

Ко всѣмъ этимъ тревоженіямъ прибавило еще не мало письмо Кашнеровой-вдовы къ Полинѣ.

„Любезная дочь моя!—писала она:—Берусь за перо, чтобы писать къ тебѣ. Здѣсь безъ васъ стало очень безлюдно и происходить все такія вещи! Графское семейство опять вернулось изъ Берлина и они живутъ у себя въ имѣніи; и графинюшки обѣ съ ними также; и мамзель-Бумиллу я уже ходила навѣщать, и она просила тебѣ низко кланяться. Графиня Ванда объявлена невѣстой, и князь-женихъ уже былъ у нея... въ Саландѣ, значить. Онъ (князь-то) маленькій такой и графинюшка съ нимъ не хороша (мамзель-Бумилла, значить, говоритъ), но мы всѣ очень рады, что она идетъ за князя. Свадьба, говорятъ, будетъ роскошная; и поѣсть, и попить можно будетъ вволю, и господа изъ Берлина, и вся княжеская родня, будутъ къ намъ непремѣнно; и графскіе, и княжескіе знакомые также. Значить, будетъ вдоволь чѣмъ полюбоваться, и вся деревня ждетъ не дождется осени; тогда и свадьбу, значить, сыграютъ.

„И вотъ что еще надо тебѣ сказать: у Траугота Бютнера отобрали все имущество и всю землю,—значить, кредиторы отобрали. И старики теперь, значить, совсѣмъ одни остались. Тони уѣхала въ Берлинъ, и никто ничего про нее не знаетъ, и она сама ничего не пишетъ; а люди болтаютъ-болтаютъ всякій вздоръ. А маленькаго она отдала Терезѣ, и люди тоже за это осуждаютъ—значить, Терезу осуждаютъ, что бросила ребенка. И всѣ очень этому дивятся. А Карлъ и Тереза, и дѣти всѣ теперь живутъ въ Вермсбахѣ, и имъ оттого не легче. И старикамъ, значить, тоже нехорошо живется, и Трауготъ Бютнеръ такъ притихъ и все помалчиваетъ, и говорятъ, что онъ не совсѣмъ въ порядкѣ; люди, значить, говорятъ у него голова не совсѣмъ свѣжа. Ну, понятно, ему много пришлось потерпѣть, много пришлось портить себѣ крови, и хозяйка въ конецъ расхворалась и такъ исхудала, такъ опустилась, что страсть! Прошное воскресенье я и говорю:— „Таеъ она, какъ свѣчка; такъ, какъ свѣчка, и таеъ!“ — это я-то говорю. И вода ужъ у нея въ ногахъ стоитъ, и перекусить имъ нечего (значить, старикамъ-то), потому что Харрасовичъ купилъ все помѣстье, и имъ ничего не оставилъ, и воловъ свелъ со двора; такъ и скажи твоему Густаву. Нужда у нихъ такая, что страсть, и если добрые люди не помогутъ, такъ ужъ не знаю, что Господь Богъ еще пошлетъ въ испытаніе этимъ бѣднымъ старикамъ. Бютнеры (старики-то, значить!) были всегда чудные, честные, трудящіеся люди—и вдругъ довелось имъ дожить до такой бѣды! На деревнѣ говорятъ, что Кашель-Эрнстъ долженъ бы стыдиться, что разорилъ старика-Бютнера. Всѣ говорятъ, что онъ, а не кто другой, погубилъ его; значить, только онъ одинъ.

„А затѣмъ, въ заключеніе, извѣщаю васъ, что я жива и здорова, чего и вамъ желаю на вѣки вѣковъ. Ваша любящая мать—Клементина Кашнеръ“.

Это письмо произвело на всѣхъ сильнѣйшее впечатлѣніе.

Извѣстія съ родины приходили рѣдко, да и то молодые Бютнеры узнавали про стариковъ только изъ писемъ, которыя приходили къ другимъ работникамъ, ихъ же землякамъ; но свѣдѣнія эти были, конечно, не подробныя. Трауготъ Бютнеръ былъ не охотникъ до письменныхъ работъ и особенно недолголюбивалъ писать письма, а хозяйка и тому подавно,—тѣмъ болѣе, что теперь она ужъ не вставала. Давно томился Густавъ Бютнеръ сознаніемъ неизбежнаго и горькаго конца, который угрожалъ старику, но болѣзнь матери переполнила мѣру бѣдствій и еще болѣе поразила его.

„У отца отняли и домъ, и землю! Старики заброшены и одиноки въ своемъ горѣ! Ни дома у нихъ нѣтъ, ни хлѣба“!...—съ болью въ сердцѣ думалъ и передумывалъ Густавъ.

Письмо Кашнеровой-вдовы пошло по рукамъ всѣхъ чадъ и домочадцевъ Бютнеровскаго дома. Теперь только и разговору было, что о мѣрахъ, какія можно бы принять, чтобы помочь имъ хоть немного.

Передъ такою бѣдою сами собой отошли на задній планъ и совершенно стихли раздоры и непріятности, за послѣднее время поглощавшіе все вниманіе артели. Всѣ дружно принялись за обсужденіе вопроса, что можно сдѣлать для несчастныхъ стариковъ, и сошлись на томъ, что всего цѣлесообразнѣе собрать имъ денегъ. Каждый удѣлил на это дѣло часть того, что успѣлъ накопить; Гешке-Карлъ просилъ разрѣшенія участвовать въ сборѣ и не получилъ отказа; его деньги присоединили къ остальнымъ.

Судьба послала Густаву еще неожиданное утѣшеніе. Какъ только до дѣвушекъ-работницъ дошелъ слухъ, что родителямъ ихъ „старшдго“ плохо приходитъ, онѣ тихонько ото всѣхъ устроили между собой складчину, и въ одинъ прекрасный день принесли ему весьма значительную сумму, съ просьбой отослать ее въ Гальбенау вмѣстѣ съ остальнымъ сборомъ.

Но Густавъ не примирился съ поведеніемъ своего бывшаго друга и товарища; съ теченіемъ времени, однако, его негодованіе все-таки настолько улеглось, что онъ могъ себя принудить съ нимъ говорить.

А. Б—г—.

ПЕТЕРБУРГСКІЕ РАБОЧІЕ

И

ИХЪ ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНІЕ

ЗАМѢТКИ И НАБЛЮДЕНІЯ ВРАЧЪ.

I.

Въ 1895—96 гг. намъ привелось производить изслѣдованіе жилищъ рабочихъ въ одномъ изъ петербургскихъ пригородовъ и въ самомъ Петербургѣ—на Выборгской-сторонѣ. Между прочимъ, собирались свѣдѣнія о заработкѣ ихъ обитателей и ихъ затратахъ на квартиру и пищу—съ цѣлью хотя нѣсколько выяснитъ экономическое положеніе самихъ рабочихъ.

Въ пригородныхъ квартирахъ жили рабочіе одного большого металлическаго завода, гдѣ находятъ занятіе не одна тысяча человѣкъ. Тамъ примѣняется исключительно мужской трудъ. Въ изслѣдованныхъ квартирахъ помѣщалось 1.106 человѣкъ мужчинъ, женщинъ и дѣтей. Взрослыхъ мужчинъ тамъ было 630 человѣкъ, — 56¹/₁₀₀. Свѣдѣнія были собраны относительно заработка 209 человѣкъ: 102 семейныхъ и 107 одинокихъ. Но полученныя цифры вполне приложимы ко всѣмъ 630 рабочимъ, такъ какъ если въ одной и той же квартирѣ находилось нѣсколько человѣкъ, имѣющихъ одинаковый заработокъ, то записывался только одинъ, при чемъ подразумѣвалось, что и остальные получаютъ столько же. Въ изслѣдованныхъ квартирахъ жили преимущественно чернорабочіе.

Въ квартирахъ, изслѣдованныхъ на Выборгской-сторонѣ,

помѣщалось 1.121 чел., т.-е. приблизительно такое же число, какъ и въ пригородѣ. Изъ нихъ мужчинъ было 476, или 42% всего числа, менѣе, нежели въ пригородѣ.

Большинство жильцовъ въ квартирахъ Выборгской-стороны работали на металлическихъ заводахъ Розенкранца, Гофмарка, Растеряева и въ такъ-называемой „Лабораторіи“, гдѣ приготавлиются патроны для ружей. На послѣднемъ заводѣ, а также у Гофмарка на проволочномъ, находятъ себѣ заработокъ много женщинъ. Этимъ отчасти объясняется тотъ фактъ, что, сравнительно съ пригородомъ, взрослыхъ женщинъ въ выборгскихъ квартирахъ было больше—28% всего числа (въ пригородѣ 21,4%). Большое число женщинъ въ послѣднемъ случаѣ зависятъ также отъ того, что въ изслѣдованныхъ на Выборгской-сторонѣ квартирахъ преобладали семейные жильцы, а въ пригородѣ—одинокіе.

На Выборгской-сторонѣ извѣстенъ заработокъ 157 семейныхъ рабочихъ и 70 одинокихъ. Но и здѣсь можно повторить то же самое, что было сказано относительно пригородовъ: полученные цифры приложимы ко всѣмъ 476 человѣкамъ. Здѣсь также преобладали квартиры чернорабочихъ.

Такимъ образомъ, у насъ получились свѣдѣнія относительно заработка 1.106 человѣкъ, находящихъ себѣ занятіе на петербургскихъ заводахъ, преимущественно металлическихъ. Конечно, эта цифра очень незначительна сравнительно съ сотнями тысячъ всѣхъ петербургскихъ рабочихъ. Но если мы полученные данныя не будемъ широко обобщать и отнесемъ ихъ только къ одной группѣ рабочихъ, именно имѣющихъ занятіе на металлическихъ заводахъ, то и въ такомъ случаѣ мы можемъ нѣсколько выяснить существующее положеніе вещей.

Въ пригородѣ мѣсячный заработокъ семейныхъ рабочихъ колебался между восемью и восьмидесятью рублями. Чаще всего ихъ заработокъ былъ отъ 25 р. до 50 р. (62,7%). 27 человѣкъ (26,4%) семейныхъ получали менѣе 25 р.; 10 чел. (10%)—отъ 50 р. до 125 р. Въ среднемъ выводѣ ихъ заработокъ равнялся 35 р. въ мѣсяцъ.

Мѣсячный заработокъ семейныхъ рабочихъ на Выборгской-сторонѣ былъ отъ 10 р. до 80 р.; 69 человѣкъ (44%) получали менѣе 25 р.; 83 чел. (52,8%)—отъ 25 р. до 50 р., и 5 чел. (3,8%)—отъ 50 р. до 80 р. Въ среднемъ выводѣ ихъ получка равнялась 27 р. 60 к.

Здѣсь мы считаемъ заработокъ не одного только отца семейства, но всѣхъ членовъ: отца и сына, мужа и жены и т. д.

Изъ 157 семей на Выборгской-сторонѣ, въ 11 зарабатывали двое: 4 раза отецъ и сынъ,—общая сумма ихъ заработка отъ 30 р. до 80 р.; 1 разъ отецъ и братъ—46 р. вмѣстѣ; 1 разъ отецъ и дочь—41 руб.; 5 разъ мужъ съ женой 18—33 руб. вмѣстѣ. Въ пригородѣ изъ 102 семей въ пяти зарабатывали двое: сынъ и дочь—43 р. вмѣстѣ; отецъ и дочь—51 р.; три раза отецъ и сынъ—отъ 48 р. до 125 р. вмѣстѣ.

Въ слѣдующей таблицѣ приведены подробныя свѣдѣнія о заработкѣ семейныхъ рабочихъ:

Пригородъ:		Выборгская-сторона.	
Число семей.	Мѣсячный заработокъ.	Число семей.	Мѣсячный заработокъ.
22	8—20 р.	50	10—20 р.
21	22—25 „	24	21—25 „
17	28—30 „	35	26—30 „
4	35 — „	20	31—35 „
9	40 — „	14	39—40 „
18	41—50 „	9	41—50 „
5	51—60 „	4	52—55 „
3	70 — „	1	60 — „
1	75 — „	1	80 — „
2	80 — „		
102	35 р. средн.	158	27 р. 60 к. средн.

Эта таблица намъ показываетъ, что петербургскій семейный рабочій получаетъ меньше, нежели пригородный. Въ пригородѣ изъ 102 семей 22, приблизительно пятая часть, получали 20 р. и менѣе, а въ городѣ изъ 157 семей 50, около одной трети, зарабатывали столько же. Отъ 41 р. до 50 р. въ мѣсяцъ въ первомъ случаѣ получали 18 семей, около одной пятой, а во второмъ 9, около одной восемнадцатой. Въ среднемъ выводѣ городской рабочій получаетъ на 7 р. 40 к. менѣе пригороднаго.

При меньшемъ заработкѣ семья городского рабочаго оказывается болѣе многочисленной, нежели пригороднаго, что можно видѣть изъ слѣдующихъ цифръ:

Число человѣкъ въ семьѣ:		Число семей:	
	Городъ.		Пригородъ.
2	29	33,8%	26
3	16		25
4	24		13
5	25	64,2%	9
6	15		8
7	10		3
8	3		„
	133 семьи.		84 семьи.

Отсюда видно, что въ семьѣ городского рабочаго 2—3 человѣка встрѣчаются гораздо рѣже (33,8%), нежели у пригороднаго (60%). Въ среднемъ выводѣ городская семья состояла изъ 4,1 чел., а пригородная—изъ 3,5 чел.

Разсматривая заработокъ одинокихъ, мы видимъ, что и въ этомъ случаѣ городской рабочій получаетъ менѣе пригороднаго.

Пригородъ:		Мѣсячный
Число	человѣкъ.	заработокъ.
38	10—20 руб.
43	24—30 "
10	35—40 "
10	45—50 "
2	60 "
3	70 "
1	80 "
Итого . . 107		29 р. среднее.

Городъ:		Мѣсячный
Число	человѣкъ.	заработокъ.
53	10—20 руб.
10	21—30 "
7	34—40 "
Итого . . 70 человекъ.		22 р. среднее.

Такимъ образомъ, оказывается, что въ пригородѣ 20 руб. и менѣе получаютъ 38 чел. (35,5% одинокихъ), а въ городѣ 53 чел. (76%). Въ пригородѣ нашлось 6 человѣкъ одинокихъ, мѣсячная получка которыхъ была 45 р. и болѣе, тогда какъ среди городскихъ рабочихъ ни одинъ не имѣлъ подобнаго заработка. Въ среднемъ выводѣ пригородный одинокій рабочій получаетъ на 7 р. въ мѣсяцъ больше, нежели городской.

Сопоставляя заработокъ семейныхъ съ заработкомъ одинокихъ, мы видимъ, что въ одной и той же мѣстности петербургскій семейный рабочій получаетъ болѣе одинокаго.

Средній мѣсячный заработокъ.			
Городъ.		Пригородъ.	
Семейн.	Одинок.	Семейн.	Одинок.
27,6 р.	22 р.	35 р.	29 р.

Въ среднемъ выводѣ, пригородный одинокій рабочій получаетъ болѣе семейнаго городского. Вообще же, одинокій, городской и пригородный, получаетъ 26 р., а семейный 30 р.,—разница около четырехъ рублей въ мѣсяцъ.

Познакомившись съ величиной заработка петербургскаго рабочаго, мы теперь переходимъ къ выясненію вопроса, какъ онъ

тратить свою ежемѣсячную получку и что имѣть за данную сумму.

Неизбѣжную и немаловажную статью расхода петербургскаго рабочаго составляет расходъ на квартиру. Изъ собранныхъ статистическихъ свѣдѣній оказывается, что ему приходится затрачивать на жилище довольно значительную часть своего заработка.

Относительно квартирной платы пригородныхъ семейныхъ рабочихъ имѣются слѣдующія данныя.

Пятнадцать семей занимали отдѣльную квартиру и не держали жильцовъ. Такія семейныя квартиры состояли: семь изъ одной только комнаты, служившей вмѣстѣ и кухней, а восемь— изъ одной комнаты и кухни. Въ одной квартирѣ помѣщалось отъ 2 до 6 чел., въ среднемъ 4 чел. Плата за такую семейную квартиру колебалась между 5 р. и 10 р. въ мѣсяцъ, безъ воды и дровъ. Въ среднемъ, квартира въ одну комнату и кухню, съ водой и дровами, стояла 12 р. 70 к. въ мѣсяцъ, а въ одну комнату безъ кухни—8 р. 70 к. Среднее для обѣихъ 10 руб. 40 коп.

37 семей помѣщались въ комнатахъ, нанимаемыхъ отъ квартирохозяевъ. На одну комнату приходилось отъ 2 до 7 чел., въ среднемъ 3,4 чел. Плата за такую комнату колебалась между 5 р. и 15 р., въ среднемъ 7 р. 50 к.

115 семей занимали только одну кровать. На ней помѣщалось отъ 2 до 6 чел., въ среднемъ 2,8 чел. Плата за семейную кровать колебалась между 2 р. 50 к. и 6 р., въ среднемъ 4 руб.

Въ пригородѣ огромное большинство одинокихъ рабочихъ довольствуются полъ-кроватью. У насъ есть данныя относительно платы за 173 такихъ кроватей. Плата за полъ-кровать колебалась между 1 руб. 50 коп. и 3 руб., составляя въ среднемъ 2 р. 20 к.

36 одинокихъ рабочихъ занимали цѣлую кровать и платили за нее отъ 1 р. до 4 р., въ среднемъ 3 р. 10 к. въ мѣсяцъ.

Два раза на одной кровати помѣщалось трое, и каждый платилъ по 2 руб.

14 разъ одинокіе нанимали комнату. Въ подобныхъ случаяхъ въ ней помѣщалось отъ одного до четырехъ человѣкъ, въ среднемъ 2 чел. Плата за такую комнату равнялась 3—14 р., въ среднемъ 8 р. 20 к., что составляетъ 4 р. 10 к. на одного человѣка.

Такимъ образомъ, средняя квартирная плата пригородныхъ

семейныхъ рабочихъ колебалась между 4 р. (кровать) и 10 р. 40 к. (самостоятельная квартира), а средняя квартирная плата одинокихъ—между 2 р. (кровать на троихъ) и 4 р. 10 к. (комната) съ одного.

На Выборгской-сторонѣ, среди изслѣдованныхъ квартиръ было девять, въ которыхъ помѣщалась одна семья безъ жильцовъ. Стоимость такой самостоятельной квартиры равняется въ среднемъ 8 р. 10 к. съ водой, безъ дровъ. На топливо надо прибавить рубля три въ мѣсяцъ, такъ что она обходится около 11 р. Въ одной квартирѣ помѣщалось 2—10 чел., въ среднемъ 5, 3 чел.,

Сто разъ семья нанимала комнату отъ квартирохозяевъ. Плата за нее колебалась между 4 р. и 10 р. въ мѣсяцъ. Въ среднемъ выводѣ, такая комната стоила 6 р. 50 к. въ мѣсяцъ. Въ нихъ помѣщалось отъ 2 до 7 человекъ, въ среднемъ 3,8 чел.

Очень часто на Выборгской-сторонѣ семья занимала только одну кровать (36 разъ) и платила за нее отъ 2 р. до 5 р., въ среднемъ 3 р. 40 к. въ мѣсяцъ. Въ такихъ случаяхъ семья состояла изъ 2—5 чел., въ среднемъ—изъ 2,4 чел.

22 раза городскіе одинокіе рабочіе занимали отдѣльную комнату, въ которой помѣщалось отъ 1 до 4 чел., въ среднемъ 2,4 чел. Плата за комнату колебалась между 4 р. и 9 р., въ среднемъ—6 р. 70 к. въ мѣсяцъ, такъ что съ каждаго приходилось по 2 р. 80 к.

Если одинокій занималъ отдѣльную кровать, то онъ платилъ за нее отъ 1 р. 50 к. до 4 р., въ среднемъ 2—3 р. въ мѣсяцъ. Очень часто на одной кровати помѣщалось двое рабочихъ. Въ такомъ случаѣ они платили за кровать отъ 3 р. 20 к. до 5 р., въ среднемъ—3 р. 60 к. въ мѣсяцъ.

Какъ въ пригородѣ, такъ и на Выборгской-сторонѣ въ квартирную плату одинокихъ обыкновенно включается плата за услугу. За вышеприведенныя цѣны хозяйка обязана стирать бѣлье для своихъ жильцовъ, убирать ихъ комнаты и готовить имъ обѣдь.

Сопоставляя квартирные цѣны на Выборгской-сторонѣ съ пригородными, мы получаемъ слѣдующую таблицу:

Выборгская-сторона:		Пригородъ:	
Квартира семьи съ водой и			
дрогами	11 р. — к.	10 р.	40 к.
Комната семьи	6 р. 50 к.	7 "	50 "
Кровать семьи	3 р. 40 к.	4 "	— "
Комната одинокихъ	2 р. 80 к. съ одного	4 "	10 "
Кровать на одного	2 р. 30 к.	3 "	10 "
Кровать на двоихъ	3 р. 60 к.	4 "	40 "

Такимъ образомъ, во всѣхъ случаяхъ, за исключеніемъ квартиръ безъ жильцовъ, пригородному рабочему приходится платить за свое помѣщеніе дороже, нежели городскому.

Изъ этого факта мы ни въ какомъ случаѣ не можемъ вывести заключенія, что пригородныя квартиры отличаются лучшими санитарными условіями сравнительно съ городскими. Исслѣдованіе намъ показываетъ, что между ними нѣтъ рѣзкой разницы. Какъ тамъ, такъ и тутъ, въ квартирахъ господствуетъ чрезвычайная тѣснота. Въ среднемъ выводѣ, на Выборгской-сторонѣ въ одной квартирѣ помѣщалось 11,2 чел., и на каждого человѣка приходилось 1,0 куб. и 0,8 кв. саж.; а въ пригородѣ среднее число человѣкъ въ одной квартирѣ 12,3, а на каждого приходилось 1,1 куб. и 1,0 кв. саж. Разница въ 0,1 куб. и 0,2 кв. саж. очень ничтожная. Въ обоихъ случаяхъ существуетъ одинаковый недостатокъ кроватей: среднее—2,4 чел. на одну кровать въ городѣ, и 2,8 чел.—въ пригородѣ. Въ городѣ и пригородѣ нашлось довольно много квартиръ безъ постоянныхъ печей, при чемъ пригородъ оказывается даже въ худшихъ условіяхъ (27% всѣхъ квартиръ въ пригородѣ, и 20% въ городѣ). Въ обоихъ случаяхъ сырыя помѣщенія встрѣчались одинаково часто, 60—62%. Темныя и полутемныя жилия помѣщенія встрѣчаются чаще въ городѣ, нежели въ пригородѣ. Въ первомъ случаѣ было 35 такихъ комнатъ, въ которыхъ помѣщалось 85 чел. (7,5%), а во второмъ только 25 человѣкъ (1,3%) въ темныхъ и полутемныхъ комнатахъ. На Выборгской-сторонѣ вообще чаще встрѣчается недостатокъ дневного свѣта, нежели въ пригородѣ, но зато въ первомъ случаѣ водоснабженіе лучше, нежели въ послѣднемъ. На Выборгской-сторонѣ было 12 квартиръ съ водопроводами; 23 раза жильцы пользовались водопроводомъ, находящимся въ корридорѣ; 6 разъ—водопроводомъ на дворѣ; 1 разъ—водопроводомъ въ банѣ. Только 41 квартира была принуждена пользоваться водой, привозимой въ бочкахъ. Въ пригородѣ мы не нашли ни одной квартиры съ водопроводомъ. Изъ 90 квартиръ, только 27 могли пользоваться водопроводомъ на дворѣ. Жильцы остальныхъ покупали воду у водовоза, или сами носили ее изъ ближайшаго источника, который въ большинствѣ случаевъ представлялъ изъ себя очень загрязненную рѣчку или ручей. Въ обоихъ случаяхъ существуетъ дурное удаленіе нечистотъ. И тамъ, и тутъ преобладаютъ простыя отхожія мѣста, нерѣдко по одному на двѣ и болѣе квартиръ. На злобоніе отъ нихъ жаловались часто (35,5% въ пригородѣ, и 31% въ городѣ). Отсутствіе форточекъ встрѣчается нерѣдко. Въ при-

городѣ было 20 квартиръ и много отдѣльныхъ комнатъ, а въ городѣ 16 квартиръ и также много отдѣльныхъ комнатъ со-всѣмъ безъ форточекъ.

Изъ этого сравненія мы видимъ, что не отъ лучшихъ санитарныхъ условій зависитъ большая дороговизна пригородныхъ квартиръ. Болѣе высокую цѣну на жилища въ пригородѣ скорѣе можно объяснить тѣмъ, что тамъ, особенно близко около завода, существуетъ большая нужда въ квартирахъ, нежели въ городѣ. Кромѣ того, по всей вѣроятности, тутъ играетъ немаловажную роль и величина заработка. За-границей нерѣдко замѣчалось, что если повышался заработокъ рабочаго, то вмѣстѣ съ тѣмъ повышалась и квартирная плата. Въ общемъ пригородный рабочий получаетъ больше городского, — потому домовладѣльцы и квартирохозяева берутъ съ него дороже. Можетъ быть, это и служитъ главной причиной сравнительной дороговизны пригородныхъ жилищъ.

Если мы будемъ сопоставлять квартирную плату семейныхъ рабочихъ съ ихъ заработкомъ, то получимъ слѣдующія цифры:

Мѣсячный заработокъ:	Мѣсячная плата за квартиру:	
	Городъ.	Пригородъ.
8—20 р.	4 р.	3,5 р.
21—30 „	5,7 р.	4,85 р.
31—40 „	6,0 „	6,8 „
41—50 „	6,6 „	6,73 „
51—80 „	9,1 „	9,64 „

Сопоставляя заработокъ семейныхъ съ платой за квартиру, комнату и кровать, мы получаемъ слѣдующее:

Пригородъ:			Городъ:		
Средн. мѣс. зараб.	Плата.		Средн. мѣс. зараб.	Плата.	
49 р. 75 к.	10 р 40 к.	(квартира)	42 р.	11 р. 60 к.	
44 „ 40 „	7 „ 50 „	(комната)	31 „	6 „ 50 „	
26 „ 60 „	4 „ —	(кровать)	21 „	3 „ 30 „	

Изъ 15 пригородныхъ семей, занимающихъ цѣлую квартиру, только три получали 30—35 р. въ мѣсяцъ. Заработокъ остальныхъ былъ 40 р. и болѣе. Большинство семей, занимающихъ комнату, получало 30 р. и болѣе. Среди семей, которыя нанимали только кровать, восемь получало болѣе 30 р. въ мѣсяцъ. Такое же соотвѣтствіе между заработкомъ и квартирной платой замѣчается и среди городскихъ рабочихъ. Вообще, собранныя свѣдѣнія показываютъ, что квартирная плата петербургскихъ семейныхъ рабочихъ повышается вмѣстѣ съ увеличеніемъ ихъ

заработка. Очевидно, большинство петербургских рабочих, съ улучшеніемъ своего матеріальнаго положенія, стремится улучшать свое жилище. Это служитъ доказательствомъ, что русскій простой народъ обладаетъ нѣкоторой культурностью, и до извѣстной степени опровергаетъ столь распространенное мнѣніе, что будто бы онъ вообще предпочитаетъ грязную и нездоровую конуру хорошему жилищу, и что попытка доставить ему удовлетворительное помѣщеніе встрѣтитъ непреодолимое препятствіе въ немъ самомъ.

II.

Изъ сравненія цѣлыхъ домовъ между собою мы можемъ вывести нѣкоторыя интересныя заключенія, которыя также служатъ подтвержденіемъ только-что сказаннаго.

Въ двухъ пригородныхъ домахъ квартиры были заняты преимущественно семейными рабочими. Въ одномъ изъ нихъ живутъ, главнымъ образомъ, рабочіе, большинство которыхъ получаетъ отъ 40 до 80 р. въ мѣсяцъ, въ другомъ—заработокъ большинства жильцовъ менѣе 40 р. за тотъ же періодъ времени.

Въ послѣднемъ домѣ нѣтъ ни одной семейной квартиры безъ жильцовъ, и только три семьи занимаютъ отдѣльную комнату. Всѣ остальные ютятся по угламъ. А въ первомъ—изъ 18 квартиръ семь было занято одной семьей, безъ жильцовъ. Кромѣ того, восемь комнатъ было занято отдѣльными семьями. Въ лучшемъ домѣ въ одной квартирѣ помѣщалось отъ 2 до 13 челов., въ среднемъ—6 челов., а въ худшемъ домѣ одну квартиру занимало 11—32 челов., въ среднемъ—17 челов. Въ лучшемъ домѣ на одну комнату приходилось 2,3 челов., а въ худшемъ—7,4 челов. Въ первомъ среднее кубическое содержаніе воздуха на одного человѣка равнялось 1,2 куб. саж., а во второмъ—0,8 куб. саж. Слѣдовательно, рабочіе въ первомъ домѣ, несомнѣнно, жили въ лучшихъ условіяхъ.

Сопоставляя заработокъ одинокихъ съ ихъ квартирной платой, мы также замѣчаемъ нѣкоторое увеличеніе послѣдней съ увеличеніемъ первой.

Заработокъ:	Квартирная плата:	
	Городъ.	Пригородъ.
7—20 р. въ мѣсяцъ	1 р. 80 к.	2 р. 16 к.
21—30 " " "	2 " 15 "	2 " 37 "
31—40 " " "	2 " 56 "	3 " 5 "
41—50 " " "	— " — "	4 " — "
51—80 " " "	— " — "	3 " 60 "

Въ процентахъ, всѣ вышеприведенныя цифры выражаются слѣдующимъ образомъ:

Мѣсячн. заработокъ:	Плата за квартиру:			
	Семейные.		Одинокіе.	
	Городъ.	Пригор.	Городъ.	Пригор.
8—20 р.	22,3%	22,6%	10,4%	12,7%
21—30 "	25,5	19,0	9,3	8,7
31—40 "	16,6	16,8	7,0	7,6
41—50 "	15,5	16,8	—	8,0
51—125 "	15,4	14,2	—	6,6
Среднее	21%	17,2%	8,8%	9,0%

Послѣдняя таблица намъ показываетъ, что, несмотря на большую дешевизну выборгскихъ квартиръ, сравнительно съ пригородными, семейные рабочіе платятъ за нихъ большій процентъ своего заработка. Процентъ заработка, затрачиваемый городскими и пригородными одинокими рабочими, приблизительно одинаковъ и, вообще, оказывается менѣ процента семейныхъ.

Изъ послѣдней таблицы мы видимъ также, что, по мѣрѣ увеличенія заработка, петербургскій семейный рабочій начинаетъ тратить меньшій процентъ на наемъ квартиры. Городской рабочій, получающій менѣ 30 руб., тратитъ на квартиру—22,5%, а получающій болѣе 50 руб.—только 15,4%.

Подобное явленіе наблюдается не только у насъ, но и за границей. Такъ, напримѣръ, въ 1875 г. въ Лейпцигѣ Гассе вычислилъ отношеніе квартирной платы къ заработку и получилъ слѣдующее:

Д о х о д ъ.	Квартирн. плата.
До 1.000 мар.	22,09%
1.100—2.200 "	19,4
2.200—4.300 "	17,4
4.300—8.400 "	15,9

Кромѣ того, двадцать-двѣ семьи, получающія не болѣе 500 мар. въ годъ, издерживали на наемъ квартиры—39,9% своего дохода.

Эти цифры большею частью относятся къ сравнительно состоятельнымъ людямъ. Что касается до самихъ рабочихъ, то у насъ имѣются о нихъ слѣдующія свѣдѣнія:

По Sax'у, плата за квартиру составляетъ:

Въ Лондонѣ	$\frac{1}{8}$ — $\frac{1}{10}$ часть всего дохода рабочихъ.
Въ Берлинѣ	$\frac{1}{4}$ — $\frac{1}{5}$ " " " "
Въ Парижѣ	$\frac{1}{4}$ " " " "
Въ Вѣнѣ	$\frac{1}{4}$ — $\frac{1}{3}$ " " " "

Какъ уже мы выше видѣли, городской петербургскій семейный рабочій тратитъ на квартиру—21⁰/₀, или пятую часть своего заработка, а пригородный—17,2⁰/₀, около одной-шестой.

Говоря о жилыхъ помѣщеніяхъ семейныхъ рабочихъ, мы принимали во вниманіе только квартиры безъ жильцовъ, комнаты и углы, оставляя въ сторонѣ квартирохозяевъ. Какъ въ Петербургѣ, такъ и въ пригородѣ, послѣдніе представляютъ изъ себя довольно многочисленный классъ. Они могутъ до извѣстной степени способствовать выясненію экономическаго положенія петербургскихъ рабочихъ и вопроса о той матеріальной выгодѣ, которую доставляетъ домовладѣльцамъ и квартирохозяевамъ чрезмѣрная скученность, господствующая въ жилищахъ бѣднаго петербургскаго люда.

У насъ имѣются свѣдѣнія относительно 42 квартиръ съ жильцами въ городѣ и 18 въ пригородѣ. Общій выводъ, который можно сдѣлать изъ полученныхъ данныхъ—тотъ, что жильцовъ пускаютъ преимущественно многосемейные рабочіе. Въ пригородѣ, гдѣ семья, въ среднемъ, состоитъ изъ 3,5 чел., содержатели квартиръ съ жильцами имѣютъ семью въ 4,5 чел. Городская семья, въ среднемъ, состоитъ изъ 4,1 чел., содержатели квартиръ съ жильцами имѣютъ семьи въ 4,7 человекъ. Среди семей, пускающихъ жильцовъ, немного такихъ, которыя состояли бы изъ 2—3 чел. Преобладаютъ въ 4—7 человекъ.

Средній заработокъ восемнадцати пригородныхъ квартирохозяевъ равнялся 45 руб. 30 коп. Слѣдовательно, на каждого члена семьи приходится 10 руб. въ мѣсяцъ, приблизительно такая же сумма, какъ и для всѣхъ вообще пригородныхъ семейныхъ рабочихъ. Плата за квартиру съ жильцами, считая воду и дрова, колебалась между 8 руб. и 30 руб., въ среднемъ—15 руб. 30 коп. въ мѣсяцъ. Съ жильцовъ квартирохозяева въ среднемъ получали 11 руб. 10 коп. Имъ приходилось приплачивать за квартиру 4 руб. 20 коп., приблизительно десятую часть своего заработка.

Средній мѣсячный заработокъ городского квартирохозяина-рабочаго равнялся 32 руб. Средняя стоимость квартиры съ водой и дровами 19 руб. 50 коп. Съ жильцовъ получали 14 руб. 50 к., среднее. Самимъ квартирохозяевамъ приходилось доплачивать 5 руб., шестую часть своего заработка.

Такимъ образомъ, жильцы не оплачиваютъ квартиры, и хозяевамъ приходится добавлять за нее изъ своего кармана. Если имъ остается нѣсколько рублей сверхъ уплаты за квартиру, то эта

выгода достается цѣной очень тяжелаго труда, что можно видѣть изъ слѣдующихъ примѣровъ.

Возьмемъ одинъ изъ изслѣдованныхъ нами домовъ, гдѣ господствовала чрезмѣрная скученность. Весь домъ населенъ чернорабочими, получающими, за рѣдкими исключеніями, 18—20 руб. въ мѣсяцъ. Всѣ квартиры отдаются здѣсь подъ углы. Въ среднемъ выводѣ, на одного человѣка приходится 0,7 куб. саж. помѣщенія.

№ 13—самая переполненная квартира въ этомъ домѣ. Въ ней приходится только 0,5 куб. саж. на одного человѣка, и живетъ 22 чел.: три семьи, считая и хозяйскую, и четырнадцать одинокихъ. Каждая семья и двое одинокихъ платятъ по 4 руб. 50 коп. за кровать. Слѣдовательно, квартирохозяинъ получаетъ съ жильцовъ 40 руб. 50 коп. въ мѣсяцъ. Самъ онъ платитъ за квартиру 17 руб., на воду тратитъ 3 руб., на дрова 5 руб. Въ общемъ квартира ему обходится около 25 руб. въ мѣсяцъ. Вычитая 25 руб. изъ 40 руб. 50 коп., мы получимъ 15 руб. 50 коп. За эти деньги хозяйка должна стирать бѣлье своихъ жильцовъ, готовить имъ кушанье и убирать комнату. Такъ какъ для семейныхъ все это обыкновенно дѣлаютъ жены, то хозяйка получаетъ приблизительно по одному рублю съ каждого одинокаго за услугу.

Возьмемъ другую квартиру того же дома, № 17, самую лучшую, гдѣ на каждого живущаго приходится вдвое больше помѣщенія, нежели въ первой, 1,0 куб. саж. Въ этой квартирѣ живетъ 13 чел.: три семьи, вмѣстѣ съ хозяйской, и пять одинокихъ. Не считая дѣтей, плата за кровать на двоихъ 4 руб. 50 к. Квартирохозяинъ получаетъ съ жильцовъ 20 руб. 25 коп. въ мѣсяцъ. Самъ онъ платитъ за квартиру 17 руб., за воду 2 руб. 50 коп.; на дрова выходитъ 4 руб.; итого 23 руб. 50 коп. въ мѣсяцъ. Самому ему приходится приплачивать за квартиру 3 руб. 25 коп. въ мѣсяцъ. При подобныхъ условіяхъ сдавать углы для квартирохозяевъ совсѣмъ невыгодно. Живя самъ въ углу, хозяинъ долженъ приплачивать за свое жилище, а хозяйка—работать для лишнихъ пяти человѣкъ и имѣть массу хлопотъ и дрягъ съ жильцами.

Возьмемъ третью квартиру въ томъ же домѣ, такъ сказать—средній типъ, гдѣ на каждого приходится 0,7 куб. саж. помѣщенія. Здѣсь живетъ 18 человѣкъ: двѣ семьи (съ хозяйской) и одиннадцать одинокихъ. Съ каждого взрослого квартирохозяинъ беретъ 2 руб. 25 коп. Съ тринадцати онъ получитъ 29 руб. 25 коп. Плата за квартиру 17 руб., на воду и дрова тратится

7 руб., итого 24 руб. Слѣдовательно, квартирохозяевамъ остается 5 руб. 25 коп. за услугу одиннадцати одинокимъ, по 47 коп. съ каждаго.

Изъ этихъ примѣровъ видно, что въ худшемъ домѣ квартирохозяева при данной квартирной платѣ по неволѣ должны пускать много жильцовъ. Въ противномъ случаѣ, имъ не только ничего не останется за трудъ, но приходится самимъ приплачивать за квартиру. Высокая плата, взимаемая домовладѣльцами, вынуждаетъ квартирохозяевъ пускать много жильцовъ. Еслибы въ послѣдней изъ только-что описанныхъ квартиръ хозяинъ вздумалъ пустить втрое меньшее число человѣкъ, напр. четырехъ вмѣсто тринадцати, то ему пришлось бы увеличить плату за уголь до 6 р. 50 к. (3 р. 30 к. вмѣсто 2 р. 25 к. съ каждаго), чтобы квартира окупалась и оставалось бы 50 к. за услугу. Такъ какъ большинство здѣсь живущихъ получаетъ 18—20 р. въ мѣсяцъ, то для нихъ будетъ довольно затруднительно платить лишній рубль за квартиру.

Возьмемъ теперь другой домъ, гдѣ, въ среднемъ, на одного человѣка приходится 1,6 куб. саж. воздуха. Въ квартирѣ № 24, худшей въ этомъ домѣ, на одного приходится только 0,5 куб. саж. воздуха. Въ ней помѣщается десять человѣкъ одинокихъ и пять семей. Кровать для двоихъ одинокихъ и кровать семьи стоитъ 4 р. въ мѣсяцъ. Квартирохозяинъ получаетъ съ жильцовъ 40 р. Плата за квартиру 17 р., вода и дрова 8 р. 40 к.; итого 25 р. 40 к. Квартирохозяевамъ, за услугу десяти одинокимъ, остается 14 р. 60 к. Здѣсь услуга цѣнится довольно дорого, 1 р. 46 к. съ каждаго. Но такъ выходитъ потому, что здѣсь живутъ и семейные, которые обыкновенно хозяйской услугой не пользуются. Если бы вмѣсто пяти семей здѣсь было десять одинокихъ, то услуга обошлась бы всего въ 73 к. съ каждаго.

Въ квартирѣ № 33 этого же дома на каждаго приходится 0,8 куб. саж. Живетъ пятнадцать человѣкъ одинокихъ и двѣ семьи. Каждый взрослый платитъ два руб. за кровать. Одна семья занимаетъ отдѣльную комнату и платитъ за нее 7 р. Всего квартирохозяинъ получаетъ съ жильцовъ 41 р. Плата за квартиру 17 р., вода и дрова 10 р. 80 к.; итого 27 р. 80 к. Квартирохозяину остается 13 р. 20 к. за услугу 15 человѣкамъ, по 88 к. съ каждаго въ мѣсяцъ.

Въ квартирѣ № 32 того же дома—на каждаго приходится 0,9 куб. саж. помѣщенія и живетъ 23 человѣка одинокихъ. Каждый платитъ два руб. за полъ-кровать, всего 46 р. Плата за квартиру 20 р., водовозу 3 р., на дрова 8 р.; итого 31 р. въ

мѣсяцъ. Квартирохозяину остается 15 р. за услугу 23 одинокимъ, по 65 к. съ каждаго. Здѣсь хозяйка не можетъ справиться одна со всей работой, потому даетъ даромъ уголь мужу съ женой. Последняя помогаетъ ей оказывать услугу одинокимъ. Такъ какъ уголь стоитъ 4 р., то хозяинъ приходится не 15 р., но только 11 р.—за услугу 23 чел. На такія условія можно согласиться только въ послѣдней крайности.

Возьмемъ еще одну квартиру въ томъ же домѣ, въ которой помѣщается 24 одинокихъ и одна семья. На одного человѣка здѣсь приходится такой же кубическій объемъ помѣщенія, какъ и въ только-что описанной. Эта квартира замѣчательна тѣмъ, что въ одной изъ ея комнатъ помѣщается 15 взрослыхъ, а кроватей только шесть. Когда мы спросили, какимъ образомъ помѣщаются на одной кровати три человѣка, на которыхъ не приходится даже полъ-кровать, то квартирохозяинъ сказалъ, что здѣсь живутъ дневные и ночные рабочіе. Когда дневные на работѣ, кровать занимаютъ ночные, и наоборотъ. Слѣдовательно, рабочіе здѣсь живутъ при такихъ условіяхъ, что кровать всегда оказывается занятой, и комната, а также и постельныя принадлежности, никогда не провѣтриваются.

Каждый одинокій здѣсь платитъ по 2 р., а семья—пять рублей; итого 53 р. получаетъ квартирохозяинъ со своихъ жильцовъ. Плата за квартиру 17 р., дрова 8 р., вода 2 р. 50 к.; итого 27 р. 50 к. Хозяину здѣсь остается 25 р. 50 к. за услугу 24 одинокимъ,—приблизительно цѣлый мѣсячный заработокъ обыкновеннаго чернорабочаго. Повидимому, сдача угловъ здѣсь составляетъ главный источникъ дохода квартирохозяевъ. Самъ хозяинъ на работу не ходитъ и занимается квартирой; какъ и всегда, работа по дому падаетъ главнымъ образомъ на жену, и квартирохозяинъ въ данномъ случаѣ представляетъ изъ себя типъ мужа, живущаго на заработокъ своей жены.

Вышеописанныя квартиры принадлежатъ къ такимъ, гдѣ живутъ главнымъ образомъ одинокіе. Если мы возьмемъ квартиры, гдѣ пускаютъ преимущественно семейныхъ жильцовъ, то получимъ слѣдующее:

Въ квартирѣ № 34 послѣдняго дома живетъ шесть семей и пять одинокихъ; на каждаго приходится 1,1 куб. саж., каждая кровать стоитъ 4 р. въ комнатѣ—и 3 р. въ кухнѣ. Квартирохозяева получаютъ съ жильцовъ 39 р. 75 к. въ мѣсяцъ, а за квартиру платятъ 28 р. (17 р. помѣщеніе, 3 р. вода и 8 р. дрова). Имъ остается 11 р. 75 к. и уголь. Такъ какъ здѣсь

только пять одинокихъ, то квартирохозяева имѣютъ нѣкоторую выгоду отъ жильцовъ.

Въ одной изъ пригородныхъ квартиръ жили исключительно семейные; съ квартирохозяиномъ — пять семей. Каждая семья платила 3 р. 50 к. за уголь, 14 р. со всѣхъ. Плата за квартиру 7 р., дрова 3 рубля. Воду хозяйка носить сама. Благодаря этому обстоятельству, квартирохозяевамъ остается 4 р. и уголь въ видѣ барыша.

Переходя къ жилищамъ на Выборгской-сторонѣ, мы встрѣчаемъ такія же условія, какъ и въ пригородѣ. Одна квартира въ домѣ по Тимофеевской улицѣ стоила съ водой и дровами 28 р. въ мѣсяцъ. Квартирохозяинъ получаетъ съ жильцовъ 32 р. Квартира принадлежала къ типу смѣшанныхъ. Въ ней жили семейные и одинокіе. Послѣднихъ было пять человѣкъ; потому 4 р., которые остаются квартирохозяевамъ сверхъ уплаты домо-владѣльцу, надо считать вознагражденіемъ за трудъ. Хозяйская семья здѣсь состоитъ изъ четырехъ человѣкъ и помѣщается въ кухнѣ, кубической объемъ которой равняется 2,1 куб. саж. Такъ какъ самъ квартирохозяинъ получаетъ всего 18 р. въ мѣсяцъ, то очевидно, что необходимость заставляетъ его держать квартиру и пустить 23 человѣка жильцовъ. Эта квартира вообще отличается большою скученностью (0,7 куб. саж. на одного человѣка). Одну комнату нанимаетъ семья, три сдаются подъ углы. Всѣ жильцы работаютъ на металлическомъ заводѣ Розенкранца и получаютъ отъ 70 коп. до 2 руб. въ день.

Въ томъ же домѣ есть меньшая квартира съ жильцами. Стоитъ она всего изъ одной комнаты и кухни и обходится квартирохозяину въ 15 руб. въ мѣсяцъ, съ водой и дровами. Въ комнатѣ живетъ артель одинокихъ, состоящая изъ 10 человѣкъ, и мужъ съ женой. Въ ней стоитъ шесть кроватей, каждая стоитъ 3 р. Кухню занимаетъ семья квартирохозяевъ. Съ жильцовъ они получаютъ 18 руб., такъ что за услугу десяти одинокимъ они получаютъ 3 руб. и даровое помѣщеніе на кухнѣ.

Мы привели здѣсь довольно много примѣровъ квартиръ разнаго типа съ цѣлью показать, что держать жильцовъ выгодно для квартирохозяевъ развѣ только въ томъ отношеніи, что жена, не покидая дѣтей на произволъ судьбы, можетъ имѣть нѣкоторый заработокъ, состоящій вообще изъ нѣсколькихъ рублей и помѣщенія для семьи. Но эта выгода достается такимъ тяжелымъ трудомъ, что при порядочномъ заработкѣ семья рабочего стремится занять отдѣльное помѣщеніе или держать, по возможности, ограниченное число жильцовъ.

При существующей дороговизнѣ квартиръ, жильцы могутъ доставить нѣкоторую выгоду квартирохозяевамъ только тогда, если квартира переполнена ими, или если они будутъ платить дороже. Такъ какъ жильцы вообще предпочитаютъ платить дешевле и тѣсниться, то, чтобы имѣть выгоду, квартирохозяева переполняютъ помѣщеніе и тѣмъ способствуютъ чрезмѣрной скученности. Въ большинствѣ случаевъ, если квартирохозяину остается нѣсколько рублей лишнихъ послѣ уплаты домовладѣльцу, то эту сумму мы ни въ какомъ случаѣ не можемъ считать барышомъ въ прямомъ смыслѣ этого слова, а скорѣе вознагражденіемъ за трудъ, который вообще оказывается очень тяжелымъ. Какъ уже мы выше видѣли, въ пригородѣ въ самомъ худшемъ домѣ есть квартиры, въ которыя если пустить мало жильцовъ, то онѣ не будутъ оплачиваться, и хозяевамъ придется даромъ работать на постороннихъ людей. Такихъ квартиръ, какъ вышеописанная, гдѣ хозяева получаютъ съ жильцовъ 25 руб. въ мѣсяцъ сверхъ уплаты домовладѣльцу и гдѣ можно было бы пускать поменьше постороннихъ лицъ, мы найдемъ немного. Огромное большинство квартирохозяевъ довольствуется нѣсколькими рублями и угломъ для своей семьи. Чаше всего семейный рабочій держалъ угловую квартиру, потому что его заработокъ былъ малъ, а семья большая. Что квартирохозяева вообще не наживаются со своихъ жильцовъ, это доказываетъ тотъ, фактъ, что въ изслѣдованныхъ жилищахъ они обыкновенно занимали такой же уголъ, какъ и ихъ жильцы, и въ среднемъ выводѣ имъ приходится приплачивать за квартиру.

Выгода квартирохозяевъ заключается главнымъ образомъ въ томъ, что при большемъ числѣ жильцовъ они получаютъ большее вознагражденіе за свой трудъ. Безъ всякаго сомнѣнія и они иногда злоупотребляютъ этимъ. Потому, для уменьшенія скученности въ жилищахъ бѣднаго рабочаго люда, необходима не только постройка дешевыхъ квартиръ, но и установленіе нормъ кубическаго содержанія воздуха на каждого человѣка и санитарный надзоръ надъ выполненіемъ правилъ.

III.

Выше мы говорили о томъ, какія жилища имѣютъ петербургскіе рабочіе за существующія цѣны, и видѣли, что ихъ квартиры отличаются антисанитарными условіями: недостатокъ свѣта, воздуха, хорошей воды и проч. Теперь мы сдѣлаемъ попытку выяснитъ вопросъ, что имъ можно было бы дать за тѣ же самыя

суммы. Для этой цѣли мы здѣсь приводимъ нѣсколько примѣровъ того, что имѣетъ заграничный рабочій въ такъ-называемыхъ образцовыхъ дешевыхъ жилищахъ и сколько онъ тамъ платитъ изъ своего заработка за квартиру.

Въ домахъ, выстроенныхъ въ Лондонѣ на капиталъ Peabody, по просьбѣ королевской комиссіи по рабочему вопросу, въ 1884 г. были собраны статистическія данныя относительно заработка жильцовъ, среди которыхъ было много переплетчиковъ, извозчиковъ, фабричныхъ рабочихъ, маляровъ, плотниковъ, столяровъ, разносчиковъ, наборщиковъ и проч. Оказалось, что 141 семья зарабатывала менѣе 12 шилл. въ недѣлю; 294 — отъ 12 шилл. до 15 шилл.; 575 — отъ 15 шилл. до 20 шилл.; 1680 — отъ 20 до 25 шилл., и 16—17 болѣе 25 шилл. Средній недѣльный заработокъ семьи равнялся 1 ф. 3 ш. 7,5 пенс., немного болѣе 12 р. въ недѣлю.

Въ домахъ Peabody, плата за квартиру колеблется между 2 ш. и 6 ш. въ недѣлю; въ среднемъ выводѣ, она равняется 4 ш. 9,5 пенс. въ недѣлю (около 2 р. 30 к.). Слѣдовательно, тамъ рабочій платитъ 18—20% своего заработка за квартиру, приблизительно столько же, сколько и петербургскій. Но англійскій рабочій, получающій 12—15 ш. въ недѣлю, можетъ нанять въ домахъ Peabody комнату-квартиру за 2 ш. въ недѣлю (15% своего заработка), гдѣ онъ совершенно изолированъ со своей семьей, имѣетъ достаточное количество свѣта, воздуха, воды и удовлетворительное удаленіе нечистотъ. Петербургскій же рабочій, имѣющій подобный заработокъ (24—30 р. въ мѣсяцъ), долженъ уплатить изъ него 20—25%, чтобы получить за 6 р. комнату отъ квартирохозяевъ, — при чемъ однимъ отхожимъ мѣстомъ, одной плитой и проч. пользуются вмѣстѣ нѣсколько семей, испытывая всѣ неудобства подобнаго рода сожительства.

Въ домахъ, выстроенныхъ въ Лондонѣ на капиталъ Guinness, живетъ еще болѣе бѣдный классъ рабочаго населенія, нежели въ домахъ Peabody. Тамъ въ 1893 г. средній доходъ семьи, считая заработокъ всѣхъ ея членовъ, равнялся 18 ш. въ недѣлю — 36 р. въ мѣсяцъ. Трата изъ своего заработка 3 ш. 6 пенс. — 4 ш. 6 пенс. (16—22%), англійскій рабочій можетъ нанять въ домахъ Guinness квартиру въ двѣ комнаты, объемомъ 2.082 куб. ф., и, кромѣ того, имѣетъ право безъ всякой приплаты пользоваться клубомъ, читальней, ванной и горячей водой. Петербургскій рабочій, имѣющій подобный заработокъ, не можетъ получить ничего подобнаго. Если онъ пожелаетъ жить въ отдѣльной квар-

тиръ безъ жильцовъ, далеко уступающей по удобствамъ квартирамъ въ домахъ Guinness, то онъ долженъ тратить на это 8—10 р., или 22—28% своего заработка.

Дома, выстроенные въ Лондонѣ на капиталъ Peabody и Guinness, приносятъ 3% чистаго дохода на капиталъ. Безъ всякаго сомнѣнія, такая прибыль не можетъ удовлетворить частныхъ предпринимателей. Но постройка дома въ Лондонѣ обходится вдвое дороже, нежели въ Петербургѣ. Потому въ нашей столицѣ можно доставлять порядочныя квартиры бѣдному населенію, получая 6% чистаго дохода въ годъ, что надо признать удовлетворительнымъ процентомъ.

Этотъ расчетъ даетъ намъ право сдѣлать заключеніе, что петербургскій рабочій за ту сумму, которую онъ тратитъ въ настоящее время на свою квартиру, можетъ получить нѣчто гораздо лучшее сравнительно съ существующимъ, доставляя предпринимателю порядочную прибыль.

Какъ уже мы видѣли выше, одинокіе петербургскіе рабочіе платятъ за квартиру отъ 6,6% до 12,7% своего заработка, занимая, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, только полъ-кровати. Несомнѣнно, что за 2 р. имъ можно доставить нѣчто лучшее: напр., вмѣсто половины кубической сажени, одну и болѣе, при условіи, что домовладѣльцы понизятъ цѣны на квартиры. Но, съ другой стороны, нельзя не признать, что многіе одинокіе платятъ за свое жилище менѣе того, что могли бы платить. Въ изслѣдованныхъ квартирахъ встрѣчались одинокіе, которые, зарабатывая 30—40 р. въ мѣсяцъ, платили 2 р. за полъ-кровати. При такомъ заработкѣ они могли бы платить рубля три и занимать хотя бы отдѣльную кровать. Почему они этого не дѣлаютъ и предпочитаютъ тѣсниться вдвоемъ, можно объяснять различно. Иногда одинокій рабочій, имѣющій порядочный заработокъ, предпочитаетъ платить какъ можно дешевле за свое жилище, чтобы послать побольше денегъ своей семьѣ, оставшейся въ деревнѣ. Въ изслѣдованныхъ квартирахъ встрѣчались такіе одинокіе, которые опредѣляли сумму посылаемыхъ ими домой денегъ въ 100—300 р. въ годъ и занимали, вмѣстѣ съ тѣмъ, полъ-кровати за 2 р. въ мѣсяцъ. Понятно, что, уменьшивъ посылку домой и увеличивъ квартирную плату, они могли бы помѣщаться гораздо лучше. Но, съ другой стороны, было не мало и такихъ, которые, имѣя порядочный заработокъ и занимая только полъ-кровати, мало или совсѣмъ ничего не посылали домой. Въ подобныхъ случаяхъ значительная часть денегъ у нихъ тратится непроизводительно: на кутежъ и разгулъ. Такого

сорта люди не пожалѣють прогулять въ трактирѣ нѣсколько рублей за-разъ, и не хотятъ платить лишняго рубля за свое помѣщеніе.

Кромѣ жилища, пища составляетъ важную статью расходовъ каждаго бѣднаго человѣка. Въ 1857 году, Энгель произвелъ статистическія изслѣдованія въ Саксоніи и при помощи цифръ доказалъ, что чѣмъ бѣднѣе семья, тѣмъ болѣе процентъ своего дохода она тратитъ на пищу. Этотъ процентъ выражается слѣдующимъ образомъ:

Д о х о д ы:	Расходъ на пищу:
900 марокъ въ годъ.	71,48%
1.500	68,85 "
2.250	66,17 "
3.000	64,00 "
4.500	60,75 "
6.000	58,65 "

Опъ далъ также таблицу, въ которой указанъ процентъ, затрачиваемый семейными рабочими на пищу, одежду, жилище и проч.

Предметы потребленія:	Р а с х о д ы.			
	Наим. заж.	Средн. заж.	Наиб. зажиточн.	
Пища	62%	55%	50%	
Одежда	16	18	18	95%
Жилище	12	12	12	85%
Отопленіе.	5	5	5	
Воспитаніе и образованіе	2%	3,5	5,5%	
Общественная безопасность	1,0	2	3	
Здоровье	1,0	2	3	15
Личныя услуги	1,0	2,5	3,5	

Слѣдовательно, чѣмъ больше семья получаетъ, тѣмъ больше она тратитъ на образованіе, здоровье и проч.; а чѣмъ она бѣднѣе, тѣмъ больше расходуетъ на предметы первой необходимости: пищу, жилище и одежду.

Къ сожалѣнію, у насъ нѣтъ данныхъ относительно пищевого довольствія семей петербургскихъ рабочихъ. Только одинокіе въ пригородѣ дали намъ нѣкоторые свѣдѣнія о своемъ питаніи. Изъ полученныхъ данныхъ видно, что ихъ траты на пищу равняются 7—11 р. въ мѣсяцъ, въ среднемъ—9 р. При среднемъ заработкѣ въ 29 р., это выходитъ 33%.

При умѣломъ выборѣ пищи, рабочій при такой затратѣ можетъ питаться довольно удовлетворительно съ гигиенической точки зрѣнія. Но, къ сожалѣнію, такая трата доступна далеко не всѣмъ.

Въ городѣ 76⁰/₀ одинокихъ, а въ пригородѣ 35,5⁰/₀ получаютъ 20 руб. и менѣе въ мѣсяцъ. Чтобы нормально питаться, они должны затратить изъ данной суммы половину. Рублей десять и менѣе у нихъ остается на удовлетвореніе остальныхъ потребностей: квартиру, удовольствія, платье и проч. Кромѣ того, крестьянинъ идетъ изъ деревни въ Петербургъ въ большинствѣ случаевъ съ цѣлью оказать своей семьѣ матеріальную помощь. При мѣсячномъ заработкѣ въ 20 руб. и менѣе, для достиженія послѣдней цѣли ему волей-неволей приходится питаться неудовлетворительно и ютиться на одной кровати съ товарищемъ, довольствуясь половиной кубической сажени воздуха. Еслибы онъ вздумалъ занять помѣщеніе, гдѣ количество воздуха удовлетворяло бы требованіямъ гигиены, то ему пришлось бы заплатить не 2 р., а 6 р., что совсѣмъ ему не по карману.

Что касается до одинокихъ съ большимъ заработкомъ, то несомнѣнно ихъ жизнь можетъ быть устроена такимъ образомъ, что питаніе и жилище будутъ удовлетворять если не максимальнымъ, то во всякомъ случаѣ минимальнымъ требованіямъ гигиены. Напр., если мы возьмемъ рабочаго, получающаго 30—40 р. въ мѣсяцъ, то оказывается, что одинокій тратитъ изъ этого 6,7⁰/₀ на квартиру и 31,4⁰/₀ на пищу. Слѣдовательно, болѣе половины у него остается на все остальное.

Петербургскій семейный рабочій тратитъ на квартиру 17—21⁰/₀ своего заработка. На всѣ остальные потребности у него остается около 80⁰/₀: 21 р. въ пригородѣ и 21 р. 60 к. въ городѣ. Принимая въ соображеніе, что для удовлетворительнаго питанія взрослый работникъ долженъ тратить не менѣе 9 руб. въ мѣсяцъ, намъ станетъ понятно, какъ должно быть тяжело положеніе тѣхъ петербургскихъ семейныхъ рабочихъ, которые получаютъ 20—25 р. и даже менѣе въ мѣсяцъ. Ясно, что при такихъ условіяхъ семья не можетъ иначе помѣщаться, какъ только въ трехрублевомъ углу.

М. И. Покровская.

ИЗЪ ПОЭМЫ МИЦКЕВИЧА

КОНРАДЪ ВАЛЕНРОДЪ

ПѢСНЯ IV.

РАЗГОВОРЪ.

Эпилогъ.

Лишь только Магистръ, приложившись къ уставу
И кончивъ молитву, отъ кѣмптура взявъ
Свой мечъ и, какъ право на власть и на славу,
Великій свой крестъ,—то чело онъ поднѣлъ,
И грусть чуть замѣтно по немъ пролетѣла;
Но взоромъ окинулъ онъ всѣхъ, и блеснула
Въ глазахъ его радость, сливаясь со злостью;
Уста лишь хранили, какъ рѣдкую гостью,
Улыбку... Такъ утренней молніи свѣтъ
И бурю пророчить, и скорый разсвѣтъ.

И пылъ тотъ Магистра, и бѣшенный взглядъ,
Невольно надеждой сердца наполняютъ:
Всѣ видятъ ужъ битву и грабительства рядъ,
И въ мысляхъ—язычниковъ кровь проливаютъ.
Да кто жъ съ нимъ, воителемъ, въ силахъ сразиться,
Кто взгляда его и меча не боится?
Бѣгите, литовцы! часъ скоро пробѣтъ,
И крестъ надъ твердынями Вильна блеснетъ.

Но тщетны надежды... Недѣли проходятъ,
 Проходить и годъ, а войны не видать.
 Литовцы грозятъ ужъ, а Конрадъ проводитъ
 Въ покоѣ часы—и на бой посылать
 Не думаетъ войска. Онъ занятъ однимъ:
 Обычаемъ дать лишь иное значенье,
 Громить неповорныхъ приказомъ своимъ,
 Слатъ братьямъ упреки за ихъ нарушенье
 Обѣтовъ монаха. Онъ только твердитъ,
 Что нужно молиться, отречься отъ міра,
 Заслуги искать только въ доблестяхъ міра,
 Посты, покаянье нести имъ велитъ,
 Веселье малѣйшее имъ возбраняетъ,
 Тюрьмою и смертью проступки караетъ.

Межъ тѣмъ, литовцы, что бѣжали,
 Бывало, Ордена столицы,
 Что ночь, жгутъ мирныя станицы
 И массу гражданъ въ плѣнъ забрали.
 Подъ самымъ замкомъ врагъ хвалится,
 Что въ церковь Ордена молиться
 Придетъ онъ скоро, и должны
 Впервые у родныхъ пороговъ
 Дрожать при звукѣ жмудскихъ роговъ
 Тевтона подданныхъ сыны.

Войнѣ удобнѣй нѣтъ минуты:
 Въ Литвѣ раздоръ, крамола, смута,
 Грозить имъ дяхъ, грозятъ руссины
 И хана крымскаго дружины.
 Витольдъ, низверженный Ягеллой,
 Пришелъ на помощь Орденъ звать,
 Богатство онъ, земли надѣлы
 Имъ обѣщать за помощь дать.

Роптать стала братья; собрался совѣтъ;
 Магистра не видно,—его только нѣтъ.
 По замку и церкви Альбанъ старый рыцетъ,
 А Конрада все-же нигдѣ не отыщеть.
 Но гдѣ-жъ онъ?.. Что долго его не видать?
 Навѣрно у башни старинной опять.
 Давно ужъ слѣдила за Конрадомъ братья,

Всѣ знали, что только лишь ночи объятья
 Окутаютъ землю, и сумракъ нисходитъ,—
 По берегу озера тихо онъ ходитъ,
 Иль, въ плащъ завернувшись, склонивши колѣна,
 Изъ мрамора будто, опершись на стѣны,
 Онъ издали виденъ до самой зари,
 Всю ночь не смыкающій очи свои;
 И только тогда, какъ затворница спроситъ,
 Встаетъ онъ и тихо отвѣтъ произносить.
 Въ дали пропадаетъ рѣчей этихъ звуекъ,
 По блеску жъ забрала, движенію рукъ
 Легко догадаться, что рѣчь быть должна
 Для лицъ говорящихъ значенія полна.

Пѣснь Альдоны.

Не счесть моихъ вздоховъ и слезъ, что пролито,
 Не такъ же я плакала сильно и долго,
 Въ душѣ не скопилось же желчи такъ много,
 Что ржавчиной стала рѣшотка покрыта?
 Что слезы успѣли проникнуть мои,
 Какъ въ доброе сердце, въ твердыню скалы?

Огонь у Святорога въ храмѣ
 Не угасаетъ потому,
 Что день и ночь огню тому
 Жрецы прислуживаютъ сами.

Родникъ живой въ горахъ Миндога
 Неизсякаемъ оттого,
 Что для питанія его
 Въ горахъ дождя и снѣга много;

Но до сихъ поръ ничья слеза
 Къ моей слезѣ не прибавлялась,
 А все-жъ въ душѣ она скоплялась
 И жгла мнѣ сердце и глаза.

Ласки отца и объятья родимой,
 Замокъ богатый и край, мной любимый,
 Дни безъ заботы и ночь безъ видѣній,
 Ангела совѣсть, безъ гнета сомнѣній,
 Гдѣ-бъ ни была я, и въ домѣ, и въ полѣ,—
 Все о моей лишь заботилось долѣ.

У матери трое красавицъ насъ было,
 Мнѣ первой замужество пало на долю.
 Все счастье сулило мнѣ, радость и волю,
 Но счастье иное мнѣ чувство открыло:
 Зачѣмъ ты мнѣ, юноша милый, повѣдалъ
 О томъ, что въ Литвѣ ни единый не вѣдалъ?

О Богѣ великомъ, объ ангелахъ неба,
 О градахъ блестящихъ, гдѣ съ вѣрой святою
 Во храмы стекаются люди толпою;
 Надъ силой мужскою гдѣ властвуетъ дѣва,
 Надъ силой мужей тѣхъ, что нашимъ равны
 И храбростью въ брани, и страстью въ любви.

Гдѣ люди, отбросивъ заботу земную,
 Душой устремляются въ небо чудесное!
 Всему я повѣрила! жизнью небесною
 Жила я, вникая въ бесѣду святую.
 Съ тѣхъ поръ я и въ горѣ, и въ радости жизни,
 Мечтаю о другѣ и небѣ-отчизнѣ.

Тотъ крестъ, что висѣлъ у тебя на груди,
 Считала я будущимъ счастья залогомъ,
 Но только съ креста того грянуло громомъ,—
 Исчезли земныя надежды мои...
 Но слезъ не боятся привычныя вѣжды:
 Ты въ душу мнѣ бросилъ иныя надежды.

Надежды!.. все эхо кругомъ повторяетъ:
 И озера берегъ, долины и горы...
 Тутъ Конрадъ, очнувшись, съ усмѣшкою горя
 Воскликнулъ:—Гдѣ жъ я, что къ надеждѣ зываютъ?
 Къ чему эти пѣсни? лишь память о счастьѣ!
 У матери трое красавицъ васъ было,
 Тебѣ ужъ замужество доля сулила...
 Цвѣты, берегитесь; грозить вамъ несчастье:
 Змѣя въ вашъ цвѣтникъ подползла уже смѣло,
 И гдѣ проскользнетъ она только и взглянетъ—
 Засохнуть цвѣты тамъ, и роза завянетъ,
 И станутъ вдругъ желты, какъ гадины тѣло.

Мечтай же о томъ, что, какъ въ лучшіе дни,
Могла и теперь ты испытывать счастье,
Если-бъ... Но пой же и шли мнѣ проклятье!
Хочу я, чтобъ страшныя слезы твои,
Тѣ слезы, что въ твердый проникнули камень,
Не падали даромъ... я шлемъ свой снимаю,
Чело я подъ капли тѣхъ слезъ подставляю,—
Хочу, чтобы въ мозгъ мой проникнулъ ихъ пламень,
Хочу испытать я мученія ада!

Голосъ изъ вашни.

О, милый! прости мнѣ! сама я не рада:
Пришелъ ты такъ поздно, а ждать тяжело,—
Вотъ въ пѣснѣ и вылилось сердце мое.
Но прочь эта пѣсня! къ чему сожалѣнье?
Съ тобою, мой милый, жила я мгновенье,
Но этой минуты мнѣ было довольно,
Ее не отдамъ я теперь добровольно
За тихую жизнь въ этой пошлой толпѣ.
Ты самъ вѣдь, мой милый, рассказывалъ мнѣ,
Что люди простые улиткамъ подобны,
Весь вѣкъ свой живущимъ въ пучинѣ подводной,
И разъ только въ годъ на поверхность воды
Ихъ въ бурѣ случайной бросаютъ валы,
И разъ имъ удастся, быть можетъ, вздохнуть,
Чтобъ снова въ пучинѣ своей утонуть.
Но я?.. для такой ли я жизни родилась?
На родинѣ даже, когда приходилось
Дѣлать мнѣ съ подругами тихіе дни,
Такъ грустно слегались мысли мои,
Такъ сердце тоскливо во мнѣ трепетало,
Что въ горы сосѣднія я убѣгала
Изъ нашей долины, и думала я:
Когда бы мнѣ каждая птичка дала
По перышку только изъ крыльевъ своихъ,—
Могла бы съ земли я подняться на нихъ,
Сорвавши съ полей лишь цвѣточекъ-малютку,
Какъ память о людяхъ,—одну незабудку,—
Высоко взлетѣть и исчезнуть за тучи...
Меня ты услышалъ,—на крыльяхъ могучихъ
Пернатыхъ царемъ ты предсталъ предо мною,
Возвысилъ рабыню ты вровень съ собою.

Мнѣ не съ чѣмъ къ вамъ, птички, теперь обратиться:
 Тому уже некуда больше стремиться,
 Кто Бога великаго въ небѣ позналъ,
 Кто мужу великому сердце отдалъ!

Конрадъ.

Величье!.. Какъ тяжело то слово звучить!
 Величье—источникъ всѣхъ нашихъ мученій!
 Дни наши сосчитаны; пусть доболитъ
 Усталое сердце остатокъ мгновений!
 Для насъ все свершилось. Жалѣть бесполезно
 О томъ, что прошло безвозвратно для насъ.
 Слезой подъ врагами подмыли мы бездну.
 Ты знаешь, что Конрадъ не пролилъ изъ глазъ
 Слезы ни единой безъ вѣры ужасной.
 Къ чему же сюда ты явилася, другъ?
 Къ чему же святую обитель напрасно
 И мирный пріютъ свой повинула вдругъ?
 Тамъ было бы легче, разлуку кляня,
 Томиться и плавать вдали отъ меня,
 Чѣмъ въ этой странѣ грабежа и поджога,
 Чѣмъ въ сумрачной башнѣ, подъ пыткой вседневной,
 Ждать смерти и, взоромъ напрасно блуждая
 Сквозь крѣпкіе прутья рѣшотки желѣзной,
 Молить о спасеніи... Я жъ долженъ, страдая,
 Смотря на предсмертныя муки твои,
 Вдали отъ тебя за остатки любви
 Проклятьемъ громить мою бѣдную душу...

Голосъ съ башни.

Оставь, другъ, упреки! повѣрь, не нарушу
 Я больше покоя, и если придешь,—
 На зовъ свой отвѣта уже не найдешь.
 Прощай же; окно я свое затворяю
 И въ башнѣ на вѣки себя погребаю.
 Тамъ плакать я буду въ тоскѣ безотрадной...
 Прощай же, мой милый! Прощай, ненаглядный!
 Сотрутся пусть въ памяти эти мгновенья,
 Когда не имѣлъ ты ко мнѣ сожалѣнья.

Конрадъ.

Ты—ангелъ! меня сожалѣть ты должна!
Постой же и выслушай прежде меня;
Иначе, влянуся тебѣ, разобью
Я черепъ мой бѣдный объ эту тюрьму!

Голосъ съ башни.

Такъ будемъ же оба равно-неизмѣнно
Жалѣть себя. Помни,—хоть нѣтъ для вселенной
Безбрежной предѣловъ, но двое въ ней мы,
Какъ въ степи песчаной—двѣ капли росы,
Что первый же вѣтеръ умчитъ насъ съ собою;
Погибнемъ же вмѣстѣ, мой милый, съ тобою.
Не съ тѣмъ я пришла, чтобы мучить тебя:
Монахиней стать не рѣшилася я,
Обречь себя Богу была я не въ силахъ,
Пока сознавала, что кровь въ моихъ жилахъ
Была преисполнена страстью земной.
Желая найти лишь душевный покой,
Я думала сестрамъ прислуживать вѣчно;
Но тамъ, безъ тебя, было такъ безконечно
Все ново мнѣ, дико и такъ тяжело,
Что вспомнила я обѣщанье твое:
Хоть поздно въ Мариенбургъ снова прибыть,
Чтобъ мечь надъ врагами твоими излить,
Сражаясь за дѣло народа родного;
Но времени высчитать, мной прожитого,
Никакъ не могла я, а сердце шептало,
Что время вернуться тебѣ ужъ настало.
Желать не грѣшно тѣмъ, кто кончилъ съ судьбою,—
Вотъ я и желала свиданья съ тобою,
Чтобъ смерть рядомъ съ другомъ застала меня.
Въ убѣжищѣ скромномъ,—такъ думала я,—
Вблизи отъ дороги, средь скалъ и обрывовъ,
Найдется покой для душевныхъ порывовъ.
Мнѣ мнилось, что рыцарь, минувъ жилие,
Быть можетъ, проронитъ и имя твое;
Средь шлемовъ, мнѣ чуждыхъ, я съ радостью тайной
Вдругъ знакъ твой увижу... Когда же случайно
Оружье надѣлъ бы и гербъ ты чужой,

Глаза бѣ измѣнили, но чуткой душой,
 Но сердцемъ, исполненнымъ нѣжной любовью,
 Узнала бѣ я милаго! Если бы кровью
 Ему обогрѣть приходилось вселенную
 И слушать проклятья,—одну неизмѣнную
 Онъ душу нашелъ бы, что съ словомъ прощенья
 Безъ страха дала ему благословенье!
 Здѣсь домъ мой, а вмѣстѣ и вѣчный пріютъ,
 Здѣсь стоны до слуха людей не дойдутъ.

Я знала: любилъ оставаться порою
 Одинъ ты съ природой, и вотъ предо мною
 Воскресли мечты, что, оставя друзей,
 Придешь ты случайно и къ башнѣ моей,
 Чтобъ тамъ побесѣдовать съ вѣтромъ нагорнымъ,
 Излиться душою волнамъ непокорнымъ;
 Что, голосъ мой слыша, подругу свою
 Узнаешь ты, Конрадъ. И эту мольбу
 Услышало небо. Ты понялъ значенье
 Той пѣсни,—ты здѣсь! Предъ Богомъ моленье
 Сперва возносила о томъ я, чтобъ мнѣ
 Твой образъ явился, хотя бы во снѣ;
 Теперь здѣсь мы оба, и слезъ мы не спрячемъ,
 А вмѣстѣ прольемъ ихъ...

Конрадъ.

Къ чему-жъ мы заплачемъ?

Я плакать, ты помнишь, какъ, милой объята
 Навѣки покинувъ, отрекся отъ счастья,
 Чтобъ только скорѣе кровавую мечь
 Надъ нашимъ врагомъ въ исполненіе привести.
 Теперь увѣнчались и трудъ, и терпѣнье;
 Ужъ близко завѣтной мечты исполненіе;
 Теперь я у цѣли, теперь я могу
 Вполнѣ отомстить заклятому врагу!
 А ты? ты пришла лишь побѣду похитить...
 Когда тебя въ башнѣ пришлось мнѣ увидѣть,—
 Для взоровъ моихъ лишь осталось одно:
 Гладь озера, башня—да это озеро.

Все вокругъ меня войною дышетъ,
 Но голосъ твой лишь ухо слышитъ
 И въ звукахъ трубъ, въ оружьи стукѣ

Лишь ловить ангельскіе звуки.
 Весь день проходить въ ожиданьяхъ
 Поры вечерней; я въ мечтаньяхъ
 Продлить хочу ихъ скоротечность;
 Они мнѣ все—и жизнь, и вѣчность.
 А между тѣмъ ливонскій станъ
 Бранить меня за миръ безплодный,
 А страшно-мстительный Альбанъ
 Минуты не даетъ свободной:
 Онъ каждый мигъ напоминаетъ
 О страшныхъ клятвахъ и о томъ,
 Что врагъ отчизну разоряетъ,
 Что сѣла жжетъ и грабитъ онъ.
 Когда-жъ, задумавшись, расскажъ
 Я плохо слышу,—вздохомъ тяжкимъ,
 Однимъ простымъ движеньемъ глазъ
 Онъ искру мести въ сердцѣ спящемъ
 Съумѣетъ въ пламень раздувать.
 Но рокъ людской неизмѣнимъ,
 И отъ войны мнѣ не сдержать
 Кичливый Орденъ... Уже Римъ
 Вчера въ нашъ станъ прислалъ гонца;
 Изъ странъ далекихъ собираться
 Толпы къ намъ стали безъ конца,
 Чтобы съ невѣрными сражаться
 Подъ нашимъ знаменемъ; насильно
 Хотятъ заставить, чтобы ихъ,
 Взявъ мечъ и крестъ, я велъ на Вильно.
 А между тѣмъ, въ мечтахъ моихъ,
 Признаться стыдно, въ то мгновенье,
 Когда народная судьба
 Должна рѣшиться,—какъ видѣнье
 Твой образъ носится, и я,—
 Я медлю, отлагаю месть,
 Чтобъ лишній день съ тобой провести.

О, юность! какъ много ты можешь намъ дать!
 Когда я былъ молодъ, то могъ посвящать
 Любовь мою, счастье и духа свободу
 На дѣло отчизны, на благо народу,
 Безъ страха упрековъ; теперь же, старикъ,
 На долгъ не взирая, на Бога велѣнья,

На то, что зовутъ меня въ поле сраженья,
Къ подножію башни челомъ я приникъ,
И голову жаль мнѣ отъ стѣнъ оторвать,
Боюся единый твой звукъ потерять!..

Умолкъ онъ, а съ башни лишь слышно рыданье;
Но стихло оно,—и все впало въ молчанье.
Вотъ стало свѣтать; на поверхности водной
Багряный румянецъ зари загорался;
Межъ листьевъ деревьевъ дремавшихъ промчался
Съ шелестомъ утренній вѣтеръ холодный;
Проснулись птицы и тихо зарѣ отозвались,
Но снова умолкли, какъ будто сознались,
Что встали не въ-время. Конрадъ поднялся,
На башню вперѣлъ онъ болѣзненно очи
И долго смотрѣлъ, пока сумрака ночи
Свѣтъ дня не прогналъ, и пока не раздался
Нагѣвъ соловьиный... Тутъ Конрадъ очнулся,
Забрало спустилъ онъ, плащомъ запахнулся
И, только рукою привѣтъ свой послѣдній
Бросая затворницѣ, скрылся въ кустахъ...
Такъ демонъ предъ вельею падаетъ въ прахъ,
Лишь благовѣстъ первый слышитъ обѣдни.

Владиміръ Марковъ.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 марта 1899.

Манифестъ и „Основныя Положенія“ 3-го февраля.—„Земскій Ежегодникъ“ Вольнаго экономическаго общества и общеземскій періодическій органъ, проектируемый московскою губернскою земскою управою.—Протесты губернаторовъ тверскаго и курскаго.—Вопросъ о портретахъ.—Освобожденіе земства отъ нѣкоторыхъ обязательныхъ расходовъ.

3-го минувшаго февраля состоялся слѣдующій Высочайшій манифестъ:

„Великое Княжество Финляндское, войдя, съ начала нынѣшняго столѣтія, въ составъ Россійской Имперіи, пользуется, по великодушному соизволенію блаженныя памяти императора Александра Благословеннаго и Его Державныхъ Преемниковъ, особыми въ отношеніи внутренняго управленія и законодательства учрежденіями, кои соотвѣтствуютъ бытовымъ условіямъ страны.

„Но независимо отъ предметовъ мѣстнаго законодательства Финляндіи, вытекающихъ изъ особенностей общественнаго ея строя, въ порядкѣ государственнаго управленія возникаютъ по сему краю и другіе законодательные вопросы, кои по тѣсной связи ихъ съ общегосударственными потребностями не могутъ подлежать исключительному дѣйствію учреждений Великаго Княжества. Порядокъ разрѣшенія сего рода вопросовъ не опредѣляется въ дѣйствующемъ законодательствѣ точными правилами, и недостатокъ оныхъ подавалъ поводъ къ важнымъ неудобствамъ.

„Въ устраненіе сихъ неудобствъ, Мы, въ непрестанной заботѣ о благѣ всѣхъ безъ различія вѣрныхъ Нашихъ подданныхъ, признали полезнымъ, въ дополненіе дѣйствующихъ постановленій и въ руководство подлежащимъ учрежденіямъ Имперіи и Великаго Княжества, установить твердый и неизблемый порядокъ ихъ дѣятельности по начертанію и изданію законовъ общегосударственныхъ.

„Вмѣстѣ съ тѣмъ, оставляя въ силѣ существующія правила объ

изданіи мѣстныхъ узаконеній, исключительно до нуждъ Финляндскаго края относящихся, Мы почли необходимымъ предоставить Нашему усмотрѣнію ближайшее указаніе предметовъ обще-имперскаго законодательства.

„Въ сихъ видахъ Мы Собственноручно утвердили объявляемыя вмѣстѣ съ симъ Основныя Положенія о составленіи, разсмотрѣніи и обнародованіи законовъ, издаваемыхъ для Имперіи со включеніемъ Великаго Княжества Финляндскаго.

„По примѣру Вѣнценосныхъ Предковъ Нашихъ, Мы видимъ залогъ процвѣтанія Финляндіи въ тѣснѣйшемъ ея единеніи съ Имперіею. Подъ сѣнію Державы Россійской, сильная ея защитою Финляндія, въ теченіе почти цѣлаго столѣтія, неуклонно шла по пути мирнаго преемства, и намъ отрадно было удостовѣриться изъ недавнихъ заявленій земскихъ чиновъ, что въ сердцахъ финскаго народа живо сознаніе преданности Намъ и Россіи.

„Мы уповаемъ, что основанная на твердыхъ указаніяхъ положительнаго закона совмѣстная дѣятельность учреждений Имперіи и Великаго Княжества Финляндскаго по тѣмъ законодательнымъ дѣламъ, которыя касаются обоюдныхъ ихъ интересовъ, послужитъ къ вѣдшему обезпеченію дѣйствительныхъ пользъ и выгодъ Россійскаго Государства“.

Упомянутыя въ Высочайшемъ манифестѣ „Основныя Положенія“ заключаются въ слѣдующемъ: „1) первообразное начертаніе законовъ, издаваемыхъ для Имперіи со включеніемъ Великаго Княжества Финляндскаго, пріемлетъ начало съ Высочайшаго каждый разъ соизволенія въ тѣхъ случаяхъ, когда по общему теченію дѣлъ управленія представится необходимымъ составить новое постановленіе или измѣнить либо дополнить дѣйствующій законъ. 2) Порядокъ сей соблюдается въ отношеніи какъ законовъ, кои дѣйствуютъ на всемъ пространствѣ Имперіи со включеніемъ Великаго Княжества Финляндскаго, такъ равно и законовъ, примѣняемыхъ въ предѣлахъ Великаго Княжества, если они касаются общегосударственныхъ потребностей или находятся въ связи съ законодательствомъ Имперіи. 3) Высочайшее соизволеніе относительно изданія указанныхъ выше законовъ (ст. 1 и 2) испрашивается подлежащимъ министромъ Имперіи и министромъ статсъ-секретаремъ Великаго Княжества Финляндскаго, по предварительномъ ихъ между собою сношеніи. Финляндскій генералъ-губернаторъ, когда по ходу управленія Великаго Княжества признаетъ необходимымъ восполнить дѣйствующие въ краѣ законы въ порядкѣ, настоящими положеніями установленномъ, сообщаетъ свои по сему предмету предположенія, для дальнѣйшаго ихъ направленія, подлежащему министру Имперіи и министру статсъ-секретарю Вели-

аго Княжества. 4) По воспослѣдованіи Высочайшаго соизволенія относительно изданія закона для Имперіи со включеніемъ Великаго Княжества Финляндскаго, министр Имперіи о доставленіи заключеній по существу проекта означеннаго закона сносится съ финляндскимъ генераль-губернаторомъ, министромъ статсъ-секретаремъ Великаго Княжества Финляндскаго и Императорскимъ финляндскимъ Сенатомъ. 5) По тѣмъ законодательнымъ предположеніямъ, кои въ порядкѣ внутренняго управленія Великаго Княжества Финляндскаго поступаютъ на уваженіе финляндскаго сейма, требуется заключеніе сейма и въ порядкѣ изданія законовъ, упомянутыхъ въ статьѣ 2 сихъ положеній. Заключеніе сейма имѣетъ состояться на ближайшемъ его очередномъ собраніи, если не послѣдуетъ Высочайшаго повелѣнія о созывѣ съ этою цѣлью чрезвычайнаго сейма. 6) По полученіи заключеній финляндскаго генераль-губернатора, министра статсъ-секретаря Великаго Княжества Финляндскаго и Императорскаго финляндскаго Сената, а въ подлежащихъ случаяхъ (ст. 5) и финляндскаго сейма, министр Имперіи вноситъ законопроектъ въ Государственный Совѣтъ установленнымъ въ его учрежденіи порядкомъ. Къ представленію по сему предмету прилагаются въ спискахъ заключенія Сената и сейма. 7) Законопроектъ сей разсматривается Государственнымъ Совѣтомъ на общемъ основаніи, при участіи финляндскаго генераль-губернатора и министра статсъ-секретаря Великаго Княжества Финляндскаго, а также тѣхъ сенаторовъ Императорскаго финляндскаго сената, кои, по Высочайшему избранію, будутъ особо къ тому назначены. 8) Удостоенное Высочайшаго утвержденія мнѣніе Государственнаго Совѣта по упомянутому законопроекту обнародывается установленнымъ порядкомъ какъ въ Имперіи, такъ и въ Великомъ Княжествѣ Финляндскомъ“.

Разсужденій по поводу этихъ важныхъ правительственныхъ мѣръ въ нашей печати до сихъ поръ мы встрѣтили немного. „Московскія Вѣдомости“ предвидятъ достиженіе новымъ порядкомъ двухъ существенно важныхъ цѣлей: „самаго тщательнаго освѣдомленія законодательной мысли относительно *мѣстныхъ* (курсивъ въ подлинникѣ) нуждъ и соображеній“—и „объединенія ихъ съ нуждами и соображеніями общегосударственными“. „Истинныя и самыя глубокія нужды отдѣльной мѣстности имперіи“ не могутъ быть, по мнѣнію московской газеты, „достаточно освѣщены одними мѣстными запросами, хотя совершенно сами по себѣ законными, но неизбѣжно всегда отличающимися недостаточною широтой. Если текущіе интересы всякой отдѣльной мѣстности могутъ еще удовлетворяться при такомъ порядкѣ, то интересы ея будущаго требуютъ, для достаточнаго ихъ освѣщенія, непремѣннаго разсмотрѣнія ихъ съ высшей государственной точки

зрѣнія, т.-е. учрежденіями общеимперскими“... „Новое Время“ напоминаетъ, что мѣропріятія, имѣвшія отношеніе какъ къ Россіи, такъ и къ Финляндіи, и прежде проходили черезъ Государственный Совѣтъ, и приводитъ этому рядъ примѣровъ, относящихся ко времени между 1824 и 1858 гг. Затѣмъ, газета особенно отмѣчаетъ заботливость, съ которою новый законъ охраняетъ потребности Великаго Княжества; доказательство этому она видитъ въ призывѣ въ Государственный Совѣтъ, при обсужденіи дѣлъ, касающихся Финляндіи, нѣсколькихъ финляндскихъ сенаторовъ. „При всей своей многообъемливости“, новый законъ, по мнѣнію „Новаго Времени“, „ни одной чертой не коснулся автономіи края и ни на одну іоту не уменьшилъ такъ называемой финляндской конституціи“. Что „въ вопросахъ общеимперскихъ мѣстныхъ сеймъ не можетъ имѣть рѣшающаго голоса“—это должны понять „самые притязательные изъ финляндскихъ государственниковъ“. Въ другомъ мѣстѣ статьи выражается увѣренность, что область дѣлъ общеимперскаго законодательства будетъ „далеко не столь ограниченной, какой она можетъ показаться съ перваго взгляда: кромѣ вопросовъ военныхъ, почтовыхъ, телеграфныхъ, таможенныхъ, сюда придется, вѣроятно, отнести вопросы о наслѣдствѣ, опеѣ, подсудности, судебныхъ рѣшеніяхъ, портахъ, консулахъ, страховыхъ обществахъ, товарныхъ клеймахъ, о власти генераль-губернаторовъ, положеніи православнаго духовенства, о русскихъ школахъ и т. д., и т. д.“... „Существенная часть основныхъ положеній 3-го февраля“—читаемъ мы въ „Недѣлѣ“—„состоитъ въ томъ, что сеймъ во многихъ случаяхъ будетъ пользоваться лишь совѣщательнымъ голосомъ. Перемена положенія оказывается весьма значительною въ принципиальномъ отношеніи, но въ практическомъ она еще не вполне опредѣлилась, такъ какъ при устанавливаемомся новомъ порядкѣ однимъ изъ ближайшихъ вопросовъ является тотъ, какіе именно законы будутъ признаны имѣющими общегосударственный характеръ, или находящимися въ связи съ законодательствомъ имперіи, и за какими сохранится признание исключительно мѣстнаго значенія?.. Повидимому, значеніе вполне мѣстныхъ можетъ принадлежать законамъ, касающимся финляндскаго сословнаго устройства, гражданскихъ отношеній семейственныхъ и имущественныхъ, территоріальныхъ учреждений, учебной части, судебнаго устройства, общественнаго призрѣнія, путей сообщенія и т. п.; но затѣмъ стоятъ законы таможенные, торговые, монетные и нѣкоторые другіе, среди которыхъ проведеніе границы между общими и мѣстными интересами представляется еще проблематическимъ. Недостаточно ясенъ даже вопросъ о налогахъ... Разъясненіемъ въ томъ или другомъ смыслѣ остается большой просторъ, а такъ какъ подобные предметы имѣютъ очень важное значеніе, то

нельзя не сказать, что дѣйствительное вліяніе новыхъ положеній на Финляндію пока представляется дѣломъ будущаго“.

Въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“, „Свѣтъ“ и „Народѣ“ сообщено, что прокуроръ финляндскаго сената Седергельмъ и вице-предсѣдатель Тудеръ выѣхали 9-го и 10-го февраля изъ Гельсингфорса въ Петербургъ, куда отправились также ландмаршалъ сейма фонъ-Троиль и тальманы сословій: епископъ Іогансонъ, директоръ банка Куртенъ и крестьянинъ Варри. Отъѣздъ этихъ лицъ связывается съ тѣмъ обстоятельствомъ, что гельсингфорскій сенатъ въ засѣданіи своемъ 8-го (20-го)-февраля постановилъ войти съ всеподданнѣйшимъ представленіемъ по поводу изданія Высочайшаго манифеста 3-го февраля и „Основныхъ положеній“ объ изданіи законовъ общегосударственнаго значенія. По словамъ означенныхъ газетъ, при обсужденіи вопроса объ опубликованіи этихъ фактовъ въ Финляндіи, мнѣнія сенаторовъ раздѣлились: десять сенаторовъ стояли за опубликованіе, десять—противъ; въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ приведены фамилии сенаторовъ, подавшихъ голоса за и противъ. Голосъ предсѣдательствующаго Тудера далъ перевѣсъ первому мнѣнію, и „акты“ были опубликованы, но прокуроръ сената, Седергельмъ, подалъ отдѣльное мнѣніе по поводу этого постановленія сената. По слухамъ, генералъ-губернаторъ Бобриковъ съ своей стороны послалъ всеподданнѣйшій докладъ. 6-го февраля „акты“ были опубликованы въ двухъ финляндскихъ официальныхъ газетахъ (шведской и финской), а 7-го — въ другихъ руководящихъ органахъ мѣстной печати. вмѣстѣ съ тѣмъ во всѣхъ газетахъ появились и передовыя статьи, въ которыхъ, по словамъ „Московскихъ Вѣдомостей“, указывается, что „безъ содѣйствія сословій страны и не истребовавъ отзыва императорскаго сената Финляндіи, проведено нынѣ измѣненіе конституціи, ведущее къ тому, чтобы высшей власти предоставить непосредственное рѣшеніе всѣхъ дѣлъ, подходящихъ подъ растяжимое понятіе имперскихъ законовъ, подавляющее большинство коихъ, очевидно, такого свойства, что, согласно основнымъ законамъ, не могутъ быть рѣшаемы безъ содѣйствія сословій“. Дополненіемъ къ этимъ свѣденіямъ можетъ служить гельсингфорская корреспонденція „Новаго Времени“ (№ 8255). „Мѣстныя газеты“, по словамъ корреспондента, „напечатали ходатайство сейма, которое до сихъ поръ держалось въ секретѣ, несмотря на то, что сеймовая депутація давно уже вернулась изъ Петербурга. Такъ какъ представители финской націи обсуждали свое ходатайство при закрытыхъ дверяхъ, то нельзя, конечно, сказать, въ точномъ ли видѣ оглашено теперь ихъ ходатайство. Въ немъ изложено было слѣдующее. Депутаты финскаго народа, при открытіи настоящаго сейма обратили особенное вниманіе на то, что отъ нихъ требовалось только „заключе-

ченіе“ по проекту устава о воинской повинности, и что до утверждения этого устава будетъ запрошено по нему еще мнѣніе имперскаго учрежденія, въ виду того, что уставъ относится къ законоположеніямъ, имѣющимъ общегосударственный характеръ; но тѣмъ не менѣе депутаты приступили къ разсмотрѣнію порученнаго имъ дѣла, руководствуясь правилами, указанными въ основныхъ законахъ края, отнеся уставъ о воинской повинности къ такимъ законопроектамъ, по которымъ требуется согласіе земскихъ чиновъ. Но эти предположенія депутатовъ не находятъ себѣ подтвержденія въ манифестѣ 3-го февраля, такъ какъ § 2 „Основныхъ положеній“ объ изданіи общеимперскихъ законовъ даетъ возможность заключить, что проекты, касающіяся военнаго дѣла, будутъ разсматриваться въ порядкѣ, установленномъ для общегосударственныхъ законоположеній. Отсюда земскіе чины пришли къ выводу, что манифестъ находится къ неразрывной связи съ тѣмъ дѣломъ, для котораго они созваны на чрезвычайный сеймъ, вслѣдствіе чего они обратили особое вниманіе на новый порядокъ изданія общеимперскихъ законовъ, дабы также выполнить возложенную на нихъ задачу. Разсмотрѣніе „Основныхъ положеній“, объявленныхъ при манифестѣ, привело земскихъ чиновъ къ заключенію, что эти „Положенія“ устанавливаютъ такой порядокъ, который противорѣчитъ формѣ правленія 1772 г. и сеймовому уставу 1869 г., безъ соблюденія которыхъ ни одинъ законъ не можетъ получить надлежащей силы въ предѣлахъ Великаго Княжества. По новымъ „Основнымъ положеніямъ“ сейму придется давать только „заключенія“, каковыя заключенія, по разсмотрѣніи ихъ затѣмъ въ Государственномъ Совѣтѣ, могутъ быть измѣнены при окончательномъ утвержденіи законопроектовъ. Это правило вносить измѣненіе въ основной законъ края, а такое измѣненіе можетъ быть произведено не иначе, какъ съ согласія на то всѣхъ четырехъ сословій сейма, такимъ образомъ земскіе чины признаютъ, что „Основныя положенія“, какъ изданныя безъ участія сейма, не могутъ имѣть въ Финляндіи силы закона“... „Хлопоты сеймовой депутаціи, по сообщенію той же газеты, ни къ чему не привели“...

Непривлекательное, но любопытное зрѣлище представляетъ собою возня, поднимаемая въ нашей реакціонной печати при каждой новой попыткѣ освѣжить общественную атмосферу, оживить пульсъ общественной жизни. Какъ бы незначительна ни была проектируемая прибавка къ скудному освѣщенію, противъ нея возстаютъ изо всѣхъ силъ любители мрака. Невиннѣйшая мысль превращается, подъ ихъ рукою, въ опасный замыселъ; незнаніе конкуррируетъ съ нежеланіемъ знать, и въ результатъ получается колоссальное недоразумѣніе. Яр-

кимъ примѣромъ этому можетъ служить вопросъ объ изданіи общеземскаго органа. По совершенно случайному совпаденію обстоятельствъ, почти въ одно и то же время Вольное экономическое общество задумало возобновить прерванное, лѣтъ десять тому назадъ, изданіе „Земскаго Ежегодника“, предпославъ ему, подъ именемъ „Земскаго Сборника“, картину настоящаго положенія земскаго хозяйства— а въ средѣ предсѣдателей губернскихъ земскихъ управъ, собравшихся въ Москвѣ на открытіе памятника императору Александру II-му, зашла рѣчь объ основаніи общеземскаго *периодическаго органа*. Для всякаго непредубѣжденнаго глаза очевидно съ перваго взгляда существенное различіе между планомъ Вольнаго экономическаго общества и мыслью предсѣдателей губернскихъ управъ, дальнѣйшее развитіе которой взяла на себя московская губернская земская управа. Изданіе, проектируемое Вольнымъ экономическимъ обществомъ—вовсе не периодическій органъ въ обычномъ смыслѣ этого слова; оно должно давать только сгруппированные въ извѣстномъ порядкѣ факты, безъ всякаго ихъ обсужденія и освѣщенія. Правда, выпускать его въ свѣтъ предполагается ежегодно—но ежегодно публикуются и отчеты разныхъ присутственныхъ мѣстъ и учреждений, никогда и никѣмъ не относимые къ области периодической печати ¹⁾. Совсѣмъ другое дѣло—общеземскій органъ, который имѣется въ виду издавать при московской губернской земской управѣ; это былъ бы настоящій журналъ, въ которомъ, рядомъ съ фактическимъ матеріаломъ, помѣщались бы и литературно обработанныя статьи, касающіяся различныхъ отраслей земскаго дѣла. Точка соприкосновенія его съ „Земскимъ Ежегодникомъ“ заключалась бы только въ томъ, что дополненіемъ или приложеніемъ къ земскому журналу служилъ бы обзоръ дѣятельности всѣхъ земствъ за каждый истекшій годъ. Этого не хотѣтъ понять противники земства и всего земскаго. Нисколько не колеблясь, они выступаютъ въ походъ противъ обоихъ проектовъ, какъ совершенно тождественныхъ, и выбиваются изъ силъ, чтобы доказать одинаковую „некомпетентность“ Вольнаго экономическаго общества и московскаго губернскаго земства въ дѣлѣ изданія общеземскаго или „земско-имперскаго“ органа. Не останавливаются они, при этомъ, даже передъ тѣмъ общеизвѣстнымъ фактомъ, что Вольнымъ экономическимъ обществомъ „Земскій Ежегодникъ“ издавался уже неоднократно, не только безъ препятствій со стороны правительства, но даже съ прямой его поддержкой. Въ передовыхъ статьяхъ „охранительной“ газеты этотъ фактъ просто игнорируется или замалчивается,

¹⁾ Съ точки зрѣнія срочности периодическимъ органомъ признается, по закону, издаваніе, выходящее *болѣе двухъ разъ въ годъ*.

а въ одной изъ ея корреспонденцій онъ хотя и признается, но въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „передъ нами экземпляръ Земскаго Ежегодника, издававшагося еще въ семидесятыхъ годахъ. Но, во-первыхъ, къ чему же возобновлять то, что въ свое время приходилось уже прекращать? Во-вторыхъ, печальной памяти семидесяти годы намъ не указать: чего не дѣлалось въ эти годы и во все время существованія земства до его послѣдней реформы“¹⁾? На самомъ дѣлѣ „Земскій Ежегодникъ“ издавался Вольнымъ экономическимъ обществомъ не только въ семидесятыхъ, но и въ восьмидесятыхъ годахъ (вышли ежегодники за 1876, 1877, 1878, 1879, 1880, 1884 и 1885—86 гг.), т.-е. не только въ эпоху „печальной памяти“²⁾, но и въ то время, къ которому съ особенною любовью обращаются взоры нашихъ „охранителей“. Правительственныя субсидіи на изданіе „Земскаго Ежегодника“ были назначены, по Высочайшему повелѣнію, два раза: въ 1880 г., въ размѣрѣ 5.000 руб., и въ 1885 г.—въ размѣрѣ 6.000 р. Казалось бы, что этой исторической справкой устраняется всякая возможность предполагать, что за изданіемъ „Земскаго Ежегодника“ скрывается нѣчто неблагонадежное; но не такъ легко обезоружить полицейское рвеніе газетныхъ добровольцевъ. Изъ того, что Вольное экономическое общество обратилось къ земствамъ съ просьбою сообщить ему замѣчанія относительно задуманныхъ обществомъ изданій, корреспондентъ московской газеты выводитъ заключеніе, что „за земствами признается право какъ бы совѣщательнаго голоса въ рѣшеніи даже самыхъ принциповъ“³⁾ только еще проектируемаго Земскаго Сборника и Ежегодника“. Итакъ, — продолжаетъ бдительный стражъ порядка, — „будущая редакція земскаго органа черезъ организацію совокупнаго земскаго издательства обѣщаетъ поселить въ нашихъ умахъ вопросъ о какомъ-то объединеніи всѣхъ земствъ. Въ умѣ невольно возникаютъ вопросы: ужъ не признать ли полезнымъ послыку

¹⁾ См. передовыя статьи въ №№ 282 и 354 „Московскихъ Вѣдомостей“ за 1898 г. и корреспонденцію изъ Путивля — въ № 7 за 1899 г.

²⁾ Что въ семидесятыхъ годахъ правительство вовсе не было расположено къ расширенію правъ земства или предъловъ земской дѣятельности — это извѣстно всѣмъ, кто смотритъ на наше ближайшее прошлое не черезъ очки особаго рода.

³⁾ Что замѣчанія земствъ должны относиться именно къ *принципамъ* изданія — это корреспондентъ заключаетъ изъ того, что въ обращеніи Вольнаго экономическаго общества къ земствамъ не говорится ни слова о *программѣ* изданія. Текстъ обращенія Вольнаго экономическаго общества къ путивльскому земству намъ неизвѣстенъ; но въ письмѣ президента Вольнаго экономическаго общества къ предсѣдателю спб. губернской земской управы, напечатанномъ in extenso въ приложеніи къ одному изъ докладовъ управы послѣднему очередному губ. земскому собранію, изложены подробно программа и планъ изданія какъ „Земскаго Сборника“, такъ и „Земскаго Ежегодника“.

делегатовъ отъ всѣхъ соучастниковъ обще-хозяйственнаго изданія; ужъ не потребуется ли образованіе общеземской ревизіонной комиссіи для провѣрки суммъ, накаплиющихся изъ общеземскихъ субсидій"? Каковы полетъ мысли, какова смѣлость фантазіи! Изъ-за скромнѣйшаго предпріятія видѣется чуть не земскій соборъ; объединеніе земскихъ отчетовъ, докладовъ и журналовъ превращается въ объединеніе... всѣхъ земскихъ собраній!.. Фокусъ задуманъ довольно хитро, но исполненъ такъ грубо и неумѣло, что никого не можетъ ввести въ заблужденіе. Къ той же категоріи „покушеній негодными средствами“ принадлежитъ и намекъ, пускаемый въ ходъ уже непосредственно самою редакціею московской газеты—намекомъ на „извѣстнаго рода тайну“, которою, „умышленно или неумышленно, обставляется“ изданіе „общеземскаго органа“, и которая „особенно заставляетъ отнестись къ нему съ наибольшою осторожностью“. Можетъ ли быть рѣчь о какой-либо тайнѣ, когда открыто дѣйствующее общество обращается циркулярно къ нѣсколькимъ десяткамъ губернскихъ и нѣсколькимъ сотнямъ уѣздныхъ земствъ, и затѣмъ обращеніе это во всѣхъ земскихъ собраніяхъ подвергается публичному обсужденію, а постановленія собраній идутъ на просмотръ администраціи? Такую же гласность неминуемо должно было получить—и дѣйствительно получило—обращеніе московской губернской земской управы ко всѣмъ другимъ губернскимъ управамъ.

Если „Земскій Ежегодникъ“, возобновленіе котораго задумано Вольнымъ экономическимъ обществомъ, не имѣетъ характера періодическаго органа, то всѣ аргументы, приводимые противъ *права* общества на такое изданіе, падаютъ сами собою. Извлечь изъ массы печатныхъ документовъ, относящихся къ дѣятельности земскихъ учрежденій, все наиболѣе интересное и важное, привести эти извлечения въ систему и огласить ихъ путемъ печати можетъ всякій, съ соблюденіемъ, конечно, общихъ правилъ, установленныхъ закономъ. Возможное для частнаго лица возможно, конечно, и для общества, въ кругъ дѣйствій котораго входитъ изученіе народнаго хозяйства. Земство—учрежденіе по преимуществу хозяйственное; оно соприкасается на каждомъ шагѣ именно съ тѣми сторонами народной жизни, изслѣдованіе которыхъ составляетъ одну изъ главныхъ задачъ Вольнаго экономическаго общества. Такъ смотрѣло на дѣло и правительство, разрѣшая и даже субсидируя изданіе обществомъ „Земскихъ Ежегодниковъ“. Въ еще болѣе степени всѣ эти соображенія примѣнимы къ „Земскому Сборнику“—изданію единовременному, не повторяющемуся, предназначенному служить какъ бы разъ навсегда даннымъ предисловіемъ къ „Земскимъ Ежегодникамъ“.

Болѣе сложнымъ представляется, съ перваго взгляда, вопросъ объ

изданіи, одною изъ губернскихъ земскихъ управъ, общеземскаго періодическаго органа. Противъ этого плана приводится цѣлый рядъ возраженій. Предѣлы вѣдомства губернскихъ и уѣздныхъ земскихъ учреждений ограничиваются предѣлами соотвѣтственныхъ губерній и уѣздовъ и дальше ни въ какомъ случаѣ перенесены быть не могутъ; предпринять изданіе общеземскаго органа ни одно земство, слѣдовательно, не имѣетъ полномочій, и московское земство ничѣмъ, въ этомъ отношеніи, не отличается отъ всякаго другого; только министерству внутреннихъ дѣлъ присвоено закономъ право заботиться о мѣстномъ хозяйственномъ управленіи въ предѣлахъ всей имперіи, и нѣтъ учрежденія, которое бы раздѣляло съ министерствомъ эту компетенцію; официальный органъ, посвященный мѣстному управленію, можетъ, поэтому, издаваться только министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, обязаннымъ объединять дѣятельность земскихъ учреждений и устанавливать для нея общія руководящія начала; стоило бы только возобновить „Журналъ министерства внутреннихъ дѣлъ“ (выходившій съ 1829 по 1861 г.), отведя въ его программѣ широкое мѣсто вопросамъ мѣстнаго управленія—и потребность въ общерусскомъ земскомъ органѣ была бы удовлетворена; изданіе общеземскаго органа было бы, съ одной стороны, „новымъ шагомъ впередъ въ серіи послѣднихъ попытокъ земства къ занятію доминирующаго положенія“, а съ другой стороны—„новымъ видомъ либеральныхъ синекуръ“ для „тенденціозной, протестующей силы умственного пролетаріата“. Ни одинъ изъ этихъ доводовъ не выдерживаетъ критики. Изъ того, что ни одно земство не можетъ принять на себя завѣдываніе хозяйствомъ въ чужой губерніи или чужомъ уѣздѣ, вовсе еще не слѣдуетъ, чтобы одному изъ земствъ не могло быть предоставлено право издавать общеземскій періодическій органъ. Представимъ себѣ, что частному лицу пришло бы на мысль основать періодическое изданіе, посвященное всецѣло земскимъ дѣламъ и интересамъ; развѣ оно не могло бы обратиться къ министру внутреннихъ дѣлъ съ просьбою о разрѣшеніи ему такого изданія, и развѣ земскій его характеръ могъ бы послужить, самъ по себѣ, поводомъ къ отказу въ разрѣшеніи? Что доступно для частнаго лица, то доступно и для учрежденія, а слѣдовательно и для той или другой земской управы. Земская управа, какъ издатель и редакторъ, представляетъ для администраціи гарантіи даже болѣе серьезныя, чѣмъ частный предприниматель. Конечно, московская губернская земская управа не имѣетъ никакихъ преимуществъ передъ другими: инициативу основанія общеземскаго органа могла бы взять на себя любая губернская земская управа—но это, очевидно, аргументъ не противъ, а въ пользу московскаго ходатайства. Выбирать между управами при-

шло бы въ такомъ лишь случаѣ, еслибы онѣ конкурировали другъ съ другомъ—а о такой конкуренціи нѣтъ и рѣчи. Для удовлетворенія ходатайства, проектируемаго московскою губернскою земскою управою, нѣтъ необходимости въ согласіи всѣхъ остальныхъ земствъ, какъ оно не было бы необходимо и при изданіи общеземской газеты частнымъ лицомъ; дѣло можетъ быть начато хотя бы однимъ земствомъ, и поддержка остальныхъ важна только для обезпеченія матеріальной стороны предпріятія. Ответственной за изданіе являлась бы, во всякомъ случаѣ, исключительно та управа, которая получила бы разрѣшеніе основать и вести его. При сколько-нибудь удачномъ ходѣ предпріятія, оно скоро перестало бы требовать затратъ со стороны земствъ, окупая всѣ сопряженные съ нимъ расходы—а тѣ небольшія суммы, которыхъ оно стоило бы земствамъ въ первые свои годы, были бы вознаграждены съ избыткомъ пользою широкаго распространенія свѣдѣній о земскомъ дѣлѣ. Разрѣшая той или другой земской управѣ изданіе общеземскаго органа, министерство внутреннихъ дѣлъ не поступило бы ни одной частицей своей компетенціи; права его по отношенію къ земскимъ учрежденіямъ не уменьшились бы ни на одну іоту отъ того, что явилось бы періодическое изданіе, внимательно и своевременно отмѣчающее все сколько-нибудь новое и интересное въ сферѣ земской дѣятельности. Знакомить—не значить руководить; *влиять* на земство общеземскій органъ могъ бы отнюдь не въ болѣе мѣрѣ, чѣмъ любой журналъ, отводящій много мѣста земскому дѣлу и умѣло освѣщающій его главныя особенности. Замѣнить собою общеземскій органъ изданіе въ родѣ возобновленнаго „Журнала министерства внутреннихъ дѣлъ“ не могло бы уже по той простой причинѣ, что въ вѣдомство министерства внутреннихъ дѣлъ земскія учрежденія входятъ вмѣстѣ со многими другими, отнюдь не меньше обращающими на себя вниманіе центральной администраціи. Полиція, судебно-административныя и спеціально-крестьянскія учрежденія, дворянскія собранія, городскія общественныя управленія, врачебная, ветеринарная, страховая, строительная часть—все это заняло бы въ „Журналѣ министерства внутреннихъ дѣлъ“ такъ много мѣста, что о полномъ, всестороннемъ изображеніи въ немъ земской дѣятельности нельзя было бы и думать.

Допустимъ, однако, что рядомъ съ „Журналомъ министерства внутреннихъ дѣлъ“—или независимо отъ него—было бы основано особое оффиціальное изданіе, всецѣло посвященное земскому дѣлу. Получилась бы слѣдующая аномалія: земское хозяйство направляется земскими собраніями, непосредственно вѣдается земскими управами; на долю министерства внутреннихъ дѣлъ выпадаетъ въ этой области преимущественно контроль, рѣдко переходящій въ инициативу

или активное вмѣшательство; между тѣмъ, литературное, если можно такъ выразиться, воспроизведеніе и освѣщеніе земской дѣятельности сосредоточивалось бы въ рукахъ наблюдателей, а не дѣятелей. Понятно, что это не могло бы не отразиться на всемъ характерѣ изданія и очень значительно уменьшить цѣнность его для земства и для всѣхъ интересующихся земствомъ... Другія министерства, располагающія своими собственными органами, находятся въ совершенно иномъ положеніи: они сами играютъ дѣятельную роль въ тѣхъ сферахъ государственной или народной жизни, надъ изученіемъ и описаніемъ которыхъ трудятся ихъ журналы. Шансы успѣха имѣеть, притомъ, только такое предпріятіе, которое вызывается 'дѣйствительными, насущными потребностями и отвѣчаетъ имъ какъ по основной идеѣ, такъ и по способамъ ея осуществленія. Эти условія соединялъ бы въ себѣ, несомнѣнно, общеземскій органъ, мысль о которомъ созрѣвала медленно, но постоянно, и созрѣвала именно въ земской средѣ, между земскими дѣятелями. Официальное административное изданіе, посвященное, вполне или отчасти, земскому дѣлу, было бы, наоборотъ, созданіемъ чисто искусственнымъ, явившимся на свѣтъ исключительно въ видѣ отпора или противовѣса желаніямъ земства... Какимъ образомъ общеземскій органъ, подчиненный, наравнѣ съ другими, бдительному надзору цензурныхъ учреждений, могъ бы способствовать достиженію земствомъ „доминирующаго положенія“ — это секретъ нашихъ алармистовъ; разгадать его при свѣтѣ простого здраваго смысла совершенно невозможно. Что касается до другихъ „страшныхъ словъ“, пригвѣляемыхъ въ общеземскому органу — „либеральная синекура“, „умственный пролетаріатъ“, — то не слѣдуетъ забывать, что синекурами, въ словарѣ нашихъ противниковъ, называются должности земскихъ учителей, врачей, агрономовъ, статистиковъ, „живущихъ въ деревнѣ на земскій счетъ иногда совершенными паразитами“. Еслибы редакторы, сотрудники, корреспонденты общеземскаго органа оказались такими же „синекуристами“ и „паразитами“, какъ, напр., громадное большинство земскихъ врачей и учителей, то успѣхъ этого органа былъ бы обезпеченъ вполне и безусловно...

Со времени осуществленія судебной реформы у насъ перестали встрѣчаться дѣла, много лѣтъ ожидающія разрѣшенія въ одномъ и томъ же присутственномъ мѣстѣ. Если, въ исключительныхъ случаяхъ, уголовный или гражданскій процессъ тянется два, три года, то это зависитъ или отъ числа инстанцій, черезъ которыя онъ долженъ пройти, или отъ сложности обстоятельствъ, подлежащихъ предварительному разслѣдованію. Совсѣмъ не то мы видимъ въ области адми-

нистративной юстиціи, до сихъ поръ мало затронутой преобразованіями. Самыя простыя пререканія между администраціей и земствомъ, не требующія ни справокъ, ни большой подготовительной работы, часто остаются безъ движенія по нѣскольку лѣтъ и приходятъ къ концу, когда почти забытъ поводъ къ ихъ возбужденію. Только недавно, напримѣръ, состоялись опредѣленія перваго департамента сената по жалобамъ тверскаго губернскаго земства на постановленія тверскаго губернскаго по земскимъ дѣламъ присутствія, состоявшіяся въ началѣ 1896 года. Если и допустить, что уполномочіе на принесеніе жалобъ дано земскимъ собраніемъ лишь во время ближайшей очередной (а не экстренной) сессіи, т.-е. въ декабрѣ 1896 или въ январѣ 1897 года, то и въ такомъ случаѣ приходится признать, что между подачей жалобъ и ихъ разрѣшеніемъ прошло отъ 1½ года до двухъ лѣтъ, хотя сенату предстояло только получить заключеніе министра внутреннихъ дѣлъ. Мы едва ли ошибемся, если скажемъ, что ускореніе подобныхъ дѣлъ соотвѣтствовало бы интересамъ обѣихъ сторонъ, и что достигнуть его было бы весьма легко, установивъ разрѣшеніе виѣ очереди всѣхъ жалобъ земскихъ собраній на губернскія по земскимъ дѣламъ присутствія и вообще на органы административной власти. Если вѣрить тверскому корреспонденту „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“ (№ 39), въ сенатѣ остаются еще неразрѣшенными *десять* жалобъ тверскаго губернскаго земскаго собранія: пять на опредѣленія губернскаго по земскимъ дѣламъ присутствія, три на распоряженія министра внутреннихъ дѣлъ и двѣ на распоряженія министра народнаго просвѣщенія. Между тѣмъ, судя по жалобамъ разрѣшеннымъ, нѣкоторые изъ вопросовъ, подлежащихъ разсмотрѣнію сената, принадлежатъ къ числу не терпящихъ отлагательства. Доказательствомъ этому можетъ служить слѣдующій примѣръ. Тверское губернское земское собраніе, пользуясь правомъ, предоставленнымъ ему ст. 105 земск. Положенія, избрало особое лицо, въ помощь управѣ, для завѣдыванія страховымъ отдѣломъ и оцѣночнымъ бюро. Въ мартѣ 1896 г., это постановленіе собранія было отмѣнено губернскимъ по земскимъ дѣламъ присутствіемъ, въ виду неяснаго, будто бы, опредѣленія обязанностей, возложенныхъ на избранное лицо, и неуказанія мотивовъ, по которымъ понадобилось самое избраніе. Сенатъ, въ свою очередь, отмѣнилъ опредѣленіе губ. присутствія, признавъ достаточно ясными и мотивы, которыми руководилось земское собраніе, и обязанности избраннаго имъ лица. Около трехъ лѣтъ, такимъ образомъ, страховое и оцѣночное дѣло въ тверской губерніи оставалось, безъ всякихъ законныхъ причинъ, въ томъ неудовлетворительномъ состояніи, изъ котораго стремилось извлечь его земское собраніе. Еслибы выборъ, произведенный совершенно правильно, не былъ отмѣненъ губернскимъ по земскимъ дѣламъ при-

существомъ, земскому собранію, въ послѣдней очередной сессіи, не пришлось бы, по всей вѣроятности, констатировать „совершенный упадокъ“ страхового дѣла ¹⁾).

Необходимость ускорить процедуру разсмотрѣнія земскихъ жалобъ сдѣлается еще болѣе очевидной, если припомнить, что протесты губернаторовъ все чаще и чаще касаются земскихъ смѣтъ и раскладокъ, проникая, такимъ образомъ, въ самую глубь земскаго хозяйства и угрожая весьма серьезными затрудненіями и замѣшательствами. Въ нынѣшнемъ году, напримѣръ, тверской губернаторъ опротестовалъ раскладки всѣхъ уѣздныхъ земствъ (за исключеніемъ одного тверского), исключительно потому, что допущенное этими земствами увеличеніе земскаго обложенія „не соотвѣтствуетъ платежнымъ силамъ населенія и несогласно съ его интересами“. Понятно, какъ важно для земствъ скорѣйшее разрѣшеніе подобнаго протеста, отрицающаго въ корнѣ всякое развитіе земскаго хозяйства. Правда, протесты губернатора, мотивированные не противозаконностью постановленія, а явнымъ нарушеніемъ интересовъ мѣстнаго населенія, не доходятъ, вообще говоря, до разсмотрѣнія сената; послѣднее слово произносить, по отношенію къ нимъ, либо министръ внутреннихъ дѣлъ (въ случаѣ несогласія его съ губернаторомъ), либо государственный совѣтъ или комитетъ министровъ. Могутъ быть, однако, случаи, когда сомнѣнію подлежитъ самая законность протеста и, слѣдовательно, разрѣшенію его по существу должна предшествовать формальная его повѣрка, относящаяся къ кругу дѣйствій сената. Къ числу такихъ именно случаевъ принадлежитъ разномысліе, возникшее между тверскимъ земствомъ и тверской администраціей: губернское земское собраніе, отклонивъ протестъ губернатора противъ уѣздныхъ земскихъ раскладокъ, постановило, вмѣстѣ съ тѣмъ, обжаловать сенату распоряженіе губернатора о пріостановкѣ раскладокъ. И въ самомъ дѣлѣ, въ протестѣ губернатора нѣтъ даже указанія на то, чтобы увеличеніе земскаго обложенія *явно* нарушало интересы плательщиковъ ²⁾; говорится только о *несогласіи* его съ этими интересами, о *несоотвѣтствіи* его платежнымъ силамъ населенія. Увеличеніе обложенія, само по себѣ взятое, никогда не можетъ *явно* нарушать интересы населенія; все дѣло въ томъ, чѣмъ оно вызывается, на что долженъ идти избытокъ сборовъ. Опротестованіе раскладки немислимо, поэтому, безъ одновременнаго опротестованія тѣхъ статей смѣты, которыя увеличены въ сравненіи съ прежнимъ или въ которыхъ возможны сокращенія. Правда, ст. 15-я правилъ о составленіи, утвержденіи и испол-

¹⁾ Членъ управы, завѣдывавшій страховымъ дѣломъ, вышелъ въ отставку, а за нимъ послѣдовалъ и предсѣдатель управы.

²⁾ О значеніи и важности этого слова мы подробно говоримъ ниже.

неніи земскихъ смѣтъ и раскладокъ предусматриваетъ возможность опротестованія *всей* раскладки; но это, очевидно, относится только къ тѣмъ случаямъ, когда оспариваются самыя *основанія* раскладки, т.-е. общія начала земскаго обложенія. Ничего подобнаго протестъ тверскаго губернатора противъ земскихъ раскладокъ въ себѣ не заключаетъ. Возражая противъ чрезмѣрной высоты земскаго обложенія, тверской губернаторъ предъявляетъ, въ то же время, такія требованія, удовлетвореніе которыхъ повлекло бы за собою увеличеніе расходовъ: онъ протестуетъ, также во имя интересовъ населенія, противъ постановленій девяти уѣздныхъ собраній, отклонившихъ повышение вознагражденія законоучителямъ—а изъ числа этихъ собраній восемь принадлежатъ къ категоріи тѣхъ, раскладки которыхъ опротестованы губернаторомъ. Лучшаго доказательства тому, что раскладки (т.-е. размѣры раскладокъ) не могутъ быть оспариваемы отдѣльно отъ смѣтъ, нельзя себѣ и представить.

Годъ тому назадъ харьковское губернское земское собраніе ассигновало двѣсти тысячъ рублей на развитіе начальнаго обученія въ губерніи; это постановленіе не было опротестовано и вошло въ законную силу. Въ нынѣшнемъ году оно было повторено—и вызвало протестъ, основанный на томъ, что ассигновки не предшествовали ни разработкѣ школьной сѣти, ни разграниченію круга дѣйствій губернскаго и уѣздныхъ земствъ въ области народнаго образованія. По справедливому замѣчанію „Недѣли“, эти соображенія могли быть противопоставлены и прошлогоднему постановленію собранія; по отношенію къ новому постановленію, составляющему, въ сущности, только повтореніе прежняго, они являются очевидно запоздалыми... Курское губернское земское собраніе, въ очередной сессіи своей (въ декабрѣ 1898 г.), постановило внести въ смѣту 36 тысячъ рублей для выдачи безвозвратныхъ пособій на постройку новыхъ училищныхъ зданій. Это постановленіе было опротестовано губернаторомъ, какъ нарушающее интересы мѣстнаго населенія. Главные мотивы протеста заключаются въ слѣдующемъ: въ доходный бюджетъ земства внесено болѣе 377 тыс. руб. недоимокъ, между тѣмъ какъ въ 1897 г. ихъ поступило только 176 тыс., въ 1898 г. (по 1 ноября)—190 тыс. руб. За губернскимъ земствомъ числится долга капиталамъ страховому—586 тыс., запасному—почти 80 тыс. рублей. Въ виду такого печальнаго положенія земскихъ финансовъ, всякое сокращеніе смѣтнаго расхода соответствуетъ интересамъ населенія. Съ другой стороны, на постройку новыхъ школьныхъ зданій губернскимъ земствомъ назначено уже изъ специальныхъ капиталовъ (коронаціоннаго и Жданова) болѣе 70 тыс. руб. Существующихъ и вновь сооружаемыхъ начальныхъ народныхъ школъ (включая школы церковно-приходскія и грамоты) вполне достаточно для предо-

ставленія возможности обученія всѣмъ желающимъ, лучшимъ доказательствомъ чему служитъ принятый собраніемъ докладъ о необходимости, для привлеченія въ народныя школы большаго числа учащихся, возбудить ходатайство о дарованіи окончившимъ курсъ новыхъ льготъ по воинской повинности и объ освобожденіи ихъ отъ тѣлеснаго наказанія. Распространеніе грамотности конечно желательно, но при настоящемъ тяжеломъ положеніи земскихъ плательщиковъ, при задолженности земства и при ассигнованіяхъ на народное образованіе, сдѣланныхъ какъ уѣздными земствами, такъ и губернскимъ, усиленная постройка новыхъ школьныхъ зданій не можетъ быть признана настоятельно необходимой. При разсмотрѣніи этого протеста въ губернскомъ по земскимъ дѣламъ присутствіи, голоса членовъ раздѣлились поровну: всѣ выборные члены присутствія (губернскій предводитель дворянства, предсѣдатель губернской земской управы, членъ отъ земскаго собранія и городской голова) высказались противъ протеста; всѣ назначенные члены (кромѣ губернатора—вице-губернаторъ, прокуроръ окружнаго суда и представитель контрольной палаты) съ нимъ согласились, послѣ чего дѣло, на основаніи ст. 91 Полож. о земск. учрежд., представлено на усмотрѣніе министра внутреннихъ дѣлъ. Въ своемъ особомъ мнѣніи предсѣдатель губернской управы указываетъ, прежде всего, на то, что ростъ губернской земской смѣты за послѣдніе годы обусловливается, главнымъ образомъ, причисленіемъ къ ней суммъ дорожнаго и разныхъ другихъ специальныхъ капиталовъ. За вычетомъ этихъ суммъ, количество земскихъ расходовъ приблизительно равняется тому, которое вносилось въ смѣту въ 1894 или 1895 г. Очень мало измѣнялся, за послѣдніе годы, и размѣръ земскаго обложенія, колеблющійся между 13,93 и 14,49 коп. съ десятины. Сумма недоимокъ губернскаго земскаго сбора, безспорно, очень велика (болѣе одного миліона рублей), но она распредѣлена между уѣздами до крайности неравномѣрно: на *пяти* уѣздахъ ея числится около 745 тыс., на *десяти* остальныхъ—около 291 тыс. руб.; отсюда—а также изъ сравненія курской губерніи съ сосѣдними, не меньше пострадавшими отъ недорядковъ,—ясно, что причину накопленія недоимокъ слѣдуетъ искать не въ одномъ только экономическомъ положеніи населенія. Курское губернское земство ежегодно ходатайствуетъ передъ начальникомъ губерніи о болѣе настоятельномъ взысканіи недоимокъ въ наиболѣе задолженныхъ уѣздахъ; зачислять въ губернскую смѣту довольно значительную сумму недоимокъ (около $\frac{1}{3}$ общей ихъ цифры) оно признаетъ справедливымъ, потому что этимъ путемъ избѣгается чрезмѣрное увеличеніе обложенія аккуратныхъ земскихъ плательщиковъ. Въ двухъ изъ числа наиболѣе задолженныхъ уѣздовъ уѣздныя земскія собранія сразу увеличили обложеніе на $4\frac{1}{2}$ и $5\frac{1}{2}$

коп. съ десятины—и это не было опротестовано губернаторомъ; между тѣмъ, расходъ на постройку школьныхъ зданій, признаваемый явно нарушающимъ интересы населенія, влечетъ за собою повышеніе обложенія всего на 0,11 коп. съ десятины. Изъ специальныхъ капиталовъ ассигновано въ *пособіе* на постройку школьныхъ зданій не 70, а всего 9 тысячъ рублей; остальные 61 тыс. предназначены на выдачу *процентныхъ ссудъ*, которыми могутъ воспользоваться лишь сравнительно зажиточныя сельскія общества. Что потребность населенія въ обученіи удовлетворяется далеко не вполне, это видно уже изъ того, что въ 1897-98 учебномъ году четвертой части дѣтей, желавшихъ вступить въ школы, отказано въ приемѣ, главнымъ образомъ, въ виду тѣсноты школьныхъ помѣщеній; въ нѣкоторыхъ школахъ процентъ отказовъ доходитъ до 35. На самомъ дѣлѣ число дѣтей, не находящихъ мѣста въ школахъ, еще гораздо больше; родители часто и не пытаются вести въ школу своихъ дочерей, зная, что, за тѣснотою помѣщенія, въ школу принимаются только мальчики. Никакого доклада о необходимости привлеченія въ школы большаго числа учащихся губернскому собранію представляемо не было; рѣчь шла только о мѣрахъ къ увеличенію числа дѣтей, *окачивающихъ курсъ* въ начальной школѣ ¹⁾. Чрезвычайное губернское земское собраніе, соглашаясь съ особымъ мнѣніемъ предсѣдателя губернской земской управы, постановило, 23-го минувшаго января, представить объяснительныя докладныя записки министрамъ внутреннихъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, ходатайствовать объ отмініи послѣдней части 2-го пункта 87-ой статьи Полож. о земск. учред. и занять изъ specialнаго капитала 36 тыс. руб. на постройку школьныхъ зданій.

Пререканіе между курскимъ губернскимъ земствомъ и курской губернской администраціей представляетъ много интереснаго и поучительнаго. Характерно, во-первыхъ, что возраженія противъ постановленія земскаго собранія основаны, отчасти, на неточныхъ данныхъ. Суммы, выдаваемыя въ ссуду и за проценты, смѣшаны съ суммами, выдаваемыми въ безвозвратное пособіе; губернскому собранію приписано рѣшеніе, котораго оно на самомъ дѣлѣ вовсе не постановляло; существующія и сооружаемыя начальныя школы признаны достаточными для *предоставленія возможности обученія всѣмъ желающимъ*, между тѣмъ какъ число отказовъ въ приемѣ, преимущественно за тѣ-

¹⁾ Прибавимъ къ этому, что, по имѣющимся у насъ достовѣрнымъ свѣдѣніямъ, курское губернское земство вовсе не возбуждало ходатайства объ избавленіи отъ тѣлеснаго наказанія лицъ, окончившихъ курсъ въ начальныхъ школахъ. Предложенія въ этомъ смыслѣ были дѣлаемы нѣкоторыми уѣздными земствами, но губернское земство ходатайствовало объ отмініи тѣлеснаго наказанія для всѣхъ крестьянъ вообще.

снотю школьных помѣщеній, доходить до 25, а въ иныхъ уѣздахъ—до 35⁰/. Не мѣньшаго вниманія заслуживаетъ, во-вторыхъ, и опредѣленіе губернскаго по земскимъ дѣламъ присутствія. Большинство присутствія (т.-е. большинство въ силу перевѣса, принадлежащаго голосу председателя) нашло возможнымъ *отмѣнить* постановленіе губернскаго собранія, между тѣмъ какъ по закону (Полож. о земск. учрежд. ст. 91) отъ него требовалось только *заключеніе* по спорному вопросу,—и отмѣнить его, притомъ, какъ *состоявшееся въ нарушение интересовъ мѣстнаго населенія*, между тѣмъ какъ по закону (ст. 87 пун. 2) поводомъ къ отмѣнѣ нарушение этихъ интересовъ можетъ служить лишь тогда, когда оно представляется *явнымъ*. Слово: *явное* имѣетъ здѣсь рѣшающее значеніе: оно не можетъ быть предполагаемо или подразумеваемо, а должно быть высказано прямо и подтверждено достаточными доказательствами. Установить совершенно точную, опредѣленную границу между нарушеніями явными и неявными не можетъ, конечно, ни законъ, ни практика; но столь же несомѣнно и то, что есть признаки, отсутствіе которыхъ устраняетъ возможность говорить о *явномъ* нарушеніи интересовъ населенія. Эти признаки—наличность вреда и ничѣмъ не перевѣшиваемая и даже не уравниваемая его серьезность. Увеличеніе обложенія на 0,11 коп. съ десятины едва замѣтно для населенія, составляя, напримѣръ, съ небольшимъ рубль—для владѣльца тысячи десятинъ, меньше копейки — для владѣльца средняго крестьянскаго двора; но если бы даже уплата подобной суммы и могла считаться для кого-либо обременительной и, слѣдовательно, вредной, то этотъ вредъ былъ бы совершенно ничтоженъ сравнительно съ пользой, приносимой просторными, здоровыми школьными помѣщеніями. Говоря о *явномъ* нарушеніи интересовъ населенія, законъ, очевидно, имѣетъ въ виду такіе случаи, когда неосновательность земскаго постановленія бросается въ глаза всякому безпристрастному наблюдателю, а не составляетъ предметъ спора, одинаково легко допускающаго разрѣшеніе и въ ту, и въ другую сторону. Можно, пожалуй, находить, что быстрымъ распространеніемъ хорошихъ школьныхъ зданій не окупается даже самое ничтожное повышеніе земскихъ сборовъ—но нельзя возводить такой субъективный взглядъ на степень положенія, стоящаго внѣ всякихъ сомнѣній. Съ гораздо большимъ основаніемъ можно утверждать, наоборотъ, что *явно вредятъ* населенію плохія, тѣсныя школьныя помѣщенія, не только отзываются неблагоприятно на здоровьѣ и физическомъ развитіи дѣтей, но и влекутъ за собою сравнительную дороговизну обученія: вѣдь жалованье учащаго, составляющее главный школьный расходъ, бываетъ, обыкновенно, одно и то же какъ при 25, такъ и при 50 учащихся. Другими словами, въ обширномъ помѣщеніи стоимость обученія каждаго отдѣль-

наго ученика может понизиться почти вдвое; за тѣ же деньги может получить образованіе почти вдвое большее число дѣтей. Курскій инцидентъ показываетъ съ особенною ясностью, какъ опасно право администраціи протестовать противъ существа постановленій, совершенно законныхъ и не выходящихъ за предѣлы земской компетенціи... Ошибочно было бы думать, что администрація пользуется этимъ правомъ лишь въ видахъ уменьшенія земскаго обложенія; иногда ея протесты клонятся къ повышенію земскихъ расходовъ, а слѣдовательно и земскихъ сборовъ. Такъ напримѣръ, вятскій губернаторъ протестовалъ недавно противъ постановленій уѣздныхъ земствъ, прекратившихъ выдачу субсидій на церковно-приходскія школы. Его протестъ былъ уваженъ большинствомъ губернскаго земскаго собранія, состоявшимъ изъ представителей административныхъ вѣдомствъ и предсѣдателей уѣздныхъ сѣздовъ (въ вятской губерніи назначаемыхъ администраціей). Объ этомъ нельзя не пожалѣть уже потому, что при другомъ постановленіи губернскаго собранія дѣло могло бы дойти до государственнаго совѣта, ни разу еще, кажется, не имѣвшаго случая разрѣшать подобные конфликты между администраціей и земствомъ.

Одно изъ многочисленныхъ постановленій тверскаго губернскаго земскаго собранія, опротестованныхъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, бывшимъ тверскимъ губернаторомъ и отмѣненныхъ губернскимъ по земскимъ дѣламъ присутствіемъ, касалось постановки въ земской (бурашевской) колоніи душевно-больныхъ портрета бывшего старшаго врача колоніи, г. Лявинува. Сенатъ, которому губернское собраніе принесло жалобу на опредѣленіе губернскаго присутствія, отмѣнилъ это опредѣленіе, признавъ, что „въ законѣ нигдѣ не содержится правила, коимъ воспрещалось бы земскимъ собраніямъ дѣлать распоряженія о постановкѣ въ подвѣдомственныхъ имъ учрежденіяхъ портретовъ лицъ, служившихъ въ земствѣ и дѣятельностью своею на пользу названныхъ учреждений заслуживающихъ особаго уваженія и признательности мѣстнаго населенія“. Для осуществленія земскими собраніями принадлежащаго имъ права не требуется, по мнѣнію сената, предварительнаго согласія высшей правительственной власти. Это толкованіе сената реакціонная газета ¹⁾ поспѣшила провозгласить „страннымъ“. Если отсутствіе воспрещенія—таковъ первый ея доводъ—равносильно дозволенію, то нѣтъ логическаго основанія отказывать земству въ правѣ ставить у себя портреты лицъ, никакого отношенія къ земству не имѣющихъ и не имѣвшихъ, хотя бы это были Дантоны, Мараты и т. п. Нѣтъ, такое логическое основаніе

¹⁾ См. „Московскія Вѣдомости“, № 26.

существуетъ, и оно совершенно ясно указано сенатомъ. Кругъ дѣйствій земства опредѣленъ закономъ, и оно не должно выходить изъ него и тогда, когда стремится увѣковѣчить память о чьихъ-либо заслугахъ: это должны быть заслуги, оказанныя, въ земской сферѣ, населенію данной мѣстности. Передъ этимъ соображеніемъ падаетъ почти вся аргументація „охранителей“—падаетъ фантастическая картина музеевъ, народныхъ аудиторій, „народныхъ домовъ“, наполненныхъ портретами и статуями систематическихъ враговъ правительства... Правительство и земство,—продолжаетъ газета,—могутъ расходиться въ оцѣнкѣ дѣятельности лица, память котораго предполагается увѣковѣчить постановкой его портрета. Въ видѣ примѣра называется бывшій профессоръ московскаго университета Эрисманъ, „извѣстный гораздо болѣе своими социалистическими убѣжденіями, чѣмъ научными заслугами“. Съѣздъ земскихъ врачей московской губерніи, по предложенію предсѣдателя московской губернской земской управы, послалъ г. Эрисману, въ прошломъ году, пріятельственную телеграмму; можетъ, слѣдовательно, возникнуть вопросъ и о постановкѣ его портрета... Каковы политическія убѣжденія проф. Эрисмана, къ какой партіи онъ применилъ, поселясь въ Швейцаріи ¹⁾—этого мы не знаемъ, какъ не знаютъ, вѣроятно, и земскіе врачи московской губерніи; и намъ, и имъ извѣстны, зато, научныя и общественныя заслуги ученаго гигиениста, такъ много сдѣлавшаго для земской медицины. Только онъ, очевидно, могли и могутъ послужить основаніемъ къ чествованію г. Эрисмана со стороны земства—чествованію совершенно безразличному и безобидному въ политическомъ отношеніи. Только болѣзненно разстроенному или намѣренно разстраиваемому воображенію можетъ чудиться что-то опасное въ простомъ выраженіи чувствъ, иногда вытекающемъ прямо изъ сознанія долга. Чтобы быть вполне послѣдовательными, московскіе „охранители“ должны предложить запрещеніе земствамъ не только ставить портреты земскихъ дѣятелей, но и выражать имъ благодарность постановленіями, адресами, телеграммами или инымъ путемъ; вѣдь и здѣсь земство можетъ разойтись съ администраціей, одобрявъ то, что послѣдняя признаетъ заслуживающимъ поощренія...

Чѣмъ упорнѣе ведется агитація противъ земскихъ учреждений, тѣмъ болѣе отрадное впечатлѣніе производитъ всякая законодательная или административная мѣра, расширяющая кругъ дѣйствій земства или увеличивающая его ресурсы. Къ числу такихъ мѣръ при-

¹⁾ Если вѣрить „Московскимъ Вѣдомостямъ“, проф. Эрисманъ выбранъ въ цюрихскомъ кантонѣ представителемъ социаль-демократической партіи.

надлежитъ проектируемое снятіе съ земства разныхъ обязательныхъ издержекъ, равносильное повышенію земскихъ расходовъ. По словамъ официальной „Торгово-Промышленной Газеты“, земство предполагается освободить: а) съ 1899 г.—отъ расхода по содержанію канцелярій губернскихъ по земскимъ и городскимъ дѣламъ присутствій, отъ уплаты казнѣ квартирныхъ окладовъ полицейскихъ чиновъ, получающихъ квартиры въ казенныхъ зданіяхъ, и отъ взноса поступающихъ въ общіе ресурсы казны пособій на содержаніе гимназій, прогимназій (мужскихъ и женскихъ) и реальныхъ училищъ, и б) съ 1900 г.—отъ расходовъ по квартирному довольствію чиновъ полиціи (исправниковъ, ихъ помощниковъ, становыхъ приставовъ и полицейскихъ урядниковъ) и судебныхъ слѣдователей, отъ издержекъ по содержанію и дѣлопроизводству присутствій по воинской повинности и отъ всѣхъ, сверхъ упомянутыхъ въ пунктѣ а, расходовъ по содержанію казенныхъ общеобразовательныхъ среднихъ учебныхъ заведеній. На выполненіе указанныхъ въ пун. а расходовъ въ теченіе 1899 г. земскимъ учрежденіямъ имѣется въ виду назначить пособие отъ казны въ размѣрѣ почти двухъ милліоновъ. Мы едва ли ошибемся, если скажемъ, что еще выше будетъ сумма расходовъ, отъ которыхъ земства освободятся въ 1900 г. Въ общемъ, сбереженіе, дѣлаемое земствомъ, превыситъ, вѣроятно, пять милліоновъ рублей—и эта сумма, поступающая въ полное распоряженіе земства, доставитъ ему возможность увеличить довольно замѣтно производительные его расходы. Нужно надѣяться, что всего больше выиграетъ отъ этого дѣло народнаго образованія. Не лишентъ значенія и предстоящій отпускъ земству ежегодно одного милліона рублей на офѣнчныя работы, производимыя въ силу закона 8 іюня 1893 г.—не лишентъ значенія какъ потому, что онъ ускоритъ окончаніе оцѣнки, до сихъ поръ почти не подвигавшейся впередъ, такъ и потому, что послѣ завершенія офѣнчныхъ работъ вся назначенная на нихъ сумма будетъ поступать въ общіе ресурсы губернскихъ земствъ. Трудно предположить, чтобы улучшеніе матеріальнаго положенія земскихъ учреждений было предпринимаемо какъ разъ въ то время, когда готовится ихъ юридическое или фактическое упраздненіе...

Само собою разумѣется, однако, что для окончательной прочности и твердости земскихъ финансовъ нужно нѣчто гораздо большее, чѣмъ совокупность мѣръ, указанныхъ выше. Есть еще одна статья обязательныхъ земскихъ расходовъ, имѣющая въ значительной степени общегосударственный характеръ: это—подводная повинность, въ большинствѣ уѣздовъ переложенная на деньги и занимающая весьма видное мѣсто въ земскихъ бюджетахъ. Если казна беретъ на себя расходы по квартирному довольствію полицейскихъ чиновниковъ и

судебныхъ слѣдователей, то нѣтъ, очевидно, никакого основанія оставлять за земствомъ расходы по ихъ разъѣздамъ; подводную повинность земство должно нести лишь настолько, насколько ею пользуются служащіе въ земствѣ—предсѣдатель и члены управы, земскіе врачи, ветеринары, техники, страховые агенты и т. п. Определить взаимное отношеніе расходовъ, упдающихъ на казну и на земство, было бы нетрудно; въ каждомъ уѣздѣ есть, безъ сомнѣнія, подробныя свѣденія о числѣ верстъ, которыя проѣхалъ за послѣдніе годы каждый имѣющій право бесплатнаго пользованія земскими лошадьми. Освобожденіе земства отъ расходовъ по разъѣздамъ чиновъ полиціи имѣло бы и ту хорошую сторону, что положило бы конецъ соглашеніямъ между полиціей и земствомъ—соглашеніямъ, въ силу которыхъ открытый листъ на бесплатный проѣздъ замѣняется, иногда, уплатою заранѣе опредѣленной суммы, какъ вознагражденія за наемъ лошадей и экипажей. Такія сдѣлки могутъ прикрывать собою вознагражденіе полиціи за усердное взиманіе земскихъ сборовъ и недоимокъ; онѣ нежелательны и потому, что при дѣйствіи ихъ полицейскіе чины рѣже выѣзжаютъ изъ уѣзднаго города и чаще вызываютъ туда сельскихъ старостъ и волостныхъ старшинъ... Въ иныхъ уѣздахъ (напр. въ царскосельскомъ, гдѣ помѣщается красносельскій лагерь) весьма отяготителенъ для земства и другой видъ подводной повинности—поставка подводъ для перевозки войскъ, оплачиваемыхъ земствомъ, въ страдное время, гораздо дороже официальной цѣны, служащей основаніемъ для расчета... О другихъ средствахъ улучшенія и упорядоченія земскихъ финансовъ намъ приходилось говорить уже не разъ: это—увеличеніе числа источниковъ земскаго дохода и обезпеченіе исправнаго поступленія земскихъ сборовъ.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 марта 1899.

Кончина Феликса Фора и президентскіе выборы во Франціи. — Новый президентъ, Эмиль Лубе. — Жизнь и дѣятельность Фора. — Успѣхи современной демократіи. — Французскія дѣла и англійская политика. — Министерскій кризисъ въ Венгріи.

Внезапная кончина президента Феликса Фора, 16-го (4) февраля, подвергла Францію новому испытанію, присоединивъ еще президентскій кризисъ къ тяжелой политической путаницѣ послѣдняго времени. Переимѣна главы государства совершилась, впрочемъ, въ полномъ порядкѣ, безъ всякихъ замѣшательствъ. Въ силу конституціи 1875 года, президентъ совѣта министровъ, Шарль Дюпюи, тотчасъ же вступилъ во всѣ права и обязанности высшаго представителя исполнительной власти, а президентъ сената, Эмиль Лубе, въ качествѣ законнаго предсѣдателя конгресса, назначилъ день и часъ собранія обѣихъ палатъ въ Версали, для избранія новаго президента республики. Конгрессъ, 18-го февраля, избралъ президентомъ Эмиля Лубе, большинствомъ 483 голосовъ противъ 279, данныхъ Малину. Радикалы и социалисты дѣйствовали на этотъ разъ за-одно съ умѣренными республиканскими группами, стараясь обезпечить успѣхъ выставленной ими кандидатуры Лубе; клерикалы правой и такъ-называемые „націоналисты“ упорно стояли за Малина, несмотря на категорическій отказъ его отъ соперничества съ президентомъ сената. Самъ Малинъ демонстративно подалъ свой голосъ за Лубе, точно также какъ и старый вождь радикальной партіи, Бриссонъ. Съ именемъ Малина, возстававшего, въ свое время, противъ пересмотра процесса Дрейфуса, связывалась, очевидно, запоздалая манифестация по этому злополучному дѣлу; противники пересмотра желали вновь выразить свои чувства и съ этою именно цѣлью вотировали за Малина, а не за Лубе, который не имѣлъ вовсе случая занять столь опредѣленное положеніе въ дѣлѣ Дрейфуса. Постъ президента республики во Франціи при настоящихъ обстоятельствахъ представляетъ мало заманчиваго для видныхъ политическихъ дѣателей республиканской партіи, и если Эмиль Лубе согласился промѣнять спокойное мѣсто президента сената на хлопотливую и крайне отвѣтственную роль официального главы государства, то только вслѣдствіе единодушнаго рѣшенія сенатскаго большинства, къ которому применила значительная часть палаты депутатовъ. На первыхъ порахъ Лубе неоднократно и энер-

гически отклонялъ предложенную ему кандидатуру, въ виду недостаточной популярности и даже малой извѣстности своего имени въ народныхъ массахъ. Но громкихъ и крупныхъ именъ вообще очень немного въ политическомъ мірѣ современной Франціи, и изъ нихъ нѣтъ почти ни одного, которое было бы настолько нейтрально, чтобы внушать одинаковое довѣріе всѣмъ партіямъ. Для исполненія сложныхъ и щекотливыхъ обязанностей президента республики требуются особые качества, которыми рѣдко обладаютъ люди, выдвинутые политической жизнью на первый планъ; тутъ нужны не боевыя натуры, не блестящіе ораторскіе таланты, а прежде всего спокойные, уравновѣшенные характеры, дѣятели, не замѣшанные въ страстную партійную борьбу, ничѣмъ не скомпрометтировавшие себя въ прошломъ и сумѣвшие пріобрѣсти уваженіе не только единомышленниковъ, но и противниковъ безукоризненною корректностью своего поведенія въ общественныхъ и личныхъ дѣлахъ,—притомъ обеспеченные матеріальными средствами и привыкшіе жить открыто, съ нѣкоторымъ оттѣнкомъ гостепріимства и щедрости. Эти разнообразныя черты могутъ быть хорошо извѣстны только ограниченному кругу лицъ, и публика скорѣе угадывала, чѣмъ понимала мотивы успѣха того или другого кандидата при президентскихъ выборахъ. Почему Эмиль Лубе три раза подъ рядъ избирался президентомъ сената, когда въ числѣ его коллегъ есть такіа свѣтила, какъ Фрейсинэ и Вальдекъ-Руссо,—этого мы въ точности не знаемъ; но несомнѣнно, что тѣ же соображенія, которыя побуждали сенаторовъ трижды выбирать своимъ президентомъ Лубе, руководили и всѣми республиканскими группами конгресса при избраніи его президентомъ республики. Феликсъ Форъ также не принадлежалъ къ числу знаменитостей, когда на немъ остановился выборъ конгресса 17-го января 1895 года; онъ былъ только морскимъ министромъ въ кабинетѣ Шарля Дюпюи и не выдавался ничѣмъ особеннымъ изъ ряда своихъ товарищей, когда постъ главы государства сдѣлался вакантнымъ вслѣдствіе добровольной отставки Казимира Перье. Правда, тогда Франція не была еще поглощена дѣломъ Дрейфуса, и не существовало еще клички „дрейфусаръ“, которую стали теперь примѣнять ко всякому, кто несогласенъ съ „патріотами“, отрицающими правосудіе во имя поклоненія авторитету арміи и ея генеральнаго штаба; газеты извѣстнаго типа никого не щадятъ своимъ ядовитымъ злословіемъ, и на Эмиля Лубе посыпались уже всевозможныя обвиненія и ругательства, поражающія своею фантастичностью. Лубе былъ главою министерства съ февраля по ноябрь 1892 года; тогдашній министръ юстиціи, Рикаръ, руководившій судебнымъ слѣдствіемъ по дѣлу Панамы, возбудилъ противъ себя неудовольствіе нѣкоторой части палаты, что и привело къ паденію кабинета, и этотъ за-

бытый нынѣ фактъ даетъ уже поводъ припутывать имя Лубѣ къ печальному панамскому дѣлу. Лубѣ никогда не высказывался публично ни за, ни противъ виновности Дрейфуса, и эта сдержанность представляется уже какъ доказательство его прикосновенности къ пресловутой дрейфусарской интригѣ. Нападки такихъ искателей бульварнаго успѣха, какъ Дрюмонъ, Рошфоръ и ихъ союзники, перестали, однако, производить впечатлѣніе на серьезную часть французскаго общества, и Франція имѣетъ полное основаніе считать, что президентъ, единодушно выбранный республиканскимъ большинствомъ конгресса, при участіи даже своего конкуррента Малина и безупречнаго Бриссона, будетъ достойнымъ главою республики. Что касается Европы, то ей остается лишь принять къ свѣдѣнію состоявшійся выборъ и отнестись къ новому президенту съ подобающимъ уваженіемъ, какъ къ законному высшему представителю французской націи. Особенно обязательно такое отношеніе для друзей и союзниковъ Франціи, желающихъ поддерживать съ нею прежнія близкія связи, и потому сторонники франко-русскаго союза въ нашей печати не должны бы повторять непріязненные отзывы о Лубѣ и выходки противъ него завѣдомыхъ враговъ французскаго правительства, Дрюмона, Деруледа и имъ подобныхъ, какъ это систематически дѣлаетъ почему-то самая распространенная изъ нашихъ большихъ ежедневныхъ газетъ. Стоятъ за тѣсный officialный союзъ съ Франціею и въ то же время оцѣнивать ея внутреннія дѣла съ точки зрѣнія бывшихъ буланжистовъ, ведущихъ упорную борьбу противъ нынѣшней французской республики, болѣе чѣмъ странно, и тактика „Новаго Времени“ кажется намъ вообще непонятною. Мы были въ союзѣ съ президентомъ Форомъ и его правительствомъ; теперь мы въ союзѣ съ президентомъ Лубѣ, а съ этой политической дружбой, очевидно, несовмѣстима солидарность съ непримиримыми внутренними врагами officialной Франціи.

Съ президентами республики повторяется отчасти то же самое, что прежде говорилось о короляхъ: „le président est mort,—vive le président“! Не успѣлъ еще сойти въ могилу Феликсъ Форъ, какъ всѣ уже заняты толками объ его преемникѣ, Эмиль Лубѣ. Между тѣмъ страна понесла весьма чувствительную утрату въ лицѣ покойнаго президента. Вѣсть о кончинѣ Форы отъ апоплексическаго удара поразила всѣхъ своею неожиданностью. Обладая, повидимому, цвѣтущимъ здоровьемъ, необыкновенно дѣятельный и бодрый, далеко еще не старый (всего 58 лѣтъ отъ роду), любитель всякихъ физическихъ упражненій, Феликсъ Форъ не обнаруживалъ до роковаго дни никакихъ признаковъ утомленія или слабости; однако онъ хранилъ въ

себѣ зародышъ недуга, который внезапно окончился катастрофой. Феликсъ Форъ былъ шестымъ президентомъ французской „третьей“ республики, и во многихъ отношеніяхъ онъ былъ счастливѣе своихъ предшественниковъ; онъ пользовался широкою популярностію въ народѣ, внушалъ всеобщія симпатіи своимъ открытымъ характеромъ, своею представительною и добродушною внѣшностію, блескомъ своихъ официальныхъ приемовъ, путешествій и празднествъ, и въ то же время достоинствомъ и тактичностью всѣхъ своихъ заявленій и дѣйствій. Важнѣйшая заслуга его президентства—закрѣпленіе союза съ Россією, которому положено было начало при Карно. Феликсу Фору суждено было впервые осуществить завѣтную мечту французскихъ патріотовъ и вступить отъ имени республики въ равноправныя союзныя отношенія съ великою монархическою державою, которая одна только могла, по мнѣнію французовъ, оказать противовѣсъ политическому преобладанію Германіи въ Европѣ. То, что для многихъ во Франціи было только надеждою, предметомъ желаній и манифестацій въ началѣ девятистыхъ годовъ, стало совершившимся фактомъ при президентствѣ Фора. Европейское равновѣсіе, какъ думаютъ французы, восстановлено въ пользу Франціи послѣ памятныхъ октябрьскихъ дней 1896 года въ Шербургѣ, Парижѣ и Шалонѣ. Отвѣтный визитъ Феликса Фора въ августѣ 1897 года имѣлъ еще особое значеніе: это былъ первый официальный выѣздъ французскаго президента республики за предѣлы страны, первый и весьма удачный опытъ личныхъ дружественныхъ сношеній республиканскаго главы государства съ представителями наиболѣе консервативныхъ и могущественныхъ европейскихъ монархій. Президентъ принимался повсюду съ такимъ же почетомъ, какъ пріѣзжавшій незадолго предъ тѣмъ императоръ Вильгельмъ II, и это торжественное признаніе внѣшней равноправности было несомнѣннымъ политическимъ успѣхомъ для республики. Привлекательныя личныя качества покойнаго Фора, его свѣтское искусство и тактъ должны были играть при этомъ значительную роль. Вращаясь въ атмосферѣ придворнаго блеска, онъ ни на минуту не забывалъ, что служить только официальнымъ представителемъ Франціи; онъ гордился своимъ происхожденіемъ изъ темныхъ рядовъ рабочей демократіи, и какъ будто показывалъ всему свѣту, что пройденная имъ въ молодости школа простого физическаго труда не исключаетъ ни умственной культуры, ни внѣшняго лоска, ни даже увлеченій разными видами спорта.

Исторія перваго трудового періода жизни Фора весьма характерна и, можно сказать, типична для тѣхъ многочисленныхъ слоевъ трудящагося французскаго населенія, которые занимаютъ среднее мѣсто между рабочимъ классомъ и промышленною буржуазією. Сынъ мел-

каго обойнаго и мебельнаго мастера, работавшаго въ провинціи и водворившагося потомъ въ Парижѣ, Феликсъ Форъ получилъ свое образованіе въ лицей, въ Бовэ, и затѣмъ въ парижскомъ коммерческомъ училищѣ, послѣ чего отправленъ былъ отцомъ въ Англію для усовершенствованія въ англійскомъ языкѣ; онъ пробылъ тамъ два года, добывая себѣ средства французскими уроками. Возвратившись въ Парижъ уже въ возрастѣ 21 года, онъ поступилъ въ кожаный магазинъ, перешелъ въ дубильное заведеніе въ Амбуазѣ и въ теченіе полутора года исполнялъ всѣ работы по дубленію кожъ, причемъ изучилъ это дѣло въ совершенствѣ. Снабженный такими техническими знаніями, Форъ легко устроился въ Гаврѣ, сначала въ качествѣ служащаго, позднѣе самостоятельно, въ компаніи съ другими лицами. Еще въ Амбуазѣ онъ обручился съ племянницею мѣстнаго мэра, впоследствии сенатора; доставленные этимъ бракомъ средства и полученное отъ одного дальняго родственника небольшое наслѣдство позволили Форѣ расширить свои дѣла и достигнуть полной матеріальной обеспеченности. Основанный имъ торговый домъ въ Гаврѣ дѣйствовалъ весьма успѣшно и приобрѣлъ солидную репутацію въ торгово-промышленномъ мірѣ. Феликсъ Форъ былъ богатъ еще въ сравнительно молодые годы; его избрали помощникомъ мэра, т.-е. товарищемъ городского головы, въ Гаврѣ, когда ему было около 28 лѣтъ. Неудачи франко-прусской войны 1870 года побудили его принять дѣятельное участіе въ патріотическихъ усиліяхъ національной обороны, и вскорѣ онъ былъ назначенъ батальоннымъ командиромъ. По заключеніи мира, онъ невольно втянулся въ политику; какъ республиканецъ по убѣжденіямъ, онъ былъ устраненъ отъ должности мэра въ Гаврѣ при реакціонномъ министерствѣ герцога де-Броули въ 1874 году. Форъ становится виднымъ и популярнымъ общественнымъ дѣятелемъ города, членомъ и затѣмъ предсѣдателемъ мѣстной торговой палаты (которую не слѣдуетъ смѣшивать съ коммерческимъ судомъ, какъ это сдѣлала одна изъ нашихъ распространенныхъ газетъ), занимается крупными предпріятіями по кораблестроенію и мореходству, посвящаетъ нѣсколько лѣтъ дѣловымъ путешествіямъ по чужимъ краямъ и наконецъ съ 1881 года избирается депутатомъ. Въ первомъ же министерствѣ, которое образовалъ Гамбетта въ ноябрѣ 1881 года, Форѣ предложенъ былъ постъ товарища министра торговли и колоній; впоследствии онъ еще два раза занималъ тотъ же постъ въ кабинетахъ Жюль Ферри и Тирапа. Въ 1893 г., онъ выбранъ былъ вице-президентомъ палаты депутатовъ, а въ маѣ 1894 г. сдѣлался морскимъ министромъ въ кабинетѣ Дюпон, откуда и перешелъ въ Елисейскій дворецъ. Такимъ образомъ, Феликсъ Форъ послѣдовательно проходилъ всѣ стадіи соціального положенія, отъ простаго рабочаго

до главы государства, и въ этомъ смыслѣ онъ былъ живымъ воплощеніемъ современной, стремящейся впередъ трудовой демократіи. Французскій народъ видѣлъ свое собственное торжество въ блестящей карьерѣ амбуазскаго работника, на могилу котораго возложены были вѣнки отъ всѣхъ иностранныхъ государей, и одинъ изъ этихъ вѣнковъ возбуждалъ особенное вниманіе своею краснорѣчивою надписью: „Союзнику и другу“, напоминая этими двумя словами о цѣломъ рядѣ крупныхъ политическихъ метаморфозъ и событій.

Преемникъ Фора, Эмиль Лубе, также выросъ въ рабочей средѣ, но не городской, а крестьянской; мать его до сихъ поръ завѣдуетъ хозяйствомъ на своей землѣ близъ Марсанна, гдѣ родился въ 1838 году нынѣшній президентъ республики. Семья его была довольно зажиточная, и Лубе не участвовалъ лично въ ея земледѣльческихъ трудахъ; онъ прошелъ курсъ юриспруденціи, занимался адвокатурою въ Монтелимарѣ, былъ мэромъ этого города, сдѣлался членомъ и затѣмъ президентомъ генеральнаго совѣта въ департаментѣ Дромы, и въ 1876 году избранъ въ палату депутатовъ огромнымъ большинствомъ голосовъ. Въ 1885 г. его выбрали сенаторомъ; затѣмъ онъ былъ министромъ публичныхъ работъ въ кабинетѣ Тираара, въ 1887—8 годахъ, и министромъ-президентомъ въ 1892 году, когда ему пришлось играть роль третейскаго судьи между рабочими и хозяевами каменноугольныхъ копей въ Кармѣ. Въ январѣ 1896 года, послѣ смерти Шальмель-Лакура, онъ занялъ президентское кресло въ сенатѣ. Своимъ возвышеніемъ онъ обязанъ исключительно труду и личнымъ свойствамъ характера; у него не было блестящихъ дарованій, но его всегда причисляли къ разряду людей симпатичныхъ. Онъ также обладаетъ хорошими матеріальными средствами, хотя и гораздо менѣе значительными, чѣмъ покойный Форъ. Выйдя изъ рядовъ крестьянства, Лубе по воспитанію и идеямъ представляетъ собою дѣловую французскую интеллигенцію, съ ея свѣтлыми и слабыми сторонами.

Роль примирителя и посредника между партіями наиболѣе подходила бы къ темпераменту Лубе; но, какъ видно изъ первыхъ его заявленій послѣ избранія президентомъ, онъ понялъ свою задачу слишкомъ узко, въ духѣ умѣренной республиканской партіи. Въ президентскомъ посланіи, прочитанномъ въ обѣихъ палатахъ 21-го февраля (нов. ст.), указывается на „единеніе всѣхъ республиканцевъ“, какъ на прямую цѣль, намѣченную конгрессомъ при выборѣ президента. Объявляя свое постоянное и заботливое содѣйствіе парламенту въ этомъ важномъ „дѣлѣ согласія и терпимости“, Лубе пренебрежительно отзывается о „нѣкоторыхъ заблудшихъ лицахъ, старающихся поколебать довѣріе страны къ ея учрежденіямъ“. По мнѣнію президента, „парламентъ своимъ хладнокровіемъ, достоинствомъ и патріо-

тизмом возвысилъ авторитетъ Франціи въ глазахъ міра“. „Почему же не надѣяться,—спрашиваетъ авторъ посланія,—что то же согласіе можетъ установиться относительно нашихъ внутреннихъ дѣлъ? Не существуетъ ли уже это согласіе въ странѣ? Имѣетъ ли она (страна) малѣйшее сомнѣніе въ томъ, что необходимо одинаково уважать существенные органы общества, палаты, свободно обсуждающіе законы, магистратуру, примѣняющую ихъ, правительство, обезпечивающее ихъ исполненіе, и національную армію, охраняющую независимость и цѣлость отечества,—ту армію, которую страна любитъ и имѣетъ основаніе любить, потому что вся нація выполняетъ въ ней тотъ же долгъ самоотверженія и дисциплины и знаетъ, что найдетъ въ ней вѣрную хранительницу своей чести и своихъ законовъ“? Вопросительная форма этихъ предположеній уже сама по себѣ свидѣтельствуетъ о неувѣренности въ ихъ дѣйствительной силѣ. Всякій видитъ и знаетъ, что сильнѣйшія принципиальныя разногласія существуютъ въ странѣ; что необходимость одинаково уважать палаты, суды, правительство и армію почти никѣмъ не признается; что огромная масса близорукихъ и просвѣщенныхъ патріотовъ нападаетъ на парламентъ, магистратуру и правительство во имя исключительнаго уваженія къ арміи и ея генеральному штабу, и что общество раздѣлено на враждебные лагеря, ведущіе между собою ожесточенную борьбу въ области самыхъ элементарныхъ политическихъ понятій. Въ числѣ „нѣкоторыхъ заблудшихъ“ дѣятелей, подрывающихъ довѣріе къ республиканскимъ учрежденіямъ, оказываются цѣлыя группы вліятельныхъ газетныхъ и парламентскихъ борцовъ, воинственные патріоты разныхъ оттѣнковъ, націоналисты и антисемиты съ ихъ обширными аудиторіями,—наконецъ, всѣ вообще сознательные противники республики, монархисты, бонапартисты и реакціонеры, которыхъ президентъ вообще не принимаетъ въ расчетъ въ своей оптимистической картинѣ возможнаго внутренняго умиротворенія страны. Говоря объ единеніи республиканцевъ и выставляя себя какъ бы органомъ и выразителемъ этого единенія, Лубе ограничиваетъ свою примирительную миссію предѣлами республиканской партіи. Подъ странною онъ какъ будто разумѣетъ только чисто-республиканскую часть Франціи, выбирающую въ парламентъ вѣрныхъ сторонниковъ существующаго политическаго строя, какъ это откровенно излагалъ Бриссонъ при образованіи своего послѣдняго министерства. Феликсъ Форъ смотрѣлъ на дѣло шире; онъ находилъ, что президентъ республики долженъ стоять внѣ и выше партій. Глава государства поставленъ не только надъ большинствомъ, но и надъ меньшинствомъ; въ принципѣ это не подвергается сомнѣнію, хотя часто и забывается на практикѣ. Партійный тонъ президентскаго посланія не могъ повравиться различнымъ оппозиционнымъ элементамъ

общественнаго мнѣнія; а непримиримая оппозиція захватываетъ все больше умовъ, вызываетъ все болѣе страстные споры и все болѣе запутываетъ положеніе, созданное удивительнымъ дѣломъ Дрейфуса.

Талантливые писатели, какъ Жюль Леметръ, Франсуа Коппé и многіе другіе, образовали новую „лигу французскаго отечества“, для возбужденія и поддержанія патріотическихъ чувствъ и традицій; въ эту лигу записалось уже около 80 тысячъ человѣкъ съ разныхъ концовъ Франціи, а между тѣмъ сами устроители новаго союза радикально разошлись между собою во взглядахъ на руководящія цѣли и идеи, которыя желательно проводить въ жизнь. Блестящій критикъ и фельетонистъ, Жюль Леметръ, сталъ проповѣдывать мысль о безусловномъ преклоненіи передъ арміею и ея вождями,—точь-въ-точь какъ Деруледъ и Мильвуа; онъ вмѣстѣ съ поэтомъ Коппé объявилъ войну новому президенту республики, предупреждая заранѣе, что не успокоится до тѣхъ поръ, пока не добьется его отставки. Многіе выдающіеся члены лиги выходятъ изъ ея состава и рѣшительно протестуютъ противъ нелѣпыхъ выходокъ ея руководителей; другіе, наоборотъ, привѣтствуютъ смѣлую кампанію противъ правительства и президента, и цѣлые столбцы газетъ наполнены полемикою по этому поводу. Умственная горячка, такъ долго и упорно волнующая французскую публику, принимаетъ у многихъ характеръ какой-то болѣзненной маніи, и въ это время президентъ Лубé говоритъ о согласіи и единствѣ среди республиканцевъ! Въ „лигѣ французскаго отечества“ дѣйствуютъ тоже республиканцы; Поль Деруледъ, мечтающій о диктатурѣ сабли, тоже любитъ республику. Въ самый день торжественныхъ похоронъ Фора, 23-го февраля, при возвращеніи войскъ съ кладбища, Деруледъ вздумалъ произвести военную революцію на улицахъ Парижа, увлечь армію противъ Елисейскаго дворца, гдѣ не водворился еще новый президентъ, и уничтожить такимъ образомъ парламентскую республику, чтобы замѣнить ее другою, извѣстною одному Деруледу. Попытка была настолько бессмысленна, что даже ближайшіе друзья „великаго патріота“ громко осудили его. Деруледъ съ сопровождавшею его толпою единомышленниковъ надѣялся остановить встрѣченный имъ полкъ генерала Рожé и направить его къ Елисейскому дворцу, вмѣсто возвращенія въ казармы; онъ обращался къ генералу, офицерамъ и солдатамъ съ отчаянными патріотическими возгласами, умоляя ихъ „спасти отечество, спасти Францію“. Деруледъ хотѣлъ немедленно исполнить то, чего желали современемъ добиться нѣкоторые вдохновители „лиги французскаго отечества“; онъ жаждалъ найти генерала, который устранилъ бы парламентское правительство вмѣстѣ съ президентомъ и сразу покончилъ бы со всѣми жгучими вопросами, за-одно съ дѣломъ Дрейфуса. Умственное состояніе Деру-

леда не могло быть нормально, когда онъ составилъ и пытался привести въ исполненіе свой замѣчательный планъ, основанный лишь на предполагаемой чудодѣйственной силѣ его краснорѣчія; нельзя даже понять, какъ онъ представлялъ себѣ послѣдствія своей попытки, даже еслибы ему удалось убѣдить офицеровъ и солдатъ, что Франція находится въ страшной опасности, отъ которой надо ее тотчасъ же избавить крутыми и самовольными военными мѣрами. Увлеченный полкъ двинулся бы съ Деруледомъ и Рожѣ по улицамъ Парижа, подошелъ бы къ Елисейскому дворцу, гдѣ живетъ еще вдова покойнаго Фора, и успѣлъ бы вызвать общій переполохъ своими непонятными дѣйствіями; но въ Парижѣ существуютъ еще другіе полки, и всѣ они находятся въ распоряженіи парижскаго военного губернатора; имѣются войска и въ окрестностяхъ города; есть генералы съ главнокомандующимъ во главѣ; существуетъ, наконецъ, военное министерство, располагающее всѣми военными силами страны,—и въ нѣсколько часовъ возмущившійся отрядъ Рожѣ съ Деруледомъ былъ бы окруженъ и долженъ былъ бы или добровольно сложить оружіе и отдаться въ руки военного правосудія, или же погибнуть въ безнадежной братоубійственной схваткѣ. Человѣкъ въ здоровомъ умѣ не могъ бы допустить, что всѣ парижскія войска и всѣ начальники французской арміи подчинятся первому попавшемуся генералу, который съ однимъ или двумя полками пойдетъ на Парижъ и пожелаетъ занять Елисейскій или иной дворецъ. Мыслимо ли устроить военный переворотъ помимо воли самой арміи, ея распорядителей и начальниковъ? Для народнаго же возстанія нужна извѣстная почва, которая не импровизируется по прихоти нѣсколькихъ обывателей, хотя бы такихъ „знаменитыхъ“, какъ Деруледъ. Совершить внезапную революцію послѣ похоронъ популярнаго президента республики, при общемъ мирномъ настроеніи населенія, когда никто не знаетъ, противъ кого и чего предлагается возстать,—такая идея похожа скорѣе на шутку или шалость, чѣмъ на серьезную затѣю. Комическое предпріятіе Деруледы окончилось арестомъ и судебнымъ преслѣдованіемъ; самъ герой старается усилить свою отвѣтственность, чтобы придать себѣ, по крайней мѣрѣ, видъ мученика или жертвы. Очень можетъ быть, что неудавшійся спаситель отечества нуждается въ леченіи, а не въ наказаніи; но подобныя вспышки неудержимой страсти къ военнымъ мундирамъ, при сочувственномъ участіи уличной толпы „манифестантовъ“, вполнѣ характеризуютъ напряженность политической атмосферы въ нѣкоторой части французскаго общества. Признаковъ согласія и умиротворенія, о которыхъ упоминаетъ президентъ Лубѣ, къ сожалѣнію, пока еще не видно.

Умственная неурядица, порожденная безконечными спорами о дѣлѣ

Дрейфуса, должна была, казалось, уступить мѣсто нѣкоторому успокоенію, съ передачею дѣла высшему кассационному суду; между тѣмъ въ дѣйствительности и магистратура—важнѣйшій оплотъ законности—не пользуется уже довѣріемъ въ обществѣ и подвергается такимъ же безцеремоннымъ нападкамъ и подозрѣніямъ, какъ и другія учрежденія страны. Внутренній разладъ проникъ повсюду; въ самой средѣ высшаго французскаго судилища нашелся бойкій обличитель правосудія, Кенэ де-Борепэръ, сдѣлавшій себѣ когда-то карьеру обвиненіемъ генерала Буланже въ заговорѣ противъ республики и соединившійся теперь съ бывшими буланжистами для борьбы съ республиканскимъ правительствомъ. Кенэ де-Борепэръ, бывшій предсѣдателемъ гражданской палаты кассационнаго суда, выступилъ публично противъ предсѣдателя и членовъ уголовной палаты того же суда, обвиняя ихъ въ пристрастіи и въ разныхъ неправильныхъ поступкахъ при производствѣ дознанія по дѣлу Дрейфуса. Этимъ доносомъ на своихъ коллегъ онъ приобрѣлъ большую популярность въ извѣстной части печати, гдѣ началъ дѣятельно работать въ роли публициста и фельетониста; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ достигъ и важнаго практическаго результата, побудивъ министерство согласиться на передачу вопроса о пересмотрѣ процесса Дрейфуса на разсмотрѣніе общаго собранія кассационнаго суда, при помощи изданія новаго закона по этому предмету. Нѣсколько шумныхъ парламентскихъ засѣданій было опять посвящено дѣлу Дрейфуса; о немъ много говорили въ обѣихъ палатахъ при обсужденіи внесеннаго правительствомъ законопроекта, который очевидно будетъ принятъ сенатомъ, несмотря на сильную оппозицію. Но и весь кассационный судъ въ полномъ составѣ едва ли удовлетворить людей, требующихъ именно такого, а не иного рѣшенія вопроса по существу. Успокоительная мѣра, придуманная правительствомъ, не помѣшала Деруледу почувствовать неодолимую потребность въ государственномъ переворотѣ для „спасенія Франціи“; но когда-нибудь французскія дѣла придутъ, наконецъ, въ норму, безъ помощи исключительныхъ законовъ, — хотя едва ли доживетъ до этого времени нынѣшній кабинетъ Дююи.

Отношенія между Франціею и Англіею продолжаютъ служить предметомъ газетныхъ толковъ и публичныхъ рѣчей въ обѣихъ странахъ. Англичане по прежнему нападаютъ и обвиняютъ, хотя и въ болѣе дружескомъ тонѣ, съ разными оговорками насчетъ важности прочнаго взаимнаго мира, а французы защищаются отъ взводимыхъ на нихъ обвиненій и упрековъ, стараясь въ то же время уличить противниковъ въ неосновательной требовательности и придиричivosti. Новѣйшіе успѣхи британской политики сообщили какой-то непріятный от-

тѣнокъ этимъ англо-французскимъ пререканіямъ; со стороны англичанъ чувствуется тотъ особый подъемъ патріотическаго духа, который несовмѣстимъ съ хорошими равноправными отношеніями къ сосѣднимъ націямъ. Министръ колоній, Чамберленъ, главный выразитель англійскаго „имперіализма“, не стѣсняется въ своихъ рѣчахъ разбирать недостатки чужихъ народовъ, говорить о степени ихъ честности и правдивости, смотря по тому, какъ они относятся къ специальнымъ интересамъ Англіи. Принципы, котораго придерживаются современные англійскіе „патріоты“, вполне просты и ясны: честно и правдиво все то, что выгодно и желательно для Англіи; неправильно и недобросовѣстно все то, что противорѣчитъ или препятствуетъ ея успѣхамъ. Французскіе политическіе дѣятели до сихъ поръ не усвоили этой точки зрѣнія англичанъ; особенно грѣшитъ этимъ министръ Делькассе, который серьезно противопоставляетъ логику и діалектику безспорнымъ совершившимся фактамъ. Еще въ прошломъ мѣсяцѣ, въ пространной парламентской рѣчи французскій министръ повторялъ свои логическіе аргументы въ доказательство несправедливости британскихъ притязаній и неудовольствій; онъ подробно останавливался на выясненіи того, имѣла ли Франція право занимать Фашоду или покровительствовать французской торговлѣ на Мадагаскарѣ, въ ущербъ англійской,—какъ будто дѣло идетъ объ отвлеченномъ правѣ, дѣйствующемъ независимо отъ политическихъ событій и перемѣнъ. Французы могли быть безусловно правы въ своихъ попыткахъ занять нѣкоторые пункты у верховьевъ Нила, пока англо-египетскія войска не одержали рѣшительной побѣды надъ полчищами дервишей въ Суданѣ; но право исчезло передъ силою, представителемъ которой явился побѣдоносный „сирдаръ“, лордъ Китченеръ. Послѣдствія англійскихъ побѣдъ недостаточно принимаются въ расчетъ французами, и это больше всего раздражаетъ англійскихъ „патріотовъ“. Такъ, напр., французскія власти на Мадагаскарѣ, если не прямо, то косвенно, ограничивали торговныя права Англіи, заботясь объ увеличеніи сбыта отечественныхъ товаровъ,—и они могли дѣлать это безпрепятственно, пока лондонскій кабинетъ избѣгалъ мелочныхъ споровъ съ Франціею; но времена измѣнились, и англичане настойчиво требуютъ отреченія французовъ отъ практики, которая прежде не давала повода къ рѣзкимъ дипломатическимъ протестамъ. Франція терпитъ неудачи и переживаетъ сложный внутренній кризисъ; а это неизбежно отражается на ея внѣшнемъ международномъ положеніи.

Французское правительство получило отъ владѣтеля Омана, или Моската, разрѣшеніе устроить угольную станцію на его территоріи, въ восточной Аравіи, и Англія тотчасъ же потребовала отмѣны заключенной сдѣлки подъ угрозою бомбардировки. Москатскій „имамъ“

вынужденъ былъ отказать французамъ въ исполненіи своего обязательства, чтобы не подвергнуться репрессаліямъ со стороны англичанъ. Лондонская печать восхваляетъ эту рѣшительность и быстроту въ охранѣ британскихъ интересовъ въ разныхъ частяхъ свѣта; но въ концѣ концовъ такая политика, преслѣдующая лишь непосредственныя выгоды данной минуты, должна быть признана въ высшей степени близорукою. Хорошія сосѣдскія отношенія съ великими культурными націями имѣютъ тоже свою реальную цѣну, и легко могутъ наступить такія обстоятельства, когда Англія почувствуетъ на себѣ послѣдствія своей придиричливой и безцеремонной тактики, отталкивавшей отъ нея поочередно Германію, Россію и Францію.

Министерство барона Банфи, управлявшее Венгріею цѣлыхъ четыре года (съ января 1895 года), находилось въ послѣднее время въ весьма странномъ положеніи. Оно упорно боролось за свое существованіе, опираясь на большинство въ парламентѣ и на могущественную поддержку короны, и наконецъ должно было признать себя побѣжденнымъ послѣ того, какъ разстроило весь ходъ политической жизни въ странѣ своими тщетными усиліями одолѣть оппозицію. Небольшая, но рѣшительная и тѣсно слюченная парламентская группа противниковъ Банфи достигла теперь своей цѣли; 18 февраля министерство подало въ отставку, и образованіе новаго кабинета поручено Коломану Селлю. Оппозиція, руководимая графомъ Аппоньи и Францемъ Кошпутьомъ, не соглашалась ни на какіе компромиссы ранѣе удаленія Банфи; она не давала ничего обсуждать и предпринимать парламенту, разрушала всѣ правительственные планы и комбинаціи, и сама указывала на Коломана Селла, какъ на желательнаго министра-президента изъ среды большинства. Прежде чѣмъ принять на себя составленіе министерства, Селлъ вступилъ съ оппозиціею въ переговоры о возможныхъ ей уступкахъ въ вопросѣ объ экономическихъ и финансовыхъ отношеніяхъ съ Австріею. Переговоры окончились благополучно, и ненормальный режимъ барона Банфи прекратился. Безцѣльная настойчивость его въ борьбѣ съ значительною частью общественнаго мнѣнія обошлась весьма дорого Венгріи, и имя Банфи, несмотря на его прошлыя заслуги, будетъ вспоминаться мадыарскими патриотами съ такою же горечью, какъ имя графа Бадени въ Австріи.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 марта 1899.

- М. Н. Сперанскій. Памяти Ѳ. И. Буслаева. Рѣчь, прочтенная въ засѣданіи Имп. Общества любителей древней письменности 28-го ноября 1897 г. Спб. 1898.
- Четыре рѣчи о Ѳ. И. Буслаевѣ, читанныя въ засѣданіи Отдѣла Коменскаго 21-го января 1898 года проф. А. И. Соболевскимъ, акад. А. А. Шахматовымъ, проф. И. Н. Ждановымъ и директоромъ Гатчинской учительской семинаріи В. А. Воскресенскимъ. Спб. 1898.
- Е. К. Рѣдигъ. Ѳ. И. Буслаевъ. Обзоръ трудовъ его по исторіи и археологіи искусства Харьковъ, 1898.
- Памяти Ѳ. И. Буслаева. Съ портретомъ. Изданіе Учебнаго Отдѣла Общества распространенія техническихъ знаній. М. 1898
- До-Петровская Русь въ ея литературѣ, по лекціямъ Ѳ. И. Буслаева Е. И. В. Наслѣднику Цесаревичу вел. кн. Николаю Александровичу (1859—1860 г.). А. Карпичниковъ. М. 1898,—изъ „Чтеній“ моск. Общ. ист. и древностей.

Мы съ особеннымъ удовольствіемъ приводимъ этотъ рядъ сборниковъ и отдѣльныхъ статей, посвященныхъ памяти Ѳ. И. Буслаева. Это—дань уваженія ученому, много поработавшему для объясненія мало вѣдомой раньше народной поэзіи, и черезъ это для объясненія самаго существа русской народности; вмѣстѣ съ тѣмъ, эти многочисленные рѣчи и воспоминанія исполнены глубокими сочувствіями къ самой личности Буслаева,—онъ представляется его ученикамъ „идеальнымъ профессоромъ“ и по широтѣ познаній, и по готовности сполна ими дѣлиться съ каждымъ изъ слушателей, у кого онъ видѣлъ живой интересъ къ наукѣ.

Въ названныхъ книгахъ и брошюрахъ находимъ оцѣнку труда Буслаева во всѣхъ направленіяхъ его научной дѣятельности—въ изученіи рукописной старины, народной поэзіи, археологіи искусства, исторіи языка, грамматики, въ художественно - литературной критикѣ. Оцѣнки тѣмъ болѣе любопытны и значительны, что, между прочимъ, принадлежать авторитетнымъ ученымъ въ тѣхъ областяхъ, въ которыхъ совершались труды Буслаева.

Въ книжкѣ, изданной Учебнымъ Отдѣломъ Общества, распространенія техническихъ знаній, помѣщены слѣдующія статьи: воспоминанія и характеристики Вс. О. Миллера, П. Виноградова; „Значеніе трудовъ Б. въ исторіи науки о русскомъ языкѣ“, К. Войнаховскаго; „Отношеніе Б. къ искусству“, Л. Бѣльскаго; „Значеніе трудовъ Б. по народной словесности“, Евг. Ляцкаго; г. Кирпичниковъ изображаетъ Буслаева какъ „идеальнаго профессора 60-хъ годовъ“.

Въ своей отдѣльной брошюрѣ г. Кирпичниковъ сообщаетъ любопытныя свѣдѣнія о томъ курсѣ, который былъ читанъ Буслаевымъ Наслѣднику Цесаревичу въ 1859—60 году. Въ своихъ воспоминаніяхъ („Вѣстникъ Европы“, 1882, февраль) Буслаевъ рассказываетъ исторію этихъ занятій съ Наслѣдникомъ Цесаревичемъ и упоминаетъ, что его царственный ученикъ пожелалъ получить себѣ всѣ листы прочитанныхъ Буслаевымъ лекцій. „Такимъ образомъ,—говорилъ онъ,—весь мой рукописный курсъ исторіи русской литературы и остался въ библіотекѣ Его Высочества“. Между тѣмъ въ московскомъ Румянцовскомъ музеѣ хранится рукопись, которая пожертвована была Буслаевымъ въ 1894 году и заключаетъ „лекціи“, читанныя имъ Наслѣднику „отъ 28 декабря 1859 г. по 30 декабря 1860 г.“. Заглавіе не совсѣмъ точно, такъ какъ по приблизительному расчету здѣсь найдутся лекціи только до мая 1860. Рукопись—не собственной руки Буслаева, а копія, имъ просмотрѣнная и кое-гдѣ исправленная и дополненная. Передавая лекціи Наслѣднику, Буслаевъ, повидимому, сначала оставлялъ себѣ копіи, но потомъ этого не дѣлалось.

„Года за два до своей смерти О. И.,—говоритъ г. Кирпичниковъ,—сталъ говорить мнѣ и другимъ близкимъ къ нему людямъ, что онъ былъ бы очень радъ, еслибы этотъ курсъ появился въ печати, для чего рукопись, пожертвованную имъ въ Румянцовскій музей, слѣдовало бы дополнить по экземпляру, оставленному въ библіотекѣ Его Высочества. Будемъ надѣяться, что желаніе нашего знаменитаго учителя исполнится рано или поздно“...

Какъ вѣрно замѣчаетъ г. Кирпичниковъ, въ этихъ своихъ лекціяхъ Буслаевъ не могъ держаться обычныхъ приемовъ университетскаго курса, гдѣ онъ, не вдаваясь въ общія опредѣленія, прямо вводилъ слушателей въ частности предмета—которымъ самъ специально занимался и гдѣ изслѣдованіе становилось научной школой. Въ этихъ лекціяхъ такой приемъ былъ невозможенъ, потому что требовалось прямое цѣльное изложеніе, и Буслаевъ едва ли не единственный разъ дѣлаетъ то, чего не дѣлалъ въ университетскихъ чтеніяхъ: „Буслаевъ здѣсь начинаетъ курсъ съ обстоятельнаго опредѣленія исторіи литературы, какъ науки, ея матеріала и метода ея изученія, и въ продолженіе своихъ занятій часто и охотно подводитъ итоги, высказываетъ

свои взгляды на свѣтлыя и темныя стороны русской жизни, выступаетъ съ обличеніемъ то той, то другой изъ партій, между которыми дѣлилась вся русская интеллигенція въ началѣ 50-хъ годовъ; короче сказать, здѣсь Буслаевъ изъ скромнаго ученаго становится мѣстами публицистомъ. А кто не согласится, что общія воззрѣнія на до-Петровскую Русь такого великаго знатока умственной и художественной жизни нашихъ предковъ не могутъ не внушать намъ особаго интереса“.

Этотъ интересъ не подлежитъ сомнѣнію, и еслибы изданіе лекцій Буслаева состоялось, должно въ особенности позаботиться о томъ, чтобы онѣ явились въ печати въ полномъ ихъ составѣ. Выше приведено замѣчаніе г. Кирпичникова, — и это извѣстно, — что въ университетскихъ чтеніяхъ и въ своихъ сочиненіяхъ Буслаевъ не излагалъ своихъ взглядовъ на цѣлый историческій ходъ русской литературы. Онъ только при случаѣ, и обыкновенно только полемически, отзывался о литературѣ новѣйшей, и полемически относился къ обоимъ главнымъ направленіямъ нашей исторической критики, которыя старались опредѣлять характеръ нашей исторіи до и послѣ Петра; въ то же время онъ съ почтеніемъ говорилъ о многихъ великихъ именахъ новѣйшей литературы еще съ XVIII вѣка, хотя по существу сурово осуждалъ ее, какъ пропитанную подражаніемъ. Было бы любопытно для опредѣленія его собственныхъ взглядовъ, и не лишено важности въ чисто научномъ смыслѣ, видѣть, какъ складывалось въ его научномъ пониманіи это отношеніе древней и новой Россіи, гдѣ, несмотря на осуждаемый имъ отказъ отъ старины, несмотря на подражательность и т. д., въ новыхъ формахъ русской жизни тѣмъ не менѣе развились тѣ великія литературныя явленія, которымъ и онъ, восторженный почитатель старины, не могъ не отдать своего сочувствія — какъ Ломоносовъ, Державинъ, Карамзинъ, Пушкинъ, Тургеневъ? — А. Пыпинъ.

— Собраніе сочиненій И. А. Голышева. Подъ редакцію А. Э. Мазьмгренъ (а?). Томъ первый. Выпускъ первый. Съ 7-ю цинкографіями на отдѣльныхъ листахъ. Спб. 1899.

Недавно умершій Иванъ Александровичъ Голышевъ (род. 1838), крестьянинъ села Мстеры, Владимірской губерніи, учился дома кустарному иконописанію, потомъ работалъ въ литографіи, и въ пятидесятихъ годахъ основалъ въ родномъ селѣ литографную мастерскую, которая выросла потомъ до весьма значительнаго производства. Онъ печаталъ такъ называемыя лубочныя картинки, но кромѣ того возимѣлъ въ этихъ картинкахъ и другой интересъ. На его работы обра-

тилъ вниманіе К. Н. Тихонравовъ, ревностный археологъ и изслѣдователь Владимірскаго края, и по его указаніямъ Голышевъ соединилъ съ своимъ дѣломъ изученіе археологіи и этнографіи. Онъ сталъ дѣлать описанія различныхъ памятниковъ старины, особенно въ своемъ родномъ Владимірскомъ краѣ, издавалъ описаніе старыхъ деревянныхъ храмовъ, старыхъ фресковъ, памятниковъ рѣзбы по дереву, собиралъ рисунки синодиковъ, старыя гравировальныя доски, занялся, до Д. А. Ровинскаго, изученіемъ лубочныхъ картинокъ и т. д. Свои описанія старины онъ сопровождалъ рисунками, дѣлалъ отпечатки со старыхъ гравировальныхъ досокъ, и собралъ такимъ образомъ обильный археологическій матеріалъ, давно обратившій на себя вниманіе специалистовъ. Крестьянинъ-самоучка избранъ былъ въ 1861 членомъ статистическаго комитета во Владимірѣ; затѣмъ сталъ членомъ многихъ ученыхъ обществъ, получилъ медаль отъ Археологическаго Общества; въ 1891 проф. Шмурло издалъ книжку, заключающую обзоръ не его 30-лѣтней научной дѣятельности.

Для любителей нашей старины представить большой интересъ предпринятое теперь изданіе сочиненій Голышева. Предисловіе къ первому выпуску замѣчаетъ, что труды Голышева, разбѣянные большей частью въ провинціальныхъ періодическихъ изданіяхъ и только рѣдко изданные отдѣльно, составляютъ библиографическую рѣдкость; въ настоящемъ изданіи собраны будутъ всѣ статьи его, вышедшія отдѣльно или явившіяся въ періодическихъ изданіяхъ. „Весь этотъ матеріалъ, иллюстрированный и размѣщенный, по возможности, систематически, будетъ изданъ въ слѣдующемъ порядкѣ: въ томы 1-й и 2-й войдутъ изслѣдованія и статьи археологическія, историческія и историко-литературныя; въ томъ 3-й—статьи этнографическія; въ томъ 4-й—матеріалы для біографіи И. А. Голышева“. При четвертомъ томѣ предполагается также помѣстить портретъ Голышева, подробный списокъ его сочиненій и указатель.

Жаль, что предисловіе не указываетъ внѣшняго объема изданія, его стоимости и хотя приблизительнаго времени его исполненія.

— Ч. Вѣтринскій (Чешихинъ). Въ сороковыхъ годахъ. Историко-литературныя очерки и характеристика. М. 1899.

Авторъ заявилъ себя многими интересными историко-литературными работами; недавно мы имѣли случай говорить объ его біографіи Грановскаго. Въ настоящей книгѣ авторъ собралъ свои статьи, разбѣянные въ журналахъ и относящіеся къ эпохѣ сороковыхъ годовъ, въ предположеніи, что недавнія чествованія памяти Бѣлинскаго воз-

обновили въ читателяхъ интересъ къ тому времени, въ которое совершалась его дѣятельность. Дѣйствительно, книга можетъ служить весьма поучительнымъ и любопытнымъ дополненіемъ къ тому, что писалось теперь о дѣятельности Бѣлинскаго, изображая общественную среду того времени и писателей, которые были союзниками или противниками Бѣлинскаго.

Въ началѣ книги поставлена статья: „Въ дореформенное время“. Для изображенія этого времени автору не было надобности предпринимать сложныхъ изслѣдованій: достаточно было воспользоваться исторіей крѣпостного права, книгой г. Джаншѣева, письмами Ивана Аксакова, дневникомъ Никитенка и под., гдѣ находится такое количество характерныхъ фактовъ, что довольно было сопоставить ихъ въ нѣкоторой системѣ. Далѣе слѣдуетъ очеркъ жизни и дѣятельности Бѣлинскаго, Грановскаго, Герцена, В. П. Боткина, Кольцова. Въ статьѣ „Загадочная книга“ авторъ говоритъ о „Перепискѣ съ друзьями“ Гоголя; „Два русскихъ общественныхъ типа“ представляются автору въ воспоминаніяхъ Никитенка и въ письмахъ Ив. Аксакова; „Человѣкъ трехъ поколѣній“ есть кн. В. Θ. Одоевскій. Сборникъ заканчивается двумя статьями: „Бѣлинскій о театрѣ“; „М. С. Щепкинъ и его сценическая дѣятельность“.

Очерки г. Вѣтринскаго-Чешихина составлены вообще просто и разумно, съ хорошимъ знаніемъ литературы предмета и здравымъ объясненіемъ историческихъ явленій. Названныя лица могли быть соединены въ его разсказѣ общимъ историческимъ интересомъ—ихъ участіемъ въ ходѣ нашего общественнаго развитія въ сороковыхъ годахъ; авторъ изображаетъ ихъ дѣятельность въ этой области, съ ихъ личными особенностями, успѣхами или ошибками, и исполняетъ эту задачу вообще правильно и иногда очень мѣтко. Между прочимъ, у него въ первый разъ сдѣлана довольно полная характеристика Василья П. Боткина.

Въ статьѣ о книгѣ Гоголя авторъ старался прослѣдить исторію взглядовъ Гоголя и правильно указываетъ однородность его міровоззрѣнія, которое въ послѣднемъ результатѣ привело къ „Перепискѣ съ друзьями“. Въ послѣднее время, какъ извѣстно, книга Гоголя нашла ревностныхъ защитниковъ, превозносившихъ ее какъ настоящее откровеніе; авторъ, изучая міровоззрѣніе Гоголя и реальныя указанія „Переписки“ на различныя стороны русской жизни, не находитъ возможнымъ согласиться съ ея возвеличеніями. Самъ Гоголь въ концѣ концовъ не рѣшился защищать ее, когда встрѣтилъ отпоръ своей проповѣди.

„Рѣзкая оппозиція тому, что было высказано Гоголемъ, поразила, почти ошеломила его. Единодушіе и стройность оппозиціи далеко

превысили своею внутреннею цѣнностью все, что могли сказать защитники, хотя и многочисленные, но случайные или не безкорыстные; среди нихъ не оказалось ни одного человѣка, который имѣлъ бы замѣтное вліяніе на общественное мнѣніе. Гоголь пробовалъ оправдаться; въ отвѣтномъ письмѣ Бѣлинскому онъ сперва хотѣлъ перейти въ нападеніе, но потомъ уничтожилъ это письмо и отправилъ короткое, съ признаніемъ, что, можетъ быть, онъ и неправъ. Въ „Авторской исповѣди“ онъ пробовалъ доказать, что предметъ его книги былъ исключительно психологическій. Онъ конечно не могъ сразу переимѣнить своихъ основныхъ убѣжденій, но, повидимому, ярко почувствовалъ, что въ его собственной точкѣ зрѣнія на вещи вообще и на состояніе Россіи въ частности нѣтъ ничего безусловнаго. Онъ признавался въ письмѣ къ Жуковскому: „Я размахнулся въ моей книгѣ такимъ Хлестаковымъ, что не имѣю духу заглянуть въ нее“.

„Гоголь не переимѣнилъ своихъ основныхъ убѣжденій, но все безусловное отошло въ нихъ послѣ такой неудачи на задній планъ. Впередъ выступила лишь общечеловѣческая гуманная сторона ихъ...“

„Если въ наши дни книгу Гоголя снова начинаютъ горячо рекомендовать вниманію публики, то, конечно, это доказываетъ только неустойчивость и неопредѣленность теперешняго общественнаго мнѣнія.“

„Если съ психологической стороны книга дѣйствительно заслуживаетъ вниманія и если нынѣ нельзя въ этомъ отношеніи не признать искренности и благородства мотивовъ, руководившихъ Гоголемъ, все-таки эта сторона не можетъ быть признана въ общемъ нормальной. Говорятъ, что съ психологической стороны „Переписка“ имѣетъ громадный интересъ; мы допускаемъ это лишь *cum grano salis*; интересъ этотъ болѣе отрицательный, чѣмъ положительный. Книга Гоголя — поразительный примѣръ извращенія живого нравственнаго чувства, которому были поставлены произвольныя, принятые на вѣру границы и условія.“

„Что же касается тѣхъ изъ теперешнихъ панегиристовъ Гоголя, кто, вопреки ему самому, готовъ защищать его книгу цѣликомъ и прельщается ея публицистическою тенденціей, — то критика Бѣлинскаго, уже 50 лѣтъ тому назадъ, произнесла надъ ними свой безпощадный приговоръ; онъ оправданъ былъ всѣмъ и исторією, показавшею несостоятельность русскаго патріархальнаго крѣпостнаго строя“.

На этомъ послѣднемъ вопросѣ и сосредоточивается сущность дѣла. Гоголь хотѣлъ быть и аскетическимъ проповѣдникомъ нравственности, и практическимъ публицистомъ; но проповѣдь много пострадала и становилась фальшивой отъ высокомернаго тона, въ какомъ онъ изрекалъ свои поученія, а практическіе совѣты (помѣщику, сановнику, губернаторшѣ и т. д.) страдали, во-первыхъ, отъ сосѣдства съ аске-

тическимъ правоученіемъ, а во-вторыхъ, отъ совершеннаго непониманія настоящаго „состоянія Россіи“,—послѣднее было одинаково понимаемо просвѣщенными людьми обоихъ литературныхъ лагерей 40-хъ годовъ и было совсѣмъ невѣдомо Гоголю. Дѣйствительное „состояніе Россіи“ объяснилось и цѣлой массѣ общества не только въ слѣдующемъ царствованіи—освобожденіемъ крестьянъ, но еще въ томъ же царствованіи—крымскою войною. Глубокое убѣжденіе въ ненормальномъ состояніи Россіи было для людей сороковыхъ годовъ тѣмъ болѣе мучительно, что они лишены были всякой возможности высказать наболѣвшее чувство, и именно это сказалось въ томъ страстномъ негодованіи, какимъ проникнуто письмо Бѣлинскаго къ Гоголю... Г. Вѣтринскому кажется, что когда Гоголь писалъ: „...придетъ время, когда многіе у насъ на Руси изъ чистенькихъ горько заплачутъ, закрывъ руками лицо свое, именно оттого, что считали себя слишкомъ чистыми, что хвалились чистотой своей“ и пр.,—то „въ этихъ строкахъ Гоголемъ предсказанъ появившійся въ шестидесятые годы типъ „кающагося дворянина“, оплакивающаго свое безучастіе къ жизни народа, рагѣ прикрытое возвышенными стремленіями“ (стр. 233). Это соображеніе кажется намъ совершенно произвольнымъ и ошибочнымъ. Гоголь въ „Перепискѣ“ хотѣлъ не только поучать, но и пророчествовать: нѣкоторые пророчества (напр. объ „Одиссѣѣ“ Жуковскаго) были странны до нелѣпости; здѣсь предсказаніе правоучительно-мистическое, и въ немъ никакъ не могло быть смысла, предполагаемаго г. Вѣтринскимъ. Гоголь именно не могъ предсказывать „кающагося дворянина“, потому что считалъ крѣпостное право учрежденіемъ совершенно нормальнымъ и даже совѣтовалъ помѣщику при своихъ расправахъ съ крѣпостнымъ ссылаться на евангеліе...

Новѣйшія восхваленія книги Гоголя авторъ приписываетъ „неустойчивости“ и „неопредѣленности“ нашего общественнаго мнѣнія. Выраженіе не совсѣмъ ясно; можно бы также сказать, что эти восхваленія свидѣлствуютъ объ устойчивости и опредѣленности известной доли общественнаго мнѣнія. Изъ новѣйшихъ восхвалителей книги мы исключимъ гр. Л. Н. Толстого: у него есть своя система взглядовъ, и онъ съ своей особенной точки зрѣнія находитъ въ книгѣ черты, ему сочувственныя,—но, конечно, далеко не всѣ черты этой книги. Что касается другихъ восхвалителей, то не трудно видѣть, что ихъ идеи находятся въ связи съ тѣми восхваленіями, какія слышались въ сороковыхъ годахъ,—какъ „обидныя“ (стр. 254) похвалы „Сѣверной Пчелы“ или Ф. Ф. Вигеля, или коварное злорадство Сенковского, или восхваленія со стороны явныхъ обскурантовъ, и наивныхъ друзей, противъ которыхъ спорилъ, наконецъ, и самъ Гоголь. Тотъ же обскурантизмъ, то же стараніе сдѣлать изъ книги Гоголя

оружіе противъ просвѣтительныхъ стремленій общества, или ту же наивность встрѣчаемъ и теперь,—но и съ такими же малыми шансами успѣха въ общественномъ мнѣніи.

Въ статьѣ „Два русскихъ общественныхъ типа“ авторъ противопоставляетъ два различныя нравственно-общественныя міровоззрѣнія, какъ они выразились въ запискахъ Никитенка и въ письмахъ Ивана Аксакова. Авторъ оставляетъ въ сторонѣ различіе ихъ литературныхъ и политическихъ теорій; ему важно не то, что одинъ изъ нихъ былъ такъ называемый „западникъ“, а другой—славянофилъ; онъ старается опредѣлить ихъ только какъ нравственные характеры.

Свою точку зрѣнія авторъ объясняетъ такъ:

„Мнѣнія у нѣсколькихъ людей по разнымъ жизненнымъ вопросамъ могутъ быть одни и тѣ же; но у одного человѣка они захватываютъ очень мало, не отражаются на его личномъ поведеніи, тогда какъ для другого они—альфа и омега всего существованія и обращаются въ убѣжденіе. У одного взгляды на общество и задачи его носятъ характеръ чего-то отвлеченнаго; онъ интересуется ими какъ матеріаломъ для игры ума, и волнуется ими только въ томъ случаѣ, если они близко коснутся его узкихъ интересовъ. Другой за отвлеченными представленіями ежеминутно чувствуетъ живыхъ людей... Эта разница можетъ быть настолько велика, что различіе во взглядахъ или сходство совершенно ступеньваются передъ нею, и мы можемъ тогда сравнивать людей, какъ нравственные типы, независимо отъ ихъ понятій о ближайшихъ общественныхъ задачахъ“.

Короче, бываютъ люди эгоистическаго характера, съ девизомъ: „моя хата съ краю“, и люди съ интересами общественными. Олицетвореніе того и другого авторъ видитъ въ характеризуемыхъ имъ писателяхъ.

„Русская жизнь несомнѣнно склонна, въ силу цѣлаго ряда историческихъ условій, выдвигать, въ иную пору, массы людей типа Никитенка. Это одна изъ разновидностей такъ знакомаго намъ по литературѣ типа лишнихъ людей,—разновидность, выросшая на бюрократической почвѣ, въ прежнее время мало доступной наблюденію литературы. Всѣ же симпатіи общества, конечно, должны быть всецѣло на сторонѣ такихъ болѣе сильныхъ и цѣльныхъ натуръ (хотя и болѣе рѣдкихъ), какъ И. С. Аксаковъ... Фантастическое представленіе о „самодовлѣющемъ характерѣ“ пришлось по плечу изломанной натурѣ Никитенка, и оно привело его къ полному разочарованію и сознанію, что жизнь прожита безплодно. Дѣятельность его, при наилучшихъ намѣреніяхъ содѣйствовать нравственному преуспѣянію общества, не опиралась на живое сознаніе всеобщей общественной солидарности и оказывалась мыльнымъ пузыремъ. Идеалъ его былъ мерт-

вымъ, потому что не можетъ быть живого общественнаго развитія тамъ, гдѣ между личностью и обществомъ нѣтъ никакой связи: только она и даетъ смыслъ человѣческому существованію. Сколько Никитенко ни расточалъ негодованія противъ современнаго ему общества, какъ ни возвеличивалъ въ своихъ глазахъ и въ глазахъ своихъ слушателей независимую личность, онъ не чувствовалъ почвы подъ ногами. И. С. Аксаковъ былъ счастливѣе: живое сознаніе своей связи съ другими людьми, рано развившееся чувство гражданскаго долга сразу указываютъ ему настоящую дорогу, по которой онъ и идетъ неуклонно. На этой дорогѣ ему и представилась полная возможность гармоническаго развитія чувства и воли, которыя крѣпнуть въ постоянной дѣятельности и одни несутъ съ собою доступное человѣку внутреннее удовлетвореніе“ (стр. 291—292).

Это опредѣленіе, вѣрное по существу, остается, однако, неполно, а именно, нуждалось бы въ историческомъ дополненіи. Авторъ взялъ „нравственные типы“, въ данномъ случаѣ не совсѣмъ удобные для сравненія: это были люди разныхъ поколѣній и совершенно разнаго общественнаго положенія. Ив. Аксаковъ, какъ самъ авторъ замѣчаетъ, былъ по своему рожденію и воспитанію „несравненно счастливѣе“ Никитенка,—и въ другихъ отношеніяхъ также несравненно счастливѣе. Никитенко родился крѣпостнымъ и все время свѣжей молодости прошло у него въ тяжкихъ усиліяхъ выбиться самому и освободить семейство изъ этого положенія—только послѣ этого могла у него явиться возможность сознавать свое человѣческое достоинство; далѣе, ему привелось получить только весьма поверхностное образованіе; наконецъ, первое вступленіе въ жизнь происходило въ весьма мудренныя времена, внушавшія только мысль о самосохраненіи. Среда, въ которой возросъ Ив. Аксаковъ, во всѣхъ отношеніяхъ была иная: матеріальная обезпеченность, дававшая возможность въ крайнемъ случаѣ совсѣмъ уклониться отъ службы и общественной жизни; широкія средства образованія и, наконецъ, когда силы были еще крѣпки и не надорваны элементарной житейской борьбой, наступленіе „эпохи реформъ“, которая давала возможность, прежде небывалую, живой общественной дѣятельности. Многое въ отрицательныхъ свойствахъ перваго изъ представленныхъ г. Вѣтринскимъ типовъ должно быть именно отнесено на долю историческихъ условій; наиболѣе этихъ отрицательныхъ сторонъ представляютъ послѣдніе, старческіе, годы дневника Никитенка. Но, по крайней мѣрѣ, въ лучшее свое время онъ выдавался изъ массы общества здравымъ пониманіемъ вещей, которое въ его ближайшемъ кругу не оставалось безплоднымъ; у другихъ его сверстниковъ не было и этого.

— Сборникъ старинныхъ бумагъ, хранящихся въ музеѣ П. И. Щукина. Пятая часть. Съ одной фототипіей, исполненной К. А. Фишеромъ въ Москвѣ. Изданіе П. И. Щукина. М. 1899.

Мы не однажды говорили о музеѣ г. Щукина и объ его изданіяхъ, гдѣ печатались историческіе документы изъ рукописнаго собранія этого музея. Кромѣ собранія бумагъ о двѣнадцатомъ годѣ, вышла теперь пятая часть „Сборника“, въ которой изданы документы стараго времени, отъ второй половины XVI-го вѣка и новѣйшіе, до первой половины XIX-го вѣка. Раньше издатель объяснялъ, что печатаетъ свои матеріалы по мѣрѣ ихъ собиранія, поэтому безъ какого-либо порядка хронологическаго или реальнаго. Нельзя сказать, чтобы это было особенно удобно, и если бы трудно было достигнуть системы для пяти частей изданія, то, по крайней мѣрѣ, можно было бы держаться хронологическаго порядка въ предѣлахъ одной данной части: довольно было бы не начинать печатанія раньше, чѣмъ соберется матеріалъ для цѣлаго тома — и тогда оставалось бы только расположить матеріалы по вѣкамъ и годамъ. Неудобству обозрѣнія изданныхъ такимъ образомъ документовъ можно было бы нѣсколько помочь, еслибы въ послѣдующихъ томахъ прилагалось сводное оглавленіе всѣхъ предъидущихъ томовъ, гдѣ документы были бы поставлены въ хронологическомъ порядкѣ.

Документы, изданные въ настоящемъ томѣ, очень разнообразны и ихъ интересъ заключается въ томъ, что они относятся особливо къ бытовому обычаю и нравамъ: всякія челобитныя, отрывки дѣлъ, жалованныя грамоты, записныя и „строельныя“ книги, полюбовныя, мировыя, поручныя записи; за новѣйшее время полицейскія распоряженія, указы консисторій и т. п. Въ числѣ новѣйшихъ документовъ отмѣтимъ оригинальную полицейскую переписку о конфискованіи экземпляровъ запрещенной книги „Кумъ Матвѣй“, 1803 года; запрещеніе московскаго оберъ-полиціймейстера Шульгина носить статскимъ усы, въ 1823, и позднѣе, запрещеніе камергерамъ и камеръ-юнкерамъ носить усы и бороды, въ 1837; три письма А. Воейкова кн. Е. А. Волконской отъ августа и декабря 1825 и марта 1826, съ отзывами о декабристахъ; рассказъ неизвѣстнаго очевидца событій отъ 14-го декабря 1825 г. въ Петербургѣ и т. д.—Т.

Въ февралѣ мѣсяцѣ поступили въ Редакцію слѣдующія новыя книги и брошюры:

Агренко, В.—О медоносныхъ растеніяхъ, имѣющихъ сельско-хозяйственное значеніе. Изд. 2-е, съ 10 рис. Спб. 99. Стр. 36. Ц. 40 к.

Аллеиро.—Стихотворенія. Съ виньетками автора. Спб. 99. Стр. 131. Ц. 1 р.

Армянъ, П. Н.—Первый Женскій Календарь. 1899. Стр. 186. Ц. 1 р.

Астаховъ, Н.—Романъ въ тюрьмѣ. Разказы. М. 99. Стр. 338. Ц. 1 р.

Ахшарумовъ, Д. Д.—Поэма о рожденіи, жизни и смерти человека. Полт. 98. Стр. 84.

Балабановой, Е.—Легенды о замкахъ Бретани. Изд. 2-е. Съ картинками. Спб. 99. Стр.

Беннетъ, Дж.—Жаворонокъ. Разказъ. Съ англ. А. Н. Рождественская. М. 98. Стр. 236. Ц. 50 к. (Библиот. Дѣтск. Чт.).

Берновъ, Н., и Инетикій, И.—Практическая зоотомія. Вып. 1: Лагушки. Съ 22 рис. въ текстѣ. Спб. 99. Стр. 58. Ц. 50 к.

Бернштейнъ.—Общественное движеніе въ Англіи XVII вѣка. Съ нѣм. Спб. 99. Стр. 422. Ц. 1 р. 50 к.

Благовидовъ, Ѳ. В.—Оберъ-прокуроры св. Синода въ XVIII в. и въ первой половинѣ XIX вѣка. Развѣтїе оберъ-прокурорской власти въ синодальномъ вѣдомствѣ. Казань. 99. Стр. 429. Ц. 2 р.

Блонделъ, Ж.—Экономическій подъемъ Германской Имперіи. Съ франц. Г. Абрамовъ. Съ предисловіемъ Н. Березкина. Спб. 99. Стр. 32. Ц. 25 к.

Блуменбахъ, Евг.—Гражданское состояніе (сословіе) въ Россіи, и въ частности въ Прибалтійскихъ губерніяхъ, его права и обязанности. Рига. 99. Стр. 64.

Бобровниковъ, Н. А.—Что такое хорошій урокъ? Изъ бесѣдъ съ учителями. Казань. 98. Стр. 117. Ц. 50 к.

— Методика начальнаго преподаванія ариметики и сборникъ упражненій въ умственномъ счетѣ. Казань. 98. Стр. 99. Ц. 50 к.

Брандесъ, Г.—Л. Берне и Г. Гейне. Спб. 99. Стр. 181. Ц. 60 к.

Брусиловскій, Е. М., д-ръ.—Леченіе хроническаго сочленоваго ревматизма. Од. 99. Стр. 16.

Брюсовъ, Валерій.—Объ искусствѣ. М. 99. Стр. 30.

Бьелорудовъ, И.—Исповѣдь кавалериста. Спб. 96. Стр. 284. Ц. 3 р.

— Караджиларское дѣло, 7 янв. 1878 г. Спб. 98. Стр. 21.

Веттеръ, Вильг., д-ръ.—Эллада. Очерки и картины древней Греціи, для любителей классической древности и для самообразованія. Перев. П. Евстафьева. Вып. 1. Спб. 99. Стр. 64.

Ветеровъ, С. А.—Русскія книги. Съ біографическими данными объ авторахъ и переводчикахъ. Изд. Г. Юдина. Вып. XXX: Бѣлоруссовъ-Вавиловъ. Спб. 98. Стр. 433—476. Ц. 40 к., съ перес.

Вербичкая, А.—Сны жизни. Разказы. Спб. 99. Стр. 332. Ц. 1 р.

Веригинъ, Н.—І. Г. Песталоцци. Изд. 2-е, съ портретомъ и чертж. М. 99. Стр. 84. Ц. 40 к.

Витринскій, Ч.—Въ сороковыхъ годахъ. Историко-литературныя очерки и характеристики. М. 99. Стр. 387. Ц. 2 р.

Гвоздевъ, Р.—Кулачество-ростовщичество, его общественно-экономическое значеніе. Спб. 99. Стр. 161. Ц. 75 к.

Гейне, Генрихъ.—Собрание сочиненій. Ред. П. Вейнберга. Т. IV. Сиб. 99. Стр. 805. Ц. 1 р. 75 к.

Данилевскій, Д. Я.—Народный домъ и его общественно-воспитательное значеніе. Харьк. 98. Стр. 37. Ц. 25 к.

Даниловъ, И. А.—Въ тихой пристани.—Въ морозную почъ.—На богомолье. Спб. 99. Стр. 203. Ц. 1 р.

Дружининъ, Н. П.—Русское гражданское и уголовное право, въ популярномъ изложеніи. Спб. 99. Стр. 187. Ц. 1 р.

Дювернуа, Н. Л.—Пособіе къ лекціямъ по гражданскому праву. Часть особенная. Вып. 1. Права вещныя. Право авторское и промышленное. Спб. 99. Стр. 218. Ц. 1 р. 25 к.

Зелинскій, В.—Собрание критическихъ матеріаловъ для изученія произведеній И. С. Тургенева. Вып. 1. 3-е изд. М. 99. Стр. 484. Ц. 2 р.

Злотчанскій, П.—Прямолинейная тригонометрія, для среднихъ учебныхъ заведеній. 3-е изд. Одесса. 99. Стр. 123. Ц. 75 к.

Ивановъ, Ив. Ив.—Императоръ Александръ II. Историческій очеркъ. Со многими портретами и рисунками. М. 99. Стр. 157. Ц. 45 к. (Библиот. Дѣтск. Чтен.).

Итеницкій, И.—Заграничные наброски. По музеямъ и лабораторіямъ западной Европы. Стр. 39. Ц. 50 к.

Кавелинъ К. Д.—Собрание сочиненій. Т. III. Наука, философія, литература.—I. Наука и университеты.—II. Общія научно-философскіе вопросы.—III. Психологія.—IV. Этика.—V. Литература и искусство. Съ портретомъ автора, вступительною лекціею А. Ѳ. Кови и притѣченіями проф. Д. А. Корсакова. Спб. 99. Стр. 1256. Ц. 4 р.

Казанскій, В.—Учебникъ всеобщей исторіи. Ч. I. Древній міръ. Орелъ. 99. Стр. 142. Ц. 60 к.

Канторовичъ, Я. А.—Законы о вѣрѣ и вѣротерпимости. Съ приложеніемъ свода разъясненій по кассационнымъ рѣшеніямъ Сената. Спб. 99. Стр. 287. Ц. 1 р. 25 к.

Карелинъ, Н.—Жанъ Жакъ Руссо. Опытъ характеристики его общественныхъ идей. Спб. 1899. Стр. 156. Ц. 1 р.

Ключниковъ, В. М.—Вопросъ о мѣрахъ къ наилучшему подбору преподавательскаго персонала начальныхъ земскихъ училищъ. Казань. 99. Стр. 15.

Кобденъ, Рич.—Лига и борьба противъ хлѣбныхъ законовъ. Рѣчи Кобдена въ парламентѣ и на митингахъ. Съ англ. Е. Н. Каменецкой. М. 99. Стр. 314. Ц. 1 р.

Ковалевскій, П. И.—Наполеонъ I и эпилепсія. Психіатрическіе этюды изъ исторіи. Т. IV. Спб. 99. Стр. 248. Ц. 1 р.

Коложницовъ, Н. П.—Труды сельско-хозяйственной метеорологической сѣти Имп. Московскаго Общества Сельскаго Хозяйства. Сельско-хозяйственный метеорологическій очеркъ Рязанской губерніи. 1897—98 г. М. 99. Стр. 53.

Конрадъ, I., проф.—Очеркъ основныхъ положеній политической экономіи. Руководство для приступающихъ къ ея изученію. Переводъ Н. Новикова. Съ приложеніемъ библиографическаго указателя книгъ и статей по политич. экон. на русскомъ языкѣ съ 1801 по 1898 г. М. 98. Стр. 123+114. Ц. 1 р.

Коротневъ, Н. И.—Полезъа и вредъ нашихъ птицъ. Наглядная иллюстрированная таблица. Составлено п. р. М. А. Мензбира, проф. унив. Ц. 20 к.; для школъ—10 к.

— Наши пернатые благодѣтели и мѣры къ ихъ охраненію. Вып. I-й. М. 99. Стр. 39. Ц. 15 к.

Крестовскій, Вс. Вл.—Собраніе сочиненій. Т. III. Кровавый пухъ; Панургово стадо; Двѣ силы. Очерки: 1) Панъ Пшенендовскій, и 2) Подъ каштанами Саксонскаго сада. Спб. 99. Стр. 622. По подп. за 8 т. 10 р.

Кузь, А.—Спутникъ пчеловода, или руководство къ веденію пасѣки. Пер. съ 15-го нѣд., и. р. В. М. Изергина. Съ 173 рис. въ текстѣ. Спб. 99. Стр. 388. Ц. 2 р.

Кулакова, П. Е.—Ольхонтъ. Хозяйство и бытъ бурятъ Еландинскаго и Бунгульского вѣдомствъ Верхотенскаго округа Иркутской губерніи. Стр. 98. Стр. 245 к.

Курчинскій, М. А.—Союзы предпринимателѣ. Экономическій этюдъ. Спб. 99. Стр. 201. Ц. 1 р. 25 к.

Леклеркъ, М.—Воспитаніе и общество въ Англіи. Перев. М. Пшмаревой. Спб. 99. Стр. 516. Ц. 3 р.

Маминъ-Сибирякъ, Д. Н.—Свѣтлячки. Сказка. М. 99. Стр. 110. Ц. 1 р. (Библиот. Дѣтск. Чт.).

Мельницкій, П. Е.—Флоты, морская война и Англія. Къ конференціи о разоруженіи. Одесса. 99. Стр. 43. Ц. 35 к.

Мартонова, Н.—Узаконеніе и усноовленіе дѣтей (Законъ 12 марта 1891 г.), съ законодательными мотивами, разъясненіями Сената и образцами бумагъ. Изд. 3. Спб. 99. Стр. 94. Ц. 50 к.

Маръ, К.—Крымскія стихотворенія. Спб. 99. Стр. 111.

Медведевъ, Л. М.—Мирныя пѣсни. Стихотворенія. М. 99. Стр. 80. Ц. 35 к. (Библи. Дѣтск. Чт.).

Мельнишъ, Л.—Кобылка въ пути. Рассказъ изъ жизни ссыльных. М. 98. Стр. 61. Ц. 15 к.

Мехенъ, А. Т., капит.—Вліяніе морской силы на французскую революцію и Имперію. Въ двухъ томахъ. Т. II. Переводъ съ англ., и. р. Н. П. Азбазова. Спб. 98. Стр. 453.

Милосидова, Г. А.—Опытъ объяснительнаго чтенія, въ прижѣненіи къ избраннымъ образцовымъ поэтическимъ произведеніямъ „Родного Слова“, для устнаго или письменнаго пересказа и выразительнаго произношенія наизусть. Орелъ. 99. Стр. 151. Ц. 85 к.

Митина.—Изъ жизни. Повѣсти и рассказы. Спб. 98. Стр. 272. Ц. 80 к.

Монтеловскій, О. А.—Литературное и политическое украинофильство. Льв. 98. Стр. 190. Ц. 30 крейц.

Мошинъ, Ал.—Очерки и наброски. М. 98. Стр. 117. Ц. 50 к.

Мэллоксъ, В. Х.—Соціальное равенство. Съ англ. А. А. Величина. М. 99. Стр. 277. Ц. 1 р.

Новицкій, А. П.—Исторія русскаго искусства. Вып. 1. М. 98. Стр. 80. Подпис. цѣна за 12 вып. 10 р.

Олшанскій, В. Г.—Права по земледѣлію въ Западномъ краѣ. Спб. 99. Стр. 139. Ц. 1 р.

Паульсенъ, Фр.—Иммануэль Кантъ. Съ нѣм. Н. Лосскій. Съ портр. Спб. 99. Стр. 356. Ц. 1 р.

Петрункевичъ, А. М.—Маргарита Ангулемская и ея время. Историческій очеркъ изъ эпохи Возрожденія во Франціи. Спб. 99. Стр. 395. Ц. 1 р. 50 к.

Плоссъ, Г.—Женщина въ естествовѣдѣніи и народовѣдѣніи. Антропологи

ческое изслѣдованіе. Перев. съ нѣм., п. р. д-ра А. Г. Фейнберга. Т. I, ч. 2. Спб. 98. Стр. 329—600. Ц. за 2 т. 10 р.

Полемой, П. Н. — Непокутное. Повѣсть. Съ 56 оригин. рис. Е. П. Самокишъ-Судковской. Спб. 99. Стр. 131 in 4°.

Полыанова, Ев. Я. — Шведскіе рассказы. Перев. Спб. 99, Стр. 144. Ц. 40 к.

Полыновъ, А. Д. — Монетный вопросъ. М. 99. Стр. 318. Ц. 2 р.

Порошинъ, Ив. — Русалка, и друг. рассказы. Спб. 99. Стр. 318. Ц. 1 руб. 25 коп.

Пясковскій, Ник., д-ръ. — Богѣвни вѣка. Лекція въ аудитор. Истор. музея. М. 99. Стр. 44.

Пинъкевичъ, Н. — О сберегательныхъ кассахъ и ссудо-сберегательныхъ товариществахъ. Замошье. 99. Стр. 84. Ц. 40 к.

Рейснеръ, М. А. — Христіанское государство. Къ вопросу объ отношеніи государства и церкви. Томскъ. 99. Стр. 114.

Рейснеръ, Плато, ф. — Наилучшая метода. Польско-французскій самоучитель. Французская Хрестоматія, со словаремъ на 4-хъ языкахъ, въ 4-мъ выпускѣ. Вып. 1. Варш. 99. Стр. 16. Ц. 15 к.

——— Русско-польскій самоучитель. Варш. 99. Стр. 16. Тетр. 1-я. Ц. 10 к.

Рибо, Т. — Аффективная память. Съ франц. Е. Максимовой. 2-е изд. Спб. 99. Стр. 50. Ц. 25 к.

——— Философія Шопенгауера. Съ франц. М. Суперанскій. Спб. 98. Стр. 138. Ц. 80 к.

Рубакинъ, Н. А. — Вѣчныя слова. Историческая хроника XVI стол., извлеченная изъ голландскихъ архивовъ Книжнымъ Червякомъ (Vischerwurm). Съ рис. М. 99. Стр. 299. Ц. 75 к.

Садовскій, М. — Рассказы. Т. I. Дикій человѣкъ. — Высокое призваніе. — Счастливецъ. — Развѣнчанный хирургъ. М. 99. Стр. 304. Ц. 1 р. 25 к. — Т. II. Вредный членъ. — Страница изъ жизни одного города. — Преступленіе. О. С. Потапенковъ. М. 99. Стр. 331. Ц. 1 р. 25 к.

Сергѣенко, П. А. — Сестра милосердія. Повѣсть. М. 99. Стр. 132. Ц. 40 к. (Библиот. Дѣтск. Чт.).

Сизовъ, А. К. — Наганунъ лихолѣтя. Историческая повѣсть изъ смутнаго періода 1602—1603 гг. Со многими рисунъ. М. 99. Стр. 82. Ц. 25 к. (Библиот. Дѣтск. Чт.).

Стенли Ленъ-Пуль. — Мусульманскія династіи. Хронологическія и генеалогическія таблицы съ историческими введеніями. Съ англ. В. Бартольдъ. Спб. 99. Стр. 344. Ц. 2 р.

Тезяковъ, Н. В. — Вѣсѣды по гигиенѣ въ примѣненіи ея къ народной школѣ. Ворон. 99. Стр. 121. Ц. 40 к.

Толстой, гр. Л. Л. Яша Поляновъ. Воспоминанія для дѣтей изъ дѣтства. М. 99. Стр. 204. Ц. 1 р.

Фюрстъ, Ливій, д-ръ. — Спутникъ женской гигиены. Одесса. 99. Стр. 42. Ц. 30 к.

Хлопинъ, Г. В., и Никитинъ, А. Ф. — Вліяніе нефтяныхъ продуктовъ на рыбное населеніе рѣкъ и на качество ихъ воды. Спб. 99. Стр. 46.

Чешкигинъ, Всев. — Современное общество въ произведеніяхъ Боборыкина и Чехова. Одесса. 99. Стр. 52. Ц. 25 к.

——— Пять стихотвореній на случай 1897—98 гг. Рига. 99. Стр. 16. Ц. 20 коп.

Чириковъ, Евг. — Очерки и рассказы. Спб. 99. Стр. 370. Ц. 80 к.

Штейнхауеръ, И. С.—Первые уроки географіи, примѣненные къ потребностямъ школь съ инородческимъ элементомъ. Съ приложеніемъ картъ европ. Россіи и полушарій и 120 рис. въ текстѣ. Спб. 99. Стр. 111. Ц. 50 коп. въ перепл.

Шумце-Гесерницъ, Г.—Крупное производство въ Россіи. Москов.-Владим. хлопчатобумажн. промышл. Съ нѣм., Б. Авилова. М. 99. Стр. 115. Ц. 75 к.

Шуфъ, Владиміръ.—Крымскія стихотворенія. Изд. 2-е. Спб. 99. Стр. 376. Ц. 1 р.

Янъ-Рубанъ.—Пѣсни любви и печали. М. 99. Стр. 97. Ц. 50 к.

Федоровъ-Давыдовъ, А. А.—Шуркина затѣя и друг. рассказы, сказка и стихотворенія. Со многими рисунками и виньетками. М. 99. Стр. 169. Ц. 60 к. (Библиот. Дѣтск. Чт.).

Burrows, Guy, captain.—The Land of the Pigmies. With introduction by H. M. Stanley, M. P. With illustrations from photographs, sketches by the Author. Lond. 98. Стр. 299.

Cossa, L.—Premiers éléments de la science des finances, trad. par A. Bannet. Par. 99. Стр. 240. Ц. 2 фр. 50 сент.

Hodent, Maurice.—Lettres à un Moscovite sur l'état d'esprit des Français. Chatenou. 99, Стр. 63.

Krzyżanowsky, Anatol.—Przelom i inne Nowele. W Krakowie. 98. Стр. 118.

Reichesberg, N., D-r. jur.—Die Sociologie, die Sociale Frage und der sogen. Rechtssocialismus. Bern. 99. Стр. 129.

— Библіотека для самообразованія: Т. XIII. Русская исторія съ древнѣйшихъ временъ до смутнаго времени. Вып. 1. Сборникъ статей, п. р. В. К. Сторожева. М. 98. Стр. 657. Ц. 2 р. 75.—Т. XIV: Элементы высшей математики, Г. Лоренцъ. Съ нѣм. В. Шереметевскаго; вып. 1. М. 98. Стр. 715. Ц. 3 р.—Т. XV: О народномъ представительствѣ, В. Чичерина. М. 99. Стр. 820. Ц. 2 р.—Т. XVI: Законность въ общественной жизни, Г. Майръ. Съ нѣм. Н. Романовъ, п. р. Чупрова. М. 99. Стр. 480. Ц. 2 р. 25 к.

— Вопросы народнаго образованія въ Московской губерніи. Вып. II. По порученію Московской земской управы состав. земскій статист. В. В. Петровъ. М. 99. Стр. 195. Ц. 50 к.

— Высочайше учрежденная подъ предсѣдательствомъ ст.-секр. Куломзина Коммиссія для изслѣдованія землевладѣнія и землепользованія въ Забайкальской области. Матеріалы. Вып. 1—15. Спб. 98.

— Книгоиздательство „Просвѣщеніе“. Серія сочиненій по естествознанію: 1) Происхожденіе животнаго міра, д-ра В. Гааке. Съ нѣм. п. р. проф. Ю. Н. Вагнера. Ц. за 15 вып. 6 р. 2) Мирозданіе; астрономія въ общепонятномъ изложеніи, д-ра В. Мейера. Съ нѣм., п. р. проф. С. Глазенапа. Спб. 98. Ц. за 15 вып. 7 р. 50 к.

— Малый Энциклопедическій Словарь, съ приложеніемъ краткихъ руководствъ по различнымъ отраслямъ знанія и словарей иностранныхъ языковъ. Вып. I: А.—Аеонъ. Изд. Брокгаузъ и Евфронъ. Спб. 98. Стр. 300, съ 5-ью прилож. Всего 12 вып., въ полтора года, 18 р.;—отд. вып. 1 р. 50 к.

— Научные очерки Томскаго края. Сборникъ публичныхъ лекцій по различнымъ вопросамъ естествознанія и сельскаго хозяйства мѣстнаго края, организованныхъ въ 1897 г. Томскимъ Отдѣломъ Имп. Москов. Общ. Сельскаго Хозяйства, нѣмѣ Западно-Сибирскаго Общества Сельскаго Хозяйства. Съ 8

карт., 7 табл. и 12 рис. Изд. п. р. проф. Н. Э. Кащенко. Томскъ, 98. Ц. 2 р. 50 коп.

— Остафьевскій Архивъ князей Вяземскихъ. Переписка кн. П. А. Вяземскаго съ А. И. Тургеневымъ, 1812—1819 гг. Изд. гр. С. Д. Шереметева, п. р. В. И. Сантова. Спб. 99. Стр. 728. Ц. 5 р.

— Отчетъ по выкупной операціи за 1897 годъ. Спб. 98. Стр. 157 in 4°.

— Отчетъ о дѣятельности Попечительства Имп. Человѣкол. Общества для сбора пожертвованій на воспитаніе и устройство бѣдныхъ дѣтей въ мастерство. 15-ый годъ. Спб. 98. Стр. 164.

— Почтово-телеграфн. Статистика за 1897 годъ. Изданіе Главнаго Управленія почтъ и телеграфовъ. Спб. 98. Стр. 37 in 4°.

— Сборникъ консульскихъ донесеній. Вып. VI, 1898 г. Спб. 98. Стр. 449—531.

——— Выпускъ I, 1899 г. Спб. 99. Стр. 94.

— Сборникъ свѣдѣній по сельско-хозяйственному образованію. Вып. II: Сельско-хозяйственныя учебныя заведенія къ 1 янв. 98. Спб. 98. Стр. 103. Изд. Министер. З. и Г. И.

— Сборникъ статей по Семипалатинской области. Семипал. 99. Ц. 50 к.

— Сборникъ Харьковскаго Историко-Филологическаго Общества. Т. XI. Харьк. 99. Стр. 360.

— Цифровой матеріалъ для изученія переселенія въ Сибирь—въ 1895 году. Подъ руковод. Г. Пріймака. М. 98. Томъ I: Ч. 1 и 2. Стр. 101 и 425.

— Юбилейный январскій 1899 г. номеръ „Медицинскаго Обзорнія“, поднесенный В. Ф. Спримону его сотрудниками. 10 января 1899 г. Редакт. П. Ф. Филатовъ. М. 99. Стр. 314.

— Этико-художественная Библіотека. Вып. 2: О. Тищенко, I. Хлѣбъ насущный; II. Ржаной хлѣбушка—калачу дѣдушка.—Вып. 3: Дж. Рескинъ. Воспитаніе—Книга—Женщина.—Вып. 4: Э. Ожешко. О равноправности женщинъ предъ лицомъ знанія, труда и человѣческаго достоинства. М. 99. Ц. 20, 20 и 15 коп.

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

I.

Auguste Strindberg. Margit, la femme du chevalier Bengst. Drame. Paris, 1898 (Edit. du „Mercure de France“).

Новая драма Августа Стриндберга, подъ названіемъ: „Маргитъ, жена кавалера Бенгста“, должна произвести странное впечатлѣніе на тѣхъ, кто знаетъ шведскаго писателя и его излюбленныя идеи. Стриндбергъ—писатель очень опредѣленнаго характера, съ несомнѣннымъ талантомъ, который можетъ быть причисленъ къ разряду „мучительныхъ“. Онъ съ особенной любовью обнажаетъ язвы человѣческой души и не знаетъ границъ страстному самообличенію. Онъ ищетъ глубины паденія, на какое только способенъ человѣкъ, когда, измѣнивъ себя, онъ поклоняется недостойному божеству. Основная тема Стриндберга всегда одна и та же — нравственная борьба мужчины и женщины. Нужно вспомнить общественныя условія, въ которыхъ Стриндбергъ выступилъ въ литературѣ. Онъ началъ реакцію противъ чрезмѣрнаго развитія въ Швеціи такъ называемаго „феминизма“. Въ скандинавскихъ странахъ во имя женскихъ правъ началось гоненіе на мужчинъ, яко бы низшихъ во всѣхъ отношеніяхъ, въ нравственномъ и духовномъ. Эти эмансипаторы и эмансипаторши, въ родѣ Амаліи Скрамъ и другихъ, вызвали негодованіе своими ничѣмъ неоправдываемыми претензіями. Стриндбергъ, который началъ свою писательскую дѣятельность скорѣе идеализаціей современной скандинавской женщины, сдѣлалъ вдругъ крутой поворотъ. По страстности начатой имъ беспощадной борьбы противъ женщины чувствуется, помимо идейнаго разочарованія, и психологическая подкладка—какое-нибудь тяжелое испытаніе въ жизни. Первымъ результатомъ его измѣнившагося взгляда на женщину была драматическая трилогія, состоящая изъ трехъ короткихъ пьесъ: „Отецъ“, „Дѣвица Юлія“, „Займодавы“. Во всѣхъ трехъ онъ рисуетъ женщину какъ исчадіе ада, воплощающее въ себѣ силу и обаятельность зла надъ душой человѣка. Есть нѣчто средневѣковое и католическое въ томъ непритворномъ ужасѣ, съ которымъ онъ смотритъ на непобѣдимую власть этого пагубнаго божества, какимъ онъ считаетъ женщину.

Въ „Отцѣ“ рисуется безпощадная жадность женщины и ея грубая привязанность ко всему чисто-земному: отецъ, застраховавший свою жизнь, чувствуетъ, что ему непремѣнно нужно умереть во что бы то ни стало ради своихъ дочерей, которымъ деньги нужны, чѣмъ онъ. Въ „Дѣвицѣ Юліи“ женская душа освѣщается предъ зрителемъ съ другой стороны—и новая черта обрисовываетъ ея душевный мракъ. Женщина—воплощеніе низшихъ чувственныхъ инстинктовъ, грубая самка, которая ищетъ въ мужчинѣ физическаго превосходства. Утонченная аристократка съ изнѣженными нервами отдается лакею и любитъ его за его грубость, за то, что онъ не стѣсняется поднимать хлыстъ на нее. И, наконецъ, въ третьей пьесѣ, „Займодавцы“, Стриндбергъ формулируетъ такъ свою идею: въ женщинѣ нѣтъ ничего оригинальнаго; она ничего не создаетъ, но чрезвычайно хитро умѣетъ эксплуатировать мужской умъ и мужскую душу. Она покоряетъ мужчинъ ихъ же оружіемъ и, заимствуя у нихъ мысли, претворяетъ ихъ своей маленькой, расчетливой, холодной душой. Мужчина поддается обаянію ея ума, не замѣчая, что всѣ ея теоріи и идеи почерпнуты въ немъ, и подъ прикрытіемъ духовныхъ чаръ совершается все та же грубая побѣда „низшаго божества“. Мужчина падаетъ, отдавая женщинѣ все, что есть въ немъ высокаго, и становясь въ минуты отрезвленія безсильнымъ, неспособнымъ на духовное творчество и на сознательную жизнь.

Рѣзко выраженная тенденціозность этихъ одностороннихъ обличеній женщины повторяется въ повѣстяхъ и романахъ Стриндберга, написанныхъ на ту же тему. Въ болѣе спокойныхъ „Очеркахъ изъ брачной жизни“, одномъ изъ первыхъ произведеній Стриндберга, нѣтъ еще злобы и преднамѣренности въ описаніяхъ. Онъ правдиво и просто рисуетъ тѣ разочарованія, которыя неизбежно ждутъ человѣка на жизненномъ пути—въ частности въ семейной жизни, которую Стриндбергъ избралъ темой разсказовъ. Превращеніе воздушнаго поэтическаго созданія въ сварливую, мелочную хозяйку дома и мать семьи, переходъ отъ счастливыхъ настроеній влюбленной четы—до брака—къ мелкимъ, унижающимъ душу ссорамъ дальнѣйшей семейной жизни, роль матеріальныхъ заботъ въ общемъ настроеніи и тому подобное,—вся эта простая и безпощадная правда будничной жизни нарисована просто, наивно и является болѣе убѣдительнымъ протестомъ противъ семьи, чѣмъ позднѣйшее изступленіе Стриндберга въ его знаменитой „Исповѣди безумнаго“. Тамъ женщина уже представлена не жалкимъ существомъ, покореннымъ жизнью и пошлостью, а какимъ-то апокалиптическимъ чудовищемъ, которое хочетъ творить зло и имѣетъ для этого нескончаемыя силы. Въ „Исповѣди безумнаго“ авторъ представляется какимъ-то маньякомъ. Онъ одержимъ

мыслью о женщинѣ, исполненной грозной, пагубной силы. Героиня повѣсти не просто измѣняетъ своему мужу, не просто слѣдуетъ легкомысленнымъ инстинктамъ своей богемно-артистической натуры. Зло, которое она причиняетъ безумно любящему ее мужу, не инстинтивное, а намѣренное; въ ней проявляется утонченная натура. Она старается показать цѣну своей любви какъ разъ въ тотъ моментъ, когда собирается измѣнить. Ложь для нея—не жалкое человѣческое средство оправданія, а мощное орудіе дьявола, средство увеличить страданія жертвы. Все въ ней, начиная отъ холодной безпощадной красоты, со всѣми ея предусмотрѣнными, рассчитанными чарами, и до самыхъ утонченныхъ потребностей ея жестокаго сердца, дѣлаетъ ее не живымъ, а созданнымъ больной фантазіей разрушительнымъ божествомъ. „Исповѣдь безумца“—одна изъ рѣдкихъ книгъ по силѣ впечатлѣнія, но не столько художественнаго произведенія, сколько искренней исповѣди. Нельзя не отождествить героя повѣсти съ ея авторомъ, нельзя не вникнуть въ его душевное переживание, описанное съ такой яркостью, но нельзя считать его идейные выводы объективно правдивыми и психологически вѣрными.

Въ двухъ дальнѣйшихъ произведеніяхъ Стриндбергъ нѣсколько отошелъ отъ своей излюбленной темы, или, вѣрнѣе, расширилъ ее, перейдя отъ отношеній мужчины и женщины въ любви и семьѣ къ общечеловѣческимъ отношеніямъ. Его занимаетъ при этомъ все тотъ же основной философскій вопросъ, воплощенный имъ въ нравственной борьбѣ мужчины и женщины, о которой Стриндбергъ не можетъ говорить объективно и безпристрастно; это—вопросъ о борьбѣ низшихъ и высшихъ существъ, или даже высшаго и низшаго начала, составляющій страшную, но и необходимую основу жизни.

Въ романѣ „Аксель Боргъ“ Стриндбергъ занятъ тоже борьбой высшихъ и низшихъ, но уже въ иной формѣ. Въ духовной жизни Стриндберга произошла перемѣна. Онъ подпалъ подъ вліяніе Ницше; ученію о „сверхъ-человѣкѣ“ слишкомъ отвѣчало Стриндберговскому презрѣнію ко всему подчиненному, чтобы не отразиться на дальнѣйшемъ развитіи его художественнаго творчества. Ницше говоритъ о сверхъ-человѣкѣ, предполагая этимъ и существованіе низшаго человѣка (Unter-Mensch). Власть послѣдняго такъ же унижаетъ человѣчество, какъ наступленіе царства сверхъ-человѣка вознесетъ его выше его нынѣшняго состоянія.

Пессимистъ Стриндбергъ развиваетъ идею о „низшемъ человѣкѣ“. Женщина въ его освѣщеніи является уже воплощеніемъ божества, состоящаго изъ низшихъ инстинктивныхъ силъ человѣка. Въ „Чандала“ онъ создаетъ цѣлую касту низшихъ существъ—„чандала“.

Такъ какъ нельзя въ жизни обречь на подчиненность низшую породу людей, т.-е., конечно, рабовъ въ духовномъ отношеніи, то романистъ произносить имъ приговоръ въ идеалѣ, символически. Его романъ написанъ отчасти въ видѣ сказки. Дѣйствіе перенесено въ XVII-ый вѣкъ. Ученый профессоръ поднимается на высоты торжествующаго духа и вмѣстѣ съ тѣмъ роковымъ образомъ сплетаетъ свою судьбу съ низшимъ существомъ, съ цыганомъ, воплощающимъ тупость и низость,—силу толпы. Это въ нѣкоторомъ родѣ Ренановскій Калибанъ, достигшій власти и свергнувшій Просперо. Профессоръ подчиненъ ему потому, что онъ поддался минутному низшему влеченію къ сестрѣ цыгана, низшему существу во всѣхъ отношеніяхъ. При всемъ своемъ отвращеніи къ ней и къ ея брату онъ долженъ служить имъ, пока слова ему не удастся одолѣть всѣми правдами и неправдами унижительное зло. Вопросъ о добрѣ и злѣ рѣшается въ духѣ Ницше. Профессоръ считаетъ все, что поможетъ ему избавиться отъ униженія, освобождающимъ добромъ. Онъ хитростью одолѣваетъ и убиваетъ цыгана, и тогда, предавшись размышленіямъ среди наступившаго покоя, изучаетъ индійскіе законы Ману и тамъ находитъ удовлетворяющія его постановленія о „чандала“—кастѣ паріевъ; имъ никогда не позволено пить чистой воды; они должны довольствоваться водой изъ лужъ, они обречены жить въ грязи и уродствѣ. Борьба „сверхъ-человѣка“ и „низшаго человѣка“ символизируетъ для Стриндберга борьбу инстинкта и духа. Карая касту „чандала“, онъ караетъ инстинктъ, также какъ онъ обличалъ въ женщинѣ торжество низшихъ влеченій въ человѣческой душѣ. Можно было не соглашаться съ избраннымъ Стриндбергомъ въ началѣ символомъ. Можно было даже удивляться, что въ той же странѣ, гдѣ созданы были Нора и другія свободныя героини Ибсена, женщины же стали символомъ паденія души. Въ „Чандала“ же онъ поднялся выше, и, обличая инстинктъ, также какъ и даруя духу свободу убивать его, онъ возвысилъ человѣка надъ властью случая. Въ „Аксель Боргъ“ тѣ же непримиримыя контрасты между человѣкомъ, почти воплощающимъ въ себѣ отвлеченныя качества Ницшеанскаго „сверхъ-человѣка“, и той жизнью, которую онъ видитъ вокругъ себя, понимая ея побужденія до самой глубины. Повѣсть эта написана въ чрезвычайно высокомъ тонѣ и, по художественности, быть можетъ, одна изъ лучшихъ. Заканчивается она тѣмъ, что, отвернувшись навсегда отъ толпы и отъ всѣхъ людей, Аксель Боргъ уѣзжаетъ въ „открытое море“, обрекая себя на одиночество.

Странно измѣнились если не основныя идеи, то воплощающіе ихъ символы въ новѣйшемъ произведеніи Стриндберга, въ драмѣ „Маргитъ“.

Опять на сценѣ семья, но уже безъ односторонняго обвиненія женщины. Напротивъ того, женщина, которая по слабости натуры сравнена съ мужчиной, является рѣшительно героиней и вноситъ примиреніе и гармонію въ разрѣшеніе жизненной задачи. Въ драмѣ поставленъ вопросъ о любви и бракѣ. Что общаетъ любовь и что можетъ дать бракъ — вотъ одна сторона задачи. Другая, болѣе глубокая и болѣе сложная, заключается въ томъ, — нужно ли отрекаться отъ зла жизни, отъ уродства, или нужно принять крестъ и, пройдя чрезъ страданіе, помириться съ жизнью. Это не заимствованіе прошедшей чрезъ ученіе Льва Толстого христіанской истины объ искупленіи страданіемъ, а нѣчто другое — мысль о томъ, что убогость и даже уродство жизни необходимы. Духъ долженъ воплотиться, претерпѣть на себѣ униженіе плоти. Тогда онъ станетъ свободнымъ, т.-е. не долженъ будетъ бояться жизни, понявъ ее. Героиня пьесы напоминаетъ своему духовнику слова, сказанныя имъ ей въ дѣтствѣ: „Вы мнѣ нѣкогда сказали, — говоритъ Маргитъ, — что дѣйствительность со всей ея пылью и грязью дана намъ Богомъ и не нужно отклонять ее; напротивъ, нужно принимать ее такой, какова она есть“.

Эта мысль кажется весьма оригинальной и до сихъ поръ не отраженной ни въ одномъ художественномъ произведеніи. Помирить человѣка съ жизнью, показать, что свобода духа не заключается въ томъ, чтобы, подобно бабочкѣ, отряхнуть пыль съ крылышекъ, а въ томъ, чтобы, пройти чрезъ все и имѣть силу преодолѣть въ себѣ уродство жизни, — эта мораль несомнѣнно выше прежняго обличенія семьи въ драмахъ и повѣстяхъ Стриндберга. „Маргитъ“ — пьеса нѣсколько искусственная. Авторъ проводитъ душу постепенно чрезъ всѣ роды испытаній, которыя жизнь можетъ дать. Онъ начинаетъ съ самаго простаго и правдиваго, съ того, какъ юношескія иллюзіи разбиваются, соприкасаясь съ дѣйствительностью. Маргитъ, живя въ монастырѣ, гдѣ ее преслѣдуютъ, наивно считаетъ себя избранной натурой. „Да, мы всѣ равны предъ Богомъ, — говоритъ она, — но не предъ людьми!“ Она гордится изнѣженностью своихъ рукъ, неумѣньемъ работать, и мечтаетъ о томъ, какъ придетъ возлюбленный и выведетъ ее изъ монастыря, для любви, вѣчныхъ пѣсенъ и цвѣтовъ. Ей ненавистны ложь и ханжество вокругъ, и душа ея хочетъ стряхнуть гнетъ и низость. Рыцарь приходитъ, освобождаетъ ее. Она увѣрена, что отнынѣ наступитъ рай. Вся она проникнута, однако, страстями и будитъ страсть вокругъ себя; полунаивно, полуковарно, она прельщаетъ своего духовника, говоря ему о своихъ грѣхахъ и возбуждаетъ въ немъ земныя страсти. Вторая ступень послѣ испытанія въ монастырѣ — испытанія въ семьѣ. Мужъ ея, кавалеръ Бенгстъ, любитъ ее глубокой любовью, но лишень дѣтскаго

романтизма. Въ первый день брака онъ ее удивляетъ своимъ хорошимъ аппетитомъ и огорчаетъ тѣмъ, что говоритъ о полевыхъ работахъ и уходитъ съ управляющимъ, — также какъ и тѣмъ, что намекаетъ ей о ея хозяйскихъ обязанностяхъ. Это еще дѣтское разочарованіе, но и оно начинаетъ тревожить душу. Дальнѣйшія испытанія заключаются въ томъ, что кавалеръ Бенгстъ разоренъ; изъ любви къ женѣ онъ скрылъ это отъ нея, и она же способствуетъ его гибели. Въ то время когда лошади нужны, чтобы спасти жатву, подвергающуюся дождю, оказывается, что она отправила лошадей за водой для поливки цвѣтовъ. Контрастъ настоятельныхъ нуждъ жизни и того, что неподготовленная душа считаетъ красотой, выступаетъ со странной рѣзкостью. Для Маргитъ самое важное—ея розы, самая большая печаль—то, что мужъ срубилъ любимый ея дубъ. Бенгстъ хотѣлъ бы объяснить, что онъ дѣйствуетъ, любя ее, что долженъ поступиться розами и дубами для ея благосостоянія; но она не понимаетъ его. Она поддается обаянію его словъ, когда онъ начинаетъ говорить ея излюбленнымъ сказочнымъ языкомъ, называя ее птичкой, говоря, что рыцарь въ-время сброситъ свои грубыя одежды, и что на успокоившихся водахъ снова поплывутъ лебеди. Но когда отъ этой сказочной красоты онъ переходитъ къ дѣйствительности, она опять чувствуетъ себя оскорбленной простымъ, житейскимъ чувствомъ мужа, такъ же, какъ она оскорблена тѣмъ, что онъ вошелъ въ комнату въ высокихъ сапогахъ и не по-рыцарски привѣтствуетъ ее. Она еще не поняла жизни, и ей готовится тяжелое испытаніе. Бенгстъ раздраженъ ея дѣтскимъ отношеніемъ и въ припадкѣ гнѣва ударилъ ее. Этого она не можетъ вынести. Она хлопочетъ о разводѣ, и, чтобы отомстить мужу, кокетничаетъ съ разорившимъ мужа сборщикомъ податей.

Но душа ея крѣпнеть въ этой борьбѣ. Она начинаетъ работать, стремясь быть свободной. Продавъ свои драгоценности, она поправляетъ дѣла мужа, съ которымъ пока, до развода, живетъ подъ одной кровлей. Она заботится о своемъ ребенкѣ, но еще болѣе занимаетъ ее спасеніе ея собственной души. Ей нужна свобода. Любовь не дала ей свободы; мужу, который приходитъ каяться предъ нею, она не можетъ простить, потому что онъ относится къ ней какъ къ своей собственности, запрещаетъ ей имѣть дѣло съ ненавистнымъ сборщикомъ податей. Маргитъ кажется, что она больше любитъ соперника своего мужа, потому что онъ не унижается предъ ней и кажется ей дѣльнымъ въ своей жестокости и твердости. Но первое свиданіе съ этимъ человѣкомъ, къ которому она приходитъ по дѣлу, освобождаетъ ее: и онъ лжетъ и хочетъ обманомъ соблазнить ее; она уходитъ, оскорбленная новымъ уродствомъ жизни. Духовникъ спасъ ее отъ позора, осво-

бодивъ въ-время отъ покушеній грубаго сборщика податей. Она хочетъ еще большей свободы и требуетъ отъ духовника яда. Духовникъ даетъ его. Онъ самъ прошелъ чрезъ тяжкую борьбу: онъ страстно любилъ Маргитъ и освободился отъ этой страсти. Онъ хочетъ дать и молодой женщинѣ возможность освободиться отъ своихъ страстей, приблизившись къ смерти. Давая ей ядъ, онъ ее примиряетъ съ жизнью; когда она поняла неизбежность и необходимость испытаній, онъ идетъ за извѣстнымъ ему одному противоядіемъ. Онъ не знаетъ, найдеть ли онъ его въ-время. Онъ ставитъ предъ ней песочные часы: если онъ успѣетъ вернуться изъ лѣсу съ нужными корнями, прежде чѣмъ истечетъ песокъ,—она спасена. Въ его отсутствіе приходитъ мужъ и происходитъ примиреніе. Маргитъ говоритъ о томъ, что она хотѣла волей покорить свою любовь къ нему, но что теперь это не нужно. Она понимаетъ, что нужно было пройти чрезъ всѣ униженія гнѣва, мести и слабости, и что теперь любовь побѣдила.

„Ты не хотѣла любить меня, Маргитъ. Тебѣ мѣшала гордость,—говоритъ Бенгстъ,—но ты любишь меня, несмотря на то, что я поднялъ руку на твою дорогую голову, и что несчастье сдѣлало меня низкимъ. Я хотѣлъ убить тебя, потому что ты готова была пожертвовать ребенкомъ. Неужели послѣ этого не вѣрить власти любви надъ нашей волей, направленной ко злу“? Духовникъ въ-время принесъ противоядіе и подаль молодой женщинѣ „кубокъ жизни“. „Будемъ жить,—говоритъ Маргитъ въ заключеніе,—и пусть узнаютъ отъ насъ наши дѣти, что хотя надъ нашими головами сіяетъ небо, ноги наши все-таки касаются земли“. Другими словами,—лишь оставаясь на землѣ и постигая земное, претворяя его въ себѣ, можно найти вѣрный путь къ нравственному освобожденію;—такова идея драмы.

II.

Léo Rouanet. Drame religieux de Caldéron. Paris, 1898, стр. 404.

Трудъ Леона Руанэ о „религіозныхъ драмахъ Кальдерона“ заключается въ переводѣ нѣсколькихъ малоизвѣстныхъ драмъ испанскаго классическаго драматурга, съ весьма существенными критическими замѣчаніями и предисловіями. Для русскихъ читателей книга французскаго переводчика представляетъ интересъ тѣмъ, что драмы, заключенныя въ его объемистомъ и чрезвычайно изящномъ томѣ, никогда не были переведены на русскій языкъ, да и на французскій

теперь переводятся въ первый разъ. Кальдеронъ, конечно, извѣстенъ всѣмъ, кто питаетъ любовь къ литературѣ. Нѣкоторыя его драмы имѣютъ для читателей нашего времени такой же свѣжій интересъ, какъ и для современниковъ Кальдерона. Поэтъ, быть можетъ, даже понятнѣе теперь, чѣмъ прежде. „Жизнь есть сонъ“—одно изъ величайшихъ твореній человѣческаго духа. Въ судьбѣ польскаго королевича, фантастическаго героя Кальдерона, совершаются величайшія перемены подъ вліяніемъ искусственнаго стеченія обстоятельствъ. Но въ сравненіи съ тѣмъ, что переживаетъ въ это время душа юноши, съ тѣмъ, какъ свободное проявленіе страстей ведетъ его къ мудрости, всѣ событія кажутся призрачными, а правда является только плодомъ уединенной душевной работы.

Игра страстей понимается Кальдерономъ въ его пьесѣ не романтически и не психологически, т.-е., въ сущности, не какъ разборъ способностей и возможностей въ душѣ человѣка, а какъ нѣкая божественная игра, въ которой участвующіе — безсознательное орудіе истины, которую они воплощаютъ. Этотъ умудренный взглядъ драматурга на событія и поступки людей кажется особенно удивительнымъ, если вспомнить, что Кальдеронъ жилъ въ эпоху величайшаго развитія религиозныхъ и иныхъ страстей, и что самъ онъ во многихъ отношеніяхъ раздѣлялъ и вѣру и страсти своего времени, писалъ такъ называемыя комедіи „плаща и шпаги“, гдѣ условное пониманіе чести является рычагомъ событій, а потомъ сталъ благочестивымъ патеромъ.

Отзывчивая и богатая натура драматурга сказалась не только въ отвлеченныхъ пьесахъ, какъ „Жизнь есть сонъ“ и др. Но въ идеяхъ этого разряда пьесъ заключается мѣрка для сужденія о Кальдеронѣ. Поэтъ, достигнувшій вершинъ мудрости, очевидно будетъ глубокимъ и тамъ, гдѣ онъ принадлежитъ своему времени и вполне раздѣляетъ страсти и даже предрасудки своихъ современниковъ. Съ этой точки зрѣнія чрезвычайно интересны религиозныя драмы Кальдерона, наименѣе въ сущности извѣстныя: во-первыхъ, около 80 „autos“; во-вторыхъ, около 15 комедій (comedias) на библейскія темы или сюжеты, заимствованные изъ религиозныхъ легендъ, житій святыхъ и т. д. Нужно, конечно, строго отличать такъ называемыя „autos“ отъ другихъ религиозныхъ пьесъ. Это были представленія, которыя разыгрывались въ праздники Тѣла Господня, и заключались въ развитіи и доказательствахъ разныхъ догматовъ католической вѣры, относящихся главнымъ образомъ къ таинству причащенія. Въ „autos“ дѣйствующія лица—отвлеченныя идеи и понятія, нѣчто въ родѣ аллегорическихъ лицъ—древнихъ французскихъ *moralités*, съ тою разницею, однако, что

дѣйствующія лица *moralités* и тѣ истины, которыя они представляли собою, большею частью воплощали условную, узкую мораль. Въ „autos“ же—особенно когда авторъ ихъ былъ Кальдеронъ—развивались самобытныя отвлеченныя истины, имѣющія мало общаго съ церковной моралью.

Религіозныя же драмы, напротивъ того, давались въ видѣ театральнаго зрѣлища въ специальныхъ залахъ (*corrales*). Дѣйствующія лица, человѣческаго или божественнаго происхожденія, были всегда реальными существами, а не отвлеченностями, несмотря на то, что элементъ чудеснаго играетъ большую роль въ этихъ пьесахъ.

Самыя извѣстныя изъ религіозныхъ драмъ Кальдерона—„Стойкій принцъ“ и „Поклоненіе кресту“ (обѣ переведены на русскій языкъ). Французскій переводчикъ избралъ три менѣе извѣстныя: „Волосы Авессалома“, „Мадонна Святилища“ и „Чистилище святого Патріція“. Сюжеты всѣхъ трехъ пьесъ показываютъ тѣсную связь драматурга съ католичествомъ. Онъ строго вѣритъ въ чудеса церкви и съ чисто-испанской страстностью относится къ предметамъ поклоненія, превращая культъ мадонны въ нѣчто очень близкое къ рыцарскому культу дамы. Есть особая прелесть въ чисто-національномъ духѣ этихъ пьесъ, въ ихъ богатомъ поэтическомъ колоритѣ, въ неожиданныхъ поэтическихъ красотахъ, источникомъ которыхъ является неистощимое народное воображеніе.

Но не этимъ однимъ привлекательны религіозныя драмы Кальдерона—и въ особенности тѣ изъ нихъ, которыя впервые перевелъ Руанэ. Въ нихъ сквозъ наивную вѣру въ чудесное, въ непосредственное участіе небесныхъ силъ въ человѣческихъ дѣлахъ, свѣтится глубокая дума поэта-философа. Онъ обнажаетъ душу человѣка, чтобы показать ея противорѣчивость, и противопоставляетъ роковой раздвоенности страстей и желаній мудрость божественной необходимости, управляющей жизнью. Онъ показываетъ, какъ, слѣдуя своимъ конечнымъ желаніямъ, люди бессознательно способствуютъ торжеству вѣчныхъ истинъ, какъ неожиданно ихъ безумства ведутъ къ торжеству лежащей внѣ ихъ божественной правды, и какъ гармонія міра восстанавливается, хотя человѣческая воля направлена на разрушеніе ея. Глубже всего конечность людскихъ желаній, какъ бессознательное орудіе вѣчныхъ невѣдомыхъ людямъ цѣлей, представлена въ первой изъ переведенныхъ Руанэ пьесъ, „Волосы Авессалома“. Сюжетъ библейскій, и авторъ менѣе связанъ въ немъ церковной условностью, чѣмъ въ другихъ чисто-католическихъ пьесахъ. Чтобы дать яркій примѣръ ничтожности и конечности людскихъ желаній, поэтъ беретъ случай, когда человѣкъ желаетъ того, чего душа его страшится.

Самый источникъ желаній исcludes возможность гармоніи; поэтому стоитъ человѣку добиться того, чего онъ хотѣлъ, чтобы имъ овладѣло глубочайшее отчаяніе. То, что ему казалось желаннымъ и милымъ, сдѣлалось въ глазахъ его величайшимъ зломъ и уродствомъ. Въ душѣ человѣка желаніе и пресыщеніе живутъ рядомъ, именно потому, что земная природа человѣка влечетъ его къ конечному, къ тому, что себя опровергаетъ. Примѣръ, выбранный Кальдерономъ, очень смѣлый: Амонъ, одинъ изъ сыновей царя Давида, страннымъ, непонятнымъ для себя образомъ, влюбляется въ свою полу-сестру Тамару, и хитростью добивается удовлетворенія своей страсти. Но нечестивая любовь не была вызвана въ немъ стремленіемъ идти противъ человѣческихъ и божественныхъ законовъ: онъ зналъ, что совершаетъ преступленіе и совершилъ его въ борьбѣ съ собою. Есть глубокое психологическое проникновеніе въ обрисовкѣ нравственнаго состоянія Амона до преступленія. Чтобы бросить вызовъ тому, что другіе считаютъ святымъ, нужно вообразить себя выше окружающихъ. Если же человѣкъ самъ считаетъ свое желаніе преступнымъ и уступаетъ себѣ по слабости, то преступленіе становится гнуснымъ и обрекаетъ преступника на безысходный стыдъ и раскаяніе. Таковымъ является Амонъ у Кальдерона. Тамара, которую онъ нѣжно и восторженно любитъ, становится ему ненавистной. Заманивъ ее къ себѣ обманомъ, онъ выгоняетъ ее; она кажется ему воплощеніемъ его собственной оскверненной души. Быстрая смѣна столь противоположныхъ чувствъ, любовь, переходящая въ ярость, поражаетъ въ драмѣ Кальдерона своей психологической правдой. Предъ зрителемъ и читателемъ раскрывается бездна человѣческой души, для которой все возможно, по скольку въ ней стремленіе преодолевать себя уживается съ желаніемъ слушаться только того, что говорить страсть. Амонъ и его любовь къ Тамарѣ, кончающаяся такъ неожиданно уродливо и трагично, показываетъ отсутствіе истины въ чисто человѣческихъ желаніяхъ, наиболѣе противоположныхъ божественному. Второй актъ нравственной драмы—месть Тамары при помощи брата ея Авессалома. Авессаломъ вступаетъ за сестру, хочетъ отомстить Амону. Казалось бы, этимъ онъ становится нравственно выше, и онъ долженъ восторжествовать. Но по существу месть его не чистая. Отмстить Амону, убить его—значитъ прочистить себѣ путь къ престолу. Эта корыстность лишаетъ его заступничество нравственной цѣны, и, убивъ Амона на устроенномъ имъ пиршествѣ, онъ самъ готовитъ себѣ гибель. Онъ рѣшилъ насильственно завладѣть престоломъ, ибо отецъ его, царь Давидъ, можетъ завѣщать престолъ не ему, а другому брату, Соломону. Авессаломъ вѣрнѣе въ себя, потому что онъ красивъ, но, какъ

это предсказывает заранѣе восточная пророчица—красота служить ему. гибелью. Онъ гордится своими волосами, за которые его любятъ всѣ женщины, а между тѣмъ, благодаря этимъ легендарнымъ кудрямъ, онъ запутывается въ вѣтвяхъ деревьевъ и даетъ возможность одному изъ полководцевъ Давида вонзить въ него три стрѣлы, причиняющія ему смерть.

Гибели эгоистическихъ человѣческихъ страстей противопоставленъ образъ всепримиряющей гармоніи—кроткая фигура царя Давида. Всю свою вѣру въ мудрость и кротость божественнаго начала, управляющаго жизнью, Кальдеронъ вложилъ въ необычайно поэтическую характеристику Давида. Онъ любитъ всѣхъ своихъ сыновей, какъ доблестныхъ, такъ и преступныхъ, скорбитъ о всѣхъ, хотѣлъ бы ихъ спасти и страдаетъ. Онъ знаетъ, что они сами губятъ себя; зло должно неминуемо привести къ злу, если бы даже онъ—жертва преступныхъ замысловъ сыновей—и не думалъ карать ихъ за преступленія противъ себя. Нѣжная безпристрастная любовь къ непослушнымъ сыновьямъ, воспламененнымъ ненавистью, ставитъ Давида выше всѣхъ оскорбленій и всѣхъ преступленій. Образъ его въ пьесѣ Кальдерона служить примирительнымъ началомъ, указываетъ выходъ изъ міра злобы и страстей, какимъ представляется жизнь. Онъ подчеркиваетъ идейное значеніе пьесы.

Пьеса Кальдерона изобилуетъ множествомъ сценъ, очень тонкихъ въ психологическомъ и художественномъ отношеніи. Особенно замѣчательна самая сцена обольщенія Тамары Амономъ. Цѣлый рядъ хитростей пускается въ ходъ влюбленнымъ сыномъ короля, который умѣетъ быть и находчивымъ, и нѣжнымъ, пока душа его къ чему-то стремится, что ему временно кажется недостижимымъ. Тамара выслушиваетъ объясненіе въ любви, какъ будто обращенное не къ ней, а доверяемое ей, какъ наперсницѣ. Очень тонко при этомъ изображено пробужденіе инстинктивного чувства самообороны у дѣвушки, которая отказывается играть комедію. Амонъ произноситъ имя Тамары среди любовныхъ объясненій и оправдывается тѣмъ, что губы его повинуются тому, что видятъ глаза его, и называютъ прекрасную Тамару вмѣсто другого, будто бы дорогого ему имени. Тамара же говоритъ ему о нечестивости такихъ признаній по отношенію къ ней. Онъ снова хочетъ увѣрить ее, что это комедія, и умоляетъ войти въ роль воображаемой возлюбленной и отвѣтить ему благосклонно; Тамара же говоритъ, что взоръ ея порабощаетъ уста, что она не можетъ отдѣлаться отъ мысли, что съ нею говоритъ ея братъ. Есть въ этой комедіи, скрывающей трагическую подкладку, сложная психологическая игра: люди какъ бы ходятъ на узкой, острой границѣ между

шуткой и трагедіей и однимъ невѣрнымъ шагомъ могутъ очутиться въ пропасти. Французскій драматургъ Мариво очень тонко развивалъ такія опасныя положенія въ своихъ комедіяхъ, и Кальдероновская сцена обольщенія является въ своемъ родѣ геніальнымъ „*maître au luge*“ емъ въ болѣе высокомъ смыслѣ этого слова, чѣмъ оно примѣнимо для самого Мариво.

Для читателя нашего времени, которому такъ часто приходится слышать о красотѣ и о значеніи красоты въ жизни даже въ чисто внѣшнемъ смыслѣ, будетъ небезынтересно прочесть діалоги между прекраснымъ златокудрымъ Авессаломомъ и его братомъ, Адонемъ. Авессаломъ увѣренъ въ своемъ правѣ на престолъ, потому что кто могъ бы соперничать съ обаяніемъ хотя бы его великолѣпныхъ волосъ: „Красота,—говоритъ онъ,—рекомендательное письмо, которое небо даетъ человѣку для возбужденія общей симпатіи. Моя же красота—мнѣ это скажетъ всякій, если бы даже я не вѣрилъ своему зеркалу—безконечно велика. Меня всѣ любятъ. Чтò выйдетъ изъ этого общаго поклоненія—совершенно ясно. Весь народъ признаетъ меня королемъ, когда сыновья Давида раздѣляютъ царство“. Его братъ Адоній смѣется надъ его претензіями и говоритъ, что, конечно, если бы царство давалось за кокетство и изнѣженность, израильскій народъ склонился бы предъ нимъ. „Всѣ колѣна Израилевы,—говоритъ онъ,—очарованные золотомъ твоихъ кудрей, приносили бы тебѣ пошлины въ видѣ лентъ и благовонныхъ снадобій, женщины служили бы тебѣ министрами, и корона твоя сплеталась бы изъ косъ. Театральныя подмостки замѣнили бы тронъ, гдѣ съ грустнымъ видомъ сидитъ твой старый отецъ; твоимъ оружіемъ были бы парча и тонкія полотна, и вмѣсто меча ты держалъ бы вѣеръ... но оставайся королемъ твоей красоты и предоставь мнѣ царство Израиля“, и т. д. Представивъ юношу, который хочетъ кудрями завоевать себѣ царство, Кальдеронъ зло посмѣяся надъ внѣшнимъ и ограниченнымъ пониманіемъ красоты и написалъ карикатуру на лже-эстетовъ своего и будущаго времени.

Ясно, какую психологическую глубину Кальдеронъ вложилъ въ сюжетъ библейской драмы. Въ двухъ другихъ пьесахъ, въ особенности въ „Мадоннѣ Святилища“, преобладаетъ благочестивое поэтическое чувство, нѣжное отношеніе къ Мадоннѣ и умѣнье представить въ поэтическихъ образахъ связь благочестивыхъ и любящихъ душъ съ высшимъ началомъ жизни.

III.

R. Kipling. The Day's Work. 1898. Стр. 366.

Киплингъ—еще молодой писатель, успѣвшій, однако, приобрести громкую извѣстность и у себя на родинѣ, и внѣ ея. Въ противоположность многимъ популярнымъ романистамъ, интересъ его произведений не идетъ въ ущербъ чисто литературнымъ достоинствамъ. Его маленькіе рассказы и повѣсти соединяютъ драматичность положенія и живость характеровъ съ художественностью стиля и серьезностью замысла. Киплингъ всегда имѣетъ что сказать. Въ глубинѣ его рассказовъ всегда есть психологическая правда, и въ разбросанныхъ картинахъ жизни онъ съ любопытствомъ ищетъ связующей нити. Этотъ интересъ настолько преобладаетъ у Киплинга, что самыя событія онъ изображаетъ чрезвычайно кратко, только въ тѣхъ основныхъ чертахъ или только съ тѣми характерными подробностями, которыя нужны для опредѣленія тайнаго узла событій. Ничего безразличнаго, просто живописующаго въ его рассказахъ не встрѣчается. Событія вызываютъ извѣстное впечатлѣніе въ его душѣ, кажутся ему воплощеніемъ какой-нибудь неизмѣнной правды, и только то, что выдвигаетъ и освѣщаетъ эту правду, выступаетъ въ рассказахъ съ необыкновенной яркостью и силой. Этого рода реализмъ, основанный на стремленіи къ синтезу, къ исканію смысла событій, а также къ тому, чтобы выразить настроеніе художника, связываетъ Киплинга съ однимъ изъ самыхъ обособленныхъ англійскихъ романистовъ—съ Меридитомъ. Отвлеченный умъ Меридита нашелъ себѣ преемника въ молодомъ рассказчикѣ изъ англо-индійскаго быта. Киплинга иногда называютъ Диккенсомъ нашего времени, имѣя въ виду его своеобразный юморъ. Но это сравненіе намъ кажется невѣрнымъ. Юморъ Диккенса—безобидный и жизнерадостный, соединенный съ нѣкоторой сентиментальностью, также какъ и съ вѣрой въ нравственные устои англійскаго общества. Киплингъ, напротивъ того, отрицатель культурнаго превосходства Англіи, и скрытый юморъ его окрашенъ пессимизмомъ, напоминая опять юморъ Меридита, безпощаднаго обличителя англійскихъ національныхъ чертъ характера.

Интересъ къ Киплингу обусловливается еще тѣмъ, что онъ создалъ себѣ совершенно особую область въ англійской литературѣ. Въ его рассказахъ нѣтъ обычныхъ бытоописаній жизни англійской landed gentry, нѣтъ англійскаго общества, въ сущности столь не мѣняюща-

гося, что типы его остались тѣми же отъ романовъ Теккерея до новѣйшихъ романовъ и повѣстей миссъ Гемфри Уордъ, Голь Кэна и др. Киплингъ имѣлъ счастье найти совершенно свѣжую почву и наблюдать своихъ соотечественниковъ среди необычныхъ условій, уничтожающихъ всю условность ихъ культурнаго джентльменства, изъ-за котораго непосредственно выступаютъ природныя свойства души. Киплингъ—уроженецъ Индіи и провелъ тамъ свою молодость, учился въ Лагорѣ и, ставши писателемъ, большею частью жилъ въ Индіи. Онъ хорошо знаетъ высшее и низшее англійское военное общество, тѣхъ, которые живутъ лѣтомъ въ горахъ, а въ болѣе мягкое время года въ англійскихъ кварталахъ индійскихъ городовъ, или же въ разбросанныхъ по всей Индіи военныхъ станціяхъ. Тамъ же хорошо онъ знаетъ жизнь туземцевъ, ихъ сложную психологію, ихъ отношенія къ завоевателямъ и странную смѣсь въ восточномъ характерѣ мелкаго плутовства, коварства и способности на величайшіе подъемы духа, при чемъ всѣ эти контрасты спокойно уживаются въ однихъ и тѣхъ же людяхъ, представителяхъ угнетенной, но презирающей своихъ завоевателей націи.

Всѣ рассказы Киплинга основаны на контрастахъ „бѣлыхъ“ и „черныхъ“. Онъ менѣе всего защитникъ англійскихъ порядковъ въ Индіи, и, рисуя столновенія, онъ большею частью становится на сторону черныхъ, т.-е. туземцевъ, превозноситъ ихъ античный духъ сопротивленія, ихъ предпочтеніе добровольной смерти отъ жала змѣи повиновенію законамъ ненавистныхъ завоевателей. Рисуя ихъ такими, Киплингъ не идеализируетъ, однако, туземцевъ. Плутовство индійской черни, стихійная склонность къ обману—источникъ большинства юмористическихъ рассказовъ Киплинга. Но ему дороги контрасты въ душѣ некультурныхъ, обреченныхъ на борьбу съ жизнью людей. Такъ, въ одномъ изъ чрезвычайно удачныхъ рассказовъ Киплингъ отъ лица плутоватаго индійскаго разносчика рассказываетъ о его жизни. Потомъ, неожиданно, съвозъ ничтожность и мелочность приключеній слышится трагическая нота. Разносчикъ скрываетъ за своей веселой внѣшностью глубокое чувство мести: онъ скитается по всей странѣ, чтобы отыскать обидчика, отнявшаго у него жену. Чувство ненависти въ немъ сосредоточенно и сильно, какъ у чловека съ первобытной душой. Раскрывая неожиданную глубину въ мелкомъ, на первый взглядъ, плутоватомъ торговцѣ, Киплингъ противопоставляетъ сложность первобытныхъ натуръ нивелирующему вліянію культуры, которая сглаживаетъ контрасты инстинктовъ и уничтожаетъ какъ возможность глубокихъ паденій, такъ и возможность высокихъ, пламенныхъ подъемовъ духа.

Туземцы съ ихъ неожиданными проявленіями величія составляютъ источникъ пагубы въ разсказахъ Киплинга. Юморъ же талантливаго разсказчика питается главнымъ образомъ типами и характерами англо-индійскаго быта. Киплингъ написалъ цѣлую эпопею мытарствъ англійскаго солдата въ Индіи, не забывая при этомъ и страданій высшей военной интеллигенціи, погибающей нравственно и физически среди пагубной индійской природы, холеры, лихорадки и другихъ бѣдствій, такъ же, какъ отъ растлѣвающаго вліянія бездѣйствія и интригъ англо-индійскаго общества. Въ солдатской жизни онъ скорѣе рисуетъ юмористическую сторону быта. Его безшабашные „Три солдата“ (Soldiers three), ихъ столкновенія съ туземцами, ихъ романы съ туземными женщинами—въ своемъ родѣ новые „Три мушкетера“ по веселости, остроумію и живости изображенія—это три типа выходцевъ изъ Ирландіи, Шотландіи и Лондона. Они появляются затѣмъ и въ другихъ разсказахъ, показывая, съ какой любовью Киплингъ относится къ жертвамъ англійской завоевательной политики.

Тонъ его возвышается и переходитъ отъ юмора къ драматизму, когда дѣло идетъ объ интеллигентныхъ англичанахъ, которые не могутъ примѣниться къ новымъ условіямъ, какъ къ нимъ примѣняются солдаты. Имъ остается или сходить съ ума (трагическій разсказъ о впадающемъ въ безуміе отъ ужаса офицерѣ,—одинъ изъ самыхъ сильныхъ у Киплинга), или завертѣться въ бессмысленной свѣтской жизни англо-индійскаго общества. Эту жизнь и, главнымъ образомъ, руководящихъ ею женщинъ Киплингъ беспощадно осмѣиваетъ въ цѣломъ рядѣ комическихъ разсказовъ.

Общій выводъ изъ индійскихъ разсказовъ Киплинга—двойкій. Съ точки зрѣнія нравственности, политической и общественной, онъ осуждаетъ захватъ Индіи и въ самыхъ рѣзкихъ краскахъ рисуетъ ужасы индійской жизни, роковую безнравственность отношеній между подавленнымъ племенемъ съ его своеобразной культурой и завоевателями, не всегда стоящими на нравственной высотѣ побѣжденныхъ. Но съ психологической и художественной стороны Киплингъ иначе относится къ индійской жизни: онъ видитъ въ ея случайностяхъ возможность для души проявить себя съ той силой, которой нѣтъ мѣста въ культурной жизни. Каждая минута окружена опасностями, и люди совершенно не увѣрены въ обезпеченности слѣдующаго дня; поэтому каждый день полонъ болѣе сосредоточенной жизни, болѣе яркаго напряженія всѣхъ душевныхъ силъ, проявленія всего скрытаго, —всего, что, быть можетъ, никогда не проявится среди культурныхъ условій. Психологическія драмы разыгрываются среди этихъ условій съ необычайной интенсивностью. Благодаря этому, полудикая жизнь

людей, попавшихъ въ Индію изъ культурнаго центра, приобретаетъ необычайный интересъ для романиста и психолога, каковымъ является Киплингъ. Обличая Индію, какъ моралистъ, онъ, какъ художникъ, пользуется всѣми отрывающимися въ ней возможностями для проникновенія въ обнаженную душу человѣка.

Въ послѣдніе годы Киплингъ создалъ новую область, въ которой его талантъ проявляется очень сильно. Отъ реального изображенія людей и психологій ихъ онъ перешелъ къ изображенію въ фантастическихъ разсказахъ звѣрей и неодушевленныхъ предметовъ. Его разсказы о джунгляхъ—лѣсныхъ чащахъ, обитаемыхъ дикими звѣрями—необычайно оригинальны и художественны. Выдуманное имъ царство звѣрей кажется вполне реальнымъ. Эпопея его героя—человѣческаго дѣтеныша, выросшаго среди звѣрей, проникнута истиннымъ величіемъ. Есть глубокая отвлеченная красота въ художественномъ сочетаніи человѣка съ природой, въ томъ, чтобы незамѣтно перейти черезъ границу, отдѣляющую различные роды существъ, и естественно представить сліяніе человѣческихъ чувствъ съ инстинктивными влеченіями всей природы къ одному и тому же добру. Звѣриное царство представлено Киплингомъ въ борьбѣ съ человѣческимъ царствомъ, но звѣри его проникнуты чувствомъ солидарности, строгимъ уваженіемъ къ закону природы. Людей они ненавидятъ за насиліе, за то, что они хитростью хотятъ одолѣть природу. Человѣческое дѣтище, проникшись чувствами своихъ товарищей по лѣсной жизни, идетъ къ людямъ, убѣждаетъ ихъ быть справедливыми; но ему приходится съ полнымъ разочарованіемъ вернуться въ лѣсъ. Борьба инстинкта и разума, природы и культуры, воплощена въ этихъ фантастическихъ разсказахъ со страшной силой. Кажется, что жизнь джунглей, какъ ее описываетъ Киплингъ, не одинъ плодъ его художественной фантазій, и не вѣрится, что на самомъ дѣлѣ нѣтъ ни семействъ медвѣдей и пантеръ, ни сходбищъ, гдѣ рѣшаются звѣринныя дѣла; читая книгу Киплинга, читатель вполне проникается мыслью о разумномъ звѣриномъ царствѣ.

Въ самомъ послѣднемъ своемъ сборникѣ разсказовъ: „The Day's Work“, Киплингъ изображаетъ опять или звѣрей, или даже неодушевленные предметы, но характеръ его дѣйствующихъ лицъ на этотъ разъ иной: онъ говоритъ о лошадяхъ, участвующихъ въ состязаніяхъ и играхъ, говоритъ о локомотивахъ и пароходахъ, о всемъ томъ, что именно близко человѣку и живетъ человѣческими интересами. Это уже культурная природа, которая не протестуетъ противъ человѣческаго, а напротивъ того, будучи плодомъ культурнаго ума, живетъ его законами. Въ разсказѣ: „Maltese Cat“, лошадь, играющая въ „поло“, такъ же воодушевлена мыслью о призѣ, какъ и ея хозяева. Раз-

говору лошадей между собой, ихъ взаимные уговоры и распри трудно различить отъ подобныхъ же разговоровъ жокеевъ. Точно также въ рассказъ о томъ, какъ пароходъ, по техническому выраженію, „нашелъ себя“, отдѣльныя части недавно выстроеннаго парохода разсуждаютъ и дѣйствуютъ совершенно въ духѣ соорудившихъ ихъ инженеровъ. Самъ рассказъ чрезвычайно оригиналенъ, полонъ любопытныхъ чертъ. Онъ свидѣтельствуетъ о близкомъ знакомствѣ автора со всѣми подробностями морской жизни и чрезвычайно картинно изображаетъ душу предметовъ. То же можно сказать о локомотивѣ, героѣ разсказа „007“, который изъ задорнаго новичка становится снисходительнымъ къ другимъ товарищамъ послѣ перваго опыта крушенія. Есть несомнѣнная цѣль въ этомъ одушевленіи отдѣльныхъ частей машинъ и очеловѣченіи лошадей, играющихъ на призъ. Художникъ ищетъ во всемъ объединяющее начало и наглядно показываетъ въ фантастической сказкѣ, какъ предметъ только тогда входитъ въ общую жизнь, когда онъ познаетъ себя, когда всѣ его элементы объединятся общимъ стремленіемъ и вмѣсто отдѣльныхъ голосовъ образуется общій голосъ, который онъ называетъ душой—все равно, парохода ли, локомотива или человѣка.

Разсказы Киплинга о предметахъ, составляющіе содержаніе послѣдняго тома—яркій образчикъ его юмора, направленнаго на искаженіе жизни во всемъ бытіи, во всемъ, что создано или непосредственно природой, или тоже волей природы, прошедшей чрезъ разумъ человѣка. Но есть въ сборникѣ одинъ разсказъ, лучший изъ всѣхъ, гдѣ человѣческій разумъ и сила природы представлены въ борьбѣ. Это разсказъ: „Строители моста“, чрезвычайно напряженный и нѣсколько мистическій. Мостъ чрезъ рѣку Гангъ почти построенъ, но духъ священной рѣки (Mother Ganga) борется противъ человѣка. Чтобы помѣшать его торжеству, Гангъ разливается въ неурочное время, грозя снести постройку, не законченную въ расчетъ на обычный срокъ разлитія. Инженеръ, который въ ужасѣ предвидитъ гибель своихъ тяжкихъ и долгихъ трудовъ, впадаетъ въ забытіе отъ принятаго опія и въ наступившемъ опьяненіи присутствуетъ, вмѣстѣ съ сопровождающимъ его мальчишкой-туземцемъ, на совѣщаніи боговъ, чувствующихъ конецъ своей власти. Когда онъ просыпается, то оказывается, что онъ чудеснымъ образомъ спасся самъ отъ гибели. Лодка, въ которой онъ заснулъ, врѣзывается въ островъ. Къ его великой радости оказывается, что мостъ тоже выдержалъ внезапный напоръ рѣки. Чтобы придать видѣнію о богахъ Индіи нѣкоторую странную правдоподобность, авторъ оставляетъ въ туманѣ все это происшествіе, при чемъ, однако, оказывается, что и мальчикъ, давшій ему опіумъ, при-

существовалъ вмѣстѣ съ нимъ на совѣщаніи боговъ и напоминаетъ объ этомъ проснувшемуся инженеру. Результатъ совѣщанія заключается въ томъ, что хотя боги Индіи чувствуютъ себя покоренными, но условия на мысли о томъ, что божественныя силы останутся тѣми же, хотя и замѣнятся новыми формами.—З. В.

НЕКРОЛОГЪ.

Л. И. ПОЛИВАНОВЪ

† 11 февраля 1899 г.

Сиротѣть Москва... Ушла еще одна живая, дѣятельная и направляющая сила; 14-го февраля похоронили въ Новодѣвичьемъ монастырѣ Льва Ивановича Поливанова, создавшаго тридцать лѣтъ тому назадъ, въ содружествѣ съ нѣсколькими московскими учителями, образцовую частную гимназію, которая стала извѣстна подъ его именемъ. Какъ характеризовать для незнавшихъ лично Л. И. все своеобразие этой живой, вѣчно кипящей души? Развѣ черезъ контрастъ,—соединяя всѣ черты, прямо противоположныя типу узкаго, сухого, бездушнаго леданта, застывшаго въ опредѣленныхъ формахъ... Поливановъ былъ воплощенное душевное движеніе, безостановочная вибрація ума и сердца. Онъ относился глубоко-патетически даже ко всѣмъ подробностямъ того, что казалось ему важнымъ, или интереснымъ, а о томъ, о чемъ онъ могъ говорить равнодушно,—онъ обыкновенно вовсе не говорилъ. Такое, по крайней мѣрѣ, оставалось общее впечатлѣніе. Я помню его одушевленно говорящимъ съ вскрикиваніями и жестами, помню—хотя рѣже—молчащимъ, но вяло разговаривающимъ о житейскихъ пустякахъ и дразгахъ—рѣшительно не припомню. Никакими внѣшними условностями онъ вообще не стѣснялся, и я никогда не забуду, какъ былъ удивленъ и даже испуганъ однажды въ началѣ лѣта, увидавши Л. И. въ большой енотовой шубѣ и мѣховой шапкѣ!..

Въ мірѣ учащихся и учащихъ по всей Россіи имя Л. И. Поливанова всѣмъ хорошо извѣстно. Онъ оставилъ не мало цѣнныхъ трудовъ педагогическихъ и литературныхъ,—между прочимъ, превосходное изданіе Пушкина, монографію о Жуковскомъ, образцовый разборъ (по порученію академіи наукъ) сочиненій Полонскаго, съ которыми онъ послѣдніе годы былъ очень близокъ. Но важнѣе этихъ книжныхъ трудовъ было то, что онъ вложилъ въ свою школу живую душу, поднималъ и удержалъ эту школу выше обычной казенности и умѣлъ зажигать въ своихъ воспитанникахъ искры того огня, который горѣлъ въ немъ самомъ. Вышедшіе изъ поливановской гимназіи не только сохраняли о ней самое теплое воспоминаніе, но и оставались съ Л. И. и его сотрудниками въ тѣсной личной дружбѣ. Одинъ изъ этихъ „поливановцевъ“, ставшій извѣстнымъ профессоромъ москов-

скаго университета, въ замѣткѣ о Л. И. по поводу его смерти приписываетъ вліянію учителя и училища все лучшее, что зарождалось и развивалось въ душѣ учениковъ. Что можно сказать больше такой похвалы?

Левъ Ивановичъ умеръ рано. Хотя онъ дожилъ до 60 лѣтъ и давно ужъ былъ совсѣмъ сѣдой, но даже въ послѣднее время (передъ смертельною болѣзнію) сохранялъ ту же душевную бодрость и энергію. А его живой умъ выказывалъ иногда большую проницательность и далеко за предѣлами педагогики и литературы. Такъ, въ минувшемъ сентябрѣ, когда я его видѣлъ въ послѣдній разъ, рѣчь зашла объ одномъ событіи русской жизни, получившемъ всемірную огласку, и мнѣ ни до того, ни послѣ, не приходилось слышать объ этомъ такого вѣрнаго и глубоко прочувствованнаго слова, какъ то, которое сказалъ Поливановъ.

Трудно представить себѣ поливановскую гимназію безъ Льва Ивановича; а вмѣстѣ съ тѣмъ не хотѣлось бы думать, что она исчезнетъ, совсѣмъ потеряетъ свой особый характеръ большой педагогической семьи, превратится безъ остатка въ обычное казенное учрежденіе—это было бы настоящею потерей для русскаго общества, да и обидой для покойнаго!

Влад. Соловьевъ.

ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.

1 марта 1899.

Новыя вѣсти изъ неурожайныхъ губерній. — Ходъ продовольственнаго дѣла въ вятской губерніи. — Некрологъ: Е. А. Перетцъ.

Положеніе дѣлъ въ неурожайныхъ губерніяхъ начинаетъ выясняться; обрисовываются все больше и больше настоящіе размѣры нужды, опредѣляются, отчасти, и ея причины. Съ послѣдней точки зрѣнія, особенно замѣчательна статья г. П. Голубева: „Вѣдствіе вятской губерніи“, напечатанная въ № 40 „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“. Замѣчательны, прежде всего, приводимыя здѣсь цифры: въ 1891 году, не менѣе тяжеломъ для вятской губерніи, чѣмъ для центральной Россіи, сумма ассигнованныхъ на нее ссудъ составляла, по всѣмъ одиннадцати уѣздамъ, 8.627 тыс. рубл., и въ настоящее время почти столько же—около 8.338 тыс. рубл.—назначено на три уѣзда: елабужскій, сарапульскій и малмыжскій (на остальные ассигновано около 900 тыс. рубл.). Отсюда легко заключить, какъ велика нужда въ этихъ уѣздахъ, въ обыкновенное время снабжающихъ хлѣбомъ всю губернію. Уже въ 1897 г. здѣсь былъ сильный недородъ озимыхъ хлѣбовъ—и въ то же самое время происходило усиленное взысканіе недоимокъ, съ распродажей скота. Сентябрьское поступленіе окладныхъ казенныхъ сборовъ достигло гораздо высшей цифры, чѣмъ въ предъидущіе годы, когда взысканіе податей производилось въ гораздо болѣе удобные для населенія зимніе мѣсяцы. Въ малмыжскомъ уѣздѣ, напримѣръ, въ сентябрѣ 1897 г. поступила 81 тыс. рубл., вмѣсто прежнихъ 32—36 тыс., въ елабужскомъ—188 тыс., вмѣсто прежнихъ 58. Во всей губерніи поступленіе выкупныхъ платежей превысило смѣту на 16%. Параллельно съ этимъ падала цифра косвенныхъ налоговъ: поступленіе акциза съ вина и спирта понизилось на 254 тыс., акциза со спичекъ на—45 тыс., торговыхъ и патентныхъ сборовъ—на 11 тыс., акциза съ пиво- и медоваренія—на 11½ тыс. рубл. Почтовый доходъ далъ недоборъ въ 17 тыс., доходъ съ казенныхъ лѣсовъ—почти въ 160 тыс. рубл. Весной 1898 г. оскудѣніе населенія было уже весьма замѣтно. Корреспонденція изъ Сарапула, напечатанная въ „Вятскомъ Краѣ“, говорила уже въ мартѣ мѣсяцѣ о раскрытыхъ крышахъ, о гибели лошадей и рогатаго скота—и вмѣстѣ съ тѣмъ о распродажѣ, для уплаты податей, гусей по 15 коп., курицъ по 5 коп. за штуку. Въ елабужскомъ уѣздѣ, не смотря на

препятствія, встрѣчаемыя сельскими сходами при ходатайствахъ о продовольственныхъ и другихъ ссудахъ, еще осенью 1897 г. началось составленіе приговоровъ о выдачѣ ссудъ на продовольствіе и на обмѣненіе. Въ апрѣлѣ и маѣ 1898 г. неизбежность крупной бѣды становится очевидной. Елабужская уѣздная земская управа нѣсколько разъ проситъ о созывѣ экстреннаго уѣзднаго земскаго собранія, но не получаетъ отвѣта; неудовлетворенными остаются такіе же просьбы сарапульской уѣздной земской управы. Губернаторъ, не довѣряя заявленіямъ управъ, рѣшаетъ лично ознакомиться съ положеніемъ пострадавшихъ уѣздовъ, но его поѣздка, по разнымъ причинамъ, задерживается. Предположенный губернской управой сѣздъ уѣздныхъ земскихъ статистиковъ, для объединенія работъ по приведенію въ извѣстность размѣровъ неурожая, не разрѣшается. Наконецъ, созываются уѣздныя земскія собранія: сарапульское, на 6-ое, елабужское—на 8-ое, малмыжское—на 15-ое іюля. Отсюда замедленіе и въ созывѣ экстреннаго губернскаго земскаго собранія, открывающагося только 21-го іюля, когда уже начался посѣвъ озимыхъ хлѣбовъ. Чтобы ускорить ходъ дѣла—кромѣ ассигнованія ссуды, нужно было испросить ея разрѣшеніе и затѣмъ купить сѣменной хлѣбъ,—губернское собраніе постановляетъ позаймствовать 700 тысячъ изъ страхового капитала. Способствуетъ сравнительно удачному рѣшенію задачи и то обстоятельство, что предсѣдатели управъ елабужской и сарапульской на свой рискъ и страхъ еще до губернскаго собранія заторговали рожь у мѣстныхъ хлѣботорговцевъ. И все-таки часть хлѣба была получена на мѣстахъ такъ поздно, что ею нельзя было воспользоваться для обмѣненія. Цѣна, по которой хлѣбъ былъ купленъ, оказалась значительно выше той, по которой онъ могъ быть приобрѣтенъ въ началѣ лѣта. Задача іюльскихъ земскихъ собраній, какъ уѣздныхъ, такъ и губернскаго, была ограничена, притомъ, вопросомъ объ обмѣненіи, хотя управами были заготовлены доклады и о продовольственныхъ ссудахъ; для обсужденія этихъ докладовъ пришлось созвать особые экстренныя собранія—уѣздныя въ концѣ августа, губернское въ началѣ сентября. Потерянное время нельзя уже было наверстать, тѣмъ болѣе, что навигація, прошлой осенью, прекратилась двумя недѣлями раньше обыкновеннаго. „Изъ 8¹/₂-милліонной потребности хлѣба“—говоритъ г. Голубевъ—„заготовлено было всего 400-500 тыс. пудовъ. Правда, яровыя сѣмена (3.736 тыс. пуд.) можно будетъ, поторопившись, своевременно подвезти весной. Но что будутъ дѣлать съ громадной заготовкой хлѣба на продовольственные потребности? Какъ слышно, баржи съ хлѣбомъ, закупленнымъ для насъ министерствомъ, стоятъ замерзшія частью на Камѣ, частью на Волгѣ. Изъ телеграммы русскаго агентства видно, что тысячь около ста пудовъ

этого хлѣба уже погибло, вслѣдствіе порчи баржъ льдомъ. Конечно, благодаря своевременности заготовки, наши сосѣди, уфимцы и казанцы, очутились въ иномъ положеніи: большая часть продовольственнаго хлѣба тамъ была подвезена еще воднымъ путемъ "... Дополненіемъ къ статьѣ г. Голубева можетъ служить корреспонденція изъ Малмыжа, напечатанная въ № 43 „Русскихъ Вѣдомостей“. Указавъ на дороговизну и трудность доставки кормовъ и на обусловливаемую этимъ распродажу и гибель скота, корреспондентъ продолжаетъ: „не въ лучшемъ положеніи находится и населеніе, которому выдача продовольственныхъ ссудъ задерживается. Чѣмъ руководствуются въ данномъ случаѣ — мы не знаемъ, но не рѣдкость слышать здѣсь, что приговоры о ссудахъ на продовольствіе задерживаются по два мѣсяца и болѣе, а списки о выдачѣ посыпки скоту совсѣмъ не составляются, хотя въ томъ и другомъ случаѣ помощь необходима. Къ сожалѣнію, здѣсь придерживаются того взгляда, что нужда въ помощи населенію въ неурожайныхъ мѣстностяхъ слишкомъ преувеличена со стороны земства и высшей администраціи, представители которой (г. Кабатъ и гр. Татищевъ) лично открыли полный неурожай хлѣбовъ въ нашей губерніи и изъявили готовность придти на помощь населенію. Одно несомнѣнно—что разореніе и обезсиленіе населенія идетъ быстрыми шагами, и что за экономію ему приходится очень тяжело расплачиваться, лишаясь въ полномъ смыслѣ необходимаго инвентаря, безъ котораго дальнѣйшее веденіе хозяйства является положительно невозможнымъ“. Мы слыхали до сихъ поръ, и очень часто, о недовѣріи уѣздныхъ и губернскихъ властей къ показаніямъ населенія и къ расчетамъ земскихъ управъ и собраний; но недовѣріе тѣхъ же властей къ высшей администраціи—это нѣчто совершенно новое и въ высокой степени характеристичное. Оптимизмъ, основанный на отрицаніи очевиднаго, является здѣсь возведеннымъ въ несокрушимую систему, граничащую съ вѣрованіемъ: его не могутъ поколебать ни самыя безспорныя факты, ни самыя авторитетныя удостовѣренія—и, что всего важнѣе, онъ выражается не только въ разсужденіяхъ, но и въ дѣйствіяхъ. Тамъ, гдѣ дорога каждая минута, онъ задерживаетъ помощь на нѣсколько мѣсяцевъ—и, по всей вѣроятности, сводитъ ее къ возможному минимуму. Его господство едва ли ограничивается однимъ малмыжскимъ уѣздомъ: аналогичныя вѣсти слышатся и изъ другихъ южныхъ уѣздовъ вятской губерніи. Статья г. Голубева показываетъ съ полною ясностью, что настоящему соотвѣтствуетъ и прошедшее, исчисляемое не мѣсяцами, а годами. Бѣдствіе, разразившееся надъ вятской губерніей, застало населеніе экономически уже обезсиленнымъ; мѣры борьбы съ послѣдствіями неурожая были рѣшены въ принципѣ поздно, а способъ

осуществленія ихъ дѣлаеть ихъ еще болѣе запоздалыми, еще менѣе дѣйствительными.

Частная помощь голодающему населенію, все еще оставаясь, по экстенсивности и интенсивности, далеко позади сдѣланнаго въ 1891-92 г., начинаетъ принимать болѣе обширные размѣры. Всего больше выдается, въ этомъ отношеніи, дѣятельность частнаго самарскаго кружка, сосредоточивающаго свои усилія на прокормленіи дѣтей. Уже въ началѣ февраля онъ располагалъ шестьдесятю-тысячами рублей —но, конечно, и эта сумма ничтожна въ сравненіи съ размѣрами нужды и числомъ нуждающихся ¹⁾. Особенно тяжело положеніе населенія въ нѣкоторыхъ уѣздахъ уфимской губерніи, отдаленныхъ отъ главныхъ путей сообщенія и очень бѣдныхъ мѣстными силами, которыя могли бы принять на себя организацію помощи. Таковы, напр., уѣзды белебеевскій и въ еще болѣе степени мензелинскій. Вотъ чтó говорить о послѣднемъ г. Шмурло, корреспонденту котораго—„По неурожайнымъ мѣстамъ“—печатаются въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“: „слѣдя по картограммѣ прошлогодняго урожая ржи въ уфимской губерніи, на пространствѣ уѣзда белебеевскаго, еще есть возможность найти полосы болѣе или менѣе сносныя; не то въ мензелинскомъ: тамъ сплошь все замазано густою красной краскою—признакъ того, что урожай здѣсь былъ не выше 2 пудовъ. Если же взять отдѣльныя мѣстности, то иногда весь сборъ съ десятины сводился къ 30 фунтамъ! Это уже болѣе чѣмъ ничего. Неудивительно, что изъ 62.500 дворовъ—нуждающихся оказалось безъ малаго 60.000, т.-е. 90 проц. общаго числа. Своего хлѣба у мензелинцевъ хватало всего на 36 дней. Такимъ образомъ, задолго еще до зимы, въ сущности съ первыхъ чиселъ сентября, для нихъ выступалъ роковой вопросъ во всей своей наготѣ, со всѣми ужасными послѣдствіями. И въ такомъ положеніи очутились 342.000 человекъ“! Мы слышали отъ лица, пріѣзжавшаго, въ половинѣ февраля, изъ мензелинскаго уѣзда и опять уѣхавшаго туда для организаціи помощи, рассказы о нуждѣ въ кармалинской волости, въ которой, при 14 тысячахъ почти поголовно нуждающагося населенія, пособіе отъ Краснаго - Креста составляетъ около четырехсотъ рублей въ мѣсяцъ. Понятно, до какой степени важно было бы создать въ мензелинскомъ уѣздѣ и во всѣхъ другихъ, находящихся въ одинаковомъ положеніи, по нѣскольку центровъ помощи, руководимыхъ, на мѣстахъ, самоотвержен-

¹⁾ Пожертвованія могутъ быть высылаемы казначею кружка, управляющему самарскимъ отдѣленіемъ русскаго промышленнаго банка Александру Семеновичу Медвѣдеву, или вносятся въ редакціи газетъ и журналовъ, для направленія по указанному адресу.

ными людьми, всецѣло посвящающими себя этому дѣлу, и поддерживаемыхъ пожертвованіями, стекающимися со всѣхъ концовъ Россіи ¹⁾.

Въ памятный день, 19-го февраля, внезапно скончался членъ Государственнаго Совѣта, бывшій государственный секретарь, съ 1878 г. по 1883 г., Егоръ Абрамовичъ Перетцъ. Его преждевременная (род. въ 1833 г.) кончина вызываетъ глубокое и искреннее сожалѣніе во всѣхъ, знавшихъ лично его строгое отношеніе къ исполненію собственныхъ обязанностей, страстную любовь къ труду и сердце, отзывчивое на все доброе. Въ его лицѣ сошелъ въ могилу еще одинъ не только свидѣтель, но и близкій дѣятель великой эпохи реформъ имп. Александра II, сохранившій неизмѣнную память о ней. Окончивъ курсъ кандидатомъ правъ въ спб. университетѣ, въ началѣ пятидесятихъ годовъ, онъ, десять лѣтъ спустя, — въ началѣ шестидесятихъ, — принималъ уже дѣятельное участіе въ подготовительныхъ работахъ по судебной реформѣ; ему почти всецѣло принадлежало составленіе проекта „Устава о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями“. Прошли еще 10 лѣтъ — и мы его видимъ, въ самомъ началѣ 70-хъ годовъ, за работою въ Государственномъ Совѣтѣ, сначала въ званіи статсъ-секретаря департамента законовъ, а вскорѣ затѣмъ — статсъ-секретаря Государственнаго Совѣта. Въ эту эпоху онъ принималъ участіе въ трудахъ различныхъ комиссій, гдѣ вырабатывались проекты различныхъ положеній, какъ-то: о городскомъ общественномъ управленіи, о примѣненіи его къ городамъ западныхъ губерній, и т. д. Въ самомъ концѣ 70-хъ годовъ и въ началѣ 80-хъ, онъ достигъ званія государственнаго секретаря. Въ самые послѣдніе годы, въ 90-хъ годахъ, Е. А. много потрудился, въ качествѣ предсѣдателя комиссіи по пересмотру „Устава о гражданской службѣ“. Съ самаго же начала 90-хъ годовъ, онъ, кромѣ того, принималъ большое участіе въ попечительствѣ имп. Маріи Александровны о слѣпыхъ, какъ членъ и, по смерти основателя, К. К. Грота, какъ предсѣдатель. Нашъ очеркъ дѣятельности покойнаго слишкомъ кратокъ, чтобы быть полнымъ, но его дѣятельность слѣдуетъ оцѣнивать не по перечню работъ, въ которыхъ онъ принималъ участіе, а по тому труду и той добросовѣстности, съ какою онъ относился всегда и ко всему, что проходило чрезъ его руки.

¹⁾ Пожертвованія въ пользу нуждающихся мензелинскаго уѣзда могутъ быть направляемы, покажѣсть, къ тому же А. С. Медвѣдеву, адресъ котораго сообщенъ выше.

ИЗВѢЩЕНІЯ

Отъ Императорскаго Казанскаго Университета.

Къ столѣтнему юбилею, наступающему въ 1904 г., Совѣтъ Казанскаго Университета постановилъ выпустить въ свѣтъ исторію Университета и біографическій словарь его профессоровъ и преподавателей, и въ видахъ достиженія возможной полноты изданій обращается ко всѣмъ учрежденіямъ и лицамъ, которыя располагаютъ соотвѣтствующими матеріалами, съ покорнѣйшей просьбой не отказать въ заблаговременной доставкѣ таковыхъ въ Казанскій Университетъ на имя г. Ректора. Все доставленное будетъ принято Университетомъ съ глубокой благодарностью и сохранено въ цѣлости до востребованія.

Издатель и отвѣтственный редакторъ: М. Стасюлевичъ.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ ЛИСТОКЪ.

Уголовнаго Судопроизводства съ позднѣйшими узаконеніями, законодательными мѣтшинами, разъясненіями Правит. Сената и циркулярами Министра Юстиціи. Составленъ М. Шрамченко и В. Шарковичъ. Сиб. 99. Стр. 948+56. Ц. 4 р.

По обдуманному и тщательно выбору матеріала и по проверкѣ его съ окончательными установленными взглядами уголовного Кассационнаго Департамента—это лучший изъ всѣхъ издавшихся доселѣ по нашему уголовному процессу сборники. Они представляютъ собою точную, скрупулёзную и вѣрную по содержанию картину нашего уголовного судопроизводства въ рамкахъ и условіяхъ, установленныхъ взглядами законодателя и разъясненіями кассационнаго суда и высшей судебной администраціи. Доведенный почти до конца 1898 года, онъ является, въ этомъ отношеніи, послѣднимъ словомъ закона и судебной практики. Богатство приложеній, заключающихъ въ себя, между прочимъ, важныя и обширныя толкованія Сената 8 ноября 1898 года по вопросу о практикѣ изъясненія 1897 года къ дѣламъ о малолѣтнихъ и несовершеннолѣтнихъ—и удачно составленный подробный алфавитный указатель—всѣмъ облегчаютъ задачу и способы пользования сборникомъ, освобождая притомъ отъ излишняго балласта путемъ проведенія въ нихъ исключительно руководящихъ рѣшеній Сената, которыми завершилась неустойчивая по исторіи, попросту кассационная практика. По удобному формату и печати Сборникъ гг. Шрамченка и Шаркова тоже представляется удобнымъ и цѣлесообразнымъ.

Вліяніе морской силы на французскіе революціи и имперію (1793—1812). Исследование кап. А. Т. Мэхена (A. Mahan). Въ 2-хъ томахъ. Т. II. Перев. съ англ. и. р. Н. П. Азбелева. Изд. К. П. В. Насѣдинка Цесаревича Вел. Кн. Георгія Александровича. Сиб. 98. Стр. 453. Съ планами, картами и вѣтрянками.

Американскій авторъ, президентъ военно-морской коллегіи Соединенныхъ Штатовъ, избралъ самую удобную историческую эпоху для опредѣленія того значенія, какое представляли для морской силы въ международнои борьбѣ благодаря именно своей морской силѣ, Англія не только устояла въ единоборствѣ съ Наполеономъ и почти всѣмъ подвластнымъ ему континентомъ Европы но и много содѣйствовала послѣдствіямъ къ паденію первой имперіи. Историческая роль Великобританіи,—говоритъ авторъ,—какъ то оказывается ex post facto, въ теченіи революціоннаго и Наполеоновскаго періодовъ, заключалась въ томъ, чтобы оторвать Францію отъ остальнаго міра и этихъ путемъ обезопасить себя пережить въ силѣ соперничества надъ „агрессивною политикою“ Наполеона. „Что касается лично Питта,—заявляетъ авторъ,—то слава его гѣнія состоитъ въ томъ, что онъ опредѣлилъ съ настоящею цѣлью (въ борьбѣ съ Наполеономъ)—„обезпеченіе безопасности“—и намѣтилъ впередъ единственное средство къ тому—„истощеніе“, котораго могъ быть достигнутъ только агрессивной французской пропагандой“. Русский переводъ сдѣланъ весьма тща-

тельно, а самое изданіе, можно сказать, роскошно и снабжено изящными иллюстраціями.

Генрихъ Гейне. Собраніе сочиненій. Редакція Петра Вейнберга. Т. IV. Сиб. 99. Стр. 810. Ц. 1 р. 75 к.

Въ настоящій выпускъ вошли два сборника именемъ Гейне изъ Парижа въ Германію: одинъ, подъ заглавіемъ: „Французскія дѣла“, содержитъ въ себѣ письма его въ „Аугсбургскую газету“, за 1831—32 г., а другой, подъ заглавіемъ: „Аугсбургъ“—письма изъ Парижа о политикѣ, искусствѣ и народной жизни, отъ 1840—43 г. Авторъ снабдилъ изданіе первого сборника предисловіемъ, которое, какъ онъ заявляетъ, вліяло въ свѣтъ въ такомъ искаженномъ видѣ, что онъ былъ вынужденъ впоследствии написать еще „Предисловіе къ предисловію“; оно-то и приводится въ настоящемъ переводѣ. Самыя письма и теперь могутъ быть перечитываемы съ интересомъ, благодаря великому таланту ихъ автора; русская редакція снабдила свое изданіе примѣчаніями.

Загоскинъ, Н. П. — Исторія права русскаго народа. Т. I. К. 99. Стр. 512. Ц. 3 р.

Начало настоящему труду, по объясненію автора, положено изъ болѣе 20 лѣтъ тому назадъ, когда появился, въ 1877 г., первый томъ его „Исторіи права Московскаго государства“, которая осталась тогда незаконченною. Дальнѣйшая разработка той же темѣ въ отдѣльных статьяхъ и отъѣздахъ побуждала автора возвращаться къ предпринятой имъ вѣкогда работѣ, но уже съ расширеніемъ области исследования, и теперь возникаетъ первый томъ исторіи права не одного московскаго государства, но вообще русскаго народа. Этотъ томъ содержитъ въ себѣ одно „Введеніе“, въ двухъ отдѣлахъ: I. Наука исторіи русскаго права, и II. Форманія народа и государства. Все изданіе предполагается выполнить въ объемѣ 12 томовъ, начиная отъ удѣльнаго періода до реформъ или Александра II. Авторъ самъ выражаетъ смущеніе въ виду громадности своего плана, содержащаго въ себѣ три періода: удѣльный, московскій и петербургскій. Что касается первого тома, то онъ имѣетъ право на самостоятельное значеніе, независимо отъ продолженія работы, такъ какъ въ первой его части, можно сказать, въ значительной мѣрѣ очерчивается исторіографія русскаго права, обзоръ ея источниковъ и вспомогательныхъ для нея отраслей знанія; вторая часть первого тома посвящена исключительно вопросамъ о первоначальномъ сложении русскаго народа и зарожденіи въ немъ государственности.

Михеевъ, В. М. — „Отрокъ-мученикъ“. Угличское преданіе. Съ 30 рисунк. на листахъ и 20 рис. въ текстѣ. Сиб. 99. in 4°. Ц. 2 р. 50 к.

Рассказъ заимствованъ изъ народныхъ преданій и относится ко временамъ царя Алексѣя Михайловича. Предметъ разсказа составляетъ вѣрское убійство ребенка товарищемъ его отца, а смыслъ легенды—тотъ, что убійца могъ совершить преступленіе только тогда, когда читалъ чуждыя дѣловыя книги, т.-е. панатисты, къ которымъ онъ былъ пристрастенъ.

ОБЪЯВЛЕНИЕ О ПОДПИСКѢ

въ 1899 г.

(Тридцать-четвертый годъ)

„ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ“

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ ИСТОРІИ, ПОЛИТИКИ, ЛИТЕРАТУРЫ

— ВЫХОДИТЪ ВЪ ПЕРВЫХЪ ЧИСЛАХЪ КАЖДАГО МѢСЯЦА, 12 КНИГЪ ВЪ ГОДЪ
ОТЪ 28 ДО 30 ЛИСТОВЪ ОБЫКНОВЕННАГО ЖУРНАЛЬНАГО ФОРМАТА.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА.

	На годъ:	По полугодіямъ:		По четвертямъ года:			
		Январь	Іюль	Январь	Апрѣль	Іюль	Октябрь
Възъ доставки, въ Конторѣ журнала . . .	15 р. 50 к.	7 р. 75 к.	7 р. 75 к.	3 р. 90 к.	3 р. 90 к.	3 р. 90 к.	3 р. 80 к.
Въ Петербургѣ, съ доставкой . . .	16 „ — „	8 „ — „	8 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „
Въ Москвѣ и друг. городахъ, съ перес. . .	17 „ — „	9 „ — „	8 „ — „	5 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „
За границы, въ госуд. почтов. союза . . .	19 „ — „	10 „ — „	9 „ — „	5 „ — „	5 „ — „	5 „ — „	4 „ — „

Отдѣльная книга журнала, съ доставкой и пересылкою — 1 р. 50 к.

Примѣчаніе. — Выбсто разсрочки годовой подписки на журналъ, подписка по полугодіямъ: въ январѣ и іюлѣ, и по четвертямъ года: въ январѣ, апрѣлѣ, іюлѣ и октябрѣ, принимается — безъ повышенія годовой цѣны подписки.

Книжные магазины, при годовой и полугодовой подпискѣ, пользуются обычною уступкою.

ПОДПИСКА

принимается на годъ, полугодіе и четверть года:

ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ:

- въ Конторѣ журнала, В. О., 5 л., 28;
- въ отдѣленіяхъ Конторы: при книжныхъ магазинахъ К. Риквера, Невск. просп., 14; А. Ф. Цинзерлинга, Невскій пр., 20, и товарищества „Издатель“, Невск. пр., 68—40.

ВЪ КИЕВѢ:

- въ книжн. магаз. Н. Я. Оглоблина, Брешацкій, 33.

ВЪ МОСКВѢ:

- въ книжныхъ магазинахъ: Н. Н. Мамонтова, на Кузнец.-Мосту; Н. П. Карбасникова, на Моховой; и въ „Русск. Мысли“ и въ Конторѣ П. Неклюдовой, въ Петровскихъ линияхъ.

ВЪ ОДЕССѢ:

- въ книжн. магаз. „Образованіе“, Рижельевская, 12.

ВЪ ВАРШАВѢ:

- въ книжн. магаз.: „С.-Петербургскій Книжн. Складъ“ и Н. П. Карбасникова.

Примѣчаніе. — 1) *Почтовый адресъ* долженъ записывать въ рубрику или, отнѣсивъ, въ лѣвую, съ точнымъ обозначеніемъ губерній, уѣздовъ и мѣстожительства и съ названіемъ ближайшаго къ нему почтоваго учрежденія, гдѣ (НВ) *допускается* вылата журналовъ, если нѣтъ такого учрежденія въ самомъ мѣстожительствѣ подписчика. — 2) *Перемена адреса* должна быть сообщена Конторѣ журнала своевременно, съ указаніемъ прежняго адреса, при чемъ городскіе подписчики, переходя въ иностраніе, доплачиваютъ 1 руб., а иностранцы, переходя въ городъ, — 40 коп. — 3) *Жалобы* на несправность доставки доставляются исключительно въ Редакцію журнала, если подписка была сдѣлана въ имперіальномъ мѣстѣ, и главному управленію Почтового Департамента, не дожидаясь по полученіи слѣдующей книги журнала. — 4) *Долгъ* на полученіе журнала высылается Конторѣ только тѣмъ въ иностраніи или иностранцамъ подписчикамъ, которые приложатъ къ подписной суммѣ 14 коп. почтовый ярлыкъ.

Издатель и отвѣтственный редакторъ М. М. Стасюлевичъ.

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“:

ГЛАВНАЯ КОНТОРА ЖУРНАЛА:

Спб., Галерная, 20.

Пас. Остр., 5 л., 28.

ЭКСПЕДИЦІЯ ЖУРНАЛА:

БОСНИИ И СЕРБИИ

COLEGE
APR 29 1899
LIBRARY

ЖУРНАЛЪ
ИСТОРИИ-ПОЛИТИКИ
ЛІТЕРАТУРЫ.

ТРИДЦАТЬ-ЧЕТВЕРТЫЙ ГОДЪ.—КН. 4-я.

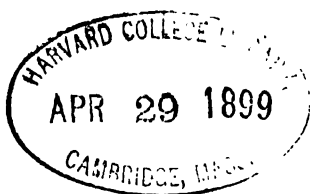
АПРѢЛЬ, 1899.

ПЕТЕРБУРГЪ.

КНИГА 4-я. — АПРѢЛЬ, 1899.

стр.

I.—КУДА ИДТИ?—Романъ въ двухъ частяхъ.—Часть вторая: IX—XIX.—Окончаніе.—П. Д. Воборыкина	129
II.—МЛЛІОНВ, И ЧТО СЪ НИМИ НАДО ДѢЛАТЬ?—Филантропическій планъ американскаго мліонера.—Ии. Ии. Зингула	311
III.—АРГОНАВТЫ.—Повѣсть.—Съ польскаго. — IX—XI. — Окончаніе. — Элины Орженко	540
IV.—НАЧАЛО ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНАГО ДѢЛА ВЪ РОССІИ.—1836—1855.—III—IV. В. В. Салова	561
V.—ТИРАНИЯ ЛЮБВИ.—Очеркъ изъ романа: „Maine d'amour“, par D. Lesneat. —Ю. З.—а	627
VI.—ПОЭЗІЯ ВОСПОМІНАНІЯ О ДАВНО МИНУВШИХЪ ВРЕМЕНАХЪ.—Для моихъ дѣтей и внуковъ.—II.—Окончаніе.—Ал. Дан. Шумахера	694
VII.—„ХОЗЯИНЪ“.—Повѣсть изъ крестьянскаго бита восточной Германіи.—Der Bitterbauer, von W. v. Polenz.—XXXIII—XXX.—Окончаніе. — Съ нѣмек. А. В.—г—	729
VIII.—НИМІЕ СНЫ.—Стих. О. Михайловой	784
IX.—ХРОНИКА. — ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Рѣчь т. министра финансовъ въ заседаніи комитетѣ по удовлетворенію хлѣбной торговли. — Экономическая обеспеченность массы и народное образованіе. — Ходатайство тифлискаго дворянства. — Законъ 18-го января о земскихъ общинныхъ работахъ. — Квартирный налогъ и избирательное право. — Одно изъ удобствъ самоуправленія. — Оубанкованіе документовъ по финляндскому вопросу	786
X.—Земская школа и толкъ о земской школѣ.—Вамѣтка.—К. К. Арсеньева	802
XI.—ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ. — Идея разоруженія въ Европѣ и неактуальность практика государствъ. — Вѣнскія политика Англіи и другихъ державъ. — Подвиги американцевъ на Филиппинскихъ островахъ. — Печальныя противорѣчія и недоразумѣнія. — Внутреннія дѣла въ Германіи и Франціи	817
XII.—ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Остафьевскій Архивъ плавовъ Ваземскихъ, т. I: Перевиска ии. П. А. Ваземскаго съ А. И. Тургеневымъ. — Извѣстія Русскаго Археологическаго Института въ Константинополѣ. — А. П. — Вѣнское народное образованіе въ Зап. Европѣ и С.-Америкѣ; Народные университеты въ Англіи, М. Дектерка; Программы чтенія для самообразованія; Народный домъ и его обществ. воспит. значеніе, В. И. Данилевскаго. — Въ тихой пристани, И. А. Даниловъ. — Т.—Графъ А. И. Остерманъ и раздѣлъ Турціи, Ал. Кочубинскаго. — А. П. — Новая книга и брошюры	820
XIII.—НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.—I. Valerie Mathez, Italienische Dichter der Gegenwart. — II. К.—онъ. — II. H. Sudermann, Die Drei Reiterfedern. — III. Anatole France, L'anneau d'améthyste.—В. В.	831
XIV.—ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.—Статья А. А. Боровиковскаго о „Печатномъ листѣ“. — Мѣсто убѣднаго предводителя дворянства о земской школѣ. — Земскія и церковно-приходскія школы. — Дворянскій надзоръ за школой. — Газетные права. — Распоряженія гг. министровъ народнаго просвѣщенія и внутреннихъ государственныхъ дѣлъ о уволненіи изъ учащихъ изъ свѣ. университетъ, технологическомъ и горномъ институтѣхъ. — Сообщенію Комитета самар. части. кружка помощи дѣт. крестьянъ, пострадавшимъ отъ вуровля промѣ. года.—В. И. Жуковскій, П. В. Мамалицкий и В. О. Михайличъ. f.	887
XV.—ИЗВѢЩЕНІЯ.—Отъ Императорскаго Казанскаго Университета	892
XVI.—БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ. — М. П. Погодинъ, т. XIII, Иви. Гарсукова. — Сумерки просвѣщенія, В. В. Розанова. — Трудовая помощь въ скандинавскихъ государствахъ, П. Гайсена. — Давидъ, Селское хозяйство въ связи съ общимъ развитіемъ въ странѣ, П. А. Брикмана	
XVII.—ОБЪЯВЛЕНІЯ.—I—IV; I—XX стр.	

КУДА ИДТИ?

Романъ въ двухъ частяхъ.

Окончаніе.

IX *).

Давно уже пахнуло весной. Дни стояли яркіе, ровные, безъ жары, безъ утреннихъ и вечернихъ тумановъ. Надъ „Кампаней“, по обѣ стороны двухъ Аппіевыхъ дорогъ—старой и новой—поднималось къ зениту радостное солнце.

На вѣки застывшее въ своихъ очертаніяхъ, „Campus Romano“ раскинулось вправо и влѣво, пустое и безлюдное, но неизмѣнно привлекательное. Тѣ же изжелта-сѣроватыя, волнистыя залежи, притоптанныя и выжженные солнцемъ, тотъ же дремлющій волъ, съ высокими, кривыми рогами, въ канавѣ, тѣ же стога съ сѣномъ, куда сверху вотнута палка, и ближе къ стѣнамъ Рима—буро-красныя обломки Клавдіева акведука, мѣстами похожіе на пропилеи гигантскаго храма. И все время по лѣвую руку провожаютъ васъ голубоватыя сабинскія и альбанскія горы, почти безлѣсныя, съ мягкими округлостями, и на нихъ бѣлыя пятна—то поменьше, то побольше, выше и ниже, вплоть до крутизны, гдѣ пріютилась „Росса ді Пара“. Это—римскіе castelli: Альбано, стель-Гандольфо, Дженцано, Маріно, Нѣми. Въ прозрачномъ, щемъ воздухѣ они кажутся совсѣмъ близкими, манятъ къ ѣ, на высоты, на берега озеръ, въ прохладу своихъ старинныхъ острѣй.

*) См. выше: янв.—мартъ, 5 стр.

Шель уже двѣнадцатый часъ, когда открытая коляска обыкновеннаго извозчичьяго типа на хорошихъ рыскахъ спускалась по „Via Nuova“.

Бѣлочубарая, малорослая, но крѣпкая лошадка весело везла „форестьеровъ“, продѣлавъ уже болѣе десяти километровъ взадъ и впередъ.

Ея хозяинъ, Джіованни, всегда стоящій на перекресткѣ у подъема къ „Porta Pinciana“—коренастый сорокалѣтній трастевринецъ, съ оливково-бурымъ окрашиваньемъ полнаго лица, въ шляпѣ на-бекрень и свѣтло-кофейномъ пиджакѣ—молодцовато похлопывалъ бичомъ.

Онъ былъ доволенъ своимъ заработкомъ. Взялъ его—съ ранняго утра—„il buon principe russo“, съ которымъ онъ частенько ѣздитъ. Фамилію Бориса онъ заучивалъ и всегда порывался произнести, но у него выходитъ что-то въ родѣ: Tatosski. Знаетъ онъ давно и „il magro pittore russo“—художника Пахомова, также какъ и всѣхъ, кто живетъ въ старомъ домѣ, полномъ студій, на улицѣ Sistina.

Сегодня „принципе“ уговорился съ нимъ съ восьми часовъ утра: прокатить его и еще русскихъ двухъ синьоровъ и одну синьорину. Онъ и Олимпіаду Петровну знаетъ въ лицо и всегда раскланивается съ нею. „Il buon principe“ никогда не торгуется, и онъ съ него не запрашиваетъ, а скажетъ ему, когда всѣхъ развезетъ по домамъ:

— Faccia lei, eccellenza!

И тотъ его не обидитъ. Лиръ двѣнадцать, а то и пятнадцать ему перепадетъ.

Третьяго „форестьера“ онъ видѣлъ въ первый разъ. За нимъ они заѣзжали въ одинъ плохенькій отельчикъ, около „Via del Tritone“, и Джіованни разсудилъ, что это не важная особа. „Un artista“—назвалъ онъ про себя растяжимымъ словомъ, которымъ римляне величаютъ и маляра, и плотника.

Этотъ русскій занялъ рядомъ съ Олимпіадой Петровной заднее сидѣнье; противъ нихъ пріютился на скамеечкѣ Борисъ, а Пахомовъ сидѣлъ возлѣ Джіованни.

Больше двухъ недѣль жилъ этотъ русскій въ Римѣ, куда попалъ изъ Сициліи, послѣ морского пути на Константинополь и Аѳины. Его звали—Осипъ Яковлевичъ Пѣнскій. Онъ былъ, по гимназіи, товарищъ художника, и съ Олимпіадой Петровной работалъ въ одномъ журналѣ.

Борисъ, сидя противъ него, сегодня дорогою впервые могъ на свободѣ разсмотрѣть его. Красивость его лица—съ розовыми

щеками и необыкновенно бѣлымъ лбомъ—не нравилась ему. Во всей его наружности—въ его курчавыхъ темныхъ волосахъ и бородахъ, и въ оскалѣ крѣпкихъ зубовъ, въ широкое ртѣ съ красными губами, которыми онъ манерно поводилъ въ разговорѣ, и въ безпрестанной игрѣ темныхъ близорукихъ глазъ, съ толстоватыми вѣками, было что-то, не позволявшее ему относиться къ этому человѣку просто и благодушно, какъ онъ желалъ бы смотрѣть на всякаго своего ближняго.

Съ первой же встрѣчи ихъ въ мастерской Пахомова—Борисъ распозналъ въ немъ и человѣка, съ которымъ у Олимпиады есть прошлое. И для нея, и для брата, онъ былъ авторитетомъ по всѣмъ вопросамъ, для нихъ цѣннымъ. Картиной Пахомова—почти законченной—Пѣнскій сталъ сильно восхищаться; но совсѣмъ на другой ладъ, чѣмъ Борисъ. Онъ звалъ его усиленно въ Петербургъ, на выставку. Пахомовъ, не рѣшавшійся отсылать туда картину, поддался его зазывамъ и самъ бы поѣхалъ, еслибъ не боялся петербургской великопостной погоды; а ему все это время сильно нездоровилось.

Борису стало извѣстно и то, что Пѣнскій пріѣхалъ съ предложениемъ, отъ одной редакціи, постоянной и очень выгодной работы для Олимпиады Петровны.

И въ эти двѣ недѣли дѣвушка, на которую онъ клалъ самыя дорогія упованія, оставаясь съ нимъ привѣтливой, точно попала—на его глазахъ—въ какой-то заколдованный кругъ, обвѣянная воздухомъ, принесеннымъ съ собою этимъ человѣкомъ.

Пѣнскій не выступалъ ни въ чемъ его противникомъ; даже заигрывалъ съ нимъ на почвѣ христіанскихъ идей и чувствъ. Но Борису была чужда и жутка смѣсь метафизики, чувственного мистицизма и культа эллинской красоты, какую онъ распознавалъ въ готовыхъ тирадахъ „эстета“, прикрывающаго свои инстинкты передъ дѣвушкой; а ее Борисъ считалъ такъ недавно застрахованной отъ такого „господина“.

— Видите, друзья,—заговорилъ опять Пѣнскій, обводя рукой кругомъ по горизонту: — вотъ она, прославленная римская Кампанья! Кажется, что въ ней особеннаго? И вдругъ вдохновенное пониманіе поэта съ больной и чуткой душой—Шатобриана—преобразило эту плоскотню и безлюдье! Прошлый вѣкъ и, до него, весь семнадцатый вѣкъ ничего здѣсь не находили, кромѣ болотъ и высохшей степи. А теперь всѣ прозрѣли: самый заскорузлый лондонскій лавочникъ, всякая русская кумушка что-то чуетъ, чѣмъ-то восхищается!

И онъ закинулъ голову, въ низкой плюшевой шляпѣ, при-

щурить глаза сквозь стекла своего *pinse-nez* и сталъ вдыхать въ себя воздухъ, расширяя ноздри.

Въ самомъ звукѣ его жидкаго голоса, въ какомъ-то неуловимомъ отгѣнкѣ произношенія, въ посадкѣ его непропорціональнаго тѣла и въ желтоватомъ куцомъ пальто-пиджакѣ было для Бориса что-то, сегодня особенно, чуждое и непріятное.

— Да, это вѣрно! — вскричала Олимпиада Петровна. — Гдѣ, бишь, это у Шатобріана въ первый разъ появилось въ печати? — спросила она тономъ любознательной курсистки.

— Въ письмѣ къ пріятелю... въ самомъ началѣ вѣка.

— Будто никто раньше не опѣвывалъ Кампаньи? — откликнулся съ козелъ Пахомовъ и сѣлъ къ нимъ въ полъ-оборота.

— Рѣшительно никто! Такъ и должно быть. Творчество родить и самую жизнь. Все въ насъ, въ нашемъ „я“ и въ природѣ мертво внѣ нашего настроенія.

Это слово: „настроеніе“, онъ растягивалъ и совсѣмъ щурить глаза, при чемъ скулы его, румяныя и загорѣлыя, выступали впередъ.

Борису не было охоты вмѣшиваться въ разговоръ.

Совсѣмъ не о такой прогулкѣ мечталъ онъ. Ему хотѣлось, еще до новаго года, побывать въ катакомбахъ, вдвоемъ или вмѣстѣ съ Пахомовымъ. Онъ слегъ послѣ сцены съ братомъ. Потомъ стояла дурная погода. А съ пріѣзда этого петербуржца нельзя было, почему-то, выбрать день. И вотъ они сговорились ѣхать втроемъ; но втерся Пѣнскій. Онъ узналъ отъ Пахомова, что въ тѣхъ катакомбахъ, куда доступъ былъ труднѣе, чѣмъ въ остальные, работаетъ русскій художникъ, нѣсколько лѣтъ снимающій копіи со стѣнной живописи.

И всю дорогу туда онъ безъ умолку говорилъ о высшемъ сліяніи религіознаго идеала съ „ипостасью красоты“. Отъ его рѣчей Борисъ сжимался, чувствуя, какъ Олимпиада любитъся умомъ и краснорѣчіемъ Пѣнскаго, ни на что не возражаетъ, а только тихо улыбается; какъ она все дальше и дальше отходить отъ него.

Старая Аппіева дорога, церквушка „*Quo vadis*“, могила Цециліи Метеллы, потомъ, на *Via Nuova*, склепы патриціанскихъ фамилій и развалины древней христіанской базилики—все это уже осталось позади, проскользнуло по его душѣ подъ несмолкаемые переливы все того же голоса.

Джіованни лихо везъ ихъ внизъ къ тратторіи, которую всю дорогу расхваливалъ. Тамъ они должны были позавтракать—и не опоздать на праздничную службу въ *S. Maria Maggiore*.

— Теперь, — продолжалъ Пѣнскій съ той же пѣвучестью рѣчи, закуривъ папиросу:—это уже разнѣнная монета восторговъ. Особенно послѣ того, какъ Зола прошелъ по римскому пейзажу своей кистью декоратора,—сочно, если хотите, но безъ внутренняго трепета, какъ ограниченный позитивистъ. Развѣ это не такъ, Викентій Петровичъ?—крикнулъ онъ Пахомову.

— Такъ, такъ! Да еще напуталъ сколько, какую отсебятину пустилъ! Не лучше, чѣмъ въ романѣ Рокамболь.

Художникъ добродушно засмѣялся.

— А все-таки,—замѣтила Олимпиада Петровна,—благодаря ему, меня какъ-то заново потянуло въ Римъ. Витя давно меня звалъ. Положимъ, трудно было собраться... И то, что въ его романѣ описательнаго—дало мнѣ особый вкусъ. Я ему простила даже и всѣ выдумки, какъ Витя говорить, во вкусѣ Рокамболя... отравленные фиги и...—она запнулась—ненужную грязь. Развѣ это не такъ, Борисъ Ивановичъ?

Вопросъ дѣвушки звучалъ очень мягко, и она дружески взглянула на Бориса. Но въ звукѣ было только пріятельское расположеніе. И она какъ бы хотѣла загладить то, что въ послѣдніе дни, дома, избѣгала всякаго разговора съ глазу на глазъ.

Борисъ не сразу отвѣтилъ. Его неловкость въ присутствіи Пѣнскаго росла. Высказываться въ чемъ бы то ни было при немъ было для него тягостно.

— Мнѣ кажется,—замедленно началъ онъ, не глядя ни на нее, ни на Пѣнскаго,—писателю съ такимъ предвзятымъ отношеніемъ къ вселенской силѣ, создавшей христіанскій міръ, и не слѣдовало браться за дѣло.

— Безъ сомнѣнія!—подтвердилъ Пѣнскій и опять закинулъ голову на бортъ подушки.—Это все разсудительство, переодѣтое въ общее мѣсто вольтеріанства. Такой натурѣ не понятъ возможности высшаго претворенія религіи въ красоту. Поэтому онъ и красоту-то не чувствуетъ; она для него не откровеніе божества, не та небесная сущность, въ которой истина и добро растворяются. Какое дѣло до того, что папы проникались властнымъ честолюбіемъ римскихъ вѣсарей?! Это—побрякушка изъ запаса историческихъ общихъ мѣстъ. Но нигдѣ европейское человѣчество не создавало ничего подобнаго Риму, не творило такъ вѣками, не искало такъ неба, возстановляя эллинскую красоту, одухотворяя ее всѣмъ, что дала потребность въ освобожденіи отъ плоти!..

Борисъ слушалъ, внутренне волнуясь. Ничего не было въ этихъ слишкомъ литературныхъ фразахъ такого, что оскорбляло

бы его, какъ вѣрующаго. Какъ будто Пѣнскій даже искалъ униссона съ нимъ, насколько онъ зналъ о немъ отъ Пахомовыхъ.

И все-таки онъ чуялъ въ этихъ нарядныхъ обобщеніяхъ нѣчто лишенное всякой положительной вѣры,—если не умышленную игру, то что-то двойственное, нечистое, лживое, гдѣ на чувственное дилеттантство накидывался флёръ чего-то безпредметнаго и якобы мистическаго, безъ всякаго участія души, безъ сердечной боли и потребности въ молитвѣ.

— Signori!—звучно крикнулъ Джіованни.—Ecco la trattoria!

Чубаренькая лошадка дрогнула ушами и вкатилась, какъ шаръ, въ ворота trattoria, снаружи расписанныя фресками по ярко-голубому фону.

Черезъ десять минутъ, во второй, на восходѣ солнца, комнатѣ, расписанной также фресками во всю стѣну, русскіе ѣли уже „спагетти“ съ соусомъ изъ помидоровъ. На другомъ столѣ, ближе къ кухнѣ, гдѣ за плитой хлопоталъ крошечнаго роста поваръ, съ птичьимъ личикомъ, и хозяйка, разодѣтая по-крестьянски, сидѣла истуканомъ на стулѣ, кончали завтракъ два англійскихъ священника съ женами; одна изъ нихъ была разительно безобразна.

Клэрджимены прислушивались съ блуждающими усмѣшками въ разговоръ русскихъ. Они бы—понимай они языкъ—съ особымъ интересомъ откликнулись на предметъ преній.

А разговоръ, не впадая еще въ задоръ спора, перешелъ уже въ обмѣнъ идей, неизбѣжный въ каждой молодой русской бесѣдѣ.

Борисъ неохотно втягивался въ него. Но онъ не могъ и не хотѣлъ молчать, когда Пѣнскій, глотая довольно жадно тонкія макаронны, похожія на вермишель, сталъ ему дѣлать намеки на его „миссію“ въ Римѣ.

Во взглядѣ прищуренныхъ глазъ, съ бѣлесоватымъ блескомъ, и въ томъ, какъ складывались его широкія губы, сквозило несходительное сожалѣніе. И оно извѣло Бориса. Онъ видѣлъ также и въ Пахомовѣ, и въ сестрѣ его, коренное чувство противъ латинства и вѣковыхъ „притязаній“ Ватикана. Это выяснилось вполне по поводу словъ „вселенская сила“, употребленныхъ Борисомъ.

Въ Пахомовѣ и въ Олимпіадѣ онъ впервые съ такой ясностью распознавалъ не враждебный, правда, а пріятельски-неодобрительный взглядъ на его „затѣю“.

Пѣнскій сдѣлалъ паузу, выпилъ стаканъ бѣлаго вина и крик-

нулъ. Подавшись черезъ столъ къ Борису, онъ заговорилъ умышленно мягко и еще болѣе высокимъ голосомъ.

— Вы тысячу разъ правы, князь. Ни Зола, ни какой другой ограниченный позитивистъ и утилитаристъ, не въ состояніи постичь ростъ человѣческаго духа, жаждавшаго небеснаго идеала. Но мы здѣсь не такіе „скорбные главы“ радикалы. И все-таки скажемъ, что римскій первосвященникъ, водворяя какъ бы правду на землѣ, замѣнилъ царство Божіе, вѣчный градъ, стоящій на горѣ, универсальностью своей куріи. Насаждалъ это папа Гильдебрантъ, и все, что потомъ дѣлалось—только плохое повтореніе его задовъ. „*Ecclesiam universalem*“ превратилъ онъ въ „*ecclesia catholica romana*“.

И кивнувъ Борису между двумя глотками вина, онъ спросилъ его:

— Вы читали въ текстѣ „*Civitas Dei*“?

Этотъ вопросъ показался Борису чрезвычайно учительскимъ. И въ Россіи онъ много разъ читалъ „Градъ Божій“ въ подлинникѣ, а здѣсь, съ тѣмъ аббатомъ, съ которымъ занимался каждое утро разборомъ текстовъ, они, какъ разъ теперь, читали и эту, и другія произведенія блаженнаго Августина.

— Знаю, — глухо отвѣтилъ онъ.

— Борисъ Ивановичъ богословъ, — замѣтилъ тихимъ голосомъ Пахомовъ.

Олимпиада также улыбнулась глазами, и эта улыбка заставила Бориса еще болѣе сжаться.

— Вотъ вдохновенныя паренія христіанина, который, попавъ въ воздухъ благодати Божіей, обладалъ уже всей античной мудростью. Онъ—кареагенецъ родомъ, взлелѣанный эллинской и римской культурой—всю свою пылеость, весь душевный жаръ обратилъ на исканіе Царствія Божія. Вотъ какой идеалъ долженъ былъ бы утвердить своей желѣзной десницей создатель римской куріи—суровый папа Гильдебрантъ. Но онъ если и читалъ „Градъ Божій“, то переложилъ его на другую музыку, ха, ха! Блаженный Августинъ парилъ надъ землею, надъ всякой мірской властью. Ему представлялась небесной „*Civitas*“—вся вселенная, поющая гимнъ Божеству. И мы всѣ, проникнутые сліяніемъ мистики и красоты, мы видимъ въ немъ нашего учителя.

„Все ты лжешь и кривляешься!“—хотѣлось крикнуть Борису.

— Но почему же, — запинаясь отъ волненія, возразилъ онъ, — вселенская церковь, созданная въ Римѣ, не можетъ подняться и до этого надземнаго идеала? Она не въ застоѣ! Она идетъ,

движется. Въ этомъ—ея великое отличіе отъ неподвижныхъ, омертвѣлыхъ традицій.

— Желая ей такого полета „горѣ“!..—вскричалъ Пѣнскій.— Но увы! Она въ цѣпяхъ, она прикована къ землѣ.

Пахомовъ и Олимпіада въ разѣ кивнули головой. Братъ положилъ руку на локоть Бориса, сидѣвшаго рядомъ съ нимъ, и выговорилъ задушевно:

— Эхъ, Борисъ Ивановичъ! Не слѣдуетъ человѣку съ вашей душой биться изъ-за подведенія всѣхъ къ одному знаменателю.

— Не слѣдуетъ!—повторила Олимпіада, съ разгорѣвшимися щеками.

— Князь,—возбужденно началъ опять Пѣнскій, точно онъ сговорился съ Пахомовыми „урезонить“ Бориса.—Вы видите, кто передъ вами въ эту минуту? Насъ немного на Руси. Но мы не боимся никакихъ „жалкихъ словъ“. Мы вѣримъ въ великую тайну бытія. Мы доказываемъ это: все вдохновенное—въ русскомъ творествѣ, наши гениальные романисты проникнуты мистическимъ духомъ на почвѣ прекрасной правды. И такъ—человѣчество во всѣ вѣка искало своего призванія, вдыхало въ себя эфиръ божественной сути!

Онъ полузакрывъ глаза и сталъ, продолжая говорить, тихо качаться на стулѣ.

— Вотъ мы спускались сегодня въ катакомбы. Мы видѣли работу симпатичнаго русскаго труженика... Чтò мы тамъ находимъ? Все то же исканіе великой тайны въ обнаруженіи прекраснаго. Въ самыхъ старыхъ фрескахъ античные образцы: Орфей—Спаситель. А потомъ—наивная неумѣлость, символизмъ—глубоко искренній и интересный, но уже потерявшій связь съ красотой, враждебный формамъ человѣческаго тѣла—этого дивнаго синтеза, этого сосуда милости Божіей. А когда христіанское искусство вырвалось изъ подземелій на свѣтъ и просторъ, пошла опять неустанная борьба за то единство религіи и красоты, которое мы, бѣдные рыбаки среди современнаго Вавилона, положили основаніемъ своего „credo“!..

Молодой малый—рыжій, волосатый, въ затрапезномъ пиджакѣ—прервалъ рѣчь Пѣнскаго, поставивъ на столъ блюдо съ фритурой и второй графинъ съ виномъ.

Борисъ ничего не возражалъ. Онъ еще сильнѣе почувствовалъ, что дѣвушка, о которой онъ мечталъ, какъ о своей будущей подругѣ—„діакониссѣ“, считаетъ его упованія—неизмѣримо болѣе низменными, чѣмъ эта новая религія мистическаго эстетизма.

— Все во всем!—сладко протянулъ Пѣнскій послѣ того, какъ прожевалъ кусокъ фритуры.—Что обвѣяно эиромъ красоты, то священно! Подите,—обернулся онъ къ Олимпіадѣ,—въ Капитолійскій музей... Бронзовый мальчикъ, вынимающій изъ ноги занозу...

— Да, да! Какой восторгъ!—вторила Олимпіада.

— Богатѣйшій антикъ!—какъ бы про себя, съ легкимъ вздохомъ вымолвилъ Пахомовъ и закурилъ.

— Передъ нимъ надо поставить треножникъ! И я буду ему воздавать божескія почести! Или: женская голова въ Національномъ музеѣ. Кто это? Богиня? Нимфа? Или простая смертная?.. Мнѣ дѣла нѣтъ! Въ нее вселилось божество. У того молодого мужчины, помните, Олимпіада Петровна,—въ томъ же музеѣ, въ тѣрмахъ Діоклетіана, что стоитъ на одномъ колѣнѣ—у него нѣтъ головы, но его формы такъ прекрасны, онъ такъ дышетъ тайной боговдохновеннаго творчества! Я мысленно падаю ницъ рядомъ съ нимъ и готовъ пѣть гимны источнику всего сущаго, творцу всѣхъ видимыхъ и невидимыхъ міровъ!..

Братъ и сестра немного какъ бы сконфузились отъ этого энтузіазма. Борисъ продолжалъ считать его напускнымъ, но опять-таки ни возражать, ни поддакивать не могъ.

Одно онъ чувствовалъ безповоротно: этому ритору, сочинившему себѣ особую религію—два такихъ хорошихъ существа, какъ Пахомовъ и его сестра—больше сочувствовали, потому что и они считали завѣтныя упованія „князька“ чѣмъ-то отжившимъ, ненужнымъ, чуть не предательскимъ, „іезуитской справой“,—какъ выражался Викентій Петровичъ, когда въ первое время они бесѣдовали на эту тему.

Просунулась изъ кухни голова Джіованни. Его хорошо покормили и напоили. Онъ пришелъ поблагодарить „loro eccellenze“ и напомнить, что пора ѣхать, если хотятъ захватить публику въ церкви S. Maria Maggiore. Да еще условлено было по дорогѣ заѣхать въ S. Pietro in Vincoli.

Всѣ заторопились. Пахомовъ пошелъ расплачиваться. Въ ихъ складчинѣ онъ былъ кассиръ. Борисъ, когда всталъ изъ-за стола, вышелъ на веранду и уныло глядѣлъ на дорогу и голубовато-сѣрую даль альбанскихъ горъ.

Его сбоку окликнула Олимпіада. Онъ нервно вздрогнулъ.

— Борисъ Ивановичъ,—тихо сказала она:—вамъ все это не по душѣ?

И она кивнула головой въ глубь комнаты, куда ушелъ Пѣнскій.

— А вамъ?—спросилъ онъ, и его печальные глаза устались на нее.

— Я не судья. Но развѣ Пѣнскій не правъ? Зачѣмъ непремѣнно новыя оковы—признаніе человѣка какимъ-то богомъ? Лучше вѣрить свободно и во всемъ видѣть и чувствовать искру Божію.

— Вѣра, Олимпіада Петровна, можетъ быть только одна... Двухъ истинныхъ религій нѣтъ и двухъ духовныхъ властей также. Все остальное—фальшь, вольная и невольная... или—что еще ужаснѣе... кощунство...

— Зачѣмъ такое настроеніе? Полноте. Поглядите, какъ хорошо! Все дышетъ красотой!

Она оправила свою бѣлую тюлевую шляпу и побѣжала черезъ кухню на крыльцо. Братъ ея уже расплатился и опять было-полѣзъ на козлы; но Пѣнскій не допустилъ и заставилъ Бориса сѣсть рядомъ съ Олимпіадой Петровной, а самъ помѣстился на скамеечкѣ.

Чубаренскій конь Джіованни опять кубаремъ покатилъ по „Via Nuova“, и его хозяинъ, слегка возбужденный полъ-литромъ бѣлаго вина, то-и-дѣло оборачивался къ господамъ, исправляя обязанность дарового чичероне.

Объ эту пору имъ безпрестанно попадались двухъ-колесныя высокія телѣги, выкрашенныя въ свѣтло-голубую краску, породныхъ винодѣловъ. Лошади, всѣ въ украшеніяхъ длинной сѣтки, выступали мѣрнымъ шагомъ. Забившись подъ покрывки изъ крашенаго холста, въ видѣ кибитокъ, возчики спали, непремѣнно свѣсивъ ноги на груди бочекъ.

Джіованни каждый разъ, при встрѣчѣ, тыкалъ бичомъ и говорилъ, что это все хозяева или батраки изъ Марино и Альбано; что они непремѣнно напьются въ Римѣ, вольютъ въ себя цѣлый боченокъ и по дорогѣ часто падаютъ съ своей вышки на шоссе и расшибаются на-смерть.

Ближе къ Риму, Пѣнскій опять овладѣлъ разговоромъ, или, лучше, продолжалъ свой монологъ. Борисъ усиленно молчалъ или односложно отвѣчалъ Олимпіадѣ. Ему самое сосѣдство этого человѣка дѣлалось невыносимымъ, и эта острая неприязнь наполняла его и горечью, и стыдомъ за такое чувство.

— Друзья мои,—раздавался въ его ушахъ дребезжащій теноръ Пѣнскаго.—Насъ обиваетъ вѣтерокъ, идущій оттуда, съ моря... гдѣ изъ морской пѣны выплывала — въ заколдованномъ мірѣ эллинскаго творчества — любовь, страстно олицетворенная въ божественной Афродитѣ.

И разведя руками, онъ опустил рѣсницы и сталъ на-
распѣвъ декламировать.

Пахомовъ и сестра не понимали. Борисъ сейчасъ же узналъ
оду Сапфо, обращенную къ Венерѣ.

— Вы слышите... вдохновенная поклонница богини, первая
поэтесса древности—молить ее, возсѣдающую на многоукрашен-
номъ тронѣ—*пойкилотронъ*,—протянулъ онъ греческое слово,—
внять ея моленіямъ, не мучить ее понапрасну муками любви,
дать ей вкусить того нектара, который божество влило въ сердца
смертныхъ.

Борисъ взглянулъ на Пѣнскаго и сейчасъ же отвернулъ го-
лову. Онъ не могъ выносить того, какъ Пѣнскій глядѣлъ на
Олимпиаду Петровну.

Коляска была уже у воротъ св. Іоанна Латеранскаго, ми-
новала ихъ и покатила по звонкимъ улицамъ къ высотамъ Цѣлія.
Церковь S. Pietro in Vincoli была еще отперта. Они постояли
передъ Моисеемъ Микель-Анджело, и Борисъ долженъ былъ
опять слушать монологи петербуржца.

Ему сдѣлалось еще тягостнѣе, когда они вошли въ прохлад-
ную и обширную базилику S. Maria Maggiore, еще не опустѣв-
шую по случаю большого праздника.

— Чтò это? Чтò это?—вдругъ окликнула Олимпиада Пе-
тровна и остановила его за полу пальто.

За колоннами—въ будочкахъ-исповѣдальныхъ—сидѣли патеры
съ длинными тростями, точно удили рыбу. И нѣтъ-нѣтъ такой
патеръ ткнетъ въ плечо или прикоснется къ головѣ проходящей
дамы, старухи, дѣвочки, уличнаго мальчишки.

— Чтò это?—съ изумленіемъ шептала Олимпиада.

— Развѣ тебѣ впервые?—отозвался Пахомовъ.—Это—индуль-
генція. Кого ткнетъ—тому отпущеніе грѣховъ на столько-то
дней или недѣль.

— Sancta simplicitas!—выговорилъ Пѣнскій.—Но какъ все
это выѣстъ хорошо!

Олимпиада поглядѣла на Бориса и глазами какъ бы спро-
сила его:

„Неужели вы и *это* признаете“?

Онъ молчалъ, блѣдный, съ опущенной головой.

— Борисъ Ивановичъ отстаиваетъ восточное преданіе,—ска-
залъ Пахомовъ и потрепалъ его пріятельски по плечу.—До этого
онъ врядъ ли дошелъ.

— Чудесно! Чудесно!—раздавались сзади Бориса возгласы
Пѣнскаго.

X.

— Сюда, сюда, Илья Ѳедоровичъ! Направо!

Борисъ ввелъ Мѣдникова подъ своды нижней галереи университетскаго двора—бывшей папской „Sapienza“.

Совсѣмъ уже смерклося. Рѣдкіе газовые фонари разгоняли сумракъ широкихъ проходовъ, оставляя четырехъ-угольную площадку „àтрія“ почти въ темнотѣ.

Они прошли мимо стеклянной будочки привратника, старика съ длинной сѣдой бородой, въ плащѣ и форменной фуражкѣ. Сверху, по лѣстницѣ, въ углу, сходили группы молодыхъ людей, съ шумными разговорами. Между ними видѣлись и зимнія женскія кофточьи, и шляпки слушательницъ; были между ними и пожилыя женщины.

И вверхъ по лѣстницѣ, во вторую галерею, поднималось не мало народу.

Только-что прозвонили перемѣну въ пять часовъ.

Мѣдниковъ давно собирался побывать на лекціяхъ у болѣе выдающихся профессоровъ. Его интересовалъ въ особенности одинъ профессоръ-юристъ, считавшійся любимцемъ молодежи—извѣстный писатель и депутатъ палаты изъ самой крайней лѣвой.

Борисъ уже слышалъ его, находилъ краснорѣчивымъ; но его направленіе считалъ „печальнымъ“ и „ненаучнымъ“—Мѣдниковъ сегодня самъ напомнилъ ему о „Сапіенцѣ“ и видѣлъ въ этомъ предлогъ къ оживленной бесѣдѣ съ своимъ молодымъ другомъ.

За послѣднія двѣ недѣли, Борисъ какъ-то ускользалъ отъ него, мало видѣлся и съ отцомъ своимъ. Послѣ нервнаго недомоганія, случившагося съ нимъ вслѣдъ за припадкомъ, вызваннымъ сценой съ братомъ, Мѣдниковъ замѣчалъ у него то подавленность, то возбужденность. До свиданія съ матерью отецъ его не допустилъ. Въ князѣ Мѣдниковѣ очень одобрялъ твердость его духа и считалъ отпоръ, данный имъ на предложенное ему обязательство, „молодецкимъ“; но неизбѣжныя послѣдствія этого факта огорчали его.

Больше между княземъ и княгиней и ея свитой не было никакихъ сношеній. Мѣдниковъ навѣрное зналъ, что ея самодій нѣтъ уже больше въ Римѣ. Старшаго сына онъ еще на-дняхъ видѣлъ издали на Корсо.

На второй галереѣ, куда выходилъ рядъ дверей по пра-

вону отъ лѣстницы проходу, гулъ разговоровъ стоялъ противъ одной изъ ближайшихъ аудиторій.

— Это здѣсь,—вполголоса сказалъ Борисъ Мѣдникову.

Аудиторія была уже переполнена. Но и у перилъ галереи толпились студенты—больше все въ однихъ сюртукахъ и пиджакахъ, несмотря на довольно холодную погоду.

Мѣдникова охватилъ сразу воздухъ молодой и шумной веселости. Нѣкоторые студенты дурачились какъ гимназисты.

Въ аудиторіи заднія мѣста шли амфитеатромъ. Каеэдра помещалась противъ входа, въ простѣнкѣ, между двумя лампами. Настѣжъ растворенныя окна производили сильный сквознякъ.

Имъ удалось занять два крайнихъ мѣста, на самой верхней скамьѣ. Аудиторія была челоѣкъ на сто, но набралось больше, въ томъ числѣ у самой каеэдры и стола, стоявшаго поперекъ—съ дюжину слушательницъ.

Минуть черезъ десять, на галереѣ, противъ дверей аудиторіи, захопали. Рукоплесканія сейчасъ же передались и въ залу, и появленіе лектора похоже было на овацію. Всѣ вскочили съ мѣстъ и, стоя, продолжали хлопать.

Мѣдникову съ его вышки было все отлично видно. Между стоявшими студентами проходилъ высокій, худошавый брюнетъ, въ мягкой шляпѣ и темномъ пальто. Онъ кланялся направо и налево; но шляпу снялъ только у самой каеэдры, повѣсилъ ее и пальто на гвоздикъ, около лампы, и взбѣжалъ по крутымъ ступенькамъ.

На разстояніи, въ полусвѣтѣ аудиторіи, онъ смотрѣлъ еще молодымъ челоѣкомъ. Курчавая голова красиво сидѣла на нѣсколько суженныхъ плечахъ. Длинный, извилистый носъ не смотрѣлъ рѣзко итальянскимъ. Глаза ласково и оживленно оглядывали аудиторію.

Ничего профессорскаго не было въ его посадкѣ и туалетѣ: красный галстухъ, короткая визитка—казались Мѣдникову необычайными послѣ русскихъ аудиторій.

Гулъ разговоровъ разомъ смолкъ, когда раздались первыя слова лектора. Онъ говорилъ, а не читалъ, безъ тетрадки, даже безъ конспекта. Теплый тонъ его импровизаціи, чудесный голосъ, выразительность жеста, все возроставшее одушевленіе—стали чарующе дѣйствовать и на Мѣдникова.

„Но это не лекція! Это рѣчь трибуна, а не ученаго!“—мысленно повторялъ онъ.

Первыя двадцать минутъ—вся лекція длилась цѣлыхъ полтора часа—профессоръ излагалъ тономъ лектора, довольно

спокойно, почти безъ жестовъ, красивыми, точно отточенными и короткими фразами. Но какъ только дошелъ до разбора тѣхъ обвиненій, какія противники его доктрины выставляютъ въ разныхъ европейскихъ литературахъ, звуки голоса стали горячѣе, заработали руки, глаза заблестѣли, тѣмъ все учащался, пошелъ все быстрѣе и быстрѣе, точно разлетѣвшійся паровозъ.

Мѣдникову, съ его долгимъ опытомъ наблюдателя душевныхъ явленій, ясна была вся мозговая организація этого даровитаго трибуна и защитника излюбленнаго ученія. Иначе онъ и не можетъ говорить нигдѣ: ни на профессорской кафедрѣ, ни въ палатѣ, ни въ судѣ. Онъ знаетъ, что этотъ лекторъ въ то же время и адвокатъ.

Невольно грустное и почти завистливое чувство вливалось въ нему въ душу. Этотъ итальянецъ не на много его моложе. Ему навѣрное за сорокъ. Онъ уже давно имѣетъ имя въ литературѣ, какъ защитникъ антропологической теоріи, единственныя Ломброзо. Не этому онъ завидовалъ, а цѣльности его психическаго склада. Онъ вѣритъ въ абсолютную правоту своей доктрины. Онъ знаетъ, куда идетъ, онъ признаетъ свое научно-позитивное „credo“ за нѣчто непоколебимое. И все это онъ слилъ съ такими же абсолютными положеніями экономическаго матеріализма. Нѣсколько разъ онъ называлъ себя послѣдователемъ нѣмецкаго „учителя“ и дѣлалъ отступленія уже въ чисто политическую сферу, выставляя себя прямо членомъ парламентской группы республиканцевъ-соціалистовъ.

И все это говорилось такъ открыто, громко, пылко и молододушно—въ стѣнахъ аудиторіи государственнаго университета, гдѣ ему хотя и не давали званія профессора, но допускали его, какъ доцента, съ неограниченной свободой слова. И гдѣ? Въ той самой „Сапіенцѣ“, гдѣ, тридцать лѣтъ назадъ, при папскомъ правительствѣ, читали патеры, и даже буржуазная-политическая экономія считалась еретической наукой.

И Борисъ, прослушавъ всю первую половину лекціи, былъ подъ обаяніемъ ума и таланта. Его не возмущали протесты лектора, направленные на бездушный складъ, ложь и насиліе общества, мнящаго себя высоко-культурнымъ. Но онъ скорбѣлъ о томъ, что въ двухъ основныхъ доктринахъ лектора—и въ уголовной, и въ экономической—такъ безповоротно проводился роковой законъ необходимости и сведеніе всѣхъ явленій духа къ хозяйственной нуждѣ.

Минутъ за двадцать до конца лекціи взрывъ рукоплесканій покрылъ одинъ возгласъ лектора. Борисъ, сидѣвшій рядомъ съ

Мѣдниковымъ, опусти голову въ ладони рукъ, поднялъ ее, чтобы взглянуть на лицо доцента; но взглядъ его почему-то упалъ на послѣднюю скамью, у кафедръ, сбоку стола, гдѣ двое студентовъ записывали.

Первымъ всплылъ передъ нимъ блѣлый лобъ, длинные волосы и розовыя, круглыя щеки Пѣнскаго. Онъ, улыбаясь, что-то шопотомъ говорилъ Олимпіадѣ Петровнѣ. А съ другой стороны сидѣлъ, на самомъ краю скамьи, сухощавый мужчина, въ потертомъ пальто, съ длиннымъ угреватымъ лицомъ и копной рыжеватыхъ волосъ. Голова его казалась огромной на длинномъ, сухомъ туловищѣ.

Борисъ не ожидалъ встрѣтить на этой лекціи Пѣнскаго съ Пахомовой. Это его опять укололо, и онъ уже не могъ съ тѣмъ же вниманіемъ уйти въ окончаніе лекціи.

Пѣнскій повернулся въ сторону бѣлокурого мужчины съ огромной головой и что-то сказалъ ему на ухо. Тотъ обернулся всѣмъ фасомъ, и Борисъ, послѣ колебанія въ двѣ-три секунды, узналъ своего товарища по гимназій—Хазина, старше его на нѣсколько лѣтъ, уже давно исключеннаго изъ студентовъ и попавшаго въ какое-то дѣло, которое длилось очень долго.

Они были съ нимъ на „ты“. Больше двухъ лѣтъ назадъ, Хазинъ столенулся съ нимъ за границей, на югѣ Франціи. Онъ пробирался черезъ Пиренеи въ Испанію и не скрывалъ, что у него въ Барселонѣ и другихъ городахъ есть „теплые ребята“, къ которымъ онъ ѣдетъ „на выручку“. Тогда онъ еще не давалъ себѣ прямо той или иной клочки; но Борисъ хорошо понималъ, къ какимъ сообществамъ онъ принадлежитъ.

У Хазина было порядочное имѣніе. Кажется, онъ его успѣлъ продать, съ тѣхъ поръ, какъ бродить по Европѣ.

Знакомству съ нимъ Пѣнскаго Борисъ не удивился. Хазинъ водился, и въ Россіи, и за границей, со всякимъ народомъ. Онъ подавилъ въ себѣ мгновенное желаніе узнать отъ Хазина что-нибудь о прошломъ Пѣнскаго съ Олимпіадой.

Чтобы не думать объ этомъ, Борисъ опять ушелъ головой въ обѣ ладони и закрылъ глаза, слушая все поднимавшійся выше голосъ профессора, который точно звуковой волной билъ его въ лицо.

Въ аудиторіи давно уже было душно. Газъ тускнѣлъ, паръ стоялъ надъ скамьями, усѣянными сверху до низу.

— Какъ понесся!—шепнулъ Борису Мѣдниковъ.

Лекторъ, наклонясь и приподнимаясь на вкрслѣ, съ правой рукой, вытянутой точно къ трибуналу или къ присяжнымъ, до-

канчивалъ свою громовую—уже не защитительную, а карающую рѣчь.

Когда его голосъ оборвался на высокой нотѣ и онъ всталъ во весь свой крупный ростъ, вся аудиторія вскочила разомъ и стала порывисто хлопать.

Профессоръ сошелъ съ лѣсенки, его окружили нѣсколько человѣкъ, и онъ весело-пріятельски заговорилъ съ ними, надѣвая свое пальто.

Борисъ съ Мѣдниковымъ вышли одни изъ первыхъ. По галереѣ еще несея гулъ рукоплесканій и громкій разговоръ, съ возгласами, смѣхомъ, шелъ сверху внизъ, по лѣстницѣ.

— Идемъ?—пригласилъ Мѣдниковъ.—Цѣлыхъ полтора часа шла лекція. Дорогой поговолимъ... Можно будетъ какъ-нибудь привести и князя.

Борисъ, немного стѣсняясь, сказалъ, что онъ подождетъ знакомыхъ.

— Русскихъ?

— Да.

Мѣдниковъ подумалъ объ Олимпіадѣ, про которую слышатъ отъ князя Ивана; но воздержался отъ лишнихъ разспросовъ.

— Ну, если такъ—я бѣгу. А вы успѣете попасть къ нашему табльдоту.

Оставшись одинъ, Борисъ отошелъ къ периламъ, между двумя колоннами—въ нерѣшительности: подходить ли ему къ Олимпіадѣ и Пѣнскому.

Но его уже окликнули нѣсколько голосовъ. Всѣ трое разомъ подошли къ нему.

— Не узналъ?—спросилъ его Хазинъ, протягивая руку.

— Узналъ еще тамъ, въ аудиторіи. А вы знакомы?

Борисъ указалъ головой на Пѣнскаго.

— Встрѣчались еще въ Петербургѣ,—отозвался Пѣнскій,—и вотъ сегодня попали на эту декламацію.

И онъ выпятилъ губы.

— Ничего! Пускай! Есть оракулы и повреждѣе,—выговорилъ Хазинъ глуховатымъ голосомъ и чиркнулъ спичкой, чтобы закурить папиросу.

— Много пыли, но все это шаблоны по Ломброзо и Марксу,—сказала Олимпіада въ тонъ Пѣнскому.

Они стояли рядомъ, снова объ руку.

— Вы идете?—спросилъ его Пѣнскій.—Мы проголодались.— Не хотите сдѣлать намъ компанію?

— Уступите мнѣ князьиньку-то хоть на нынѣшній вечеръ,—

заговорилъ Хазинъ другимъ, болѣе безперемоннымъ тономъ.— Мы вѣдь съ нимъ съ которыхъ поръ одновашники... такъ ли, Елатомскій?

Онъ взялъ Бориса подъ руку и, уводя его, крикнулъ Пѣнскому съ Олимпиадой:

— Не бойтесь! Доставлю обратно въ сохранности.

— Нивакъ туманъ стоитъ? — спросилъ Хазинъ, когда они по узкому переулку перешли на уголь площади, въ сторону Пантеона.— Не желаешь глотнуть чего-нибудь крѣпительнаго?

— Пожалуй, немного вермута, — согласился Борисъ.

— Вотъ сейчасъ тутъ одна bottigleria. Все, что хочешь спрашивай—два солда! Торжество капитализма! Ха, ха!

Хазинъ, не выпуская руки Бориса, потащилъ его по скользкой отъ тумана мостовой, пересѣкая площадки и короткія улочки. Они миновали Пантеонъ, выступавшій своимъ гранитнымъ фронтономъ въ бѣлосовато-желтой мглѣ, при чемъ спутникъ Бориса успѣлъ, остановивъ его, кивнуть на крышу храма и хрипло крикнуть:

— Убрали, небось, ослиныя-то уши!

— Убрали,—повторилъ за нимъ Борисъ, понявъ, что тотъ говоритъ о двухъ колокольныхъ, безобразившихъ еще недавно фасадъ Пантеона: такъ ихъ звали всѣ римляне, даже и „благочестивые“.

Въ короткой улицѣ, ближе къ Monte-Citorio, дѣйствительно, напласть виноторговля, съ нарядными окнами и яркимъ освѣщеніемъ, гдѣ все—отъ вермута до шипучихъ винъ—можно пробовать за десять сантимовъ.

Хазинъ заказалъ себѣ двойной стаканчикъ марсалы, а Борису — вермутъ съ газовой водой. И они тутъ же присѣли за столикъ, въ уголокъ. Объ эту пору это заведеніе было почти пусто.

Разспрашивать Хазина о томъ, что онъ здѣсь дѣлаетъ и откуда прибылъ—Борисъ не желалъ; считалъ это даже щекотливымъ. Да и не было надобности въ этомъ. Его „одновашникъ“ самъ, сейчасъ же, съ локтями на столѣ, подавшись къ нему своей рыжеватой огромной головой, заговорилъ съ нимъ товарищескимъ тономъ старшаго, которому „князинека“ кажется достойнымъ вниманія.

— Ты давно знаешь этого лапчатого гуся, Пѣнскаго? — спросилъ Хазинъ, сгруппировавъ себѣ папиросу пальцами, пожелтѣлыми отъ табаку.

И, не дожидаясь отвѣта, онъ выговорилъ съ усмѣшкой въ глазахъ:

— Ты водишься съ этой компаніей для спасенія ихъ душъ, или изъ-за той дѣвы?

Борисъ промолчалъ.

— Такъ ты, милый человѣкъ, и то, и другое брось. Они надъ тобой же подтруниваютъ. Прохаживаются насчетъ твоей затѣи. Ну, да объ этомъ мы особо съ тобой потолкуемъ. А насчетъ того „сверхчеловѣка“, синьора Пѣнскаго—я долженъ тебя предупредить, если ты серьезно втягиваешься. Вѣдь этотъ Пѣнскій... тамъ у нихъ, въ мерзопагостной сѣверной Пальмирѣ, „першій амантъ“, если выразиться на польскомъ діалектѣ. И съ дѣвицей Пахомовой у нихъ навѣрно уже была игра... еще въ Россіи.

„Какъ ты это знаешь?“—хотѣлъ крикнуть Борисъ, и ничего не сказалъ, а сидѣлъ съ поблѣднѣвшимъ лицомъ, точно испытывая внезапную боль.

— И онъ ее просвѣтитъ, какъ просвѣтилъ уже нѣсколькихъ. У него это скоро дѣлается. Я его считаю миссіонеромъ новѣйшей мормонской секты... Да ты что же такъ огорчился? Или, въ самомъ дѣлѣ, я попалъ въ точку? И прекрасно! Брось! Ты—мимоза! Береги свои силѣнки. А такихъ „сверхчеловѣковъ“, какъ синьоръ Пѣнскій—игнорируй! Если намъ придется еще разъ сойтись... и онъ разведетъ свои ращи... ты увидишь, какъ я его отдѣлаю подѣ-восекъ.

Отхлебнувъ изъ стаканчика, Хазинъ затянулся.

— А впрочемъ, я радъ, что насъ судьба столкнула съ тобой. Вѣдь я слышалъ, что ты здѣсь.

— Отъ кого?

— У нашего брата, все равно, что у отцовъ-іезуитовъ—вездѣ есть свои люди. Да тутъ и шкурное чувство помогло. Вѣдь нѣкоторый мессиръ Скурловъ доводится тебѣ родственникомъ?

— Онъ—мужъ моей сестры.

— И онъ здѣсь имѣетъ временное пребываніе.

— Я съ нимъ не вижусь.

— Знаю и это, и весьма одобряю. Но оный Скурловъ, не дальше, какъ этой осенью, весьма порадовалъ о томъ, чтобы меня изъ кое-какого города выпроводить. Понимаешь?

Хазинъ сжалъ свои сухія, тонкія губы и два раза кивнулъ головой. Лицо его, еслибы не прыщавая кожа, было скорѣе красиво; большой, съ горбиной носъ, широкій и крутой лобъ,

брови на приподнятыхъ орбитахъ—во всемъ сказывалась порода. Небрежность костюма не придавала ему подозрительнаго вида. Онъ смахивалъ на художника и шляпу носилъ немного набекрень.

— А здѣсь тебя не беспокоятъ?—спросилъ Борисъ, чтобы отвести разговоръ отъ личности Пѣнскаго и его успѣховъ у женщинъ.

— Пока нѣтъ. Мы нигдѣ не заживаемся. Намъ—не рука. Онъ засмѣялся и показалъ крупные, нечистые зубы.

Борису страстно захотѣлось задать ему еще нѣсколько вопросовъ; но онъ испугался, и ѣдкое, скорбное чувство разлилось по его душѣ.

— Извини меня, Хазинъ. Отецъ ждетъ обѣдать. Мы еще увидимся.

— Хочешь придти завтра къ Араньо, коли такъ?

— Приду.

Поспѣшно расплатился Борисъ у буфета и почти выбѣжалъ изъ лавки.

XI.

Поѣздъ медленно шелъ, раннимъ утромъ, надъ озеромъ Альбано.

Изъ окна вагона третьяго класса Борисъ смотрѣлъ сверху на горную котловину, гдѣ точно въ кратерѣ погасшаго волкана лежало оно—спокойное, косвенно отражая свѣтъ, сизо-стальное, задумчивое. Справа высился куполь церкви Кастель-Гандольфо.

Ѣхалъ онъ не одинъ. Его пригласила Олимпиада Петровна, и онъ не рѣшился отказать ей, хотя эта „partie de plaisir“, въ обществѣ неизбежнаго Пѣнскаго, не готовила ему ничего отраднаго.

Къ нимъ присталъ и Хазинъ, точно затѣмъ, чтобы потомъ предостеречь его насчетъ „петербургской парочки“. У него были въ Альбано, Нэми и Марино пріатели, и онъ разсказалъ даже Борису, что, годъ назадъ, онъ навѣщалъ частенько „нѣкую альбанку“, при чемъ сильно вышучивалъ романтизмъ Гоголя въ его отрывкѣ: „Римъ“. Пахомовъ не поѣхалъ, захваченный отдалѣкой своей картины. Онъ какъ бы поручалъ сестру Борису.

На третьемъ классѣ настоялъ Хазинъ. Въ отдѣленіи вагона ѣхало нѣсколько человѣкъ мѣстныхъ винодѣловъ и лавочниковъ, старый священникъ и двѣ-три торговки, уже возвращавшіяся изъ Рима.

Пѣнскій съ Олимпіадою очутились въ углу, у окна правой стороны. Хазинъ, позади Бориса, вступилъ сейчасъ же въ разговоръ съ двумя итальянцами, поддѣлываясь очень умѣло подъ ихъ говоръ.

Борисъ былъ радъ, что такъ вышло. Видъ озера съ его берегами ласкалъ его зрѣніе, и свѣжесть воздуха расширяла грудь. Но онъ не могъ сбросить съ себя все того же подавленного настроенія. Боялся онъ разбирать свое чувство, какъ бы стыдѣлся его. Ни разу не назвалъ онъ любовью то, что его влекло къ той дѣвушкѣ, въ ту минуту въ углу вагона такъ оживленно говорившей съ Пѣнскимъ. Не одна только жажда взаимности будетъ заглушена въ его сердцахъ. И весь-то его внутренній міръ, связанный съ пребываніемъ въ Римѣ—точно пошатнулся съ нѣкоторыхъ поръ.

Никто, кромѣ отца и тетки, не сочувствуетъ ему изъ русскихъ—ни равнодушные, ни вѣрующіе, ни западники, ни космополиты.

Но не есть ли это удѣлъ всякаго „маньяка“ своей идеи? Онъ зналъ, что и его считаютъ маньякомъ. Сейчасъ вотъ онъ, глядя на озеро, вспомнилъ Тургеневскую „Поездку въ Альбано“, и фигура чудака Иванова—великаго русскаго художника—встала передъ нимъ. Того многіе цѣнили и даже прославляли, начиная съ автора „Мертвыхъ Душъ“; но кто—въ тѣ долгіе годы его римскаго подвижничества—изъ его друзей и товарищей истинно преклонялся передъ этой отрѣшенностью отъ всего, что не исполненіе его миссіи—какъ онъ ее понималъ и чувствовалъ?

Одинъ—даже и во всемъ вѣроисповѣдномъ Римѣ—кто искренно мечтаетъ о той же „затѣѣ“,—это старецъ Ватикана. Одинъ! Съ каждымъ днемъ Борисъ убѣждался въ этомъ. Его „записка“ до сихъ поръ еще не вышла изъ стѣнъ краснабурого зданія противъ колонны „Непорочнаго-Зачатія“; а если и выйдетъ—съ одобреніемъ стоящаго во главѣ лица,—то хода она не получитъ никакого. Хитроумный патеръ, въ іезуитскомъ домѣ, уже говорилъ ему въ такомъ смыслѣ.

Да, одинъ только старецъ, живущій во дворцѣ съ пятнадцатю-тысячами комнатъ, и мечтаетъ искренно о томъ же. Онъ одинъ показываетъ на дѣлѣ—какъ широко смотритъ онъ на преданія всякой церкви, признающей божественное откровеніе.

Не дальше, какъ на прошлой недѣлѣ, онъ ѣздилъ съ отцомъ и Мѣдниковымъ въ Фраскати, а оттуда—въ монастырь Грота-Феррата. Это было въ воскресенье. Они попали къ обѣднѣ. Она служилась по-гречески, по восточному обряду. Старецъ Вати-

кана настоялъ на томъ, чтобы олатинившійся монастырь вернулся къ греческой традиціи и возстановилъ все церковное благолѣпіе, начиная съ иконостаса *закрытаго* алтаря.

Но все это держится только его волей. Монахи-итальянцы скорѣе тяготеютъ такимъ возвратомъ къ восточному преданію. И старецъ сойдетъ въ могилу, зная, что ему не придется сказать, какъ другому вдохновенному старцу Новаго Завѣта...

И Борисъ про себя сталъ произносить слова греческаго текста: „Нынѣ отпускаеши“...

Поездъ дошелъ до станціи. Здѣсь, въ Альбано, они согласились выйти и въ дилижансѣ доѣхать до Дженцано, а оттуда пѣшкомъ по берегу озера Нэми—на привалъ завтракать. Распояряться всѣмъ вызвался Хазинъ.

— Пожалуйте, господа!—крикнулъ онъ и тутъ же крѣпко сталъ жать руки двумъ итальянцамъ и трепать ихъ по плечу, съ разными прибаутками.

Борисъ выходилъ медленно изъ вагона, пропустивъ впередъ „петербургскую парочку“ и Хазина, который быстро двинулся, какъ бывалый человѣкъ, и жестами подгонялъ ихъ, чтобы на площади, гдѣ рынокъ и большая церковь — захватить мѣста въ „кукушекъ“—такъ онъ называлъ мѣстный дилижансъ.

Дума Бориса не разлетѣлась отъ гама рыночнаго люда, отъ красокъ и звуковъ, отъ ходьбы по старой булыжной мостовой, рѣзавшей ему ноги.

„Одинъ! Одинъ!“—повторялъ онъ, представляя себѣ согбенную старческую фигуру первосвященника въ простомъ облаченіи, въ домово́й капеллѣ, куда онъ уже два раза проникалъ на воскресную службу. Почему онъ какъ бы страшился быть допущеннымъ до бесѣды съ бѣлымъ старцемъ, чего ему было бы возможно добиться? Не могъ онъ проникнуться вѣрой въ то, что все совершится; не могъ повторять, придавая ей особый смыслъ, любимую фразу одного „внзя церкви“, принявшаго его недавно особенно ласково:

— „Espérez! Laissez faire! Laissez faire!“

— Елатомскій! Что ты какъ ковыляешь? Садись!

Всѣ уже сидѣли на скамьѣ крытой длинной таратайки, съ холщевыми занавѣсками.

— Вамъ нездоровится?—спросила его Олимпіада Петровна.

— Нѣтъ, ничего.

— Вы, кажется, сразу потеряли настроеніе?

Высокій возгласъ Пѣнскаго прошелся по нервамъ Бориса точно грифелемъ.

Онъ ничего не отвѣтилъ и сталъ смотрѣть на дорогу.

— Ну-съ, господинъ эстетъ,—заговорилъ Хазинъ, кивнувъ Пѣнскому,—предоставляется вамъ приводить себя въ настроеніе и комментировать красоты пейзажа и величіе античныхъ развалинъ!

— Утро богатое! Это такъ! И даль, даль! Вотъ пройдемъ еще минутъ пять и будетъ такой пунктъ, откуда можно видѣть и море.

Пѣнскій, сладко щурясь, подставлялъ свое скуластое лицо подъ вѣтерокъ. Они бѣжали по широкому шоссе, обсаженному вѣчно зелеными дубами. Олимпиада Петровна, высунувъ голову изъ-подъ навѣса повозки, дѣлала тоже и тихо восклицала:

— Какъ хорошо! Какъ хорошо!

Весной уже дышало все вокругъ. Видъ сиправа—въ сторону моря—разстился внизъ мягкими голубоватыми тонами. Всѣ притихли, даже Пѣнскій, продолжавшій сладко щуриться и подставлять лицо подъ легкій вѣтерокъ.

Линейка была очень тряская; но и это не портило „настроения“. Когда стали уже подъѣзжать къ Дженцано, Хазинъ, во второй разъ, распланировалъ маршрутъ.

— Въ Дженцано мы мѣшкать не будемъ. Сейчасъ же скрозъ, по холмамъ...

— Позвольте!—остановилъ Пѣнскій.—Вѣдь тутъ Гоголь написалъ цѣлую сцену въ какой-то австрій, подъ шумъ и гамъ игроковъ, въ табачномъ дыму?..

— Кто вамъ будетъ разыскивать этотъ кабочекъ? Понаутужьтесь воображеніемъ. Всѣ кабаки на одинъ ладъ. На возвратномъ пути мы въ Альбано или въ Марино зайдемъ въ любой. Здѣсь вѣдь вино-то три и два сольди за полъ-литра!

Борисъ почти не участвовалъ въ разговорѣ и по пути къ Нѣми. Хазинъ немного сбился, по выходѣ изъ Дженцано; но напалъ-таки на настоящую тропку и скоро вывелъ ихъ на узковатую, ровную дорогу, вдоль порослей, уже наполовину зеленѣющихъ. Слева совсѣмъ маленькое озерко Нѣми—въ глубинѣ вулканической воронки—отливало серебромъ съ чернью, пустынное и задумчивое, съ голыми, обрывистыми берегами.

Что-то такое Пѣнскій, шедшій впереди съ Олимпиадой Петровной, началъ декламировать.

Хазинъ, взявъ Бориса подъ руку, говорилъ ему на ухо:

— Спустить бы этого перваго тенора вонъ туда, въ то классическое озерко. А ты передъ нимъ—дрефипш!

Борисъ поглядѣлъ на него вопросительно.

— Брось! Не срами себя! Ужъ коли ты—не отъ міра сего —вечего тебѣ соперничать съ такими Чурилами-Пленковичами... Помнишь, небось,—въ былинахъ такой есть хватъ? Только этотъ замѣшанъ на новѣйшемъ тѣстѣ.

Хазинъ, дѣлая большіе шаги, подталкивалъ его. На немъ была фланелевая блуза и старая соломенная шляпа, на ногахъ рыжіе башмаки на толстой подошвѣ, и подпирался онъ палкой изъ лимоннаго дерева.

— Это и есть городокъ Нѣми? —спросила Олимпиада Петровна, указывая на рядъ домовъ, справа, глянувшихъ сразу, изъ-за поворота.

— Это и есть! Не собьемся! Все прямо! —крикнулъ Хазинъ.—Гдѣ увидите гостинницу съ такой галдарейкой и мраморной лѣстницей—туда и поднимайтесь.

Идти оставалось не больше десяти минутъ. Пригрѣвало, но настоящей жары не было.

А Борисъ точно весь разомлѣлъ. Ему тяжело было и слушать то, что нашептывалъ Хазинъ, и обрезать себя на цѣлый день разглагольствованій Пѣнскаго, на роль огорченнаго вздыхателя.

Говорить ему дѣлалось просто невыносимо.

Но убѣжать было дико. Напустить на себя внезапное нездоровье и уѣхать сейчасъ же изъ Нѣми—противно, какъ всякая ложь, хоть самая невинная.

— Сюда, сюда!—закричалъ Хазинъ, показывая рукой Пѣнскому и Олимпиадѣ Петровнѣ на двухъ-этажный домъ съ галереей и мраморной лѣстницей.

Онъ еще дорѣгой объяснялъ имъ, что хозяинъ—„синдикъ“ этого мѣстечка, гдѣ можно недорого позавтракать; что тамъ есть задняя прохладная зала съ расписанными стѣнами и что ее слѣдуетъ сейчасъ же занять.

Черезъ четверть часа они сидѣли уже въ этой прохладной залѣ, съ видами Везувія и Неаполитанскаго залива, и опять ѣли спагетти, какъ и на Аппіевой дорогѣ, и пили бѣлое мѣстное вино, но сортомъ лучше.

Хазинъ не втягивалъ Бориса въ разговоръ. Олимпиада Петровна нѣсколько разъ обращалась къ нему. Онъ дѣлалъ надъ собою усиліе, чтобы отвѣчать впопадъ. А пристать къ общей бесѣдѣ было нетрудно.

Съ Хазинимъ Пѣнскій держался тона пріятельски-снисходительнаго, давая ему, однако, почувствовать, что онъ его въ „сурьёзъ не беретъ“, хотя и знаетъ, что у него уже есть репутація „раз-

рывнаго дѣятеля“. Разговоръ зашелъ о лекціи въ „Сapiенцѣ“, на которой Борисъ увидаль Хазина. Пѣнскій началъ недоумѣвать—неужели и онъ, не скрывающій своего разрывнаго „credo“, удовлетворяется ограниченнымъ ученіемъ того „университетскаго краснобаа“?

— Анархію я понимаю, — залился Пѣнскій, поглядывая то на Олимпіаду, то на Бориса съ вызывающей улыбкой. — Но настоящую, такую, которая сводится къ упраздненію всего, что не высшее благо жизни: философское мышленіе, свобода, красота!

Эти слова выговорилъ онъ пѣвуче, смакуя ихъ и даже съ кажимъ-то прищелкиваньемъ.

— Вотъ та тріединая ипостась, которой мы служимъ. А не эта шалая проповѣдь будущаго матеріальнаго блаженства. Фи! Фи! И если мы не чураемся анархіи, какъ доктрины, то потому, что она не формулировала ничего законченнаго, плоскаго, казарменнаго, рабскаго!..

И наливъ себѣ полный стаканъ вина, онъ протянулъ его къ Хазину.

— Предлагаю здравицу за единеніе на этой почвѣ.

Слушая Пѣнскаго, Хазинъ сидѣлъ съ головой, опущенной въ тарелку; а тутъ быстро поднялъ ее и отвелъ жестомъ стаканъ Пѣнскаго.

— Такой здравицы я пить не стану, — спокойно и строго выговорилъ онъ и посмотрѣлъ на Бориса.

— Почему же? — не теряя увѣренно-торжественнаго вида, спросилъ Пѣнскій.

— А потому, что люди вашей... какъ бы это сказать — себѣ, что-ли, самозванно драпшируются въ сочувствіе нашему символу вѣры.

Онъ немного приподнялся надъ столомъ.

— Вы — анархисты?! Ха, ха, ха! Слышишь, Елатомскій? Они — анархисты! Это, какъ французики говорятъ: à rouffier de rire! Полюбуйтесь на здѣшнихъ *supergommini*... Желаете, я васъ кое съ кѣмъ въ Римѣ познакомлю? А что проповѣдуетъ ихъ идолъ, ихъ яко бы геніальный талантъ? Это — какое-то крошево изъ истерическаго мистицизма чуть не съ садизмомъ. Культъ „сверхчеловѣка“, а въ сущности обсахариванье всего выродившагося, затхлаго, презрѣннаго въ одрихлѣвшей Европѣ...

— Позвольте, я съ вами не согласна!

Этотъ возгласъ Олимпіады Петровны заставилъ Бориса взглянуть на нее. Она вся выпрямилась, глаза блестѣли, на блѣдныхъ щекахъ выступила краска. Она сразу какъ-то похорошѣла.

„Не принципъ она хочетъ защищать, а встрепелулась, зачуявъ въ тонѣ Хазина обиду тому, кто ей дороже всѣхъ здѣсь“, —стремительно подумалъ Борисъ.

— На такой почвѣ обмѣнъ мыслей невозможенъ!—съѣженно сказалъ Пѣнскій.

— Почему невозможенъ?—повторилъ Хазинъ.

— Потому что это... личности,—пылко откликнулась Олимпиада Петровна.

— Вовсе нѣтъ!—возразилъ Хазинъ, впадая въ свой обычный подшучивающій тонъ.—Прежде всего надо называть вещи по ихъ именамъ. Такъ ли, Елатомскій?

Борисъ—противъ воли—бивнулъ головой.

— Эти господа,—продолжалъ Хазинъ, указывая рукой на Пѣнскаго,—только играютъ въ какую-то анархію. Отчего же не позволительно заявить... что мы этого не можемъ признать, и между нами и ими гораздо бѣльшая пропасть...

— Чѣмъ между буржуями и запоздалыми доктринерами, въ родѣ того профессора?—съ улыбкой сказалъ Пѣнскій.

— Гораздо бѣльшая! Они запоздали. Нужды нѣтъ! Для нашего дѣла они полезны. Они доказываютъ всячески—всю дрянность теперешней общественной машины. И это намъ въ руку. А когда настанетъ судный день—*riga bien qui riga le dernier!*—съ короткимъ смѣшкомъ выговорилъ онъ и допилъ свое вино.

— Но зачѣмъ же,—вмѣшалась опять Олимпиада Петровна,—такая нетерпимость? Всякій создаетъ свое „credo“, какъ ему угодно.

— Согласенъ... но чужихъ кличекъ нельзя брать, баловаться тѣмъ, что есть, по существу, отрицаніе...

— Чего?—почти взвизгнувъ Пѣнскій и подвинулся.—Свободы, красоты, мышленія?.. Князь, неужели мы съ вами, хотя насъ и не соединяетъ одинъ символъ вѣры, не можемъ сливаться въ одномъ стремленіи къ божественной правдѣ?

— Нѣтъ, не можете!—возразилъ Хазинъ.—Незачѣмъ и трогать нашего князьку... Мы съ нимъ не одной вѣры... вы это прекрасно знаете... Ха, ха! Но у него такой уже душевный складъ. Ему нужно вѣрить. Онъ не играетъ въ свой законъ. Ему Богъ нуженъ. А вамъ, господа, нуженъ особый культъ вашего божка. А божокъ этотъ—свое я, я!

Хазинъ разсмѣялся и сталъ говорить веселѣе и добродушнѣе.

— Насъ вы, какъ мужикъ говорить, не трожьте! Мы свою линію ведемъ. Для васъ вотъ здѣсь, напримѣръ, только красоты, да экстазы, да эйрѣ,—протянулъ онъ любимое слово

Пѣнскаго.—А мы думаемъ, что не пройдетъ двухъ, много трехъ лѣтъ—и вотъ въ этихъ самыхъ *Castelli Romani*—добрый пролетарій начнетъ показывать своимъ „*principe*“, что средневѣковой укладъ уже... *überwundener Standpunkt*. Стало, намъ и краснобай на кафедрѣ въ „*Sapienza*“ очень пользителенъ. Такъ-то-съ, милый человѣкъ. А князю моему вы не трожьте. Онъ особь-статья!

Пѣнскій, повернувъ голову, прищурился на Бориса и сказалъ:

— Князю не желательно ничего изречь. Но неужели онъ приписываетъ только себѣ привилегію имѣть религіозный складъ души? Мы этого допустить не можемъ!

Борису показалось, что глаза Олимпіады Петровны смотрѣли на него въ эту минуту не то насмѣшливо, не то съ улыбкой жалости.

Его схватило за-сердце что-то горькое и обидное. Онъ поднялъ голову и быстро сказалъ въ упоръ Пѣнскому:

— Я не хочу здѣсь никакихъ пререканій, господинъ Пѣнскій.—Но если вамъ угодно выслушать мое мнѣніе... мое внутреннее чувство... Такая игра въ исканіе божественной истины—печальная игра. Такая религія хуже всякаго безвѣрія. Больше я ничего не скажу... и прошу извинить за мою откровенность.

— Нечего, нечего прибѣдливаться, князюшка!—перебилъ его Хазинъ.—Ты по-своему совершенно правъ.

Онъ потрепалъ его по плечу.

Борисъ еще разъ вскинулъ свои длинныя рѣсницы въ сторону Олимпіады Петровны. Лицо ея было такъ же возбужденно. Она боялась, что выйдетъ что-нибудь болѣе бурное.

— Господа! — провозгласилъ Пѣнскій.—Надо же поднять стаканы за этотъ радостный день и воскликнуть словами нашего великаго поэта: „Да здравствуетъ солнце, да скроется тьма“!

Совсѣмъ стемнѣло, когда обратный поѣздъ везъ русское общество въ Римъ.

Опять Борисъ сидѣлъ у окна одинъ. И Хазинъ, въ углу, пріятельски пересмѣивался съ двумя подгулявшими рабочими, которые курили трубки и безпрестанно плевали то на полъ, то въ окно. Петербургская пара такъ же сидѣла поодаль, въ противоположномъ углу.

Въ отдѣленіи вагона было накурено, дурно пахло всякой всячиной. Борисъ глядѣлъ изъ окна, подставляя голову подъ легкій вѣтерокъ. Ночь сгустилась, и въ темномъ, почти черномъ небѣ играли крупныя точки созвѣздій.

Поѣздка, послѣ схватки Хазины съ Пѣнскимъ, какъ вы-

сказался Борисъ, могла кончиться чисто-русской размолвкой. До нея не дошло. Пѣнскій, желая показать, какъ онъ высоко-терпимъ и эстетически воспитанъ, все остальное время держался пріятно-снисходительнаго тона, и больше подсказывалъ Олимпіадѣ Петровнѣ восхищенія отъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ они проѣзжали и проходили. Въ Нѣми Хазинъ нанялъ погонщиковъ съ двумя осликами, для Олимпіады и Бориса, видя, что тотъ ослабъ, но Борисъ отказался и поѣхалъ Пѣнскій.

Пробираясь по мелкому кустарнику съ кочками, вдоль надъ-озерныхъ высотъ, Хазинъ нѣсколько разъ указывалъ ему на фигуру Пѣнскаго, растопырившаго ноги на широкомъ ослиномъ сѣдлѣ.

— Такъ бы онъ взѣзжалъ и на Капитолій, еслибъ еще короновали геніевъ.

Борису были тяжелы эти шутки, и онъ попросилъ Хазина прекратить ихъ.

Такъ они добрались до Кастель-Гандольфо, а оттуда, пѣшкомъ же, мимо монастыря капуциновъ, по прекрасной аллеѣ, пошли въ Марино.

По дорогѣ Хазинъ увидалъ на порогѣ кабачка рыжеватенькую, хорошенькую дѣвочку и окликнулъ ее: „Италія“! Дѣвочка его узнала и потащила въ остерію, къ матери, тоже его „пріятельницѣ“. Въ Марино они попали за полтора часа до отхода поѣзда. Олимпіада Петровна разомлѣла, и время прошло тягуче, въ натянутыхъ разговорахъ, въ жданьѣ сначала въ закоптѣломъ кафѣ, гдѣ было ужасно накурено, а потомъ подъ навѣсомъ станціи.

Борисъ не пошелъ съ Хазинымъ къ какому-то его „сочлену“ въ кабачокъ, гдѣ полъ-литра вина стоитъ всего два сольди, и уныло бродилъ въ оврагѣ, куда къ грязному фонтанчику сходили бабы, босся, въ затрапезныхъ юбкахъ и съ мѣдными кувшинами на головахъ, какъ ходили по-воду женщины и двѣ тысячи лѣтъ тому назадъ.

Гадко было у него на душѣ. Никогда еще онъ не выставлялся передъ самимъ собою такъ малодушно, суетно, недостойно ни его самого, ни чувства его къ дорогой ему дѣвушкѣ. Неужели онъ слишкомъ ничтоженъ, чтобы раскрыть ей глаза на того, кѣмъ она увлекается? А если у нихъ есть болѣе серьезное прошлое,—она скажетъ ему, она не станетъ лгать. Лучше выслушать свой приговоръ, чѣмъ такъ вести себя.

Когда они прощались, выходи съ вокзала, онъ придерживалъ ее и спросилъ:

— Я могу васъ видѣть завтра, у Викентія Петровича, послѣ его работы?

Она немного какъ бы смутилась и торопливо сказала:

— Конечно, милый Борисъ Ивановичъ.

Съ Пѣнскимъ они молча отдали поклоны другъ другу.

Хазинъ проводилъ его до угла его улицы и, тряхнувъ головой, выговорилъ на прощанье:

— Эхъ, князюшка! Стыдъ и срамъ дрефить передъ такимъ ээиромъ!

XII.

Борисъ, на другой день, въ сумерки, позвонилъ у двери Пахомова.

Весь день онъ бродилъ по Риму. То ему казалось, что Олимпиада—совершенно чужая ему, что онъ никогда не любилъ эту дѣвушку; то его охватывало чувство страха потерять ее навѣки, какъ будто въ ней, именно въ ней предназначено ему было свыше найти подругу, безъ которой все разлетится прахомъ.

И въ эти минуты она дѣлалась для него какимъ-то особымъ существомъ, залогомъ всего, что земная жизнь дастъ ему самого нетлѣннаго и высокаго.

Рука у него дрогнула, когда онъ дернулъ за ржавую проволоку во второй разъ.

Пахомовъ отворилъ ему, въ затрапезной блузѣ, хмурый, съ встрепанными волосами. Видно было, что его разбудили.

— Простите... вы отдыхали? — робко выговорилъ Борисъ, проникая въ мастерскую.

— Ничего. Мнѣ полчаса за-глаза довольно. Присядьте. Я зажгу лампу, если угодно.

— Нѣтъ, не надо, не надо.

Они сѣли на тотъ же старый диванъ.

Картина уже не стояла передъ ними на мольбертѣ.

— Вы кончили?—спросилъ Борисъ.

— Ту вещь? Да... только я вамъ, Борисъ Ивановичъ, покажу ее, когда рама будетъ готова. Я мало работалъ эти дни. Три раза передѣлывалъ группу. Да Пѣнскій торопитъ. Онъ беретъ доставить ее самъ въ Питеръ.

— Въ академію?

— Нѣтъ, я на другой выставлю. Нынче вѣдь въ нѣсколькихъ мѣстахъ можно.

Онъ висло улынулся.

— Сами вы не поѣдете?

— Нѣтъ. И сестрѣ бы не очень слѣдовало.

— А Олимпиада Петровна?..

Борисъ самъ замѣтилъ, какъ у него дрогнули губы.

— Да, потянуло ее туда. Знаете... оно понятно. Трудовая дѣвушка, съ самолюбіемъ. Открывается такая работа... завѣдывать цѣлымъ отдѣломъ... всю душу положить въ это. Оно лестно. Правда, она очень поправилась, а все-таки въ сердцѣ есть перебои.

— Перебои?—повторилъ Борисъ, чувствуя, что въ головѣ его какой-то туманъ.

Но онъ не хотѣлъ поддаваться налетѣвшей на него слабости.

— Говорить—довольно насладились. Надо и честь знать. Ха, ха!

— И она уѣзжаетъ вмѣстѣ съ господиномъ Пѣнскимъ?—чуть слышно произнесъ Борисъ.

Въ сумеркахъ художникъ не могъ сразу разсмотрѣть—какое у него стало лицо.

— Я прошу, чтобы она хоть до русской Святой пожила здѣсь. Ея дѣло... и то сказать!

Онъ лѣниво закурилъ папиросу. Чувствовалось, что ему какъ будто неловко съ своимъ гостемъ.

— До Святой?—протянулъ Борисъ и отодвинулся къ углу дивана.

— А вы, Борисъ Ивановичъ, дождетесь здѣшной Пасхи? Разумѣется, будете имѣть доступъ къ папской службѣ... Нынче уже не то, что видали наши старики.

И онъ назвалъ одного изъ русскихъ художниковъ, живущихъ въ Римѣ больше тридцати лѣтъ.

— А все еще много „форестьеровъ“ привлекаетъ сюда Святая. Помолчавъ, онъ пододвинулся къ Борису и, заглянувъ ему въ лицо, спросилъ:

— Чтой-то я слышалъ,—вы извините, это вопросъ щекотливый... Борисъ Ивановичъ: неужели вы хотите надѣть на себя сутану?

— Я?.. Какъ? Принять священническій санъ?

— Такъ ребята болтали въ нашемъ кафѣ.

— Нѣтъ... Я этого намѣренія не имѣлъ... да и не считаю себя достойнымъ.

— Ну, это-то зачѣмъ? Коли вы недостойны, то кто же? Вы меня простите... Я вашей совѣсти тревожить не буду. А

только, Борисъ Ивановичъ, позвольте попросту сказать вамъ— не играйте вы въ руку „езовитамъ“. Не вѣрьте ихъ розсказнямъ. Будто у нихъ грамоты есть, отъ Петра, отъ Павла,—не тѣхъ, не апостоловъ,—а нашихъ императоровъ. Самозванца они точно обработали. И не русское это дѣло, Борисъ Ивановичъ. Возьмите перваго меня. Никакой во мнѣ нѣтъ... какъ бы это сказать, ортодоксальности... И Римъ я люблю... второй родной считаю. А на это не пойду ни въ жизнь. Сейчасъ во мнѣ всю внутреннюю всколыхнетъ. Чго-нибудь это да значить. И народу грѣхъ было бы навязывать такіа оковы... Ну, еще разъ простите. Это я такъ, къ слову. Вы слишкомъ мнѣ близки и дороги, чтобы я съ вами хитрилъ.

И, пустивъ длинную струю дыма, онъ продолжалъ:

— Своимъ мнѣніемъ я не поступлюсь ни передъ кѣмъ. Вотъ Осипъ Яковлевичъ какой уже цѣнитель красоты и всего такого... а я его выпреннюю философію принимаю съ большими оговорками. Вотъ и по оцѣнѣ моей картины: Спаситель, мною изображенный... вы его чувствуете по-моему... а онъ и сильно хвалить, да у него и религія-то какая-то особенная. Не на той подкладѣ, какъ у насъ съ вами... не тѣ струны звучать. И я понимаю, что вамъ съ нимъ не спѣться.

Онъ тихо засмѣялся и сдѣлалъ жестъ, какъ будто что-то вспомнивъ.

— Ахъ, да! Вѣдь сестра просила меня сегодня, за завтракомъ, подождать ее. Говорила, что вы зайдете. Какъ я всхрипнулъ—даже память отшибло!

Борисъ сидѣлъ молча, и еслибъ художникъ зажегъ лампу, онъ увидалъ бы, что лицо его мертвенно-блѣдно. И онъ весь вздрогнулъ, когда раздался звонокъ.

— Вотъ и Липа!

— Простите, запоздала немного?—раздался оживленный голосъ дѣвушки.

Пахомовъ впустилъ ее и пошелъ зажигать лампу—въ мастерской совсѣмъ уже стемнѣло.

Олимпиада Петровна, не снимая шляпы, присѣла къ Борису. Ея рукопожатіе было очень крѣпкое.

— Витя!—окликнула она брата.—Ты Осипу Яковлевичу говорилъ, чтобы онъ зашелъ за нами?

— Говорилъ.

Братъ понялъ, что ей хочется остаться одной съ Борисомъ.

— На минутку я, господа, удалюсь. Забѣгу по сосѣдству къ штукарю, который мнѣ раму мастерить.

Онъ накинулъ на себя крылатку и вышелъ.

— Вы ѣдете?—чуть слышно выговорилъ Борисъ.

— Въ Россію?—спросила Олимпиада.

Въ голосъ ея не было волненія.

— Да, въ Петербургъ?

— Меня очень тянетъ. Братъ вамъ говорилъ, какую мнѣ предлагаютъ работу.

— Конечно, конечно.

Больше онъ ничего не нашелъ сказать. Все, чѣмъ переполнена была его душа—разлетѣлось. Стыдъ сковалъ губы. Неужели онъ рѣшится говорить ей о своемъ чувствѣ? Развѣ она подала ему какой-нибудь поводъ?

И вдругъ точно вся кровь отхлынула отъ сердца къ головѣ. Щеки запылали. Онъ схватился за лицо обѣими руками, охлаждая его жаръ.

— Борисъ Ивановичъ, голубчикъ, что съ вами?

Она пододвинулась къ нему.

— Ничего, ничего!—шепталъ онъ.—Я вижу, я чувствую, что вы... что я... для васъ совсѣмъ чужой.

— Почему такъ? Съ какой стати?!..

— Сердце ваше... отдано другому.

У него еле достало силъ выговорить эти слова.

— Другому?—повторила она и съ изумленіемъ взглянула на него.

— Борисъ Ивановичъ! Дорогой! Но развѣ вы...

Она не досказала и вся зардѣлась. Рѣсницы ея пришли въ движеніе.

— Господи!—продолжала она, взявъ его руку въ обѣ свои.—Вы такъ говорите мнѣ и обо мнѣ—какъ будто я для васъ... Какъ же это? Стало быть, я передъ вами кругомъ виновата...

— Въ чемъ?

— За собой надо слѣдить... У насъ завязывалось доброе пріятельство—и вдругъ... Ахъ, Боже мой!

У нея былъ совершенно растерянный видъ. Но Борисъ не глядѣлъ на нее. Каждое ея слово звучало для него приговоромъ.

Горечь рѣзнула его по сердцу такъ больно, что онъ не въ силахъ былъ вытерпѣть, и, откинувшись головой къ углу дивана, судорожно и глухо зарыдалъ.

Она вскочила съ мѣста и, нагнувшись надъ нимъ, прерывисто, съ видимымъ сердцебіеніемъ, стала горячо оправдываться.

— Простите меня, Христа ради! Я не доглядѣла. И вотъ вы страдаете, милый Борисъ Ивановичъ!..

Слезы слышались въ ея словахъ.

Борись стихъ и сидѣлъ съ головой, откинутой на спинку дивана. Олимпиада Петровна взяла опять его руку и сильно пожимала.

— Ну, что-жъ дѣлать?—вполголоса и менѣе тревожно заговорила она.—Я не хочу скрытничать. Да, я люблю его. Это давно уже идетъ. Много я натерпѣлась, Борись Ивановичъ. И борьба съ собою... вопросы совѣсти. Онъ женатъ... Для меня разошелся. Это нехорошо. Для васъ, чистаго и строгаго къ себѣ—это, это... слишкомъ и себялюбиво, и грѣшно. И то, что онъ считаетъ своей религіей—для васъ чуждо и грѣховно... Я знаю и не осуждаю васъ. Вы—не отъ міра сего. А мы всѣ безумно ищемъ высшихъ радостей... но земныхъ, а не тѣхъ, какихъ жаждете вы. Но я клянусь вамъ—ни одной минуты не поддѣлывалась подъ ваше настроеніе. Всему, что въ васъ теплится, какъ лампада, человѣчнаго, высокаго—я глубоко сочувствую. Такое христіанство, какъ въ васъ, было бы обновленіемъ міра!

— Но... вы не пошли бы за мною?—воскликнулъ трепетно Борись.—Для васъ, и для того, кого вы любите, и для брата вашего... я—маньякъ, съ ненужной и вредной затѣей? Скажите! Прямо, рѣзко, но правду!

— Маньякъ! Никогда! Исходить это изъ самыхъ высокихъ побужденій. Но не туда вамъ надо идти. И вѣрьте мнѣ, Борись Ивановичъ, вы на этомъ не остановитесь. Ватиканъ былъ бы темницей свободѣ вашего духа.

— Не знаю,—шепталъ Борись.—Знаю и вижу только одно: вы за мной нигде не пойдете. А безъ общей святости и любви—кошунство!

Борись силился произносить твердо эти слова, а молодое сердце болѣло и порывалось наружу. Онъ взялъ руку дѣвушки, поцѣловалъ ее порывисто нѣсколько разъ и тотчасъ же выпустилъ, почти отбросилъ отъ себя.

Она не стала утѣшать его. Не одна только жалость заговорила въ ней, а и новая тревога женскаго сердца... Такая личность, какъ этотъ христіанинъ конца вѣка—красивый, молоде ея, родовитый, богатый—и выше всего ставящій свои безплотные идеалы. Любовь для него—бракъ, а не временное сожителство или легкая, мимолетная побѣда!

— Не судьба!—выговорила она тихо, точно про себя.—Вы, Борись Ивановичъ, для самыхъ лучшихъ изъ насъ—слишкомъ чисты. И право, я не стою... вашего чувства. Вы думаете,

я сама знаю, гдѣ лежитъ мое счастье? Ни одна изъ насъ этого не знаетъ. Ни одна! И не дано никому выбирать свою судьбу.

Борисъ приподнялся и чуть-было не крикнулъ ей:—Замолчите!—Такъ нестерпимо горько дѣлалось ему.

Ни единого звука не находилъ онъ въ себѣ. Даже приходъ Пѣнскаго былъ бы для него облегченіемъ.

Въ дверь постучали два раза. Это былъ условный знакъ между Пѣнскимъ и Олимпіадой Петровной.

— Вамъ стучать,—чуть слышно вымолвилъ Борисъ и указалъ рукой на дверь.

— Ахъ, да, это Осипъ Яковлевичъ!

И сконфуженно она побѣжала къ двери.

ХІІІ.

Французъ-привратникъ на „Villa Medici“ только-что пропустилъ въ ворота сада двоихъ русскихъ: „les deux princes“—какъ онъ называлъ частыхъ посѣтителей сада—не въ тѣ дни и не въ тѣ часы, когда пускаютъ публику.

На площадѣ въ обрыву, идущему вдоль сосѣдней виллы Боргезе, на своей любимой скамьѣ—сидѣлъ князь Иванъ; а Борисъ стоялъ у каменной ограды и смотрѣлъ вкось на фасадъ виллы.

Она выступала вся розовато-сѣрая, съ лѣпными украшеніями, мшистыми отъ времени, въ своемъ затѣйливомъ и величавомъ пошибѣ эпохи Возрожденія. И такъ шла къ нему вся эта часть сада—съ цвѣтникомъ, суховатымъ и какъ бы застывшимъ въ ясной зелени.

Былъ часъ прогулки пансіонеровъ Французской Академіи—послѣ ихъ завтрака.

Въ вѣковыхъ подстриженныхъ аллеяхъ мелькали темныя фигуры молодыхъ людей.

Бориса привелъ сюда отецъ, почти насильно вытащивъ изъ комнаты, гдѣ онъ просидѣлъ—безвыходно два дня. Князь боялся, что онъ заболѣетъ, и просилъ Мѣдникова навѣстить его. Профессору Борисъ ни на что не жаловался, серылъ и то, что онъ обѣ ночи провелъ безъ сна.

Сердце князя чуяло что-нибудь особенное, какой-то ударъ. Онъ не допрашивалъ сына; а Борисъ стыдился излиться передъ нимъ, выплакать свою утрату. Вотъ уже недѣля прошла, какъ сестра Пахомова уѣхала въ Россію, вмѣстѣ съ Пѣнскимъ.

Не хотѣлъ онъ въ эту минуту носиться съ собою; но и не могъ уйти отъ своего „я“. Глубоко завидовалъ онъ вонъ тому брюнету, въ короткомъ плащѣ и бѣломъ фланелевомъ беретѣ, который ходитъ съ книжкой взадъ и впередъ по одной изъ боковыхъ аллей. Онъ живописецъ, или музыкантъ, или зодчій, ваятель. Весь онъ живетъ ощущеніями прекраснаго. Не надо ему людей, ничего онъ не ищетъ, кромѣ передачи своего творческаго замысла въ краски, въ линіи, въ мраморъ, въ мелодіи.

Какъ этотъ Римъ, разметавшійся вокругъ на своихъ холмахъ, ласкалъ его душу, въ первые дни прогулокъ и поѣздокъ! А съ тѣхъ поръ какъ пошли люди—его душа истерзана, и его святая святыхъ куда-то уходитъ, точно для нея нѣтъ никакой „скиніи“.

Онъ повернулъ голову, отошелъ вбокъ и долго молча глядѣлъ на отца.

Князь сидѣлъ на углу каменной скамьи и читалъ книжку, принесенную съ собою.

Въ его позѣ и лицѣ не было ничего тревожнаго или печальнаго, подавленнаго. Но Борису вдругъ стало до слезъ *жаль* его—совершенно такъ, какъ когда-то на водахъ, два съ половиной года назадъ, передъ пріѣздомъ Мѣдникова. Онъ вспомнилъ тотъ вечеръ въ саду... горькую думу объ отцѣ и разговоръ съ матерью, позвавшей его въ салонъ для объясненія.

Съ тѣхъ поръ онъ совсѣмъ потерялъ мать. Онъ не пошелъ къ ней проститься. Слишкомъ былъ онъ возмущенъ за отца. Всю свою нѣжность онъ обратилъ исключительно на него. И его страстно влекло къ этому единственному дорогому существу, не ушедшему и здѣсь, въ Римѣ, куда онъ пріѣхалъ отдыхать душой, отъ новой печальной схватки съ людьми, ихъ злобностью, задоромъ, предразсудками, жадностью, грязью.

Въ то же время отецъ, разсѣянно проводя глазами по строкамъ страницы, думалъ не о себѣ, а о сынѣ, хотѣлъ окликнуть его, привлечь къ себѣ и выслушать исповѣдь его сердечной скорби.

И обоимъ держалъ скованными странный стыдъ.

Борисъ присѣлъ на другой край каменной скамьи и оглянулъ даль, сквозь ожерелье стройныхъ пиній съ бархатистыми зонтиками своей хвои.

Мягкое весеннее солнце накидывало на всю подгородную панораму золотистую пелену—прозрачную и кое-гдѣ какъ бы съ розовато-молочнымъ отливомъ.

Вонъ тамъ Monte-Mario, съ сѣрѣющей каменной глыбой, а

лѣвѣе—пологія высоты надъ Ponte-Molle, котораго не видно съ площадки. Оттуда сотни лѣтъ всякій пришлецъ и путникъ, жаждавшій видѣть вѣчный городъ, могъ слышать возгласъ:

— Ессо Roma!

И бѣлесоватый куполь Петра выплывалъ передъ нимъ въ легкой дымкѣ и ласкалъ его.

Что-то тихое и горестное, не богатое красками и линіями, но величаво прекрасное, размягчало душу, не давая ей уходить въ себя.

— Какъ хорошо! Господи!—чуть слышно вырвалось у Бориса, и онъ—по своей нервной привычкѣ—закрылъ блѣдное и исхудалое лицо ладонями.

— Да, милый! Чудесно! — отозвался князь, отложилъ книгу и придвинулся къ сыну.—Только у тебя на сердцѣ не такъ, да?

Онъ взялъ его за плечо и привлекъ къ себѣ, заглядывая ему въ лицо.

— Дитя мое,—заговорилъ князь,—ты страдаешь. Ты боленъ душой. И я знаю, что твой слабый организмъ не выдержитъ.

Онъ еще крѣпче обнялъ сына и придвинулъ его къ себѣ.

— *La nature... les choses sont sublimes ici; les hommes—misérables ou lâches comme partout,* — съ горечью промолвилъ онъ и поникъ головой.

Борисъ молчалъ. Стыдъ все еще сковывалъ его. Какъ бы онъ бросился на шею тому, кто все пойметъ и все проститъ!

— Ты узналъ страсть,—чуть слышно сказалъ князь.—И, вѣроятно, ты нашелъ только боль на днѣ этого напитка—се philtre,—перевелъ онъ своимъ когда-то любимымъ словомъ.

— Обо мнѣ не стоитъ,—прерывисто выговорилъ Борисъ, сдерживая волненіе.

— Какъ не стоить? О комъ же и стоить, какъ не о тебѣ, Боря? Ты достоинъ счастья. Но гдѣ оно? Налетитъ un coup de passion—и даже такого, какъ ты, не пощадитъ. Но тебя страсть не загубитъ, дитя мое. Только бы физическія силы выдержали. Твой идеалъ слишкомъ высокъ. Онъ переживетъ всякую страсть... Женщинѣ не суждено обратить тебя въ постыдное рабство.

Тутъ Борисъ остановилъ отца, схвативъ его за руку.

Ему захотѣлось крикнуть:—„Замолчи, не надо мнѣ утѣшеній“! Но эти слова не сошли съ его трепетныхъ губъ.

— Прошу тебя, отецъ, не будемъ говорить обо мнѣ.

— Боря, другъ мой! Развѣ я хочу вторгаться въ твою душу?

Но вѣдь ты сталъ неузнаваемъ! Нельзя же тебѣ все подавлять въ себѣ. Брось ложный стыдъ!

Голосъ князя дрогнулъ.

— Насъ всего двое. Есть у насъ такой превосходный другъ, какъ Илья Ѳедоровичъ. Не скрывай хоть отъ него твоихъ душевныхъ испытаній, если ты боишься разстроивать ими меня.

— Заживеть, заживеть, папѣ!—совсѣмъ почти по-дѣтски вырвалось у Бориса, и онъ обернулся лицомъ къ нему и взялъ его за обѣ руки. Не обо мнѣ, а о тебѣ, папѣ, хотѣлъ бы я сказать то, что здѣсь накопилось во мнѣ.

— Спасибо, родной... но что же обо мнѣ сокрушаться? Я съ полнымъ правомъ скажу, какъ ты самъ,—не стоить!

— Какъ не стодить? — вскричалъ Борисъ и потрясъ руку отца.—Ты теперь лишенъ свободы... ты обрекъ себя на добровольное изгнаніе.

— Зачѣмъ такъ громко? Какъ Пилать сказалъ: „еже писахъ, писахъ“,—такъ и я... Только у меня совсѣмъ наоборотъ выходитъ—„того, чего не хочу—не напишу“. Ха, ха! Вотъ вѣдь и все, голубчикъ!

— Я не могу этого допустить, отецъ!

Борисъ выпустилъ руку князя изъ своихъ и продолжалъ все горячѣе:

— Ты наложилъ на себя эти цѣпи. И долженъ теперь томиться здѣсь, или въ другомъ мѣстѣ, за границей, а ты любишь родину... я знаю. Ты станешь томиться, папѣ! Все одинъ, съ книгами и своими мыслями.

— Человѣчество велико, Боря!

— Но зачѣмъ тебѣ накладывать на себя такой зарокъ? Ты не захотѣлъ давать обязательства, которое попирало твою духовную свободу. Передай мнѣ то, что ты у себя дома считалъ хорошимъ и честнымъ дѣломъ, не боясь никакихъ преслѣдованій.

— Тебѣ? Съ какой стати?

— Отецъ!—почти тономъ мольбы заговорилъ Борисъ.—Для тебя это только принципъ терпимости, а не дѣло вѣрованія, не прямая заповѣдь Спасителя.

— Положимъ. Но и для тебя, Боря, всѣ тѣ, кого я сталъ поддерживать тамъ и не оставляю здѣсь, пока буду жить—скорѣе заблудшія овцы. Для тебя истина—только во вселенской церкви.

— Путемъ благодати, а не насилія, я буду исполнять все, что ты мнѣ доверишь. Я могу свободно ѣздить туда.

— До поры, до времени. Не пройдетъ и полугода, и ты

также, можетъ быть, очутишься въ моей альтернативѣ... и, разумѣется, ты поступишь, какъ твой бѣдный, непутѣвый отецъ.

— Это твое рѣшительное слово? — спросилъ Борисъ, глядя пристально на князя, и опять вялъ его за обѣ руки.

— Рѣшительное, дитя мое. Моя жизнь идетъ на ущербъ... Ты одинъ мнѣ остался... На чтѣ же ты меня-то обрекаешь, еслибъ мы съ тобой обмѣнялись ролями? И безъ того—голосъ князя перехватило—и безъ того я долженъ быть готовъ на все. Твоихъ завѣтовъ я не раздѣляю. До сихъ поръ я не мѣшалъ тебѣ ни въ чемъ, ты знаешь. Сколько разъ Илья Федоровичъ—онъ тебя нѣжно любить—указывалъ мнѣ на то, что и тебя могутъ обезпokoить,—протянулъ князь.—При твоей пылкости, при силѣ твоего духа ты не остановишься на полъ-пути. И этого довольно, голубчикъ, а ты еще настаиваешь на томъ, чтобы мы обмѣнялись ролями. *P ne manqueraît que ça!*

Князь сначала тихо засмѣялся, а потомъ высвободилъ свои руки и порывисто обнялъ сына.

И тутъ только Борисъ не выдержалъ и беззвучно зарыдалъ.

Никто не былъ нескромнымъ свидѣтелемъ этой сцены. Садъ совсѣмъ опустѣлъ.

Тѣни стали ложиться длиннѣе, темно-синія отъ пиній, на волнистыхъ низинахъ; а въ дорожкахъ сада совсѣмъ сгустились. И только полоса заката растопленнымъ золотомъ лизнула мшистые рельефы фасада виллы Медичи.

— *T'es stupide, mon petit!*—вполголоса воскликнулъ князь, оправляя на сынѣ разметавшіяся крылья его накидки.—Чему быть, того не миновать! Спасибо за то, что ты не сталъ таяться отъ твоего отца! Спасибо! Объ одномъ прошу тебя—не въ службу, а въ дружбу: если ты, здѣсь ли, или тамъ у насъ... за кордономъ, какъ говорятъ поляки—надумаешь что-нибудь такое фактическое—у насъ говорятъ: оказательство... недурно слово, а?—ты предварительно придеши и скажешь мнѣ. Отъ меня запрету не будетъ. Но знать я хочу, и ты мнѣ въ этомъ не откажешь.

Борисъ, безъ словъ, наклонилъ голову.

— А теперь, идемъ! Ты къ этой мѣстности не привыкъ, какъ я, и можешь схватить малярію.

И заботливо князь застегнулъ ему пальто и повелъ къ выходу, по крутой аллеѣ, спускающейся къ Пинчіо.

XIV.

Выйдя изъ тѣсноватой и модной „Via Condotti“, Людмила Полуянова остановилась на углу площади и оглянула ее вправо и влево.

Когда она поднималась къ „Piazza di Spagna“ — изъ стоявшей въ тѣни узковатой улицы, какъ въ расщелинѣ, выступила лѣстница съ ея подъемами и площадками надъ Берниніевской „баркой“, а вверху обелискъ и кампаніллы церкви S. Trinita de' Monti — все это точно рдѣющее на солнцѣ.

Людмилѣ эта каменная декорація пріѣлась не менѣе опостылѣвшей „Via Condotti“, куда она, то въ экипажѣ, то пѣшкомъ, съ графиней или одна, то-и-дѣло завертывала за всякой всячиной — всего чаще въ аптеку, считающуюся самой лучшей въ Римѣ.

И всѣ-то витрины лавокъ примелькались ей до тошноты и въ этой улицѣ, и на площади: мозаики, акварели, картины масляными красками, фотографіи, статуэтки, миниатюрныя руины изъ желтой композиціи. И все одно и то же: папа во всѣхъ видахъ, императоръ Траянъ, Колизей, портики съ Форума, арки, жанровыя группы, пифферары, альбанскія крестьянки, семинаристы въ красномъ, копія съ мадоннъ, иллюминированныя картинки съ Авроры Гвидо Рени, изъ Казіно Рѣспильѳи, и ангеловъ, съ трубами, Беате Анжѣлико...

...А потомъ, опять фотографіи, фотографіи, фотографіи, въ перемежку съ римскими шарфами, шитыми полотенцами, фулярами и плюшевыми одѣялами.

...И непремѣнно вокругъ фонтана и по ступенькамъ лѣстницы — модели: старухи и старики, бабы и дѣвушки, подростки-мальчишки и дѣвочки въ надоѣвшихъ пейзажныхъ нарядахъ. Она нѣкоторыхъ знала давнымъ-давно: косматаго пифферара съ синимъ плащомъ и шляпой гречневикомъ, какъ у приволжскихъ мужиковъ, и рыжую дѣвку съ нахальными глазами и толстымъ платкомъ, навьюченнымъ на головѣ, и двухъ красавчиковъ въ зеленоватой и темно-малиновой плисовыхъ курткахъ, попрошаекъ, дерзкихъ и слащаво рисующихся...

Не дальше, какъ третьягодня, одна каплюшка — совала ей все въ руку букетъ фіалокъ, и когда она ей сказала: „Va via!“ — та сдѣлала ей гримасу и стала кричать:

— Canaglia, canaglia!

Людмила Васильевна засмотрѣлась, однако, на всю площадь.

Противъ нея, по обѣ стороны лѣстницы, стѣны домовъ и отелей грѣлись на солнцѣ. Вся середина площади пестрѣла яркимъ ковромъ цвѣточныхъ кустовъ, букетовъ, цѣлыхъ сноповъ желтыхъ и красныхъ розъ, ранней сирени, фіалокъ, хризантемъ — золотистыхъ и другихъ яркихъ колеровъ. Все это скучилось около павильона съ продажей газетъ. Кругомъ сновали пѣшеходы; коляски и ландо проѣзжали взадъ и впередъ. Вправо, за колонной „Беспорочнаго-Зачатія“, выступалъ грузный темнобурый фасадъ „Пропаганды“. Лѣвѣе отъ лѣстницы отель и еще отель точно купались въ розоватыхъ лучахъ, отраженныхъ покрашенными въ нѣжную краску стѣнами. Еще лѣвѣе—контора Кука и кабинетъ для чтенія, куда не перестаютъ входить англичанки. И среди вывѣсокъ съ итальянскими словами и фамиліями—выступаетъ золотыми буквами нѣмецкое имя портного: Schraider.

Это была самая бойкая дообѣденная пора Рима для пріѣзжихъ со всего свѣта, для того „космополиса“, который слетался сюда послѣ новаго года и вплоть до конца апрѣля. Тогда дѣло пересѣкали площадь поперекъ экипажи съ дамами въ яркихъ шляпкахъ и навидкахъ. Къ угловому дому, влѣво отъ лѣстницы, подъѣзжали безшумно ландо и викторіи на резинахъ. Туда шла и Людмила къ модной чайной, „tea-room“, гдѣ съ пятого часа бываетъ самая избранная публика форестьеровъ.

Ей надо было перейти черезъ площадь. Подъѣздъ чайной приходился прямо противъ того мѣста, гдѣ она стояла.

Графиня Порѣцкая просила ее купить въ этой „tea-room“ чаю и настоящихъ англійскихъ бисквитовъ для Бориса. Вотъ уже болѣе недѣли, какъ онъ боленъ. У него припадки малярии въ самой тяжелой формѣ—головная невралгія съ потерей силъ и бессонницей. Князь Иванъ Романовичъ очень встревоженъ. Лечить самый извѣстный здѣсь докторъ, вонъ тотъ, что живетъ на этой же площади, около фонтана, подъ руководствомъ профессора Мѣдникова.

Графиня навѣщаетъ племянника по два раза въ день. Людмила вызвалась читать больному, въ тѣ часы, когда ему дѣлается лучше, къ вечеру. Сестры милосердія онъ не пожелалъ имѣть при себѣ.

И вотъ она опять въ семействѣ Елатомскихъ. Но въ какомъ качествѣ? Почти-что сидѣлка. Князь съ ней вѣжливъ; но онъ не довѣряетъ ей. Какъ-то странно держится и профессоръ. Больной не тяготится ею, но и не говоритъ ни о чемъ, что дало бы поводъ хоть немного расшевелить его. Она знаетъ, что онъ влюбился тутъ въ сестру художника, изъ петербургскихъ

курсистокъ; значить, этого святошу совсѣмъ не такъ трудно захлестнуть.

Сегодня Римъ волновалъ ее и бѣсилъ, особенно вотъ здѣсь, на „Piazza di Spagna“, своимъ свѣтомъ, красками, движеніемъ, живописностью — картиной жизни разноязычнаго богатаго космополиса.

И она сдумѣла бы ѣздить въ викторіи на кровныхъ лошадяхъ съ ливрейной прислугой, открыть у себя салонъ и заставить говорить о своемъ умѣ, наружности, туалетахъ, успѣхахъ.

Но ничего „не выгорѣло“. Такъ она выражалась на своемъ пестромъ жаргонѣ, когда мысленно говорила сама съ собой.

Пріѣздъ сюда княгини Елатомской съ дочерью и старшимъ сыномъ вышелъ для нея „сплошной обидой“ — точно она не существовала, — хуже прислуги. А вѣдь еще не такъ давно она была какъ бы старшей подругой Елены, принадлежала къ ихъ кругу, могла сдѣлаться невѣсткой княгини, еслибы тамъ, на водахъ, болѣе умѣло повела свой флѣртъ съ княземъ Романомъ.

И никто о ней не вспомнилъ, подѣ тѣмъ предлогомъ, что графиня Порѣцкая совращаетъ Бориса; а она у нея живетъ на положеніи компаньони. Княгиня ни разу не навѣстила кузину своего мужа и даже, какъ слышно, грозила ей черезъ какое-то официальное лицо. Елена, встрѣтившись съ ней на Пинчіо, сдѣлала видъ, что не узнала ее. Князь Романъ даже не встрѣчался. Венгерка, изъ опереточныхъ пѣвицъ, какая-то „баронесса“ Хорватъ, вытянувъ изъ него все, что могла, живетъ теперь здѣсь съ какимъ-то нѣмецкимъ владѣтельнымъ княземъ-красавцемъ, и Романъ играетъ при ней роль не то Альфонса, не то повѣреннаго по дѣламъ. Ему слѣдовало уже давно вернуться къ своей должности; а онъ все еще болтается въ Римѣ.

Онъ ли, другой ли, но того, что французы называютъ „le tremplin“ — той доски, съ которой можно сдѣлать прыжокъ вверхъ, нѣтъ и не предвидится.

У ея теперешней „барыни“ — она уже такъ называетъ графиню — жить лучше, чѣмъ было бы въ Россіи, въ гувернанткахъ или demoiselles de compagnie. Она — чудиха, безъ царя въ головѣ, восторженная и шалая, воображающая, что выполняетъ какую-то „миссію“. Можно было бы поддѣлаться къ ней и поиграть на ея католичествѣ; но до этого она не желаетъ доходить. Другое дѣло — разный народъ, съ которымъ черезъ нее есть случай знакомиться.

Но за границей мужчины всѣ ловятся на тщеславіе, прыгаютъ передъ титуломъ и положеніемъ гораздо больше, чѣмъ у

насъ. Какъ только онъ распознаетъ, что ты — бѣдная дочь „благородныхъ родителей“, сирота и на положеніи мамзели — ты уже въ глазахъ его только дичъ, за которой можно, при случаѣ, поохотиться. Или надо очутиться извѣстной кокоткой, съ репутаціей. Тогда они будутъ пресмыкаться передъ тобою и нести тебѣ деньги, честь, имя, здоровье, все.

Да, она уже доходила до вопроса: не превратиться ли въ „*marchande de sourires*“, какъ нѣжно величаютъ себя нѣкоторые изъ этихъ грѣшницъ? Въ ней накопилось достаточно озлобленности, чтобы такими вопросами не смущаться. Кругомъ въ этомъ титулованномъ и высоко-элегантномъ космополисѣ она все презираетъ и ненавидитъ. Развѣ стоить на кого-нибудь или за кого-нибудь положить свою душу? Уже лучше выдрессировать изъ себя ханжу и — если вѣришь въ будущую жизнь — „*travailler pour son salut*“.

Людмила вошла въ чайную — прохладную комнату, отдѣланную японскими тканями, съ маленькими столиками вдоль стѣнъ и по срединѣ. Во второе отдѣленіе вела лѣсенка съ нѣсколькими ступенями. Тамъ тоже стояли столики.

Модный часъ tea-room только-что начался. У трехъ столиковъ сидѣли дамы, дѣвицы, подростки. Мужчина былъ всего одинъ — старенькій, бритый, съ отвислыми сѣдыми бакенбардами, съ красной ленточкой въ петлицѣ — какой-нибудь французъ-клерикаль.

Англичанки щебетали чуть слышно; гораздо громче болтали американки, пестро одѣтыя, слишкомъ развязныя и рѣзкія въ движеніяхъ. Людмила давно умѣла различать ихъ въ первую же минуту: по выговору, лицамъ, манерѣ одѣваться и держать себя въ публикѣ.

— American people! — презрительно выговорила она про себя, усаживаясь въ темный уголокъ, съ низкой ширмой.

Она купила все, что ей нужно было; но ей захотѣлось спросить себѣ чаю и немного посидѣть въ этомъ сборномъ пунктѣ „форестьеровъ“.

Американки начали бѣсить ее. Вотъ кто производитъ безстыдную облаву на жениховъ. И сколько ихъ попадаетъ въ маркизы, герцогини и принципессы. Здѣсь каждый продастъ себя за кушъ.

И она, медленно прихлебывая чай, стала перебирать въ головѣ всѣ подробности процесса, на который ходила нѣсколько дней сряду, туда, въ „Филиппины“, въ судъ присяжныхъ. Одинъ такой процессъ дастъ вамъ почувствовать сразу, во что теперь

выродилась римская знать. Тутъ та же купля-продажа. Купили мужа... настоящаго принчипе... въ его родѣ значатся цѣлыхъ три папы. Маман его—форменная мошенница. Сыну невѣсту высватала другая княгиня—его любовница. И въ эти два-три года невѣсту облупили какъ липку. Она дошла до того, что не ѣла по двое сутокъ... а на Пинчіо своимъ порядкомъ вывозятъ ее на шинахъ и съ ливрейнымъ гайдукомъ. Какая грязь! Какой позоръ! Жадность, шантажъ, подметныя письма, брошюры... цѣлые потоки высоко-аристократическихъ помой. И все это въ порядкѣ вещей... Мужчины только хихикаютъ и повторяютъ:

— *Che volete? Tutto si cambia! Tutto si vende!*

Все продажно! Все идетъ въ обмѣнъ!

И блестящіе, какъ алмазы, глаза Людмилы съ сосредоточенной злостью глядѣли на одну изъ американокъ—рослую, худую, гибкую въ тѣлѣ, въ красной мантильѣ, расшитой по всѣмъ швамъ, съ зелеными длинными глазами и вздернутымъ носомъ.

„И ты, голубушка, купишь себѣ какого-нибудь потомка папы Бонифація VIII или Григорія XII. И онъ тебя доведетъ до того же. Такъ тебѣ и надо, дура, презрѣнная выскочка!“

У этой миссъ „тятенька“ какой-нибудь свиноводъ изъ Чикаго, а у нея — Людмилы Васильевны Полуяновой — прадѣдъ былъ екатерининскій „генераль-аншефъ“, и фамилія ея споконъ вѣка занесена въ бархатную книгу російскихъ дворянскихъ родовъ.

А умри ея графиня или повздоръ съ нею — и очутишься компаньонкой при этой же миссъ-американкѣ, которая выторговывала себѣ жениха.

И противные туалеты всѣхъ трехъ американокъ нестерпимо дразнили ее. Она оглянула себя, свое дешевенькое боа изъ фальшивыхъ перьевъ, и кофточку, купленную на Корсо, у Fratelli Воссони—за тридцать-пять лиръ, и шляпку, наполовину сооруженную своими средствами.

Она получаетъ ренту съ деньжонокъ, оставленныхъ ей старухой-княгиней, ничтожную, которой еле хватаетъ на бѣдный, вымученный туалетъ, даже за границей, гдѣ можно все-таки вдвое дешевле одѣваться, чѣмъ въ Россіи.

То ли дѣло было бы, еслибы она, съ ея лицомъ и всей тѣлесной повадкой, вмѣсто всѣхъ этихъ тряпокъ носила какой-нибудь обязательный нарядъ? И передъ нею встала, какъ живая, фигура „сестры“ изъ католичекъ — англичанки, видѣнной ею недавно,—ея свѣтло-голубое покрывало и головной уборъ. Какъ это шло къ ея нѣжному лицу и тонкимъ чертамъ, и тихому, сладкому голосу. И какъ выгодно для каждой женщины ходить

съ припрятанными подъ бѣлый уборъ волосами, вмѣсто вынѣшнихъ безобразныхъ кокошъ на лбу и какихъ-то собачьихъ лохматыхъ ушей на каждомъ вискѣ.

И вдругъ ей вспомнились два женскихъ образа, въ игрѣ двухъ талантливыхъ русскихъ актрисъ: одной въ Петербургѣ, другой въ Москвѣ—лицо Раисы въ „Волкахъ и Овцахъ“ Островскаго. Кто-то ее называлъ, не такъ давно, этой самой Раисой. Какъ рельефно всплыла передъ ней вся эта бытовая фигура—въ первой половинѣ пьесы, когда она одѣта монахиней-бѣлицей и напускаетъ на себя смиреніе, состоя въ такомъ же почти качествѣ при хищной помѣщицѣ-ханжѣ, какъ она при „графинюшкѣ“.

И какъ та же Раиса выходила ординарна, въ послѣднемъ дѣйствіи—разодѣтая барынькой, подцѣпившей себя провинціального облома.

Какого же еще ждать „момента“, какъ ея теперешняя роль при князѣ Борисѣ? Вѣдь увлекся же онъ самой, на ея оцѣнку, заурядной курсисткой? Не женщину ищетъ душа его, а „діакониссу“, существо, способное идти съ нимъ рука въ руку въ „достиженіи его упованій“,—выговорила про себя Людмила, передразнивая языкъ и голосъ „князиньки“.

Это слово „князинька“—не ея. Такъ зоветъ Бориса откуда-то явившійся его товарищъ, котораго она третьягодня затруднилась-было допустить до него.

А въ тотъ же вечеръ этотъ „неуважай-корыто“ уже попибалъ съ ней чаекъ въ комнатѣ рядомъ, когда больной ушелъ къ себѣ, и говорилъ ей безперемонно, пріятельскимъ тономъ, точно они вмѣстѣ росли:

— Милая барышня... вамъ бы все это бросить... все это парлѣ франсѣ и прозябаніе „при“... вотъ при всѣхъ этихъ княгиняхъ и графиняхъ. Къ намъ идите...

— Къ кому?—спросила она его вызывающе, желая показать ему, что она его не боится.

— Къ намъ,—повторилъ онъ съ улыбкой, скручивая папироску пожелтѣлыми пальцами:—къ тѣмъ, для кого все старое, сгнившее общество подлежитъ истребленію.

Онъ такъ это выговорилъ отчетливо и безстрастно, что у нея мурашки пробѣжали по спинѣ.

— Пойти къ нимъ?—спросила она подъ шумъ болтовни американокъ. Она бы ничего не испугалась; но ее не тянетъ.— Не стѣять!—выговорила она спокойно.—Не стѣять очутиться въ упрямнителяхъ стараго общества. Ничто ничего не стоитъ.

Люди всѣ или почти всѣ—дрянь!—Ей и не нужны люди. Но за что же отказываться отъ того, что этой дряни дано глупой, неразборчивой судьбой, а ей нѣтъ?

Она допила первую чашку и налила себѣ вторую. Глаза ея обратились къ окнамъ на площадь. Подлетѣла коляска къ подъѣзду чайной; изъ нея вышли трое: молодая женщина въ парижскомъ пальто и двое мужчинъ.

Второй изъ нихъ былъ князь Романъ Елатомскій.

Людмила поблѣднѣла и откинулась вправо, такъ что голову заслонила половина ширмы.

Они говорили громко, по-французски, перебивая себя русскими фразами. Сейчасъ Людмила признала въ ней русскую „кутилку“, недавно вышедшую замужъ, изломанную „на манеръ Режанъ“, съ тономъ полувокотки. Мужъ ея смотрѣлъ болѣзненнымъ: безусый, безбородый, землистаго цвѣта, весь какъ-то перекошенный. Князь Романъ рядомъ съ нимъ могъ сойти за богатыря.

„Въ Альфонсы и къ этой поступить“,—сейчасъ же рѣшила Людмила, и все это тріо сразу выяснилось передъ нею. И она могла бы тутъ же предсказать, какъ князь Романъ развратитъ эту барыню и черезъ нее станетъ вытягивать изъ разслабленнаго мужа тысячные банкноты.

Они сѣли за столъ, около самой двери. Молодая женщина, сейчасъ же, по-русской манерѣ, приблизила лорнетъ къ хорошенькимъ глазамъ своего немного татарскаго личика. Князь пошелъ позвать служителя. Мужу она что-то шепнула и вдругъ они разомъ снялись съ мѣста.

— Prince! — крикнула она ему громко, хриплымъ низковатымъ голосомъ. — Nous nous esquivons pour quelques secondes. Поднимемся къ себѣ—и назадъ.

— Не обманете?

— Parole!

Людмила сообразила, что они живутъ въ отелѣ, гдѣ-нибудь тутъ же на площади.

Она утащила мужа за рукавъ и забавно кивнула головой князю, при чемъ перья ея шляпы, какъ панаша на лошади въ циркѣ, перегнулись.

Князь, оглядѣвъ всѣхъ, кто пилъ тутъ чай, присѣлъ въ глубь комнаты и довольно громко замурлыкалъ.

— Романъ Ивановичъ! Здравствуйте!—окликнула его Людмила и отставила ширму.

Онъ не совсѣмъ рѣшительно приблизился, въ длиннѣйшемъ своемъ балахонѣ и съ моноклемъ въ глазу.

— Не узнали? — спросила Людмила и сдѣлала ему знакъ присѣсть. — Полноте позировать, — продолжала она и отпила изъ чашки. — Кажется, можно было бы нѣсколько иначе встрѣтиться послѣ такой долгой разлуки.

— Я и не слыхалъ, что вы въ Римѣ.

— А я знала, что вы здѣсь... и для чего, — прибавила она.

— Превосходно!

Онъ внутренне взбѣсился и былъ близокъ къ дерзости.

Людмила допила спокойно чашку.

— Кажется, намъ рѣшительно нечего сказать другъ другу. Или нѣтъ, несовсѣмъ такъ. Я вотъ сейчасъ видѣла васъ въ обществѣ русскихъ „пшкотовъ“ и подумала: съ Людмилой Полуяновой князь Романъ Ивановичъ не кончилъ бы такъ, какъ онъ кончаетъ на холостой свободѣ.

— То-есть, какъ же это? — съ глухимъ смѣхомъ спросилъ онъ.

— Вы сами знаете — какъ.

И ее противъ воли понесло.

— Всѣ тѣ женщины, съ какими вы будете путаться — pardon, за неизящное слово, вы вѣдь знаете, я по части языка неисправима — всѣ или такія, какъ не безъизвѣстная вамъ баронесса Хорватъ, или вотъ такія, какъ эта барынька. Или онѣ изъ васъ, или вы изъ нихъ должны извлекать ренту. Ха, ха...

— Вы не научились быть менѣе злы и дерзки? — сквозь зубы выговорилъ онъ.

— Ахъ, Господи! Да вы первый сочли бы меня дурочкой, еслибъ я иначе могла говорить съ вами, милый князь. Но только не извольте воображать, что во мнѣ клокочетъ месть жепщины, — произнесла она дурачливо, по театральному. — Не я на васъ, а вы на мнѣ промахнулись. Сдѣлай вы меня два года назадъ своей... ну, законной сообщницей, что ли — вы бы были теперь главой рода Елатомскихъ и владѣли бы своимъ маіоратомъ. А теперь вы съ тапачъ вашей... ничего не добились, и не добьетесь. Увѣряю васъ!

Она встала и бросила ему на ходу:

— Будьте здоровы!

— Благодарю васъ, — иронически отвѣтилъ князь и опять въ восторгъ разсмѣялся.

Людмила расплатилась, и въ дверяхъ ее задержала возвращающаяся русская пара.

XV.

Раззолоченную церковь „Jesu“—часовъ около четырехъ полудни—наполняла густая толпа. Вся середина была заставлена стульями. Вдоль всѣхъ капеллъ и на площадѣ между входными дверями толпились тѣ, кому пришлось стоять.

На возвышеніи, обитомъ сукномъ, рядомъ съ каедрой, черная плотная фигура въ сутанѣ священника и берэтъ ходила вправо, влѣво, останавливалась. Съ большими жестами, съ выбрасываньемъ впередъ кулаковъ, лилась звонкая, сочная рѣчь того самаго проповѣдника, про котораго Борисъ слыхалъ отъ своего знакомаго француза-іезуита, живущаго въ домѣ ордена, недалеко отъ „Piazza del Popolo“.

Это не была проповѣдь послѣ службы, а „конференція“, почему и произносилась она не съ каедры, а на особой эстрадѣ. Ея тема была: празднованіе воскресенья, дарованіе трудовому люду воскреснаго отдыха. Починъ шелъ отъ общества римскихъ горожанъ клерикальной партіи, задавшей цѣлью: добиться воскреснаго отдыха путемъ духовной пропаганды.

Въ первомъ ряду стульевъ сидѣли графиня Порѣцкая съ Людмилой и Борисомъ. Изъ-за его плеча выставлялась курчавая огромная голова Хазина.

Слово іезуита-оратора подвигалось уже къ концу. Онъ черезъ каждыя десять минутъ ходьбы по эстрадѣ или стоянья на самомъ ея краѣ садился въ глубинѣ на кресло, у котораго чернѣло Распятіе, обтиралъ лобъ цвѣтнымъ платкомъ и опять начиналъ.

Вступленіе его было обращено къ Ватикану, къ „узнику“, и сразу раскатисто и гнѣвно, онъ сталъ громить эту мірскую, самозванную власть, которая держитъ святую церковь въ оковахъ и душить ее своимъ тиранствомъ.

Хазинъ, переглянувшись съ Людмилой, толкнулъ Бориса подъ локоть и шепнулъ:

— Попробоваль бы ты, езовить, кое въ какомъ другомъ государствѣ такъ разносить эту самую власть. Показали бы тебѣ...

Борисъ слушалъ съ полузакрытыми глазами. Онъ сидѣлъ осунувшись, въ плащѣ съ капюшономъ и съ фуляромъ на шеѣ. Малярія его уже не мучила, но оставила послѣ себя слабость. Слушать оратора іезуита предложила ему тетка. Хазинъ при-
мѣнулъ къ нимъ уже въ церкви, куда зашелъ не случайно.

За вступленіемъ, которое, какъ и Борисъ признавалъ, составляло—на самый снисходительный взглядъ—подстрекательство въ отертому бунту противъ правительства объединеннаго королевства, патэръ перешелъ къ современному обществу, и тутъ свою репутацію „соціалиста“ онъ поддержалъ въ такой степени, что и Хазинъ, жадно слушавшій его, безпрестанно восклицалъ, шопотомъ:

— Ловко! Ай да езовить! Такъ ихъ и надо! Поддай имъ, милый человѣкъ!

А тысячная толпа, въ глубокомъ молчаніи, слушала эти безпощадныя обличенія, направленные на нее же—въ ней огромное большинство состояло изъ буржуа, мелкихъ и средней руки собственниковъ-хозяевъ, а не батраковъ. И во всѣхъ углахъ церкви, и по срединѣ ея, около самой эстрады, группами виднѣлись черныя рясы священниковъ, бѣлые и коричневые монашескіе балахоны, разноцвѣтные подрясники семинаристовъ и студентовъ съ цвѣтными кушаками.

Борисъ слушалъ эти немного актерскія, но горячія тирады, звонко разносившіяся по обширной церкви, взглядывалъ на ея роскошную отдѣлку въ стилѣ „барокко“, дѣлавшую ее похожей на салонъ, и ему становилось чудно и ново—воспринимать въ себѣ эти контрасты, немыслимые въ Римѣ тридцать лѣтъ назадъ, ни въ Римѣ, ни въ какомъ другомъ городѣ, ни въ какомъ католическомъ храмѣ. У этихъ самыхъ „езовитовъ“, по прибаутчному жаргону Хазина, въ ихъ главной церкви, съ ея роскошной отдѣлкой, рассчитанной на вкусы и повадки людей сытыхъ, привилегированныхъ, изнѣженно-чувственныхъ, и вдругъ раздаются рѣчи Савонаролы и пророка Іереміи, но не объ однихъ только порокахъ и злодѣніяхъ „рода нечестиваго и лукаваго“, а о капиталистахъ, превратившихъ трудовую массу въ армію илотовъ и рабовъ.

И эта безусловная свобода публичнаго слова—и въ университетской аудиторіи, гдѣ царитъ позитивизмъ, и въ церкви, гдѣ отецъ-іезуитъ работаетъ „ad maiorem romanae ecclesiae gloriam“—еще не волновала его такъ, какъ сегодня, не дѣлала для него Римъ такимъ и жуткимъ, и привлекательнымъ.

Патэръ подбѣжалъ опять къ краю эстрады и, вскинувъ обѣ руки, крикнулъ всѣми легкими:

— Questi Sardanapali del capitalismo!

— Молодецъ! — сказалъ хриплымъ полушопотомъ Хазинъ, такъ что многіе оглянулись на него.

— Тсс! — остановила его Людмила и сказала Борису:— уймите анархиста!

Борись, грустно усмѣхнувшись, взглянулъ черезъ плечо на Хазина.

— Нечего, нечего!—кивнулъ тотъ головой Людмилѣ и довольно громко выговорилъ:— „Сарданапалы капитализма“! Это хоть и нашему брату впору. И Севастьянъ Форъ, въ Парижѣ, сильнѣе не выражается...

Его опять остановила Полуянова, и ея глаза весело и злобно улыбались.

Она сама не удержалась и шепнула Борису:

— Посмотрите! Въ салонѣ сытыхъ буржуа—и такой разность!

Борись оглянулъ еще разъ іезуитски-декорированную церковь. Позади главного алтаря вставлено было, въ ожиданіи праздника Пасхи, громадное небесное сіяніе съ всевидящимъ окомъ, лучами и облакомъ изъ позолоченнаго дерева и картона. И отовсюду—съ карнизовъ, капителей, сводовъ—смотрѣли скульптурныя изображенія съ обнаженными ногами, съ извивающимися торсами и смѣло, во вкусъ версальскихъ нимфъ, откинутыми бедрами и согнутыми локтями.

Онъ долженъ былъ еще разъ сознаться, что контрасты выходятъ слишкомъ уже ярки, до смѣшного.

И вплоть до конца „конференціи“ патэръ, то подбѣгая къ краю помоста, то расхаживая по периламъ, увѣщевалъ толпу, и безъ того убѣжденную въ необходимости праздновать воскресенье, взывалъ къ милости всѣмъ рабамъ современнаго общественнаго строя, гдѣ капиталъ, какъ Минотавръ, все пожираетъ въ своей пасти. Онъ даже охрипъ на послѣднихъ фразахъ, когда тономъ мольбы, плачущимъ голосомъ, угрожая адомъ и скрежетомъ зубовъ въ гееннѣ „Сарданапаламъ капитализма“, онъ возвѣщалъ торжество другого общественнаго строя, гибель пресыщенныхъ пауковъ, пьющихъ кровь всѣхъ отверженниковъ цивилизаціи.

„Развѣ все это смѣлъ бы онъ говорить,—спрашивалъ мысленно Борись,—еслибы тотъ старецъ въ Ватиканѣ не допускалъ такихъ обличеній? Конечно, нѣтъ“!

Но онъ не могъ освободиться отъ двойственнаго, почти жуткаго чувства по прослушаніи этой рѣчи. Что-то не вѣрилось ему въ полную искренность такого пылкаго ратованія за пролетаріевъ, такого обличенія „Сарданапаловъ капитализма“. Другое дѣло—вступленіе, когда патэръ плавалъ объ узникѣ Ва-

тикана и громилъ правительство, сравнивая его чуть не съ временами гоненій Нерона и Діоклетіана!..

Медленно и туго расходилась толпа. Группа русскихъ ждала, пока она будетъ порѣже. Графиню Порѣцкую всю какъ-то подергивало и она безпокойно мигала. Видно было, что патѣръ смутилъ ее не на шутку.

— Вы не пойдете къ нему въ ризницу?—хитро спросила ее Людмила.—Вотъ бы познакомить и князя.

— Ахъ, нѣтъ, душа моя! — нервно заговорила графиня, оправляя свою накидку.—Тамъ теперь не пробиться. Да я и не могу за все его хвалить. И слишкомъ все это похоже на театральную декламацію. Слишкомъ! — *и* не находишь, Боря?

— Немножко есть, *ma tante*.

— Я не думаю, чтобы все это одобряли тамъ!—она провела рукой въ воздухѣ.—Конечно, не все доходитъ до его святѣйшества. И, наконецъ, господа іезуиты очень сильны. Но викарій? Это его дѣло. Правда, онъ такой добрый и мягкій... и старенькій.

Она говорила про апостольскаго викарія, т.-е. кардинала, управляющаго собственно римской епархіей.

И не желая продолжать такой разговоръ въ церкви, графиня спросила Бориса:

— Хочешь, я тебя доведу? Или нѣтъ... Тебѣ это нехорошо. Лучше пройдишь пѣшкомъ... Только не возвращайся... при закатѣ солнца.

Она пошла впередъ, поклонившись издали Хазину, котораго видѣла уже у племянника и сразу стала бояться его.

Людмила, пожавъ вѣрѣчку руку Бориса, спросила:

— Сегодня будемъ читать?

— Благодарю васъ. Но я вѣдь совсѣмъ оправился... Впрочемъ... какъ вамъ угодно.

— Анархистъ торжествуетъ. На его улицѣ праздникъ!

Она кивнула Хазину и поспѣшила за графиней въ порѣдѣвшую толпу, къ правой боковой двери, откуда уже доносились жалобныя причитанія нищенокъ и крики продавцовъ, предлагавшихъ какіе-то листки душепасительнаго содержанія, выпущенные обществомъ, которое устроивало конференцію.

— Гайда къ Араньо?

Хазинъ подхватилъ Бориса и повлекъ его.

— Мы пройдемся по пуншамъ.

— Я не люблю пунша.

— Ну, все равно, чѣмъ другимъ поддержи себя. Хинной

малаги спроси. Тебѣ пользительно. Этотъ первый теноръ компаніи Іисуса разѣрепенилъ меня, хотя я ему ни на грошъ не вѣрю! Но не въ этомъ суть. Обычно или на чистоту, но черная команда работаетъ на насъ куда почище, чѣмъ марксисты—заграничные и свои, доморощенные.

У Араньо въ обоихъ переднихъ помѣщеніяхъ кофейной, въ желтоватомъ свѣтѣ электрическихъ лампочекъ, среди несмолкаемаго шума мужскихъ разговоровъ, шла обычная дообѣденная сутолока.

Хазинъ сидѣлъ съ Борисомъ во второй залѣ, у стѣны, недалеко отъ тѣхъ двухъ столиковъ, гдѣ, въ часы завтрака, сидятъ больше русскіе. Кругомъ, сквозь скорую, глухую или трескучую рѣчь итальянцевъ разныхъ мѣстностей — римлянъ, тосканцевъ, пьемонтцевъ, неаполитанцевъ — проносились, здѣсь и тамъ, звуки нѣмецкаго картаваго спора, или на другой ладъ картавыя готовыя фразы французовъ.

Было очень накурено. Пахло пуншемъ и кофеемъ.

Отъ вина Борисъ разомлѣвалъ. Выпитая имъ рюмка хинной малаги не подвинутила его. Онъ сидѣлъ, положивъ на мраморный столикъ оба локтя, и уныло смотрѣлъ на скученныя передъ нимъ мужскія спины и головы.

Ему, надъ самымъ ухомъ, справа, хрипловато и раздѣльно, не спѣша, говорилъ Хазинъ, прихлебывая ложечкой изъ стаканчика пунша и прерывая свою рѣчь затяжками самодѣльной папирсы.

Его голосъ сливался съ общимъ гуломъ разноязычныхъ разговоровъ.

Борисъ не останавливалъ его, не возражалъ; не выказывалъ никакого нетерпѣнія. Онъ слушалъ не особенно внимательно, но кротко.

— На насъ, извѣстно, эта черная команда работаетъ, и здѣсь, и въ другихъ мѣстахъ; но про себя они свое мекаютъ... И ты, пожалуйста, князинека, не впадай въ дѣтское обольщеніе, не воображай, что они и въ самомъ дѣлѣ желаютъ упраздненія... всеобщей ликвидаціи, какъ мы.

Молча, Борисъ покачалъ отрицательно головой.

— То-то же! Коли хочешь въ этомъ убѣдиться—схлопочи себѣ аудіенцію у самого „узника“. Поведи рѣчь такъ, чтобы онъ изволилъ высказаться насчетъ властей предержащихъ. И онъ тебѣ сейчасъ латинскій текстъ... изъ апостола Павла что-ли... въ кому, бишь? Ты долженъ это знать.

— Къ Римлянамъ, — улыбнувшись отвѣтилъ Борисъ, чуть слышно, — и къ Коринѳянамъ.

— Обязательно! Все это изъ политики дѣлается. У нихъ съ итальянцами драная грамота... и только. Отдай имъ этотъ богоспасаемый градъ и дорожку малую до моря—тогда они сейчасъ же фронтъ перемѣнятъ. А намъ-то, тебѣ-то что за дѣло, скажи на милость? Ужъ я о себѣ и о своихъ не говорю. Но и ты... вѣрующій христіанинъ. Вѣдь ты, князинека, порываешься вернуться къ самой, что ни на есть, чистѣйшей общинѣ первыхъ вѣковъ. Оиваида тебя и та, поди, не уконтѣнтовала бы! Ну, и уходи въ эту самую Оиваиду, коли ты ее гдѣ-нибудь обрѣтешь, но брось свою...

— Затѣю?—съ горечью спросилъ Борисъ.

— А то какъ же назвать? Ну, разсуди. Что же ты изъ себя изображать будешь? Пострижешься, что-ли? Такъ мы съ тобой вотъ въ этой самой комнатѣ сидѣли съ тѣмъ попикомъ изъ благородныхъ. Вотъ онъ выскочилъ и разныхъ дѣловъ на-творилъ. И что же вышло? Разсуди! Начнешь ты у себя дома дѣйствовать—тебя сейчасъ образумятъ. Еще хорошо, если только попросятъ удалиться въ эти края. Вотъ и будешь здѣсь у Араньо тосковать, да къ разнымъ барынькамъ похаживать, да брошюры писать или трактаты. И никто ихъ не станетъ читать, князинека! Или вродѣ того... помнишь здѣсь же, мы обрѣли какого-то хохлика съ Украйны, не то чернеца, не то разстригу,—величалъ онъ себя діакономъ. Это ужъ прямо твой собратъ и единовѣрецъ. Что же, ты его наймешь, что-ли, въ капланы, и общину здѣсь устроите? Ха, ха! Здѣсь насчетъ этого вольготно, но вы только себя будете тѣшить. Изъ-за чего же тратиться, когда здѣсь и безъ того каждое воскресенье русская служба есть у заграничныхъ хохловъ?

Нудно дѣлалось Борису слушать и отъ Хазина все тѣ же возраженія и доводы; но вступить съ нимъ въ разговоръ онъ рѣшительно не могъ. Въмѣстѣ съ слабостью разлилось по нему что-то тягостно-безвкусное и постылое и держало его въ полномъ безвоіи. У него не хватило даже энергіи, чтобы встать и сказать Хазину, что онъ больше не желаетъ сидѣть въ этой духотѣ.

— Ужъ по моему,—все такъ же вѣско говорилъ ему подъ-ухо Хазинъ—лучше совсѣмъ пересѣдлатъ. Тогда ты—воинъ огромной рати! И каждый заурядный ксендзъ—въ гораздо лучшемъ положеніи, чѣмъ ты теперь. Ну, вотъ, взять хотя бы того по-

ляка изъ Галиціи, съ которыми мы здѣсь до поздней ночи калякали. Онъ и пуншъ любить, а ужъ курить—на славу.

Борисъ взглянулъ на Хазина, какъ бы припоминая, о комъ онъ говорить.

— Ну, какъ его... ты самъ же меня съ нимъ познакомилъ? Пше... пшу—не могу припомнить его фамиліи. Онъ молодецъ! Этотъ уже прямой нашъ проповѣдникъ, хоть и отрещивается отъ насъ. Какую онъ кашу заварилъ тамъ, въ Австріи, а? Повелъ одинъ войну съ панами и съ черной братіей за хлоповъ, за быдло, противъ всего, чѣмъ держится сословно-буржуазная машина. Ты, небось, брошюры его и книжечки для народа и календарики читалъ?

Борисъ кивнулъ головой.

— Каковъ? И вѣдь нѣсколько лѣтъ онъ такъ орудуетъ. Его и на цугундеръ, и прихода лишили, и служить запретили, и обжаловали сюда. И ничего! Оправдался! Не дальше, какъ на той недѣлѣ, я съ нимъ въ омнибусѣ ѣхалъ. „Побѣдилъ!“—кричить.—„Въ Ватиканѣ меня обѣлили, ибо я истинный служитель Христа, а не хриstopродавецъ!“—И кандидатуру свою ставить хочетъ въ рейхсратъ! Бороду носить, рясу какую-то вродѣ греческой, и сигарицы курить, и въ общественную ликвидацію вѣрять не хуже нашего брата. Это я понимаю! Но ты, князинека, въ такихъ не очутишься. И замѣть, голубчикъ: онъ, когда и штрафнымъ былъ, чувствовалъ подъ собою почву, принадлежалъ къ генеральному штабу церкви, у которой двухсотмилліонная паства. Но вотъ знаменіе-то времени какое: ужъ, конечно, въ Ватиканѣ стоятъ и за пандовъ, и за буржуа; а все-таки оправдали его, вернули ему его санъ, потому что съ нашей идеей теперь надо ладить, а не брыкаться и не изрекать анаѹему, которой никто уже не боится! Дудки!

Хазинъ выпилъ послѣдній глотокъ, облизалъ губы языкомъ и хотѣлъ-было скручивать новую папиросу; но Борисъ взялъ его за руку и слабымъ, просительнымъ голосомъ вымолвилъ:

— Пожалуйста, извини. Я не могу дольше!

— Нездоровится? Опять пароксизмъ?

— Нѣтъ... но отъ дыму голова...

— Давно бы сказалъ. Cameriere!—крикнулъ Хазинъ проходившему гарсону.—Pagaré!

— Что-жъ, Елатомскій, отповѣдь мою ты слушалъ, но содержанія оной не одобрилъ? Вольному воля!

Въ головѣ Бориса шумѣло, и передъ глазами пошли золотистые круги.

XVI.

— Вы его не замайте, милая барышня... Я вамъ по-просту, по-крестьянски скажу.

— А вы развѣ думаете, что я имѣю на него виды?

Людмила прищурилась на Мѣдникова и поправила складку своего свѣтлаго платя.

Оба они присѣли на луговинѣ, покрытой весенними цвѣтами, около опушки.

Давно они гуляли по аллеямъ и лужайкамъ виллы Даріа Памфили, испытывая обаянія ея красоты, гдѣ сочетаніе величаваго пейзажа съ разнѣренной гармоніей насажденій, по планамъ француза Ленотра, такъ привлекательно.

Разговоръ шелъ о Борисѣ. Мѣдниковъ только-что передъ тѣмъ благодарилъ ее за прекрасный уходъ за княземъ послѣ рецидива, случившагося на-дняхъ. Они предлагали ему сегодня воспользоваться чудной погодой и поѣхать на виллу, открытую только по извѣстнымъ днямъ. Борисъ не пожелалъ.

Вопросъ Людмилы звучалъ шутливо. Тонъ у нихъ былъ уже пріятельскій; но Мѣдниковъ дѣйствительно побаивался за Бориса, считая добровольную „сестру“, проводившую около больного цѣлые дни—опасной.

— Можно съ вами говорить совсѣмъ на чистоту, Людмила Васильевна?—серьезнѣе вымолвилъ онъ.

— А то какже? Разумѣется!

— Боря теперь въ такомъ душевномъ кризисѣ... послѣ сердечнаго удара...

— И сейчасъ же влюбится въ меня? Нѣтъ,—протянула она. — Его евангельская душа чувствуетъ, что я слишкомъ отъ міра сего. Но еслибъ это и случилось... неужели это было бы такимъ несчастьемъ, Ильа Ѳеодоровичъ?

Она оперлась спиной о стволъ дерева и глядѣла на него уже не прищуриваясь, а прямо. Глаза ея, теперь съ матовымъ блескомъ, среди солнечнаго простора, смѣло и пытливо остановились на немъ.

— Вы его полюбить не можете. Его душа будетъ для васъ всегда чужда.

— Ахъ, Ильа Ѳеодоровичъ!—Людмила махнула рукой.—Неужели вы думаете, что это удержало бы меня... и каждую на моемъ мѣстѣ? Мой вопросъ кажется вамъ циническимъ. А онъ только честенъ. Князь Борисъ не такъ брезгливо смотритъ на

меня, какъ два года назадъ... и только. Еслибъ я была его типъ... это бы уже сказалось. Онъ ни чуточки не боится меня. Моихъ чаръ! Ха, ха! Въ немъ дѣйствительно кризисъ... но не любовный. Извините, что я осмѣливаюсь спорить съ профессоромъ психіатріи... Въ него вошло что-то вродѣ сомнѣнія. Вотъ этотъ городъ—она провела рукой по воздуху—смущаетъ его. Со мною онъ на эти сюжеты не говоритъ; но я догадываюсь. Не знаю, какъ вамъ сдается, но я побаиваюсь за него. Ту петербургскую дѣвушку онъ забудетъ. Не въ ней дѣло. А ему нужно что-нибудь, какая-нибудь встряска. Иначе можетъ выйти плохо. Впрочемъ, вы сихъ дѣлъ мастера! И съ моей стороны довольно дерзко остерегать вашъ ученый авторитетъ.

Въ первый еще разъ Мѣдниковъ бесѣдовалъ съ этой дѣвушкой съ глазу на глазъ. Онъ считалъ ее неудачницей, обозленной тѣмъ, что нѣтъ ей мѣста на пиру жизни. Но ему, съ нѣкоторыхъ поръ, правился ея умъ, бывалость, знаніе свѣта, даже ея дерзкій юморъ.

— Такія натуры, какъ Боря — выговорилъ онъ болѣе отзвучивымъ тономъ, — застрахованы отъ душевнаго распада сильнѣе, чѣмъ многіе экземпляры, кажущіеся несокрушимыми. Ихъ питаетъ духъ. Могутъ мѣняться ихъ идеалы, но потребность въ нихъ не изсякнетъ... до конца жизни.

— Вашими бы устами да медъ пить! Слушаю я васъ, Илья Ѳедоровичъ, и говорю себѣ: вѣдь и вы должны нуждаться въ личномъ счастьѣ больше, чѣмъ всѣ мы? Весь свой вѣкъ возиться съ болѣзнями души—какъ надо быть самому здоровымъ душой! А безъ счастья это невозможно!

Она вдругъ разсмѣялась, и ея смѣхъ вызвалъ въ Мѣдниковѣ недоумѣніе.

— Паря держу, что вы подумали: вотъ она куда пробирается... Зондировать мою душу хочеть? Знаемъ мы эти финты!

— Нѣтъ, я этого не думалъ, — полусерьезно отозвался онъ.

— Ну, хоть и на томъ спасибо. Что-жъ! Мы съ вами, быть можетъ, никогда больше не будемъ говорить въ такой чудесной обстановкѣ. Воля ваша, а въ васъ я не чую человѣка... вотъ хоть съ такимъ кусочкомъ личнаго счастья.

И она указала на пальцѣ.

— Я бы сказала, профессоръ, что вы также не отъ міра сего... что вамъ всѣ люди опостылѣли. Жалко вамъ ихъ, и тошно, и жутко возиться съ ними еще много, много лѣтъ... и съ здоровыми, и съ безумненькими.

Она засмѣялась, но тише, и ея смѣхъ задѣлъ какую-то ноту въ душѣ Мѣдникова.

— Может быть, вы не очень далеки от правды,—замѣтил онъ.

— Такъ что выходить... у насъ съ вами та же „доминанта“ — какъ музыканты называютъ? Сильно и мнѣ опостылѣли люди, а уйти отъ нихъ не могу. Все чего-то жду.

— Да все того же кусочка счастья,—тихо подсказалъ Мѣдниковъ.

— Нѣтъ, счастье дается только тѣмъ, кто наивенъ и простъ сердцемъ. Вы скажете: я озлоблена? Пожалуй. Но это не главное. Найди я миллионный кладъ—я не буду жить по чужимъ людямъ. Но люди отъ этого не станутъ ни умнѣе, ни добрѣе, ни интереснѣе, ни чище. Вотъ вы, Илья Ѳеодоровичъ, и ученый, и умный, и много получаете. А личной жизни у васъ нѣтъ. Развѣ не правда?

Она выпрямилась и сложила руки на груди. Мѣдниковъ, въ эту минуту, не глядѣлъ на нее и, въ полулежачей позѣ, наклонилъ голову, а рука его обрывала лепестки розовой маргаритки.

— И намъ съ вами не про кого гадать вотъ на этомъ цвѣткѣ: любить—не любить? „Beaucoup, peu, éponnement“!

— Не замайте и меня, барышня! — выговорилъ Мѣдниковъ вполголоса.—Моя пѣсенка спѣта.

— Какая? Любовная? Или всякая другая?

Онъ ничего не отвѣтилъ.

— Видите, Илья Ѳеодоровичъ, я угадала. Навѣрно, и тутъ виновата наша сестра.

Людмила поглядѣла на него вбокъ.

— Илья Ѳеодоровичъ! — окликнула она его и подалась немного впередъ.—Позвольте маленькую нескромность... и даже большую... Ваши счеты съ высокосіятельной княгиней Евпраксіей Андреевной давно покончены?

Онъ хотѣлъ-было остановить ее вопросомъ: „какіе счеты?“ — но только усмѣхнулся и выговорилъ совсѣмъ просто:

— Давно.

— А дорого обошлись они вашей душѣ?

— Молодость все перерабатываетъ, Людмила Васильевна.

— А тогда... на водахъ... вы ее отлично провели... хоть бы Бисмарку въ пору.

— Похвалы такой не принимаю. И глаголъ вами выбранъ несовсѣмъ удачно.

— Ну простите. Я вѣдь не знаю ничего о вашемъ прошедшемъ... ничего фактическаго. И наконецъ это все... alte Geschichte. А все-таки она—bleibt immer neu! Не можетъ быть,

чтобы вы опять не поймались, и все на томъ же, на чемъ мужчины ловятся. Клянусь вамъ, я ничего не знаю про вашу теперешнюю интимную жизнь; но я—какъ у насъ говорятъ—по глазамъ вижу, что васъ подкузьмила женщина. Вы холостой?

— Нѣтъ, женатый.

— Женатый — какъ слѣдуетъ? Или разводецъ? Я бы сказала, что вы разводецъ.

— Вы угадали.

Мѣдниковъ чувствовалъ себя ново и странно отъ этихъ разспросовъ Людмилы. Они не смущали его и не казались слишкомъ безцеремонными. Тонъ ея не волновалъ его, и онъ не побоялся бы начать изливаться передъ такой особой. Но ему дѣлалось ее жаль. Какъ женщина, она вправѣ быть обозленной: молода, красива, бойка, хорошаго рода и должна пребывать въ званіи компаньонки. Она могла бы быть еще болѣе хищной.

— Значить... я опять угадала—заговорила Людмила, перемѣнивъ позу.—Илья Ѳедоровичъ! Вы такой ученый, знаете всю душу человѣка, какъ свой перстъ. Развѣ можно идти на такое безуміе—любовь? Особенно человѣку, какъ вы? Вотъ я—никого не люблю, не любила...

— И не будете любить!—подсказалъ онъ шутливо.

— И не буду! Такой у меня пружинки нѣтъ въ моемъ душевномъ механизмѣ. Судьба не балуетъ меня. И мнѣ начинаетъ сдаться, что я банка не сорву... Но, по крайней мѣрѣ, я по этой части застрахована.

— До поры, до времени,—вставилъ Мѣдниковъ.

— Нѣтъ, застрахована. Я считаю себя выродкомъ. Если я выйду замужъ, это можетъ быть только за человѣка, который дастъ мнѣ все, что золотить супружескую кѣтку. И во-вторыхъ, безъ матеріальной гарантіи я ни за кого не пошла бы, даже за вѣнценосца. До обмана я сама не унижусь; а вѣчной страсти мужчины мнѣ не нужно. Господь съ ней! „Ты, мой другъ, скандально ведешь себя—прощай, будь здоровъ“! Вообще, никакой трагедіи!

Она весело разсмѣялась.

— Вы на меня смотрите, Илья Ѳедоровичъ, и думаете: вотъ нахалка, вотъ дура! Какъ будто кто-нибудь изъ насъ застрахованъ—не то что отъ страсти, а отъ полного безумія? Я знаю, что нѣтъ. Но безуміе, болѣзнь, смерть—это въ расчетъ нейдетъ. Если же меня скрутитъ вазноба, тогда мое „я“, психія Людмилы Васильевны Полуяновой, перестанетъ существовать. А те-

перь я любить никого не расположена. Составить счастье... нѣтъ, это глупое выраженіе... раздѣлить судьбу человѣка... подходящаго—да. И даже очень! Особенно у кого есть воля. Вотъ во что я влюблена!

— Въ волю?—переспросилъ Мѣдниковъ.

— Да, въ волю! Достигать, идти впередъ, давать своему „я“ полный ходъ, ни передъ чѣмъ не останавливаться...

— Даже и передъ преступленіемъ?

Глаза Людмилы блеснули.

— Передъ подлостью—да; но передъ преступленіемъ—нѣтъ. Оно требуетъ силы духа; а на подлость всякая дрянь способна.

— Почитываете Нитцше? — спросилъ все также полуслушливо Мѣдниковъ.—Ищете сверхчеловѣка?

— Нѣтъ, не ищу. Они вездѣ есть... эти *сверхчеловѣки*. И здѣсь также, итальянчики, которые на Гаврилу d'Аннунціо молятся. Мнѣ и его показывали. Какіе это *superuomini*?! Я бы вамъ сказала—какіе... да мнѣ было бы неловко. Я вѣдь дѣвушка, —протянула она это слово и опустила рѣсницы, съ внезапной усмѣшкой своего красиваго рта.

„Неужели?“ — подумалъ Мѣдниковъ.

— Скажите, Илья Ѳеодоровичъ, вы меня считаете нормальной, или немножко тово?

И она прикоснулась пальцами ко лбу.

— Слова ничего не значать, Людмила Васильевна,—уже гораздо серьезнѣе выговорилъ Мѣдниковъ.

— По пословицѣ: хорошо птица поетъ—гдѣ-то сидеть? Ха, ха! Какъ тамъ ни философствуй, а вонъ всѣ тѣ расфуфыренные римскія матроны не перестанутъ смотрѣть на тебя какъ на плебейку. Васъ они примутъ за перваго попавшагося форестьера, а меня—за гризетку изъ-за Тибра.

И она, злобно прищурившись, показала ему рукой на вереницу колясовъ и каретъ, и все парныхъ, проѣзжавшихъ за луговиною, по аллеѣ, которая вела вверхъ, къ воротамъ.

А весь дугъ, вправо и дальше, до самой ограды виллы, былъ усаженъ группами гуляющихъ—и все простой, мелко-мѣщанской публикой.

— И еслибъ вы только знали, Илья Ѳеодоровичъ — заговорила Людмила, вставая на ноги,—что это за надменные твари—всѣ эти „принципессы и дукэссы“!.. Ничего не читаютъ, ничего не дѣлаютъ, всѣ прожились, съ хлѣба на воду перебиваются и сидятъ въ своихъ нетопленныхъ зимой чертогахъ. Вся жизнь—

въ фамилныхъ интригахъ, да въ катаньѣ, каждый день, то на Пинчю, то сюда, то по другимъ вилламъ.

Мѣдниковъ тоже поднялся, и они пошли къ тому мѣсту, гдѣ желтѣло зданіе самой виллы—многоэтажное, стройное, слегка суховатое въ своихъ линияхъ, и по ту сторону его—цвѣтникъ, еще бѣдный красками.

Они оба остановились лицомъ къ лугу и холмистымъ перспективамъ, изъ-за которыхъ выступали высоты Яникула. Обоихъ еще разъ обьяла своеобразная прелесть этого классическаго сада, точно перенесеннаго съ картины Клода Лоррена.

— Вотъ и князь Иванъ Романовичъ—заговорила Людмила—могъ бы имѣть такую же усадьбу и зажить здѣсь настоящимъ принчипе. Гдѣ же ему и жить, какъ не въ Римѣ? Какъ вы думаете, Илья Ѳедоровичъ, князь оснуется здѣсь на жительство?

— Доподлинно не знаю. Но, кажется, по зимамъ будетъ жить здѣсь.

— А если ему его благовѣрная супруга учинить какую-нибудь гадость,—придется возвратиться въ любезное отечество. Такъ вѣдь тамъ его могутъ и посадить?

— Все это обойдется,—вымолвилъ Мѣдниковъ, не глядя на нее:—не такъ страшенъ лукавый, какъ его малюютъ.

Оба они тихо засмѣялись и пошли по аллеѣ, гдѣ экипажи уже рѣдѣли. Пѣшая публика двигалась въ разсыпную, къ воротамъ; но еще много ея разсыпано было по низинамъ и взлѣбкамъ парка.

Людмила шла рядомъ съ Мѣдниковымъ, поспѣвая за нимъ. Руки онъ ей не давалъ.

— Неужели вашъ другъ — начала Людмила и пріостановилась.

— Кто такой?

— Да все тотъ же князь Иванъ Романовичъ... неужели и онъ застрахованъ отъ всякаго увлеченія?

— Въ какомъ смыслѣ?

— Да все въ томъ же. Онъ тоскуетъ. Ему нужно во что-нибудь уйти. Въ идею... или въ страсть...

— Только врядъ ли къ женщинѣ.

— Вы увѣрены въ этомъ, господинъ профессоръ?

— Во всякомъ случаѣ—искренно желаю этого.

— Са, c'est une autre paire de manchettes! Князя вы любите... какъ родного, и съумѣете оградить его отъ серьезныхъ опасностей. Но вѣдь вы не можете же вѣчно состоять при немъ? А онъ самъ себя отрѣзалъ возвратъ домой.

Вопросы Людмилы начали дѣлаться жуткими Мѣдникову. Не доходя воротъ, онъ спросилъ:

— Куда прикажете подвести васъ, Людмила Васильевна?

Они брали экипажъ только до воротъ виллы, куда одноконныхъ фіакровъ не пускаютъ, и рассчитывали найти много свободныхъ извозчиковъ.

— Довезите меня до памятника Гарибальди. Мнѣ нужно, по порученію графини, зайти на виллу Ланте, къ одной барынѣ.

— Я могу васъ подождать.

— Зачѣмъ же вамъ беспокоиться, Илья Ѳеодоровичъ?

Она приласкала его глазами и легко вскочила въ коляску, а когда Мѣдниковъ сѣлъ съ ней рядомъ, весело крикнула кучеру:

— Villa Lante!

Они миновали „Porta S. Pancrazio“ и черезъ нѣсколько минутъ стали уже подниматься на тѣ высоты, гдѣ стоитъ статуя Гарибальди.

— Зачѣмъ вамъ дѣлать крюкъ, Илья Ѳеодоровичъ? Выпустите меня у самого памятника и погуляйте. Больше четверти часа я не пробуду. *Cochiere! Fermi!*—крикнула Людмила и, когда лошадь стала, выпрыгнула изъ коляски.

Мѣдниковъ тоже вышелъ и приказалъ извозчику отѣхать въ сторону. Площадка уже пустѣла. Въ сторонѣ прохаживался старикъ въ макфарланѣ и высокой сѣрой шляпѣ. Его экипажъ ѣхалъ за нимъ. Бонна съ дѣтьми стояла около парапета по ту сторону памятника, и полицейскій говорилъ съ продавцомъ фотографій.

Солнце уже нырнуло за высоты Яникула. Бѣлая шапка Петра начала уже рѣзче выступать на фонѣ темнѣющаго безоблачнаго неба.

На нее, съ своего пьедестала, глядѣлъ объединитель Италіи, въ плащѣ и маленькой шапочкѣ, посаженный въ бодрящую и простую позу на нервномъ, статномъ конѣ.

Сюда Мѣдниковъ не разъ поднимался. Онъ присѣлъ на одинъ изъ уступовъ пьедестала и, не глядя на раскинувшійся внизу Римъ, смѣнившій свою розоватую окраску на пепельно-желтую, сидѣлъ съ опущенной головой.

Эта прогулка съ Людмилой, весь разговоръ ихъ, всѣ изгибы и проблески ея натуры, ума, смѣлой почти до цинизма житейской философіи, нѣкоторые ея вопросы—неожиданно всколыхнули его душу.

Сколько времени прошло съ того утра, когда его старый наставникъ, милѣйшій Екунинъ, указывалъ ему съ террасы пе-

редъ палаццо Кафарелли на темную полосу—вотъ этотъ самый памятникъ?..

Около трехъ мѣсяцевъ. Они видались со старикомъ гораздо рѣже, чѣмъ оба желали того. Жизнь опять захватывала зубцами своего колеса. Приѣздъ княгини, то, черезъ что перешелъ князь Иванъ, Боря, его сердечная незадача, его болѣзнь—глядишь, и пролетѣло больше двухъ мѣсяцевъ!..

Это помогло отрѣшиться отъ самого себя; но теперь, послѣ игрецкихъ подходовъ дѣвицы „конца вѣка“, онъ ощущалъ въ себѣ жутую пустоту—точно у него нѣтъ ничего своего за душой. „Кусочекъ счастья“—какъ называла Людмила—сѣденъ, и бѣгать за новой подачкой онъ не хочетъ.

„А вы застрахованы?“—раздался въ его внутреннемъ слухѣ вопросъ Людмилы.

Отчего же онъ, въ эту минуту, такъ обидно-одинокое чувствуетъ себя? И нѣтъ у него ни одного новаго „уста“, никакой путеводной звѣзды въ тѣхъ высшихъ сферахъ мышленія и паренія духомъ, безъ которыхъ нестерпимо тяжело будетъ доживать свой вѣкъ. Онъ надѣлся на Римъ, онъ жаждалъ какой-то купели...

„Пакибытія“,—выговаривалъ онъ про себя, улыбувшись. И каждый разъ, когда онъ видѣлся съ своимъ бывшимъ наставникомъ, онъ, точно умышленно, избѣгалъ бесѣдъ на общія темы, связанныя съ своими личными житейскими итогами.

Надо скоро ѣхать домой. Не можетъ же онъ бросить свое дѣло и забастовать только потому, что онъ осѣлся въ своихъ сердечныхъ дѣлахъ? Будь онъ мистикъ—онъ бы нашелъ свою Оиванду, какъ найдетъ ее, быть можетъ, Боря, или, по крайней мѣрѣ, будетъ, до гробовой доски искать ее, повторяя изреченіе о „грядущемъ градѣ“ не на землѣ, а въ небѣ. Возвращаться надо къ своему посту—и тамъ опять безконечная вереница... чего? Человѣческаго безумія во всѣхъ его стадіяхъ, со всѣмъ причтомъ причинъ и поводовъ—наслѣдственно и лично приобрѣтенныхъ—чувственности, честолюбія, тщеславія, блажи, злости, нравственнаго вырожденія...

— Бррр!—вздрогнувъ онъ, закрылъ лицо руками и сидѣлъ такъ съ полминуты.

И куда ни взглянешь—вездѣ все люди, ихъ жалкая сумятица!

Кто умеръ для аффектовъ, тотъ знаетъ хоть тихій закатъ души, какъ старикъ Екунинъ. Остальные два существа—самыя близкія, какія у него есть и въ Римѣ, и тамъ, у себя—князь Иванъ, Боря—„не застрахованы“, ни тотъ, ни другой, ни отъ

чего, что—чувственно или духовно—страсть может всколыхнуть въ человѣческомъ „я“.

И кто знаетъ, что онъ найдетъ въ нихъ черезъ какіе-нибудь полгода?

Ему стало еще жутче. Онъ поднялся, пошелъ черезъ площадку и хотѣлъ-было кликнуть своего извозчика. То, что онъ ждетъ „даму“—совсѣмъ вылетѣло у него изъ головы.

Ему показалось страннымъ, что онъ очутился въ роли „кавалера“, провожающаго молодую и красивую особу. Горечь поднялась на сердцѣ, вмѣстѣ съ тревогой и презрительной жалостью къ существу, обреченному на вѣчную ловлю мужчины, на рабство передъ своими вождельніями, на одну всеобъемлющую „гистерію“.

Забѣлѣла въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него шляпка Людмилы.

XVII.

И опять вѣчный городъ лежалъ передъ нимъ, но уже весь—въ разныя стороны—и глядѣлъ онъ на него съ еще большей высоты.

Съ утра отправился онъ съ Екунинымъ въ Ватиканъ—„проститься“ съ его сокровищами. Мѣдниковъ сталъ уже подумывать объ отъѣздѣ и воспользовался днемъ доступа на верхъ купола.

Старика такой подъемъ не испугалъ. Онъ бойко шагаль по пологимъ ступенямъ винтовой лѣстницы, читая вслухъ надписи на мраморныхъ доскахъ, въ память восхожденія сюда разныхъ особъ, въ томъ числѣ и императора Николая I; Мѣдниковъ еле успѣвалъ за нимъ. Они побыли нѣсколько минутъ на галереѣ купола, смотря оттуда на внутренность храма, гдѣ шла, въ боковой капеллѣ, служба съ музыкой. Но въ проходахъ между гигантскими столбами было совсѣмъ пусто.

Теперь, спустившись съ самаго верха на крышу Петра, они присѣли на парапетъ и глядѣли на панораму города.

Стояло теплое, немного влажное утро, и Римъ точно купался въ розовой дымкѣ.

— Не правда ли, — спросилъ Екунинъ, снимая шляпу, — тамъ, внизу, когда бы вы ни вошли въ эту прославленную машиницу—не испытываете вы никакого особаго настроенія? И у вѣрующаго врядъ ли душа вознесется горѣ. Великолѣпный чер-

тогь, воздвигнутый папской куріей своему собственному торжеству и владычеству—и только.

Онъ повелъ рукой слѣва кправу.

— Но безъ Ватикана и Петра не уцѣлѣть бы и вѣчному городу!

Мѣдникову сначала не хотѣлось говорить. Онъ чувствовалъ, вмѣстѣ съ легкимъ утомленіемъ во всемъ тѣлѣ, какую-то вялость душевную. Онъ только кивнулъ молча головой всегда возбужденному старику.

— Ни одинъ городъ въ мірѣ, — продолжалъ Екунинъ, — не показываетъ такъ блистательно и сильно, что такое человѣческое творчество, мнѣ, образъ, потребность вѣрить въ то, что создала собирательная душа въ данный моментъ развитія! Поэтому-то, дружище, — онъ прикоснулся рукой къ колѣну Мѣдникова, — здѣсь лучше всего подводить итоги своей земной жизни. Говорятъ: старость — не радость... Разумѣется! Но только въ Римѣ я сталъ испытывать ясность духа, присущую людямъ моихъ лѣтъ, и соглашаться съ римскимъ авторомъ защиты старости, перебирая его разсужденіе. Вы — по сравненію со мною — молодой человѣкъ. Въ васъ еще не стихло внутреннее броженіе... Но горячо желаю, чтобы вы уѣхали отсюда съ полной ясностью духа.

О своихъ сердечныхъ дѣлахъ Мѣдниковъ со старикомъ не говорилъ: ему было бы какъ-то совѣстно. Не на нихъ намекалъ и Екунинъ.

— Легко сказать! — отозвался онъ грустной нотой и вбокъ посмотрѣлъ на старика. — Ренегатомъ стыдно быть. И вашъ слушатель остается вѣренъ научному укладу мысли, въ какомъ онъ укрѣплялся цѣлыхъ четверть вѣка. Но вѣрность реальному мышленію не осуществима безъ возни съ людьми. А человѣкъ все испортилъ, затемнилъ, изуродовалъ въ своихъ идеяхъ и представленіяхъ, потому что онъ не въ силахъ отрѣшиться отъ своего жалкаго „я“.

— Отъ мятежнаго „я“ страстей и вождедѣній, — тономъ поправки добавилъ Екунинъ.

— Отъ всякаго! — горячѣе возразилъ Мѣдниковъ. — Вотъ смотрите! Передъ нами лежитъ онъ — *urbs*, похравшій всю культуру древности, а теперь — палладіумъ христіанскаго міра, вышедшаго изъ его катакомбъ! Развѣ онъ не колоссальный документъ человѣческаго безсилія стряхнуть съ себя свое „я“ и посмотрѣть на весь міръ безъ оборота на себя?

— Ха, ха! Безъ оборота на себя! Прекрасно сказано, дружище!

— Да, какъ пишется на веселяхъ. И это начинается за-
мѣтно тяготить человѣческую психію на рубежѣ двадцатаго вѣка.
Не философы, а просто чуткіе и много страдавшіе душой люди
распознали это. Да вотъ, чтобы не ходить далеко... мой князь
Иванъ Романовичъ...

— Что жъ?—окинулъ построже Екунинъ.

— Я знаю... онъ вамъ не понравился. И я истинно со-
жалѣю о томъ, что не могъ показать вамъ его въ болѣе выгод-
номъ свѣтѣ. Вы меня много утѣшите, если не устранились отъ
дальнѣйшаго знакомства съ нимъ.

— Благородство его души признаю послѣ всего, что вы
мнѣ недавно сообщили... но мнѣ кажется, онъ...

— Не нормаленъ?

— Богъ его вѣдаетъ; но отъ такихъ натуръ нельзя ждать
выработки цѣльнаго міровоззрѣнія.

— Но вѣдь онъ пришелъ же къ тому выводу, къ которому
все мыслящее должно фатально придти: человѣкъ—только органъ
пониманія судебъ вселенной.

— Аминь!—выговорилъ съ тихой усмѣшкой Екунинъ.

— Но разъ вы къ этому пришли, вы не можете уже дер-
жаться, какъ высшей санкции—ограниченныхъ людскихъ цѣлей,
потребностей, запросовъ, домогательствъ. Все это будетъ казаться
вамъ слишкомъ суетнымъ и ничтожнымъ. И этотъ алчный Римъ,
что лежитъ подъ нами, кругомъ, онъ въ то же время вѣчный, не-
сокрушимый памятникъ, воздвигнутый человѣкомъ, его неудер-
жимой потребностью въ познаніи того, что выше его муравейника.

— Князь признаетъ это?—какъ бы удивленно спросилъ
Екунинъ и быстро обернулся къ Мѣдникову всѣмъ корпусомъ.

— И эта жажда проникнуть въ высшія судьбы вселенной,
теперь всюду обострилась. Оттуда и этотъ бунтъ противъ знанія,
крикъ о банкротствѣ науки: она обманула насъ! она бессильна
дать счастье и успокоеніе.

— Бунтъ, бунтъ!—вскрикнулъ Екунинъ.—Да, и бунтъ без-
смысленный, жалкій по своей пустотѣ и бесплодному резонерству.

— Несомнѣнно! И тутъ опять человѣкъ съ своимъ „я“ хочетъ
свести всю задачу бытія къ тому, что онъ считаетъ благомъ.
Все тотъ же неизлечимый антропоморфизмъ! Но фактъ на-лицо.
Жажда высшихъ духовныхъ настроеній обострилась. Она вли-
вается въ старыя формы. Но суть ея уже другая.

И тутъ Мѣдникову представилось лицо Бориса, котораго
онъ видѣлъ наканунѣ особенно задумчивымъ, полнымъ внутрен-
ней тревоги.

— Вы мелькомъ видали сына князя Ивана?—спросилъ онъ.

— Тотъ блѣдный юноша... мистикъ?

— Да, но... каюсъ вамъ, учитель, ...имѣй я на него большее вліяніе, я бы не сталъ его сворачивать на путь научной правды.

Екунинъ воззрѣлся на него.

— Не потому, что я здѣсь, въ Римѣ, перешелъ въ лагерь тѣхъ, кто кричитъ о паденіи знанія и реальной правды... Такой личности, какъ этотъ юнецъ съ чисто-евангельской душой—нѣтъ двухъ дорогъ. Онъ долженъ искать правды свыше и будетъ ее искать всю свою жизнь. Если обратить его отъ неба на землю, онъ изъ поборника вселенскаго объединенія вѣрующихъ превратится—я не знаю, въ кого!.. Скорѣе всего въ разрушителя, въ анархиста—во имя любви къ страждущему человѣчеству. Но тогда онъ увязнетъ по горло въ болотѣ людской мизеріи. А теперь онъ паритъ надъ нею. И благо ему будетъ!

— Выводъ... опасный,—тихо вымолвилъ Екунинъ.

— Можетъ быть. Но я самъ чувствую, что не будетъ и для меня выхода изъ тенѣй мятущагося духа безъ высшаго отрѣшенія отъ своего человѣческаго „я“...

— Не въ аскетизмѣ же, дружище, не въ мертвечинѣ и бездушіи?

— Нѣтъ, ни въ томъ, ни въ другомъ, ни въ третьемъ. Но въ томъ, чего и вы желаете для меня—въ полной ясности духа, которую человѣкъ найдетъ тогда лишь, когда онъ посмотритъ на себя только какъ на органъ пониманія судебъ вселенной.

— Аминь! — опять такъ же полуслушливо выговорилъ Екунинъ, и обернулся.

— Однако, дружище, какъ бы намъ здѣсь не застрять. Для такой бесѣды, какъ наша—надо гулять по берегу залива, какъ нѣкогда Аристотель и другъ его Теофрастъ, а мы забрались на высочайшую изъ европейскихъ вершъ. Идемъ!

Они еще разъ оглядѣлись вокругъ, испытывая оба одно и то же настроеніе. Имъ не показалось страннымъ, что они почти цѣлыхъ полчаса дѣлились своими „итогами“. Ни въ какомъ другомъ городѣ не вышло бы такъ... И, молча поглядѣвъ другъ на друга, они какъ бы обмѣнялись этой мыслью.

Когда вустодъ, внизу, у двери, ведущей на лѣстницу, раскланялся съ ними, получивъ отъ каждаго по мелкой серебряной монетѣ—въ церкви было такъ же пусто. Только-что отошла служба въ лѣвой большой капеллѣ, и послѣдніе переливы органа гудѣли подъ сводами.

— Вотъ она—сила человѣческаго творчества!—выговорилъ

Екунинъ и указаль рукой на темнѣющую вправо бронзовую статую Петра. — Языческаго Зевса превратить въ апостола! И ничего, — живеть!

— И Зевсъ-то изъ самыхъ неважныхъ! — прибавиль Мѣдниковъ.

Они стояли у одного изъ послѣднихъ столбовъ и со всѣхъ сторонъ, надъ ними и вооругъ нихъ, пестрѣли мраморныя изваянія, эмблемы, херувимы, голубки, портреты въ золотыхъ рамахъ, люстры и жирандоли пьедестальной драпировки. Впечатлѣніе громаднаго „салона“ провожало ихъ отсюда.

— Постойте! — окликнулъ Екунинъ. — Чтѣ мнѣ сейчасъ пришло на память! Читали вы въ новыхъ матеріалахъ о Гоголѣ, какъ онъ таскаль сюда своего пріятеля Погодина и заставляль восхищаться всѣмъ, чтѣ здѣсь только имѣется, и вотъ этими купидонами, что на обшивѣхъ колоннъ? Онъ его, бѣднягу, отводиль вонъ въ тотъ конецъ и спрашиваль: какихъ размѣровъ купидоны? Тотъ, разумѣется, провирался. Они оказывались вблизи въ цѣлую сажень. И Гоголь торжествоваль.

Съ тихимъ смѣхомъ вышли они подъ перистиль, гдѣ топтались нѣсколько гидовъ. Сходя по пологому спуску, они встрѣтили группу изъ двоихъ мужчинъ и трехъ женщинъ. Оба въ разъ съ удивленіемъ переглянулись. Впереди грузно поднимались два бородатыхъ мужика, въ свитахъ, запыленныхъ сапогахъ, съ сумками, въ картузахъ съ козырьками. Ихъ славянскія лица съ унылымъ выраженіемъ, походка, запахъ ихъ обуви — все это отъзывалось той страной, откуда они шли или куда возвращались. Женщины еще болѣе похожи были на нашихъ „тѣтенекъ“, въ кацавейкахъ, покрытыя платками, загорѣлыя, морщинистыя, — но не деревенскаго, а городского вида. Одна подпиралась палочкой.

„Откелева, любезные?“ — чуть не крикнуль имъ Мѣдниковъ.

Когда они миновали, Екунинъ сказалъ ему вполголоса:

— Да вѣдь это никакъ матушка-Русь?

— Несомнѣнно!

— Уніаты?

— А можетъ быть, и православные. Отъ Николая Угодника, изъ Бари, поклониться праху намѣстника Христова.

И пожавъ выразительно плечами, Мѣдниковъ выговориль какъ бы про себя:

— Какъ же не вселенскій центръ?

Площадь развернулась передъ ними — величавая и полная теплыхъ красокъ, мягко сжатая полукружіемъ колоннадъ, съ

отраднымъ, на яркомъ солнцѣ, журчаньемъ фонтановъ, со всей этой чувственной красотой Берниніевскаго зодчества.

Къ бронзовымъ воротамъ Ватикана безпрестанно подъѣзжали экипажи; фіакры разсыпаны были вдоль подъездовъ къ Петру. Омнибусы, вагоны, конки, желѣзныя вѣзго. А въ глубинѣ пестрѣли фасады домовъ и бѣлѣли холстинныя навѣсы надъ столиками ресторана для господъ „форестьеровъ“.

Туда они и пошли завтракать, заказали себѣ незатѣйливую итальянскую ѣду, съ фіаской Фраскати, и сѣли у столика такъ, что передъ ними и фасадъ Петра, и вся площадь, выдѣлялись на фонѣ синяго неба со всѣми рельефами и оттѣнками освѣщенія.

— Вотъ,—говорилъ Екунинъ, глядя въ сторону Ватикана,—тамъ, въ комнатахъ Борджіа, мы съ вами, Илья Ѳеодоровичъ, восхищались всѣмъ пошибомъ отдѣлки. Въ одной комнатѣ я представилъ себѣ даже гётевскую Гретхенъ. А кто въ нихъ жилъ? Кто украшалъ ихъ? Исчадіе ада, Александръ Шестой, кровесмыситель, душегубецъ, олицетвореніе сатанинскаго коварства. Савонаролу самъ почиталъ за святого, а на костеръ упѣлъ! И что же? Все это знаешь, но въ этихъ самыхъ комнатахъ Борджіа—ничто уже васъ не возмущаетъ. По всему прошлому дуновение красоты. Она все покрыла собою!..

— Даже и злодѣйство?—остановилъ Мѣдниковъ.

— Нѣтъ, дружище, не въ этомъ смыслѣ. Она не укрываетъ, а претворяетъ зло въ добро. Питается она только тѣмъ, что вѣчно будетъ существовать. Папа изъ ужаснаго рода Борджіа былъ великій грѣшникъ; но тѣ, кто отдѣлывалъ эти комнаты, созидали красоту. И вотъ прошло какихъ-нибудь триста лѣтъ, а уже немыслимо не то что злодѣяніе, но и простая распущенность на престолѣ римскаго папѣ.

Екунинъ указалъ, поднявъ руку, на послѣднія три окна, въ томъ этажѣ, гдѣ внутренніе покои папы.

— Старецъ, желающій жить узникомъ, изъ оковъ своихъ создаетъ себѣ небывалое обаяніе. И ни для кого изъ его пріемниковъ немыслимо вернуться къ нравамъ Возрожденія. И они будутъ жить все въ этомъ же, безобразно-большомъ домѣ, безъ архитектурнаго благолѣпія фасадовъ, хранителями не одной только истины, какъ они ее разумѣютъ, но и красоты, не взирая на то, что она на половину эллинская.

Мѣдниковъ долго смотрѣлъ туда, въ тихомъ волненіи отъ словъ своего стараго наставника.

XVIII.

Солнце пекло и близилось къ полудню. По пыльному шоссе шагали двое молодыхъ мужичинъ, подпираясь палками. Они проходили въ эту минуту мимо виллы въ мавританскомъ стилѣ, принадлежащей извѣстному въ Римѣ испанскому живописцу.

Одинъ изъ нихъ былъ Хазинъ, другой Борисъ. Хазинъ шелъ съ чѣмъ-то въ родѣ ранца за плечами, въ соломенной шляпѣ и куртѣ съ кожанымъ поясомъ, въ башмакахъ и бѣлыхъ холщевыхъ гамашахъ. Борисъ—въ своей короткой мантильѣ съ кашпономъ, въ которой ему было жарко.

Они съ утра бродили по городу. И всю эту недѣлю Хазинъ водилъ Бориса въ разные концы Рима, всего чаще въ три „урочища“, какъ онъ называлъ—за Тибръ, въ Prati-Castello, и къ Іоанну Латеранскому—за Porta S. Sebastiano и за Porta S. Lorenzo. Оттуда они и теперь шли, вокругъ стѣнъ, направляясь къ Тибру, къ Ponte-Molle, гдѣ они на приторкѣ, передъ мостомъ, зайдутъ въ кабачокъ, и Борисъ простится со своимъ спутникомъ.

Хазинъ, все пѣшкомъ, пойдетъ „въ обходъ“, въ разные мѣста, къ сѣверо-западу отъ Рима, по направленію къ морю. Можетъ быть, „дѣрнетъ“ и до самой Чивитта-Веккѣа „per pedes apostolorum“—онъ любилъ это выраженіе, говоря о своемъ „бѣгунствѣ“.

Въ „урочища“ Хазинъ водилъ Бориса съ любовью, не какъ досужій туристъ, а желая показать ему, какъ живутъ „босяки“ Рима. При этомъ онъ—въ первое же посѣщеніе недостроенныхъ домовъ на Prati-Castello—извѣтельно прохаживался насчетъ „мусью Зола“, помѣстившаго своего малаго съ знаменитой теперь фразой: „Io sono Romano di Roma“. Настоящіе трастевиринцы, привыкшіе къ такимъ горделивымъ словамъ о своемъ „я“, не ютятся въ этихъ пустыряхъ съ остатками строительнаго краха. И тамъ, и въ другихъ урочищахъ, куда они ходили цѣлую недѣлю—пребываютъ въ безработицѣ не коренные римляне, а тѣ тысячи пришлыхъ батраковъ съ юга и съ сѣвера, съ запада и съ востока Італіи, которыхъ притянула нужда къ столицѣ, въ тѣ годы, когда Римъ былъ охваченъ строительной спекуляціей. Съ тѣхъ поръ прошло болѣе десяти лѣтъ. Многіе успѣли вернуться домой, а тысячъ до десяти „застряли“ и не могутъ выбиться изъ жита впроголодь, съ женами и оравой ребятъ.

Но и на нищету *коренного* римскаго населенія наглядѣлся за эту недѣлю Борисъ, въ своихъ походахъ съ Хазиннымъ, вездѣ:

и въ улицахъ Трастевере, и въ еврейскомъ кварталѣ, и около театра Марцелла, и въ другихъ углахъ Рима.

Черезъ него болѣе, чѣмъ отъ отца, Борисъ узналъ, что такое „il romanesco“, діалектъ римскаго простолюдина и мелкаго обывателя, его нравы, повадки, пороки, горделивая самовлюбленность, ѣдвой умъ, суевѣрія и невѣжество. Хазинъ далъ ему въ руки советы Белли, которыми восхищался Гоголь, въ концѣ тридцатыхъ годовъ, когда они ходили по рукамъ въ спискахъ. Тамъ правда о „папскомъ“ Римѣ вставала во всей своей наготѣ, одобренная острой, иногда цинической, солью римскаго плебса.

И онъ впервые, съ тѣхъ поръ, какъ живетъ въ Римѣ, возмущался той заброшенностью, въ какой народъ гложъ вѣками, подъ сѣнью Ватикана, въ двухъ шагахъ отъ Св. Петра и жилища его намѣстника. Хазинъ водилъ его по домамъ „Via degli Penitenti“, въ самой Città Leonina, гдѣ папы и кардиналы могли бы, кажется, видѣть, въ какой грязи и одиночества живетъ народъ, пасомый ими.

Черезъ Хазина познакомился онъ съ уроженцемъ Рима, страстно любящимъ свой городъ, знаткомъ его діалекта, его нравовъ и быта. И тотъ подтвердилъ ему, до какой степени, до сихъ поръ, полны самаго наивнаго цинизма нравы коренныхъ трастевринцевъ, вплоть до частыхъ случаевъ кровесмѣшенія.

Тотъ же знатокъ жизни и языка римскаго плебса передавалъ ему при Хазинѣ свои дѣтскія воспоминанія о томъ днѣ, когда войско Виктора-Эммануила пробило брешь у Porta-Pia. Онъ самъ видѣлъ, какъ на улицахъ и площадяхъ народъ грабилъ убитыхъ солдатъ, *своихъ*... папскихъ. Онъ же напомнилъ ему, что зарѣчная часть города, куда итальянское войско сначала не входило—народъ, жившій подъ сѣнью Ватикана, самый коренной римскій плебсъ Трастевере—взбунтовался противъ Пія IX, а кардиналъ Антонелли долженъ былъ официально просить командовавшаго корпусомъ занять и весь правый берегъ Тибра, чтобы оградить папу.

Хазинъ бойко говорилъ съ народомъ, поддѣлываясь къ его произношенію и жаргону. Онъ не хуже любого трастевринца выпаивалъ: „ег“ рара, вмѣсто: „il“ рара, и зналъ множество всякихъ прибаутокъ и восклицаній. Также бойко говорилъ онъ и съ тѣми пришлыми пролетаріями, что „застряли“ въ Римѣ послѣ строительнаго краха.

Сегодня они еще разъ были за Porta S. Lorenzo въ одномъ изъ домовъ, которые банки отдали задаромъ благотворительному обществу, для устройства дешевыхъ квартиръ; заходили и въ

мастерскую, устроенную въ этомъ домѣ, гдѣ, выдавая за работу по полтора франка въ день, общество спасаетъ отцовъ семействъ отъ голода.

Эти „нѣжности“ Хазинъ презиралъ. Для него, „чѣмъ хуже—тѣмъ лучше“. Благотворительные „буржуи“ на его языкѣ—„порожденіе ехидны“, и онъ ходилъ по урочищамъ Рима, гдѣ кипитъ „гольтепа“, совсѣмъ не за тѣмъ, чтобы играть въ руку благотворителямъ.

Борисъ не спорилъ съ Хазинимъ, выслушивая его „разрывныя“ рѣчи. Но онъ и не закрывалъ глазъ и не затыкалъ ушей своихъ. Въ немъ самомъ начиналось новое броженіе.

То, чѣмъ всецѣло жилъ Хазинъ, его „credo“ считалъ онъ грѣховнымъ и страшнымъ; но онъ не могъ не видѣть въ лицѣ своего старшаго „однокашника“ служителя той разрушительной идеи, которая точно изъ-подъ земли, какъ когда-то проповѣдь изъ катакомбъ, вышла на свѣтъ и разливается теперь повсюду. Не фанфаронство, не мелкую злобу распознавалъ онъ въ этомъ русскомъ „интеллигентѣ“, баринѣ происхожденіемъ и воспитаніемъ, не одну личную отместку босяка всякому, у кого есть собственный ломоть хлѣба...

Долго шли они молча. Не далеко осталось и до Ponte Malle. Припекало порядочно; но легкій вѣтерокъ смягчалъ жару.

На мосту Хазинъ поставилъ Бориса лицомъ къ Риму и, указывая на куполь Петра, проговорилъ, прищурившись отъ солнца:

— И долго, князьинька, будешь ты поклоняться этому?

Борисъ промолчалъ.

— Не вѣрю! Не уйдешь ты, милый другъ, отъ того, что надвигается на весь крещеный міръ. И тамъ,—онъ протянулъ руку,—это чуютъ. Охъ, какъ чуютъ! Идемъ въ кабачокъ, вонъ туда... видишь, на пригорѣхъ, на самой дорогѣ. Россіяны тамъ не мало бражничали, въ разныя эпохи. Тамъ мы съ тобой и простимся.

За мостомъ, отъ того полуэруга, гдѣ противъ большого дома останавливаются вагоны конки, они взяли нѣсколько лѣвѣе и стали подниматься по шоссе на дорогѣ. За ними, уже совсѣмъ влѣво, шли берега Тибра, съ волнистыми пустырями, туда—къ городу. Кое-гдѣ на нихъ поднималась черепичная кровля небольшого дома или сарая, и три-четыре пинія разрѣзывали небосклонъ. На небѣ не бѣжало ни одного облака.

Тратторія взобралась на обрывъ, у дороги. Двухъ-этажный домъ съ узкими оконцами, смотрящими на югъ, закрывалъ садовое помѣщеніе позади его. Зеленъ еще не покрыла плетень

съ навѣсами надъ цѣлымъ рядомъ довольно грязныхъ скамеекъ и столовъ, шедшихъ по дворику покоемъ.

Подъ одинъ изъ этихъ навѣсовъ посадилъ Хазинъ и Бориса, сбѣгалъ заказатъ ѣду и вина, и черезъ десять минутъ они уже ѣли фриттуру изъ живой рыбы. Бѣлое вино Хазинъ похвалилъ, выпивъ стакачикъ, а Борисъ только глотнулъ.

— Ты еще вернешься въ Римъ?—спросилъ онъ, когда Хазинъ, потребовавъ у „ботеги“ овечьего сыру, закурилъ.

— Вернусь ли? Если никто не побезпокоитъ,—выговорилъ онъ съ гримасой, — буду, здѣсь до перваго мая. А ваша милость? Долго ли пробудетъ здѣсь?

— Не знаю,—отвѣчалъ Борисъ и сталъ смотрѣть вдаль, въ свободный пролетъ, откуда, на синемъ небѣ, выступалъ Римъ.

— Довольно тебѣ коптѣть тутъ. Не хочешь со мной походить, какъ я тебѣ предлагалъ по образу пѣшаго хожденія,—поѣзжай, первымъ дѣломъ, въ Сицилію. Я тебя направлю къ хорошимъ ребятамъ. Бояться тебѣ нечего. До будущей осени тамъ ничего крупнаго не выйдетъ. Но ты поѣзди, понюхай, почувствуй—что такое за миляшка этотъ общественный строй „конца вѣка“, выражаясь языкомъ газетныхъ передовицъ. А оттуда—въ другія мѣста. Никто тебя насильно не потащитъ ни въ какой союзъ или сообщество. Ты вѣдь по евангелію хочешь жить. Ну, и живи. И ѣшь, и пей съ паріями, и водись съ разрушителями, и проникнись ихъ вѣрой, и положи свои силы на то, чтобы понять: почему всеобщая перетасовка—великое и святое дѣло!

Лицо Хазины, загорѣлое и потное, освѣтилось выраженіемъ большихъ глазъ. Бровями онъ поводилъ, и курчавые волосы живописно разметались по головѣ.

— Святое!—повторилъ Борисъ со вздохомъ.

— Да, святое! Не твоему римскому чета, князинека. Отчитывать я тебя больше не буду. У тебя своя голова на плечахъ. А только ты почаще припоминай то, какъ ты себя чувствовалъ, когда мы съ тобой знакомились съ обывателями улицы... какъ, бишь, ее?—Via dei Penitenti—подъ благодѣтельнымъ крыломъ римской куріи. И не думай также, что такихъ итальяшекъ мало, какъ тотъ мозольный операторъ, къ которому я тебя водилъ на прошлой недѣлѣ. Небось, не забылъ того, что онъ пророчилъ, вонъ той бѣлой шапкѣ — Хазинъ показалъ туда, гдѣ видѣлся Петръ—и обывательской усадьбѣ въ пятнадцать тысячъ комнатъ, которая стоитъ рядомъ?...

И на это Борисъ ничего не отвѣтилъ. Ему трудно было бы высказать то, что его наполняло въ эту минуту.

Да, онъ ушелъ бы пѣшкомъ, съ котомкой, въ „станъ погибающихъ“. Но не затѣмъ, чтобы поднимать ихъ на кровавыя дѣла всеобщаго разрушенія.

— На всякій случай прощай, Хазинъ!—началъ онъ почти тронутымъ звукомъ.—Спасибо тебѣ! Ты многое мнѣ показалъ, чего безъ тебя я бы не досмотрѣлъ.

— Не стоить благодарности, голубчикъ мой. А ты все-таки запиши... я знаю, съ тобой всегда есть книжка... Мой адресъ слѣдующій... дай-ка книжку.

Борисъ вынулъ ее изъ кармана.

Хазинъ развернулъ на чистомъ листѣ, помусолилъ-было карандашъ и остановился.

— Это откуда по-гречески каракули? Я, братъ, совсѣмъ забылъ. Изъ божественнаго небось?

— Да, нѣсколько стиховъ изъ Апокалипсиса.

— Не читай, князинева... не копти ты надъ такими вещами! Ей Богу, я профессору Мѣдникову пожелаю. Онъ тебя любить — это вѣрно,—только на его мѣстѣ я бы тебя другому режиму подвергъ. Сдается мнѣ, что онъ психіатръ и самъ-то какъ бы въ нѣкоторой мерехлюндіи пребываетъ. Значить—и сѣмо, и овамо колеблется. Побаивается онъ за тебя насчетъ дѣвицы Людмилы?...

Борисъ усмѣхнулся.

— Она мнѣ не опасна,—тихо выговорилъ онъ.

— Вѣрю. И не радуюсь этому. Пускай бы она тебя закрутила. Чудесная, братъ, диверсія! А впрочемъ... кто тебя знаетъ! Такая особа способна на всякую пакость. Ты бы не вынесъ. Ну, да чортъ съ ней! И съ вами обоими! Я, братъ, по этой части—киникъ, и не стыжусь этого. Одержимъ, временемъ. Иди, добывай себѣ Дульцинею... Но чтобы душу свою класть на юбку... когда весь культурный міръ прогнилъ и нуждается въ дезинфекціи,—протянулъ онъ слово,—это равносильно самому гнусному изъ всѣхъ нравственныхъ паденій. Ну, довольно... самъ запиши адресъ.

Подавая Борису записную книжку, онъ наклонился къ его уху и дурачливо прошепталъ:

— А въ разрывную редакцію желаешь рекомендацію... отъ моей особы? Друзья того красная, у котораго мы на лекціи съ тобой встрѣтились.

У Бориса вышелъ неопредѣленный жестъ.

— Возьми... на всякій случай. Ребята хорошіе. Разумѣется... у нихъ высшаго давленія нѣтъ... но они намъ полезны. Даже очень. А цыплятъ по осени считаютъ... можетъ, и раньше! Ежели мы съ тобой опять здѣсь столкнемся, и Хазинъ будетъ разгуливать по Риму, какъ теперь... значить, еще не назрѣло. А то врядъ ли!

Онъ подмигнулъ и сдвинулъ назадъ шляпу.

Его огромный, весь въ поту, немного вдавленный лобъ — обнажился, и все лицо стало задорно-злое по выраженію глазъ и складкѣ широкаго рта.

— Ну, голуба! — помнишь, такъ одинъ нашъ коллега все нѣжничалъ — прощай! Думаю я, Елатомскій, — продолжалъ онъ совсѣмъ серьезно, — думаю я, что ты на твоей теперешней римской зарубѣ ни въ какомъ случаѣ не останешься. Знамя, братъ, — трипица. У тебя одно, у меня другое; а все-таки очутимся въ одной рати. Всѣмъ намъ ясно, что въ Даніи что-то про-тухло... Прощай, князинька!

Онъ шумно поднялся, обнялъ Бориса и три раза поцѣловаль.

— Фу, ты пропасть! — крикнулъ онъ. — Расплатиться-то и забылъ!

— Зачѣмъ? — откликнулся Борисъ.

— Нѣтъ, братъ, я такихъ шляхетныхъ фасоновъ не допускаю.

И быстро смекнувъ, что могъ стоять завтракъ, онъ вынулъ изъ кармана старый кошелекъ и досталъ изъ него два франка.

— На мою долю — достаточно. Такъ ли, князинька? Еще полстакана. За твое здоровье! Тебѣ это нужнѣе, чѣмъ мнѣ. Я — двуужильный.

Они спустились къ боковой двери въ кабачокъ.

Хазинъ взялъ Бориса за одно плечо и съ ласковой улыбкой поглядѣлъ на него.

— Только, пожалуйста, Елатомскій, ежели ты въ какую дѣву или бабенку будешь втягиваться — не срами себя... не позволяй отбивать у себя такимъ стрекулистамъ... какъ тотъ ээиръ.

— Какой ээиръ? — переспросилъ Борисъ.

— Да тотъ! Безмѣрный, неизмѣримый!..

Онъ чрезвычайно смѣшно передразнилъ голосъ и произношеніе Пѣнскаго.

Борисъ не могъ воздержаться отъ улыбки.

— Тоже анархистомъ себя величаетъ! Посмотрю я на такого ээира, когда мы съ нимъ очутимся на всеобщей свалкѣ.

Покажемъ мы ему, что такое нашъ „эиръ“, каково онъ пахнетъ!

И онъ захохоталъ раскатисто и жутко.

— Не провожай меня! Ты и безъ того усталъ. Посиди!

Хазинъ махнулъ рукой, сбѣжалъ съ крутого пригорка и повернулъ сейчасъ же на дорогу, поднимавшуюся все въ гору. Борису видно было, черезъ изгородь навѣса, какъ Хазинъ, широко шагая, все еще съ шляпой на затылкѣ, шелъ по лѣвой тропкѣ, до той минуты, когда онъ совсѣмъ былъ наверху и— на поворотѣ шоссе—скрылся.

Вернувшись къ столу, гдѣ они завтракали, Борисъ вспомнилъ, что надо позвать кого-нибудь и расплатиться. Но онъ медилъ.

Передъ нимъ, справа, лежала все та же полоса пейзажа съ нѣжно-голубымъ небомъ, двумя пиніями и розоватыми извилинами римскихъ зданій, съ куполомъ Петра.

Онъ вынулъ изъ кармана томикъ въ черномъ переплетѣ. Съ нимъ онъ почти никогда не разставался. Тѣ греческія строки, которыя попались Хазину въ его записной книжкѣ, почему-то ему захотѣлось записать наизусть, въ оригинальномъ текстѣ.

А Новый Завѣтъ чернаго томика былъ русскій. Привычнымъ движеніемъ развернулъ онъ на Апокалипсисѣ страницу 615, и въ восемнадцатой главѣ, про себя, съ чуть примѣтнымъ трепаньемъ губъ, читалъ:

„Звѣрь, котораго ты видѣлъ, былъ, и нѣтъ его, и выйдетъ изъ бездны, и пойдетъ въ погибель; и удивятся тѣ изъ живущихъ на землѣ, имена которыхъ не вписаны въ книгу жизни отъ начала міра, видя, что звѣрь былъ, и нѣтъ его, и явится“.

Этотъ *зверь*—кровожадный и безумный—сынъ Агриппины. Онъ былъ и нѣтъ его; но онъ явится. Въ чемъ? Не въ томъ ли будущемъ вождѣ разрушителей изъ той рати, куда поступилъ его товарищъ, только-что ушедшій?..

И дальше онъ прочелъ:

„Здѣсь умъ, имѣющій мудрость. Седмъ головъ суть седмъ горъ, на которыхъ сидитъ жена“...

— Жена! Вавилонская блудница! Кто же это, какъ не Римъ?!—спросилъ Борисъ, нервно вздрогнувъ.

Борисъ прочелъ уже вслухъ, и странно звучали эти русскія слова въ тепломъ, прозрачномъ воздухѣ:

„Жена, которую ты видѣлъ, есть великій городъ, царствующій надъ земными царями“...

Онъ опустилъ голову въ руки и больше минуты сидѣлъ такъ,

потомъ быстро поднялся, положилъ томикъ въ карманъ и пошелъ расплатиться.

Вечеромъ, вернувшись домой, Борисъ заперся у себя наверху и до утра слѣдующаго дня не выходилъ отъ себя. Поздно сидѣлъ онъ у письменнаго стола, подѣ лампой, и передъ тѣмъ, какъ идти спать, нѣсколько разъ перечелъ письмо, написанное на двухъ большихъ листахъ почтовой бумаги.

Оно пошло за границу на другой день. Утромъ, проснувшись чуть свѣтъ, онъ еще разъ перечелъ его, но ничего не выкинулъ.

Въ этой исповѣди человѣку, котораго онъ считалъ своимъ „вдохновителемъ“, стояло слѣдующее:

„Дорогой, несравненный учитель, прихожу къ вамъ на скорбную и тяжелую исповѣдь, въ минуту страшнаго колебанія и сомнѣнія, охватившаго со всѣхъ сторонъ мою трепетную душу.

„Не колеблюсь я въ томъ, что высшая благодать ведетъ мѣръ и насъ въ немъ къ просвѣтленію, въ томъ, что все—благо и все полно премудрости. Но усомнился я вотъ въ чемъ—отдавать ли прежде всего мои скудныя силы на то дѣло, съ которыми я такъ стремился въ вѣчный городъ? Высокая цѣль; но въ достиженіи ея—сомнѣваюсь, когда я ухожу душой на самое дно всего того житейскаго, сотканнаго изъ вѣковыхъ запретовъ, предубѣжденій, ненавистничества и нетерпимости, съ чѣмъ надо будетъ вступать въ борьбу.

„Знаю, что за мою „затѣю“—такъ называютъ ее всѣ или почти всѣ—стоятъ и у насъ такіе вожди, какъ вы, что даже люди, утратившіе благодать, какъ мой благородный отецъ, нелицемѣрно сочувствуютъ ей, изъ одной преданности священному принципу свободы совѣсти.

„Но много ли ихъ? На кого можете вы, дорогой учитель, указать мнѣ, какъ на человѣка, который рѣшится мужественно воздѣлывать ту же ниву? И что его ждетъ?

„Но вѣрьте—не слабодушіе смущаетъ меня! Мнѣ довольно и примѣра все того же отца моего, который не побоялся лучше запереть для себя возвратъ на родину, чѣмъ позволить наложить оковы на свою духовную свободу.

„Нѣтъ! Я не боюсь неизбежныхъ испытаній! Передо мною всталъ, во всей своей неотразимости, вопросъ: съ *этою* ли начинать теперь? можно ли закрыть глаза и зажать уши передъ тѣмъ кромѣшнымъ адомъ, гдѣ идетъ несмолкаемый скрежетъ

страданія, ненависти, отчаянія и всяческаго вырожденія, въ хлябяхъ, гдѣ отверженное человѣчество кипитъ въ неутѣшимыхъ мученіяхъ?..

„Кто же, какъ не вы, учитель, указывалъ мнѣ на увлеченіе разрушительными доктринами, на это повѣтріе анархїи, всякой—и религіозной, и соціальной, и этической?...

„Но безъ фактовъ въ рукахъ и эти проповѣдники всеобщей ликвидаціи не смѣли бы всюду проникать и не могли бы находить отклики, дѣлать прозелитовъ не сотнями, а тысячами.

„И факты эти существуютъ. Я зналъ ихъ и доселѣ; но больше издали, изъ книгъ, изъ разговоровъ, изъ воззваній и памфлетовъ. Случалось и слышать проповѣди и рѣчи: и въ римскихъ церквахъ, и на парижскихъ и лондонскихъ сходкахъ, гдѣ—и во имя Искупителя всѣхъ обремененныхъ и трудящихся, и во имя яростныхъ революціонныхъ возмездій тѣмъ, кто захватили деньги и власть—громятъ проповѣдники все общество конца XIX-го вѣка, допустившее такой возмущающій душу „порядокъ“, защищая его порохомъ, пулями и картечью.

„Сколько разъ, когда перечитывалъ я, и одинъ, и съ вами, „Откровеніе“ апостола Іоанна—повторялъ я извѣстный возгласъ вдохновеннаго ясновидца, обращенный къ вавилонской блудницѣ, къ Риму Нерона.

„И не блудницей ли „Откровенія“ является нынче и вся хищная и бездушная человѣческая свалка, гдѣ—ни правды, ни страха высшаго суда, ни любви, ни завѣта, ни освященія?..

„Страшно становится душѣ отъ такой мысли!

„Вѣдь не даромъ же, въ концѣ этого вѣка, съ высоты первосвятительскаго престола раздался голосъ, призывающій милость къ рабамъ жестокой цивилизаціи, требующій равноправности передъ лицомъ Того, Кто всѣхъ одинаково любитъ и за всѣхъ принесъ Себя въ жертву—и за мытаря, и за разбойника!

„Спустились сначала туда!—шептала мнѣ моя совѣсть.—Побывай въ „станѣ погибающихъ“, извѣдай на себѣ всѣ ужасы, какіе себялюбіе, бездушная чувственность и торжествующій развратъ сытыхъ создали повсюду, гдѣ—одичаніе и позоръ, забитость и безпомощность голодныхъ!..

„Не кусокъ хлѣба тутъ важенъ, самъ по себѣ, а то, какъ животная свалка изъ-за него выѣдаетъ изъ богоподобныхъ существъ все человѣческое.

„Развѣ это не правда, учитель? Вы сами десять разъ говорили, въ моемъ присутствіи, объ этой вѣчной проблемѣ. И надо

ее вырвать изъ рукъ тѣхъ, для кого нѣтъ правды выше матеріальнаго равноправія.

„Вотъ въ чемъ я усомнился. Не отрекаюсь я отъ своихъ упованій, также любовно лелѣю ихъ въ сердцѣ, но сначала хочу идти въ „станъ погибающихъ“, не различая ни исповѣданія, ни расы, ни чистыхъ, ни порочныхъ, ни элина, ни іудея!

„Въ вашемъ напутствіи вы, я знаю, мнѣ не откажете, вы—радълецъ свободы духа, не только въ исканіи достижимой истины, но и въ самомъ заблужденіи.

„И это еще не все... не вся правда о себѣ. Здѣсь я пережилъ испытаніе въ личномъ чувствѣ къ женщинѣ. Оно не было хорошимъ чувствомъ. Такая любовь не подниметъ духа къ вершинамъ богопониманія. Она суетна, себялюбива, полна возвратовъ или къ облыжной чувственности, или къ тщеславной тревогѣ мужчины, жаждущаго признанія своихъ качествъ и достоинствъ.

„Тѣло мое заплатило дань этому *подобію* любви. Я былъ боленъ, и когда сталъ оправляться, то, съ каждымъ днемъ, все сильнѣе и сильнѣе проникался потребностью пройти сначала искусь—и не въ скитскомъ житѣ безстрастнаго отшельника, не въ желѣзныхъ веригахъ спасенія души—въ чемъ гнѣздится, какъ и вы всегда говорите, червь *эдемонизма*, слишкомъ личной заботы о блаженствѣ,—а въ многообразныхъ веригахъ, на которыя обречены отверженные вѣка, величающаго себя великимъ.

„Когда до васъ дойдетъ это письмо, меня уже не будетъ въ Римѣ. Съ чего я начну, куда мнѣ идти теперь же—я еще не знаю, да и не хочу писать программъ. Эта „затѣя“ можетъ меня завести въ непроходимыя тѣснины современнаго ада... Я на все иду.

„Если мнѣ Господь не пошлетъ великой радости свидѣться съ вами въ земной жизни — попомните мои грядущія и неизбѣжныя раны. Простите за это указаніе на того самаго служителя Благой Вѣсти, который сказалъ вѣщія слова: „нѣтъ ни іудея, ни элина“!..

XIX.

Воздухъ точно таялъ въ ровномъ свѣтѣ передобѣденной поры. Въ немъ носились пахучія струи—сзади, отъ кипарисовъ сада, и оттуда, съ площади, вдоль древнихъ стѣнъ, гдѣ разбрелись темно-зеленыя пиніи. Ворота выступали бурья, мшистыя. А справа

мягкими тонами старого мрамора какъ бы дышалъ фасадъ латеранскаго собора, съ его музеемъ—когда-то пребываніе папъ.

На скамьѣ сада исторической виллы съ обломками статуй и рельефовъ сидѣли рядомъ князь Иванъ и Мѣдниковъ.

Они долго не могли оторваться отъ картины.

На площади, поросшей травой, учились солдаты. Ихъ парусинныя куртки и панталоны то смыкались свѣтлосѣрымъ пятномъ, то расходились. Стволы ружей то блеснуть на поворотѣ, то померкнуть. Въ ворота и изъ воротъ городской стѣны ползутъ двухконныя голубыя повозки винодѣловъ. А тамъ, прямо, свѣтлосизой дымкой окутаны „Castelli Romani“, и взглядъ тянется туда, ища новаго успокоенія. И въ ухахъ беззвучно раздаются пѣвучія имена: „Frascati, Marino, Albano, Castel-Gandolfo, Rocca di papa“!

Мѣдниковъ докурить папиросу, бросилъ окурокъ и оглянулъ князя. Тотъ совсѣмъ ушелъ глазами вдаль, и блѣдное, худое лицо застыло въ тихомъ созерцаніи.

— Князь Иванъ Романовичъ!

— Что?—точно пробудившись, отозвался тотъ.

— Хорошо какъ!

— Чудесно, милый!

— А вѣдь, кажется, никакихъ особыхъ красовъ. Все то же: церковь справа, церковь слѣва, прямо стѣна, ворота, а тамъ невысокія горы, да сводъ неба съ синевой. Какъ эти слова Шатобриана, которыя вы любите повторять о Римѣ?

— Которыя? Ихъ нѣсколько.

— Самыя ваши любимыя. Я боюсь перевернуть.

— А! Знаю!

И князь, полусакрывъ глаза, медлительно произнесъ, немного нараспѣвъ:

— „Rome! C'est le plus grand appui aux lassitudes de l'âme“.

— Какъ вѣрно! И какъ превосходно выражено! Вотъ и не ученый психіатръ былъ этотъ французъ-баринъ, а зарубилъ на вѣки, какъ утомленіе, истому души—врачуешь Римъ...

— Какъ вы сказали, голубчикъ? Истому души... Это прекрасно! Прекрасно!

И онъ приласкалъ его глазами. Но въ нихъ была печаль. Мѣдникову показалось даже, что на длинныхъ рѣсницахъ задрожали слезы.

И точно затѣмъ, чтобы не поддаваться грусти, князь какъ бы обрадовался, что можетъ щегольнуть цитатами: на нихъ у него была изумительная память.

— Повторимъ, мой другъ, слова Цицерона въ письмѣ къ другу его, Руфу.

— Я врядъ ли и зналъ ихъ когда,—мотнувъ головой, вымолвилъ Мѣдниковъ.

— „Urbem, mi Rufe, cole, in ista luce vive“? Да, жить въ свѣтѣ этого несравненнаго города... Только въ какомъ?.. Не въ томъ, что продавали за деньги папы, когда жили вотъ тутъ, въ Латеранѣ.

— И не тамъ, на Яникулѣ, — продолжалъ онъ, поведя головой назадъ.—И нашъ бѣдный Боря, кажется, уразумѣлъ это. Жилъ здѣсь серьезный французъ Дидье, любитель и знатокъ Рима. Вы видали его книгу у меня. Онъ такъ выразился...

Князь откинулъ голову назадъ, желая припомнить, и проговорилъ увѣренно:

— „Le Vatican fut l'étoile du monde; il ne l'est plus“.

— Будемъ уповать на это!

Упоминаніе о Борисѣ кольнуло и Мѣдникова. Къ нему онъ привязался почти какъ къ сыну. И вотъ они съ княземъ осиротѣли. Уже недѣля будетъ завтра, какъ Борисъ уѣхалъ... внезапно, почти не простившись съ отцомъ. Пришла отъ него депеша изъ Неаполя, что онъ здоровъ и просить о немъ не тревожиться.

Но сегодня князь получилъ отъ него большое письмо. Они читали его вдвоемъ и перечитывали. Тонъ письма приподнятый, но складный, и скорѣе строгій, мѣстами до суровости. Онъ оставляетъ, повидимому, если не навсегда, то надолго, свою римскую „миссію“; а хочетъ спуститься въ „адъ“, созданный человечествомъ для тѣхъ, кто не побѣдилъ въ хищнической свалкѣ.

Сейчасъ же имъ обоимъ пришло подозрѣніе, что увлекъ его Хазинъ. Но князь не допускалъ, чтобы Борисъ—такъ сразу—очутился въ рядахъ разрушителей общества. Мѣдниковъ не высказывался... не потому, что боялся огорчать отца, а потому, что не могъ не предположить въ удаленіи Бориса симптома какого-нибудь „психоза“.

— Куда онъ просить писать ему? — спросилъ Мѣдниковъ, послѣ небольшой паузы.

— Въ Палермо. Poste restante.

— Значить, Сицилія! Самая горячая почва для того, кто повернетъ въ сторону соціальной правды...

— Неправды! — подхватилъ князь.

— Такъ что-жъ изъ этого, Иванъ Романовичъ? Пускай его поживетъ не мистикой, а настоящей сущю жизни. Онъ оста-

нется вѣрующимъ. Стало, динамитъ пускать въ ходъ не будетъ. Побѣгаетъ, побѣгаетъ, да и вернется къ намъ, въ теплое гнѣздо, гдѣ у него такой другъ, какъ вы.

— И профессоръ Мѣдниковъ,—добавилъ князь.—Его вѣдь давно тянуло и туда, въ Россію, на подвигъ... пострадать за меня.

И князь разсказалъ Мѣдникову впервые то, что было между нимъ и сыномъ, въ саду виллы Медичи.

— Могъ ли я на это согласиться? Другъ! Скажите! Мнѣ что же терять? Потянетъ меня и туда—я не испугаюсь того, что со мною могутъ сдѣлать. Выпроводятъ меня сюда же. Прекрасно! И отсюда можно служить идеѣ.

Онъ вынулъ изъ бокового кармана бумажникъ и досталъ письмо, на плохой бумагѣ, сложенное въ три раза.

— Вотъ мои друзья не забываютъ меня... знаютъ, что я готовъ всячески помочь имъ... чѣмъ могу. Какой ясностью душевной дышать эти строки!

И онъ прочелъ съ маленькими паузами отъ неразборчиваго, малограмотнаго почерка:

„Вы, ваше сіятельство, нашъ любительный пріятель и яко самоцвѣтный адамантъ, изливаете на насъ свѣтъ вашего неоставленія. Господу Богу угодно, въ своей премудрости, послать намъ тяжкія испытанія. Не ропщемъ мы и какъ единъ духъ стоимъ за то, чему Спаситель училъ въ своей земной жизни. Знаемъ мы—и вы изволили говорить намъ самолично,—что сами вы—не нашей вѣры. Тѣмъ паче сладостно и лестно намъ такое ваше къ намъ расположеніе. Слѣдственно, всякій, въ комъ теплится душа—жалѣетъ насъ... нищихъ теперь и оскудѣлыхъ; но не духомъ... Имъ-бо пребываемъ бодры, и днесъ, и отнынѣ, и во вѣки вѣковъ“.

Слезы уже явственно заблестѣли на рѣсницахъ князя. Отъ волненія у него дрогнулъ и голосъ, когда онъ дочитывалъ.

— Куда бы ни пошелъ Боря,—заговорилъ онъ блѣдный, съ восторженно поднятыми глазами,—я знаю: въ одномъ онъ не уйдетъ отъ своего отца. Свобода совѣсти—вотъ нашъ общій завѣтъ. Вотъ что и для него уже выше всякой истины, вотъ безъ чего онъ не согласится служить никакому дѣлу, никакой миссіи.

Мѣдниковъ взялъ его свободную руку и крѣпко сжалъ.

Въ груди его точно что заиграло отъ волненія. Его недавній пациентъ, шалый баринъ—сталъ для него, въ эту минуту, еще дороже. Если мѣсяцъ тому назадъ было бы тяжело проститься съ нимъ, зная, что ему теперь почти нѣтъ хода домой, то теперь это дѣлается еще горше.

А надо рѣшать. Остаться на неопредѣленное время за границей, бросить дѣло и службу, искать въ созерцательной жизни забвенія всего, что жизнь принесла тяжелаго, ехиднаго?.. Или вернуться опять къ вознѣ съ людьми?

Уже третій день идетъ, какъ онъ получилъ два адреса—одинъ отъ сослуживцевъ, другой—отъ студентовъ двухъ старшихъ курсовъ—гдѣ его умоляютъ не покидать каведры, о чемъ держатся упорные слухи. Горячій этотъ призывъ тронулъ и всколыхнулъ его. Долго бесѣдовалъ онъ вчера со старикомъ Екунинымъ. Тотъ хотъ и привелъ опять примѣръ Аристотеля и Теофраста, гуляющихъ по берегу моря, но все же сказалъ на прощанье:

— Нельзя оставить юнцовъ! Нельзя! Какъ мнѣ ни прискорбно терять васъ... А кто знаетъ—доживу ли до вашего возвращенія? Не покидайте преждевременно, не покидайте юнцовъ!

Почти смущенно сталъ Мѣдниковъ сообщать и князю объ адресѣ. Передалъ и свиданіе съ Екунинымъ.

Князь опустилъ голову и не сразу заговорилъ.

— Надо ѣхать,—почти шопотомъ вымолвилъ онъ и, поднявъ голову, сталъ какъ-то странно улыбаться, не отрывая глазъ отъ площади, гдѣ все еще учились солдаты, въ холщевыхъ курткахъ.

— Выходить, надо,—повторилъ Мѣдниковъ.

— Люди мы, а не боги. Такъ ли, другъ Илья Ѳеодоровичъ? Сладко и соблазнительно уйти отъ мірскаго муравейника и созерцать только то, что нашъ умъ чувствуетъ въ судьбахъ вселенной. Нельзя! Я ли, вы ли, слабый тѣломъ и духомъ дилеттантъ, или человекъ науки и труда, но привязка одна... Люди! Ха, ха!

Смѣхъ его зазвучалъ особенно: какъ бы пополамъ со слезами. Но онъ снялъ шляпу, обмахнулся ею, вставилъ свой монокль и протянулъ Мѣдникову руку.

— Не отнимутъ же васъ ваши студенты совсѣмъ! Не выкинете же вы изъ памяти сердца блаженненькаго князя Ивана Романовича? А?

Онъ взялъ обѣ руки Мѣдникова и сталъ тихо трясти ихъ.

Мѣдниковъ только-что хотѣлъ что-то сказать—и вдругъ сзади ихъ, съ верху сада, шедшаго террасами, раздались молодые голоса и кто-то крикнулъ по-русски:

— Володя! Я тебя!

— А что ты мнѣ сдѣлаешь?—задорнѣе разносился другой отроческій голосъ.

— А вотъ что!

Оба друга переглянулись. Мѣдниковъ удивленно спросилъ князя:

— Это почему?

— Какже. На виллѣ живетъ русское семейство.

И онъ назвалъ громкое титулованное имя.

И Мѣдникову эти голоса показались какнмъ-то знаменованіемъ: они точно напомнили ему о той молодежи, что звала его такъ горячо, въ своемъ адресѣ.

— Да, Иванъ Романовичъ,—выговорилъ онъ съ удареніемъ. — Отъ людей никуда не уйдешь. Безъ нихъ, тамъ, въ надземныхъ сферахъ—и онъ повелъ вверхъ рукой—мракъ и стужа.

Сидѣли они на диванѣ, на крутомъ заворотѣ дорожки, обсаженной миртовой изгородью.

Только-что Мѣдниковъ смолкъ, изъ-за угла точно выплыло что-то свѣтлое.

— Никакъ сюда идутъ,—шопотомъ сказалъ онъ князю.

Тотъ сейчасъ же обернулся.

— А... *die demonische*...

Онъ сразу не досказалъ и, нагнувшись къ уху Мѣдникова, выговорилъ:

— *Demonische Natur!*

Оба чуть-чуть засмѣялись.

Людмила этого не замѣтила. Она быстро подошла и встала передъ ними.

Князь первый хотѣлъ подняться.

— Пожалуйста, князь, сидите. И вы также, Илья Федоровичъ! — ласково и сдержанно, прищуриваясь, заговорила Людмила, стоя передъ ними подъ пестрымъ зонтикомъ, въ огромной, укутанной въ газъ и кружева, шляпѣ.

— Какъ вы попали сюда?—спросилъ Мѣдниковъ.—Какъ и мы... съ билетомъ?

— Нѣтъ... я въ господскомъ домѣ была.

— Въ господскомъ домѣ?—повторилъ за нею князь.—*C'est drôle!*

— А то какъ же? Вѣдь здѣсь русскіе баре проживаютъ. Ваша кузина, князь, дала мнѣ порученіе къ самой,—протянула она комически.—А гдѣ же Борисъ Ивановичъ?

— Онъ уѣхалъ,—отвѣтилъ просто князь.

— Куда? Можно спросить?

— Въ Неаполь... и дальше въ Сицилію.

— Съ своимъ однокашникомъ Хазинымъ, можетъ быть? *Le chemineau*, ха, ха! А вы, профессоръ, еще поживете у насъ?

— И я собираюсь.

— Нѣ-ѣтъ?!—протянула она и усмѣхнулась.— Мы еще увидимся — надѣюсь. Прощайте, господа, не хочу вамъ мѣшать наслаждаться.

И, не подавая имъ руки, Людмила убѣжала.

Они съ минуту молчали. Но и того, и другого, схватило одно чувство—внезапно и неожиданно—въ видѣ вопроса: помню, застрахованы ли они, или нѣтъ—отъ *женщины*, отъ всего, что она вноситъ въ жизнь мужчины, въ постыдныхъ его страданіяхъ, или въ еще болѣе позорномъ его паденіи?

Когда они взглянули другъ на друга, князь какъ будто понималъ это, и у него вырвалось однимъ духомъ:

— Всякое рабство лучше рабства передъ тѣмъ, что пошло гулять по свѣту, въ жаргонѣ сентиментальныхъ снобовъ:— „das Ewig-Weibliche“!

— Всякое!—повторилъ Мѣдниковъ.

— Не надо его! Не надо!—продолжалъ такъ же нервно князь.—И безъ него довольно у человѣка муки, здѣсь... на этой ничтожной планетѣ. Retro, Satanas!

— Не такъ страшно, Иванъ Романовичъ,—съ тихимъ смѣхомъ отозвался Мѣдниковъ.—Авось—устоймъ!

Они смолкли—продолжая попрежнему любоваться Вѣчнымъ городомъ...

П. БОВОРЫКИНЪ.

Сентябрь, 1898.
Б.-Бадень.

МИЛЛІОНЫ

■

ЧТО СЪ НИМИ НАДО ДѢЛАТЬ.

ФИАНТРОПИЧЕСКІЙ ПЛАНЪ АМЕРИКАНСКАГО МИЛЛІОНЕРА.

I.

Всѣмъ извѣстенъ быстрый ростъ богатствъ въ современныхъ культурныхъ странахъ, но немногіе точно знаютъ его размѣръ, — тѣмъ болѣе, что статистическія данныя по этому предмету весьма несовершенны и лишь приблизительны. По расчету извѣстнаго англійскаго статистика Мюльгаля, все богатство на земномъ шарѣ разсчитывается примѣрно (приравнивая фунтъ стерлинговъ къ 10 рублямъ) въ 703 милліарда нашихъ русскихъ рублей, изъ которыхъ львиная доля въ 513 милліардовъ приходится на Европу. Въ послѣдней первое мѣсто по богатству, какъ извѣстно, занимаетъ Великобританія, которая владѣетъ 118 милліардами. Франція — 96 милл., Германія — 80 милл. и Россія — 64 милліардами. Въ то же время по ту сторону Атлантическаго океана лежатъ Соединенные-Штаты, которые недавно взяли первенство въ размѣрѣ богатства передъ Великобританіей и доминируютъ суммой его въ 163 милл. Трудно себѣ и представить, конечно, дѣйствительный размѣръ этихъ колоссальныхъ богатствъ! По примѣрному расчету, если все міровое богатство, указанное Мюльгалемъ, превратить въ русскіе серебряные рубли и класть ихъ въ одну ко-

лонку, то составитъ колонна въ 1.855.000 километровъ высоты; а такъ какъ отъ земли до луны 385.000 километровъ, то, слѣдовательно, колонна будетъ въ 5 разъ больше этого разстоянія!

Все это страшное богатство, накопленное человѣческимъ трудомъ, какъ извѣстно, распредѣлено крайне неравномѣрно, и значительная часть его сосредоточена въ рукахъ немногихъ счастливицевъ. По старымъ даннымъ Вариньи, считали на свѣтѣ въ восьмидесятыхъ годахъ 700 лицъ милліонеровъ, т.-е. владѣвшихъ болѣе, чѣмъ милліономъ фунтовъ стерлинговъ, или, примѣрно, около 10 милл. нашихъ русскихъ рублей. Такихъ милліонеровъ въ Англіи, по его расчету, 200 человѣкъ, въ Соединенныхъ-Штатахъ 100, въ Германіи и Австріи 100, во Франціи 75 и въ Россіи 50. Но всего рѣзче эта концентрація богатствъ въ немногихъ рукахъ съ удивительной быстротой имѣла мѣсто въ Соединенныхъ-Штатахъ Америки. По словамъ сенатора Шермана, въ его интересной статьѣ „Грядущіе билліонеры“, нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ журналѣ „Форумъ“ (Forum), оказывается, что половина всего народнаго богатства принадлежитъ тамъ сорока тысячамъ семействъ богачей, три четверти—250 тысячамъ семействъ. При этомъ милліонеры, т.-е. владѣльцы не однимъ, а многими милліонами долларовъ, по Шерману, насчитываются въ количествѣ 70 человѣкъ, со среднимъ богатствомъ на душу по 37,5 милл. долл., и самый бѣдный изъ этихъ семидесяти владѣть состояніемъ въ 20 милл. ф. ст.!!..

Недавно произошла консолидація двухъ такихъ громаднхъ состояній, и у одного лица въ настоящее время свыше 200 милл., а у двухъ братьевъ—и того больше. Черезъ какихъ-нибудь 40 лѣтъ,—говоритъ Шерманъ,—богачами будутъ считать билліонеровъ, а не милліонеровъ, какъ нынѣ. Шерманъ останавливается на той разнообразной опасности и вредѣ для страны, которые происходятъ отъ описаннаго неправильнаго распредѣленія и концентраціи богатствъ. На первомъ мѣстѣ онъ ставитъ моральныя послѣдствія: порчу нравовъ, какъ естественный результатъ обладанія немногими лицами огромнаго размѣра состояніями; игра, скандальныя брачныя процессы и т. п. между милліонерами чаще и чаще составляютъ предметъ толковъ печати. Еще опаснѣе послѣдствія этого порядка въ политическомъ отношеніи. Обладатели милліоновъ тѣмъ самымъ имѣютъ въ своихъ рукахъ страшную силу, которую могутъ пустить на подкупы избирателей, и всѣ дѣла управленія вершить по-своему, въ своихъ личныхъ интересахъ или согласно своему капризу. Куда же дѣнется тогда свобода и благоустройство страны? „Къ счастью,—

добавляетъ онъ, — американскіе милліонеры чуждаются политики и мало ею занимаются“.

Но медаль имѣетъ двѣ стороны. Мы указали опасныя послѣдствія сосредоточенія богатствъ въ однихъ рукахъ и умноженія числа милліонеровъ съ голоса лицъ, чуждыхъ обладанію милліонами; но выслушаемъ голосъ самихъ богатыхъ людей въ Америкѣ. Прекрасный случай для этого представляется книжкой или, точнѣе, брошюрой по данному поводу, написанной однимъ изъ американскихъ милліонеровъ — Кернэджи. „Богатство и лучшее поприще для филантропіи“ — такъ называется брошюра ¹⁾.

Кто же такой Кернэджи? Это — личность весьма любопытная и принадлежитъ въ категоріи тѣхъ, которыхъ янки называютъ „self-made man“ — человекъ, который самъ себя сдѣлалъ. Родившись въ Англіи, въ Денфорлайнѣ, онъ эмигрировалъ въ Соединенные Штаты, бѣднымъ мальчикомъ началъ свою работу на желѣзодѣлательномъ заводѣ, урывками учился и пополнялъ свое образованіе и энергично работалъ и работалъ. Благодаря энергіи и счастью, богатство его быстро росло, и въ настоящее время ему принадлежатъ нѣсколько крупнѣйшихъ желѣзодѣлательныхъ заводовъ въ Пенсильваніи, и онъ считается однимъ изъ американскихъ милліонеровъ, упомянутыхъ въ числѣ семидесяти. По своимъ воззрѣніямъ, онъ человекъ довольно консервативнаго пошиба, приверженецъ существующей высокопокровительственной системы въ Штатахъ и политики въ духѣ Макъ-Кинлея.

Однако, по новѣйшимъ извѣстіямъ газетъ, ему противенъ шовинизмъ столь быстро развившійся въ Америкѣ послѣ ея легкихъ побѣдъ надъ испанцами, и Кернэджи состоитъ, какъ сообщаетъ на дняхъ „Berliner Tageblatt“, однимъ изъ основателей и членовъ лиги противъ „имперіализма“, какъ американцы окрестили стремленіе воинственной партіи своихъ соотечественниковъ, охваченныхъ успѣхами побѣды надъ испанцами.

Въ своей книжкѣ Кернэджи прежде всего останавливается на значеніи огромнаго переворота, совершившагося въ человѣческомъ бытѣ за послѣднія сотни лѣтъ. Онъ вспоминаетъ бывшее время, извѣстное намъ только по наслышкѣ или по аналогіи современныхъ дикарей, видѣнныхъ имъ краснокожихъ сіу, настоящее состояніе которыхъ авторъ характеризуетъ. Прежде не было крупныхъ богатствъ, но и не было вопіющей крайней бѣдности и нищеты, — все было, примѣрно, одинаково. Вывагъ, или

¹⁾ „Wealth and the best fields for Philanthropy, by Andrew Carnegie, the american millionaire. London. The Victoria Publishing Co“.

хижина индѣйца, начальника, видѣнная авторомъ при посѣщеніи лагеря краснокожихъ, ничѣмъ, говоритъ онъ, не отличается отъ такой же хижины бѣднѣйшаго изъ индѣйцевъ. Совершенную противоположность мы видимъ въ теперешнемъ строѣ: бѣдные и богатые отдѣлены страшною пропастью, и насколько велики размѣры состояній у немногихъ вышеупомянутыхъ счастливцевъ, которые часто не знаютъ, какъ и куда употребить свои богатства, на что ихъ истратить, — настолько же масса народа отличается крайней бѣдностью, временами доходящею до полнѣйшей нищеты. Главная причина этой огромной перемены заключается, по мнѣнію автора, въ измѣненіи стоимости всѣхъ продуктовъ и способовъ производства. Прежде господствовала кустарная и ремесленная система труда съ весьма несовершенными ручными орудіями, и она давала лишь грубые и дорогіе продукты. Нынѣ господствуетъ крупное машинное производство, которое приготовляетъ товары на міровой неизвѣстный рынокъ и съ помощью хитрыхъ и сложныхъ механизмовъ, крайняго раздѣленія и соединенія труда, закупки оптомъ сырья, переработки отбросовъ и проч. достигаетъ по истинѣ изумительной дешевизны приготовляемыхъ продуктовъ, а во многихъ случаяхъ и огромнаго достоинства, съ которыми никакіе продукты былого времени сравняться не могутъ. Всѣ бѣдные классы нынѣ повысились въ образѣ жизни: простой рабочій живетъ теперь лучше, нежели нѣкогда землевладелецъ, а послѣдній — чѣмъ нѣкогда жилъ самый богатый человѣкъ въ странѣ...

И тѣмъ не менѣе нынѣшній порядокъ, несмотря на всѣ заслуги его передъ наукой и искусствомъ, которыхъ существованіе было бы немыслимо безъ накопленія богатствъ, тѣмъ не менѣе — принесъ людямъ не мало зла. За всѣ выгоды богатства человѣчество заплатило не дешево. На сцену выступила свободная конкуренція съ ея крайними послѣдствіями, которая сокращаетъ всѣхъ слабыхъ, находящихся у ней на пути, безъ пощады сталкивая ихъ долой и уничтожая. Весь народъ раздѣленъ какъ бы на двѣ касты — богатыхъ и бѣдныхъ, другъ съ другомъ враждующихъ. Между тѣмъ, — говоритъ Кернеджи, — въ интересахъ общаго блага было бы желательно, конечно, чтобы богатства, доставшіяся человѣчеству трудомъ, наилучшимъ ихъ употребленіемъ связывали человѣчество узами братства, а не раздѣляли на два непріязненныхъ лагеря. Что же надо сдѣлать для этого? — задается вопросомъ Кернеджи. Отвѣтъ, по его мнѣнію, зависитъ отъ того, какъ люди, нажившіе богатство, будутъ имъ распоряжаться.

Въ настоящее время,—продолжаетъ Кернэджи:—избытками нажитыхъ богатствъ люди распоряжаются тремя слѣдующими способами:

Первый: оставляютъ его дѣтямъ или вообще наслѣдникамъ.

Второй: завѣщаютъ послѣ смерти на добрыя, общепользныя цѣли.

Третій: при жизни употребляютъ избытокъ богатства на благія цѣли.

Затѣмъ авторъ приступаетъ къ обстоятельной критикѣ и обсужденію всѣхъ этихъ трехъ способовъ распоряжаться богатствомъ.

Первый способъ — оставленіе его дѣтямъ — по его мнѣнію, самый несовершенный. Кернэджи осмѣиваетъ право первородства въ Англіи и критикуетъ его несостоятельность. „Это право по существу, — говоритъ онъ, — призракъ, а между тѣмъ, не задерживая перехода земли въ другія руки, это право ведетъ англійскаго аристократа къ вырожденію“. Вообще, большія наслѣдства, оставляемыя послѣ смерти, по его мнѣнію, одинаково вредны, какъ государству, составляя въ немъ лицъ съ большими состояніями, ими не нажитыми, и съ тѣми послѣдствіями крайняго богатства, которыя уже указаны, — такъ и дѣтямъ, которымъ они оставляются. „Всемогущій долларъ“, какъ выражается онъ, часто является истиннымъ проклятіемъ, которое ведетъ дѣтей къ несчастію, приучая ихъ къ лѣни и роскоши, и если крайняя бѣдность часто ухудшаетъ нравственность человѣка, то нерѣдко, и даже чаще, то же самое дѣлаетъ богатство, не нажитое трудомъ“. „Часто ли вообще, — спрашиваетъ авторъ, — наслѣдства оказываютъ пользу?“ — и рѣшаетъ вопросъ отрицательно. „Они дѣлаютъ чаще вредъ, чѣмъ добро“. Поэтому Кернэджи приходитъ къ заключенію, что благоразумные родители-милліонеры, не желающіе вредить своимъ дѣтямъ и брать на свою совѣсть неправильное распредѣленіе нажитыхъ милліоновъ, должны оставлять своимъ дѣтямъ, ради ихъ пользы, лишь умѣренный достатокъ, необходимый для безбѣднаго существованія, — остальнымъ же имуществомъ распорядиться иначе.

Второй способъ — оставленіе милліоновъ послѣ смерти на добрыя дѣла — вызываетъ также не малую критику со стороны нашего автора. Во-первыхъ, по его мнѣнію, такое распоряженіе богатствомъ имѣетъ мало цѣны въ нравственномъ отношеніи, ибо богатство поступаетъ здѣсь на добрыя дѣла, когда самъ богатый ими пользоваться уже не можетъ: „бери, Боже, что намъ негоже“. Умершій такъ же мало можетъ распоряжаться своими

богатствами, замѣчаетъ онъ, какъ и гулять по улицамъ Нью-Йорка. Второй невыгодной стороной этого способа распоряженія богатствами является то обстоятельство, что завѣщатель не можетъ лично слѣдить и заботиться о точномъ исполненіи своего завѣщанія, и никакіе душеприказчики не могутъ часто войти въполнѣ въ мысль и желаніе наслѣдодателя. Поэтому весьма нерѣдко, по словамъ Кернэджи, многія наслѣдства, оставленные на хорошія цѣли, задуманныя весьма недурно, являются лишь *памятниками безумія* для своихъ авторовъ. „Наконецъ, вѣдь нельзя ждать,—добавляетъ онъ,—благодарной памяти и со стороны потомства о такихъ жертвователяхъ, ибо съ ихъ стороны, собственно, не было никакой жертвы. На этомъ основаніи во всѣхъ государствахъ существуетъ стремленіе облагать наслѣдства налогами все выше и выше“. Милліонеръ Кернэджи высказывается сочувственно такому способу обложенія, находя его въполнѣ правильнымъ и желательнымъ въ виду интересовъ общаго блага.

Третій способъ — употребленія богатствъ при жизни на добрыя общественныя цѣли. Это—по мнѣнію автора—единственный правильный способъ распоряженія богатствами. Этотъ способъ является, говоритъ онъ, *истиннымъ противоядіемъ всемірному неравномѣрному распредѣленію богатства*. Этотъ способъ,—думаетъ онъ,—явится средствомъ примиренія бѣдныхъ съ богатыми. При такомъ распоряженіи избытками собранныхъ средствъ, богатства, находящіяся въ рукахъ немногихъ, не служатъ общественной невыгодѣ, а являются, напротивъ, общимъ благомъ, и бѣдный увидитъ, что распредѣленное по мелочамъ во многихъ рукахъ богатство пропало бы даромъ, а здѣсь оно въ состояніи принести нечислимую пользу всему человѣчеству.

По мнѣнію Кернэджи, въ то же время на милліонерахъ и вообще на богатыхъ людяхъ лежатъ слѣдующія обязанности, вытекающія непосредственно изъ указаннаго способа распоряженія нажитыми ими состояніями:

Во-первыхъ, богатые обязаны показывать примѣръ скромнаго образа жизни, безъ всякой крайней роскоши; во-вторыхъ, должны обезпечить своихъ дѣтей и близкихъ лишь скромнымъ состояніемъ, которое не лишило бы ихъ должной энергіи въ борьбѣ за существованіе; въ-третьихъ, они должны смотрѣть—это главное—на избытки своего богатства лишь какъ на *фондъ, доставренныя временно судьбой ихъ попеченію*, и которымъ они обязаны завѣдывать по своему крайнему разумѣнію, такимъ образомъ, чтобы оказывать, съ помощью его, наиболѣе благодѣтельные послѣдствія для блага всего народа.

Такимъ образомъ, изъ разсужденія Кернэджи выходитъ, что „богачъ является какъ бы управляющимъ или попечителемъ для своей бѣдной братіи, принося имъ на службу свою мудрость, опытность, административныя способности и выполняя эту службу лучше, нежели имѣли бы возможность сдѣлать сами бѣдные“. Итакъ, милліоны, по мысли милліонера же американца, составляютъ лишь предметъ временнаго пользованія богачей и должны быть возвращены народу, которому они собственно и принадлежать.

Теперь предстоитъ рѣшеніе главнаго вопроса: какимъ же образомъ и на что должно тратить эти собранные милліоны? „Во всякомъ случаѣ,—отвѣчаетъ авторъ,—отнюдь не на личную благотворительность, которая покоится на началахъ даровщинки. Несомнѣнно, милостыня развращаетъ берущаго и дающаго: перваго лишаетъ силы въ труду, унижаетъ нравственно и уничтожаетъ его самодѣятельность и побужденіе въ бережливости; у втораго—успокаиваетъ и обманываетъ совѣсть, давая право думать, что онъ какъ бы дѣлаетъ добро, раздавая копѣечки,—а во-вторыхъ, такая благотворительность не имѣетъ цѣны, ибо здѣсь нѣтъ чувства лишенія или самовоздержанія въ подачкѣ ничтожной милостыни“.

Вообще, существующая форма благотворительности, по словамъ Кернэджи, не только не благо, а напротивъ, серьезное препятствіе въ улучшенію общественнаго быта. „Для человѣчества было бы выгуднѣ,—говоритъ онъ,—милліоны богатствъ даже выбросить въ море, нежели раздавать его лицамъ лѣнивымъ, безнравственнымъ и часто подверженнымъ пьянству. Изъ каждой тысячи долларовъ, истрачиваемыхъ нынѣ на такъ-называемую благотворительность, по крайней мѣрѣ 950 тратятся глупо, и притомъ настолько глупо, что производятъ гораздо большее зло, нежели то, которое старались уничтожить“... Милостыня чаще всего наслѣдіе порока, а не помощь добродѣтели. „Люди же,—говоритъ Кернэджи,—которые даютъ милостыню, не только не проявляютъ добраго дѣйствія, а напротивъ, выказываютъ лишь злую волю, оберегая себя отъ доуки и ублажая свою лѣнь и негуманность подачей копѣечекъ“. „Не знаешь здѣсь, чему болѣе удивляться,—добавляетъ авторъ, въ заключеніе:—наивной довѣрчивости или ограниченности и отсутствію истиннаго чувства милосердія у такихъ раздавателей подачекъ! Тѣ бѣдняки, которые достойны помощи, не надо забывать,—за рѣдкими исключеніями—никогда не просятъ“...

Какъ же послѣ этого надо тратить милліоны?—Исключительно,

объявляетъ авторъ, на общественныя нужды и при томъ *на учрежденія, а не на отдѣльныхъ людей* и никакъ не въ формѣ какихъ-либо личныхъ подачекъ; и затѣмъ Кернэджи приводитъ рядъ иллюстрацій или примѣровъ, какъ въ Америкѣ затрачиваются богатства, дабы показать наилучшіе, по его мнѣнію, способы распоряженія ими.

Первая и достойнѣйшая цѣль разумной филантропіи—это *основаніе бесплатной общественной библіотеки*. Такое употребленіе милліоновъ наиболѣе производительно въ смыслѣ добра и всеобщей пользы. По словамъ Джона Брайта, „невозможно для человѣка оказать большаго благодѣянія, напримѣръ, молодому человѣку, какъ предоставивъ ему бесплатный доступъ въ хорошую общественную библіотеку“. При этомъ Кернэджи переносится мыслію къ своему раннему дѣтству, воспоминаетъ себя бѣднымъ мальчикомъ, который вмѣстѣ съ своимъ братомъ чрезвычайно обязанъ образованіемъ доступу въ небольшую библіотеку одного почтеннаго человѣка, нѣкоего полковника Андерсона въ Питсбургѣ... Америка изобилуетъ примѣрами этого рода распоряженія богатствомъ. Лучшій образецъ въ духѣ Кернэджи, это богачъ Праттъ въ Балтиморѣ, подарившій еще при жизни народу одинъ милліонъ долларовъ на основаніе такой бесплатной библіотеки. Въ ней теперь насчитывается посѣтителей болѣе 37.000 человѣкъ, которые каждый годъ берутъ для чтенія многія сотни тысячъ книгъ на домъ. Начатая благоразумно сравнительно съ небольшимъ запасомъ, ежегодно развиваясь, бесплатная общественная библіотека Пратта уже открыла недавно пятое отдѣленіе въ городѣ своей читальни. Такія же библіотеки существуютъ: въ Бостонѣ—основанная на средства Джозуа Бэтсъ. Еще недавно знаменитый милліонеръ Тильдэнъ въ Нью-Йоркѣ пожертвовалъ пять милліоновъ долларовъ на основаніе такой же библіотеки въ этомъ городѣ, но его волю еще не успѣли исполнить. Также въ Нью-Йоркѣ находится знаменитый институтъ Купера, пользующійся обширной извѣстностью, который соединяетъ во едино читальню, библіотеку и чтенія популярныхъ лекцій—все бесплатно.

Второй прекрасный способъ пожертвованія, это—на *основаніе или нужды университетовъ* или ихъ учрежденія какого-либо рода. Слѣдуетъ припомнить, что въ Америкѣ, обратно съ Россіей, наибольшая часть высшихъ учебныхъ заведеній—частныя учрежденія, тогда какъ народныя школы преимущественно государственныя и бесплатныя. Многочисленный рядъ примѣровъ приводится и припоминается Кернэджи по этому предмету. Такъ,

сенаторъ Станфордъ въ Калифорніи недавно основалъ въ память умершаго сына на берегахъ Тихаго океана образцовѣйшій и богатѣйшій университетъ для лицъ обоого пола, затративъ на эту цѣль уже десять милліоновъ долларовъ и обѣщая къ нимъ прибавить со временемъ еще вдвое болѣшую сумму денегъ. Обставленный во всѣхъ отношеніяхъ прекрасно, университетъ этотъ обѣщаетъ со временемъ сдѣлаться однимъ изъ лучшихъ въ Америкѣ...

Но и большинство наилучшихъ американскихъ университетовъ основаны на пожертвованіи милліонеровъ, а не на средства государства и носятъ наименованія жертвователей. Достаточно для этого привести ихъ названія, обычно по именамъ жертвователей: Гарвардъ, Корнелль, Йель, Вандербильтъ въ Нэшвиллѣ, Рокфеллера въ Чикаго, Гопкинса, Павера и мн. др. Наконецъ, кто не желаетъ или не имѣетъ средствъ для основанія или содержанія цѣлаго университета, тотъ можетъ помочь его отдѣльному учрежденію или устроить тотъ или иной спеціальнѣйшій курсъ. Трогательный образецъ послѣдняго представляютъ, напримѣръ, въ Балтиморѣ, пожертвованія супруговъ Торнбеллъ въ память своего маленькаго сына Перси, рано умершаго. Они пожертвовали крупный вкладъ „Percy Turnbull Memorial“ въ John Hopkins University, чтобы на проценты съ этого капитала приглашались лучшіе профессора изъ разныхъ странъ Европы, для чтенія ежегодно *курса поэзіи*, что и исполняется; при чемъ самыя разнообразныя лица изъ историковъ литературы и поэтовъ выполняютъ ежегодно это назначеніе въ Балтиморѣ. Чрезвычайно популярными въ странѣ янки также являются пожертвованія на обсерваторіи и вообще на цѣли доставленія наилучшихъ средствъ занятіямъ астрономіей. На первомъ мѣстѣ стоитъ знаменитая обсерваторія Лика, бывшаго нѣкогда шарманщикомъ, а затѣмъ дѣлательмъ шарманокъ и подъ старость пожертвовавшего все свое состояніе въ шесть милліоновъ долларовъ, на которые основана на горѣ Гамильтонъ, близъ Санъ-Франциско, превосходная обсерваторія, съ рѣдкимъ телескопомъ. Лишь въ прошломъ году, говорятъ, она была превзойдена по своимъ качествамъ новымъ даромъ американскихъ милліонеровъ, воздвиженіемъ обсерваторіи Чарльза Іеркса, на Женевскомъ озерѣ, въ штатѣ Висконсинъ, близъ Чикаго, по слухамъ, владѣющей невѣроятнымъ количествомъ астрономическихъ пособій и которой принадлежитъ, между прочимъ, первый объективъ телескопа въ мірѣ. Другой примѣръ—обсерваторія Тоу въ Питсбургѣ, которая дала возможность сдѣлать свои удивительныя открытія профессору Ланглею.

Вообще, подарки новыхъ телескоповъ составляютъ въ Америкѣ предметъ, почему-то, національной гордости, и существуетъ специальный фондъ проф. Лумиса для вспомошествованія обсерваторіямъ, которыя могутъ нуждаться въ такой помощи.

Третій способъ пожертвованія или распоряженія милліонами есть *основаніе госпиталей* и вообще устройство медицинскон помощи: клиникъ, лабораторій, и проч., и проч., для вспоможенія больному человечеству. Примѣромъ этому можетъ служить оригинальное пожертвованіе американца Осборна на основаніе специального училища для больничныхъ сидѣлокъ.

Четвертый способъ пожертвованія — *устройство зданій для собраний и увеселеній* народа, народныхъ дворцовъ и обыкновенныхъ аудиторій. Въ большинствѣ случаевъ, частныя зданія слишкомъ дороги для устройства въ нихъ какихъ-либо образовательныхъ или увеселительныхъ учреждений, и во многихъ городахъ подобныя затѣи разбиваются именно о недостатокъ такихъ зданій. Поэтому, совершенно справедливо замѣчаетъ Кернеджи, онѣ являются однимъ изъ благороднѣйшихъ подарковъ городу, какой могутъ сдѣлать ему богачи. Спрингеръ основалъ подобное учрежденіе въ Цинциннати; госпожа Осборнъ и многіе другіе построили подобныя же учрежденія во многихъ мѣстахъ своей страны.

Пятый способъ пожертвованія — это *общественныя парки*. Это — одинъ изъ популярнѣйшихъ и извѣстнѣйшихъ видовъ пожертвованія въ Америкѣ. Американцы путемъ опыта пришли въ заключенію, что скученность городскихъ построекъ и отсутствіе древесныхъ насажденій ведутъ за собой самыя вредныя въ санитарномъ отношеніи послѣдствія. Городъ, какъ и всякій живой организмъ, нуждается въ легкихъ, и такими легкими являются большія пространства, ничѣмъ не застроенныя и покрытыя деревьями и лужайками. Поэтому американскіе города другъ передъ другомъ соперничаютъ, стараясь не только всѣ свободныя мѣста въ городѣ засадить деревьями и превратить въ сады, но съ помощью своихъ щедрыхъ жертвователей иногда обширныя мѣста и цѣлыя улицы, уже застроенныя, свупаются на сломъ (какъ это было въ Нью-Йоркѣ, напримѣръ, при проведеніи „Центральнаго Парка“) и, превращаясь въ садъ, подносятся городу, какъ даръ. Авторъ приводитъ, впрочемъ, два примѣра такихъ пожертвованій и въ Европѣ: городъ Бергенъ въ Норвегіи, а также Дрезденъ въ Саксоніи, гдѣ мѣстные богачи оставили деньги на украшеніе города, которыя и употреблены на устройство общественныхъ садовъ, прекрасно содержимыхъ.

Шестой видъ пожертвованія—на общественныя бани и купальни, которыя по своему гигиеническому значенію для большинства народа не нуждаются въ объясненіяхъ.

Наконецъ, седьмой видъ—*церкви и часовни* разныхъ вѣроисповѣданій. Кернэджи, человѣкъ самъ весьма религіозный, помѣстилъ ихъ на послѣднемъ планѣ въ виду разнообразія вѣроисповѣданій, которыми отличается Америка, почему, разумѣется, пожертвованія такого рода не могутъ въ большинствѣ американскихъ городовъ имѣть большого или всеобщаго примѣненія.

Таковъ завѣтъ американскаго милліонера его собратьямъ, другимъ милліонерамъ. Въ заключеніе Кернэджи заявляетъ, что списокъ, имъ составленный, различныхъ цѣлей и видовъ пожертвованій, далеко, разумѣется не полонъ и не исчерпывается всѣмъ, что можно съ готовыми деньгами сдѣлать хорошаго для пользы общества. Во всякомъ случаѣ, всѣ эти способы существуютъ вовсе не для однихъ только милліонеровъ.

„Всякій человѣкъ, имѣющій небольшой избытокъ сверхъ удовлетворенія своихъ скромныхъ требованій,—говоритъ Кернэджи,—можетъ раздѣлить привилегію богатыхъ и принести свою лепту. Само собою разумѣется, для разныхъ людей и мѣстностей должны имѣть мѣсто и разные способы пожертвованія, т.-е., другими словами, надо приравниваться къ нуждамъ и условіямъ мѣста и времени“.

Въ заключеніе, резюмирую главную мысль книги Кернэджи. Она заключается въ слѣдующемъ: при настоящемъ социальномъ порядкѣ законы накопленія богатствъ должны быть предоставлены свободѣ каждаго. Законы распредѣленія точно также свободны. Индивидуализмъ продолжаетъ развиваться, и милліонеры являются лишь попечителями или опекунами своихъ богатствъ ради бѣдныхъ, притомъ на время. Большая часть богатства должна возвращаться въ народъ въ формѣ пожертвованій *непрерывно при жизни милліонера*, ибо послѣ смерти нѣтъ со стороны жертвователя ни нравственной заслуги, ни соответствующаго уваженія и сознанія чувства долга со стороны его современниковъ и согражданъ.

II.

Книжка Кернэджи появилась первоначально подъ оригинальнымъ названіемъ: „Евангеліе Богатства“, въ „Сѣверномъ Американскомъ Обзорѣніи“ и затѣмъ была перепечатана въ Лондонѣ въ „Пельмельской газетѣ“ („Pallmall Gazette“). Еще въ корректурныхъ ли-

стахъ издатель послѣдней послалъ произведеніе миллионера знаменитому Гладстону. „Великій старецъ“ въ отвѣтномъ письмѣ издателю выразилъ полное свое сочувствіе въ главныхъ пунктахъ и заявилъ, что онъ присоединяется ко всему, что Кернэджи утверждаетъ и допускаетъ, за немногими лишь исключеніями. При этомъ Гладстонъ выразилъ пожеланіе, чтобы оригинальное произведеніе американца-миллионера было какъ можно болѣе распространено, въ виду своего добраго вліянія, и между прочимъ, чтобы оно имѣлось въ бібліотекѣ каждаго клуба Соединеннаго Королевства.

Узнавъ объ этомъ, лондонскій лордъ-мэръ, съ своей стороны, заявилъ, чтобы, не довольствуясь предложеннымъ, книжка Кернэджи была разслана по всѣмъ читальнямъ и бібліотекамъ Великобританіи. Съ этой послѣдней цѣлью онъ купилъ ее въ достаточномъ количествѣ и выполнилъ такимъ путемъ мысль Гладстона въ наиболѣе широкихъ размѣрахъ.

Еще въ томъ же 1890 году, въ ноябрьской книжкѣ англійскаго журнала „XIX-ое столѣтіе“ (Nineteenth Century), появилось обширное открытое письмо престарѣлаго Гладстона, посвященное только что изложенному произведенію американскаго миллионера, подъ названіемъ: „Кернэджи, Евангеліе Богатства“. Статья Гладстона начинается съ ознакомленія читателя съ личностью и біографіей самого Кернэджи, т.-е. сообщаетъ свѣдѣнія, намъ отчасти уже извѣстныя. Затѣмъ онъ переходитъ на общую почву, и останавливается на ростѣ богатствъ, подавшемъ мысль или идею самому разбираемому произведенію... Тутъ столь компетентный судья, какъ Гладстонъ, бывшій, какъ извѣстно, нѣсколько разъ и лѣтъ министромъ финансовъ богатѣйшаго государства Европы, подтверждаетъ быстрое увеличеніе тѣхъ чрезмѣрныхъ богатствъ, которыя онъ остроумно называетъ терминомъ „безотвѣтственные богатства“, въ отличіе отъ стараго богатства—земельнаго дохода отъ земли, гдѣ обычаемъ и закономъ была установлена извѣстная отвѣтственность и, такъ сказать, нравственная связь, нынѣ для большинства богачей уже не существующая. Теперешнія богатства, по мнѣнію Гладстона, безотвѣтственны въ томъ смыслѣ, что въ большинствѣ они не несутъ никакой тягости и не оказываютъ пользы, постоянно уклоняясь какъ отъ государственнаго, такъ и мѣстнаго обложенія, и, кромѣ того, онѣ не возвращаются въ сколько-нибудь значительномъ количествѣ къ тѣмъ, которые трудились надъ ихъ созданіемъ, путемъ филантропіи...

Сопоставляя затѣмъ данныя за 1862 и 1889 гг., Гладстонъ указываетъ, что великобританскій доходъ отъ промышленности за

это время увеличился на цѣлыхъ 85⁰%, тогда какъ доходъ съ земли сильно упалъ. Если же взять болѣе длинный періодъ, на примѣръ эпоху введенія подоходнаго налога за 1842 годъ, и сопоставить его съ современнымъ, то окажется, что богатство Великобританіи за это время *утрилось* и растетъ на 200 милл. фунт. стерл. въ годъ. Весь же капиталъ страны составляетъ отъ 10 до 12 милліардовъ фунт. стерл. „Если бы,—разсуждаетъ бывшій премьеръ-министръ,—государство изъ этого колоссальнаго накопленія богатствъ нашей страной посвятило 10⁰% на добрыя дѣла, т.-е. не болѣе 130 милл., то все лицо и наружность Великобританіи измѣнились бы, и нищета—это позорное пятно—исчезла бы, и притомъ ежегодно оставалось бы все-таки 70 милл. стерл. на дальнѣйшій ростъ богатствъ“.

Далѣе Гладстонъ шагъ за шагомъ дѣлаетъ подробный обзоръ извѣстнаго намъ сочиненія американца-милліонера, сопровождая его изложеніе добавочными иллюстраціями и примѣрами, но ни въ чемъ почти существенно не возражая и не отступая. Особенно долго Гладстонъ останавливается на взглядѣ Кернэджи на три вида или способа распредѣленія или пожертвованія богатствъ:

1) Оставлять свое богатство дѣтямъ. Здѣсь Гладстонъ дѣлаетъ нѣсколько бѣглыхъ замѣчаній о правѣ первородства, указывая, сколькими замѣчательными государственными людьми Великобританіи—въ лицѣ наслѣдственныхъ аристократовъ—обязана этому праву, и приводитъ другое замѣчаніе противъ положенія Кернэджи, а именно о значеніи богатствъ для промышленныхъ и коммерческихъ предпріятій, которыя вѣдь придется прерывать или разрушать, если, слѣдуя совѣту американца, милліонеры при жизни будутъ отчуждать его на добрыя дѣла.

2) Положеніе противъ оставленія богатства по завѣщанію на добрыя дѣла Гладстонъ принимаетъ уже безусловно, и не только вполне присоединяется ко всѣмъ перечисленнымъ выводамъ и размышленіямъ Кернэджи, а даже развиваетъ его взгляды далѣе, доставляя новыя критическія замѣчанія въ подтвержденіе его положеній.

Во-первыхъ, по словамъ Гладстона, добрыя дѣла по завѣщанію могутъ принять тотъ упрекъ, что они представляютъ для людей способъ избѣжанія самообузданія и самовоздержанія, что требуется между тѣмъ неперемѣнно при всякихъ пожертвованіяхъ или добрыхъ дѣлахъ при жизни.

Во-вторыхъ, Гладстонъ оспариваетъ названіе добродѣтели у даннаго акта пожертвованія путемъ завѣщанія послѣ смерти: „Уже имущество,—говоритъ онъ,—отнято отъ насъ смертью, и,

слѣдовательно, мы лично не можемъ пользоваться имъ такъ же, какъ прогуливаться по Бондъ-Стритъ и Гайдъ-Парку. Какая же добродѣтель можетъ заключаться въ такомъ пожертвованіи благъ, которыми пользованіе лежитъ внѣ всякой возможности“?

Въ-третьихъ, такое оставленіе денегъ по завѣщанію на добрыя дѣла, по его мнѣнію, является въ дѣйствительности лишь фальшивой или кажущейся добродѣтелью и можетъ вести за собою даже дурныя послѣдствія. Такое употребленіе денегъ на случай смерти можетъ деморализировать людей при ихъ жизни, давая имъ возможность или какъ бы внѣшнее оправданіе въ глазахъ собственной совѣсти быть жадными и скупыми на всѣ добрыя дѣла при жизни.

Въ-четвертыхъ, такъ называемыя добрыя дѣла послѣ смерти являются для богатыхъ,—высказывается въ Гладстонѣ истый британецъ,—какъ бы способомъ уклоненія изъ-подъ цѣлительнаго и свободнаго дѣйствія общественнаго мнѣнія. Какъ бы нелѣпы нашъ планъ пожертвованія или его выполненіе ни были, мы ничего, конечно,—говоритъ онъ, согласно съ Кернэджи,—измѣнить не въ состояніи. Уклоняться же отъ критики общественнаго мнѣнія мы также права не имѣемъ. Между тѣмъ, наоборотъ, при жизни мы можемъ слѣдить и направлять наше дѣтище, на которое употребили наши средства, согласно нашей волѣ и въ то же время руководствуясь указаніемъ голоса общественнаго мнѣнія.

3) Единственный способъ, согласно Кернэджи, распоряженія милліонами, это—распредѣленіе ихъ на добрыя дѣла при жизни. Гладстонъ вполне соглашается съ этимъ мнѣніемъ и вполне одобряетъ какъ его, такъ и критику американца современныхъ формъ благотворительности (т.-е. даровщинку и милостыню). Мало того, „Великій старецъ“ объявляетъ задачей своего письма наибольшее распространеніе главнѣйшихъ идей Кернэджи. Онъ не сомнѣвается-де, что большинство милліонеровъ, разумѣется, отнесутся отрицательно къ плану своего американскаго собрата, но „если сѣмя, имъ посѣянное“, не дастъ самъ-60 или самъ-100, то, надѣется маститый министръ, оно дастъ, по крайней мѣрѣ, самъ-30. Дѣло серьезное и касается всѣхъ... Во всякомъ случаѣ, въ формѣ ли личнаго добровольнаго пожертвованія, или спеціальнаго для того обложенія,—говоритъ Гладстонъ,—богатые обязаны будутъ возвратить часть своихъ богатствъ—народу; ибо нынѣшніе владѣльцы собственности, благодаря существующимъ системамъ налоговъ, обложены несомнѣнно легче, нежели ихъ предки, 600 или 800 лѣтъ тому назадъ. Больше половины податной тяжести

въ Англіи падаетъ на бѣдныхъ, и мы полагаемъ,—добавляетъ онъ,—что богатые классы въ настоящее время или, точнѣе, одиннадцатъ-двѣнадцатыхъ ихъ доходовъ свободны отъ всякихъ уплатъ на расходы правительства“...

Далѣе, Гладстонъ вспоминаетъ старую попытку лорда Карлейля и Морпета, основать когда-то оригинальный „всеобщій филантропическій союзъ“ для употребленія добровольно назначенной части дохода на добрыя дѣла. Союзъ этотъ,—объясняетъ Гладстонъ,—когда-то возникшій, имѣлъ нѣсколько конфессіональный характеръ: членами могли быть только протестанты и преслѣдовали моральную цѣль—поднятіе духа филантропіи въ обществѣ. Каждый изъ участниковъ давалъ торжественное обѣщаніе своимъ товарищамъ удѣлять часть своего богатства на бѣдныхъ и подтверждалъ это обѣщаніе честнымъ словомъ. Далѣе, уже становилось дѣломъ его чести и совѣсти выполнять принятыя такимъ образомъ обязательства. Вотъ такое-то именно общество, по мнѣнію Гладстона, и желательно въ настоящее время и притомъ безъ всякихъ ограниченій конфессіональнаго характера. Пусть каждый членъ общества, проникнутый идеями Кернэджи, или согласный съ нимъ о необходимости часть своихъ средствъ употреблять на добрыя дѣла,—сдѣлается членомъ такого общества и опредѣлитъ часть своего достатка на пользу общую. Никакое при этомъ принужденіе не должно имѣть мѣста. Каждый самъ рѣшаетъ вопросъ о пожертвованіи или, какъ остроумно выражается Гладстонъ, „открываетъ счетъ съ своей совѣстью“. Гладстонъ настаиваетъ на необходимости основать вновь такой союзъ безъ различія для людей всякаго исповѣданія и съ важными и полезными послѣдствіями для людей, обладающихъ матеріальнымъ достаткомъ. Цѣль такого общества слѣдующая: 1) будить совѣсть тѣхъ людей, у которыхъ она спитъ,—а такихъ очень много; 2) улучшать и направлять къ наилучшему такіа попытки къ добру, гдѣ онъ уже существуютъ; 3) подавать образцы, достойные подражанія, тѣмъ, которые уже дѣлаютъ добро; 4) усилить и консолидировать попытки частныхъ лицъ путемъ такой ассоціаціи, основанной на принципѣ взаимной помощи. Здѣсь все является дѣломъ чести. Каждый назначаетъ самъ, какую цифру дохода онъ жертвуетъ. Ассоціація лишь можетъ помочь распредѣленію тратъ на различныя добрыя дѣла. Участникъ долженъ лишь помнить, что онъ честью обязанъ тратить на добро не меньше положенной имъ суммы, но, конечно, ему никто не мѣшаетъ издерживать больше.

Въ заключеніе, Гладстонъ сулитъ большія выгоды предло-

женному имъ предпріятію и добавляетъ, что основаніе указаннаго филантропическаго общества вызвало бы большее сочувствіе въ нашъ сухой, эгоистическій вѣкъ.

Затѣмъ, въ настоящее время нерѣдко можно встрѣтить нападки на людей за самыя почтенныя качества: за бережливость или экономію, съ которыми они располагаютъ своими средствами. Между тѣмъ, благодаря существованію такого общества, бережливость получила бы извѣстную санкцію и оправданіе въ глазахъ всѣхъ благомыслящихъ людей.

III.

Статья Гладстона обратила всеобщее вниманіе. О ней заговорили во всѣхъ углахъ Англіи, и появились сочувственные отзывы и отклики въ формѣ открытыхъ писемъ отъ высшихъ духовныхъ лицъ грехъ разныхъ вѣроисповѣданій. Отклики эти были напечатаны въ слѣдующей же за Гладстономъ книжкѣ журнала „Nineteenth Century“ подъ общимъ заглавіемъ: „Безотвѣтственные богатства“.

Первымъ идетъ большое письмо извѣстнаго ученаго кардинала и католическаго архіепископа, недавно умершаго Генри Эдварда Маннинга. Въ своемъ письмѣ Маннингъ останавливается долго надъ опредѣленіемъ Гладстономъ понятія „безотвѣтственные богатства“. Подъ этимъ словомъ понимается,—говоритъ кардиналъ:—нѣчто такое, что не тратится, чего никакой законъ и его представители не касаются, и что какъ бы лежитъ и сохраняется въ тайнѣ. Буквально говоря, безотвѣтственъ собственникъ богатства, а никакъ не само богатство. Во всякомъ случаѣ, увеличеніе такого богатства, не прибавляющаго ничего новаго къ общему счастью и благополучію людей, отнюдь не желательно и заставляетъ задуматься. Какъ же и откуда явилось такое богатство? Во-первыхъ, Маннингъ указываетъ на исторію концентраціи земельной собственности и взаимное отношеніе ея къ богатству промышленно-торговаго происхожденія, откуда и развилось главнымъ образомъ такое безотвѣтственное богатство. Въ 1798 году, при введеніи подоходнаго налога Питтомъ, доходъ съ земли Великобританіи былъ оцѣненъ въ 50 милл.—при общемъ доходѣ въ 100 милл., т.-е. земля давала половину всего народнаго дохода. Въ 1862 году земля давала уже всего одну четверть дохода (60 милл. дохода отъ земли, 182 милл. дохода отъ промышленности и торговли). Въ 1889 году земли

давала уже одну седьмую всего дохода (58 и 336 милл. ф. ст.). Такимъ образомъ, безотвѣтственное богатство быстро растетъ и развивается въ Англіи вмѣстѣ съ кипучимъ ростомъ промышленности и торговли; но какъ ни велико это благо для интересовъ страны, мы вмѣстѣ съ тѣмъ,—говоритъ Маннингъ,—видимъ и горестное, сравнительно, положеніе рабочаго люда, все болѣе и болѣе, по-видимому, умножающагося, и богатѣйшая страна въ мірѣ содержитъ въ себѣ до трехъ милліоновъ человѣкъ бѣдныхъ!!!!. Кому же это, впрочемъ, и знать, какъ не величайшему изъ министровъ финансовъ и великодушнѣйшему изъ людей—Гладстону? По его-де словамъ, капиталъ страны считается въ 12 или 13 милліардовъ фунт. стерл., каждый годъ богатство Англіи нарастаетъ на 200 милл. фунт. стерл. На такую сумму, согласно съ Гладстономъ,—говоритъ католическій архіепископъ,—можно было бы преобразовать чудодѣйственно всю фیزیономію страны и уничтожить бѣдность и возмутительную нищету. Да гдѣ же средства для такой метаморфозы или реформы? Въ чемъ же искать ключъ? „Не въ законодательствѣ,—отвѣчаетъ кардиналъ,—ни въ лучшей администраціи законовъ о бѣдныхъ, ни въ политической экономіи, а въ усиліи отдѣльныхъ людей сдѣлать себя лучше, въ личномъ самопожертвованіи, въ развитіи духа благотворительной гуманности и самоотреченія“... На свѣтъ появились два воззванія,—объясняетъ онъ:—крупной важности: къ богатымъ и по поводу вопроса о богатствѣ. Во-первыхъ, это извѣстная книга Кернеджи; во-вторыхъ, указанная статья Гладстона. Передавая ихъ содержаніе и на первомъ планѣ предложеніе американскаго милліонера, архіепископъ, совершенно согласно съ нимъ, отвергаетъ два первыхъ способа употребленія богатствъ (т.-е., оставлять его дѣтямъ или завѣщать на добрыя дѣла) и вполне примыкаетъ къ мнѣнію, что милліоны надо употреблять на добрыя дѣла *при жизни*. „Это совершенно согласно съ духомъ христіанскаго ученія,—добавляетъ архіепископъ,—и если бы люди такъ поступали, то измѣнилась бы наружность всего міра“.

Что касается предложенія Гладстона основать на извѣстныхъ намъ началахъ всеобщій филантропическій союзъ, то кардиналъ одинаково и тутъ не видитъ ничего страннаго въ этомъ планѣ. Это было бы новое своего рода рыцарство самопожертвованія или самоотреченія. Необходима, въ виду такихъ воззваній, энергическая дѣятельность, и лучшіе умы общества должны ей содѣйствовать и сочувствовать,—замѣчаетъ Маннингъ.—Америка уже управляется плутократіей, деньгами милліонеровъ, монополіями всякаго рода и жадностью. То же самое грозитъ и

Англіи съ дальнѣйшимъ ростомъ безотвѣтственнаго богатства. Это страшное неравномѣрное накопленіе богатствъ въ немногихъ рукахъ производитъ зловерное дѣйствіе на сердца людей и вообще на нравы и способствуетъ ихъ ухудшенію. Эта плутократія, — говоритъ англійскій патріотъ, — можетъ привести за собой паденіе нашего отечества. и ничто не можетъ спасти ее отъ такого конца, — заключаетъ Маннингъ, — кромѣ немедленнаго обращенія къ христіанскимъ совѣтамъ и голосу добра: ни законодатели, ни политико-экономы не приведутъ никогда трудъ и капиталъ ко взаимному соглашенію! Общественное-де мнѣніе парализуется доктринерствомъ и пустоговореніемъ.

Итакъ, развитіе личной симпатіи между людьми можетъ явиться лишь результатомъ самопожертвованія на предлагаемыхъ началахъ, и оно одно лишь въ состояніи спасти міръ...

Какъ внѣшнее выраженіе британской вѣротерпимости и уваженія ко всѣмъ вѣроисповѣданіямъ, вслѣдъ за письмомъ католическаго архіепископа помѣщено такое же посланіе главнаго раввина въ Лондонѣ, Адлера. Письмо краткое, но очень характерное и умное. Подобно предшествовавшему, оно начинается съ передачи вкратцѣ главной идеи Кернэджи насчетъ употребленія излишка богатствъ и плана Гладстона о филантропическомъ союзѣ. По словамъ раввина, эта мысль вовсе не новая, а въ сущности повтореніе того, что давно было санкціонировано Библіей и болѣе или менѣе евреями соблюдалось: согласно предписанію св. Писанія, одна десятая часть собственности, — говоритъ Адлеръ, — должна быть употреблена именно на добрыя дѣла, и достаточно припомнить, какъ Авраамъ десятую часть отъ своей побѣды подноситъ королю и священнику Мельхиседеку, и точно также Іаковъ, послѣ своего видѣнія, десятую часть имущества посвящаетъ Богу. Моисеево законодательство вообще узаконяетъ, что десятая часть всего производства, какъ отъ приплода, такъ и шерсти, должна идти на святыя дѣла. Десятина третьяго года имѣла такое же назначеніе: она клалась внутри воротъ и ею пользовались левиты, а также сироты и вдовы. Кромѣ того, добровольная часть сбора каждый седьмой годъ съ виноградниковъ, полей и садовъ принадлежала и должна была быть раздаваема бѣднымъ или нуждающимся.

Сверхъ того, второстепенныя предписанія Библии ясно указываютъ и развиваютъ ту же идею обязательной помощи: края поля при жатвѣ должны были оставляться неубранными — для бѣдныхъ и странниковъ. Собственнику не позволялось собирать отбросовъ и плодовъ на виноградникѣ, когда сборъ уже былъ по-

конченъ. Онъ не долженъ былъ возвращаться въ поле за забытымъ снопомъ или пересматривать вѣтви оливковаго дерева, плоды котораго были стрясены. Все это оставлялось странникамъ, сиротамъ и вдовамъ. Разумѣется, — добавляетъ раввинъ, — эти законы, подобно всѣмъ человѣческимъ дѣйствіямъ, то забывались, то исполнялись во всей строгости, — на примѣръ, во времена Іезекиила принимались даже строгія мѣры для выполненія узаконеній. Пророки, наконецъ, громили тѣхъ, которые забывали эти заповѣди о бѣдныхъ.

Далѣе, раввинъ сообщаетъ, что и до сихъ поръ у евреевъ по правиламъ, регулирующимъ всю ихъ жизнь, одна десятая доля дохода идетъ на дѣла благотворительности, и будто бы изъ этой десятины ничего не должно употребляться на синагоги и храмовыя цѣли. Онъ знаетъ, будто бы, многихъ единовѣрцевъ, которые самымъ строгимъ образомъ исполняютъ это предписаніе, и записи своихъ расходовъ на благотворительность ведутъ не менѣе строго, чѣмъ свои торговыя книги.

Переходя затѣмъ опять къ идеямъ и плану Кернэджи и Гладстона, почтенный раввинъ утверждаетъ, что хотя они и даютъ такимъ образомъ старый урокъ, но пригодный по своему качеству и къ новымъ условіямъ.

„Никогда, — говоритъ Адлеръ, — не было большей надобности проповѣдывать обязанности богатства и права бѣдности, какъ именно въ настоящее время. Никогда пропасть между бѣдностью и богатствомъ не была такъ велика, какъ именно теперь“!!!

Въ заключеніе, мимоходомъ сочувственно отозвавшись о попыткѣ генерала „Арміи Спасенія“, Бутса, раввинъ припоминаетъ трогательный случай о знаменитомъ протестантскомъ проповѣдникѣ Соренѣ (Saurin) который въ одной горячей проповѣди, съ изложеніемъ именно перечисленныхъ предписаній Ветхаго Завета, такъ растрогалъ своихъ слушателей, что дамы снимали украшенія, мужчины вынимали содержимое кошельковъ и все отдавали проповѣднику на добрыя дѣла... Письмо Адлера кончается пожеланіемъ полного успѣха Гладстона въ его филантропическомъ обращеніи къ богачамъ Англіи.

Послѣднее письмо принадлежитъ перу извѣстнаго протестантскаго священника въ Англіи, досточимаго Гюга Прайса Юза (Hugh Price Hughes). Гладстонъ, по его мнѣнію, оказалъ огромную услугу обществу, обративъ всеобщее вниманіе на этическія послѣдствія, проистекающія изъ собранія и владѣнія богатствами. Соціальный вопросъ, — говоритъ протестантскій священникъ, — важнѣе всѣхъ другихъ вопросовъ. Это по истинѣ вопросъ

вопросовъ. Гладстонъ въ своей статьѣ обращается къ богатымъ и приглашаетъ этимъ вопросомъ заняться. Сочувствуя такому обращенію, Юзъ, однако, оговаривается, что не можетъ согласиться съ постановкой самаго вопроса. Обрати же съ Кернэджи и Гладстономъ, досточтимый Юзъ отнюдь не считаетъ, однако, современный экономическій порядокъ, при которомъ такъ легко дѣлаются милліонерами, нормальнымъ порядкомъ. Онъ считаетъ, оговариваясь въ личномъ уваженіи къ Кернэджи, этотъ порядокъ Англіи и Америки явленіемъ анти-христіанскимъ, чудовищнымъ и даже внушающимъ опасность въ политическомъ отношеніи. Въ истинно христіанской странѣ,—говоритъ священникъ,—милліоны эти и ихъ существованіе было бы невозможностью, ибо христіанамъ запрещено собирать богатства на землѣ... Далѣе, милліонеры, будто бы, не имѣютъ теперь нравственнаго *raison d'être*, ибо являются лишь плодомъ ненормальныхъ соціальныхъ условій и т. д. Кернэджи,—говоритъ Юзъ далѣе,—заботится, какъ доставить этимъ особамъ, т.-е. милліонерамъ, способъ наилучшимъ образомъ отдѣлаться или употребить свои богатства; а по мнѣнію Юза было бы гораздо важнѣе заняться вопросомъ, какъ сдѣлать, чтобы не было скопленія огромныхъ богатствъ въ немногихъ рукахъ?! Такимъ рецептомъ, на примѣръ, по мнѣнію протестантскаго священника, является свободная торговля, свободный переходъ земельной собственности, прогрессивный подоходный налогъ и крупный налогъ на наслѣдства—вотъ что, по мнѣнію Юза, могло бы способствовать лучшему уравниванію богатствъ и устраненію тѣхъ затрудненій, которыя безпокоятъ Кернэджи.

Послѣ всей этой крайней критики, Юзъ переходитъ къ предложенію Гладстона и говоритъ, что еслибы ему удалось убѣдить богатыхъ людей въ Англіи и Соединенныхъ Штатахъ послѣдовать принципамъ евангелія Кернэджи, то онъ бы, Гладстонъ, конечно, закончилъ свою карьеру величайшимъ благодѣяніемъ всему человѣчеству. Это былъ бы переходъ отъ соціальнаго язычества въ соціальному христіанству...

Въ заключеніе, обсуждая предложенный Гладстономъ планъ филантропическаго союза, Юзъ высказываетъ мнѣніе, что если люди отдѣляютъ часть своего богатства, на примѣръ десятину, на добрыя дѣла, то, пожалуй, совѣсть ихъ заснетъ еще глубже относительно распоряженія остальными девятью-десятыми богатства. Вопросъ поэтому не въ томъ, сколько люди должны жертвовать на добрыя дѣла, а сколько они должны удержать для себя или для собственнаго распоряженія или употребленія.

„Всѣми средствами,—заключаетъ священникъ Юзъ,—мы бу-

демъ содѣйствовать Гладстону въ его планѣ основанія филантропическаго общества“, но успѣха, по его мнѣнію, Гладстонъ можетъ ожидать въ этомъ отношеніи исключительно лишь опираясь на помощь христіанской проповѣди, а не внѣ ея...

IV.

Любопытный и замѣчательный примѣръ употребленія милліоновъ на филантропическія дѣла, совершенно въ духѣ Кернеджи, хотя и помимо всякихъ его стараній или пользованія его мыслью, представляетъ одно обширное предпріятіе, возникшее нѣсколько лѣтъ назадъ въ Дрезденѣ (Саксонія) подъ названіемъ Институтъ Геэ („Gehe Stiftung“). Исторія его слѣдующая. Нѣкто Францъ Людвигъ Геэ, происходившій изъ фамиліи, давшей Саксоніи многихъ чиновниковъ въ Дрезденѣ, еще мальчикомъ захотѣлъ посвятить себя коммерческой дѣятельности, и послѣ продолжительнаго, десятилѣтняго ученичества, проведеннаго въ фирмѣ одного дрогиста „Брюкнеръ, Лампе и К^о“ (съ 14-лѣтняго возраста), открылъ на маленькія средства свою собственную торговлю москательными и аптекарскими товарами. Дѣло у молодого Геэ пошло очень хорошо, благодаря какъ его энергіи, такъ и находчивости. Онъ одинъ преобразовалъ всю несовершенную въ то время (т.-е., въ первой половинѣ текущаго столѣтія) терминологію въ этой торговой отрасли. Затѣмъ, не ограничиваясь поставкой одного сырья, Геэ устроилъ крупную лабораторію и сталъ продавать товаръ, обработанный и частью приготовленный, что способствовало расширенію его фирмы и процвѣтанію всего дѣла.

Подъ конецъ жизни, въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ этого вѣка, Геэ былъ уже богатымъ человѣкомъ, перебивавшимъ въ теченіе жизни въ разныхъ избирательныхъ должностяхъ, начиная съ ратуши родного Дрездена и до рейхстага... Геэ пришелъ къ печальному заключенію относительно степени образованности и подготовленности лицъ своего преимущественно торговаго класса къ общественнымъ и государственнымъ задачамъ. Въ 1881 и 1882 гг., чувствуя приближеніе смерти, Геэ рѣшился ликвидировать свое крупное торговое дѣло и большую часть состоянія посвятить на образованіе согражданъ. Первоначально онъ мечталъ объ образованіи на весьма широкихъ началахъ коммерческой академіи, а затѣмъ скромно сѣзнулъ задачу до учрежденія института своего имени, уже основаннаго по его

мысли послѣ его смерти, послѣдовавшей въ 1884 году. На это учрежденіе были затрачены оставленные имъ два милліона марокъ.

Институтъ Геэ, взявшій такимъ образомъ свое начало, преслѣдуетъ двѣ цѣли: 1) распространеніе образованія въ отношеніи тѣхъ предметовъ, которые необходимы для общественной дѣятельности; 2) оказываніе матеріальной поддержки тѣмъ лицамъ, которыя оказали выдающіяся услуги для общественнаго блага, и для исполненія его воли былъ выработанъ уставъ и составленъ особый, такъ называемый, „Советъ управленія“ (изъ пятнадцати лицъ, частью различной администраціи, частью ученыхъ, которые и завѣдуютъ институтомъ Геэ, какъ названо новое учрежденіе).

Первая и наибавжнѣйшая задача учрежденія—развитіе и содѣйствіе распространенію знаній въ области наукъ—достигается тремя путями:

1) Основаніемъ читальни и библіотеки для общественныхъ наукъ.

2) Устройствомъ по тѣмъ же наукамъ лекцій и практическихъ упражненій.

3) Изданіемъ книгъ соотвѣтствующаго задачѣ содержанія.

Оба первыя учрежденія, т.-е. читальня и библіотека, одинаково бесплатны и доступны всѣмъ и каждому, какъ для лицъ, имѣющихъ мѣстопробываніе въ Дрезденѣ, такъ и для живущихъ внѣ его, но, къ сожалѣнію, по недосмотру въ уставѣ, какъ намъ извѣстно, только для мужчинъ. Никакихъ залоговъ для полученія книгъ, какъ правило, не требуется. Согласно послѣднему отчету, библіотека Геэ содержитъ или получаетъ 164 періодическихъ изданія, которыя раскладываются на нѣсколькихъ большихъ столахъ въ систематическомъ порядкѣ: во-первыхъ, наука о государствѣ, ея литература и политика; во-вторыхъ, законодательство и управленіе; въ-третьихъ, народное хозяйство и, наконецъ, социальная политика и статистика. Въ этой же читальнѣ устроена постоянная выставка наиболѣе любопытныхъ новыхъ брошюръ, что даетъ возможность слѣдить за всѣми общественными вопросами текущаго времени, по которымъ нынѣ выходитъ такое множество различныхъ летучихъ листовъ и памфлетовъ. Сверхъ того, при читальнѣ заведена регистрація или систематическій каталогъ по содержанію указанныхъ періодическихъ изданій, что даетъ всегда возможность утилизировать періодическую литературу, не только текущую, но и за прошлое время, съ большою пользою для дѣла.

Лекції или чтенія, которыя происходят въ институтѣ Геэ, бываютъ двухъ родовъ: „Отдѣльныя чтенія“, такъ сказать—для большой публики; для этихъ чтеній на всевозможныя темы приглашаютъ профессоровъ и различныхъ ученыхъ со всѣхъ концовъ Германіи, Австріи и Швейцаріи. Нѣтъ почти извѣстнаго имени, которое не привлекалось бы для чтенія въ этомъ учрежденіи, начиная съ Шмоллера и Вагнера, и кончая Ратгеномъ и Гирке. Всѣ побывали въ стѣнахъ почтеннаго „Геэ-Штифтъ“ и дѣлились своими знаніями и опытомъ съ дрезденской публикой.

Вторая категорія лекцій, такъ называемыя „циклы лекцій“, т.-е. большей или меньшей величины курсы по разнымъ, конечно общественнымъ же, наукамъ, изъ коихъ политическая экономія занимаетъ первое мѣсто. Для этихъ цикловъ институтъ Геэ содержитъ даже двухъ постоянныхъ лекторовъ: д-ра Шанце—юриста и д-ра Вутке—экономиста, которые читаютъ цѣльные курсы въ области преимущественно государственнаго права и народнаго хозяйства со статистикой. Ими же ведутся по вечерамъ въ помѣщеніи института такъ называемыя практическія занятія по государствовѣдѣнію, или семинаріи и такъ называемыя „діалектическія собесѣдованія по разнымъ вопросамъ“.

Согласно послѣднему отчету за 1895—1896 гг., бібліотека учрежденія, имѣющая образцовый каталогъ, составленный Петерманомъ, знатокомъ бібліографическаго дѣла, раздала въ пользованіе книгъ на домъ 2.188 человѣкамъ 17.338 томовъ, при чемъ ученые и писатели по профессіи занимали въ числѣ пользовавшихся услугами „Геэ-Штифтъ“ первое мѣсто.

Въ читальнѣ, согласно отчету, число посѣтителей было еще значительнѣе, а именно 21.368 человѣкъ за послѣдній отчетный годъ, и быстро растетъ впередъ. Въ первый годъ открытія ея за десять лѣтъ передъ тѣмъ, въ 1886—1887 гг., число посѣтителей въ теченіе года было всего лишь 1.639 человѣкъ.

Количество посѣщающихъ лекціи достигаетъ за первый годъ 2.337 человѣкъ на лекціяхъ отдѣльныхъ, въ среднемъ—колеблется между 300 и 500 слушателей на каждой. „Отдѣльныя лекціи“ читали за послѣдній отчетный годъ слѣдующія лица: извѣстный цюрихскій профессоръ Вольфъ—„Безработица и борьба противъ нея“; д-ръ Штольдъ изъ Шарлоттенбурга—о „Реформѣ товариществъ въ ихъ организаціи“; профессоръ Зоммъ изъ Лейпцига—„Исторія развитія современнаго государства“; профессоръ Леннингъ изъ Галле—„Реформа законодательства о бѣдныхъ“; профессоръ Конъ изъ Геттингена—„Женскій вопросъ“; д-ръ Янашъ изъ Берлина—„Задачи германской торговой политики“. Въ то же

самое время „циклы лекцій“ состояли изъ семи разныхъ курсовъ, каждый изъ которыхъ заключалъ въ себѣ отъ пяти до шестнадцати чтеній по слѣдующимъ вопросамъ или предметамъ за послѣдній отчетный годъ: „Саксонское государственное право“ (д-ръ Шанце); 2) „Ученіе“ о населеніи (д-ръ Вутке); 3) „Судоходство по Эльбѣ преимущественно въ Саксоніи“ (д-ръ Глезбергъ); 4) „Права обвиняемаго“ (д-ръ Шанце); 5) „Имперскіе финансы“ (д-ръ Вутке); 6) „Германія на морѣ, т.-е. судоходство германской имперіи“ (д-ръ Линдеманъ); 7) „Предсказанія погоды и его значеніе для сельскаго и народнаго хозяйства“ (профессоръ д-ръ Шрейберъ). Число посѣтителей на этихъ курсахъ, записавшихся на каждый отдѣльный циклъ, колебалось отъ 105 до 150 человекъ, что, принимая размѣры Дрездена, составляетъ весьма не мало. Всѣ лекціи, какъ и отдѣльныя услуги института—**бесплатны**.

Что касается выпуска печатныхъ трудовъ, то вотъ уже второй годъ институтъ Геэ выпускаетъ *ежегодники*, гдѣ по обычаю помѣщаются всѣ отдѣльныя лекціи, прочитанныя въ институтѣ за предшествовавшій годъ.

Помѣщается институтъ Геэ въ Дрезденѣ, въ центрѣ города, но, вѣроятно, временно,—въ большомъ, хотя и невзрачномъ домѣ, со многими комнатами, достаточными для его назначенія. Публичныя же чтенія по отдѣльнымъ вопросамъ, которыя бывають особенно многолюдны, происходятъ въ городскомъ отелѣ, обладающемъ заломъ, которое свободно можетъ вмѣстить болѣе пяти-сотъ слушателей.

Нельзя иначе, какъ съ истинной признательностью, вспомнить это превосходное учрежденіе, коимъ приходилось намъ пользоваться много разъ, и нельзя также не считать какъ мысль, такъ и выполненіе самой идеи Геэ крайне остроумными и отвѣчающими потребностямъ нашего времени и мѣста. Нѣтъ сомнѣнія, что это учрежденіе является одною изъ крайне полезныхъ формъ употребленія богатствъ въ филантропическихъ видахъ въ современной Германіи и прекраснымъ дополненіемъ къ тѣмъ семи задачамъ, которыя ставятся Кернэджи для образца и указанія милліонерамъ, какъ наилучше употреблять средства въ Америкѣ. Можно добавить лишь, что если Германія нуждается въ дѣйствительности въ распространеніи знаній по общественнымъ наукамъ, то та же потребность не только въ меньшей, но въ большей степени чувствуется на каждомъ шагѣ и во многихъ другихъ странахъ,—почему каждая изъ нихъ и должна съ

нетерпѣніемъ ждать появленія своего Геа съ его милліонами, такъ цѣлесообразно употребленными на общее благо.

V.

Подводя итоги всего до сихъ поръ сказаннаго, нельзя не остановиться на всей этой любопытной, но странной картинѣ, только-что нами нарисованной. До сихъ поръ, какъ извѣстно, богатства громили лишь религіозные проповѣдники и приверженцы крайнихъ ученій и партій. Нынѣ вся картина измѣнилась: милліонеръ громить милліонеровъ, и его поддерживаетъ знаменитѣйшій государственный человѣкъ нашего времени. Всю же эту странную картину благословляютъ, во имя религіи и гуманности, высшіе представители трехъ религій!!?..

Что сей сонъ значить? Чѣмъ вызвано и чѣмъ обусловливаются причины даннаго явленія? По моему мнѣнію, важнѣйшими изъ причинъ,—а ихъ, конечно здѣсь, какъ и въ каждомъ сложномъ явленіи, много,—должны быть слѣдующія: прежде всего, нѣкоторыя дурныя стороны богатства и неправильное употребленіе, нерѣдко изъ него дѣлаемое, является фактомъ общепризнаннымъ въ современномъ обществѣ. Иначе появленіе книги Кернэджи было бы немыслимо. Въ то же время всѣ разувѣрились, несмотря на доказанныя дурныя стороны богатства, въ цѣлесообразности и полезности существующихъ формъ личной благотворительности. Въ заключеніе, отдѣльные случаи удачныхъ пожертвованій нѣкоторыми милліонерами своихъ достатковъ на общественныя цѣли выказали и выяснили передъ глазами публики все могущество богатствъ. Университеты, величественные музеи, народные дворцы—всѣ эти созданія крупнаго богатства у всѣхъ на глазахъ во многихъ странахъ и говорятъ сами за себя передъ легкими скептиками, которые привыкли относиться къ употребленію такихъ богатствъ исключительно отрицательно, или съ недовѣріемъ.

Обращаясь затѣмъ къ Россіи, невольно является вопросъ, имѣютъ ли къ ней, хотя бы въ нѣкоторой степени, примѣненіе, и какое именно, умозаключенія американца Кернэджи и его сочувственныхъ критиковъ? Нѣтъ сомнѣнія, какъ мы говорили выше, у насъ, сравнительно со многими странами, богатства—сравнительно мало, но это не мѣшаетъ тому факту, что у насъ не только имѣются также и „безотвѣтственныя богатства“, какъ ихъ опредѣляетъ Гладстонъ, но даже въ весьма значительной сте-

пени, благодаря цѣлому ряду спеціальныхъ условій. Нельзя сомнѣваться, во-первыхъ, что система налоговъ, у насъ господствующая, способствуетъ развитію въ Россіи „безотвѣтственныхъ богатствъ“, т.-е. богатствъ, которыя не несутъ никакой своей доли на общественныя нужды, или несутъ слишкомъ мало, а напротивъ того, очень часто требуютъ отъ того же государства и земства многихъ жертвъ и уступокъ, совершенно незаслуженныхъ, въ свою пользу. Причина этого факта объясняется, какъ извѣстно, преобладаніемъ у насъ косвенныхъ налоговъ, не имѣющихъ въ такой степени мѣста ни въ одной изъ прочихъ странъ Европы. Налоги на потребленіе представляютъ у насъ, какъ извѣстно, львиную долю всѣхъ налоговъ и сборовъ. Такъ, по общей государственной росписи на 1899 г., косвенные налоги разсчитываются въ 591 милл. рублей, а всѣ прямые, лишь частью задѣвající зажиточные классы—113 милл. Во-вторыхъ, какъ извѣстно, у насъ нѣтъ въ государственной системѣ общаго подоходнаго налога, или его эквивалента; яеобы его роль исполняютъ ничтожныя по своимъ размѣрамъ налоги съ доходовъ отъ денежныхъ капиталовъ и квартирныя. Въ-третьихъ, пошлины, которыя въ другихъ странахъ, напримѣръ во Франціи и Англіи, до нѣкоторой степени возмѣщаютъ несправедливость обложенія, происходящую отъ преобладанія косвенныхъ налоговъ, у насъ сравнительно незначительны, притомъ частью имѣютъ совсѣмъ нежелательныя формы, лишь препятствующія народно-хозяйственному прогрессу и часто падающія на ту же массу мало-имущаго народа, какъ-то: сборъ съ пассажировъ и грузовъ большой скорости на желѣзныхъ дорогахъ, съ паспортовъ, страхованій и проч.; наконецъ, въ-четвертыхъ, какъ много мы ни спорили бы относительно роста торговли и промышленности сравнительно съ земледѣліемъ, но этотъ ростъ, очень быстрый и значительный, несомнѣненъ для всякаго непредубѣжденнаго человѣка, а между тѣмъ даже теперь, послѣ реформы, произведенной новымъ промысловымъ налогомъ отъ 8-го іюня 1898 года, наша промышленность пропорціонально несетъ лишь весьма небольшую долю государственныхъ налоговъ, и владѣльцы у насъ крупныхъ доходовъ являются сравнительно привилегированными и во всякомъ случаѣ несутъ несравненно меньшую тягость, чѣмъ въ любой странѣ западной Европы, а особенно у нашей сосѣдки Германіи!...

Но кромѣ системы обложенія, нѣтъ сомнѣнія, значительному развитію безотвѣтственнаго богатства, хотя бы и въ относительно небогатой странѣ, какъ наше отечество, много способствуетъ и

другая причина: это—вѣковая привычка всего нашего общества какъ можно болѣе ожидать отъ государства и какъ можно меньше ему давать, при отсутствіи развитія личной и частной инициативы, при отсутствіи привычки обходиться собственными силами и собственнымъ разумомъ. Вообще, въ нашемъ обществѣ помощи всякой невзгодѣ ждутъ непремѣнно отъ правительства, и государственная власть, въ свою очередь, является единственнымъ раздавателемъ всякихъ милостей и благъ. Мы не привыкли, не приучены собственными средствами ни въ какомъ, даже важномъ для насъ, дѣлѣ помогать самимъ себѣ и всюду ждемъ помощи лишь сверху...

Въ виду всѣхъ объясненныхъ причинъ, мнѣ кажется, у насъ, несмотря на меньшее богатство, не менѣе, можетъ быть, чѣмъ въ западной Европѣ, назрѣлъ вопросъ объ обязанностяхъ богатства передъ народомъ и о необходимости богатымъ классамъ болѣе щедро, нежели дѣлалось до сихъ поръ, часть своихъ имущественныхъ средствъ передавать на службу общую. Нельзя сказать, чтобы въ этомъ случаѣ позволительно было упрекнуть наши богатые классы въ особой скупости или сдержанности. Напротивъ, со старыхъ временъ пожертвованія у насъ очень часты и обильны. Весьма долго они имѣли религіозный характеръ, шли исключительно на церковную благотворительность, что, впрочемъ, и понятно, если принять во вниманіе высокую и культурную историческую роль нашей церкви. Но вотъ за послѣднее время волна благотворительности измѣнила у насъ свое теченіе и направилась на помощь наукѣ и искусству. Напомню такія учрежденія филантропическаго происхожденія за новѣйшее время, какъ училище Штиглица, Губкина, народные дворцы Нарышкина въ Тамбовѣ, фонъ-Дервиза въ Петербургѣ, знаменитую галерею Третьякова въ Москвѣ, книгоиздательство К. Т. Солдатенкова, и проч., и проч.—предпріятія въ высшей степени почтенныя и несомнѣнно, въ большей или меньшей мѣрѣ, оправдавшія довѣріе своихъ жертвователей своими полезными результатами. Но затѣмъ весьма рѣзко сказываются и замѣчаются у насъ, какъ во всякомъ мало развитомъ обществѣ, извѣстная стадность и чувство подражательности тамъ, гдѣ долженъ быть умъ и соображеніе... Очень долго въ Москвѣ, напримѣръ, огромныя деньги, цѣлые милліоны затрачивались и продолжаютъ затрачиваться на университетскія клиники—учрежденія, нѣтъ сомнѣнія, прекрасныя и очень полезные, но въ то же время, когда съ помощью этихъ благородныхъ жертвователей и казны всѣ главнѣйшія потребности московскаго университета въ этомъ отношеніи удовлетворились,

естественно было задуматься и обратить вниманіе на другія разнообразныя вопіющія нужды, которыя различнымъ образомъ связываются въ той же Москвѣ,—хотя бы, напримѣръ, недостатокъ больницъ для народа, доходящій до того, что больные чуть не умираютъ на улицахъ въ томъ самомъ городѣ, гдѣ устроены образцовыя во всей Европѣ клиники по всевозможнымъ, даже мелкимъ специальностямъ!! И между тѣмъ, пожертвованія на клинику не оскудѣваютъ и продолжаются до сихъ поръ, оставляя въ сторонѣ всѣ другія нужды. „Сорёка Якова,—какъ говоритъ русская пословица,—наладила одно про всякаго“!! Та же неразборчивость и отсутствіе обдуманности замѣчаются, если внимательно всмотрѣться, и въ нашихъ газетныхъ пожертвованіяхъ по любому поводу...

Всѣ вышеуказанныя соображенія приводятъ къ заключенію, что пора, наконецъ, сознать обязанность каждаго имущаго жертвовать, не возлагая упованія все на тотъ же казенный и общественный кошель, для котораго существуютъ свои разнообразныя потребности, ждущія своего удовлетворенія. Пора, наконецъ, дѣйствовать въ этомъ направленіи обдуманнѣе и осторожнѣе, не увлекаясь лишь чувствомъ по первому влеченію къ доброй цѣли. И на филантропическія предпріятія требуется умъ, и въ благотворительности одно доброе сердце и благія намѣренія недостаточны, а послѣдними, какъ извѣстно, устлана дорога въ адъ...

Съ этой точки зрѣнія, дорогъ примѣръ и совѣтъ иностранцевъ, въ родѣ Керизаджи и Гладстона, нами раньше описанныхъ. Наше отечество, нѣтъ сомнѣнія, представляетъ обширнѣйшее поле для филантропіи: со всѣхъ сторонъ, передъ глазами, масса самыхъ разнообразныхъ общественныхъ нуждъ, ждущихъ своего удовлетворенія, и на которыя не можетъ хватить денегъ ни у казны, ни у земства. Примѣненіе тутъ частной инициативы и частныхъ средствъ нашихъ болѣе достаточныхъ классовъ и зажиточныхъ лицъ является часто единственнымъ способомъ разрѣшить для общей пользы тотъ или иной вопросъ, требующій именно скораго разрѣшенія. Не надо забывать въ то же время, что у насъ тратится множество денегъ безъ всякой пользы и расчета на бесплодную личную благотворительность, въ родѣ раздачи копѣчекъ, лишь размножая профессиональное нищенство и тунеядство. Въ одной Москвѣ, напримѣръ, по Гиляровскому, насчитывается 50.000 человекъ, среднимъ числомъ, постоянныхъ нищихъ; если считать прибыль каждаго нищаго до 50 коп. въ сутки,—что, по многимъ соображеніямъ, скорѣе ниже, нежели

выше дѣйствительности,—и что каждый нищій подбирается или живетъ на чужой счетъ только триста дней въ году, и тогда оказывается, что наша первопрестольная столица бросаетъ въ годъ на данный бесполезный предметъ цѣлыхъ семь съ половиною миллионъ рублей, въ значительной мѣрѣ, навѣрное, поступающихъ въ карманы кабатчиковъ...

Иванъ Янжулъ.

АРГОНАВТЫ

ПОВѢСТЬ.

Съ польскаго.

Окончаніе.

IX *).

Походкой человѣка, блуждающаго по городу безцѣльно и неохотно, Краницкій прошелъ нѣсколько улицъ, потомъ, войдя въ садъ, сталъ шагать по аллеямъ. На немъ былъ блестящій цилиндръ и франтовское пальто на мѣху, съ дорогимъ, но порядочно поношеннымъ воротникомъ. Вообще, весь онъ казался гораздо старше и какъ-то бѣднѣе, даже по сравненію съ недавнимъ временемъ. Въ его прямой осанкѣ и походкѣ чувствовалось нѣкоторое стараніе не дать людямъ проникнуть въ его печальныя, тщательно скрываемыя отъ постороннихъ глазъ, обстоятельства. Однако, несмотря на все то, тайна обнаруживалась видомъ сгорбившейся спины, поникшей на грудь головы, мѣшковъ, появившихся на лицѣ, угасающихъ глазъ. И все это было тѣмъ очевиднѣе, что Краницкій шелъ подъ лучами весенняго солнца, обливавшими яркимъ свѣтомъ троттуары улицъ и аллеи сада. Снѣгъ почти уже весь растаялъ, и только кое-гдѣ мутная его бѣлизна тщетно соперничала съ синевою неба и золотистой прозрачностью воздуха. При встрѣчѣ съ прохожими, Краницкій

*) См. выше: янв., февр., мартъ, 168 стр.

очень часто поднималъ руку къ шляпѣ, и нѣсколько разъ даже пытался выказать умильной улыбкой и развязнымъ движеніемъ намѣреніе подойти къ нѣкоторымъ изъ встрѣчавшихся съ нимъ лицъ. Но они, какъ нарочно, вѣжливо поклонившись, торопливо проходили мимо, не замѣчая или не желая замѣтить его желанія остановиться. Большею частью это была молодежь, которая вела между собой оживленный разговоръ, или молодыя нарядныя дамы, повидимому, куда-то спѣшившія. Почти каждый встрѣчавшійся уже бесѣдовалъ съ кѣмъ-нибудь. Многихъ изъ этихъ людей онъ зналъ съ самаго ихъ дѣтства. Онъ зналъ не только ихъ имена, но и шуточные или ласкательныя ихъ клички, какія имъ давали въ то время, когда они только-что начинали лепетать; онъ зналъ всѣ комнаты и уголки, въ которыхъ они выросли. Бывало, онъ забавлялъ ихъ, поднимая съ пола и держа надъ головой въ своихъ крѣпкихъ, молодыхъ рукахъ. Тогда онъ всѣмъ былъ милъ! Могъ ли онъ думать, что придетъ день, когда его станутъ обходить при встрѣчѣ? Славившіеся красотой глаза его привыкли смотрѣть въ розовые очки: онъ воображалъ, что людскія отношенія и привязанности никогда не прекращаются. Между тѣмъ, множество изъ нихъ исчезло, а теперь и послѣднимъ наступаетъ конецъ. Онъ чувствовалъ себя въ пустотѣ, въ то время, когда въ немъ росло желаніе применить къ кому-нибудь или къ чему-нибудь, чтобы избѣгнуть паденія, возможность чего онъ начиналъ предчувствовать. Предпринявъ прогулку въ солнечный день, когда всѣ улицы были полны гуляющими пѣшкомъ и въ экипажахъ, онъ думалъ, что кого-нибудь встрѣтитъ, кто-нибудь зазоветъ его, увезетъ или уведетъ съ собой. Куда ему дѣваться? Чтò ему дѣлать? Баронъ Эмиль, жилище котораго въ послѣднее время служило ему почти единственнымъ убѣжищемъ при его тоскѣ и одиночествѣ, уѣхалъ въ свои владѣнія, для экскурсій и розысковъ, подъ сельскими крышами обѣднѣвшихъ землевладѣльцевъ, остатковъ чистаго или прикладного искусства. Съ отъѣздомъ барона Краницкій потерялъ случай встрѣчать своего любимца, Маріана Дарвида. Одно воспоминаніе о вынужденной разлукѣ съ этимъ *enfant chéri* вызывало слезы на его глазахъ.

Онъ присѣлъ на садовую скамейку, чтобы вынуть изъ своего золотого портсигара папиросу. Не успѣлъ онъ ее закурить, какъ увидѣлъ за рѣшеткой сада проѣзжавшую щегольскую коляску, запряженную парой красивыхъ лошадей. Въ колясѣ сидѣлъ молодой человѣкъ, при видѣ котораго Краницкій сдѣлалъ невольное движеніе, будто собираясь бѣжать за нимъ въ догонку. Это былъ сынъ графа Альфреда, отцу котораго онъ когда-то до-

казалъ необычайную преданность, ухаживая за больнымъ графомъ въ Италіи. Этотъ юноша былъ въ то время еще ребенкомъ и не много помнилъ о томъ времени, когда Кралицкій считался лучшимъ изъ друзей его родныхъ. Потомъ онъ совсѣмъ забылъ о немъ, и постепенно отдалился отъ—*cet excellent Králicki, qui se faisait vieux*. Богатому юношѣ было слишкомъ много о чемъ подумать, чтобы интересоваться старинными связями отца. Кралицкій скоро понялъ такое настроеніе молодого сына своихъ старыхъ друзей и покровителей, и давно считалъ его домъ утраченнымъ для себя. Въ продолженіе долгаго времени это обстоятельство не особенно его печалило. У него была пристань, къ которой онъ всегда плылъ смѣло, съ распушенными парусами. Но въ эту минуту видъ проѣхавшаго мимо него юноши облилъ его сердце тѣмъ-то жгучимъ и ѣдкимъ.—*Tout passe!*—пробормоталъ онъ тихо. Одолженія забываются, связи разрываются. Забвеніе прошлаго, неблагодарность—въ природѣ чело-вѣка! Между тѣмъ, въ такой весенній день, съ какимъ бы онъ наслажденіемъ прокатился по улицамъ, на резиновыхъ шинахъ, мягко убаюкивающихъ сѣдока! Съ какимъ удовольствіемъ, катаясь, поболталъ бы съ кѣмъ-нибудь, обладающимъ такими же, какъ у него, привычками, знакомствами, вкусами. Съ живѣйшимъ удовольствіемъ онъ захватилъ бы съ товарищемъ въ какой-нибудь изъ лучшихъ ресторановъ города, чтобы тамъ, среди щегольской обстановки и веселаго шума, отлично позавтракать. Но всѣ эти вещи, нѣкогда столь ему привычныя, теперь уже недостижимы, какъ голубое небо.

Сгорбленный, съ лицомъ и лбомъ въ морщинахъ, онъ продолжалъ смотрѣть на проѣзжавшіе по улицѣ за рѣшеткой экипажи. Въ этомъ мѣстѣ улица упиралась въ большую площадь, окаймленную высокими домами. У особенно широкихъ подъѣздовъ толпилось много народа. Безпрестанно то входили въ нихъ, то выходили люди, иногда цѣлыми группами, очевидно, судя по сильнымъ жестуляциямъ, заинтересованные однороднымъ дѣломъ. Волны этихъ людей то отливали, то удалялись; экипажи ежеминутно то подъѣзжали, то отъѣзжали. Неудивительны были ни это движеніе, ни эта торопливость, потому что въ высокомъ домѣ, около котораго все это происходило, помещался банкъ. Кралицкій на него вовсе не смотрѣлъ и не останавливалъ своего вниманія на тѣснившемся возлѣ него людѣ. У него никогда не было ничего общаго съ банкомъ. Но неожиданно глаза его были поражены знакомымъ лицомъ одного господина подъѣхавшаго въ открытомъ экипажѣ къ широкому подъѣзду. Это былъ Дарвидъ, ѣздившій въ

этотъ день, по случаю хорошей погоды, въ коляскѣ. Дорогія лошади въ щегольской, не бросавшейся въ глаза, легкой упряжи, подбѣжали къ крыльцу съ граціей и достоинствомъ. Лакей тотчасъ соскочилъ съ кучерского сидѣнья и, взявъ изъ рукъ сидѣвшаго въ экипажѣ какую-то карточку, скрылся въ подъездѣ. Минуты черезъ три, изъ подъезда вышли поспѣшнымъ шагомъ двое весьма почтеннаго вида людей, приблизились къ экипажу Дарвида и вступили съ нимъ въ бесѣду. У него, по обыкновенію, не было времени на то, чтобы подняться самому по лѣстницѣ; поэтому къ нему сбѣжали по лѣстницѣ нужные ему люди, лишь только прочли на карточкѣ фамилію финансиста, и, съ пріятнѣйшими улыбками, они передали всѣ нужныя ему свѣдѣнія и справки и затѣмъ, умильно распрощавшись съ нимъ и всѣми тѣлодвиженіями выказывая полную готовность къ услугамъ, проводили удалявшійся экипажъ. А онъ, всегда одинаковый, безукоризненно любезный, хотя и холодный, съ оттѣнекомъ улыбки на сухомъ лицѣ, всегда болѣе слушающій, чѣмъ говорящій, имѣлъ все тотъ же прежній видъ полубога. Экипажъ отѣхалъ недалеко и, сдѣлавъ полукругъ на площади, остановился у противоположнаго, такого же громаднаго зданія. Здѣсь уже лакей открылъ дверцы экипажа, и Дарвидъ, выйдя изъ него, сталъ входить на лѣстницу, гдѣ цѣлая толпа одѣтыхъ въ черное платье людей отклонила передъ нимъ, давая ему дорогу, подобно тому, какъ волны разбѣгаются отъ парохода. „Пароходъ“ этотъ, должно быть, считался значительнымъ, потому что галдѣвшая толпа стихла; множество рукъ ухватилось за шляпы и шапки, множество лицъ повернулось къ этому одному лицу, съ устремленными на него глазами. Всѣ эти движенія имѣли видъ боязливаго любопытства, почти раболопства. Посмѣлѣе изъ нихъ выступали изъ толпы, медленнымъ шагомъ или, наоборотъ, черезчуръ торопливымъ, но во всякомъ случаѣ не тѣмъ, какимъ они ходили здѣсь до пріѣзда Дарвида, и они подходили къ нему, вѣроятно желая знать его мнѣніе объ общемъ дѣлѣ, или съ какой-нибудь просьбой. Это рисовалось на ихъ лицахъ и отражалось въ движеніяхъ. Изъ толпы людей выдѣлилось такимъ образомъ нѣчто въ родѣ свиты избранныхъ, которая окружила своего идола и двигалась за нимъ, поднимаясь по лѣстницѣ по мѣрѣ того, какъ онъ приближался ко входу въ святиню денежнаго царства.

Сидя въ саду на скамейкѣ, Краницкій окаменѣлъ отъ удивленія. Такъ вотъ оно что! Вотъ какъ! Спусти всего двѣ недѣли послѣ кончины бѣдняжки Кары, онъ уже снова такой же дѣятельный и торжествующій, снова закидываетъ сѣти на золотого

тельца, стараясь изловить новые миллионы. Полубогъ! Титанъ! Вотъ человѣкъ, о которомъ баронъ Эмиль могъ сказать, что онъ „умѣетъ хотѣть“!

А между тѣмъ... тогда, у гроба умершей, какимъ онъ казался уничтоженнымъ, ничего уже не желающимъ, точно придавленнымъ какою-то исполинскою рукой! Не только не полубогъ и не титанъ, а какое-то жалкое насѣкомое, прячущееся въ щель отъ хищныхъ птицъ! Краницкій видѣлъ его въ то время. Лишь только дошла до него вѣсть о несчастіи,—ничто не могло удержать его отъ того, чтобы въ ту же минуту бѣжать, лѣгѣть... Несчастіе поразило его въ сердце. Несмотря на боли въ печени, которыя при этомъ тотчасъ обострились, онъ бросился туда, вовсе не думая ни объ отказѣ отъ дома, ни о томъ, что его тамъ можетъ встрѣтить. Пусть будетъ, что будетъ, но въ такую страшную минуту онъ долженъ увидѣть эту женщину, эту святую! Онъ прямо, знакомыми ходами, прошелъ въ ея комнату. Она была окружена множествомъ людей, но онъ даже не взглянулъ на нихъ, нисколько не заботясь о томъ, что они могутъ о немъ подумать. Глаза его застигались туманомъ, онъ ничего не видѣлъ, кромѣ этой, такъ ужасно измѣнившейся и постарѣвшей женщины, на лицѣ которой, вмѣсто прежнихъ ореоловъ изъ блѣдно-золотистыхъ волосъ, бросалась въ глаза новая глубокая морщина, избородившая ея чело во всю его ширину. Не видя никого, не здороваясь ни съ кѣмъ, онъ шелъ прямо къ ней и, упавъ на колѣни, прижалъ къ устамъ траурное ея платье. Въ этомъ не было ни тѣни намѣренности или аффектаціи; онъ безсознательно поддался наплыву чувствъ, который увлекъ его къ ея ногамъ. Поведеніемъ его руководило исключительно одно его сердце. Вѣдь онъ никогда... никого... не любилъ такъ!

Онъ не знаетъ, не помнитъ, никогда не давалъ себѣ отчета въ томъ, что было дальше, но, кажется, ее, рыдавшую громко, приняла въ свои объятія Ирена; кажется, что и Маріанъ тоже тамъ былъ, и много другихъ. Всѣ они входили тихо, говорили тихо, производя впечатлѣніе, похожее на шелестъ опаданія листьевъ съ деревь... „Сидѣлъ я или стоялъ, не вспомню теперь, въ какомъ-то углу комнаты. Помню только, что меня окуржалъ запахъ сирени, которой эта комната была переполнена“... Не скоро онъ спохватился, что надо же ему уходить, такъ же, какъ уходили другіе. Не имѣть возможности въ несчастіи быть подлѣ любимого существа, это—невыразимая мука. Жизнь полна всякихъ страданій. Краницкій пошелъ посмотрѣть еще разъ на „маленькую“ и увидѣлъ тамъ, кромѣ нея, и этого... полубога, но въ

такоемъ состояніи, что ему тотчасъ пришла мысль о томъ, что для этого человѣка ничего въ жизни не осталось! Все кончено!

Краницкій пригнулся къ спинѣ скамейки, на которой сидѣлъ, прикрывъ ладонью глаза, и ему тотчасъ представилось, какъ во снѣ, то, что онъ недавно видѣлъ.

Что это было за великолѣпіе и оригинальность замысла и вкуса! Сколько на это потрачено денегъ! Кажется, что замыселъ принадлежалъ Маріану. Большая зала была превращена въ гротъ, весь задрапированный сверху до низу мягкими сборками изъ бѣлаго ерепа и кисеи. Все это сходилось въ видѣ свода, завершеннаго вверху громадной розеткой, формою напоминающей мистическія четырехлистные розы на окнахъ готическихъ храмовъ. Та, къ которой спускалась эта мягкая драпировка, покрывавшая потолокъ и стѣны, казалась фантастическимъ созданіемъ воздушныхъ узоровъ изъ бѣлоснѣжныхъ облаковъ, осыпанныхъ густымъ дождемъ бѣлыхъ цвѣтовъ, точно налетѣвшихъ отовсюду. Среди нихъ и между ними обильно размѣщены были лишь огни, мерцавшіе въ видѣ звѣздъ или взвивавшіеся надъ цѣлыми колоннадами свѣчей. Общая картина казалась будто выхвачена изъ сновидѣнія воспламененнаго воображенія и перенесена въ дѣйствительность. Все это восполнялось упоительнымъ благоуханіемъ ландышей, розъ, сирени, гіацинтовъ, смѣшаннымъ съ запахомъ отъ куренія какими-то изысканными веществами. Все это наводило на мысль о волшебной поэмѣ, воспѣвающей усопшее невинное существо, покоившееся на высокомъ катафалкѣ, въ одеждѣ, напоминающей свадебную. Оно бѣлѣло тамъ посреди бѣлоснѣжной чистоты креповой драпировки и такихъ же цвѣтовъ. И какъ спокойно спала Кара въ этомъ бѣломъ потоцѣ, при яркомъ освѣщеніи множествомъ трепетавшихъ огней, прикрытая туманомъ медленно таявшихъ облаковъ отъ ниміама. Она спокойно спала, украшенная тонкими полукругами темныхъ бровей подъ греческимъ очерченіемъ чела, съ беззаботной улыбкой на устахъ.

Былъ уже поздній часъ ночи, когда Краницкій поднялся съ койки и замѣтилъ, что въ комнатѣ умершей онъ остался одинъ. Гдѣ-то за дверьми еще слышенъ былъ шопотъ разговоровъ и молитвъ, а около него царилъ лишь сонъ смерти. Но въ этотъ моментъ въ комнату вошелъ человѣкъ, который съ перваго раза показался ему пятномъ на снѣжномъ фонѣ, и только всмотрѣвшись въ его черты, онъ узналъ Дарвида. На лицѣ его онъ прочиталъ не грусть и не отчаяніе, какимъ обыкновенно предаются люди, пораженные смертью близкихъ. Въ его взглядѣ и во всей его фигурѣ онъ вычиталъ нѣчто большее. Глаза этого человѣка,

всегда ясные, трезвые, похожіе на блескъ стали, теперь полны были безпросвѣтною задумчивостью, на днѣ которой таилась ужась. Весь онъ казался подавленнымъ и сжавшимся. Ни прежней ироніи, ни энергіи, ни самоувѣренности въ немъ не было и слѣда. Онъ казался ниже ростомъ, угнетеннымъ и побѣжденнымъ; шея его согнулась. Среди бѣлыхъ складокъ драпировки, въ которыхъ онъ прижался, фигура его казалась плоской, при чемъ онъ особенно уподоблялся наѣбьтому, прячущемуся въ щель отъ внезапно наступающей его опасности.

Случайно бросивъ взглядъ въ сторону, гдѣ стоялъ Краницкій, онъ совершенно равнодушно скользнулъ по немъ глазами и опять засмотрѣлся куда-то, во что-то громадное, не выразивъ ни обиды, ни ненависти, ни презрѣнія. Краницкій при этомъ тоже не испыталь ни одного изъ этихъ чувствъ. Онъ подумалъ, что въ драмахъ и повѣстяхъ смертельные враги именно въ такія минуты обыкновенно подаютъ другъ другу руки примиренія. Но въ такомъ пафосѣ нѣтъ правды, ибо что такое всѣ людскія ссоры передъ лицомъ вѣчнаго сна!

Теперь, сидя на садовой скамейкѣ и вспоминая объ этомъ, Краницкій снова взглянулъ на большое зданіе съ широкимъ подъѣздомъ. Около него уже не было толпы, но экипажъ Дарвида все еще стоялъ. Лошади своей неподвижностью напоминали бронзовыя изваянія. Краницкій, съ необычной его кроткой природѣ ядовитостью, прошепталъ:

— Трудъ! желѣзный трудъ!

Даже ротъ его горько искривился, — гдѣ же ему было думать о томъ, чтобы, наблюдая, по обыкновенію, за своей осанкой, выпрямиться! Прежнимъ путемъ онъ побрелъ по улицамъ, невольно умѣряя шаги, когда проходилъ мимо нѣкоторыхъ домовъ, напоминавшихъ о блестящихъ или счастливыхъ минутахъ его жизни, увы, давно уже не повторившихся...

— А я ужъ думала, что ты на весь день пропалъ въ какой-нибудь любезной компаніи, — встрѣтила его этими словами старуха. — А тутъ безъ тебя гости приходили и сейчасъ опять придутъ.

— Гости? — переспросилъ Краницкій, и лицо его моментально просіяло, но не надолго, потому что, продолжая свой докладъ, старуха сообщила ему, что кромѣ того приходилъ еще и Берга Шильдбахъ съ угрозою, что продастъ всю его рухлядь.

Но, замѣтивъ, что Краницкій, снявъ шубу и проходя черезъ комнату, еле волочить ноги, и обративъ вниманіе на выступившія

у него на лицѣ пятна, она тотчасъ смягчилась и заговорила ласковѣе:

— Ну, зато ты навѣрно обрадуешься другимъ двумъ. Большіе франты!..

— Кто же это? говори же, матушка, скорѣй, кто?

— Развѣ я могу упомянуть всякія арабскія фамиліи! Но они оставили карточки,—погоди, сейчасъ принесу; я положила ихъ въ кухнѣ.

Она пошла въ кухню; по пятамъ за ней направился и повеселѣвшій Краницкій. Онъ торопливо вырвалъ изъ ея рукъ двѣ визитныя карточки, на которыхъ прочиталъ: „Маріанъ Дарвидъ“ и „Баронъ Эмиль Блауендорфъ“.

— Ахъ, милые мои! — воскликнулъ Краницкій. — Значить, баронъ уже вернулся! И первая мысль по возвращеніи—обо мнѣ! Чтѣ за сердце! Иду, иду, бѣгу!

И онъ въ самомъ дѣлѣ уже бѣжалъ въ переднюю съ радостнымъ видомъ; но старуха, ставъ попережъ дороги и разставляя руки, заговорила:

— Куда это? Зачѣмъ? Чтобы встрѣтиться съ ними на лѣстницѣ или въ воротахъ? Вѣдь они сказали, что вернутся черезъ часъ.

— Вернутся! Ну, хорошо, хорошо!

Потирая руки отъ удовольствія, онъ ходилъ теперь по комнатѣ эластическими шагами, выпрямленный, довольный и не успѣлъ только придать пожелтѣвшему лицу своему болѣе цвѣтущій видъ. А Клементина, ставъ посреди комнаты и вперивъ въ него взглядъ свой, говорила:

— Посмотрите на него теперь, какъ онъ переродился, — вѣдь точно ожилъ!

Внезапно осѣненный какою-то мыслью, онъ вдругъ всочился съ мѣста.

— Ахъ, матушка моя, идите-ка скорѣй, принесите страсбургскій паптетъ и бутылочку ликеру...

Клементина отскочила отъ него къ стѣнѣ.

— Да ты никакъ съ ума сошелъ? Берка Шильдбахъ покою не дастъ, а онъ...

— Да чтѣ мнѣ Берка, когда эти благородныя сердца вспомнили обо мнѣ!

— Сердце не брюхо, чтобы сейчасъ же жрать и пить...

— Ты, матушка, ничего не понимаешь. Ты—почтенная женщина, но мелочная,—все только думаешь объ этихъ проклятыхъ деньгахъ!

— Небось, твой паптетъ важнѣе денегъ?

Споръ ихъ становился громкимъ. Краницкій бросился на кровать, схватившись ладонью за правый бокъ, и застоналъ. Старуха тотчасъ снова смягчилась и испуганно спросила:

— А что? Опять болитъ? Ну, да ты только не огорчайся. Сколько надо на твой паптетъ?

— И на ливеръ,—поправилъ ее Краницкій.

Приходя въ себя, онъ объяснялъ Клементинѣ, что баронъ—любитель ликеровъ, а Маріанъ любитъ ѣсть страсбургскіе паштеты, запивая ихъ чернымъ кофеемъ.

— Вотъ бы ты намъ, матушка, черного кофе сварила. Ты отлично умѣешь его готовить!

— Еще чего?—заворчала старуха.

— Ахъ, какъ ты меня раздражаешь!—сказалъ Краницкій и снова застоналъ, схватившись за бокъ.

Клементина окончательно пошла на капитуляцію, оставляя еще нерѣшеннымъ денежный вопросъ. Краницкій вынулъ изъ бумажника одну бумажку, подержалъ ее въ пальцахъ и, подумавъ, сказалъ:—Не хватить!—Лицо его снова опечалилось, а старуха, прервавъ его задумчивость, сказала:

— Ну, чего думать! И въ сто лѣтъ не выдумаешь рубля, если его нѣтъ. Напиши только на бумажкѣ все, что нужно—я куплю.

— На какія же деньги ты купишь?

Но Клементина уже была въ другой комнатѣ и ничего не отвѣтила.

— Вѣрно, на свои?—кричалъ слѣдомъ за ней Краницкій.— Вѣрно, на свои! Я знаю, что ты, матушка, давно уже тратишь свои сбереженія.

Сходивъ въ свой сундукъ, Клементина надѣла клѣтчатый платокъ на голову, сняла очки и, уходя, сказала:

— Ну такъ что-жъ, что трачу? Что истрачу, то мнѣ и отдашь. Не трястись же мнѣ надъ рублемъ, когда онъ тебѣ нуженъ. Вѣдь ужъ одной ногой въ гробу стою...

— Боже!—восклидалъ Краницкій:—вотъ они, старые слуги старинныхъ семействъ!

Скоро послышались громкіе шаги въ передней.

— Peut-on voir le maître de céans? — раздался шутливый вопросъ Маріана. Краницкій тотчасъ узналъ свѣжій, звучный его голосъ и уже бѣжалъ въ переднюю.

— Mais oui, mes chers! Vous me faites heureux! Tout-à-fait heureux!

И въ самомъ дѣлѣ онъ былъ ошастливленъ и расчувствованъ. Тотчасъ же попили рассказы барона о результатахъ его поѣздки. Баронъ говорилъ съ необыкновеннымъ увлеченіемъ. Нервное настроеніе мѣшало ему сидѣть. Шагая по комнатѣ, онъ спѣшилъ высказаться...

— Mercі, mercі. Нѣтъ, я не въ состояніи усидѣть на мѣстѣ. Я слышу въ себѣ какой-то крикъ. Во мнѣ все дрожитъ; я преисполненъ и гнѣвомъ, и надеждой...

Кирпичнаго цѣвта румянецъ то-и-дѣло выступалъ на его лицѣ. По обыкновенію, онъ говорилъ нѣсколько въ носъ и сквозъ зубы, но быстрѣе обыкновеннаго. Онъ рассказывалъ, что ему удалось уже открыть нѣсколько очень цѣнныхъ произведеній искусства и промышленности между остатками прежняго благосостоянія въ нѣкоторыхъ большихъ и маленькихъ помѣстныхъ домахъ. Много уже этого рода богатствъ приобрѣтено англичанами, разъѣзжавшими съ этой цѣлью по краю, но еще много осталось. Надо только развѣдывать, искать, развѣзжать. Можно еще открыть настоящіе драгоценности, иногда самымъ неожиданнымъ образомъ...

— Кто бы, напримѣръ, могъ ожидать, что у какого-нибудь учителя географіи найдется гдѣ-то за дверьми закоптѣвшій, изгаженный мухами картонъ Штейнле... Эдуарда Штейнле!

— Не сомнительный ли?—перебилъ его Маріанъ.

— Какое? — закричалъ баронъ, ускоривъ при этомъ свой шагъ.—И не думай! Это никакъ не Купельвизеръ, какъ ты предполагаешь, mon cher. Купельвизеръ хотя и учитель Штейнле, но гораздо ниже. У него не было ни той увѣренности рисунка, ни того изящества, ни того вдохновенія. Это—подлинный, несомнѣнный Штейнле, котораго картоны собраны во Франкфуртѣ.

— Я не помню,—вмѣшался Краницкій:—Штейнле изъ прерафаэлитовъ?

— Да, si vous voulez; пожалуй, если считать прерафаэлитами школу нѣмецкихъ назаритянъ. Но это—особенная школа.

Разсужденія о живописи, предшествовавшей Рафаэлю, увлекли обоихъ посѣтителей надолго. Они спорили и сравнивали ея произведенія итальянскихъ прерафаэлитовъ съ Овербекомъ, Фюрихомъ. Упоминались имена Фра-Анджелико, Липпо-Мани, Буффальмако, Пьера ди Казимо, Боттичелли, Розетти и т. д., говорили объ особенностяхъ „кватроченто“, а Краницкій все это слушалъ, но на лицо его набѣгала тѣнь грусти. Онъ и самъ интересовался искусствомъ; но въ эту минуту ему бы хотѣлось, чтобы

ces chers enfants, ces nobles coeurs, поговорили съ нимъ по душѣ о чемъ-либо иномъ, болѣе ему близкомъ.

Стараясь, однако, не выказать своего настроенія, онъ заговорилъ:

— Итакъ, вы уже обладаете началомъ пути къ тому золотому руно, которое предполагаете увести за море?

Баронъ весело захохоталъ.

— Золотое руно! Это отлично сказано. Да, мы дѣйствительно стрижемъ барановъ или, вѣрнѣе, наивныхъ пастуховъ. Трудно вообразить себѣ, какой въ здѣшнемъ краѣ господствуетъ „ревматизмъ мысли“ въ этомъ отношеніи. Никто не знаетъ цѣны обладаемыхъ вещей, никто не знаетъ, чѣмъ владѣть. Никакихъ понятій, никакихъ свѣдѣній, касающихся эстетики. Во время моей поѣздки я испытывалъ такое впечатлѣніе, какъ будто я путешествую по древней Скиѣи. Все это были или прежніе сосѣди моихъ родителей, или родственники, принимавшіе меня съ открытыми объятіями. Склонявые поцѣлуи, зразы съ кашей,— все это было. Комнаты вездѣ переполнены многочисленнымъ потомствомъ, наводящимъ на мысль о существованіи опасности въ будущемъ отъ народившагося класса санжюлотовъ. Родителей же и теперь уже можно назвать „санжемизетами“, откуда и происходитъ господствующая между ними настоящая фурія въ стремленіи превратить въ деньги все, что можно, хотя бы за безцѣнокъ. Мои предложенія встрѣчались со слезами благодарности. Во мнѣ видѣли избавителя отъ крушеній. Еслибъ я пожелалъ только, то могъ бы добыть славу патріота, несущаго соотечественникамъ спасеніе. Но это уже область „раскрашенныхъ глиняныхъ горшковъ“. Я не изъ людей, оклеивающихъ себя этикетами. Я покупаю дешево, чтобы продать дорого,—voici mon jeu... И хотя я то же самое говорилъ имъ самимъ, они все же продолжали меня цѣловать. Я сдѣлался для ихъ устъ, вѣчно страдающихъ отъ предурожайныхъ голодовокъ, чѣмъ-то въ родѣ патэны ¹⁾. Предо мной раскрывались старые шкафы и кладовыя. Разъ даже отворили часовню, въ которой я нашелъ невѣроятно-древнія церковныя ткани. Одну изъ нихъ я подозреваю въ происхожденіи изъ Фландріи, временъ Роберта Благочестиваго. Совершенно такую же я видѣлъ въ музеѣ Клюни. Кромѣ того, я видѣлъ нѣсколько старинныхъ поясовъ, вышитыхъ золотомъ и шелками обоевъ, „макоть“ и такихъ образчиковъ, которые были

¹⁾ Patena—церковный сосудъ (дискосъ), цѣлованіе котораго молящимися—въ обычаѣ у католиковъ.

бы очень нелишни въ дрезденскихъ хранилищахъ — *voici mon butin*. А здѣсь мы нашли одного Овербека да одного Штейнля; Маріанъ же, въ мое отсутствіе, нашелъ гдѣ-то необыкновенно старинную вещь саксонскаго фарфора, удивительно хорошо сохранившуюся. И вотъ это только начало. Впереди—цѣлая жатва.

— Золота,—договорилъ тихо Краницкій.

Ему становилось все грустнѣе и грустнѣе. Въ правомъ боку началась нестерпимая боль. Весь тонъ разсказа барона о побѣдѣ на родину производилъ на него самое непріятное впечатлѣніе. Онъ почувствовалъ нѣчто безжалостное въ словахъ разсказчика. Какое-то почти инстинктивное отвращеніе явилось въ немъ къ той откровенной игрѣ, которую баронъ называлъ: „покупаю дешево, продаю дорого“. Онъ, однако, не поднималъ спора, а смотрѣлъ только на Маріана и думалъ: „неужели и онъ“?..

— Значить, этотъ вашъ американскій проектъ вполнѣ уже осуществляется, и вы въ самомъ дѣлѣ отправляетесь въ Америку?

— Это рѣшено до такой степени, — отвѣчалъ Маріанъ, — что завтра я уже уѣзжаю. Эмиль останется еще здѣсь мѣсяца на два, а я, для распознаванія почвы и ознакомленія съ людьми, уѣзжаю завтра.

Краницкій остолбенѣлъ при этомъ извѣстіи, и только послѣ долгаго безмолвія воскликнулъ:

— Завтра!

— Это рѣшено безповоротно, — сказалъ Маріанъ, и когда баронъ уѣхалъ, онъ, въ свою очередь, принялся ходить по комнатамъ, говоря, что пришелъ онъ именно съ тѣмъ, чтобы проститься съ Краницкимъ.

— Не простившись съ тобой, *mon bon vieux*, я бы не могъ уѣхать, но есть обстоятельства, заставляющія меня торопиться. Оставаться здѣсь мнѣ невозможно. Во-первыхъ, недѣлю тому назадъ, отецъ отказался выдавать мнѣ прежнее содержаніе, о чемъ мнѣ объявилъ его кассиръ.

Маріанъ разсказалъ Краницкому о своемъ послѣднемъ свиданіи съ отцомъ, который настаивалъ на томъ, чтобы Маріанъ поступилъ на одну изъ его фабрикъ, гдѣ ему предназначалось пройти школу умѣренности, послушанія и труда.

— Наши двѣ индивидуальности, — говорилъ Маріанъ, — оттолкнулись взаимно, не измѣнившись нисколько. Ни малѣйшаго измѣненія не произошло ни въ немъ, ни во мнѣ. Наши желанія остались неизмѣнными. Впрочемъ, я признаю, что это человѣкъ съ громадной силой воли. Послѣ смерти нашей бѣдной малютки, казалось сначала, что его воля—въ угнетенномъ состояніи, но

онъ очень скоро оправился; и теперь онъ уже въ пылу своихъ каторжныхъ занятій. Я поражаюсь цѣльностью его характера, и признаю за нимъ первостепенное достоинство, но не намѣренъ отказываться отъ своей индивидуальности изъ-за того только, что у отца моего, при всѣхъ его несомнѣнно высокихъ качествахъ, голова плохо провентилирована. Можетъ быть, кто-нибудь изъ прадѣдовъ нашихъ посовѣтовалъ бы мнѣ покориться отцовской колесницѣ; но такъ какъ я не могу быть своимъ прадѣдомъ, то не думаю предать себя на истязанія. Однимъ словомъ, все это тѣ же „раскрашенные глиняные горшки“!

— Штопанные носки!—дополнилъ баронъ.

Второй причиной, по которой Маріанъ принужденъ неостаточно уѣхать изъ этого города, были впечатлѣнія, вызванныя смертью этой малютки. Онъ, конечно, не допускалъ, чтобы въ немъ происходилъ какой-либо процессъ въ зависимости отъ атактистическихъ инстинктовъ. Онъ—человѣкъ новый, но, испытывая въ эту минуту первобытныя состоянія души, ему хотѣлось бы, подобно одному изъ героевъ Метерлинка, кидать горстями земли въ ночныхъ лѣшихъ. Смерть Кары и все, что творится въ семействѣ, довели его душу до блѣдноты и немощи. Онъ теперь только понялъ выраженіе Метерлинка: „войти въ горе по самыя очи“. Когда смерть пришла за Карой, онъ не могъ отдѣлаться отъ вопроса: „зачѣмъ гаснутъ зажженные огни“? Теперь онъ, подобно метерлинковскому Гіальтару, ежеминутно чувствуетъ потребность воскликнуть: „кто вокругъ насъ не рыдаетъ“? И бывають у него минуты такой нервной немощи, что онъ не въ силахъ произвольно пошевелить пальцемъ. И однако, этой немощи сопутствуетъ полное сознаніе того, что всѣ эти семейныя сентиментальности—не болѣе, какъ „раскрашенные глиняные горшки“. Вѣдь намъ извѣстно, что на свѣтѣ умираетъ множество юныхъ дѣвицъ, и что каждая жизнь прямехонько направляется къ могильнымъ вратамъ. Нѣтъ ни малѣйшаго повода къ тому, чтобы тѣ, кого еще обходитъ нахальная гостя съ косою, душевно блѣднѣли и болѣли. Новыя знанія, которыми онъ обладаетъ, встрѣчаясь со вкусами прапрадѣдовской старины, создаютъ диссонансъ, и оттого онъ громогласно скрежещетъ. Ему надо убѣгать отъ видѣній и гаснущихъ огней, отъ нервной немощи душевнаго сплина, онъ долженъ бѣжать въ свѣтъ, чтобы найти новые горизонты—*vers les contacts nouveaux*... бѣжать въ новый свѣтъ, свободный отъ пятидесяти лѣтъ старины!..

Высказавъ это, Маріанъ сѣлъ. У Краницаго на глазахъ наворачнулись слезы; онъ долго молчалъ и могъ только промашести:

— Значить, ты уѣзжаешь!

Потомъ онъ колеблющимся голосомъ спросилъ:

— Ты сказалъ: „то, что въ этомъ домѣ происходитъ“. Что же въ немъ происходитъ?

Но на это отвѣтилъ баронъ, при этомъ еще болѣе раскрасѣвшись:

— Какъ? Вы не знаете объ этомъ? Пани Дарвидъ и панна Ирена на дняхъ уѣзжаютъ на реколекціи! ¹⁾

— Въ Криничную,—дополнилъ свѣдѣніе Маріанъ.—Отецъ отдалъ ее въ собственность Иренѣ.

Краницкій, при этомъ извѣстіи, еще болѣе поблѣднѣлъ.

— Слѣдовательно...—началъ онъ, смотря на барона.

— Слѣдовательно,—поспѣшно продолжалъ тотъ,—между мной и панной Иреной все кончено. Я доволенъ этимъ, потому что какимъ же образомъ могли бы примириться идилліи панны Ирены съ моими скрежетами?! Оказалось бы это въ родѣ того, какъ у Метерлинка: „запахъ ээира въ солнечный день“. Разумѣется, я представляю собою ээиръ, а панна Ирена—солнечный день.

Улыбка его становилась злою.

— Не знаю только, удачны ли будутъ реколекціи... Кромѣ идилліи, въ паннѣ Иренѣ много, очень много того крика жизни, того прелестнаго влеченія къ... amour jouissant, или, какъ говорить Рейсбрёкъ, къ блаженству впечатлѣній, которому трудно, насколько мнѣ извѣстно, удовлетвориться видомъ влюбленно-щебечущихъ за окномъ воробьевъ.

— *Trêves des méchancetés!*—перебилъ его Маріанъ.—Тебѣ вѣдь не угрожаетъ участь Вертера?

— Oh, que non!—засмѣялся баронъ.

А Маріанъ поспѣшилъ добавить:

— Ты долженъ бы былъ сдѣлать уступку раскрашенной глинѣ, называемой благодарностью. Она не закрыла тебѣ путей къ какой-нибудь многомилліонной американкѣ. Въ Америкѣ не мало представителей „железнаго труда“, имѣющихъ несравненно болѣе богатыхъ дочерей, чѣмъ дочь, увы!.. единственная дочь моего отца.

— Возможно! возможно!—согласился баронъ.—У этихъ богатѣйшихъ американскихъ отцовъ очень недурно оплачиваются всякіе европейскіе титулы. Возможно, что этимъ способомъ или инымъ, а то и обоими способами за разъ, мнѣ удастся сдѣлать

¹⁾ Реколекція—говѣніе.

себѣ колоссальное состояніе. Почему нѣтъ? Богатство, это—врата, передъ которыми стоятъ герольды жизни... Я не изъ людей, обліпчивающихъ себя этикетами. Я признаюсь, что меня очень прельщаетъ подобная перспектива. Мое состояніе—бездѣлица, при моей жадѣ жизни. Я уйду, преисполненный желаніями новыхъ потрясеній и великихъ приобрѣтеній, а потомъ и l'amour jouissant—это тоже приобрѣтеніе...

Краницкій же все повторялъ, переводя взглядъ съ одного изъ молодыхъ своихъ друзей на другого:

— Уѣзжаютъ!

— Да, уѣзжаемъ,—сказалъ баронъ,—и по этому поводу мы намѣрены сдѣлать вамъ маленькое предложеніе. Не примете ли вы на себя обязанность одного изъ нашихъ агентовъ?

Онъ представилъ Краницеому подробный планъ своего предприятия и дѣятельности, предстоящей агентамъ, разбросаннымъ по странѣ для разысканій и закупокъ.

— Намъ необходимы люди, эстетически и свѣтски образованные, а ихъ здѣсь не легко найти. По всему пространству здѣшняго края, во всю ширь сѣрой мозговой массы, царить убогость... c'est la stérilité du grand territoire de la substance grise... Если вы желаете...

Краницкій молчалъ. Еще недавно онъ бы радъ былъ всякому дѣлу, онъ страстно желалъ хоть чѣмъ-нибудь зацѣпиться за жизнь и за людей. Но теперь, въ продолженіе разговора съ двумя пріятелями, отвращеніе ко всему на свѣтѣ овладѣвало имъ болѣе и болѣе. Саркастическія замѣчанія барона о „sans chemises'ахъ“, которые „дѣловали его какъ патѣну устами, страдающими отъ предурожайныхъ голодовокъ“, сверлили его сердце. На память ему приходили лишь слова: „отбѣздъ“, „смерть“, и передъ воображеніемъ носилось видѣніе какого-то пернатого стада, разлетающагося во всѣ стороны. И опять это „дешево купить, дорого продать“! Une vilénie! А за всѣмъ тѣмъ досаждаютъ и становятся нестерпимыми его боли въ печени и сердцѣ. Немного еще подумавъ, онъ сказалъ:

— Нѣтъ, дорогіе мои, мнѣ кажется, что я не буду имѣть возможности оказаться вамъ полезнымъ. Я хвораю и быстро старѣю. Притомъ, скажу вамъ откровенно...

Онъ остановился, колеблясь. Взявъ для чего-то со стола золотую свою папиросницу, онъ опять немного подумалъ и продолжалъ:

— Въ вашемъ предпріятіи я вижу стороны, которыя мнѣ не пріятны, которыя нѣсколько оскорбляютъ мое чувство. Все-

таки, какъ хотите, тутъ будетъ торговля святыней или, si vous voulez, святынями, потому что искусство—святыня, и родина человека—святыня... Вы слишкомъ умны, чтобы мнѣ нужно было вамъ пояснять это. Одиночество, въ которомъ я останусь безъ васъ, пугаетъ меня; я испытываю болѣзненное чувство, да, болѣзненное, но долженъ вамъ сказать, что на этотъ разъ я не буду съ вами, дорогіе мои! Non, décidément, je ne serai pas de votre bord...

По натурѣ своей Краницкій не любилъ споровъ и по многимъ причинамъ не освоился съ ними; поэтому онъ сказалъ это колеблясь и не безъ досаднаго чувства. Но, проговоривъ свой отвѣтъ, онъ отеннулся корпусомъ назадъ, поднялъ голову, и, сидя такимъ образомъ и вертя золотой портъ-сигаръ въ рукахъ, онъ вообще имѣлъ видъ довольно важный, особенно въ сравненіи съ барономъ, всегда напоминавшимъ собою комара, замышляющаго кого-нибудь укусить. Эмиль, и на этотъ разъ насмѣшливо улыбаясь, началъ было:

— Вы все еще по прежнему окрашены въ цвѣтъ покойной романтической поэзіи. Когда вы говорили, мнѣ казалось, что я слышу почтальона, играющаго на трубѣ подъ окнами неизлечимо-больныхъ и...

Но Маріанъ перебилъ его:

— Что касается меня, я уважаю каждое индивидуальное убѣжденіе. Въ какомъ бы направленіи оно ни развилось у нашего дорогого друга, пана Артура, мы не имѣемъ права ни настаивать, ни насиловать, осмѣливая это убѣжденіе. Впрочемъ, смѣшная сторона чего-либо—ничего не доказываетъ. „Ты меня смѣшишь“—это вовсе не аргументъ. Можно казаться смѣшнымъ въ глазахъ кого-либо—и притомъ сознавать свою правду. Но теперь уже trêve des discussions. Напоминаю тебѣ, Эмиль, о нашемъ фарфорѣ.

— Да, да,—согласился съ нимъ баронъ и вскочилъ съ мѣста.—Мы должны съ вами попрощаться...

Но въ это время въ комнату вошла Клементина съ большимъ подносомъ въ рукахъ. Если она разъ задумала угодить своему любимцу, то уже старалась всегда исполнить это какъ можно лучше. Поэтому она надѣла на голову бѣлый чепецъ, сняла съ ногъ шлепавшія галоши, и клѣтчатый свой платокъ не кое-какъ набросила на себя, а съ нѣкоторымъ шикомъ, скрестивъ концы его на груди. На подносѣ стояли рюмки, бутылка ликера, паштетъ и три чашки, отъ которыхъ распространялся пріятный запахъ кофе. Все это она поставила на столъ передъ

диваномъ и, взирая на поднось пасмурнымъ взглядомъ, спокойно повернулась и удалилась. Краницкій вскочилъ съ дивана.

— Прошу васъ, дорогіе мои... рюмку ликеру, который ты любишь, баронъ!.. Маріанъ, кусочекъ паштета!

Но оба они схватились за часы.

— Нѣтъ, нѣтъ, — началъ сопротивляться баронъ, — невозможно. У насъ осталось всего три минуты.

— Вѣдь мы уже позавтракали у Бореля, который, какъ говоритъ отецъ, задаетъ для насъ лукулловскія угощенія.

Краницкій продолжалъ приглашать. Но они упирались, говоря, что, по уговору, черезъ нѣсколько минутъ они должны быть тамъ, гдѣ Маріану удалось открыть поразительную фарфоровую вещь. Подавая на прощанье руку хозяину, баронъ говорилъ:

— Мы еще увидимся. Вы меня еще посѣтите. Я пробуду здѣсь еще нѣсколько недѣль. Что касается фарфора, то я сомнѣваюсь, чтобы онъ, какъ утверждаетъ Маріанъ, былъ дѣйствительно мисулійскаго происхожденія... Въ которомъ году существовалъ этотъ заводъ?

— Въ тысяча-семьсотъ-девятомъ, — сказалъ Маріанъ.

Затѣмъ, обратившись къ Краницкому, и этотъ юноша сталъ прощаться съ нимъ.

— Adieu, mon bon! будь здоровъ и напиши мнѣ туда когда-нибудь. Адресъ возьми у Эмиля.

Онъ уже повернулся-было къ дверямъ, но Краницкій задержалъ его, схвативъ за руку, и посмотрѣлъ на него влажными глазами.

— Такъ, значитъ, надолго! Можетъ быть, навсегда!

— Ну, вотъ ужъ ты и расчувствовался... — началъ-было Маріанъ, но и по его розовому лицу пробѣжала тѣнь нѣжности.

— Ну, мой дорогой, дай мнѣ обнять тебя!

Но замѣтивъ, что объятія Краницкаго продолжительны, Маріанъ сказалъ:

— Là! Là! Là! Полно горевать; вѣдь не даромъ какой-то древнѣйшій поэтъ говорилъ, что человекъ — тѣнь, которому снятся тѣни! Мы снились другъ другу, mon bon! Одно средство противъ всего на свѣтѣ — это превращать все въ шутку и — *vogue la galère!*

Съ этими словами, Маріанъ вошелъ въ переднюю, и пока онъ надѣвалъ пальто, баронъ замѣтилъ:

— Нѣтъ, я полагаю, что скорѣе она ильменанскаго происхожденія.

— Какъ?—возразилъ Маріанъ:—съ 1748 года? тогда лучше уже скажи, что она франкентальская.

Баронъ, беря свою палку, опять замѣтилъ:

— Дѣло въ томъ, что для такой древности она черезчуръ гладка и блестяща.

Уже отворяя дверь на лѣстницу, Маріанъ доказывалъ:

— Агатовая полировка...

Съ этими словами онъ вышелъ, а баронъ, переступая порогъ, продолжалъ еще споръ.

— А относительно тѣхъ красно-коричневыхъ бисквитовъ...— говорилъ онъ.

Но дверь за ними затворилась, голоса умолкли. Краницкій долго еще въ какомъ-то оцѣпенѣніи стоялъ въ передней.

— Агатовая полировка! Бисквиты! Вотъ и все, что мнѣ остается отъ нихъ!

Переодѣвшись въ свой турецкій халатъ съ заштопанной подкладкой и обтрепанными рукавами, онъ лежалъ потомъ на кушеткѣ, противъ коллекціи трубокъ. Задумавшись, по обыкновенію, онъ принялся вертѣть въ рукахъ свой золотой портсигаръ. Напрасно старуха старалась уговорить его, чтобы онъ закусилъ немного, хоть бы этого „арабскаго“ папшета, и выпилъ бы рюмку ликера. Онъ, было, и попробовалъ, но ничего не могъ проглотить. Отъ тоски у него сжималось горло; онъ погружился въ воспоминанія и явственно ощущалъ дуновение какого-то холоднаго вѣтра. Точно такъ же вѣяло на него пролетавшее быстро время—этотъ страшный истребитель, который, постоянно кружась вокругъ него, продѣлывалъ безнаказанно всевозможныя проказы. Но онъ никогда не взглянулъ со вниманіемъ прямо ему въ лицо. Кое-когда время приносило ему огорченія и сожалѣнія, но не надолго,—не такія, что западаютъ въ глубь сердца, а лишь проскальзывающія по его поверхности. Погоревалъ, бывало, пожалѣлъ о комъ-нибудь и проходилъ дальше своею упругою, слегка покачивающеюся походкой, пользуясь своею прочною, долговременною молодостью, съ мотивомъ модной пѣсни или съ нѣжной улыбкой на устахъ. Онъ продолжалъ свой путь легко, весело, въ вѣчной погонѣ за пріятными мелочами жизни. Въ эту минуту онъ впервые лицомъ къ лицу присматривался ко времени. Передъ нимъ проносились какая-то безконечная волна, разверзалась бездонная пучина. Волна уносила, пучина пожирала людей, дома, отношенія, связи, чувства, и однообразнымъ гуломъ отъ всего этого доносилось лишь одно печальное слово: „Миновало! Миновало! Миновало!“ То, что

окончилось для него сегодня, вызвало въ немъ воспоминанія обо всемъ минувшемъ. Выросло передъ нимъ нѣчто въ родѣ громадной катакомбы изъ множества гробовъ. Внимательно смотря въ отверстіе этой катакомбы, онъ увидѣлъ въ ней не только скончавшихся друзей, но и тѣхъ, которые удалились отъ него, не дождавшись смерти. Лица умершихъ, нѣкогда дорогихъ ему людей, проведенныя съ ними дорогія мгновенія, въ прахъ обратившіеся обломки жизни. Передъ этой катакомбой стояло время и, насмѣшливо надувшись, вѣяло на человѣка, отдавагоса воспоминаніямъ, холоднымъ, могильнымъ ураганомъ.

Краницкій плотнѣе закутался полами халата; голова его свѣсилась до того, что виденъ былъ его затылокъ; нижняя губа какъ-то оттопырилась, и красныя пятна выступили надъ черными бровями. Старуха смотрѣла на него, стоя въ дверяхъ.

— Будешь обѣдать?—спросила она его.

Онъ ничего не отвѣтилъ. Она ушла, но черезъ полчаса вернулась, неся ему чашку черного кофе.

— Выпей-ка! можетъ быть, повеселѣешь. А я, между тѣмъ, расскажу тебѣ кое-что о Липовѣ.

Она придвинула къ кушеткѣ стулъ, усѣлась на него, положила руки на колѣни и, съ выраженіемъ чрезвычайнаго сосредоточенія въ быстрыхъ и блестящихъ глазахъ, стала ему излагать содержаніе письма, только-что полученнаго ею отъ арендатора Липовки, ея крестника. Онъ писалъ, что жилой домъ приведенъ въ порядокъ, что самъ онъ живетъ въ „официнѣ“¹⁾. Въ домѣ все приготовлено къ прибытію владѣльца. Мебель та же, какая была у покойницы пани; она цѣла и красива, хоть и старая, но исправлена и почищена. Садъ теперь больше, чѣмъ былъ, ибо много фруктовыхъ деревьевъ прибавилось. Пасѣвка вновь заложена—идетъ прекрасно. Все тамъ тихо, спокойно,—продолжала шопотомъ старуха,—лѣтомъ зелень, зимой бѣлѣть снѣгъ, не грязный, какъ въ этомъ проклятомъ городѣ, гдѣ только всего и есть, что толкотня, крикъ да шумъ...

Усмѣхнувшись, она еще прибавила:

— И Берки Шильдбаха тамъ нѣтъ!

Погода немного, она снова заговорила:

— Ты о долгахъ не безпокойся. Продай всѣ здѣшніе свои амурсы да трубки; а не хватитъ этихъ денегъ, я свои отдамъ. Все отдамъ, лишь бы тебя изъ этого ада вырвать. Вѣдь если

¹⁾ Такъ называются въ польскихъ помѣстьяхъ отдѣльныя строенія, предназначенныя для помѣщенія прислуги.

такая жизнь продолжится, ты послѣднее свое здоровье потеряешь, долги увеличатся и самъ умрешь въ больницѣ.

— Милый мой, слушаешь ли ты, что я тебѣ говорю? Отчего ты не отвѣчаешь?

Но такъ какъ онъ и на это ничего не отвѣтилъ, то она продолжала говорить далѣе:

— А помнишь ли ты ту липовую рощу, которая идетъ сейчасъ позади двора? Она и теперь такъ же стоитъ. Стефанъ не уничтожилъ ее. Сохрани Богъ! А помнишь ли, какъ чудесно за эту рощу пряталось вечернее солнышко?

Гдѣ-то на свѣтѣ и теперь солнце уходило куда-то, въ комнатѣ начинало темнѣть. Среди начинавшихся сумерекъ долго еще слышался голось старухи:

— А помнишь ли, какіе тамъ бываютъ тихіе вечера? Тихіе, тихіе!.. Въ маѣ соловьи поютъ, жаворонки; осенью свиристели играютъ; зимой вѣтеръ божій за стѣной шумить...

X.

То, что Маріанъ говорилъ Краницкому о своемъ отцѣ, не было преувеличеніемъ. Алоизій Дарвидъ предавался настоящей „оргіи труда“, подъ которымъ томились и изнывали всѣ его помощники и компаньоны, но самъ онъ выказывалъ большую, тѣмъ когда-либо, неутомимость. Засѣданія, вычисленія, составленіе балансовъ, корреспонденціи, соглашенія съ органами власти, финансовыми и промышленными учрежденіями, банками, биржей, дѣла на публичныхъ торгахъ, все это онъ успѣвалъ исполнить самымъ толковымъ образомъ, во-время, съ точностью никогда не опаздывающей машины. Всѣ его громадныя дѣла представляли собою какъ бы колеса одного громаднаго механизма, заведеннаго одною живою и непобѣдимую силой. Даже въ глазахъ тѣхъ, кто его хорошо и давно зналъ, онъ казался какимъ-то превзошедшимъ себя богатыремъ труда, какимъ-то рѣдкимъ явленіемъ природы. Откуда почерпаетъ этотъ человѣкъ столько необычныхъ физическихъ и умственныхъ силъ? Когда онъ отдыхаетъ? Куда онъ стремится? До чего онъ дойдетъ? Въ воображеніи многихъ рисовались вершины денежнаго могущества, до котораго еще никто не достигалъ въ лѣтописяхъ этого края. Гигантъ ума и энергіи! Нѣкоторые говорили о немъ:—сверхчеловѣкъ!

Однако, въ числѣ людей, имѣвшихъ разнообразныя отношенія къ Дарvidу, были и такіе, которымъ онъ представлялся лю-

бопытной загадкой: не затаилась ли въ глубинѣ его существа какая-нибудь особенная побудительная сила, заставлявшая его искать непрерывнаго примѣненія ея къ ожесточенной борьбѣ? Борьба эта начинала уже находить объясненіе въ стремленіи къ захвату новыхъ добычъ и въ страстномъ желаніи одержать верхъ надъ чѣмъ-то невидимымъ и неизвѣстнымъ. Дарвидъ напоминалъ въ эту эпоху своей жизни человѣка, бѣгущаго очертя голову, не зная куда, но увѣреннаго, что ему стоить лишь остановиться—и нѣчто могучее схватитъ его за шиворотъ.

Въ дѣйствительности Дарвидъ въ данную минуту былъ занятъ возведеніемъ высокой стѣны между собой и тою исполинскою силой, которую онъ впервые увидѣлъ вблизи лицомъ къ лицу. Такою стѣной онъ почиталъ желѣзный трудъ. Онъ конечно зналъ, что смерть существуетъ, и что на свѣтѣ нѣтъ явленія болѣе обыкновеннаго, но сознаніе это жило въ немъ въ видѣ какого-то отвлеченнаго представленія, не связаннаго съ сущностью повседневной жизни. Поэтому и задумываться надъ этимъ предметомъ никакъ нужды онъ не видѣлъ. Кто-нибудь, знакомый, сотоварищъ удовольствій или занятій, значительный въ свѣтѣ, извѣстный или неизвѣстный ему, человѣкъ померъ: „Жаль его!“ или „Не велика бѣда!“—это зависѣло отъ вліянія, какое можетъ имѣть исчезновеніе кого-либо на извѣстную сферу дѣятельности человѣческой, на ходъ тѣхъ или другихъ отношеній между людьми. А затѣмъ жизнь быстрымъ потокомъ влечетъ все живое впередъ и впередъ, оставляя позади себя уходящую даль туманной области, непрерывно наполняемой исчезнувшими и забытыми. Кто же о ней, объ этой дали думаетъ, и кому охота смотреть прямо въ лицо царящей въ ней непобѣдимой исполинской силѣ? Это—занятіе патѣровъ, богомолковъ, да развѣ еще поэтовъ или людей, жизнь которыхъ течетъ лѣнливой и скучной струей. У Дарвида на такое созерцаніе никогда не было времени. Потокъ, захватившій его, былъ шумный, ревущій, блестящій и безпокойный.

„И вотъ, — думалъ онъ, — всѣ горы золота, ума и энергіи не помогли. Перескочила она черезъ нихъ и пришла!“

Онъ думалъ объ этомъ въ тотъ самый моментъ, когда Краницкій увидѣлъ его стоящимъ у стѣны роскошнѣйшаго мавзолея—послѣдняго убѣжища маленькой миллионерки. Даже и въ большомъ городѣ съ изумленіемъ повторялись рассказы о сказочной стоимости воздвигнутаго памятника. А онъ могъ это сдѣлать и могъ бы сдѣлать даже и больше этого. Но что изъ того? Въ теченіе своей жизни онъ счумѣлъ достигнуть очень

многого и теперь въ состояніи совершить многое; но что ему отъ этого? Подошло то, чего онъ не былъ въ силахъ побороть, и поразило его въ сердце болью, а въ голову страшной мыслью: къ чему могущество, которое не можетъ спасти сердце отъ боли? Не только отъ боли, но отъ уничтоженія! Онъ видитъ, какъ на его глазахъ внезапно и неумолимо подверглась исчезновенію жизнь въ полномъ расцвѣтѣ молодости и красоты. Откуда-то, изъ области, недоступной человѣческому пониманію и предвидѣнію, что-то налетѣло и смяло эту молодую, прелестную жизнь... Непреоборимая сила, которую нельзя ни закупить деньгами, ни убѣдить умомъ, ни побѣдить энергіей. Тайнственная сила, которой ни начало, ни цѣль неизвѣстны; пролетая по землѣ на безшумныхъ крыльяхъ, она считаетъ все, что вздумаетъ смести, пренебрегая отчаянными попытками смертныхъ къ сопротивленію и мольбами ихъ о спасеніи. Ему чудилось въ этотъ моментъ, что онъ даже слышитъ взмахи какихъ-то гигантскихъ крыльевъ, которыми наполненъ снѣжный покой усопшей, и первый разъ въ жизни онъ испыталъ нѣчто въ родѣ ощущенія чего-то сверхъчуждественнаго. Въ грудь его, всегда дышавшую гордостью, въ его голову, увѣровавшую въ единственное могущество на землѣ—разумъ, ворвалось глухое, тайнственное сомнѣніе. Онъ впервые ощутилъ сознаніе своего безконечнаго ничтожества, полной безпомощности.

„Ничего я не могъ для тебя сдѣлать, моя крошка! Столько я могъ, чуть не все мнѣ было доступно,—а для тебя не могъ ничего“!

Въ этотъ моментъ онъ видѣлъ передъ собой ея безмолвное личико, надъ которымъ, казалось, двигался какой-то туманъ... Онъ увидѣлъ тогда Краицева, опустившагося на колѣни у подножія катафалка, покрытыхъ цвѣтами. Онъ увидѣлъ его, узналъ, не испытавъ ни одного изъ тѣхъ чувствъ, какія въ немъ возбуждались при одномъ имени этого человѣка. Что такое всѣ чувства людей,—ненависть, досада, ссоры,—въ сравненіи съ тѣмъ неизмѣримымъ горемъ, какое предстало передъ нимъ? Но это было не единственное откровеніе, которое явилось ему въ этотъ моментъ. Были и другія. Раздались похоронные напѣвы. Въ хорѣ участвовали лучшія артистическія силы большого города. Все высшее общество было на лицѣ. Печальное торжество было вмѣстѣ съ тѣмъ и великосвѣтскимъ. Все мѣстное общество было у гроба, чтобы выразить свое сочувствіе горю, постигшему могущественнаго человѣка. Дарвидъ не привѣтствовалъ входившихъ. Впервые случилось, что онъ не

считалъ нужнымъ исполнять правила свѣтскаго общежитія, и что, изъ уваженія къ его настроенію, никто не смущалъ его напоминаніемъ о себѣ. Онъ оставался въ одной и той же позѣ, прислонившись спиной къ стѣнѣ, издали напоминая собой нарисованный на ней силуэтъ. Онъ видѣлъ весь этотъ блестящій кругъ людей, но теперь ему казалось, что не полкомнаты, а громадное пространство раздѣляетъ его отъ этихъ людей. Вокругъ него двигались тѣни, имена которыхъ ему были извѣстны, но ни имъ до него, ни ему до нихъ не было никакого дѣла. Зачѣмъ они здѣсь? Онъ ясно почувствовалъ безконечную пустоту отдѣлявшую его отъ людей. Хоровое пѣніе, между тѣмъ, наполняло пространство звучными, трогательными мелодіями и аккордами. Дарвидъ, конечно, не вслушивался въ музыку. У него никогда не было времени на то, чтобы сдѣлаться знаткомъ ея и любителемъ, но на этотъ разъ онъ, однако, сознавалъ, что она проникаетъ въ глубь его существа, что она углубляется въ тайники его души, расшевеливаетъ ихъ и порождаетъ движенія, доселѣ ему незнакомыя. Онъ смотритъ на лицо уснувшей, окруженное бѣлыми цвѣтами, и думаетъ, или, вѣрнѣе, чувствуетъ, что только она одна была ему близка, — всѣ прочіе люди страшно далеки. „Она одна, — проговорилъ онъ, — моя“. Онъ мысленно бралъ ее на руки, чувствовалъ на своемъ плечѣ ея головку въ золотыхъ кудряхъ и повторялъ: „Убѣжимъ мы съ тобою отсюда! Ты вѣдъ спрашивала меня, зачѣмъ мнѣ эти люди? Вотъ я и говорю тебѣ: ни на что они мнѣ не нужны, мнѣ до нихъ дѣла нѣтъ; ты одна мнѣ необходима, ты одна для меня солнечный лучъ, свѣтлый и теплый. Ты одна моя. Пойдемъ, убѣжимъ вмѣстѣ отъ всего и отъ всѣхъ, потому что всѣ намъ чужіе“!

Тутъ онъ вспомнилъ, что съ ней ему никуда нельзя ни уйти, ни убѣжать, несмотря на то, что въ его распоряженіи было не мало желѣзныхъ дорогъ и собственныхъ пароходовъ, на которыхъ онъ совершалъ тысячи верстъ, несмотря на то, что въ разныхъ столицахъ ему принадлежали дома, заселенные множествомъ людей... И все-таки этого уснувшего ребенка онъ не можетъ увести ни въ одинъ городъ, ни въ одинъ домъ... На глазахъ, обращенныхъ къ ней, онъ почувствовалъ ѣдкую влагу. Каплями потекла она по его щекамъ, вздрагивавшимъ и разбрасывавшимъ капли по всѣмъ направленіямъ.

Но въ то же время на устахъ его появилась улыбка, которую люди называютъ колючей.

— Но что же это? Неужели чувствительность?

Онъ открылъ въ себѣ чувствительность! Еще наканунѣ той

ужасной ночи онъ смѣялся бы при одномъ предположеніи, что она способна затмить его разсудокъ. Случается, какъ видно, что человѣкъ самъ для себя можетъ оказаться поразительнѣйшей неожиданностью. Подъ наплывомъ новыхъ ощущеній, онъ убѣдился въ томъ, чего никогда не подозрѣвалъ за собой и что прежде казалось ему смѣшнымъ. Не станетъ ли онъ теперь сочинять элегіи или не предастся ли размышленіямъ о смерти? О, ничтожество! Нѣтъ! онъ не поддастся чувствительности! Надо выпрямиться и посмотреть на вещи трезво.

Онъ выпрямился, съ усиліемъ оторвался отъ стѣны, силою воли возстановилъ спокойствіе на своемъ лицѣ, прояснилъ взоръ, на устахъ явилась привѣтливая улыбка, онъ сталъ подходить къ посѣтителямъ. Пѣніе умоляло, и слышны были его слова съ выраженіемъ благодарности за сочувствіе.

Это былъ сигналъ для рѣшительной битвы, какихъ ему уже не мало случалось вести. Далѣе она выразилась въ тѣхъ усиленныхъ занятіяхъ, въ какія онъ погрузился, и которыя не могли не возбуждать во всѣхъ его окружавшихъ величайшаго изумленія.

Какъ-то разъ, возвратясь изъ города передъ самымъ часомъ пріема посѣтителей, онъ прошелъ въ гостиную, сталъ у окна, и тутъ только почему-то вспомнилъ, что сегодня утромъ на лѣстницѣ происходила какая-то суета. Что-то носили по ней внизъ.

Ужъ не уѣзжаетъ ли изъ дома сынъ его? Очень можетъ быть. Никогда нельзя предвидѣть, что можетъ натворить этотъ самонадѣянный управецъ. Но что бы ни случилось,—не слѣдуетъ позволять ему продолжать и впредь вести прежнюю, сумасшедшую жизнь... Впрочемъ, за послѣднее время все это стало занимать его гораздо меньше прежняго. Почему? Онъ не успѣлъ дать себѣ отвѣтъ на этотъ вопросъ, потому что услышалъ за собой мягкіе шаги и тихій голосъ:

— Алоизій!

Оглянувшись, онъ увидѣлъ свою жену. Лицо ея страшно измѣнилось въ эти дни. Всѣ черты на немъ говорили о пережитыхъ страданіяхъ. Она была въ черномъ, почти монашескомъ платьѣ, и стояла въ тѣни начинавшихся сумерекъ, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него. Съ трудомъ выговоривъ его имя, она не въ силахъ была сказать еще что-нибудь. Ея блѣдная рука, опиравшаяся на спинку стула, дрожала; въ смутномъ взорѣ ея, направленномъ къ нему, была и тяжелая дума, и боязнь.

Они молча посмотрѣли другъ на друга, а потомъ онъ спросилъ:

— Чѣмъ могу служить?

Вопросъ этотъ звучалъ сухою вѣжливостью. Собравшись съ силой, она заговорила:

— Послѣ завтра я и Ирена, мы думаемъ уѣхать отсюда. Но я не могу этого сдѣлать, не поговоривъ съ тобой, Алоизій. Я ждала случая и, увидѣвъ тебя, пришла...

Голосъ ея умолялъ отъ волненія. Обратившись профилемъ къ ней, онъ спросилъ:

— Въ чемъ дѣло?

Она отвѣчала чуть слышно:

— Я прошу немного терпѣнія... мнѣ тяжело...

Но, боясь исчерпать это терпѣніе, о которомъ просила, она вдругъ заговорила спѣша и безпорядочно:

— Насъ обоихъ поразило несчастье; ты, Алоизій, всегда такъ любилъ нашу бѣдную... а теперь, когда мы съ Иреной уѣдемъ, ты останешься одинъ... Маріанъ тоже хочетъ уѣхать... Можетъ быть... если это возможно... если ты можешь все прошлое забыть... не знаю какъ... простить... еслибы ты пожелалъ, мы съ Иреной останемся...

По мѣрѣ того, какъ она говорила, потребность высказаться дѣлала ее нѣсколько смѣлѣе.

— Я не стану оправдываться передъ тобой, Алоизій, не буду отрицать свою виновность,—скажу тебѣ только, что я всегда была несчастна, и что вина моя всегда мучила меня... Хотѣла бы я сказать тебѣ, что и съ твоей стороны... ты меня вовсе не зналъ... то-есть, ты зналъ мое лицо, мои глаза, волосы, мой голосъ, тебѣ они нравились, и потому ты женился на мнѣ; но душой моею ты вовсе не интересовался, ты не былъ ни ея довѣреннымъ другомъ, ни ея защитникомъ. Въ ней жили добрыя намѣренія и совѣсть, но они нуждались въ поддержкѣ... Душѣ моею не легко было жить безъ малѣйшей капли сердечнаго счастья... Жалкая душа женщины, избалованной достаткомъ и бездѣльемъ... Вѣтъ ты самъ, Алоизій, сдѣлалъ изъ бѣдной дѣвушки, жившей своимъ трудомъ и гордой этимъ, женщину богатую, праздную и... вѣчно одинокую! Не ты ли желалъ, чтобы я блескомъ своимъ украшала твое имя... какъ ты говорилъ, твою фирму...

Она вдругъ замолчала, встрѣтивъ взглядъ его.

— Мнѣ кажется,—сказалъ онъ,—что въ этой трагедіи, которую тебѣ угодно разыгрывать, на мою долю выпала роль довольно мрачнаго характера.

— О, нѣтъ!—воскликнула она, умоляюще складывая руки.—

Нѣтъ, я не хотѣла ни въ чемъ тебя обвинять; упрекать тебя я не имѣю права... Но только я думаю, что такъ какъ всѣ мы на свѣтѣ чѣмъ-нибудь и какъ-нибудь передъ кѣмъ-нибудь виноваты, а жизнь такъ печальна, все такъ мелко,—то не лучше ли было бы взаимное прощеніе... уступить, не настаивать... Такъ я думаю, и хотя душа моя давно уже страдаетъ отъ того, что я принуждена жить на твои средства, но я готова въ этомъ уступить, отказаться отъ моего давнишняго желанія удалиться отсюда, уйти отъ свѣта и скрыться въ какой-нибудь темный уголь...

Голосъ ея задрожалъ отъ душившихъ ее рыданій, но она еще разъ сдѣлала надъ собой усиліе, чтобы договорить свою мысль.

— Я откажусь отъ этого намѣренія и останусь здѣсь, если... если ты этого пожелаешь, если ты въ состояніи не презирать меня.

На профиль его, рѣзко вырисовывавшійся на потемнѣвшемъ фонѣ окна, налетѣла суровость. Промолчавъ немного, онъ произнесъ:

— Не могу. Очень мнѣ это непріятно, но я не нахожу въ себѣ никакихъ данныхъ, чтобы быть героемъ христіанскаго романа. Ты вполне свободна поступать по своему желанію... Криничная принадлежитъ твоей дочери. Ты можешь пользоваться этимъ темнымъ угломъ, въ которомъ я не предсказываю вамъ особенно пріятной жизни, или оставаться здѣсь и жить, какъ жила до сихъ поръ. Последнее мнѣ казалось бы болѣе понятнымъ... Но ни въ какомъ случаѣ...

Онъ остановился, не окончивъ фразы.

Въ продолженіе разговора съ женой горло его сжималось, точно изъ груди подступалъ къ нему цѣлый клубокъ змѣй, но въ то же время въ мозгу шевелились какія-то воспоминанія и мысли, будто отраженія чего-то отдаленнаго. Они зарождались видомъ лица его жены. Черты этого лица измѣнились, поблекли, но въ нихъ онъ нѣкогда находилъ блаженство, а звуки ея голоса всегда очаровывали его. Точно невидимая сила пригнула ему голову... Простить? Чтò изъ этого возникнетъ? Идиллія? Согласіе? Возвратъ на лоно семейнаго счастья?—Вздоръ! Этого никогда не будетъ. Въ мірѣ одно лишь несомнѣнно и неуничтожимо: фактъ! Фактъ совершился, и нѣтъ той силы, которая могла бы сдѣлать, чтобы его не существовало. Остальное все—одна сантиментальность!

Немного помолчавъ, онъ холодно и медленно сказалъ:

— Ни въ какомъ случаѣ, никогда, ни чувства мои, ни наши отношенія не могутъ измѣниться.

Она сильнѣе оперлась рукой о стулъ и еще ниже опустила голову, въ которой тоже блуждало эхо чего-то прошлаго, какія-то неясныя мысли о подчиненіи себя оскорбленному человѣку.

— Значить,— сказала она тихо: — я ничѣмъ не могу тебѣ быть полезной?

— Ничѣмъ.

— Ни на что не нужна?

— Ни на что.

Онъ смотрѣлъ въ окно на розовое облако, проходившее по сумеречному небу надъ крышей противоположнаго дома. Это облако что-то напоминало ему, а въ то же время голосъ жены тихо проговорилъ:

— Наша дочь будетъ тебѣ писать.

Дарвидъ рѣзко перебилъ ее.

— Не наша, а твоя дочь!

— Какъ? Ирена?—съ удивленіемъ спросила она.

Теперь онъ уже вспомнилъ, почему это розовое облако остановило на себѣ его вниманіе. Оно напомнило ему Кару! Обернувшись лицомъ къ стоявшей возлѣ него женщинѣ, онъ пояснилъ:

— Ирена твоя дочь, не моя... Что значить одна кровная связь, если нѣтъ никакой иной?! У меня было одно мое дитя...

Въ этотъ моментъ вскипѣла въ немъ жажда мести, и онъ dokonчилъ свою жестокую мысль:

— И я потерялъ этого ребенка изъ-за тебя!

— Изъ-за меня?—вскринула она.

— Значить, тебѣ ничего не извѣстно? Отъ тебя это скрыли? Похвальное вниманіе къ слабонервности женщины! Но мои грубые нервы чувствуютъ потребность подѣлиться съ твоими этими свѣдѣніемъ...

Медленно и внятно произнося каждое слово, выходившее съ какимъ-то шипѣніемъ изъ поблѣднѣвшихъ его устъ, Дарвидъ сказалъ:

— Твоя дочь имѣла со мной очень интересный разговоръ обо всемъ, что произошло... обо всей нашей семейной идилліи, а ребенокъ нашъ въ это время находился въ той же комнатѣ за этажеркой и, прослушавъ бесѣду нашу, потерялъ сознание... Конечно, это было состояніе минутное, и оно вѣроятно прошло бы, но подъ влияніемъ его Кара рѣшилась на самоубійство, подвергнувъ себя вѣрной простудѣ. Она заболѣла воспаленіемъ легкихъ,

осложненнымъ психическимъ разстройствомъ. Эта смерть произошла, значить, вслѣдствіе умышленнаго самоубійства.

Послѣднія слова были имъ произнесены голосомъ сдвленнымъ, но съ очевиднымъ усиленіемъ высказать ихъ внятно. Это былъ шопотъ, который могъ быть ясно слышанъ во всѣхъ концахъ комнаты. Но въ ту же минуту его заглушилъ пронзительный женскій крикъ и легкій шумъ падающаго на полъ женскаго тѣла. У собесѣдницы Дарвида подогнулись колѣни, она опустилась на полъ, схвативъ голову обѣими руками, и при этомъ ударила ею о край стула, у котораго стояла. Въ тотъ же моментъ въ комнату быстро вбѣжала Ирена, какъ ласточка, прилетающая спасать своихъ птенцовъ. Она бросилась къ матери, схватила ее въ свои объятія и, повернувъ свое лицо, залитое слезами, къ отцу, вскрикнула:

— Зачѣмъ эта напрасная жестокость, папа? Я такъ скрывала отъ нея, такъ старалась объ этомъ! Зачѣмъ тебѣ эта жестокость? Я думала, съ твоимъ умомъ люди ничего не дѣлаютъ безцѣльно! И вотъ какую низость ты совершилъ безъ малѣйшей нужды!

Дарвидъ сдѣлалъ при этихъ словахъ рѣзкое движеніе, но сдержалъ себя и снова сталъ смотрѣть сквозь оконныя стекла куда-то. Онъ слышалъ за собой шаги удалявшихся двухъ женщинъ, но не произнесъ ни слова. А какое чувство испыталъ онъ, когда услышалъ крикъ и звукъ отъ удара головой о стулъ? Жалость? Можетъ быть, въ немъ дрогнуло сожалѣніе о томъ прошломъ, которое уходило теперь отъ него навсегда, и объ этомъ родномъ ему существѣ, которое теперь оставляло его съ вырвавшимся изъ устъ страшнымъ укоромъ? Онъ долго стоялъ одинъ; кругомъ было тихо и пусто. Розовое облако, на которое онъ смотрѣлъ, исчезло. Сумерки сгущались болѣе и болѣе; очертанія позолоты и всего, находящагося въ комнатѣ, погрузилось, наконецъ, въ мракъ, и только фигура его самого чернѣла на оконномъ фонѣ. Дарвидъ не трогался съ мѣста, какъ бы окаменѣвъ отъ наплыва странныхъ мыслей.—Такъ, значить, вотъ какимъ образомъ все на свѣтѣ кончается! Какіе-то невидимые исполины блуждаютъ по свѣту: смерть, порокъ, страданіе, гнѣвъ... Они топчутъ, давятъ, ломаютъ и крошатъ все, чтò имъ попадаетъ на встрѣчу, и никто не въ силахъ бороться съ ними!... Никогда еще мысль объ этихъ исполинахъ не приходила ему въ голову. Да развѣ онъ философъ? На философствованіе у него никогда не было времени. Теперь только сталъ онъ задумываться, и на дѣѣ всѣхъ его размышленій лежало что-то ужасное, напоминавшее

ему нѣкогда видѣнное имъ изображеніе головы Медузы съ включенными волосами, безконечно глубокимъ взоромъ и насмѣшливой улыбкой на посинѣвшихъ губахъ. Надъ кѣмъ глумится она? Не надъ величіемъ ли этого человѣка, который стоитъ теперь у окна, въ темнотѣ, среди тишины и пустынности комнатъ?

Вдругъ онъ почувствовалъ у ногъ своихъ мягкое, осторожное прикосновеніе. Невольно взглянувъ внизъ, онъ увидѣлъ какое-то чернѣвшее и двигавшееся пятнышко. Онъ нагнулся къ нему и промолвилъ:

— Пуфикъ!

Звѣрокъ тотчасъ отозвался визгомъ, такимъ, какимъ онъ, бывало, напоминалъ о себѣ своей госпожѣ. Дарвидъ погладилъ его и повторилъ:

— Пуфикъ!

Затѣмъ, выпрямившись и отходя отъ окна, онъ еще раза два повторилъ:

— Пуфикъ! Пуфикъ!

Черное пятнышко въ темной комнатѣ пришло въ движеніе, послѣдовало за нимъ по темнымъ заламъ и очутилось въ ярко-освѣщенномъ кабинетѣ, какъ бы отыскивая кого-то.

Въ дверяхъ стоялъ лакей, возвѣстившій фамилію ожидавшаго посѣтителя. Дарвидъ ускорилъ при этомъ свой шагъ. Это былъ давно ожидаемый человѣкъ, который явился теперь съ несомнѣнно благоприятнымъ извѣстіемъ. Съ дурнымъ ему не къ чему было бы приходить. — „Значить, это колоссальное дѣло, эта громадная арена борьбы и труда, перерѣзанная толстой жилой золота, можетъ попасть въ мои руки! И какъ это встаетъ! Оно меня вырветъ изъ этого омута дурныхъ сновидѣній; я долженъ буду отрезвиться“!... Вѣдь вся эта сантиментальность, вся эта сфера чувствительности, которая въ немъ возбудилась съ такою силой, все это — только сонъ, заблужденіе, глупая и нездоровая мечтательность, отъ которой пора, наконецъ, встряхнуться, чтобы возвратиться къ свѣтлой, трезвой, разумной дѣйствительности...

XI.

Прошло еще много дней передъ тѣмъ, какъ однажды Дарвидъ вошелъ въ свой ярко освѣщенный кабинетъ, только-что одержавъ величайшую изъ своихъ побѣдъ. Онъ пріѣхалъ уже не въ шубѣ, а въ легкомъ пальто. Какъ будто для него теперь, послѣ такого счастливаго дня, началась теплая весна. Каждому, кто его въ этотъ день

видѣлъ, невольно приходило на умъ: „вотъ кто счастливѣецъ“! Несмотря на то, что въ послѣднее время онъ сильно исхудалъ, всякій видѣлъ, по выраженію его глазъ, пріятной улыбки и разглаженному челу, что онъ проникнуть былъ радостью и гордостью. То, о чемъ онъ столько времени хлопоталъ, теперь—въ его рукахъ. И какъ это было просто: пришелъ, переговорилъ, убѣдилъ, побѣдилъ—и вотъ у него громадное дѣло, широкая арена для приложенія желѣзнаго труда и обильная добыча золота. Подготавливая себѣ побѣду, онъ, правда, дни и ночи работалъ, перерывалъ кипы рукописей и книгъ, вычислялъ, соображалъ, исписывалъ сотни листовъ бумаги цифрами и выкладками. Работая страшно, онъ ни о чемъ больше не думалъ, и, наконецъ, достигъ цѣли. Счастливый триумфаторъ получилъ уже множество поздравленій и прочиталъ во взорахъ людей удивленіе и признаніе за нимъ необыкновеннаго таланта убѣждать умныхъ и вліятельныхъ людей. Сегодня онъ на это употребилъ цѣлый день. Уже въ половинѣ вечера вернувшись къ себѣ, онъ отдалъ приказъ: „нѣ принимать никого“! Потомъ спросилъ:

— А гдѣ собачка?

Опустившись въ глубокое кресло у круглаго стола, онъ нѣсколько минутъ походилъ на человѣка, просыпающагося отъ глубокаго сна. Въ теченіе нѣсколькихъ недѣль всѣ мысли его были заняты однимъ этимъ великимъ предпріятіемъ, а вслѣдъ затѣмъ онъ погруженъ былъ въ одно лишь ощущеніе одержанной побѣды. Все прочее перестало для него существовать. Давно уже у него не было мгновенія отдыха, и лишь только оно наступило, тотчасъ возвратился и навязчивый вопросъ:

— „Для чего все это“?

Собственно говоря, вопросъ этотъ касался настоящей дѣйствительности, между тѣмъ какъ все прочее представляло лишь дѣятельность, направляемую силою привычки. Онъ трудился, разсчитывалъ, торжествовалъ, не завися отъ воли, подобно тому, какъ катится круглый предметъ по наклонной плоскости. Подъ этой внѣшней жизнью въ немъ зародилась теперь иная жизнь, невидимая постороннимъ. Но онъ самъ ее ощущалъ внятнѣе, чѣмъ весь видимый міръ. И вотъ эта-то жизнь неотступно предъявляла ему вопросъ:

— „Зачѣмъ“?..

Вопросъ этотъ возникалъ въ каждую минуту малѣйшаго отдыха. Часы, проводимые имъ посреди суматохи движенія, казались ему сномъ, за которымъ слѣдовало пробужденіе—единственная дѣйствительность, о которой стоило позаботиться реально.

Зачѣмъ ему было взвалить себѣ на голову эту новую обузу труда, болѣе тяжелую, чѣмъ всѣ прежнія? Для чего вообще это вскарабываніе вверхъ, по безконечной лѣстницѣ, требующей напряженной работы всего нервнаго аппарата? На какое же это небо привела его эта лѣстница? Новыя пріобрѣтенія, увеличеніе богатства? Но онъ уже не чувствуетъ къ нимъ жажды! Онъ самъ удивленъ этимъ, но это такъ на самомъ дѣлѣ. Онъ пересталъ жадать, потому что—„зачѣмъ“? Развѣ у него не довольно?—А тщеславіе?—Онъ горько улыбнулся. Да, оно могло еще разыгрываться въ немъ въ то время, какъ онъ еще не познакомился въблизи съ „исполинами“, невидимо подкрадывающимися изъ всѣхъ закоулковъ этого міра. Теперь онъ узналъ ихъ могущество и убѣдился, что противъ нихъ онъ немощень...

Итакъ—зачѣмъ? Для чего?—А почетъ, доходящій до того, что люди чуть не падаютъ ницъ передъ нимъ?—Но развѣ это передъ нимъ? Развѣ не передъ золотой колесницей? Уйди она изъ-подъ него—развѣ за нимъ сохранились бы прозвища современнаго Сиада, Титана, „сверхчеловѣка“?—Удивительно, какъ ясно ему теперь слышится голосъ сына, предлагавшаго ему вопросъ: „Какая цѣль была твоихъ трудовъ“? Цѣль? Цѣль? Да! этимъ можно было бы все разрѣшить. Чтѣ было цѣлью? Вѣдь не спасеніе же міра?

Онъ снова захохоталъ. О чемъ тутъ долго размышлять?—„Цѣлью моихъ трудовъ было безостановочно пріобрѣтать и увеличивать свое состояніе; а такъ какъ теперь я пересталъ жадать этого, то“...

— „Зачѣмъ мнѣ“?

Однако, чтѣ за умный мальчишка этотъ Маріанъ! Онъ такъ глубоко впился въ него своими вопросами, что они до сихъ поръ продолжаютъ свое инвизиторское дѣло. Такой красавецъ и такой замѣчательный! умъ! Съ виду принцъ, и притомъ мыслитель! Но чтѣ же изъ этого, коль скоро ему недостаетъ... Чего ему недостаетъ?

Усталымъ, медленнымъ жестомъ, онъ сталъ расправлять и вытягивать утомленную шею и повернулъ лицо къ письменному столу. Столъ былъ обильно освѣщенъ множествомъ свѣчей въ высокихъ подсвѣчникахъ. Эти подсвѣчники что-то вдругъ напомнили ему.—„Да, помню, помню! Одинъ изъ этихъ подсвѣчниковъ я разъ передавалъ въ руки Карѣ, когда провожалъ ее черезъ темныя комнаты. Помню, какъ отъ тяжести его согнулось ея худенькое плечико, а между тѣмъ пламя свѣчи отразилось въ ея зрачкахъ, устремленныхъ на него съ тоскою... Но какое, однако, это было удивительное счастье—сознавать, что ребенокъ меня

такъ любить,—этотъ одинъ! Потомъ, держа свѣчу прямо передъ своимъ розовымъ личикомъ, она ушла въ темноту“...

Порывистымъ движеніемъ онъ оглянулся еще разъ. Непроницаемый мракъ стоялъ стѣной за открытыми дверьми. Эта черная стѣна, за которой безмолвствовала рядъ темныхъ, пустынныхъ комнатъ, казалось ему, давить его. По тѣлу его пробѣжало такое чувство, будто сзади какая-то тяжесть наваливается, налегаетъ на его плечи... Но онъ снова взглянулъ на письменный столъ, на которомъ между множествомъ бумагъ лежало письмо Маріана, полученное уже за нѣсколько дней передъ этимъ. Письмо состояло всего изъ нѣсколькихъ строкъ. Въ немъ было сказано, что, желая избавить себя и его отъ лишннихъ разговоровъ, онъ письменно увѣдомляетъ его о своемъ отъѣздѣ въ Америку. Такъ какъ, по непонятному недостатку логическаго смысла въ распоряженіи жизнью, онъ поставленъ въ необходимость искать заработка, то предпочитаетъ избрать подходящую для этого почву и способы сообразно съ требованіями своей индивидуальности. Для этого онъ обратилъ въ деньги свою подвижность, выручивъ за нее порядочную сумму. Кромѣ того, онъ прибѣгнулъ къ займу, въ чемъ не считаетъ нужнымъ извиняться, потому что это естественный выводъ изъ того положенія, которое онъ не создалъ, а былъ лишь его жертвой. Впрочемъ, упрековъ онъ не дѣлаетъ, будучи всегда того мнѣнія, что всѣ такія вещи, какъ обвиненія или похвалы, преступленія и добродѣтели, все это варится изъ костей нашихъ пращѣдовъ и подается въ „раскрашенной глиняной посудѣ“, для упитыванія людей, склонныхъ къ идиллическимъ понятіямъ...

Письмо закончено было очень гладко высказаннымъ пожеланіемъ и въ стилистическомъ отношеніи было безукоризненно.

„Недостатокъ логики“! Выраженіе это запечатлѣлось въ памяти Дарвида и чаще всего приходило ему въ голову рядомъ съ вопросомъ: „Зачѣмъ?“. Неужели и въ самомъ дѣлѣ онъ совершилъ ошибку противъ логики? Да, кажется...

Слѣдовательно, онъ былъ обманутъ своимъ умомъ, всегда казавшимся ему яснымъ, трезвымъ, логическимъ?—Онъ снова почувствовалъ непонятный ужасъ при видѣ черной стѣны мрака, стоявшаго за дверьми. Нѣсколько сгорбившись, онъ подошелъ къ столу, чтобы взять другое письмо, брошенное имъ также непрочитаннымъ. Послышался какой-то шелестъ, мелкіе шажки чуть слышно затопали по ковру. Это былъ Пуфикъ; проснувшись, онъ сталъ увиваться у ногъ Дарвида.

— Пуфикъ! — сказалъ онъ, принимаясь за чтеніе письма.

Письмо было отъ князя Зенона, съ приглашеніемъ на большой прощальный вечеръ. Передъ отъѣздомъ за границу, семейство князя желало увидѣть всѣхъ своихъ знакомыхъ и въ числѣ ихъ—„новаго Сиды“. Князь очень любилъ давать ему это прозвище... Но „новый Сидъ“, прочитавъ письмо, скосилъ ротъ отъ непріятнаго чувства, точно онъ глоталъ отвратительное лекарство. Онъ живо представилъ себѣ то общество, въ которомъ недавно провелъ нѣсколько дней, и не ощутилъ ни малѣйшей охоты снова въ немъ очутиться. Никакой ненависти, а полнѣйшее равнодушіе! Его отталкивала отъ него широкая пустота, раздѣлявшая ихъ совершенно. Не было ни малѣйшей нити, которая могла бы ихъ связать съ нимъ хоть чѣмъ-нибудь.

Онъ стоялъ у письменнаго стола въ своемъ ярко освѣщенномъ кабинетѣ, сгорбленный, сильно нахмуренный и наморщенный, машинально глядя на письмо, бывшее у него въ рукахъ. У ногъ его лежало маленькое мохнатое существо и, поднявъ голову, глядѣло ему въ лицо. Онъ не смотрѣлъ на него и не думалъ о лестныхъ словахъ письма, а мысленно повторялъ слышанный имъ отъ сына слова:

— Зачѣмъ тебѣ столько людей, папа? Развѣ ты всѣхъ ихъ любишь? Развѣ они всѣ тебя любятъ? Чтò тебѣ отъ нихъ? Удовольствіе? Польза? Зачѣмъ все это?

— Нѣтъ, мой милый, и я не люблю ихъ, и они меня не любятъ, но черезъ нихъ я получаю пользу—значеніе въ свѣтѣ.

— А зачѣмъ тебѣ, папа, значеніе? Зачѣмъ ты желаешь имѣть значеніе? Развѣ оно приноситъ счастье?

И уста его передернула та жгучая, острая улыбка, которою онъ прославился въ обществѣ.

— Нѣтъ, мой милый, оно мнѣ не принесло счастья!

Въ то время сынъ его опускалъ, какъ на ниткахъ, его мысль на самое дно дѣйствительности, но разсмотрѣть ее онъ не успѣлъ. Не было времени. Теперь онъ осмотрѣлся, и прорнія обострилась въ его улыбкѣ.

Онъ долго думалъ и, какъ бы проснувшись, сказалъ:

— Ну, значить, чтò же?

Потомъ онъ громко, почти прокричалъ вопросъ:

— Неужели я заблуждался?

И блеснула въ немъ страшная мысль, что вся его жизнь, со всѣми трудами, борьбою и добычами, могла быть простою ошибкой.

Испуганный громкимъ возгласомъ своего хозяина, Пуфикъ залапалъ. Дарвидъ оглянулся и снова встрѣтился взглядомъ съ чернѣвшей за дверями молчаливой стѣной.

— Значить, была ошибка?— снова повторилъ онъ вопросъ.

Темень безмолствовала и, казалось, упорно уставилась на него. Онъ быстро сдѣлалъ нѣсколько шаговъ и надавилъ пуговку звонка. Вошедшему лакею онъ сказалъ:

— Освѣтить комнаты!

Въ нѣсколько минутъ анфилада комнатъ вышла изъ глубокаго мрака и заблестала отъ свѣта множества зажженныхъ лампъ и свѣчей. Матовые шары стѣнныхъ лампъ бросали туманный полусвѣтъ на пейзажи и лица, изображенные на большихъ полотнахъ. Въ углахъ высились очертанія вазъ, вышли на видъ нѣжныя тѣни гобелановъ, полковыя склады драпировокъ, ярко горѣла свѣтомъ столовая. Но по всѣмъ направленіямъ залитой яркимъ свѣтомъ перспективы комнатъ не слышно было ни одного живого звука. Несмотря на множество разставленныхъ или развѣшанныхъ въ нихъ предметовъ, онѣ казались пустыней, приготовленной къ безмолвію. Дарвидъ сталъ ходить вдоль комнатъ, сначала медленно, съ поникшимъ лицомъ и съ папирсой во рту, безпрестанно то погасавшей, то снова закуриваемой. Вслѣдъ за нимъ плелся похожій на клубокъ шерсти Пуфикъ съ опущенной къ самому полу мордочкой. Но вскорѣ шаги Дарвида участились, и тѣмпъ ихъ сталъ неравномѣрнымъ, отражавшимъ усиливавшееся въ немъ волненіе. Эти освѣщенные вереницы пустыхъ и молчаливыхъ комнатъ—и онъ самъ, блуждающій въ нихъ,—что бы это могло значить? Вся обстановка начинаетъ принимать въ глазахъ его фантастическій видъ. Казалось, будто всѣ предметы слѣдятъ за его шагами и смѣются надъ нимъ. Вотъ китайская ваза—она, кажется, даже разбухла отъ смѣха. Дарвидъ старается не смотрѣть на нее и ускоряетъ шаги. Торопятся передвигаться и косматая лапка звѣрка, слѣдующаго за нимъ. Но съ противоположной стѣны старецъ съ сѣдой бородой устремилъ на него взглядъ пытливый и грустный.

Что значить это все? Онъ остановился въ вопросительной позѣ посреди одной изъ залъ. Остановился и маленький Пуфикъ. Зачѣмъ ему было приказывать зажечь огни въ этихъ пустынныхъ покояхъ? Это похоже на сумасшествіе. Онъ вспомнилъ рассказы о недавнихъ событіяхъ съ безумнымъ королемъ, который въ ярко освѣщенномъ громадномъ и пустыннымъ дворцѣ слушалъ пѣніе артистовъ. Не сходить ли и онъ съ ума? Почему онъ не берется за работу? У него ея по горло! Сдѣлавъ нѣсколько торопливыхъ шаговъ, онъ снова остановился, замѣтивъ, что китайская ваза готова лопнуть отъ смѣха.

— Работать? Для чего? Какая цѣль? Цѣль какая? Въ этомъ вся суть!

И снова онъ встрѣтился съ глазами сѣдого старца, упорно вперившаго въ него свой печальный взоръ. Взоръ этотъ, казалось, говорилъ ему: „Ошибка! Невѣрный путь!“

Привычка сдерживать проявленія внутреннихъ волненій и на этотъ разъ удержала его отъ того, чтобы онъ не закричалъ: — помогите!

Но крикъ этотъ остался въ немъ, и быстрымъ шагомъ онъ направился къ яркому свѣту большой лампы, горѣвшей въ концѣ перспективы, разстилавшейся передъ нимъ, въ столовой залѣ, посреди темныхъ ея стѣнъ. Вслѣдъ за нимъ изъ всѣхъ силъ торопился бѣжать на маленькихъ косматыхъ лапкахъ Пуфикъ.

Въ этотъ моментъ, въ одной изъ далекихъ комнатъ, часы пробили одиннадцать. Медленнымъ басомъ раздавались по заламъ эти звуки, на которые тотчасъ послышался отвѣтъ другихъ часовъ, съ другого конца. За краткимъ, но томительнымъ перерывомъ наступившей тишины послѣдовалъ тонкій, болѣе торопливый звонъ третьихъ, четвертыхъ... Это была какъ бы таинственная бесѣда, которую вели между собою неодушевленные предметы. Дарвидъ вошелъ въ свой кабинетъ и, нажавъ кнопку, отдалъ вошедшему человѣку приказъ:

— Погасить огонь!

Онъ опустился на одно изъ креселъ у круглаго стола, почувствовавъ необъяснимое изнеможеніе во всемъ тѣлѣ. На колѣни къ нему вскочило что-то очень легкое. Онъ положилъ ладонь на шелковистую шерсть прильнувшего къ нему существа, промолвивъ:

— Пуфикъ!

Въ головѣ его появилась мысль, не слѣдуетъ ли ему рѣшительно отказаться отъ предпріятія, котораго онъ такъ долго добивался. На такое громадное дѣло у него не хватить ни силъ, ни охоты, — особенно охоты. Онъ слишкомъ усталъ. Но если перестать работать, то что ему дѣлать? Для чего жить?

Онъ сидѣлъ противъ дверей, изъ-за которыхъ снова смотрѣла на него черная стѣна тьмы кромѣшной, и подумалъ:

— „Цѣль жизни, гдѣ она? Цѣль? Цѣль-то?“

Стѣна молчаливаго мрака смотрѣла на него внимательно и упорно.

Часа черезъ два послѣ этого Дарвидъ лежалъ на кровати въ своей роскошно убранной спальнѣ. Ночная лампа, горѣвшая на каминномъ карнизѣ, бросала мягкій свѣтъ на богатую рѣзбу

кровати, на его блѣлую сухощавую руку, протянутую на шоловое одѣяло, и на лицо, такое же худощавое, съ рыжеватыми бакенбардами. Всегдашній блескъ его сѣрыхъ глазъ блуждалъ по полуосвѣщеннымъ сторонамъ комнаты, задумчивымъ, печальнымъ взглядомъ. Внезапно онъ приподнялся и, опираясь локтемъ о подушки, направилъ глаза вверху. Тамъ, высоко на стѣнѣ, висѣли двѣ дорогія головки Грёза. Одна изъ нихъ была въ тѣни, и на эту онъ долго смотрѣлъ. Это было лицо дѣвочки—розовое, круглое, маленькое, съ разбросанными густыми блѣловатыми кудрями надъ челомъ. Вѣки глазъ ея, казалось, шевелились и звали къ себѣ смотрѣвшаго на нее. Пунцовыя уста ея улыбались, а глазами она явно мигала, въ знакъ призыва. Съ поднятыми бровями и наморщеннымъ лбомъ онъ устремилъ свой взоръ къ видѣнью, протянулъ по направленію къ нему руку и дрожащими губами прошепталъ:

— Моя малютка!

Но тотчасъ протеръ глаза и, улыбнувшись, проговорилъ:

— Головка Грёза! Однако, какъ она похожа на Кару! Тотъ же самый типъ. Особенно ротъ, лобъ, волоса...

Вполнѣ сознавая, что лицо это нарисовано, тѣмъ не менѣе онъ то-и-дѣло поднималъ глаза вверху и ясно видѣлъ движеніе губъ и глазъ.

Рѣшивъ, что это происходитъ вслѣдствіе нервнаго разстройства, онъ подумалъ о необходимости посовѣтоваться на этотъ счетъ съ докторомъ.

На слѣдующій день, посѣтивъ извѣстнѣйшаго врача, Дарвидъ получилъ удостовѣреніе въ томъ, что дѣйствительно нервы его сильно разстроены, и что, разумѣется, это—послѣдствіе семейнаго несчастія и переутомленія. Онъ слишкомъ много работаетъ. Единственный совѣтъ: полный и продолжительный покой; отъѣздъ за границу; перемѣна впечатлѣній; вмѣсто обычной сухой работы—интересы искусства; пребываніе среди красотъ природы...

Размышляя объ этомъ совѣтѣ врача, онъ сознавалъ, что для исполненія его у него нѣтъ ни малѣйшей охоты. Ни искусство, ни природа, не привлекали его къ себѣ. А если не съ этой цѣлью, то для чего предпринимать путешествіе? Онъ достаточно объѣздивъ свѣтъ, но всегда ѣздивъ только по дѣламъ и съ ясно опредѣленной цѣлью. Безъ дѣловой надобности и цѣли разѣзжаться по свѣту, по его мнѣнію, точно такъ же нелѣпо, какъ ходить взадъ и впередъ среди ночи по освѣщеннымъ пустыннымъ комнатамъ—это похоже на сумасшествіе.

И вотъ опять прошло нѣсколько дней въ усиленной работѣ

и хлопотахъ, въ сутолокѣ составленія расчетовъ, балансовъ, въ шумныхъ засѣданіяхъ, обсужденіяхъ и спорахъ. Опять показился шаръ по наклонной плоскости. Въ назначенные часы происходили приемы посѣтителей. Въ числѣ ихъ пріѣзжалъ и князь Зенонъ проститься передъ отъѣздомъ своимъ за границу, гдѣ онъ предполагалъ остаться до слѣдующей зимы.

— Всѣ мы разсыпаемся въ разныя стороны, — говорилъ князь, — и, точно перелетныя птицы, летимъ туда, гдѣ солнце ярче свѣтитъ. Вы, вѣроятно, тоже уѣзжаете? Куда именно? На югъ или на востокъ? Можетъ быть, въ деревню, къ женѣ и дочери? Вѣроятно, онѣ проведутъ тамъ все время семейнаго траура? А прогроз—деревня! Знаете, у меня былъ се раувге Краницкій, чтобы проститься. Онъ навсегда уѣхалъ изъ нашего города. Переѣхалъ въ деревню. Думаетъ поселиться въ своемъ имѣніи... небольшомъ и не очень-то веселомъ... Когда-то я былъ тамъ у его матери: мы съ ней въ родствѣ. Скучнѣйшая трущоба. *Mais que voulez-vous!* этотъ нѣкогда красавецъ и милѣйшій человѣкъ ужасно постарѣлъ; были у него тутъ долги, условія жизни тяжелыя... ну, и уѣхалъ. Вашъ сынъ тоже путешествуетъ. А что, онъ уже пріѣхалъ въ Соединенные-Штаты? И баронъ Блауендорфъ туда ѣдетъ; вчера съ нами простился. Словомъ, разсыпаемся мы по свѣту, но, надѣюсь, до новой встрѣчи, не правда ли? Я былъ бы въ отчаяніи, еслибы потерялъ ваше дорогое и милое знакомство!

Но, увы! Дарвидъ былъ совершенно равнодушенъ къ тому, сохранится или потеряется знакомство его съ княземъ! Онъ находилъ въ немъ много пріятныхъ качествъ, но предпочиталъ не видѣть вовсе ни его, ни всѣхъ прочихъ людей. Все это чуждо ему, онъ равнодушенъ къ ихъ существованію, и самый даже разговоръ съ нимъ утомлялъ его и наводилъ на него скуку. Онъ вспомнилъ ея слова: „Зачѣмъ тебѣ, папа, столько людей? Развѣ ты любишь ихъ? Развѣ они тебя любятъ“?..

Мысль его перебросилась къ тому, что ему только-что сообщилъ князь. „Се раувге“ Краницкій уѣхалъ, чтобы поселиться въ своей деревнѣ, а эта деревня находится въ одной сторонѣ съ Криничной. Это не очень близко, но въ той же сторонѣ. Вѣроятно, онъ будетъ часто ихъ навѣщать. Впрочемъ, едва ли будетъ. Нѣтъ, навѣрное не будетъ. Она разошлась съ нимъ. Она дѣйствительно устыдилась и страдала... „Раскаившаяся Магдалина!“ — произнесъ онъ мысленно со смѣхомъ. Но тотчасъ добавилъ:

— Несчастная!

Впрочемъ, ему предстоитъ еще сегодня какое-то дѣло? Ахъ, да, да... онъ условился съ этимъ молодымъ скульпторомъ сѣхаться

на кладбищѣ, чтобы порѣшить насчетъ памятника. Это будетъ великолѣпный памятникъ, новая гора золота... „Пусть она за-
сыплетъ мою малютку“!

Большое кладбище уже украсилось только-что распустив-
шеюся свѣжею листвою деревьевъ и покрылось весенними цвѣ-
тами. Фіалки распространяли благоуханіе. Могила Кары была
покрыта цѣлымъ ковромъ цвѣтовъ, состоявшихъ не изъ скром-
ныхъ фіалокъ, а изъ наиболѣе изысканныхъ и дорогихъ расте-
ній оранжерейнаго происхожденія. Дарвидъ долго бесѣдовалъ со
скульпторомъ и двумя другими лицами, высказывая имъ свои
мнѣнія относительно памятника. Онъ говорилъ съ ними любезно
и спокойно, но взглядъ его часто останавливался на могилѣ съ
такою неподвижностью, будто онъ хотѣлъ своимъ взглядомъ прони-
зать и цвѣточный коверъ, и кирпичный сводъ, и крышку гроба,
чтобы взглянуть на то, что подъ ней. Разговоръ наконецъ кончился.
Онъ распрощался съ собесѣдниками и пошелъ по узкой дорожкѣ
вглубь кладбища, среди разнообразныхъ изваяній, колоннъ, урнъ,
статуй, украшенныхъ вѣнками и цвѣтами. Онъ первый разъ въ
жизни обозрѣвалъ громадный городъ почившихъ. Много видѣлъ
онъ на своемъ вѣку различныхъ городовъ, но съ такимъ никогда
еще не имѣлъ случая близко познакомиться. Если ему и случа-
лось бывать на кладбищахъ, то лишь не надолго, при чемъ вни-
маніе его всегда было направлено на мысли, совершенно посто-
роннія этому мѣсту. Теперь же, углубляясь въ ряды тѣснив-
шихся одна къ другой могилъ, онъ шелъ, размышляя о томъ,
каковъ конецъ, ожидающій всякаго. Долго онъ оставался тамъ.
Его изящный экипажъ, съ паркою дорогихъ коней, неподвижно
ожидаль его у воротъ кладбища. Серебристые звуки колокола у
часовни прозвонили обычный призывъ къ вечерней молитвѣ, на-
ступали сумерки, темная пелена стала скрывать отъ глазъ свѣ-
жую зелень деревъ и разбросанныя между ними урны, колонны,
статуи...

— Когда въ церквахъ звонятъ,—такъ размышлялъ Дарвидъ,
покинувъ кладбище,—и люди молятся, думаютъ ли они о томъ,
что Богъ услышитъ ихъ? Существуетъ ли Богъ? Это возможно,
даже навѣрное есть Богъ; но чтобы онъ занимался людскими
дѣлами... и ихъ желаньями... Впрочемъ, не знаю. Никогда я долго
не останавливался надъ этимъ вопросомъ. Кажется, и никто
этого не знаетъ. Ссорятся изъ-за этого споконъ вѣковъ, но ни-
чего не знаютъ. Вѣчная тайна. Всюду и во всемъ таинственная

неизвѣстность, хотя нашъ умъ намъ кажется такимъ могущественнымъ... Заблужденіе! Ничтожество все, что такимъ образомъ оканчивается! Всему глупый конецъ. Однимъ словомъ, все вздоръ!...

Входя на лѣстницу къ себѣ, онъ замѣтилъ, что необыкновенно усталъ. Уже не начинается ли старость? Вѣдь еще такъ недавно чувствовалъ онъ себя совершенно молодымъ. Впрочемъ, видно, ужъ всегда такъ бываетъ. Придетъ и схватить! Ему кажется, что онъ—столѣтній старикъ. И Мальвина—тоже. Какая перемена! Столько времени она сохраняла молодость—и вдругъ состарилась! Должно быть, очень страдала. Бѣдная!

Войдя въ кабинетъ, онъ присѣлъ къ письменному столу. Пуфикъ тотчасъ вскочилъ къ нему на колѣни. Онъ положилъ одну ладонь на шерсть его, а другой рукой выдвинулъ ящикъ, заглянулъ въ его глубину и снова задвинулъ его. Потомъ онъ опрокинулся на спинку кресла и вперилъ грустный взоръ куда-то въ пространство.

Дарвидъ былъ слишкомъ уменъ для того, чтобы передъ нимъ раньше или позже не предстала суровая иронія житейскихъ дѣлъ. Онъ давно уже подмѣчалъ эту иронію, но за разными туманными прикрытіями: трудъ, успѣхъ, недостатокъ времени! Теперь всѣ эти покрывала внезапно слетѣли. Онъ увидѣлъ истину во всей ея наготѣ. Чѣмъ защититься теперь, чѣмъ заслониться,—онъ не зналъ. Ему одно только было ясно и несомнѣнно, что въ основаніи всей его дѣятельности лежитъ ошибка... На жизненномъ пути своемъ онъ чего-то не примѣтилъ, не распозналъ чего-то въ самомъ себѣ, и что-то упустилъ изъ рукъ своихъ, столь умѣлыхъ въ дѣлѣ всяческаго захвата. Всегда усердно наблюдавшій за точностью въ создаваемыхъ имъ планахъ, онъ не соблюлъ равновѣсія въ своемъ духовномъ развитіи. Одна сторона его нерѣдко выдавалась впередъ, а другая угнеталась. Въ зданіи, сооруженномъ такимъ образомъ, не премѣнно должна была появиться какая-то кривизна, которая не дастъ возможности жить въ немъ. Надо изъ него переселиться... Отъ этого всѣмъ станетъ лучше—и ему, и другимъ. Эта несчастная получить свободу и сдѣлается счастливѣе. Маріанъ вернется изъ другого конца свѣта, хотя бы для того, чтобы получить наслѣдство. Ирена возвратится въ общество. Что это за удивительный характеръ! Какая глубина чувства и какая дерзость! Какъ смѣло она бросила ему въ глаза слово: „низость“! Но она была права. Онъ дѣйствительно совершилъ тогда низость, какъ и вообще вѣроятно натворилъ много другихъ глупостей. Ну, зато теперь „ненужная жестокость“ будетъ вознаграждена: Ирена убѣдится, что онъ вовсе

не былъ уже такимъ... Нѣтъ, впрочемъ, ни она и никто другой не узнаютъ, что побудило его... Дарвидъ поднялъ голову, почувствовавъ въ груди приливъ гордости. Нѣтъ, онъ не станетъ оправдываться въ качествѣ раскаивающагося грѣшника и не будетъ становиться въ позу героя ни передъ кѣмъ! Пусть думаютъ что хотятъ. Какое ему до этого дѣло!... Надо подумать только о Пуфигѣ...

Случайно поднявъ глаза кверху, онъ увидѣлъ на стѣнѣ знакомое ему лицо дѣвочки, розовое, съ бѣлокурыми волосами... Она улыбалась ему привѣтливо и какъ бы выразительно подмигивала, призывая къ себѣ. Картины Грѣза въ этомъ мѣстѣ не было, а появленіе ея чудилось ему. Онъ прямо смотрѣлъ на нее и сказалъ:

— Да, да, моя крошка, сейчасъ!

Взявъ перо, онъ написалъ телеграмму на имя Ирены. „Пріѣзжай какъ можно скорѣе, чтобы взять съ собой Пуфика“. Больше ничего! Потомъ, положивъ перо, Дарвидъ позвонилъ и сказалъ вошедшему лакею:

— Отправить сейчасъ телеграмму!

Но еще долго, поглаживая шерсть спящей собачки, сидѣлъ онъ въ задумчивости. Передъ нимъ выступилъ весь міръ, — такой, какимъ онъ его видѣлъ, со всѣмъ тѣмъ, чѣмъ онъ пользовался въ немъ, и чѣмъ обладалъ. Страны, города, люди, ихъ жилища, разговоры, биржи, банки, торжища, фабрики, паровозы, пароходы, борьба, гонѣба, движеніе, сутолока, кипящая жизнь!.. Все это пронеслось передъ нимъ и уходило на какой-то противоположный берегъ, совершенно отдѣленный отъ него безконечнымъ темнымъ пространствомъ. Ко всему онъ былъ равнодушенъ, и при одной мысли, что отъ него и теперь еще зависитъ переступить это пространство, чтобы снова вступить въ этотъ міръ, онъ почувствовалъ лишь отвращеніе и ужасъ; потрясши головой отрицательно, онъ сказалъ себѣ:

— Нѣтъ, не хочу!

Видъ его былъ спокойный. По лицу разлилось какое-то блаженство. Если бы кто-нибудь въ эту минуту схватилъ его и вздумалъ перебросить его на ту сторонѣ, гдѣ находился міръ со всею его суетою, онъ воспротивился бы всѣми силами и умолялъ бы оставить его въ покоѣ...

Взглянувъ еще разъ наверхъ, Дарвидъ съ улыбкой сказалъ:

— Вотъ, моя милая малютка! Вотъ и я иду!

Съ этими словами, онъ снова выдвинулъ ящикъ письменнаго стола...

На утро по городу разнеслась громовая вѣсть, что извѣстный спекулянтъ, финансистъ и богачъ Алоизій Дарвидъ, ночью, въ своемъ кабинетѣ, выстрѣломъ изъ револьвера лишилъ себя жизни. Въ первую минуту всѣ предполагали банкротство. Но вскорѣ выяснилось и стало несомнѣннымъ, что корабль Дарвида до самаго конца плыть на всѣхъ парусахъ по широкой рѣкѣ успѣха, съ грузомъ блестящаго „золотого руна“, но „Аргонавтъ“, по причинамъ никому неизвѣстнымъ, бросился съ палубы въ бездонную, таинственную пучину...

Элиза Оржешко.

НАЧАЛО ЖЕЛѢЗНОДОРОЖНАГО ДѢЛА

ВЪ РОССІИ

1836—1855 г.

III ¹⁾.

Постройка желѣзной дороги между С.-Петербургомъ и Москвою, непосредственнымъ распоряженіемъ правительства и на средства казны, рѣшена была еще въ январѣ 1842 года. Въ дѣлахъ министерства путей сообщенія не найдено, однако, никакихъ подробныхъ указаній на то, какимъ порядкомъ вопросъ объ этой постройкѣ былъ разрѣшенъ, и въ какомъ составѣ совѣщанія онъ обсуждался въ присутствіи государя? Извѣстно лишь, что главноуправляющій путей сообщенія и пуб. зд. продолжалъ настойчиво возражать противъ осуществленія этого предпріятія. Повторяя, во всеподданнѣйшемъ своемъ отчетѣ, выданное имъ неоднократно мнѣніе, что внутренняя торговля Россіи нуждается не въ скорости, а въ дешевизнѣ доставки, и что, поэтому, водное сообщеніе между нашими столицами предпочтительнѣе желѣзнодорожнаго, графъ Толь указывалъ на мѣстные препятствія къ устройству желѣзной дороги, которыя онъ считалъ непреодолимыми, вслѣдствіе непроходимыхъ болотъ новгородской губерніи и трудности переходовъ чрезъ валдайскія

¹⁾ См. выше, мартъ, 221 стр.

горы и чрезъ разливы рѣкъ. „Но еслибы даже и удалось построить дорогу,—прибавляетъ графъ Толь,—то наши морозы и снѣга будутъ препятствовать движенію по ней“. Графъ Канкринъ, разсматривая вопросъ исключительно съ финансовой точки зрѣнія, опасался чрезвычайныхъ расходовъ на сооруженіе дороги и сомнѣвался въ ея доходности ¹⁾.

Несмотря на всѣ эти возраженія, въ январѣ 1842 г. государь окончательно рѣшилъ приступить немедленно къ распоряженіямъ по сооруженію с.-петербурго-московской желѣзной дороги, хотя письменное его повелѣніе по этому предмету послѣдовало, какъ увидимъ ниже, лишь 1-го февраля и было опубликовано только 6-го февраля.

Въ числѣ матеріаловъ, находящихся въ архивѣ государственнаго совѣта, собранныхъ статсъ-секретаремъ барономъ Корфомъ, для составленія біографіи Николая I, заключаются, между прочимъ, весьма интересныя свѣдѣнія о приѣмѣ государемъ, 25-го января 1842 г., представленной ему с.-петербургскимъ генералъ-губернаторомъ депутаціи с.-петербургскаго купечества, въ числѣ 16 лицъ, для принесенія благодарности, по случаю окончательнаго рѣшенія вопроса о постройкѣ желѣзной дороги между нашими столицами. Въ составѣ этой депутаціи, между прочимъ, находились: городской голова Жуковъ и негоціанты и купцы баронъ Штиглицъ, Кусовъ, Пономаревъ, Сапожниковъ, Харичковъ, Овсянниковъ, Полежаевъ и др.

Государь принялъ депутацію у себя въ кабинетѣ, въ присутствіи наслѣдника, и, выразивъ свою благодарность за вниманіе купечества къ его попеченіямъ въ этомъ дѣлѣ, сказалъ:

„Мнѣ надо было бороться съ предубѣжденіями и съ людьми, но когда самъ я убѣдился, что дѣло полезно и необходимо, то ничто уже не могло меня остановить. Петербургу дѣлали одно нареканіе, что онъ на концѣ Россіи и далеку отъ центра имперіи; теперь это исчезнетъ: чрезъ желѣзную дорогу Петербургъ будетъ въ Москвѣ, и Москва—въ Кронштадтѣ“...

Затѣмъ, обратясь къ наслѣднику, государь добавилъ:

„Но человекъ смертенъ, и потому, чтобы имѣть увѣренность въ довершеніи этого великаго дѣла, я назначилъ предсѣдателемъ комитета желѣзной дороги вотъ его; пусть онъ додѣлаетъ, если не суждено мнѣ“ ²⁾.

¹⁾ Краткій историческій очеркъ развитія и дѣятельности вѣдомства путей сообщенія за 100 лѣтъ его существованія. Изданіе 1898 г., стр. 78.

²⁾ Историческій очеркъ развитія желѣзныхъ дорогъ въ Россіи; выпускъ 1-й 1898 г., стр. 59.

Въ тотъ же день, 25-го января, графомъ Толемъ было объявлено по вѣдомству путей сообщенія въ приказѣ (№ 17), что государь повелѣлъ: корпуса инженеровъ путей сообщенія полковниковъ Крафта и Мельникова считать въ командировкѣ при его императорскомъ величествѣ, въ виду чего Крафтъ и Мельниковъ были освобождены: первый отъ должности помощника управляющаго комиссіею проектовъ и смѣтъ, а второй—отъ исполненія должности члена этой комиссіи и отъ обязанности профессора института.

Впослѣдствіи, когда по случаю этого назначенія Мельниковъ представлялся государю, императоръ сказалъ ему:

„Мы терпимъ отъ избытка разстояній. Я смотрю на сближеніе Петербурга съ Москвою, какъ на дѣло великой государственной важности. Какія бы ни были намѣренія Великаго Петра при основаніи Петербурга, но время и обстоятельства сдѣлали изъ Петербурга резиденцію русскихъ государей, главный правительственный центръ и одинъ изъ самыхъ большихъ портовъ Европы. Съ другой стороны, Москва, по положенію своему, есть естественный центръ государства, средоточіе его внутренняго движенія, можно сказать, всей внутренней жизни Россіи, и поэтому всякое сближеніе этихъ двухъ столицъ должно быть достигнуто для пользы отечества, съ какими бы то ни было денежными пожертвованіями. Желѣзная дорога разрѣшаетъ этотъ вопросъ сближенія, сокращая почти вдвое противъ обыкновенныхъ путей время и стоимость переѣзда и перевозки, и потому желѣзная дорога между этими пунктами должна существовать. Я рѣшилъ ей быть, противъ мнѣнія большинства призванныхъ мною на совѣтъ, и надѣюсь, что потомство оправдаетъ мое рѣшеніе“ ¹⁾.

Мы приводимъ ниже цѣликомъ указъ, данный государемъ сенату 1-го февраля 1842 г., о постройкѣ желѣзной дороги между С.-Петербургомъ и Москвою, такъ какъ въ этомъ важномъ для исторіи нашихъ желѣзныхъ дорогъ документѣ изложенъ взглядъ императора Николая I на желѣзныя дороги вообще и въ частности на желѣзную дорогу между двумя нашими столицами, а также на всю важность постояннаго сохраненія въ рукахъ правительства сообщенія, вліяющаго на всю промышленную и дѣятельную жизнь государства.

Къ сожалѣнію, обстоятельства вынудили наше правительство временно отказаться отъ послѣдняго намѣренія императора Ни-

¹⁾ Краткій историческій очеркъ развитія и дѣятельности вѣдомства путей сообщенія за 100 лѣтъ его существованія. Изданіе 1898 г., стр. 96.

колая Павловича и передать, съ 1-го сентября 1868 г., рельсовый путь между двумя нашими столицами въ руки частнаго общества; но съ 1-го января 1894 г. путь этотъ снова взятъ правительствомъ въ свое распоряженіе, и надо надѣяться, что завѣтъ императора Николая I объ удержаніи этого пути въ рукахъ правительства навсегда будетъ въ точности впредь выполненъ. Вотъ текстъ указа 1-го февраля 1842 г. ¹⁾:

„Въ безпрерывномъ попеченіи Нашемъ объ улучшеніи сообщеній въ имперіи, Мы, еще за нѣсколько лѣтъ предъ симъ, обративъ вниманіе на тѣ пользы, кои принесло учрежденіе желѣзныхъ дорогъ во многихъ иностранныхъ земляхъ, повелѣли комитету министровъ войти въ разсмотрѣніе бывшихъ по сему предположеній, и послѣдствіемъ такого разсмотрѣнія было: возложеніе на главные управленія путей сообщенія и горныхъ инженеровъ дальнѣйшаго собранія свѣдѣній о желѣзныхъ дорогахъ иностранныхъ, дабы, опредѣливъ мѣру достоинства сихъ путей для Россіи, наилучшее ихъ у насъ примѣненіе и удобнѣйшее техническое исполненіе, воспользоваться потомъ, безъ излишнихъ пожертвованій, всѣми выгодами сего новаго способа сообщенія.

„Сообразно началу сему, посланы были избранныя со стороны обоихъ главныхъ управленій лица, для ближайшаго, на мѣстѣ, изученія лучшихъ путей заграничныхъ; по осмотрѣ же, такимъ образомъ, почти всѣхъ дорогъ сего рода въ Европѣ и Америкѣ, лицамъ этимъ поручено было составить, обще съ нѣкоторыми изъ первыхъ учредителей желѣзныхъ дорогъ въ Россіи, соображеніе объ устроеніи подобнаго пути между С.-Петербургомъ и Москвою.

„Нынѣ, по разсмотрѣніи и разностороннемъ обсужденіи, въ личномъ присутствіи Нашемъ, сего соображенія, признавъ за благо даровать отечеству Нашему сообщеніе, котораго устроеніе хотя и сопряжено съ значительными расходами, но обѣщаетъ государству выгоды многоразличныя и соединить обѣ столицы какъ бы воедино, Мы положили возвести желѣзную дорогу отъ С.-Петербурга до Москвы, и, по примѣру другихъ державъ, возвести оную на счетъ казны, дабы удержать постоянно въ рукахъ правительства и на пользу общую сообщеніе, столь важное для всей промышленной и дѣятельной жизни государства.

„Съ сею цѣлію, Мы, для устройства с.-петербурго-москов-

¹⁾ Сборникъ свѣдѣній о желѣзныхъ дорогахъ въ Россіи 1867 г. Отдѣлъ III, стр. 18—22 (изданіе департамента желѣзныхъ дорогъ).

своей желѣзной дороги, учредили, въ непосредственной отъ Насъ зависимости, особый комитетъ, подъ предсѣдательствомъ любезнѣйшаго Сына Нашея Его Императорскаго Высочества Цесаревича Наслѣдника изъ: главноуправляющаго путей сообщенія и пуб. зд., министровъ финансовъ, государственныхъ имуществъ и внутреннихъ дѣлъ, генераль-адъютантовъ: графа Бенкендорфа, графа Орлова, графа Левашева и графа Клейнмихеля, генераль-лейтенанта Дестрема, герцога Лейхтенбергскаго, генераль-маіора Чевкина и состоящаго въ должности шталмейстера графа Бобринскаго.

„Поручивъ этому комитету всѣ главные распоряженія по сему дѣлу, равно наблюденіе за правильнымъ его довершеніемъ сходно особому положенію, которое отъ Насъ дано будетъ, Мы съ тѣмъ вмѣстѣ повѣлѣли: изъ нѣкоторыхъ членовъ комитета образовать строительную комиссію, которой поручить ближайшій надзоръ за сооруженіемъ, всѣ распорядительныя мѣры и самое производство работъ по особому упомянутому выше положенію, имѣющему быть составленнымъ въ комитетѣ.

„Предсѣдателемъ этой строительной комиссіи Мы назначили генераль-адъютанта графа Бенкендорфа, а членами: генераль-адъютанта графа Клейнмихеля, генераль-лейтенанта Дестрема, герцога Лейхтенбергскаго, генераль-маіора Чевкина, графа Бобринскаго и инженеръ-полковниковъ Крафта и Мельникова.

„Сверхъ того, при комитетѣ и комиссіи повѣлѣли Мы быть тремъ членамъ отъ купечества, по выбору, собственно для совѣщаній съ симъ сословіемъ нужныхъ.

„Вмѣстѣ съ таковыми распоряженіями, Мы возложили на министра финансовъ приготовленіе потребныхъ на возведеніе желѣзнаго пути между столицами денежныхъ способовъ, отдѣльно отъ обыкновенныхъ государственныхъ доходовъ.

„Постановивъ такимъ образомъ первыя мѣры къ началу дѣла, по обширности и пользѣ своей истинно-народнаго, и желая, чтобы избраннымъ Нами для совершенія онаго лицамъ преподаны были соотвѣтственныя исполнительныя средства, повѣщаемъ правительствующему сенату: всѣмъ правительственнымъ мѣстамъ и лицамъ вмѣнить въ обязанность оказывать учрежденнымъ Нами для устройства с.-петербурго-московской желѣзной дороги комитету и строительной комиссіи не токмо законное по требованіямъ удовлетвореніе, но и всякое зависящее отъ нихъ содѣйствіе; сословія же владѣльческія и промышленныя уѣздовъ, между столицами лежащихъ, пригласить споспѣшествовать равнымъ образомъ, всѣми мѣстными средствами, въ успѣху дѣла на

пользу и славу Россіи, съ благословеніемъ Божиимъ предпринимаемаго“.

Комитетъ для устройства с.-петербурго-московской желѣзной дороги собрался въ первое засѣданіе 29-го января 1842 г., т.-е. еще за три дня до подписанія государемъ указа 1-го февраля.

Предсѣдатель комитета, наслѣдникъ цесаревичъ, открывая это засѣданіе, объяснилъ важность и обширность предстоящаго труда, успѣшное выполненіе котораго составляетъ цѣль комитета, и, затѣмъ, пригласилъ членовъ указать другихъ подвѣдомственныхъ имъ лицъ, которыя своею дѣятельностью могли бы быть полезны въ дѣлахъ комитета.

Въ этомъ же засѣданіи изготовленъ былъ къ подписи государя приведенный выше указъ сенату и возложено было на графа Клейнмихеля и Чевкина составленіе проектовъ положеній о комитетѣ и строительной комиссіи. Послѣдняя собралась уже на другой день, т.-е. 30-го января, и рѣшила поручить Крафту и Мельникову производство для желѣзной дороги изысканій и составленіе смѣтъ на устройство этой дороги, съ предоставленіемъ въ распоряженіе названныхъ лицъ необходимаго числа инженерныхъ офицеровъ и топографовъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, по предложенію Крафта и Мельникова, строительная комиссія рѣшила пригласить, въ качествѣ совѣщательнаго при постройкѣ дороги инженера, маіора Уистлера, одного изъ свѣдущихъ желѣзнодорожныхъ американскихъ техниковъ, о которомъ не разъ упоминается въ отчетѣ о командировкѣ въ Америку Крафта и Мельникова.

8-го февраля 1842 г., утвержденъ былъ государемъ временный штатъ канцеляріи комитета и строительной комиссіи с.-петербурго-московской желѣзной дороги, съ годовымъ содержаніемъ въ 46.950 рублей, проектированный этимъ комитетомъ. Между прочимъ, противъ 7-го примѣчанія къ штату, въ которомъ, въ виду временнаго характера канцеляріи, предоставлялось въ опредѣленіи и производствѣ чиновниковъ не стѣсняться правилами въ росписаніи должностей, по классамъ установленнымъ, государь написалъ сбоку: „Избѣгать, по возможности, подобныхъ изыятій“.

Пятью приказами по вѣдомству путей сообщенія (отъ 14 и 22 февр., 16 марта, 23 апр. и 24 іюня), главноуправляющій командировалъ въ распоряженіе комитета с.-петербурго-московской желѣзной дороги 27 офицеровъ корпуса инженеровъ путей сообщенія, а именно: маіоровъ Буттаца, Загоскина 2-го, Дека и Нордштейна, капитановъ Кирхнера, Гофмейстера, Липина и Да-

инженеръ, и поручиковъ: Зуева 1-го, Крутикова, Штувенберга 2-го, Геттунга, Кольмана 2-го, Шернвалья, Граве 1-го, Поссе, Богомолецъ 1-го, Глазенапа, Граве 2-го, Клокова, Степановскаго, Керс-новскаго, Перотта 2-го, Дестрема 2-го, Журавскаго и Шадевскаго, и подпоручика Бялотскаго; всѣмъ этимъ лицамъ даны были занятія по изысканіямъ желѣзной дороги и по составленію проектовъ и исчисленій.

Не долго суждено было графу Толю быть свидѣтелемъ дѣятельности учреждений, призванныхъ, въ сторонѣ отъ его вѣдомства, къ осуществленію завѣтной мысли императора Николая I—сооруженію желѣзной дороги между нашими столицами. Черезъ 2¹/₂ мѣсяца послѣ открытія этихъ учреждений, графъ Толъ тяжело заболѣлъ и скончался 23 апрѣля, но уже съ 15 апрѣля вѣдомствомъ путей сообщенія управлялъ товарищъ главноуправляющаго генераль-лейтенантъ Девятнинъ. Не будучи ни членомъ комитета по постройкѣ с.-петербурго-московской желѣзной дороги, ни даже членомъ строительной комиссіи этой дороги, Девятнинъ оставался совершенно безучастнымъ въ дѣлѣ этой постройки. Впрочемъ, и самымъ вѣдомствомъ путей сообщенія онъ управлялъ лишь четыре мѣсяца, такъ какъ 11 августа на должность главноуправляющаго путями сообщенія и публичными зданіями былъ назначенъ одинъ изъ членовъ комитета и строительной комиссіи с.-петербурго-московской желѣзной дороги—генераль-адъютантъ графъ П. А. Клейнмихель.

Хотя прошло уже почти 30 лѣтъ со времени смерти графа, но до сихъ поръ еще никто не далъ себѣ труда составить его біографію. Его извѣстная энергія и преданность императору Николаю I, при громадномъ довѣріи и расположеніи къ нему государя, проявившихся непрерывно въ теченіе 13-ти-лѣтняго завѣдыванія графомъ путями сообщенія, публичными зданіями и телеграфами—ожидаютъ еще для себя оцѣнки историка. Извѣстная крутость, мелочность, а по временамъ и жестокость его характера находятъ себѣ отчасти объясненіе въ господствовавшемъ, въ то время, суровомъ режимѣ и въ той аракеевской средѣ, въ которой графъ Клейнмихель провелъ на службѣ свои молодые годы. Много разсказовъ сохранилось въ вѣдомствѣ путей сообщенія, даже до настоящаго времени, о деспотическихъ поступкахъ суроваго графа съ своими подчиненными, и нельзя не признать того тяжелаго впечатлѣнія, какое производятъ чтеніе нѣкоторыхъ его приказовъ по вѣдомству путей сообщенія.

Современникъ графа Клейнмихеля, служившій при немъ въ его вѣдомствѣ, инженеръ Ант. Ив. Штувенбергъ, удостовѣряетъ,

въ своихъ воспоминаніяхъ о постройкѣ николаевской желѣзной дороги ¹⁾, что приказы графа, расходившіеся въ публикѣ какъ газеты, предназначались болѣе для публики, чѣмъ для подвѣдомственныхъ графу чиновъ. Насколько это вѣрно, трудно теперь сказать, но своеобразный и рѣзкій, съ отгѣнками ироніи, тонъ приказовъ главноуправляющаго пут. сооб. и публ. зд., повидимому, нравился публикѣ сороковыхъ годовъ, лишенной возможности, по цензурнымъ условіямъ того времени, наслаждаться прелестями подобной литературы позднѣйшей эпохи. Особенно интересны были приказы графа Клейнмихеля, которые издавались имъ послѣ каждаго произведеннаго имъ осмотра какой-либо части ввѣреннаго ему управленія. Нѣкоторые изъ такихъ приказовъ заключали до 100 печатныхъ страницъ. Въ нихъ весьма подробно описывалось все, что оказалось по осмотру, и все, что требуется исполнить, а также помѣщались изрѣдка выраженія благодарности графа отличившимся, болѣею же частью выговоры и замѣчанія провинившимся, а иногда и распоряженія объ арестѣ виновныхъ, о преданіи ихъ суду или объ увольненіи ихъ отъ должности. Тяжело было подчиненнымъ графа: многіе изъ нихъ страдали свыше своей вины, такъ какъ не дѣлалось различія между лицами виновными и отвѣстственными, не дѣлалось различія между лицами старыми, заслуженными и молодыми офицерами, только-что выпущенными изъ института. Тѣмъ не менѣе, врядъ ли было бы вполне справедливо назвать Клейнмихеля, безъ всякихъ оговорокъ, какъ его называютъ въ своихъ воспоминаніяхъ Штукенбергъ, — сглаженною

¹⁾ Инженеръ пут. сооб. Ант. Ив. Штукенбергъ, сынъ извѣстнаго статистика и географа Ив. Фед. Штукенберга, родился въ 1816 г. Въ 1836 г. онъ окончилъ курсъ въ институтѣ корпуса пут. сооб. поручикомъ и, прямо со школьной скамьи, отправился въ далекое и трудное путешествіе въ Иркутскъ, для производства изысканій и составленія проектовъ кругобайкальской дороги и снабженія водою гор. Кяхты. Въ европейскую Россію онъ возвратился въ 1840 г.; съ 14 февраля 1842 г. былъ назначенъ въ Вышній-Волоочокъ для производства изысканій и постройки с.-петербурго-московской жел. дороги. По окончаніи этой постройки, онъ оставался до половины января 1855 г. при эксплоатаціи дороги. Послѣ того онъ получалъ разныя порученія и назначаемъ былъ на различныя должности по вѣдомству пут. сооб. до его перехода на службу въ министерство внутреннихъ дѣлъ, гдѣ онъ и оставался до своей смерти, послѣдовавшей въ мартѣ 1887 г. Ант. Ив. Штукенбергъ весьма извѣстенъ въ нашей технической литературѣ, какъ авторъ многихъ полезныхъ изданій и интересныхъ статей. Въ 1885 г. (кн. 5 и 11) и въ 1886 г. (кн. 1 и 5), въ „Русской Старинѣ“ онъ помѣстилъ „Очеркъ исторіи сооруженія николаевской жел. дороги“, перепечатанный въ нѣсколько дополненномъ и измѣненномъ видѣ въ книжкахъ 1, 4, 5 и 9 „Журнала путей сообщенія“. Многія подробности относительно постройки с.-петербурго-московской желѣзной дороги взяты нами изъ этихъ интересныхъ статей Штукенберга.

тѣню графа Аракчеева, могущественнаго временщика предшествовавшаго царствованію. Подъ игомъ Аракчеева стонали военныя поселенія, и всѣ его дѣянія не оставили потомству ни въ чемъ доброй памяти, тогда какъ Клейнмихель, при всей своей строгости и жестокости, заботился, однако, о подвѣдомственныхъ ему нижнихъ чинахъ и рабочихъ на постройкахъ, а николаевская желѣзная дорога, онежскій и бѣлозерскій каналы, свыше 4.000 верстъ шоссе и до 7.000 верстъ телеграфныхъ линий, построенныхъ въ ту эпоху, все-таки будутъ напоминать о его трудахъ на пользу дѣла.

Графъ Петръ Андреевичъ Клейнмихель родился въ 1793 г. Отецъ его, Андрей Андреевичъ Клейнмихель, занималъ въ началѣ нынѣшняго столѣтія постъ директора второго с.-петербургскаго кадетскаго корпуса. Въ этомъ же корпусѣ воспитывался и сынъ его Петръ—будущій графъ, окончившій курсъ въ 1808 году, съ чиномъ подпоручика. Состоя при Аракчеевѣ адъютантомъ, а впоследствии (въ 1819 году) начальникомъ штаба военныхъ поселеній, П. А. Клейнмихель быстро выдвинулся впередъ: въ 1814 г., въ чинѣ только капитана преображенскаго полка, онъ сдѣланъ былъ, послѣ взятія Парижа, флигель-адъютантомъ; въ 1820 г. былъ произведенъ въ генераль-маіоры, а въ 1826 г., т.-е. въ возрастѣ 32-хъ лѣтъ, былъ уже генераль-адъютантомъ.

Послѣ пожара Зимняго дворца, случившагося 17-го декабря 1837 г., Клейнмихелю поручены были государемъ всѣ главнѣйшія распоряженія по перестройкѣ этого зданія, окончательно возобновленнаго въ 1839 г. За труды эти Клейнмихель былъ пожалованъ, 26-го марта 1839 г., титуломъ графа, съ изображеніемъ въ его гербѣ Зимняго дворца и съ девизомъ: „усердіе все превозмогаетъ“. Въ комитетѣ с.-петербурго-московской желѣзной дороги и въ строительной комиссіи графъ Клейнмихель, бывшій въ то время уже генераломъ-отъ-инфантеріи, работалъ весьма дѣятельно и тогда уже имѣлъ репутацію энергичнаго и усерднаго исполнителя воли государя; императоръ Николай I избралъ Клейнмихеля преемникомъ Толя, и въ самый день его назначенія главноуправляющимъ п. с. и п. зд. государемъ данъ былъ указъ сенату о присоединеніи къ главному управленію также и устройства с.-петербурго-московской желѣзной дороги, „въ томъ уваженіи, что непосредственно къ кругу обязанностей сего управления принадлежитъ предпріятое сооруженіе, какъ въ настоящее время, при совершеніи онаго, такъ и впоследствии, при дальнѣйшемъ его распространеніи“. вмѣстѣ съ этимъ была упразднена, состоявшая при комитетѣ с.-петербурго-московской желѣзной дороги, строи-

тельная коммиссія, а въ составѣ главнаго управленія п. с. и п. зд. образованъ былъ особый департаментъ желѣзныхъ дорогъ, съ временною при немъ коммиссіею, учрежденною на время сооруженія с.-петербурго-московской желѣзной дороги, собственно для разсмотрѣнія предположеній, проектовъ и смѣтъ, по части технической и искусственной. На содержаніе чиновъ департамента желѣзныхъ дорогъ, а также на канцелярскіе и хозяйственные его расходы, назначено было по штату этого департамента—63.072 руб. На департаментъ было возложено также производство дѣлъ въ комитетѣ с.-петербурго-московской желѣзной дороги, съ упраздненіемъ канцеляріи этого комитета, директору же департамента присвоено было званіе управляющаго дѣлами комитета.

Первымъ директоромъ департамента желѣзныхъ дорогъ сдѣланъ былъ правитель дѣлъ комитета желѣзныхъ дорогъ д. ст. сов. К. Ив. Фишеръ, назначенный на должность директора 18-го августа 1842 г. и оставшійся въ ней до 1-го марта 1850 г. Вице-директоромъ департамента былъ назначенъ полковникъ Кроль, состоявшій передъ тѣмъ въ корпусѣ инженеровъ военныхъ поселеній.

Въ составъ состоявшей при департаментѣ временной технической коммиссіи, кромѣ директора и вице-директора департамента, вошли: Дестремъ, Готманъ, Девятинъ (товарищъ главноуправляющаго), Чевкинъ, графъ Бобринскій, и строители дороги Крафтъ и Мельниковъ. Въ октябрѣ того же 1842 г., въ эту коммиссію назначенъ былъ генераль-лейтенантъ Рокассовскій, смѣнившій чрезъ нѣсколько дней послѣ того, въ должности товарища главноуправляющаго, Девятнина, который былъ назначенъ членомъ совѣта главнаго управленія. Впослѣдствіи въ составъ коммиссіи вошли еще: совѣщательный инженеръ Унстлеръ (въ 1843 г.), Ѳ. Ив. Рербергъ (въ 1844 г.) и П. Ив. Палибинъ I (въ 1845 г.).

Товарищъ главноуправляющаго пут. сообщ. и п. зд. генераль-лейтенантъ Рокассовскій былъ назначенъ также (8 февр. 1843 г.) членомъ комитета с.-петербурго-московской желѣзной дороги.

С.-петербурго-московская желѣзная дорога раздѣлена была на двѣ дирекціи: сѣверную и южную; границами ихъ служила рѣчка Коломенецъ, у села Бологова, въ валдайскомъ уѣздѣ. Начальниками дирекцій были назначены: сѣверной—П. П. Мельниковъ, и южной—Н. Ос. Крафтъ.

Изысканіями желѣзной дороги настолько торопились, что приступили къ нимъ въ концѣ того же февраля мѣсяца, когда

послѣдовалъ указъ о постройкѣ дороги. Вѣроятно, намѣревались воспользоваться зимнимъ временемъ, для проложенія линіи дороги и для ея нивелировки по болотамъ, часто недоступнымъ въ остальное время года.

По словамъ Штукенберга, производившаго эти изысканія въ южной дирекціи дороги, съ ними было много трудовъ: сперва приходилось бродить по колѣно въ снѣгу, потомъ, весною, по колѣно въ водѣ, но зато болота зимою были еще замерзшія, и проходъ по нимъ не представлялъ затрудненій, въ теченіе же лѣта проходъ по болотамъ былъ крайне тяжелъ. Однако, важность дѣла, одушевлявшая каждого, и молодые силы, помогали преодолевать всѣ препятствія. Вообще, — говорить Штукенбергъ, — едва ли для какой-либо другой желѣзной дороги дѣлалось столько изысканій, чтобы найти лучшее направленіе; напримѣръ, между Вышнимъ Волочкомъ и Тверью проведены были для желѣзной дороги четыре линіи. Несмотря на это, въ публикѣ, въ виду продолжительности изысканій, шли кривые и недоброжелательные толки: говорилось, напримѣръ, что дорога проведена по бездоннымъ болотамъ, или, что обѣ линіи двухъ дирекцій не сошлись у рѣчки Коломенецъ на нѣсколько верстъ. Помѣщики волновались: одни изъ-за того, что линія желѣзной дороги проходитъ слишкомъ близко къ ихъ усадьбамъ, другіе же — изъ-за проведенія дороги вдали отъ ихъ помѣстьевъ.

Изысканія для с.-петербурго-московской желѣзной дороги продолжались и въ теченіе всего 1843 года. Инженеры стремились провести линію желѣзной дороги между нашими столицами возможно прямѣе, съ возможно малыми уклонами, въ особенности на подъемахъ по направленію господствующаго движенія грузовъ, т.-е. отъ Москвы къ С.-Петербургу, и съ наибольшими радіусами закругленій въ поворотахъ дороги.

Московское шоссе, на первыхъ 110 верстахъ отъ С.-Петербурга, до яма Чудова, слѣдуетъ по кратчайшему между нашими столицами направленію, но въ Чудовѣ отклоняется на юго-западъ къ Новгороду, а затѣмъ снова возвращается чрезъ города: Крестцы и Валдай, къ кратчайшему направленію у Вышняго-Волочка; потомъ опять уклоняется къ Торжку, изъ Торжка возвращается къ кратчайшему направленію въ Твери, и между Тверью и Москвою слѣдуетъ почти по прямому направленію чрезъ гор. Клязь. Такія уклоненія шоссе отъ прямого направленія, для захвата городовъ Новгорода, Крестцовъ, Валдая и Торжка, имѣли послѣдствіемъ значительное удлинненіе пути между С.-Петербургомъ и Москвою. Въ то время, какъ кратчайшее гео-

метрическое разстояніе между этими пунктами, считая въ Петербургѣ Знаменскую площадь, а въ Москвѣ—Каланчевское поле, составляетъ всего—593 версты 380 саж., длина московскаго шоссе доходитъ до 674 верстъ, т.-е. превышаетъ кратчайшее разстояніе на 80 верстъ.

При изысканіяхъ, между С.-Петербургомъ и Вышнимъ-Волочкомъ, изслѣдованы были два направленія: одно на Новгородъ и другое на Соснинскую пристань. Имѣя въ виду, что первое изъ этихъ направленій на 34 версты длиннѣе второго, что оно встрѣчаетъ болѣе волнистую мѣстность и болѣе глубокія болота, что оно пересѣкаетъ валдайскія горы при болѣе неблагоприятныхъ условіяхъ, требуя до 14 саженой лишняго подъема, что на немъ земляныхъ работъ на 50% болѣе, и что дорога по этому направленію менѣе обезпечена топливомъ, временная техническая коммиссія, учрежденная при департаментѣ желѣзныхъ дорогъ, отдала предпочтеніе соснинскому направленію.

По важности дѣла, вопросъ о выборѣ направленій дороги между С.-Петербургомъ и Вышнимъ-Волочкомъ былъ внесенъ 4-го февраля 1843 г. въ комитетъ с.-петербурго-московской желѣзной дороги. Признавъ единогласно, что полезно и для процвѣтанія городовъ желательно, чтобы, при устроеніи новыхъ путей, они городовъ вообще не миновали,—въ частности, относительно направленія желѣзной дороги на Новгородъ или на Соснинскую пристань, комитетъ не далъ единогласнаго заключенія. Большинство, а именно, августѣйшій предсѣдатель и семь членовъ (графъ Клейнмихель, графъ Канкринъ, графъ Бенкендорфъ, Дестремъ, Готманъ, Рокассовскій и Чевкинъ), принявъ въ соображеніе: 1) что новгородская линія, при болѣе ея (на 34 версты) протяженіи и при болѣешихъ техническихъ неудобствахъ, потребовала бы лишнихъ до 20 милліоновъ рублей асс. на сооруженіе и до 1 милл. руб. въ годъ на содержаніе; 2) что эта лишняя издержка неизбѣжно возвысила бы цѣнность платежа съ проѣзжающихъ и съ провоза товаровъ, на всемъ пути между столицами, въ пользу одного Новгорода, и 3) что, съ проведеніемъ желѣзной дороги на Соснинскую пристань, Новгородъ будетъ связанъ съ нею лѣтомъ р. Волховомъ, а зимою по шоссе,—полагали вести желѣзную дорогу не на Новгородъ, а по прямому направленію. Четыре же члена комитета (графъ Киселевъ, графъ Орловъ, графъ Левашовъ и Перовскій), исходя изъ того соображенія, что Новгородъ представляетъ крупный торговый, промышленный и административный центръ, полагали,

что дорога не должна миновать этого города, несмотря на увеличеніе расходовъ.

На журналѣ этомъ императоръ Николай Павловичъ, 22-го февраля 1843 года, сдѣлалъ слѣдующую надпись: „Дорогу устроить по прямому направленію, ибо не нахожу ни одной уважительной причины вести ее на Новгородъ, который не лишится тѣхъ выгодъ, коими нынѣ пользуется“ ¹⁾.

Одновременно государь приложилъ къ журналу комитета собственноручную записку слѣдующаго содержания:

„Не раздѣляю мнѣнія генераль-адъютанта Киселева и согласившихся съ нимъ членовъ, по слѣдующимъ причинамъ:

„Новгородъ пользуется выгодами двухъ пересѣкающихся въ немъ сообщеній: 1) водянымъ, 2) московскимъ шоссе.

„Выгоды отъ перваго мало измѣниться могутъ отъ устройства желѣзной дороги, ибо предметы перевозокъ и пути, которыми доставляются, останутся почти въ той же соразмѣрности выгоднѣе водянымъ сообщеніемъ, чѣмъ по желѣзной дорогѣ.

„Польза же Новгороду отъ шоссе происходитъ, частью отъ проѣзжающихъ, частью отъ проходящихъ обозовъ, тамъ останавливающихся для ночлеговъ. Иной пользы я не знаю. Ежели предположить, что желѣзная дорога пройдетъ черезъ Новгородъ, измѣненія въ водяномъ пути никакого не будетъ, но съ проѣзжающими и обозами произойдетъ очевидное измѣненіе въ томъ, что тѣ и другіе бросятъ шоссе и поѣдутъ желѣзною дорогою. А какъ первая выгода сего пути есть скорость переѣзда, то весьма ясно, что никто останавливаться не будетъ въ Новгородѣ, но предпочтетъ черезъ 4 часа быть на мѣстѣ въ С.-Петербургѣ, или черезъ 12 часовъ въ Москвѣ. Подавно обозы, не имѣя лошадей, но слѣдуя на вагонахъ, прослѣдуютъ прямо, не останавливаясь.

„Гдѣ же будетъ польза для города? Остаются поэтому только прихоти жителей, которые предпочтутъ ѣхать прямо изъ города по желѣзной дорогѣ, чѣмъ ѣхать до Чудова по шоссе, чтобы тамъ сѣсть на желѣзную дорогу. Это не заслуживаетъ и опроверженія.

„Изъ прочихъ же причинъ нѣтъ ни одной уважительной“ ²⁾.

Оставленіемъ Новгорода въ сторонѣ отъ с.-петербурго-московской желѣзной дороги, въ разстояніи 74 верстъ отъ нея,

¹⁾ Сборникъ свѣдѣній о желѣзныхъ дорогахъ въ Россіи. 1867 г. Отдѣлъ III, стр. 65—68.

²⁾ Историческій очеркъ развитія желѣзныхъ дорогъ въ Россіи; выпускъ 1-й 1898 г., стр. 60 и 61.

рѣшенъ былъ вопросъ и о городахъ: Крестцы и Валдай, которые также остались въ сторонѣ отъ желѣзной дороги: первый въ разстояніи 42 верстъ, и второй—въ разстояніи 35 верстъ. Точно такъ же устранено было и второе отклоненіе линіи желѣзной дороги къ Торжку, оставленному въ 30 верстахъ отъ нея. Впрочемъ, и остальные города, попутные, не находятся на самой линіи желѣзной дороги, а расположены въ нѣкоторомъ, хотя и небольшомъ отъ нея разстояніи, а именно: Вышній-Волочокъ въ $1\frac{3}{4}$ вер., Тверь—въ $2\frac{1}{2}$ верстахъ и Клинтъ—въ 1 верстѣ.

Выборъ мѣстъ для оконечныхъ станцій—С.-Петербургъ и Москва—состоялся въ виду слѣдующихъ соображеній.

Пассажирская станція расположена въ С.-Петербургѣ на Знаменской площади, у Невскаго проспекта, а товарная станція размѣщена была въ двухъ отдѣльныхъ частяхъ, изъ коихъ одна находится за пассажирскимъ дворомъ, а другая—за Обводнымъ каналомъ, возлѣ существовавшаго уже здѣсь бассейна и вырытаго параллельно ему, при постройкѣ дороги, ковша. Этимъ расположеніемъ имѣли въ виду, съ одной стороны, приблизить по возможности пассажирскую станцію къ наиболѣе населеннымъ и лучшимъ частямъ города, безъ значительныхъ помоекъ существовавшихъ строеній, а съ другой—учредить для товарнаго движенія удобную связь дороги съ рѣкою Невой.

Въ Москвѣ, для расположенія пассажирской станціи, имѣлось въ виду три мѣста: у Тверской, около пересѣченія ея съ Садовой, въ концѣ Трубнаго бульвара, и на Полевомъ дворѣ, у Краснаго пруда при Сокольничьемъ шоссе. Товарная станція предполагалась близъ дачи Студенецъ, на р. Москвѣ, выше Драгомиловскаго моста.

Особая коммиссія при московскомъ генераль-губернаторѣ нашла, что изъ трехъ указанныхъ для московской станціи пунктовъ наиболѣе удобенъ Полевой дворъ, такъ какъ въ прочихъ двухъ пунктахъ тѣснота мѣста весьма затруднитъ дальнѣйшее развитіе станціи и ея сопряженіе съ желѣзною дорогою изъ Москвы въ Коломну. На томъ же Полевомъ дворѣ коммиссія полагала устроить и товарную станцію.

Заключеніе это было доложено графомъ Клейнмихелемъ государю, который, 30 сентября 1843 года, приказалъ: пассажирскую и товарную станціи въ Москвѣ соорудить на Полевомъ дворѣ.

Общее протяженіе с.-петербурго-московской желѣзной дороги, между указанными оконечными пунктами, составило по избранному для дороги направленію—604 версты, т.-е. оказа-

лось всего на 10 верстѣ длиннѣе геометрическаго разстоянія между этими пунктами. Впослѣдствіи, съ устройствомъ въ 1881 г. веревбинскаго обхода, протяженіе желѣзной дороги увеличилось до 609 верстѣ.

На первыхъ 30 верстахъ отъ С.-Петербурга желѣзная дорога идетъ по совершенно ровной мѣстности, нѣкогда покрытой моремъ; но у деревни Степановской, гдѣ оканчивается древній морской берегъ, желѣзная дорога поднимается на возвышенность этого берега на 16 сажени надъ площадкою с.-петербургской станціи. Рѣка Волховъ пересѣкается на 118 верстѣ, у Соснинской пристани, послѣ чего дорога направляется по лѣсистымъ и болотнстымъ низменностямъ до Малой-Вишеры. Здѣсь линія желѣзной дороги встрѣчаетъ волнистую мѣстность, окаймленную съ двухъ сторонъ рѣкою Мстою, и на 177-ой верстѣ пересѣкаетъ эту рѣку мостомъ 18 сажени высоты, при чемъ возвышеніе рельсовъ надъ площадкою с.-петербургской станціи составляетъ около 30 сажени. Далѣе дорога поднимается на Валдайскую возвышенность крутымъ уклономъ въ 0,008, длиною около 15 вер., на которомъ находится веревбинскій оврагъ съ рѣчкою Веревьей. Оврагъ этотъ былъ пересѣченъ высокимъ (въ 24 саж. вышины) веревбинскимъ мостомъ, который былъ расположенъ на томъ же восьмитысячномъ уклонѣ. Въ 1877 г., въ виду затруднительности эксплуатаціи 15-тиверстнаго крутого веревбинскаго подъема, рѣшено было его обойти, и съ этою цѣлью, была построена, оконченная къ осени 1881 года, обходная линія, съ уклонами всего въ 0,006, пересѣкающая веревбинскій оврагъ ближе къ его вершинѣ гдѣ, вмѣсто моста, оказалась возможность устроить на оврагѣ каменную трубу, отверстіемъ 3 сажени, съ насыпью, высотой 20 саж. Слѣдуя валдайскими горами, желѣзная дорога проходитъ область рѣкъ и озеръ, образующихъ водохранилища выше-волоцкой судоходной системы, причемъ наивысшая точка, находящаяся на 251 (по новой нумераціи 256-ой) верстѣ (въ 4-хъ верстахъ за станцію Угловка), лежитъ на 91¹/₂ саж. выше площадки с.-петербургской станціи, затѣмъ переходитъ р. Цну, на 335 верстѣ, снова поднимается до наивысшей точки 92¹/₂ сажени, на 13-ой верстѣ за станцію Спирово, и, прослѣдовавши вблизи г. Вышняго-Волочка, направляется къ городу Твери, пересѣвши по пути, на 433 верстѣ, р. Тверцу и на 444 верстѣ р. Волгу. Уровень рельсовъ волжскаго моста, возвышающійся около 7 сажени надъ меженным уровнемъ рѣки Волги, находится еще на высотѣ 60 саж. надъ с.-петербургскою станцію. Изъ Твери желѣзная дорога направляется по

весьма пересѣченной мѣстности къ г. Клину, далѣе, у станціи Подсолнечной, она пересѣкаетъ бывшій Московскій-каналъ, поднимается на 562 верстѣ (по новой нумераціи на 567-ой верстѣ, въ 8-ми верстахъ не доходя до Крюковской станціи) на $101\frac{3}{4}$ саж. надъ с.-петербургскою станціею и, приближаясь къ Москвѣ, прорѣзываетъ Марьину-рощу, послѣ чего, пройдя вблизи Краснаго пруда, оканчивается въ Москвѣ на Полевомъ дворѣ, у Сокольничьяго шоссе, на высотѣ $67\frac{1}{2}$ саж. надъ с.-петербургской станціею, площадка которой возвышается на $4\frac{1}{2}$ саж. надъ уровнемъ моря.

По направленію отъ С.-Петербурга къ Москвѣ, за исключеніемъ упомянутаго выше веребинскаго подъема, уклоны дороги нигдѣ не превосходятъ 0,005, а въ обратномъ направленіи, т.-е. въ сторону господствующаго движенія грузовъ, предѣльные уклоны не превышаютъ 0,0025. Наименьшій радіусъ закругленій въ поворотахъ дороги— $1\frac{1}{2}$ версты, кромѣ веребинской обходной линіи, гдѣ допущены радіусы въ 1 версту.

С.-Петербургско-московская желѣзная дорога устроена была сразу на два пути, шириною 5 футовъ, и съ двойными, а мѣстами и тройными откосами. Разстояніе между путями, т.-е. ширина междопутья, составляла при постройкѣ, на перегонахъ между станціями, всего 6 футовъ, тогда какъ на всѣхъ позднѣйшихъ дорогахъ ширина эта принята въ 7 футовъ. Впослѣдствіи, съ 1890 по 1894 г., ширина междопутья была и на с.-петербурго-московской желѣзной дорогѣ увеличена до 7 футовъ, за исключеніемъ мостовъ, съ ѣздою по низу фермъ, чрезъ рѣки Волховъ, Тверцу и Тьмаку, гдѣ въ этому уширенію представляются особыя конструктивныя затрудненія. Уширеніе междопутья обошлось на с.-петербурго-московской желѣзной дорогѣ до 400.000 рублей.

Ширина земляного полотна—въ выемкахъ 32 фута (4,57 саж.), а въ насыпяхъ—31 футъ (4,43 саж.), т.-е. нѣсколько меньшая принятой для полотна о двухъ путяхъ на дорогахъ позднѣйшей постройки.

Стремленіе вести дорогу по возможно прямому направленію и съ возможно слабыми уклонами, а также и мѣстныя препятствія, въ видѣ болотъ, глубокихъ долинъ и горъ, вызвали весьма крупныя земляныя работы, общій объемъ коихъ составлялъ около 5 милліоновъ куб. саженой (на версту протяженія около $8\frac{1}{4}$ тысячъ куб. саженой). Насколько затруднительны мѣстныя условія къ проведенію желѣзной дороги, можно видѣть изъ того, что на

веревьянской обходной линіи поперстное количество земляныхъ работъ превышаетъ $14\frac{1}{2}$ тысячъ куб. сажень.

Къ веснѣ 1843 г. изысканія желѣзной дороги были настолько закончены, что общее направленіе дороги, нанесенное на карту, можно было представить на утвержденіе государя, что и было исполнено 14-го апрѣля 1843 года. На мѣстѣ линія желѣзной дороги была обозначена вѣхами и маяками. При проложеніи желѣзной дороги чрезъ лѣса, она обозначалась правильными просѣками, двух-саженной ширины. „Далекіе просвѣты этихъ просѣкъ сквозь темные лѣса,—говоритъ Штукенбергъ,—казались слѣдомъ новой идеи, которая пробивала себѣ путь отъ новой русской столицы къ старой, пробивая его, несмотря на всѣ преграды, или ловко ихъ обходя“.

Въ іюлѣ 1843 г. проложенная на мѣстѣ с.-петербурго-московская желѣзная дорога была осмотрѣна графомъ Клейнмихелемъ въ четырехъ мѣстахъ: у Вышняго-Волочка, у Твери, у Подсолнечной горы и въ Москвѣ. Результаты этого осмотра вошли во всеподданнѣйшее донесеніе графа, отъ 30 іюля 1843 г. Изъ этого донесенія видно, что у Вышняго-Волочка и Твери сдѣланы были, съ разрѣшенія графа, нѣкоторыя перемѣны въ направленіи утвержденной линіи. У перваго изъ этихъ пунктовъ, дорога пересѣкала глубокое болото и вдавалась въ черту города; ее отодвинули на 100 саж. отъ этой черты. Мѣсто для тверской станціи выбрано обширное и ровное, не затопляемое весенними водами; для сообщенія съ городомъ предположено было шоссе, длиною 3 версты, съ мостомъ чрезъ р. Тьмаку. Рѣку Волгу желѣзная дорога пересѣкаетъ въ 2-хъ верстахъ выше города, на Желтиковскомъ полѣ, гдѣ, по свойству грунта, представлялась возможность устроить мостъ безъ свайнаго основанія. Къ устройству высокой насыпи на разливѣ Волги, во времени посѣщенія дороги графомъ Клейнмихелемъ, уже было приступлено на лѣвомъ берегу этой рѣки.

У Подсолнечной линія желѣзной дороги приближается къ шоссе, слѣдуя параллельно ему около 4-хъ верстъ. Здѣсь дорога пересѣкаетъ Московскій соединительный каналъ, чрезъ который назначенъ былъ мостъ отверстіемъ 10 сажень.

Осмотрѣвъ мѣсто, предположенное для станціи въ Москвѣ у Полевого двора, графъ Клейнмихель нашелъ это мѣсто вполне удачнымъ, такъ какъ оно ровное и обширное, и дорога въ этомъ мѣстѣ не разобщитъ городскихъ частей.

Изъ этого всеподданнѣйшаго донесенія видно, что къ работамъ по устройству желѣзной дороги приступлено было еще въ

1843 г., но работы эти производились въ томъ году лишь въ самыхъ ограниченныхъ размѣрахъ, а весь рабочій періодъ 1843 г. былъ посвященъ дополнительнымъ изысканіямъ, составленію проектовъ и заключенію контрактовъ съ подрядчиками.

Въ 1843 г. составъ служащихъ на с.-петербурго-московской желѣзной дороги значительно усилился назначеніемъ на эту дорогу капитановъ: Алексѣевского (19 марта) и Мейнгарда (28 апр.), поручиковъ: Семичева, Шландера, Миклуха, Вельцина и фонъ-дербъ-Палена (25 февраля); поручика Верига 3 (18 мая) и вновь выпущенныхъ изъ института (6 мая) поручиковъ: Поземьевскаго, Полежаева, Шишкова 2, барона Черкасова, Маднева 2, фонъ-Шильдера 2, Ангеля, Клокоцкаго, Поплавскаго, Довгирда, Трубникова, Леонова, Воробьева 1, Руммеля, Верховскаго, Петрова, Павша и Ветлицкаго. Кромѣ того, въ сентябрѣ 1842 г. на ту же дорогу былъ назначенъ поручикъ Смоликовскій.

21-го іюня 1843 г., командированы были на с.-петербурго-московскую желѣзную дорогу 24 подпоручика института для практическихъ занятій съемками, нивелировками, составленіемъ поперечныхъ профилей, вычисленіемъ объемовъ насыпей и выемокъ, составленіемъ проектовъ, а также и присмотромъ за работами, гдѣ онѣ производились. Въ числѣ этихъ подпоручиковъ были два брата Панаевы: Валеріанъ Александровичъ и Ипполитъ Александровичъ, которые оба были командированы въ сѣверную дирекцію въ распоряженіе начальника участка Семичева, для производства дополнительныхъ изысканій между Окуловкою и Бологое. Вал. Алекс. Панаевъ весьма живо описалъ („Русская Старина“ 1863 г., кн. 12-ая), въ числѣ своихъ воспоминаній, свое прибытіе, вмѣстѣ съ братомъ, въ дер. Кузнецово, въ 40 верстахъ отъ Валдая, и свое тамъ пребываніе во время практическихъ своихъ занятій. Между прочимъ, авторъ воспоминаній рассказываетъ довольно много о своей встрѣчѣ съ находившимся въ Кузнецовѣ, для занятій по изслѣдованію грунтовъ на линіи желѣзной дороги, братомъ извѣстнаго артиста В. В. Самойлова—Сергѣемъ Васильевичемъ, горнымъ инженеромъ.

Окончивъ практическія занятія, подпоручики возвратились въ институтъ для продолженія курса ¹⁾.

Чтобы быть въ центрѣ работъ, начальники дирекцій поселились: П. П. Мельниковъ—въ с. Чудовѣ, а Н. О. Крафтъ—въ

¹⁾ Весьма жаль, что интересныя воспоминанія В. А. Панаева, печатавшіяся въ „Русской Старинѣ“ 1863 года, прервались на 1843 году, но такъ какъ ихъ продолженіе имѣется у автора въ рукописи, то слѣдуетъ надѣяться, что эти воспоминанія будутъ изданы въ непродолжительномъ времени.

Твери. Вотъ какую характеристику даетъ Штуценбергъ этимъ двумъ главнымъ дѣателямъ по сооруженію с.-петербурго-московской желѣзной дороги.

Оба они были весьма ученые и способные инженеры, но по характеру представляли двѣ противоположности. Отправившись въ командировку въ Америку пріятелями, они вернулись оттуда антагонистами, что отчасти отражалось на ихъ сотрудникахъ въ обѣихъ дирекціяхъ, между которыми было мало единства въ дѣйствіяхъ.

Павель Петровичъ Мельниковъ былъ вполнѣ свѣтскій человѣкъ, любитель общества и увлекательный говорунъ. Николай Осиповичъ Крафтъ, наоборотъ, дичился общества, былъ молчаливъ и очень застѣнчивъ, говорилъ вообще мало, но когда одушевлялся, то говорилъ съ жаромъ. Лицомъ онъ былъ нѣсколько похожъ на Наполеона I, что его очень занимало. Оба они, и Мельниковъ, и Крафтъ, были неженаты. Мельниковъ жилъ въ Чудовѣ очень просто, на холостую ногу. Крафтъ жилъ въ Твери весьма уединенно, чудакомъ, и, кромѣ своихъ подчиненныхъ, ни съ кѣмъ не знался; мѣстное общество, послѣ нѣсколькихъ попытокъ сближенія съ нимъ, оставило его въ покоѣ. И Крафтъ, и Мельниковъ, были очень начитаны и говорили бойко на иностранныхъ языкахъ: Мельниковъ—по-французски и по-англійски, а Крафтъ, сверхъ того, и по-нѣмецки.

Со всѣми своими подчиненными Мельниковъ былъ очень привѣтливъ, сближался съ молодежью, и часто отдавалъ приказанія младшимъ служащимъ, помимо старшихъ, что ставило этихъ послѣднихъ иногда въ затрудненіе. Крафтъ былъ мнительнаго характера, обходился съ подчиненными всегда вѣжливо, но сухо, приказанія свои отдавалъ черезъ начальниковъ участковъ, при чемъ старался объясняться съ инженерами, вслѣдствіе своей застѣнчивости, по-одиночѣ. За каждаго изъ своихъ подчиненныхъ Крафтъ всегда стоялъ горюю.

Несмотря на разность характеровъ, оба начальника дирекцій, будучи людьми умными и свѣдущими и одинаково стремясь къ достиженію пользы и успѣха въ порученномъ имъ дѣлѣ, умѣли въ этомъ дѣлѣ воодушевлять своихъ сотрудниковъ, и хотя работы въ сѣверной дирекціи и отставали нѣсколько въ своемъ ходѣ отъ работъ, производившихся въ южной дирекціи, но отсталость эта объясняется какъ болѣе трудными въ сѣверной дирекціи мѣстными для постройки дороги условіями, такъ, въ особенности, большею отдаленностью въ этой дирекціи линіи желѣзной

дороги отъ московскаго шоссе, что затрудняло подвозъ матеріаловъ и вообще сообщенія съ работами.

Прибавимъ къ характеристикѣ Крафта и Мельникова, что оба они окончили первыми курсъ наукъ въ институтѣ корпуса путей сообщенія, и ихъ имена записаны въ конференцъ-залѣ института на мраморныхъ доскахъ: Крафта—въ 1820 г., и Мельникова—въ 1825 году.

Каждая изъ дирекцій была раздѣлена на шесть участковъ, при чемъ начальниками участковъ въ 1844 г. были: въ сѣверной дирекціи—*О. В. Геттунгъ, Н. Ив. Липинъ, баронъ П. И. фонъ-деръ-Паленъ, Ал. Андр. Шландеръ, Ив. Ос. Алексѣевскій и В. Ст. Семичевъ*, а въ южной дирекціи—*Вл. Ан. Даненштернъ, Вал. Ив. Кирхнеръ, Сев. Андр. Смоликовскій, П. Ад. Мейнгартъ, Ан. Ив. Штукенбергъ и Ал. М. Гофмейстеръ*.

Участки были раздѣлены на дистанціи, съ начальниками и ихъ помощниками во главѣ.

У каждаго изъ начальниковъ дирекцій было по помощнику; а именно, у Мельникова помощникомъ былъ *Л. Ив. Гергардтъ* и у Крафта—*Ил. Н. Загоскинъ* (братъ извѣстнаго писателя).

6-го апрѣля 1844 г. образовано было при с.-петербургско-московской желѣзной дорогѣ особое жандармское полицейское управленіе для надзора, какъ сказано въ приказѣ по вѣдомству путей сообщ. и публ. зд., за № 120, „чтобы рабочіе были хорошо и удобно размѣщены и хорошо довольствовались бы свѣжею и сытною пищею въ достаточномъ количествѣ, и чтобы больные призрѣвались“. Начальникомъ этого управленія былъ назначенъ, состоявшій при главноуправляющемъ пут. сообщ. и п. зд., генералъ-маіоръ князь *Бѣлосельскій-Бѣлозерскій*. Въ его распоряженіе даны были 2 штабъ-офицера, 6 оберъ-офицеровъ, 10 унтеръ-офицеровъ и 72 рядовыхъ. Управленію было, между прочимъ, поставлено въ обязанность: „не вводить никакой особой переписки, но личнымъ, бдительнымъ, повсемѣстнымъ надзоромъ предупреждать всѣ неурядки и направлять все соотвѣтственно цѣли учрежденія“.

Пока, такимъ образомъ, на линіи желѣзной дороги дѣлались всѣ подготовленія къ открытію въ 1844 году работъ по всѣмъ участкамъ дороги, графъ *Клейнмихель* заботился въ С.-Петербургѣ о своевременномъ снабженіи дороги рѣльсами и ихъ принадлежностями и подвижнымъ составомъ. Попытки графа убѣдить нашихъ заводчиковъ приспособить свои заводы къ выдѣлкѣ рѣльсовъ не привели къ благопріятнымъ результатамъ: дѣло это было слишкомъ новое для нихъ, чтобы можно было заводамъ нашимъ

обязаться поставкою значительнаго количества этихъ издѣлій (до 5 милл. пудовъ) въ относительно короткіе сроки. Пришлось заказывать рельсы въ Англіи. Рельсы были желѣзные, длиною 18 футовъ и вѣсомъ 22 фунта въ погон. футъ. Для связи рельсовыхъ стыковъ отлиты были чугуныя подушки, вѣсомъ 27 фунтовъ каждая, привинченныя къ стыковымъ поперечинамъ болтами. При относительно незначительномъ давленіи колесъ подвижнаго состава на рельсы, заботились болѣе объ устойчивости рельсовъ, чѣмъ объ ихъ сопротивленіи вертикальному изгибу; поэтому рельсы прокатаны были очень низкіе, высотой всего $3\frac{1}{2}$ дюйма, съ широкою подошвою въ 4 дюйма.

Что касается до подвижнаго состава, то были приняты мѣры къ водворенію этого производства на одномъ изъ казенныхъ механическихъ заводовъ. Съ этою цѣлью, по рекомендаціи совѣщательнаго инженера Уистлера, вызваны были изъ Америки два механика, Гаррисонъ и Уайненсъ, съ которыми и былъ заключенъ контрактъ на 6 лѣтъ, на изготовленіе на казенномъ Александровскомъ механическомъ заводѣ подвижнаго состава для строившейся с.-петербурго-московской желѣзной дороги.

Исторія этого завода слѣдующая: послѣ наводненія 1824 г., отъ котораго пострадалъ, находившійся вблизи Екатерингофа, казенный чугунолитейный заводъ, основанъ былъ на р. Невѣ, около шлиссельбургской городской заставы, Александровскій чугунолитейный заводъ. Въ этотъ заводъ, числившійся въ горномъ вѣдомствѣ, были перенесены съ екатерингофскаго завода всѣ машины и станки и переведены мастеровые, рабочіе и вся заводская администрація, при чемъ заводъ работалъ на новомъ мѣстѣ около 20 лѣтъ.

1-го апрѣля 1844 года, заводъ былъ переданъ министерствомъ финансовъ въ вѣдомство путей сообщенія и затѣмъ поступилъ на 6 лѣтъ въ распоряженіе контрагентовъ Гаррисона и Уайненса, обязавшихся, по контракту: „изготовить въ немъ локомотивы и вагоны для с.-петербурго-московской желѣзной дороги, снабдить его всѣми необходимыми для этого дѣла машинами и инструментами, научить механическому дѣлопроизводству мастеровыхъ завода, образовать изъ нихъ машинистовъ, приготовить кондукторовъ и, вообще, привести заводъ въ соотвѣтственное его предназначенію устройство“.

Для содержанія при заводѣ карауловъ и для сохраненія на заводѣ надлежащаго порядка, къ заводу приписана была въ 1844 году военнорабочая полурота, находившаяся въ распоряженіи полиціймейстера завода.

Положеніе обо этомъ заводѣ, получившемъ наименованіе „Александровскаго главнаго механическаго завода с.-петербургско-московской желѣзной дороги“, было утверждено государемъ 23-го марта 1844 года.

IV.

Стремясь къ усиленію техническаго состава с.-петербургско-московской желѣзной дороги, графъ Клейнмихель назначилъ 20-го іюня 1844 г. на работы этой дороги не только почти весь выпускъ этого года поручиковъ, но еще и 12 подпоручиковъ офицерскаго класса института, не окончившихъ еще курса. Такимъ образомъ были назначены: поручики—Вержбовскій, Панаевъ 1-й, Панаевъ 2-й, Хржановскій, Садовскій 2-й, Казначеевъ, Тесьминъ, Лебедевъ 5-й, Кусakovъ, Рехневскій, Косманъ и Оттъ 2-й, и подпоручики—Корибутъ-Дашкевичъ, Микульскій, Зацвилюховскій, Губинъ, Шварцъ 2-й, Ромейковъ, Поливановъ, Оттъ 1-й, Кузневъ 2-й, Валицкій, Броневичъ и Савицкій 2-й. Всего назначено было 24 офицера.

Земляныя работы отданы были съ подряда: въ сѣверной дирекціи камергеру барону Ю. Ф. Корфу, а въ южной—валдайскому купцу Шарвину, съ тремя его компаньонами—Кузьминымъ, Ионниковымъ и Пенюковымъ. Рабочіе, по словамъ Штукенберга, были, болѣею частію, витебскіе (рѣжницкіе) и смоленскіе (кухновскіе), имѣющіе большой въ этихъ работахъ навыкъ. Рабочіе жили въ шалапахъ и землянкахъ, а больные помѣщались въ избахъ, гдѣ были устроены лазареты. Лѣто 1844 года было очень дождливое, для работъ неблагопріятное. Отъ графа Клейнмихеля безпрестанно и внезапно наѣзжали адъютанты, для собранія на мѣстѣ свѣдѣній: какъ идутъ работы и что дѣлаютъ инженеры?

Самъ графъ, осмотрѣвши часть московскаго шоссе и водныя системы, выпшневолоцкую и московскую (нынѣ упраздненную), въ половинѣ сентября, выѣхалъ у начала южной дирекціи къ работамъ желѣзной дороги и прослѣдовалъ по нимъ въ экипажѣ около 300 верстъ. Вотъ что доносилъ государю главноуправляющій, 21-го сентября 1844 г., изъ Москвы о произведенномъ имъ осмотрѣ желѣзной дороги:

„Выборъ мѣстности подъ дорогу весьма удаченъ: направленіе ея удобно и правильно. По данному наряду, въ нынѣшнемъ году, должно было произвести земляныхъ работъ (въ южной

дирекціи) до 1 милліона куб. сажень, произведено же по сіе время всего до 600.000 куб. сажень, но все, что сдѣлано, исполнено правильно, отлично, и всѣ работы, безъ хвастовства, можно назвать величественными. Есть насыпи въ 9 саж. высоты и такія же выемки, и, ежели Богъ дастъ все покончить, какъ предполагено, то, конечно, Ваше Императорское Величество, при видимости, изволите порадоваться этому сооруженію. Въ нынѣшнемъ году все производство работъ обращено на самыя труднѣйшія мѣста, такъ что для послѣдующихъ годовъ останутся работы легчайшія. Я приказалъ подрядчику, валдайскому 1-й гильдіи купцу Шарвину, усилить число рабочихъ, и надѣюсь, что въ нарядѣ нынѣшняго года не будетъ большой недоимки. Впрочемъ, работы будутъ продолжаемы и зимою, по рельсамъ, на лошадяхъ.

„Къ устройству мостовъ, по линіи южной дирекціи, распоряженіе сдѣлано. Замѣчательнѣйшіе изъ нихъ суть: на Тверцѣ, Волгѣ и Шошѣ. На Тверцѣ начато сооруженіе устоевъ и продолжается забивка свай подъ каменные быки; она кончится въ теченіе зимы; гранить весь заготовленъ, и съ весны будетъ приступлено къ сооруженію устоевъ и начнутъ возводить быкъ. На Волгѣ возведенъ уже каменный быкъ, а другой сдѣлается въ теченіе будущаго года; устройство устоевъ также начато. Здѣсь я не совсѣмъ былъ доволенъ чистотою въ лицевой отдѣлкѣ гранита; это будетъ исправлено. На устройство моста чрезъ Шошу уже подвозятся матеріалы, и я заключилъ здѣсь контракты на постройку и всѣхъ остальныхъ мостовъ и трубъ до Клина. Такимъ образомъ, всѣ земляныя и мостовыя работы по южной дирекціи къ назначенному Вашимъ Императорскимъ Величествомъ сроку—обезпечены“.

„Обозрѣвъ работы южной дирекціи, я видѣлъ и всѣ мѣста, избранныя по линіи для возведенія станцій желѣзной дороги; всѣ они вполне соотвѣтствуютъ своему назначенію“.

„Я не могу довольно похвалить начальника южной дирекціи полковника Крафта. Распоряженія его благоразумны, а въ знаніи своего дѣла, усердіи и трудахъ, онъ примѣрно замѣчателенъ. Я также видѣлъ на самыхъ работахъ и всѣхъ инженеровъ, въ вѣдѣніи его находящихся; ихъ всего 36, и всѣ они отчетливо исполняютъ свою обязанность и трудятся съ видимою охотою.“

„Считая необходимымъ и полезнымъ для навыка открыть путь желѣзной дороги по частямъ, я поручилъ полковнику Крафту представить соображеніе къ такому началу съ 1846 г., частию отъ Москвы, а также между Тверью и Вышнимъ-Волочкомъ.“

Онъ находитъ это, по ходу работъ, возможнымъ. Донося Вашему Императорскому Величеству о работахъ, я долженъ упомянуть здѣсь и о полицейскомъ управленіи желѣзной дороги: оно много содѣйствуетъ къ успѣху работъ. Рабочіе въ совершенномъ порядкѣ, размѣщены хорошо, ѣдятъ сытно и получаютъ отъ подрядчика плату исправно. За всѣмъ этимъ наблюдаютъ составляющіе полицейское управленіе въ южной дирекціи: генералъ-маіоръ князь Бѣлосельскій-Бѣлозерскій, состоящій при мнѣ подполковникъ Шевичъ, корпуса жандармовъ полковникъ Виландъ, маіоръ Дурново, 6 оберъ-офицеровъ и 102 человѣкъ нижнихъ чиновъ. Всѣ они совершенно поняли свою обязанность и исполняютъ ее радушно и добросовѣстно.

„Въ Москвѣ строится зданіе пассажирской станціи; успѣхомъ можно быть довольнымъ. Зданіе это въ нынѣшнемъ же году будетъ подъ крышею, съ желѣзными стропилами и желѣзными балками“.

Донесеніе это было разсмотрѣно государемъ 24-го сентября 1844 г., при чемъ императоръ Николай I, противъ того мѣста донесенія, гдѣ графъ Клейнмихель отзывался одобрительно о дѣятельности инженеровъ, сдѣлалъ надпись: „всѣмъ благоволеніе въ приказѣ“.

О результатахъ своего осмотра работъ южной дирекціи графъ Клейнмихель сдѣлалъ также извѣстнымъ изъ Москвы и по вѣдомству путей сообщенія, въ приказѣ отъ 24-го сентября (№ 293), причемъ приказъ составляетъ почти дословное повтореніе его донесенія государю, не исключая и отзыва о примѣрной замѣчательности подполковника Крафта. По поводу московской пассажирской станціи въ приказѣ прибавлено лишь: „отъ архитектора Никитина требую лучшей и тщательнѣйшей кладки кирпича“.

Высочайшее благоволеніе полковнику Крафту, его помощнику и всѣмъ подвѣдомственнымъ ему 34 инженерамъ, въ томъ числѣ и строителю большихъ мостовъ, поручику Антонову, объявлено было въ приказѣ отъ 30-го сентября 1844 г. (№ 296).

На обратномъ пути изъ Москвы графъ Клейнмихель осмотрѣлъ также и работы въ сѣверной дирекціи и о результатахъ этого осмотра донесъ государю 16-го октября 1844 г. слѣдующее:

„Земляныхъ работъ надлежало произвести въ сѣверной дирекціи по 1-е октября—752.821 куб. саж., а произведено всего 272.175 куб. саж. Неисполненіе назначенныхъ работъ произошло отъ неисправности подрядчика, дѣйствительнаго статскаго совѣтника камергера барона Корфа, который, вмѣсто того, чтобы имѣть на работахъ 20.211 человѣкъ, имѣетъ ихъ только 10.556.

Барону Корфу оказаны были всевозможныя пособія и льготы къ исправному совершенію предпринятаго имъ подряда, но всѣ мѣры остались безуспѣшными: онъ вовлекся въ повсемѣстныя долги и оказался подрядчикомъ несостоятельнымъ до такой степени, что я долженъ былъ принять уплату и продовольствіе рабочихъ въ распоряженіе казны. Къ 1-му ноября рабочіе будутъ распущены, и теперь дѣлается уже наемка на зимнія работы, какъ наиболѣе необходимыя въ 5-мъ и 6-мъ участкахъ, гдѣ конная подвозка съ пользою произведена быть можетъ. Къ отысканію желающихъ на всю окончательную работу съ 1845 г. мѣры также приняты.

„Къ сооруженію главныхъ мостовъ чрезъ Обводный каналъ и чрезъ рѣки Волховъ, Мсту и Веребью—приступлено: начата забивка свай, и, въ теченіе зимы, она должна быть окончена такъ, чтобы съ весны 1845 г. можно было начать каменныя работы. Устройство 50-ти малыхъ мостовъ и трубъ также начато.

„Давши отчетъ о количествѣ работъ, обязываюсь всеподданнѣйше донести, что все то, что сдѣлано, исполнено, во всѣхъ отношеніяхъ, отлично и правильно, и усердіе, въ семъ отношеніи, начальника дирекціи полковника Мельникова и всѣхъ инженеровъ ему подчиненныхъ, въ полной мѣрѣ, примѣрно. Посему осмѣливаюсь просить Ваше Императорское Величество дозволить —и всѣмъ имъ, по примѣру южной дирекціи, объявить монаршее благоволеніе“.

Это донесеніе было лично доложено графомъ въ Гатчинѣ 16-го октября государю, и такъ какъ на объявленіе благоволенія инженерамъ сѣверной дирекціи послѣдовало согласіе государя, то благоволеніе это Мельникову, его помощнику и 39-ти подвѣдомственнымъ инженерамъ было объявлено въ приказѣ по вѣдомству пут. сообщ. того же 16 октября. Въ числѣ инженеровъ поименованы были и строители большихъ мостовъ въ сѣверной дирекціи: волховского — Граве 1, мстинскаго — Крутиковъ, и верейбинскаго — Журавскій.

Но еще за два дня до изданія этого приказа, именно 14-го октября, графъ Клейнмихель сообщилъ по вѣдомству пут. сообщ., въ приказѣ, о результатахъ произведеннаго имъ осмотра работъ въ сѣверной дирекціи. Вотъ что сказано въ этомъ приказѣ:

„Возвращаясь изъ Москвы, я направилъ путь мой къ работамъ сѣверной дирекціи С.-Петербурго-Московской желѣзной дороги. Въ искусственномъ отношеніи все отлично, все благоразумно придумано; во всемъ видно знаніе дѣла инженеровъ, ра-

ботами завѣдующихъ. Усердіе ихъ отъ знанія не отстаётъ: они сдѣлали все то, что данными средствами исполнить было можно, но подрядчикъ земляныхъ работъ неисправенъ; онъ имѣетъ на работахъ съ небольшимъ 10 тысячъ человѣкъ и, въ числѣ ихъ, много малолѣтковъ, тогда какъ долженъ былъ выставить болѣе 20-ти тысячъ человѣкъ, и отъ сего 1 октября сдѣлано земляныхъ работъ не 725.000, а только 272.000 кубич. саж. Съ подрядчикомъ будетъ поступлено по закону.

„Искренно благодарю начальника дирекціи, инженеръ-полковника Мельникова, за всѣ его распоряженія, за всю его неутомимую въ трудахъ дѣятельность. Благодарю также и всѣхъ его подчиненныхъ“. (Въ приказѣ лица эти поименованы).

„Полковнику Мельникову стараться непременно усилить работы текущаго года и распорядить производство оныхъ въ теченіе нынѣшней зимы тамъ, гдѣ это возможно, причемъ обратить особенное вниманіе на мостовыя работы и наблюсти, чтобы подрядчики не потеряли зимняго времени, для сихъ сооруженій удобнаго. Полковнику Мельникову, сообразно данному уже лично приказанію, представить соображенія объ открытіи желѣзной дороги въ 1846 году между С.-Петербургомъ и Соснинскою пристанью.

„Инженеръ-полковнику Фролову, въ особенности, благодаренъ за его труды и попеченіе о заготовленіи для рабочихъ продовольствія и расплату съ ними, по бездѣйствію здѣсь подрядчика.

„Полицейское управленіе желѣзной дороги и въ сей дирекціи, какъ и въ южной, исполняетъ свое дѣло отлично и соотвѣтственно цѣли его учрежденія“. (Далѣе, въ приказѣ, слѣдуетъ изъясненіе благодарности чинамъ этого управленія.)

Вообще, изъ донесеній и приказовъ графа Клейнмихеля видно, что на него произвела очень хорошее впечатлѣніе дѣятельность чиновъ полицейскаго управленія желѣзной дороги, по отношенію къ заботамъ этихъ чиновъ о рабочихъ. Онъ не только лично благодарилъ ихъ въ приказѣ, но 16 октября объявилъ имъ благоволеніе государя, а нижнимъ чинамъ этого управленія приказалъ выдать по два рубля награды на каждого, и въ тотъ же день испросилъ согласіе государя на оставленіе полицейскаго управленія при с.-петербурго-московской желѣзной дорогѣ на все время производства работъ до совершеннаго ихъ окончанія.

Весною 1845 г. главноуправляющій п. сообщ. и п. зд. снова посѣтилъ мѣстами работы с.-петербурго-московской желѣзной дороги и 21-го мая донесъ государю изъ Москвы, что работы начаты на всемъ протяженіи дороги отъ С.-Петербурга до

Москвы: „Рабочихъ находится уже 35.000 человѣкъ. Число ихъ ежедневно увеличивается. Люди, изъ неурожайныхъ губерній приходящіе, вообще истощены; продовольствіе рабочихъ обезпечено, и я надѣюсь, что они, хорошею пищею, здѣсь поправятся. Больныхъ нынѣ состоитъ 82 человѣка; умерло съ 27 апрѣля (времени открытія лѣтнихъ работъ)—16 человѣкъ. Въ надзорѣ за порядкомъ и въ медицинскомъ пособіи недостатка нѣтъ“.

Съ устраненіемъ въ сѣверной дирекціи неисправнаго подрядчика земляныхъ работъ, работы эти производились осенью 1844 г. и весною 1845 г. непосредственнымъ распоряженіемъ мѣстныхъ инженеровъ, а затѣмъ переданы были тѣмъ самымъ подрядчикамъ, которые работали въ южной дирекціи.

Кромѣ вагонной возки по рельсамъ, никакихъ иныхъ механическихъ приспособленій при земляныхъ работахъ не употреблялось. Исключеніе составляла лишь большая кузнецовская выемка между станціями Березайкою и валдайскою, гдѣ работали четыре паровыхъ американскихъ землекопа.

Еще въ бытность свою въ Америкѣ, Мельниковъ имѣлъ случай ознакомиться на желѣзной дорогѣ между Спрингфилдомъ и Стонбриджемъ съ работою этихъ землекоповъ, изобрѣтенныхъ американцемъ Отиссомъ и названныхъ имъ экскаваторами. Приборы эти были описаны Мельниковымъ въ его отчетѣ объ его командировкѣ въ Америку.

Не входя въ подробности устройства этихъ землекоповъ, упомянемъ лишь, что при каждомъ землекопѣ находился черпакъ, въ видѣ ложки, вынимавшей изъ грунта сразу $\frac{3}{4}$ куб. сажени земли, вѣсомъ до 250 пудовъ. Въ сутки землекопъ вынималъ, смотря по твердости грунта, отъ 30 до 60 куб. саж. земли. Работа въ выемкѣ производилась ярусами, т.-е. слоями, толщиною отъ $1\frac{1}{2}$ до 2 саженей.

Паровые землекопы съ успѣхомъ работали въ теченіе трехъ рабочихъ періодовъ 1845—1847 годовъ, послѣ чего они были проданы и увезены на уральскіе рудники.

Грунты на желѣзной дорогѣ были большею частью глинистые и песчаноглинистые; только близъ Петербурга встрѣтился у р. Ижоры—плитнякъ. По словамъ Штукенберга, у р. Любени найдено было въ лѣсу нѣсколько древнихъ колодцевъ большого селенія, обдѣланныхъ досками, а около Осѣченки вырытъ былъ изъ земли молодой дубъ, даже съ жолудями на вѣтвяхъ, тогда какъ въ настоящее время дубовыхъ лѣсовъ въ этой мѣстности вовсе нѣтъ.

Предпринявъ въ концѣ іюля 1845 г. обширное путешествіе,

черезъ Шлиссельбургъ, для осмотра при-ладожскихъ каналовъ и всѣхъ трехъ невско-волжскихъ водяныхъ системъ, графъ Клейнмихель останавливался на пути, для осмотра въ С.-Петербургѣ желѣзнодорожнаго моста, черезъ Обводный каналъ, и Александровскаго главнаго механическаго завода. Вотъ что доносили графъ государю 28-го іюля, изъ Вытегры, объ этомъ осмотрѣ:

„Мостъ черезъ Обводный каналъ въ С.-Петербургѣ, на пересѣченіи съ С.-Петербурго-Московскою желѣзною дорогою,—американскій, на каменныхъ береговыхъ устояхъ и быкахъ въ три отверстія: среднее въ 15 саж. надъ каналомъ и два крайнихъ, въ $3\frac{1}{2}$ саж. каждое,—надъ дорогами“.

„Береговые устои и быки уже выведены. Лѣса для постановки фермъ устроены, самыя же фермы сдѣланы и собираются на особенной платформѣ. Всѣ части моста приготовлены; остается только установить ихъ. Въ нынѣшнемъ году мостъ будетъ совершенно готовъ.“

„Гранитныя работы исполнены съ замѣчательною точностью и чистотою въ отдѣлкѣ; фермы моста сдѣланы изъ отличнаго сосноваго лѣса, прочно и весьма тщательно.“

„Въ Александровскомъ главномъ механическомъ заведеніи желѣзной дороги работы производятся съ совершеннымъ успѣхомъ; отдѣлка локомотивовъ и тендеровъ отлично хороша и даже изящна. Вагонныя телѣжки приготовляются съ успѣхомъ. Я разрѣшилъ на мѣстѣ сдѣлать на заводѣ нѣкоторые временныя устройства, для хода работъ необходимыхъ“.

„Здѣсь, на протяженіи $2\frac{1}{2}$ верстъ, устроивается вѣтвь желѣзной дороги для соединенія съ главнымъ путемъ. Дорога эта будетъ кончена къ сентябрю мѣсяцу и въ то же время начнется испытаніе нашихъ локомотивовъ“. Донесеніе это государь разсматривалъ въ Петергофѣ 1 августа 1845 г.

О тѣхъ же результатахъ осмотра и въ тѣхъ же выраженіяхъ было объявлено графомъ Клейнмихелемъ 9-го сентября того же года въ приказѣ по вѣдомству съ изъясненіемъ благодарности Мельникову и двумъ офицерамъ—производителямъ работъ моста черезъ Обводный каналъ. Относительно построекъ на Александровскомъ заводѣ въ приказѣ добавлено: „запрещаю всякія тутъ постройки безъ моего вѣдома“.

Изъ позднѣйшихъ приказовъ графа Клейнмихели видно, что на обратномъ пути изъ Москвы онъ заѣзжалъ на линію сѣверной дирекціи с.-петербурго-московской желѣзной дороги, и 16-го ноября былъ въ дер. Обрѣзное, но ни государю не пред-

ставлялъ донесенія объ этомъ осмотрѣ, ни въ приказѣ объ этомъ не объявлялъ.

Въ день тезоименитства государя, 6-го декабря, многіе изъ инженеровъ, находившихся на с.-петербурго-московской желѣзной дорогѣ, получили почетныя награды, въ томъ числѣ 21 офицеръ были произведены въ слѣдующіе чины.

Въ 1846 году изъ выпускныхъ были назначены къ работамъ с.-петербурго-московской желѣзной дороги всего 4 поручика: Павловскій 2-ой, Шмидтъ 2-ой, Лексъ и Шейманъ (приказъ отъ 9 іюля), но на практическія занятія при этой дорогѣ командированы были, изъ числа обучавшихся въ институтѣ подпоручиковъ, — 16 офицеровъ.

Въ этомъ же году, приказомъ отъ 8-го мая, было преобразовано полицейское управленіе желѣзной дороги: оно обращено было во временной жандармскій эскадронъ, заключавшій 11 оберъ-офицеровъ, 18 унтеръ-офицеровъ и 145 рядовыхъ и раздѣленный на 4 взвода, съ штабъ-офицеромъ во главѣ каждого. Начальникомъ полицейскаго управленія остался генералъ-маіоръ князь Бѣлосельскій-Бѣлозерскій, но, по случаю болѣзни, князь вскорѣ оставилъ эту должность, и завѣдываніе полицейскимъ управленіемъ было возложено, съ 15 іюля 1846 года, на полковника Шевича.

28 іюля 1846 г., графомъ Клейнмихелемъ изданъ былъ слѣдующій приказъ по вѣдомству пут. сооб. и публ. зданій:

„Съ окончаніемъ устройства желѣзной дороги отъ С.-Петербургской пассажирской станціи до Александровскаго механическаго заведенія, на протяженіи 7 верстъ, начать нынѣ же опытное движеніе по этому пути, подъ непосредственнымъ наблюденіемъ и распоряженіемъ инженеръ-маіора Уистлера.

„Начальникомъ сего пути назначаю инженеръ-капитана Клокова, которому и принять оный въ свое вѣдѣніе во всѣхъ частяхъ и, по исполненіи, мнѣ донести. Помощникомъ къ капитану Клокову назначаю инженеръ-капитана Миклуху.

„Начальнику сѣверной дирекціи инженеръ-полковнику Мельникову озаботиться скорымъ окончаніемъ сей дороги до Колпина и сдать оную также инженеръ-капитану Клокову, и тогда опытное движеніе производить по двумъ вѣтвямъ, какъ до Александровскаго механическаго заведенія, такъ и до Колпина.

„Всѣмъ распоряженіямъ, дѣйствіямъ и замѣчаніямъ вести ежедневно самый подробный журналъ и точную копію сего журнала маіору Уистлеру представлять мнѣ еженедѣльно“.

Велика была радость инженеровъ, — говоритъ Штукенбергъ, —

когда начали укладывать рельсовый путь, и, въ особенности, когда по рельсовому пути открылось паровое движеніе.

Поперечины подъ рельсами укладывались въ разстояніи 3 футовъ одна отъ другой на слоѣ гравія или хряща, называемомъ нижнимъ балластомъ. Толщина этого слоя составляла: въ насыпяхъ 1 футъ, а въ выемкахъ—2 фута. Для защиты нижняго балластнаго слоя отъ раздуванія вѣтромъ и размыва дождевою водою и для устраненія пыли, столь вредно вліяющей на подвижной составъ, нижній балластъ прикрытъ слоємъ, толщиною 7 дюймовъ, гранитнаго щебня, составляющій верхній балластъ пути. Стыки рельсовъ первоначально были расположены на шпалахъ, а не между шпалами, какъ теперь.

Въ ноябрѣ 1846 г., главноуправляющій пут. сооб. и пуб. зд. снова посѣтилъ с.-петербурго-московскую желѣзную дорогу, на обратномъ своемъ пути съ юга Россіи, но ни въ приказахъ его повѣдомству пут. сооб., ни во всеподданнѣйшихъ его донесеніяхъ не имѣется слѣдовъ этого посѣщенія.

Укладка пути до Колпина, несмотря на настоятельныя требованія графа Клейнмихеля, не могла быть окончена къ назначенному имъ сроку, а потому въ мартѣ 1847 г. пришлось ограничиться представленіемъ государю лишь части опытнаго пути—отъ С.-Петербурга до Александровскаго механическаго завода.

Какъ видно изъ высочайшаго приказа, отъ 4 марта 1847 г., государь совершилъ проѣздъ по этой части опытнаго пути 4 марта и нашелъ „дорогу въ желаемомъ устройствѣ, а заводъ, въ искусственномъ отношеніи, совершенно преобразованнымъ, приспособленнымъ къ цѣли его назначенія и поставляющимъ въ настоящемъ дѣлѣ въ полную независимость отъ всякихъ, по сему предмету, заграничныхъ пособій, самыя же издѣлія, на заводѣ приготовленныя, и въ томъ числѣ 108 готовыхъ локомотивовъ, въ отличномъ и примѣрномъ видѣ.

„Отнеся таковой успѣхъ и пользу къ попечительности и распоряженіямъ графа Клейнмихеля“, государь изъявилъ ему совершенную свою признательность, а за найденный порядокъ и устройство объявилъ монаршее благоволеніе: Мельникову, Фишеру (директору департамента желѣзныхъ дорогъ), Уистлеру, Липину, Геттунгу, Клокову, Полежаеву, Ангелю и полиціймейстеру завода Миллеру.

Оба начальника дирекцій, Мельниковъ и Крафтъ, произведены были въ тотъ же день въ генераль-маіоры, а американецъ Уистлеръ и капитанъ Клоковъ были награждены орденами.

До Колпина опытный путь былъ открытъ лишь 7 мая 1847 г.,

при чемъ началась на протяженіи $23\frac{1}{2}$ верстъ и перевозка пассажировъ, а, въ исключительныхъ случаяхъ, также и грузовъ. Къ 8 мая слѣдующаго, 1848 года перевезено было по опытному пути сѣверной дирекціи до 80.000 пассажировъ и около 53.000 пудовъ грузовъ и выручено около $24\frac{1}{2}$ тысячъ рублей валового дохода.

Открытие этого рельсоваго пути, какъ начало междустолчнаго парового сообщенія, — говоритъ Штуценбергъ, — произвело сильное впечатлѣніе на публику. Даже и строители-инженеры посѣщали проѣхать по этому пути, чтобы ознакомиться съ подробностями паровознаго движенія.

Укладка пути въ сѣверной дирекціи продолжалась впередъ съ сѣвернаго конца, по мѣрѣ окончанія земляныхъ работъ и мостовъ. Въ южной дирекціи рельсы также начали укладывать въ 1847 г., начиная отъ Вышняго-Волочка къ Твери.

6 декабря 1847 г. многіе инженеры с.-петербурго-московской желѣзной дороги получили почетныя награды, въ томъ числѣ 17 изъ нихъ получили слѣдующіе чины.

23 декабря того же года помощникъ начальника сѣверной дирекціи, полковникъ Гергардъ, получилъ командировку для производства изысканій желѣзной дороги отъ Эльтонскаго солянаго озера къ Волгѣ. Его замѣнилъ подполковникъ Липинъ, а вмѣсто Липина начальникомъ участка былъ назначенъ Керсновскій.

Въ 1848 г. работы на желѣзной дорогѣ производились въ соотвѣтствіи съ кредитами, которые на нихъ ассигновывались.

Въ маѣ мѣсяцѣ этого года графомъ Клейнмихелемъ объявлены были въ приказѣ (№ 92) приведенные выше результаты эксплуатаціи опытнаго пути между С.-Петербургомъ и Колпинымъ съ 7 мая 1847 г. по 8 мая 1848 г., при чемъ имъ было указано, что 8, 9 и 10 мая 1848 г. проѣхало до Колпина и обратно (по случаю престольнаго праздника) до $12\frac{1}{2}$ тысячъ пассажировъ.

„Удостоверившись лично въ совершенномъ порядкѣ, съ которымъ въ послѣдніе три дня производилось движеніе по колпинскому участку желѣзной дороги, при всей значительности народнаго стеченія, — сказано въ приказѣ, — я объявляю мою совершенную благодарность начальнику участка инженеръ-капитану Клокову, распоряженіемъ и попеченіемъ вполне оправдавшему сдѣланное ему довѣріе. Благодарю также помощника его инженеръ-капитана Миклуху и состоящихъ при поѣздахъ инженеръ-поручиковъ Поплавскаго и Жолобова, но въ особенности г. Миклуху“.

Укладка рельсовъ между Вышнимъ-Волочкомъ и Тверью, на протяженіи 112 верстъ, была окончена въ 1848 году. Четыре паровоза были доставлены для этого пути въ Вышній-Волочокъ, въ разобранномъ видѣ, водою, кружнымъ путемъ, чрезъ Рыбинскъ. Вмѣстѣ съ паровозомъ прибыло и нѣсколько товарныхъ вагоновъ и платформъ.

Пока подвижной составъ собирался на вышневолоцкой станціи, подъ наблюденіемъ механика Томсона, инженеры перемѣщались по рельсовому пути на дрезинахъ (механическихъ тележкахъ) и на небольшихъ рабочихъ вагончикахъ, къ которымъ были припряжены лошади. По словамъ Штукенберга, во время вѣтра, лошадь замѣнялась парусомъ или даже большимъ зонтикомъ, при чемъ вагончикъ слѣдовалъ иногда со скоростью 20 верстъ въ часъ.

Лѣтомъ 1849 года графъ Клейнмихель предпринялъ большое путешествіе по Россіи для осмотра путей сообщенія. С.-петербурго-московскую желѣзную дорогу онъ осматривалъ въ іюлѣ мѣсяцѣ, и вотъ что онъ доносилъ объ этой дорогѣ государю 6 августа:

„По размѣру назначенной на сей годъ, на С.-Петербургско-Московскую желѣзную дорогу, суммы, работы не могли быть повсемѣстны, а потому я наиболѣе сосредоточилъ ихъ въ тѣ мѣста, которыя, по успѣху произведенныхъ доселѣ работъ, представляли болѣе возможности къ ихъ окончанію, для открытія самаго движенія.

„Въ сихъ видахъ всѣ средства усилены на двухъ участкахъ: отъ С.-Петербурга до Соснинской пристани, что на Волховѣ—117 верстъ, и отъ Твери до Вышняго-Волочка—112 верстъ.

„Отъ Твери до Вышняго-Волочка всѣ земляныя работы окончены, мосты построены, балластный слой разсыпанъ и рельсы въ одинъ путь совершенно уложены; на другомъ пути окончательно укладываются. Я проѣхалъ здѣсь все пространство на ручной тележкѣ, дѣлая по 20 верстъ въ часъ. На этомъ участкѣ началась уже и пробная ѣзда на локомотивѣ.

„Отъ Соснинской пристани до С.-Петербурга дорога, по всей линіи, также окончена; рельсы положены въ оба пути, за исключеніемъ нѣкоторыхъ промежутковъ второго пути. Я ѣхалъ здѣсь посредствомъ локомотива, дѣлая по 44 версты въ часъ.

„Вообще, въ обоихъ участкахъ работа произведена отлично и, во всѣхъ отношеніяхъ, можетъ служить примѣромъ искусства. Оба участка будутъ совершенно готовы къ 1 октября сего года, а къ тому времени можетъ быть открыта и ѣзда для публики.

„На прочихъ участкахъ земляныя работы почти вездѣ кончены; остается додѣлать незначительную часть выемокъ и насыпей, всего до 600.000 куб. саж. Балластный слой и верхнее строеніе приготовляются, а рельсы по линіи дороги развозятся. Мосты и трубы вездѣ строятся; каменные работы большею частію уже кончены, остается собрать и установить деревянные части.

„Станціонныя зданія также сооружаются; работа производится хорошо, и многія изъ нихъ по количеству суммы, которую возможно было отдѣлить, будутъ кончены къ нынѣшнему году вчернѣ“.

Далѣе во всеподданнѣйшемъ донесеніи слѣдуютъ нѣкоторыя подробности о составѣ станцій различныхъ классовъ.

На донесеніи этомъ, рассмотрѣнномъ государемъ въ Варшавѣ 15 августа, сдѣлана имъ надпись: „Читаль съ удовольствіемъ“.

То же донесеніе, въ формѣ всеподданнѣйшей записки, было представлено графомъ Клейнмихелемъ и наслѣднику цесаревичу, возвратившему его съ слѣдующею надписью: „Благодарю и радуюсь успѣшному ходу работъ. Варшава, 21 августа 1849 г.“.

Осмотръ графомъ Клейнмихелемъ въ 1849 г. желѣзнодорожныхъ работъ южной дирекціи описанъ подробно Штукенбергомъ. По его словамъ, графъ, еще до прибытія на участокъ, которымъ завѣдывалъ Штукенбергъ, былъ сильно взбѣшенъ ошибкою инженера Кирхнера, построившаго на клинскій станціи II класса пассажирское зданіе I класса, которое на 18 сажень длиннѣе пассажирскаго зданія II класса. Ошибка произошла потому, что Кирхнеръ не получилъ своевременно указаній о классахъ станцій, окончательно утвержденныхъ лишь въ концѣ 1850 года. Несчастный Кирхнеръ въ тотъ же день, т.-е. 25 іюля, приказомъ за № 151, изданнымъ на ст. Бологое, былъ удаленъ отъ своей должности, съ назначеніемъ его въ Саратовъ, въ губернскую строительную и дорожную комиссію; участокъ же Кирхнера былъ раздѣленъ на двѣ части, съ присоединеніемъ каждой изъ нихъ къ соотвѣтствующему смежному участку.

По опытному пути отъ Твери до Волочка графъ проѣхалъ на дрезинѣ съ верхомъ, подобнымъ верху крытыхъ экипажей.

Въ Спировѣ, гдѣ постройка станціи находилась въ вѣдѣніи Штукенберга, Клейнмихель былъ очень недоволенъ кладкою стѣнъ, произведенною изъ кирпича мѣстной выдѣлки, весьма прочнаго, но недостаточно красиваго по отдѣлкѣ. Кромѣ того, и швы были сдѣланы въ кладкѣ, для большей прочности зданія, довольно широкіе, тогда какъ графъ любилъ, чтобы швы были тонкіе, какъ

ниточка. Окинувъ зданіе взоромъ, Клейнмихель разсердился, воскликнувъ: „Что это за кладка! все сломать и построить на счетъ виновнаго“. Впослѣдствіи, однакоже, графъ смиловался и разрѣшилъ зданія не ломать.

На станціи Бологое былъ еще новый поводъ къ неудовольствію графа: въ пассажирскомъ зданіи I класса, длиною 54 сажени, въ сводчатыхъ залахъ были сняты преждевременно кружалы, чтобы къ прїѣзду графа открыть своды; но такъ какъ растворъ не успѣлъ окрѣпнуть, то своды обрушились, едва не задавивъ строителя, инженера Ив. Ф. Кенига, извѣстнаго впослѣдствіи директора московско-нижегородской и николаевской желѣзныхъ дорогъ. Клейнмихель отнесся къ этому случаю довольно милостиво и лишь слегка пожурилъ Кенига.

Кромѣ маніи тонкихъ швовъ въ каменной кладкѣ, изъ-за которой графъ Клейнмихель, по словамъ Штукенберга, разошелся съ извѣстнымъ архитекторомъ Тономъ, отказавшимся наотрѣзъ строить съ такими швами стѣны петербургскаго вокзала, у Клейнмихеля былъ еще другой конекъ: это — требованіе, чтобы поверхности мостовыхъ облицовокъ были обтесываемы начисто. Несмотря на совершенную бесполезность этой чистой тѣски, которая нужна лишь для вида, а не для прочности сооруженія, несмотря на то, что Мельниковъ еще въ 1842 году, въ своемъ отчетѣ о командировкѣ въ Америку, рекомендовалъ нашимъ инженерамъ придерживаться практики американскихъ инженеровъ, которые ограничиваются обтескою лицевой поверхности камней лишь по четыремъ ребрамъ каждаго камня, въ видѣ узкихъ полосъ, а остальную часть лицевой грани сбиваютъ на-грубо, — графъ Клейнмихель настойчиво требовалъ чистой тѣски поверхности облицовокъ, стоившей казнѣ не мало лишнихъ денегъ.

Въ іюнѣ 1849 г., открыто было паровозное движеніе въ сѣверной дирекціи, отъ Колпина до Чудова, на протяженіи 86 верстъ, а въ началѣ августа того же года началось правильное паровозное движеніе и по опытному пути южной дирекціи между Вышнимъ-Волочкомъ и Тверью. Начальникомъ этого опытнаго пути былъ назначенъ, приказомъ отъ 11 августа, переведенный съ опытнаго пути сѣверной дирекціи инженеръ Миклуха, замѣненный 6 октября 1850 г. капитаномъ Шернвалемъ (впослѣдствіи баронъ, начальникъ управленія желѣзныхъ дорогъ и главный инспекторъ желѣзныхъ дорогъ).

Вотъ какъ описываетъ Штукенбергъ открытіе паровознаго движенія по опытному пути южной дирекціи.

„При первомъ проѣздѣ на парахъ по рельсамъ изъ Вышняго-

Волочка въ Тверь, на Вышневолоцкой станціи собралось много народа. Многіе изъ зрителей просили позволенія прокатиться по чугункѣ; для нихъ была прицѣплена платформа, и она мигомъ наполнилась любопытными. Инженеры помѣстились частію на другой платформѣ, частію на паровозѣ и тендерѣ. Поѣздъ былъ очень короткій. Наконецъ, паровозъ просвисталъ сигналы, открыли регуляторъ, и поѣздъ полетѣлъ, шипя и стуча. Народу представилось невиданное дотоѣ зрѣлище; впечатлѣніе было невыразимо сильное. Мы летѣли все быстрѣе и быстрѣе, увѣренные, что рельсы лежатъ на мѣстѣ твердо и ровно, и что мосты благонадежны.

„Случайные спутники изъ простого народа объясняли движеніе поѣзда тѣмъ, что бѣсовскую силу зачурали въ котлѣ, такъ что ей нѣтъ выхода, и она поневолѣ работаетъ. На пути и на станціяхъ, и въ особенности около селеній стояли, по сторонамъ дороги, толпы зѣвакъ. У деревни Терелѣсовой три старыхъ бабы, махая руками, неистово кричали и кривлялись въ какой-то дикой пляскѣ, желая напугать и прогнать бѣса изъ ихъ родимыхъ мѣстъ. Собаки, близъ деревень, забѣгали на путь впереди поѣзда, облаивая его, какъ лошадей; нѣкоторые изъ нихъ попадали подъ колеса, другія же отбрасывались въ сторону метельниками паровоза.

„На каждой станціи поѣздъ останавливался для набора дровъ и воды. Съ замираніемъ сердца проѣхали мосты чрезъ Тверцу и Волгу, которымъ еще не было сдѣлано формальнаго испытанія нагрузкою, и, наконецъ, прибыли въ Тверь“...

Въ концѣ октября 1849 г., наслѣдникъ цесаревичъ прослѣдовалъ по с.-петербурго-московской желѣзной дорогѣ отъ Чудова до С.-Петербурга, на протяженіи 110 верстъ. Въ виду засвидѣтельствованія цесаревича, что путь на этомъ протяженіи „устроенъ отлично и вполнѣ соотвѣтственно своему назначенію во всѣхъ частяхъ, и что сооружаемыя на этомъ пути станціонныя зданія, при всей огромности своей, отдѣляются изящно и могутъ служить примѣромъ искусства“, государь, 30 октября того же года, объявилъ въ высочайшемъ приказѣ искреннюю свою признательность и благодарность графу Клейнмихелю „за всѣ полезныя труды его“ и особое монаршее благоволеніе Мельникову, Липину, архитектору Железевичу, двумъ начальникамъ участковъ и восьми производителямъ работъ.

Кромѣ того, по засвидѣтельствованію наслѣдника цесаревича, государь объявилъ также монаршее благоволеніе начальнику опытнаго пути, инженеру генераль-маіору Романову, и его помощ-

нику, инженеру подполковнику Еракову, за совершенно удовлетворительный порядокъ въ движеніи по желѣзному пути отъ Чудова до С.-Петербурга, совершенному цесаревичемъ въ теченіе всего двухъ часовъ времени.

Между тѣмъ, графъ Клейнмихель, совершивши свою обширную поѣздку по части Россіи и осмотрѣвши въ концѣ іюля мѣсяца с.-петербурго-московскую желѣзную дорогу, не доѣзжая до Петербурга, свернулъ на нарвскій трактъ и 31 іюля прибылъ въ Ревель. Здѣсь онъ пользовался три недѣли морскими купаньями и 22 августа снова пустился въ путь по западной и центральной Россіи, намѣреваясь на обратномъ пути вновь осмотрѣть с.-петербурго-московскую желѣзную дорогу, при чемъ предполагалъ совершить во время своего путешествія до 5.000 верстъ. Объ этихъ предположеніяхъ своихъ онъ донесъ государю изъ Ревеля 20 августа. Государь написалъ на его докладѣ, въ Варшавѣ, 25 августа: „Дай Богъ тебѣ силъ и здоровья“.

Дѣйствительно, надо было обладать сильнымъ здоровьемъ, чтобы совершать такіе продолжительные объѣзды по дорогамъ, далеко еще не благоустроеннымъ, такъ какъ, по маршруту графа, ему приходилось ѣздить не только по шоссе, но и по грунтовымъ трактамъ.

По словамъ Штукенберга, графъ Клейнмихель пріѣхалъ (20 октября) въ Кольцову (въ 9-ти верстахъ, не доѣзжая Твери, со стороны Москвы), гдѣ начинался опытный путь, совершенно больной. Исхудалый и раздражительный, онъ снова былъ недоволенъ спировскою станціею.

Въ половинѣ іюня 1850 года, главноуправляющій пут. сооб. и публ. зд. предпринялъ опять поѣздку по Россіи для осмотра ввѣренныхъ ему частей, продолжавшуюся до 17 октября. На этотъ разъ онъ началъ свой осмотръ съ с.-петербурго-московской желѣзной дороги, посвятивши ему 5 сутокъ, и вотъ что онъ доносилъ объ этомъ осмотрѣ, изъ Москвы, государю, 26 іюня:

„Я проѣхалъ отъ С.-Петербурга до Волхова 120 верстъ—локомотивою, отъ Волхова до Мсты 59 верстъ—на ручной тележкѣ, отъ Мсты до Вышняго-Волочка 156 верстъ—въ легкомъ экипажѣ по полотну дороги, отъ Вышняго-Волочка до селенія Кольцова, за Тверью, 120 верстъ—локомотивою, и отъ Кольцова до Москвы 148 верстъ—по полотну въ экипажѣ.“

„Рабочихъ на линіи до 30 тысячъ человѣкъ. Число это будетъ еще увеличено.“

„Работы производятся вездѣ съ успѣхомъ; все, что сдѣлано,

исполнено во всѣхъ отношеніяхъ отлично и съ совершеннымъ знаніемъ дѣла.

„Земляныхъ работъ произведено до 4.200.000 куб. саж.; остается произвести еще до 500.000 куб. саж. Всѣ эти работы должны быть окончены въ 1850 г., а на 1851 г. останется лишь одна чистая отдѣлка откосовъ и досыпка осадокъ.

„Балластный слой насыпанъ, верхнее строеніе сдѣлано, и рельсы уложены на протяженіи 327 верстъ. Въ 1850 году будетъ уложено еще 148 верстъ; останется на 1851 г. уложить 128 верстъ. Кромѣ того, остается еще уложить нѣкоторые станціонные пути и стрѣлки“.

Далѣе, въ донесеніи сообщаются свѣдѣнія объ успѣхѣ работъ по сооруженію 8 большихъ мостовъ: „изъ нихъ мосты чрезъ Тверцу и Волгу совершенно окончены, и прочность свою на опытѣ доказали; мостъ чрезъ Волховъ будетъ готовъ къ сентябрю 1850 г., мосты чрезъ Мсту, Веребью, Цну и Шошу будутъ готовы къ зимѣ 1850—51 гг., и, наконецъ, мостъ чрезъ Сходню будетъ оконченъ лишь къ сентябрю 1851 года.

„Изъ 171 среднихъ и малыхъ мостовъ—77 готовы, а остальные будутъ готовы къ зимѣ 1850—51 гг.

„Каменныхъ трубъ 57, изъ нихъ 20 готовы, 22 будутъ готовы къ зимѣ 1850—51 гг., и 15 въ 1851 году.

„Переѣздовъ чрезъ желѣзную дорогу устроено 28; остается еще устроить 114. Всѣ они будутъ готовы въ 1850 году.

„Всѣ мостовыя работы и трубы замѣчательны отдѣлкою и прочностью.

„Для помѣщенія дорожной стражи предположено построить 750 сторожевыхъ домовъ; въ это число уже построено 80 будокъ; остальные будутъ построены частию въ 1850, а частию въ 1851 годахъ.

„На линіи желѣзной дороги сооружаются 34 каменные станціи“.

Далѣе, въ донесеніи указывается составъ станцій и представляются свѣдѣнія объ успѣхѣ ихъ постройки. Общее заключеніе объ этихъ постройкахъ слѣдующее:

„Всѣ вообще станціонныя зданія будутъ въ нынѣшнемъ году кончены вчернѣ, а въ 1851 г. будетъ, по возможности, сдѣлана и чистая ихъ отдѣлка. Къ этому же времени будетъ готова и вся мебель для пассажирскихъ станцій I и II классовъ потребная и уже заказанная по утвержденнымъ образцамъ.

„Всѣ работы по станціямъ, въ полномъ смыслѣ слова, произведены отлично и во всѣхъ отношеніяхъ отчетливо. Остается

украсить мѣстность около станцій деревьями и садовыми растеніями. Планировка уже началась, осенью будетъ произведена посадка, а въ 1851 году все отдѣлается окончательно.

„Деревянные пассажирскіе дома частію уже устроены и частію устрояются; всѣ они будутъ окончательно отдѣланы въ 1851 году.

„Для сообщенія съ желѣзною дорогою устроиваются особые шоссированные пути: отъ Тосны, отъ Померанья, отъ Чудова, отъ Вышняго-Волочка, отъ Твери и отъ Клина. Пути эти уже въ работѣ и будутъ окончены въ 1851 году.

„При такомъ положеніи работъ, желѣзная дорога, съ помощію Божіею, можетъ быть въ 1851 году совершенно окончена, исключая развѣ незначительныхъ додѣлокъ. Еще въ нынѣшнемъ году можетъ быть открытъ проѣздъ отъ селенія Кольцова до Клина; затѣмъ отъ Вышняго-Волочка до Клина будетъ непрерывный желѣзный путь на протяженіи 170 верстъ. Въ нынѣшнемъ же году можетъ быть открытъ проѣздъ и отъ рѣки Волхова до рѣки Мсты, но это не принесетъ пользы, по неудобству сообщенія съ московскимъ шоссе, которое находится въ 50-ти верстахъ отъ дороги“.

На донесеніи этомъ, 30-го іюня, государь сдѣлалъ, въ Петергофѣ, слѣдующую надпись: „Прекрасно и душевно благодарю“

Такое же донесеніе, въ видѣ всеподданнѣйшей записки, было представлено графомъ Клейнмихелемъ изъ Москвы, 24-го іюня 1850 г., наслѣднику цесаревичу, который, прочтя записку въ Петергофѣ 30-го того же іюня, написалъ на ней: „Читалъ съ большимъ удовольствіемъ. Дай Богъ съ такимъ же успѣхомъ окончить это важное дѣло“.

Штукенбергъ также упоминаетъ объ этомъ проѣздѣ графа Клейнмихеля и съ удовольствіемъ вспоминаетъ, что на этотъ разъ грозный графъ былъ вполне удовлетворенъ спировскимъ пассажирскимъ зданіемъ. Стѣны этого зданія были тонко оштукатурены, съ правильно прочерченными швами, между которыми поверхность стѣны была окрашена подъ кирпичъ. Клейнмихель, осмотрѣвъ это зданіе, привѣтливо сказалъ Крафту: „Николай Осиповичъ, прекрасно, отлично; всѣхъ строителей слѣдовало бы прислать сюда поучиться; пусть такъ вездѣ отдѣлываются станціонныя зданія“. Затѣмъ, обратившись къ начальнику опытнаго пути, графъ прибавилъ: „Посмотрите, въ какомъ отличномъ видѣ вамъ все сдается“!

Изъ приказа главноуправляющаго, за № 167, видно, что въ сентябрѣ 1850 г. (7 и 8 сентября) государь прослѣдовалъ по

желѣзной дорогѣ отъ С.-Петербурга до Чудова и отъ Вышняго-Волочка до деревни Кольцово. Послѣ этого царскаго проѣзда, обоимъ начальникамъ дирекцій, и Мельникову, и Крафту, пожалованы были государемъ ордена (станиславскія ленты). Вѣроятно, къ этому царскому проѣзду относится описаніе Штукенберга, ошибочно имъ отнесенное къ 1849 г. Государь прибылъ на станцію Вышній-Волочокъ изъ города въ коляскѣ, вмѣстѣ съ графомъ А. Ѳ. Орловымъ. Пока экипажъ императора устанавливался на платформу въ приготовленномъ для государя поѣздѣ, государь стоялъ на станціонной платформѣ, разспрашивая Крафта о работахъ. По прибытіи поѣзда въ Кольцово, гдѣ была устроена временная платформа, государь, выйдя изъ вагона, благодарилъ Крафта и всѣхъ находившихся на лицо инженеровъ и снова разспрашивалъ о работахъ. Между тѣмъ коляску сняли съ поѣзда, впрягли въ нее лошадей, и государь поѣхалъ далѣе въ Москву по шоссе.

Въ день тезоименитства государя, 6-го декабря, и къ празднику Рождества Христова, 21-го декабря, почти всѣ инженеры, находившіеся на работахъ с.-петербурго-московской желѣзной дороги, получили награды, между прочими и Штукенбергъ былъ произведенъ въ подполковники. Повышеніемъ въ чинъ награждены были 33 офицера; прочіе получили ордена.

21-го декабря 1850 г., утверждено было распредѣленіе станцій с.-петербурго-московской жел. дороги по классамъ. Всѣхъ станцій назначено было 34 и, сверхъ того, 3 приѣмныхъ пассажирскихъ дома.

Станцій I класса назначено было 5: С.-Петербургъ, Малая-Вишера, Бологое, Тверь и Москва; станцій II класса—4: Любань, Окуловка, Спирово и Клинь; станцій III класса—9: Саблино, Чудово, Веребья, Торбино, Валдай, Вышній-Волочокъ, Осташково, Завидово и Крюково; и наконецъ, станцій IV класса—16: Колпино, Ушаки, Бабино, Гряды, Бурга, Боровенка, Угловка, Березайка, Зарѣчье, Осѣченка, Калашниково, Кулицкая, Кузьминка, Рѣшетниково, Подсолнечная и Химки. Приѣмные пассажирскіе дома: въ Тоснѣ, Помераньѣ и на Волховской пристани.

Станціи I и II классовъ размѣщены такимъ образомъ, чтобы раздѣлить все разстояніе между С.-Петербургомъ и Москвою на 8 перегоновъ, длиною отъ 73¹/₂ до 84 верстъ. Послѣ пробѣга каждаго изъ этихъ перегоновъ смѣняется паровозъ съ его бригадою. Въ виду довольно продолжительной остановки поѣзда на этихъ станціяхъ, на каждой изъ нихъ устроенъ буфетъ для пассажировъ, при чемъ каждое изъ пассажирскихъ зданій, имѣющее

6 сажень ширины, устроено здѣсь между раздвинутыми двумя главными путями дороги, островомъ. На всѣхъ этихъ станціяхъ пассажирскія зданія каменныя, съ широкими крытыми платформами, при чемъ на станціяхъ I класса пассажирское зданіе имѣетъ 54 саж. длины, а на станціяхъ II класса—36 саж. Въ каждомъ изъ зданій находились императорскія комнаты (нынѣ упраздненныя). Для паровозовъ устроены каменные круглыя зданія, внѣшнимъ діаметромъ 30 саж., съ поворотнымъ кругомъ по срединѣ. Зданія эти, одинаковыя какъ на станціяхъ I, такъ и II классовъ, вмѣщаютъ по 18 паровозовъ. Впослѣдствіи, въ семидесятыхъ годахъ, съ увеличеніемъ длины паровозовъ, пришлось паровозныя стойла еще удлиннить на 10 футовъ, увеличивъ діаметръ зданій на 20 футовъ. Центральная часть зданій покрыта громаднымъ куполомъ, діаметромъ 15 саж., съ фонаремъ вверху. При каждомъ паровозномъ зданіи построены каменные мастерскія: большаго размѣра на станціяхъ I класса и меньшаго на станціяхъ II класса. На конечныхъ станціяхъ, с.-петербургской и московской, каменные пассажирскія зданія имѣютъ въ планѣ форму буквы П, съ внутренними крытыми путевыми дворами и съ императорскими покоями.

На 8 станціяхъ III и IV классовъ устроены были по два деревянныхъ пассажирскихъ зданія, съ внѣшней стороны крайнихъ путей; на 12 станціяхъ тѣхъ же классовъ по одному деревянному пассажирскому зданію, и на 5 станціяхъ вовсе не было построено пассажирскихъ зданій. На каждой станціи устроены были по двѣ пассажирскихъ платформы высокаго типа, т.-е. съ поверхностью, доходящею до пола вагоновъ.

Вода для снабженія паровозовъ на станціяхъ I и II классовъ накачивалась въ резервуары, помѣщенные на чугунныхъ колоннахъ въ мастерскихъ при круглыхъ паровозныхъ зданіяхъ. На станціяхъ III класса всѣ четыре резервуара помѣщались въ отдѣльномъ каменномъ двухъ-этажномъ водоемномъ зданіи, длиною и шириною по 5 сажень, нижній этажъ котораго служилъ для помѣщенія запаснаго (резервнаго) паровоза. На станціяхъ IV класса резервуары были размѣщены въ двухъ отдѣльныхъ каменныхъ двухъ-этажныхъ зданіяхъ, длиною 5 саж. и шириною 3 саж., расположенныхъ въ концахъ соответствующихъ пассажирскихъ платформъ у самаго пути. Для налива воды въ паровозные тендера устроены были при водоемныхъ зданіяхъ станцій IV и III классовъ выдвижныя приспособленія, въ видѣ горизонтальной трубы, выдвигавшейся по роликамъ.

Жилые дома для станціонныхъ служащихъ были деревянные, большею частью двухъ-этажные.

Вода проводилась въ станціямъ чугунными трубами изъ ближайшаго озера, рѣки или рѣчки, на берегу которыхъ строилась каменная одноэтажная водокачка, шириною и длиною по 5 саж., съ паровымъ насосомъ. Въ этой же водокачкѣ помѣщался и машинистъ. Если рѣчка не была достаточно обильна водою, то ее запружали плотиною, для накопленія воды на зиму или на время засухи.

При всѣхъ вообще станціяхъ, кромѣ конечныхъ, въ особенности же при станціяхъ I и II классовъ, разводились сады и устраивались фонтаны. Дѣло это было поручено извѣстному въ то время петербургскому садовнику Альварту, и обошлось около 160¹/₂ тысячъ рублей.

Стрѣлки и крестовины были американскаго типа—съ передвижными рельсами, весьма опасные, относительно схода съ рельсовъ подвижнаго состава, въ виду чего ихъ пришлось, въ скоромъ времени по открытіи дороги, замѣнить другими—болѣе совершенными и безопасными.

Вдоль всей линіи желѣзной дороги былъ устроенъ электромагнитный телеграфъ. Первоначально телеграфные провода были уложены въ землѣ, въ видѣ подземнаго кабеля, но это нашли неудобнымъ, по причинѣ затруднительности ремонта подземныхъ проводовъ, и провода сдѣлали воздушные, подвѣсивъ ихъ на столбахъ.

Остается еще сказать о мостахъ и объ окончателной подготовкѣ дороги къ открытію движенія по всему ея протяженію.

Какъ видно изъ приведеннаго выше всеподданнѣйшаго донесенія графа Клейнмихеля, большихъ мостовъ на дорогѣ было 8, а именно: 1) черезъ р. Мсту, длиною 258 саж. и высотой 19 саж.; 2) черезъ р. Веребью, длиною 230 саж., высотой 23 саж.; 3) черезъ р. Волховъ, длиною 152 саж., высотой 5 саж.; 4) черезъ р. Сходню, длиною 114 саж., высотой 15 саж.; 5) черезъ р. Волгу, длиною 90 саж., высотой 7 саж.; 6) черезъ р. Тверцу, длиною 90 саж., высотой 8 саж.; 7) черезъ р. Шошу, длиною 54 саж., высотой 5 саж., и 8) черезъ р. Цну, длиною 44 саж., высотой 5 саженей.

Какъ эти большіе мосты, такъ и нѣкоторые изъ мостовъ средней длины (болѣе 4 саж.), которыхъ было 52, устроены на каменныхъ опорахъ съ деревяннымъ верхнимъ строеніемъ, изъ фермъ американской раскосной системы Гау, рекомендованной Уистлеромъ и хорошо извѣстной Мельникову и Крафту изъ ихъ командировки въ Америку.

Первоначально имѣлось въ виду прямо заимствовать у американскихъ мостовъ подходящія, по величинѣ пролетовъ, образцы, но одинъ изъ молодыхъ инженеровъ, блистательно окончившій въ 1842 г. курсъ въ институтѣ корпуса п. с. (первымъ по выпуску), Дмитрій Ивановичъ Журавскій, производившій въ сѣверной дирекціи с.-петербурго-московской желѣзной дороги изысканія и назначенный затѣмъ строителемъ Веребьянскаго моста, попытался выяснитъ, расчетами и опытами надъ моделями, распредѣленіе усилій въ частяхъ фермъ и, съ успѣхомъ этого достигнувъ, создалъ цѣлую теорію сопротивленія рѣшетчатыхъ фермъ, при чемъ и въ самую конструкцію фермъ ввелъ многія существенныя улучшенія.

Интересна дальнѣйшая судьба этого труда. По окончаніи работъ, Журавскій, собравши всѣ свои расчеты, результаты опытовъ и замѣтки по производству работъ, ходатайствовалъ, чрезъ Мельникова, у графа Клейнмихеля, объ изданіи своего труда на русскомъ и французскомъ языкахъ, но на ходатайство это послѣдовало рѣшеніе графа: „Убратъ къ дѣламъ канцеляріи“. Позднѣе, въ 1855 году, Журавскій опубликовалъ свой трудъ въ „Журналѣ главнаго управленія путей сообщенія и п. зд.“, подъ заглавіемъ: „Результаты изслѣдованія системы Гау, примѣненной къ мостамъ с.-петербурго - московской желѣзной дороги“. Отдѣльное изданіе этого сочиненія, озаглавленное: „О мостахъ раскосной системы Гау“, было удостоено академіею наукъ полной демидовской преміи.

Правильность расчетовъ, при составленіи проектовъ мостовъ системы Гау, тщательное ихъ исполненіе, и, въ особенности, отличное качество рудового соснового лѣса, употребленнаго на эти мосты, имѣли послѣдствіемъ долговѣчное ихъ состояніе: мосты безопасно простояли отъ 25 до 40 лѣтъ, кромѣ моста чрезъ р. Сходню, замѣненнаго каменною трубою въ 1864 году. Въ прочихъ мостахъ къ замѣнѣ деревянныхъ фермъ желѣзными приступлено было лишь въ 1870 г., а послѣдній изъ деревянныхъ мостовъ системы Гау (чрезъ Обводный каналъ) былъ замѣненъ металлическимъ мостомъ въ 1889 году.

Каменные опоры мостовъ были устроены изъ кирпича, но въ мостахъ ближайшихъ къ С.-Петербургу, а также во всѣхъ мостахъ между станціями Бологое и Клиномъ—кирпичная кладка опоръ облицована гранитомъ. Въ виду значительной, въ то время, дороговизны портландскаго цемента, опоры мостовъ были сложены на гидравлической извести.

Мостъ чрезъ р. Мсту, построенный инженеромъ Крутиковымъ,

былъ о девяти пролетахъ въ 28,67 саж. каждый. Быки были каменные только въ нижней ихъ части, верхняя же часть была деревянная, рѣшетчатая, обшита листовымъ желѣзомъ. Въ ночь на 17-е октября 1869 г. мстинскій мостъ сгорѣлъ. Впредь до окончанія постройки новаго моста, рѣшено было его замѣнить временнымъ мостомъ. Проектъ такого деревяннаго моста былъ составленъ подъ руководствомъ и по мысли Дм. Ив. Журавскаго, при чемъ впервые примѣнена была къ деревянному сооруженію весьма смѣлая и остроумная система уравнированныхъ фермъ. Временный мостъ построенъ былъ менѣе, чѣмъ въ 4 мѣсяца и прослужилъ до октября 1880 г., т.-е. до открытія новаго желѣзнаго моста, построеннаго рядомъ съ прежнимъ сгорѣвшимъ мостомъ.

Веребинскій мостъ, построенный Журавскимъ чрезъ оврагъ и рѣчку Веребью, былъ о девяти пролетахъ, длиною 23,28 саж. каждый. Быки были того же типа, какъ и на мстинскомъ мосту. Веребинскій мостъ прослужилъ до 14-го сентября 1881 года, т.-е. до открытія веребинской обходной линіи, оставившей его въ сторонѣ.

Мостъ черезъ рѣку Волховъ построенъ былъ инженеромъ Граве 1-мъ. Онъ состоялъ изъ 5 постоянныхъ пролетовъ, отверстіемъ 24 саж. каждый, съ ѣздою по низу, и шестого пролета, длиною 4,7 саж., въ видѣ деревяннаго подъемнаго моста, устроеннаго для пропуска судовъ съ мачтами. Деревянные постоянные пролеты этого моста были замѣнены въ 1873—1874 гг. желѣзными, а въ 1888 г., взамѣнъ подъемнаго деревяннаго пролета, былъ устроенъ катучій металлическій мостъ.

Мостъ чрезъ р. Сходню, построенный инженеромъ Бениславскимъ, былъ о четырехъ пролетахъ. Деревянные его фермы, ранѣе другихъ деревянныхъ мостовъ, подверглись порчѣ; поэтому въ 1864 г. его замѣнили земляною насыпью 10-ти-саженной высоты съ каменною трубою, отверстіемъ 2,28 сажени.

Мостъ черезъ р. Волгу, построенный инженеромъ Антоновымъ, былъ о трехъ пролетахъ, съ ѣздою по низу. Чистое отверстіе каждого пролета въ свѣту было 28 саж. Въ 1866 г. фермы моста были капитально отремонтированы, а въ 1887 г. онѣ были замѣнены желѣзными.

Мостъ черезъ р. Тверцу, построенный инженеромъ Кольманомъ, былъ, какъ мостъ черезъ р. Волгу, о трехъ пролетахъ, отверстіемъ 28 саж. каждый, съ ѣздою по низу. Деревянные фермы моста замѣнены желѣзными въ 1875 году.

Мостъ черезъ р. Цну, построенный инженеромъ Глазенапомъ,

былъ о двухъ пролетахъ, отверстіемъ 20 саж. каждый, съ ѣздою по низу. Деревянные фермы моста замѣнены желѣзными въ 1877 году.

Мостъ черезъ р. Шошу былъ о двухъ пролетахъ, отверстіемъ, къ свѣту, 25,8 саж., каждый. Онъ былъ замѣненъ желѣзнымъ въ 1873 году.

По мѣрѣ окончанія постройки мостовъ и трубъ, производились досыпка полотна, пополненіе осадковъ въ насыпяхъ, планировка откосовъ полотна и ихъ укрѣпленіе. Рабочихъ собрано было на работахъ масса. Между ними по временамъ возникали беспорядки, какъ видно изъ двухъ всеподданнѣйшихъ донесеній графа Клейнмихеля. Такимъ образомъ, 24-го іюня 1850 г., графъ доносилъ государю изъ Москвы, что: „находившіеся на земляной работѣ, близъ Солнечной горы, 198 человекъ крестьянъ, калужской губерніи, жиздринскаго уѣзда, вѣдомства государственныхъ имуществъ, возмѣтивши мысль, что работа для нихъ тяжела, что контракты заключены несправедливо, и что ихъ труды не будутъ въ достаточной мѣрѣ денежно вознаграждены, оставили 14-го іюня работы и отправились въ Москву для принесенія жалобы гражданскому губернатору на своего волостного голову“.

„Губернаторъ, предупрежденный о семъ завѣдывающимъ работами, выслалъ къ нимъ на встрѣчу, состоявшаго при московскомъ генераль-губернаторѣ, полковника Беринга съ ротою пѣхоты и нѣсколькими казаками и жандармами, а затѣмъ и самъ прибылъ въ с. Всесвятское. По личному призыванію губернатора, рабочіе безъ всякаго сопротивленія возвратились обратно на работы, заявивъ, что они уходили съ работъ только съ тою мыслью, чтобы пожаловаться на своего городского голову, который обманулъ ихъ легкими работами“. Графъ Клейнмихель приказалъ наблюсти: „чтобы работы производились въ силу возможности каждаго рабочаго, и чтобы каждый получилъ своевременно слѣдующую ему плату“.

Другіе, болѣе серьезные между рабочими беспорядки произошли въ іюлѣ того же года. Вотъ что доносилъ объ этомъ графъ Клейнмихель государю, 19-го іюля 1850 г., изъ села Дмитріевскаго, курской губерніи:

„Корпуса жандармовъ полковникъ Тизенгаузенъ (начальникъ полицейскаго управленія желѣзной дороги) доносить, что 5-го іюля, въ 10 ч. утра, рабочіе крестьяне витебской губерніи, полоцкаго уѣзда, въ числѣ 80 человекъ, подъ предлогомъ невыдачи имъ подрядчиками заработанныхъ денегъ, бѣжали съ мѣста работъ. Вслѣдъ за ними былъ посланъ жандармскій офицеръ, поручикъ

Анисимовъ, съ унтеръ-офицеромъ и приказчикомъ подрядчиковъ. Настигнувши рабочихъ въ 15-ти верстахъ, поручикъ Анисимовъ началъ ихъ убѣждать возвратиться къ работамъ, объявивъ имъ, что деньги будутъ тотчасъ выданы имъ, но всѣ рабочіе, вооружившись дубинами, съ криками двинулись далѣе и свернули въ болото. Поручикъ Анисимовъ остановилъ въ лѣсу старосту артели и уговаривалъ его убѣдить рабочихъ возвратиться, но рабочіе закричали на старосту, сбили его съ ногъ и начали жестоко бить. Анисимовъ, видя такое ожесточеніе рабочихъ, хотѣлъ остановить буйство, но въ это самое время одинъ изъ крестьянъ нанесъ ему столь сильный ударъ дубиною, что онъ упалъ безъ чувствъ, и вся артель закричала: побьемъ ихъ всѣхъ. Тогда унтеръ-офицеръ и ямщикъ, привезшіи Анисимова, подняли его съ поспѣшностью и, уложивъ въ тарантасъ, усаkali въ деревню Едрово, гдѣ Анисимову сдѣлано было кровопусканіе.

„Между тѣмъ, одинъ изъ рабочихъ, посланный отъ бѣжавшей артели къ другой, вблизи находившейся, чтобы и ее подговорить къ побѣгу, былъ удержанъ приказчикомъ подрядчиковъ и показалъ, что бѣжавшая артель направляется на г. Осташковъ. О задержаніи бѣжавшихъ сообщено было надлежащимъ властямъ.

„Для отвращенія подобныхъ буйствъ въ будущемъ, начальникъ полицейскаго управленія испрашиваетъ о преданіи рабочаго, посягавшаго на жизнь офицера, военному суду и о наказаніи его на линіи дороги, при собраніи рабочихъ отъ каждой артели“.

Не высказываясь по поводу этого предположенія, Клейнмихель доноситъ государю, что онъ командировалъ на мѣсто начальника своего штаба—генераль-лейтенанта Мясоѣдова, для разслѣдованія происшествія, открытія причины случившагося, опредѣленія виновныхъ и удостовѣренія: получаютъ ли рабочіе слѣдуюмую имъ плату? Еслибы оказалось, что подрядчики дѣйствительно задерживаютъ эту плату, то главноуправляющій распорядился, чтобы, по бывшимъ примѣрамъ, департаментъ желѣзныхъ дорогъ выслалъ немедленно въ распоряженіе начальниковъ дирекцій необходимыя денежныя суммы, для удовлетворенія рабочихъ, за счетъ подрядчиковъ и въ присутствіи сихъ послѣднихъ.

Государь читалъ это донесеніе въ Петергофѣ 24 іюля и исполнивъ одобрилъ распоряженіе графа Клейнмихеля по этому дѣлу, какъ видно изъ слѣдующей собственноручной надписи императора на донесеніи: „Дѣльно; я про дѣло ничего не слыхалъ и ни откуда никакихъ донесеній не получалъ“.

Дальнѣйшая развязка этого эпизода намъ неизвѣстна, но, зная гуманнѣй и справедливѣй образъ дѣйствій генерала Ал. Ив. Мясоедова, мы увѣрены, что и въ настоящемъ случаѣ имъ сдѣлано было все отъ него зависѣвшее для облегченія положенія рабочихъ.

По этому поводу нельзя не вспомнить, что въ 1864 году поэтъ Некрасовъ написалъ на николаевскую желѣзную дорогу извѣстное свое стихотвореніе, озаглавленное: „Желѣзная дорога“.

Можно отнести лишь съ полнымъ сочувствіемъ къ прекрасной мысли поэта засвидѣтельствовать предъ нашими потомками, что желѣзная дорога есть результатъ труда, и притомъ труда—тяжелаго для народныхъ массъ, привлеченныхъ къ работамъ со всѣхъ концовъ Россіи заботами о насущномъ хлѣбѣ:

Многіе, въ страшной борьбѣ,
Къ жизни воззавъ эти лебры безплодныя,
Гробъ обрѣли здѣсь себѣ,—

говорить поэтъ и—прибавляетъ:

Братья! Вы наши труды пожинаете!
Намъ же въ землѣ истлѣвать суждено..
Все ли насъ, бѣдныхъ, добромъ поминаете,
Или забыли давно?..

Некрасовъ, далѣе въ своемъ стихотвореніи, не пожалѣлъ и темныхъ красокъ, такъ что все это грандіозное дѣло является у него какъ бы народнымъ бѣдствіемъ, вынесеннымъ рабочимъ людомъ; онъ, конечно, не пожалѣлъ этихъ красокъ съ тѣмъ, чтобы показать, какъ терпѣли, при этомъ, труженики холодъ и голодъ, какъ ихъ притѣсняли, обчитывали и грабили подрядчики и десятники, какъ ихъ сѣло начальство, какъ ихъ давила нужда и т. п. Но Штукенбергъ, въ своихъ воспоминаніяхъ, не отрицая, что между рабочими на желѣзной дорогѣ господствовали тифъ и лихорадка, въ особенности на возвышенныхъ и открытыхъ мѣстахъ, гдѣ рабочихъ продувало вѣтромъ, удостовѣряетъ однакоже, что, въ отношеніи врачебной помощи, работы, дававшія заработокъ сотнямъ тысячъ людей, были обставлены всѣмъ необходимымъ; что смертность была относительно не такъ значительна, и число жертвъ не превосходило числа при другихъ большихъ земляныхъ работахъ.

В. В. Саловъ.

ТИРАННІЯ ЛЮБВИ

Эскизъ изъ романа: „Haine d'amour“, par Daniel Lesueur.

I.

Невеселымъ размышленіямъ предавался Валентинъ де-Вильнуазъ въ чудное апрѣльское утро. Наемное ландо, традиціонный экипажъ для приглашенныхъ на свадьбу въ кругу достаточной буржуазіи, мчалъ его по Парижу. Валентину было не по себѣ. Непріятно ему было облечься съ утра во фракъ и въ бѣлый галстухъ; тяготила его и его глупѣйшая роль шафера, которую придется исполнять въ теченіе цѣлаго дня. Шаферъ! то-есть—человѣкъ, обреченный парадировать цѣлый день на виду у всѣхъ, расточать и выслушивать всевозможный вздоръ. Всѣ привычки его были нарушены на сегодня: онъ не можетъ ни прокатиться верхомъ по Булонскому-лѣсу, ни пофехтовать, ни поработать въ своемъ кабинетѣ... А между тѣмъ на письменномъ столѣ его огромнаго кабинета, въ его роскошномъ особнякѣ на улицѣ Жанъ Гужонъ, лежитъ раскрытый томъ невозмутимаго философа-фаталиста, Маниліуса, а рядомъ—начатый переводъ. И Валентину вдругъ страстно захотѣлось очутиться передъ этимъ столомъ и этими исписанными листками.

Но самый характеръ этой начатой работы вызвалъ глубокій вздохъ у Вильнуаза. Онъ былъ тонкій знатокъ древней литературы, умѣлъ проникнуться духомъ ея писателей и превосходно ихъ передавать, самостоятельнаго же творчества онъ былъ совершенно лишенъ.

„Вѣчно переводить, и никогда не творить“,—подумалъ онъ съ грустью. Въ эту самую минуту ему бросилась въ глаза на

деревянномъ заборѣ строящагося дома огромная афиша, на ярко-желтомъ фонѣ которой красовалась гигантская красная бутылка. На ярлыкѣ ея было напечатано громадными буквами: „Apéritif Bertet“. А внизу на желтомъ фонѣ надпись: „le meilleur des apéritifs“. Эта безвкусная, рѣзавшая глаза афиша, была всегда полна для него тайнаго смысла. Онъ зналъ, что встрѣтитъ ее рѣшительно повсюду, не только здѣсь, на заборахъ и стѣнахъ Парижа, но и вдоль любого желѣзнодорожнаго полотна, по какому направленію онъ ни поѣхалъ бы... Видитъ онъ ее, въ уменьшенномъ размѣрѣ, и въ окнахъ всѣхъ кафе; въ театрѣ она опустится передъ нимъ въ антрактѣ на занавѣсѣ-рекламѣ; сядетъ онъ на пароходъ—афиша будетъ и тамъ сопровождать его, будучи вставлена въ рамку на стѣнѣ каютъ-компаніи; высадится онъ въ Каирѣ, въ Индіи, въ Японіи, все равно гдѣ,—та же афиша вездѣ вырастетъ передъ его глазами. Эта несносная бутылка наглядно доказывала ему, что покойный отецъ его, Арманъ Берте, съумѣлъ оставить послѣ себя самостоятельное произведеніе. Да, отецъ его изобрѣлъ этотъ, возбуждающій аппетитъ, ликеръ, и этой самой бутылкѣ, такъ опротивѣвшей ему, такъ мозолящей ему повсюду глаза, онъ, Валентинъ де-Вильнуазъ, обязанъ и своимъ колоссальнымъ богатствомъ, и своимъ звучнымъ, аристократическимъ именемъ.

Тяжело было добиться удачи покойному Арману Берте. Началъ онъ приказчикомъ въ бакалейномъ магазинѣ, а потомъ открылъ свою лавочку химическихъ продуктовъ. Изобрѣтательный по природѣ, онъ сочинилъ какой-то ликеръ для возбужденія аппетита, и съ этого дня наступили тяжкіе дни для его семьи. Чтобы пустить свой ликеръ въ ходъ, Берте прибѣгнулъ къ рекламѣ, и скоро эта реклама поглотила все: сбереженія, товары, кредитъ самого торговца, а затѣмъ и мебель и даже одежду семьи. Берте дошли до полной нищеты, и г-жа Берте, изнуренная многолѣтними лишеніями, вскорѣ умерла. Валентинъ былъ въ то время хилымъ 6-лѣтнимъ мальчикомъ и учился въ мѣстной начальной школѣ мѣстечка Вильнуазъ. Видя, что реклама его только разорила, а толку изъ этого не вышло, Берте сталъ раздавать свой ликеръ даромъ трактирщикамъ и погребщикамъ, разсылать на суда, уходившія въ далекое плаваніе, и т. п. Продажа ликера приносила имъ чистый барышъ, и потому торговцы принялись его усиленно пропагандировать. И мало-по-малу слова: „Apéritif Bertet“, мозолившія повсюду глаза и примелькавшіяся всѣмъ, сдѣлали свое дѣло... На это-то и рассчитывалъ никому неизвѣстный дрогистъ, отважившійся на такую отчаянную ставку.

То былъ вызовъ судьбѣ, и все дѣло сводилось къ тому, чтобы ему хватило пороку на ставки, въ ожиданіи благопріятнаго поворота. И вотъ, послѣдній сантимъ былъ истраченъ; бѣдняга подумывалъ уже, на какомъ бы ему крюкѣ повѣситься, какъ вдругъ онъ получилъ первый заказъ на свой ликеръ. На другой день такихъ заказовъ пришло 10, а на слѣдующій—30. И съ той поры заказы стали приливать широкой, непрерывной волной. Не успѣлъ онъ взяться за свое дѣло, какъ пришлось расширять его вновь, а тамъ нужно было уже думать и о постройкѣ цѣлаго завода. Онъ купилъ продававшійся по сосѣдству замокъ Вильнуазъ съ большими землями, основалъ тамъ заводъ и превратился въ г-на Бертэ де-Вильнуазъ, крупнаго заводчика, а позднѣе купилъ себѣ право на законное ношеніе имени де-Вильнуазъ—и сталъ мэромъ своей общины. И вотъ, бывшій мелкій дрогистъ превратился въ архи-милліонера.

Своего единственнаго сына Валентина онъ воспитывалъ какъ будущаго джентльмена. Онъ прошелъ черезъ нѣсколько превосходныхъ учебныхъ заведеній и получилъ высшее образованіе. Учился онъ блестяще и достигъ степени доктора правъ. Умъ у него былъ большой и гибкій, но характеръ черезчуръ мягкій; по всѣмъ вѣроятіямъ, если бы ему пришлось вступить въ борьбу съ жизнью въ первые же годы молодости,—изъ него выработался бы энергичный человѣкъ. Но борьбу эту уже вынесъ на себѣ его отецъ, и юношѣ оставалось только учиться и отличаться на поприщѣ знаній, что онъ и выполнилъ блестящимъ образомъ. Лишенные примѣненія, энергія и воля въ немъ заглохли, и когда отецъ умеръ, завѣщавши ему имя де-Вильнуазъ, огромное богатство и заводъ, гдѣ цѣлыя полчища рабочихъ продолжали фабриковать пресловутый ликеръ Бертэ, Валентинъ представлялъ изъ себя свѣтскаго, ученаго дилеттанта, лѣниваго богача съ нерѣшительнымъ характеромъ, неспособнаго на что-либо энергичное и вѣчно погруженнаго, въ тиши своего кабинета, въ переводы древнихъ писателей и мыслителей.

Теперь онъ ѣхалъ на свадьбу своего друга дѣтства, Роберта Дальграна, съ m-lle Люсьенной Мерикуръ, дочерью генерала-Мерикуръ. Ребенкомъ, этотъ Робертъ дѣлился съ Валентиномъ своимъ завтракомъ, что было очень важно тогда для будущаго милліонера, родители котораго бились въ тискахъ нужды. Робертъ былъ сынъ простаго рабочаго, механика, чинившаго локомотивы одной желѣзнодорожной компаніи. Окончивъ мѣстную школу, Робертъ поступилъ въ контору той же компаніи. Съ самаго дѣтства онъ питалъ неудержимое влеченіе къ механикѣ

и любилъ смотрѣть, какъ работаетъ отецъ, а поступивъ на службу въ компанію, онъ сталъ внимательно приглядываться ко всѣмъ работамъ по линіи. Всего болѣе прельщали его колоссальныя желѣзныя постройки и регулярная дѣятельность машинъ. Въ головѣ его вѣчно бродили всевозможныя идеи и планы, такъ что, глядя на какую-нибудь работу, онъ зачастую отваживался давать совѣты и развивать свои собственные проекты. Кончилось тѣмъ, что его перевели изъ конторы на желѣзнодорожныя работы и дали ему отрядъ землекопцовъ; а когда онъ ухитрился какъ-то произвести въ двѣ недѣли одну нивелировку, на которую патентованный инженеръ требовалъ мѣсяцъ сроку и двойной комплектъ рабочихъ, всеобщему изумленію не было границъ. Но скоро дѣло испортилось. Явное техническое превосходство этого самоучки, не имѣвшаго никакихъ специальныхъ дипломовъ, раздражало его начальство, какъ низшее, такъ и высшее. Пошли интриги. Борьба эта показалась Роберту непроизводительной, и онъ предпочелъ покинуть Европу, для чего поступилъ помощникомъ къ какому-то инженеру, ѣхавшему въ Малую Азію строить желѣзныя дороги. Инженеръ намѣревался эксплуатировать молодого Роберта, но не тутъ-то было. Дальгранъ самъ составилъ другія смѣты, по которымъ расходы оказывались на двѣ-трети меньше, чѣмъ по смѣтамъ его патрона. Онъ предлагалъ, между прочимъ, нанимать исключительно туземныхъ рабочихъ, стоившихъ весьма дешево, и ручался, что работы не затянутся ни на день дольше, чѣмъ съ европейскими рабочими, наемъ которыхъ обошелся бы чрезвычайно дорого. Инженеръ испугался: а вдругъ Робертъ представитъ свой проектъ министрамъ султана, прежде чѣмъ его собственный проектъ будетъ утвержденъ! И онъ предложилъ ему вступить съ нимъ въ товарищество. Робертъ принялъ его предложеніе и, несмотря на всѣ ухищренія своего компаніона, сумѣлъ остаться въ значительныхъ барышахъ. Такъ началась его карьера. Съ тѣхъ поръ онъ довелъ до конца не мало смѣлыхъ предпріятій; одна изъ главныхъ причинъ его успѣха заключалась въ его поразительномъ умѣньѣ обращаться съ рабочими, добиться отъ 20 человѣкъ суммы труда 50 рабочихъ, не подвергая ихъ при этомъ чрезмѣрному утомленію. А такъ какъ его техническія познанія были къ тому необычайны, то результаты получались совсѣмъ неожиданныя. Но работалъ до сихъ поръ Робертъ за границей, и въ Парижѣ его имени почти не знали. Теперь онъ былъ богатъ и мечталъ поработать во славу родной страны.

Въ настоящую минуту ему было 35 лѣтъ, а Вильнуазу—32 года.

Катясь въ это прелестное весеннее утро въ неуклюжемъ наемномъ ландо, Вильнуазъ мысленно удивлялся смѣлости своего друга, мѣнявшаго холостую жизнь на жизнь женатаго чело-вѣка. Вѣдь Робертъ ставилъ на карту свое нравственное спо-койствіе, свою независимость и всю свою будущность, а что изъ этого выйдетъ—было неизвѣстно. И дѣлалъ онъ это спокойно, почти вдругъ, безъ колебаній и проволочекъ, безъ которыхъ Вильнуазъ никакъ не обошелся бы въ вопросѣ такой огромной важности. Съ той поры, какъ ему минуло 30 лѣтъ, мысль о же-нитбѣ не разъ приходила ему смутно въ голову; но помимо того, что онъ считалъ для себя женитьбу невозможною по раз-личнымъ причинамъ, онъ чувствовалъ еще такую непреодолимую антипатію къ безповоротнымъ рѣшеніямъ, что никогда не оста-навливался подолгу на вопросѣ о бракѣ.

Вильнуазъ былъ высокій, элегантный молодой чело-вѣкъ съ тонкими чертами лица, мягкими карими глазами, съ замѣча-тельно красивой, бѣлокурой и выщейся бородкой, остриженной клиномъ. Волосы его были чуть-чуть темнѣе этой бородки, — единственной подробности въ его внѣшности, къ которой онъ чувствовалъ тайное пристрастіе. Вообще же въ немъ не было ни-какого фатовства, несмотря на несомнѣнно красивую внѣшность. Къ тому же онъ отличался такимъ изяществомъ, что имѣлъ пол-ное право на ношеніе своего звучнаго, аристократическаго имени.

Но вотъ ландо остановилось передъ подъѣздомъ дома, гдѣ жилъ генераль Мерикуръ. Генераль жилъ со своими двумя до-черьми, въ которыхъ не чаялъ души. Какъ только Вильнуазъ вошелъ въ гостиную, полную гостей, къ нему быстро подошелъ Робертъ Дальгранъ, высокій, плечистый мужчина атлетическаго сложенія, черноволосый, съ мягкими, правильными чертами лица и дѣтскими глазами. Онъ тоже носилъ бороду, но она была темно-каштановаго цвѣта, гуще и менѣе изящна, чѣмъ бородка Вильнуаза. Въ этомъ красавцѣ плебейское происхожденіе сказывалось скорѣе, чѣмъ въ его другѣ, но простота его манеръ, умное выраженіе лица и обаятельный, вкрадчивый голосъ при-давали ему какое-то своеобразное изящество.

— Вотъ и ты... Наконецъ-то... И радъ же я тебѣ!

— Робертъ, друже!.. поздравляю... отъ всей души...

И Вильнуазъ самъ удивился той горячности, съ которой дѣй-ствительно желалъ теперь счастья своему другу. Вся скука

предстоящаго ему дня была какъ бы сметена тѣмъ горячимъ рукопожатіемъ, которымъ обмѣнялись друзья.

Робертъ представилъ Вильнуаза генералу Мерикуръ, высокому старику въ штатскомъ платьѣ, — онъ вышелъ въ отставку два года тому назадъ, — съ густыми бѣлыми усами и съ маленькими выразительными и добрыми глазами. На шеѣ у него красовалась красная орденская лента почетнаго легіона.

— Я счастливъ... — прошепталъ потомъ Робертъ, увлекая Вильнуаза въ сторону. — О, еслибы ты зналъ, до чего я счастливъ!

Заявленіе это охладило горячность Вильнуаза, и онъ внутренно вздрогнулъ. Неужели онъ только потому сейчасъ желалъ другу счастья, что сомнѣвался въ этомъ счастьи? Отчего, когда другіе слишкомъ громко говорятъ о своемъ счастьи, намъ дѣлается какъ-то больно? Неужели это не болѣе какъ низкая зависть? или намъ больно, что въ эти минуты мы сами не существуемъ для этихъ счастливицевъ?

Средняя дверь гостиной отворилась, и въ нее вошла невѣста, очаровательнѣйшее воплощеніе дѣвственной граціи, невинности и стыдливаго блаженства. Подъ легкой дымкой тюлевого вуаля нѣжно розовѣли ея щеки и темнѣли опущенныя рѣсницы; на губахъ блуждала легкая улыбка, говорившая о внутреннемъ блаженствѣ переполненной души. Неслышно скользя по ковру и не поднимая ни на кого глазъ, Люсьенна подошла къ отцу и нѣжно взяла его подъ-руку обѣими руками. Генералъ быстро двинулся къ выходной двери, очевидно боясь выдать внутреннее волненіе.

Робертъ Дальгранъ шелъ подъ-руку съ матерью, высокой старухой съ простыми крестьянскими чертами лица. Эта вдова рабочаго-механика не казалась ни удивленной, ни неумѣстной въ томъ высшемъ кругу, до котораго возвысиль ее геній ея сына. Давно уже эта мать предчувствовала, какъ далеко пойдетъ ея сынъ, и точно заранѣе приготовилась къ своей теперешней роли.

Вильнуазъ до того погрузился въ свои наблюденія, что не вздрогнулъ, когда молодой человѣкъ, завѣдывавшій перекличкой паръ, громко произнесъ:

— Г. Валентинъ де-Вильнуазъ... m-lle Жильберта Мерикуръ.

Вильнуазъ всполошился. Какъ онъ узнаетъ свою сегодняшнюю дружку, которой прислалъ, по обычаю, съ утра традиціонный букетъ и кружевной платокъ съ ея вышитымъ вензелемъ? Онъ видѣлъ невѣсту и ея сестру Жильберту всего разъ, случайно, въ театрѣ, и не былъ увѣренъ, узнаетъ ли теперь Жильберту; но передъ нимъ уже стояла молоденькая дѣвушка и говорила, улыбаясь и протягивая руку:

— Вы меня не узнаете?.. Скорѣй, идите...

Она сама взяла его подъ-руку и увлекла къ лѣстницѣ. На его любезную фразу, какъ ему пріятно быть на весь день ея кавалеромъ, она мило отвѣчала, что тоже рада, потому что всѣ они уже любятъ его: Дальгранъ такъ много говорилъ имъ о немъ! На лѣстницѣ ему было неудобно разглядывать свою спутницу. Онъ отмѣтилъ только присланный имъ бѣлый букетъ съ наряднымъ кружевнымъ платкомъ, шолковую сумочку для сбора денегъ и прелестное платье дѣвушки, блѣдно-желтое, отдѣланное узкими свѣтло-зелеными бархатными лентами. Соломенная шляпка была убрана бантами изъ тѣхъ же свѣтло-зеленыхъ лентъ и пучками блѣдно-желтыхъ цвѣтовъ. Только въ ландо онъ ясно разглядѣлъ Жильберту.

Да и дѣйствительно ли ясно? Видимъ ли мы въ самомъ дѣлѣ ясно и отчетливо тѣхъ, или то, что съ первой же встрѣчи пробуждается въ нашей душѣ какое-либо новое чувство? Когда что-либо сильно влечетъ насъ къ себѣ, или, наоборотъ, отталкивается, — видитъ ли нашъ взглядъ ясныя, поддающіеся описанію, цвѣта и контуры? Во всякомъ случаѣ, Вильнуазъ отмѣтилъ плѣнительно-нѣжный и яркій колоритъ ея кожи, глазъ, волосъ, губъ и зубовъ. Ярко-пурпурныя губки ея довольно крупнаго рта отѣняли ослѣпительныя зубы; темныя брови чернѣли на бѣломъ лбу, нѣжно розовѣли маленькія ушки; густые темные волосы, закрученные подъ шляпкой, курчавились на бѣлой шейкѣ, а большіе, тоже темные, глаза, прозрачные и чистые, походили на глаза газели.

До мѣріи они ѣхали молча; а когда ему пришлось снова подать ей руку, чтобы войти въ мѣрію, онъ самъ удивился тому смутному чувству удовольствія, которое шевельнулось въ немъ при этомъ. Онъ не переставалъ наблюдать за своей дамой, немало пораженный ея очевиднымъ волненіемъ. Роль шафера перестала тяготить его. Хорошенькая дѣвушка, ввѣренная его попеченіямъ на весь день, интересовала его. Его интересовала ея грусть, а потомъ, въ церкви, ея горячая, искренняя молитва. О чемъ она такъ молится? Чего проситъ у Бога? Что происходитъ въ этой головѣ? Не мечтаетъ ли она выйти замужъ? Чего ждетъ она отъ замужества? Обыкновенно Вильнуаза отталкивала искусственная чистота дѣвушекъ, подъ которой ему чуялись безразсудныя мечты; его инстинктивно пугали эти бѣдныя созданія, взрощенные въ теплицѣ невѣдѣнія, внезапно выбрасываемыя потомъ въ грубую жизнь, гдѣ на долю ихъ мужей выпадаетъ незавидная роль разочарователей. Онъ давно рѣшилъ не играть

никогда этой роли и относился съ нѣкоторой пренебрежительной жалостью къ этимъ бѣднымъ нравственнымъ затворницамъ. Во что превратится онъ, выйдя замужъ, неизвѣстно, — но его этотъ вопросъ не занималъ нисколько.

И вдругъ теперь, только потому, что у Жильберты было извѣстное лицо и извѣстные глаза, онъ былъ склоненъ надѣлать ее такими качествами, въ которыхъ отказывалъ всѣмъ ей подобнымъ. Быть можетъ, на него производила впечатлѣніе самая обстановка церковнаго обряда; но въ ту минуту, когда Робертъ Дальгранъ надѣлъ обручальное кольцо на тонкій пальчикъ Люсьенны, внезапная тоска обуяла Вильнуаза, точно смутное недовольство собой и неясное желаніе чего-то... И когда ему пришлось подать Жильбертѣ руку, для обхода всѣхъ присутствовавшихъ съ цѣлью сбора пожертвованій на приходъ, Вильнуазъ, всего болѣе боявшійся этого скучнаго обхода, съ удовольствіемъ повелъ Жильберту по церкви. А когда обходъ кончился, онъ пожалѣлъ, что эти пріятныя минуты такъ скоро миновали.

Тѣмъ не менѣе, ни на дневномъ приѣмѣ у генерала, ни на свадебномъ обѣдѣ въ Hôtel Continental, ни во время послѣдовавшаго за обѣдомъ бала, Вильнуазъ не ухаживалъ за Жильбертой, въ полномъ смыслѣ этого слова. Но въ самой манерѣ его обращенія съ нею было что-то особенное, и Жильберта невольно бросала на него то чуть-чуть насмѣшливый, то мило до-вѣрчивый взглядъ. Вильнуазъ замѣтилъ ея невинное кокетство, удивился, воображая, что ничѣмъ не выдалъ неяснаго смятенія своей души, и сталъ слѣдить за собой. Не позволяя себѣ даже помышлять о женитьбѣ, онъ не разрѣшалъ себѣ показывать теперь Жильбертѣ ту глубокую симпатію, какую она внушала ему. Разговаривали они о пустякахъ, — да что значать разговоры тамъ, гдѣ готовится зародиться смутная любовь! Вильнуазъ узналъ, что Жильберта не любитъ кадрили, а предпочитаетъ вальсъ, что она беретъ еще уроки англійской литературы, музыки и итальянскаго языка, что она обожаетъ комическую оперу, но еще болѣе — верховую ѣзду. Но его гораздо болѣе интересовали ея слезы въ церкви, и онъ спросилъ ее, о чемъ она плакала? И Жильберта объяснила ему, что ей грустно разстаться съ сестрой; до сихъ поръ онъ никогда не разлучались, и вотъ ей теперь такъ тяжело, что не будь у нея отца, она предпочла бы сейчасъ же умереть. — Но вѣдь и она выйдетъ въ свою очередь замужъ! — Жильберта покраснѣла, и пожала плечами: — Какъ знать? — Что такое? развѣ она дала обѣтъ дѣвственности? — Нѣтъ, но она не выйдетъ замужъ иначе, какъ по примѣру Люсьенны, то-есть

только за человека, который будетъ ей совѣмъ; совѣмъ правиться!

— А развѣ вы не предвидите, чтобы вамъ кто-нибудь совѣмъ... совѣмъ понравился?

— Напротивъ!

Тутъ она сейчасъ же сконфузилась своей живости и добавила, что въ жизни нравишься обыкновенно тому, кто не нравится тебѣ.

— Далеко не всегда... Да возьмите, напримѣръ, вашу сестру и моего друга Роберта.

— О! Люсьенна лучше и красивѣ меня. Наконецъ, бываютъ и исключенія. Но въ одной и той же семьѣ трудно ожидать двухъ такихъ исключеній.

— Mademoiselle Жильберта, вы очень скромны! Почти неслышанное качество у барышни.

— Бѣдныя барышни! вы какъ будто сердиты на нихъ! Что онѣ вамъ сдѣлали?

— Я ихъ боюсь.

Жильберта по-дѣтски расхохоталась.

— Вы шутите! Развѣ вы боитесь меня, напримѣръ?

— Больше, чѣмъ вы думаете.

Она опустила глаза и умолила, а онъ, злясь и на себя, и на нее, самъ не зная за что, схватилъ ее раздраженно за талію и пустился вальсировать. Но, вернувшись съ нею на мѣсто, онъ замѣтилъ, что новобрачные уѣхали. И ему ясно представилось, какъ въ каретѣ мужественная рука Роберта обвила талію Люсьенны, и какъ склонилась къ нему ея дѣвственная фигурка... Но онъ принудилъ себя вернуться тотчасъ же къ своему скептическому воззрѣнію на бракъ, къ поклоненію независимости и ненависти ко всякимъ узамъ, а также и къ недовѣрію къ дѣвственности, достигаемой искусственной атрофіей или извращеніемъ души. Но это ему не удалось: въ немъ копошилось неясное желаніе, глухое недовольство.

Подошелъ генераль и обратился любезно къ Вильнуазу, жалѣя, что не успѣлъ до сихъ поръ поговорить съ нимъ. Зять его такъ лестно отзывался о своемъ другѣ, и генераль надѣется, что отнынѣ Вильнуазъ станетъ бывать у него, какъ у добраго знакомаго. Они станутъ кататься верхомъ вмѣстѣ; генераль замѣтилъ уже въ Булонскомъ-лѣсу великолѣпную золотистую кобылу Вильнуаза. Его Жильберта—превосходная наѣздница, точно она родилась на лошади! Да и самъ онъ еще лихой наѣздникъ, несмотря на свои годы, и ручается, что Вильнуазу

за нимъ не угнаться... Верховая ѣзда была конькомъ генерала, и онъ долго не кончилъ бы, еслибы Вильнуазу не пришлось принять участіе въ наскоро импровизированномъ котильонѣ. Вильнуазъ получилъ вѣточку резеды и приказаніе танцевать съ обладательницей такой же вѣточки. Онъ сейчасъ же отыскалъ ее,—то была Жильберта. Онъ отдалъ ей свой цвѣтокъ, а она сама продѣла ему въ петлицу свою вѣточку.

Послѣ котильона стали разѣзжаться. Въ вестибюлѣ толпа оттерла Вильнуаза, и онъ смотрѣлъ издали на Жильберту, надѣвавшую бальную накидку. Но прежде чѣмъ застегнуть ее, дѣвушка принялась быстро откалывать съ лифа полученные во время котильона цвѣты, которые могли подъ тяжестью накидки испачкать ея нѣжный туалетъ. Она не знала, что за нею слѣдить, и торопливо сбрасывала цвѣты на полъ. Вильнуазъ машинально ждалъ, когда придетъ очередь вѣточки резеды. Вотъ Жильберта отколола и ее и какъ будто тоже уронила на полъ, но Вильнуазъ замѣтилъ, что цвѣточекъ остался у нея въ рукѣ. Ему неудержимо захотѣлось убѣдиться, увезетъ ли она съ собою цвѣтокъ. Онъ протолкался къ нимъ и ясно подмѣтилъ, какъ при его приближеніи Жильберта спрятала правую руку подъ накидку. Подъѣхала наемная карета генерала, который пожалъ руку Вильнуаза, и тотъ протянулъ потомъ руку и Жильбертѣ. Прижимая неловко локтемъ вѣрѣ, Жильберта подала ему свободную лѣвую руку, но вѣрѣ выскользнулъ и упалъ. Жильберта сдѣлала невольное движеніе, накидка слегка на секунду распахнулась, и Вильнуазъ успѣлъ замѣтить, что вѣточка резеды осталась въ рукѣ молодой дѣвушки.

Вотъ почему, вѣроятно, возвращаясь домой въ своей каретѣ, Вильнуазъ тихонько вынулъ изъ петлицы свою вѣточку резеды, медленно, мечтательно провелъ ею по усамъ и, стараясь смять ее какъ можно менѣе, осторожно спряталъ въ карманную записную книжку.

II.

Дома ему подали депешу изъ Канна слѣдующаго содержанія: „Портретъ конченъ. Буду въ Парижѣ черезъ 3—4 дня. Горю нетерпѣніемъ свидѣться съ вами.—Сабина“.

Безстрастно, не выражая ни удовольствія, ни досады, молодой человѣкъ прочелъ, не улыбаясь, эти строки, печальное состраданіе мелькнуло въ его глазахъ, и онъ прошепталъ:— Бѣдная женщина!

Медленно поднимался онъ по лѣстницѣ въ свою спальню, не задумываясь надъ тѣмъ, что смутно зародилось въ немъ сегодня. Мѣнять въ своей жизни онъ ничего не намѣревался, а впасть въ душѣ ему не хотѣлось, потому что его безвольная натура растерялась бы, еслибы онъ открылъ, что полюбилъ, или, просто, что способенъ полюбить. Не принадлежалъ ли онъ всецѣло этой Сабинѣ, лишившейся изъ-за него знатнаго имени и состоянія?

Восемь лѣтъ Сабина Марсанъ носила имя графини де-Рованкуръ. Графъ де-Рованкуръ женился на ней исключительно изъ-за ея красоты; происхожденіемъ Сабина похвастаться не могла, и ея появленіе въ аристократическомъ жилищѣ мужа внесло туда сомнительный элементъ богемы. У нея былъ талантъ къ живописи, и она писала акварелью цвѣты и портреты. По слухамъ, она уже неоднократно измѣняла своему мужу, и Вильнуазъ могъ вполне повѣрить этимъ слухамъ—такъ вызываяще она кокетничала съ нимъ. Онъ увлекся ею, но съ его стороны это былъ лишь легкій капризъ, тогда какъ съ ея стороны это оказалась настоящею страстью. Кончилась вся исторія очень печально; графъ де-Рованкуръ накрылъ любовниковъ въ нарядной квартиркѣ, богато отдѣланной Вильнуазомъ для гордой красавицы-графини. И Вильнуазу пришлось присутствовать въ томъ изящномъ гнѣздышкѣ при униженіи гордой красавицы, застигнутой врасплохъ мужемъ въ сопровожденіи полиціи. Впрочемъ, графъ ограничился этой унижительной карой и не довелъ дѣла до исправительнаго суда, а просто потребовалъ развода, ссылаясь на несогласіе характеровъ. Было ли то состраданіе или пренебреженіе съ его стороны,—но онъ предоставилъ женѣ возможность выйти замужъ за того, съ кѣмъ она ему измѣнила. Тѣмъ не менѣе, скандалъ былъ большой, и до сихъ поръ Вильнуаза жгло воспоминаніе тѣхъ позорныхъ минутъ.

Сабина стала носить свое дѣвичье имя Марсанъ, и изъ роскошнаго дома мужа переехала въ скромную квартиру, неподалеку отъ Вильнуаза, не желая ничего принимать отъ него. Но въ силу потребностей своей художественной натуры она не могла обходиться безъ извѣстной роскоши, и она обратилась теперь къ живописи, какъ къ источнику заработка, что дополняло ея скромныя средства.

Мимолетное увлеченіе Вильнуаза уже прошло, и отнынѣ онъ влачить свою связь по обязанности, не считая себя въ правѣ бросить эту женщину, потерявшую все изъ-за него. Но, не ослабленный болѣе страстью, онъ частенько говорилъ себѣ, что все

это гордое безкорыстіе Сабинны и ея трудовая жизнь—не болѣе какъ уловка съ ея стороны, съ цѣлью добиться его женитьбы на ней. Жениться же на ней онъ не считалъ себя обязаннымъ; онъ имѣлъ полное основаніе предполагать, что онъ не первое ея увлеченіе, а разыгравшійся тогда скандалъ опозорилъ навсегда въ его глазахъ бѣдную женщину. Онъ ее жалѣлъ, но не могъ простить ей ни этого позора, ни его тогдашняго безсилія спасти ее отъ того, виновникомъ чего былъ онъ самъ. Сабина не могла утѣшиться въ своемъ паденіи, а онъ не прощаль ей тѣхъ правъ на него, которыя она приобрѣла въ силу этого паденія. И между недавними влюбленными шла ожесточенная борьба. Они взаимно терзали другъ друга; холодная неподвижность Вильнуаза выводила изъ себя нетерпѣливую, страстную натуру Сабинны не менѣе, чѣмъ ея стремительность и горячность леденили и раздражали Вильнуаза.

Уѣхала Сабина Марсантъ въ Каннъ послѣ цѣлаго ряда тяжелыхъ сценъ, подъ предлогомъ заказа одного портрета. Принять этотъ заказъ и уѣхать—Сабина рѣшилась изъ тонкаго расчета, предполагая, что въ разлукѣ съ нею Вильнуазъ станетъ тосковать, пойметъ, что она ему необходима, и испугается возможности потерять ее совсѣмъ, а это можетъ внушить ему мысль жениться на ней. Выйти замужъ за него было цѣлью, идее fixe Сабинны. Но ея природная пылкость дѣлала ее неспособной къ дипломатіи, и расчетъ ея оказался невѣренъ. Она уѣхала слишкомъ поздно, и послѣ всѣхъ недавнихъ сценъ ея отсутствіе являлось для Вильнуаза истиннымъ избавленіемъ. Она прожила въ Каннѣ два мѣсяца, а онъ наслаждался въ это время спокойствіемъ и велъ мирную, занятую жизнь. Они аккуратно переписывались, и въ ихъ письмахъ не было и тѣни вражды, а скорѣе довѣрчивый обмѣнъ мыслей двухъ добрыхъ супруговъ. Но еслибы Вильнуазъ менѣе поддавался прелести этой временной передышки, онъ замѣтилъ бы, что самый тонъ этихъ писемъ, гдѣ оба они упоминали о мельчайшихъ подробностяхъ своей жизни, обличаетъ вѣрность узъ, связывавшихъ его съ Сабинной. Но онъ былъ такъ радъ и признателенъ почти за то, что она не приносила ему ни пламенныхъ завѣреній, ни упрековъ, ни жалобъ, и могъ предаваться наслажденію писать простыя, искреннія письма.

Можетъ быть, ему уже казалось, что тиранническая любовь Сабинны принимаетъ понемногу характеръ хорошей, безкорыстной дружбы. Но тонъ этой полученной внезапно депеши, это страстное нетерпѣніе увидѣть его, ничѣмъ не проявлявшееся еще во вчерашнемъ письмѣ, доказывали ему, что она ни капли не из-

мѣнилась. Какъ ярко выступала вся она въ этомъ внезапномъ порывѣ какъ будто дремлющаго чувства, вдругъ такъ всевластно охватившаго ее! Вильнуазъ ясно представлялъ себѣ отсюда ея лихорадочное состояніе. Эта лихорадка обуревала ее при каждомъ вновь принятомъ ею рѣшеніи, лишая ее всякой способности выждать и сдерживаться. Роковая порывистость ея натуры не позволяла Сабинѣ жить спокойно отъ минуты замысла до его исполненія, какъ бы ни былъ кратокъ промежутокъ, отдѣлявшій эти двѣ минуты. Въ такіе промежутки она буквально изводилась. Ей хватило твердости перенести двухмѣсячную разлуку, но теперь, когда она рѣшилась вернуться, эти оставшіеся два дня будутъ для нея пыткой.

Спалъ Вильнуазъ въ эту ночь очень плохо, а проснувшись въ половинѣ 7-го, онъ позвонилъ камердинера, будившаго его обыкновенно въ 7 часовъ, и набросалъ въ постели телеграмму: „Госпожѣ Сабинѣ Марсанъ, гостинница „Бориважъ“, Каннъ. „Очень радъ. Желаю счастливаго пути и жду съ нетерпѣніемъ. До свиданія.—Валентинъ“.

Затѣмъ онъ всталъ, приказалъ сѣдлатъ лошадь только къ 9-ти часамъ, а не къ половинѣ восьмого, и ушелъ къ себѣ въ кабинетъ. Онъ рѣшилъ ѣхать верхомъ позднѣе, потому что его удивляло, какъ онъ никогда не встрѣчалъ въ Булонскомъ-лѣсу Жильберты съ отцомъ, во время своихъ утреннихъ прогулокъ. Очевидно, они катаются позднѣе его. Онъ считалъ себя расквитавшимся съ Сабиной посылкой телеграммы, и теперь, работая надъ Манилиусомъ, не отгонялъ копошившихся въ немъ смутныхъ мыслей о Жильбертѣ. Ни минуты не сопоставлялъ онъ этихъ двухъ женщинъ. Одна—его любовница, съ которой онъ безповоротно связанъ скандальной катастрофой... Другая—чистое, непорочное дитя! Не можетъ же его связь съ первою мѣшать ему восхищаться второю! Почему не предаваться волшебнымъ мечтамъ? Развѣ въ жизни нѣтъ ничего, кромѣ дѣйствительности?

Но въ Булонскомъ-лѣсу онъ не встрѣтилъ ни генерала, ни Жильберты, и вернулся домой въ полдень не совсѣмъ въ духѣ. А вечеромъ пришло письмо отъ Сабины, проникнутое той же лихорадкой, какъ и ея вчерашняя телеграмма. Ему казалось, что въ ней меньше говоритъ нетерпѣніе свидѣться съ нимъ, чѣмъ деспотическое желаніе заразить его той же лихорадкой. „Мы будемъ счастливы, не такъ ли? Не правда ли, что два мѣсяца разлуки—ужасъ! и что мы никогда болѣе не разстанемся... никогда?“—писала Сабина, и ему чудилось, что она хочетъ пора-

ботить его, подчинить себѣ, своей волѣ. Но для достиженія подобной цѣли ей недостаетъ собственнаго самообладанія. Она увѣдомляла его, что пріѣдетъ послѣ завтра, въ 9 часовъ утра, но умоляла его не пріѣзжать встрѣчать ее. Онъ приписалъ это кокетству; въ ней больше тщеславія, чѣмъ настоящей нѣжности къ нему, и она предпочитаетъ отдалить свиданіе съ нимъ, чѣмъ показаться ему, не оправившись послѣ цѣлой ночи въ вагонѣ. Ну, что-жъ, тѣмъ лучше! по крайней мѣрѣ ему не придется отказываться отъ своей утренней прогулки. Но въ данномъ случаѣ Вильнуазъ былъ несправедливъ. Со стороны 35-ти-лѣтней Сабинны, чувствовавшей, что красота ея немного увядаетъ, это было не кокетство, а геройство любящей женщины. Она добровольно лишала себя нѣсколькихъ минутъ счастья, желая непременно показаться ему не иначе, какъ во всеоружіи своей красоты.

Но на этотъ разъ предосторожность Сабинны принесла ей же вредъ. Именно въ утро ея пріѣзда Вильнуазъ встрѣтилъ, наконецъ, генерала и Жильберту въ одной изъ уединенныхъ аллей Булонскаго-лѣса. И молодой человѣкъ убѣдился, что Жильберта, дѣйствительно, превосходная наѣздница, и что генералъ ничуть не преувеличилъ ея умѣнья. Вильнуазъ узналъ ихъ издали; они ѣхали далеко впереди него, и силуэтъ Жильберты, въ короткой черной амазонкѣ и простенькой шляпкѣ изъ бѣлой соломѣ, красиво вырѣзывался въ воздухѣ. Вильнуазъ прибавилъ шагу и скоро настигъ ихъ; первымъ обернулся генералъ, остановилъ свою лошадь при видѣ молодого человѣка и окликнулъ дочь.

— Жильберта!.. Смотри, какая пріятная встрѣча!.. Твой шаферъ!

Жильберта ловко остановила и повернула лошадь, но должно быть она не сразу разобрала слова отца, потому что при видѣ Вильнуаза она вдругъ поблѣднѣла, а потомъ сейчасъ же покраснѣла; чувствуя это, она смутилась, и краска ея только усилилась. Смущеніе ея заразило и Вильнуаза, и не начини генералъ расхваливать его кобылу Джипси, онъ не зналъ бы, что сказать. Джипси восхитила и Жильберту, такъ что онъ предложилъ ей ѣздить на ней; онъ только просилъ ее немного пообождать, пока онъ объѣздитъ Джипси въ манежѣ на дамскомъ сѣдлѣ, чтобы приучить ее къ юбкѣ.

— Какъ, вы надѣнете юбку?—весело спросила Жильберта.

— Разумѣется.

— Хотѣлось бы мнѣ видѣть васъ въ амазонкѣ!—и Жильберта звонко разсмѣялась.

— А вотъ на это ужъ я не согласенъ.—Вильнуазъ обернулся къ ней съ улыбкой, и глаза ихъ встрѣтились.

Глаза всегда выдаютъ тайное взаимное влеченіе людей, еще не вѣдающихъ того, что творится въ ихъ душѣ. Глаза не умѣютъ хранить тайны... Правда, Вильнуазъ и Жильберта сейчасъ же отвернулись другъ отъ друга, но было уже поздно... Молодыми людьми овладѣло теперь такое мечтательно блаженное состояніе, что Вильнуазъ ничего не слышалъ изъ длиннѣйшей диссертациі генерала на тему о верховой вѣдѣ. А генераль, привыкшій разглагольствовать при младшихъ офицерахъ, принужденныхъ молча и почтительно выслушивать его, говорилъ безъ умолку, не ожидая отвѣта. Сегодня это было Вильнуазу на руку, потому что онъ чувствовалъ себя неспособнымъ поддерживать какой бы то ни было разговоръ, и всецѣло отдавался чарамъ чудной грезы.

Доѣхавъ до аллеи Акацій, Вильнуазъ распрощался со своими спутниками, причемъ Жильберта подарила ему снова доліій, ласковый взглядъ, и вернулся въ уединенную аллею. Въ тиши этой аллеи онъ размечтался совсѣмъ; ему чудилось, что онъ у себя, въ паркѣ Вильнуаза, и не одинъ,—подлѣ него ѣдутъ Жильберта и генераль. Ну, да! и генераль; онъ не можетъ мѣшать имъ, этотъ старый служака, такъ нѣжно любящій своихъ двухъ дѣвочекъ. Цѣлая семья... Жена, отецъ, домашній очагъ... Онъ ли мечтаетъ объ этомъ, онъ, этотъ шаферъ по неволѣ на свадьбѣ Роберта Дальгранъ? Да вообще-то, была ли у него когда-нибудь семья? Мать свою онъ едва помнитъ. Вспоминались ему только ея вѣчныя слезы. Плакала она украдкой и говорила ребенку: „Не говори отцу, что я плакала. Знаешь, дитя мое, мы умремъ отъ нищеты изъ-за его изобрѣтеній“. А когда онъ пытался вызвать передъ собою образъ отца, то передъ нимъ выростала лишь огромная афиша съ бутылкой „Apéritif Bertet“. Такова была его семья въ прошломъ, а въ будущемъ—Сабина.

Дома онъ нашелъ, какъ и ожидалъ, записку отъ Сабины; она писала, что ждетъ его къ завтраку. Онъ переодѣлся и отправился къ ней по обыкновенію пѣшкомъ. И по мѣрѣ того, какъ онъ приближался къ дому Сабины, привычка брала свое, и съ каждымъ шагомъ образъ молодой женщины выступалъ передъ нимъ все ярче и плѣнительнѣе. Припоминалось ему прежнее счастье съ нею, и онъ былъ почти уже готовъ сердиться на самого себя, обвинять себя въ несправедливости и неблагодарности къ этой прелестной женщинѣ, которую одна изъ его жестокихъ мыслей убила бы вѣрнѣе, чѣмъ самый страшный ядъ.

Когда Вильнуазъ вошелъ въ изящно-обставленную мастер-

скую Сабину, онъ сейчасъ же поддался прелести этого знакомаго уголка. Мастерская помѣщалась въ просторной комнатѣ со стекляннымъ потолокомъ, служившей прежде оранжереей. Несмотря на спущенныя сторы, солнечный свѣтъ весело освѣщала мастерскую. Повсюду были разставлены зеленныя растенія, пестрыя яркія матеріи, на мольбертахъ красовались картины. Гнущая низкая мебель была завалена подушками; на полу лежалъ великолѣпный восточный коверъ, подарокъ Вильнуаза; тамъ японскихъ бездѣлушекъ и безчисленные гипсы, этюды, низкія ширмочки. Особенную прелесть всему этому придавали огромные снопы сирени и розъ, присланные Вильнуазомъ съ утра и разставленные по всѣмъ угламъ въ вазахъ всевозможныхъ размѣровъ и формъ. Входящаго Вильнуаза радостно привѣтствовалъ громадный датскій догъ.

— А гдѣ же твоя хозяйка?— спросилъ Вильнуазъ, лаская собаку.

Средняя портьера приподнялась—Сабина вошла. Видъ этой женщины, хотя уже немного поблекшей, что особенно выступало въ этотъ ясный апрѣльскій полдень, всколыхнулъ сердце Вильнуаза. Она была несомнѣнно все еще прекрасна и соблазнительна, но не это заставило его такъ порывисто раскрыть ей свои объятія. Вѣдь именно эта женщина, такъ взволнованно обвинявшая его теперь, говорила ему уже цѣлыхъ шесть лѣтъ: „Я люблю тебѣ!“ И всякій разъ, какъ она говорила ему эти слова, она отнимала у него частичку его души и молодости, а взамѣнъ оставляла въ немъ еще одно воспоминаніе. И вотъ теперь въ ней было много частицъ его души, а въ глубинѣ его сердца—частицы ея собственнаго, всецѣло принадлежавшаго ему сердца. И трудно было бы отдѣлить одно отъ другого.

Глядя другъ другу въ глаза, они искренно удивлялись теперь тому, что могли такъ долго прожить одинъ безъ другого. И они могли теперь только цѣловаться и расточать взаимныя нѣжныя ласки.

Тѣмъ не менѣе, понемногу, что-то неудовимо горькое стало закрадываться между ними. Когда горничная вошла доложить, что завтракъ поданъ, ни Вильнуазъ, ни Сабина, не тронулись съ мѣста, какъ бы боясь нарушить очарованіе. Сабина вздохнула: Ахъ, зачѣмъ не пріѣхалъ онъ къ ней хоть на денекъ въ Канны? Онъ свободенъ и независимъ; это было бы такъ легко! Эта фраза вышла некстати, потому что напомнила Вильнуазу пріятныя дни его недавняго одиночества и югъ, куда онъ немало не стремился, такъ какъ она была тамъ.

— Но, милый другъ, вѣдь вы уѣзжали... чтобы отдѣлаться на время отъ меня, не такъ ли?... Одинъ видъ мой уже раздражалъ васъ.

— Ахъ! замолчи... Это все потому, что я люблю тебя... Да... и потому еще, что равнодушіе твое терзаетъ меня!

— Не позавтракать ли намъ хоть первый разъ вмѣстѣ безъ упрековъ, какъ вы думаете? — спросилъ онъ хладнокровно.

Губы Сабины поблѣли, и мрачный огонекъ сверкнулъ въ ея глазахъ. Она поднялась и проговорила съ усмѣшкой:

— Правда, завтракъ на столѣ. Идемте.

Онъ послѣдовалъ за нею, уже сердясь и на нее, и на себя. Но у порога столовой Сабина неожиданно обернулась и обвила обѣими руками его шею.

— Упреки?... Нѣтъ, нѣтъ, я не хочу упрекать васъ... Никогда! О, другъ мой, любите меня какъ хотите и какъ можете... Вдали отъ васъ я слишкомъ настрадаюсь! Еслибы вы знали!.. Напрасно говорю я вамъ это... Но я не могу жить безъ васъ... Вѣдь ты у меня одинъ, одинъ!..

Немного тронутый и вмѣстѣ съ тѣмъ смущенный ея экзальтаціей, онъ пытался успокоить ее, но она ничего не слушала, повторяя:

— Ты меня любишь?

— Сама знаешь.

— Нѣтъ, ты скажи!

— Очень люблю.

— О! не говори: „очень“!

— А развѣ ты предпочитаешь, чтобы я сказалъ: „немножко“?

— Ты злой!.. Скажи: „моя Сабина, я люблю тебя“!

Онъ исполнилъ ея желаніе, но съ видимой неохотой. И сейчасъ же ему стало досадно, что она заставила его говорить то, чего онъ не чувствовалъ. Она также поняла это и возмущилась всѣмъ своимъ существомъ. Она любила его отчаянно и мучилась нестерпимо тѣмъ, что онъ не раздѣляетъ и никогда не будетъ раздѣлять ея безумной страсти. Ей хотѣлось и приковать его къ себѣ навсегда, и крикнуть въ то же время ему въ лицо, что она его ненавидитъ...

И послѣ завтрака въ ея мастерской, конечно, произошла неизбежная сцена. Восхищаясь вкусомъ Сабины, Вильнуазъ пожалѣлъ, что она не можетъ окружить себя настоящей роскошью. А этого такъ легко достигнуть, — стоитъ ей только принять его услуги. Никогда! Она не желаетъ быть его содержанкой! Она предпочитаетъ трудиться сама. И не потому, чтобы она заботи-

лась о сужденіяхъ свѣта... Она слишкомъ презираетъ свѣтъ, этотъ гнусный свѣтъ, такъ безпощадно осудившій ее, по преклоняющійся передъ богатствомъ его, Вильнуаза. Тамъ, въ Каннѣ, свѣтскія барыни отворачивались отъ нея... Между тѣмъ, онъ точно также измѣняютъ своимъ мужьямъ, съ тою лишь разницей, что очутись онъ въ ея положеніи, онъ не будетъ въ состояніи содержать себя своимъ трудомъ. И она негодовала на всѣхъ, не исключая и своего любовника, предлагающаго ей свое состояніе, но никакъ не имя... Вильнуазъ не возражалъ ей, хотя отлично зналъ, что одного ея заработка ей было бы недостаточно, не имѣй она небольшой ренты, вырученной продажей ея великолѣпныхъ, не отнятыхъ ея мужемъ, брилліантовъ...

Но подъ градомъ упрековъ онъ потерялъ, наконецъ, самообладаніе и невольно воскликнулъ:

— Я отдаю вамъ больше, чѣмъ вы можете себя представить!... Что значить мое несчастное состояніе въ сравненіи съ тѣмъ, что я приношу вамъ въ жертву...

Ея прекрасное лицо мгновенно исказилось, губы побѣлѣли... Что онъ хочетъ этимъ сказать? Чѣмъ онъ жертвуетъ ей? Женитьбой?.. Онъ любитъ другую... Она ему въ тягость... Хорошо, она покончитъ съ собою... Къ чему ей и жить, разъ онъ ея болѣе не любитъ!..

И она опустилась на коверъ въ истерическомъ припадкѣ. Испуганный глубиной ея отчаянія, полный состраданія къ этой несчастной, страстной женщинѣ, онъ сталъ ее утѣшать... Да нѣтъ же... откуда она это взяла?.. О женитьбѣ онъ и не думаетъ, она сама знаетъ, что онъ отдалъ ей всю свою жизнь... Онъ просто дразнилъ ее, зло пошутилъ, изъ мести... Ну, полно!.. Мало-по-малу она затихла подъ его ласками, и вотъ еще разъ бурная сцена смѣнилась сценою нѣжности...

III.

Съ этого дня Вильнуазъ вернулся къ своему прежнему образу жизни, такъ неожиданно, но ненадолго нарушенному свадьбою Роберта Дальграна. Отнынѣ онъ не позволялъ себѣ думать о Жильбертѣ; онъ воображалъ, что не любитъ ея, но и все-таки не могъ не признаться себѣ, что былъ одно время весьма близокъ къ этой любви. Никогда не познать ему настоящей, полной, всеобъемлющей любви. Такое чувство впустить ему могла бы лишь одна Жильберта, эта прелестная, чистая дѣвушка. Чтобы не встрѣ-

чать болѣе генерала и его дочери, онъ катался верхомъ рано утромъ, а вернувшись, запирался у себя въ кабинетъ и погружался въ свою литературную работу. Всѣ вечера онъ проводилъ у Сабины, въ ея мастерской: г-жа Марсанъ никогда не бывала у него. Она не хотѣла входить въ это роскошное жилище крадучись, какъ тайная любовница его обладателя; нѣтъ, она мечтала вступить сюда открыто, его женой и полноправной хозяйкой... И она предпочитала принимать его у себя, гдѣ ея красота особенно выигрывала отъ гармоничной обстановки. Когда она не предавалась гнѣву, она отличалась замѣчательно тонкимъ умомъ, и вдвоемъ съ нею Вильнуазъ никогда не скучалъ.

Иногда они отправлялись куда-нибудь за городъ, но всегда вечеромъ, потому что въ Сабинѣ не шло рѣзкое дневное освѣщеніе. Иногда она казалась старше своихъ 35-ти лѣтъ, потому что сама изводила себя своей страстностью. Въ душѣ ея влोकотала вѣчная буря, и это не могло не отражаться на ея лицѣ.

Къ тому же, будучи совсѣмъ брюнеткой, она вообще казалась старше, и рядомъ съ нею—Вильнуазъ, благодаря своей спокойной, мечтательной красотѣ блондина, казался гораздо моложе своихъ 32-хъ лѣтъ. Но въ сумерки красота Сабины приобретала какую-то особенную, загадочную прелесть, и Вильнуазъ не спускалъ тогда съ нея влюбленного взора... „О! ты любишь меня!“—восклицала она внезапно въ такія минуты, вся преобразаясь отъ сознанія, что ею любятъ, что она любима...

Такія счастливыя минуты благотворно вліяли на ея характеръ; она становилась мягче, непринужденнѣе, веселѣе. Такъ какъ Вильнуазъ проводилъ съ нею больше времени, чѣмъ прежде, и отдавалъ ей подробный отчетъ объ остальной своей жизни, то Сабина думала, что вполне поглощаетъ все его вниманіе. Такъ прошло нѣсколько недѣль. Скоро Робертъ Дальгранъ и его молодая жена должны были вернуться изъ своей свадебной поѣздки, и Вильнуазъ заранѣе боялся этой минуты. Не можетъ же онъ не бывать у своего друга! А тамъ онъ всегда рискуетъ встрѣтить Жильберту. Но онъ не хотѣлъ рисковать этимъ; онъ находилъ, что только трусы могутъ отдавать себя въ жертву случайности и сваливать потомъ все на судьбу. И онъ ломалъ себѣ голову надъ тѣмъ, подъ какимъ предлогомъ прервать ему это опасное знакомство. Наконецъ, онъ рѣшилъ, въ случаѣ неудачи, признаться во всемъ Роберту.

Къ его крайнему изумленію, Сабина какъ-то спросила его, почему онъ скрылъ отъ нея женитьбу своего друга Дальграна?—Просто онъ не думалъ, что это можетъ ее интересовать.—Она

не любить г. Дальграна, это несомнѣнно, но ей особенно важно знать, что дѣлають ея враги.—Откуда взяла она, что Робертъ ея врагъ? Онъ даже и не заикается о ней. Вильнуазъ знакомъ съ нею семь лѣтъ, а его другъ живетъ внѣ Франціи вотъ уже десять лѣтъ, и только навѣзжаетъ сюда.—Еще бы онъ говорилъ о ней! Она помнитъ, какъ въ началѣ онъ заговорилъ о ней съ Вильнуазомъ въ такомъ тонѣ, что тотъ попросилъ его никогда не касаться этой темы.—Она ошибается, Дальгранъ ничего не имѣетъ противъ нея лично, но вообще осуждаетъ такія отношенія, потому что чтить семью и не видитъ счастья внѣ брака.—Вотъ какъ! Ужъ не совѣтовалъ ли ему Дальгранъ жениться на ней?—Нѣтъ, потому что онъ не допускаетъ иной женитьбы, кромѣ женитьбы на молодой дѣвушкѣ.—На молодой дѣвушкѣ! Ему непремѣнно желательна добродѣтель! Не потому ли онъ и выбралъ одну изъ маленькихъ Мерикуръ, давно лишившихся матери, воспитанныхъ по-американски старымъ солдатомъ-отцомъ и, конечно, далеко не невинныхъ...

Встревоженный тѣмъ, что ей извѣстно имя Мерикуръ, Вильнуазъ замѣтилъ съ негодованіемъ, что она не можетъ заговорить ни объ одной женщинѣ, не очернивъ ея!

Она чернитъ женщинъ! Ее обвиняють въ несправедливости къ женщинамъ! Вовсе нѣтъ! Когда женщины сбрасываютъ съ себя искусственную добродѣтель, навязываемую имъ мужскимъ деспотизмомъ, онѣ вполне правы! Она гораздо больше цѣнитъ въ женщинѣ умъ, доброту, талантъ, энергію, сердечную деликатность, нежели цѣломудріе! Но ей смѣшна глупость мужчинъ, дорожащихъ только вѣрностью женщинъ, и зрѣлище ихъ тщеславія—по истинѣ презабавная шутка! И подумать, что этотъ дурачина Дальгранъ воображаетъ, что его жена до него никогда не засматривалась ни на одного мужчину! Да съ 10-ти лѣтъ она уже искала себѣ мужа, а теперь будетъ искать любовника! И онъ увидитъ, что если на иныхъ женщинахъ, по его мнѣнію, не слѣдуетъ жениться, то и тѣ, на которыхъ женятся, умѣють ставить мужей въ извѣстное непріятное положеніе...

Не первый разъ уже говорила Сабина съ такой горечью, но до сихъ поръ она никого не называла. Если она на этотъ разъ зашла такъ далеко, такъ это потому, что ей попалась какая-то старая газета съ описаніемъ свадьбы Роберта Дальграна. Изъ нея она узнала, что Вильнуазъ былъ у него шаферомъ. Она разсердилась, что онъ скрылъ это отъ нея, и хотѣла промолчать и наблюдать, но по своей привычкѣ не вытерпѣла и вспыхнула. Вспышка эта только повредила ей, и Вильнуазъ почти грубо

запретилъ ей заикаться впредь о Робертѣ и его женѣ, а также и о mademoiselle Мерикуръ. Его необычный, повелительный, грозный тонъ испугалъ гордую Сабину; она побоялась, что онъ уйдетъ—и уступила.

Какой ядъ для женщины хотя бы одна ошибка въ жизни! думалъ Вильнуазъ. И чѣмъ въ женщинѣ болѣе гордости, чѣмъ утонченнѣе ея натура,—тѣмъ этотъ ядъ пагубнѣе. Сабина умна, но она исковеркала себѣ всю жизнь, и теперь смотритъ на все черезъ призму уязвленной гордости. Не излечить ее и бракъ съ нимъ, котораго она такъ добивается. Ей будетъ вѣчно чудиться, что другіе надъ нею издѣваются, а онъ жалѣетъ, что женился на ней, и никогда она не проститъ ему того, что онъ моложе ея... Не опасаясь болѣе потерять его, она дастъ волю своей ревности, и жизнь ихъ станетъ адомъ.

Скоро и другое обстоятельство возстановило его противъ нея. Явившись неожиданно какъ-то днемъ въ ея мастерскую, онъ засталъ ее передъ мольбертомъ въ мужскомъ костюмѣ изъ бѣлой фланели. Костюмъ этотъ необычайно ее красилъ и молодилъ, но ему это не понравилось. На его замѣчаніе она возразила, что всегда работаетъ дома въ мужскомъ платьѣ, потому что это удобнѣе. Пусть такъ, но пусть она не показывается въ такомъ видѣ при немъ. Наконецъ, это неприлично, ее могутъ застать въ этомъ платьѣ посторонніе посѣтители, а когда женщина живетъ одна, это не годится.—А кто же, какъ не онъ, виноватъ въ ея одиночествѣ?—Это все равно, но онъ не хочетъ, чтобы къ ней относились съ неуваженіемъ...—Какъ! онъ говоритъ объ этомъ, когда онъ-то и есть виновникъ того, что она лишилась уваженія общества! Онъ просто ревнуетъ ее!..—Ревнуетъ—онъ? Это еще вопросъ, кто изъ нихъ кого ревнуетъ!—А не ревнуетъ,—тѣмъ лучше, потому что отнынѣ она всегда будетъ носить мужское платье у себя въ мастерской. Онъ не можетъ запретить ей, вѣдь онъ ей не мужъ...—Да, въ счастью...

И хотя ей самой было тяжело мучить любимаго человѣка, она продолжала надѣвать мужское платье, чтобы доказать ему свою независимость. Она пошла и дальше: устроила у себя въ садикѣ мишень и стала упражняться въ стрѣльбѣ изъ револьвера, курила папиросу за папиросой и собиралась даже остричь свои волосы. Но до этого дѣло не дошло,—она пожалѣла свои роскошныя косы. Желая возбудить въ немъ ревность, она стала приглашать къ себѣ мужчинъ, и не разъ Вильнуазъ натыкался въ ея мастерской на какихъ-то незнакомыхъ господъ. Но онъ замѣчалъ, что ихъ она принимаетъ въ женскомъ туалетѣ. Видя

его равнодушіе, Сабина пошла еще дальше и какъ-то разъ, зайдя за нею около шести часовъ вечера, чтобы везти ее за городъ, онъ засталъ ее въ мужскомъ платьѣ, разговаривающую съ какимъ-то сѣдымъ господиномъ, высокомѣрной и весьма изящной осанки.

— Господи́нъ де-Вильнуа́зъ... графъ де-Бреви́ль.

Мужчины обмѣнялись поклономъ, и графъ удалился со словами:

— Итакъ, рѣшено. Я привезу къ вамъ эту даму, а вы сами скажете, въ какомъ туалетѣ желаете ее писать.

Сабина торжествовала! Графъ заказалъ ей портретъ, чего ей не дожидаться бы никогда, продолжай она жить отшельницей. Какъ она рада, что за послѣднее время познакомилась съ журналистами! А чей портретъ заказалъ ей этотъ графъ? Жены или сестры?

— Нѣтъ,—возразила Сабина вызывающимъ тономъ:—дѣло идетъ о его любовницѣ.

— Ну, конечно. Я такъ и думалъ...—отвѣчалъ онъ невозмутимо.

Невозмутимость эта привела Сабину въ бѣшенство, и она бросилась на него, точно тигрица, съ поднятыми руками. Но онъ сильно и ловко схватилъ ее за руки. Она задыхалась, а когда онъ выпустилъ ее руки, она впѣпилась ему въ плечо, крича:

— Уходи!.. Да уходи же!.. Ты ненавистенъ мнѣ!

— Пустите меня—и я уйду. Это самое лучшее. Такая жизнь невыносима.

Но мысль лишиться его ужаснула ее. Въ одно и то же время ей хотѣлось и забросать его оскорбленіями, и растерзать его, и броситься къ его ногамъ, и рыдать. А онъ холодно доказывалъ ей, что всего лучше имъ разойтись. Онъ не созданъ для подобныхъ сценъ. Не помогла и двухмѣсячная разлука... Очевидно, виноватъ онъ: онъ не умѣетъ дать ей счастья. И разъ они могутъ только ссориться, самое лучшее—разойтись. Кстати, онъ пришелъ сообщить ей, что его вызываютъ въ Вильнуазъ по дѣламъ завода.—Напрасно онъ лжетъ! Пусть уходитъ, никто его не удерживаетъ...

— Прекрасно. Прощайте.

— Прощайте,—отвѣчала она, не двигаясь.

Онъ поцѣловалъ ее руку, которая сейчасъ же безжизненно опустилась. Однако, онъ не уходилъ, точно не смѣя воспользо-ваться предоставленной ему свободой, которой онъ такъ жаждалъ... Какъ быть? Онъ зналъ, что, что бы онъ ни дѣлалъ,

онъ будетъ неизмѣнно терзать это бѣдное, пламенное, болѣзненно-чувствительное женское сердце. Но искушеніе пересилило, и онъ тронулся къ двери, проговоривъ:—Я напишу вамъ.—Въ мастерской воцарилась жуткая тишина. Но въ ту минуту, какъ онъ прикоснулся къ портьеру, послышался мучительный вопль:

— Валентинъ!

Онъ обернулся. Сабина кинулась къ століку, схватила какой-то блестящій предметъ и поднесла его къ виску. Вильнуазъ разслышалъ трескъ взводимого курка...

— Если ты выйдешь... я застрѣлюсь!

И онъ понималъ, что она это сдѣлаетъ. Однимъ прыжкомъ онъ очутился подлѣ нея и вырвалъ револьверъ изъ ея рукъ, весь блѣднѣя отъ внутренняго волненія.

— Ахъ!—простонала Сабина:—ты еще любишь меня...—И, кинувшись къ нему на грудь, она стала осыпать поцѣлуями его лицо, руки и даже сюртукъ.—Прости меня, прости!.. Я дурная и терзаю тебя. Но я люблю тебя... люблю... не бросай меня!.. Я не знаю, что я тогда сдѣлаю... ты ненавидишь меня, я чувствую!..

— Нѣтъ, дорогая... что бы ты ни сдѣлала, я не могу ненавидѣть тебя... Но къ чему ты такъ мучишь себя, когда мы могли бы быть такими добрыми друзьями!

— „Друзьями“!—повторила она съ горькой усмѣшкой, и тихія, неудержимыя слезы покатались по ея лицу. Она плакала, какъ ребенокъ, а контрастъ ея мужского платья только подчеркивалъ ея безпомощность. Желая развлечь ее, Вильнуазъ обратилъ ея вниманіе на этотъ костюмъ, о которомъ она совершенно забыла. Она отняла платокъ отъ глазъ, окинула себя удивленнымъ взглядомъ, стремительно кинулась въ уголъ мастерской, сорвала со стоявшаго тамъ манекена шолковый фіолетовый халатъ съ большими, вышитыми золотомъ птицами, сбросила презрительно свою куртку, быстро накинула на себя фантастическое одѣяніе и вернулась къ Вильнуазу.

— Я лучше тебѣ нравлюсь такъ, да? Будь покоенъ,—никогда болѣе не надѣну я этого мужского платья, изъ-за котораго ты такъ на меня разсердился.

Слезы еще блестѣли въ ея глазахъ, но она уже опустила къ его ногамъ со страннымъ, вызывающимъ смѣхомъ, повторяя, что она его раба, вещь его, и никогда болѣе не вступить съ нимъ въ борьбу, потому что ей первой больно мучить его. Въ этой покорной позѣ, у его ногъ, она была соблазнительно прекрасна. Чудные черные волосы ея рассыпались, глаза горѣли

влажнымъ блескомъ подъ густыми бархатными рѣсницами. Она была неузнаваема... Разумѣется, эта женщина могла бы внушать такую же страсть, какою пылала сама, но этому мѣшала ея искренность. Весь пылъ ея души просвѣчивалъ въ каждомъ ея движеніи, тогда какъ ей слѣдовало бы скрывать его подъ маской безстрастія. Чтобы выходить всегда побѣдительницею въ борьбѣ, ей слѣдовало бы уметь владѣть собою, не выдавать своихъ чувствъ, словомъ — пустить въ ходъ самое могучее оружіе — хитрость. Этого-то она и не дѣлала. И мало-по-малу Вильнуазъ отдалялся отъ нея; эти частые переходы отъ бурныхъ сценъ къ любовнымъ ласкамъ охлаждали его чувство. И хотя онъ не позволялъ себѣ думать о Жильбертѣ Меривуръ, все же ея дѣвственный образъ невольно вставалъ передъ нимъ, и связь съ Сабинной становилась ему еще тяжелѣе.

Въ іюнѣ Вильнуазъ получилъ письмо отъ Роберта Дальграна изъ Бельгіи. Бельгія входила въ свадебный маршрутъ его друга, но почему же онъ тамъ засѣлъ?

Оказалось, что Робертъ изобрѣлъ что-то новое, призванное произвести переворотъ въ промышленности, и добился необходимаго заказа именно въ Бельгіи. Въ чемъ состоитъ его изобрѣтеніе, Робертъ не пояснялъ, а только писалъ: „Я готовлю тебѣ сюрпризъ. Я буду въ Парижѣ черезъ нѣсколько дней и расскажу тебѣ все; а потомъ ты приѣдешь сюда, въ Бельгію, взглянуть на мое сооруженіе. Окончено оно будетъ осенью, не могу опредѣлить — когда именно, но ты увидишь, что это будетъ настоящимъ событіемъ въ исторіи промышленности“... Онъ говорилъ, что постѣ этого башню Эйфеля придется разобрать, что было его всегдашнимъ конькомъ; онъ вѣчно твердилъ Вильнуазу, что намѣренъ свергнуть съ ея пьедестала эту нелѣпую, громоздкую, желѣзную машину. Вильнуазъ до сихъ поръ всегда видѣлъ, что Робертъ, скупой на слова, несравненно болѣе дѣлалъ, чѣмъ обѣщалъ, а потому это непривычное, но увѣренное многословіе сулило чудеса. Письмо Роберта было, при всемъ этомъ, полно самыхъ восторженныхъ отзывовъ о своей молодой женѣ. Вильнуазъ былъ пораженъ: любовь, эта исключительная страсть, не только не поглотила Роберта всецѣло, а какъ будто удвоила его энергію къ работѣ. Въ чадѣ того прелестнаго сумбура, что зовется свадебной поѣздкой, Робертъ трудился надъ крупнымъ изобрѣтеніемъ, тогда какъ онъ, Вильнуазъ, почти неспособенъ продолжать свои литературныя занятія только потому, что въ сердцѣ у него какая-то смутная тревога. Очевидно, покой его нарушенъ навсегда...

Дочитывая письмо Роберта, Вильнуазъ затрепеталъ, найдя слѣдующую, въ сущности незначительную приписку:

„Что ты сдѣлалъ съ моей свояченицей Жильбертой? Берегись, донъ-Жуанъ, если ты затѣялъ съ нею флѣртъ! Въ одномъ изъ ея писемъ къ Люсьеннѣ говорилось о какой-то встрѣчѣ въ Булонскомъ-лѣсу... А теперь пошли какіе-то меланхолическіе намеки... Ты не показываешь глазъ... Она не говоритъ ничего особеннаго, но, знаешь, эти дѣвочки... у нихъ такъ и читается между строкъ“.

Шутка эта испугала Вильнуаза. Вспоминая эпизодъ съ резедой на балу и взглядъ, брошенный ему Жильбертой въ Булонскомъ-лѣсу, онъ, вообще избалованный успѣхами у женщинъ, искренно вообразилъ себѣ, что произвелъ на нее черезчуръ сильное впечатлѣніе. Подобное предположеніе было только способно развить въ немъ едва зарождающуюся страсть.

Вскорѣ послѣ этого, Вильнуазу пришлось совершенно случайно снова увидѣть Жильберту. Сабина выразила желаніе быть на сборномъ спектаклѣ въ театрѣ „Французской-Комедіи“, одинъ изъ общниковъ которой прощался въ тотъ вечеръ съ публикой. Вильнуазъ взялъ ложу бенуара. Случайно поднявъ глаза на балконъ, онъ увидалъ прямо передъ собою Жильберту съ отцомъ. Съ этой минуты сцена и артисты перестали его интересовать, и онъ ежеминутно взглядывалъ украдкой на Жильберту изъ-за спины Сабины, но стараясь, чтобы Сабина ничего не замѣтила. Но та, чутьемъ любящей и ревнивой женщины, мгновенно подмѣтила перемену въ его настроеніи, убѣдилась нѣсколькими ловкими вопросами, что онъ почти не смотритъ на сцену и не слушаетъ, и, не выдавая охватившаго ее внезапно волненія, стала незамѣтно слѣдить за Вильнуазомъ, притворяясь, что вся погрузилась въ созерцаніе спектакля. Вильнуазъ, ссылаясь на слишкомъ яркій свѣтъ ramпы, прикрылъ рукой глаза и кого-то разглядывалъ украдкой сквозь пальцы. Сабина прослѣдила безъ особеннаго труда направленіе его взгляда, сейчасъ же узнала генерала Мерикура и его дочь, и въ ней заклокотала бурная ревность. Онъ скрылъ отъ нея, что былъ шаферомъ на свадьбѣ Роберта и кавалеромъ Жильберты, а теперь весь ушелъ въ созерцаніе этой глупой кукольной головки. Сабина сразу угадала соперницу въ этой молодой дѣвушкѣ, прекрасно подмѣтила ея красоту и прелесть, и, сравнивая эту свѣжесть молодости со своей увядающей красотой, почувствовала безграничную ненависть къ Жильбертѣ...

Между тѣмъ, Вильнуазъ не шевелился и ничѣмъ себя не вы-

давалъ. Сабина захотѣла убѣдиться, что она не ошиблась. Когда спектакль кончился, она стала на порогъ ложи, выжидая, чтобы публика прошла,—изъ опасенія столкнуться съ кѣмъ-нибудь изъ своихъ прежнихъ знакомыхъ,—и называла вслухъ проходящихъ. И вдругъ она произнесла довольно громко:—А! вотъ и маленькая Мерикуръ со старымъ генераломъ!

Вильнуазъ стоялъ позади нея, и ему не было видно проходящихъ. Онъ схватилъ ее за руку и глухо прошепталъ. — За-молчите!

— Да что съ вами?

— Вѣдь они могли услышать васъ. Свое имя всегда слышишь.

Сабина язвительно разсмѣялась. Хитрость ея удалась: ни генераль, ни Жильберта, мимо ихъ ложи не проходили, но волненіе Вильнуаза подтвердило ея догадку.

IV.

Отнынѣ Вильнуазъ сталъ несчастнымъ человѣкомъ. Теперь онъ зналъ, что любить Жильберту, а жениться на ней не смѣлъ и помышлять. Теперь его тяготило и собственное богатство: съ какимъ наслажденіемъ онъ окружилъ бы прелестную дѣвушку достойной ея роскошью, какимъ счастіемъ была бы для него возможность осыпать ее подарками, какъ свою невѣсту! Богатство это было бесполезно ему въ отношеніи Сабины, такъ упорно отъ всего отказывавшейся. Его терзала мысль, что онъ ничего не можетъ дать ей взамѣнъ своего сердца, все болѣе и болѣе отдалявшагося отъ нея! А бѣдная Сабина, точно чужбѣду, совсѣмъ преобразилась... Ни сценъ, ни упрековъ... Но ея непрестанная молчаливая грусть мучила Вильнуаза. Его терзало сознаніе, что онъ ничѣмъ не можетъ облегчить страданія этой женщины, къ которой его привязывала еще горячая дружба. И оба мучились молча.

Разъ утромъ Вильнуазу подали карточку Роберта Дальграна. Съ радостнымъ восклицаніемъ сбѣжалъ онъ внизъ, въ гостиную, и бросился въ сильныя объятія Роберта. Сегодня могучая грудь его друга казалась ему особенно вѣрнымъ прибѣжищемъ; она вливала въ него струю энергіи послѣ пережитыхъ недѣль безсилія и безволія. А Робертъ удивлялся: какой у него нехорошій видъ. Что съ нимъ? Нѣтъ ли непріятности съ заводомъ?—Ну, вотъ еще: есть Вильнуазу дѣло до „ликѣра Бертэ“! Нѣтъ, на за-

водѣ царить вождельный порядокъ; управляющій у него умнѣйшій и честнѣйшій человѣкъ... Онъ просто немного утомленъ. Робертъ, вопросительно усмѣхаясь, притронулся къ лѣвой сторонѣ его груди, но Вильнуазъ отрицательно качнулъ головой и разсмѣялся. Смѣхъ его не обманулъ Роберта, но онъ не настаивалъ, потому что, не взирая на всю глубину и искренность ихъ дружбы, они до того расходились въ мнѣніи о женщинахъ, что давно перестали говорить объ этомъ. А послѣ долголѣтняго отсутствія Роберта и того неодобренія, съ которымъ онъ отнесся въ самомъ началѣ къ связи Вильнуаза съ Сабиной, подобные разговоры стали и совсѣмъ немислимы. Для Вильнуаза признаніе было тѣмъ болѣе невозможно, что ему пришлось бы произнести, рядомъ съ именемъ Сабины, имя Жильберты Мерикуръ. Какъ теперешнія невзгоды Вильнуаза подтверждали разсужденія и предсказанія Роберта, никогда не понимавшаго любовь иначе, какъ въ формѣ честнаго брака! Онъ не скрывалъ своего отвращенія къ „адюльтеру“, прямо объявляя себя неспособнымъ любить чужую жену или соблазнить дѣвушку. Не претендуя на невозможное цѣломудріе, онъ считалъ постыдными потребностями все, что не было любовью... А любовь онъ понималъ только супружескую и притомъ считалъ необходимыми полную обоюдную вѣрность и многочисленное, здоровое потомство. Кромѣ того, этотъ сильный, дѣятельный человѣкъ считалъ обязанностью каждаго гражданина трудиться на благо своего отечества, и онъ не могъ не судить съ нѣкоторою строгостью отвлеченныя, ученыя занятія Вильнуаза и его любовныя похождения. А потому онъ могъ только хранить снисходительное молчаніе. Кромѣ того, онъ вовсе не зналъ, въ какомъ положеніи теперь связь его друга съ Сабиной. Была ли у него смутная идея женить Вильнуаза на свояченицѣ—только онъ сегодня опять принялся дразнить его Жильбертой. Вильнуазъ слушалъ его съ беспокойствомъ. Да что такое онъ сдѣлалъ съ Жильбертой?—шутилъ Робертъ.—Стоитъ произнести его имя при ней, какъ у нея дѣлается какое-то странное лицо.

Вильнуазъ возразилъ, что ничего не понимаетъ, потому что, за исключеніемъ встрѣчи въ Булонскомъ-лѣсу, онъ не видалъ болѣе Жильберты.

Какъ! шаферъ Жильберты не сдѣлалъ генералу визита? Ну, тогда онъ болѣе не удивляется и нѣсколько неприязненному тону генерала. Робертъ знаетъ, что генералъ пригласилъ Вильнуаза присутствовать на его сеансахъ дрессировки лошадей въ военномъ училищѣ, и старикъ, конечно, обидѣлся, что Вильнуазъ не

воспользовался этимъ вообще рѣдкимъ приглашеніемъ. Вильнуазъ замѣтилъ, что это непріятно Роберту, и выразилъ желаніе поскорѣе загладить свою оплошность. Было условлено, что въ слѣдующій четвергъ Вильнуазъ пріѣдетъ позавтракать въ семейномъ кругу къ Роберту, и все будетъ позабыто, потому что онъ уже всѣмъ симпатиченъ. А послѣ завтрака Робертъ поведетъ ихъ всѣхъ осматривать его заводъ, гдѣ готовится его новое сооруженіе. На всѣ вопросы Вильнуаза, въ чемъ собственно состоитъ его новое изобрѣтеніе, Робертъ упорно отвѣчалъ, что онъ узнаетъ все въ четвергъ, а пока тайна эта извѣстна одной Люсьеннѣ.

Послѣ ухода Роберта, Вильнуазъ почувствовалъ себя другимъ человѣкомъ: энергія его друга заразила и его. Къ тому же онъ радовался, что отнынѣ у него будетъ домъ, гдѣ его будутъ принимать какъ близкаго человѣка. Вѣдь онъ уступилъ только убѣжденіямъ Роберта, утверждавшаго, что онъ обижалъ своимъ отсутствіемъ генерала и его дочь. И вечеромъ онъ явился къ Сабинѣ необычно благодушно настроеннымъ. Сначала та обрадовалась, но сейчасъ же встревожилась, догадываясь чутъемъ, что тутъ что-то кроется. Какъ узнать, чему такъ очевидно радуется Вильнуазъ? Она была слишкомъ горда для того, чтобы шпионить за нимъ, а разспрашивать его не рѣшалась, боясь нечаяннаго повторенія прошлыхъ мучительныхъ сценъ. И убѣдись она, что онъ занятъ Жильбертой Мерикуръ, Сабина была способна натворить непоправимыхъ дѣлъ, въ припадкѣ безумной ярости, а если промолчать, то, можетъ быть, все пройдетъ и такъ. И несчастная женщина, со своей болѣзненной, обостренной чувствительностью, приняла самое геройское для нея рѣшеніе: молчать и ждать.

Въ назначенный Робертомъ четвергъ она работала у себя въ мастерской, а Вильнуазъ ѣхалъ въ своемъ фаэтонѣ въ пригородъ Бильянкуръ, гдѣ жилъ Дальгранъ. Какъ ей было бы больно увидѣть его сіяющій, цвѣтушій видъ,—ей, которой такъ хотѣлось быть единственной радостью, цѣлью и гордостью его жизни! И она сама удивлялась той острой, ожесточенной страсти, съ которой она любила его теперь. Вѣдь въ началѣ ихъ связи она любила его иначе. Въ то время онъ не былъ еще для нея всѣмъ на свѣтѣ, и она расхохоталась бы ему въ лицо, еслибы онъ выразилъ претензію наполнять исключительно ея сердце и жизнь. А теперь она—раба этого человѣка. Ее возмущала мысль, что она не можетъ жить безъ него,—между тѣмъ терзается подлѣ него. Неужели она дорожитъ имъ такъ потому, что она разорена и одинока? Неужели она способна на подоб-

чую низость! Вѣдь, мечтая выйти за него замужъ, она думаетъ и о его богатствѣ, и о возстановленіи своей женской чести! Но гордый умъ Сабинны не остановился на этой мысли, и сейчасъ же ее смѣнила жалость къ себѣ, къ своей исковерканной жизни. Жалость и должна была внушать эта несчастная женщина, съ такой мучительно-тонкой, нервной натурой. Тѣмъ временемъ Вильнуазъ отдыхалъ душой въ семейномъ кругу своего друга отъ тяжелой атмосферы, окружавшей страстную Сабину. За столомъ царило непринужденное, умѣренно-веселое настроеніе. Генераль сдѣлалъ Вильнуазу дружескій упрекъ, Жильберта бросила на него немного робкій, грустный взглядъ, а затѣмъ все было позабыто, и съ нимъ стали обращаться какъ съ давнишнимъ другомъ. Люсьенна оказалась прелестной, остроумной женщиной, и сумѣла вовлечь его въ интересный разговоръ. Вильнуазъ, вообще блестящій собесѣдникъ, оживился, тѣмъ болѣе, что Жильберта слушала его съ замѣтнымъ вниманіемъ и восхищеніемъ. И завтракъ прошелъ незамѣтно, къ великому удовольствію Роберта: какъ онъ радъ, что другъ его подружился и съ Люсьенной, по крайней мѣрѣ ей будетъ съ кѣмъ поболтать! — А вѣдь онъ самъ варваръ — и на разговоры не мастеръ. — Онъ-то! — Люсьенна подняла на мужа взоръ, полный наивнаго обожанія.

Когда послѣ завтрака всѣ поднялись и перешли пить кофе на балконъ, выходившій на Сену, Робертъ задержалъ немного жену, обнявъ ее за талію и поцѣловалъ долгимъ, нѣжнымъ поцѣлуемъ. Генераль и Жильберта были уже на балконѣ, но Вильнуазъ, закуривавшій сигару, немного отсталъ и весь затрепеталъ, вида эту любовную ласку. А поднявши затѣмъ глаза на Жильберту, онъ впервые почувствовалъ сильное, страстное бѣненіе сердца. До этой минуты онъ видѣлъ въ дѣвушкѣ лишь идеальную подругу жизни, плотскихъ помысловъ у него не было. Но теперь ея чистый образъ предсталъ внезапно передъ нимъ совсѣмъ въ другомъ освѣщеніи. Въ него вонзилось острое, неотразимое жало страсти. И онъ пересталъ обманывать себя; онъ понималъ, что влекло его сюда, для чего онъ пріѣхалъ.

День былъ солнечный, жаркій, и Робертъ рѣшилъ не водить своихъ гостей на заводъ, тѣмъ болѣе, что генераль пріѣхалъ верхомъ, и для него атмосфера завода была бы утомительна. А потому Робертъ проводилъ всю компанію въ небольшой тѣнистый паркъ по другую сторону завода, гдѣ было до того прохладно, что всѣ удивились. — Отлично: по крайней мѣрѣ, его слушатели не заснутъ отъ скуки. И Робертъ принялся объяснять имъ свое изобрѣтеніе.

Дѣло шло о замѣнѣ желѣза алюминіемъ. Робертъ открылъ формулу сплава, дающаго металлъ втрое легче желѣза и совершенно не поддающагося ржавчинѣ. Долго трудился онъ и искалъ, пока не нашелъ формулы того, что онъ называетъ „металломъ будущаго“. И вотъ, въ доказательство превосходства своего алюминіеваго сплава надъ желѣзомъ, съ точки зрѣнія легкости, выдѣлки, прочности и экономности, онъ строитъ виадузъ, который ему разрѣшили въ Бельгіи перебросить черезъ Маасъ, близъ Динана. Открытіе этого виадука состоится въ сентябрѣ, въ присутствіи бельгійскихъ властей и ученыхъ делегацій всего свѣта. И онъ приглашаетъ ихъ всѣхъ на это торжество,—генерала, Жильберту и Вильнуаза.

Приглашенные его молчали, еще не понимая всей важности этого открытія; потому что у нихъ не было необходимыхъ для подобнаго пониманія техническихъ познаній. Люсьенну, которой мужъ обстоятельно разъяснилъ свое открытіе, раздражило это молчаніе. Какъ! они не понимаютъ! новый металлъ! Да вѣдь это повлечетъ за собою измѣненіе всѣхъ жизненныхъ условій... Были „вѣкъ бронзовый“ и „вѣкъ желѣзный“, а двадцатый вѣкъ будетъ „вѣкомъ алюминіевымъ“... И, обернувшись къ мужу, она схватила его руку съ очаровательнымъ жестомъ, восклицая:

— Подумайте только, какая слава выпадетъ на долю того, кто открываетъ человѣчеству новую эру!—Вильнуазъ призадумался, и мало-по-малу соображалъ всю важность только-что слышаннаго.—Возможно ли?—и онъ пристально взглянулъ на своего друга. Тотъ подтвердилъ, что увѣренъ во всемъ, кромѣ славы. Но, впрочемъ, онъ сдѣлалъ все это не одинъ: сколько лѣтъ уже и сколько людей работаютъ въ томъ же направленіи. Но Люсьенна сдѣлала жестъ, сметавшій всѣхъ остальныхъ безвѣстныхъ тружениковъ со сцены,—она признавала только геній мужа!

Жильберта смотрѣла на сестру, и смятеніе обуревало ея дѣвическое сердце; тутъ была и симпатія, и какъ бы зависть къ такой безграничной, горделивой любви. Какъ должно быть сладко такъ думать и говорить о человѣкѣ, которому принадлежишь вся, тѣломъ и душой!.. Да, только именно такъ и представлялась ей страсть. Только сегодня начинала она понимать то, о чемъ мысленно допрашивала себя съ того самаго дня, какъ сестра ея стала невѣстой. Она наблюдала за всякимъ ея движеніемъ съ чуткимъ любопытствомъ дѣвичьей души; а когда новобрачные вернулись изъ свадебной поѣздки, наблюдательность ея еще обострилась. Ей было странно, что эта Люсьенна, которая казалась ей второй Жильбертой, говорить „ты“ этому чужому мо-

лодому человѣку, цѣлуется съ нимъ. Удивляла ее и ихъ общая спальня, и къ удивленію ея примѣшивалось немного ревности, отвращенія и раздраженія. Она схватывала на-лету безмолвные, странно влюбленные взгляды Роберта на Люсьенну, и находила, что Робертъ грубъ: Она всегда слегка сердилась на Люсьенну, когда та называла этого атлета: „мой мужъ“; а когда тотъ называлъ Люсьенну своей „женой“, ей становилось просто неловко. Но всего болѣе смутно, безсознательно страдала Жильберта отъ той пропасти, какая раздѣляла теперь ее отъ сестры. Исчезла ихъ тѣсная дѣтская дружба; отнынѣ между ними не было ничего общаго. Стоило теперь Жильбертѣ взять книгу со стола Люсьенны, какъ сестра бросалась къ ней со словами: „Постой, покажи; нѣтъ, это не для тебя“. — „Да ты-то ее читаешь!.. Значить, ты читаешь гадкія книги“? — возражала младшая съ раздраженіемъ. Люсьенна отвѣчала только молчаливой улыбкой, и это молчаніе, эта улыбка, этотъ видъ превосходства, оскорбляли Жильберту. Несмотря на глубокую любовь къ сестрѣ и на природную доброту, отличительное качество семьи Мерикуръ, у Жильберты вырывались подчасъ нетерпѣливыя фразы: „Ну, если всѣ дѣвушки становятся такими, какъ только превратятся въ „дамъ“, то я предпочитаю вовсе не выходить замужъ! Развѣ замужество такая гадкая вещь, что его окружаютъ подобной тайной, развѣ оно научаетъ васъ такимъ ужасамъ, что о нихъ не смѣютъ даже заикаться“? Но сѣгодня, сама не понимая почему, она ощущала такой приливъ радости въ сердцѣ, что въ ней пробуждалась симпатія къ этому счастью вдвоемъ, эгоизмъ котораго такъ раздражалъ ее не далѣе какъ вчера. Когда Люсьенна такъ трогательно восторженно высказала свою вѣру въ мужа, съ глазъ Жильберты точно спала повязка, и тайна любви озарилась новымъ свѣтомъ. Только она была бы неспособна чувствовать этотъ завидный энтузіазмъ къ какому-то механику, будь онъ даже гениальный изобрѣтатель. Она понимала только славу писателя или художника, а восторгаться тѣмъ, что человѣкъ строитъ какой-то тамъ вѣдучъ изъ алюминія, а не изъ желѣза, это не по ея части! Кромѣ того, она не видѣла особой разницы между самимъ строителемъ и его рабочими: не трудились ли они надъ однимъ и тѣмъ же? Вѣдь, собственно говоря, мосты, за постройку которыхъ расточали похвалы Роберту, строились его рабочими, и самъ онъ ни мало не скрывалъ важности значенія ихъ работы. Часто онъ самъ трудился наравнѣ съ ними и не разъ возвращался изъ мастерскихъ съ черными, грязными руками. И къ ея уваженію къ этому тру-

женику примѣшивалась нѣкоторая доля пренебреженія. Нѣтъ, тотъ, кого полюбить она, Жильберта, будетъ утонченнѣе и изящнѣе!

И пока Дальгранъ, никѣмъ не прерываемый, подробно рассказывалъ имъ исторію алюминія, подъ восхищеннымъ взоромъ жены, Жильберта украдкой поглядывала на Вильнуаза. Она знала, что въ юности онъ пописывалъ стихи, а Робертъ какъ-то показалъ ей въ школьной тетрадкѣ четверостишіе своего друга. Въ немъ говорилось о будущей идеальной любимой женщинѣ: у нея будутъ ясные, чистые глаза и нѣжныя ручки, на которыя онъ склонитъ свое чело, когда умъ его устанетъ парить въ высотѣ... И Жильберта смотрѣла на это чело, таившее столько мыслей и грёзъ, на эти тонкія черты лица, обличающія поэтическую натуру, и жалѣла, что обладаетъ пухлыми, порозовѣвшими теперь отъ жары лапками, а не тѣми бѣлыми, тонкими ручками, о которыхъ, навѣрное, мечталъ Вильнуазъ, сочиняя свои стихи. А между тѣмъ, приведи теперь кто-нибудь Вильнуазу его школьное четверостишіе, онъ не узналъ бы его. По странному совпадению, онъ какъ разъ любовался хорошенькими розовыми ручками дѣвушки, и ему страстно хотѣлось покрыть ихъ поцѣлуями. И оба они молчаливо созерцали другъ друга, поддаваясь волшебнымъ чарамъ возникающей любви...

V.

На другой день Вильнуазу пришла впервые мысль о возможности разрыва съ Сабинной. Съ какой стати станетъ онъ жертвовать ей счастьемъ своей жизни, когда онъ и ей не даетъ счастья? Вѣдь стоитъ, чтобы между ними разразилась одна изъ тѣхъ сценъ, когда Сабина любитъ объявлять, что между ними все кончено, стоитъ ему поймать ее на словѣ—и разрывъ окажется совершившимся фактомъ. Онъ чувствовалъ, что имѣетъ право на свободу, на счастье, на любовь... а съ нѣкоторыхъ поръ куда присоединилось сознание нѣкоторыхъ обязанностей по отношенію къ Жильбертѣ. Хотя онъ ни словомъ не обмолвился ей, но понималъ, что она догадывается о его чувствѣ. Ничтожный самъ по себѣ эпизодъ ясно показалъ ему, какъ далеко зашли они оба. Въ одинъ изъ своихъ визитовъ къ Роберту онъ остался случайно вдвоемъ съ Жильбертой въ саду. Они ходили взадъ и впередъ, поддерживая шутливый разговоръ, какъ вдругъ, на поворотѣ одной аллеи, Вильнуазъ внезапно остановился и умолкъ—не

редъ нимъ оказалась клумба цвѣтовъ Иванъ-да-Марьи съ бордюромъ изъ резеды. Резеда!.. Жильберта тоже взглянула на бордюръ и вздрогнула, потому что и ей припомнилась та вѣточка резеды, которою она обмѣнялась тогда на балу съ Вильнуазомъ. Значить, и онъ это вспомнилъ... Вильнуазу безумно захотѣлось вынуть изъ кармана свою записную книжку и показать ей сохранившуюся въ ней, засушенную вѣточку резеды; но его удержала мысль о тѣхъ серьезныхъ послѣдствіяхъ, которыя могъ повлечь за собою подобный шагъ. Онъ только нагнулся, сорвалъ вѣточку резеды и молча подаль ее Жильбертѣ; а ей вдругъ стало безотчетно тяжело на душѣ...

Спустя нѣсколько дней, Робертъ заѣхалъ позавтракать къ Вильнуазу и завелъ весьма странный разговоръ. За послѣднее время жена его очень огорчена изъ-за Жильберты.

— Въ чемъ дѣло? развѣ она больна?

— Нѣтъ, тутъ другое... ей сдѣлали недавно предложеніе... партія вполне подходящая, претендентъ принадлежитъ къ хорошей семьѣ, имѣетъ достаточное состояніе, генераль Мерикуръ давно его знаетъ и любить какъ сына...—Говоря все это, Робертъ въ душѣ забавлялся и радовался, подмѣчая волненіе Вильнуаза, не выдававшего себя, однако, ни однимъ словомъ. И Робертъ продолжалъ:—Къ великому неудовольствію Люсьенны и особенно генерала, питающаго пристрастіе къ молодому претенденту, теперь уже капитану, и служившему когда-то подъ его начальствомъ, Жильберта отказала. А между тѣмъ этотъ Пьеръ де-Бревиль пресимпатичный и красивый малый...

Де-Бревиль!.. Вильнуазъ вздрогнулъ. Имя это знакомо ему... Гдѣ онъ его слышалъ? Не знаетъ ли Робертъ, имѣются ли у этого Бревиль братья?—Нѣтъ, виконтъ—единственный сынъ, и графъ де-Бревиль, его отецъ, еще живъ... И вдругъ вспомнился Вильнуазу тотъ эпизодъ, при которомъ онъ впервые услышалъ это имя, и у него вырвалось невольное, болѣзненное восклицаніе.—Что съ нимъ? онъ знаетъ этихъ де-Бревиль?—О, нѣтъ, нѣтъ...

Робертъ съ тревогой посмотрѣлъ на него. Другъ его оказывался сложнѣе, нежели онъ предполагалъ, и это могло грозить въ будущемъ опасностью для Жильберты. Вообще, проникательностью Робертъ не блисталъ, но все же онъ успѣлъ подмѣтить взаимное влеченіе Жильберты и Вильнуаза. И если тутъ замѣшалось какое-нибудь невѣдомое ему осложненіе, то ему слѣдуетъ держать ухо востро, потому что Жильберта не должна быть несчастною. И ему припомнились любовныя теоріи Виль-

пуаза и его всегдашнее презрѣніе къ молодымъ дѣвушкамъ. Ужъ не ошибся ли онъ, сближая своего друга со свояченицей?..

Когда Робертъ ушелъ, Вильнуазъ далъ волю своей радости и раздраженію. Это несомнѣнно! Жильберта любить его и отказывается отъ выгодной партіи, чтобы ждать его предложенія, даже не зная навѣрное, думаетъ ли онъ-то о ней!.. Но какое же именно воспоминаніе связано для него съ этимъ именемъ Бревиль? Конечно, онъ услышалъ его впервые отъ Сабины. Но когда же, при какихъ обстоятельствахъ? И вдругъ передъ нимъ выросла фигура Сабины въ мужскомъ платьѣ въ ея мастерской... она представляетъ ему графа де-Бревиль... Старый селадонъ заказалъ ей портретъ своей любовницы, позволилъ себѣ ввести къ ней какую-то погибшую женщину... И это—отецъ того человѣка, который претендовалъ на руку *mademoiselle* Мерикуръ!.. И Сабина, конечно, приняла этотъ заказъ, не взирая на его протесты. Еще бы: она бѣдна, ей нужны деньги, а отъ него она помощи не приметъ. И, конечно, она видѣлась потомъ не разъ съ этимъ графомъ; тотъ, разумѣется, велъ съ нею разные разговоры, пожалуй даже общилъ ей, что сынъ его задумалъ жениться... А что если Сабина замѣшана во все это? Вѣдь она уже ревновала его инстинктивно къ Жильбертъ!..

И Вильнуазъ явился къ ней вечеромъ, мрачный, озлобленный, готовый порвать связь съ нею моментально. Онъ ни на минуту не сомнѣвался, что она сама первая доставитъ ему поводъ для этого разрыва.

Онъ бывалъ у нея не ежедневно, и сегодня Сабина не ждала его. Она сидѣла въ своей мастерской въ грустномъ раздумьѣ и по щекамъ ея текли слезы, которыхъ она даже не чувствовала... Когда Вильнуазъ вошелъ, она привѣтствовала его съ такимъ восторгомъ, что въ молодомъ человѣкѣ сразу проснулась жалость къ ней. Но и эта жалость, и видъ ея слезъ, ея осунувшагося, грустнаго лица,—все это пришлось нектати, и сейчасъ же въ немъ заговорило и раздраженіе. И вотъ, обуреваемый въ одно и то же время состраданіемъ и ожесточеніемъ, онъ принялся нервно разыскивать тотъ портретъ любовницы графа де-Бревиль, который долженъ былъ сослужить ему службу,—доставить предлогъ для разрыва. Сначала онъ только осматривался, осторожно и небрежно перебирая рисунки въ папкахъ, но, не находя нигдѣ того, что искалъ, онъ сталъ перерывать все съ такимъ видимымъ нетерпѣніемъ, что она, наконецъ, спросила его, чего онъ ищетъ? Она сейчасъ достанетъ то, что ему нужно.

— Чего онъ ищетъ? Да портрета любовницы графа де-Бре-

виль! Развѣ онъ уже оконченъ и сданъ заказчику?..—Нѣтъ, она совсѣмъ не писала этого портрета... А любовница ли графа та дама, о которой онъ говорилъ,—она вовсе не знаетъ. Графъ не называлъ ея имени; она сама заподозрила любовную интригу и рассказала все это тогда Вильнуазу просто такъ... изъ задора. А отъ заказа она на другой же день отказалась письменно, въ такихъ выраженіяхъ, что графъ не позволилъ себѣ дальнѣйшихъ настояній. Съ нея довольно и той тяжелой ссоры, что произошла тогда между ними изъ-за этого портрета.—Неужели? значитъ, она не знаетъ и сына графа?

— Сына графа? я и не подозрѣвала, что у графа есть сынъ! Почему вы заговорили о немъ?

Вильнуазъ уже упрекалъ себя за свою оплошность и поспѣшилъ отвлечь вниманіе Сабины; но она была такъ чутка, что ни одно слово его не ускользало отъ нея. Не ускользнулъ отъ нея и тонъ его послѣдующихъ фразъ:

— Но вѣдь, отказавшись отъ этого заказа, вы принесли мнѣ большую жертву! Право, не знаю, какъ и вознаградить васъ за это, моя дорогая?

У нея вырвалось укоризненное восклицаніе; она подбѣжала къ нему, обвила его шею руками и прошептала, подставляя ему для поцѣлуя лицо:

— Скажи только, что ты доволенъ мною!

Могъ ли онъ отказать ей въ поцѣлѣ?

Таковъ былъ финалъ сцены, имъ самимъ вызванной съ цѣлью разрыва. Эта женщина, раздражавшая его раньше бурными вспышками, выказывала теперь какъ бы нарочно безконечную покорность и деликатность. Чтѣ за сложный характеръ и какая натура! какъ быстро преобразается она!.. Когда онъ вошелъ къ ней, у нея былъ такой старообразный видъ, а теперь, подъ его лаской, она расцвѣла и вся сіяетъ молодостью и красотой. И снова онъ поддался ея чарамъ, а вернувшись домой, сталъ упрекать себя въ двоедушіи и нерѣшительности. Вѣдь любить онъ Жильберту, а между тѣмъ только-что расточалъ страстныя рѣчи Сабинѣ... Какъ выйти изъ подобнаго положенія?

И вотъ, чтобы убѣжать отъ Жильберты, Вильнуазъ уѣхалъ къ себѣ въ помѣстье, гдѣ имѣлъ обыкновеніе проводить ежегодно по нѣсколькимъ недѣлямъ. На противоположной отъ завода сторонѣ, неподалеку отъ деревни Вильнуазъ, на окраинѣ его имѣнія, у него была небольшая, имъ купленная вила, куда Сабина переѣзжала каждое лѣто со своей вѣрной горничной Эстеллой. Вильнуазъ навѣщалъ ее тамъ, потому что Сабина не бывала

никогда въ его замкѣ, какъ не бывала и въ парижской квартирѣ. Лишь изрѣдка гуляла она съ нимъ подъ-руку по дикимъ, живописнымъ уголкамъ его имѣнія. Онъ пріѣзжалъ къ ней верхомъ, самъ разсѣдывалъ и сѣдлалъ свою лошадь, и никто ничего не подозрѣвалъ. И теперь Вильнуазъ зажилъ съ нею по прежнему, разсудивъ, что не имѣетъ права убивать нравственно эту бѣдную женщину, у которой нѣтъ ничего на свѣтѣ, кромѣ него,—потому лишь, что она—не совершенство, и что онъ ее разлюбитъ. Жильберта молода, у нея все впереди, жизнь только-что открывается передъ нею. Наконецъ, ей вѣдь опъ и не заикался о любви, а зато какихъ только клятвъ не давалъ онъ Сабинѣ!.. Да, онъ всецѣло принадлежитъ Сабинѣ, и ему необходимо покончить съ Жильбертой.

Для полного достиженія такой цѣли, ему было необходимо уничтожить въ душѣ ея самые слѣды того неуловимаго единенія, что успѣло непонятнымъ образомъ воцариться между ними. Нечаянно ему помогъ въ этомъ Робертъ, назвавшись къ нему въ гости цѣлой семьей.

Въ назначенный для этого визита день, Вильнуазъ отправился въ экипажѣ встрѣчать на станцію своихъ гостей. И по дорогѣ онъ ломалъ себѣ голову надъ тѣмъ, какъ ему убѣдить эту чудную, чистую дѣвушку, которая ему такъ дорога, что онъ ея вовсе не любитъ!

Послѣднею изъ вагона парижскаго поѣзда выпорхнула Жильберта, и при видѣ ея сердце Вильнуаза мучительно сжалось. Никогда еще не была она такъ прелестна, какъ сегодня, въ этомъ свѣтломъ батистовомъ платьѣ, съ большимъ гипюровымъ воротникомъ, падавшимъ на пышные рукава и открывавшимъ ея шейку. Свѣжее личико ея мило улыбалось изъ-подъ большой соломенной шляпки. Пока они ѣхали отъ станціи до замка, Вильнуазъ все время старался держать себя такъ, чтобы не было ни малѣйшей разницы между его обращеніемъ съ Жильбертой и со всей компаніей. Онъ взглядывалъ на нее безстрастными глазами, говорилъ съ ней ровнымъ, равнодушнымъ голосомъ. Онъ надѣялся разсердить ее, разсчитывая, что еле зарождающаяся любовь смѣнится досадой, но, увѣ! онъ достигъ только того, что когда они доѣхали до замка, въ чистыхъ глазкахъ Жильберты ясно отражалось наивное, тоскливое недоумѣніе. Никто ничего не замѣтилъ, но она, для которой Вильнуазъ игралъ эту мучительную роль, не могла ошибиться насчетъ его намѣреній... И она не ошиблась.

Послѣ сильно затянувшагося завтрака, Вильнуазъ предложилъ

прогулку въ экипажѣ, а осмотръ завода отложилъ на слѣдующій день. Но Робертъ воспротивился этому, потому что на завтра онъ уѣзжалъ; а когда Вильнуазъ, въ сущности желавшій, чтобы гости его уѣхали и тѣмъ положили-бы конецъ его пыткѣ, сталъ вѣжливо, но сдержанно упрашивать генерала и дамъ остаться ночевать у него, Жильберта покраснѣла, взглянула на отца и сказала:

— О, папа, ты знаешь...

Удивленный, генераль старался угадать желаніе дочери. Смутно понимая, что она ждетъ его отказа, онъ сослался на что-то неопредѣленное. Вильнуазъ наблюдалъ за ними, и холодъ закрался ему въ сердце. Какъ быстро удалась его тактика! Бѣдняжка спѣшила бѣжать отъ него... Какъ немного было нужно, чтобы спугнуть ея дѣвическое чувство, которое, думалось ей, она такъ хорошо умѣетъ скрывать! И, не смѣя долѣе удерживать ихъ, онъ предложилъ имъ на выборъ—осмотръ завода или прогулку въ лѣсу, гдѣ имѣются живописные уголки, громадныя скалы и водопадъ. Робертъ высмѣивалъ его лѣсъ и предлагалъ заводъ съ его рабочей слободкой. Но Люсьенну и Жильберту соблазняли оригинальныя названія лѣсныхъ уголковъ: Чортовъ-колодецъ, Источникъ-подъ-соснами, Гостиная-фей, все это казалось имъ заманчивѣе рабочей слободки. И было рѣшено, что Робертъ отправится съ генераломъ осматривать заводъ, а Вильнуазъ повезетъ дамъ въ лѣсъ, къ скаламъ и водопаду.

Дальгранъ усѣлся съ генераломъ въ англійскую телѣжку, а Вильнуазъ съ дамами въ коляску. Робертъ уже тронулъ лошадь, но услыхавъ, что Вильнуазъ спрашивалъ у дамъ, не боятся ли онѣ взбираться по крутымъ, недоступнымъ для экипажа тропинкамъ, обернулся и крикнулъ многозначительнымъ тономъ, чтобы Люсьенна не утомлялась и не карабкалась бы по кручамъ. Вильнуазъ пробормоталъ: „А! хорошо“! Люсьенна покраснѣла и укоризненно пролепетала: „О, Робертъ“! Но тотъ не унимался:

— Если придется подниматься по невозможнымъ тропинкамъ, бери съ собою Жильберту, если ей это нравится. А Люсьенна пусть не выходитъ изъ экипажа.—И онъ уѣхалъ, весьма довольный своей хитростью: и будущая молодая мать не подвергнется никакой опасности, и Жильберта съ Вильнуазомъ успѣютъ объясниться, оставшись вдвоемъ, если имъ необходимо объясняться.

Вильнуазъ приказалъ кучеру ѣхать къ Гостиной-фей, мимо Дуба-повѣшеннаго. У спутницъ его вырвалось изумленное восклицаніе, и онъ рассказалъ имъ легенду объ этомъ деревѣ: когда-то на немъ повѣсился отъ несчастной любви одинъ изъ преж-

нихъ владѣльцевъ Вильнуаза. Люсьенна замѣтила, что это не дворянская смерть, а Жильберта живо возразила:

— Даже и не мужская. Мужчины не убиваютъ себя изъ-за любви... Они не умѣютъ любить по настоящему. И если они кончаютъ самоубійствомъ,—значить, къ ихъ любовной ранѣ примѣшался смертельный ядъ уязвленнаго самолюбія или корысти.

— Вотъ тебѣ разъ!—сказала Люсьенна:—гдѣ набралась ты этой мудрости, моя дѣвочка?

Вильнуазъ удовольствовался однимъ замѣчаніемъ:

— Вы очень строги къ намъ, mademoiselle.

Онъ поблѣднѣлъ. Неужели она считала его способнымъ пренебрегать ею изъ-за разницы ихъ средствъ? Очевидно, ей, не имѣющей ничего раздѣлить съ нимъ, непріятна эта выставка его роскоши. И мысленно онъ бранилъ себя чурбаномъ за несчастную идею выбрать мѣстомъ для разрыва съ нею этотъ пышный замокъ, этотъ лѣсъ. И вдобавокъ, онъ имѣлъ еще безтактность превозносить его!

Когда экипажъ остановился передъ легендарнымъ дубомъ, дѣйствительно могучимъ красавцемъ-исполиномъ, приведшимъ и Жильберту, и Люсьенну въ искренній восторгъ, онъ кратко заявилъ, что не видитъ въ немъ ничего особеннаго,—дерево какъ дерево, пригодное на дрова, вотъ и все. И онъ приказалъ кучеру ѣхать дальше, а Жильберта истолковала это презрѣніе къ прекрасному, возбудившему ея восхищеніе дереву, какъ враждебное проявленіе по ея адресу. Когда люди не могутъ объясниться, то всякая новая мелочь только усиливаетъ возникшее между ними недоразумѣніе. А Вильнуазъ въ эту минуту искренно готовъ былъ „сжечь“ весь свой лѣсъ на дрова.

Скоро они доѣхали до небольшой круглой площадки, окруженной полукругомъ высокой, отвѣсной скалой. Такъ какъ отверстіе Чортова-колодца помѣщалось наверху, въ трещинѣ этой скалы, то было рѣшено, что Люсьенна останется въ экипажѣ, а Вильнуазъ и Жильберта взберутся на кручу. Подъемъ этотъ совершился въ молчаніи. Жильберта не отдавала себѣ отчета въ пройденномъ разстояніи и удивлялась теперь, что они очутились на такой высотѣ. Широкій горизонтъ открывался отсюда. Жильберта различила замокъ и паркъ, а дальше—дымящійся заводъ и рабочую слободку. Съ другой стороны, у лѣсной опушки, виднѣлся одинокій домикъ съ садомъ, а подальше—деревушка. Вильнуазу казалось, что этотъ небольшой домикъ, жилище Сабинны, застилаетъ ему все пространство, и онъ поспѣшилъ отвлечь отсюда вниманіе Жильберты. Онъ подвелъ ее къ отверстію Чор-

това-колодца. Это была трещина въ скалѣ, поросшая по краямъ растительностью, и глазъ не различалъ дна этой черной, зіяющей пропасти. По просьбѣ Жильберты, Вильнуазъ бросилъ туда довольно крупный камень. Достигнувъ, вѣроятно, илистаго или мшистаго дна, камень вызвалъ при паденіи глухой звукъ, похожій на подавленный вздохъ. Это произвело на Жильберту тяжелое впечатлѣніе, и она предложила Вильнуазу вернуться въ Гостиную-фей. Спускались они по другому, болѣе пологому скату. Дойди до Источника-подъ-соснами, падавшему со скалы съ высоты двухъ метровъ, что придавало ему видъ каскада, Жильберта остановилась, сняла перчатки и поставила свои ручки подъ холодныя струи. Вся розовая отъ жары и ходьбы, она была такъ прелестна въ своей граціозной позѣ, что Вильнуазъ невольно залюбовался ею. Женское чутье подсказало ей, что ею любуются: она обернулась къ нему... И любовный трепетъ охватилъ ихъ обоихъ; въ глазахъ дѣвушки зажегся лучъ счастья. Но Вильнуазъ сейчасъ же опомнился, и понимая, что это мгновеніе слабости уничтожало всѣ результаты его напускной холодности, и что подобное поведеніе похоже на жестокую игру, онъ принялъ вдругъ необычайное рѣшеніе и сказалъ Жильбертѣ:

— Простите мою нескромность, но я такъ люблю Роберта, принимаю такое участіе во всей его семьѣ...

Онъ запнулся. Только-что онъ заговорилъ, какъ Жильберта поблѣднѣла и вынула руки изъ воды. И теперь съ ея пальчиковъ на землю падали прозрачныя капли воды, точно слезы.

— Что вы хотите сказать?

— Конечно, я касаюсь весьма щекотливаго предмета... ни мало меня не касающагося. Но Робертъ такъ озабоченъ, огорченъ... И я знаю, что ваши отецъ и сестра такъ этого желаютъ...

— Желаютъ? чего?.. Да говорите же!..

Ручки ея теперь дрожали, и капли воды падали все чаще и чаще.

— Чтобы вы вышли замужъ за... за графа де-Бревиль, — докончилъ Вильнуазъ, почти задыхаясь.

— Вамъ поручили поговорить со мной? — пролепетала она, съ внезапной краской въ лицѣ.

— Мнѣ вичего не поручали, но я думалъ, что дружескій совѣтъ...

— Вы совѣтуете мнѣ принять это предложеніе?

— Именно... ваши родные такъ этого желаютъ!

Она помолчала съ минуту, глядя ему прямо въ лицо. Недо-

умѣніе свѣтилось въ ея глазахъ; она ничего не понимала. Не замаскированное ли это признаніе? Но онъ молчалъ—и вдругъ она поняла его тайный умыселъ. „Какой стыдъ!“ — промелькнуло въ ея головѣ, и она чуть-было не отвѣтила ему, что охотно выйдетъ за де-Бревиль, а его просить быть ея шаферомъ. Но природное прямодушіе одержало верхъ, и она отвѣчала самымъ простымъ тономъ:

— Нѣтъ, я не выйду за г. де-Бревиль. Но и за другого выходить я тоже не собираюсь, и замужъ никогда не выйду.

Она отвернулась отъ него и стала спускаться по тропинкѣ, а Вильнуазъ ничего не оставалось другого, какъ слѣдовать за нею. Онъ чувствовалъ себя виноватымъ и не смѣлъ поднять на нее глаза. Но вдругъ ему показалось, что совершилось чудо: Жильберта испуганно вскрикнула и отскочила назадъ, почти въ его объятія. Онъ подхватилъ ее и чуть-было, въ упоеніи отъ этой нечаянной близости, не воскликнулъ: „Нѣтъ, нѣтъ, это невозможно... Я не могу отречься отъ васъ, я люблю васъ“... Но Жильберта прошептала:

— Тамъ... посмотрите, кто тамъ?!.. Какъ я испугалась! — Изумленный ея словами, Вильнуазъ кинулся къ группѣ кустарниковъ, на которые указывала ему Жильберта.

— Кто тамъ?—крикнулъ онъ, хватаясь за револьверъ, безъ котораго никогда не ѣздилъ въ этотъ лѣсъ. Въ отвѣтъ послышался только шорохъ листьевъ.

— Кто тамъ? Отвѣчайте, или я буду стрѣлять!—повторилъ Вильнуазъ, съ шумомъ взводя курокъ, но никто не отделился въ чащѣ; а когда Вильнуазъ пробрался туда, тамъ никого не оказалось.

— Вамъ, должно быть, показалось!—сказалъ онъ.

— Нѣтъ, я ясно разглядѣла человѣка, — возразила Жильберта.—Совсѣмъ молодой, брюнетъ, безбородый. Я хорошо видѣла его лицо.

— Что онъ тамъ дѣлалъ?

— Мнѣ показалось, что онъ слѣдилъ за нами, потому что онъ шевельнулся только тогда, когда я вскрикнула. Онъ, можетъ быть, и не шелохнулся бы, еслибы его мнѣ не выдала бѣлизна его лица.

Тѣмъ не менѣе, Вильнуазъ все еще сомнѣвался, пока она не сказала ему, вступая первою на круглую площадку Гостиницей:

— Да, вотъ, смотрите... Тамъ, наверху!

Вильнуазъ поднялъ голову и успѣлъ замѣтить на вершинѣ

только-что повинutoй скалы темный силуэтъ челоуѣка, который сейчасъ же взялъ въ сторону и исчезъ.

— Чтò тутъ дѣлать! Не лѣзть же мнѣ за нимъ наверхъ,— сказалъ онъ.— Но не бойтесь, онъ попадетъ моимъ лѣсничимъ...

— Чтò съ вами? — спросила у нихъ Люсьенна, когда они вернулись въ экипажъ. — Ты блѣдна какъ полотно, Жильберта.

— Mademoiselle Жильберту напугалъ наверху какой-то бродяга,— отвѣчалъ за нее Вильнуазъ.

VI.

Три недѣли спустя, зная, что генералъ уѣхалъ съ Жильбертой куда-то къ морю, Вильнуазъ отправился навѣстить Роберта. Тотъ повелъ его въ мастерскія и показалъ совсѣмъ готовыя составныя части вѣдука. Скоро онъ самъ ѣдетъ въ Бельгію, для окончательной установки и пробы своего алюминіеваго сооруженія. Вильнуазъ слушалъ внимательно всѣ его объясненія, и вдругъ сказалъ:

— Не найдется ли у тебя какого-нибудь рискованнаго занятія, при которомъ честный челоуѣкъ могъ бы отдѣлаться отъ жизни, не прибѣгая къ нелѣпости самоубійства?

Тонъ его рѣчи поразилъ Роберта, и тотъ принялся его допрашивать. Вильнуазъ сознался, что жизнь его стала невыносимой... Робертъ хладнокровно предложилъ ему избавить его отъ той женщины, которая такъ терзаетъ его: очевидно, тутъ замѣшана женщина. Но Вильнуазъ возразилъ, что онъ жаждетъ избавиться не отъ нея, а отъ самого себя, отъ своего истерзаннаго сердца, больной воли, угрызений совѣсти...

Вотъ чтò! значить, онъ понимаетъ, сколько онъ надѣлалъ зла! Вильнуазъ поблѣднѣлъ, а Робертъ объяснилъ ему, что, въ сущности, въ исторіи съ Жильбертой виноватъ не онъ одинъ, а и они всѣ... Онъ же виноватъ, конечно, въ томъ, что не предупредилъ Роберта о своемъ фальшивомъ положеніи съ самаго начала: тогда Робертъ не вводилъ бы его въ свою семью. И пусть онъ не говоритъ, что любить Жильберту; Робертъ запрещаетъ ему не только говорить объ этомъ, а даже и думать... Чтò? онъ хочетъ умереть? ну, это ровно ни къ чему не поведетъ, а лучше пусть онъ выскажется до конца, на чистоту...

Вильнуазъ рассказалъ ему подробно о своемъ положеніи, описалъ страстную натуру Сабинны и добавилъ, что за послѣдніе дни она стала подозрительнѣе, чѣмъ когда-либо. Она вообразила

себѣ почему-то, что онъ намѣревается бросить ее, и сцена слѣдуетъ за сценой. Жизнь ихъ—пытка для обоихъ, а между тѣмъ, вздумай онъ самъ ее бросить, ему это было бы невыносимо тяжело. А! договорился!.. И Робертъ невозмутимо посоветовалъ ему просто жениться на Сабинѣ, потому что его мучаетъ, въ сущности, двойственность его положенія. Выходъ изъ него одинъ—возвращеніе къ прямой линіи. А когда онъ будетъ мужемъ Сабины, то и Жильберта успокоится и исполнится, потому что противъ подобнаго безповоротнаго факта ничего сдѣлать нельзя. А пока ему необходимо провѣтриться... Да, вотъ, не хочетъ ли онъ проѣхать съ нимъ, Робертомъ, въ Бельгію? Онъ собирался риснуть жизнью, а это самый удобный случай.

— Что ты хочешь сказать?

А вотъ что: когда по алюминіевому віадукѣ пойдетъ пробный поѣздъ съ громаднымъ, предписаннымъ администраціею, грузомъ, то для сидящихъ на немъ людей это будетъ штука не безопасная, потому что ошибка въ расчетахъ, когда дѣло идетъ о новомъ металлѣ, всегда возможна. Потому машинистомъ этого поѣзда будетъ онъ самъ, Робертъ; онъ не желаетъ подвергать опасности ни одного машиниста, хотя заранѣе знаетъ, что ни одинъ изъ нихъ не способенъ отказаться отъ такого опаснаго поста. Но опаснаго ничего не случится, опытъ сойдетъ благополучно, а если Вильнуазъ согласенъ прокатиться рядомъ съ нимъ на паровозѣ, то это доставитъ ему пріятную встряску, — все же въ принципѣ оно рискованно. А встряхнуться Вильнуазу необходимо. Чортъ возьми! неужели только на свѣтѣ и есть, что однѣ бабы! Конечно, оно непріятно быть связаннымъ съ одной, когда тебѣ нравится другая; но ужъ разъ попалъ въ такую путаницу, — надо мужественно переносить ея послѣдствія. Наконецъ, у нихъ, мужчинъ, есть еще искусства, наука, путешествія, работа,—и все это помогаетъ оправляться послѣ любовныхъ разочарованій. А вотъ бѣдняжку Жильберту, дѣйствительно, жаль, потому что у женщинъ нѣтъ ничего другого въ жизни, кромѣ любви, и для нихъ она—самое главное...

Черезъ недѣлю послѣ этого разговора, друзья наши уже завтракали вдвоемъ въ одной изъ гостинницъ Динана, на самомъ берегу хрустально-прозрачнаго Мааса. Робертъ былъ въ восторгѣ, что скоро увидитъ свой віадукъ въ полной красѣ и блескѣ новаго металла, этого сплава, имъ изобрѣтеннаго. Кстати, какъ же называется этотъ сплавъ? Но на этотъ вопросъ Вильнуаза Ро-

берть отвѣчалъ, что, до поры, до времени, онъ будетъ называться просто аллюминіемъ, чтобы не выдать новымъ названіемъ тайны его состава, пока полный успѣхъ не увѣнчаетъ его опыта. Пусть тогда Вильнуазъ, въ качествѣ этимолога, окрестить его дѣтище.

— То-есть, твоего старшаго, — сказать, улыбаясь, Вильнуазъ:—въ ожиданіи второго, младшаго.

А кто ему это сказалъ?—Да никто, кромѣ самого Роберта тогда, въ Вильнуазѣ, съ его заботами о томъ, чтобы жена не взбиралась на гору...—И то правда...—Какимъ онъ чувствуетъ себя счастливецомъ!.. И недостаетъ ему только счастья своего друга...

Весь день они посвятили осмотру Динана и его достопримѣчательностей, и разошлись только вечеромъ. Робертъ сѣлъ писать Люсьеннѣ. Она должна была прибыть съ отцомъ и сестрой только ко дню официальнаго открытія моста, и его предварительную, рискованную пробу Робертъ отъ нихъ утаилъ. Вильнуазъ же долженъ былъ уѣхать обратно сейчасъ же послѣ этой пробы, чтобы не встрѣчаться съ Жильбертой. Пока Робертъ писалъ женѣ, Вильнуазъ писалъ Сабинѣ, убѣждая ее не являться въ Динанъ. Сабина вообразила, что онъ поѣхалъ туда только для того, чтобы встрѣтиться съ Жильбертой, и до того была убѣждена, что Вильнуазъ собирается жениться на молодой дѣвушѣ, что отважилась прямо заговорить объ этомъ. Онъ далъ ей совѣтъ не касаться этого предмета и удовлетвориться его честнымъ словомъ: нѣтъ, онъ не помышляетъ о женитьбѣ! Но Сабина пригрозила, что тоже пріѣдетъ въ Бельгію, и, если увидитъ его тамъ съ Жильбертой, то устроитъ скандалъ: пусть та знаетъ, что онъ принадлежитъ ей одной. А если тамъ не будетъ ни Жильберты, ни ея родныхъ, то она не понимаетъ, почему онъ не беретъ ее съ собою, и почему не рѣшается показать ее своему другу Дальграну! Не могъ же Вильнуазъ сказать ей, что онъ уѣзжаетъ именно для того, чтобы отдохнуть отъ ея присутствія и запастись силами на дальнѣйшую жизнь съ нею!..

И вотъ, Вильнуазъ жилъ въ Динанѣ въ постоянномъ страхѣ, что Сабина вдругъ очутится тутъ же. Какія бы экскурсіи онъ ни совершалъ, куда бы ни ѣздилъ, онъ вздрагивалъ при всякомъ неожиданномъ грохотѣ колесъ, при появленіи вдали всякаго женскаго силуэта. Переправившись какъ-то разъ черезъ рѣку, въ одной изъ живописнѣйшихъ окрестностей Динана, онъ обернулся въ сторону только-что покинутаго берега. Тамъ стояла группа туристовъ, ожидавшая возвращенія переправившаго его лодочника, и Вильнуазу показалось, что среди этой группы мель-

каетъ знакомая, изящная фигура Сабины. Въ глазахъ его помутилось, и онъ съ тревогой ждалъ высадки этой группы туристовъ, заранѣе холодѣя отъ предвѣщенія ожидающихъ его упрековъ и жалобъ. Но когда туристы высадились, Сабины между ними не оказалось. Да и на томъ берегу не видѣлось ничего, похожего на ея фигуру. Неужели она ему пригрезилась? На другой день, отправившись съ утра въ экипажѣ осматривать знаменитые мѣстные подземные гроты, Вильнуазъ пережилъ цѣлый рядъ необычайныхъ ощущений. Пока онъ шелъ по подземнымъ пещерамъ, въ компаніи многочисленныхъ туристовъ, за проводниками, ему почудилось, при тускломъ свѣтѣ свѣчныхъ огарковъ, что въ нѣкоторомъ разстояніи отъ него мелькаетъ лицо Сабины. Стоило же ему попытаться всмотрѣться въ нее, какъ она исчезала, и онъ невольно спрашивалъ себя, не галлюцинація ли это? Но вотъ, когда они достигли самаго знаменитаго, огромнаго грота, всѣ огарки потухли—и внезапно гротъ освѣтился на мгновеніе ослѣпительнымъ свѣтомъ магніа. И въ двухъ шагахъ отъ себя Вильнуазъ явственно различилъ блѣдное лицо Сабины со скорбною улыбкой на губахъ и пристально устремленнымъ на него взоромъ. Потрясенный всей фантастичной, окружающей его обстановкой и неожиданностью этого появленія, онъ мысленно рѣшилъ просто подойти къ ней и протянуть руку, потому что упреки теперь были бы неумѣстны. Но свѣтъ магніа погасъ, и снова зажглись тусклые огарки. Онъ оглянулся... Сабины болѣе не было... Да полно, ужъ была ли она тутъ? Онъ чувствовалъ, что такъ можно съ ума сойти. И ему мучительно захотѣлось поскорѣе вырваться изъ этихъ мрачныхъ давящихъ пещеръ на просторъ, на яркое солнце. Но вотъ туристы добрались до того мѣста, гдѣ въ пещерѣ протекала рѣка, и гдѣ всѣмъ пришлось усадься въ лодки. Нѣкоторое время лодки плыли еще подъ сводами грота, но мало-по-малу мракъ смѣнялся дневнымъ свѣтомъ, и лодки очутились подъ яснымъ, синимъ небомъ: рѣка вырвалась на просторъ изъ подземелья. Вильнуазъ нечаянно обернулся и увидалъ позади себя Сабину... Теперь это уже не могла быть галлюцинація, заблужденіе было немыслимо. Сабина взглянула на него съ мольбою и смущеніемъ, но Вильнуазъ рѣзко отвернулся. Высадившись на берегъ, онъ быстро пошелъ впередъ, не обращая на нее вниманія, но она нагнала его, прикоснулась къ его рукѣ и жалобно попросила не сердиться на нее. Если онъ требуетъ этого, она сегодня же уйдетъ обратно. Она пріѣхала только взглянуть на него и уѣхала бы, не показавшись ему, не попади она нечаянно, въ темнотѣ, въ одну лодку съ нимъ.—Ну,

да, онъ понимаетъ, что ей удобнѣе было шпионить за нимъ инкогнито,—красивое занятіе, нечего сказать! И что же, убѣдилась она, что онъ тутъ одинъ, совершенно одинъ? Навела она въ гостинницѣ справки, нѣтъ ли у него здѣсь какой любовной интриги?

— Замолчите, или я брошусь сейчасъ въ рѣку!.. Вы убиваете меня!

Говоря это, она такъ сильно возвысила голосъ, что нѣкоторые туристы обернулись. Трагическое лицо Сабинны, ея очевидное волненіе, ея звенящій голосъ начинали привлекать вниманіе. Взбѣшенный Вильнуазъ схватилъ ее за руку и увлекъ за собою. Молча, ускореннымъ шагомъ, дошелъ онъ до гостинницы, гдѣ оставилъ свой экипажъ, и разразился ругательствами на своего возницу, заставъ его за картами. Такъ какъ Вильнуазъ вернулся ранѣе назначеннаго имъ самимъ часа, то хладнокровный фламандецъ не считалъ себя виновнымъ и не обратилъ на брань его никакого вниманія. Пока онъ флегматично запрягалъ лошадей, Вильнуазъ шагалъ взадъ и впередъ по дорогѣ, продолжая ругаться, тогда какъ Сабина сидѣла въ понурой позѣ за однимъ изъ столиковъ передъ гостинницей. Вся взвинченность ея прошла. Убѣдясь, что Мерикуровъ тутъ нѣтъ, она лишилась своего задора и почувствовала всю неприглядность своего поступка, всю постыдность своей роли. И она понимала, что одна она виновна въ этомъ бѣшенствѣ Вильнуаза, всегда такъ джентльменски сдержаннаго, и что онъ просто срываетъ на комъ попало накипѣвшую злость. Съ утра она ничего не ѣла отъ крайняго возбужденія и ощущала теперь утомленіе и голодъ. Когда экипажъ былъ поданъ, Вильнуазъ помогъ Сабинѣ усясться въ него и сѣлъ съ нею рядомъ. Почти всю дорогу они оба молчали, и ни тотъ, ни другой, не пытались нарушить этого тягостнаго молчанія. Прежде Сабинѣ стоило бы взять его тихонько за руку, шепнуть ласковое словечко, и они сейчасъ же бы помирились, но теперь между ними была такая пропасть, что они боялись самаго звука своихъ голосовъ. Они знали, что у нихъ вырвется что-нибудь непоправимое. Сабина питала все ту же страсть къ Вильнуазу, но отнынѣ въ ней не было той нѣжности и всепрощенія, что все-таки удерживаетъ при женщинѣ любимаго человѣка. Отнынѣ она умѣла только мучиться и оттапливать его отъ себя.

Въ Динанъ они пріѣхали уже въ сумерки. Когда экипажъ ихъ остановился во дворѣ отеля Вильнуаза, его окликнулъ Робертъ, не смущаясь неожиданнымъ присутствіемъ подлѣ

него Сабинны, которую принималъ въ темнотѣ за случайную спутницу-туристку. Онъ пришелъ пообѣдать вмѣстѣ съ Вильнуазомъ, потому что ему нужно поговорить съ нимъ. Это не-пріятное совпаденіе тяжело подѣйствовало на Вильнуаза, но онъ моментально рѣшился и сказалъ:

— Позвольте представить вамъ нашего извѣстнаго строителя, Роберта Дальгранна... Госпожа Сабина Марсанъ, живописецъ цвѣтовъ и красавицъ...

Продѣлалъ онъ это представленіе съ такой непринужденностью „свѣтскаго человѣка“, что Робертъ, сначала пораженный, сейчасъ же вообразилъ, что Вильнуазъ подготовилъ эту сцену, что онъ помирился съ Сабинной и представляетъ ему будущую мадаме де-Вильнуазъ. Хотя онъ былъ доволенъ, что другъ его послѣдовалъ его совѣту,—все же ему стало досадно за Жильберту, и онъ чуть-было не отклонялся имъ. Но Сабина, съ чисто-женскимъ апломбомъ, радуясь, что имѣетъ возможность подчеркнуть свои права на Вильнуаза, любезно обратилась къ Роберту:

— Надѣюсь, что мое присутствіе не измѣнитъ вашихъ намѣреній, и что вы сдѣлаете намъ удовольствіе отобѣдать съ нами.

Ошеломленный, Вильнуазъ обернулся. И измученная ревностью любовница, и разбитая, утомленная путница, только-что такъ уныло сидѣвшая подлѣ него,—куда-то исчезли. Передъ нимъ была избалованная, привыкшая къ поклоненію парижанка, мило-стиво-повелительнымъ тономъ приглашавшая его друга отъ имени ихъ обоихъ,—точно она была уже его женой. Не обладая, въ качествѣ мужчины, той особенной душевной гибкостью, благодаря которой женщины умѣютъ мгновенно примѣняться ко всякому новому обстоятельству, онъ не могъ опомниться отъ этого быстрого превращенія. Слѣдуя за Робертомъ, подавшимъ Сабинѣ руку, въ столовую, онъ чувствовалъ, что въ головѣ у него настоящій хаосъ мыслей. Скоро одна изъ нихъ пересилила всѣ остальные: лишь бы послѣ всѣхъ сегодняшнихъ тревоженій Сабина не осунулась и не показалась бы старообразной! Но только-что они сѣли за столъ, какъ и это опасеніе разсѣялось въ немъ. Увѣренная въ побѣдѣ, убѣжденная, что она вновь завладѣетъ имъ, покоривъ, у него на глазахъ, другого мужчину, его друга, Сабина моментально превратилась въ обаятельно прелестную вкокетку. Подвижное лицо ея ясно отражало все ея внутреннее возбужденіе. Къ тому же она знала, какъ выгодно вечернее освѣщеніе для ея блестящихъ глазъ, матовой кожи и черныхъ волосъ. И теперь она сіяла красотой, остроумно болтая съ Робертомъ. Магнетизмъ ея прелести подѣйствовалъ и на Виль-

нуаза; онъ забылъ на минуту свою злость и присоединился къ разговору. Тщеславію его льстили еще и взгляды Роберта, какъ бы говорившіе ему: она чертовски хороша, а ты счастливецъ — и недовольство твое судьбой непонятно!

А Сабина говорила себѣ мысленно, что если послѣ этой встрѣчи Робертъ вздумаетъ женить Вильнуаза на своей свояченицѣ, то онъ перестанетъ быть честнымъ человѣкомъ. Но на любовь свою она сдѣлала всего одинъ намекъ, имѣвшій цѣлью дать понять Роберту, что она не гонится за богатствомъ Вильнуаза. Робертъ обратилъ вниманіе на старинное кольцо, которое она носила на лѣвой рукѣ; состояло оно изъ крошечной прелестной миниатюры на слоновой кости, окруженной гирляндой изъ марказитовъ, очень оригинальнаго и тонкаго рисунка.

— Это единственное золотое украшеніе, которое я согласилась принять отъ monsieur де-Вильнуаза, — сказала Сабина. — И замѣьте, что, помимо его художественной цѣнности, въ немъ нѣтъ вовсе драгоценныхъ камней. Любовь вѣдь не обладаетъ несокрушимостью вашего алюминія, и прикосновеніе золота вредно для нея. И я ревниво оберегаю свою любовь. Но за то какъ дорого мнѣ это колечко!.. И какъ я рада, что оно понравилось вамъ! Вотъ уже семь лѣтъ, какъ я ношу его, не снимая, и никогда съ нимъ не разстанусь.

Послѣ обѣда Сабина напомнила Роберту, что онъ имѣлъ сообщить что-то Вильнуазу, и предложила оставить друзей вдвоемъ. Нѣтъ, — отвѣчали ей: — она имъ не мѣшаетъ...

И Робертъ сказалъ Вильнуазу, глухимъ, измѣнившимся голосомъ, что проба вѣдука состоится черезъ день. Не передумалъ ли онъ? — Нѣтъ, онъ вполне готовъ... И друзья обмѣнялись крѣпкимъ рукопожатіемъ.

Оставшись вдвоемъ съ Вильнуазомъ, Сабина стала его допрашивать. Развѣ открытіе назначено на послѣ-завтра? Зачѣмъ же онъ говорилъ ей тогда, что оно состоится только черезъ недѣлю? Значить, онъ встрѣтится же съ Меривурами?.. И всѣ ея подозрѣнія мгновенно проснулись. — Да нѣтъ же, дѣло идетъ о предварительномъ испытаніи прочности моста. — Зачѣмъ же онъ скрылъ это отъ нея? Очевидно, тутъ что-то кроется... И началась обычная сцена... — Она докажетъ ему, что онъ лжетъ! — Хорошо, пусть доказываетъ. — Нѣтъ, все равно, не стоитъ: черезъ два дня открытіе будетъ совершившимся фактомъ, и они вернутся въ Парижъ. — Онъ повторяетъ ей еще разъ, что это не открытіе, а проба! — Тогда пусть онъ разрѣшитъ ей присутствовать на ней! — Какъ, она все еще ему не вѣритъ! Довольно: или она

завтра же уѣдетъ отсюда... или между ними все кончено...— Это ясно: послѣ-завтра должно произойти что-то, что онъ хочетъ отъ нея скрыть!..

— Опять! Хорошо, оставайтесь и присутствуйте при испытаніи...

Она выпрямилась и подошла вплотную къ нему. Все это не то,—она хочетъ теперь знать правду, всю правду. Вотъ онъ увѣряетъ, что никогда не лжетъ и не умѣетъ лгать, такъ пусть же отвѣтитъ прямо на ея вопросъ...—Хорошо, въ чемъ дѣло?

— Поклонитесь мнѣ, что вы не любите Жильберты Мерикуръ?

Онъ отшатнулся, точно она нанесла ему ударъ въ самую грудь. Но она настаивала, смертельно блѣдная.

— Клянитесь... Клянитесь...

— Не могу.

— Значить, вы ее любите?

— Да.

Она не упала въ обморокъ и не разрыдалась. Ее поддерживало страшное бѣшенство. Если онъ любитъ Жильберту, значитъ, онъ думаетъ на ней жениться. Нѣсколько секундъ она смотрѣла на него съ ненавистью, потомъ внезапно отвернулась, подбѣжала къ двери, открыла ее и бросилась въ себѣ наверхъ: она остановилась въ этой же гостинницѣ. Вильнуазъ, испуганный этимъ необычнымъ приемомъ, кинулся за нею; но она захлопнула передъ нимъ свою дверь, и онъ принужденъ былъ вернуться въ себѣ, не достучавшись, и не желая возбуждать любопытства прислуги. Но онъ долго не могъ заснуть, прислушиваясь въ темнотѣ къ малѣйшему шороху и опасаясь какой-нибудь катастрофы. Подъ-утро онъ впалъ въ тяжелое забытье, а проснувшись узналъ, что Сабина уѣхала рано утромъ. И сейчасъ же, какъ всегда при подобныхъ размолвкахъ, въ немъ зашевелились обычные угрызенія совѣсти. Онъ забылъ вину Сабинны, видѣлъ только свою собственную и болѣзненно жалѣлъ бѣдную женщину. Въ сущности она вѣдь виновата только въ томъ, что безмѣрно любитъ его и мучится ревностью; это—страданіе, но не преступленіе. Онъ поспѣшилъ на телеграфъ и отправилъ ей такую депешу:

„Довѣрьтесь мнѣ. Буду у васъ послѣ-завтра утромъ. Ничто не измѣнится.—Валентинъ“.

А затѣмъ онъ рѣшилъ выжидать дальнѣйшихъ событій. Если онъ благополучно избѣгнетъ грозящей ему завтра опасности и останется въ живыхъ, то успѣетъ еще натерзаться.

VII.

Когда на другой день Вильнуазъ увидалъ передъ собою совершенно готовый віадукъ, у него сжалось сердце при видѣ воздушности этого изящнаго сооруженія. Тонкія очертанія его сверкали матовымъ серебристымъ блескомъ въ мягкомъ утреннемъ свѣтѣ.

На обоихъ берегахъ Мааса толпились любопытные, сдерживаемые пикетами солдатъ; навигація по рѣкѣ была приостановлена по требованію полиціи, а вдоль желѣзнодорожнаго полотна расхаживали важныя особы, директора нѣсколькихъ компаній, сановники, иностранные инженеры. Увѣряли даже, что изъ Брюсселя приѣхалъ самъ министръ общественныхъ работъ.

На лѣвомъ берегу пыхтѣли локомотивы, предназначенные для троекратнаго испытанія. И вотъ испытаніе началось: вдаль засвистѣлъ локомотивъ, сначала невидимый съ берега, — вотъ онъ подходитъ все ближе и ближе. На всѣхъ парахъ влетѣлъ онъ на віадукъ, пронесся по немъ со страшнымъ грохотомъ, затѣмъ этотъ грохотъ замеръ на противоположномъ берегу, и локомотивъ мигомъ скрылся изъ глазъ. То было испытаніе максимальной скорости при минимальномъ грузѣ. Удалось оно безусловно, и въ толпѣ раздалась аплодисменты. Рабочіе побѣждали по сваямъ, освидѣтельствовать, все ли въ цѣлости, и убѣдились, что нигдѣ и ничто не подалось. Второе испытаніе состояло въ прохожденіи по віадуку съ умѣренной скоростью поѣзда, состоящаго изъ локомотива и ряда пустыхъ вагоновъ. Робертъ нимало не тревожился за его исходъ, и дѣйствительно, опытный машинистъ спокойно, не торопясь, провель этотъ поѣздъ по віадуку съ положенною скоростью 30 километровъ въ часъ.

Роберта окружили и стали поздравлять. Аллюминіевый мостъ нигдѣ не погнулся. Но Робертъ отстранилъ отъ себя всѣхъ, прося подождать исхода третьяго испытанія. Теперь по віадуку долженъ былъ пройти тихо огромный, тяжело нагруженный поѣздъ. Вильнуазъ подошелъ къ своему другу, — но когда присутствующіе узнали, что молодые люди собирались ѣхать на этомъ поѣздѣ, при чемъ должность машиниста бралъ на себя самъ изобрѣтатель, поднялись бурные протесты. Друзья остались непоколебимы и всочили на платформу локомотива. Робертъ далъ свистокъ, и локомотивъ тронулся. Желѣзная машина тяжело пыхтѣла, точно отъ натуги; тендеръ былъ заваленъ горами каменнаго угля; за нимъ слѣдовалъ второй локомотивъ съ тендеромъ

также нагруженнымъ. А затѣмъ потянулся цѣлый рядъ вагоновъ, наполненныхъ осколками бомбъ и каменными глыбами. Робертъ увеличилъ размѣры предписаннаго ему груза, желая неопровержимо доказать превосходство алюминія надъ тяжеловѣснымъ желѣзомъ, отжившимъ свой вѣкъ, и притомъ такъ доказать, чтобы устарѣвшій металлъ былъ навсегда свергнутъ со своего трона. Онъ давалъ генеральное сраженіе, изъ котораго не хотѣлъ выйти иначе, какъ безусловнымъ побѣдителемъ или побѣжденнымъ. Вотъ почему онъ и шелъ на отчаянный рискъ. Блѣдный, но твердый, онъ пристально всматривался теперь въ серебряную ленту вѣдука, къ которому подвигался медленнымъ шагомъ. Не покушается ли онъ самъ на гибель своего излюбленнаго дѣтища, этого изящнаго, тонкаго вѣдука? Не жестоко ли съ его стороны подвергать его такой огромной бесполезной затратѣ силы? Онъ почти раскаявался въ томъ, что взялъ съ собою такой страшный грузъ, не потому, чтобы онъ боялся смерти или неудачи, а потому, что любилъ свое созданіе, и, рискуя уничтожить его, отдалялъ торжество самой идеи. Минутное сомнѣніе закралось ему въ душу, онъ вспомнилъ о Вильнуазѣ, обернулся къ нему и сказалъ измѣнившимся голосомъ:

— Ты можешь сойти съ локомотива, не покидая поѣзда. Спустись и перейди въ любой фургонъ; мы ѣдемъ такъ медленно, что сдѣлать это нетрудно. А потомъ ты соскочишь съ поѣзда при первомъ трескѣ.

— Можно подумать, что ты сомнѣваешься въ своемъ собственномъ дѣтищѣ,—возразилъ, улыбаясь, Вильнуазъ.—А я вотъ ничуть не сомнѣваюсь.

Робертъ промолчалъ. Локомотивъ вѣзжалъ на мостъ. Металлъ издалъ продолжительную вибрацію, скоро перешедшую, подъ тяжестью вагоновъ, въ стонъ, а затѣмъ въ вопль. Весь мостъ скрипѣлъ, визжалъ подъ давленіемъ этой страшной массы. Гулъ стоялъ въ ушахъ Роберта. Онъ не могъ сообразить, просто ли дрожить весь остовъ моста, или его сооруженіе повсюду трескается—и вотъ-вотъ рушится! Толпа зрителей замерла въ неподвижномъ любопытствѣ; всѣ лица были блѣдны; всѣ молчали, не смѣя даже дышать. Локомотивъ достигъ теперь середины моста; въ воздухѣ стоялъ глухой грохотъ, усиливавшійся при вѣздѣ на мостъ cadaго новаго вагона. Между тѣмъ его стройныя линіи сохраняли неизмѣнно свою стройность, а пролеты все такъ же красиво вырѣзывались въ воздухѣ. Локомотивъ двигался все такъ же медленно, но Робертъ остановилъ его, не

много не доѣзжая до конца моста, задерживая весь поѣздъ на вѣдухѣ, чтобы окончательно испытать его прочность...

И вотъ, въ эту торжественную минуту побѣды человѣческой науки и воли, на глазахъ молчавшей толпы,—всѣ, даже невѣжды, поняли, что передъ ними разыгрывается величественная, вопреки своей кажущейся простотѣ, драма... И внезапно прорвался энтузіазмъ толпы: съ береговъ, съ насыпей, отовсюду раздались аплодисменты и крики: ура! А когда локомотивъ опять тронулся, толпа стихла вновь, еще слѣдя за уходившимъ поѣздомъ, но уже безъ всякой тревоги. Первое возбужденіе улеглось, успѣхъ былъ на-лицо.

И когда поѣздъ сошелъ съ моста и перешелъ на запасный путь, ажурныя линіи вѣдука опять вырѣзались въ воздухѣ, а тамъ, въ сторонкѣ, на платформѣ локомотива, Робертъ и Вильнуазъ крѣпко обнялись.

Пережитыя Вильнуазомъ при этомъ испытаніи впечатлѣнія оставили особый, глубокий слѣдъ въ душѣ его. Онъ былъ доволенъ собой и снисходительно настроенъ относительно всѣхъ другихъ. Онъ былъ расположенъ вернуться и къ Сабинѣ, и къ своимъ давно заброшеннымъ литературнымъ занятіямъ. Но теперь одни эти занятія его не удовлетворяли,—ему захотѣлось, по примѣру Роберта, другого, живого дѣла. И онъ рѣшилъ заняться отнынѣ основательно благосостояніемъ своихъ рабочихъ, поселиться въ Вильнуазѣ, входить лично во все, всесторонне изучить вопросъ ихъ быта и нуждъ и изложить затѣмъ все это въ специальномъ сочиненіи. Съ Сабиною онъ помирится, потому что не имѣетъ права покинуть ее, но видѣться съ нею станетъ рѣже, чтобы ея женскіе нервы и капризы не препятствовали его серьезнымъ занятіямъ. Онъ любитъ не ее, а другую... ну, что же! придется ему навсегда отречься отъ любви и вести жизнь труженика-героя!..

И онъ вернулся въ Парижъ въ чадѣ этой возвышенной лихорадки. Изъ Парижа онъ выѣхалъ въ Вильнуазъ, куда и прибылъ утромъ въ назначенный имъ по телеграфу день. Наскоро умывшись и переодѣвшись, онъ велѣлъ сѣдлатъ свою Джипси и поѣхалъ къ Сабинѣ. Когда онъ достигъ ея виллы и позвонилъ,—къ нему выбѣжала Эстелла и подала письмо отъ Сабинны, поясняя, что барынѣ пришлось наканунѣ выѣхать въ Парижъ по неотложному дѣлу. Барыня очень жалѣла объ этомъ, когда получила депешу отъ г-на Вильнуаза, и очень просила его заѣхать къ ней завтра. Въ душѣ Вильнуаза радость боролась съ глухими опасеніями; но когда онъ прочелъ письмо Сабинны, опа-

сенія пересилили. Сабина писала, что ѣдетъ въ Парижъ для кой-какихъ ретушей на одной своей картинѣ, которую увозятъ въ Америку. Ни малѣйшаго упрека за его признаніе въ любви къ Жильбертѣ въ Динанѣ, ни малѣйшаго намека на Жильберту! Кончалось письмо такъ:

„Ахъ, мой любимый, я слишкомъ измучилась!.. Я не стану болѣе допрашивать тебя! Отнынѣ я буду только лелѣять тебя!.. Что мнѣ за дѣло до тайны твоего сердца, пока я могу нѣжить его, пока ты не вырываешь его изъ моихъ рукъ. И знаешь, я такъ сильно тебя люблю, что тебѣ и не вырвать его у меня“!..

Вильнуазъ равнодушно опустилъ письмо въ карманъ. Увы, онъ не сомнѣвался въ ея любви, но онъ зналъ, что въ ея гордой, страстной душѣ нѣтъ мѣста для тихой нѣжности: въ ней текутъ потоки огненной лавы! Она искренна въ своемъ желаніи открыть ему двери рая, но у нея нѣтъ ключа отъ нихъ, и никогда не уйти ему изъ его теперешняго ада.

Онъ сѣлъ на лошадь и ускакалъ, обѣщая побывать на слѣдующій день. Отсутствіе Сабины злило его; а будь она дома, онъ непременно придрался бы къ ней, потому что теперь все раздражало его въ этой женщинѣ.... Самое лучшее—не думать о ней вовсе... да и о той думать не слѣдуетъ... И онъ глубоко вздохнулъ.

Доѣхавъ до тѣнистой, прохладной аллеи, ведущей къ живописному уголку, гдѣ находились Гостиная-фей и Чортовъ-колодець, онъ пустилъ Джипси шагомъ. Но вдругъ она тревожно прижала уши, подняла голову, бросая искоса взглядъ на скалы, тонувшія въ зелени, и шарахнулась вбокъ. Вильнуазъ повернулъ ее и захотѣлъ направить къ испугавшей ее зеленой чащѣ, но животное встало на дыбы. Удивленный неожиданнымъ сопротивленіемъ лошади, всадникъ выждалъ, чтобы она опустила переднія ноги на землю, и собрался-было прищипорить ее, какъ вдругъ случилось нѣчто, въ чемъ онъ не могъ отдать себѣ отчета сразу. Раздался выстрѣлъ, и Вильнуазъ почувствовалъ такой ударъ въ правый бокъ, что покачнулся въ сѣдлѣ. Джипси мгновенно понесла, а онъ не успѣлъ удержать ее. Но онъ понималъ уже, что въ него стрѣляли, и, отказываясь остановить лошадь, обернулся, чтобы посмотрѣть, кто стрѣлялъ. И онъ ясно различилъ наверху скалы мужскую фигуру; фигура перескочила отчаянно-смѣлымъ прыжкомъ на противоположную скалу и пустилась бѣжать. Преслѣдовать кого-либо верхомъ въ этомъ хаосѣ камней было немислимо, а пѣшкомъ—ему не хватитъ силъ: онъ чувствовалъ, что раненъ. При каждомъ шагѣ лошади ему казалось, что

въ правый бокъ его вонзается все сильнѣе и сильнѣе острый кинжалъ, а по его свѣтло-сѣрымъ панталонамъ струилась кровь. Онъ пытался достать платокъ, чтобы заткнуть имъ рану, но не могъ отъ слабости поднять руки. На вискахъ его проступилъ холодный потъ. Въ сердце закралась предсмертная тоска, и онъ упалъ почти безъ чувствъ на шею Джипси, которая мчалась стрѣлой. Удержался онъ въ сѣдлѣ какимъ-то чудомъ, а Джипси умѣрила шагъ только въ виду замка. Работавшіе въ паркѣ садовники замѣтили неестественную позу Вильнуаза на лошади, одинъ изъ нихъ разглядѣлъ кровь, и они бросились съ криками въ замокъ, гдѣ всполошили всю прислугу. Джипси круто остановилась, какъ только увидѣла перваго конюха, и Вильнуазъ сняли въ обморокъ съ сѣдла.

Когда Вильнуазъ очнулся, онъ увидѣлъ подлѣ себя скромнаго доктора его рабочей слободки. Тотъ попросилъ его не волноваться: его домашній докторъ уже вызванъ по телефону изъ Парижа и уже ѣдетъ сюда съ однимъ изъ первыхъ парижскихъ хирурговъ вынимать пулю, засѣвшую въ боку. Къ счастью, ни одинъ изъ важнѣйшихъ органовъ не затронутъ.

— Меня хотѣли убить! Но почему?.. Кто въ меня стрѣлялъ? Вѣдь враговъ у меня нѣтъ, а мои рабочіе меня любятъ,—не правда ли, докторъ?

Конечно, его любятъ! на заводѣ произошелъ страшный переполохъ, и показись туда стрѣлявшій въ него негодяй, его разорвали бы на части. Сейчасъ былъ директоръ и вернулся на заводъ, чтобы помѣшать рабочимъ явиться въ замокъ въ полномъ составѣ. Женщины наперерывъ предлагаютъ себя въ сидѣлки... Лучшее всего ему—не волноваться и не разговаривать вовсе. Но это приказаніе было напрасно: Вильнуазъ впалъ снова въ обморокъ, за которымъ послѣдовали жаръ и бредъ.

Правосудіе было немедленно извѣщено, и слѣдствіе открылось тотчасъ же; но такъ какъ раненаго нельзя было допрашивать, то все пришлось приостановить до той минуты, какъ онъ будетъ въ состояніи говорить, если только не умретъ. Рана была весьма серьезна, а пули никакъ не могли найти, несмотря на нѣсколько зондированій. Для каждой подобной операціи больного приходилось усыплять, и доктора все опасались, что онъ не проснется вовсе...

Когда вечеромъ Сабина пріѣхала къ себѣ на виллу со станціи, гдѣ узнала изъ разговоровъ о случившемся,—у нея было такое лицо, что ея горничная, ничего еще не знавшая, страшно перепугалась. Сабина приказала собрать ей все необходимое въ

дорожный мѣшокъ и немедленно уѣхала въ Вильнуазъ въ томъ же экипажѣ, который привезъ ее со станціи. Когда она вошла въ комнату больного, прекрасная, изящная и твердо-спокойная, видъ ея такъ поразилъ докторовъ, что они сейчасъ же разступились передъ нею. Всѣ трое смотрѣли на нее съ любопытствомъ и доброжелательствомъ. А когда она спросила, спасутъ ли они больного, они, конечно, подали ей надежду на благоприятный исходъ.

— Но куда же попала эта пуля? Я думала, что у него только раздроблена кость ноги.

— Нога! Да это были бы сущіе пустяки... Кто могъ сказать вамъ это?

— О, никто...—поспѣшно возразила она.

На ночь доктора разошлись по приготовленнымъ для нихъ комнатамъ, а Сабина осталась, по своему желанію, одна при больномъ. Утромъ должна была состояться новая попытка извлеченія пули.

Сабина подошла къ постели Вильнуаза и впилась глазами въ его лицо, чего не смѣла сдѣлать при постороннихъ, изъ опасенія выдать свою скорбь и страсть. Она опустилась на колѣни подлѣ кровати, тихонько поцѣловала безжизненно свѣсившуюся руку больного и припала къ ней лицомъ. И долго рыдала она, заглушая свои рыданія въ шолковыхъ драпировкахъ постели. Она забылась и не дала во-время больному приготовленное успокоительное лекарство. Ее вывелъ изъ забытья голосъ Вильнуаза. Онъ бредилъ. Изъ сосѣдней комнаты на его голосъ вбѣжалъ его камердинеръ Просперъ, обхватилъ крѣпкими руками приподнявшагося больного, не давая ему встать съ постели, что неминуемо убило бы его, и спросилъ лекарство. Въ ужасѣ Сабина бросилась къ стеклянѣ, о которой совершенно забыла. Боже! что она надѣлала! Она не смѣла признаться въ своей оплошности слугѣ, который оказался внимательнѣе ея. Узнай объ этомъ докторъ, они не позволятъ ей ходить за больнымъ... И, вся дрожа, она поднесла ложку съ лекарствомъ къ его губамъ. Онъ рвался и бредилъ, а Просперъ кротко его уговаривалъ. Лекарство успокоило его, онъ попросилъ пить и снова опустился на подушки, бормоча что-то неясное. А черезъ четверть часа, послѣ новаго приѣма, онъ затихъ совсѣмъ. Просперъ вышелъ, а Сабина аккуратно исполняла всю ночь свою обязанность сидѣлки и впредь не поддавалась уже до конца ни малѣйшей слабости.

Когда на другое утро доктора попросили ее удалиться,

передъ операціей извлеченія пули, она безпрекословно вышла на террасу и просидѣла тамъ цѣлый часъ въ смертельной тоскѣ. Вдругъ послышался грохотъ экипажа, который подкатилъ къ крыльцу замка. Изъ него выскочилъ мужчина, и Сабина не сразу узнала въ немъ Роберта Дальграна. Онъ взбѣжалъ на террасу и привѣтливо протянулъ ей обѣ руки. Этотъ неожиданный дружескій жестъ тронулъ Сабину, и она вскричала:—Это ужасно... ужасно...—Какъ! неужели онъ умеръ?..—Нѣтъ, нѣтъ, онъ живъ, но теперь извлекаютъ пулю, а это ужасная операція... доктора подають мало надежды.

Они пошли-было къ спальнѣ, но дежурившій у ея порога Просперъ не пустилъ ихъ туда. За дверью было тихо. Робертъ увлекъ Сабину въ кабинетъ и спросилъ ее, что она думаетъ объ этомъ преступленіи? У него на этотъ счетъ своя идея. Сабина поблѣднѣла и опустила глаза. Она-то не думаетъ ничего особеннаго, а онъ?—Это ему довольно трудно высказать, онъ надѣется на ея помощь...—Но что же она можетъ знать, кромѣ того, что она не переживетъ смерти любимаго человѣка...

Робертъ сталъ успокаивать ее, какъ больного ребенка.—Да, да, ему не слѣдовало говорить ей объ этомъ теперь... Она взглянула на него удивленными, пугливыми глазами и нервно засмѣялась. Это правда, она слишкомъ волнуется... Но что же онъ подозрѣваетъ? Местъ со стороны какого-нибудь рассчитаннаго рабочаго? Нѣтъ? что-нибудь еще серьезнѣе?... Пусть же онъ говоритъ скорѣе, въ чемъ дѣло,—вѣдь это пытка!..

Только позднѣе призадумался Робертъ надъ всѣмъ этимъ разговоромъ.

— Напрасно я заикнулся объ этомъ. Но я думалъ, что и вамъ приходила та же мысль, и вы поймете меня съ полуслова. Видите ли, я убѣжденъ, что нашъ бѣдный Вильнуазъ... имѣлъ безуміе... хотѣлъ... словомъ, покушался на самоубійство.

— Самоубійство... Но зачѣмъ же ему было кончать съ собою?

Видя, что она не подозрѣвала о душевномъ состояніи Вильнуаза, Робертъ покраснѣлъ, какъ женщина, и принялся сбивчиво объяснять ей:

— У него были мрачныя мысли. Въ Бельгій онъ сопровождалъ меня при испытаніи віадюка только потому, что считалъ это опаснымъ...

Но онъ не кончилъ и вскочилъ, испуганный блуждающимъ, полубезумнымъ взоромъ Сабины.

— Но если такъ...—прошптала она:—если такъ, то это ужасъ!.. ужасъ!..

И она упала безъ чувствъ ему на руки. Въ эту минуту вошли докторъ и застали его въ этомъ затруднительномъ положеніи. Въ головѣ его былъ настоящій сумбуръ; онъ не помнилъ, послѣ какихъ именно словъ Сабина лишилась чувствъ. Онъ представился докторамъ какъ лучший другъ больного и заявилъ, что Сабинѣ сдѣлалось дурно, потому что онъ предположилъ, что Вильнуазъ покушался на самоубійство. Доктора переглянулись, а хирургъ сказалъ съ улыбкой, что когда хотятъ покончить съ собою, то не цѣляютъ себя въ бедро. Мѣстный докторъ сообщалъ также, что Вильнуазъ въ минуту сознанія говорилъ ему объ убѣжавшемъ убійцѣ. Доктора сказали, что надежда теперь есть, потому что пуля вынута, но нашли ее совершенно въ непредвидѣнномъ мѣстѣ: пуля задѣла брюшину, что вызвало частичное воспаленіе брюшины. Выздоровленіе возможно, но всякое ухудшеніе теперь опасно. Сабина, пришедшая тѣмъ временемъ въ чувство, сказала, что выходитъ больного непремѣнно, а о себѣ просить не тревожиться,—она не поддастся болѣе слабости. И она исчезла изъ кабинета.

VIII.

Судебный слѣдователь быстро пришелъ къ тому заключенію, что въ Вильнуаза не стрѣлялъ ни рабочій, ни браконьеръ, потому что пуля была такого мелкаго калибра, что не годилась ни для какого ружья, а только для карманнаго револьвера. И слѣдователь тонко улыбался! Очевидно, это—любовная драма. Показаніе Роберта ничего ему не выяснило: вотъ уже семь лѣтъ, какъ Вильнуазъ состоитъ въ связи съ г-жей Сабинной Марсанъ, которую слѣдователь видѣлъ подлѣ больного, и она ничуть не скрываетъ этой связи. Еще недавно онъ провелъ съ ними цѣлый вечеръ въ Динанѣ и имѣетъ основаніе предполагать, что другъ его собирался вскорѣ узаконить свою связь бракомъ.—Но не было ли у его друга соперника?—Робертъ возразилъ, что готовъ поручиться честнымъ словомъ за безукоризненность Сабины, но вѣдь ничто не мѣшаетъ слѣдователю пустить и тутъ въ ходъ судебное дознаніе.

Робертъ вернулся въ тотъ же вечеръ въ Парижъ, чтобы изъавить Жильберту отъ мукъ неизвѣстности. Онъ видѣлъ ея нѣмую тоску, когда они прочли о печальномъ событіи въ газетахъ, гдѣ не давалось никакихъ точныхъ подробностей. Онъ зналъ, что ей и поплакать не съ кѣмъ, потому что она никому не выдавала своей сердечной тайны. Робертъ самъ угадалъ ее и скрылъ

отъ жены, чтобы та не растравляла раны сестры своимъ участіемъ. Вернувшись домой, онъ засталъ всѣхъ въ сборѣ и передалъ имъ все, слегка смягчая, однако, опасность. Не разъ уже твердость Жильберты поражала его, но онъ все-таки удивился, когда она подняла голову отъ своей вышивки и пожалѣла, чуть-чуть дрожащимъ голосомъ, что бѣдный больной лежитъ одинъ, и нѣтъ подлѣ него ни матери, ни сестры. Робертъ рѣшилъ поскорѣе разрубить этотъ узелъ и отвѣчалъ равнодушнымъ тономъ, что съ этой стороны тревожиться нечего. Если онъ оставилъ своего друга, такъ потому, что при немъ неотлучно находится преданнѣйшая изъ сидѣлокъ.—Что же, эта дама—родственница больного?—Робертъ отвѣчалъ протяжно, какъ бы сомнѣваясь:—Да... да...—и чуть было не добавилъ: „кажется, это его невѣста“, но не рѣшился. Тѣмъ не менѣе, Жильберта поняла; онъ черезчуръ понадѣялся на невѣдѣніе молодой дѣвушки и сказалъ лишнее. Дѣвушка не могла не понимать кой-чего: случилось и ей слышать нечаянно отъ другихъ неопредѣленные фразы; помогали ей и инны, хотя бы и самыя приличныя книги; объясняла кое-что и сама жизнь, со своими случайностями и сюрпризами. И она сейчасъ же догадалась, что женщина, имѣющая счастье ходить за больнымъ Вильнуазомъ, ея соперница, и на душѣ у нея стало немного легче. Значить, онъ не просто пренебрегъ ею, какъ неинтересной дѣвочкой, а былъ связанъ съ другою... Теперь ей стали понятны и внезапныя припадки грусти Вильнуаза, и инны необъяснимыя слова. Зато всякая надежда теперь пропала! Какъ можетъ онъ не любить ту, которая такъ самоотверженно ухаживаетъ за нимъ!..

Спустя нѣсколько дней, опасность миновала и сознаніе вполне вернулось къ Вильнуазу. Разъ утромъ, указывая на Сабину, задремавшую въ креслѣ, Робертъ спросилъ его, знаетъ ли онъ, чѣмъ онъ обязанъ этой прелестной женщинѣ?—О, да, онъ знаетъ, съ какимъ терпѣніемъ и самоотверженіемъ ходила за нимъ та, которой онъ такъ жестоко разбилъ сердце. И съ умиленіемъ глядя на спящую Сабину, Вильнуазъ отмѣчалъ на ея лицѣ слѣды бессонныхъ ночей. Ей некогда было думать теперь о себѣ и она не заботилась о томъ, состарили ли ее эти мучительные дни... И его безконечно трогали эти осунувшіяся черты. Бѣдная женщина вырвала его изъ когтей смерти, цѣною своей красоты, какъ разъ тогда, когда онъ только-что грубо признался ей, что любить другую.

— Что же ты думаешь дѣлать теперь?—спросилъ его Робертъ.

— Жениться на ней.

Вошелъ докторъ, и Сабина проснулась. Докторъ нашель Вильнуаза возбужденнымъ и не рѣшался допустить къ нему слѣдователя, просившаго повидаться съ больнымъ для допроса. Вильнуазъ протестовалъ. Это его не утомить, сказать онъ имѣетъ немного, а эта тайна тяготитъ его, и онъ непремѣнно хочетъ знать, кто хотѣлъ его смерти. Но Сабина пожала плечами.—Попади пуля нѣсколькими сантиметрами ниже, рана была бы ничтожна,—почему же онъ думаетъ, что его непремѣнно хотѣли убить?—Ея замѣчаніе вызвало такое удивленіе, что она сейчасъ же насильственно засмѣялась, говоря, что хотѣла отвлечь мысли Вильнуаза, потому что онъ очень мнителенъ. Но больной настаивалъ, и докторъ еще разъ нагнулся осмотрѣть его. Робертъ смотрѣлъ машинально на Сабину, не глядѣвшую на него, и вдругъ у него въ ушахъ прозвучалъ его первый разговоръ съ нею въ день пріѣзда сюда. Почему припомнился онъ ему? Не потому ли, что сейчасъ въ голосѣ Сабины были тѣ же интонаціи, что тогда? Но что же она ему тогда говорила? Онъ чувствовалъ, что вотъ-вотъ онъ вспомнить... Передъ нимъ была теперь не преданная сидѣлка этихъ дней, а растерянная женщина того утра... Почему?.. Что встревожило его въ звукѣ ея голоса?.. Сабина почувствовала на себѣ упорный взглядъ Роберта и вышла изъ спальни, не обернувшись въ его сторону. За нею вышелъ и докторъ, и оба исчезли. А когда, наконецъ, Сабина вернулась, она сказала, что, видя нерѣшительность доктора, сама попросила слѣдователя отложить допросъ до завтра. Смутное подозрѣніе, шевельнувшееся въ Робертѣ, обострилось за этотъ день, потому что ему показалось, что Сабинѣ хочется, чтобы онъ не присутствовалъ при завтрашнемъ допросѣ. Пріѣхалъ онъ сегодня съ утра и рассчитывалъ вернуться къ себѣ до обѣда, но нашель, что Сабина черезчуръ заботится объ его отъѣздѣ. Къ тому же она попросила его не пріѣзжать на слѣдующій день съ самымъ раннимъ поѣздомъ, ссылаясь на то, что нужно будетъ посылать еще за слѣдователемъ, и въ суматохѣ могутъ забыть выслать за нимъ во-время лошадей. Но лошадей было такъ много, что онъ стояли безъ дѣла, и подобное возраженіе показалось Роберту подозрительнымъ. Къ тому же Сабина, никогда не отдававшая тутъ сама приказаній прислугѣ, не желая брать на себя самозванно роли хозяйки, распорядилась на этотъ разъ сама о лошадяхъ для него. Почему ей такъ хочется удалить его? И онъ рѣшилъ остаться, и счумѣлъ устроиться такъ, что Вильнуазъ

самъ попросилъ его не уѣзжать сегодня вовсе. Сабина опять не сумѣла при этомъ скрыть своей досады.

Но скоро Вильнуазъ задремалъ; Робертъ вышелъ прогуляться, а когда вернулся, то другъ его все еще дремалъ. Сабина же встрѣтила его любезно и дружелюбно. Теперь Роберту уже все казалось подозрительнымъ съ ея стороны. Робертъ погрузился въ чтеніе газеты, а Сабина углубилась въ какой-то романъ, который держала такъ высоко передъ собою, что лица ея не было видно. Случайно поднявъ глаза, Робертъ бросилъ разсѣянный взглядъ на ея руки и замѣтилъ отсутствіе ея стариннаго, завитнаго колечка. — А гдѣ же ваше кольцо? — Отъ внезапности его вопроса Сабина вздрогнула, и книга выпала изъ ея рукъ. Она была блѣдна и дрожала. Какъ онъ ее напугалъ!.. Онъ извинился, но повторилъ вопросъ. — Ахъ, ея кольцо? Съ нимъ случилось несчастье, оно сломалось... т.-е. не именно оно, а разбилась миниатюра... въ дребезги разбилась... Но, можетъ быть, осколки можно склеить, она такъ дорожила этимъ кольцомъ... И видя ея смущеніе, Робертъ настаивалъ: — какъ это случилось? Не ушиблась ли сама Сабина? Вѣдь для того, чтобы раскололась пластинка миниатюры изъ слоновой кости, требовался порядочный ударъ. — Она совсѣмъ не помнитъ, гдѣ и какъ это случилось; а если онъ ей не вѣритъ, то пусть достанетъ кольцо вонъ тамъ, въ той бомбоньеркѣ, что стоитъ на полочкѣ этажерки. Совершенно забывая о неделикатности подобной провѣрки, повинувшись какому-то смутному чувству, онъ досталъ кольцо. Отъ миниатюры остался лишь крошечный осколокъ, гирлянда изъ марказитовъ была цѣла, но старинное массивное кольцо было все погнуто. Чувя инстинктивно какую-то женскую тайну, Робертъ нарочно подозрительно взглянулъ на Сабину, говоря, что потребовался, должно быть, основательный ударъ. Но, къ его изумленію, лицо ея внезапно исказилось такимъ бѣшенствомъ и страхомъ, что онъ возвратилъ ей кольцо по первому ея требованію. Она спрятала его въ карманъ и сказала съ насильственнымъ смѣхомъ:

— Плохой изъ васъ вышелъ бы слѣдователь. Не пытайтесь болѣе играть этой роли.

„Слѣдователь“!.. Кольцо имѣло, значитъ, отношеніе къ преступленію. Но какое? Очевидно, она боится его подозрѣній... Да, въ немъ шевелятся какія-то безпредметныя подозрѣнія. Одно ясно для него: поломка кольца имѣетъ отношеніе къ выстрѣлу въ Вильнуаза...

На слѣдующее утро больному было гораздо лучше. Ночь прошла спокойно. Сабина могла выспаться и имѣла весьма свѣ-

жій видъ. Къ тому же горничная привезла ей все нужное, и Сабина облеклась въ бѣлое домашнее платье съ кружевами. Ея чудные черные волосы падали по спинѣ двумя тяжелыми косами, закручивавшимися на концахъ натуральными локнами. Она была моложе и прелестнѣе, чѣмъ когда-либо, а Вильнуазъ былъ веселъ и спокоенъ. У Роберта отлегло на душѣ, и между ними завязалась непринужденная болтовня. Но какъ только явился слѣдователь, отъ Роберта не ускользнуло, что Сабина ушла съзади него и спиною къ свѣту. Она что-то скрываетъ, и онъ долженъ узнать это. Но, Боже мой! Какое же можетъ быть отношеніе между тайной этой женщины, которой Вильнуазъ дороже жизни, и несчастіемъ, чуть было не отнявшимъ его отъ нея? Сабина сейчасъ же замѣтила, что Робертъ наблюдаетъ за нею, и такъ облокотилась на ручку своего кресла, что скрыла лицо отъ Роберта. „Ого, моя красавица! Да мы серьезно боимся чего-то! посмотримъ!“ — подумалъ онъ.

Разсказывая слѣдователю свою исторію, Вильнуазъ замѣтилъ, что, несмотря на свое критическое положеніе, онъ былъ пораженъ отважнымъ прыжкомъ убѣгавшаго убійцы. Должно быть, это былъ совсѣмъ юноша, по крайней мѣрѣ онъ успѣлъ разглядѣть тонкій силуэтъ... Да, онъ былъ безбородый и безусый... Впечатлѣніе было весьма мимолетно, но порою ему кажется, что онъ видитъ передъ собою эту убѣгающую фигуру... Въ эту минуту Роберту показалось, что Сабина откинулась на спинку кресла. Слѣдователь попросилъ Вильнуаза описать ему подробно мѣстность, гдѣ все это произошло, потому что, по недостатку указаній, первый обыскъ не привелъ ни къ чему. Почему, на примѣръ, отважился убійца на такой отчаянный прыжокъ? Вильнуазъ далъ полное описаніе мѣстности и пояснилъ, что прыжокъ убійцы приводилъ его къ другому склону; догнать его было немыслимо, потому что пришлось бы или повторить его прыжокъ, или совершить громадный обходъ, на который ушло бы много времени. Когда Вильнуазъ упомянулъ о Чортовомъ-колодцѣ, слѣдователь сказалъ, что уже подумывалъ приказатъ осмотрѣть эту пропасть. У Сабины такъ сильно задрожали руки, что она встала и отошла въ сторону, а Робертъ почувствовалъ, что онъ блѣднѣетъ, и, не смѣя слѣдить за нею взглядомъ, въ свою очередь закрылъ глаза рукой. Онъ боролся съ зародившимся въ немъ подозрѣніемъ. Ну, да, она, вѣроятно, бросила въ Чортовъ-колодецъ что-нибудь такое, что можетъ компрометтировать ее... Но Вильнуазъ пояснилъ, что пропасть такъ узка, что человѣку въ нее не пролѣзть, и если убійца бросилъ туда свой револьверъ,

то онъ рассчитывалъ, вѣрно, что его нельзя будетъ достать. А когда слѣдователь предъявилъ ему ранившую его пульку, Вильнуазъ расхохотался. Какъ, эта дробинка чуть не убила его! Это, очевидно, пуля изъ одного изъ тѣхъ карманныхъ револьверовъ, что свѣтскіе господа, а особенно дамы, любятъ носить при себѣ. Сабина подошла и тоже осмотрѣла пульку. — Да, у нея тоже былъ крохотный револьверъ съ перламутровой рукояткой, и она стрѣляла изъ него въ цѣль именно такими пулями. — Слѣдователь впился въ нее глазами. — Но только у нея давно уже нѣтъ этой опасной игрушки, потому что такая забава не правилась Вильнуазу. Слѣдователь разочаровался: въ немъ было-шевелинулось чудовищное подозрѣніе, но повидимому онъ совершенно заблуждается. Онъ произвелъ за эти дни тщательнѣйшее дознаніе, но въ жизни Сабина не открылъ ничего подозрительнаго, и вотъ онъ сталъ разсыпаться въ любезностяхъ, а Сабина, выслушавъ его, вдругъ отошла и упала безсильно въ свое кресло. Робертъ всталъ и пересѣлъ такъ, чтобы не видѣть ея, боясь теперь встрѣтиться съ нею взглядомъ. Въ головѣ его стоялъ невообразимый сумбуръ, и онъ рѣшилъ произвести свое собственное дознаніе.

Онъ былъ убѣжденъ теперь, что Сабина сама стрѣляла въ Вильнуаза, переодѣвшись мужчиной, почему тотъ ея и не узналъ. Съ какою же цѣлью? И онъ рѣшилъ допросить Вильнуаза, но это ему не удавалось, потому что Сабина постоянно была между ними. Такъ прошло нѣсколько дней.

Но, вотъ, разъ утромъ, въ Бильянкурфъ, къ нему вошла, въ амазонкѣ, запыхавшаяся и раскраснѣвшаяся, Жильберта. Ей необходимо серьезно поговорить съ нимъ... Она увѣрена, что можетъ навести его на слѣдъ убійцы его друга... Вѣдь monsieur де-Вильнуазъ былъ раненъ у подножія той скалы, на вершинѣ которой находится пропасть, называемая Чортовымъ-колодцемъ. Ей теперь вспомнилось, что когда они ѣздили въ Вильнуазъ и она гуляла съ monsieur де-Вильнуазомъ, ее напугалъ, при спускѣ съ этой скалы, какой-то притаившійся въ кустахъ чловѣкъ... Очевидно, онъ подкарауливалъ уже тогда monsieur де-Вильнуаза, и его испугало ея присутствіе... Она увѣрена, что узнаетъ его, если встрѣтитъ... Она успѣла разсмотрѣть его... то былъ юноша, блѣдный, черноволосый, худощавый и безбородый. Не свѣтись въ его глазахъ мужская энергія, лицо его походило бы скорѣе на женское. Никогда не забудетъ она его злого взгляда.

Ужасъ охватилъ Роберта... Подозрѣнія его оправдывались...

Сабина выслѣживала Вильнуаза и видѣла его вдвоемъ съ Жильбертой... Онъ поспѣшилъ успокоить свою молоденькую свояченицу, сказавъ, что не забудетъ ея разсказа, а пока пусть она молчитъ обо всемъ этомъ.

Въ тотъ же вечеръ ему удалось остаться наединѣ съ Вильнуазомъ и навести разговоръ на Сабину. Не понимаетъ онъ, право, почему Вильнуазъ обвинялъ ее въ тяжеломъ характерѣ. Скорѣе онъ самъ тиранъ, запрещающій ей то стрѣлять въ цѣль, то курить...—Ну, это все прошлое...—Тѣмъ лучше; когда же ихъ свадьба?—Да, Вильнуазъ самъ сознаетъ, что долженъ жениться на ней, хотя бы изъ благодарности, если не по страсти... Онъ же еще виноватъ передъ нею, —вѣдь Робертъ не знаетъ, какъ жестоко и грубо поступилъ онъ тогда съ нею въ Динанѣ...

Во второй разъ уже слышалъ Робертъ отъ своего друга этотъ намекъ на жестокость, и теперь онъ догадался, въ чемъ могло быть дѣло. Самый жестокій поступокъ по отношенію къ любящей женщинѣ, это—признаніе въ любви къ другой... Значить, Сабина дѣйствовала изъ ревности... но надо это доказать.

А время шло. Слѣдствіе не подвинулось ни на шагъ, необходимо торопиться, иначе Вильнуазъ объявитъ о своей женитьбѣ.

IX.

Наконецъ, Робертъ заѣхалъ разъ днемъ къ генералу Мерикку и попросилъ его отпустить съ нимъ Жильберту. Онъ усадилъ ее въ закрытый фіакръ и приказалъ везти ихъ къ сенълазарскому вокзалу, гдѣ велѣлъ кучеру остановиться такъ, чтобы изнутри фіакра было видно всѣхъ входящихъ въ вокзалъ. Возмущенную всѣми его странными приѣмами Жильберту онъ попросилъ не выглядывать въ окно, пока онъ не предупредитъ ее, а самъ приподнял сукопный четвероугольникъ, закрывавшій окошечко въ задней стѣнѣ кареты, и сталъ наблюдать. Онъ приводилъ сегодня въ исполненіе давно задуманный имъ планъ: онъ хотѣлъ показать Сабину Жильбертѣ. Не легко было ему устроить это. Прежде всего онъ началъ вести себя съ Сабиной такъ, что вернуть себѣ ея прежнее довѣріе. Теперь она видѣла въ немъ союзника. Потомъ онъ убѣдилъ ее съѣздить въ Парижъ, гдѣ у нея были дѣла, и сговорился сойтись съ нею на вокзалѣ, чтобы вмѣстѣ вернуться въ Вильнуазъ. Было рѣшено, что если онъ опоздаетъ къ поѣзду, значить, его задержали непредвидѣнные

обстоятельства, и тогда она уйдет одна. Онъ зналъ, что она не опоздаетъ на поѣздъ, не желая оставлять долго Вильнуаза одного, и ждалъ теперь ея появленія. Вдругъ Жильберта вѣхнулась судорожно въ его рукавъ. Онъ обернулся къ ней и увидалъ передъ собою ея блѣдное, искаженное лицо.

— Вотъ!—прошептала она:—тотъ человѣкъ... Боже!.. Да это женщина!

Въ открытомъ фіакрѣ у троттуара вокзала Робертъ увидалъ Сабину. На ней была поярковая дорожная шляпка съ эгреткой, почти мужского фасона, и кофточка съ отворотами, тоже почти мужского покрою; тонкая вуалетка мало скрывала ея лицо.

Опытъ Роберта удался лучше, чѣмъ онъ рассчитывалъ: Жильберта, очевидно, узнала Сабину.

На другое утро Робертъ уѣхалъ въ Вильнуазъ, никого не извѣщая о своемъ прибытіи, и сѣлъ у станціи въ омнибусъ, который довезъ его до парка. Скоро онъ добрался до того мѣста, гдѣ стрѣлявшій въ Вильнуаза бѣглець сдѣлалъ такой отчаянный прыжокъ. Онъ остановился тутъ и, оставивъ омнибусъ, сталъ всматриваться въ мѣстность. Рѣшившись довести свое разслѣдованіе до конца, Робертъ спустился внизъ, обогнулъ скалу и снова поднялся на вершину по противоположному склону. Вдругъ ему попалось на глаза нѣчто въ родѣ крошечнаго пестраго камешка; а когда онъ перевернулъ его и всмотрѣлся, онъ тотчасъ же убѣдился, что это была миниатюра изъ стариннаго кольца Сабины. Вотъ гдѣ она ее потеряла! И это въ промежутокъ между вечеромъ въ Динанѣ и днемъ пріѣзда Роберта въ Вильнуазъ. И на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ перепрыгнулъ убійца!

Робертъ призадумался; затѣмъ онъ досталъ свои часы, положилъ миниатюру подъ стекло циферблата, гдѣ она остановила стрѣлки, и поспѣшилъ добратъ до замка. Ему было необходимо прежде всего переговорить съ Сабиной наединѣ. Онъ нашелъ предлогъ. Давно уже Вильнуазъ предлагалъ ему съѣздить съ Сабиной на ея виллу, посмотреть написанную ею лѣтомъ картину, но это все не устраивалось. Робертъ предложилъ сдѣлать это на слѣдующее утро, передъ своимъ возвращеніемъ въ Парижъ. Сабина точно почувала какую-то опасность, потому что выказала мало готовности. А на слѣдующее утро она замѣшкалась и вышла такъ поздно, что и на виллу заѣхать, и на поѣздъ попасть было немислимо. Но Робертъ, выведенный изъ терпѣнія, сталъ доказывать, что если поторопиться, то они все-таки успѣютъ. Ея часы невѣрны,—пусть она лучше взглянетъ на его часы.

— Вотъ, посмотрите! — добавилъ онъ многозначительно и протянулъ ей свои часы. — Тонъ его былъ такъ страненъ, что она вся затрепетала, и, взглянувъ на его часы, опустила на полъ, какъ подкошенная, и забилась въ истерическомъ припадкѣ. Вильнуазъ быстро поднялся съ постели и бросился помогать Роберту. Что это съ ней? Этого давно уже не было, и онъ думалъ, что припадки эти совсѣмъ прошли. Съ трудомъ привели ее въ себя; но какъ только она оправилась, то овладѣла собой и стала извиняться за свои „глупые нервы“, изъ-за которыхъ monsieur Дальгранъ опоздалъ на поѣздъ. Но она сама проводить его къ слѣдующему поѣзду, а предварительно они заѣдутъ къ ней. Робертъ могъ только подивиться твердости этой натуры, думая про себя, какъ опасны такія сложныя и крѣпкія женскія организаціи. Молча доѣхалъ Робертъ съ нею до ея виллы, гдѣ она приказала горничной ѣхать немедленно въ Парижъ и отправила ее на станцію, говоря, что сейчасъ пріѣдетъ туда сама. Вильнуазъ долженъ былъ заѣхать за нею на виллу; она сказала Роберту, что объясненіе ихъ можетъ затянуться, а она не хочетъ, чтобы Вильнуазъ засталъ Роберта здѣсь; они объяснятся въ Парижѣ. Сабина приказала кучеру везти ихъ на станцію, а затѣмъ вернуться въ замокъ и сказать Вильнуазу, что она нашла у себя письмо, заставившее ее ѣхать въ Парижъ, откуда она вернется завтра утромъ.

— Въ Вильнуаза стрѣляли вы сами, — сказалъ ей въ упоръ Робертъ, очутившись съ нею въ ея парижской мастерской. — Именно этого обвиненія она и ждала отъ него, и она добавила со смѣхомъ: — Докажите!

— Вы переодѣлись въ мужское платье и спрятались съ цѣлью убить моего друга, какъ незадолго передъ этимъ переодѣвались и прятались, чтобы выслѣдить его, когда онъ катался съ двумя дамами.

Этого Сабина не ожидала и смутилась. Робертъ развернулъ предъ нею подробно всю исторію ея преступленія, начиная съ динанской сцены и до прыжка черезъ Чортовъ-володецъ. И пусть она не забываетъ, что онъ на то и механикъ, а потому можетъ найти средство расширить пропасть и добраться до того, что на ея днѣ. Сабина была сражена. — Пусть все это такъ, но она Вильнуаза убивать не хотѣла, и онъ проститъ ее, когда узнаетъ правду. Нѣтъ, не проститъ! еслибы онъ любилъ ее, то простилъ бы! — У Сабины вырвалось такое болѣзненное восклицаніе, что Робертъ мгновенно понялъ, въ чемъ состоялъ ея отчаянный планъ, и въ немъ шевельнулась жалость: она хотѣла только ранить его,

чтобы потомъ ухаживать за нимъ и вернуть себѣ его сердце. И онъ сталъ допрашивать ее: что же, говорилъ ей Вильнуазъ теперь о любви, или только о благодарности? Онъ, правда, собирается жениться на ней, но по любви ли?.. Сабина затихла, а потомъ робкимъ, тихимъ голосомъ попросила его сказать ей откровенно, говорилъ ли ему Вильнуазъ, что онъ разлюбилъ ее? Онъ сдѣлалъ ей много зла, и она его ненавидитъ, но считаетъ его честнымъ человѣкомъ и повѣритъ ему. Робертъ повѣлся ей, что Вильнуазъ говорилъ ему, что женится на ней по одному лишь чувству долга.—Да? а не любить ли онъ другую?—На это Робертъ не отвѣчалъ. — Значитъ, Вильнуазъ ей не простить, она понимаетъ теперь все. Сабина застыла въ молчаливой, скорбной позѣ. Немного успокоившись, она сказала ему, что онъ можетъ быть увѣренъ, что она уѣдетъ, и другъ его останется свободнымъ. Робертъ поклонился ей и вышелъ.

Х.

Когда на другой день Робертъ пріѣхалъ въ Вильнуазъ, его встрѣтилъ слуга и сказалъ, что хозяинъ уѣхалъ внезапно въ Парижъ, оставя ему письмо. Робертъ прошелъ въ кабинетъ, гдѣ нашелъ на письменномъ столѣ толстый конвертъ, а въ немъ второй съ надписью: „Прочти наединѣ“. Въ конвертѣ этомъ оказалось довольно длинное письмо незнакомаго ему почерка и коротенькая записка отъ Вильнуаза, читая которую Робертъ поблѣднѣлъ:

„Сабина отравилась сегодня ночью опиумомъ. Сегодня утромъ я узналъ о ея смерти отъ ея горничной, которая привезла мнѣ ея письмо. Я лечу къ ней. Пріѣзжай туда же. Но сначала прочти ея письмо, хотя оно не сообщитъ тебѣ ничего новаго.— Вильнуазъ“.

Сабина писала:

„Меня не будетъ въ живыхъ, когда ты станешь читать это письмо, любимый мой. Не оплакивай меня, потому что я провинилась передъ тобой, но прости меня. Цѣною жизни покупаю я это прощенье. Не откажи мнѣ въ немъ,—вѣдь я все искупила. Я сама чуть не убила тебя, но я же и спасла тебя. Теперь я произношу приговоръ надъ собой. Не проклинай же моей памяти, умоляю тебя. Признаніе мое—не заслуга, потому что промолчи я—другіе открыли бы тебѣ все. Твой другъ Робертъ узналъ правду;

иначе, цѣною преступленія, я купила бы себѣ огромное и чудовищное счастье быть твоею женою. И я признаюсь, что меня не терзали бы угрызенія совѣсти, до того я была бы горда и счастлива. Но это было невозможно, не такъ ли?.. Нельзя быть въ одно и то же время преступницей и счастливой. Это было бы незаконно...

„Я не хотѣла убивать тебя, — безъ тебя я не могла бы жить, — а только ранить въ ногу, чтобы имѣть потомъ право ухаживать за тобою, окружить тебя своими заботами, быть неотлучно при тебѣ и помѣшать тебѣ видѣться съ той... другою!.. Но несмотря на все мое умѣнье стрѣлять и осторожность, я чуть не убила тебя. О, мой бѣдный, любимый... Если бы ты зналъ, что я переживала тогда у твоей постели!.. Уми ты, и я покончила бы съ собою. Теперь ты въ этомъ не сомнѣваешься... Да, тотъ преступникъ, котораго ты видѣлъ въ скалахъ, это была я! Теперь ты знаешь все. Ты живъ и здоровъ, а смерть моя возвращаетъ тебѣ свободу... Ты будешь счастливъ... О, не забывай меня совсѣмъ, и прости. И если изъ состраданія, или въ послѣднемъ порывѣ любви, ты простишь меня, то приважи написать на моей могилѣ: „Она прощена“. Мнѣ кажется, что я вѣчно буду слышать въ землѣ твое прощеніе. И я повѣрю ему. Мертвымъ не лгутъ. Я знаю, что ты это сдѣлаешь, потому что ты добръ, мой любимый...

„Похорони меня на томъ деревенскомъ кладбищѣ, недалеко отъ котораго я жила лѣтомъ“...

Десять мѣсяцевъ спустя, Валентинъ де-Вильнуазъ женился на Жильбертѣ Мерикуръ. Въ день свадьбы, откалывая вечеромъ отъ лифа букетъ померанцевыхъ цвѣтовъ, новобрачная показала мужу атласный мѣшочекъ съ зашитой въ немъ завѣтной вѣточкой резеды. Улыбаясь, онъ вынулъ изъ своей записной книжки такую же вѣточку...

А на деревенскомъ кладбищѣ въ Вильнуазѣ, на могилѣ Сабинны поставленъ изящный памятникъ. Мраморная женская фигура, рѣзца извѣстнаго художника, съ протянутой всепрощающимъ жестомъ рукой, прислонилась къ мраморной же глыбѣ, на которой вырѣзано: „Она прощена“. Золоченая рѣшетка окружаетъ памятникъ.

Лѣтомъ Жильберта, узнавшая всю исторію отъ мужа, попро-

сила его свезти ее на эту могилу, и онъ исполнилъ ея желаніе.

— Посмотри,—прошептала молодая женщина, вѣжно прижимаясь къ мужу,—посмотри: только мраморъ и позолота... какъ холодно!.. ни одного цвѣточка... Мы непремѣнно будемъ носить ей букеты цвѣтовъ... Вѣдь ея безумной страсти обязаны мы своимъ счастьемъ... Бѣдная, какъ она много перенесла, какъ любила!..

Ю. З—А.

ПОЗДНІЯ ВОСПОМИНАНІЯ

О

ДАВНО МИНУВШИХЪ ВРЕМЕНАХЪ

ДЛЯ МОИХЪ ДѢТЕЙ И ВНУЧАТЪ.

Окончаніе.

II *).

Осенью 1849 г., фонъ-Поль, по окончаніи его 11-мѣсячнаго отпуска, вышелъ, по разстроенному здоровью, въ отставку—и на его мѣсто былъ назначенъ, помимо вице-директора Анненскаго, начальникъ отдѣленія канцеляріи морского министерства, Алексѣй Алексѣевичъ Гвоздевъ, рекомендованный Перовскому пріятелями Гвоздева—Бутковымъ, государственнымъ секретаремъ ¹⁾, и Суков-кинымъ, управляющимъ дѣлами комитета министровъ. Гвоздевъ былъ кандидатъ московскаго университета, но не отличался ни особыми способностями, ни дѣловою опытностью. Стилистъ онъ былъ недурной, но слишкомъ любилъ витіеватость слога, не всегда идущую къ серьезнымъ дѣловымъ бумагамъ, что онъ и выразилъ мнѣ, сказавъ, что хотя мое изложеніе бумагъ ему нра-

*) См. выше: мартъ, 89 стр.

¹⁾ Его считали—далеко несоотвѣтствовавшимъ характеру этой должности, въ виду легкаго, чисто формальнаго отношенія его къ дѣламъ государственнаго совѣта, и разсѣянной жизни; онъ не пропускалъ ни одного общественнаго собранія и былъ прозванъ „государственнымъ шалуномъ“.

вится болѣе, чѣмъ изложеніе всѣхъ прочихъ столоначальниковъ, но было бы желательно, чтобы я старался вносить въ него болѣе краснорѣчія. Между тѣмъ, по моему мнѣнію, краткость, ясность и послѣдовательность составляютъ существенныя условія хорошаго изложенія дѣловой бумаги, о витіеватости же я мало заботился.

Онъ очень скоро близко со мною сошелся, и когда встрѣчалъ надобность переговорить о какомъ-либо дѣлѣ съ названными выше лицами (Бутковымъ и Суковиннымъ), или съ кѣмъ-либо изъ директоровъ другихъ министерствъ, то большею частью поручалъ это мнѣ, хотя бы дѣло относилось не только не до моего стола, но даже и не до отдѣленія, въ которомъ я служилъ. Онъ былъ честолюбивъ до забавнаго, и когда получилъ станиславскую звѣзду, то пошелъ во французскій театръ во фракѣ со звѣздою; а разъ я, войдя въ его кабинетъ, засталъ его красующимся передъ зеркаломъ, при чемъ онъ, безъ всякой застѣнчивости, сказалъ мнѣ: „Не правда ли, что звѣзда ко мнѣ очень идетъ“? При Д. Г. Бибиловѣ онъ не пользовался прежнимъ значеніемъ, и въ послѣднее время положеніе его замѣтно пошатнулось, какъ говорили, потому, что Бибиловъ, узнавъ, что онъ принялъ (замаскированное) участіе въ винномъ откупѣ въ пермской губерніи, выказывалъ ему свое неудовольствіе. При поѣздкѣ въ Москву зимою, онъ, выйдя утромъ изъ вагона на платформу, упалъ и былъ раздавленъ поѣздомъ; по словамъ однихъ, онъ поскользнулся на желѣзной платформѣ, обледенѣлой послѣ выпавшаго ночью дождя, къ утру замерзшаго, а по словамъ другихъ, онъ, потерпѣвъ неудачу по винному откупу, лишившую его всего его состоянія, и утративъ вмѣстѣ съ тѣмъ довѣріе министра, самъ бросился подъ поѣздъ.

Назначенный при Перовскомъ, на мѣсто Гаевского, директоромъ медицинскаго департамента и генераль-штабъ-докторомъ гражданскаго вѣдомства, д. с. с. Александръ Андреевичъ Рихтеръ (котораго я зналъ еще въ Москвѣ) не только не имѣлъ высшей медицинской степени доктора медицины, но даже былъ лекаремъ лишь 3-ей степени (тогда лекаря выпускались 3-хъ степеней). Человѣкъ онъ былъ большого ума и отличался административными способностями, но въ распоряженіяхъ по назначенію должностныхъ лицъ не стѣснялся требованіями закона. Такъ, для занятія должности инспектора врачебной управы и членовъ ея, акушера и оператора, требовалось выдержать особое испытаніе въ медицинской академіи, или въ медицинскомъ факультетѣ, преимущественно изъ судебной медицины и медицинской полиціи

и соприкасающихся съ ними предметовъ; но Рихтеръ вовсе не требовалъ отъ кандидатовъ на эти должности подлежащихъ дипломовъ, а подвергалъ ихъ практическому испытанію (посредствомъ разбора дѣлъ, поступившихъ на заключеніе медицинскаго департамента), и затѣмъ, обходя формальное требованіе закона, назначалъ „исполняющими должность“ (о послѣдствіяхъ чего будетъ сказано ниже).

Назначенный, вмѣсто Дмитріева, директоромъ департамента казенныхъ заготовленій, д. с. сов. Петръ Петровичъ Ланге былъ человѣкъ заурядный, исполнѣ честный и, по присоединеніи этого департамента къ главному военно-медицинскому управленію, занялъ мѣсто генераль-штабъ-доктора флота.

Предсѣдателемъ (президентомъ) медицинскаго совѣта при Перовскомъ былъ назначенъ (не помню, вмѣсто кого) лейбъ-медикъ Маркусъ, состоявшій вмѣстѣ съ тѣмъ начальникомъ придворнаго медицинскаго управленія, пользовавшійся большимъ и исполнѣ заслуженнымъ авторитетомъ въ медицинскомъ мірѣ.

Лѣтомъ 1851 г., когда Л. А. Перовскій уѣзжалъ въ отпускъ, управленіе министер. внутр. дѣлъ было поручено сенатору Сергѣю Степ. Ланскому, что настолько подѣйствовало на товарища министра И. Г. Сеньявина, что онъ лишилъ себя жизни, перерѣзавъ бритвою горло. Говорили, впрочемъ, что такой рѣшимости покончить собою способствовало и безвыходное положеніе, въ которое онъ былъ поставленъ громадностью долговъ.

Осенью 1852 г., на мѣсто Перовскаго (оставленнаго при министерствѣ удѣловъ, но уже въ званіи министра) назначенъ былъ генераль-адъютантъ Дм. Гавр. Бибииковъ, кievскій генераль-губернаторъ; раненный подъ Бородинымъ, гдѣ ядро оторвало ему лѣвую руку, онъ, вскорѣ по окончаніи отечественной войны, поступилъ въ гражданскую службу. Пробывъ нѣсколько лѣтъ вице-губернаторомъ, какое наименованіе присвоено было тогда управляющимъ казенною палатою, сначала въ Саратовѣ, потомъ въ Москвѣ, онъ былъ переведенъ, въ 1826 г., въ министерство финансовъ, на должность директора департамента таможенныхъ сборовъ и внѣшней торговли, которымъ управлялъ 11 лѣтъ, откуда былъ назначенъ, въ 1837 году, кievскимъ генераль-губернаторомъ, и въ этой должности состоялъ 15 лѣтъ. Будучи назначенъ генераль-губернаторомъ трехъ юго-западныхъ губерній, Бибииковъ стремился къ тому, чтобы поставить сельское сословіе этихъ губерній въ положеніе возможно обезпеченное отъ произвола пановъ-помѣщиковъ, ихъ управляющихъ и арендаторовъ, и не опасался того, что такое положеніе, достигнутое въ трехъ на-

званныхъ губерніяхъ, можетъ вынудить правительство распространить принятія по его иніціативѣ мѣры на всю Россію—тѣмъ болѣе, что ему, какъ пользовавшемуся полнымъ довѣріемъ Николая Павловича, не могло не быть извѣстно и душевное желаніе его величества упразднить крѣпостное право...

Бибиковъ былъ не чуждъ немаловажныхъ недостатковъ. Такъ, онъ былъ въ извѣстномъ смыслѣ весьма слабъ и, въ угоду фавориткамъ, допускалъ перѣдко и несправедливости. Покровительствуя женѣ правителя генераль-губернаторской канцеляріи П., онъ позволялъ и ему дѣлать многія незаконныя дѣла въ цѣляхъ личнаго обогащенія, и, получая на это жалобы, довольствовался всякими его объясненіями и оставлялъ жалобы безъ послѣдствій ¹⁾. Въ министерствѣ онъ былъ вообще начальникъ крутой, и никто не могъ считать себя обезпеченнымъ въ своемъ служебномъ положеніи. Такъ, между прочимъ, вице-директоръ департамента общихъ дѣлъ, Анненскій, сдѣлался жертвою его неудовольствія. Когда до Бибикова стали доходить многочисленныя жалобы на бывш. тамбовскаго губ. предводителя дворянства, князя Юрія (или „Юрки“, какъ его называли) Голицына ²⁾, за чрезмѣрную роскошь, распутство и жестокое обращеніе съ крестьянами, онъ, понимая, что нельзя достигнуть учрежденія надъ нимъ опеки установленнымъ въ законѣ порядкомъ, чрезъ дворянское депутатское собраніе, котораго Голицынъ былъ предсѣдателемъ, командировалъ для производства слѣдствія Анненскаго, какъ человѣка безупречной честности и несомнѣнной неподкупности, и, при личномъ съ нимъ объясненіи, прямо высказалъ свою увѣренность въ томъ, что Анненскій сумѣетъ обнаружить всѣ безобразія князя Голицына. Отъѣзжая въ командировку, Анненскій опасался, что ему не легко будетъ доказать эти безобразія, при затруднительности найти лицъ, которыя рѣшились бы дать показанія противъ губ. предв. дворянства, пользовавшагося такимъ громаднымъ вліяніемъ въ губерніи и имѣвшаго возможность не щадить средствъ для того, чтобы зажать рты; но не менѣе того Анненскій опасался, что если разслѣдованіе не обнаружитъ основательности дошедшихъ до Бибикова свѣдѣній, то послѣдній можетъ обрушить на него всю силу своего неудовольствія. На дѣлѣ

¹⁾ По назначеніи Бибикова на мѣсто министра внутр. дѣлъ, онъ, зная, что П.—ву нельзя будетъ оставаться правителемъ генераль-губ. канцеляріи по приобретенной имъ репутаціи, назначилъ его губернаторомъ въ олонеккую губернію.

²⁾ Этотъ самый князь Голицынъ, прокутивъ все унаслѣдованное имъ состояніе, составилъ хоръ пѣвцовъ, съ которымъ и явился на эстраду въ Павловскѣ, и въ этой роли онъ былъ вполне на своемъ мѣстѣ.

случилось совершенно другое: Анненскому удалось вполне обнаружить безобразія кн. Голицына (между прочимъ, его вакханаліи, при которыхъ въ его паркѣ, на перекресткахъ дорожекъ, вмѣсто мраморныхъ статуй, разставлялись въ разныхъ позахъ нагія женщины изъ наиболѣе красивыхъ женщинъ и дѣвицъ, его крѣпостныхъ), и обставить все это достаточными доказательствами, а между тѣмъ Бибииковъ, подъ вліяніемъ лицъ, пользовавшихся большимъ значеніемъ при дворѣ и покровительствовавшихъ Голицыну, уже перемѣнилъ свой взглядъ на дѣло, и желалъ чтобы Анненскій обнаружилъ не дѣйствительность безобразій, въ которыхъ обвиняли кн. Голицына, а лживость этихъ обвиненій. А такъ какъ Анненскій не могъ удовлетворить этому желанію, то Бибииковъ, желая выместить на немъ свой гнѣвъ и не рѣшаясь сдѣлать это прямо, придумалъ упразднить должность вице-директоровъ д-та общихъ дѣлъ, и такимъ образомъ поставилъ Анненскаго, человѣка безъ всякихъ средствъ, въ безвыходное положеніе.

Еще одна слабость была присуща Бибиикову, именно nepoтuзмъ—назначеніе на открывающіяся вакансіи своихъ родственниковъ, между прочимъ—и на должности вице-директоровъ. За всѣмъ тѣмъ, Д. Г. Бибииковъ, по предшествовавшей его службѣ по гражданской части (о чемъ сказано выше), былъ вполне подготовленъ къ занятію должности министра внутреннихъ дѣлъ, и, по моему убѣжденію, онъ, какъ по высокому уму и знанію дѣла, такъ и по государственнымъ его взглядамъ, стоялъ выше всѣхъ прочихъ лицъ, занимавшихъ этотъ постъ за время 38 лѣтъ служенія моего въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ (гр. Строгановъ, гр. Перовскій, С. С. Ланской, П. А. Валуевъ, А. Е. Тимашевъ и Л. А. Маковъ). Вступивъ въ управленіе министерствомъ и принимая директоровъ и другихъ высшихъ чиновъ министерства, Бибииковъ, независимо отъ общаго обращенія ко всѣмъ, сказалъ спеціально нѣсколько словъ по адресу двухъ лицъ, именно директора медицинскаго департамента Рихтера и управл. хозяйственнымъ департаментомъ Н. А. Милютину. Первому онъ далъ понять, что на должности членовъ врачебныхъ управъ нельзя назначать лицъ, не соотвѣтствующихъ своему назначенію и не имѣющихъ требуемыхъ закономъ степеней, а также лицъ, не владѣющихъ русскимъ языкомъ; а Милютину, противъ котораго былъ предубѣжденъ репутаціею его какъ „краснаго“, сказалъ, что, находясь на службѣ государя императора, надо вести дѣла въ духѣ самодержавія, а не проводить свои идеи, не согласныя съ монархическимъ правленіемъ. Рихтеръ вскорѣ долженъ былъ

оставить министерство, а по отношенію къ Милютину взгляды Бибикова не замедлилъ измѣниться кореннымъ образомъ. Какъ человѣкъ самостоятельныхъ взглядовъ, онъ, ознакомившись ближе съ Н. А. Милютинымъ и петербургскимъ Город. Положен. 1846 г., убѣдился въ совершенной несправедливости той репутаціи, которую ему составили его недоброжелатели, и потому представилъ государю не только объ утвержденіи его въ должности директора, съ производствомъ въ чинъ дѣйств. ст. сов., но затѣмъ и о награжденіи его орденомъ Св. Станислава I степени. Когда Н. А. Милютинъ благодарилъ его за эту награду, Бибиковъ сказалъ ему, что онъ считаетъ своею обязанностью какъ можно скорѣе провести его черезъ всѣ формальныя условія, для занятія высшихъ должностей, такъ какъ мѣсто его, Милютина, не въ хозяйственномъ департаментѣ, а на томъ креслѣ, которое теперь занимаетъ онъ—Бибиковъ.

Относительно порядка пріема докладовъ по департаментамъ, Бибиковъ выказалъ свою практичность и умѣнье цѣнить время какъ свое, такъ и подчиненныхъ лицъ. Въмѣсто единоличнаго доклада директора, какъ то было при его предшественникахъ, Бибиковъ установилъ докладъ начальниковъ отдѣленій, въ присутствіи директора и вице-директора, и такимъ образомъ имѣлъ возможность лично ознакомиться со всѣми чинами.

Не прошло и года по назначеніи Бибикова министромъ внутреннихъ дѣлъ, какъ Англія и Франція, къ которымъ потомъ присоединилась и Сардинія, объявили Россіи войну, по поводу занятій русскими войсками придунайскихъ княжествъ, вслѣдствіе чего значительно усилась дѣятельность министерства по чрезвычайнымъ наборамъ рекрутъ, а затѣмъ и по составленію государственнаго ополченія, и также по оказанію военному министерству всякаго рода содѣйствія—выставкою подводъ для перевозки заболѣвающихъ въ походѣ, увоза раненыхъ съ театра войны, призрѣнія ихъ въ больницахъ приказовъ общественнаго призрѣнія, исправленія дорогъ, мостовъ и т. п.; по окончаніи войны потребовалось принять еще экстренныя мѣры для возстановленія края, разореннаго непріателемъ. Возбужденіе было всеобщее, и всѣ съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдили за всѣми перипетіями военныхъ дѣйствій, особенно при оборонѣ Севастополя. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что всѣ (почти) возносили горячія молитвы Господу Богу о ниспосланіи побѣды русскому оружію, хотя и трудно было на это рассчитывать, въ виду несравненнаго превосходства союзниковъ въ вооруженіи и большаго удобства въ снабженіи ихъ всѣмъ необходимымъ по во-

дянымъ путямъ, тогда какъ, при отсутствіи въ Россіи желѣзныхъ дорогъ и даже шоссе, ведущихъ къ театру войны, перевозка туда тяжестей была сопряжена съ непреодолимыми и все возрастающими затрудненіями. Между тѣмъ, были люди, изъ весьма просвѣщенныхъ, которые при самомъ началѣ войны, высказывали желаніе, чтобы Россія была побѣждена, и это не изъ враждебнаго къ ней отношенія, а напротивъ, изъ желанія въ будущемъ улучшенія внутренняго ея управленія. Войну эту они понимали какъ борьбу свѣта и просвѣщенія Европы противъ мрака и невѣжества Россіи, и потому находили, что, въ случаѣ торжества послѣдней, вся та рутина и гниль, которыми заражены были всѣ органы внутренняго управленія, не исключая и военнаго ¹⁾, останутся и впредь во всей силѣ и даже еще болѣе укрѣпятся, и Россія никогда не двинется по пути прогресса, а еще болѣе застрянетъ въ тинѣ и плесени, которою была окружена во всѣхъ отношеніяхъ. Послѣдствія, повидимому, подтвердили прозорливость такихъ людей, такъ какъ именно неудачно окончившаяся для насъ война открыла юному преемнику имп. Николая Павловича глаза на причины этой неудачи и на необходимость устраненія ихъ путемъ обновленія всего внутренняго управленія, тогда какъ торжество наше надъ непріятелемъ могло бы утвердить насъ въ нашемъ самомнѣніи и въ совершенствѣ порядковъ.

Смерть императора Николая I-го послѣдовала въ самую критическую минуту, когда единственная твердыня наша въ Крыму — Севастополь, досталась въ руки враговъ, и черноморскій флотъ, которымъ мы по справедливости могли гордиться, пересталъ существовать. Въ такомъ-то затруднительномъ положеніи дѣла юному императору пришлось принять на себя все бремя управленія государствомъ, съ разстроенными финансами и громаднымъ долгомъ, и при полномъ разстройствѣ военныхъ силъ.

Извѣстно, что переговоры о мирѣ, начатые въ Вѣнѣ, были закончены въ Парижѣ, гдѣ и заключенъ мирный трактатъ; условія его далеко не были „honorable“ для насъ—мы лишились части Бессарабіи, которая была присоединена къ сосѣдней Румыніи, и—что еще унижательнѣе—насъ обязали не имѣть воен-

¹⁾ Въ военномъ вѣдомствѣ думали, что вся сила войска заключается въ ужнѣнѣ маршировать (въ манежахъ постоянно повторялась команда: „выше ногу, крѣпче на ногу“, такъ чтобы манежъ дрожалъ), и, не придавая должнаго значенія усовершенствованному оружію, при которомъ атака въ штыки дѣлалась невозможною, по поговоркѣ Суворова: „пуля дура, а штыкъ виноватаго найдетъ“, мало упражняли солдатъ въ стрѣльбѣ и оставляли ихъ при старыхъ ружьяхъ, кремневыхъ.

наго флота въ Черномъ морѣ.—Но, къ счастью для Россіи, мы не рѣшились на продолженіе военныхъ дѣйствій (на что не имѣли рѣшительно никакихъ средствъ). Англія настаивала на требованіи отъ насъ громадной военной контрибуціи, но Наполеонъ оказался великодушнѣе и не поддерживалъ этого требованія, какъ въ 1815 году Александръ I-й отстоялъ Францію отъ военной контрибуціи, которую требовала съ нея Англія и другіе ея союзники...

Теперь обращаюсь опять къ прерванному разсказу о министрѣ Бибиловѣ, для котораго неожиданное вступленіе на престолъ императора Александра II имѣло роковое значеніе.

Первое порученіе, которое далъ мнѣ Бибиловъ, состояло въ составленіи соображеній объ упрощеніи порядка производства дѣлъ въ департаментахъ. При докладѣ присутствовали товарищъ министра, М. И. Лексъ, который и тутъ не замедлилъ выказать свою страсть къ вранью: когда Бибиловъ сказалъ, что по моему выговору, оборотамъ рѣчи и слогу, никто не заподозритъ, что я —не коренной русскій, Лексъ поспѣшилъ замѣтить, что я принадлежу къ потомкамъ тѣхъ выходцевъ изъ Германіи, которые, при Борисѣ Годуновѣ, поселились въ Москвѣ, въ мѣстности, сохраняющей до сихъ поръ названіе Нѣмецкой-слободы; но когда Бибиловъ обратился по этому случаю ко мнѣ, я долженъ былъ отвергнуть вышесказанное Лексомъ и передать дѣло, какъ оно было въ дѣйствительности. Второе порученіе относилось къ сокращенію числа чиновниковъ особыхъ порученій, каковыя имѣлись тогда при каждомъ департаментѣ въ довольно большомъ числѣ (особенно въ хозяйственномъ, по дѣламъ городского управленія), но съ крайне ограниченнымъ содержаніемъ. Такъ какъ министръ желалъ довершить это дѣло въ тайнѣ отъ директоровъ и самихъ чиновниковъ особыхъ порученій, то онъ, изложивъ мнѣ свой взглядъ, присовокупилъ: — „помните, что объ этомъ дѣлѣ никто не долженъ знать, кромѣ Бибилова, Дмитрія Гавр., и Шумахера, Александра Даниловича“... Сверхъ того, на меня возложено было: а) завѣдываніе дѣлами совѣта министра, лежавшее на вице-директорѣ департ. общ. дѣлъ; б) исправленіе должности члена люстраціоннаго комитета; в) завѣдываніе дѣлами комитета объ устройствѣ исправительныхъ тюремъ (комитетъ этотъ ни разу не созывался); г) дѣлопроизводство въ комитетахъ объ устройствѣ счетоводства по министерству и о начертаніи правилъ для введенія въ дѣйствіе новаго плана журнала министерства; д) исполненіе обязанностей члена въ комиссіи при министерствѣ финансовъ для выработки новаго положенія о пошлинахъ за право

торговли и промысловъ. Затѣмъ, Бибиковъ далъ мнѣ занятія неслужебнаго свойства — именно, составленіе систематическаго свода отчетовъ о его дѣятельности, какъ предсѣдателя казенной палаты, директора таможеннаго департамента и генералъ-губернатора, для чего и передалъ въ мое распоряженіе всѣ имѣющіяся у него копіи съ его годовыхъ отчетовъ и др. данныя. Работою этою я занимался въ его библиотечной комнатѣ, и когда я окончилъ эту довольно сложную работу, я просилъ его черновые листы оставить у меня на память о его служебной дѣятельности, но онъ рѣшительно отказалъ мнѣ въ этомъ, и всѣ эти листы, въ моемъ присутствіи, бросилъ въ каминъ. Неизвѣстно, кому досталась эта записка, но, къ сожалѣнію, никто изъ его наслѣдниковъ не напечаталъ ея ни въ „Русской Старинѣ“, ни въ другомъ какомъ-либо историческомъ журналѣ, и, такимъ образомъ, публика не имѣла возможности ближе ознакомиться съ біографіею этого государственнаго человѣка.

При отсутствіи правителя канцеляріи министра (нѣбоого Толстого), мнѣ всегда приходилось заступать его мѣсто, и нерѣдко даже и при наличности его Бибиковъ занималъ меня дѣлами этой канцеляріи; такъ, онъ возлагалъ на меня составленіе всеподданнѣйшаго отчета по министерству. Повидимому, онъ имѣлъ въ виду назначить меня на мѣсто правителя канцеляріи, какъ то обнаружилось въ переговорахъ по поводу назначенія меня вице-директоромъ хозяйственнаго департамента. Послѣ оставленія этой должности гр. Бобринскимъ, членъ совѣта министра внутреннихъ дѣлъ, Дмит. Петр. Хрущовъ (впослѣдствіи товарищъ мин. государственныхъ имуществъ), человѣкъ весьма способный и прекраснаго направленія, находившійся съ Милютинымъ въ дружескихъ отношеніяхъ, предупредилъ его, что Бибиковъ имѣетъ въ виду назначить на это мѣсто одного изъ своихъ племянниковъ, картежника, и что для предупрежденія такого назначенія Милютинъ долженъ выставить своего кандидата, при чемъ объяснилъ, что если укажетъ на Шумахера, то, вѣроятно, не получить отказа. На предложеніе Милютина ¹⁾, Бибиковъ отвѣчалъ, что онъ не вмѣшивается въ назначеніе начальниковъ отдѣленій, но что касается вице-директоровъ, то въ нихъ онъ гото-

¹⁾ Прежде чѣмъ обратиться къ Бибикову, Милютинъ, зная, что Гвоздевъ также имѣлъ въ виду меня на должность вице-директора департ. общ. дѣлъ, предупредилъ его о своемъ намѣреніи, на что Гвоздевъ отвѣчалъ, что онъ не знаетъ еще, когда ему удастся возстановить упраздненную должность вице-директора, а потому не желаетъ препятствовать назначенію Шумахера въ хозяйств. департ., и что онъ поставленъ въ необходимость уступить его Милютину.

жить себѣ будущихъ директоровъ, и потому выборъ ихъ оставляетъ исключительно за собою. Милютинъ объяснилъ на это, что онъ вполне понимаетъ эту точку зрѣнія, но вмѣстѣ съ тѣмъ находитъ, что директоръ департамента, а особенно хозяйственнаго, гдѣ сосредоточены разные капиталы въ громадныхъ суммахъ, также не менѣе заинтересованъ въ личности вице-директора, какъ ближайшаго его сотрудника, заступающаго его мѣсто, и что онъ, вѣряя ему всѣ капиталы департамента, вмѣстѣ съ тѣмъ довѣряетъ ему свою честь и все свое имущество, почему онъ и предлагаетъ ему, министру, такое лицо, о которомъ они оба имѣютъ одинаковое мнѣніе, именно чиновника особыхъ порученій Шумахера, въ которомъ и министръ можетъ приготовить себѣ директора, и которому онъ, Милютинъ, можетъ довѣриться всецѣло. На это Бибииковъ отвѣчалъ, что для Шумахера онъ имѣетъ въ виду другое назначеніе, къ которому онъ его уже исподоволь и готовитъ. Тѣмъ не менѣе, нѣсколько времени спустя, онъ послалъ императору Александру II всеподданнѣйшій докладъ о назначеніи вице-директоромъ хозяйственнаго департамента меня; этотъ докладъ государь продержалъ у себя недѣли три, вѣроятно справляясь на сторонѣ о моей личности. Дѣло въ томъ, что Бибииковъ, убѣжденный въ непоколебимомъ довѣріи къ нему имп. Николая Павловича и полагая, что на его вѣкъ хватитъ его царствованія, будучи вообще человѣкомъ весьма гордымъ, относился къ наслѣднику престола нѣсколько свысока, чѣмъ и возстановилъ его противъ себя. Когда же, по случаю смерти Николая I, взомель на престолъ наслѣдникъ цесаревичъ, Бибииковъ былъ поставленъ въ крайне неловкое положеніе. Опасаясь, что молодой императоръ отнесется къ нему неблагоклонно, онъ не рѣшался просить у него доклада, и между тѣмъ употребилъ всѣ усилія, чтобы чрезъ посредство вдовствующей императрицы Александры Теодоровны, очень къ нему благоволившей, добиться встрѣчи съ государемъ, ожидая ежедневно, что его величество самъ изволитъ назначить ему день для доклада. Когда же, наконецъ, онъ получилъ повелѣніе явиться съ докладомъ, онъ поѣхалъ во дворецъ, полный надеждъ, но возвратился мрачнѣе октябрьской ночи, такъ какъ государь объявилъ ему, что уже избралъ на его мѣсто другого министра, именно С. С. Лавского.

Получивъ извѣщеніе по канцеляріи министра о назначеніи меня вице-директоромъ хозяйственнаго департамента, я тотчасъ отправился къ Бибиикову, чтобы благодарить его и вмѣстѣ просить разрѣшенія не вступать нѣкоторое время въ исправленіе этой должности, пока не окончу нѣкоторыхъ возложенныхъ на

меня дѣлъ по прежней должности, въ томъ числѣ и всеподданнѣйшаго по министерству отчета, на что и получилъ его согласіе. Но на слѣдующій же день я получилъ, на бланкѣ хозяйственнаго департамента, предложеніе министра вступить не только въ должность вице-директора, но и въ управленіе департаментомъ, по случаю увольненія въ отпускъ директора Милютина. При сдачѣ мнѣ управленія департаментомъ, Милютинъ передалъ мнѣ болѣе десяти сложныхъ дѣлъ по разнымъ законодательнымъ вопросамъ, при чемъ въ теченіе пѣлаго утра разъяснялъ мнѣ сущность этихъ дѣлъ и свои взгляды. Само собою разумѣется, что, по возвращеніи его изъ шести-недѣльнаго отпуска, я возвратилъ ему эти дѣла нераспечатанными, кромѣ одного, срочнаго. И безъ нихъ мнѣ далеко не легко было исполнять текущія обязанности по двумъ должностямъ вице-директора и директора такого обширнаго департамента, какъ хозяйственный, съ которымъ я до того былъ мало знакомъ. Многіе изъ начальниковъ отдѣленія, изъ коихъ двое имѣли степень доктора правъ (Крживицкій и Варадиновъ) и одинъ степень магистра политической экономіи (Видацкій), могли считать себя обиженными назначеніемъ меня, помимо ихъ, вице-директоромъ въ департаментъ, въ которомъ они служили продолжительное время; но въ чести ихъ я долженъ сознаться, что они не выказали мнѣ никакого недружелюбія, а тѣмъ менѣе противодѣйствія.

Въ октябрѣ 1856 г., по случаю назначенія министра внутреннихъ дѣлъ Серг. Сем. Ланского председателемъ комитета объ устройствѣ с.-петербургскаго и царскосельскаго уѣздовъ, мнѣ было поручено быть дѣлопроизводителемъ этого комитета. Въ комитетѣ этомъ, при учрежденіи его, подъ председательствомъ наслѣдника цесаревича, дѣлопроизводителемъ его былъ статсъ-секретарь Карнѣевъ. Задача его состояла въ томъ, чтобы привести названные два уѣзда въ образцовое положеніе относительно путей сообщенія, частей санитарной, учебной, административной, въ отношеніи почвенномъ (осушеніемъ болотъ) и другихъ, съ тѣмъ, чтобы впослѣдствіи по образцу этихъ уѣздовъ устроить какъ другіе уѣзды с.-петербургской губерніи, такъ и постепенно другія губерніи имперіи. Ознакомившись съ обширнымъ производствомъ этого комитета, я убѣдился въ полной неосуществимости возложенной на него задачи. Изъ дѣлъ оказалось, что устройство двухъ уѣздовъ пало тяжелымъ бременемъ на земскіе сборы всей губерніи и, средствъ его не доставало, а дальнѣйшее осушеніе болотъ полагалось отнести на средства землевладѣльцевъ, которые вовсе не нуждались въ такомъ осу-

шеніи болотъ, владѣя, помимо ихъ, большими пространствами земель, изъ которыхъ извлекали мало дохода. Такимъ образомъ, стало ясно, что на устройство, по примѣру двухъ уѣздовъ, всей с.-петербургской губерніи, пришлось бы отнести потребный расходъ на государственный земскій сборъ всей имперіи, что, конечно, было бы болѣе, чѣмъ несправедливо, не говоря уже о томъ, что для такого же устройства другихъ губерній уже не имѣлось бы въ виду никакихъ источниковъ. Въ виду этого, я составилъ проектъ журнала комитета, въ которомъ, изложивъ весь ходъ дѣла и представивъ положеніе его во всей наготѣ, я приводилъ комитетъ къ заключенію о необходимости отказаться отъ задачи, ему поставленной. Новый предсѣдатель комитета, с.-петербургскій генералъ-губернаторъ Пав. Ник. Игнатьевъ, назначенный вмѣсто министра внутреннихъ дѣлъ, по случаю занятія послѣдняго дѣломъ освобожденія крестьянъ, убѣдился моими доводами и созвалъ членовъ комитета, для разсмотрѣнія проекта журнала; они всѣ пришли къ единогласному заключенію о необходимости прекратить дальнѣйшее существованіе комитета. Государь императоръ, состоявшій долгое время предсѣдателемъ комитета и сочувствовавшій его задачѣ, долго держалъ у себя послѣдній журналъ комитета, не рѣшаясь отказаться отъ тѣхъ дѣйствительно увлекательныхъ цѣлей, къ которымъ была направлена его дѣятельность, въ концѣ концовъ убѣдился въ неосуществимости ихъ и утвердилъ журналъ 14-го мая 1860 года. Такимъ образомъ мечта статсъ-секретаря Карнѣева разбилась о дѣйствительность.

Ревизуя отдѣленіе хозяйственнаго департамента, я нашелъ въ числѣ залежавшихся дѣлъ I-го отдѣленія (у начальника отдѣленія Ермакова) дѣло объ устройствѣ рижскихъ евреевъ. Дѣло въ томъ, что, по закону 14-го декабря 1841 г., евреямъ, которыхъ законъ этотъ засталъ въ Ригѣ, разрѣшено безпрепятственное пребываніе тамъ; но законъ не опредѣлилъ правъ ихъ на занятіе торговлею и ремеслами, а между тѣмъ мѣстныя власти не дозволили имъ ни того, ни другого, ссылаясь на особые уставы большой и малой гильдіи. II-е отдѣленіе собственной его императорскаго величества канцеляріи тоже не находило возможнымъ разрѣшить имъ какія-либо другія занятія, кромѣ поденныхъ работъ. Я занялся этимъ дѣломъ, и представилъ проектъ представленія въ государственный совѣтъ, вмѣстѣ съ другими бумагами отдѣленія, Милютину, Ник. Ал., который не пропускалъ ни одной законодательной записки безъ измѣненій; онъ скрѣпилъ мой проектъ безъ всякихъ замѣчаній, и разрѣшеніе государственнаго

совѣта не замедлило поступить въ министерство, при чемъ всѣ предположенія послѣдняго были утверждены безъ всякихъ измѣненій.

Въ 1857 г. мнѣ опять пришлось два мѣсяца управлять хозяйственнымъ департаментомъ, по случаю командировки Н. А. Милютина для осмотра въ нѣкоторыхъ губерніяхъ управленій вѣдомства хозяйственнаго департамента, а въ 1858 г. я получилъ двѣ командировки: одну въ Старую-Руссу, для собранія необходимыхъ данныхъ и составленія на мѣстѣ соображенія объ устройствѣ этого города, съ переходомъ его изъ военнаго въ гражданское вѣдомство, а другую—въ Рязань, для внезапнаго освидѣтельствованія суммъ приказа общественнаго призрѣнія и для осмотра вообще состоянія частей, подвѣдомственныхъ хозяйственному департаменту. Въ числѣ учреждений гор. Старой-Руссы я обратилъ особенное вниманіе на воспитательный домъ, при разсмотрѣніи дѣлъ котораго оказалось, что смертность приносимыхъ въ него (свободно и тайно, положеніемъ въ люкъ) превышала 60%, при чемъ разъяснилось, что крестьянки ближайшихъ селеній, новорожденныя дѣти которыхъ были отданы въ воспитательный домъ, приходили туда черезъ нѣсколько дней наниматься въ кормилицы, получая такимъ образомъ плату и все содержаніе за кормленіе собственнаго ребенка, а по прошествіи нѣкотораго времени какая-либо родственница ихъ приходила просить себѣ ребенка какъ приемыша, за содержаніе котораго тоже производится плата до опредѣленнаго возраста. По возвращеніи въ Петербургъ, я вытребовалъ изъ архива дѣло, по которому состоялся законъ 1828 г., воспреещающій учрежденіе въ губерніяхъ воспитательныхъ домовъ подъ вѣдомствомъ приказовъ общественнаго призрѣнія, и какъ изъ дѣла этого оказалось, что поводомъ къ изданію закона 1828 г. послужила такая же чрезмѣрная смертность въ существовавшихъ до того провинціальныхъ воспитательныхъ домахъ, то такой домъ, учрежденный въ Старой-Руссѣ военнымъ вѣдомствомъ, съ переходомъ этого города въ вѣдѣніе министерства внутреннихъ дѣлъ, былъ закрытъ. Что касается ревизіи рязанскаго приказа общественнаго призрѣнія, то о ней я считаю неизлишнимъ упомянуть лишь потому, что при производствѣ таковой обнаружилась одна изъ тяжелыхъ сторонъ характера нашего знаменитаго сатирика Салтыкова (Щедрина), занимавшаго тогда должность рязанскаго вице-губернатора. На вопросъ мой непремѣнному члену приказа относительно личнаго состава канцеляріи, онъ отвѣтилъ мнѣ, что, при вступленіи его въ заведываніе этою

канцелярією, составъ чиновъ былъ далеко не удовлетворителенъ, но, благодаря Салтыкову, значительно улучшился, потому что при рѣзкомъ обращеніи послѣдняго съ чиновниками губернскаго правленія (даже совѣтника въ лицо называлъ „обрубкомъ“), лучшіе изъ нихъ, съ наибольшимъ чувствомъ собственного достоинства, оставляли службу въ правленіи, тѣмъ и пользовался непремѣнный членъ приказа, предлагая имъ соотвѣтствующія должности въ канцеляріи приказа.

Лѣто 1858 года Н. А. Милютинъ провелъ на дачѣ на Аптекарскомъ островѣ, по близости отъ казенной дачи министра внутреннихъ дѣлъ, что и дало ему возможность сблизиться съ С. С. Ланскимъ, приобрести полное его довѣріе и обмѣняться съ нимъ мыслями относительно начатаго уже дѣла объ освобожденіи крестьянъ. Объ этомъ сближеніи онъ съ полнымъ удовлетвореніемъ передалъ мнѣ, по возвращеніи моемъ изъ командировки, и оно имѣло своимъ послѣдствіемъ назначеніе его, въ апрѣлѣ 1859 г., исполняющимъ обязанности товарища министра, а вмѣстѣ съ тѣмъ и членомъ редакціонной комиссіи по крестьянскому дѣлу. Еще до этого назначенія, Милютинъ, въ декабрѣ 1858 г., передалъ мнѣ, что министръ желаетъ получить соображенія о лучшемъ способѣ децентрализаціи дѣлъ, вслѣдствіе чего мною и была составлена и представлена Милютину, 9-го февраля 1859 г., записка, въ которой развивалась мысль о невозможности децентрализаціи безъ предоставленія самостоятельности общественнымъ учрежденіямъ земскимъ, городскимъ и сельскимъ, — мысль, давшая толчокъ рѣшимости введенія у насъ земскихъ учреждений.

8 апрѣля 1859 г., по случаю назначенія Николая Алексѣевича исправл. обязан. товарища министра, безъ увольненія отъ должности директора, я вступилъ въ управленіе хозяйственнымъ департаментомъ, продолжая нести и обязанность вице - директора. Это трудное положеніе продолжалось два года и 1 мѣсяць, въ теченіе которыхъ я, независимо отъ удвоенныхъ обязанностей по департаменту, былъ назначенъ членомъ еще пяти комиссій: а) для преобразованія паспортной системы, б) для пересмотра нормальнаго положенія о городскихъ банкахъ (при министерствѣ финансовъ), в) для составленія соображеній о соединеніи с.-петербургскаго и московскаго попечит. совѣтовъ общ. призрѣнія съ совѣтомъ опекунскимъ, г) объ устройствѣ военной повинности, и д) для изысканія мѣръ къ облегченію помѣщиковъ въ уплатѣ банковыхъ и другихъ казенныхъ долговъ, лежащихъ на ихъ имѣніяхъ, и въ устройствѣ ихъ хозяйства.

Положеніе мое за эти два года было тѣмъ болѣе затруднительно, что, не имѣя никакой посторонней протекціи, я могъ рассчитывать на утвержденіе въ должности директора развѣ въ томъ случаѣ, если бы Милютинъ былъ утвержденъ въ должности товарища министра; а между тѣмъ мнѣ было извѣстно изъ его разсказовъ, что государь два раза отказывалъ Ланскому въ его по этому предмету ходатайствахъ, и, наконецъ, надежда моя совершенно рушилась, когда, въ апрѣлѣ 1861 года, какъ Ланской, такъ и Милютинъ, одновременно выбыли изъ министерства внутреннихъ дѣлъ, — первый въ государственный совѣтъ, а второй въ сенатъ, при чемъ на мѣсто Ланского былъ назначенъ статсъ-секретарь П. А. Валуевъ, управляющій дѣлами комитета министровъ, которому я былъ совершенно неизвѣстенъ. Между тѣмъ, къ крайнему моему удивленію, Валуевъ, при первомъ же моемъ докладѣ, передалъ мнѣ, что, въ виду той несправедливости, которую оказывали мнѣ, возлагая на меня исправленіе двухъ должностей, оставляя при содержаніи по низшей должности, онъ считаетъ своею обязанностью, при слѣдующемъ же всеподданнѣйшемъ докладѣ, испросить высочайшее повелѣніе на утвержденіе меня въ должности директора и на выдачу за два года разности въ содержаніи по двумъ должностямъ. На мое замѣчаніе, что онъ, Валуевъ, меня совершенно не знаетъ, и потому не лучше ли было бы отложить докладъ, пока онъ успѣетъ ближе узнать меня, онъ отвѣчалъ, что та репутація, которую я счумѣлъ составить себѣ въ высшихъ административныхъ сферахъ, дѣлаетъ излишнимъ предварительное личное ознакомленіе со мною. Затѣмъ, по всеподданнѣйшему докладу его, послѣдовало, 13 мая 1861 года, назначеніе меня директоромъ хозяйственнаго департамента.

Передавая мнѣ объ этомъ назначеніи, П. А. Валуевъ спросилъ, кого я имѣю въ виду на должность вице-директора, на что я отвѣтилъ, что я неуклонно придерживаюсь принципа замѣщенія должностей изъ числа служащихъ въ томъ же учрежденіи чиновъ, такъ какъ при другомъ порядкѣ они, не видя передъ собою дальнѣйшаго движенія, естественно будутъ искать повышенія на сторонѣ, въ ущербъ дѣлу, и что я съ своей стороны полагалъ бы наиболѣе соотвѣтственнымъ назначить вице-директоромъ хозяйственнаго департамента старшаго изъ начальниковъ отдѣленій, Ник. Ив. Второва, который вмѣстѣ съ тѣмъ и наиболѣе способный, и самый опытный по дѣламъ город. управленія (преобразование котораго должно быть первымъ въ ряду предстоящихъ департаменту законодательныхъ трудовъ), такъ какъ

онъ, будучи еще совѣтникомъ губернскаго правленія, по порученію министерства, подробно ознакомился на практикѣ съ положеніемъ городского хозяйства и управленія, его недостатками и потребностями. Петръ Александровичъ высказалъ мнѣ, что онъ также всегда придерживался этого принципа, а потому готовъ удовлетворить мое ходатайство, и просилъ тотчасъ же познакомиться его съ Н. И. Второвымъ (который былъ наканунѣ отъѣзда за границу, на что получилъ разрѣшеніе еще при Ланскомъ). Между тѣмъ, когда пришелъ Второвъ, я тотчасъ же замѣтилъ, что онъ своею невзрачною виѣшностью произвелъ неблагоприятное для себя впечатлѣніе на Валуева, который, будучи самъ мужчиною-красавцемъ въ полномъ смыслѣ, обращалъ всегда болѣе вниманіе на виѣшнія, чѣмъ на внутреннія качества, и, подъ этимъ впечатлѣніемъ, сказалъ мнѣ, что замѣщеніе должности вице-директора можетъ быть отложено до возвращенія Второва изъ-за границы.

При слѣдующемъ моемъ докладѣ, Валуевъ высказалъ мнѣ неудовольствіе по поводу сдѣланнаго при Ланскомъ и Милютинѣ распоряженія о томъ, чтобы установленныя въ законѣ періодическія (черезъ три года) собранія дворянства губерніи допускались не иначе, какъ съ особаго каждаго разъ разрѣшенія губернатора, что было сдѣлано въ виду опасенія, что такія собранія сдѣлають постановленіе относительно обращенія къ государю съ адресами по крестьянскому дѣлу, въ смыслѣ низведенія предположенной реформы къ нулю, т.-е. освобожденія крестьянъ безъ земли и сохраненія за помѣщиками вотчинной полиціи. Передавъ мнѣ, что среди дворянства все усиливается неудовольствіе по поводу такого ограниченія предоставленнаго ему закономъ права, Валуевъ поручилъ мнѣ написать циркуляръ въ смыслѣ отмены этого распоряженія его предшественника. Къ этому порученію я отнесся тѣмъ болѣе сочувственно, что распоряженіе Ланского, вообще несогласное съ закономъ, за окончаніемъ крестьянской реформы, представлялось уже и безцѣльнымъ, а потому я не замедлилъ представить къ подписи министра проектъ циркуляра. Между тѣмъ, спустя двѣ или три недѣли, въ Духовъ-деи, когда я находился въ Славянкѣ, туда явился курьеръ, съ приглашеніемъ отъ министра немедленно пріѣхать къ нему на дачу на Аптекарскій островъ. Пріѣхавъ туда, я не засталъ Валуева, который поѣхалъ къ барону Штиглицу (извѣстному банкиру и управл. государств. банкомъ), почему я долженъ былъ выждать его возвращенія, находясь въ полномъ недоумѣніи относительно дѣла, которое послужило поводомъ къ вызову меня изъ далекой

загородной мѣстности въ праздничный день и не могло быть отложено до слѣдующаго утра. Возвратившись на дачу, Валуевъ объяснилъ, что теперь съ другой стороны (въ правительственныхъ сферахъ) выражаютъ неудовольствіе по поводу нашего послѣдняго циркуляра, опасаясь, что дворянство воспользуется даннымъ разрѣшеніемъ собираться, чтобы возбудить ходатайство о дарованіи ему, взаимнѣ, крѣпостного, политическихъ правъ—именно права участвовать въ дѣлахъ государственныхъ, въ разрѣшеніи законодательныхъ вопросовъ, и что поэтому необходимо вновь дать циркулярное предписаніе, воспреещающее созывъ дворянскихъ собраний безъ разрѣшенія министра. Недовольный моимъ вызовомъ и еще болѣе возмущенный такою шаткостью дѣйствій министра, я осмѣлился сказать ему, что такая шаткость подрываетъ довѣріе населенія къ правительству, что по французскому афоризму, когда дается *ordre*, а вслѣдъ затѣмъ—*contre-ordre*, выходитъ—*désordre*; что въ данному случаю примѣняется русская поговорка: „не довернешься—бьютъ, и перевернешься—тоже бьютъ“; что министръ, остановившись на какой-нибудь мѣрѣ, конечно, по зрѣломъ обсужденіи дѣла, не долженъ обращать вниманіе на то, что говорятъ въ салонахъ, тѣмъ болѣе, что если бы дворянство какой-либо губерніи, уполномоченное закономъ обсуждать и возбуждать ходатайство только по предметамъ, имѣющимъ мѣстное значеніе, рѣшилось возбудить ходатайство по дѣлу высшаго государственнаго управленія, то подобное ходатайство министръ не только вправѣ, но и обязанъ оставить безъ всякихъ послѣдствій. Несмотря на эти доводы, Валуевъ настоялъ на своемъ, и новый циркуляръ былъ подписанъ и разосланъ черезъ нѣсколько дней.

Валуевъ, отъ котораго, конечно, не могло ускользнуть мое нерасположеніе духа, сказалъ по этому поводу, что оно, безъ сомнѣнія, происходитъ отъ того, что онъ позволилъ себѣ нарушить мой праздничный отдыхъ, но что на будущее время, когда у меня будетъ вице-директоръ, мы можемъ чередоваться въ праздничные дни, и такимъ образомъ трудъ мой будетъ облегченъ. Узнавъ, между тѣмъ, что Валуевъ замышляетъ назначить мнѣ вице-директоромъ не Второва, а кого-то со стороны, я воспользовался этимъ случаемъ и отвѣчалъ, что я готовъ дѣлить бремя управленія хозяйственнымъ департаментомъ съ вице-директоромъ въ такомъ только случаѣ, если будетъ назначено лицо, къ которому я имѣю полное довѣріе. На послѣдовавшія затѣмъ слова его: „вы, слѣдовательно, остаетесь при прежнемъ вашемъ предложеніи относительно г. Второва“,—я отвѣтилъ, что въ моихъ прин-

ципахъ прежде всесторонне обдумать каждый предметъ и затѣмъ уже принять то или другое рѣшеніе, и я тѣмъ болѣе долженъ настаивать на своемъ предложеніи, что въ хозяйственномъ департаментѣ и во всемъ министерствѣ сдѣлалось извѣстнымъ, что оно мною было сдѣлано и принято министромъ, почему отклоненіе мое въ настоящее время должно дурно отразиться на моемъ авторитетѣ между подчиненными лицами.

Такимъ образомъ, Валуевъ въ теченіе первыхъ двухъ мѣсяцевъ успѣлъ дважды доказать всю правильность сдѣланной уже впоследствии, для краткой характеристики его личности, перифразы его фамиліи, такъ какъ въ этотъ срокъ онъ перемѣнилъ свой взглядъ по вопросу о разрѣшеніи дворянству пользоваться безпрепятственно законнымъ его правомъ собираться каждые три года, и готовъ былъ отступить отъ принципа замѣщенія должностей лицами, служащими въ учрежденіи, гдѣ открывается вакансія,—но я высказался рѣшительно въ томъ смыслѣ, что если мнѣ не назначать вице-директоромъ лицо, къ которому я имѣю полное довѣріе, то прошу не назначать никого ¹⁾.

Перехожу къ описанію личности П. А. Валуева и характера его, какъ министра внутреннихъ дѣлъ, личности близко извѣстной мнѣ по ежедневнымъ почти дѣловымъ сношеніямъ съ нимъ.

По наружности, П. Ал. былъ высокаго роста, прекраснаго сложенія, съ красивыми чертами лица; онъ имѣлъ выраженіе добраго, ласковаго человѣка, чѣмъ и располагалъ въ свою пользу. При такой наружности, онъ обладалъ талантомъ оратора до такой степени, что могъ бы выступить въ роли импровизатора, такъ какъ могъ сказать складную по внѣшности рѣчь на любую тему. Этому много способствовало какъ блестящее энциклопедическое образованіе и замѣчательная память, такъ и знаніе языковъ, не только новыхъ иностранныхъ (французскаго, нѣмецкаго, англійскаго, итальянскаго и польскаго), но также и латинскаго, и знакомство съ ихъ литературою, что, при памяти его, давало ему возможность приводить въ рѣчахъ изреченія извѣстнѣйшихъ писателей. На первыхъ порахъ, если не всѣ, то очень многіе восторгались его ораторскимъ искусствомъ, но вскорѣ разочаровались, убѣдившись въ безсодержательности его рѣчей; онъ же

¹⁾ Впоследствии, когда Валуевъ прочиталъ составленный Второвымъ проектъ о гор. управ. и хозяйствѣ, онъ не могъ не признать моего выбора весьма удачнымъ, и когда въ 1865 г. Ник. Иван. умеръ, онъ просилъ меня тотчасъ же представить ему всеподданнѣйшій докладъ о назначеніи на его мѣсто тоже изъ начальниковъ отдѣленій, кого я найду наиболѣе соотвѣтственнымъ. Былъ назначенъ начальникъ I-го гор. отд.—Виноградовъ.

продолжалъ ораторствовать, потому, какъ говорили, что любилъ слушать самого себя.

Что касается внутреннихъ качествъ Валуева, то, по образованію и уму, а также по знанію дѣла, приобрѣтенному предшествующею службою въ должностяхъ губернатора, директора департамента министерства государственныхъ имуществъ и управляющаго дѣлами комитета министровъ, онъ, безспорно, стоялъ на высотѣ своего положенія.

Но, къ сожалѣнію, ему присущи были такіе важные недостатки, при которыхъ онъ, несмотря на указанныя хорошія качества, оказался ниже другихъ министровъ, уступавшихъ ему въ образованіи. Прежде всего, у него не было никакой устойчивости въ его рѣшеніяхъ, отъ которыхъ онъ отступалъ нерѣдко не потому, что дѣйствительно перемѣнилъ свой взглядъ, а единственно вслѣдствіе того, что въ противномъ смыслѣ высказались въ петербургскихъ салонахъ люди болѣе или менѣе вліятельные. Затѣмъ, онъ былъ преисполненъ желанія угодить всѣмъ высокопоставленнымъ лицамъ, и не только членамъ императорской фамиліи, но и статсъ-дамамъ и фрейлинамъ ¹⁾, считывая на то, что эти лица женскаго пола будутъ всюду трубить о его внимательности и любезности. Нерѣдко, выслушавъ докладъ дѣла и согласившись съ проектированнымъ рѣшеніемъ его, онъ вспоминалъ, что у него должна быть памятная записка по дѣлу и, отыскавъ ее (въ особой папѣ, специально назначенной для храненія подобныхъ записокъ), въ которой его просили о рѣшеніи дѣла въ обратномъ смыслѣ, тотчасъ же отказывался отъ только-что одобреннаго проекта. Между тѣмъ, нѣтъ сомнѣнія, что лица, передававшія ему записки, полученные ими отъ заинтересованныхъ лицъ, часто сами не знали, о чемъ просятъ послѣднія, а передавали ихъ собственно на его усмотрѣніе. Въ этомъ меня убѣдилъ одинъ случай, когда подобная записка была получена отъ фрейлины великой княгини Елены Павловны, баронессы Раденъ, и я испросилъ себѣ разрѣшеніе переговорить съ нею. Баронесса сказала мнѣ, что она, не зная, насколько проситель правъ, передала его записку Валуеву, прося только обратить вниманіе на дѣло, меня же убѣдительно просила не дѣлать по переданной ею запискѣ ничего, несогласнаго съ закономъ ²⁾. Не мѣшаетъ упомянуть и о случаѣ, когда одесскій

¹⁾ Бывали записки и отъ гофъ-фурьера, и камердинера государя.

²⁾ Сообщивъ объ этомъ Валуеву, я въ свою очередь совѣтовалъ баронессѣ Раденъ слѣдовать примѣру великой княгини, которая, прежде чѣмъ обратиться къ Валуеву, давала мнѣ записку для обсужденія, насколько изложенное въ ней ходатайство могло быть удовлетворено, согласно закону и обстоятельствамъ дѣла.

генераль-губернаторъ Коцебу представилъ на его разрѣшеніе о возникшемъ между нимъ и херсонскимъ губернаторомъ Клупинымъ разногласіи по дѣлу, касавшемуся земства. При докладѣ дѣла я объяснилъ, что мнѣніе Клупина, стоявшаго на этотъ разъ на сторонѣ земства, оправдывается точнымъ смысломъ закона, и представилъ къ подписи изготовленный въ этомъ смыслѣ проектъ отвѣта Г. А. Коцебу; но Валуевъ нашелъ неудобнымъ, при конфликтѣ между двумя лицами губерн. администраціи, признавать правымъ подчиненное лицо противъ его непосредственнаго начальника. Напрасно я объяснялъ ему, что министръ поставленъ выше обоихъ, что генераль-губернаторъ потому именно и представилъ ему о возникшемъ съ губернаторомъ разногласіи, чтобы министръ, стоящій во главѣ центрального управленія, на разрѣшеніи котораго могли быть подобные вопросы по друг. губерніямъ, высказалъ свое мнѣніе; что онъ въ этомъ случаѣ является третейскимъ судьей, рѣшенію котораго подчиняются обѣ стороны; напрасно указывалъ и на то, что земство не удовольствуется отказомъ генераль-губернатора, а обратится съ жалобой въ сенатъ, который потребуетъ заключеніе министерства и во всякомъ случаѣ рѣшитъ дѣло по закону. Валуевъ настоялъ на своемъ и, дабы не поставить себя въ затруднительное положеніе передъ сенатомъ, приказалъ дать отвѣтъ уклончивый, сказавъ, что если генераль-губернаторъ смотритъ на дѣло въ смыслѣ, изложенномъ въ его мнѣніи, отъ него зависить такъ и поступить. Предсказаніе мое сбылось: земство жаловалось сенату, который, истребовавъ заключеніе министерства, постановилъ, согласно таковому, распоряженіе генераль-губернатора отмѣнить. Такимъ образомъ, Коцебу былъ подведенъ уклончивымъ отвѣтомъ („влияніемъ“) Валуева, а дѣло получило правильное направленіе двумя годами позднѣе.

Личный составъ губернаторовъ, значительно возвысившійся, благодаря вышеупомянутому приему Перовскаго, и продержавшійся почти въ томъ же видѣ при Бибииковѣ и Ланскомъ, измѣнился къ худшему при Валуевѣ, который при назначеніи губернаторовъ руководствовался почти исключительно рекомендаціями сильныхъ міра сего, при чемъ попадали въ губернаторы лица, не имѣвшія никакого понятія о губернской администраціи ¹⁾, а если и самъ

¹⁾ Такъ, въ Кіевѣ былъ назначенъ губернаторомъ арт. ген.-майоръ Эйлеръ, братъ флейлины. Она прислала его ко мнѣ съ письмомъ, въ которомъ просила меня научить его уму-разуму. Когда я ему пересчитывалъ всѣ губернскія учрежденія, въ которыхъ ему придется предсѣдательствовать, оказалось, что онъ не только ничего не зналъ о предметахъ вѣдомства и степени власти ихъ, но даже въ первый разъ

выбиралъ иногда кандидатовъ изъ числа флигель-адъютантовъ, съ которыми знакомился по случаю командировки ихъ для наблюденія за ходомъ рекрутскихъ наборовъ, то и эти выборы не были удачны. Двуличность, происходившая частью отъ нерѣшительности характера, частью отъ желанія не разойтись окончательно ни съ тою, ни съ другою партіею, была присуща всѣмъ почти дѣйствіямъ Валуева въ самыхъ крупныхъ дѣлахъ, такъ что наиболѣе подобающимъ девизомъ его герба были бы слова: „и нашимъ, и вашимъ“. Будучи, по природѣ, человѣкомъ гуманнымъ и по воззрѣніямъ „западникомъ“ (какъ охарактеризовалъ его рижскій архіепископъ), онъ не могъ не сочувствовать либеральнымъ начинаніямъ второй половины 50-хъ годовъ, и повиному, въ началѣ, дѣйствительно сочувствовалъ имъ; но, ставъ во главѣ министерства внутреннихъ дѣлъ, никогда не рѣшался провести задуманную реформу въ необходимой для успѣха ея законченности и останавливался на полумѣрахъ. Такъ, относительно мѣстнаго самоуправленія, онъ еще въ 1855 г. записалъ въ свой дневникъ слѣдующее разсужденіе: „Вездѣ преобладаетъ у насъ стремленіе сѣять добро—силою. Вездѣ—пренебреженіе и нелюбовь къ мысли, движущейся безъ особаго на то приказанія. Вездѣ—опека надъ малолѣтними. Вездѣ—противоположеніе правительства—народу, казеннаго—частному²⁾), вмѣсто признанія ихъ естественныхъ и неразрывныхъ связей“.

Черезъ два года послѣ назначенія Валуева министромъ внутреннихъ дѣлъ, онъ внесъ въ государственный совѣтъ проектъ положенія о земскихъ учрежденіяхъ; но въ самомъ этомъ проектѣ, торжественно провозглашая въ началѣ самостоятельность земства, при дальнѣйшемъ изложеніи его, на каждомъ шагѣ ограничивалъ и стѣснялъ его дѣятельность. А когда, въ засѣданіяхъ государственнаго совѣта, дѣлались предложенія къ расширенію компетенціи новыхъ учреждений, Валуевъ, вмѣсто того, чтобы присоединиться къ нимъ, если дѣйствительно желалъ создать что-либо болѣе серьезное,—опровергалъ такіа предложенія, съ рѣшительностью, достойною лучшей цѣли, утверждая, что, съ принятіемъ сдѣланныхъ предложеній, земскія учрежденія составятъ государство въ государствѣ, и общественный порядокъ, и весь государственный строй—подвергнутся опасности. По введеніи въ дѣйствіе „Положенія 1 января 1864 г.“, хотя разъясненія, дававшіяся мини-

слышали о существованіи такихъ учреждений, полагая, что, кромѣ губ. правленія, никакихъ другихъ учреждений не имѣется.

²⁾ Можно думать, что, вмѣсто „частному“, Валуевъ хотѣлъ сказать: „общественному“.

стерствомъ, по моимъ настояніямъ, въ смыслѣ огражденія самостоятельности земства отъ гнета мѣстной администраціи, и печатались въ официальной части „Сѣверной Почты“ (учрежденной по инициативѣ Валуева), но въ то же время въ этомъ же органѣ министерства печатались и статьи въ противоположномъ смыслѣ наперсникомъ Валуева, чиновникомъ особ. поруч., В. Я. Ф. На мое по сему предмету представленіе о несоотвѣтственности такого порядка, Валуевъ отвѣтилъ, что Ф. печатаетъ свои статьи въ части неофициальной, и что онъ, министръ, не считаетъ себя вправѣ навязывать Ф. свои взгляды, тогда какъ всѣмъ извѣстно было, что статьи послѣдняго всегда представлялись на его предварительный просмотръ и печатались съ его одобренія. То же самое дѣлалось и по отношенію къ разъясненіямъ крестьянскаго Положенія: въ официальной части печатались сообщенія управлявшаго зем. отдѣломъ Я. А. Соловьева, въ смыслѣ данныхъ губернаторамъ разъясненій (конечно, по настояніямъ Соловьева), а въ неофициальной—статьи того же Ф., въ смыслѣ діаметрально противоположномъ.

При этомъ считаю неизлишнимъ указать на пріемъ Валуева вообще по всѣмъ дѣламъ, особенно ярко характеризующій его безхарактерность: подписавъ официальное предложеніе губернатору въ смыслѣ, предположенномъ департаментомъ, онъ тутъ же писалъ ему особую записку, въ которой объяснялъ, что если губернаторъ найдетъ неудобнымъ исполнить требованіе министерства, то можетъ и не стѣсняться имъ. Этого пріема онъ держался собственно по отношенію къ губернаторамъ, пользовавшимся, по своему положенію, особымъ влияніемъ въ высшихъ сферахъ, въ числѣ каковыхъ на первомъ планѣ стоялъ орловскій губернаторъ, генераль-адъютантъ графъ Николай Левашовъ (впослѣдствіи товарищъ шефа жандармовъ). Путаница отъ этого происходила невѣроятная, и бывшій тов. министра Тройницкій просилъ меня вовсе не представлять къ его подписи бумагъ на имя гр. Левашова, который, отказываясь отъ исполненія ихъ, всегда ссыался на частныя разрѣшенія министра Валуева.

Покончивъ этимъ характеристику бывшаго министра внутреннихъ дѣлъ Петра Александровича Валуева, нахожу кстати изложить, вслѣдъ за нею, и характеристику другого, современнаго ему, администратора, кн. Суворова, бывшаго сначала его начальникомъ (какъ остзейскаго генераль-губернатора, когда Валуевъ былъ курляндскимъ губернаторомъ), а затѣмъ отчасти его подчиненнымъ, какъ с.-петербургскаго генераль-губернатора, во время министерства Валуева.

Князь Суворовъ—Александръ Аркадьевичъ, внукъ извѣстнаго генералиссимуса, свѣтлѣйшаго князя Александра Васильевича, былъ во многомъ совершенная противоположность своему дѣду. Послѣдній былъ небольшого роста, а внукъ его, напротивъ, колоссъ. Князь Александръ Васильевичъ былъ человѣкъ вполнѣ русскій, а Александръ Аркадьевичъ, бывшій студентъ гейдельбергскаго университета, во время генераль-губернаторства въ Ригѣ, еще болѣе онѣмечился.

Какъ человѣкъ, быть можетъ, кн. Александръ Аркадьевичъ не только не уступалъ своему знаменитому предку, но еще превосходилъ его: онъ былъ рыцарь въ душѣ, являясь всюду безкорыстнымъ и горячимъ защитникомъ угнетенныхъ; его такъ и называли—„защитникомъ угнетенной невинности“. Къ сожалѣнію, эта хорошая сторона его вела иногда къ послѣдствіямъ, противоположнымъ тому, что онъ имѣлъ въ виду. Ловкіе подчиненные его умѣли эксплуатировать это его качество, и онъ, по ихъ указаніямъ, отстаивалъ именно притѣсняющихъ, вмѣсто притѣсненныхъ, и позволялъ себѣ чуть не ежедневно распоряженія вполнѣ произвольныя, никогда не стѣсняясь закономъ.

Первыя мои отношенія къ нему были заочныя, когда я не имѣлъ случая даже видѣть его, а онъ, конечно, не имѣлъ даже понятія о моемъ существованіи. Это было при самомъ назначеніи его на должность остзейскаго генераль-губернатора, когда кружокъ ¹⁾ чиновъ министерства внутреннихъ дѣлъ, орудовавшій при его предмѣстникѣ, генералѣ Головинѣ, въ прибалтійскомъ краѣ, въ видахъ сближенія его съ Россією, предвидя, что князь Суворовъ непременно попадетъ въ руки остзейцевъ, если къ нему не будетъ приставленъ надежный руководитель, въ лицѣ правителя генераль-губернаторской канцеляріи, чтобы держать его въ предѣлахъ государственныхъ интересовъ,—обратилъ вниманіе на меня, и, зная мои близкія отношенія съ П. Гр. Рѣдкинымъ, замѣстившимъ при Перовскомъ Вл. Ив. Даля, просилъ его уговорить меня хлопотать о мѣстѣ правителя канцеляріи при кн. Суворовѣ; при этомъ мнѣ было объяснено, что рекомендація отъ Перовскаго или кого-либо другого изъ министерства внутреннихъ дѣлъ не только не содѣйствовала бы осуществленію моего ходатайства, но напротивъ, сдѣлала бы назначеніе, въ глазахъ князя, болѣе чѣмъ нежелательнымъ. П. Г. Рѣдкинъ указалъ, что лучшимъ и самымъ надежнымъ ходатаемъ былъ бы

¹⁾ Н. А. Милютинъ, Ник. Ив. Надеждинъ, Ханьковъ, Ад. Фед. Штакельбергъ, Ю. Ф. Самаринъ.

гр. Серг. Гр. Строгановъ, который особенно былъ расположенъ ко мнѣ и въ то же время былъ въ личной дружбѣ съ княземъ Суворовымъ. Я послѣдовалъ этому совѣту, но графъ сказалъ мнѣ, что, именно любя меня, онъ совѣтуетъ отказаться отъ попытки добиться должности правителя канцеляріи при князѣ Суворовѣ, въ виду того, что въ дѣла управления будетъ вмѣшиваться не только княгиня, но и всякій близко стоящій къ нему человѣкъ, не исключая камердинера; что князь, сегодня согласившійся съ докладомъ, завтра откажется отъ своего мнѣнія; что, въ концѣ концовъ, при отсутствіи у князя всѣхъ твердыхъ принциповъ и при страсти его къ популярности, онъ все-таки подпадетъ подъ вліяніе тѣмъ болѣе, что на него будетъ дѣйствовать и придворная нѣмецкая партія, и что, поэтому, онъ, графъ, не желалъ бы содѣйствовать доставленію мнѣ должности, въ которой я былъ бы поставленъ въ невозможное положеніе ¹⁾. На мое замѣчаніе, что графъ самъ отдалъ своего сына (моего товарища по университету) къ нему въ полкъ (носившій имя его дѣда), графъ отвѣчалъ, что онъ, не желая поступленія своего сына въ гвардію, гдѣ онъ попалъ бы въ сферу *jeunesse dorée*, опредѣлилъ его въ полкъ, которымъ командовалъ князь; князь могъ замѣнить ему, въ нравственномъ отношеніи отца, но онъ, по своимъ административнымъ способностямъ, могъ бы занять развѣ должность дивизіоннаго командира, и если бы ему, графу, было ранѣе извѣстно, что князю Суворову предлагаютъ должность генераль-губернатора, онъ счелъ бы своею обязанностью убѣдить его отклонить предложеніе, но, къ сожалѣнію, онъ узналъ объ этомъ тогда, когда указъ уже былъ подписанъ.

Во второй разъ я пришелъ въ соприкосновеніе съ княземъ Суворовымъ при проѣздѣ моемъ въ Кеммернъ черезъ Ригу, гдѣ тогда находился въ командировкѣ мой петербургскій пріятель, москвичъ Миндереръ, назначенный отъ контроля для упорядоченія счетоводства по продовольственному капиталу. Онъ просилъ меня непременно представиться князю, который, если бы узналъ, что чиновникъ министерства внутреннихъ дѣлъ, проѣхавъ черезъ Ригу, не явился къ нему, былъ бы очень недоволенъ.

¹⁾ Правителемъ канцеляріи назначенъ былъ остзеецъ фонъ-Торнау, который до того овладѣлъ кн. Суворовымъ, что давалъ ему подписывать невозможныя представленія, въ томъ числѣ и объ измѣненіи статей основныхъ законовъ въ томъ смыслѣ, что въ остзейскихъ губерніяхъ господствующимъ исповѣданіемъ признается евангелическо-лютеранское (а не православное).

При представленіи моемъ, князь спросилъ меня о всѣхъ чинахъ министерства, орудовавшихъ по дѣламъ остзейскаго губернатора, въ томъ числѣ и о Штапельбергѣ, и когда я сказалъ, что лично его не знаю (что и было вѣрно тогда, хотя впоследствии я очень близко съ нимъ сошелся), онъ, замѣтивъ невольную улыбку на моемъ лицѣ, сказалъ, что тѣмъ не менѣе видно, что ихъ взаимныя отношенія мнѣ неизбежны, прибавивъ къ тому: „Voilà ma bête noire“!

Третье, уже официальное отношеніе къ князю Суворову я имѣлъ, когда министромъ внутреннихъ дѣлъ назначенъ былъ Серг. Ст. Ланской, состоявшій въ дружескихъ отношеніяхъ съ княземъ Суворовымъ и желавшій воспользоваться этими отношеніями для того, чтобы положить конецъ той враждебности, которая существовала до него между министерствомъ и всѣми мѣстными учреждениями прибалтійскихъ губерній по дѣламъ городского хозяйства. Получивъ по этому предмету порученіе отъ Ланского, Н. А. Милютинъ предложилъ мнѣ, какъ вице-директору и человеку, непричастному къ этой войнѣ, подумать, какимъ способомъ можно удовлетворить желаніе министра, безъ ущерба для дѣла. Ознакомившись со всею перепискою за время Перовскаго и Бибикова, я остановился на мысли вызвать въ Петербургъ по группамъ всѣхъ бургомистровъ прибалтійскихъ городовъ, съ тѣмъ, чтобы въ присутствіи ихъ и начальниковъ обоихъ городскихъ отдѣленій разъяснить взаимныя требованія городскихъ управленій и министерства. По пріѣздѣ ихъ въ Петербургъ, я прежде всего заявилъ имъ, отъ какихъ главныхъ началъ министерство ни въ какомъ случаѣ не отступится, и затѣмъ просилъ заявить, въ чемъ заключаются ихъ домогательства, не затрагивающія этихъ началъ. При обмѣнѣ мыслей оказалось, что всѣ почти разногласія были послѣдствіемъ недоразумѣнія, происшедшаго отъ неправильной передачи канцелярією генералъ-губернатора требованій министерства, при переводѣ ихъ на нѣмецкій языкъ, и такой же передачи министерству домогательствъ городскихъ управленій, при переводѣ ихъ на русскій языкъ. Такимъ образомъ, все разъяснилось къ общему удовольствію, и всѣ пререканія прекратились. Вполнѣ удовлетворенный такимъ исходомъ дѣла, князь Суворовъ сталъ называть меня въ шутку „своимъ благодѣтелемъ“.

По назначеніи его затѣмъ с.-петербургскимъ военнымъ генералъ-губернаторомъ, князь Суворовъ пригласилъ меня къ себѣ вечеромъ на чай, при чемъ просилъ моего мнѣнія и содѣйствія насчетъ образованія личнаго состава канцеляріи. Передавъ дошедшія до

него свѣдѣнія о томъ, что правитель канцеляріи Четыркинъ — человекъ вполне честный, но не имѣющій никакого значенія въ канцеляріи, и что двое чиновниковъ особыхъ порученій, одинъ военный и другой гражданскій, а также одинъ начальникъ отдѣленія, будучи людьми весьма способными и свѣдущими, извѣстны, будто бы, своею нечестностью, онъ спросилъ меня, насколько вѣрны эти свѣдѣнія. Получивъ отъ меня утвердительный отвѣтъ, князь спросилъ совѣта, что ему дѣлать. Я предложилъ ему прежде всего устранить вполне приличнымъ образомъ Четыркина, и на его мѣсто назначить другое лицо — съ характеромъ, который сумѣлъ бы взять въ руки трехъ названныхъ чиновниковъ и, пользуясь ихъ знаніемъ дѣла и способностями, зорко слѣдить бы за ихъ дѣйствіями въ нравственномъ отношеніи; если они и затѣмъ не покинутъ своего прежняго образа дѣйствій, то подыскать на мѣсто ихъ другихъ дѣятелей, если можно, изъ состава канцеляріи, что будетъ уже дѣломъ правителя ея. Согласившись съ этимъ предложеніемъ, князь сказалъ, что ему рекомендуютъ нѣкоего Кирилина, служившаго въ комиссіи прошеній, и спросилъ моего о немъ мнѣнія. Не зная лично Кирилина, я заявилъ, что могу получить о немъ самыя вѣрныя и безпристрастныя свѣдѣнія отъ товарища его по лицу, занимавшаго въ хозяйственномъ департаментѣ должность правителя канцеляріи — Биппена. Последний, удостовѣривъ меня въ несомнѣнной честности Кирилина, сказалъ, что и онъ, по мягкому характеру своему, также не сумѣетъ поставить себя въ положеніе настоящаго начальника канцеляріи, такъ что, съ замѣною имъ Четыркина, все осталось бы въ прежнемъ видѣ. Тогда князь просилъ меня избрать ему правителя канцеляріи изъ чиновниковъ ввѣреннаго мнѣ департамента, на что я, скрѣпя сердце, согласился, указавъ на начальника I-го городского отдѣленія, Виноградова. Но оказалось, что онъ не рѣшится покинуть департаментъ, гдѣ началъ свою службу, и перейти на такую должность, на которую каждый новый начальникъ будетъ имѣть въ виду своего кандидата. Какъ ни прискорбно было для князя, но онъ долженъ былъ согласиться съ приведеннымъ доводомъ, тѣмъ болѣе, что онъ уже прежде заявилъ мнѣ, что если дѣла въ Петербургѣ не пойдутъ соотвѣтственно его желаніямъ, онъ самъ оставитъ свою должность. Такимъ образомъ, все осталось по прежнему: Четыркинъ остался правителемъ канцеляріи безъ авторитета, а три названные чиновника продолжали обдѣлывать свои дѣла и едва ли не съ большею безцеремонностью, чѣмъ то было до князя Суворова.

Хотя послѣдній и просилъ меня всякій разъ, когда я найду въ его представленіяхъ министерству что-либо несогласнымъ съ закономъ и вообще несоотвѣтствующимъ обстоятельствамъ дѣла, приходитъ прямо къ нему, для разъясненія ему дѣла, и онъ все прикажетъ сдѣлать по моимъ указаніямъ, но это ни къ чему не повело. Въ числѣ другихъ дѣлъ, на которыя мнѣ пришлось обратить вниманіе сначала министра Валуева, а затѣмъ, съ его согласія, и князя Суворова, укажу два оставшіяся у меня въ памяти: 1) генераль-губернаторъ представилъ кого-то къ наградѣ, не соотвѣтствующей чину, почему слѣдовало испросить награду внѣ правилъ; по справкѣ же въ департаментъ общихъ дѣлъ, оказалось, что это лицо послѣднюю награду получило всего за годъ передъ тѣмъ, такъ что пришлось обойти не одно, а два законныхъ препятствія; между тѣмъ, въ формулярномъ спискѣ о послѣдней наградѣ вовсе было умолчено; 2) генераль-губернаторъ ходатайствовалъ о наградѣ, за неслужебное отличіе, содержателю городскихъ перевозовъ, а именно, за услуги, оказанныя имъ пожарной командѣ: онъ предоставлялъ въ распоряженіе полиціи свои пароходы для перевозки въ зарѣчныя части, когда мосты бывали разведены. Между тѣмъ, въ то время этотъ содержатель уже умеръ, и награда испрашивалась въ дѣйствительности не ему, а его однофамильцу, управлявшему дѣлами его вдовы, который не оказывалъ и не могъ оказать пожарной командѣ никакой услуги, не имѣя своихъ пароходовъ; представленіе же было сдѣлано въ такомъ видѣ, что испрашивается награда умершему. Въ концѣ концовъ, такое нянченье съ княземъ Суворовымъ, этимъ enfant terrible, какъ его называли, мнѣ сильно наскучило, отнимая много времени, при чемъ хорошихъ результатовъ нельзя было ожидать, и я отказался отъ роли опекуна, тѣмъ болѣе, что я замѣчалъ, что и князь тяготится ролью опекаемаго...

Закончу воспоминаніями о моихъ отношеніяхъ къ великимъ реформамъ Царя-Освободителя, императора Александра II. Въ главнѣйшей изъ этихъ реформъ—освобожденіи крестьянъ—я не принималъ, да и не могъ принимать участія, такъ какъ, по случаю привлеченія къ ней директора хозяйственного департамента Н. А. Милютина, я, по званію вице директора, долженъ былъ, оставаясь и при этой должности, управлять названнымъ департаментомъ; тѣмъ не менѣе я, по просьбѣ Милютина, составлялъ для него нѣкоторыя справки, необходимыя для означеннаго дѣла, именно относительно устройства у крестьянъ общественнаго

призрѣнія, народнаго продовольствія и отбыванія земскихъ повинностей.

Главными дѣятелями этой величайшей изъ реформъ Царя-Освободителя были Яв. Ив. Ростовцевъ, Ник. Алекс. Милютинъ, князь Вл. Алекс. Черкасскій, Юр. Оед. Самаринъ.

Можно себѣ представить, съ какимъ напряженнымъ вниманіемъ вся Россія слѣдила тогда за ходомъ этого дѣла, столь близко касавшагося интересовъ большинства ея населенія—помѣщиковъ и крѣпостныхъ людей, при чемъ, конечно, лица, не сочувствовавшія предпринятой реформѣ, не теряли надежду на возможность прекращенія дѣла, и въ такихъ видахъ употребляли всѣ усилія къ тому, чтобы напугать государя императора гибельными послѣдствіями—распатаваніемъ общественнаго порядка, державшагося, будто бы, единственно неограниченною властью, помѣщиковъ надъ принадлежащими имъ людьми и чуть ли не соціальною революціею. Люди, не сочувствовавшіе реформѣ, нашлись и между членами государственнаго совѣта, изъ коихъ нѣкоторые предлагали одно личное освобожденіе крестьянъ, безъ всякаго надѣла ихъ землею. Но они оказались въ меньшинствѣ, и государь императоръ, оставшійся твердымъ въ своихъ благихъ видахъ, рѣшилъ утвердить проектъ положенія въ томъ видѣ, въ какомъ онъ обнародованъ при Высочайшемъ Манифестѣ 19 февр. 1861 года.

Освобожденіе помѣщичьихъ крестьянъ отъ крѣпостной зависимости съ надѣломъ ихъ землею естественно повело и къ соотвѣтствующимъ перемѣнамъ въ положеніи крестьянъ удѣльнаго вѣдомства и государственныхъ, какъ въ отношеніи экономическомъ, вслѣдствіе надѣла и ихъ землею, такъ и въ административномъ—прекращеніемъ надъ ними той опеки со стороны мѣстныхъ властей, которая тяготѣла надъ всѣми проявленіями ихъ общественной жизни, при чемъ большинство дѣлъ, требовавшихъ прежде разрѣшенія этихъ властей, было предоставлено окончательному разрѣшенію мірскихъ и волостныхъ сходовъ, составленныхъ изъ самихъ крестьянъ. Въ виду этого, освобожденіе крестьянъ являлось не только величайшею изъ реформъ, совершенныхъ въ Россіи послѣ Царя-Преобразователя Петра Великаго, но оно же было и необходимымъ условіемъ, безъ котораго были бы невозможны другія реформы Александра II-го.

Первою изъ реформъ, послѣдовавшихъ за освобожденіемъ крестьянъ, было преобразование судебной части, — Судебные Уставы 20 ноября 1864 г., установившіе въ Россіи судъ присяжныхъ изъ лицъ всѣхъ сословій, совершенно немыслимый при полной

зависимости крестьянъ помѣщичьихъ отъ ихъ владѣльцевъ, а крестьянъ другихъ наименованій—отъ поставленныхъ надъ ними властей. Въ дѣлѣ преобразованія судебной части я лично не принималъ никакого участія, такъ какъ оно нисколько не касалось предметовъ вѣдомства хозяйственного департамента и вообще министерства внутреннихъ дѣлъ. Но зато я принималъ наиболѣе близкое участіе въ двухъ послѣдующихъ реформахъ—земской и городской. 31 октября 1861 года, я былъ назначенъ членомъ высочайше учрежденной комиссіи о преобразованіи губернскихъ и уѣздныхъ учреждений, а 26 мая 1862 года, я, по высочайшему повелѣнію, былъ командированъ за границу, для ознакомленія съ устройствомъ и порядкомъ управленія по части земскаго и городского хозяйства, богоугодныхъ заведеній и по части продовольственной въ Германіи, Италіи, Франціи и Бельгіи. Собранныя мною данныя были переданы въ означенную комиссію и приняты были во вниманіе при разработкѣ порученнаго ей дѣла. Совершенная несостоятельность дѣлъ о земскихъ повинностяхъ довольно обстоятельно изложена въ докладѣ моему административному отдѣлу юридическаго общества, 7 января 1889 года. Комиссія о преобразованіи губернскихъ и уѣздныхъ учреждений пришла къ заключенію о необходимости образованія губернскихъ и уѣздныхъ земскихъ учреждений, съ передачею въ нихъ дѣлъ, сосредоточенныхъ прежде въ разныхъ правительственныхъ учрежденіяхъ, изъ коихъ и были упразднены подвѣдомственные хозяйственному департаменту—комитеты о земскихъ повинностяхъ, приказъ обществ. призрѣнія и продовольственные комиссіи. Вновь образованныя земскія учрежденія—губернскія и уѣздныя собранія и управы—были составлены изъ выборныхъ представителей разныхъ группъ мѣстнаго населенія, землевладѣльцевъ, торговаго сословія и городскихъ и сельскихъ обществъ, и учрежденіямъ этимъ была предоставлена извѣстная самостоятельность въ разрѣшеніи дѣлъ, переданныхъ въ ихъ за вѣдываніе. Н. А. Милютинъ, не принимавшій участія въ разрѣшеніи положенія о земскихъ учрежденіяхъ, по возвращеніи изъ-за границы, нашелъ, что и кругъ вѣдомства земскихъ учреждений, и предѣлы ихъ власти, могли бы быть расширены; но я, хотя и былъ согласенъ съ желательностью такого расширенія, полагалъ, однако, что это должно быть дѣломъ будущаго времени, когда правительство убѣдится въ пользѣ новаго порядка завѣдыванія дѣлами земскаго хозяйства,—на первый же разъ надо удовольствоваться и тѣмъ, что достигнуто не безъ борьбы.

При введеніи въ дѣйствіе Положенія о земскихъ учрежде-

ніяхъ, независимо отъ усилившихся занятій собственно по хозяйственному департаменту, по направленію дѣла въ губерніяхъ и разрѣшенію массы вопросовъ, которые губернаторы представляли въ министерство, мнѣ пришлось принять участіе въ нѣсколькихъ комиссіяхъ, которыя были учреждены для разработки отдѣльныхъ предметовъ, касавшихся и другихъ вѣдомствъ. 13 ноября 1865 г., я былъ назначенъ: во-первыхъ, членомъ учрежденной при министерствѣ государственныхъ имуществъ комиссіи для устраненія недоразумѣній относительно обложенія земскими сборами земель государственныхъ крестьянъ, а также государственныхъ имуществъ; и во-вторыхъ, предсѣдателемъ комиссіи для опредѣленія порядка передачи въ земскія учрежденія дѣлъ по существующему въ вѣдомствахъ удѣльному и государственныхъ имуществъ страхованію и о возвратѣ отпущенныхъ крестьянамъ по случаю пожаровъ пособій. Кромѣ того, въ 1866 г., іюня 17-го, меня назначили предсѣдателемъ комиссіи по составленію правилъ о взаимномъ страхованіи строеній въ губерніяхъ, на которыя не распространяется положеніе о земскихъ учрежденіяхъ; іюня 19-го, предсѣдателемъ комиссіи для составленія правилъ относительно завѣдыванія общимъ продовольственнымъ капиталомъ, образованнымъ изъ частей губернскихъ продовольственныхъ капиталовъ, удержанныхъ при передаче ихъ въ земскія учрежденія, порядка назначенія изъ него пособій и веденія отчетности. Въ 1867 г., сентября 20, я былъ сдѣланъ членомъ комиссіи для составленія проекта правилъ и о мѣрѣ участія казны въ отправленіи натуральной дорожной повинности; въ 1868 г., февр. 29-го, членомъ учрежденной при министерствѣ финансовъ комиссіи для составленія проекта нормальнаго положенія о земскихъ повинностяхъ. Еще прежде, въ 1867 г., мая 10-го, я, согласно желанію бывшаго государственнаго контролера, статсъ-секретаря Татаринова, былъ назначенъ, вмѣсто бывшаго товарища министра, тайнаго совѣтника Тройницкаго, предсѣдателемъ учрежденной при государственномъ контролѣ комиссіи для изысканія мѣръ къ освобожденію казны отъ приплаты по содержанію почтовыхъ станцій, и въ томъ же 1867 г., мая 18-го, мнѣ поручено было осмотрѣть богоугодныя заведенія, переданныя въ земскія учрежденія въ губерніяхъ, лежащихъ по Волгѣ, а также въ Ростовѣ-на-Дону, Таганрогѣ и Одессѣ. Позднѣе, въ 1872 г., я былъ назначенъ предсѣдателемъ комиссіи о болѣе точномъ разграниченіи обязанностей земства и городовъ и о мѣропріятіяхъ противъ эпидемическихъ болѣзней; въ 1874 г., предсѣдателемъ комиссіи для разсмо-

трѣнія предположенія: а) о порядкѣ исполненія мѣрами правительства потребностей, возложенныхъ на земскія и городскія учрежденія, но оставленныхъ ими безъ удовлетворенія, и б) о порядкѣ разрѣшенія жалобъ и заявленій правительственныхъ и сословныхъ установлений по пререканіямъ ихъ съ земствомъ. Наконецъ, въ 1875 г., меня сдѣлали членомъ комиссіи для разсмотрѣнія вопросовъ объ обложеніи земскимъ сборомъ каменноугольныхъ шахтъ.

Точно такъ же, какъ Судебные Уставы 24 января 1864 г., такъ и введеніе у насъ земскихъ учрежденій 1865 г. было бы невозможно до освобожденія помѣщичьихъ крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, ибо при составѣ земскихъ собраній изъ гласныхъ, избираемыхъ всѣми сословіями, въ томъ числѣ и крестьянами, немыслимо, чтобы, рядомъ съ гласными изъ дворянъ, засѣдали и принимали участіе въ обсужденіи и рѣшеніи дѣла гласные изъ принадлежащихъ имъ крестьянъ. Равномѣрно, до освобожденія крестьянъ, нельзя бы было установить новый порядокъ отбыванія воинской повинности, въ силу котораго въ отбыванію ея призываются всѣ сословія, при чемъ нерѣдко встрѣчалось бы, что новобранецъ изъ дворянъ стоялъ бы рядомъ и спалъ бы въ одной палатѣ съ новобранцемъ изъ его крѣпостныхъ; могли бы быть и такіе случаи, что, при раннемъ поступленіи на службу послѣдняго и производствѣ его въ унтеръ-офицеры, вновь поступившій на службу помѣщикъ его попалъ бы подъ его команду.

Хотя съ перваго взгляда могло бы показаться, что преобразование общественнаго управленія въ городахъ не имѣло никакого отношенія къ освобожденію крестьянъ, но если принять во вниманіе, что по городовому Положенію гласными городской думы могутъ быть и домовладѣльцы изъ крестьянъ, не исключая помѣщичьихъ, а также торгующіе по купеческимъ свидѣтельствамъ, отъ выборки которыхъ не устранены и крестьяне, то сдѣлается яснымъ, что и эта реформа не могла послѣдовать до освобожденія крестьянъ, въ виду тѣхъ же неудобствъ, которыя указаны по отношенію къ земскимъ учрежденіямъ.

Затѣмъ, по порядку, слѣдовало бы мнѣ изложить весь ходъ дѣла по преобразованію общественнаго управленія въ городахъ, какъ по составленію общаго городского Положенія 17 іюня 1870 г., такъ и дополнительныхъ правилъ о его примѣненіи къ обѣимъ столицамъ и въ г. Одессѣ, а также къ городамъ сѣверо-и юго-западныхъ губерній и, наконецъ, къ городамъ губерній прибалтійскихъ. Но все это съ достаточною обстоятельностью

изложено въ трудѣ г. Джаншіева: „Изъ эпохи великихъ реформъ“; притомъ, вся городская реформа въ его трудѣ изложена согласно также и моимъ указаніямъ, сообщеннымъ мною вслѣдствіе его о томъ просьбы.

Съ своей стороны, нахожу неизлишнимъ указать здѣсь только на то, что введеніе городского Положенія 1870 г. въ городахъ прибалтійскихъ губерній приобрѣло мнѣ особенное благорасположеніе со стороны министра внутреннихъ дѣлъ, генералъ-адъютанта Тимашева, но крайне возстановляло противъ меня его предмѣстника, графа Валуева.

Введеніе городского Положенія въ городахъ прибалтійскихъ губерній сдѣлало первую брешь въ существовавшей искони въ этихъ губерніяхъ феодальный средневѣковой строй мѣстнаго управленія, и если бы я еще долѣе остался директоромъ хозяйственнаго департамента, то употребилъ бы всѣ усилія для того, чтобы ввести въ этихъ губерніяхъ также и Положеніе о земскихъ учрежденіяхъ; при сочувствіи къ этому дѣлу со стороны преемника Тимашева, статсъ-секретаря Макова, усилія мои не остались бы, вѣроятно, безъ успѣха.

Помимо массы дѣла, лежавшаго на мнѣ по должности директора департамента, я неоднократно былъ привлекаемъ къ участію въ разработкѣ такихъ дѣлъ (особенно по министерству финансовъ), которыя не имѣли никакого отношенія къ предметамъ вѣдомства хозяйственнаго департамента. По министерству внутреннихъ дѣлъ я также былъ назначаемъ предсѣдателемъ комиссій во вопросамъ, составлявшимъ предметъ вѣдомства другихъ частей министерства. Вообще всѣхъ комиссій, по самымъ разнороднымъ вопросамъ, въ которыхъ мнѣ пришлось участвовать, было 88!

Изложивъ выше довольно подробно характеристику предмѣстника А. Е. Тимашева, статсъ-секретаря Валуева, считаю необходимымъ сказать здѣсь нѣсколько словъ и для охарактеризованія личности Ал. Егор. Тимашева. Во многомъ онъ представлялъ совершенную противоположность Валуеву; не обладая энциклопедическимъ образованіемъ своего предмѣстника, Тимашевъ выгодно отличался отъ Валуева прямою и положительностью своего характера, устойчивостью взглядовъ и полнымъ отсутствіемъ готовности къ измѣненію ихъ въ угоду другимъ вліятельнымъ лицамъ, даже и высшимъ. Не скрою, что предшествовавшая, довольно продолжительная служба въ должности начальника штаба корпуса жандармовъ и управляющаго III отдѣленіемъ собственной его величества канцеляріи

возбудили во мнѣ опасеніе, что онъ не особенно доброжелательно отнесется ко мнѣ, какъ къ человѣку, пользовавшемуся репутаціею „либерала“, и, особенно, что онъ не дастъ дальнѣйшаго хода уже сильно подвинувшимся работамъ по преобразованію городского общественнаго управленія на началахъ, при которыхъ значительно ограничивалась власть губернаторовъ и вмѣшательство ихъ въ хозяйственныя дѣла городскихъ обществъ; что онъ точно также затормазитъ дальнѣйшее развитіе Положенія о земскихъ учрежденіяхъ и будетъ давать разъясненія по возникающимъ вопросамъ въ духѣ, не согласномъ съ истиннымъ его смысломъ, какъ и его понималъ. Опасеніе это особенно усилилось во мнѣ, когда онъ въ рѣчи, сказанной высшимъ чинамъ министерства, при первомъ общемъ ихъ представленіи, выразилъ, что всѣ занимающіе столь высокія должности на службѣ государя императора обязаны неуклонно слѣдовать указаніямъ державной власти, а не стараться проводить личные свои взгляды,—при чемъ онъ пристально посмотрѣлъ въ мою сторону. Послѣ этой рѣчи, нѣкоторые изъ моихъ сослуживцевъ стали думать, что пришелъ конецъ прежнему моему авторитетному положенію. На дѣлѣ же вышло совершенно иначе, и именно почти то же, что было (какъ выше сказано) съ Бибиковымъ и Милютинымъ. Мнѣ не трудно было разъяснить Тимашеву, какъ человѣку умному, что начала, на основаніи коихъ предположено преобразование городского общественнаго управленія, вполне соответствуютъ консервативному направленію, такъ какъ, по силѣ этихъ началъ, вмѣсто шумнаго сборища всего городского общества, въ составъ котораго входили купцы, мѣщане и ремесленники, и численность которыхъ въ большихъ городахъ доходила до нѣсколькихъ тысячъ и десятковъ тысячъ, образовалась городская дума, состоявшая изъ нѣсколькихъ десятковъ и, самое большее, сотенъ лучшихъ людей, избираемыхъ не бездомными мѣщанами и ремесленниками, но исключительно домовладѣльцами, въ томъ числѣ и дворянами и почетными гражданами, а также лицами, выбравшими купеческія свидѣтельства первой и второй гильдіи (съ устраненіемъ 3-ей гильдіи мелкихъ торговцевъ), а такіе избиратели наиболѣе заинтересованы въ охраненіи общественнаго порядка и спокойствія. Также не трудно было убѣдить Тимашева, что положеніе губернатора, въ роли наблюдателя за законностью дѣйствій городского общественнаго управленія несравненно легче и даже почетнѣе, чѣмъ непосредственнаго распорядителя въ дѣлахъ городского хозяйства и благоустройства, болѣею частью мелочныхъ и имѣющихъ ближайшій интересъ лишь для мѣстныхъ обыва-

телей. Когда мы такимъ образомъ пришли къ такому общему взгляду на земскую и городскую реформы, дѣла пошли совершенно гладко (несравненно лучше, чѣмъ при Валуевѣ, по неустойчивости его взглядовъ), и Тимашевъ прекрасно провелъ въ государственномъ совѣтѣ какъ окончательный проектъ общаго городского Положенія, такъ и дополнительные правила о примѣненіи онаго къ столицамъ и городамъ губерній западныхъ, а затѣмъ и прибалтійскихъ, несмотря на встрѣченную въ государственномъ совѣтѣ оппозицію по отношенію къ послѣднимъ со стороны Валуева и князя Суворова, тогда какъ при Валуевѣ нечего и думать было о преобразованіи средневѣкового устройства общественнаго управленія въ этихъ городахъ.

Между тѣмъ, въ одномъ некрологѣ Тимашева, въ 1893 году, напечатана была выдержка изъ книги: „Наши государственные и общественные дѣятели“, въ которой сказано, что при Тимашевѣ земство было стѣснено, ходатайствамъ его не давалось хода, и земскія учрежденія, недавно превозносимыя, какъ бы только терпѣлись; циркуляры и разъясненія къ реформамъ были въ большомъ ходу и продолжали измѣнять существо реформы“. Въ виду такой мало справедливой и вполнѣ голословной оцѣнки дѣятельности А. Е. Тимашева по отношенію къ земству, я счелъ долгомъ помѣстить въ „Вѣстникъ Европы“ ¹⁾ длинный перечень важнѣйшихъ мѣръ, принятыхъ правительствомъ за время управленія Тимашевымъ, изъ котораго видно, что за это время были расширены какъ кругъ дѣятельности земскихъ учреждений, такъ и предоставленны имъ права; что имъ предоставлены новыя средства для удовлетворенія возложенныхъ на нихъ обязанностей, и выстѣ съ тѣмъ они освобождены отъ нѣкоторыхъ расходовъ; что по его представленіямъ Положеніе о земскихъ учрежденіяхъ распространено на губерніи бессарабскую, уфимскую, на область азовскую, таганрогское и керченское градоначальства, г. Нахичевань и маріупольскій уѣздъ; что циркуляры министра разъясняли смыслъ земскаго Положенія не въ стѣснительномъ, а напротивъ, въ благопріятномъ для земства смыслѣ, и т. д. Статья эта осталась безъ всякаго возраженія со стороны автора означенной книги и редакціи „Новаго Времени“. Въ этой же статьѣ есть указаніе на случай столкновенія петербургскаго городского общественнаго управленія съ генералъ-адмираломъ, гдѣ Тимашевъ не стѣснился открыто стать на сторону города и счумѣлъ убѣдить

¹⁾ „Нѣсколько словъ о г.-ад. Тимашевѣ, и отношенія его къ общественнымъ учрежденіямъ“ (1893 г., дек., 846 стр.).

великаго князя Константина Николаевича въ справедливости требованія городской думы.

Тимашевъ оставался въ должности министра внутреннихъ дѣлъ до 28-го ноября 1878 г., и при прощаніи со мною съ особенною сердечностью благодарилъ меня за все то содѣйствіе, которое я ему оказывалъ въ дѣлахъ...

На мѣсто министра внутреннихъ дѣлъ былъ назначенъ товарищъ министра, статсъ-секретарь Маковъ, при которомъ я оставался въ министерствѣ съ небольшимъ одинъ мѣсяцъ, такъ какъ уже 1 января 1879 года былъ назначенъ сенаторомъ и именно въ первый департаментъ сената, несмотря на то, что тамъ былъ полный комплектъ сенаторовъ—десять. Маковъ служилъ въ лейбъ-уланахъ и перешелъ на службу въ министерство внутреннихъ дѣлъ при Валуевѣ, который и сдѣлалъ его правителемъ особой канцеляріи, а Тимашевъ избралъ его, какъ наиболее приближенное лицо, въ товарищи министра. Это былъ человекъ способный, прямой, но недостаточно подготовленный ни образованіемъ, ни предшествовавшею службою, для управленія министерствомъ внутреннихъ дѣлъ...

А. Л. Дан. Шумахеръ.

„ХОЗЯИНЪ“

ПОВѢСТЬ

ИЗЪ КРЕСТЬЯНСКАГО ВЪТА ВОСТОЧНОЙ ГЕРМАНИИ.

„Der Büttnerbauer“, von Wilhelm von Polenz *).

Окончаніе.

XXIII ¹⁾.

Старуха — жена Траугота — умерла. За послѣдніе дни она постоянно жаловалась на нестерпимый холодъ. Разъ, около полудня, Трауготь вернулся съ поля и увидѣлъ, что она лежитъ ничкомъ, какъ-то странно раскинувъ руки. Во всемъ тѣлѣ не было ни малѣйшаго признака жизненной теплоты: оно ооченѣло. Трауготь и самъ какъ бы застылъ на мѣстѣ, неподвижно глядя на вѣрную подругу своего жизненнаго пути.

Онъ не рыдалъ; онъ не бросался обнимать холодный трупъ; а вѣдь при жизни она была ему дорога, она сумѣла внушить ему горячее, прочное чувство супружеской любви. И онъ любилъ ее, — любилъ неизмѣнно, несмотря на то, что, бывало, цѣлые дни, цѣлыя недѣли проходили безъ объятія, безъ поцѣлуя. Грубость на словахъ со стороны мужа, слезы — со стороны жены были не рѣдкость; но это не мѣшало существованію между супругами внутренней связи, которая ихъ сближала неразрывно.

¹⁾ См. выше: мартъ, 269 стр.

И теперь, въ тяжелую минуту вѣчной разлуки, Трауготъ остался вѣрнѣе своему глубокому, но безмолвному чувству. Тяжкій вздохъ высоко приподнялъ его старческую грудь, но щекамъ скатились невольныя, крупныя слезинки,—но вотъ и все! Другихъ проявленій горя или отчаянія не было вовсе. Онъ тотчасъ же принялся дѣлать для жены все то, что было для нея еще необходимо на землѣ: самъ закрылъ покойницѣ глаза; самъ снялъ отяжелѣвшее тѣло съ постели; самъ обмылъ и одѣлъ ее въ чистую рубашку... и ни на минуту не ощутилъ страха передъ мертвымъ тѣломъ. Затѣмъ, отправившись къ мѣстнымъ властямъ, заявилъ о случившемся; заказалъ гробовщику гробъ и условился съ пасторомъ о днѣ погребенія.

Вопреки ожиданіямъ, похоронная процессія вышла чрезвычайно внушительная: старъ и младъ собрались отдать послѣдній долгъ честной труженицѣ-сосѣдкѣ. Были и вѣнки, и даже цѣнныя надъ свѣже-выкопанной могилой: члены-любители пѣли гимны по своему выбору. Многолюдство придавало процессіи общій видъ народнаго чествованія. Несмотря на то, что односельчане горячо набросились на покупку Бютнеровскихъ владѣній, у каждаго въ душѣ шевельнулась жалость и чувство возмущенія противъ обидчиковъ Траугота. И эти чувства вылились въ форму искренняго уваженія къ памяти старухи-Бютнерши.

Напряженно слѣдилъ каждый за тѣмъ, придетъ ли на похороны Кашель-Эрнстъ; но лукавый обидчикъ, вѣрно, провѣдалъ, какое настроеніе царитъ въ Гальбенау, и вмѣсто себя прислалъ Оттилію—съ вѣнкомъ.

За гробомъ шли вдовецъ-Трауготъ и его сынъ Карлъ съ женою, единственные оставшіеся на родинѣ члены всѣми уважаемой Бютнеровской семьи. Пасторъ зналъ по опыту, что неожиданныя бѣдствія—самый удобный случай для того, чтобы растрогать огрубѣлыя сердца деревенскихъ пахарей въ горячей, прочувствованной рѣчи. Карлъ громко рыдалъ, какъ малое дитя; у Траугота, напротивъ, вазалось, до послѣдней капли изсякъ весь источникъ слезъ.

— Въ неизмѣримой милости своей,—говорилъ пасторъ, торжественно, возвышая голосъ,—Господь Богъ взыскалъ своимъ особымъ посѣщеніемъ тебя, о, неутѣшный вдовецъ, Трауготъ! Утѣшься, ибо награда твоя велика на небесахъ. Претерпѣвшій до конца спасется!..

Но и эти слова не растрогали старика Бютнера: онъ какъ бы рѣшился испить до дна всю чашу своихъ злополучій и претерпѣть ихъ молча, безъ посторонняго участія.

Впрочемъ, въ послѣднее время передъ смертью старухи и для нея блеснулъ лучъ сердечной отрады: отъ всѣхъ дѣтей пришли вѣсти съ чужбины, да на придачу и деньги, которыя оказались какъ нельзя болѣе кстати. Даже Тони, которая молчала съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ поселилась въ Берлинѣ,—и та прислала письмо съ деньгами.

„Я уже больше не въ кормилицахъ“, — писала она, не объясняя, однако, какого рода ея новая служба и у кого именно она теперь служить. Но надо полагать, что это было дѣло выгодное, если она могла удѣлить роднымъ весьма значительную сумму.

Послѣ того, какъ опустили въ землю прахъ старухи Бютверши, деревенская жизнь вошла въ свою обычную колею. Осиротѣвшій, одинокій старикъ попрежнему работалъ безъ устали въ полѣ. Такъ же молча, какъ и на пашнѣ, исполнялъ онъ теперь домашнія работы, которыя всецѣло перешли къ нему за смертью жены. Въ видахъ сбереженія топлива, онъ кормился хуже, чѣмъ его скотъ, исключительно питаясь черствымъ хлѣбомъ и холодной картошкой. Ему некогда было ни пить, ни ѣсть: его неудержимо тянуло въ поле, къ непрерывной, усиленной работѣ, которою онъ, вѣроятно, стремился заглушить въ себѣ неотвязчивыя, тяжелыя думы, осаждавшія его и днемъ, и ночью. Оставаться дома для него было настоящей пыткой. Какъ въ какой-нибудь покойницкой, изъ всѣхъ угловъ смотрѣли на него призраки свѣтлаго, счастливаго, безбѣднаго прошлаго,—призраки еще болѣе ужасныя, чѣмъ сама смерть. Каждая вещь, каждое мѣстечко на стѣнѣ, превращались для него въ нѣмой укоръ, въ живое напоминаніе о томъ, какія были и къ чему пришли его сердечныя мечты, его горячія надежды!.. И какъ безумный вскакивалъ онъ среди ночи, и бѣжалъ изъ дому, въ поле, гдѣ была тьма такая, что въ двухъ шагахъ ничего не видно. Все же легче, нежели въ этомъ ужасномъ, опустѣломъ домѣ!

Безнадежность положенія отразилась и на внѣшности старика Траугота.

— Вотъ еще! Причесываться, бриться? Ну, стоитъ ли того? Хорошо и такъ!—разсуждалъ хозяинъ, до неузнаваемости исхудавшій. Показаться въ церковь Божію съ небритой бородой считалось у гальбенауцевъ такимъ грѣхомъ, что преступить это обыкновеніе нѣкто бы не рѣшился; такимъ образомъ, и въ храмѣ Божіемъ прихожане перестали видѣть старика, который, бывало, не пропускалъ ни одной службы.

Единственныя живыя существа, которыхъ онъ не избѣгалъ, были двѣ коровы, милостиво предоставленныя въ его распоряженіе Харрасовичемъ.

— Нѣтъ людей, и не надо! Нѣтъ больнѣе, несправедливѣе на свѣтѣ зла, нѣтъ такой обиды, которой не причинилъ бы *человѣкъ* *человѣку*!

Такими или приблизительно такими словами можно передать постоянныя чувства старика Траугота. До отвращенія, до ненависти доходило его чувство къ людямъ; кому бы ни случилось съ нимъ заговорить, никто не могъ добиться отъ него ни слова. Онъ не только отмалчивался, но просто прикидывался глухимъ и, повернувшись спиною къ навязчивому сосѣду, уходилъ отъ него прочь, подальше.

Никто, ни за какія деньги не могъ бы сказать, чтò такое творится въ глубинѣ его возмущенной души. Единственный человѣкъ, который могъ бы не бояться встрѣтить грубый, непривѣтливый пріемъ, и тотъ ничего не добился. Въ одинъ изъ воскресныхъ дней старикъ-пасторъ, ревностный блюститель своей духовной паствы, зашелъ къ Бютнеру во дворъ и нашелъ его за работой.

„Прежде этого никогда бы не случилось!“ — подумалось ему.

Пастору оставалось сдѣлать видъ, что онъ этого не замѣтилъ, и оба прошли прямо въ домъ. Постепенно наводилъ разговоръ на духовные вопросы, онъ сказалъ, примѣняясь къ тому положенію, въ которомъ очутился бывший богатый хозяинъ:

— Единственное вѣчное, единая надежда наша на землѣ — то сокровище, которое намъ не измѣнить! Блаженъ познавшій нищету всего мірскаго! Блаженъ собирающій сокровища на небесахъ! — убѣжденно ораторствовалъ почтенный пастыръ, стараясь навести старика на мысль о томъ, что ему, можетъ быть, скоро придется оставить этотъ бранный міръ и переселиться въ увядающій, загробный; такъ не пора ли ему заблаговременно подумать о необходимости держать отвѣтъ и на томъ свѣтѣ? Трогательныя выраженія такъ и лились у него изъ устъ, одно за другимъ...

Старикъ молчалъ, не возражая, но и не соглашаясь. По-видимому, онъ просто тяготился присутствіемъ своего духовнаго отца и только стѣснялся проявить болѣе рѣзко свое неудовольствіе. Вообще, его благочестіе не заходило далѣе чисто-внѣшнихъ проявленій; теперь же, когда даже въ церковь онъ пересталъ ходить, его язычески-благоговѣнное отношеніе къ природѣ восторжествовало надъ болѣе осмысленнымъ, духовнымъ.

— Вотъ еще! Очень мнѣ нужны сокровища на небѣ!— разсуждалъ онъ:— Ну кто ихъ когда видѣлъ? Поле, на которомъ я стою; деревья, которыя я самъ вырастилъ и насадилъ; хлѣбъ, который я посѣялъ своими руками; небесный сводъ со множествомъ созвѣздій; и облака, и тучи, и вольный вѣтеръ,— вотъ во что я вѣрю. Вотъ чему я всей душой поклоняюсь: вотъ мой Богъ... А тѣ, другіе Божіи дары—тѣ неприступны и для меня чужіе. До нихъ высоко, и простые смертные до нихъ не доберутся...

Такъ и ушелъ ни съ чѣмъ почтенный господинъ пасторъ.

Но и другимъ было не легче приблизиться къ угрюмому, несчастному вдовцу. Кашнерова-вдова однажды неожиданно явилась къ нему во дворъ, и, не повстрѣчавъ ни души, зашла и въ самый домъ. Тамъ тоже никого; она принялась заглядывать во всѣ углы и закоулки и могла убѣдиться, что тамъ вездѣ одинаково и пусто, и неряшливо, и уныло.

Нѣсколько времени она почти злорадно оглядывалась вокругъ и шарилъ по угламъ, не стѣсняясь; но затѣмъ, когда она очутилась въ полѣ, у нея вырвалось довольно искренно:

— Ахъ, онъ бѣдный, бѣдный! Сейчасъ ужъ видно, что вдовецъ! На брюкахъ-то дыра такая, что за версту свѣтится! Какой же у него злосчастный видъ!.. И, вѣрно, онъ очень несчастливъ? Никто теперь не позаботится о немъ: вотъ оно, что значить „быть свободнымъ“!

Подойдя совсѣмъ близко, вдова окликнула его, стараясь вложить въ свои слова какъ можно больше сочувствія и ласки:

— Здравствуйте, хозяинъ!

Однако, на ея привѣтъ хозяинъ не заблагодарсудилъ отвѣчать привѣтомъ и даже глазъ не поднялъ отъ своей работы. Но смутить почтенную вдову было не особенно легко; она слишкомъ твердо была увѣрена въ убѣдительности своихъ доводовъ, и потому сдѣлала видъ, что ничего не замѣчаетъ.

— А вѣдь я недавно получила письмо отъ Полины!—проговорила она.

Старикъ мѣрно, округленными взмахами продолжалъ косить, какъ будто ни до чего другого на свѣтѣ ему не было дѣла. На вдовѣ былъ хорошій передникъ и новый головной платокъ; но старикъ ничего этого не видѣлъ; зато она слѣдила за его работой удивленными глазами.

— „Признаюсь, онъ, однако, еще молодецъ работать! Даромъ, что страшно на него смотрѣть: такой онъ старый, исхудалый, какъ скелетъ; и волосы висятъ космами, и по лицу отъ

рта и отъ угловъ глазъ идутъ ужасно глубокія и длинныя морщины. А впалые глаза? Ввалились глубоко! Несчастный! Ему навѣрно тяжело одному? Въ душѣ онъ, вѣроятно, ждетъ не дождется ласки, состраданья. И, вѣрно, пьетъ-ѣстъ кое-какъ? Шутка ли неожиданно остаться безъ призора? Пора, давно пора бы женщинѣ вмѣшаться и позаботиться о немъ"!—разсуждала про себя добрая душа.

Развернувъ письмо, она вслухъ спросила старика, не хочетъ ли онъ слышать про своихъ дѣтей? Старикъ молчалъ, но приостановилъ свою работу, и Кашнерова-вдова, принявъ это за знакъ согласія, немедленно приступила къ чтенію.

Дѣти писали про свое здоровье, про свое житье, и въ заключеніе общали всей семьей вернуться осенью къ роднымъ, въ Гальбенау. Окончивъ чтеніе, вдова заботливо сложила почтовый листочекъ и положила его въ карманъ; потомъ вздохнула и вытерла себѣ глаза кончикомъ своего клѣтчатаго передника, синяго съ бѣлымъ.

— Да, да! — проговорила она соболевшимъ тономъ.— Хорошо, что они всѣ вернутся; а еще лучше, если бы они поторопились! Такъ-то, въ одиночествѣ, не хорошо живется на свѣтѣ. Да, не хорошо!

Она остановилась перевести духъ, а главное—провѣрить, какое впечатлѣніе произвели ея слова на старика. Поглядывая на него исподтишка, доброжелательница Траугота продолжала:

— Ужъ и то я думала, думала... Вотъ, думаю, кому страшно тяжело должно быть одному въ опустѣломъ домѣ! Осиротѣлъ нашъ Бютнеръ и одинъ, какъ перстъ, остался. Чтѣ-жъ, развѣ не правда? А, хозяинъ?

Вмѣсто отвѣта, старикъ снова взялся за косу и продолжалъ работу, какъ будто подлѣ него не было живой души.

Посмотрѣла-посмотрѣла Кашнерова-вдова, да и пошла прочь.

Въ глубинѣ души она не могла не сознаться, что такое отношеніе старика къ ея участливымъ словамъ, къ желанію утѣшить одинокаго страдальца, глубоко ее оскорбило.

Лѣто пришло къ концу. Подоспѣла жатва—новое, тяжелое испытаніе для бездомнаго старика, которому суждено было смотрѣть, въ качествѣ простаго рабочаго, какъ люди, — безсердечные, чужіе люди! — собираютъ плоды его многолѣтнихъ, сердечныхъ трудовъ. Съ утренней зари и до ночи тянулись мимо его двора подводы: проѣзжая дорога въ поле пролежала у его воротъ. Какъ

человѣкъ торговый; Харрасовичъ поступалъ весьма тактично: онъ продавалъ хлѣбъ и картофель или на корню, или на мѣстѣ, тутъ же, во время сбора. Въ народѣ ходилъ говоръ, что онъ уже успѣлъ вернуть всѣ деньги, затраченные на покупку Бютнеровскихъ владѣній; но ему этого было мало.

Въ одинъ прекрасный день явились какіе-то землеѣры и прошли на большой лугъ, лежавшій между домомъ Траугота и лѣсомъ, тѣмъ самымъ лѣсомъ, который клиномъ врѣзался въ графскую землю. Одно мѣсто посреди лужайки очистили отъ травы, прорыли въ видѣ четырехугольной ямы, а глинистую землю отдѣльными кучками свалили по близости.

Началось сооруженіе кирпичнаго завода.

— Это дѣло подниметъ значеніе всей страны!—ораторствовалъ Харрасовичъ. — Въ этомъ ощущается сильная нужда для населенія... и для обывателей также. Одни найдутъ себѣ готовую работу, другіе—кирпичи, за которыми имъ больше не придется ѣздить за тридевять земель. Все Гальбенау удивится, какъ деньги сами такъ и польются прямо каждому въ карманъ!..

Не по днямъ, а по часамъ выростали надъ землею каменные стѣны трубъ и сушильни; доменная печь, явленіе необычайное въ Гальбенау, привлекла всѣ взоры. Дымовая труба принялась работать, и съ заводскимъ дымомъ пахарямъ пришлось свести близкое знакомство.

Графъ Саландъ, наконецъ, приобрѣлъ лѣсной участокъ, который ему давно покою не давалъ; но за него взяли такую цѣну, что въ былое время она съ избыткомъ бы выручила изъ бѣды старика-Траугота. Выѣстѣ съ лѣсомъ къ графскому имѣнію присоединили и тотъ самый пустырь, который такъ много стоилъ жесточайшаго труда своему бывшему владѣльцу. Этотъ участокъ, приготовленный подъ пашню, тоже намѣревались засадить, какъ лѣсъ; но отложили это дѣло до весны.

Все это творилось на глазахъ у самого старика. Но никто не могъ бы похвалиться, что хоть приблизительно онъ угадалъ, какія чувства и какія думы возбуждаютъ эти переѣны въ безмолвномъ и понуромъ старикѣ-рабочемъ, въ которомъ трудно было бы признать гордаго и могучаго хозяина богатой, родовой землю Бютнеровъ,—коренныхъ владѣльцевъ въ Гальбенау. Онъ окаменѣлъ, или, вѣрнѣе, онъ работаетъ, какъ машина, которая продолжаетъ двигаться не сама по себѣ, а въ силу непреодолимаго закона инерціи, которому она должна безсознательно повиноваться.

— Чтѣ ему сдѣлается? Видишь, онъ каменный какой: ничего

не чувствует! — говорили иной разъ сосѣди, поглядывая на него.

Но въ томъ-то и бѣда, что онъ чувствовалъ, — слишкомъ глубоко чувствовалъ каждую мелочь, растравлявшую его душевную боль.

Харрасовичъ кричалъ на него, какъ на перваго попавшагося бродягу-поденщика; помыкалъ имъ безбожно; случалось, что и похваливалъ добродушно, смотря потому, въ какомъ онъ былъ настроеніи; но Бютнеръ ко всему относился, повидимому, безучастно. Если же на работѣ онъ производилъ впечатлѣніе вьючнаго животнаго, которое работаетъ усердно, пренебрегая пинками, но безъ видимаго, сознательнаго усердія, такъ это единственно потому, что въ глубинѣ души у него неизсякаемое подспорье — ненависть и презрѣніе къ людямъ. Въ пищѣ онъ не нуждался, — его питали горькая обида, озлобленіе, и они придавали ему силы. Но муки, — душевные муки, которыя несчастный терпѣлъ съ утра до ночи и съ ночи до утра, были тѣмъ горьче, чѣмъ труднѣе было подыскать для нихъ внѣшнее выраженіе...

XXIV.

По окончаніи большихъ маневровъ, графъ Саландъ отпросился въ отпускъ, чтобы отпраздновать свадьбу сестры, и пиршество дѣйствительно удалось на славу.

Всѣ сосѣди дворянскаго происхожденія, всѣ знатные и сановитые знакомые со стороны обоихъ новобрачныхъ съѣхались на торжество, и, день за днемъ, одно веселье смѣнялось другимъ. Съ сосѣднихъ деревень сбѣжался народъ поглазѣть да посмѣяться, и вродѣ коротенькаго воскресенья выходилъ у нихъ каждый день: нельзя же, въ самомъ дѣлѣ, упустить случай полюбоваться такими диковинками, какихъ отроду не слыхивали въ Гальбенау.

Какъ-то подъ вечеръ разнесся по деревнѣ слухъ, что зарево на небѣ, и снопы искръ, которые издали виднѣются надъ графскимъ замкомъ, — зарево пожара; — и толпа ринулась туда, спѣша на помощь столько же изъ чувства состраданія, сколько изъ любопытства. Но никакого пламени тушить имъ не пришлось: огни оказались фейерверкомъ, который, дѣйствительно, удался на славу. Пришлось только посмѣяться надъ усердіемъ пожарной команды, которая съ собой привезла трубы и насосы заливать „пожаръ“.

Въ толпѣ ходили самые сказочные слухи.

— А на свадьбѣ-то, на свадьбѣ, будутъ сыпать пригоршнями деньги! Къ дѣвишнику зажарить цѣлаго быка, цѣлыхъ свиней, телятъ, а изъ гигантской бочки будетъ литься вино!

Мѣстными жителями овладѣла настоящая горячка въ видѣ жажды развлеченій. Изъ окрестныхъ деревень тоже шелъ народъ, забывъ усталость, бросая работу и спѣша на пиршество.

Карлъ Бютнеръ не полѣнился придти изъ Вермсбаха, а благодаря своему знакомству съ нѣкоторыми изъ пожарныхъ, онъ не раскаялся въ своей рѣшимости, такъ какъ и его не забыли при дѣлежкѣ пива.

На другой день онъ опять пришелъ, но выпивки на этотъ разъ не было; зато ему пришлось увидеть диковинную барскую потѣху, которая показалась всѣмъ крестьянамъ довольно забавной. Господа высыпали гурьбой на зеленую лужайку; посреди нея была натянута большая сѣтка, черезъ которую играющіе перебрасывались небольшими мячами, подбавывая ихъ какими-то странными лопаточками, очень похожими на хлопунки, которыми бьютъ мухъ. И дамы, и мужчины, прыгали, визжали, смѣялись и, какъ безумные, метались туда и сюда. Издали Карлъ принялъ играющихъ за дѣтей, которыя забавляются бѣготней, отъ нечего-дѣлать.

Въ концѣ лужайки, ближе къ парку на разставленныхъ на травѣ плетеныхъ стульяхъ и качалкахъ сидѣли и полулежали остальные гости. Но вотъ игра окончилась, и всѣ заговорили; шумъ поднялся невообразимый.

— Одни выиграли партію, другіе—проиграли, — довольная собой, замѣтила одна изъ сельскихъ зрительницъ.—Вотъ тѣ, что выиграли-то, и кричатъ во все горло!—пояснила она далѣе, желая выставить себя передъ своими сосѣдками особой свѣдущей.

— Вонъ, вонъ и дамы-то зашевелились: теперь ужъ ихъ чередъ!

Дѣйствительно, впередъ выступили двѣ дамы и принялись скакать; партія возобновилась; возобновились шутки, визгъ и хохотъ. Партія князя проиграла; графиня Ванда безжалостно укорила своего молодого супруга и гоняла его то-и-дѣло за побитыми шарами.

Одинъ изъ зрителей, тѣдешный старикашка маленькаго роста, съ холщевой торбой за плечами, долго и пристально смотрѣлъ на эту картину своими подслѣповатыми, до красна воспаленными глазами и вдругъ рѣшительно объявилъ:

— Они умомъ рехнулись!—изрекъ онъ свое заключеніе и пошелъ прочь.

— А что же? Вѣдь онъ правъ! — подхватилъ кто-то изъ присутствующихъ: — И въ самомъ дѣлѣ, точно сумасшедшіе! Скачутъ, какъ оглашенные, эти важныя птицы! Виданое ли дѣло? Могли бы, кажется, придумать себѣ что-нибудь приличнѣй для забавы! А то, смотри, выдумали прыгать по травѣ, какъ дураки-бараны. Только у дня Господня время отнимаютъ!

Ему возразила, и довольно горячо, „свѣдущая особа“.

— Ну, развѣ же это не правда?—накинулись всѣ на нее.— Сунься-ка, дай имъ настоящую работу,—то-то ихъ станеть корчить!

Еще немного побылъ Карлъ на томъ мѣстѣ, откуда была видѣе „графская потѣха“, и побрелъ себѣ восвояси. Дорогой случилось ему повстрѣчаться съ однимъ старымъ знакомымъ, который пріятно удивилъ его извѣстіемъ, что на завтра назначена блестящая охота.

— Вотъ гдѣ удастся знатно заработать!—прибавилъ въ заключеніе пріятель. — Графъ привыкъ платить очень щедро, да вдобавокъ и завтракомъ у него угощаютъ загонщиковъ и застрѣльщиковъ, наравнѣ съ господами. Кстати, загонщика имъ еще нужно одного,—проговорилъ онъ.

Карлъ пошелъ въ графскую контору и на слѣдующій день уже опредѣлился, не чувствуя подъ собою ногъ отъ радости, что на его долю выпало такое счастье. Его обязанность была не хитра: цѣлой вереницей, плотно сомкнувшись, почти рука объ руку двигались загонщики нога въ ногу, стараясь не дѣлать шума, и пальцами стучали по стволамъ деревьевъ и кустовъ, чтобы выпугивать оттуда фазановъ. Отъ времени до времени приходилось прислушиваться къ сигналамъ, которые подавалъ кто-нибудь изъ служащихъ подъ началомъ лѣсничаго. Тогда всей вереницей полагалось моментально остановиться и, стоя неподвижно, выждать новаго трубнаго сигнала, который означалъ, что можно продолжать идти впередъ.

Благодаря теплой погодѣ, фазаны залегли въ кустахъ, и цѣлое множество ихъ поднималось лѣниво на воздухъ, сверкая на солнцѣ своей грудью и переливчатыми крыльями; они чуть не изъ-подъ ногъ у охотниковъ вылетали изъ своей засады и по прямой линіи стремились къ небесамъ въ ту самую минуту, какъ настигалъ ихъ смертоносный, дружный залпъ охотничьихъ ружей... И цѣлая стая царственныхъ птицъ падала на землю такъ же дружно и такъ же стремительно, какъ только-что поднималась.

Загонщиковъ скоро охватила настоящая горячка. Они больше

не слушали неоднократныхъ увѣщаній—притаиться, и восторженнымъ крикомъ приветствовали каждый удачный выстрѣлъ. Послѣ пятаго такого приступа, былъ объявленъ привалъ. Посреди лѣсной дороги появился ярко запылавшій костеръ; откуда ни взялись котелки и горшки, въ которыхъ графскіе слуги многомъ начали разогрѣвать завтракъ для стрѣлковъ и загонщиковъ.

Выпито было тоже изрядное количество вина, и на Карла это подѣйствовало совершенно особеннымъ образомъ. Обыкновенно неповоротливый и трусливый, онъ приободрился настолько, что узналъ въ числѣ охотниковъ своего полкового офицера, и вдругъ, довольно смѣло и развязно подойдя къ нему, онъ назвалъ себя и отрекомендовался его бывшимъ подчиненнымъ. Сперва офицеръ только смотрѣлъ на рослаго, неуклюжаго дѣтину и молча слушалъ; но затѣмъ, видимо, припомнилъ.

— Вы вѣдь сначала были въ правомъ флангѣ? — спросилъ онъ. — Такъ вы не тотъ ли самый нижній чинъ, который никогда не могъ отличить правую сторону отъ лѣвой?

Самымъ лучшимъ отвѣтомъ была натянутая усмѣшка бывшего рядового, который смущенно осклабился.

Маіоръ разсказалъ товарищамъ, что этотъ загонщикъ—его бывший подчиненный, и кстати принялся иллюстрировать его личность анекдотическими примѣрами изъ его лагерной жизни.

— Ну, а теперь ты какъ живешь? Чтѣ дѣлаешь?—спрашивалъ онъ. — Есть жена, дѣти?

Карлъ отвѣчалъ на всѣ разспросы, а во время возобновившейся охоты полковникъ Шрофъ дополнилъ его слова описаніемъ бѣдствій, постигшихъ всю семью старика-Бютнера. Маіоръ умилился и тотчасъ же привелъ въ исполненіе свою мысль—устроить сборъ въ пользу Карла; каждый изъ присутствующихъ охотниковъ далъ по золотому. Пораженный, бывший рядовой зажималъ въ рукѣ цѣлую горсть червонцевъ, не зная, куда и смотрѣть отъ смущенія.

— Ну, вотъ, хоть на первое время будетъ тебѣ чѣмъ немножко подтянуться,—прибавилъ любезный маіоръ.

Тотъ растерялся до того, что даже забылъ поблагодарить, и топтался на мѣстѣ... Охота продолжалась, и лишь по окончаніи ея, остальные загонщики, завистливо шептавшіеся о происшествіи, набросились на товарища, убѣждая его кутнуть.

— Такая куча денегъ!—говорили они. — Надо же угостить друзей, а не то прослынешь ты скрягой!

Тѣмъ временемъ полковникъ, узнавъ, что Карлу сдали на руки сполна всѣ собранныя деньги, велѣлъ его позвать, и на-

оборотъ, старался убѣдить не швырять ими зря. Но тотъ былъ какъ въ чаду отъ неожиданнаго счастья; онъ ничего не видѣлъ, ничего не могъ сообразить. Никакого труда не стоило напоить его до пьяна, что и сдѣлали друзья-пріятели, осаждавшіе счастлива своими поздравленіями. На обратномъ пути домой, подходя къ шинку, товарищи пристали къ Карлу, доказывая, что теперь онъ обязанъ угостить ихъ непременно!

Но Карлъ колебался; предчувствіе бѣды удерживало его.

— Да ну же, раскошешься! Набилъ себѣ карманъ деньгами, а два-три гроша для товарищей истратить ему жаль! Скрыгаты, скрыгаты!.. Вотъ ты что!

Карлу Бютнеру показалось безграничнымъ стыдомъ прослыть и въ самомъ дѣлѣ скрыгой. Рѣшительнымъ шагомъ онъ повернулъ къ шинку и, ступнувъ кулакомъ по столу, громкимъ голосомъ приказалъ цѣловальнику:

— Эй, вина! Всей нашей компаніи!

Часа два-три спустя, Карлъ вышелъ изъ шинка совершенно пьяный. Сами шатаясь, сосѣди повели его домой и съ невѣроятнымъ трудомъ добрали до его лачуги. Опустивъ его на землю у порога, они постучались, чтобы Тереза отворила. Окно пріотворилось, и въ немъ показалась голова женщины, которая крикнула сердито:

— Ну, чего вамъ?

Вожатые Карла не имѣли ни малѣйшаго желанія подвергать себя нападкамъ разгнѣванной бабы, и поспѣшили удалиться.

Тереза втащила своего безчувственного мужа въ комнату; она была внѣ себя.

— Этого еще только не хватало, чтобы онъ началъ пить! Мало и безъ того всяческихъ бѣдствій!

Раздѣвая Карла и съ трудомъ стаскивая съ него брюки, она ясно слышала звяканье денегъ... Высыпавъ ихъ изъ кармана, она сложила ихъ въ кучку на столѣ и пересчитала.

„Сто двадцать-восемь марокъ!—испуганно подумала она.— Какимъ образомъ раздобылъ мой Карлъ такую кучу денегъ?“— и она принялась громко окливать мужа и трясти его; но онъ только мычалъ въ отвѣтъ, какъ звѣрь бессмысленный.

Еще разъ принялась считать Тереза: сумма получалась все та же.

„Что же, надобно имѣть терпѣніе; придетъ же онъ въ себя когда-нибудь!—разсудила она.—Ну, я тогда узнаю, откуда все это богатство: занялъ ли онъ, или кто-нибудь ему подарилъ? Или?.. Да нѣтъ же, это невозможно! Карлъ всегда былъ у меня

честный малый... На всякій случай надо бы, однако, спрятать деньги, только куда бы, чтобы ихъ не достали“?

Кстати Терезѣ припомнилось, что въ верхней части изразцовой печи распатался и выдался впередъ одинъ изразецъ. Мигомъ она подставила стулъ, встала на него, вынула распатавшийся кирпичъ и, положивъ поглубже свое новое богатство, ловко втиснула изразецъ на мѣсто.

Среди дня Карлъ, наконецъ, проснулся и былъ еще долгое время какъ бы въ оцѣпенѣніи, тщетно усиливаясь припомнить, гдѣ онъ вчера былъ и что съ нимъ случилось? Какъ онъ попалъ домой съ охоты? Да, съ охоты! Это было послѣднее, до чего онъ вполне ясно додумался, и на этомъ сталъ, какъ на точкѣ, освѣтившей сразу его затуманенную память. Ему сразу припомнился охотничій привалъ, знакомый маіоръ и богатый денежный подарокъ.

— Или мнѣ все это приснилось?—усомнился онъ.—Да нѣтъ же! Я, кажется, держалъ въ рукахъ пригоршню денегъ и сунулъ ихъ... да! сунулъ въ свой кисетъ.

Онъ протянулъ руку за своими брюками, нащупалъ въ нихъ карманъ, пошарилъ въ немъ и вытащилъ на свѣтъ Божій свой кисетъ... пустой!

Терезы не было въ это время дома; она ходила задать корму козамъ и коровамъ, которыхъ Харрасовичъ поручилъ ей откармливать на убой. Входя въ комнату, Тереза услышала, что въ каморкѣ кто-то отчаянно рыдаетъ. Она распахнула дверь и увидела, что Карлъ сидитъ понурясь на постели и реветъ, какъ малое дитя.

Жена остановилась передъ нимъ, руки въ боки, и уже была готова обрушиться на мужа съ массою ругательствъ... но только разсмѣялась. И въ самомъ дѣлѣ, черезчуръ тупо и черезчуръ комично было его глупое, красное лицо; его волосатая, широкая грудь, виднѣвшаяся въ прорѣху рубашки; его скривившійся ротъ и жалкая гримаса на лицѣ, по которому текли струями слезы. Онъ даже не стоналъ,—онъ вылъ.

— Деньги мои! Деньги!.. Меня обокрали!..

Тереза подошла въ мужу, и безъ особой нѣжности потрясла его за плечо:

— Дуракъ!.. Да не ори же!

Карлъ вскинулъ на нее глазами, лишенными выраженія.

— Пригоршня... цѣлая! — какимъ-то тупымъ голосомъ возразилъ онъ: — Вѣдь тутъ была, тутъ... въ кисетѣ! Цѣлая пригоршня червонцевъ... Эти шелопаи, негодные, обобрали меня! —

и онъ было-приготовился заревѣть еще сильнѣе, но Тереза ему помѣшала:

— Заткни глотку!—приказала она.—Деньги твои припрятаны благополучно.

— А гдѣ?.. Да говори же!

На это, однако, жена промолчала и отвѣтила вопросомъ.

— Лучше *ты* мнѣ скажи, откуда у тебя взялась такая куча денегъ?

Карлъ сообщилъ ей обо всѣхъ вчерашнихъ происшествіяхъ, но съ той минуты, когда онъ вторично приказалъ подать пива, чтобы напоить товарищей, онъ уже ничего не могъ припомнить. Терезу страшно разсердило, что столько денегъ потрачено на угощенье, и еще тверже прежнего она рѣшила, что лучше не подавать ему виду, гдѣ она спрятала деньги. Карлъ настаивалъ, чтобы она возвратила ему спрятанное, но Тереза грозно его перебила:

— Нечего, нечего! Вставай-ка лучше, да ступай на работу, а все остальное ужъ само собой придетъ.

У Карла не хватало силы спорить; онъ чувствовалъ, что не можетъ двинуть ни рукой, ни ногой; но все-таки повиновался и, вооружившись граблей, которую втиснула ему въ руки разгнѣванная половина, пошелъ въ поле.

Однако, не надолго хватило у него покорности. Голову ему разломило; руки, ноги отяжелѣли и рѣшительно не слушались его.

— Вотъ еще! Очень нужно изъ кожи лѣзть, и все равно, что даромъ!—разсуждалъ онъ.—То ли дѣло въ замкѣ! Вѣрно, опять тамъ веселятся. Ну ее! Пусть идетъ сама рыть свою картошку!—заклучилъ онъ по адресу жены, и, швырнувъ грабли въ сторону, пошелъ по направленію къ графскому замку.

По дорогѣ онъ присоединился къ кучкѣ такихъ же ротозѣвъ, какъ онъ самъ, которые были рады придратъ къ случаю, чтобы устроить себѣ праздникъ. Они рассказали Карлу, что къ вечеру готовится для „молодыхъ“ сюрпризъ въ видѣ факельнаго шествія, и предложили ему присоединиться къ нимъ. Онъ согласился, и ему дали въ руки факель.

Какъ во снѣ припоминалъ онъ потомъ, что тотчасъ же пошелъ вмѣстѣ съ сосѣдями обходить вереницей графскій замокъ, тоже залитый огнями.

XXV.

Съ высоты гранитной лѣстницы нарядное общество любовалось огненной змѣей, которая красиво извивалась на темномъ фонѣ лѣса, по темнымъ дорожкамъ и лужайкамъ парка и ползла, ползла, какъ необъятное чудовище, обхватывая своими изгибами замокъ, гремѣвшій весельемъ.

Чудовище—вереница людей, вооруженныхъ пылавшими огнями—вдругъ остановилось, и кто-то произнесъ прѣвѣтственную рѣчь. Новобрачный подошелъ и подаль руку нѣкоторымъ изъ представителей шествія; новобрачная махнула имъ въ знакъ благодарности своей бѣлой ручкой. Грянуло дружное ура. Карлъ тоже заоралъ, что было мочи. Огни выстроились опять въ линію, двинулись впередъ и, снова извиваясь, змѣя-чудовище исчезла въ ночной темнотѣ позади замка, но только для того, чтобы свернуть огненной нитью внизъ, въ полѣ, за мостомъ, и, поднявшись вверхъ по пригорку, какъ по мановенію волшебства, въ одно мгновеніе ока погаснуть надо рвомъ, который окаймлялъ замковый дворъ.

А на дворѣ пылали смоляные факелы и бочки. По приказанію графа Саланда, поздравителямъ было предложено угощеніе и вино въ такомъ изрядномъ количествѣ, что головы у всѣхъ затуманились.

Сначала Карлъ Бютнеръ еще могъ чувствовать, что его охватило какое-то особенно счастливое настроеніе; все его радовало, забавляло. Передъ нимъ горѣли какъ въ огнѣ освѣщенные окна замка, а въ нихъ мелькали тѣни танцующихъ...

Все это вдругъ куда-то пропадаетъ. Карлъ очутился въ дымной комнатѣ шинка. Вотъ онъ сидитъ за деревяннымъ, простымъ столомъ; передъ нимъ стоитъ бутылка воды. Товарищи окружили его, галдятъ пьяными голосами:

— Бютнеръ! Бютнеръ насъ угощаетъ! У него деньжищъ—пропасть!..

Какъ ужаленный вскочилъ Карлъ на ноги и вдругъ, очнувшись, крикнулъ, стукнувъ кулакомъ по столу:

— Нѣтъ у меня денегъ! Жена всѣ забрала!

Окружающіе такъ и покатались со смѣху.

Карлъ принялся-было возражать, пытаясь объяснить имъ, что и какъ случилось, но языкъ у него заплетался, въ головѣ шумѣло, въ глазахъ помутилось, и онъ упалъ безъ чувствъ.

Очнувшись, Карлъ долго не могъ сообразить, куда онъ и

какъ попалъ. Весь мокрый отъ свѣжей утренней росы, онъ лежалъ въ придорожной канавѣ, а надъ нимъ тянулись по небу алыя полосы заката.

Онъ ощупалъ свои руки и ноги, потрогалъ голову, которая болѣла, и съ трудомъ выкарабкался на дорогу. Прихрамывая, охая сквозь стиснутые зубы, поплелся онъ домой, и одна только мысль, словно гвоздь засѣла у него въ мозгу:

— Деньги мои!.. Деньги!

Глаза его налились кровью; дорога изгибалась, и онъ шатался изъ стороны въ сторону вмѣстѣ съ нею. Однако, это не мѣшало ему понемногу приближаться къ цѣли своего путешествія.

Яркій день уже сіялъ надъ его убогою лачугой, когда онъ постучался.

Тереза высунулась изъ окна.

— А! это ты?.. Свинья!..—крикнула она и злобно захлопнула раму.

Карлъ остался стоять, опираясь на притолоку и съ трудомъ держался на ногахъ. Не переставая, колотилъ онъ въ дверь кулаками, ругался и ревѣлъ какъ звѣрь, требуя, чтобы ему отворили.

Наконецъ, жена вышла, и Карлъ, пошатнувшись, всей своей тяжестью навалился на нее. Она подхватила его и тѣмъ спасла отъ опасности разбиться.

— Гдѣ ты еще шатался всю ночь напролетъ?.. Отъ тебя несетъ водкой!—крикнула она и толкнула его въ сѣни. Онъ сталъ приноравливаться, чтобы отворить дверь въ жилую комнату, но жена не пустила.

— Не смѣй туда! Дѣти не должны тебя видѣть въ непристойномъ видѣ!

Но Карлъ стоялъ на порогѣ и не двигался съ мѣста. Тереза еще разъ толкнула мужа, думая, что, какъ бывало, ей не трудно будетъ одолѣть его съ помощью одного или двухъ тумачковъ. На этотъ разъ ее встрѣтилъ сильный отпоръ, и защититься ей отъ здоровенныхъ кулаковъ разъяреннаго супруга было труднѣе, чѣмъ казалось. Она хотѣла вырваться отъ него, но онъ не выпускалъ ее и билъ безъ устали, безъ жалости, какъ молотомъ тяжелымъ. Тереза кричала, визжала и рвалась.

— Деньги подай!.. Деньги!—ревѣлъ пьяный, продолжая наносить удары.

— Не дамъ!.. Не дамъ!—вся побѣлѣвшая отъ боли и вол-

нея, хрипѣла въ свою очередь Тереза.—И борьба продолжалась не переставая.

Карлъ Бютнеръ озвѣрѣлъ. Съ искаженнымъ краснымъ лицомъ, съ пѣной у рта и сверкавшими глазами, налитыми кровью, онъ былъ ужасенъ. Мужества и силы у Терезы было всегда много, и теперь еще ей удавалось иной разъ заставить мужа пошатнуться, но это мало помогало дѣлу. Осилить Карла было невозможно. Онъ таскалъ ее за волосы, рвалъ на ней платье, потомъ вдругъ обхватилъ обѣими руками и швырнулъ о землю, какъ мѣшокъ. Потерявъ равновѣсіе, онъ и самъ свалился на нее, грузно ударяя кулакомъ по чѣмъ попало и крича:

— Деньги мои, деньги!.. Отдашь? Отдашь?

Тереза молча лежала на полу, и неподвижно склонилась набокъ ея всклокоченная голова. Карлъ ужъ было-протянулъ руки, чтобы ее схватить за горло и покончить съ нею, но даже его ярость мигомъ укротилъ ужасный видъ ея блѣднаго, избитаго лица и струйки крови, окрасившія ей волосы и лобъ.

Онъ всмалъ, отодвинулся немного и взглянулъ на жену. Она дѣйствительно была ужасна: безкровное, избитое лицо, разодранное платье, обнаженная грудь... Ноги у Карла подкосились; онъ пошатнулся и грузно повалился на кровать. Еще минута-другая—и онъ громко захрапѣлъ, широко раскинувъ во снѣ свои отяжелѣвшія руки и ноги.

Немного спустя, Тереза слабо шевельнулась, открыла глаза и, съ трудомъ приподнявшись, сѣла. Рукой пощупала она кровь на головѣ и стерла ее какъ могла. Съ трудомъ поднялась она на ноги и попробовала двигаться. Ничего,—она еще въ состояніи шевелиться, хотя тѣло и болитъ ужасно.

Въ сосѣдней комнатѣ немилосердно ревѣли дѣти.

Тереза приоткрыла дверь и крикнула:

— Молчать! Сейчасъ приду!

Отглянувшись на мужа, она замѣтила, что голова его свѣсилась за край постели и лицо уже залилось темно-багровою краской. Онъ хрипѣлъ, задыхаясь. На мигъ ея взглядъ остановился на немъ, и она невольно подошла, приподняла его отяжелѣвшую голову и положила ее поудобнѣе, чтобы не затекала, — даже подсунула ему подушку, хотя и безъ особой нѣжности, а все-таки привычной, заботливой рукою. Устроивъ мужа, она перенесла свое вниманіе на себя.

„Ободралъ всю, клокъ волосъ вырвалъ, а до смерти все-таки не убилъ! И денегъ не добился, да и не добьется никогда“!

—подумала она, и побѣдоносная улыбка пробѣжала по израненному лицу мужественной женщины.

Осеннія работы на заводѣ шли не всегда гладко. Нерѣдко приходилось Густаву подгонять своихъ рабочихъ,—особенно дѣвушекъ. Однако, несмотря на то, нельзя было не признать, что его артель скорѣе и лучше справилась со своими работами, чѣмъ другія. Поэтому Густавъ считалъ себя вправе требовать обѣщаннаго вознагражденія. Дѣло было на-лицо, и спорить противъ очевидности инспектору не приходилось; однако, онъ отгвѣтилъ уклончиво, а затѣмъ и высказалъ прямо, что „управленіе“ помѣстьемъ не считаетъ себя обязаннымъ награждать тѣхъ, кто не намѣренъ подписывать контрактъ на будущее лѣто. Какъ ни пытались дѣйствовать на Густава и придирами, и лаской—ничто не помогало; онъ стоялъ упорно на своемъ и даже сумѣлъ добиться разрѣшенія дѣвушкамъ уѣхать на родину, домой, тѣмъ болѣе, что ихъ работа была кончена, а доработывать болѣе грубую—оставались мужчины.

Довольнѣе всѣхъ при отъѣздѣ оказалась Эрнестина. Положимъ, Гешке оставался безъ нея, но весь свой заработокъ (и даже препорядочный!) онъ отдалъ ей на храненіе.

— Чтобы ты видѣла, что я тебя не брошу,—пояснилъ онъ. А въ артели ходили слухи, что онъ пойдетъ на родину, и когда тамъ наживетъ побольше денегъ, непременно вернется къ Эрнестинѣ, и они поженятся.

Вторая парочка влюбленныхъ послѣдовала примѣру первой: Фумфэкъ намѣревался продолжать работать еще въ качествѣ кузнеца и, прикопивъ еще малую толику, вернуться за невѣстой.

Густавъ, отправившій на родину сестру и жену съ ребенкомъ, тоже не сразу послѣдовалъ за ними: окончивъ работы въ помѣстьѣ, онъ поддался на увѣщанія Гешке и пошелъ съ нимъ дальше, „попытать счастья“,—какъ онъ говорилъ.

— Почему знать, зятюшка? Можетъ быть, для насъ и найдется какое-нибудь общее подходящее дѣло?

Съ тѣхъ поръ, какъ приведены были въ ясность его отношенія къ сестрѣ Густава, Гешке обходился съ нимъ какъ съ будущимъ „роднымъ“; даже зачастую онъ величалъ его „зятемъ“, и тотъ не противился этому нововведенію.

Отославъ домой Полинѣ лишніе деньги и платья, Густавъ пустился въ путь налегкѣ—„недѣлки на двѣ“. Его спутникъ Гешке чувствовалъ себя опять въ своей сферѣ, какъ рыба въ

водѣ; онъ съ удовольствіемъ несъ котомку за плечами и охотно заходилъ на ночлегъ въ кабаки или пивныя; въ дома, построенные специально для этой цѣли, Гешке не любилъ ходить.

— Тамъ даже и водочки-то не даютъ! — приговаривалъ онъ, и съ восторгомъ привѣтствовалъ появленіе каждаго постоялаго двора.

Пошли дожди, дорога испортилась, и Гешке предложилъ своему „зятюшкѣ“:

— Попробуемъ-ка на желѣзной лошади прокатиться! Только не въ четвертомъ классѣ: тамъ теперь ѣздитъ всякій сбродъ!

Вообще, за лѣто, мнѣніе его о себѣ самомъ значительно повысилось; онъ не на шутку гордился своимъ умѣньемъ и силою въ работѣ, да вдобавокъ и постоянствомъ. Шутка ли? Цѣлое лѣто былъ вѣренъ одной и той же „милой“.

— А мы вѣдь славные ребята; молодцы, хоть куда! — повторялъ онъ Густаву. — И только чортъ можетъ помѣшать намъ пробыть себѣ дорогу!

Ближайшимъ мѣстомъ назначенія былъ большой торгово-промышленный городъ въ Саксоніи. Вложивъ особую важность въ свою интонацію, Гешке объявилъ товарищу:

— Здѣсь есть у меня „друзья“! — и Густавъ не ошибся въ своемъ предположеніи, что эти „друзья“ — не простые смертные, а члены его „партіи“, — партіи „красныхъ“.

Бютнеръ сдѣлалъ ему это замѣчаніе; но Гешке только многозначительно повелъ плечами и усмѣхнулся, присвистнувъ на придачу. Наконецъ, онъ снисходительно рѣшился пояснить:

— „Красные“ — все люди добрые и желаютъ всеобщаго блага!

Разъ онъ даже всучилъ другу какую-то желтенькую брошюрку и прибавилъ:

— Тамъ есть отвѣты на все то, что можетъ интересовъ тебя.

Однако, Густавъ не постарался даже заглянуть въ эту брошюрку; онъ съ дѣтства былъ приученъ смотрѣть на подобныя вещи съ недовѣріемъ; газетъ старикъ Бютнеръ не выписывалъ и на выборы отроду не хаживалъ. Въ полку также начальство счумѣло внушить исправному солдату, что изъ пропаганды и сходекъ никогда, кромѣ помѣхи дѣлу, ничего не выйдетъ. Какъ истый, коренной землепашецъ, — Густавъ не отставалъ въ этомъ отношеніи отъ своего отца, Траугота.

Лѣто на заводѣ было для него богато новыми впечатлѣніями. И сельское хозяйство, и поденщина, — все тамъ велось иначе. Отношенія крестьянъ и господъ сводились всѣ къ болѣе широ-

кимъ принципамъ: здѣсь рабочая сила была тотъ же товаръ, и сходились эти оба класса людей для денежнаго разсчета. Самъ землевладѣлецъ, покупавшій рабочія руки, какъ товаръ, ужъ никакъ не подходилъ къ типу прежнихъ богачей-помѣщиковъ; это былъ купецъ и фабрикантъ, или заводчикъ, за спиной у котораго стояли, ему на подмогу, три могучія силы: фабрика, акція и капиталъ. Онѣ стояли между нимъ и матушкой-землей.

Во время путешествія своего съ товарищемъ, на желѣзной дорогѣ Густавъ познакомился съ „пятымъ классомъ“ населенія, безработнымъ людомъ; съ человѣческими существами безъ крова, безъ пищи, безъ одежды. У этихъ бродягъ и безпріютныхъ былъ свой языкъ, свои обычаи, свои правила и даже свои понятія о чести, какъ это ни странно.

Большинство было сельскаго происхожденія; почти у всѣхъ предки были земледѣльцы, но дѣти этихъ предковъ обѣднѣли и разлетѣлись на всѣ четыре стороны, какъ вольныя, и даже слишкомъ вольныя, птицы. Ни кола, ни двора, ни клочка земли, которая могла бы прокормить семью; ни желанія, ни умѣнья пустить корни на какомъ-нибудь одномъ, опредѣленномъ мѣстѣ! Они свыклись съ жалкимъ строемъ своей новой жизни; бродяжничество вошло въ плоть и кровь этихъ обломковъ нѣкогда сильнаго осѣдлаго населенія.

Не всѣ, однако, были порочные лѣнтяи; были среди нихъ и жертвы безработицы, — бывшіе мелкіе чиновники, фабричные, проторговавшіеся купцы и полубольные, уволенные за ненадобностью; были подозрительныя личности, обратившія нищенство въ профессію; были и странствующие артисты и фигляры. Меньше всего было такихъ ремесленниковъ, которые предпочли шататься по бѣлу-свѣту въ поискахъ за работой то у того, то у другого хозяина. Одно только было у нихъ у всѣхъ общее — ихъ бездомное положеніе. Какъ слабые листья, оторванные отъ родного дерева, которое ихъ питало, они стремились туда, куда ихъ гнало вѣяніе минуты; но гнало ихъ на большую дорогу не усердіе, не любовь къ работѣ, а горькая нужда.

Вслушиваясь въ бесѣду этой разношерстной толпы, Густавъ явился свидѣтелемъ такихъ дѣлъ и такихъ рѣчей, что волосы у него становились дыбомъ.

Никакихъ порядковъ, никакихъ законовъ эта орда не признавала, кромѣ бродяжническихъ и воровскихъ; никакого авторитета, кромѣ авторитета денегъ и наслажденій; честность и благочестіе были предметомъ издѣвательствъ. Кому нечего было ни ждать, ни терять, отъ того было бы странно требовать стрем-

ленія къ правдѣ и яснаго понятія о добрѣ и злѣ, о взаимныхъ правахъ и обязанностяхъ. Какъ это ни было ужасно, но еще ужаснѣе казалась Густаву рознь между понятіями о такой жизни, съ ея условіями, и тѣми понятіями, которыя внушались ему въ дѣтствѣ школьными книгами и учителями. Много на землѣ было несправедливости; много неравенства въ распредѣленіи земныхъ богатствъ...

Проходя мимо роскошныхъ виллъ и замковъ, принадлежавшихъ столько же богачамъ-аристократамъ, сколько заводчикамъ-милліонерамъ, Гешке злобно грозилъ горделивымъ зданіямъ и посылалъ имъ горячія проклятія. Несмотря на свою впечатлительность, Густавъ не могъ сразу отказаться отъ своихъ коренныхъ убѣжденій, и не послѣдовалъ примѣру товарища.

Но вотъ и большой городъ!.

Еще задолго до вѣзда въ него, становилось замѣтно приближеніе къ заводско-фабричному центру. Усадьбы и сельскіе домики принимали все болѣе и болѣе городской характеръ; наконецъ, потянулись улицы пригорода... Вотъ и самъ городъ!

Направившись по объявленію, наклеенному на углу, въ домъ, гдѣ отдавались „комнаты для рабочихъ“, наши молодцы поспѣшили занять „двѣ постели“, по двѣ марки въ недѣлю, побриться и почиститься.

Оба были голодны, и Гешке обрадовался, что вспомнилъ про знакомую пивную въ рабочемъ кварталѣ. И въ самомъ дѣлѣ, — все на томъ же мѣстѣ была все та же вывѣска; вѣрно, и хозяинъ все тотъ же, старый... Войдя, Гешке тотчасъ же обратился къ старику, который тоже постарался увѣрить себя, что новый гость—его усердный посѣтитель, и отвѣтилъ ему радушно улыбкой. Отъ него Гешке узналъ подробно о положеніи дѣлъ рабочихъ классовъ.

— Тяжело стало за послѣднее время, очень тяжело! — говорилъ хозяинъ. — Здѣшнимъ рабочимъ трудно живется, а для пріѣзжихъ и совсѣмъ нѣтъ работы. По той отрасли машиннаго производства, которая вамъ знакома, теперь стачка, и волненіе еще не прекратилось. Фабрики работаютъ для того только, чтобы не совсѣмъ закрыться. Крупнѣйшіе изъ фабрикантовъ хотятъ воспользоваться этимъ удобнымъ случаемъ и распустить большинство рабочихъ, а остальнымъ—еще сократить плату. Возбужденіе и сходки среди безработныхъ не прекращаются... Говоря короче,—у насъ тутъ нѣчто интересное творится!

И хозяинъ усмѣхнулся, оставаясь въ сущности довольно равнодушнымъ. На немъ эти волненія не отражались: миръ или распри была въ городѣ,—у него посѣтителѣ не переводились. Чѣмъ больше было недовольныхъ, тѣмъ чаще собирались у него на сходку.

Все здѣсь было приспособлено къ тому, чтобы лѣстить вкусамъ пролетаріата; ни одного „буржуазнаго“ органа печати, но зато все такія газеты, которыя имѣли уже сложившееся годами политическое направленіе. Впервые пришлось Густаву имѣть подъ рукою такіе листы, о которыхъ онъ зналъ только по наслышкѣ. Въ ящикѣ, подъ стекломъ, были тутъ же разложены книги и брошюры съ партійнымъ направленіемъ.

Между тѣмъ, убѣдившись, что Гешке дѣйствительно свой человѣкъ, хозяинъ подселъ къ нему поближе, и у нихъ завязался такой разговоръ, изъ котораго лишь немного было понятно непосвященному слушателю: это были вполне своеобразныя слова и выраженія. Густавъ, однако, разобралъ настолько, что ему жутко становилось слушать, какъ смѣло и безпощадно обсуждали они общественныя дѣла, государственный строй и его представителей...

Вечеромъ пріятелѣ отправились въ народное собраніе, залъ котораго размѣрами своими напомнилъ Густаву полевоѣ манежъ. Въ воздухѣ висѣли большія шарообразныя лампы, которыя обливали своимъ бѣлесоватымъ свѣтомъ всю залу и собравшуюся въ ней безчисленную толпу. Тамъ было до того свѣтло, что не только были освѣщены всѣ уголки и закоулки гигантскаго помѣщенія, но даже мельчайшія черты каждаго отдѣльнаго лица. Зала была биткомъ набита; за столиками сидѣли собравшіеся; передъ каждымъ красовалась кружка пива; хоры тоже были полны народа, но тамъ столикамъ и пиву не оказывалось мѣста: тамъ рады были, что хоть есть мѣстечко постоять. Въ дальнемъ концѣ зала, на возвышеніи, какъ на открытой сценѣ, сидѣли представители собранія, а около нихъ—полицейскій, единственный мундиръ во всей громаднѣ залѣ.

Изъ предварительныхъ занятій засѣданія Густавъ ничего не понималъ. Гешке пояснилъ ему:

— Видишь, выбираютъ комиссію!

Судя по платью, по языку и по наружности, это все были представители народа,—равно, какъ и тотъ, который выступилъ впередъ въ качествѣ оратора. Онъ громко представился собранію, заявивъ:

— Я тоже человѣкъ безъ мѣста, безъ работы!

Тысячи людей мигомъ притихли; съ бѣльшимъ благоговѣніемъ, жажетъ, нельзя бы стоять на церковной службѣ. И Густаву невольно сообщилось именно такое, особенно почтительное, сосредоточенное направленіе.

Вдругъ толпа заготала, — и раскаты смѣха долго не смолкали подъ высокими сводами зала; очевидно, ораторъ сказалъ что-то такое, показавшееся забавнымъ. Пронесся свистокъ, другой. Свистали тѣ, которымъ хохотавшіе мѣшали слушать... Съ этой минуты толпа часто прерывала рѣчь, поддаваясь своему настроенію. Когда же ораторъ кончилъ, поднялся такой шумъ и гамъ, что Густавъ приготовился къ самымъ дурнымъ послѣдствіямъ. Но шумъ улегся какъ по мановенію волшебства, въ тотъ же мигъ, когда предсѣдатель привсталъ, чтобы сказать пару словъ.

— Онъ объявилъ, что пренія открыты, — пояснилъ Гешке новичку.

Опять впередъ начали выступать поочередно простые люди, но такіе краснорѣчивые, какихъ, казалось Густаву, онъ не ожидалъ здѣсь видѣть.

Они говорили смѣло, горячо; одинъ за другимъ описывалъ свои личныя испытанія, густыми красками набрасывалъ картину народнаго бѣдствія, народной безработицы и безпощадной нужды, рисовалъ обезпеченное положеніе богачей и хищничество сытыхъ фабрикантовъ, которые повергаютъ въ нищету семьи своихъ рабочихъ.

И чѣмъ безотраднѣе рисовали ораторы настоящее, тѣмъ заманчивѣе развѣтывались передъ возбужденными очами слушателей яркія картины блестящаго, счастливаго будущаго, которое должно было превратить весь міръ въ сплошной безмятежный рай земной...

За-сердце хватало каждого, и въ томъ числѣ Густава, сознание, что онъ мыслить и чувствуетъ за-одно съ этой горячей, убѣжденной и увлекающейся своими же убѣжденіями, тысячной толпой. Вокругъ Густава шель сдержанный гулъ отдѣльныхъ разговоровъ: бесѣдовали сосѣди, перебивая, путаясь, оспаривая одинъ другого. Но, въ общемъ, всѣ помыслы, всѣ стремленія были единой души: всѣ стремились къ достиженію полного счастья и довольства.

Настоящее окутывало, подавляло, связывало ихъ своею мрачной пеленой; а будущее свѣтилось въ невѣдомой дали какою-то особенно блестящей, недосыгаемой, но горячо желанной точкой, которой — они вѣрили — суждено, какъ солнцу, согрѣть и освѣтить весь міръ земной, до сихъ поръ — полный холода и скорби...

Густавъ обвелъ глазами окружавшую его толпу: отъ землисто-блѣдныхъ, изможденныхъ лицъ вѣяло гнетомъ нищеты, физическихъ и нравственныхъ страданій. Можно ли допустить, чтобы судьба имъ не послала, по справедливости, удовлетворенія?..

Такъ думалось Густаву, и онъ не замѣчалъ, какъ бѣжало время.

Новый ораторъ выступалъ впередъ, начиналъ говорить, кончалъ... Толпа шумѣла, потомъ умолкала; и снова слышался хриплый или рѣзкій голосъ рабочаго-простолюдина; и снова до Густава долетали неясныя слова, но ясно складывалось представленіе о томъ, что всѣхъ ихъ воодушевляетъ стремленіе къ чему-то неопредѣленному, но несомнѣнно къ лучшему.

Но вотъ заговорилъ еще одинъ ораторъ, низенькаго роста, тщедушный человѣчекъ; голосъ у него былъ слабый и хриплый, прерывистый, но говорилъ онъ горячо и страстно, для большей убѣдительности постукивая кулаками, все однимъ и тѣмъ же движеніемъ.

— Громче!—крикнулъ кто-то изъ дальнихъ рядовъ.—Громче!

Ораторъ возвысилъ голосъ, и до Густава ясно долетѣли слова:

— Можно ли ожидать отъ нихъ, чтобы они положили предѣлъ нашему тяжкому положенію, нашей нуждѣ! Вѣдь они сами находятся въ тѣсной связи съ кровопійцами-эксплуататорами труда; они даже, такъ сказать, сами поклонники капитализма...

Въ эту минуту полицейскій всталъ и надѣлъ фуражку, объявляя засѣданіе закрытымъ. Большинство присутствующихъ одновременно вскочило на ноги, и тысячи мужскихъ голосовъ слились въ одинъ общій, гнѣвный крикъ. Шумъ поднялся такой, что, казалось, можно было оглохнуть... Густаву страшно стало при мысли, что могло здѣсь разыграться.

Но полицейскій спокойно стоялъ на своемъ мѣстѣ, передъ бушующей толпой, и тихонько сказалъ что-то предсѣдателью, который въ свою очередь возвысилъ голосъ и предложилъ собранію мирно разойтись.

Большинство осталось недовольно этимъ предложеніемъ; но тѣмъ не менѣе толпа, затихшая на мигъ, снова пришла въ движеніе и медленно, и неохотно, но все-таки покорно, вышла вонъ изъ залы. Положимъ, не одинъ злобный взглядъ, не одно ѣдкое словечко полетѣли на встрѣчу представителю власти, но все-таки кулаки, грозившіе ему въ негодованіи, лишь мелькали въ воздухѣ недолго, въ видѣ безсильной угрозы, и тотчасъ же исчезали, опускались.

На улицѣ, однако, выяснилось, до чего бдительно относилась

полиція къ подобнымъ собраніямъ: тамъ поджидали и сопровождали толпу уже военные пикеты.

Послѣдующіе дни принесли съ собою для Густава еще новыя и не менѣе потрясающія впечатлѣнія. Онъ былъ свидѣтелемъ того, какъ одни ищутъ работы, а другіе—рабочихъ рукъ. Онъ видѣлъ, какія вереницы голодныхъ дежурили у входа въ бюро, и съ какимъ отчаяніемъ на лицѣ неудачники уходили; видѣлъ, какъ равнодушно и холодно спрашивалъ завѣдующій каждаго изъ нуждающихся въ заработкѣ, что онъ умѣетъ дѣлать; видѣлъ, что и труженики сами смотрѣли на свое умѣнье, на свой трудъ, какъ на товаръ, который они выносятъ на торжище. Порой у неудачниковъ вырывался вздохъ или проклятіе...

Черезъ посредство Гешке, Густаву пришлось познакомиться съ представителями главныхъ народныхъ партій; онъ побывалъ на народныхъ собраніяхъ и почувствовалъ, что это броженіе толпы увлекаетъ и его. Ему казалось, что онъ слился душою съ ея жизненными интересами, съ ея горестями и надеждами; и ему доставляло еще доселѣ неизвѣданное наслажденіе, что онъ тоже сочувствуетъ этимъ несчастнымъ и мечтаетъ объ общемъ благополучіи и равенствѣ всего міра...

Въ одинъ прекрасный день, провѣряя свои капиталы, Густавъ съ удивленіемъ убѣдился, что у него осталось едва-едва на переѣздъ домой, къ женѣ и сыну. Жизнь въ городѣ чего-нибудь да стоила, и за послѣднее время онъ жертвовалъ неоднократно въ пользу безработныхъ...

— Ну, прощай, зятюшка! — говорилъ ему, разставаясь, Гешке. — Желаю тебѣ всего хорошаго. А если бы такъ случилось, что въ Гальбенау тебѣ придется не по вкусу, вспомни про своего друга Гешке-Карла; онъ уже побережетъ для тебя тепленькое мѣстечко!

XXVI.

Даже ужасная расправа, которой подверглась Тереза, не остудила ея упорства, и она продолжала молчать, какъ ни добивался Карлъ узнать отъ нея, гдѣ его деньги.

Между тѣмъ, Тереза уже давно обдумала вопросъ, на что употребить свои нежданные капиталы. Она знала прекрасно, что самое лучшее—распредѣлить ихъ между нуждами дѣтей и хозяйства, и уже присмотрѣла парочку племенныхъ козъ.

Карлъ никогда и прежде не отличался трудолюбіемъ, а те-

перъ и совѣтъ излѣнился; но прежде онъ былъ воплощеннымъ добродушіемъ, а теперь научился обманывать и притворяться; но это не мѣшало ему самому приходиться въ ужасъ отъ своего звѣрства надъ женою и опасаться повторенія того. Отъ природы человѣкъ грубый, Карлъ съ дѣтства былъ лишень тѣхъ благородныхъ чертъ, которыя какъ-то особенно присущи земледѣльцу, и теперь, когда обстоятельства такъ плохо для него сложились, всѣ дремавшіе въ немъ грубые инстинкты вырвались наружу. Положимъ, онъ не билъ жену съ того достопамятнаго дня, когда чуть не убилъ ея; но у него часто чесались руки поволотить ее отъ всего сердца. Только воспоминаніе о томъ, какъ легко сдѣлаться убійцей, удерживало его.

Положеніе дѣлъ было вообще такое, что не могло не тяготить обоихъ супруговъ; Терезу же, вдобавокъ, удручали хлопоты съ дѣтьми, которыя слегли одинъ за другимъ, а восьмимѣсячный малютка, котораго Тони оставила на ея попеченіе, не переставалъ хворать съ той самой минуты, какъ мать уѣхала.

— А, чтобъ ты сдохъ! — повторяла она неоднократно. — Вздохнуть бы можно было тогда свободнѣе!

Однако, на дѣлѣ она оказывалась добрѣе, чѣмъ на словахъ. Случалось, что того же самого несчастнаго крошку, которому она искренно желала, чтобъ онъ „сдохъ“, она же по цѣлымъ часамъ ночью носила на рукахъ, стараясь его убаюкать.

Карлъ ежедневно бѣгалъ вонъ изъ дому и ежедневно возвращался пьянъ изъ шинка, въ которомъ ему охотно вѣрили въ кредитъ: слухомъ земля полнится, а слухъ увеличилъ до грандіозныхъ размѣровъ сумму его неожиданнаго капитала. И въ Гальбенау чаще прежняго заглядывалъ сынъ Траугота; злорадною усмѣшкой встрѣчалъ его дядя Кашель-Эрнстъ. Само собою разумѣется, что и его въ высшей степени интересовалъ вопросъ о деньгахъ „милаго племянничка“, и потому неудивительно, что онъ ему шепнулъ въ одинъ прекрасный день:

— Если ты хочешь хоть однимъ глазкомъ увидѣть свои деньги, — торопись! Тереза собирается купить на нихъ двухъ дойныхъ козъ.

Карлъ побѣждалъ бѣгомъ домой и тотчасъ же, дорогой, обдумывалъ планъ дѣйствій.

— Сразу на нее накинуться нельзя: она догадается и приметъ хитрить. Лучше исподволь, понемногу добратъ до правды! Я буду осторожнѣе, умнѣе! Буду молчать; а тамъ увидимъ!

На другой день — было воскресенье.

Тереза нарядилась въ праздничное платье, надѣла чистый передникъ и повязала голову пестрымъ платочкомъ.

— Пойду къ доктору, насчетъ дѣтей спросить у него совѣта, — сказала она такъ мягко и добродушно, что самое это добродушіе показалось ему подозрительнымъ, и онъ сталъ провожать ее пытливыми взглядами, куда бы она ни пошла. Зайдя на минуту въ свою каморку, въ послѣднюю минуту, Тереза объявила, что уходитъ. Между тѣмъ, Карлу показалось, что въ каморкѣ что-то звякнуло, когда Тереза тамъ копошилась; и теперь, едва только жена очутилась за порогомъ своей лачуги, какъ онъ набросился на нее и, прежде чѣмъ она успѣла опомниться, втолкнулъ ее въ ближайшій чуланъ.

Тяжело стукнулъ деревянный засовъ—и Тереза оказалась во власти своего озвѣрѣвшаго мужа. Онъ наскочилъ на нее и принялся душить, требуя грознымъ шопотомъ:

— Вынимай деньги! Говорятъ тебѣ, вынимай! Я самъ слышалъ, какъ ты сунула ихъ въ карманъ!

Съ отчаянія, она солгала ему въ глаза.

— Неправда! Не прикидывайся! Я самъ слышалъ. Ну, отдашь ты, что-ли?

— Ни за что!..

Придерживая ей руки одной своей рукою, другою онъ хотѣлъ попасть въ карманъ ея праздничнаго платья. Но жена не давалась; она царапала, кусала... Карлъ заревѣлъ отъ боли, словно настоящій звѣрь, и изо всей силы сбросилъ ее на солому, навалившись на нее своимъ грузнымъ тѣломъ. Тереза чуть дышала.

— Отдашь?.. Отдашь?—повторялъ онъ, колѣнкой опираясь въ ея грудь и продолжая шарить въ платьѣ своей обезсилѣвшей жертвы.

Но та еще имѣла присутствіе духа чуть слышно, хриплымъ голосомъ отвѣтить:

— Ни... за что!..

Онъ, какъ безумный, набросился на нее и принялся рвать на куски ея платье. Жена вся притихла, въ надеждѣ, что онъ не догадается, что она лежитъ на его кошелекѣ.

Онъ рванулъ еще разъ... еще... Тереза, изнемогая отъ безсильной злобы, плюнула ему въ лицо...

Платье еще разъ затрещало по швамъ, и Карлъ подъ рукою ощущалъ желанный кошелекъ! Вотъ онъ у него въ рукахъ, зажать въ кулакъ... Торжествуя побѣду, однимъ прыжкомъ Карлъ

очутился за порогомъ того самаго чулана, въ который, вмѣсто своихъ будущихъ козъ, попала сама Тереза.

На мигъ передъ нимъ мелькнуло въ полутьмѣ страшное видѣніе—полу-нагая женщина, залитая кровью... Ея длинныя волосы висятъ клочьями... И этотъ призракъ—его избитая жена!..

Еще мгновеніе—и онъ уже на дорогѣ въ Гальбенау; а часъ спустя—въ гостинницѣ своего дяди, Кашель-Эрнста.

Между тѣмъ, работницы вернулись на родину и привезли съ собою довольно основательныя надежды на нѣкоторое довольство. Въ деревнѣ вздохнулось свободѣе; всѣ какъ-то повеселѣли; въ корчмѣ то-и-дѣло устраивались вечеринки.

Эрнестина Бютнеръ была слишкомъ скромная дѣвушка для того, чтобы бѣгать на эти сходбища. Она задалась цѣлью—на свои деньги и на деньги Гешке сдѣлать себѣ и ему приданое. До поздней ночи сидѣла она за иглой, вмѣстѣ съ Полиной, въ домикѣ Кашнеровой-вдовы. Врядъ ли могъ когда-либо догадаться ея будущій супругъ,—повѣса-Гешке,—подъ какую строгую команду ему придется поступить.

По отношенію къ отцу Эрнестина проявила также полную самостоятельность. Старикъ-Трауготъ считалъ естественнымъ, чтобы, по смерти матери, заботы о хозяйствѣ взяла на себя дочь; но послѣдняя воспротивилась, подтверждая свое рѣшеніе мнѣніями, заимствованными ею у Гешке:

— Въ наше время никто не обязанъ слѣпо повиноваться родителямъ. Если я что и дѣлаю,—на то моя добрая воля: я не наемная служанка! Въ чужомъ краю я видывала и лучшую жизнь. А хочешь заставлять меня работать насильно,—сейчасъ уйду; совсѣмъ отъ тебя уйду! Ты на меня и правъ-то не имѣешь никакихъ: небось, сумѣлъ погубить мою долю въ наслѣдствѣ!

Многое научился терпѣть удрученный старикъ и на упреки дочери ничего не возразилъ, какъ бы забывая вступить за свое мужское и отцовское достоинство. Но вотъ однажды Эрнестина отказалась выгребать помойную яму на дворѣ:

— Эта работа слишкомъ для меня унизительна, — объявила она.

Мѣра терпѣнія переполнилась! Съ незапамятныхъ временъ этимъ занимались въ Бютнеровскомъ домѣ женщины, а эта молодкососка... Старикъ вытащилъ изъ дальняго угла свою дѣдовскую дубинку, которая съ юныхъ лѣтъ прогуливалась по плечамъ его дѣтей... Эрнестина была настолько умна, чтобы не

доводить до крайности; она покорилась и до-чиста выгребла ненавистную яму... Но краснорѣчивымъ отвѣтомъ на это приказаніе было слѣдующее утро, которое уже не застало ее дома: она ушла изъ родительскаго дома и поселилась въ деревнѣ, въ наемномъ помѣщеніи.

— И никакія силы въ мірѣ меня не вернутъ! — заявила она.—Принудить меня на него работать тоже онъ не можетъ! Вѣдь я же отъ него средствъ на житье не получаю.

Таковы-то были обстоятельства, которыя засталъ дома Густавъ, вернувшись на родину.

„Сколько новаго горя, сколько переменъ съ прошлой весны! — думалось ему.—Богатое помѣстье, выхоленная пашня—въ рукахъ чужихъ! Въ закромахъ, въ погребахъ—хоть шаромъ покати! Матери нѣтъ; отецъ слабъ и сирѣ; дѣти разбрелись по чужимъ краямъ. Карлъ бѣдствуетъ въ деревенской глуши, а Тони?.. Богъ ее вѣдаетъ, какъ она живетъ въ городѣ! И, наконецъ, эта выходка Эрнестины“!

Но всего больнѣе было для Густава видѣть, что отецъ ко всему относился безучастно; даже такое событіе, которое прежде необычайно его оживляло,—возвращеніе домой любимаго сына,—и то оставило его совершенно равнодушнымъ. Некому было для него стряпать кушанье, некому прибирать и чистить домъ и платье, и старикъ Трауготъ ничего не ѣлъ, кромѣ молока и размоченныхъ въ немъ хлѣбныхъ корокъ,—ничего не чистилъ... и жилъ вообще какъ старый, одряхлѣвшій несъ, которому ужъ никого и ничего не нужно и не жаль. Нѣтъ угольевъ, нѣтъ дровъ—онъ и топить не станетъ: къ чему? Все равно, стынутъ старческія кости. Отъ платья его несло запахомъ грязи и сырости; волосы свалились и безпорядочными кучками торчали вокругъ осунувшагося, землистаго лица съ потускнѣвшими, безжизненными, ввалившимися глазами. Завидя издали, что кто-нибудь идетъ къ нему во дворъ, одичалый старикъ спѣшилъ укрыться подальше отъ непрошеннаго гостя и крѣпко запирался въ своемъ опустѣломъ домѣ, на чердакѣ. Никакія увѣщанія, никакія угрозы не могли заставить его не только сойти внизъ, но даже откликнуться.

Мѣры, принятія противъ упрямства Эрнестины, также не могли ничего подѣлать; и Густавъ поручилъ женѣ ходить ежедневно къ старику-отцу и заботиться о томъ, чтобы онъ былъ накормленъ и напоенъ. Видя, что для нихъ уже нѣтъ надежды поправиться, Густавъ взялъ на себя заботы о продовольствіи отца и заготовилъ ему дровъ и провизію.

За недѣлю передъ Рождествомъ, къ Эрнестинѣ пришло письмо отъ сестры. Тони писала:

„На Святки я собираюсь домой. Мое начальство такъ любезно, что даетъ мнѣ отпускъ. Я хочу пожить дома, чтобы поправиться и отдохнуть“.

Розовая бумажка съ безграмотными каракулями, отъ которыхъ такъ и не отвыкла Тони за свое пребываніе въ столицѣ, пошла по рукамъ и читалась нарасхватъ; однако, нельзя сказать, чтобы кто-нибудь особенно радовался ея пріѣзду. Не только чужіе, но даже свои успѣли почти позабыть про ея существованіе.

Незадолго передъ Рождествомъ, ея малютка умеръ, и Тереза пришла въ Гальбенау нарочно для того, чтобы попросить родныхъ помочь ей схоронить его. Для всѣхъ показалось особой милостью Божіей, что бѣдняжка умеръ. Эрнестина съ Полиной пошли на похороны и, вернувшись, долго еще говорили съ ужасомъ о жалкой лачугѣ, въ которой живетъ семья Карла, о его пьянствѣ и бѣдности, о несчастныхъ оборванныхъ дѣтяхъ. Терезу никогда не любили въ семьѣ мужа, но теперь, глядя, во что обратилась эта сильная, дѣятельная женщина, всѣ искренно ее жалѣли.

На праздники пріѣхала Тони, прямо къ отцу во дворъ.

Старика Траугота удивило и напугало появленіе дамы въ нарядномъ городскомъ платьѣ и шляпкѣ; за нею шелъ деревенскій малый съ ея сундукомъ. Хозяинъ, по обыкновенію, ушелъ къ себѣ наверхъ и долго не рѣшался выйти оттуда: онъ не могъ узнать свою Тони въ этой нарядной горожанкѣ.

Дѣлать нечего, она пошла къ Полинѣ и поселилась пока у нея. Удивленію ихъ не было предѣловъ: Тони, даже въ деревнѣ отличавшаяся своимъ неуклюжимъ сложеніемъ и небрежностью въ нарядѣ, теперь ходила въ корсетѣ и въ узкомъ лифѣ, волосы завивала, а на макушкѣ у нея красовалась модная прическа. Кашнерова-вдова тотчасъ же заварила кофе, и полились безконечные разспросы и рассказы. Тони сдѣлалась центромъ всеобщаго любопытства.

— Я долго была въ кормилицахъ, — повѣствовала она своимъ усерднымъ слушательницамъ. — Чудо, какъ хорошо жилось!..

Затѣмъ слѣдовало подробное и восторженное описаніе ея шпреевальдскаго костюма и той жизни, которую она тогда вела.

— Каждый день я бывала въ Тиргартенѣ; въ хорошую погоду носила туда маленькаго на рукахъ пѣшкомъ, а въ дурную — ѣздила въ каретѣ.

— Чего-жъ ты не осталась тамъ, если тамъ было хорошо?— спросила Эрнестина.

— Ни ѣсть, ни пить мнѣ не давали, чего мнѣ хотѣлось,— возразила Тони. — И докторъ то-и-дѣло приходилъ свидѣтельствовать меня. А потомъ съ маленькимъ приключился родимчикъ, ну, мнѣ и отказали; господа обзовались такъ, что страсть! Тогда я переѣхала на частную квартиру, пока мнѣ другъ мой не доставилъ подходящаго мѣста...

— А что это за мѣсто?— полюбопытствовала фрау Кашнеръ.

— Ахъ, въ самой аристократической части города! Я должна только стоять въ такомъ... ну, домикѣ, что-ли,—и прехорошенькомъ!—тутъ она всѣми силами принялась стараться, чтобы описать нарядный кіоскъ:—Стѣны и потолокъ,—все въ немъ хрустальное, какъ во дворцѣ. А я стою и продаю сосиски по двадцать пфенниговъ за пару. Бывало, въ одинъ вечеръ удастся продать тысячу штукъ, а то и больше. И костюмъ у меня—чудесный! Бархатный черный „мидеръ“. (корсажъ), красная юбка; голыя руки и цѣпь изъ серебряныхъ монетъ на шеѣ... цѣлыхъ три ряда! Я такъ и снималась: у меня карточка съ собою, въ сундукѣ.

— Ну, чтобъ сосиски продавать, нечего въ городъ для того ѣздить,—ѣдко замѣтила сестра.

— Мое мѣсто весьма приличное,—возразила обидчиво Тони. —Гостей у насъ всегда много; на чай я тоже много получаю. Господа такъ любезны, шутятъ со мной, болтають... Забавники, право! А два раза въ недѣлю я свободна: хожу въ циркъ, въ театръ; бываю въ кафе-шантанахъ, на балахъ...

Впечатлѣнія столичной жизни были для Тони такъ разнообразны и такъ многочисленны, что въ головѣ у нея царствовалъ полнѣйшій хаосъ, въ которомъ разобраться было почти невымыслимо. Она, вдобавокъ, не переживала ихъ мыслью, а скорѣе какъ бы проходила мимо, поддаваясь лишь зрительному ихъ вліянію, не углубляясь въ коренное значеніе чудесъ новѣйшей цивилизаціи. Путаясь, перескакивая съ одной темы на другую, она добралась, наконецъ, до болѣе доступной—именно до рядовъ.

— У меня три платья выходныхъ; двѣ шляпки; много рубашекъ и чулокъ... Всего по дюжинѣ!

Эрнестина тревожно ёрзала на стулѣ и не могла удержаться, чтобы не спросить:

— А изъ какихъ же средствъ ты себѣ накупила всю эту роскошь?

— Мнѣ за все платилъ мой добрый другъ, — отвѣчала Тони.

— Хорошо „другъ“, нечего сказать! — съехидничала младшая сестра.

— Хорошо... и даже очень! — вступилась за покровителя недалекая Тони.— Онъ далъ мнѣ денегъ на дорогу, и самъ ходилъ просить мое начальство, чтобъ меня отпустили отдохнуть: ноги у меня отекали отъ долгаго стоянья... Вотъ какой онъ добрый!

Извѣстіе о смерти своего малютки она приняла довольно равнодушно; однако, проронивъ двѣ слезинки, тотчасъ же прибавила:

— Я ему привезла нѣсколько платицъ въ подарокъ; такъ пусть они пойдутъ теперь Полинѣ.

Поселилась она все-таки у отца; и съ каждымъ днемъ съ ея деревенской оболочки больше и больше сходилъ столичный, поверхностный лоскъ. Она жила и выросла, въ сущности, коренною крестьянкой, и ее можно было видѣть то въ домѣ, то на дворѣ, гдѣ она доила коровъ, засучивъ рукава и задравъ повыше подолъ своего городского платья... чтобъ виднѣе были черные чулки. Но вотъ въ какомъ-то старомъ ларѣ она откопала свои старыя платья—и франтиха, модница-Тони, мигомъ опростилась. Она почувствовала себя вдругъ какъ рыба въ водѣ. Очень ужъ ей претило, что коровы стояли по колѣни въ навозѣ. Она усердно принялась обчищать хлѣвъ и дворъ; вывезла въ поле удобрение и щедрой рукой постлала скотинѣ свѣжей соломѣ на подстилку.

Въ воскресенье Тони разодѣлась въ свое полковое платье и пошла въ корчму на вечеринку. Танцоровъ было у нея множество: ея наряды и слава про ея неслыханное счастье дѣлали изъ нея героиню дня. Она была настолько наивна, что это ее утѣшало, а Эрнестина задирала свой бойкій носикъ съ полнымъ пренебреженіемъ къ такимъ успѣхамъ. Густавъ тоже неблагоприятно смотрѣлъ на богатства сестры; онъ зналъ городскую жизнь настолько, чтобы съ подозрѣніемъ относиться къ трудамъ, которые такъ щедро оплачиваются друзьями.

Тони была удивлена холодностью приѣма, встрѣтившаго ее со стороны родныхъ; но по ней лишь скользили тѣ впечатлѣнія, которыя должны бы были глубже всего ее затронуть, и она съ этимъ примирилась безъ особаго труда. Однажды она получила денежное письмо и носилась съ нимъ по деревнѣ, хвастая, какой у нея добрый другъ. Она щедро заплатила Терезѣ за ребенка,

и часть денегъ подарила отцу... Словомъ, она правила сама собой въ роли благодѣтельницы.

Наканунѣ ея отъѣзда, поутру, отецъ отозвалъ въ сторону Густава, и замѣтно было, что его что-то тяготитъ. Не сразу заговорилъ онъ о дѣлѣ и, послѣ нѣкоторыхъ подходовъ, спросилъ сына:

— Ты знаешь хорошо, откуда Тони взяла столько денегъ и нарядовъ?

Густавъ прекрасно понялъ, къ чему клонить рѣчь старикъ, и не утаилъ отъ него свое личное мнѣніе.

Трауготъ Бютнеръ молча выслушалъ его и молча опустилъ руку въ карманъ; пошарилъ тамъ и вытащилъ что-то завернутое въ бумажку, которую самъ осторожно развернулъ.

На свѣтъ Божій выглянули два новенькихъ червонца.

— Вотъ! Это она мнѣ дала, Тони!—проговорилъ онъ.—Я не хочу отъ нея денегъ. Отдай ей назадъ: я въ *такихъ* деньгахъ не нуждаюсь!

Старикъ повернулся и отошелъ прочь.

Тони заплакала, когда братъ вернулъ ей золотые: она ихъ отъ души давала!

XXVII.

Теперь Карлъ приходилъ домой только для того, чтобы проспаться послѣ кутежа; и пока онъ спалъ, Тереза шарила у него въ карманахъ, но ничего не могла найти. Глупый отъ природы, онъ становился хитеръ, когда дѣло касалось его денегъ, и очевидно пряталъ ихъ гдѣ-нибудь внѣ дома.

Зато онъ сдѣлался частымъ гостемъ у своего дяди Кашель-Эрнста и утѣшалъ его своимъ физическимъ и нравственнымъ паденіемъ. Какъ бы стоворившись съ нимъ, Рихардъ помогалъ отцу спаивать члена семьи ненавистныхъ Бютнеровъ, честность и независимость которыхъ, бывало, колола имъ глаза. Злорадствуя, перебирали они въ памяти своей всѣ бѣдствія, которыя обрушились на ихъ родныхъ.

Имѣніе, переходившее изъ рода въ родъ, разорено, забрано въ чужія руки, и нищета съ безсиліемъ, которые загоняютъ хозяина Траугота въ домъ призрѣнія бѣдныхъ,—вопросъ только времени. Отъ него нечего больше отбирать: и безъ того судьба ужъ отобрала все, что было возможно.

Добрая слава и трудолюбіе его дѣтей всегда кололи глаза милымъ родственникамъ; особенно же ненавидѣли они Густава,

какъ самаго умнаго и самаго стойкаго въ своихъ убѣжденіяхъ. Но онъ держался поодаль и совсѣмъ не показывался въ пиноузъ; Эрнестина—тоже. Тони надѣлала шуму своимъ появленіемъ и опять вернулась въ Берлинъ; зато Карлъ самъ давался имъ въ руки; онъ былъ для нихъ источникомъ постоянныхъ наслажденій.

Однажды, когда Карлъ былъ уже на половину пьянъ, къ нему подсѣлъ Рихардъ и шопотомъ предложилъ „перекинуться въ картишки“.

— Тамъ, въ „дальней“ комнатѣ, есть парочка господъ, которые ставятъ на карту—одинъ гуся, а другой нѣсколько кобасъ; я же готовъ предложить четверть большой свиньи, которую вчера убили. Если у тебя, братъ, нѣтъ ничего такого,—можетъ быть, наши гости согласятся, чтобъ твоя ставка была чистыми деньгами?

Надо замѣтить, что о существованіи игорной, т.-е. такъ называемой „дальней“ комнаты, находившейся въ вѣдѣніи Рихарда, нѣкоторое время не подозрѣвалъ самъ папá Кашель, и даже сдѣлалъ послѣ за это сыну довольно строгое внушеніе; но Рихардъ не растерялся.

— У тебя, отецъ, слабая струна—кюммель; а у меня—картишки,—такъ твердо и внушительно объявилъ онъ, что Кашель-Эрнстъ не рѣшился съ нимъ спорить.

Слабо возражая на предложеніе Рихарда, Карлъ припомнилъ, что картъ въ рукахъ не держалъ съ тѣхъ поръ, какъ ушелъ съ военной службы.

— Вотъ невидаль! Я тебѣ помогу ихъ вздуть! — шепнулъ ему любезный братецъ прямо въ ухо.—Идемъ-ка, идемъ!

И Карлъ, сознавая, что пьянъ, все-таки послушно пошелъ за нимъ, еле держась на ногахъ. Еще минута, и онъ уже сидѣлъ за столикомъ, въ сильно накуреной комнатѣ, и севозъ синія волны дыма единственное, что онъ могъ различить, былъ его собственный кулакъ, биткомъ набитый картами.

„А! вотъ бубновый король; вотъ и десятка червей... — думалъ Карлъ, припоминая. — Вѣдь вотъ что у меня за память: даже мастей не позабылъ“!

Напротивъ него сидѣлъ человѣкъ съ черной бородой и съ большимъ родимымъ пятномъ черезъ всю щеку.

— Карлъ, тебѣ ходить!—окликнулъ его Рихардъ въ то время, какъ онъ глазъ не могъ отвести отъ страннаго лица своего партнера.

Карлъ пошелъ и какъ во снѣ услышалъ надъ собою голосъ:

— Бютнеръ выигралъ!—и тотчасъ же Рихардъ приподнесъ выигравшему большую колбасу.

Все лицо Карла расплылось въ довольную улыбку; ротъ ослабился.

„Вотъ вѣдь: я такъ и думалъ, что ихъ за-поясъ затѣну“!—подумалъ онъ самодовольно.

— Ну, а теперь будемъ играть на деньги! — предложилъ Кашель-Рихардъ и вынулъ изъ кармана нѣсколько монетъ.

Карлъ поспѣшилъ похвастать своимъ кожанымъ мѣшкомъ съ деньгами. Игра продолжалась. Карлъ проигралъ и затруднился заплатить; но „любезный братецъ“ выручилъ его изъ бѣды.

— Я тебѣ размѣняю на мелочь! — предложилъ онъ, и дѣйствительно размѣнялъ ему золотой.

Однако, проигравъ нѣсколько ставокъ подъ рядъ, Карлъ какъ-будто на мгновеніе протрезвился и довольно твердо объявилъ:

— Я больше не играю!—Но Рихардъ и его партнеры принялись надъ нимъ насмѣхаться.

— Мы тебѣ проходу не дадимъ; попробуй только убѣжать! Не трусь, я тебѣ помогу,—убѣждалъ его Рихардъ, и Карлъ поддался.

— Еще бутылочку? А, господа?—предложилъ онъ опять; но Карлъ перебилъ его:

— Нѣтъ, постой! Это я угощаю!

— Все это хорошо и прекрасно, только...

— Ну, чего—только? Клячи вы этакія!—перебилъ ихъ совершенно охмелѣвшій партнѣръ.

Они было-хотѣли вступить за свою честь, но Рихардъ ихъ удержалъ.

Карлъ снова проигралъ и, стукнувъ здоровеннымъ кулакомъ по столу, завопилъ:

— Мошенники вы, шулеры! Вотъ вы что! Вы меня обобрали! Подайте назадъ мои деньги—слышите? Сію минуту! Собаки! Негодяи!

Чужіе вскочили на ноги; любезный родственникъ продолжалъ сдерживать и ихъ, и ревѣвшаго Карла.

— Заткни глотку! Тише, говорятъ тебѣ; а не то въ главной комнатѣ услышатъ.

— Еще ты смѣешь мной командовать! — выкрикнулъ разъяренный Карлъ, и его могучій кулакъ изо всей силы расквасилъ лицо обидчику.

Но тутъ поднялась всеобщая свалка. За Рихарда вступились

его сообщники; за сообщниковъ—прибѣжавшіе на шумъ остальные гости, и всѣ набросились на Карла, который окончательно остервенѣлъ. Какъ перышко, отбрасывалъ онъ нападавшихъ, швыряя ихъ объ стѣну; схватилъ въ руки стулъ и такъ успѣшно имъ оборонялся, что никто близко подступиться не смѣлъ. Наконецъ, число нападавшихъ возросло до того, что и силачу Карлу было не совладать. Его повалили, сдавили и крѣпко придерживали за руки и за ноги, чтобы онъ не могъ нидохнуть, ни шевельнуться.

— А дальше что?.. Куда его дѣвать? — раздались голоса нападавшихъ.

На минуту всѣ стали въ недоумѣніи; но Рихардъ и тутъ нашелся. Онъ выдернулъ желѣзный засовъ изъ наружной двери, и въ то время, какъ вся кучка людей, волочившихъ Карла, какъ мертвое тѣло, добралась до порога, дверь подалась подъ напоромъ ихъ борьбы, и всѣ они, такъ сказать, вылетѣли на улицу внизъ по ступенямъ крыльца. Въ общей свалкѣ Карлу удалось-таки нѣсколько освободиться отъ своего беззащитнаго положенія, и онъ продолжалъ бороться.

Въ темнотѣ слышался звукъ удара и глухой грохотъ чего-то тяжелаго, упавшаго на землю; но въ общемъ шумѣ и давлѣ это обстоятельство прошло незамѣченнымъ. Толпа вернулась въ домъ съ хохотомъ и грубыми шутками, болтая о происшедшемъ.

— А молодцы мы! Молодцы!.. Геройски справили его! — хващали побѣдители.

Немного спустя, одинъ изъ присутствующихъ зажегъ фонарь, простился и пошелъ-себѣ домой... но и пяти минутъ не прошло, какъ онъ вернулся, блѣдный и дрожащій.

— Тамъ... Тамъ на улицѣ... лежитъ... въ крови! — лепеталъ онъ безсвязно.

Всѣ бросились вонъ на улицу.

Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ крыльца лежалъ распростертый на землѣ Карлъ Бютнеръ. Снѣгъ около него темнѣлъ большимъ багровымъ пятномъ.

Несчастнаго принялись ворочать и осматривать. Кровь лила изъ раны въ головѣ; но рану нанесъ не ударъ ножомъ, или чѣмъ-либо острымъ, а увѣсистый ударъ съ размаху тяжелымъ и тупымъ орудіемъ.

Однажды, въ февралѣ, у воротъ Бютнеровскаго дома появился вмѣстѣ съ Харрасовичемъ молодой человекъ, судя по наряду—горожанинъ. Долго не могли они достучаться; ходили

кругомъ да около по глубокому снѣгу. Наконецъ, когда старикъ Трауготъ, скрывшійся, по своему обыкновенію, на вышку, удостоверился, что это хозяинъ его бывшаго помѣстья, ему пришлось по неволѣ отворить ему ворота.

— Ты, кажется, рехнулся? — яростно вскричалъ Самъ, завидя старика. — Изволь сейчасъ все настѣжь отворить: надо все въ домъ осмотрѣть!

Чужой принялся вмѣстѣ съ нимъ обходить каждую комнату, каждый закоулокъ; палочкой постукивалъ по стѣнамъ; трогалъ руками балки; заглядывалъ въ трубы и въ печи. Въ погребѣ оказалась вода.

— Никогда этого не бывало! — горячо протестовалъ Харрасовичъ. — Всегда тутъ было сухо, и, вѣрно, случайно этотъ разъ вешняя вода залила подвалъ... Вотъ вамъ самъ Бютнеръ скажетъ...

— Сколько я себя помню, всегда здѣсь по веснѣ вода выступала, — угрюмо возразилъ старикъ Трауготъ.

Торговецъ прикусилъ губы и наградилъ его не очень дружескимъ взглядомъ.

Много еще прорухъ нашелъ молодой горожанинъ въ старомъ домѣ: и крыша-то стара, и лѣстница распаталась, и дровяной сарай надо сломать, и оградить домъ снаружи кирпичною стѣной; печи тоже никуда не годятся...

— Однако, все это такіе пустяки, что нѣсколько сотъ марокъ превратятъ вамъ этотъ домъ въ самый комфортабельный и вполне господскій, — убѣдительно замѣтилъ Харрасовичъ.

— Вотъ еще! Это не домъ: это собачья конура! — вспылилъ молодой человекъ. — Да здѣсь пятью тысячами не обойдешься!.. Понятно, стоимость ремонта вы должны мнѣ уступить изъ условленной цѣны.

Но Харрасовичъ клялся и божился, что ничего онъ уступить не можетъ.

— Можете пока идти: я позову васъ, когда надо будетъ, — обратился онъ къ Трауготу, и старикъ молча, какъ всегда угрюмо, повернулся и пошелъ прочь, въ конюшню. Общество животныхъ было для него теперь пріятнѣе, чѣмъ общество людей.

Задавъ коровамъ корму, Трауготъ сѣлъ на скамеечку и поникъ головой, предавшись невеселымъ думамъ.

— „Собачья конура“? Мой домъ—собачья конура! Такъ, кажется, — сказалъ этотъ молокососъ. — И какъ языкъ у него не отсохъ за это слово? Я, слава Богу, знаю, что это за домъ: нѣтъ на деревнѣ — да и не бывало! — другого такого. Одиѣ стѣны у

него чего стоятъ! Отецъ говаривалъ, что онъ слыхалъ отъ ка-кого-то знатока и старожила, что онѣ сложены еще до великой сѣверо-германской войны. Дровяной сарай, про который этотъ чужой говорить, что надо его непременно скрыть, построень еще дѣдомъ, изъ самаго прочнаго, вѣковаго сосноваго лѣсу; ни одна балка, ни одно стропило не подалось за все это время, не пере-косилось. А я самъ сколько трудовъ и заботъ положилъ на то, чтобы устроить и украсить домъ! Какъ наблюдалъ за нимъ, под-держивалъ его!

Даже злобы или особаго раздраженія не вызывала въ немъ теперь обида: онъ обтерпѣлся и только съ какимъ-то тупымъ недоумѣніемъ повторялъ:

— Собачья конура!.. Собачья конура!..

Въ открытую дверь хлѣва Трауготу было видно, что чужой идетъ въ домъ и надѣваетъ шубу, стоя на порогѣ. Ихъ громкіе голоса долетали до него.

— Двадцать тысячъ? И вамъ не совѣстно?—горячился пріѣз-жій.—Да вы, давнымъ-давно, трижды успѣли содрать съ этого несчастнаго имѣнія то, что сами за него заплатили!

— Послушайте! Пойдемте лучше въ домъ!—уговаривалъ его Харрасовичъ, беря подъ руку и стараясь увести съ собою.

Громкіе голоса затихли; и прошло довольно долго, пока Бют-нера позвали.

— Вотъ, позвольте вамъ представить бывшаго владѣльца этой усадьбы,—началъ Самъ, обращаясь къ молодому горожанину: —Бютнеръ хорошій человѣкъ и усердный работникъ. Я только-что продалъ ему все, слышите ли, Бютнеръ? Это г. Бергеръ, вашъ новый хозяинъ... Для вашей молодой супруги тутъ будетъ пре-красно: воздухъ чистый, жизнь спокойная. Чего же лучше? Люди здѣсь доживаютъ до глубокой старости,—вотъ нашъ Бютнеръ, напрімѣръ...

Чужой пожалъ плечами и проговорилъ:

— Что жъ, пожалуй! Пусть себѣ живетъ; комнатку я ему дамъ, хоть мѣста здѣсь вообще немного...

— Бютнеръ всѣмъ доволенъ,—вставилъ Харрасовичъ.—Надо вамъ замѣтить, что онъ здѣсь хозяйничалъ всю свою жизнь, и я самъ, изъ милости, оставилъ его у себя. Это даже, пожалуй, какъ-то приличнѣе...

Бергеръ сдѣлалъ нетерпѣливое движеніе.

— Конечно, васъ никто не принуждаетъ,—поспѣшилъ торговецъ его успокоить.—Но если вы оставите его у себя, это бу-

детъ доброе дѣло, и Бютнеръ долженъ къ вамъ чувствовать живѣйшую признательность за такую милость... — А? какъ ты думаешь, Бютнеръ?

— Что жъ, пожалуй!—повторилъ опять новый владѣлецъ.— Естественнo, вы должны будете подчиняться домашней дисциплинѣ. Помѣщеніе я даю вамъ даромъ; а взамѣнъ того требую, чтобъ вы смотрѣли за садомъ и исполняли разныя домашнія работы: кололи дрова, чистили выгребныя ямы, рубили капусту и т. п. Надѣюсь, вы сами озаботитесь о томъ, чтобы не причинять никакихъ непріятностей и безпокойствъ. А пока—я вамъ найду работу на моемъ кирпичномъ заводѣ...

— Съ своей стороны, я могу подтвердить, что вы разсудили снисходительно и вполне справедливо. Можете радоваться, Бютнеръ!.. Да ну васъ, не стройте такой кислой рожи: не каждому такое счастье выпадаетъ на долю...

— Заплесневѣлъ совсѣмъ старикъ!—замѣтилъ Бергеръ Харрасовичу, выходя на дорогу.

— Что жъ вы хотите?!—возразилъ ему Самъ. — Онъ вѣдь мужикъ!

XXVIII.

Въ одинъ прекрасный день, Эрнестина принесла Густаву письмо, которое она только-что получила отъ своего жениха. При этомъ она сообщила, что онъ ее зоветъ къ себѣ, ужъ нанялъ для нея квартиру и хочетъ отпраздновать свадьбу.

Собственно говоря, сначала Эрнестинѣ хотѣлось вѣнчаться въ Гальбенау; но она уже настолько успѣла заразиться отъ своего суженаго его идеями, что находила теперь даже благо-разуміе и выгоду этого не дѣлать.

— Въ церковь? Нѣтъ, матушка, ни за что не пойду разгрызывать изъ себя пѣшеу!—кричалъ, бывало, Гешке. И она покорилась, почти безъ споровъ, какъ человѣкъ исключительно матеріальнаго направленія.

Гешке писалъ товарищу, что пристроился теперь на заводѣ слесаремъ-машинистомъ, и если тотъ захочетъ, то онъ можетъ постараться и для него найти что-нибудь подходящее; тѣмъ болѣе, что заслуженному унтеръ-офицеру дорога вездѣ открыта.

Это предложеніе подоспѣло какъ разъ въ-время.

Съ тѣхъ поръ какъ Густаву удалось побывать въ городѣ, новыя впечатлѣнія всецѣло овладѣли имъ; его влекло кипучее движеніе народной массы; влекло стремленіе отдаться всей ду-

шой общему дѣлу, чувствовать наслажденіе жертвовать собою и увлекаться до самозабвенія простыми, но искренними рѣчами какого-нибудь рабочаго простолюдина, къ которому на мигъ приковано вниманіе тысячной толпы...

„Да, въ городъ! Въ городъ!—думалъ онъ восторженно:—тамъ жизнь кипитъ! Тамъ мнѣ удастся испытать новыя чувства; пережить новыя стороны житейскихъ радостей и бѣдъ... Вотъ гдѣ не прозябають, а живутъ! Это не то, что здѣсь! Тамъ знаютъ, тамъ слѣдятъ и слышатъ, что и гдѣ творится на бѣломъ свѣтѣ. Тамъ рабочій не превращается, какъ здѣсь у насъ, въ скотину, въ вѣчное животное“.

Въ сущности, нельзя сказать, чтобы Густавъ пересталъ любить и родину, и домъ родной; но молодое поколѣніе, къ которому онъ принадлежалъ, уже успѣло наложить на него свой особый отпечатокъ, и онъ съ большимъ чувствомъ примиренія, чѣмъ старики, относился къ сознанію, что для него нѣтъ больше родового теплаго гнѣзда, нѣтъ ни клочка собственной земли, вспаханной и засѣянной его руками...

„Странно! Не думалъ я, что такъ мало горя причинить мнѣ мысль о необходимости разстаться съ домомъ, въ которомъ я родился, и съ моей семьей“!—думалъ онъ часто, и въ воображеніи его деревня рисовалась душевною и грязною каморкой, гдѣ для души нѣтъ ни надежды, ни просвѣта; а въ городѣ... Боже мой! тамъ навѣрно ждетъ свобода мысли и души, и свѣтъ, далекія надежды!

Когда сестра его собралась уѣзжать, Густавъ вручилъ ей свои документы и просилъ, чтобы Гешке за него хлопоталъ, какъ самъ заблагоразсудитъ.

Уломать Эрнестину, чтобы она пошла проститься съ отцомъ, стоило ему немалаго труда. Прощанье ихъ вышло какое-то неловкое, сухое; ни словомъ ласки не скрасило разлуки младшее дитя и баловница всей Бютнеровской семьи. И старикъ Трауготъ не испытывалъ желанія быть съ дочерью помягче, порѣчище,—несмотря на то, что въ ней онъ лишался послѣдняго члена своей многочисленной семьи.

Старшій, Карлъ, хоть и поправился отъ полученныхъ побоевъ, но его выздоровленіе шло медленно и ненадежно. Сперва онъ былъ въ больницѣ, гдѣ его обрили, и тутъ выяснилось, что кромѣ того, что его ранили, ему опасно помяли черепъ; доктора говорили, что чудеса, какъ это онъ еще живъ остался.

Женѣ его тоже пришлось чудеса творить: сверхъестественная сила и выносливость была нужна, чтобы вынести на пле-

чахъ тѣ труды и заботы, которыя на нее обрушились теперь, болѣе чѣмъ когда-нибудь.

Несмотря на свою чрезмѣрную слабость, Карлъ все время былъ въ бреду; чтобы поддерживать его, приходилось кормить его искусственнымъ образомъ; поэтому къ хозяйственнымъ обязанностямъ Терезы прибавилась обязанность сидѣлки. Но и съ этимъ бѣдная женщина справлялась изъ жалости къ мужу. Благодаря его пьянству, денегъ въ домѣ уже давно не водилось ни гроша: весна подходила, а нанять работниковъ пахать поле не было ни малѣйшей возможности. Коровъ уже давно угналъ Харрасовичъ въ другое помѣстье.

Дѣлать нечего, Тереза сама впряглась въ борону, а ея старшій сынишка, шестилѣтній мальчуганъ, помогать разрыхлять землю граблями и киркой.

Карлъ, между тѣмъ, оправился настолько, насколько это было достижимо при его жалкомъ состояніи; но навсегда осталась у него слабость и ума, и тѣла; языкъ не слушался, а нѣкоторые звуки и совсѣмъ не выходили; память отшибло совершенно; никогда не отличавшійся ни умомъ, ни трудолюбіемъ, Карлъ окончательно превратился въ идиота.

Однажды, возвращаясь съ поля, Тереза издали увидѣла, что мужъ не одинъ. Каково же было ея удивленіе, когда она убѣдилась, что этотъ неожиданный гость—не кто иной, какъ самъ Кашель-Эрнстъ!

Лицо у него было спокойное и даже довольное, — это не укрылось отъ Терезы.

Дѣлая видъ, что онъ зашелъ такъ-себѣ, мимоходомъ, случайно провѣдать больного, Кашель любезно прибавилъ:

— Вотъ я принесъ вамъ кой-чего съѣстного, колбасиковъ, ветчинки... Пусть себѣ ѣстъ, да поправляется.

На прощанье, влѣзая въ свою телѣжку, онъ высказалъ Терезѣ свое мнѣніе:

— А голова-то у Карла какъ будто слаба. Онъ говорить, что ничего не помнить, какъ и что случилось... Дда! Такъ, вотъ, и говорить: ничего, молъ, не помню, какъ упалъ и расшибся... Хе-хе-хе! — и Кашель, сквозь обычную кисло-сладкую улыбку, пристальнымъ взглядомъ впился въ лицо Терезы.

— Да нѣтъ же! Онъ и не думаетъ падать!—возразила та.— Его хватили прямо по головѣ...

— Это Карлъ говорить?

— Да нѣтъ же! Развѣ онъ можетъ что-нибудь сказать, если онъ ничего не помнить?

— Такъ кто же говорить-то?

— Ну, люди говорятъ! Всѣ говорятъ, что его били... Одинъ по головѣ хватилъ съ размаху...

Кашель-Эрнстъ прицѣлнулся языкомъ, и его лицо озарилось довольною улыбкой.

— „Говорять“!.. „Говорять“! Мало ли какую чепуху народъ городить? Вотъ то-то и есть!

Нѣсколько дней спустя, къ Бютнеру явился судебный слѣдователь съ допросомъ, по обвиненію Рихарда Кашеля въ нанесеніи ему, Бютнеру, побоевъ. Но бѣдняга ничѣмъ не могъ помочь слѣдствію: онъ ничего не помнилъ про обстоятельства, сопровождавшія его ушибъ и рану. Однако, показанія прочихъ свидѣтелей были настолько опредѣленны и упорны, а подозрѣнія правдоподобны, что слѣдствія не прекратили.

Рихардъ былъ вызванъ на судъ въ качествѣ обвиняемаго въ покушеніи на жизнь своего родственника Бютнера-Карла. Всѣ клялись и божились, что въ свалкѣ никто другой не могъ ничѣмъ ударить охмелѣвшаго Карла; между тѣмъ всѣ видѣли въ рукахъ у сына хозяина-гостинницы здоровый желѣзный болтъ; однако, принести присягу въ томъ, что онъ *дѣйствительно* нанесъ ударъ этимъ самымъ желѣзнымъ болтомъ, всѣ поголовно отказались.

Обвиняемый показалъ на судѣ, что онъ держалъ въ рукахъ этотъ самый болтъ послѣ того, какъ вынулъ его изъ двери, но что тотчасъ же вложилъ его обратно, по приказанію отца. Старика Кашеля допрашивали, но не приводя къ присягѣ, и онъ подтвердилъ слова сына.

Обвиняемый вышелъ изъ суда оправданнымъ.

Однако, общественное мнѣніе такъ и не оправдало ихъ обоихъ, но Кашеля, какъ богача и вліятельнаго человѣка, побаивались всѣ безъ исключенія, и потому говоръ шелъ на сторонѣ, а въ глаза никто не смѣлъ проронить ни намека. Всѣ единодушно проклинали Кашелей и обвиняли ихъ въ умышленномъ разореніи семьи честныхъ и трудолюбивыхъ Бютнеровъ.

Самъ же Рихардъ не могъ, да и не хотѣлъ, преодолѣть свою страсть къ игрѣ и часто уѣзжалъ съ этою цѣлью куда-нибудь подальше, даже въ городъ. Кашель-Эрнсту солоно приходилось отъ милыхъ вольностей этого многообщающаго юноши, и жутко ему становилось при мысли, какія дыры приходилось и, можетъ быть, еще придется затыкать, по милости любезнаго сына.

XXIX.

Между тѣмъ, въ домѣ и во дворѣ бывшаго Бютнеровскаго помѣстья, шли дѣятельныя приготовленія къ водворенію молодыхъ владѣльцевъ. Бергеръ нагналъ туда множество печниковъ и плотниковъ, и весь этотъ людъ съ утра и до ночи былъ только тѣмъ и занятъ, что ломалъ да стиралъ съ лица земли все старое и создавалъ все новое. Безжалостно снесли сарай и вывели кирпичную стѣну, про которую молодой горожанинъ говорилъ еще тогда, въ первый свой прїѣздъ. Сломали старинную „семейную дѣдовскую“ печку, въ которую были вдѣланы также громадныя котлы для варки пицци домашнему своту, а на ея мѣсто поставили современную изящную каменную печурку. Прочную деревянную обшивку стѣнъ сорвали и замѣнили ее краскою и штукатуркой, стѣны и потолки побѣлѣли, а въ комнатахъ для молодой хозяйки появились даже ковры. Бергеръ часто прїѣзжалъ изъ города наблюдать за ходомъ работъ и подгонять рабочихъ.

— Скоро, скоро переберемся!—приговаривалъ онъ.

Старикъ-Траутотъ кочевалъ изъ одного угла въ другой, какъ загнанный старый звѣрь, который больше никому не нуженъ, и долженъ считать себя еще счастливымъ, если ему изъ милости дали прїютъ. Въ домѣ было царство рабочихъ. Старикъ собралъ свои послѣдніе пожитки и перебрался окончательно въ подвалъ, гдѣ сваливали доски.

Куда ни оглянись, повсюду самыя разнообразныя нововведенія! Кирпичный заводъ разрослся. Нашли новыя залежи глины и еще лучшаго достоинства, чѣмъ первыя. Тамъ начались раскопки, а для большаго удобства оттуда къ заводу проложили рельсовый путь. Большіе участки пахотной земли, которыми такъ гордился Бютнеръ, теперь были разбиты на жалкія, маленькія, разношерстныя пахоти. Въ лѣсу, который теперь принадлежалъ графу, еще съ осени принялись равнять почву и возводить искусственныя насыпи для будущаго питомника, къ которому и приступили, какъ только стаялъ снѣгъ.

Бѣдный старикъ всей душой ненавидѣлъ все новое, чтò врывалось въ его завѣтный уголокъ. Ему казалось, что въ каждой затѣѣ „молодыхъ“ лежитъ извѣстная доля хитрости, нахальства и побѣдоноснаго злорадства.

Сорокъ лѣтъ былъ онъ полновластнымъ хозяиномъ надъ этою землею и правилъ ею по примѣру своихъ честныхъ тружени-

ковъ-предковъ... Но вотъ ворвались сюда незванные пришельцы и вдругъ перевернули все вверхъ дномъ. Его труды прахомъ пошли, дѣло всей его жизни рушилось, какъ никому и ни къ чему не нужное!

Разрушенъ и сравненъ съ землей тотъ памятникъ неусыпной заботы и трудовъ, который каждый порядочный человѣкъ стремится по себѣ оставить, чтобы хоть въ дѣтяхъ, хоть во внукахъ жила его память, когда онъ будетъ тлѣть въ могилѣ подъ землею.

Бѣднягѣ Трауготу нечего было оставлять на память по себѣ; дѣло рукъ его, труды сорока долгихъ и тяжелыхъ лѣтъ, разрушены до неузнаваемости въ нѣсколько мѣсяцевъ. И его самого, какъ ненужный пенъ стараго дерева, вырвали съ корнями и швырнули на ту самую землю, которую, еще будучи могучимъ стволомъ, онъ такъ недавно осыпалъ своими тѣнистыми вѣтвями. Отрублены и эти вѣтви, и тончайшіе корни, которые его связывали съ внѣшнимъ міромъ. Теперь онъ никому и ни на что не нуженъ; онъ можетъ хоть сейчасъ исчезнуть: нигдѣ не будетъ отъ этого пробѣла.

Безъ цѣли, безъ прежняго живого интереса, бродилъ онъ по деревнѣ, по полямъ, по лѣсу. Ну, когда жъ это бывало съ Бютнеръ-Трауготомъ?!

Тогда каждый разъ онъ зналъ, куда и зачѣмъ идти; онъ былъ занятъ, онъ ни минуты не сидѣлъ безъ дѣла, и каждое мгновеніе было у него на счету. Быть безъ дѣла онъ разрѣшалъ себѣ только по праздничнымъ днямъ.

Теперь, когда онъ шелъ по улицѣ, къ нему приставали мальчишки, дразнили его, но это было ненадолго. Несмотря на его понурый и безучастный видъ, въ немъ было что-то такое, что отстраняло всякую фамиллярность. Сначала съ нимъ пробовали заговаривать и взрослые люди, но все напрасно! Онъ молча шелъ, не отвѣчая даже взглядомъ на ихъ непрошенное участіе, и продолжалъ свой путь по прежнему безучастно.

Однажды самъ пасторъ приблизился къ нему и началъ говорить о необходимости для вѣрующаго утѣшительной силы молитвы; но Трауготъ, не выказавъ ему и тѣни нетерпѣнія, все-таки молча продолжалъ свой путь. Въ другой разъ къ Трауготу подѣхалъ управляющій полковникъ Шрофъ. Онъ осадил лошадь и поздоровался съ бывшимъ своимъ сосѣдомъ.

— Жаль, очень жаль, что все сложилось такъ ужасно!— прибавилъ онъ.—Теперь, когда графъ видитъ, что ему больше нѣтъ возможности пріобрѣсти себѣ всю вашу землю, онъ измѣ-

нилъ свой взглядъ на это дѣло. Теперь онъ самъ раскаивается, что допустилъ до этого—чужого спекулянта. Одно сосѣдство съ кирпичнымъ заводомъ чего стоитъ!

Положимъ, полковникъ и самъ видѣлъ неумѣстность своихъ запоздалыхъ сожалѣній, но онъ какъ бы чувствовалъ въ то же время, что обязанъ хоть что-нибудь сказать, и не находилъ подходящихъ выраженій.

Умолеъ и онъ. Горячо пожавъ старику на прощанье руку, онъ поѣхалъ дальше, оставивъ его наединѣ съ самимъ собою и съ тяжелыми думами, съ неизяскаемымъ, безысходнымъ горемъ.

Даже со своимъ любимцемъ Густавомъ старикъ не дѣлился чувствами, которыя ему пришлось теперь переживать.

„Изъ молодыхъ вѣдь тоже! — думалъ про него отецъ. — Настъ, стариковъ, они не понимаютъ, а смѣлы-то какъ! Просто удивительно“!

И въ самомъ дѣлѣ, интересы Густава отдѣлились отъ всего, что, наоборотъ, составляло жизненную потребность того, кто по всей справедливости могъ бы быть названъ „хозяиномъ“ своего родового дома и помѣстья. Его тянуло въ городъ, въ городъ!

Тѣмъ временемъ онъ получилъ письмо отъ Гешке-Карла съ добрыми вѣстями: товарищъ уже заручился для него мѣстомъ помощника управляющаго при большомъ домѣ, на задворкахъ котораго помѣщалась картонажная мастерская. Весь домъ былъ биткомъ набитъ ремесленниками; въ первомъ этажѣ помѣщалась банкирская контора, во второмъ—страховое общество. Въ одномъ этомъ зданіи было сосредоточено до двадцати отдѣльныхъ группъ людей, двадцати отдѣльныхъ партій. Мѣсто было отвѣтственное, но зато подходящее: опять-таки Густаву предстояло быть скорѣе начальствующимъ лицомъ, нежели подчиненнымъ.

„И, пожалуйста, поторопись! — писалъ ему Гешке. — Совѣтую тебѣ согласиться на это предложеніе. Желającychъ тѣмъ тѣмъ—такъ оно заманчиво! Тебя выдвинулъ твой формулярный снисокъ; но я спѣшу тотчасъ же дать тебѣ знать, чтобы ты поторопился“! Для Густава этотъ вопросъ былъ дѣломъ труднымъ и чрезвычайно важнымъ. Во-первыхъ, такая работа была неутомительна, оплачивалась хорошо и, сверхъ того, давала возможность удѣлять время своей семьѣ. Но зато были въ ней и нежелательныя для Густава стороны: ничего такого, что дало бы возможность приобрести опытность или дальнѣйшее развитіе, ничего, что могло бы остаться въ назиданіе или на пользу его потомству. И только теперь, вставъ лицомъ къ лицу съ необходимостью принять опредѣленное рѣшеніе, понялъ сознательно

Густавъ, что это рѣшеніе разомъ пресѣчетъ нить, связывавшую его до сихъ поръ съ тѣмъ міромъ, который всю жизнь былъ ему дорогъ и незамѣнно близокъ. Каково-то будетъ сидѣть въ каменномъ городскомъ строеніи, куда лишь изрѣдка заглянетъ солнце, послѣ приволья деревенскихъ полей, залитыхъ его чистымъ, жизнерадостнымъ свѣтомъ? Какъ отзовется такой рѣзкій переходъ на дѣтяхъ, на Полинѣ?

Только теперь, поставленный въ необходимость тотчасъ же рѣшить эти вопросы, почувствовалъ Густавъ, что отъ этого зависить важнѣйшій переворотъ въ его жизни—превращеніе его изъ земледѣльца въ горожанина, и на этотъ разъ уже навсегда!

Онъ хотѣлъ обсудить это дѣло вмѣстѣ съ Полиной; но, какъ и прежде, она всѣ важные вопросы всецѣло предоставляла на его усмотрѣніе.

Въ концѣ концовъ, Густавъ пришелъ къ убѣжденію, что и на этотъ разъ ему выбора нѣтъ:—надо согласиться!

„Долгихъ сборовъ не нужно. Приѣзжай тотчасъ же!—пишеть ему товарищъ.—Твой предшественникъ приказалъ долго жить, а потому замѣнить его надобно безотлагательно. Укладывайся сейчасъ же и приѣзжай“!

Принявъ рѣшеніе покинуть родныя мѣста, Густавъ въ душѣ рѣшилъ просить отца уѣхать съ ними вмѣстѣ. Въ то же время онъ не могъ отъ себя утаить, что съ человѣкомъ, очутившимся въ состояніи Траугота Бютнера, жить будетъ не легко; характеръ у него и безъ того былъ не изъ легкихъ. Въ городѣ, гдѣ люди живутъ въ тѣсныхъ помѣщеніяхъ, они невольно мѣшаютъ другъ другу; поэтому будетъ еще труднѣе совмѣстное житіе членовъ одной семьи, но расходящихся во взглядахъ...

Однако, и онъ самъ, и жена, считали, что было бы позоромъ бросить старика одного, на произволъ судьбы.

— Такого стыда я не могу накликаеть на весь нашъ Бютнеровскій родъ!—говорилъ искренно Густавъ.—Ну, что будетъ съ несчастнымъ старикомъ, когда около него не будетъ ни души, чтобы заботиться о немъ? Кому до того дѣло, что онъ не справится съ нуждою и неизбежно попадетъ въ домъ призрѣнія бѣдныхъ? Никому, кромѣ его близкихъ! А бросить его безъ призора,—такъ дѣтей же всякій осудить... Надо только приложить самыя горячія старанія.

Напрасно! И эти старанія не помогли; старикъ Трауготъ отказался наотрѣзъ:

— Въ городъ я не хочу, и не поѣду!

— Да тутъ-то что же будетъ? Кромѣ горя и непріятностей, и грубаго обращенія, нечего ждать отъ чужихъ!—воскликнула Полина.

— Ты одинъ-одинёшенекъ останешься безъ насъ; кто будетъ за тобой ходить?

Старикъ молчалъ, со своимъ упорнымъ выраженіемъ на лицѣ, которое ничего не говорило: ни за, ни противъ.

— Куда ты дѣнешься? Вѣдь не пойдешь же ты въ поденщики на кирпичный заводъ? Бывшій хозяинъ, старожилъ! Самый уважаемый человѣкъ по всей деревнѣ!..

Но и это воззваніе къ его самолюбію не помогло.

Старикъ только покачивалъ головою и бормоталъ себѣ подъ носъ что-то совсѣмъ невнятное. Казалось, у него въ глубинѣ души таится какое-то непреклонное и ему одному извѣстное рѣшеніе.

— Отецъ, послушай! — настаивали дѣти. — Мы для тебя устроимъ все такъ удобно, хорошо! У тебя будетъ своя комната, да, непременно своя, отдѣльная... Гешее, вонъ, пишеть, что при домѣ есть еще и садикъ; мы предоставимъ его въ твоё распоряженіе, и у тебя на рукахъ будетъ живое дѣло...

Но и эти увѣщанія не помогали. На лицѣ старика—ни тѣни, въ глазахъ—ни признака чувства или выраженія. Взглядъ его устремленъ куда-то въ неопредѣленную, ему одному видимую даль...

Наконецъ, Густавъ пересталъ настаивать. Ему было ближе всего извѣстно, что старикъ если упрется на своемъ, такъ его десять здоровенныхъ лошадей не сдвинуть съ мѣста. Но Полина еще не совсѣмъ отказалась отъ надежды растрогать сердце старика-отца. Съ той минуты, какъ она стала узаконенной женой его сына, она рѣшительно сдѣлалась его любимицей; это подтверждалось тѣмъ, что только ей одной онъ давалъ подмѣтить глубину своего горя.

Молодая женщина рѣшила переговорить съ нимъ съ глазу на глазъ.

Она повела рѣчь съ той особой нѣжностью и сердечной простотой, которая отличала ее отъ другихъ.

— Я буду для тебя готовить все такъ точно, какъ это дѣлала, бывало, мать. Я знаю, что и какъ тебѣ было вкусу,—своимъ мягкимъ, душевнымъ голосомъ прибавила она.

Вдругъ на глазахъ у старика навернулись крупныя слезы и онъ самъ такъ нѣжно, такъ ласково, какъ отъ него, казалось, нельзя бы было ожидать, проговорилъ въ отвѣтъ:

— Нѣтъ, нѣтъ, Полина, ужъ оставь меня! Ты добрая, я знаю. И я увѣренъ, что оба вы хотите добра старику. Но только... ты это оставь... оставь!

И опять Трауготъ впалъ въ свое угрюмое раздумье.

У Полины хватило смѣлости взять въ свои теплыя, молодыя руки—руки свекра, и, поглаживая ихъ тихонько, она принялась рассказывать ему, въ видѣ сравненія, насколько ему будетъ лучше жить съ ними, нежели въ подчиненіи у чужихъ, черствыхъ людей.

— Нѣтъ ужъ, Полина, все равно!—повторялъ онъ упорно.— Со мной уже больше нечего возиться. Все равно, ничто мнѣ не поможетъ! Скоро уже, скоро совсѣмъ я одряхлѣю... Пора и умирать!

— Ну, полно, полно!—утѣшала его Полина.—Ты еще долго проживешь. Смотри, какой ты молодецъ: любого молодого за поясъ заткнешь!

— Нѣтъ, уже съ меня довольно! Тяжело мнѣ, охъ, какъ тяжело на свѣтѣ! Вотъ и хозяйка тоже—умерла. Не хорошо доживать вѣкъ свой одному!

Трауготъ отеръ себѣ глаза прямо рукою, безъ платка, и продолжалъ опять:

— А вы ужъ уѣзжайте! Только меня не безповайте. Вы молоды, не понимаете вы оба, да и не можете понять, что творится на душѣ у насъ, у стариковъ! Никто не можетъ даже приблизительно себѣ представить, что чувствуетъ такой старикъ, какъ я, заброшенный и одинокій. И днемъ, и ночью, все одинъ, одинъ! Бываетъ, до того придется тяжело, что, кажется, лучше бы солнце не свѣтило и погасло! Все тяготитъ, все такъ противно станеть... Нѣтъ, нѣтъ! Гдѣ вамъ понять, до чего намъ иной разъ все постыло! Кто самъ не пережилъ того же, тотъ никогда и не пойметъ... Да! Никогда!.. Оставьте вы меня въ покоѣ... Говорятъ вамъ, оставьте! Я уже найду себѣ мѣстечко... если не на этомъ свѣтѣ, такъ на томъ!

Полина, слушая его, громко рыдала.

— Да, да! Ужъ это вѣрно! Сдается мнѣ, что мнѣ недолго изъ кожи лѣзть на этомъ свѣтѣ... Постой-ка! я тебѣ дамъ на память кое-что съ собою!—въ заключеніе проговорилъ старикъ, и пошелъ въ свой складъ, гдѣ теперь помѣстился. Минуты двѣ спустя, онъ возвратился съ цѣлою охапкой платья. Тутъ была ватная праздничная кофта покойной хозяйки, шолковый передникъ, который Трауготъ когда-то подарилъ ей, тогда еще невѣстѣ, нѣсколько штукъ бѣлья и еще кой-какія мелочи, принад-

лежавшія при жизни его вѣрной женѣ и подругѣ. Все это подарилъ старикъ Полинѣ.

И о Густавѣ тоже онъ подумалъ. Для него онъ притащилъ свой овчинный тулупъ, который носилъ самъ уже лѣтъ тридцать.

Полина отказывалась отъ него и возражала, что ему самому зимою пригодится.

— Зимы мнѣ больше не видать!—твердо сказала Трауготъ Бютнеръ, и невѣстка, изъ боязни его раздражить, сдѣлала видъ, что наконецъ согласна. Но, возвратясь домой, поручила матери своей припрятать тулупъ для него же и отдать ему, какъ только настанутъ холода.

Въ воскресенье утромъ дѣти Траугота навсегда расстались съ Гальбенау.

Ихъ отъѣздъ привлекъ немало друзей и знакомыхъ, считавшихъ долгомъ проводить отъѣзжающихъ. Кашнерова-вдова всхлипывала, рыдая, и, по требованію Полины, дала торжественную клятву, что будетъ заботиться о старикѣ-отцѣ.

Трауготъ Бютнеръ не пришелъ провожать дѣтей. Говорятъ, его видѣли въ это время на дорогѣ къ церкви.

XXX.

Съ вечера, въ субботу, старикъ побывалъ у банщика и выбрилъ себѣ бороду, а въ воскресенье, еще на зарѣ, вытащилъ изъ стараго ларя долгополый суконный скюртукъ, сшитый еще къ вѣнцу; такой же жилетъ, украшенный перламутровыми пуговками, и цилиндръ, который служилъ ему тридцать лѣтъ въ торжественныхъ случаяхъ и, несмотря на усердную утюжку, косматился все больше и больше.

Трауготъ Бютнеръ собрался причащаться.

Одѣтый во все самое праздничное, съ молитвенникомъ въ рукахъ, онъ шелъ мѣрной, но твердою походкой, не глядя ни вправо, ни влѣво.

Другіе такіе же причастники, какъ и онъ самъ, нагоняя его, съ удивленіемъ заглядывали ему въ лицо.

— Да! Такъ и есть: это Трауготъ Бютнеръ!—обѣднивались они замѣчаніями.—Или, быть можетъ, это его тѣнь? Вотъ исхудаль-то! щеки поблѣднѣли и ввалились. Идетъ-то какъ, смотрите: не скоро, но увѣренно и твердо; и по сторонамъ не смотреть!

И чуть не на ухо шептали другъ другу:

— Смотрите! Бютнеръ-Трауготъ собрался причащаться!

Не мудрено, что всѣ удивились: давно его не видно было на дорогѣ къ церкви.

Во время службы онъ сидѣлъ на своемъ обычномъ мѣстѣ и на всѣхъ произвелъ впечатлѣніе больного, который въ первый разъ появляется среди здоровыхъ, послѣ долгой, изнурительной болѣзни.

Должно быть, и пасторъ проникся этимъ впечатлѣніемъ, потому что не разъ съ особымъ выраженіемъ обращался, во время своей проповѣди, въ ту сторону, гдѣ сидѣлъ „хозяинъ-Бютнеръ“.

Внимательно вслушивался тотъ въ каждое слово служителя Христа и, приобщившись св. Тайнъ, согласно своему обыкновенію, принесъ свою лепту на пользу церкви.

У входа, въ толпѣ расходившихся, слышались добродушные возгласы:

— А, Трауготъ! Ну, какъ ты? Гдѣ ты пропадалъ такъ долго?

Но онъ молчалъ, и молча шелъ впередъ, какимъ-то страннымъ, необычайно-глубокимъ, важнымъ взглядомъ отвѣчая на ихъ слова; тихонько покачалъ головой и пошелъ прочь.

Впослѣдствіи припомнилось все это даже тѣмъ, которые тогда не обратили на него особаго вниманія.

Трауготъ Бютнеръ вернулся въ бывшую свою усадьбу.

Сегодня праздникъ; ни души рабочихъ!.. Онъ вошелъ въ комнату и, бережно снявъ съ себя свой свадебный нарядъ, такъ же бережно сложилъ его на стулѣ въ кучку, а поверхъ всего положилъ молитвенникъ. Покончивъ съ этимъ дѣломъ, старикъ пошелъ въ хлѣвъ и задалъ коровамъ корму на два раза, не скупясь. Свиньямъ къ обычной порціи прибавилъ молока, чтобъ у нихъ былъ настоящій праздничный обѣдъ.

Оглянувшись вокругъ, какъ бы желая удостовѣриться, что все въ порядкѣ, онъ вышелъ, заперевъ за собою дверь, и пошелъ черезъ дворъ въ ту сторону, гдѣ начинался лѣсъ. Но вскорѣ, по дорогѣ, его потянуло оглянуться. Онъ приостановился, стараясь припомнить, не забылъ ли онъ еще чего? Ему хотѣлось еще разъ посмотреть на кровлю, осѣнявшую его и въ дѣтствѣ, и подъ старость.

Какъ-то особенно привѣтливо возвышалась верхушка овина.

Старческой рукой оградилъ онъ глаза отъ внешнего солнечнаго блеска и еще разъ окинулъ взоромъ всѣ подробности родной ему картины. Никогда больше ужъ ему не суждено на нее любоваться!

А вонъ тамъ, на овинѣ, солому разметало вѣтромъ, вскосматило, какъ волосы на головѣ...

— И какъ это я раньше не замѣтилъ? Ну, все равно, „новый“ увидеть и починить...

Вдругъ холодная дрожь пробѣжала по всему его тѣлу.

— Къ чему я здѣсь? Что я хотѣлъ сдѣлать?.. Ахъ, да! Только бы поскорѣе! И чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше. Къ чему стоять на мѣстѣ, ротъ разиня? Все равно, ни къ чему не привести... Но эта крыша!.. Вотъ ужъ никогда бы не подумалъ, что разыграется вчера такой вѣтеръ!

За послѣднее время онъ рѣдко заходилъ сюда: слишкомъ его сердило близкое сосѣдство съ кирпичнымъ заводомъ.

— Охъ, ужъ этотъ мнѣ заводъ! Все имѣнье опозорилъ онъ въ конецъ... А труба проклятая?.. Кажется, глаза бы мои не глядѣли!

Описавъ вокругъ строенія большую дугу, онъ обошелъ все это мѣсто, пока не очутился опять позади завода, на большой дорогѣ, которая шла по его землѣ.

Тысячу-тысячъ разъ успѣлъ онъ на своемъ вѣку побывать на этой дорогѣ, во всѣ времена года, въ ведро и въ ненастье, — одинъ или съ семьей — съ женой, съ дѣтьми, съ волами. Этотъ путь пролегалъ отъ Бютнеровскаго дома въ Бютнеровскія поля, на Бютнеровскіе луга, до Бютнеровскаго лѣса. Добрыхъ полчаса и болѣе могъ своимъ бодрымъ шагомъ идти хозяинъ все впередъ, впередъ, не ступая ногой на чужую землю.

Здѣсь его окружали свидѣтели всей его жизни, всѣхъ его радостей, его трудовъ.

— Вотъ каменная глыба: и она живо напоминаетъ мнѣ тяжелую упорную работу, которой мнѣ стоило упрямое желанье вывернуть ее изъ земли; теперь эта земля ходитъ уже подъ пашню. Вотъ, на этомъ поворотѣ со мной, еще ребенкомъ, случилось все равно что чудо: лошади испугались и потащили меня по землѣ. Но подоспѣлъ отецъ и выручилъ меня. Вонъ тотъ большой и уже старый кустъ шиповника я здѣсь оставилъ только потому, что моя хозяйка, искусная стряпуха, умѣла дѣлать превосходный муссъ изъ его плодовъ...

Каждая пядь земли была здѣсь для него полна воспоминаній; каждый кустъ, каждый бугорокъ говорилъ о себѣ, точно живое существо.

Сойдя съ большой дороги, Трауготъ пошелъ по межѣ, раздѣлявшей двѣ пашни, и наткнулся на межевой камень.

— Вотъ онѣ, новыя границы!.. Все-то они мнѣ перепутали,

все вывернули вверхъ ногами. Не разобрать, гдѣ и почему проведены новыя границы, врѣзаны новыя вѣтви, насажены новыя деревья! Вотъ и еще новая запашка зеленѣетъ. Чтѣ бы это могло быть?—Старикъ подошелъ, нагнулся и внимательно принялся разглядывать кочковатую поверхность засѣяннаго поля.

— Ну, да: ячень, конечно! Вотъ дуракъ-то! Воображаетъ, что у него здѣсь можетъ ячень уродиться; на этой-то глинтѣ, да вдобавокъ вѣчно въ сырости, въ водѣ... Осель!.. Ну, будетъ же тебѣ ячень!

И старикъ угрюмо усмѣхнулся.

— Но это все не то, не то!.. Чтѣ-то такое надо непременно сдѣлать... сегодня же,—сейчасъ... Ахъ, да!

И опять холодъ пробѣжалъ у него по спинѣ.

— Только не трусить! Не давать страху воли надъ собою. И такъ все обойдется живо; только бы удачно сдѣлать!—и сунувъ руку въ карманъ, онъ убѣдился, что тамъ дѣйствительно лежитъ то, чтѣ ему нужно.

— Чтѣ они скажутъ, какъ меня найдутъ? И Кашель-Эрнстъ, этотъ... собака, песъ! Вонъ его поле; всходы хороши; не то, что прошлую весну объ эту пору. Ужъ я же угостилъ его тогда!—припомнилъ онъ, и нѣчто похожее на улыбку дрогнуло въ искаженныхъ чертахъ его исхудалаго лица.

— Фу, запыхался! Вѣрно, слишкомъ скоро шелъ. Полно! надо быть спокойнѣе: еще есть время...—Невольно взоръ его направился туда, гдѣ далеко виднѣлась церковь. Вотъ тихо льется звонъ колоколовъ и вмѣстѣ съ вѣтромъ уносится подъ небеса. Къ поздней обѣднѣ, вѣроятно.

Невольно Трауготъ поднялъ руку, снялъ шапку и, сложивъ благоговѣйно руки, прочиталъ „Отче нашъ“... Потомъ вздохнулъ глубоко и пошелъ дальше, дальше...

„А похоронять ли меня по-христіански?“—мелькнулъ у него вопросъ.

— Кажется, должны были они видѣть, что я готовился въ послѣдній путь, какъ честный человѣкъ. Весь нашъ приходъ, самъ господинъ пасторъ свидѣтели, что я покался въ грѣхахъ передъ алтаремъ Христовымъ и причастился св. Тайнъ?.. Все такъ! Но въ глазахъ у людей вѣдь это смертный грѣхъ... Богъ тоже вѣдь осудить...

Сколько ночей провелъ онъ безъ сна, обсуждая этотъ страшный, роковой вопросъ, и каждый разъ ему казалось, что мертвые счастливѣе живыхъ. Ему, напимѣръ, чтѣ осталось на землѣ? Нигдѣ и ничего. Нѣтъ ни дѣтей, ни дома, ни... земли! Земли,—

его кормилицы, его благого и щедраго божества, съ которыми онъ слился всей душою, всѣмъ своимъ плотскимъ и духовнымъ существомъ!

Онъ такъ сжился съ мыслью о смерти, о необходимости прибѣгнуть къ ней, что даже сердце его билось ровно, когда умъ обсуждалъ этотъ ужасный, но необходимый, по его мнѣнію, шагъ...—Ну, да: другого нѣтъ исхода!

Теперь онъ нищій; ему одна дорога—въ домъ призрѣнія бѣдныхъ!

— Такъ нѣтъ же! Не доставлю я вамъ удовольствія меня унижить, не дамъ вамъ издѣваться надо мной! Вамъ не удастся, дураки и негодяи, разыгрывать передо мною роль благодѣтелей и проповѣдниковъ! Я презираю васъ!.. Знаю я,—знаю, что тогда, какъ я уже остыну, вы прибѣжите и начнете разливаться въ добродѣтельныхъ сожалѣніяхъ, слезахъ и запоздалыхъ, покаянныхъ вздохахъ... А, ну ихъ! Чего мнѣ беспокоиться объ этомъ? Я ничего вѣдь не увижу, не услышу!.. И слава Богу!.. Я дѣлаю то, что считаю подобающимъ и справедливымъ; каждый вѣдь воленъ надѣ собою.

Вотъ онъ уже почти у цѣли; близка та вишня,—старая, развѣсистая вишня, которая красуется отдѣльно отъ другихъ, увѣчанная бѣлой шапкой пышнаго, густого цвѣта.

За вишней начинался тотъ участокъ, который онъ когда-то самъ очистилъ отъ дикаго кустарника. Старикъ остановился.

— Это еще что тутъ такое? Какія-то все кочки, кочки, расположенныя въ равномъ разстояніи, правильными рядами. А это что за зеленые торчки, которые надъ ними вылѣзаютъ!.. А! будущія ели!.. Такъ „они“, значить, засадили молодую пашню, удобрить и вспахать которую ему, хозяину, стоило такого ваторжнаго, неустаннаго труда!

Весь его трудъ надъ этимъ полемъ тоже пошелъ прахомъ!..

Онъ сталъ какъ вкопанный; глухое озлобленіе закипало у него въ груди...

Но вдругъ онъ вспомнилъ, что все это ему больше не нужно; все отойдетъ, въ одно мгновеніе, въ область прошлаго; все вдругъ покажется ему ничтожнымъ и ненужнымъ для человѣка, въ которомъ снова ожили мужество и гордость одинокаго и независимаго духа.

Еще два-три шага, и онъ уже подъ вишней; подъ ея бѣлоснѣжной и душистой сѣнью. Пусть жужжатъ пчелы; пусть онѣ суетятся, полныя жизненныхъ заботъ... Ему ничего этого больше не нужно! Онъ твердо стоитъ на ногахъ; онъ упирается на

грудю камней у ствола старой вишни и не спускаетъ глазъ съ его нижней вѣтви.

— Кажется, достаточно прочна? Выдержитъ, навѣрно. Только закинуть петлю... оттолкнуться ногами... и — конецъ!

Опять дрожь потрясла все тѣло. За горло точно что схватило и сжало его до боли... Ноги слабѣли, угрожая, что со всѣмъ откажутся служить...

Бютнеръ вынужденъ былъ прислониться къ дереву, чтобы не упасть. Въ глазахъ темнѣло... ходили красные круги. — „Нѣтъ, это ужасъ: наложить на себя руку!.. Еслибъ мнѣ кто въ юности сказалъ, что“...

Онъ прочиталъ еще разъ „Отче нашъ“ — и прежняя его рѣшимость возвратилась.

— Я самъ вѣдь хочу умереть, и тысячу разъ ужъ успѣлъ все обдумать... Не впервые мнѣ здѣсь стоять съ веревкою въ карманѣ. Тогда меня удерживали дѣти: только бъ они не видѣли, какъ я... Но они теперь и не увидятъ! Уѣхали они... а до другихъ — мнѣ нужды нѣтъ! Пора! Сегодня кончу! — и его рука невольно завязала петлю.

Остановившись на мгновение, онъ еще взглянулъ туда, гдѣ, межъ душистыхъ, пышныхъ шапокъ вишневаго цвѣта, вдали видѣлся домъ его отца и дѣда... *его* домъ, *его* гнѣздо, взростившее его семью.

И показалось Трауготу, что домъ ему привѣтливо киваетъ на прощанье. И самъ того не замѣчая, онъ продѣлъ голову въ готовую петлю.

Веревка мгновенно стянула ему горло... Камешки покатались изъ-подъ ногъ... Инстинктивно онъ хотѣлъ стать тверже на ногахъ, ища опоры.

Но уже все было напрасно, и съ быстротою молніи промелькнули въ его умѣ какія-то отрывочныя предсмертныя мысли и картины изъ далекаго прошлаго.

— „Что это давить шею, какъ желѣзное кольцо съ шипами? Все тѣло разрывается на куски“...

— „Что-жъ это значить? Развѣ я ужъ повисъ? Я еще вижу хорошо... да! — вонъ идутъ, такъ близко-близко! двое“...

— „Да помогите же! Рѣжьте веревку! Развѣ не видите?“.. Но тѣ не шевелятся!

Вѣтеръ играетъ ихъ прядями волосъ... Глаза у нихъ такіе неподвижныя, большіе... Одинъ — отецъ Траугота; сейчасъ можно узнать его длинное, безбородое лицо, въ рамкѣ изъ желтоватыхъ, падающихъ на плечи волосъ. Маленькій, рядомъ съ нима,

что сгорбился—старикъ, отецъ его отца;—древній дѣдушка,—старикъ, съ вострымъ носомъ, съ вѣчно-красными глазами. Они стоятъ и молча на него глядятъ, будто хотятъ заговорить. Онъ, Трауготъ, хочетъ сказать обоимъ... Вотъ, только бы веревка не мѣшала!..

— „Ко мнѣ!.. Сюда!.. Да помогите! Помогите“!..

Отецъ подходитъ...

— „Вотъ... Вотъ уже легче стало!.. Какія страшныя, большія птицы... черныя крылья“...

Затѣмъ, для Траугота все потухло, и только вѣтеръ началъ покачивать мѣрно неподвижно вытянувшееся тѣло.

Пчелы по прежнему вели свою трудовую суету и густымъ жужжаньемъ наполняли пушистый навѣсъ изъ бѣлыхъ цвѣтовъ старой вишни. Ихъ дѣлу никто и ничто не можетъ помѣшать...

Голова старика-хозяина свѣсилась на грудь, а вышедшіе изъ орбитъ глаза въ недоумѣніи, съ ужасомъ, какъ бы смотрѣли на родную ниву,—ту ниву, что онъ самъ, цѣной всей своей жизни, всхолилъ и взлелѣялъ, — ту ниву, за которую онъ теперь платился и тѣломъ, и душою...

А. Б—г—:

ЗИМНІЕ СНЫ

1.

Повѣяло покоемъ,
Безмолвіемъ и сномъ;
Кружатся бѣлымъ роемъ
Снѣжинки за окномъ.

И ихъ полетъ неслышенъ,
И падаютъ онѣ,
Какъ цвѣтъ молочный вишенъ
Отъ вѣтра, по веснѣ.

Землѣ куютъ морозы
Тяжелый гнетъ оковъ,
Но въ сердцѣ рѣютъ грѣзы,
Какъ стая мотыльковъ.

И въ этой равнодушной,
Холодной тишинѣ—
Онѣ толпой воздушной
Слетаются ко мнѣ.

2.

Въ вышинѣ темносиней—
Блѣдный мѣсяца рогъ,
И серебряный иней—
На окраинахъ дорогъ.

Снѣговая поляна,
Глубь вѣтвистыхъ аллей,
Въ легкой ризѣ тумана—
Съ каждымъ мигомъ свѣтлѣй.

Съ каждымъ мигомъ—властнѣе
Въ сердцѣ жажда чудесь,
И манить все сильнѣе
Очарованный лѣсъ.

Блещетъ искрами льдинокъ
Стройныхъ елей нарядъ;
Много дивныхъ тропинокъ
Въ путь-дорогу манять...

Но сомнѣнье объемлетъ
Душу мракомъ своимъ,
Сердце вѣщее внемлетъ
Голосамъ неземнымъ:

—Ты, невѣдомый странникъ,
Ты, пришелецъ, вернись!
Міра жалкаго данникъ,
Что тебѣ эта высь?

Этотъ край заповѣдный,
Эта дивная тишь?
Тщетно, робкій и блѣдный,
На распутѣ стоишь;

Тщетно жаждешь ты чуда,
Откровенія ждешь...
Ты дороги отсюда
Никогда не найдешь.

О. Михайлова.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 апрѣля 1899.

Рѣчь г. министра финансовъ въ засѣданіи комиссіи по упорядоченію хлѣбной торговли.—Экономическая обезпеченность массы и народное образованіе!—Ходатайство тифлискаго дворянства.—Законъ 18-го января о земскихъ оцѣночныхъ работахъ.—Квартирный налогъ и избирательное право. — Одно изъ удобствъ самоуправленія.— Опубликованные документы по финляндскому вопросу.

Въ началѣ минувшаго мѣсяца немалое впечатлѣніе въ обществѣ и печати произвела рѣчь, произнесенная г. министромъ финансовъ въ засѣданіи комиссіи по упорядоченію хлѣбной торговли. „Основную отрасль народной производительности“—сказалъ, между прочимъ, г. министр — „несомнѣнно составляетъ у насъ сельское хозяйство, и нѣтъ на Руси болѣе важнаго экономическаго вопроса, какъ именно вопросъ о коренномъ улучшеніи хозяйственнаго быта нашего сельскаго населенія. Отъ него, какъ отъ центральнаго фокуса, и должно исходить освѣщеніе всѣхъ мѣропріятій на пользу хозяйственнаго развитія Россіи, на пользу всей народной производительности. Признавая всю важность улучшенія самой техники сельскохозяйственнаго производства и общихъ условій сельскохозяйственной дѣятельности, я убѣжденъ, однако, что рѣшительное врачеваніе нашихъ сельскохозяйственныхъ недуговъ можетъ явиться результатомъ лишь упорядоченія общеправовой обстановки нашей деревенской жизни и болѣе правильнаго распредѣленія народнаго труда по различнымъ отраслямъ производительной дѣятельности. Жизненный узелъ нашего сельскаго хозяйства заключается не въ условіяхъ международнаго хлѣбнаго рынка, богатаго соперничествомъ и случайностями, и не здѣсь надо искать его развязки. Этотъ узелъ намъ надо развязать у себя дома, то-есть, создать и обезпечить у себя же широкій и постоянный внутренній спросъ какъ на произведенія земли, такъ и на предложеніе труда. Достигнуть этого невозможно безъ широкаго развитія перерабатывающей промышленности... Я убѣ-

жданъ, что лучшее и самое дѣйствительное покровительство сельскому хозяйству заключается въ покровительствѣ тому, что должно служить ему экономической основой. Основа же эта—обезпеченный внутренній сбытъ для сельскохозяйственныхъ продуктовъ и обезпеченный заработокъ для труда, не находящаго себѣ приложения на землѣ... Съ обще-національной, государственной точки зрѣнія, покровительственная система имѣетъ своею конечною цѣлью освобожденіе народнаго хозяйства изъ-подъ зависимости отъ чужого труда и чужого рынка и поднятіе страны на уровень самодовлѣющей хозяйственной единицы. Какъ и всякое средство, протекціонизмъ долженъ имѣть лишь временное значеніе, впредь до достиженія той конечной цѣли, ради которой и былъ онъ выдвинутъ. Прямая логика его заключается въ самоупраздненіи. Съ созданіемъ крѣпкой національной промышленности, съ нарожденіемъ дѣятельной внутренней конкуренціи, должна наступить его естественная кончина. Нужно ли удивляться, что для многихъ заинтересованныхъ лицъ было бы желательнѣе обратить это временное средство въ постоянную цѣль и возможно дольше пользоваться своимъ выгоднымъ положеніемъ? Тѣмъ, кто удобно усьлся за богатымъ столомъ, конечно желательно отдалить наступленіе худшихъ для нихъ временъ, но лучшихъ для всей страны. Вотъ почему можно возбуждать неудовольствіе притоку изъ-за границы конкуррирующаго промышленнаго капитала, съ неизбѣжными спутниками его—удешевленіемъ цѣнъ и пониженіемъ промышленныхъ прибылей. Иногда эти своекорыстные интересы выступаютъ подъ обманчивымъ патріотическимъ покровомъ: говорятъ о расхищеніи естественныхъ богатствъ нашей земли, о порабощеніи населенія иноземцами и т. п. Но впервые ли подъ патріотическою маскою намъ приходится распознавать вполне эгоистическіе интересы, прямо противоположные общенароднымъ пользамъ страны? Еще Великому Преобразователю Россіи, въ его могучемъ стремленіи „прорубить окно въ Европу“, пришлось преодолевать „патріотическую“ охрану старинной косности, невѣжества, обособленности“... „Покровительственная система имѣетъ значеніе школы для нашей юной промышленности. Уже и теперь, благодаря охранительной системѣ, достигнуты крупныя результаты: многія отрасли промышленности сдѣлали огромныя успѣхи, и они у всѣхъ на виду. Но это далось намъ не даромъ. Мы проходимъ черезъ дорогую школу. Покровительственная система ложится тяжестью почти на всѣ классы населенія. Русскому человѣку обходится дороже все, огражденное пошлиной. Это главный укоръ противъ протекціонизма, и укоръ вполне справедливый. Но именно потому и надо стремиться возможно скорѣй пройти періодъ этой школьной выучки и быстрѣе придвинуться къ цѣли, а для этого необходимо самое широкое привлеченіе капиталовъ

въ промышленность. Къ сожалѣнію, своихъ свободныхъ капиталовъ у насъ недостаточно, земледѣліе ихъ почти не даетъ. Капиталы эти, лежащіе кое-гдѣ подъ спудомъ, несмотря на легкую возможность получения большихъ прибылей остаются въ неподвижности, и извлечь ихъ скоро на свѣтъ Божій не удастся. Приходится широко пользоваться обильными и дешевыми иностранными капиталами. Этимъ путемъ сокращается тяжелый періодъ пребыванія въ школѣ, да и самая школа улучшается внесеніемъ болѣе высокаго уровня техническихъ знаній, болѣе широкаго промышленнаго размаха, болѣе дѣятельнаго соперничества. Въ такой школѣ нельзя дремать, приходится работать и работать... Простая ариметика показываетъ всю предпочтительность привоза иностранныхъ капиталовъ по сравненію съ привозомъ иностранныхъ издѣлій. Не можетъ быть вопроса, что выгоднѣе для страны: ввозить ли ежегодно чужого товара на сотни милліоновъ рублей, цѣликомъ уходящихъ за границу, или ввести единожды капиталъ—это смертоносное для ввоза орудіе, и при помощи его организовать производство у себя дома, получая въ худшемъ случаѣ 90% стоимости товара въ свою пользу"... Слѣдуетъ, поэтому, всемірно содѣйствовать широкому притоку капитала въ промышленность. Конечно, "этимъ не исчерпываются всѣ мѣры, необходимыя для скорѣйшаго достиженія цѣлей покровительственной системы: необходимо придти на помощь технической школой, устраненіемъ стѣсненій промышленной инициативы, улучшеніемъ положенія труда"... О всемъ этомъ заботится и будетъ заботиться министерство финансовъ.

Весьма различны отголоски, вызванные этой рѣчью въ нашей періодической прессѣ. „Московскія Вѣдомости“ обращаютъ особое вниманіе на то, что сельское хозяйство названо *основною* отраслью народной промышленности. Если таково значеніе сельскаго хозяйства, то потребности его не могутъ, очевидно, „опредѣляться потребностями *производныхъ* отраслей народнаго труда“ и должны „выступить самостоятельно на первую очередь“. Другими словами, сельскимъ хозяйствамъ, за интересы которыхъ ратуетъ московская газета, рѣчь г. министра прямо и непосредственно ничего не обѣщаетъ, останавливаясь почти исключительно на интересахъ обрабатывающей промышленности; но въ ней высказано общее положеніе, могущее быть истолкованнымъ въ пользу землевладѣльцевъ -- и вотъ, этимъ толкованіемъ и занимаются „Московскія Вѣдомости“, утѣшая себя и другихъ надеждой, что „мы находимся наканунѣ нѣкотораго новаго направленія нашей экономической политики“. „Новое слово“,—но въ иномъ смыслѣ,—видятъ въ рѣчи г. министра и „Биржевыя Вѣдомости“. Это слово „должно подѣйствовать отрезвляющимъ образомъ на весь угаръ, причиняемый нашимъ одностороннимъ протекціонизмомъ; оно даетъ промышленни-

камъ первое предостереженіе, напоминая имъ о забытомъ, хотя и немаловажномъ условіи—о временномъ характерѣ всякой покровительственной системы“. Гораздо сдержаннѣе относится къ этому „предостереженію“ „Недѣля“, не усматривая въ немъ ничего новаго. По ея мнѣнію, „рѣзкія слова, обращенныя къ покровительственной системѣ и къ неумѣреннымъ притязаніямъ нашихъ капиталистовъ, ничѣмъ существеннымъ, при всей эффектности ихъ, не угрожаютъ ни системѣ, ни капиталистамъ. Послѣдніе не имѣютъ повода обижаться, а скорѣе должны благодарить и приходить къ успокоенію, потому что рѣзкость только въ формѣ, а сущность обѣщаетъ имъ продолженіе благополучія на самый неопредѣленный срокъ. Что дорогая покровительственная система должна существовать *только* до развитія собственной промышленности—это мы слышимъ уже десятки лѣтъ, и каждый новый шагъ протекціонизма, даже суровый таможенный тарифъ Вышнеградскаго, мотивировался столь же успокоительными по формѣ соображеніями. Но къ чему приводять такіа соображенія на практикѣ? Развитіе домашней промышленности при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ требуетъ долгаго времени; трудно даже представить себѣ, когда именно наступитъ обѣщанный благодатный моментъ. Да притомъ и самая *достаточность* развитія собственной промышленности зависитъ отъ субъективныхъ оцѣнокъ; что одному можетъ показаться достаточнымъ, то другой признаетъ еще совсѣмъ недостаточнымъ... Намъ рекомендуется ждать—но мы не знаемъ, чего дожидаться. Во всякомъ случаѣ, прохожденіе указываемаго курса требуетъ такого времени, которое охватитъ нѣсколько смѣнъ лицъ и направленій... Стало быть, и при новомъ повтореніи старыхъ объясненій цѣли протекціонизма, практическій выводъ получается одинъ: все остается по старому, и мы узнали лишь то, что слышали прежде“...

Намъ кажется, что скептицизмъ „Недѣли“ имѣетъ полное основаніе. Дѣйствительнымъ предостереженіемъ для нашихъ фабрикантовъ—напоминаніе о временномъ характерѣ протекціонизма могло бы послужить лишь въ такомъ случаѣ, еслибы съ нимъ было соединено сколько-нибудь точное опредѣленіе срока, когда должно наступить ослабленіе покровительственной системы. Только оно могло бы вызвать усиленную заботу объ усовершенствованіи техники производства, объ удешевленіи его продуктовъ, безъ ущерба для ихъ доброкачественности, о созданіи новыхъ рынковъ для ихъ сбыта. Только оно могло бы провести демаркаціонную черту между производствами, имѣющими будущность, способными стать на ноги и держаться безъ посторонней поддержки — и производствами искусственными, беспочвенными, возможными только при неослабывающей таможенной охранѣ. Отнюдь не возражая противъ взгляда министра финансовъ на иностранные

капиталы, мы думаемъ, однако, что разсчитывать на нихъ, какъ на средство освободиться отъ протекціонизма, значило бы откладывать sine die разрѣшеніе вопроса, такъ давно уже тяготящаго надъ русскою жизнью. Если подѣ „болѣе правильнымъ распредѣленіемъ народнаго труда по различнымъ отраслямъ производительной дѣятельности“ г. министръ разумѣетъ привлеченіе, *теперь же*, большаго числа земледѣльцевъ къ фабричной работѣ, то неизбѣжнымъ послѣдствіемъ такого перемѣщенія рабочихъ было бы укрѣпленіе протекціонизма: возникли бы новыя фабрики, требующія, именно въ качествѣ новыхъ, особаго поощренія—и моментъ перехода къ болѣе умѣренному покровительству оказался бы еще менѣе близкимъ, чѣмъ прежде.

Признавая, что „рѣшительному уврачеванію нашихъ сельскохозяйственныхъ недуговъ“ можетъ способствовать, между прочимъ, упорядоченіе общеправовой обстановки нашей деревенской жизни, министръ финансовъ возвращается къ мысли, высказанной имъ въ всеподданнѣйшемъ докладѣ о государственной росписи на 1899-ый годъ. Мы имѣли уже случай указать ¹⁾ на недостаточную опредѣленность выраженій, въ которыя была облечена эта мысль; мы замѣтили, что „прочнымъ правопорядкомъ“ можетъ быть названо какъ юридическое уравненіе крестьянъ съ другими классами населенія, такъ и созданіе для крестьянъ особыхъ законоположеній, точныхъ и твердыхъ, но рѣзко отличныхъ отъ общихъ началъ гражданскаго права. Нѣсколько болѣе яснымъ кажется намъ терминъ, на этотъ разъ употребленный г. министромъ: говоря объ *общеправовой* обстановкѣ деревенской жизни, онъ, повидимому, хотѣлъ подчеркнуть именно необходимость *общности* ея нормъ съ главными основами общественной и народной жизни. Только такая общность можетъ избавить крестьянъ отъ гнета условій, мѣшающихъ развитію въ ихъ средѣ обезпеченности правъ, свободы дѣйствій и уваженія къ закону. Они должны почувствовать себя такими же гражданами, какъ всѣ остальные—а это будетъ возможно только тогда, когда надъ всѣми будетъ *одинъ* законъ и *одинъ* судъ, т.-е. одна судебная организація, вѣдающая, на основаніи одинаковыхъ для всѣхъ правилъ, всѣ дѣла судебного свойства.

Менѣе важнымъ, чѣмъ отсутствіе „прочнаго правопорядка“, г. министръ финансовъ признавалъ, въ своемъ всеподданнѣйшемъ докладѣ, невѣжество народныхъ массъ. Это не помѣшало ему, однако, назвать „довольно вѣскимъ“ мнѣніе, связывающее хозяйственную отсталость крестьянъ съ недостаточнымъ распространеніемъ народнаго образованія. Нашимъ обскурантамъ докладъ министра не давалъ, слѣдовательно, никакого повода къ ликованію: тѣмъ не менѣе они пытаются

¹⁾ См. Внутр. Обзор. въ № 2 „Вѣстн. Европы“ за 1899 г.

обратить его въ боевое орудіе противъ всеобщаго обученія. Сторонникамъ всеобщаго обученія приписывается, при этомъ, вѣра въ его безусловно-спасительную силу—силу, не зависящую даже отъ его внутреннего достоинства,—и сочиненный такимъ образомъ взглядъ опровергается, затѣмъ, съ помощью доводовъ, почерпнутыхъ изъ доклада министра финансовъ. „Какой бы вопросъ народнаго быта мы ни взяли“—восклицаютъ „Московскія Вѣдомости“,—„какую бы государственную задачу ни поставили передъ нашими интеллигентами и полунинтеллигентами, на все и всегда у нихъ одинъ отвѣтъ: что причина зла въ темнотѣ и невѣжествѣ народной массы, и что, слѣдовательно, исцѣленіе зла—во всеобщемъ обученіи. И еслибы, по крайней мѣрѣ, при этомъ шла рѣчь о дѣйствительно хорошемъ воспитаніи и образованіи подростающихъ поколѣній! Ничего подобнаго мы не видимъ. Вопросъ обыкновенно сводится къ тому, чтобы какъ можно скорѣе обучить кое-какъ грамотѣ возможно большее число дѣтей изъ крестьянскаго и рабочаго класса. Ни *кто*, ни *какъ* ихъ будутъ учить, ни при какихъ педагогическихъ условіяхъ будетъ протекать это обученіе—все это вопросы, не удостоиваемые ни малѣйшимъ вниманіемъ. Подобно психическому больному, наша умственно бѣдная и невѣжественная такъ называемая интеллигенція вѣритъ и проповѣдуетъ, что стоитъ только ввести всеобщее обученіе, какъ этимъ исцѣлятся рѣшительно всѣ народныя недуги“.

Во всемъ этомъ нѣтъ ни одного слова правды. Что для защитниковъ всеобщаго обученія далеко не безразлично его *качество*—это видно уже изъ того, что въ школьныя сѣти, составляемыя губернскими земствами, не вносятся школы грамоты ¹⁾. Рѣчь идетъ, слѣдовательно, вовсе не о томъ, чтобы *кое-какъ* и *возможно скорѣе* научить грамотѣ возможно большее число крестьянскихъ дѣтей; еслибы задача состояла въ этомъ, то самымъ простымъ средствомъ для ея осуществленія было бы именно размноженіе дешевыхъ школокъ съ учителями набранными безъ разбора, съ „упрощенной“ программой и короткимъ срокомъ обученія. Мы видимъ, наоборотъ, что достиженіе цѣли отодвигается на много лѣтъ, сумма расходовъ значительно повышается, лишь бы только начальная школа была дѣйствительно школой, а не мастерской для механической выучки грамотѣ. Столь же несогласно съ истиной увѣреніе, что отъ всеобщаго обученія ожидается немедленное исцѣленіе всѣхъ народныхъ недуговъ. Ничего подобнаго, сколько намъ извѣстно, не утверждалось никогда и нигдѣ; во всеобщемъ обученіи самые горячіе его защитники ви-

¹⁾ Быть можетъ, изъ этого общаго правила есть исключенія, но ихъ во всякомъ случаѣ очень мало, и намъ о нихъ не приходилось слышать.

дѣли и видятъ только одно изъ средствъ къ поднятію матеріальнаго благосостоянія и умственнаго развитія народа. Вѣра въ панацею давно исчезла какъ въ медицинѣ, такъ и въ общественной наукѣ. Теченіе народной жизни давно уже признано зависящимъ отъ множества сложныхъ условій, изъ числа которыхъ нѣтъ ни одного, предопредѣляющаго собою всѣ остальные. Несомнѣнно, однако, что между ними существуетъ тѣсная связь: перемѣна къ лучшему въ одной области не можетъ не отразиться и на другихъ—и вотъ, только въ этомъ смыслѣ широкое распространеніе образованія и рассматривается какъ нѣчто способствующее экономической обезпеченности народныхъ массъ. Вліяніе всеобщаго обученія можетъ быть, притомъ, только медленное и постепенное: еще не скоро, даже въ лучшемъ случаѣ, выступить на сцену поколѣніе, поголовно прошедшее черезъ правильно организованную начальную школу. Не слѣдуетъ, наконецъ, забывать и того, что, при дѣйствіи нынѣшнихъ программъ начальной школы, образованіе, которое она даетъ, является до крайности элементарнымъ—и всеобщность или общедоступность начального обученія сама по себѣ въ этомъ ничего измѣнить не можетъ. Возбуждать тревогу она можетъ только въ тѣхъ, кому кажется страшнымъ даже самый слабый лучъ свѣта въ темномъ царствѣ.

Въ наши дни, когда съ самыхъ различныхъ сторонъ ведется походъ противъ земства, грозящій если не упраздненіемъ, то извращеніемъ земскихъ учреждений, глубоко-отрадное впечатлѣніе производитъ заявленіе сочувствія къ земству, идущее изъ источника, „благонадежность“ котораго стоитъ внѣ всякихъ сомнѣній. Дворянство тифлисской губерніи, въ чрезвычайномъ собраніи 2-го и 3-го марта, большинствомъ 74 голосовъ противъ 11, постановило возбудить ходатайство о введеніи въ этой губерніи земскихъ учреждений въ полномъ объемѣ, на тѣхъ же основаніяхъ, на какихъ они дѣйствуютъ во внутреннихъ губерніяхъ Россіи. Въ основаніи этого ходатайства лежитъ глубокое убѣжденіе, что „несеніе мѣстнаго земскаго государева служенія наравнѣ со всею Россіей положить новый прочный залогъ того духовнаго единенія и полнаго сліянія съ коренными сынами имперіи, къ которому съ первыхъ дней добровольнаго присоединенія единымъ чувствомъ, единою мыслью стремилось грузинское дворянство“. Для представленія ходатайства избрана собраніемъ особая депутація, въ составѣ губернскаго и уѣздныхъ предводителей дворянства и еще 16 лицъ, принадлежащихъ, большею частью, къ самымъ извѣстнымъ фамиліямъ края (внязей Чавчавадзе, Меликовыхъ, Аргутинскихъ-Долгоруковыхъ, Багратіонъ-Мухранскихъ, Эристовыхъ и др.). Одинъ этотъ

фактъ уравниваетъ собою множество статей и записокъ, направленныхъ противъ существованія или распространенія земскихъ учреждений... Большое значеніе имѣть, съ этой точки зрѣнія, и только-что опубликованный законъ 18-го января, ассигнующій земскимъ учрежденіямъ пособие отъ казны на оцѣночныя работы, въ размѣрѣ одного милліона рублей ежегодно. Особенно важно то, что эта сумма сохраняется за земствомъ и по окончаніи оцѣночныхъ работъ, безъ указанія для нея опредѣленнаго употребленія, т.-е. съ правомъ земства расходовать ее на одинаковомъ основаніи съ земскими сборами. Предсѣдательство въ губернской оцѣночной комиссіи переходитъ, по новому закону, отъ губернскаго предводителя дворянства къ губернатору; первый остается только членомъ комиссіи, въ составъ которой включаются вице-губернаторъ и всѣ члены губернской управы. Существенною эту перемену назвать нельзя, такъ какъ губернатору и прежде принадлежала видная роль въ оцѣночномъ дѣлѣ: ему было предоставлено утвержденіе земскихъ оцѣнокъ, теперь возлагаемое на губернскую оцѣночную комиссію. Собираніе матеріаловъ для оцѣнки недвижимыхъ имуществъ и разработку общихъ основаній оцѣнки законъ 18-го января предоставляетъ губернской земской управѣ, между тѣмъ какъ прежде эти обязанности исполнялись уѣздными земскими управами. Это можетъ способствовать скорѣйшему окончанію оцѣнокъ, не уменьшая ни достовѣрности свѣдѣній, которыя губернская управа будетъ получать отъ уѣздныхъ, ни участія уѣздныхъ земствъ въ установленіи основаній оцѣнки, такъ какъ предположенія губ. управы, до разсмотрѣнія ихъ въ губернской комиссіи, будутъ сообщаемы на заключеніе уѣздныхъ земскихъ собраній.

Для успѣховъ самоуправленія, земскаго и городского, весьма важно увеличеніе средствъ, которыми оно располагаетъ—но еще важнѣе улучшеніе его личнаго состава, достигаемое путемъ измѣненій въ избирательной системѣ. Съ особенною радостью, поэтому, мы прочитали въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“ извѣстіе о томъ, что при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ начинаются, подъ предсѣдательствомъ товарища министра кн. Оболенскаго, занятія комиссіи по вопросу о передачѣ государственнаго квартирнаго налога въ распоряженіе городовъ и о предоставленіи плательщикамъ этого налога избирательныхъ правъ наравнѣ съ тѣми обывателями, которые пользуются избирательными правами по платежу торговыхъ сборовъ. По проекту, разработанному въ хозяйственномъ департаментѣ, избирательныя права предполагается, будто бы, предоставить тѣмъ, кто въ столицахъ и большихъ городахъ, причисленныхъ по взиманію квартирнаго налога къ первому

разряду, платить за квартиру не менѣе 900 руб. Для губернскихъ и уѣздныхъ городовъ избирательный цензъ назначается въ меньшихъ размѣрахъ. Если этотъ проектъ будетъ приведенъ въ исполненіе, для нашего городского самоуправления можетъ настать новая эра—не потому, конечно, что городскіе доходы возрастутъ на нѣсколько милліоновъ, а потому, что право голоса будетъ распространено на группу людей не столь односторонне и узко смотрящихъ на городское дѣло, какъ большинство домовладѣльцевъ и купцовъ, образующихъ теперь городскія избирательныя собранія. Вопросъ о предоставленіи квартиронанимателямъ избирательнаго права, въ связи съ платежемъ въ пользу города квартирнаго налога, имѣетъ свою исторію, восходящую еще къ тому времени, когда дѣйствовало городское Положеніе 1870-го года. Статья 135-ая этого Положенія предоставляла городскимъ думамъ ходатайствовать о введеніи въ пользу города сбора съ квартиръ или жилыхъ помѣщеній, а мѣнѣе государственнаго совѣта, утвержденное одновременно съ городскимъ Положеніемъ (16-го іюня 1870 г.), допускало возможность привлеченія лицъ, обложенныхъ квартирнымъ сборомъ, къ участию въ городскомъ общественномъ управленіи. Въ этомъ послѣднемъ обстоятельствѣ заключается, по всей вѣроятности, объясненіе тому, почему думы почти никогда не пользовались предоставленнымъ имъ правомъ: тѣ категоріи избирателей, за которыми Положеніе 1870-го года закрѣпляло монополію участія въ городскомъ управленіи, не хотѣли, очевидно дѣлиться ею съ другими классами населенія. Попытки сдвинуть ихъ съ этой позиціи оставались безъ успѣха. Ни къ чему не привелъ, напримѣръ, очень обстоятельный докладъ, составленный въ 1887 г., по порученію московской городской управы, двумя магистрантами московскаго университета, гг. Яновскимъ и Свирщевскимъ ¹⁾. Составители доклада предлагали освободить отъ квартирнаго сбора тѣхъ квартиронанимателей, которые платятъ за квартиру не болѣе 240 руб. въ годъ, а всѣхъ остальныхъ привлечь къ уплатѣ сбора, включивъ ихъ въ число избирателей. Исходная точка этого проекта кажется намъ наиболее правильною: разъ, что съ уплатой квартирнаго налога связывается избирательное право, мы не видимъ основанія отказывать въ этомъ правѣ кому бы то ни было изъ плательщиковъ налога, тѣмъ болѣе, что наиболее дешевыя квартиры совершенно освобождены отъ налога ²⁾. По свѣдѣніямъ, собраннымъ гг. Свирщевскимъ и Яновскимъ, квартира, стоимость которыхъ превышаетъ двѣсти рублей въ годъ, въ Москвѣ,

¹⁾ См. Внутр. Обзорѣніе въ № 12 „В. Европы“ за 1887 г.

²⁾ По дѣйствующему закону, въ столицахъ, взиманіе квартирнаго налога начинается только съ квартирной платы не ниже 300 руб. въ годъ.

по переписи 1882 г., было слишкомъ 29 тысячъ. За вычетомъ изъ этой цифры квартиръ, занятыхъ домовладѣльцами, оставалось около 20¹/₂ тысячъ квартирантовъ, между которыми насчитывалось 4.696 чиновниковъ, 940 офицеровъ, 951 священнослужитель, 540 служащихъ въ городскихъ, земскихъ и сословныхъ учрежденіяхъ, 527 адвокатовъ и нотаріусовъ, 720 преподавателей, 834 врача, 324 служащихъ въ аптекахъ, 865 литераторовъ, ученыхъ и техниковъ, 65 драматическихъ артистовъ, 2,870 высшихъ служащихъ по желѣзно-дорожной, страховой и банковской части, а всего 10.749 лицъ, профессія которыхъ заставляетъ предполагать большую или меньшую степень образованія. Понятно, что между квартирантами, платящими не менѣе *трехсотъ* рублей въ годъ, процентъ людей образованныхъ долженъ быть еще больше. Предоставленіе избирательнаго права *всѣмъ* плательщикамъ квартирнаго налога привело бы, поэтому, къ рѣшительному подъему образовательнаго уровня городскихъ избирательныхъ собраній—а еслибы между новыми избирателями и оказалось нѣкоторое число ремесленниковъ, рабочихъ, мелкихъ торговцевъ, то это было бы далеко не излишне: они представляли бы собою интересы мало имущихъ классовъ, для которыхъ благосостояніе и благоустройство города имѣть отнюдь не меньшую важность, чѣмъ для болѣе зажиточныхъ обывателей. Само собою разумѣется, однако, что большой переимѣной къ лучшему было бы предоставленіе избирательнаго права хотя бы только тѣмъ квартиронанимателямъ, которые платятъ за квартиру не менѣе 900 руб. въ годъ (въ столицахъ, а въ другихъ городахъ—соотвѣтственно меньше). Это былъ бы первый и очень важный шагъ на пути, могущемъ привести къ обновленію нашей городской общественной жизни—а до какой степени она нуждается въ обновленіи, объ этомъ свидѣтельствуешь ежедневный опытъ. Можно сказать, не опасаясь ошибки, что городское Положеніе 1892-го года значительно понизило уровень городского самоуправленія, и прежде далеко не высокій—и больше всего понизило его въ столицахъ.

Однимъ изъ удобствъ самоуправленія, по крайней мѣрѣ у насъ въ Россіи, является возможность широкой, свободной, даже суровой критики его общихъ и частныхъ недостатковъ, его недочетовъ и ошибокъ. Къ сожалѣнію, эта критика рѣдко имѣетъ у насъ характеръ вполне спокойный, дѣловой, рѣдко направлена къ тому, чтобы исправить, улучшить существующее: цѣль нападающихъ заключается, болѣею частью, въ дискредитированіи самаго учрежденія. Рѣдко, съ другой стороны, печать задается мыслью вліять на земскіе или городскіе выборы, разбирая безпристрастно и объективно права

кандидатовъ на ту или другую должность. Образецъ того, что можетъ и должна въ такихъ случаяхъ дѣлать печать, мы нашли недавно въ „Сѣверномъ Краѣ“—газетѣ, выходящей въ Ярославлѣ съ конца прошлаго года и занявшей почетное мѣсто среди органовъ провинціальной прессы. На очередномъ губернскомъ земскомъ собраніи, происходившемъ въ Ярославлѣ въ январѣ нынѣшняго года, никто изъ кандидатовъ въ предсѣдатели губернской земской управы не получилъ большинства голосовъ; пришлось созвать, для повторенія выборовъ, чрезвычайное собраніе. За нѣсколько дней до его открытія, въ „Сѣверномъ Краѣ“ появился рядъ статей кн. Д. И. Шаховского, въ которыхъ, съ большою сдержанностью и тактомъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ съ полною откровенностью обсуждалась дѣятельность бывшаго предсѣдателя губернской управы, вновь выступавшаго кандидатомъ на это званіе. Касаясь исключительно того, что имѣетъ общественное значеніе, ни разу не перенося вопроса на личную почву, постоянно ссылаясь на факты, допускающіе повѣрку со стороны читателей, кн. Шаховской приходитъ къ заключенію, что интересъ земства требуетъ перемѣны лица, руководящаго земскимъ дѣломъ. Намъ кажется, что такой способъ обсужденія земскихъ и городскихъ кандидатуръ имѣетъ большія преимущества передъ закулисными толками, въ которыхъ никто не беретъ на себя отвѣтственности за сказанное и фактическія данныя почти неизбѣжно переплетаются съ предположеніями, догадками или просто сплетнями. Конечно, и для автора, открыто высказывающагося противъ избранія даннаго лица, и для газеты, печатающей такую статью, нужна, особенно при нашихъ провинціальныхъ (да отчасти и столичныхъ) нравахъ, немалая доля гражданскаго мужества—но тѣмъ цѣннѣе услуга, которую они оказываютъ обществу. Возможна, конечно, ошибка, возможно, даже при самыхъ лучшихъ намѣреніяхъ, невѣрное освѣщеніе предмета—но возможно, за то, и опроверженіе ошибки, немыслимое при тайной избирательной агитации. Мы думаемъ, поэтому, что примѣръ, данный кн. Шаховскимъ и „Сѣвернымъ Краемъ“, заслуживаетъ подражанія.

Займствуемъ изъ „Московскихъ Вѣдомостей“ переводъ двухъ документовъ, относящихся къ финляндскому вопросу. Содержаніе перваго изъ нихъ — постановленія комиссіи законовъ финляндскаго сейма—слѣдующее: „Согласно §§ 2 и 56 сеймоваго устава, комиссія законовъ рѣшила предложить высоко-уважаемымъ сословіямъ Финляндіи заготовленное представленіе по нижеизлагаемому дѣлу. Въ милостивыхъ предложеніяхъ, препровожденныхъ въ комиссію для разработки, и въ приложенныхъ къ нимъ дѣлахъ встрѣчаются выра-

женія, указывающія на желаніе истребовать отзывы имперскихъ властей по поводу отвѣта сейма на помянутыя предложенія, до доклада Его Величеству новаго закона о воинской повинности въ Финляндіи, каковой законъ признанъ затрогивающимъ интересы всей Имперіи. На то обстоятельство, что въ милостивыхъ предложеніяхъ требуется отъ сословій только отзывъ, коммиссія обратила особое вниманіе, и вмѣстѣ съ тѣмъ она признала, что означенное узаконеніе входитъ въ область тѣхъ дѣлъ, которыя рѣшаются въ порядкѣ, установленномъ основными законами, не иначе какъ съ согласія сословій. Понятіе это, между тѣмъ, весьма сильно поколеблено Императорскимъ Манифестомъ отъ 3 (15) текущаго февраля и слѣдующими при немъ Основными Положеніями о составленіи, разсмотрѣніи и обнародованіи законовъ, издаваемыхъ для Имперіи со включеніемъ Великаго Княжества Финляндскаго. Такъ, ст. 2 означеннаго Положенія обуславливаетъ возможность изданія законовъ, касающихся военнаго вѣдомства, въ порядкѣ, изложенномъ въ помянутомъ Положеніи. Такимъ образомъ, Манифестъ нераздѣльно связанъ съ задачей, порученной чрезвычайному сейму, на что указываетъ § 2 сеймоваго Устава, а потому и требуетъ особаго вниманія сейма. Порядокъ изданія законовъ, предписываемый Основными Положеніями, изданными при Императорскомъ Манифестѣ, явно отклоняется отъ установленнаго Формой правленія 21 августа 1772 года и сеймовымъ Уставомъ 15 апрѣля 1869 года порядка изданія законовъ въ области Великаго Княжества. Новое постановленіе опредѣляетъ: сословія будутъ участвовать въ изданіи государственныхъ или общихъ для Имперіи и Великаго Княжества законовъ лишь требуемымъ отъ нихъ отзывомъ, который, по разсмотрѣніи его Государственнымъ Совѣтомъ, можетъ быть измѣненъ до окончательнаго рѣшенія дѣла Его Императорскимъ Величествомъ. Такъ какъ Манифестомъ имѣется въ виду измѣненіе дѣйствующаго основнаго закона, а подобное измѣненіе можетъ произойти лишь по предложенію Императора и Великаго Князя и съ согласія всѣхъ сословій, то очевидно, что Манифестъ, объявленный безъ содѣйствія сословій, не можетъ быть признанъ въ Финляндіи имѣющимъ силу закона. Въ виду приведеннаго, а также и того, что обстоятельство это можетъ поколебать то уваженіе, которое нашъ народъ всегда питалъ къ законамъ страны и къ слову Монарха, и что самая суть дѣла не вполне изложена Его Императорскому Величеству, сословія считаютъ своимъ долгомъ, не только по отношенію къ странѣ, но и къ Монарху, немедленно доведя это до свѣдѣнія Его Величества, ходатайствовать, чтобъ указанное въ Манифестѣ изданіе законовъ было согласовано съ основными законами. На основаніи сего коммиссія законовъ почтительнѣйше предлагаетъ: чтобы сословія просили ланд-

маршала и тальмановъ всеподданнѣйше доложить Его Императорскому Величеству вышеприведенныя основанія“.

Второй документъ—всеподданнѣйшее представленіе Финляндскаго Императорскаго Сената—имѣетъ слѣдующее содержаніе:

„Согласно милостивому Манифесту отъ 3-го (15) февраля, Ваше Императорское Величество утвердили особыя Основныя Положенія о составленіи, разсмотрѣніи и обнародованіи законовъ, издаваемыхъ для Имперіи со включеніемъ Великаго Княжества Финляндскаго. Вмѣстѣ съ тѣмъ Сенатъ, согласно Вашего Императорскаго Величества милостивому повелѣнію, сегодня обнародовать доставленные ему копии поминутаго милостиваго Манифеста и Основныхъ Положеній. Сенатъ, которому ввѣрено общее управленіе страной, полагаетъ своимъ священнымъ долгомъ, предписываемымъ ему служебною присягой, не менѣе тѣмъ и вышеупомянутымъ его Положеніемъ, всеподданнѣйше представить Вашему Императорскому Величеству свой отзывъ о тѣхъ сомнѣніяхъ, которыя милостивый Манифестъ и Основныя Положенія вызвали въ Сенатѣ. Внутреннее устройство Финляндіи и ея положеніе относительно Имперіи утверждены милостивымъ удостовѣреніемъ блаженной памяти Императора Александра I, отъ 15 (27) марта 1809 года, въ которомъ Императоръ самъ милостиво соблаговолилъ выразить, что „этимъ актомъ, торжественно, въ присутствіи сословій, изданнымъ и во имя святости Всевышняго объявленнымъ“, онъ утвердилъ и удостовѣрилъ религію и основные законы страны, а также тѣ привилегіи и права, которыми въ Великомъ Княжествѣ каждое сословіе особо и всѣ его обитатели въ общемъ, какъ высшіе, такъ и низшіе, до сихъ поръ, согласно конституціи, пользовались. Что Императоръ при этомъ имѣлъ въ виду тѣ конституціонныя права, которыя предоставлялись подданнымъ дѣйствовавшей тогда въ Финляндіи государственною конституціей, или же, точнѣе, древнія права самообложенія и участія въ законодательствѣ, само по себѣ очевидно... Императоръ, вмѣстѣ съ тѣмъ, находилъ нужнымъ при представившихся случаяхъ выражать свои намѣренія въ этомъ отношеніи. Такимъ образомъ Императоръ открылъ сеймъ словами: „J'ai promis de maintenir votre constitution, vos lois fondamentales“. Въ манифестѣ, отъ 15 (27) марта 1810 года, Императоръ выражаетъ, какимъ образомъ онъ намѣревался управлять этою страной: „comme une nation libre et jouissant des droits que sa constitution lui garantit“. Въ милостивомъ объявленіи, отъ 9 (23) февраля 1816 года, Императоръ говорить далѣе: „Убѣжденный, что та конституція и тѣ законы, какъ согласующіеся съ нравами, обычаями и образованіемъ финскаго народа, въ теченіе многихъ лѣтъ составляли основы его гражданской свободы и спокойствія, а также, что они безъ вреда для народа не могутъ

быть ограничены или нарушены, то Мы, съ перваго же часа Нашею царствованія надъ этою страной, торжественно утвердили ея конституцію и законы съ тѣми каждому финляндскому гражданину изъ сего исходящими свободою и правами, вслѣдствіе чего Мы, по совѣщанію съ собравшимися сословіями страны, учредили особое правленіе, составленное изъ финляндцевъ, которое, подъ названіемъ Нашъ „Правительственный Совѣтъ“, до сихъ поръ Нашимъ Именемъ имѣло попеченіе о гражданскомъ управленіи страной и чинило правосудіе въ высшей инстанціи, не зависѣвъ ни отъ какой другой власти, кромѣ власти законовъ и сообразующейся съ оной Нашей воли. Таковыми мѣрами довазавъ Наше доброе расположеніе, которое имѣли и впредь будемъ имѣть къ финляндскимъ вѣроподданнымъ Нашимъ, надѣемся Мы, что довольно утвердили на всегашнія времена данное Нами обѣщаніе о святомъ сохраненіи особенной конституціи края сего подъ Державою Нашею и Наслѣдниковъ нашихъ“. По тѣмъ основамъ, положеннымъ актомъ соединенія Императора Александра I, правленіе Финляндіи руководилось и развивалось, особенно съ тѣхъ поръ, какъ сословіямъ страны мудрыми мѣрами Императора Александра II подготовлена возможность собираться чаще и въ опредѣленное время. Такъ какъ Финляндія соединена и подчинена Имперіи, обладающей властью Державною, то изъ сего естественно слѣдуетъ, что нѣкоторые вопросы, касающіеся порядка наслѣдованія Императорскою Фамиліей, и международныя дѣла вовсе изъяты изъ вѣдѣній и производства финскихъ учреждений. Но, согласно конституціи страны, такою, какъ она была утверждена и примѣнена Императоромъ Александромъ I и Его Высочайшими Преемниками, вопросы подлежащіе обсужденію финскихъ учреждений не могутъ быть изъяты отъ согласной законамъ разработки ихъ въ этихъ учрежденіяхъ только потому, что они вмѣстѣ съ тѣмъ касаются общихъ интересовъ всей Россійской Имперіи, или общихъ имперскихъ, или иначе, состоятъ въ связи съ законодательствомъ Имперіи, въ виду того, что помянутою конституціей, — цѣль которой, согласно многократно высказанному Императоромъ Александромъ I, подготовить финляндскому народу его политическое и національное существованіе, — опредѣляется, что Финляндія, сама по себѣ, самостоятельна въ области законодательства и управленія, для которой законы издаются Монархомъ при содѣйствіи собственныхъ учреждений страны. Въ такомъ случаѣ, если конституція требуетъ участія сословій въ законодательныхъ мѣропріятіяхъ, то ихъ рѣшеніе Монархъ утверждаетъ неизмѣннымъ, или же дѣло признается на этотъ разъ нерѣшеннымъ. Въ прочихъ случаяхъ Монархъ одинъ постановляетъ рѣшенія, которыя онъ усматриваетъ полезными для страны. Между тѣмъ пунктъ 5-й Основныхъ Положеній предписываетъ, чтобы

проекты законовъ, которые, согласно порядку внутренняго управленія Великаго Княжества Финляндскаго, передаются сейму Финляндіи, передавались ему только для обсужденія, и о нихъ требуется у сейма лишь его отзывъ, такъ же какъ и при изданіи такъ называемыхъ имперскихъ законовъ. Но тѣ законопроекты, которые, согласно основнымъ законамъ Финляндіи, слѣдуетъ передавать на сеймъ, становятся не только предметомъ его отзыва, но должны быть вершаемы рѣшеніемъ сословій и, какъ упомянуто, утверждаются Монархомъ неизмѣняемыми, или отклоняются имъ. Однако, содержаніе помннутыхъ Основныхъ Положеній заключаетъ возможность изданія законовъ вопреки отзыву сейма, слѣдовательно, Положенія эти ограничиваютъ согласныя основнымъ законамъ права сословій. Подобное ограниченіе настолько же неопредѣленно, какъ и самый объемъ законовъ, признаваемыхъ затрогивающими интересы Имперіи, и объемъ подобнаго закона можно распространить на какую угодно законодательную область. Такъ какъ основныя постановленія, о которыхъ говорится, заключаютъ въ себѣ отклоненія отъ основныхъ законовъ Финляндіи, то изъ этого слѣдуетъ, что подобная законодательная мѣра не могла на законномъ основаніи произойти помимо содѣйствія сословій, потому что, согласно § 71 сеймоваго Устава, основной законъ можетъ быть изданъ, измѣненъ, объявленъ или прекращенъ только по предложенію Императора Великаго Князя и съ согласія всѣхъ сословій. Сенатъ, поэтому, усматриваетъ, что его побуждаетъ долгъ всеподданнѣйше донести Вашему Императорскому Величеству, что означенная законодательная мѣра не произошла согласно порядкамъ, утвержденнымъ основными законами Финляндіи. Сенатъ не колеблется всеподданнѣйше выразить, что финскій народъ, безъ различія, какъ высшіе, такъ и низшіе, вынужденъ видѣть въ этомъ угнетеніе (*undertryckande*) его конституціонныхъ правъ, котораго, насколько извѣстно народу, онъ не вызвалъ какими-либо дѣйствіями. Всемилоствѣннѣйшій Императоръ, жители Финляндіи никогда не переставали благословлять память великаго Монарха, который, когда Финляндія, соединившись съ Имперіей, пошла на встрѣчу своихъ новыхъ судьбъ, сумѣлъ привязать къ себѣ этотъ народъ неразрывными узами вѣрности и любви. Финляндскій народъ также глубоко сознаетъ тотъ долгъ благодарности, которымъ онъ обязанъ своимъ послѣдующимъ благороднымъ Монархамъ, за ту защиту, которую они оказывали этому народу, и за всѣ ихъ благодѣянія. Его мысли высоки о священной особѣ Монарха и ненарушимости его царскаго слова; онъ всегда видѣлъ въ нихъ надежный оплотъ охраны законнаго положенія страны. У Сената Вашего Императорскаго Величества не можетъ даже возникнуть и мысли, чтобы въ милостивыя желанія и намѣренія Вашего Импе-

раторскаго Величества входило отступить отъ торжественнаго удостовѣренія: сохранить твердо и ненарушимо конституцію страны во всей ея силѣ. Сенатъ, поэтому, долженъ предположить, что, по недоразумѣнію, не обращено должнаго вниманія на конституціонныя права Финляндіи, и если подобное не исправить, то это распространить глубочайшее удрученіе среди финскаго народа и обезсилить его трудолюбивую дѣятельность по повышенію образованія и благосостоянія въ этихъ скудно природою надѣленныхъ сѣверныхъ областяхъ. Сенатъ питаетъ твердое убѣжденіе, что Ваше Императорское Величество, какъ настоящимъ, а равно и прочими правительственными мѣропріятіями, имѣли въ виду благо финскаго народа, и что надлежащее уваженіе къ конституціоннымъ правамъ сословій не несовмѣстимо съ порядкомъ обсужденія дѣлъ, предписаннымъ въ Основныхъ Положеніяхъ. Сенатъ осмѣливается всеподданнѣйше ходатайствовать: чтобы Ваше Величество соизволили милостиво объявить, что настоящимъ мѣропріятіемъ изданія законовъ не имѣется въ виду ограничить права финскаго народа, согласныя съ основными законами. Безъ сомнѣнія, могутъ быть вопросы о законахъ, затрогивающихъ общіе интересы Имперіи, которые надлежитъ обсуждать инымъ, а не до сихъ поръ обыденнымъ путемъ. Такъ какъ Сенатъ убѣжденъ, что финскій народъ не уклонится отъ жертвъ, требуемыхъ дѣйствительными интересами Имперіи, то Сенатъ осмѣливается симъ ходатайствовать, чтобы Ваше Императорское Величество соизволили поручить свѣдущимъ лицамъ, какъ со стороны русскихъ, такъ и финновъ, выработать проектъ закона о порядкѣ законодательства по дѣламъ, касающимся общихъ интересовъ Имперіи, каковой законопроектъ, по заботливой подготовкѣ и разсмотрѣніи, былъ бы, согласно съ основными законами, переданъ сословіямъ Финляндіи для его обсужденія“.

Изъ той же газеты видно, что въ Петербургъ пріѣзжала депутація отъ финляндцевъ, въ числѣ болѣе 500 человекъ, съ адресомъ, покрытымъ 500 слишкомъ тысячами подписей. Въ полномъ своемъ составѣ депутація не была принята и. д. министра статсъ-секретаря вел. княжества финляндскаго, которому былъ врученъ привезенный ею адресъ: затѣмъ депутація возвратилась въ Гельсингфорсъ.

ЗЕМСКАЯ ШКОЛА И ТОЛКИ О ЗЕМСКОЙ ШКОЛѢ.

ЗАМѢТКА.

Два мѣсяца тому назадъ, въ статьѣ: „Земство и толки о земствѣ“, мы выразили убѣжденіе, что устой земской жизни, созданные первымъ земскимъ Положеніемъ и лишь отчасти поколебленные преобразованиемъ 1890-го года, могутъ быть опрокинуты не только однимъ рѣшительнымъ ударомъ, не только одною совокупностью мѣръ, ограничивающихъ кругъ вѣдомства и степень власти земскихъ учреждений, но и закрытіемъ для земства хотя бы одной изъ областей, въ которыхъ оно работало до сихъ поръ съ наибольшою любовью и наибольшимъ успѣхомъ — напр. области народного образованія. Остановимся нѣсколько подробнѣе на этой темѣ, особенно важной именно теперь, когда усиливается, съ каждымъ годомъ, дѣятельность земства на пользу начальной школы—но вмѣстѣ съ тѣмъ растутъ препятствія, встрѣчаемыя имъ на этомъ пути.

Въ первоначальномъ проектѣ Положенія о земскихъ учрежденіяхъ, составленномъ въ 1863 г. министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, участіе земства въ попеченіи о народномъ образованіи не предусматривалось вовсе. При разсмотрѣніи этого проекта, Государственный Совѣтъ, затрудняясь опредѣлить съ точностью, какое участіе въ дѣлѣ народного образованія можетъ быть предоставлено земскимъ учрежденіямъ, нашелъ, однако, что „совершенное умолчаніе о такомъ участіи едва ли удобно“. „Конечно“—читаемъ мы въ журналахъ Государственного Совѣта ¹⁾—„наблюденіе за народнымъ образованіемъ должно оставаться въ рукахъ правительства; школы и вообще учебныя заведенія могутъ быть учреждаемы только по программамъ, утвержденнымъ правительствомъ; преподаваніе въ нихъ должно находиться подъ ближайшимъ надзоромъ министерства народного просвѣщенія—но, при недостаткѣ денежныхъ способовъ къ распространенію образованія на началахъ одобренныхъ правительствомъ, при неэффективности въ нѣкоторыхъ случаяхъ центрального правительственного надзора за правильнымъ употребленіемъ суммъ, назначенныхъ на удовлетвореніе мѣст-

¹⁾ Они напечатаны въ официальномъ изданіи: „Матеріалы по земскому общественному устройству“ (т. II, Спб. 1886, стр. 496 и сл.).

ныхъ потребностей, едва ли можно сомнѣваться въ пользѣ привлечь земство къ добровольному участию въ доставленіи средствъ къ устройству необходимыхъ для распространенія первоначальнаго образованія учебныхъ заведеній и къ наблюденію за ними на указанныхъ правительствомъ основаніяхъ“. Посему, и принимая также во вниманіе ходатайства нѣкоторыхъ дворянскихъ собраній ¹⁾, Государственный Совѣтъ включилъ въ ст. 2-ую Положенія о земскихъ учрежденіяхъ то правило объ „участіи земства—преимущественно въ хозяйственномъ отношеніи и въ предѣлахъ, закономъ опредѣленныхъ,—въ попеченіи о народномъ образованіи“, которое, въ нѣсколько измѣненной редакціи, перешло и въ ст. 2-ую дѣйствующаго Положенія 1890 г. ²⁾ Изъ исторіи происхожденія этой статьи дѣлается, въ настоящее время, выводъ, неблагоприятный для земства. Указывается на то, что, по мысли законодательной власти, какъ расходы по первоначальному народному образованію, такъ и хозяйственное завѣдываніе этимъ дѣломъ, должны были лежать преимущественно на обязанности правительства; происшедшее на самомъ дѣлѣ перенесеніе этой обязанности почти всецѣло на земскія учрежденія объясняется исключительно несовершеннымъ устройствомъ на мѣстахъ правительственныхъ органовъ для управленія начальнымъ образованіемъ. Съ этимъ мнѣніемъ нельзя согласиться. Замѣтимъ, прежде всего, что къ предметамъ вѣдомства земскихъ учрежденій первоначальный проектъ 1863-го года не относилъ ни попеченія о народномъ здоровьѣ, ни содѣйствія къ предупрежденію падежей скота и охраненію хлѣбныхъ посѣвовъ отъ истребленія вредными насѣкомыми и животными. Не предполагалось, слѣдовательно, никакого участія земства ни въ учебномъ, ни въ медицинскомъ, ни въ ветеринарномъ дѣлѣ; другими словами, не предполагалось призывать его къ дѣятельности именно на тѣхъ поприщахъ, на которыхъ оно принесло наибольшую пользу народу и государству. Мы едва ли ошибемся, если скажемъ, что такой пробѣлъ не былъ сознательнымъ и намѣреннымъ; иначе сохранились бы слѣды борьбы между противоположными взглядами, изъ которыхъ одинъ восторжествовалъ при составленіи, другой—при окончательномъ разсмотрѣніи проекта. Самая мысль о земскихъ учрежденіяхъ, какъ о чемъ-то существенно новомъ, рѣзко отличномъ отъ прежнихъ порядковъ, была тогда только-что пущена въ оборотъ и

¹⁾ Нижегородское дворянство предлагало отнести къ кругу дѣйствій земскихъ учреждений „устройство народныхъ школъ“; с.-петербургское—„попеченіе о распространеніи народнаго образованія“.

²⁾ Пунктъ X этой статьи, перечисляющей предметы вѣдомства земства, изложенъ такъ: „попеченіе о развитіи средствъ народнаго образованія и установленное закономъ участіе въ завѣдываніи содержимыми на счетъ земства школами и другими учебными заведеніями“.

созрѣвала постепенно, во время подготовительныхъ работъ, необходимыхъ для ея осуществленія. Сначала она невольно искала точекъ опоры въ понятіи о земскихъ повинностяхъ и земскихъ сборахъ, уже знакомомъ законодательству и жизни—а въ составѣ этого понятія не было ничего соприкасававшегося съ начальнымъ обученіемъ и народной медициной. Отсюда тѣсныя рамки, намѣченныя министерствомъ внутреннихъ дѣлъ для компетенціи земскихъ учреждений. Ко времени разсмотрѣнія проекта въ Государственномъ Совѣтѣ горизонтъ успѣлъ раздвинуться; необходимость участія земства въ развитіи начальной школы была признана тѣмъ яснѣе, что именно тогда въ Государственный Совѣтъ былъ внесенъ проектъ Положенія о начальныхъ народныхъ училищахъ (получившій силу закона 14 іюля 1864 г., черезъ полгода послѣ обнародованія Положенія о земскихъ учрежденіяхъ). Въ основаніи проекта лежало, между прочимъ, убѣжденіе въ недостаточности „центрального правительственнаго надзора“—и это убѣжденіе не могло не отразиться и на организаціи земскихъ учреждений. Ни изъ чего не видно, чтобы расходы на начальное обученіе и хозяйственное завѣдываніе начальной школой Государственный Совѣтъ имѣлъ въ виду возложить *преимущественно* на правительственную власть. Въ соображеніяхъ Государственнаго Совѣта идетъ рѣчь только о правительственномъ наблюденіи и надзорѣ, объ указаніи правительствомъ основныхъ началъ народного образованія, объ утвержденіи имъ программъ начальной школы. Все это постоянно оставалось и остается за правительствомъ; никакого вторженія въ область государственной дѣятельности со стороны земства здѣсь не происходило и не происходить, ни о какомъ смѣшеніи задачъ мѣстныхъ и общегосударственныхъ не было и нѣтъ рѣчи. Ассигнуя средства на устройство и содержаніе начальныхъ школъ, завѣдуя ими въ хозяйственномъ отношеніи, земство не сходило и не сходитъ съ той почвы, которую отвелъ ему въ 1863 году Государственный Совѣтъ. Ссылка на первый фазисъ земскаго дѣла доказываетъ, слѣдовательно, прямо обратное тому, что выводится изъ нея сторонниками ограниченія земской дѣятельности.

Даровавъ земству право участвовать въ попеченіи о народномъ образованіи, Положеніе 1864 г. не возложило на него, въ этомъ отношеніи, никакихъ опредѣленныхъ обязанностей. Включеніе въ земскія смѣты расходовъ на начальную школу, какъ и опредѣленіе ихъ размѣровъ, зависѣло всецѣло отъ усмотрѣнія земскихъ собраній. Были, однако, внутреннія причины, предрѣшавшія, въ болѣе или менѣе степени, направленіе земской дѣятельности. Пока оставалось въ силѣ крѣпостное право, поголовная почти безграмотность крестьянъ не могла считаться аномаліей; наоборотъ, она являлась какъ бы не-

обходимой составной частью до-реформенныхъ порядковъ. Одни видѣли въ ней существенно важное условіе, другіе—неизбѣжное послѣдствіе безправности и безгласности народныхъ массъ. Совершенно инымъ значеніе ея сдѣлалось послѣ отмѣны крѣпостной зависимости. Освобожденный народъ не могъ и не долженъ былъ оставаться темной массой, неспособной, именно вслѣдствіе своей темноты, пользоваться вновь прибрѣтенными правами. Это сознавали—и правительство, еще до 19 февраля 1861 г. помышлявшее о широкомъ распространеніи начальнаго обученія, и общество, взявшее на себя инициативу учрежденія воскресныхъ школъ, и литература, общая и спеціально-педагогическая, отводившая все больше и больше мѣста школьнымъ вопросамъ. Не могло не примкнуть къ общему движенію и земство, поставленное лицомъ къ лицу съ народомъ и видѣвшее во-очію результаты народнаго неумѣнья. Обстоятельства сложились такъ, что, кромѣ земства, некому было взять на себя удовлетвореніе вопиющей потребности. Финансовыя затрудненія, особенно сильныя въ шестидесятыхъ годахъ, мѣшали увеличенію государственныхъ расходовъ на начальное образованіе; новыхъ министерскихъ школъ открывалось очень мало; возрастали только затраты на надзоръ за начальнымъ обученіемъ. Остановилось и даже пошло назадъ развитіе церковно-приходскихъ школъ, въ началѣ шестидесятыхъ годовъ довольно быстрое, по крайней мѣрѣ номинально: въ 1860 г. ихъ числилось около 8.000 тыс., въ 1865—болѣе 21 тыс., въ 1881—только 4.440. Земство, на первыхъ порахъ, готово было рассчитывать на духовенство, какъ на одного изъ главныхъ двигателей и дѣятелей начальной школы; но попытки его установить взаимодѣйствіе обѣихъ силъ въ огромномъ большинствѣ случаевъ были безуспѣшны. Характеристиченъ, съ этой точки зрѣнія, разсказъ Н. Х. Весселя ¹⁾ о разговорѣ съ гр. Д. А. Толстымъ, относящемся именно къ началу дѣятельности земскихъ учреждений. „Знаете ли“ — сказалъ г. Весселю тогдашній министръ народнаго просвѣщенія и оберъ-прокуроръ св. синода,— „знаете ли, что сдѣлала со мною екатеринославская епархія, съ своими 400 церковно-приходскими школами? Я просилъ губернское земство оказать пособіе этимъ школамъ, и оно изъявило полную готовность; но по справкамъ на мѣстѣ, у благочинныхъ, оказалось, что всѣ эти 400 школъ существовали только въ отчетахъ, на бумагѣ“. Удивительно ли, что при такомъ положеніи вещей заботу о распространеніи начальнаго обученія взяло на себя главнымъ образомъ, земство? Это еще не все. Начальное обученіе развивалось и развивается почти вездѣ по инициативѣ или при дѣятельномъ участіи мѣстныхъ об-

¹⁾ См. „Русскую Школу“ 1891 г., № 9.

пественныхъ силъ. Начальныхъ школъ слишкомъ много; онѣ слишкомъ далеки отъ центровъ административной жизни, чтобы онѣ могли находиться въ исключительномъ вѣденіи присутственныхъ мѣстъ и должностныхъ лицъ. Съ другой стороны, онѣ такъ близки къ населенію, такъ непосредственно и постоянно соприкасаются съ нимъ, что невольно привлекаютъ къ себѣ его вниманіе, растущее по мѣрѣ успѣховъ школы и, въ свою очередь, способствующее этимъ успѣхамъ. Въ большинствѣ случаевъ попеченіе о школахъ выпадаетъ на долю общины, сначала свободной въ опредѣленіи размѣровъ и формъ помощи, потомъ болѣе или менѣе отвѣтственной передъ государствомъ, устанавливающимъ минимальную цифру общинныхъ затратъ на школьное дѣло. Такъ было, напримѣръ, въ Пруссіи и во Франціи—но такъ не могло быть у насъ въ Россіи. Наши сельскія общества, въ томъ видѣ, въ какомъ они вышли изъ реформы 1861-го года, были слишкомъ малолюдны, слишкомъ бѣдны, слишкомъ неразвиты, чтобы взять на себя, по собственному почину или по распоряженію свыше, организацію школьнаго дѣла. Общества волостныя, столь же неразвитыя и бѣдныя, какъ и сельскія, были слишкомъ обширны, слишкомъ раскинуты и не обнимали собою, въ добавокъ, всѣхъ элементовъ населенія: въ ихъ составъ не входили самыя зажиточныя и самыя образованныя изъ числа мѣстныхъ жителей. Оставалась—внѣ городовъ—только одна общественная сила, способная и готовая вынести на своихъ плечахъ главную тяжесть новой, неотложной задачи: это были земскія собранія. Гласные отъ землевладѣльцевъ приносили туда пониманіе того, что можетъ и должна дать начальная школа; гласные отъ крестьянъ—знаніе мѣстныхъ условій, опредѣляющихъ собою выборъ школьныхъ пунктовъ. Опытъ одного земства дѣлался достояніемъ всѣхъ или многихъ; появлялось соревнованіе, въ самой симпатичной своей формѣ—соревнованіе, свободное отъ зависти и радуемое чужой удачѣ. На помощь земству являлись, мало-по-малу, и крестьянскія общества, убѣдившіяся въ полезномъ вліяніи школы. За уѣздными собраніями втягивались въ заботу о школахъ и губернскія, изыскивая и находя новые способы содѣйствія начальному обученію. Такъ прошло около двадцати лѣтъ, въ продолженіе которыхъ ростъ начальной школы, въ земскихъ губерніяхъ, былъ почти исключительно дѣломъ земства. Въ этомъ не было, какъ мы уже видѣли, ничего несовмѣстнаго съ намѣреніями законодательной власти, выразившимися, въ 1863 г., въ мнѣніи Государственного Совѣта; но еслибы даже и можно было допустить, что первоначально правительство, будто бы, намѣчало для себя болѣе активную роль въ распространеніи начального обученія, то отсюда еще отнюдь не слѣдовало бы, что сыграть эту роль ему помѣшало земство. Ни въ какой узурпации

земство неповинно: оно не выходило изъ границъ, установленныхъ для него земскимъ Положеніемъ, и дѣятельность его кажется широкой только потому, что сравнительно узка была дѣятельность другихъ факторовъ, раздѣлявшихъ съ нимъ попеченіе о начальной школѣ. Совершенно ни при чемъ было здѣсь несовершенное устройство на мѣстахъ правительственныхъ органовъ по управленію начальными школами. Безспорно, организація дирекціи и инспекціи начальныхъ училищъ была и продолжаетъ быть весьма далекой отъ „совершенства“; но главный ея недостатокъ заключается именно въ томъ, что она стѣсняла и стѣсняетъ свободное дѣйствіе общественныхъ силъ, готовыхъ служить дѣлу народнаго образованія. Увеличеніе государственныхъ расходовъ на начальныя школы было вполнѣ возможно и при тѣхъ мѣстныхъ органахъ, которыми давно уже располагаетъ министерство народнаго просвѣщенія; лучшимъ доказательствомъ этому служатъ субсидіи, которыя само министерство ассигнуетъ, въ послѣднее время, на нѣкоторыя земскія школы. Или, быть можетъ, все „несовершенство“ устройства правительственной инспекціи сводится къ ея малочисленности, заставляющей ее раздѣлять съ земствомъ *хозяйственныя* заботы о начальной школѣ? Но вѣдь гораздо худшею крайностью была бы излишняя многочисленность инспекціи, неизбежная въ случаѣ передачи ей всецѣло хозяйственнаго завѣдыванія начальной школой. Для каждаго уѣзда понадобилось бы тогда по нѣскольку инспекторовъ; найти такое множество компетентныхъ чиновниковъ было бы крайне трудно, а издержки содержанія ихъ легли бы тяжелымъ—и непроизводительнымъ—бременемъ на государственный бюджетъ.

Существенную перемѣну въ положеніи начальнаго обученія произвели правила о церковно-приходскихъ школахъ, изданныя въ 1884 и дополненныя въ 1891 г. До изданія этихъ правилъ церковныя школы, предоставленныя самимъ себѣ, едва поддерживали свое существованіе и не помышляя о соперничествѣ съ земской школой; не было никакого антагонизма и между школами земскими и министерскими, какъ потому, что тѣ и другія принадлежали къ одному и тому же вѣдомству, такъ и потому, что министерскихъ школъ было очень мало, и назначеніемъ ихъ считалось не столько *распространеніе* начальнаго обученія, сколько созданіе для него образцовъ или нормъ, достойныхъ подражанія. Не всегда, правда, земская школа пользовалась сочувствіемъ и довѣріемъ министерства народнаго просвѣщенія; слишкомъ часто оно затрудняло ея развитіе избыткомъ регламентаціи, слишкомъ расположено было видѣть въ инспекторахъ народныхъ училищъ не столько руководителей-педагоговъ, сколько суровыхъ наблюдателей надъ учащими. Прямыхъ препятствій росту земской школы, тѣмъ не

менѣе, не противопоставлялось; не возникалъ вопросъ о замѣнѣ ея школой другого типа. Когда, въ 1882 г., получили, наконецъ, официальное признаніе „школы грамоты“, можно было быть увѣреннымъ въ томъ, что онѣ войдутъ въ систему земскихъ школъ; попытки въ этомъ направленіи начались во многихъ мѣстахъ, и все предвѣщало имъ полную удачу. Правила 1884-го года, изъявъ школы грамоты изъ круга земской дѣятельности, вызвали, вмѣстѣ съ тѣмъ, быстрое увеличеніе числа церковно-приходскихъ школъ—особенно быстрое съ тѣхъ поръ, какъ одна за другою состоялись въ ихъ пользу, въ половинѣ 90-хъ годовъ, значительныя ассигновки изъ средствъ государственнаго казначейства. Образовались двѣ крупныя группы начальныхъ школъ, подвѣдомственные одна—министерству народнаго просвѣщенія, другая—св. синоду. Весьма скоро возникъ вопросъ о возможности—или необходимости—объединенія обѣихъ группъ, и притомъ объединенія ихъ не въ рукахъ министерства народнаго просвѣщенія, а въ рукахъ духовнаго вѣдомства. Нѣсколько разъ разрѣшенный отрицательно, или признанный несвоевременнымъ, этотъ вопросъ постоянно ставится вновь и выдвигается на очередь, повидимому, и въ настоящее время. Съ формальной стороны указывается, обыкновенно, на неудобства, сопряженные съ разнородностью источниковъ, изъ которыхъ черпаются средства на содержаніе начальныхъ школъ. Между затратами, дѣлаемыми на министерскія школы и на школы духовнаго вѣдомства, не усматривается большого различія: и тѣ, и другія входятъ въ составъ государственныхъ расходовъ и, слѣдовательно, ассигнуются, утверждаются и производятся въ одномъ и томъ же порядкѣ. Совершенно отдѣльно и какъ бы самостоятельно стоять, наоборотъ, земскіе расходы на народное образованіе, ничѣмъ не связанные съ правительственными мѣропріятіями по этому предмету. Между тѣмъ, земскіе сборы уплачиваются не кѣмъ другимъ, какъ плательщиками налоговъ; усиленіе земскаго обложенія, уменьшая платежныя силы населенія, мѣшаетъ увеличенію государственныхъ доходовъ. Если казна принимаетъ на себя тотъ или другой расходъ, прежде лежавшій на обязанности земства, то послѣднее, сплошь и рядомъ, увеличиваетъ на ту же сумму другіе необязательные расходы, и земское обложеніе остается прежнее. Расширенію участія государственной казны въ расходахъ на начальное обученіе долженъ предшествовать, поэтому, пересмотръ порядка открытія начальныхъ народныхъ училищъ и производства расходовъ на ихъ содержаніе... Нетрудно замѣтить, что подобными доводами предпрѣгается не только объединеніе начальныхъ школъ, но и основное условіе объединенія: устраненіе земской дѣятельности въ сферѣ народнаго образованія. Открытымъ можно считать развѣ вопросъ о томъ, оста-

нуты ли школы, созданныя земствомъ, въ вѣденіи министерства народнаго просвѣщенія, или перейдутъ въ духовное вѣдомство. Чтò болѣе вѣроятно—объ этомъ можно судить, до извѣстной степени, по ближайшему прошлому министерской и церковно-приходской школы: насколько первая неподвижна и не экспансивна, настолько вторая неутомима въ стремленіи раздвинуть внѣшніе предѣлы своей области.

Есть ли, однако, что-нибудь аномальное въ содержаніи начальныхъ школъ отчасти на земскій, отчасти на общегосударственный счетъ? По нашему глубокому убѣжденію—рѣшительно ничего. Доводительствомъ этому служить, прежде всего, примѣръ другихъ культурныхъ государствъ. Почти вездѣ, какъ уже указано выше, начальныя школы содержатся, главнымъ образомъ, мѣстными союзами (общинами), при болѣшемъ или меньшемъ содѣйствіи государства. Форма этого содѣйствія имѣетъ, очевидно, второстепенное значеніе: оно можетъ выражаться какъ въ субсидіяхъ на каждую школу, удовлетворяющую извѣстнымъ условіямъ, такъ и въ открытіи государствомъ своихъ собственныхъ школъ, рядомъ съ общинными или общественными. Первый способъ оказывается цѣлесообразнымъ въ особенности тамъ, гдѣ союзы, пекущіеся о школахъ, обнимаютъ собою небольшую территорию и немногочисленное населеніе; второй болѣе подходитъ къ союзамъ обширнымъ, какими являются, напримѣръ, наши уѣздыя земства,—но одинъ отнюдь не исключаетъ другого, и они могутъ переплетаться между собою въ самыхъ разнообразныхъ сочетаніяхъ. Расходъ на начальныя школы принадлежитъ именно къ числу тѣхъ, которые одинаково важны и для данной мѣстности, и для всего государства: для данной мѣстности—какъ средство удовлетворенія одной изъ самыхъ насущныхъ потребностей ея населенія; для государства—какъ одно изъ условій его могущества и процвѣтанія. Начальная школа должна проникать во всѣ изгибы и закоулки страны; учащіеся не могутъ стекаться къ ней издалека, какъ къ средней или высшей школѣ—она сама, слѣдовательно, должна приблизиться къ учащимся. Отсюда тѣсная связь ея съ мѣстными союзами, не только оправдывающая, но прямо вызывающая непосредственное участіе ихъ въ ея развитіи. Государство не можетъ не знать о дѣятельности ихъ въ этомъ направленіи—дѣятельности, подлежащей его наблюденію и контролю; ничто не мѣшаетъ ему принимать ее въ расчетъ при своихъ собственныхъ мѣропріятіяхъ на пользу начального обученія, сообразовать съ нею свои расходы, устанавливать минимальные ея размѣры. Конечно, мѣстное обложеніе отражается на общегосударственномъ; но вѣдь это можно сказать не только о расходахъ на начальную школу, но и о всякихъ другихъ, покрываемыхъ мѣстными налогами. Кто же, однако, выводитъ отсюда необходимость уничтоженія мѣстныхъ налоговъ и от-

несенія всѣхъ мѣстныхъ расходовъ на общегосударственный бюджетъ? Ничего подобнаго, сколько намъ извѣстно, не предлагалось никогда и нигдѣ, по той простой причинѣ, что существованіе мѣстныхъ налоговъ (общинныхъ, окружныхъ, провинціальныхъ, департаментскихъ и т. п.—въ западной Европѣ; сельскихъ, волостныхъ, земскихъ, городскихъ—у насъ въ Россіи) коренится въ тѣхъ же элементарныхъ, неотразимыхъ требованіяхъ жизни, которыми создаются и поддерживаются разнообразныя мѣстные союзы... Что удивительнаго, дагѣе, въ томъ, что снятіе съ земства тѣхъ или другихъ обязательныхъ расходовъ, или вообще облегченіе податного бремени, ведетъ иногда къ увеличенію земскихъ затратъ на народное образованіе? Для начальнаго обученія остается сдѣлать еще такъ много, что обращеніе на этотъ предметъ всякаго свободнаго рубля можетъ быть признано скорѣе заслугой, чѣмъ ошибкой земства. Оставаться при нынѣшней цифрѣ расхода на начальное обученіе (т.-е. на начальныя школы всѣхъ вѣдомствъ и наименованій) невозможно; она должна возрасти, и возрасти весьма значительно. Совершится ли этотъ ростъ исключительно путемъ увеличенія государственнаго бюджета, или же, между прочимъ, путемъ увеличенія земскихъ сборовъ — во всякомъ случаѣ онъ потребуетъ новаго напряженія платежныхъ силъ. При этомъ необходимо имѣть въ виду, что къ земскому обложенію наиболѣе достаточныя классы населенія привлекаются въ болѣе мѣрѣ, чѣмъ къ общегосударственному: государственный поземельный налогъ весьма невеликъ въ сравненіи съ земскимъ поземельнымъ сборомъ. Перенесеніе всѣхъ земскихъ расходовъ на начальное обученіе въ общегосударственную смѣту было бы, такимъ образомъ, не облегченіемъ, а отягощеніемъ народной массы, на которой лежитъ главная часть податного бремени.

Есть еще одно важное обстоятельство, упускаемое изъ виду защитниками объединенія расходовъ на начальное обученіе. Начальныя школы всѣхъ вѣдомствъ содержатся не только на счетъ государства, церкви и земства (или городовъ), но и на счетъ крестьянскихъ обществъ. Изъ общей суммы въ 16¹/₄ милліоновъ, которая, въ 1891 г., тратилась на начальныя школы вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія, болѣе четверти—около 4¹/₄ милл.—приходилось на долю сельскихъ обществъ и попечительствъ. Въ той же почти пропорціи сельскія общества участвовали и въ расходахъ на церковно-приходскія школы и школы грамоты (въ 1892-93 г.—660 тыс. руб. изъ 2³/₄ милл.). Эти расходы имѣютъ такой же самостоятельный характеръ, какъ и земскія затраты на начальную школу; какъ тѣ, такъ и другія не подчинены порядку, въ которомъ разсматриваются и устанавливаются смѣты государственныхъ расходовъ. Едва ли, однако, кто-ни-

будь рѣшится предложить *освобожденіе* волостныхъ и сельскихъ сходовъ отъ затратъ на народное образованіе, т.-е. устраненіе ихъ отъ прямого участія въ содержаніи школъ, основанныхъ по ихъ желанію и удовлетворяющихъ ясно сознаваемой ими потребности... Кромѣ денежныхъ взносовъ на школы, крестьянскія общества, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, снабжаютъ ихъ, въ натурѣ, помѣщеніемъ, отопленіемъ, освѣщеніемъ и прислугой, что, переведенное на деньги, составило бы еще нѣсколько сотъ тысячъ или даже миллионовъ рублей. Все это, вмѣстѣ взятое, несомнѣнно уменьшаетъ ту платѣжную силу, которою можетъ располагать государство; но вѣдь то же самое можно сказать и о всякомъ обязательномъ мірскомъ расходѣ—а между тѣмъ никто не возбуждаетъ вопроса объ отиѣнѣ всѣхъ мірскихъ (волостныхъ и сельскихъ) сборовъ, какъ препятствующихъ росту государственныхъ налоговъ. Мѣстные налоги разныхъ степеней и наименованій вездѣ существуютъ рядомъ съ общегосударственными, укладываясь вмѣстѣ съ ними, несмотря на различіе въ порядкѣ назначенія и утвержденія, въ одну цѣльную финансовую систему. Задачей благоустроеннаго государственнаго управленія является не ростъ одной категоріи налоговъ на счетъ другой или другихъ, а такое распредѣленіе ихъ между различными категоріями, которое всего болѣе соотвѣтствовало бы запросамъ жизни и интересамъ населенія. Важно не установленіе внѣшняго однообразія, а достиженіе, хотя бы и разными путями, возможно лучшихъ результатовъ. Съ этой точки зрѣнія и слѣдуетъ, какъ намъ кажется, разсматривать вопросъ объ участіи земства въ попеченіи о начальной школѣ.

Въ жизни учреждений, какъ и отдѣльныхъ лицъ, прошлое бросаетъ болѣе или менѣе яркій свѣтъ на будущее, служа гарантіей или предостереженіемъ, возбуждая опасенія или надежды. Мы видѣли уже, при какихъ условіяхъ началась дѣятельность земства въ области начальнаго обученія. Свободное отъ всякихъ обязанностей по этому предмету, ничѣмъ и никѣмъ не понуждаемое, весьма мало поощряемое, оно скоро пришло къ убѣжденію, что именно здѣсь открывается передъ нимъ широкое поприще плодотворной работы. Большой заслугой была уже рѣшимость приступить къ этой работѣ, но еще болѣе—выборъ для нея способовъ и пріемовъ. Отличительными чертами русской начальной школы, въ томъ зачаточномъ видѣ, въ какомъ ее застала эпоха великихъ реформъ, можно считать отсутствіе сколько-нибудь подготовленныхъ учителей, отрѣшенность отъ жизни и суровость нравовъ, граничащая съ жестокостью. Способнымъ къ преподаванію въ начальной школѣ признавался всякій грамотный или даже полуграмотный человѣкъ, хотя бы онъ по своему развитію стоялъ отнюдь не выше среды, съ которой ему приходилось имѣть

дѣло. Характеръ преподаванія былъ почти исключительно механический: усвоивались, выѣшнымъ образомъ, только навыки, умѣнье читать не было равносильно умѣнью понимать, знаніе грамоты (преимущественно церковно-славянской) оставалось, сплошь и рядомъ, мертвой буквой. Отношенія учащаго къ учащимся были построены на страхѣ, поддерживаемомъ побоями. Все это, въ той или другой степени, можно наблюдать и теперь въ тѣхъ школахъ, которыхъ всего меньше коснулись новыя вѣянія—напр. во многихъ школахъ грамоты, учителя которыхъ набираются изъ среды отставныхъ солдатъ, удаленныхъ отъ должности дьячковъ, неспособныхъ къ работѣ или отбившихся отъ нея крестьянъ; недавно еще къ этому типу подходили и нѣкоторыя школы, устроенныя раскольниками. Увлечясь, на первыхъ порахъ, дешевизною школъ стараго образца, озабочиться только *распространеніемъ* начального обученія, хотя бы и прежняго уровня, было весьма легко; вѣдь увеличеніе *количества* школъ—фактъ наглядный, очевидный, которымъ можно хвалиться, а улучшеніе ихъ *качества* не бросается въ глаза и достигается съ гораздо большими усиліями и далеко не такъ скоро. Въ громадномъ большинствѣ случаевъ, однако, земство пошло именно послѣднимъ путемъ, менѣе виднымъ и болѣе труднымъ; оно поняло, что укорениться въ народѣ, приобрести его любовь и его довѣріе можетъ только школа высшаго типа, чѣмъ созданная въ крѣпостное время. Довольствуясь сначала, по необходимости, учителями не имѣвшими надлежащей подготовки, земства съ самаго открытія ихъ дѣятельности стоятъ за устройство специальныхъ учебныхъ заведеній для подготовки народныхъ учителей и учительницъ, одно время официально признававшееся ненужнымъ, и сами учреждаютъ нѣсколько учительскихъ школъ. Земству принадлежитъ также инициатива организаціи учительскихъ курсовъ и съѣздовъ, имѣющихъ громадное педагогическое значеніе; земскія школы открыли женщинамъ доступъ въ сферу начального обученія, для котораго учительницы сдѣлали и продолжаютъ дѣлать такъ много. Благодаря земству, грошовая плата народнымъ учителямъ замѣняется вознагражденіемъ хотя и скромнымъ, часто даже слишкомъ скромнымъ, но все же позволяющимъ привлекать на учительскія должности контингентъ людей сравнительно развитыхъ и образованныхъ. Для удержанія ихъ на этихъ должностяхъ устанавливаются многими земствами періодическія прибавки къ жалованью, пособія или пенсіи за болѣе продолжительную службу. Соотвѣтственно учительскому персоналу измѣняются и методы преподаванія: машинальное заучиванье уступаетъ мѣсто усвоенію знанія, техническія усовершенствованія въ процессъ первоначальнаго обученія грамотѣ оставляютъ больше простора для дальнѣйшихъ занятій, современный русскій

языкъ вступаетъ въ свои права, чтеніе становится сознательнымъ и служить, попутно, средствомъ пріобрѣтенія кое-какихъ элементарныхъ свѣдѣній. Появляются новыя пособія и руководства, не всегда и не вполнѣ удовлетворительныя, но далеко превосходящія все раньше сдѣланное по этой части. Рука-объ-руку съ развитіемъ земской школы идетъ развитіе педагогической литературы, для теоретическихъ выводовъ которой открывается широкая область практическаго примѣненія. Совершенно иною становится, наконецъ, школьная дисциплина. Изъ земской школы изгоняются всѣ грубыя формы физической расправы; наказанія играютъ въ ней роль гораздо меньшую, чѣмъ въ средне-учебныхъ заведеніяхъ. Дѣти, которыхъ прежде нужно было загонять въ школу, теперь идутъ туда охотно, даже съ радостью; между учащими и учащимися образуется тѣсная связь, не прерываемая, въ лучшихъ случаяхъ, даже окончаніемъ ученія. Занятія весьма часто ведутся и въ не-учебные часы; дѣти чувствуютъ себя въ школѣ какъ дома. Само собою разумѣется, что главную роль въ этой перемѣнѣ сыграли сами учителя, рѣдко поддерживаемые, но рѣдко и останавливаемые инспекціей начальныхъ училищъ. Не случайно, однако, перемѣна произошла именно на земской почвѣ. Приступая къ открытію школъ не въ силу приказанія свыше, земство осталось свободнымъ отъ формализма, довольствующагося показными успѣхами или дутыми цифрами; лишенное принудительной власти, оно могло разсчитывать только на сочувствіе населенія и на притягательную силу самого дѣла, способнаго вдохновить дѣятелей; горячо вѣря въ свое призваніе, оно могло передать эту вѣру всѣмъ работающимъ на одной съ нимъ почвѣ. Въ массѣ безкорыстнаго труда, вызваннаго къ жизни земскими учрежденіями, выдающееся мѣсто занимаетъ трудъ, такъ или иначе соприкасающійся съ народнымъ образованіемъ. Невозможно вычислить съ точностью, сколько сдѣлали, въ этомъ отношеніи, земскіе члены училищныхъ совѣтовъ, гласные земскихъ собраний, попечители земскихъ школъ и всѣ другія лица, интересъ которыхъ къ начальному обученію возбужденъ, прямо или косвенно, дѣятельностью земства; но что они сдѣлали много, очень много—въ этомъ не усомнится ни одинъ безпристрастный наблюдатель русской жизни. Столь же несомнѣнно и то, что когда, послѣ долгаго застоя, возобновилось развитіе церковно-приходской школы, она пошла, во многомъ, по путямъ, указаннымъ или проложеннымъ земскою школою. Если церковно-приходское училище новаго времени далеко не во всемъ напоминаетъ собою старую часословную школу, то это зависитъ, въ значительной степени, отъ новизны, внесенной земствомъ въ составъ и характеръ начальнаго обученія. Попытки уклониться отъ основныхъ началъ, выработанныхъ опытомъ земской школы, не при-

водили къ цѣли. Такъ напримѣръ, не оправдалось, на практикѣ, ограниченіе курса церковно-приходской школы двумя годами, съ которымъ связывалась мысль объ удешевленіи начального обученія; нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ необходимость трехлѣтняго курса, принятаго, какъ минимумъ, земской школой, признана официально и по отношенію къ школъ церковно-приходской.

Земская дѣятельность, какъ и всякая другая, имѣетъ свои паденія и свои подъемы, иногда зависящіе отъ самого земства, иногда—отъ постороннихъ обстоятельствъ. Въ сферѣ начального обученія земству случалось останавливаться, случалось даже—въ видѣ исключенія—идти назадъ; но не въ такой полосу оно находится въ настоящую минуту. Несмотря на новое земское Положеніе, измѣнившее къ худшему составъ земства, послѣдніе годы были не только временемъ возобновленія роста земскихъ школъ, но и временемъ возбужденія земскими собраніями вопроса о всеобщемъ обученіи. Труды земства въ этомъ направленіи—вторая крупная его заслуга въ дѣлѣ народнаго образованія. Тридцать лѣтъ тому назадъ, оно создало новый, высшій типъ начальной школы; теперь оно стремится къ *общедоступности* школы—школы именно этого типа, а не ея болѣе или менѣе жалкихъ суррогатовъ. Въ проектахъ школьных сѣтей, составляемыхъ земствами, находятъ мѣсто церковно-приходскія школы, но отнюдь не школы грамоты. Это еще не значитъ, чтобы послѣднія, съ самаго момента осуществленія сѣти, должны были исчезнуть съ лица земли; онѣ могутъ остаться подготовительною ступенью къ *нормальной* начальной школь, но не должны быть разсматриваемы какъ самостоятельная, самодовлѣющая ея разновидность. Земство и здѣсь вѣрно самому себѣ: въ первомъ періодѣ своей дѣятельности оно предпочитало одну хорошую школу двумъ или тремъ плохимъ—и теперь оно не жертвуетъ качествомъ школы, чтобы поскорѣе достигнуть ея общедоступности. Несмотря на это, земскіе проекты всеобщаго обученія—не мечты, улетающія куда-то въ туманную даль, а вполне практичныя планы, исполнимые въ ближайшемъ будущемъ; когда московское губернское земство, въ 1896 г., составило нормальную школьную сѣть и рѣшило помочь уѣздамъ въ ея осуществленіи,—предстояло открыть 287 новыхъ школъ, т.-е. увеличить число наличныхъ школъ *въ полтора раза*. Съ тѣхъ поръ прошло только три года—а вновь открытыхъ школъ, къ началу слѣдующаго учебнаго года, будетъ уже 195; остается открыть только *девяносто-два* школы. Въ московскомъ уѣздѣ начальное обученіе можетъ уже считаться общедоступнымъ; въ уѣздахъ дмитровскомъ, звенигородскомъ, коломенскомъ, рузскомъ и серпуховскомъ оно сдѣлается общедоступнымъ съ осени нынѣшняго года. Недалеко отстаетъ отъ московской и тверская губернія; въ тверскомъ уѣздѣ все-

общее обученіе возможно уже теперь; въ уѣздахъ новоторжскомъ и весьегонскомъ будетъ возможно весьма скоро. Число земствъ, изучающихъ вопросъ о всеобщемъ обученіи и подготовляющихъ его разрѣшеніе, растетъ съ каждымъ годомъ. Не забываетъ земство, вмѣстѣ съ тѣмъ, и другихъ сторонъ вопроса о народномъ образованіи. Московскому губернскому земскому собранію, сессія котораго началась, въ этомъ году, только 3-го марта, представлены, между прочимъ, доклады о приготовленіи учителей и учительницъ, о добавочномъ вознагражденіи учителямъ, о вознагражденіи законоучителей, объ учительскихъ курсахъ и сѣздахъ, объ обществахъ взаимопомощи учащихся, о бібліотекахъ управскихъ, народныхъ и школьных, о книжныхъ складахъ, о народныхъ чтеніяхъ, объ обученіи рисованію и гнѣнію, о постройкѣ школьныхъ зданій. По справедливому замѣчанію „Русскихъ Вѣдомостей“, знаменателенъ уже самый перечень этихъ вопросовъ, показывающій, какъ разносторонни земскія заботы объ образованіи народа. Правда, московское земство, благодаря счастливому стеченію обстоятельствъ—значительности матеріальныхъ средствъ и богатству личныхъ силъ—во многомъ стояло и стоитъ впереди другихъ; но, различная по размѣрамъ, дѣятельность всѣхъ земствъ болѣе или менѣе однородна по духу, и между ними едва ли найдется хоть одно, совершенно равнодушное къ начальной школѣ.

Если начальная народная школа, сколько-нибудь удовлетворяющая требованіямъ истиннаго образованія, обязана земству не только сравнительно быстрымъ распространеніемъ, но и самымъ существованіемъ своимъ; если въ продолженіе цѣлой трети вѣка земство, болѣею частью при самыхъ неблагоприятныхъ условіяхъ, непрерывно и неустанно работало въ области народнаго образованія; если въ настоящее время эта работа ведется съ особенною настойчивостью и силой, пролагая путь къ всеобщему обученію,—то не ясно ли, что отстраненіе земства отъ всякаго касательства къ начальной школѣ было бы не только величайшею несправедливостью, но и крупной, трудно вознаградимой потерей для народа? Не ясно ли, что чисто техническія неудобства двоякаго (или, правильнѣе, тройкаго) обложенія,—еслибы они и были доказаны, — ничтожны въ сравненіи съ пользой, принесенной и приносимой дѣятельнымъ участіемъ земства (и крестьянскихъ обществъ) въ открытіи и содержаніи начальныхъ школъ? Не ясно ли, что въ такой громадной и бѣдной странѣ, какъ Россія, успѣшное развитіе народнаго образованія возможно только при общихъ, дружныхъ усиліяхъ государства, церкви, всѣхъ сословій, всѣхъ классовъ, всѣхъ организованныхъ и неорганизованныхъ обществен-

ныхъ силъ? Безспорно, одними земскими средствами, при пынѣшней ограниченности и скудости земскихъ источниковъ дохода, всеобщее обученіе можетъ быть создано не вездѣ; но вѣдь недостаточными для этой цѣли оказываются мѣстныя средства и въ наиболѣе культурныхъ государствахъ — а между тѣмъ никто въ западной Европѣ не предлагаетъ изъять начальныя школы изъ вѣденія мѣстныхъ общественныхъ союзовъ. Въ послѣднее время наше министерство народнаго просвѣщенія вступило, наконецъ, на путь совмѣстной дѣятельности съ земствомъ, принявъ участіе въ расходахъ на открытіе и содержаніе новыхъ земскихъ школъ (въ губерніяхъ олонейской и с.-петербургской). Въ дальнѣйшемъ слѣдованіи по этому пути, не случайномъ, а систематическомъ и планомѣрномъ, и еще болѣе — въ увеличеніи земскихъ средствъ и въ расширеніи земской инициативы, лежитъ ключъ къ правильному разрѣшенію школьнаго вопроса.

Дѣятельность каждаго общественнаго учрежденія можетъ быть нормальной и успѣшной только при двухъ условіяхъ: при увѣренности, что она встрѣчаетъ справедливую оцѣнку и не рискуетъ быть прерванной внезапно и безпричинно — и при достаточно широкомъ просторѣ, способномъ возбудить живой интересъ какъ въ самихъ участникахъ учрежденія, такъ и въ обществѣ, слѣдящемъ за его работой. Для земской дѣятельности оба эти условія были до сихъ поръ налицо, хотя и въ весьма скромныхъ размѣрахъ; но ни о томъ, ни о другомъ, не могло бы болѣе быть и рѣчи, еслибы земство было отстранено отъ участія въ заботѣ о начальной школѣ. Довѣріе къ будущему земству было бы поколеблено въ самыхъ своихъ основахъ: еслибы дѣятельность его была признана излишней именно тамъ, гдѣ она принесла наибольшую пользу, то ничѣмъ, очевидно, не было бы гарантировано продолженіе ея во всемъ остальномъ. Исчезъ бы, вмѣстѣ съ тѣмъ, главный стимулъ, заставляющій дорожить принадлежностью къ земству, посвящать ему свои силы и свое время. На первый взглядъ, могло бы показаться, что никакой существенной перемѣны ни въ чемъ не произошло: официальное попеченіе о начальной школѣ могло бы даже возрасти, число начальныхъ школъ могло бы быстро увеличиться — но рано или поздно значеніе пробѣла, образовавшагося въ области начальнаго обученія, перестало бы быть предметомъ сомнѣній, и оскуднѣніе духа почувствовалось бы со всею силой...

К. АРСЕНЬЕВЪ.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 апрѣля 1899.

Идея разоруженія въ Европѣ и международная практика государствъ.—Внѣшняя политика Англіи и другихъ державъ.—Подвиги американцевъ на Филиппинскихъ островахъ.—Печальныя противорѣчія и недоразумѣнія.—Внутреннія дѣла въ Германіи и Франціи.

Чѣмъ меньше проявляется въ практикѣ жизни идея всеобщаго мира, осуществленіе которой связано съ господствомъ права и справедливости,—тѣмъ сильнѣе дѣйствуетъ она на умы, и тѣмъ внимательнѣе прислушиваются народы къ торжественному провозглашенію ея въ моменты тревожныхъ колебаній и сомнѣній. Проектъ международной конференціи по вопросу о разоруженіи возбудилъ повсюду общественныя симпатіи, хотя и поставленъ на очередь при обстоятельствахъ далеко не благоприятныхъ. Движеніе въ пользу мира сталкивается съ порывами воинственнаго націонализма, который въ послѣдніе годы рѣшительно поднимаетъ голову не только въ международныхъ, но и во внутреннихъ отношеніяхъ государствъ, и притомъ не только въ старыхъ военныхъ монархіяхъ, но и въ Англіи, и въ Сѣверной Америкѣ. „Крестовый походъ“ противъ войны имѣетъ еще чисто-платоническій характеръ и уживается какъ-то съ фактами и стремленіями совершенно противоположнаго свойства; но во всякомъ случаѣ онъ составляетъ крупное явленіе, которому, быть можетъ, принадлежитъ будущее. Это подтверждается недавнимъ официальнымъ сообщеніемъ, появившимся въ „Правительственномъ Вѣстникѣ“, отъ 14 марта, по поводу миролюбивыхъ манифестацій, вызванныхъ въ различныхъ странахъ русскою инициативою. Текстъ этого сообщенія гласитъ слѣдующее:

„Въ виду полученныхъ изъ всѣхъ странъ свѣта многочисленныхъ телеграфныхъ и письменныхъ заявленій искренней благодарности Его Величеству по поводу принятаго Россією великодушнаго почина въ дѣлѣ упроченія всеобщаго мира, Государю Императору благоугодно было Высочайше повелѣть министру иностранныхъ дѣлъ отправить всѣмъ представителямъ Россіи за границею печатаемую ниже циркулярную депешу отъ 11-го марта 1899 года“.

Циркулярная депеша министра иностранныхъ дѣлъ російскимъ представителямъ заграницею отъ 11-го марта 1899 года:

„Со времени обнародованія циркулярнаго сообщенія, отъ 12-го

августа минувшаго года, Государю Императору были представлены изъ разныхъ странъ свѣта безчисленныя выраженія благодарности по поводу великодушнаго почина, принятаго на Себя Его Величествомъ въ видахъ облегченія тягостей, созданныхъ современными вооруженіями, и упроченія всеобщаго мира.

„Его Императорскому Величеству были особенно пріятны таковыя выраженія сочувствія, свидѣтельствующія, въ какой степени идея мира, имѣющая въ основѣ своей матеріальное и духовное благосостояніе народовъ, находитъ себѣ горячій откликъ во всѣхъ странахъ свѣта. Вслѣдствіе сего, Государю Императору благоугодно было Высочайше повелѣть мнѣ передать, чрезъ ваше посредство, Свою искреннюю признательность всѣмъ тѣмъ лицамъ или учрежденіямъ, кои изъ страны, гдѣ вы аккредитованы, обратились къ Его Величеству въ адресахъ, письмахъ, телеграммахъ, или инымъ способомъ, съ выраженіемъ своихъ чувствъ по поводу предпринятаго возвышеннаго и человѣколюбиваго дѣла.

„Государь Императоръ съ удовольствіемъ усматриваетъ въ единодушномъ сочувствіи, сказавшемся одновременно съ выраженнымъ всѣми правительствами согласіемъ на конференцію въ Гаагѣ,—новый залогъ успѣха стараній, направленныхъ къ развитію въ общественномъ сознаніи и жизни всѣхъ государствъ плодотворнаго начала всеобщаго мира“.

Всѣхъ больше занимались обсужденіемъ русскаго проекта англичане и американцы,—отчасти въ силу своей привычки свободно высказываться въ публичныхъ собраніяхъ и въ печати о событіяхъ и вопросахъ, представляющихъ общій интересъ. Въ Англіи предпринята была даже цѣлая организація для пропаганды идеи мира, подъ руководствомъ или по почину извѣстнаго журналиста Стэда, редактора „Review of Reviews“; въ Лондонѣ собрался 21 марта (нов. ст.) съѣздъ основаннаго съ этою цѣлью „національнаго союза“, подъ предсѣдательствомъ лорда Эбердина, и резолюціи этого съѣзда были представлены замѣстителю министра иностранныхъ дѣлъ, Бальфуру, который отнесся къ дѣлу въ высшей степени сочувственно. На съѣздѣ не было выдающихся ораторовъ; въ вечернемъ собраніи того же 21 марта предсѣдательствовалъ лондонскій епископъ, и произнесены рѣчи членами парламента, Кортнеемъ, Стэнгопомъ и Вудомъ, а также президентомъ лондонскаго совѣта „свободной церкви“, Макъ-Эваномъ, и наконецъ Стэдомъ. Въ газетахъ завелась особая рубрика: „The peace crusade“; отчеты о разныхъ митингахъ въ этомъ родѣ наполняютъ иногда цѣлые столбцы. Между прочимъ, въ половинѣ марта состоялся публичный митингъ въ Кенсингтонѣ; говорили лордъ Россель, епи-

скогь Торнтонъ, сэръ Артуръ Арнольдъ, мѣстный викарій и другіе. Однако движеніе вообще не приняло тѣхъ широкихъ размѣровъ, какіе стремился придать ему извѣстный журнальный антрепренеръ, не пользующійся, повидимому, особенно лестной репутаціей въ своемъ отечествѣ. По словамъ самого Стэда, „національная совѣсть“ дѣйствуетъ вяло, и нѣтъ никого, кто замѣнилъ бы Гладстона, ибо Морлэй боленъ, а сэръ Гаркортъ остается въ сторонѣ. Но, быть можетъ, національная совѣсть останавливается передъ бросающимися въ глаза противорѣчіями между теоріей и практикою современной государственной жизни. Обычные интересы и мотивы „національнаго патріотизма“ толкаютъ на путь непрерывныхъ вооруженій и насилій, и тѣ же министры и политическіе дѣятели, которые высказываютъ свое безусловное сочувствіе идеямъ всеобщаго мира, настойчиво требуютъ все новыхъ жертвъ для осуществленія предпріятій, основанныхъ исключительно на превосходствѣ силы надъ правомъ.

Чтобы обезпечить себѣ львиную долю въ дѣлѣхъ чужихъ территорій на дальнемъ Востокѣ и въ Африкѣ, британское правительство должно постоянно усиливать свой флотъ, какъ это краснорѣчиво объяснилъ товарищъ Бальфура по кабинету, морской министръ Гошенъ, въ своей послѣдней бюджетной рѣчи въ палатѣ общинъ, 9 марта. На будущій годъ расходы по морскому вѣдомству въ Англіи составятъ сумму въ 26.594.500 фунтовъ стерлинговъ, тогда какъ бюджетъ 1898-99 установленъ въ размѣрѣ 23.778.400 ф.; слѣдовательно, затраты на флотъ увеличатся на 2.816.100 ф. ст., т.-е. приблизительно на 25 милліоновъ рублей. Специально на сооруженіе новыхъ судовъ назначено 8.855.000 ф. ст.,—на 1.167.000 больше, чѣмъ въ текущемъ году. Гошенъ обратилъ вниманіе на то, что этотъ военный бюджетъ предложенъ парламенту при особыхъ политическихъ условіяхъ, накануне конференціи о международномъ разоруженіи и послѣ только что устраненнаго пугала войны. Экстренныя издержки, сверхъ ассигнованныхъ заранѣе; не превышали 13.600 ф. ст. въ теченіе октября и ноября, когда волненіе въ печати было наиболѣе значительно. „Такимъ образомъ, — продолжалъ Гошенъ, — на практикѣ не было исключительныхъ усилій, потому что мы были вполне готовы. Въ дипломатическихъ канцеляріяхъ Европы существовало убѣжденіе, что Англія, въ виду достигнутой ею боевой готовности, стремится къ войнѣ и хочетъ воспользоваться первымъ подходящимъ для нея предлогомъ. Идея была нелѣпа сама по себѣ; такая оппортунистская война противорѣчила бы всѣмъ традиціямъ британской политики“. Выработывая свою программу вооруженій на будущій годъ, Англія должна была, гово-

рить онъ, также руководствоваться примѣрами другихъ государствъ. Гошенъ ссылается на Россію, которая предполагаетъ израсходовать въ этомъ году на флотъ гораздо больше обыкновеннаго. Можетъ ли предстоящая международная конференція повліять на измѣненіе или сокращеніе этихъ военныхъ программъ? Гошенъ заявляетъ отъ имени британскаго правительства, что „оно пойдетъ на встрѣчу такому сокращенію, если другія великія морскія державы согласятся уменьшить свои затраты на постройку новыхъ судовъ; но пока Европа не придетъ къ подобному соглашенію, англійская программа вооруженій останется въ настоящемъ своемъ видѣ“. Можно думать, что морской министръ Англіи не рассчитываетъ на возможность такого соглашенія и не желаетъ уступокъ въ дѣлѣ вооруженій, такъ какъ онъ ясно сознаетъ дѣйствительныя основы всѣхъ новѣйшихъ успѣховъ британской политики въ разныхъ краяхъ.

Европейская дипломатія откровенно практикуетъ систему захватовъ по отношенію къ Китаю, лишенному способовъ сопротивляться; а при разногласіяхъ между просвѣщенными державами насчетъ раздѣла добычи пускаются въ ходъ прямыя угрозы, опирающіяся исключительно на перевѣсъ морскихъ силъ въ данной области и въ данный моментъ. Послѣ удачнаго опыта съ Фашодой, Англія усвоила новый методъ для разрѣшенія возникающихъ споровъ: она дѣлаетъ видъ, что будетъ воевать съ каждымъ государствомъ, которое не пойдетъ на требуемыя уступки, а такъ какъ никто не рѣшается допустить нарушеніе мира, то побѣда остается на сторонѣ англичанъ. Недавно произошло дипломатическое столкновеніе по поводу англо-китайской сдѣлки о займѣ для сѣверной желѣзной дороги: условія объ обезпеченіи долга доходами желѣзнодорожной линіи и о назначеніи главнаго инженера или управляющаго изъ англійскихъ подданныхъ оказались несогласными съ заключенными прежде договорами Россіи съ Китаемъ, и на этомъ основаніи предъявленъ былъ русскимъ представителемъ въ Пекинѣ протестъ, вмѣстѣ съ требованіемъ соотвѣтственнаго пересмотра оспариваемаго контракта. Россія обращалась съ своимъ требованіемъ къ китайскому правительству, которое, въ свою очередь, ничего не могло сдѣлать безъ согласія Англіи; а Англія успѣшила заявить, что подвергнетъ Китай отвѣтственности въ случаѣ уклоненія его отъ точнаго смысла состоявшейся сдѣлки, и что британскія вооруженныя силы окажутъ помощь и защиту китайцамъ, если Россія прибѣгнетъ къ какимъ-либо репрессаліямъ для подкрѣпленія своихъ домогательствъ. Понятно, что русская дипломатія не могла послѣдовать за англійскою на этомъ скользкомъ пути; и выгодная для Англіи сдѣлка сохранила свою полную силу. Въ самомъ дѣлѣ, англичане ничѣмъ не рискуютъ, угрожая употребленіемъ силы на моряхъ,

гдѣ у нихъ имѣется наготовѣ достаточное число броненосцевъ; они твердо знаютъ, что противники не примутъ и не могутъ принять вызова при такомъ очевидномъ неравенствѣ морскихъ силъ. Въ китайскихъ водахъ Англія располагаетъ эскадрою, далеко превосходящею по составу эскадры соперничающихъ державъ; поэтому угрозы ея достигаютъ цѣли—безъ серьезной опасности войны.

Любопытно все, что эта новая политическая практика нисколько не портитъ обычныхъ, т.-наз. „дружескихъ“ международныхъ отношеній; дружеское согласіе съ Россіей входитъ даже въ программу большинства современныхъ дѣятелей и патріотовъ въ Англіи,—точно такъ же, какъ и мирное соглашеніе съ Франціею. Послѣднее достигнуто относительно Африки сдѣлкою 21 марта, которою окончательно признано британское владычество въ области верховьевъ Нила, со всею прилегающею территоріею, съ землями Баръ-эль-Газаль до границъ Конго и истоковъ Убанги; Франціи же предоставлено распоряжаться въ предѣлахъ территорій около озера Чадъ, къ западу отъ Дарфура, въ областяхъ Вадаи, Багирми, Канемъ и Тибести, гдѣ населеніе фактически пользуется независимостью и вовсе не подверглось еще французскимъ или инымъ завоевательнымъ попыткамъ. Дѣлить между собою чужіе народы и ихъ владѣнія вошло уже въ обычай среди просвѣщенныхъ правительствъ, и эти раздѣлы носятъ теперь невинное названіе „разграниченія сферы интересовъ“ или „вліянія“. Такъ размежеваны почти всѣ территоріи въ Африкѣ, и благодаря послѣднему англо-французскому соглашенію англичане могутъ осуществить свою давнишнюю мечту—соединить Каиръ съ Капштадтомъ желѣзнодорожною линіею черезъ весь африканскій материкъ. Такъ какъ дорога должна пройти черезъ полосу германскихъ владѣній, между Багамою и государствомъ Конго, то главный составитель смѣлаго проекта, извѣстный Сесиль Родсъ, ѣздилъ въ Берлинъ и имѣлъ аудіенцію у императора Вильгельма II, котораго и убѣдилъ, кажется, въ необходимости облегчить исполненіе задуманнаго предпріятія; лондонскія газеты напоминаютъ при этомъ, что тотъ же Сесиль Родсъ, удостоившійся нынѣ чрезвычайно благосклоннаго приѣма со стороны высшихъ германскихъ властей, подвергался строгому осужденію въ Берлинѣ по поводу неудавшагося набѣга Джемсона на Трансвааль и возбудилъ противъ себя даже личную вражду императора, что и выразилось въ памятной поздравительной телеграммѣ къ президенту Крюгеру. Но предпріимчивые и смѣлые дѣятели всегда находятъ сочувствіе, особенно когда ихъ планы близки къ осуществленію; самый набѣгъ Джемсона не одобрялся главнымъ образомъ по-

тому, что не имѣлъ успѣха. Оттолкнувъ сначала Германію, а затѣмъ Францію, своими безцеремонными дѣйствіями въ Африкѣ, Англія, въ концѣ концовъ, добилась отъ обѣихъ державъ всего, чего желала, и притомъ въ формѣ добровольныхъ „дружескихъ“ соглашеній. И все это имѣетъ несомнѣнную связь съ тѣми преимуществами британскаго флота, о которыхъ говорилъ Гошенъ въ парламентѣ,—вопреки великодушнымъ идеямъ проповѣдниковъ разоруженія и всеобщаго мира.

Бѣда именно въ томъ, что элементарныя начала морали и справедливости далеко не пользуются еще общимъ признаніемъ въ области политики и грубо попираются всякій разъ, когда интересы сильнаго сталкиваются съ правами слабаго. Краснорѣчивые примѣры этого рода мы видимъ въ обращеніи культурныхъ европейскихъ націй съ побѣжденною японцами китайскою имперіею. Въ началѣ дѣло шло еще объ обезпеченіи жизненныхъ потребностей и будущаго безпрепятственнаго развитія великихъ державъ, непосредственно заинтересованныхъ въ судьбѣ Китая; съ этой точки зрѣнія считались вполне естественными первыя мѣры, принятія Россіею и Англіею. Но перспектива легкихъ пріобрѣтеній мало-по-малу направляетъ туда же аппетиты постороннихъ государствъ, и постепенно начинаютъ предъявляться притязанія, не имѣющія подъ собою никакой реальной почвы. Италія, разоренная ложнымъ честолюбіемъ своихъ правителей, приверженцевъ „высшей политики“, и до сихъ поръ еще расплачивающаяся за неудачныя усилія создать себѣ ненужную колонію въ Африкѣ, тоже сочла своимъ долгомъ захватить чужія земли въ далекомъ Китаѣ, гдѣ у нея нѣтъ и не можетъ быть ни малѣйшихъ политическихъ интересовъ. Италія намѣтила себѣ весьма цѣнную и значительную область у Санмунской бухты, къ югу отъ Янтсе-Кіанга, въ провинціи Че-Кіангъ,—и предъявляя свое неожиданное требованіе, вслѣдъ за Англіею и Германіею, она даже не потрудилась мотивировать его чѣмъ-нибудь, хотя бы ради приличія, или по крайней мѣрѣ подерѣпить его отправкою пары броненосцевъ въ китайскія воды. Пекинское правительство рѣшилось на этотъ разъ отвергнуть притязаніе, показавшееся ему ужъ слишкомъ страннымъ; но, къ общему удивленію, въ пользу удовлетворенія итальянской претензіи выступила Англія, со всѣмъ авторитетомъ своего могущества и вліянія, хотя и безъ прямыхъ угрозъ. Китайцы рискнули отказать вторично, и Италія готовится принять какія-то активныя мѣры, которыя потребуютъ расходовъ отъ ея истощенной казны,—если не поможетъ простое дипломатическое содѣйствіе англичанъ. Часть англійской печати возмутилась поведеніемъ британской дипломатіи въ данномъ случаѣ, и въ этомъ духѣ высказались также нѣкоторые оппозиціонные дѣятели въ парламентѣ; сами сторонники завоевательной или „имперіа-

листской“ политики находили, что нельзя поддерживать простыя грабительскія требованія, не имѣющія за собою даже права силы. Нарушеніе нравственныхъ принциповъ въ области политики представляется такимъ заурыднымъ фактомъ, что только очень немногіе обращаютъ на него вниманіе, и если инцидентъ съ Санмунскою бухтою вызвалъ нѣкоторые протесты, то это объясняется прежде всего практическою несообразностію требованія, съ которымъ выступила Италія.

Впрочемъ, относительно Китая можно еще руководствоваться особою теоріею, примѣнимою лишь къ разлагающимся и одряхлѣвшимъ государственнымъ организмамъ: надо же какъ-нибудь ликвидировать открывающееся наслѣдство и устроить судьбу земель, надъ которыми въ теченіе многихъ вѣковъ господствовала неограниченная, фактически нынѣ уже не существующая власть богдохановъ. Ни правящій классъ Китая, ни подавленное вѣковымъ гнетомъ населеніе, не обнаруживаютъ способности къ дальнѣйшему самостоятельному существованію и развитію; могущественная когда-то имперія почти не проявляетъ признаковъ политической жизни,—духъ ея исчезъ или ослабѣлъ до полного безсилія, при отсутствіи всякихъ привычекъ и потребностей самоуправленія въ народныхъ массахъ, при искорененіи самыхъ понятій о томъ, что въ Европѣ принято называть обществомъ или націей. Собраніе миллионовъ человѣческихъ существъ, воспитанныхъ искони въ чувствахъ безправнаго подчиненія и терпѣнія, останется лишь мертвою громадою послѣ того, какъ развалится угнетавшая ихъ государственная надстройка, а китайская имперія несомнѣнно находится въ этомъ состояніи послѣдняго рокового кризиса. Одно время казалось, что она можетъ еще быть призвана къ жизни смѣлыми преобразовательными попытками; но теперь нѣтъ этой надежды, и властвующіе китайскіе „патріоты“, осудившіе зачинщиковъ иноземныхъ нововведеній и реформъ, присутствуютъ теперь при раздѣлѣ Китая между иноземными могущественными державами. Въ ходѣ этихъ событій есть извѣстная историческая логика, и трудно обвинять Европу за то, что она извлекаетъ свои выгоды изъ печальной и неизбѣжной судьбы Китая. Если имперія богдохановъ представляетъ собою мертвое или саморазлагающееся политическое тѣло, то въ сношеніяхъ съ нею нѣтъ уже надобности держаться какихъ-либо правилъ международной морали, и въ этомъ общемъ взглядѣ, раздѣляемомъ очень многими, можно признать нѣкоторую долю справедливости...

Несравненно болѣе грустное впечатлѣніе, чѣмъ политика захватовъ на дальнемъ Востокѣ, производятъ извѣстія о завоевательныхъ усиліяхъ американцевъ на Филиппинскихъ островахъ. Передовой куль-

турный народъ, основавшій свое блестящее процвѣтаніе и могущество на принципахъ равноправности, свободнаго труда и самоуправления, поддался также соблазну военной предприимчивости и, увлекшись идеею объ освобожденіи Кубы отъ испанскаго гнета, вступилъ въ жестокую и отчаянную борьбу съ туземнымъ населеніемъ совершенно другого острова, находящагося въ другой части Свѣта и понадобившагося почему-то сѣверо-американской республикѣ. Филиппинцы, подъ предводительствомъ Агвинальдо, взяли за оружіе, чтобы избавиться отъ мертвящаго господства испанскихъ властей и монаховъ, а теперь имъ [приходится защищать свои права отъ болѣе опасныхъ и сильныхъ враговъ, явившихся первоначально подъ видомъ освободителей. Мѣстное автономное правительство обнародовало прокламацію, въ которой „предъ лицомъ всего цивилизованнаго міра“ заявило намѣреніе филиппинцевъ бороться на жизнь и на смерть „противъ грубой силы и коварства американцевъ“. Даже женщины призываются, въ случаѣ надобности, принять участіе въ „священной войнѣ за независимость“. Начальники американскихъ войскъ сообщаютъ о своихъ побѣдахъ надъ плохо вооруженными непріятелями, приводятъ цифры убитыхъ и раненыхъ, при чемъ оказывается, что филиппинцы истребляются весьма успѣшно, благодаря превосходству американской артиллеріи: туземцы гибнутъ сотнями и тысячами, тогда какъ число жертвъ со стороны побѣдителей обыкновенно ничтожно. „Летучая бригада генерала Уитона, — говорится, наприимѣръ, въ одной депешѣ, — закончила недѣлю хорошей работы въ субботу 18 марта, оттѣснивъ непріятеля къ югу отъ Тагвита и истребивъ огнемъ десять селеній. Инсургенты (!) понесли тяжелыя потери. Американцевъ ранено около 30 и убито 7 человекъ. Генералъ Уитонъ считаетъ, что въ теченіе недѣли не менѣе двухъ тысячъ инсургентовъ убито, ранено и взято въ плѣнъ“. Читая эти холодныя строки о „хорошей работѣ“ американскихъ гражданъ, занятыхъ избиеніемъ жителей чужой страны, нельзя не задаться вопросомъ: во имя чего совершаютъ они эту кровавую работу, и на какомъ основаніи относятся они къ филиппинцамъ какъ къ „инсургентамъ“? Жители острова Люцона могли быть инсургентами относительно испанскихъ властей; но они не имѣютъ абсолютно никакихъ обязательствъ по отношенію къ явившимся издалика пришельцамъ, и если они желаютъ сохранить свою независимость и свободу, то всего менѣе они должны бы встрѣтить враговъ среди гражданъ Соединенныхъ Штатовъ. Разъ вступивъ на путь внѣшней войны, вопреки всѣмъ своимъ политическимъ традиціямъ, американцы невольно очутились въ новой для нихъ роли военныхъ предпринимателей и постепенно дошли до положенія заурядныхъ побѣдителей, забывшихъ первоначальные мотивы и цѣли предпріятія. Что представ-

ляют собою теперь американцы на островѣ Люконѣ, кромѣ лишь грубой, ничѣмъ не украшенной, разрушительной силы? Къ сожалѣнію, все то, что мы говорили при началѣ войны Соединенныхъ-Штатовъ съ Испаніею изъ-за Кубы, оправдалось въ гораздо большей мѣрѣ, чѣмъ можно было думать, и оптимистическія увѣренія возражавшаго намъ почтеннаго П. А. Тверского опровергнуты рядомъ поразительныхъ и крайне печальныхъ фактовъ. Изъ человѣколюбивыхъ освободителей Кубы американцы превратились въ безпощадныхъ завоевателей другого, болѣе обширнаго и болѣе отдаленнаго острова, и стали истреблять защитниковъ мѣстной свободы и автономіи, въ качествѣ преступныхъ „инсургентовъ“. Эта убійственная метаморфоза показываетъ наглядно, какъ мало опоры для идей общаго мира даетъ настроеніе даже передовыхъ и свободныхъ націй, при традиціонномъ характерѣ внѣшней политики, лишенной всякихъ сдерживающихъ элементовъ права и нравственности. Успѣхъ будущей конференціи будетъ зависѣть отъ того,—внесетъ ли она эти элементы въ сферу международныхъ отношеній и сумѣетъ ли установить для послѣднихъ извѣстныя обязательныя руководящія нормы?—Отвѣтъ на это дастъ близкое теперь будущее.

Правительство Соединенныхъ-Штатовъ не имѣло и не имѣетъ никакихъ правъ на Филиппины и на ихъ обитателей; оно не могло пріобрѣсть ихъ въ собственность отъ Испаніи ни по праву завоеванія, ни покупкою за 20 милліоновъ долларовъ, ибо, во-первыхъ, оно торжественно обязалось передъ началомъ войны не присоединять насильственно чужихъ земель, и во-вторыхъ, политическая власть надъ населеніемъ не можетъ быть предметомъ купли-продажи; жители не могутъ быть передаваемы по договору, какъ стадо барановъ. Американцы потребовали уступки Филиппинъ въ послѣдній моментъ передъ заключеніемъ окончательнаго мира, подъ угрозою возобновленія военныхъ дѣйствій, когда полная безпомощность Испаніи была уже очевидна; это былъ актъ недобросовѣстности, которую нельзя допускать въ правильной и честной борьбѣ. Испанія отказалась отъ Филиппинъ, и дальше такого отказа она не могла и не должна была идти; ничего другого не могли, по здравому смыслу, требовать и побѣдители, хотя бы съ уплатою 20 милліоновъ долларовъ. Испанское правительство не должно было признавать за собою право передачи жителей данной области въ руки посторонней державы; это было превышеніе власти государства надъ подданными. Съ потерей территоріи, или съ отказомъ отъ нея, прекращается и право распоряжаться ея населеніемъ; и еслибы Испанія сдѣлала въ этомъ смыслѣ положительную оговорку въ пользу филиппинцевъ, то она поступила бы разумно и цѣлесообразно. Соединенные-Штаты устранили всякое вмѣшательство

другихъ націй въ обсужденіи возникшей распри, опираясь на фикцію безусловной независимости и неограниченности отдѣльныхъ государствъ; эту фикцію слѣдовало бы устранить изъ сферы международныхъ отношеній, гдѣ она является источникомъ грубѣйшихъ беззаконій. Каждый можетъ пользоваться неограниченною свободою дѣйствій у себя дома, въ извѣстномъ кругѣ своихъ частныхъ дѣлъ и интересовъ; но, вступая въ сношенія съ другими, онъ обязанъ соблюдать общепринятые правила приличія и добропорядочности. Такъ и государство: оно перестаетъ быть обособленнымъ и безусловно независимымъ, когда завязываетъ мирныя или враждебныя отношенія съ другими равноправными государствами; оно должно тогда сообразоваться съ установленными правилами международного общежитія, точное соблюденіе которыхъ представляетъ первостепенный интересъ для всѣхъ остальныхъ державъ. Рѣшаясь, напримѣръ, начать войну, государство предпринимаетъ рядъ дѣйствій, отъ которыхъ прямо или косвенно пострадаютъ чужія націи, въ томъ числѣ и дружественныя; оно не вправе поэтому отклонять контроль и внимательство заинтересованныхъ странъ, или отказываться отъ третейскаго суда, какъ это сдѣлали Соединенные-Штаты. Такимъ образомъ, необходима существенная реформа международныхъ обычаевъ для того, чтобы проектъ разоруженія привелъ къ какимъ-либо положительнымъ результатамъ.

Въ Германіи едва не разгорѣлся серьезный парламентскій кризисъ изъ-за новаго военнаго законопроекта. Правительство настаивало на необходимости увеличить численность мирнаго состава арміи до 502.506 человекъ, а коммиссія имперскаго сейма предлагала остановиться на цифрѣ 495.500. Заключение коммиссіи выражало собою рѣшеніе наиболѣе крупныхъ парламентскихъ партій, недовольныхъ возрастающею требовательностью и категорическимъ тономъ заявленій руководящихъ военныхъ дѣятелей по вопросамъ военнаго бюджета. Военные спеціалисты, въ томъ числѣ весьма высокопоставленные, усматривали нѣчто для себя обидное въ парламентской критикѣ придуманныхъ ими перемѣнъ и нововведеній; они готовы были признать за имперскимъ сеймомъ только право разрѣшеній требуемыхъ кредитовъ, безъ критической оцѣнки внесенныхъ правительствомъ проектовъ по существу. Измѣненіе выработаннаго плана хотя бы только въ цифрѣ мирнаго состава арміи, представлялось уже посягательствомъ на авторитетъ военнаго вѣдомства; а такъ какъ императоръ Вильгельмъ II принимаетъ близко къ сердцу судьбу всякаго военнаго закона, то полемика становится иногда довольно щекотливою. Всѣ эти особенности положенія, впрочемъ, скорѣе чувствуются, чѣмъ вы-

сказываются прямо: властвующія лица ведутъ себя, по обыкновенію, чрезвычайно корректно, никого не стѣсняя и не ограничивая; военный министръ, генераль фонъ-Госслеръ, произноситъ обстоятельныя дѣловыя рѣчи въ парламентѣ, стараясь убѣдить противниковъ въ основательности своихъ положеній и выводовъ; онъ даже идетъ на частныя уступки съ цѣлью достигнуть соглашенія, какъ это видно было при обсужденіи проекта въ парламентской комиссіи, — но вдругъ замѣчается поворотъ въ другую сторону, и идея компромисса уступаетъ мѣсто слухамъ о распущеніи имперскаго сейма въ случаѣ непріятія закона въ первоначальной его формѣ. Чуть ли не каждый годъ повторяются эти настойчивыя требованія новыхъ расходовъ на военные надобности, сверхъ установленнаго уже бюджета, который въ свое время также объявлялся вполне достаточнымъ и окончательнымъ съ точки зрѣнія боевой готовности государства; а между тѣмъ политическія и военные обстоятельства остаются прежнія, и публика не можетъ понять, чѣмъ вызвана необходимость новаго увеличенія арміи и ея бюджета. На многихъ это производитъ впечатлѣніе какого-то спорта, поглощающаго, однако, огромныя суммы изъ общихъ средствъ страны. Намеки на распущеніе парламента вносили въ дѣло элементъ неопредѣленнаго безпокойства, которое, конечно, далеко не облегчало предстоявшей задачи.

Съ одной стороны, консервативныя партіи, составляющія большинство въ имперскомъ сеймѣ, желали дѣйствовать примирительно, а съ другой — сильнѣйшая изъ этихъ парламентскихъ группъ, католическій центръ, съ Либеромъ во главѣ, твердо стоитъ на почвѣ несомнѣнныхъ правъ парламента.

Кризисъ окончился на этотъ разъ благополучно. Въ засѣданіи 14 марта, послѣ пространныхъ рѣчей генерала Госслера и Либера, имперскій сеймъ большинствомъ 209 противъ 141 голоса отклонилъ параграфъ правительственнаго проекта о численности мирнаго состава арміи и затѣмъ отвергъ также предложеніе комиссіи. Конфликтъ открылся, но продолжался недолго. На слѣдующій день было уже извѣстно, что при личномъ участіи Вильгельма II переговоры привели къ компромиссу, и правительство отказалось отъ своего непреклоннаго „поп розsumus“. Тревожная мысль о распущеніи угрожала странѣ въ теченіе не болѣе двухъ дней. При третьемъ чтеніи спорнаго законопроекта, 19 марта, военный министръ фонъ-Госслеръ защищалъ законъ „до конца, какъ солдатъ“, убѣждая парламентъ принять правительственное предложеніе цѣликомъ, безъ всякихъ перемѣнъ. Предводитель партіи центра, Либеръ, отнесся съ полнымъ уваженіемъ къ чувству военной чести, побуждавшему военного министра стоять непоколебимо за первоначальный проектъ; но „отъ солдатскаго

военного министра,—сказалъ Либеръ,—я апеллирую къ политическимъ —союзному совѣту и имперскому канцлеру“. Слова эти ясно указывали на состоявшееся уже соглашеніе, котораго какъ будто не признавало военное вѣдомство. Канцлеръ князь Гогенлоэ въ своемъ краткомъ заявленіи засвидѣтельствовалъ отъ имени союзныхъ правительствъ, что они готовы согласиться на частную перемирію, внесенную въ законъ коммисіею, въ виду принятія ею наиболѣе существенныхъ и важныхъ частей законопроекта; цифру же состава арміи можно увеличить впослѣдствіи, что подтвердилъ съ своей стороны Либеръ отъ имени центра. Предложенныя резолюціи одобрены палатою единогласно, и весь военный законъ принятъ 222 голосами противъ 132. Жалкую роль играли въ этомъ спорѣ національ-либералы; они отказались отъ оппозиціи при первой угрозы распущеніемъ и робко примкнули къ сторонникамъ правительственного проекта, а между тѣмъ само правительство пошло на встрѣчу большинству, которому измѣнили эти усердные и близорукіе оппортунисты. Националь-либераламъ не удалось, однако, испортить положеніе имперскаго сейма и его большинства, въ виду малочисленности этой безпринципной и колеблющейся парламентской группы. Развязка успокоила нѣмецкое общество и удовлетворила военныхъ дѣятелей, безъ ущерба для авторитета и правъ парламента, и заслуга такого мирнаго рѣшенія должна быть приписана въ данномъ случаѣ лично императору Вильгельму.

Во Франціи замѣтно нѣкоторое успокоеніе съ тѣхъ поръ, какъ мучительное дѣло Дрейфуса передано кассационному суду въ полномъ составѣ; матеріалъ для газетныхъ препирательствъ, разоблаченій и выдумокъ истощился и утратилъ значительную долю интереса въ глазахъ публики, къ великой досадѣ Дрюмона, Рошфора и ихъ многочисленныхъ подражателей. Эти переходы отъ страстнаго возбужденія къ сравнительному затишью составляютъ обычное явленіе во Франціи, точно также какъ и періодическая смѣна правительственныхъ системъ и приемовъ. Министерство Дюпюи выказываетъ твердость и энергію, стремится къ упраздненію оппозиціонныхъ лигъ и подвергаетъ преслѣдованію ихъ вождей; тѣ самыя дѣйствія, которыя еще недавно совершались вполнѣ открыто и безнаказанно, признаются теперь незаконными, хотя никакихъ перемѣнъ въ законахъ не произошло. Выдающіеся писатели и общественные дѣятели подають примѣръ явнаго неуваженія къ основнымъ законамъ страны, оскорбляя избраннаго президента республики, нападая на высшую магистратуру и взывая публично къ государственнымъ переворотамъ при помощи арміи; а правительство, вмѣсто того, чтобы строго примѣнять суще-

ствующие законы, обращается отъ времени до времени къ исключительнымъ мѣрамъ и само измѣняетъ или нарушаетъ законный порядокъ въ зависимости отъ обстоятельствъ данной минуты. Можно ли себѣ представить, что, напр., въ Англіи правительство станетъ закрывать общественные союзы по поводу незаконныхъ поступковъ отдѣльных лицъ, или что кому-нибудь придется въ голову возставать противъ конституціи, воевать съ законами и судебною властью? Нѣтъ твердой власти безъ твердой законности; — эта испытанная вѣками истина до сихъ поръ не нашла еще своего признанія во Франціи; и общество, и правительство, вѣрятъ тамъ въ случайные, временные порывы, создающіе именно ту атмосферу неустойчивости, на которую жалуются при республикѣ, какъ и при имперіи. Представители твердой власти при Наполеонѣ III руководствовались переменчивыми кулисиными вліяніями и расшатывали основы государственнаго строя, который думали укрѣпить насиліемъ и беззаконіемъ; политика мѣнялась вмѣстѣ съ пережѣною лицъ, и все могущественное на видъ зданіе имперіи было построено на пескѣ. При республикѣ нѣтъ произвола и насилія; но старое отношеніе къ законамъ осталось въ силѣ, и этотъ коренной недостатокъ даетъ себя чувствовать во всѣхъ крупныхъ и мелкихъ фактахъ французской политической жизни. Въ теченіе многихъ лѣтъ предоставлялось газетамъ извѣстнаго сорта систематически оскорблять и позорить людей, выдвинувшихся въ какомъ-либо отношеніи, или дающихъ почему-либо поводъ къ полемикѣ, и оскорбляемые лица весьма рѣдко обращались къ закону и суду для огражденія своей чести, считая какъ будто постыднымъ тотъ способъ защиты, который одинъ только въ состояніи утвердить въ обществѣ первыя условія прочнаго порядка и мирнаго развитія, — уваженіе къ чужой личности и къ чужимъ правамъ, частнымъ и общественнымъ. Вспышки правительственной энергіи возможны и въ Турціи; но онѣ сами по себѣ безсильны выработать что-либо твердое и устойчивое, при отсутствіи необходимой для этого почвы. Во Франціи бывали уже энергическія министерства, но ихъ усилія не приводили ни къ чему, по указаннымъ выше причинамъ. Кабинетъ Дюпюи не составитъ, конечно, исключенія, если онъ не пойдетъ дальше произвольныхъ и временныхъ мѣропріятій, лишенныхъ разумной руководящей идеи.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 апрѣля 1899.

— Остафьевскій архивъ князей Вяземскихъ. I. Переписка князя П. А. Вяземскаго съ А. И. Тургеневымъ. 1812—1819. Изданіе графа С. Д. Шереметева. Подъ редакціей и съ примѣчаніями В. И. Сантова. Спб. 1899.

Остафьево—давнее владѣніе, „подмосковная“, князей Вяземскихъ. „Остафьевскій архивъ“ извѣстенъ историкамъ новѣйшей русской литературы, потому что изъ него извлекали отъ времени до времени любопытнѣйшіе матеріалы кн. П. А., потомъ кн. П. П. Вяземскіе—о той литературной эпохѣ, особливо первой половины столѣтія, которой кн. П. А. Вяземскій былъ близкимъ свидѣтелемъ, а также и дѣятелемъ. Съ настоящимъ изданіемъ должно ожидать систематическаго обнародованія тѣхъ матеріаловъ, которые до сихъ поръ являлись изъ этого архива въ литературѣ только болѣе или менѣе случайно. Инициатива изданія принадлежитъ гр. С. Д. Шереметеву, просвѣщенной ревности котораго къ интересамъ русской науки столько обязано Общество любителей древней русской письменности.

Въ предисловіи, подписанномъ гр. Шереметевымъ и графиней Е. Шереметевой, урожденной княжной Вяземской, читаемъ:

„Настоящее изданіе Остафьевскаго архива князей Вяземскихъ есть продолженіе дѣла, задуманнаго еще княземъ Павломъ Петровичемъ, который принималъ личное участіе въ составленіи изданной въ 1881 году книги подъ заглавіемъ: „Архивъ князя Вяземскаго“.

„Изданіе переписки князя Петра Андреевича съ А. И. Тургеневымъ служить починомъ къ обнародованію писемъ и документовъ, собранныхъ нѣсколькими поколѣніями. Обширность этого собранія и его разнообразіе не могутъ служить препятствіемъ къ осуществленію задуманнаго дѣла изданія всего Остафьевскаго архива; исполненіе этого предпріятія да послужитъ завѣтомъ грядущимъ поколѣніямъ семьи, дорожающей свѣтлыми преданіями минувшаго.

„Издаваемая нынѣ первая книга переписки князя П. А. Вяземскаго съ А. И. Тургеневымъ обнимаетъ собою лишь періодъ съ 1812 по 1819 годъ. Переписка эта, конечно, не можетъ служить полнымъ отраженіемъ личности писавшихъ, какъ относящаяся къ ихъ юнымъ годамъ, которые всегда склонны къ порывамъ и увлеченіямъ; но оглашеніе ея необходимо для полной ихъ характеристики.

„Остафьевскій архивъ, временно перенесенный нынѣ въ сосѣднее село Михайловское для подробнаго его описанія, составляетъ неотъемлемую принадлежность села Остафьева, вмѣстѣ съ бібліотекой и многими вещественными воспоминаніями о Карамзинѣ, Жуковскомъ, Пушкинѣ и о воспѣтой Баратынскимъ плеядѣ, влияніе которой на отечественную литературу не можетъ быть ни оспариваемо, ни затемнено послѣдующими теченіями“.

Въ объясненіи редактора изданія указано, что эта переписка велась съ нѣкоторыми перерывами съ 1812 до 1845, года смерти А. И. Тургенева. Все изданіе переписки займетъ четыре тома; въ него включены также письма Николая Ив. и Сергѣя Ив. Тургеневыхъ. „Печатается переписка кн. П. А. Вяземскаго съ Тургеневыми почти безъ сокращеній; исключены лишь тѣ немногія выраженія и отдѣльныя слова, которыя не допускаются въ печати“. Но и эти пропуски въ своемъ мѣстѣ отмѣчены.

„Значеніе издаваемого собранія писемъ, — говорится въ замѣткѣ редактора, — заключается въ богатствѣ того матеріала, который оно даетъ для исторіи литературы, просвѣщенія и общественной жизни въ Россіи, а частію и въ западной Европѣ“. Отдѣльные эпизоды этой переписки являлись въ печати — напр., въ любопытной книжкѣ кн. П. П. Вяземскаго: „А. С. Пушкинъ по документамъ Остафьевскаго архива и личнымъ воспоминаніямъ“.

Оба корреспондента въ самомъ дѣлѣ были ближайшимъ образомъ связаны съ исторіей русской литературы и общественности въ первой половинѣ вѣка. Князь П. А. Вяземскій (род. 1792). былъ въ близкомъ родствѣ съ Карамзинымъ и рано принялъ участіе въ литературѣ, въ кружкѣ Карамзина и „Арзамаса“, въ который зачисленъ былъ на первое время и юный Пушкинъ; Вяземскій былъ въ тѣсныхъ дружескихъ связяхъ съ Жуковскимъ, Батюшковымъ и т. д. Въ семьѣ Тургеневыхъ шла давняя преемственность интересовъ къ литературѣ и дѣлу просвѣщенія. Отецъ, Иванъ Петровичъ Тургеневъ, былъ другъ и товарищъ Новикова по его масонскимъ и образовательнымъ предпріятіямъ въ Москвѣ; онъ вывезъ Карамзина изъ Симбирска, гдѣ тотъ велъ разсѣянную жизнь, въ Москву, и ввелъ его въ кружокъ Новикова. Гоненіе противъ Новикова, въ послѣдніе годы имп. Екатерины, отразилось, хотя гораздо слабѣе, на Тургеневѣ; но съ воцареніемъ

Павла I, когда Новиковъ былъ освобожденъ изъ шлиссельбургской тюрьмы, Тургеневъ сдѣланъ былъ директоромъ московскаго университета; въ рукахъ людей Новиковской школы былъ теперь университетскій Благородный пансіонъ, черезъ который прошли между прочимъ многіе дѣятели слѣдующаго поколѣнія, будущіе члены „Арзамаса“. Сыновья Тургенева учились въ Геттингенскомъ университетѣ. Александръ Ив. Тургеневъ (род. въ 1784) къ началу издаваемой теперь переписки занималъ уже большое служебное положеніе, и по разнымъ officialнымъ дѣламъ былъ приближенъ друзей, въ томъ числѣ и кн. Вяземскаго. Его братъ, Николай Ив., былъ также на виду: въ 1813, онъ былъ прикомандированъ съ русской стороны къ барону Штейну въ Германіи по административно-дипломатическимъ дѣламъ, и довершалъ здѣсь свою геттингенскую школу; въ 1818, произвела большое впечатлѣніе его книга „Опытъ теоріи налоговъ“; въ 1825, находясь за границей, онъ былъ привлеченъ къ дѣлу декабристовъ, не вернулся въ Россію, и позднѣе, въ эмиграціи, издалъ въ 1847 книгу „La Russie et les Russes“, важную для исторіи Александровскаго времени и представлявшую также его защиту отъ обвиненій 1825 года. Издавна онъ былъ защитникомъ освобожденія крестьянъ. Третій братъ, Сергій Ив., рано умершій, былъ однимъ изъ ближайшихъ друзей Жуковскаго. Послѣ 1825 года, Александръ Ив., оставивъ службу, устроилъ имущественныя дѣла своего брата Николая, много жилъ за границей и между прочимъ занятъ былъ собираніемъ въ западныхъ архивахъ историческихъ документовъ о Россіи, которые изданы были въ двухъ большихъ томахъ Археографическою Коммиссіей. Свои путешествія въ западной Европѣ онъ обстоятельно рассказывать въ письмахъ къ близкимъ, и въ 1872 году изданъ былъ любопытный томъ этой переписки, къ сожалѣнію, оставшійся безъ продолженія... Между прочимъ, А. И. Тургеневъ, близкій съ семействомъ Пушкиныхъ, въ 1811 году помѣстилъ въ лицей будущаго поэта.

Изданныя въ настоящемъ первомъ томѣ письма носятъ вообще характеръ дружеской бесѣды, гдѣ люди понимаютъ другъ друга на полусловъ и намека, гдѣ часто отсутствуютъ ближайшія подробности, какія были бы нужны постороннему читателю и которыя для писавшихъ подразумѣвались сами собой; въ промежуткахъ переписки друзья видѣлись, и у нихъ являлись новые предметы для такихъ короткихъ намековъ,—но письма все-таки очень интересны, тѣмъ болѣе, что редакторъ изданія сопровождалъ ихъ обширными примѣчаніями, гдѣ вообще объясняются условія переписки и всякія подробности ея содержанія, указываются лица, ихъ отношенія, внѣшнія обстоятельства и т. д.

Письма открываются двѣнадцатымъ годомъ, и здѣсь нашлись лю-

бѣпытныя черты времени. Кн. Вяземскій, жившій послѣ оставленія Москвы въ Вологдѣ, писалъ Тургеневу, 16-го октября 1812, письмо, наполненное отчаяніемъ и жалобами. Вспоминая старую жизнь въ Москвѣ, онъ говорилъ: „...И гдѣ это все, и когда это возвратится? Ночь ужасная окружаетъ насъ; мы бредемъ, и сами не знаемъ куда. Гдѣ освѣтить насъ лучи наступающаго утра, и когда наступитъ оно? Признаюсь, надеждѣ заперто мое сердце: оно столько было ею обмануто; но и самъ разсудокъ не былъ ли принужденъ часто признаваться, что онъ строилъ планы свои на песокъ. Взятіе Смоленска обмануло не одну надежду и самый разсудокъ оставило въ дуракахъ. О Москвѣ и говорить нечего. Сердце кровью обливадается... Каждое утро мнѣ кажется, что я впервой еще узнаю объ горестной ея участи“.

Тургеневъ тотчасъ отвѣчалъ на эти жалобы, въ письмѣ отъ 27-го октября, которое очень характерно передаетъ совѣтъ иное настроеніе.

„Зная твое сердце,—писалъ Тургеневъ,—я увѣренъ, что ты не о томъ, что потерялъ въ Москвѣ, но о самой Москвѣ тужишь и о славѣ имени русскаго; но Москва снова возникнетъ изъ пепла, а въ чувствѣ мщенія найдемъ мы источникъ славы и будущаго нашего величія. Ея развалины будутъ для насъ залогомъ нашего искупленія, нравственнаго и политическаго; а зарево Москвы, Смоленска и проч. рано или поздно освѣтитъ намъ путь къ Парижу. Это не пустыя слова, но я въ этомъ совершенно увѣренъ, и событія оправдаютъ мою надежду. Война, сдѣлавшись національною, приняла теперь такой оборотъ, который долженъ кончиться торжествомъ сѣвера и блистательнымъ отомщеніемъ за безполезныя злодѣйства и преступленія южныхъ варваровъ. Ошибки генераловъ нашихъ и неопытность наша вести войну въ нѣдрахъ Россіи, безъ истощенія средствъ ея, могутъ болѣе или менѣе отдалить минуту избавленія и отраженія удара на главу виновнаго; но постоянство и рѣшительность правительства, готовность и благоразуміе народа и патріотизмъ его, въ которомъ онъ превзошелъ самихъ испанцевъ, ибо тамъ многіе покорялись Наполеону, и составились партіи въ пользу его; а наши гибнутъ, гибнуть часто въ безызнѣстности, для чего нужно болѣе геройства, нежели на самомъ полѣ сраженія; наконецъ примѣръ народовъ, уже покоренныхъ, которые, покрывшись стыдомъ и безславіемъ, не только не отразили удара, но даже и не отсрочили бѣдствій своихъ (ибо конскрипціи сѣдаютъ ихъ, и они, участвуя во всѣхъ ужасахъ войны, не раздѣляютъ съ французами славы завоевателей разбойниковъ). Все сіе успокоиваетъ насъ на счетъ будущаго, и если мы совершенно откажемся отъ эгоизма и рѣшимся дѣйствовать для младшихъ братьевъ и дѣтей нашихъ и въ собственныхъ настоящихъ дѣлахъ видѣть только

одно отдаленное счастье грядущаго поколѣнія, то частныя неудачи не останавливаютъ насъ на нашемъ поприщѣ. Безпрестанныя лишенія и несчастія милыхъ близкихъ не погружаютъ насъ въ совершенное отчаяніе, и мы преднасладимся будущимъ и, по моему увѣренію, весьма близкимъ воскресеніемъ нашего отечества. Близкимъ почитаю я его потому, что намъ досталось играть послѣдній актъ въ европейской трагедіи, послѣ котораго авторъ ея долженъ быть непремѣнно освистанъ. Конечно, прежде должно приучить себя къ мысли, что Москвы у насъ почти нѣтъ, что сія святиня наша обругана, что она богата теперь одними историческими воспоминаніями. Но есть еще остатки древняго ея величія: мы будемъ съ благоговѣніемъ хранить ихъ“...

Общія дружескія связи кн. Вяземскаго и Тургенева были въ „Арзамасѣ“. Въ перепискѣ есть множество частныхъ подробностей объ этомъ кружкѣ, которыя не будутъ лишены важности для историка той литературной эпохи: здѣсь безпрестанно повторяются имена Карамзина, Жуковскаго, Батюшкова, Василя Львовича Пушкина, Уварова, Дашкова, Блудова и т. д. Наконецъ является „маленькій Пушкинъ“, какъ участникъ интересовъ кружка.

Въ 1818 г., кн. Вяземскій, не безъ участія Тургенева, поступилъ на службу въ Варшаву. Письма изъ Варшавы опять имѣютъ цѣну для опредѣленія тогдашнихъ русско-польскихъ отношеній.

Пользованіе изданіемъ, какъ мы сказали, чрезвычайно облегчается подробными объяснительными примѣчаніями (текстъ—384 стр.; примѣчанія—стр. 387—676) и наконецъ обширнымъ указателемъ.

— Извѣстія Русскаго Археологическаго Института въ Константинополѣ. I—II. Одесса, 1896—1897.

Уже четыре года, съ 26 февраля 1895 г., существуетъ въ Константинополѣ русское научное учрежденіе, отъ котораго должно ожидать великой пользы для нашей исторической науки въ области изученія Византіи. Мысль объ учрежденіи Института принадлежитъ бывшему послу въ Константинополѣ, А. И. Нелидову: его первоначальныя предположенія были сообщены лицамъ и учрежденіямъ, отъ которыхъ можно было ожидать компетентнаго вниманія къ этому плану, и затѣмъ представлены на усмотрѣніе правительственныхъ вѣдомствъ. Предположенія рассмотрѣны были въ министерствѣ народнаго просвѣщенія и въ государственномъ совѣтѣ и получили высочайшее утвержденіе.

При открытіи Института, 26 февраля 1895 г., цѣль его учрежде-

нія была изложена въ двухъ рѣчахъ — почетнаго предсѣдателя его, А. И. Нелидова, и директора института, Ѳ. И. Успенскаго, бывшаго профессора новороссійскаго университета. Г. Нелидовъ, излагая вкратцѣ исторію возникновенія Института, упоминалъ, что въ самомъ началѣ мнѣнія раздѣлились: одни думали, что подобное учрежденіе должно быть основано въ Аѣинахъ (или даже въ Римѣ) и посвящено главнымъ образомъ изученію классической древности; другіе (какъ и самъ начинатель дѣла), напротивъ, полагали, что настоящее мѣсто предполагаемаго учрежденія въ Константинополѣ и задача его — изученіе древности византійской. Кончилось тѣмъ, что, по выраженію г. Нелидова, „христіанство взяло верхъ надъ язычествомъ“. И дѣйствительно, въ интересахъ науки едва ли подлежить спору предпочтеніе изученій византійскихъ. Наука о классической древности развилась на западѣ, съ самой эпохи Возрожденія, до такихъ громадныхъ размѣровъ, что мы, несмотря и на новѣйшія усиленныя заботы о насажденіи классицизма въ средней и высшей школѣ, не въ состояніи усвоить даже основныхъ результатовъ западной науки въ этой области, и наши собственныя научныя работы могутъ быть только очень скудной лептой вдовицы. Нѣтъ сомнѣнія, что въ цѣляхъ общаго образованія изученіе классическаго міра имѣетъ свое великое значеніе, но до сихъ поръ нашъ школьный классицизмъ далъ въ этомъ направленіи очень мало, — а въ этомъ и заключалась бы главная потребность русскаго просвѣщенія въ области классицизма. Но затѣмъ, по экономіи научныхъ силъ, которыя у насъ не велики, въ данную минуту направленіе ихъ въ область византійскихъ изученій представляло бы потребность болѣе настоящую по той исторической связи, которая издавна соединяла судьбы русскаго народа съ восточной имперіей и балканскимъ славянствомъ.

Г. Нелидовъ въ своей рѣчи говорилъ объ этомъ такъ: мысль о научномъ предпріятіи въ Константинополѣ родилась въ посольствѣ, „въ дипломатическомъ учрежденіи, казалось бы, ничего общаго съ ученымъ міромъ не имѣющимъ“ (?), потому, что „здѣсь болѣе, чѣмъ гдѣ-нибудь, должна была чувствоваться важность для насъ, для направленія нашей политической дѣятельности, изученія прошедшаго этихъ странъ, — прошедшаго, столь близкаго нашему собственному прошлому и въ которомъ, быть можетъ, лежатъ и задатки великаго для насъ будущаго“.

Внѣшняя политика великаго народа не можетъ руководиться праздными отвлеченными мудрствованіями, — продолжалъ г. Нелидовъ. „Она должна быть плодомъ постепеннаго народнаго развитія, истекать изъ его прошедшаго и быть основана на истинныхъ, существенныхъ нуждахъ, причемъ нравственныя стороны и потребности столь же

важны для силы и вліянія государства, какъ успѣхи на почвѣ выгодъ матеріальныхъ. А станетъ ли кто отрицать близкую, тѣсную связь, существующую между нашею исторіею и исторіею византійской имперіи, на развалинахъ которой возникло обширное государство, гдѣ мы теперь призваны представлять интересы нашего отечества... Кромѣ практическихъ выгодъ для насъ въ изученіи Востока, кромѣ связей православія, которому Царьградъ служилъ колыбелью, „намъ важно стать во главѣ ученыхъ изслѣдованій по части Византологіи и съ болѣе широкой точки зрѣнія общаго интереса науки. Всякое завоеваніе, дѣлаемое народомъ въ области общечеловѣческихъ знаній, увеличиваетъ внутренний вѣсъ и значеніе государства. Внѣшнее же политическое вліяніе, которое мы, представители правительства внѣ его предѣловъ, призваны расширять и, такъ сказать, нести на международный рынокъ, для извлеченія изъ него наибольшей пользы для отечества,—есть только итогъ всѣхъ силъ страны, нравственныхъ и матеріальныхъ. Способствуя проявленію духовной силы Россіи предоставленіемъ ей возможности занять первенствующее мѣсто на почти неразработанной еще почвѣ Византологіи,—мы открываемъ ей новый источникъ вліянія и могущества, источникъ, который разрабатывать и изъ котораго черпать должны будутъ гг. ученые“.

Намъ кажется, что нужна нѣкоторая оговорка для того, чтобы оградить нашихъ почтенныхъ ученыхъ отъ слишкомъ большихъ требованій, какія могутъ возникать изъ приведенныхъ словъ. Мы очень бы желали, чтобы наши ученые заняли „первенствующее мѣсто“ въ византійскихъ изученіяхъ,—но это едва ли возможно въ близкомъ будущемъ. Византійскія изученія западные старше нашихъ на цѣлые вѣка,—а именно онѣ начинаются съ самой эпохи Возрожденія, и вліяніе византійской учености восходитъ къ самымъ среднимъ вѣкамъ западной науки и литературы. Наша древность, при всемъ великомъ вліяніи Византіи въ нашей письменности, не имѣла тѣни научнаго изслѣдованія Византіи и ея литературы, и когда съ конца XVII-го вѣка начинается правильное изученіе греческаго языка въ высшей церковной школѣ, съ ея цѣлями, западная наука имѣла уже замѣчательныхъ дѣятелей въ изученіи Византіи, труды которыхъ донинѣ сохраняютъ свой авторитетъ. И въ новѣйшее время основные труды по исторіи и литературѣ Византіи принадлежатъ не русскимъ ученымъ. По объему научныхъ средствъ, русская литература даже отдаленнымъ образомъ не можетъ сравниться съ западной. При этихъ условіяхъ невозможно ожидать, чтобы наши ученые могли скоро занять „первенствующее мѣсто“. Но во всякомъ случаѣ эти изученія должны быть особенно близки русской наукѣ, и ихъ успѣшное развитіе можетъ идти лишь параллельно съ общими успѣхами русской

науки, — и здѣсь въ особенности важно было бы то, чтобы вошла въ общее сознание мысль, высказанная г. Нелидовымъ: „всякое завоеваніе, дѣлаемое народомъ въ области общечеловѣческихъ знаній, увеличиваетъ внутренній вѣсъ и значеніе государства“.

Другая рѣчь при открытіи Института сказана была его директоромъ. Ѳ. И. Успенскій напомнилъ, сколько вѣковыхъ юбилеевъ совершилось за послѣднія десятилѣтія: вспоминалось тысячелѣтіе русскаго государства, память св. Кирилла и Меѳодія, крещеніе Руси, — все это вызвало обильную литературу. „Но когда стали подводить итоги тому, что сдѣлано въ русской наукѣ для изученія древнихъ нашихъ отношеній къ Византіи и для разработки самой византійской исторіи, то итоги оказались до того незначительны, что тѣ, на комъ могла лежать за то отвѣтственность, приведены были въ немалое смущеніе“. Сознавая эту скудость научныхъ трудовъ, авторъ тѣмъ болѣе настаиваетъ на томъ великомъ интересѣ, какой представляетъ изученіе Византіи, во-первыхъ, съ обще-научной точки зрѣнія, во-вторыхъ, съ національно-русской. „Во всемірной исторіи, — говоритъ г. Успенскій, — остался не взвѣшеннымъ и ни мало не оцѣненнымъ факторъ, создавшій и опредѣлившій восточно-европейскую исторію, — факторъ, который назовемъ византизмомъ“. Восточная половина римской имперіи имѣла свою особенную судьбу въ историческихъ и этнографическихъ ея отношеніяхъ и ея культурныхъ воздѣйствіяхъ не только на востокъ, но и на самый западъ. Къ русской исторіи этотъ факторъ имѣетъ ближайшее, специальное отношеніе: Византія была источникомъ русскаго христіанства, и сношенія съ ней „отразились въ системѣ устройства русскаго государства, въ разнообразныхъ заимствованіяхъ по церковной, гражданской и бытовой обстановкѣ“.

Дѣятельность Института съ самаго начала направилась на различные вопросы научнаго изслѣдованія. Во-первыхъ, кромѣ трудовъ по византійской исторіи и литературѣ, сообщенныхъ въ засѣданіяхъ, Институтъ предпринималъ экскурсіи въ окрестностяхъ Константинополя и въ болѣе отдаленныхъ пунктахъ страны (въ Анатолію, на Аѳонъ, въ Аѳины). Второй задачей Института поставлено изученіе Константинополя и его ближайшихъ окрестностей, для объясненія ихъ древней топографіи. Далѣе, Институтъ ставитъ въ свою программу вообще собраніе свѣдѣній о древностяхъ и содѣйствіе русскимъ ученымъ, которые посвящаютъ свои труды изученію Византіи и призываютъ въ Константинополь особливо по командировкамъ отъ университетовъ; — эти ученые принимали съ своей стороны участіе въ работахъ Института. Учрежденіе такого научнаго центра на самыхъ первыхъ порахъ дало возможность сосредоточить много важныхъ указаній по мѣстной археологіи, получаемыхъ отъ русскихъ консуловъ въ разныхъ пунк-

тахъ европейской и азіатской Турціи; сношенія съ учеными обществами греческими, съ Оттоманскимъ музеемъ въ Константинополѣ, повели къ общимъ работамъ, напр. совмѣстнымъ раскопкамъ и т. д. Далѣе, первостепеннымъ вопросомъ было для Института составленіе библіотеки: „призванный содѣйствовать въ занятіяхъ на востокъ различнымъ категоріямъ ученыхъ, какъ-то: богословамъ, историкамъ, филологамъ, археологамъ, историкамъ искусствъ и часто художникамъ“, Институтъ долженъ былъ озаботиться пріобрѣтеніемъ основныхъ сочиненій по всѣмъ этимъ отраслямъ, и, какъ видно изъ годовыхъ отчетовъ въ „Извѣстіяхъ“, успѣлъ собрать большую библіотеку, частію изъ своихъ средствъ, антикварными покупками, частію присылками отъ ученыхъ обществъ и учреждений, а также обильными пожертвованіями. Наконецъ, въ Институтъ собирается кабинетъ древностей изъ античныхъ и христіанскихъ временъ, и при этомъ конечно коллекція фотографій съ мѣстныхъ древностей, изданныхъ и неизданныхъ.

Институтъ—еще въ самомъ началѣ своей дѣятельности; онъ успѣлъ опредѣлить свои задачи, завязать научныя отношенія, привлечь молодыя силы, и, безъ сомнѣнія, впредь еще болѣе будутъ распространяться ученые труды и средства Института. Научный вопросъ, стоящій передъ нимъ, въ высокой степени важенъ и сложенъ; онъ долженъ обнять не одну собственно византійскую древность, но и многообразныя отраженія византійской культуры у народовъ, подпадавшихъ ея историческому вліянію. Рядомъ съ объясненіемъ византійскихъ воздѣйствій въ древней Россіи, сюда принадлежитъ также вліяніе Византіи среди балканскаго славянства: такимъ образомъ, эти изслѣдованія пріобрѣтали бы двойной интересъ для русской науки... Первая постановка дѣятельности Института составляетъ уже крупную заслугу его директора, Ѳ. И. Успенскаго; дальнѣйшее расширение научныхъ предпріятій Института, безъ сомнѣнія, будетъ встрѣчать живѣйшее сочувствіе въ средѣ русскихъ филологовъ, историковъ, археологовъ, славистовъ.—А. П.

- **Внѣ-школьное народное образованіе въ Западной Европѣ и Сѣверной Америкѣ.**
1) Учрежденія и общества для распространенія народнаго образованія. 2) Народные университеты. 3) Народныя библіотеки. Составилъ по Рейеру и другимъ источникамъ В. Гебель. Съ приложеніемъ статьи: Очеркъ исторія развитія общественныхъ и народныхъ библіотекъ въ Россіи. М. 1899.
- **Максъ Леклеркъ. Народные университеты въ Англіи.** Переводъ Ѳ. Латернера. Съ предисловіемъ И. Н. Потапенко. Спб. 1899.
- **Программы чтенія для самообразованія.** Третье, вновь переработанное и дополненное изданіе. Спб. 1899. Изданіе Отдѣла для содѣйствія самообразованію въ Комитетѣ Педагогическаго Музея Военно-Учебныхъ Заведеній.
- **Народный домъ и его общественно-воспитательное значеніе.** Докладъ В. Я. Данилевскаго, читанный въ Харьковскомъ Обществѣ грамотности 25-го октября 1898 года. Харьковъ, 1898. Изданіе Харьковскаго Общества грамотности.

Мы привели заглавія нѣсколькихъ книгъ и брошюръ, соединенныхъ одною общей темой; но это—книги и брошюры, лишь случайно находящіяся у насъ подъ руками за послѣднее время,—къ нимъ присоединяется еще нѣсколько подобныхъ изданій и статей въ журналахъ, гдѣ, между прочимъ, свѣдѣнія объ образовательныхъ учрежденіяхъ для народа сообщаются не только по книжнымъ матеріаламъ, но и по собственному наблюденію. Рядомъ съ разсказами объ иностранныхъ „народныхъ университетахъ“, выходятъ, въ Петербургѣ и Москвѣ, руководства къ домашнему чтенію для приобрѣтенія высшаго образованія и масса книжекъ для народа, по разнымъ отраслямъ знанія, въ дополненіе того малаго, что даетъ народная школа.

Эта забота о народномъ образованіи возникла у насъ съ конца пятидесятихъ годовъ, въ эпоху реформъ; въ тѣ времена основался уничтоженный нынѣ комитетъ грамотности, достойно поработавшій для народной школы. Подъ вліяніемъ тогдашнихъ настроеній народная школа стала предметомъ усиленныхъ заботъ земства и городскихъ управленій; въ то же время нѣсколько размножились школы министерства народнаго просвѣщенія, наконецъ появились школы церковно-приходскія. Въ сравненіи съ прошлымъ, еще очень недавнимъ, это размноженіе народной школы представляетъ нѣчто совсѣмъ небывалое, и нѣкоторыя городскія (въ столицахъ и нѣкоторыхъ большихъ городахъ) и земскія школы поставлены прекрасно, насколько было возможно въ данныхъ условіяхъ. Въ этомъ распространеніи школы важно и замѣчательно, въ разныхъ отношеніяхъ, было то, что главнымъ образомъ оно обязано было общественной инициативѣ и труду, какъ они дѣйствовали въ городскомъ и земскомъ самоуправленіи, въ комитетѣ грамотности, въ основаніи множества народныхъ библіотекъ и читаленъ, и т. д. Къ сожалѣнію, эта инициатива слишкомъ часто встрѣчала внѣшнія препятствія, которыя стѣсняли, а иногда и прямо

уничтожали ея дѣйствіе. Высказывалось недовѣріе къ частнымъ и общественнымъ начинаніямъ; желаніе регулировать приводило къ стѣсненіямъ, искажавшимъ самую сущность дѣла. Такъ въ печати не однажды указывалось на крайне стѣснительную регламентацію народныхъ чтеній, на чрезмѣрно узкую программу, которая для нихъ обязательна, и т. д. Въ послѣднее время высказывалось недовѣріе къ земской школѣ, и т. д.

Но литература о „народныхъ университетахъ“, „народныхъ домахъ“, самообразованіи и пр. продолжаетъ расти, и въ этомъ нельзя не видѣть отраднаго свидѣтельства, что въ обществѣ не остываетъ интересъ къ дѣлу народнаго просвѣщенія. Интересъ—глубоко разумный, въ самомъ высокомъ смыслѣ патріотическій, и уже очень давно своевременный. Во времена крѣпостного права общественная забота о просвѣщеніи народа была фактически и нравственно невозможна; но послѣ освобожденія крестьянъ стремленіе къ устройству народной школы было естественнымъ нравственнымъ дополненіемъ къ юридическому установленію личной свободы недавняго раба. Кромѣ безправія, надо было обезпечить по крайней мѣрѣ новыя народныя поколѣнія отъ умственного мрака, въ которомъ пребывала вѣка народная жизнь. Кромѣ нравственныхъ побужденій, была и чисто внѣшняя, практическая необходимость заботы о народной школѣ. Для десятковъ милліоновъ крестьянства наступали новыя условія экономическія, въ которыхъ нужно было сознательно осмотрѣться. Затѣмъ, явились страшныя предостереженія періодическихъ голодовъ, — и по общему признанію, раздѣленному и правительствомъ, одною изъ причинъ бѣдствія было неудовлетворительное состояніе хозяйства, а одною изъ причинъ послѣдняго — отсутствіе школы сельско-хозяйственной, которая научила бы иному способу хозяйства въ измѣняющихся матеріальныхъ условіяхъ, — понятно, что школа сельско-хозяйственная должна была основаться на здраво поставленной первоначальной школѣ: нельзя учить однимъ плугамъ, травосѣянію, условіямъ климата и т. п., когда голова остается совсѣмъ неразвитой.

Есть, наконецъ, еще одно великое основаніе къ заботамъ о народномъ просвѣщеніи. Въ послѣднее время, при быстромъ развитіи культурныхъ и экономическихъ процессовъ, сильнѣе чѣмъ когда-нибудь сказывается международная конкуренція. Въ просвѣщеніи „быть съ вѣкомъ наравнѣ“ необходимо не только избраннымъ и привилегированнымъ, но, въ извѣстной мѣрѣ, и цѣлой національной массѣ; этого требуютъ интересы экономическіе, а наконецъ и политическіе; слова о „народномъ учителѣ“, одержавшемъ побѣду въ франко-прусской войнѣ, не лишены весьма серьезнаго значенія. Въ настоящую минуту сравнительная статистика „народнаго просвѣщенія“ даетъ

для Россіи самыя прискорбныя цифры... Мы видимъ однако, что въ тѣхъ странахъ, гдѣ дѣло просвѣщенія поставлено несравненно выше нашего, съ широко распространенной народной школой, съ богатыми университетами и высшими специальными учрежденіями, въ послѣднее время идетъ сильное движеніе съ цѣлью дальнѣйшаго расширенія знаній въ самой народной средѣ: тамъ уже названы „народные университеты“. Намъ, къ сожалѣнію, трудно мечтать о чемъ-либо подобномъ,—но если у насъ люди, преданные интересу народнаго образованія, собираютъ свѣдѣнія о подобныхъ учрежденіяхъ, рассказываютъ о томъ, что дѣлается въ этомъ отношеніи въ Англіи, Франціи, Германіи, Швеціи, ихъ видимо одушевляетъ мысль, что для нашего народа (и средняго общества) столь же необходимы заботы объ умноженіи средствъ школьнаго и внѣ-школьнаго образованія. Въ размѣрахъ, конечно неизмѣримо болѣе скромныхъ, чѣмъ въ западной Европѣ, дѣлаются и у насъ опыты въ этомъ направленіи, въ видѣ упомянутыхъ народныхъ чтеній, устройства сельскихъ библиотекъ, читаленъ и т. п.

Къ удивленію, это общее европейское движеніе въ пользу расширенія народнаго образованія находитъ противниковъ даже въ западномъ обществѣ,—гдѣ есть, впрочемъ, еще не мало приверженцевъ мнимаго добраго стараго времени. „Въ настоящее время,—говоритъ Рейеръ,—мы съ сожалѣніемъ видимъ, какъ часто многіе вполне достойные люди держатся вдали отъ общественной дѣятельности и предпочитаютъ жалкую, лишенную осмысленнаго содержанія, личную жизнь. Они порицаютъ наше время за его суету, эгоизмъ, отсутствіе идеаловъ... Они порицаютъ наши школы... Ихъ не удовлетворяетъ наша специализированная наука... Они съ пренебреженіемъ относятся къ нашимъ общественнымъ стремленіямъ и утверждаютъ, что въ нравственномъ отношеніи мы стоимъ ниже своихъ предшественниковъ... Съ ужасомъ смотрятъ они на тѣ миллионы, которые пробудились и требуютъ для себя достойнаго челоѣка существованія.

„Одни приходятъ къ мысли, что болѣзненные симптомы нашего времени главнымъ образомъ обусловлены прогрессомъ. Такое непріязненное отношеніе къ современной культурѣ порождаетъ сильныя реакціонныя теченія: пятясь назадъ, эти люди надѣются снова обрѣсти страну мира.

„Другіе безпомощно смотрятъ на стихійное движеніе впередъ демократіи. Они ни откуда не ждутъ помощи и, опуская руки, живутъ лишь для себя...

„Въ теченіе многихъ лѣтъ и я поступалъ не лучше, хотя все-таки постоянно слѣдилъ за стремленіемъ нашего времени и дѣйствительными завоеваніями нашей общественной жизни. Эти-то наблюденія и открыли мнѣ глаза.

„Я пришелъ къ заключенію, что могучія проявленія новаго просвѣтительнаго движенія должны привести къ лучшей, высшей формѣ общественной жизни, а этотъ выводъ соединился у меня съ жизнерадостной вѣрой въ лучшее будущее.

„Путемъ пытливаго и осторожнаго изслѣдованія я завоевалъ себѣ эту вѣру, которая не боится критики, такъ какъ она возникла на ея почвѣ. Но кто имѣетъ эту вѣру, тотъ долженъ служить ей; вотъ почему и я вступилъ въ ряды тружениковъ на томъ полѣ дѣятельности, съ которымъ связалъ меня ходъ моего развитія“.

Если въ европейскомъ обществѣ сомнѣнія въ „прогрессѣ“, опасенія за развитіе демократизма и т. д. стараются найти себѣ какія-либо историческія и морально-общественныя основанія и съ другой стороны находятъ противовѣсъ въ критически выработанномъ убѣжденіи (какъ въ приведенныхъ словахъ Рейера) и въ свободѣ общественной инициативы, которая создаетъ замѣчательныя учрежденія на пользу народнаго просвѣщенія, то у насъ вражда къ расширенію народной школы имѣетъ весьма первобытные источники—застарѣлый обскурантизмъ, не задающій себѣ никакихъ вопросовъ о нравственной потребности національнаго сознанія и необходимости школы даже для простого матеріальнаго сохраненія и развитія національныхъ силъ; и рядомъ съ тѣмъ, силою этого обскурантизма крайне затруднено и то небольшое, что стремятся сдѣлать для народнаго образованія ревностные приверженцы этого дѣла.

Книга г. Гебеля очень любопытна и поучительна. Въ ней есть, однако, недостатокъ, который полезно было бы исправить при новомъ изданіи: для русскаго читателя нѣтъ надобности въ излишнемъ обиліи статистическихъ цифръ о какихъ-нибудь франкфуртскихъ школахъ и т. п.,—для статистической наглядности довольно было бы третьей доли этихъ цифръ; но гораздо болѣе интересны и полезны были бы другія подробности, которыхъ находимъ здѣсь мало,—именно подробности о томъ, какъ возникали общественныя предпріятія для народнаго образованія, какіе были ихъ нравственные мотивы, способы осуществленія и т. д. Напримѣръ, знаменитый Тойнби едва названъ; о крестьянскихъ университетахъ въ Швеціи едва упомянуто (о нихъ есть прекрасный рассказъ нашей соотечественницы, г-жи Ковалевской), и т. п. Если авторъ желалъ внушить читателю сочувствіе къ этому прекрасному дѣлу, то изображеніе его нравственныхъ и національныхъ мотивовъ было бы не менѣе, если не болѣе, важно, чѣмъ статистика.

Въ свое время мы говорили о „Программахъ самообразованія“, и упоминали о большомъ успѣхѣ московскихъ программъ; теперь вышло и третье изданіе „Программъ Комитета Педагогическаго музея“ въ

Петербургѣ. Здѣсь, какъ и въ Москвѣ, въ составленіи программъ приняли участіе компетентные специалисты; успѣхъ изданія свидѣтельствуешь о томъ, какъ растетъ въ обществѣ потребность образованія, которой видимо не удовлетворяетъ наличная школа.

— И. А. Даниловъ. Въ тихой пристани.—Въ морозную ночь.—Поѣздка на богомолье. Спб. 1899.

Писатель, имя котораго, если не ошибаемся, является въ первый разъ на литературномъ поприщѣ, обращаетъ на себя вниманіе нѣкоторыми особенностями и сюжетовъ, и дарованіи,—которое не подлежитъ сомнѣнію. По сюжетамъ, рассказы г. Данилова, какъ бы не случайно, привязаны косвенно или прямо къ монастырю, особенно женскому: авторъ хорошо знакомъ съ обычаями монастыря; дѣйствіе одного, главнаго, рассказа книжки все проходитъ въ женскомъ монастырѣ. „Въ тихой пристани“ совершается тяжелая внутренняя драма молодой дѣвушки, которая, послѣ обманутыхъ надеждъ личнаго счастья, уходитъ въ монастырь, проводитъ тамъ нѣсколько лѣтъ въ убѣжденіи, что она исцѣлилась отъ понесеннаго ею несчастія,—но здѣсь предстоитъ ей новое, еще болѣе тяжелое испытаніе. Въ монастырѣ бываетъ часто брать самой игуменьи; человекъ уже не совѣтъ молодой, и даже семейный (хотя семья живетъ гдѣ-то за границей), но изящный и привлекательный, онъ былъ для дѣвушки пришельцемъ изъ того міра, который она слишкомъ поспѣшно покинула; взаимная симпатія обратилась у нея въ страсть, которою онъ и хотѣлъ воспользоваться. Исторія этой душевной борьбы составляетъ предметъ рассказа, изложеннаго въ формѣ дневника. Она еще не связана окончательно монашескими обѣтами,—она можетъ покинуть монастырь;—она такъ сжилась, однако, съ монастыремъ и его обычаями, что и это одно было бы для нея тяжкимъ дѣломъ, но кромѣ того, послѣ ей предстояло бы въ жизни двусмысленное положеніе. Признаніе, почти исповѣдь, передъ высокопоставленнымъ духовнымъ лицомъ произвело переломъ,—она остается въ монастырѣ.

На первый разъ, когда чувство только возникало, она, рассказавъ о встрѣчахъ съ человекомъ, ее привлекавшимъ, писала въ дневникѣ: ...„Въ душѣ, казалось, приобрѣтено сокровище, такъ она была полна миромъ и желаніемъ счастья всѣмъ людямъ. А я... я буду счастлива самоотверженіемъ“. Черезъ мѣсяцъ, когда произошли новыя встрѣчи и страстные разговоры урывками, она пишетъ въ дневникѣ: „Неужели это я съ глубокимъ умиленіемъ написала послѣднія слова? Гдѣ это настроеніе? Какъ мнѣ кажется теперь уныло жить. Ахъ,

темныя силы не дремлютъ... Свѣтъ не сіяетъ постоянно въ нашей душѣ, и чувствую я себя не совсѣмъ хорошо, силы идутъ на убыль, еслибы только тѣлесныя, но, что всего хуже на свѣтѣ, душевныхъ силъ все меньше и меньше. Отчего я постоянно беспокоюсь? Отчего устаю? Отчего за молитвой однѣ слезы? Минутами мнѣ кажется, что я—бѣдное и нѣжное дитя, заблудившееся въ дремучемъ лѣсу. Никто-то меня не пожалѣетъ, никто не понимаетъ меня“...

Она и была похожа на заблудившееся дитя. Долгая исторія душевныхъ страданій окончилась разрывомъ. Последняя запись въ дневникѣ: „Сегодня онъ долженъ уѣхать. Несмотря на жару, мнѣ все холодно, и я нигдѣ не нахожу себѣ мѣста. Какъ осужденный на смерть оглядывается на свою жизнь и въ секунды переживаетъ годы, такъ и я мысленно переживаю давно, давно минувшее. И мнѣ кажется такимъ ничтожнымъ пространство пути, которое мнѣ нужно пройти, чтобы достигнуть порога въ будущую жизнь, хотя бы она тянулась еще многіе годы“. Это было отчаяніе, въ которомъ она не хотѣла себѣ сознаться.

Эта драма проведена, быть можетъ, не столько съ большимъ искусствомъ, сколько съ искреннимъ чувствомъ, которое передается читателю. Въ двухъ другихъ разсказахъ г. Данилова монастырь стоитъ подлѣ дѣвической исторіи, которая, однако, разрѣшается благополучной свободой. Въ одномъ рѣчь идетъ о дѣвушкѣ, которая обманулась въ ожиданіяхъ свѣтскаго успѣха и находитъ въ болѣе простомъ кругу искреннюю привязанность. Въ другомъ дѣйствіе происходитъ въ полународной, купеческой средѣ, опять въ обстановкѣ монастырскаго благочестія. Оба разсказа написаны съ тою же теплотой и съ поэтическимъ настроеніемъ; взглядъ на жизнь, между прочимъ, народную, и литературная манера могутъ напомнить Кохановскую,—но съ выгоднымъ отличіемъ отъ послѣдней, именно съ отсутствіемъ преувеличенной слащавости.—Т.

— Графъ Андрей Ивановичъ Остерманъ и раздѣлъ Турціи. Изъ исторіи восточнаго вопроса. Война пяти лѣтъ (1735—1739). Ал. Кочубинскаго, заслуж. профессора Ими. Новороссійскаго университета. Одесса, 1899.

Авторъ, много поработавшій по изученію славянства, издалъ новый обширный трудъ, посвященный русской политикѣ въ восточномъ вопросѣ во времена имп. Анны, въ рукахъ Остермана. По взгляду г. Кочубинскаго, нашу „боевую политику“ въ восточномъ вопросѣ открыли сначала Петръ Великій, потомъ, спустя четверть вѣка, его „вѣрный ученикъ и мститель“, вице-канцлеръ имп. Анны, Остерманъ.

„Цѣль ихъ можетъ быть формулирована словами самого Остермана— „вовсе счастливыми учинить“ христіанскіе народы Балканскаго полуострова“. Настоящая книга посвящена исторіи попытки исполнить эту программу въ тридцатыхъ годахъ XVIII вѣка.

Авторъ замѣчаетъ, что мы привыкли относиться съ „нѣкоторымъ“, вѣрнѣе—очень большимъ, предубѣжденіемъ къ этой эпохѣ, какъ эпохѣ „слова и дѣла“, „господства нѣмцевъ“, бироновщины; но г. Кочубинскій думаетъ, что нужно болѣе справедливое отношеніе къ этому времени. „Это—*молодые* годы въ нашей исторіи Восточнаго Вѣща, съ самыми живыми, *крово-*русскими интересами. Тогда была выработана та политическая программа относительно „христіанъ“, которая партіями осуществлялась въ будущемъ, на протяженіи многихъ лѣтъ, а это будущее само—новаго, новой идеи, не дало для разрѣшенія того вопроса, за исключеніемъ самой неудачной идеи: „градъ Константина возвратитъ Константину“, т.-е. на мѣсто турокъ на Босфорѣ посадить обитателей Фанара, о которыхъ Остерманъ и его сотрудники на мѣстѣ имѣли весьма определенное, довольно прозаическое, злое представленіе, почему и увлекаться въ *ту* сторону не могли и не прегрѣшали.

„Прутская „акція“, походъ за Прутъ Петра Великаго былъ неудаченъ. Тяжкаго урока царь до смерти не забывалъ; идея „отмездія“ за Прутъ всецѣло наполняла его, и отрѣзанный отъ прямой, европейской дороги къ Босфору, онъ собирался-было подойти къ нему со стороны азіатской. Въ этомъ смыслѣ былъ открытъ Петромъ вопросъ о Жоржии, т.-е. Грузіи, и Арменіи, т.-е. вопросъ о Кавказѣ.

„Таже идея „праведнаго отмщенія“ продолжала столь же живо работать при всѣхъ преемникахъ Петра. Политика шла воздержно, послѣдовательно, неуклонно „тою же дорогой“, по наблюденію современниковъ.

„Уже на другой годъ послѣ смерти Петра, въ соображеніи вопроса о Турціи, былъ заключенъ „альянцъ“ съ Австріей. Это было дѣло Остермана.

„Въ концѣ 20-хъ и въ началѣ 30-хъ годовъ прошлаго столѣтія, „Оттоманское Имперіумъ“, т.-е. Турція, изъ-за своекорыстнаго вмѣшательства въ дѣла сосѣдственной Персіи, очутилась-было, какъ казалось всѣмъ, на краю своей гибели.

„Турція, доносили Остерману его агенты на Босфорѣ, наши первые послы въ Константинополь, Неплюевъ и Вешняковъ, изнѣженная, безъ людей, безъ средствъ, битая въ Персіи, не только *больной* человекъ, но уже *умирающій* (moribonde), вотъ-вотъ кончается... Но такъ представляли ее себѣ и на Западѣ. „Содержится отъ турокъ на свѣтѣ страхъ только преданіемъ“, подчеркивали они...

„Осторожный, холодный Остерманъ долго не поддавался дѣйствию страстныхъ призывовъ съ юга—свести именно теперь счеты за Прутъ. Съ недовѣріемъ онъ относился къ смѣлымъ утвержденіямъ Вешнякова, что... недавнее „страшилище“ теперь — предметъ „всякаго презрѣнія“... Но наконецъ и Остерманъ долженъ былъ уступить общему убѣжденію, и открылась наша война съ Турціей пяти лѣтъ, 1735—1739 годовъ.

„Въ то время какъ боевой представитель Россіи, графъ Минихъ, сейчасъ же былъ готовъ со смѣлыми надеждами полного осуществленія идей Петра Великаго, „агарянь“ прогнать въ ихъ. агарянскія степи, а въ св. Софіи вѣнчать самое императрицу Анну,—разсчитливый, неувлекающійся Остерманъ остановился на приѣмѣ болѣе скромномъ: онъ остановился не на изгнаніи турокъ, а на *раздѣлѣ* Турціи“. На первый разъ созданы были „индепендентныя удѣльныя княженія“, Молдавія и Валахія, подъ покровительствомъ Россіи.

Дѣятельность Остермана дала для будущаго цѣлую программу рѣшенія восточнаго вопроса, и будущее было только ея логическимъ развитіемъ.

Это интересное время г. Кочубинскій сдѣлалъ предметомъ обширнаго изслѣдованія, которое составитъ важный вкладъ въ исторію нашего XVIII вѣка. Матеріаломъ послужили, во-первыхъ, документы московскаго Главнаго Архива министерства иностранныхъ дѣлъ; собраніе историческихъ матеріаловъ, издаваемое румынской Академіей наукъ въ Букарештѣ; современная греческая хроника, или дневникъ Маврокордато, недавно изданная; „Сборникъ“ Р. Историч. Общества; наконецъ книги, брошюры, отдѣльные листы 30-хъ и 40-хъ годовъ XVIII столѣтія—русскіе, нѣмецкіе и чешскіе.—А. П.

Въ мартѣ мѣсяцѣ поступили въ Редакцію слѣдующія новыя книги и брошюры:

Аполлонскій.—Альбомъ стиховъ. Спб. 98. Стр. 31. Ц. 1 р.

Барсуковъ, Николай.—Жизнь и труды М. П. Погодина. Кн. 13. Спб. 99. Стр. 413. Ц. 2 р. 50 к.

Безобразова, М. В.—О русскомъ женскомъ благотворительномъ обществѣ. Спб. 98. Стр. 57. Ц. 20 к.

— Изреченія св. Кирилла и посланіе митрополита Никифора. Спб. 98. Стр. 15.

Бертенсонъ, Левъ.—Оздоровляющія и цѣлительныя силы въ природѣ. Спб. 1899. Стр. 40. Ц. 50 к.

Бертильонъ, д-ръ, Ж.—Вымираніе французскаго народа. Перев. О. Латернеръ. Спб. 99. Стр. 40. Ц. 25 к.

Бино, А., и Анри, В.—Умственное утомленіе. Перев. съ франц. Ек. Анри. Съ 93 рис. и діаграммами. М. 98. Стр. 345. Ц. 2 р. 50 к.

- Благовѣщенскій, К. А.*—Четвертное право. Исслѣдованіе. М. 99. Стр. 538. Ц. 2 р. 50 к.
- Богдамовъ, Н.*—О происхожденіи и значеніи зоонофильной зернистости и объ отношеніи ея къ процессу кроветворенія. Диссертация на степ. д-ра мед. М. 99. Стр. 188. Ц. 1 р. 25 к.
- Боровиковскій, А. Л.*—„Печатный листъ“. Спб. 99. Стр. 15.
- Бяляевъ, Александръ*, проф. москов. духовн. академіи.—О безбожии и Антихристѣ. Т. I: Подготовленіе, признаки и время пришествія Антихриста. Сергіевъ Посадъ. 98. Стр. 1034. Ц. 3 р.
- Владиміровъ, П. В.*—Пятидесятилѣтіе „Мыслей объ исторіи русскаго языка“. (Очеркъ трудовъ за 50 лѣтъ и новые матеріалы). Кіевъ, 1899. 45 стр.
- Воронцовъ, Е. Н.*—Четырехсотлѣтіе російскаго государственнаго герба. Съ рис. Харьк. 98. Стр. 53.
- Вурмъ, Э.*—Жизнь нѣмецкихъ рабочихъ, ихъ питаніе, квартиры, доходы, жосвенные налоги, болѣзни и смертность. Перев. съ нѣм. М. Мандельштама, п. р. Д. Протопова. Спб. 99. Стр. 153. Ц. 80 к.
- Ганзенъ, П.*—Трудовая помощь въ Скандинавскихъ государствахъ. Печатаю по распоряженію Канцеляріи Е. В. Государыни Императрицы Александры Феодоровны. Спб. 99. Стр. 279. Ц. 3 р.
- Гебель, В.*—Внѣшкольное народное образованіе въ Западной Европѣ и Сѣверной Америкѣ. Составилъ по Рейеру и другимъ источникамъ В. Г. Москва, 1899. IX, 179 стр. Ц. 1 р. 25 к.
- Гейтбекъ, д-ръ А.*—Альбомъ картинъ по географіи Европы. Съ 223 рис. Перев. съ нѣм. А. П. Нечаева, съ предислов. Д. А. Коропчевскаго. Спб. 99. Стр. 204.
- Гельвальдъ, Фр.*—Земля и ея народы. Перев. съ нѣм. Т. I: Живописная Америка.
- Гинцбургъ, бар., Альфредъ.*—Отчетъ поѣздки на прински ленскаго золотопромышленнаго товарищества. Спб. 99. Стр. 245.
- Глинскій, Ф. А.*—Бѣловѣжская пуща и зубры. Съ иллюстр. Бѣлостокъ, 99. Стр. 60. Ц. 50 к.
- Григорьевъ, Б.*—Стихотворенія. Т. I. М. 99. Стр. 108. Ц. 75 к.
- Гутманъ, Оскаръ.*—Гимнастика голоса. Руководство къ развитію и правильному употребленію органовъ голоса въ пѣніи и система правильнаго дыханія. Съ нѣм. Спб. 99. Стр. 74.
- Гюйо, М.*—Собраніе сочиненій. Томъ II. Происхожденіе идеи времени. Мораль Эпикура и ея связь съ современными ученіями. Спб. 1898. Изданіе товарищества „Знаніе“ (Спб. Невскій, 20). Редакція Г. Фальборка и Чернолуцкаго, № 3, 372 стр.
- Д., К.*—Болгарская пропаганда въ Македоніи и македонскій вопросъ. М. 99. Стр. 18. Ц. 25 к.
- Д'Оссонвилль, графъ.*—Нужда, порокъ и благотворительность. Перев. съ франц. и введеніе В. К. Ордина. Спб. 99. Стр. 368. Ц. 1 р.
- Дриль, Дм.*—Ссылка во Франціи и Россіи. Спб. 99. Стр. 173. Ц. 1 р.
- Зайончковскій, А., и Бяляевъ, В.*—Учебникъ прикладной тактики. Вып. 1. Спб. 99. Стр. 81. Ц. 1 р.
- Зелинскій, В.*—Русская критическая литература о произведеніяхъ А. С. Пушкина. Хронологическій сборникъ критико-библіографическихъ статей. Часть вторая. Изданіе второе. М. 1899. 221 стр. Ц. 1 р.

Золл, Эм.—Штурмъ мельницы. Разсказъ. Перев. Д. Бордаковского. М. 99. Стр. 42. Ц. 30 к.

Ильинъ, А.—Учебный географическій атласъ, 12 таблицъ. Спб. 99. Ц. 25 к.

Юхельсонъ, В. И.—Образцы матеріаловъ по изученію якутскаго языка и фольклора, собранныхъ въ якутской экспедиціи. Спб. 98. Стр. 151—177.

Кемперъ, д-ръ, Е. Ф.—Лечебныя мѣста Европ. Россія и Западная Европа. Съ географическими картами. Спб. 99. Стр. 145. Ц. 1 р. 50 к.

—— Карта главнѣйшихъ лечебныхъ мѣстъ Европы. Минеральныя воды, морскія купанья, климатическія и горныя станціи. Спб. 99.

Ковалевскій, Максимъ.—Краткій обзоръ экономической эволюціи, ея подраздѣленіе на періоды. Перев. съ франц. В. Палеологъ. Спб. 1899. Стр. 28. Ц. 25 к.

Комарскій, Ф. С.—Семейный университетъ. Собраніе популярныхъ лекцій для самообразованія. Курсъ первый. Т. I, вып. 1. Спб. 99.

Корнаковъ, В.—Краткій практическій курсъ геометрическаго черченія и землемѣрія, въ связи съ необходимыми свѣдѣніями изъ геометріи. Спб. 1899. Стр. 176. Ц. 50 к.

—— Приборы и пособія, необходимыя для уроковъ геометрич. черченія, и краткіе курсы землемѣрія въ народныхъ школахъ. Спб. 99. Стр. 94. Ц. 45 к.

Крюковъ, Н. А.—Данія. Сельское хозяйство въ Даніи, въ связи съ общимъ развитіемъ страны. Съ картою и 26 рис. Спб. 99. Стр. 327. Изд. мин. землед. и госуд. имуществъ.

Кулюкинъ, С. Л.—Законы мышленія съ психологической точки зрѣнія. Харьк. 99. Стр. 228. Ц. 1 р. 50 к.

Леклеркъ, Максъ.—Народные университеты въ Англіи. Переводъ Э. Латернера. Съ предисловіемъ И. Н. Потапенко. Спб. 1899. 39 стр. Ц. 20 коп.

Лотфелло, Генри.—Пѣснь о Гайаватѣ. Переводъ съ англійскаго Ив. А. Бунина. Иллюстрированное изданіе. М. 1899. VII и 199 стр. Ц. 1 р. 25 коп.

Ляцкий, Е. А.—Новое изданіе: „Не все и не ничего“. Текстъ съ предисловіемъ. М. 99. Стр. 36.

Морренъ, д-ръ, П.—Гипнотизмъ въ теоріи и на практикѣ. Съ франц. А. Аванасьевъ. Спб. 99. Стр. 220.

Миаль, Д. С.—Система логики силлогистической и индуктивной. Переводъ съ англ. В. Н. Ивановскаго. Вып. VI. М. 99. Стр. 609—720.

Митковъ, С. Р.—Женское дѣло. Комед. въ 5 дѣйств. Рисунки декораций худ. Н. А. Ильинскаго. Од. 99. Ц. 1 р.

Накроуинъ, П. Е.—Идилліи въ прозѣ. Разсказы. Спб. 99. Стр. 260. Ц. 1 р.

Паскаль, Блезъ.—Мысли (о религіи). Съ предисловіемъ Прево-Парадола. Перев. съ франц. П. Д. Первовъ. М. 99. Стр. 176. Ц. 1 р.

Переферковичъ, Н.—Талимудъ. Мишна и Тосефела. Т. I (кн. 1 и 2). Спб. 1899. Стр. 389. Ц. 2 р. 50 к.

Перцовъ, П., состав.—Философскія теченія русской поэзіи: Пушкинъ, Баратынскій, Колюцовъ, Лермонтовъ, Огаревъ, Тютчевъ, гр. А. Толстой, Фетъ, Полонскій, А. Майковъ, Апухтинъ, Голенщевъ-Кутузовъ, графъ. Избранныя стихотворенія, съ критическими статьями Андреевскаго, Мережковскаго, Никольскаго, Перцова и Влад. Соловьева. Изд. 2-е. Спб. 99. Стр. 387. Ц. 2 р.

Покровская, М. И.—Популярныя статьи по гигиенѣ. Спб. 1899. Стр. 112. Ц. 60 к.

Порошинъ, Ив.—Русалка и другіе разсказы. Спб. 99. Стр. 318. Ц. 1 р. 25 к.

- Потанико, И. Н.*—Повѣсти и рассказы. Т. XII. Спб. 99. Стр. 338. Ц. 1 р.
- Раисъ, К. В.*—Въ чешской школѣ. Романъ. Перев. съ чешскаго. Каз. 99. Стр. 435.
- Розановъ, В. В.*—Сумерки просвѣщенія. Сборникъ статей по вопросамъ образованія. Спб. 99. Стр. 240. Ц. 1 р.
- Сабуровъ, П.*—Матеріалы для исторіи русскихъ финансовъ 1866—1897. Спб. 99. Стр. 67 и 49 прилож. Ц. 2 р.
- Сергѣева, Анна.*—Идеализація и любовь. Спб. 99. Стр. 171. Ц. 1 р.
- Сергѣевичъ, В.*—Лекціи и изслѣдованія по древней исторіи русскаго права. 2-е изд. Спб. 99. Стр. 480. Ц. 2 р.
- Синайскій, свящ., А.*—Отношеніе древне-русской церкви и общества къ латинскому западу (католицизму). Церковно-историческій очеркъ. Спб. 1899. Стр. 162. Ц. 1 р.
- Скальковский, К.*—Въ театральномъ мірѣ. Наблюденія, воспоминанія и разсужденія. Спб. 99. Стр. 395. Ц. 2 р. 50 к.
- Соболевскій, д-ръ, А. В.*—Основы трезвости. Опытъ руководства для школъ. Спб. 99. Стр. 167. Ц. 50.
- Соболевъ, М. Н.*—Очерки изъ исторіи всемірной торговли, въ связи съ развитіемъ экономической жизни. М. 99. Стр. 166. Ц. 1 р. 20 к.
- Соколовъ, Н. М.*—Лирика Я. П. Полонскаго. Критическій этюдъ. Спб. 1899. 99 стр.
- Старшицкіе, отецъ и дочь.*—Передъ бурей. Историч. романъ изъ временъ Хмельницкихъ. Кіевъ, 99. Стр. 620. Ц. 2 р.
- Стеткевичъ, А.*—Убыточенъ ли Туркестанъ для Россіи? Спб. 99. Стр. 19.
- Стидменъ Амдисъ, В.*—Смотри на небо! Популярный очеркъ астрономіи. Съ англ. В. Серафимовъ. Съ 29 рис. Спб. 99. Стр. 160. Ц. 50 к.
- Тардъ, Г.*—Молодые преступники. Перев. съ франц. Спб. 1899. Стр. 31. Ц. 30 к.
- Тарутинъ, Ал.*—Стихотворенія. Спб. 99. Стр. 190.
- Таубе, бар., М.*—Принципы мира и права въ международныхъ столкновеніяхъ среднихъ вѣковъ. Т. II. „Исторіи зарожденія современнаго международного права“. Харьк. 99. Стр. 360.
- Трофимовъ, Н.*—„Въ саду моемъ розы цвѣли - отцвѣтали“... Сказка. Спб. 1899. Стр. 31. Ц. 30 к.
- Фаресовъ, А.*—Народники и марксисты. Спб. 99. Стр. 56. Ц. 40 к.
- Фауль, Т.*—Приврѣніе бѣдныхъ въ Англіи. Перев. съ англ. А. М. Бѣлова. Спб. 99. Стр. 211. Ц. 1 р.
- Фойницкій, И. Я.*—Курсъ уголовного судопроизводства. Т. II. Спб. 1899. Стр. 607. Ц. 3 р. 50 к.
- Ходскій, Д. В.*—Политическая экономія въ связи съ финансами. Вып. 1. Спб. 99. Стр. 320. Ц. 3 р. 50 к.
- Шантони-де-ла-Соссей, Д.*—Иллюстрированная исторія религій. Перев. съ фр. В. Н. Линдъ. Вып. IX. М. 99. Стр. 273—368. Ц. 1 р. 25 к.
- Швецовъ, С.*—Обычно-правовыя воззрѣнія Алтайцевъ (Калмыкъ) и Киргизъ. Брачныя и семейныя отношенія. Омскъ, 98. Стр. 16.
- Шелли.*—Сочиненія. Перев. съ англ. К. Д. Бальмонта. Вып. 6: Освободенный Прометей. Лирич. драма. 1819. Спб. 99. Стр. 179. Ц. 75 к.
- Шепелевичъ, Л. Ю.*—Наши современники. Историко-литературные очерки. Поль Бурже. Гюя де Мопассанъ. Эдуардъ Родъ. Спб. 1899. 253 стр. Ц. 1 руб. 75 коп.

Gautier, Em.—L'année scientifique et industrielle. 42-me année. 56 fig. Par. 99. Стр. 400.

— Documente der Frauen. Band I, № 1. Wien, 99.

Salits, P.—Darstellung und Kritik der Kantischen Lehre von der Willensfreiheit, mit einem geschichtlichen Rückblick auf der Freiheitsproblem. Rostok, 98. Стр. 195.

— Алтайскій сборникъ. Т. II. Вып. 1 и 2. Барнаулъ. 98.

— Висше училище въ София. Université de Sofia, Bulgarie. Разниъ на лекциитъ за лѣтното полугодие 1898/1899. уч. год. Programme des cours и пр. София, 1899. 12 стр.

— Геологическія изслѣдованія и развѣдочныя работы по линіи сибирской желѣзной дороги. Вып. XVIII. Спб. 99. Стр. 154.

— Дарвинистическая Библіотека. Вып. I: Дарвинизмъ и теорія познанія Г. Зиммеля и Фр. Нитцше. Спб. 99. Стр. 86. Ц. 50 к.

— „Землевѣдѣніе“. 1898 годъ. Кн. III—IV. Подъ ред. Д. И. Анучина. М. 1899. Стр. 211. Ц. 1 р. 50 к.

— Нужды сельскаго хозяйства и мѣры ихъ удовлетворенія, по отзывамъ земскихъ собраній. Изд. Мин. Землед. и Госуд. Имуществъ. Спб. 99. Стр. 316.

— О Калифорнскомъ червецѣ. Спб. 99. Стр. 16 и 4. Изд. Мин. Землед. и Госуд. Имуществъ.

— Отчетъ Совѣта Общества любителей изслѣдованія Алтая за 1897 г. Барнаулъ, 98. Стр. 28.

— Памяти В. Г. Бѣлинскаго. Литературный Сборникъ, составленный изъ трудовъ русскихъ литераторовъ. Съ 3 фототипіями. Изданіе Пензенской общественной библіотеки имени М. Ю. Лермонтова. М. 99. Стр. 566. Ц. 3 р. 50 к.; на веленовой—5 руб. (Чистый доходъ поступаетъ въ фондъ имени В. Г. Бѣлинскаго).

— Сборникъ консульскихъ донесеній. Годъ 2-й. Вып. II. Изд. Мин. Иностр. Дѣлъ. Спб. 99. Стр. 182.

— Статистико-экономич. обзоръ Херсонской губ. за 1897 г. Изд. Херсон. губ. Зем. Упр. Херсонъ, 1898 г. Стр. 204+101.

— Статистическій Ежегодникъ Тверской губерніи за 1898 г. Тв. 99.

— Труды ветеринарнаго отдѣленія Саратовской Губернской Земской Управы. Подробное изслѣдованіе крестьянскаго скотоводства, произведенное въ 1897 г. Т. III. Саратов. 98. Стр. 609.

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

I.

Valerie Matthes. Italienische Dichter der Gegenwart. Studien und Uebertragungen.
Berlin, 1899.

Г-жа Валерія Маттесъ, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ помѣщавшая свои стихотворные переводы итальянскихъ поэтовъ въ нѣмецкихъ журналахъ, главнымъ образомъ—въ „Magazin für Litteratur“, въ настоящее время собрала свои опыты въ отдѣльную книжку, причемъ предпослала имъ краткія, но довольно живо написанныя біографіи и характеристики авторовъ стихотвореній. Переводы сдѣланы по возможности близко къ оригиналамъ; размѣры подлинниковъ всюду сохранены, если не считать нѣкоторыхъ отступленій, вызванныхъ условіями нѣмецкой версификаціи. Въ общемъ работа г-жи Маттесъ вполне добросовѣстна и заслуживаетъ одобренія.

Что касается прозаическихъ набросковъ, то въ тѣхъ случаяхъ, когда они относятся къ писателямъ менѣе извѣстнымъ и менѣе любопытнымъ (напр., біографіи: Barbaro di San Giorgio, Bonacci-Brunaponte, Edoardo Boneri, Annie Vivanti), то сообщаемыхъ свѣдѣній оказывается совершенно достаточно для удовлетворенія запросовъ читателей; напротивъ, въ отношеніи къ писателямъ „заслуженнымъ“ эти очерки представляются слишкомъ блѣдными сравнительно съ заслугами и общественнымъ значеніемъ описываемыхъ дѣятелей. Такъ, мы считаемъ недостаточно глубокими и содержательными характеристики Лоренцо Стеккетти и особенно Джозуэ Кардуччи, величайшаго поэта и историка литературы современной Италіи, лира котораго отзывалась на самые жизненно важные и драматическіе моменты новѣйшей итальянской исторіи, ученое перо котораго внесло такъ много въ науку итальянской литературы.

Точно также не полна и мало выразительна характеристика Габріэля д'Аннунціо, писателя, конечно, неравнаго Кардуччи по силѣ таланта, но по свойству своихъ произведеній пользующагося, сравнительно съ своимъ литературнымъ современникомъ, гораздо болѣею популярностью, особенно за предѣлами Италіи.

Впрочемъ, указанный очеркъ много выигрываетъ, благодаря тому, что въ немъ помѣщена автобіографическая записка д'Аннунціо. Перво-

начально эта записка была послана авторомъ парижскому переводчику его романовъ, Жоржу Герелю, а потомъ доставлена составительницѣ разсматриваемой нами книжки. Записка эта—очень любопытный документъ, своего рода „document d'un coeur humain“. Въ ней можно найти и чисто-итальянское пристрастіе къ громкому слову, и безцеремонно-откровенную исповѣдь, и весьма высокую, почти наивную, самооцѣнку писателя, которую съ перваго взгляда можно принять за авторскую самовлюбленность. Однако такой взглядъ былъ бы несправедливымъ: авторъ въ сущности смотритъ на себя со стороны; онъ только дивится на тѣ высшія, фатальныя силы, проявленіе которыхъ онъ въ себѣ находитъ; онъ видитъ въ себѣ лишь орудіе чуждаго призванія.

Мы приводимъ изъ этой автобіографической записки наиболѣе любопытныя мѣста.

„Я родился въ 1864 году на кораблѣ „Irene“, на водахъ Адриатическаго моря. Это обстоятельство имѣло сильное вліяніе на мой духовный міръ. Въ самомъ дѣлѣ: море—моя величайшая страсть; оно влечетъ меня къ себѣ какъ родина. Въ нашихъ владѣніяхъ, въ Пескарѣ, я слылъ за чудо-дитя,—столь необычайно было мое раннее развитіе... Уже въ дѣтствѣ я обнаруживалъ необыкновенныя способности къ живописи и музыкѣ... Однако мое истинное призваніе должно было обнаружиться въ литературѣ, ибо какъ только я прочиталъ „Odi Barbati“ Кардуччи, я вдругъ охваченъ былъ какимъ-то писательскимъ бѣшенствомъ, и написалъ въ 2—3 мѣсяца цѣлый томъ стихотвореній. Книга, озаглавленная „Primo vere“, благодаря содѣйствію отца моего, увидѣла свѣтъ. Она содержала въ себѣ, кромѣ нѣсколькихъ очень сильныхъ одъ, метрическіе переводы Горація и Гомера, выдѣлявшіеся своей точностью и изящной легкостью. Эти переводы обратили на себя вниманіе одного критика, тогдашняго властителя литературы. Онъ написалъ длинную статью подъ заглавіемъ: „Новый стихотворецъ“. Мнѣ было едва 15 лѣтъ. Внезапно я оказался на вершинѣ славы, вся Італія была полна моимъ именемъ... Въ моемъ пансіонѣ это вызвало своего рода революцію. Состоялось даже совѣщательное собраніе, чтобы высказать мнѣ порицаніе; вообще же на меня смотрѣли какъ на чудо и меня показывали посѣтителямъ, какъ рѣдкость. Разставшись съ пансіономъ, я поступилъ въ римскій университетъ.

„Въ то время группа молодыхъ людей, при содѣйствіи опытнаго и предприимчиваго издателя, приобрѣтала себѣ первыя успѣхи въ литературномъ журналѣ „Византійская Хроника“. Тотчасъ по прибытіи моемъ, я былъ вовлеченъ въ его кружокъ. Журналъ сдѣлался органомъ борьбы.

„Въ то же время я напечаталъ двѣ книги, одну въ прозѣ, другую

въ стихахъ: „Terra Vergine“ и „Canto Nuovo“. Изъ нихъ первая была сборникомъ дикихъ новеллъ, съ чрезмѣрной яркостью колорита. Въ „Canto Nuovo“ я воспѣлъ море съ неслыханнымъ одушевленіемъ и страстностью; то была на самомъ дѣлѣ новая пѣсня. Успѣхъ оказался быстрымъ и широкимъ: мое имя было во всѣхъ устахъ; весь свѣтъ искалъ меня, курилъ предо мною еиміамъ, обожествлялъ меня. Особенно женщины дивились мнѣ. И тутъ я узналъ великую опасность: похвала опьяняла меня! Жадно ища наслажденій, бросился я со всѣмъ пыломъ молодости въ водоворотъ жизни. Всѣ двери открылись предо мною. Я мчался отъ побѣды къ побѣдѣ, не оглядываясь назадъ, впадалъ въ ошибку за ошибкой, и шагаль надъ тысячами безднъ. Своего рода афродизіазмъ овладѣлъ мною. Я напечаталъ томъ стихотвореній подъ заглавіемъ: „Intermezzo di rime“, въ которомъ я въ пластическихъ и, съ точки зрѣнія просодіи, безукоризненныхъ строфахъ, воспѣлъ тѣлесныя страсти съ настоящимъ безстыдствомъ. Книжка вызвала горячій бой; лучшіе критики сошли на арену.

„Эта шумная, свободная жизнь изнурила меня; я оказался бы безвозвратно погибшимъ, если бы счастливое обстоятельство не заставило меня возвратиться въ мое имѣнье, къ цѣлительнымъ берегамъ моря... Мой стихъ сталъ клониться къ измѣненію; въ поэмахъ онъ уже былъ совершенно инымъ. Я округлялъ, вытягивалъ и добивался только одной цѣли: законченнаго совершенства формъ. Мое честолюбіе было удовлетворено: самые ожесточенные противники признали совершенство моего языка, моего слога и моей метрики. Но эта изысканность формы обрекала мое творчество на безплодіе, служивала мой кругозоръ.

„Послѣ трехлѣтняго пребыванія въ Римѣ, я снова возвратился въ деревню. Тутъ написалъ я свой первый романъ: „Il Piacege“, въ которомъ, какъ бы ради освобожденія, ниспровергнувъ въ прахъ всѣ свои завоеванія въ формѣ и краскахъ, всѣ свои тонкости и драгоценныя перлы. Это очень замѣчательная, насыщенная искусствомъ книга. „Il Piacege“ имѣлъ необычайный успѣхъ и въ теченіе многихъ мѣсяцевъ занималъ собой литературную печать Италіи. Послѣ этого я написалъ „L'invincibile“... Въ обоихъ романахъ, особенно въ первомъ, ясно видно вліяніе моего воспитанія въ Тосканѣ... Всѣ мои художественныя изученія стремятся излиться въ моей прозѣ, а въ моей поэзіи—живописные и музыкальные мотивы, къ которымъ я чувствую особенную любовь.

„Наконецъ, страданіе зажгло во мнѣ новый свѣтъ и сдѣлалось источникомъ всѣхъ моихъ откровеній. Какъ и требовала справедливость, я сталъ искупать свои заблужденія; я началъ съ той же силою страдать, съ какою до той поры наслаждался. Горе сдѣлало изъ

меня новаго человѣка—„*gursus homo est*“. Сочиненія Льва Толстого и Достоевскаго способствовали къ развитію во мнѣ этихъ новыхъ чувствъ; а такъ какъ искусство мое созрѣло, то мнѣ скоро удалось мое новое воззрѣніе на жизнь выразить въ законченномъ органическомъ произведеніи. Эта книга—„*l'Innocente*“. Она написана человекомъ много страдавшимъ и заглянувшимъ въ свой духовный міръ яснымъ наблюдательнымъ взоромъ. А все же теперь человѣку этому представляется „*l'Innocente*“ какъ нѣчто, написанное въ давно прошедшія времена. Я сдѣлалъ инныя приобрѣтенія, вѣчно сопутствующій великимъ изслѣдователемъ, не знающимъ смерти, Стэнли, и моя слѣдующая книга будетъ проще, яснѣе, сильнѣе, смѣлѣе и жизненнѣе“.

Габріэль д'Аннунціо, несомнѣнно, является одною изъ „*great attractions*“ новѣйшей литературы. Его талантливость не подлежитъ спору, но о произведеніяхъ его высказываются самыя разнообразныя сужденія. Одни считаютъ его современнымъ маркизомъ де-Садъ, и съ ужасомъ отворачиваются отъ его книгъ; другіе боготворятъ его; третьи находятъ въ немъ слишкомъ много плагиатовъ.

Что касается основныхъ моментовъ творчества Габр. д'Аннунціо, въ которыхъ онъ наиболѣе оригиналенъ, то намъ думается, что ихъ можно свести къ слѣдующимъ тремъ мотивамъ: прежде всего, это— не знающій предѣловъ культъ страсти, ищущей самыхъ странныхъ и мало нормальныхъ путей проявленія (большинство его стихотвореній, драма: „*La città morta*“, и нѣкот. романы); стремленіе къ идеальной, отвлеченной красотѣ, стоящей внѣ всякой страсти и внѣ всего обыкновеннаго. Въ поискахъ такой красоты авторъ становится настолько субъективнымъ, настолько отдается произволу своей исключительной фантазіи, что дѣлается весьма туманнымъ, едва понятнымъ (таковы его: „*Romanzi del Giglio*“, „*Le vergini delle rocce*“ и др.). Наконецъ, у него красота даетъ пессимистическое воззрѣніе на дѣйствительную жизнь, въ которомъ высказываются самое глубокое переутомленіе и болѣзненные воззванія къ смерти, какъ къ единственно истинному утѣшенію и покою.

Отмѣчая, такимъ образомъ, основныя черты творчества д'Аннунціо, мы тѣмъ не менѣе считаемъ этого писателя психологической загадкой, требующей для своего разрѣшенія самаго внимательнаго и пытливаго литературнаго и клиническаго изученія.

Въ своей характеристикѣ Габріэля д'Аннунціо г-жа Маттесъ останавливается главнымъ образомъ на его лиризмѣ, о которой она весьма высокаго мнѣнія, и даетъ въ переводахъ нѣсколько образчиковъ изъ его „*Poesie*“, „*Elegie romane*“, и проч. Въ виду того интереса къ итальянской литературѣ, который все болѣе и болѣе обнаруживается

и въ нашемъ обществѣ, мы думаемъ, что книжка Valerie Matthes, во всякомъ случаѣ, является весьма кстати.—П. К.—овъ.

II.

Hermann Sudermann. Die Drei Reiherfedern. Stuttgart, 1899. Стр. 156.

Германъ Зудерманъ написалъ драму, которая возбудила въ Германіи большіе толки своей загадочностью. Заглавіе драмы — „Три волшебныхъ пера“ (собственно, цапли). Комментаторы, стараясь выяснить значеніе темной сказки, составляющей содержаніе драмы, доходили даже до юмористическихъ предположеній чисто личнаго характера. Такъ, фельетонистъ „Berliner Tageblatt“ доказывалъ въ стихахъ, что три пера, о которыхъ идетъ рѣчь въ драмѣ, принадлежать тремъ современникамъ драматурга, лавры которыхъ, будто бы, соблазнили автора „Чести“: Гауптману, Фюльдѣ, автору „Талисмана“, и Вильбранту. Эти три автора ввели въ моду сказочные сюжеты, символизирующіе разныя философскія и общечеловѣческія истины. Зудерманъ рѣшился пойти по ихъ пути и написалъ „символическую“ драму. Но попытка, можно сказать, оказалась мало-удачной. Зудерманъ—психологъ на французскій манеръ, не слишкомъ глубокой, но довольно тонкій и не банальный. Онъ умѣетъ ставить интересныя и новыя психологическія задачи, чрезвычайно современныя, даже до модности, и рѣшать ихъ опять-таки не глубоко, но эффектно, красиво и совершенно въ духѣ времени. Но этой областью ему слѣдовало ограничиваться и не выходить за предѣлы сюжетовъ въ духѣ Александра Дюма. Одинъ разъ Зудерманъ уже вышелъ изъ подходящей для его дарованія сферы—въ „Юганнесъ“. Но тамъ въ центрѣ дѣйствія была сильная психологическая личность, и помимо того, что она должна была воплощать отвлеченныя идеи автора, она была интересна по яркости и силѣ душевнаго облика. Точно также и „Morituri“, задуманные болѣе отвлеченно, чѣмъ психологическія драмы Зудермана изъ берлинскихъ нравовъ,—интересны своимъ психологическимъ содержаніемъ и поэтичностью исполненія.

Совершенно иное мы видимъ въ драмѣ „Три пера“. Авторъ вложилъ въ нее символическій замыселъ, но вслѣдствіе его правоучительности и особой наивности, символы, лишенные всякой жизни сами по себѣ, превратились въ полную аллегорію. На каждомъ шагу читателю приходится спрашивать себя, что „обозначаетъ“ слово или поступокъ дѣйствующихъ лицъ; сами по себѣ они кажутся маріонетками, двигающимися по чужой волѣ и произносящими чужія, нужныя

для какой-то определенной, но чуждой имъ самимъ цѣли. Замыселъ драмы совершенно безжизненный. Лица—носители навязанныхъ имъ скучныхъ мыслей, и драма превращается въ своего рода загадку. Въ нее вложено определенное правоученіе, но вложено такъ, что читатель долженъ догадываться, а не видитъ сразу, чего хочетъ авторъ. Такая преднамѣренность, конечно, лишаетъ драму чисто художественнаго интереса. На драмѣ Зудермана ясно видно различіе того, что такъ часто смѣшивается въ наше время—аллегоріи и символизма. Ясно, напр., что „Потонувшій колоколъ“ Гауптмана—символическая вещь. Она интересна сама по себѣ своимъ психологическимъ и поэтическимъ содержаніемъ, и затѣмъ уже углубленный идейный замыселъ сквозитъ въ ея жизненныхъ и содержательныхъ образахъ. Такимъ образомъ отерываются тѣ истины, которыя стоятъ за словами и дѣлами, и подтверждаются бессмертныя слова Гете въ заключеніи „Фауста“: „Denn das Vergängliche ist nur ein Gleichniss—des Uuzulänglichen“.

Совершенно другое—мертвая аллегорія, не имѣющая иного смысла, кромѣ вложеннаго въ нее определенного правоученія, и дѣйствующая посредствомъ искусственно придуманныхъ образовъ.

Драма Зудермана—именно такая аллегорическая загадка. Она основана на загадочномъ предсказаніи фантастическаго существа, могильщицы (Begräbnissfrau), образъ которой взятъ на прокатъ изъ Ибсеновскихъ драмъ и напоминаетъ не то „Rattenmamsel“ въ „Маленькомъ Эйольфѣ“, не то разныхъ таинственныхъ старухъ въ „Пэрѣ Гинтѣ“. Молодой принцъ, испытавшій обидную несправедливость,—его лишаетъ трона его незаконнорожденный братъ,—ищетъ болѣе высокой справедливости, той, которая виѣ законовъ и не можетъ быть попираема силой. Онъ ищетъ своего идеала въ женщинѣ, которая стала бы для него воплощеніемъ любви, покоряющей смерть,—справедливости, вмѣщающей въ себѣ и неправедное. Могильщица обѣщала ему исполненіе его желаній, если онъ отправится въ невѣдомую сѣверную страну, гдѣ царствуетъ нѣкая волшебная птица, и вырветъ у нея три пера. Принцъ исполняетъ требованіе, достаетъ три пера, и тогда могильщица произноситъ свое темное предсказаніе: „Первое перо“,—говоритъ она,—только миражъ изъ свѣта и тумана, несущихся вокругъ тебя. Если ты бросишь его въ пламя, то въ неясномъ свѣтѣ увидишь образъ „той“ женщины. Второе перо, помни, соединишь тебя съ нею въ любви. Если ты сожжешь его въ тиши и уединеніи, „она“ появится передъ тобой въ ночи. И до тѣхъ поръ, пока третье перо не сгоритъ въ пламени, ты будешь простирать къ ней руки, томимый тоской. Но когда исчезнетъ третье перо, „она“ умретъ. „Береги его поэтому—и думай о концѣ“.

Значеніе этого предсказанія, если его перевести съ образнаго языка на идейный,—въ томъ, что душа человѣческая живетъ только тогда,

когда въ ней возбуждено влеченіе, а влеченіе возбуждается призраками, иллюзіями, и что человѣкъ роковымъ образомъ осужденъ искать удовлетворенія въ несбыточномъ. Познаніе же влеченія, исполненіе его, дается только въ смерти, которая и есть конечный предѣлъ желаній. Такъ выясняется темный смыслъ словъ пророчицы событіями, которыя совершаются въ драмѣ. Конечно, на этой мысли можно было бы построить цѣлую психологическую драму, за которой таился бы вѣчный смыслъ. Вся греческая „трагедія рока“ основана на пророчествахъ, и показываетъ, что въ свободныхъ человѣческихъ поступкахъ проявляется роковая божественная необходимость. Но не такъ понялъ свою задачу нѣмецкій драматургъ. Его герои дѣйствуютъ не за себя и не отъ себя; въ нихъ нѣтъ психологіи и жизни, а есть только слѣпое исполненіе предсказанія. Принцъ, ставшій обладателемъ волшебныхъ трехъ перьевъ, становится совершенно инымъ. Въ него вселяется влеченіе съ той минуты, когда онъ сжигаетъ первое перо и видитъ какъ бы въ волшебномъ зеркалѣ смутный женскій образъ. Но этотъ новый Фаустъ почему-то сразу не вѣритъ, что найдетъ воплощеніе зародившейся въ немъ мечты на землѣ, и заранѣе негодуетъ противъ всякой воплощенной женщины, встрѣчающейся на его пути. Есть большая фальшь именно въ этой постановкѣ сюжета. Для замысла нужно, чтобы принцъ былъ вѣчно неудовлетворимъ на землѣ и стремился къ неосуществимому, но психологически эта идея не подтверждается въ драмѣ: принцъ стремился найти свой идеалъ въ женщинѣ, т.-е. въ совершенно земномъ существѣ, и поэтому онъ долженъ былъ бы искать, а не избѣгать того, что онъ встрѣчаетъ на пути. Когда скитанія приводятъ его къ королевѣ Самландской, которая всѣмъ своимъ существомъ воплощаетъ идеальныя требованія принца, то, казалось бы, онъ долженъ былъ полюбить ее, а не питать къ ней ненависть. Но, по идеѣ Зудермана, онъ именно потому, что она и есть истинное воплощеніе его мечты, бессознательно рвется освободиться отъ нея; тогда, когда мечта увидеть свое исполненіе, должна наступить смерть—смерть самой мечты, т.-е. смерть влеченія, т.-е. смерть всей жизни. Лишь въ мертвой королевѣ, умирающей, когда онъ сжигаетъ третье перо, онъ познаетъ ту, которую онъ напрасно искалъ среди безконечныхъ мукъ и скитаній, и для погони за которой онъ оставлялъ королеву, т.-е. невѣдомую цѣль своего влеченія. Такимъ образомъ, отношенія между принцемъ и королевой Самландской становятся аллегоріей, подтверждающей смыслъ отвлеченныхъ словъ пророчицы. Это подведеніе событій, вопреки психологической правдѣ, къ исполненію отвлеченной мысли, становится источникомъ недоумѣвій для читателя. Поступки непонятны и ненужны сами по себѣ, и приходится постоянно помнить слова пророчества для того, чтобы понимать,

что, дѣйствуя противъ внутренней истины, дѣйствующія лица драмы исполняютъ внѣшнюю правду пророческихъ словъ.

Руководящей нитью для пониманія событій служатъ почти исключительно слова могильщицы. Это—самый интересный и красивый образъ во всей драмѣ. Она даетъ понять, что все, что бы ни дѣлалось подчиненнымъ ея пророческой волѣ принцемъ, свершится противъ него и для нея. Всѣ его дѣйствія будутъ направлены на саморазрушеніе и на торжество смерти. Когда принцъ и его вѣрный слуга уходятъ куда-то въ даль, гонимые зародившимся въ душѣ принца влеченіемъ, она говоритъ: „Идите, дѣтки, идите; хлопайте, сколько хотите, крыльями. Когда вы устанете, тогда принесете мнѣ свои тѣла для моихъ холмовъ. Я ихъ тогда посажу въ моемъ саду; а пока идите и боритесь, любите и пляшите; я могу подождать... могу подождать“...

Когда принцъ попадаетъ къ королеви Самландской, оказывается, что онъ нуженъ тамъ, какъ избавитель. Овдовѣвшая молодая королева, мать наслѣднаго принца, должна, по желанію народа, выйти вторично замужъ, и какъ это всегда бываетъ въ выдуманныхъ рыцарскихъ драмахъ, рука ея должна принадлежать побѣдителю на турнирѣ. Такимъ оказывается незаконный братъ принца, герцогъ Готландскій, которому предшествуетъ слава грознаго тирана. При первомъ видѣ принца, королева молить его заступиться, сразиться съ герцогомъ и получить въ награду страну вмѣстѣ съ ея королевой, а принцъ полонъ только мыслями о своихъ перьяхъ и о той женщинѣ, къ которой его влечетъ пророческая сила. Но почему ему не приходитъ въ голову, что прекрасная, обожаемая всей страной королева и есть невѣдомый предметъ его мечтаній,—совершенно непонятно. Онъ порывается скорѣе уйти, долго отказывается вступить въ бой, но, наконецъ, принужденъ сдаться на просьбы королевы и увѣщанія своего слуги, и вступаетъ за поправное право. Во время битвы происходитъ нѣчто странное; принцъ падаетъ тяжело раненный, а его противникъ герцогъ побѣжденъ слугою принца, и королева, внезапно и страстно полюбившая принца (такъ какъ это нужно для исполненія пророчества), дѣлаетъ его королемъ Самландіи.

Въ третьемъ актѣ оказывается, что принцъ менѣе всего доволенъ своимъ королевствомъ и своей любящей, кроткой, прекрасной женой. Его мучитъ отравившее его влеченіе; онъ стремится въ даль и недоволенъ всѣмъ происходящимъ, недоволенъ тѣмъ, что онъ король не по праву, и что этимъ возмущены подданные его жены. Онъ недоволенъ и тѣмъ, что онъ лишь временный правитель, и что царство въ будущемъ будетъ принадлежать сыну королевы. Мальчикъ его глубоко любить, но въ немъ живетъ ненависть къ ребенку. Онъ оказывается жестокимъ и несправедливымъ королемъ, угнетаетъ прибли-

женных королевы, а самъ болѣетъ жаждой того, что неосуществимо и что влечетъ его въ даль. Онъ рѣшается сжечь второе перо, чтобы соединиться въ любви съ таинственной женщиной, чей образъ наполняетъ его душу. Но въ тотъ моментъ, когда перо сжигается среди ночной тишины, входитъ королева съ закрытыми глазами; она двигается, какъ лунатикъ. Принцъ, или, вѣрнѣе, король Самландскій—въ гнѣвъ на нее. Онъ не догадывается, что, войдя въ эту минуту, она исполняетъ пророчество, и что она и есть та женщина, съ которой онъ соединенъ въ невѣдомой любви. Ему кажется, напротивъ, что она помѣшала свершиться пророчеству, нарушивъ своимъ присутствіемъ уединеніе, въ которомъ должно было быть сожжено перо. Но ея любовныя и кроткія слова странно дѣйствуютъ на него, и онъ чувствуетъ къ ней невѣдомую до того нѣжность. Она же пришла дать ему свободу, освободить его отъ себя, дать ему возможность преслѣдовать свою мечту. Прежде, однако, чѣмъ онъ оставляетъ Самландію, онъ испытываетъ еще одно осложненіе своего влеченія къ невѣдомому. На Самландію напалъ герцогъ Готландскій, требующій, чтобы ему возвращено было королевство, принадлежащее ему по праву, ибо побѣдителемъ на турнирѣ былъ онъ, а не его братъ. Населеніе отчаянно борется съ грознымъ герцогомъ, который уже высадился и готовъ напасть на королевскій замокъ. Всѣ требуютъ, чтобы король выступилъ во главѣ войска, но онъ не хочетъ, зная, что кажущееся право на сторонѣ герцога. Тогда его слугѣ представляется, что нужно принести величайшую жертву, для того, чтобы воскресить духъ мужества въ королѣ. Нужно заставить его считать себя королемъ, а не временнымъ замѣстителемъ будущаго короля. Повинуясь темнымъ намекамъ въ словахъ короля, слуга рѣшается убить молодого принца, сына королевы. Оставшись наединѣ съ ребенкомъ, довѣрчивымъ и нѣжнымъ, онъ уже обнажаетъ мечъ. Но ребенокъ невѣдомо для себя спасаетъ свою жизнь, рассказывая, какъ король подходилъ къ нему ночью, долго глядѣлъ на него страннымъ взглядомъ и наконецъ поцѣловалъ его. Рассказывая это, мальчикъ также нечаянно ранитъ руку слуги и на обнаженномъ мечѣ остается слѣдъ крови. По этому признаку, королю, который входитъ въ комнату, когда мальчика уже нѣтъ, кажется, что слуга исполнилъ его темное, невыраженное желаніе и убилъ мальчика. Когда же молодой принцъ, котораго всѣ ищутъ въ замкѣ, приходитъ невредимый и невинно и радостно бросается на встрѣчу королю, тотъ понимаетъ, что свершилось нѣчто болѣе глубоко справедливое, чѣмъ онъ этого желалъ, что убито темное желаніе его души. И это даетъ ему силу. Онъ беретъ мечъ и, выйдя противъ герцога, убиваетъ грознаго врага. Но послѣ этого онъ оставляетъ Самландію и свою кроткую жену, которую онъ къ тому же оскорбилъ

тѣмъ, что, удалившись отъ нея, окружилъ себя ея красивыми служанками, и одну изъ нихъ, златокудрую Унну, приблизилъ къ себѣ какъ жену.

Пятнадцать лѣтъ проходить послѣ этихъ событій; король, вмѣстѣ со своимъ слугой, скитался повсюду въ напрасной погонѣ за неосуществимыми мечтами, и они возвращаются туда же, откуда ушли, къ холму могильщицы, — король, жалкій, усталый, нищій, съ ужасомъ видитъ открытую могилу. О его прибытіи узнаетъ королева Самландская и ея сынъ, и они выходятъ къ нему на встрѣчу, чтобы снова вернуть его къ счастливой жизни. Вѣрность королевы, ждавшей его 15 лѣтъ, открываетъ глаза королю на его заблужденія. Онъ говоритъ ей, что понялъ, какъ не нужно искать торжества справедливости, потому что право ведетъ за собой месть. Онъ отказывается поэтому отъ своего влеченія къ таинственному воплощенію права и хочетъ сжечь третье перо для того, чтобы умеръ гдѣ-то образъ, который привлекалъ его и заставлялъ попираетъ чистоту и право во имя чего-то несуществующаго. Но когда перо сожжено, королева умираетъ, доказывая истину пророческихъ словъ. Изъ открытой могилы выходитъ могильщица, объясняя, что все, что свершилось, свершается для нея, и притягиваетъ къ себѣ короля: „Положите ихъ въ бѣлые льняные одежды, снесите ихъ въ мой темный домъ, потомъ молча удалитесь отсюда, ибо дѣло мое кончено“.

Погоня за несбыточнымъ привела къ вѣчному, къ смерти. Эта мысль выражена, какъ мы видѣли, въ очень смутныхъ, сложныхъ и неживыхъ образахъ, и только какъ аллегорія она можетъ представлять нѣкоторый интересъ.

III.

Anatole France. L'unneau d'améthyste. Paris, 1899. Стр. 419.

Новая книга Анатоля Франса, „Аметистовое кольцо“ — третья, въ серіи подъ общимъ заглавіемъ: „Современная исторія“. Эту книгу, какъ и предыдущія, нельзя отнести ни къ какому опредѣленному роду беллетристической литературы. Поскольку выдуманные лица и событія составляютъ содержаніе „Аметистоваго кольца“, какъ и двухъ предыдущихъ книгъ. „L'orgne du Mail“ и „Mannequin d'Osier“, — книги эти относятся къ разряду романовъ. Но вымышленное психологическое содержаніе является лишь канвой для разсужденій объ общихъ вопросахъ текущей жизни. Событія идутъ своимъ чередомъ, останавливаясь иногда среди самыхъ напряженныхъ состояній, и ничѣмъ не разрѣшаются, какъ это и бываетъ въ большинствѣ случаевъ въ жизни.

Въ романахъ, входящихъ въ серію, психологическая фабула не заканчивается, а обрывается въ концѣ, какъ страница изъ жизни. Въ слѣдующей книгѣ нить событій тянется дальше, неслѣпно, останавливаясь ежеминутно для того, чтобы уступить мѣсто общимъ разсужденіямъ и философскимъ заключеніямъ своеобразнаго философа, профессора Бержерѣ, центрального лица всѣхъ трехъ романовъ. На фонѣ вымышленныхъ и спокойно разсказанныхъ событій выступаютъ всевозможныя „алобы дня“. Авторъ пользуется своимъ отзывчивымъ героемъ, разсуждающимъ обо всемъ съ необыкновенной свободой духа, чтобы его устами обсуждать текущія событія. Связующей нитью между частной психологіей героевъ романа и общественно-нравственными вопросами, о которыхъ разсуждаютъ дѣйствующія лица, является въ каждой изъ книгъ какой-нибудь опредѣленный вопросъ изъ области общественныхъ отношеній или общечеловѣческой психологіи; заглавіе книги въ большинствѣ случаевъ символизируетъ это содержаніе. Въ „*Ogne du Mail*“ все сводится къ разговорамъ о государственной политикѣ и отношеніяхъ церкви и государства. Это составляетъ постоянный предметъ разговоровъ Бержере и директора семинаріи подъ вязами на большой дорогѣ,—отсюда названіе книги: „Придорожные вязы“. Во второмъ романѣ центральнымъ событіемъ является эпизодъ въ жизни самого героя, профессора Бержере. Онъ доходитъ, путемъ послѣдовательныхъ размысленій, до отрицаній ига семейственности и разбиваетъ семью, уродство и пошлость которой олицетворены въ манекенѣ для платьевъ—*mannequin d'osier*, почему-то стоящемъ въ кабинетѣ ученаго профессора.

Третій романъ: „Аметистовое кольцо“, носить чисто общественный характеръ. Дѣло идетъ о назначеніи на должность епископа мало замѣтнаго, но ловкаго и убѣжденнаго аббата, который, при всей своей приверженности къ интересамъ католической церкви, умѣетъ устроиться такъ, что получаетъ назначеніе при помощи либераловъ, еврея префекта и его жены. Назначеніе аббата Гитреля—центръ всего происходящаго въ романѣ, чему соответствуетъ и символическое заглавіе. Аметистовое кольцо, какъ извѣстно, принадлежность епископскаго сана. Выборъ такого сюжета очень удаченъ для замысла Анатоля Франса, которому очевидно хотѣлось высказаться о цѣломъ рядѣ волнующихъ современную Францію общественныхъ вопросовъ, но высказаться свободно и непринужденно, какъ этого нельзя сдѣлать ни въ газетной статьѣ, ни въ публичной рѣчи. Въ романѣ же, слившись со своимъ мудрымъ героемъ, онъ поставилъ себя въ очень выгодныя условія для разсужденій о современности. Профессоръ Бержере, какъ мы знаемъ изъ прежнихъ романовъ, большой книжникъ и скептикъ. Онъ умѣетъ судить о современности такъ, какъ будто бы событія от-

носились къ временамъ одной изъ египетскихъ династій, и умѣть прерывать жгучіе интересы для столь же важными для него учеными разслѣдованіями о флотѣ Энея по Виргилію, или комментаріями къ древне-греческому тексту, дающему новый вариантъ міеа о Геркулесѣ. Переплетая настоящее и прошлое, реальное и вымышленное, Бержере становится спокойнымъ созерцателемъ, понимающимъ относительность всего, что волнуетъ людей, а также указываетъ, какъ освободиться отъ господства корыстныхъ политическихъ и общественныхъ интересовъ. Ученый профессоръ видитъ освобожденіе въ отвлеченныхъ интересахъ, въ работѣ мысли, направленной только на то, что создано безкорыстнымъ творчествомъ, на искусство, поэзію и философское мышленіе. Самъ Бержере—не философъ и не художникъ, но это все равно. Тѣмъ онъ типичнѣе, тѣмъ менѣе исключительны его духовные интересы. Онъ направляетъ ихъ на изученіе того, чего самъ творить не можетъ, а для свободы духа результатъ получается тотъ же, потому что важны стремленія духа, а не исполненія. Бержере воплощаетъ для Анатоля Франса свободу духа, съ высоты которой возможно правильное отношеніе къ жизни и событіямъ. Бержере—не отвлеченность, у него множество слабостей, но въ немъ сочетаются иронія и снисходительность, любовь къ отвлеченному и интересъ къ живой жизни, необходимыя для всякаго, кто хочетъ правильно судить о современности.

И Бержере, т.-е. Анатоль Франсъ, судить о современности. Все „Аметистовое кольцо“—не что иное, какъ снисходительно ироническая картина нравовъ общества, въ которомъ смѣшиваются самыя непредвидѣнные элементы и высказываются самыя несправедливыя сужденія. Дѣйствующихъ лицъ Франса занимаетъ то, что занимаетъ всѣхъ современныхъ французовъ,—такъ называемый „Процессъ“ (L'Affaire). Въ провинціальномъ городѣ, гдѣ происходитъ дѣйствіе, представлены всѣ элементы, интересующіеся „процессомъ“ Франціи. Генералъ возмущается неслыханной дерзостью тѣхъ, которые смѣютъ заподозрить рѣшеніе военного суда; аббатъ видитъ во всемъ продолженіе франъ-масоновъ и протестантовъ; представитель судебной власти доказываетъ невозможность судебныхъ ошибокъ; герцогъ говоритъ, что единственное спасеніе—это возвратъ къ монархіи. А профессоръ Бержере, „человѣкъ умъ склонный къ размышленіямъ“, высказываетъ идеи, не соотвѣтствующія общественному мнѣнію. Когда ему говорятъ о преимуществахъ военного суда, онъ отвѣчаетъ разными возраженіями. „Такъ какъ армія,—говоритъ онъ,—такая же администрація, какъ сельскохозяйственная, финансовая или администрація народнаго образованія, то нельзя себѣ представить особаго военнаго правосудія, также какъ не можетъ быть сельскохозяйственнаго, финансоваго или университет-

скаго правосудія. Всякое частное правосудіе противоположно современному пониманію права. Военные судьи покажутся будущимъ поколѣніямъ такимъ же варварскимъ переживаніемъ, какъ намъ кажутся теперь феодальные суды“. Когда ему говорятъ, что конецъ арміи—это конецъ государства, Бержере возражаетъ: „когда у духовенства и у феодальныхъ владѣльцевъ отняли право вѣшать ихъ подданныхъ, то людямъ казалось, что наступилъ конецъ всему. Но скоро возникъ новый порядокъ вещей, который оказался лучше прежняго. Я говорю только о томъ, чтобы въ мирное время военные были подчинены общему суду“.—„Четырнадцать французскихъ офицеровъ не могутъ ошибиться“,—говорить ему одинъ изъ противниковъ, на что Бержере возражаетъ, что „еслибы они были швейцарскими, бельгійскими, испанскими, нѣмецкими или голландскими офицерами, то все-таки могли бы ошибиться“. Въ отвѣтъ на дальнѣйшія нападки, Бержере говоритъ: „Я не знаю, просвѣтитъ ли когда-нибудь ваше сознание, и даже не надѣюсь на это, — хотя все на свѣтѣ возможно, и даже торжество права“. Споръ между Бержере и его противниками происходитъ въ книжномъ магазинѣ одного изъ представителей городской интеллигенціи, и спорящимъ приходится смолкнуть, потому что на улицѣ раздаются яростные крики: „долой Зола, смерть жидамъ“! Кучка мальчишекъ отправились бить стекла въ сапожномъ магазинѣ Мейера, и городскіе жители одобрительно глядятъ вслѣдъ манифестантамъ. „Молодцы“!—воскликнулъ одинъ изъ присутствовавшихъ, когда манифестанты прошли мимо, а Бержере, уткнувшись въ толстую книгу, медленно произносилъ слѣдующія слова: „Свобода имѣла на своей сторонѣ только очень небольшое меньшинство просвѣщенныхъ людей. Все духовенство, генералы, невѣжественный и фанатическій народъ, хотѣли имѣть господина“.—„Что вы хотите сказать этимъ“?—обиженно спрашиваетъ у Бержере одинъ изъ присутствующихъ. „Ничего“,—отвѣчаетъ Бержере.—„Я читаю главу изъ исторіи Испаніи. Это картина общественныхъ нравовъ при реставраціи Фердинанда VII“.

Независимость сужденій профессора Бержере навлекаетъ на него общее негодованіе, такъ какъ онъ все-таки дѣятельно любитъ справедливость, и вопросъ о „Процессѣ“ его интересуетъ, какъ признакъ неумѣнья людей отвлечься отъ корыстныхъ взглядовъ въ общественныхъ дѣлахъ. Онъ высказываетъ открыто свои мнѣнія, и городская толпа причисляетъ сразу его и одного изъ его немногихъ единомышленниковъ, мѣстнаго учителя, подписавшаго протестъ „интеллигентовъ“—къ врагамъ отечества. У оконъ его раздаются крики: „долой Бержере, долой жидовъ“!—и въ то время, какъ у него сидитъ въ гостяхъ его единомышленникъ Летэрье, въ окно влетаетъ брошенный изъ толпы камень и падаетъ на полъ. Конечно, Бержере обнаружи-

васть и при этомъ случаѣ философскую свободу духа. Онъ разсматриваетъ „аргументъ толпы“, дѣлаетъ замѣчанія о ромбоидальной его формѣ, и сожалеетъ, что на немъ нѣтъ надписи, какія нѣкогда дѣлались солдатами, бросавшими камни въ сторонниковъ Октавія. Бержере пользуется также случаемъ для разныхъ историческихъ воспоминаній, говорить о томъ, что на камняхъ дѣлались обыкновенно надписи, указывающія, куда камень долженъ былъ попасть, и что въ этихъ надписяхъ сказывался весь свойственный народному юмору цинизмъ. Подъ раздающіеся у оконъ крики, Бержере кладетъ камень на столъ, какъ прессъ-папье, и продолжаетъ говорить объ эпизодѣ изъ римской исторіи, происходившемъ въ Моденѣ: „Большія жестокости совершались въ ту пору, послѣ пораженія двухъ консуловъ Антонія въ Моденѣ. Нельзя не сознаться, что съ тѣхъ поръ нравы значительно смягчились“.

Въ такомъ ироническомъ тонѣ Анатолий Франсъ защищаетъ дѣло справедливости, не возмущаясь противъ обличаемаго зла, а только снисходительно и спокойно раскрывая психологію общественнаго духа, роковымъ образомъ склоняющагося къ искаженію истины и справедливости. Другимъ примѣромъ неискоренимаго духа несправедливости служатъ разговоры объ американо-испанской войнѣ въ аристократическомъ провинціальномъ салонѣ, обрисованномъ въ книгѣ Франса очень спокойно, но тѣмъ не менѣе весьма зло. Конечно, всѣ сочувствуютъ Испаніи, потому что побѣда Соединенныхъ-Штатовъ была бы насмѣшкой надъ военными традиціями Европы, а побѣда Испаніи была бы торжествомъ роялистическаго движенія даже и во Франціи; но разговоры прерваны прибытіемъ газетъ. Набросившись на телеграммы, генераль, только-что высказавшій свое мнѣніе, читаетъ среди общаго молчанія о пораженіи испанскаго флота и о томъ, что американцы не потеряли ни одного человѣка. Всѣ стараются увѣрить себя, что телеграмма передаетъ ложное извѣстіе, но всѣмъ становится грустно при мысли, что флотъ, получившій благословеніе папы, носящій знамя католическаго короля, украсившій всѣ корабли изображеніями Мадонны и святыхъ, разбитъ и потопленъ жалкими торговцами свиней, фабрикантами швейныхъ машинъ, еретиками, не имѣющими ни правящей династіи, ни прошлаго, ни арміи, ни отечества.

Когда отъ общихъ европейскихъ и французскихъ интересовъ Франсъ переходитъ въ своемъ романѣ къ изображенію мѣстныхъ нравовъ, иронія его становится все болѣе широкой. Главнымъ предметомъ его—не обличеній, а ироническихъ картинокъ—является католическое общество провинціальнаго города. Всѣ, конечно, вѣрятъ въ чудеса. Турда и гордятся тѣмъ, что и въ ихъ городѣ есть дѣвочка, подверженная экстазамъ, и которой являлось нѣсколько разъ видѣніе Богочатеры въ часовнѣ. Имъ приходится убѣдиться, что дѣвочка про-

мышляетъ экстазомъ по наущенію своего столь же юнаго, какъ она, возлюбленнаго, и что жизнь ея ничѣмъ не отличается отъ нехитраго существованія какого-нибудь звѣрка. Но знатныя дамы, какъ бы сговорившись, закрываютъ глаза на такъ-называемую безнравственность дѣвочки и продолжаютъ говорить о чудѣ. Аббатъ Гитрель, кандидатъ въ епископы, высказывается, при случаѣ, противъ пересмотра въ знаменитомъ процессѣ, но поддерживаетъ сношенія съ цѣлымъ рядомъ знатныхъ еврейскихъ семей, занимающихъ высокое положеніе въ администраціи. Всему католическому обществу города мολотить глаза богатство бароновъ Бонмонъ, — фамилія ихъ измѣнена съ нѣмецкаго: Гутенбергъ. Они не могутъ заставить забыть свое происхожденіе, несмотря на свое католичество. И все-таки, когда баронесса Бонмонъ посылаетъ драгоценную чашу для часовни, основанной герцогомъ Брессе, аббатъ Гитрель первый уговариваетъ принять чашу и открыть доступъ баронской семьѣ въ католическое общество. Аббату нужны бароны еврейскаго происхожденія для его личныхъ цѣлей. Нельзя себѣ представить ничего болѣе злого и остроумнаго, чѣмъ исторія того, какъ добивается Гитрель епископскаго сана. У баронессы Бонмонъ есть кутила сынъ, у него одинъ идеаль въ жизни — быть настолько принятымъ въ высшемъ обществѣ, чтобы на охотахъ у герцога Брессе занимать одно изъ самыхъ почетныхъ положеній, — *tenir le bonton*, по техническому выраженію. Онъ даже готовъ заплатить за эту привилегію, и обращается къ аббату Гитрелю за его посредничествомъ. Гитрель даетъ ему понять, что ничего не можетъ сдѣлать въ качествѣ простаго аббата, но что еслибы онъ былъ епископомъ, то ему ни въ чемъ не откажутъ. Тогда Бонмонъ начинаетъ дѣйствовать черезъ одного изъ друзей, состоящихъ въ нѣжныхъ отношеніяхъ къ вліятельной свѣтской дамѣ, знакомой, въ свою очередь, съ министромъ, отъ котораго зависитъ назначеніе. Дама отправляется къ министру, чтобы исполнить капризъ своего возлюбленнаго, и оказывается, что за того же аббата хлопочутъ и двѣ другія извѣстныя красавицы, преслѣдующія каждая, конечно, какую-нибудь личную цѣль. Министръ пораженъ этимъ кортежемъ свѣтскихъ красавицъ и даже вмѣшательствомъ жены еврея-префекта, тоже занятой назначеніемъ аббата Гитреля. Призывая къ себѣ аббата, онъ ожидаетъ увидѣть передъ собой обаятельную личность, покорившую столько сердецъ, и очень удивленъ несвѣтскимъ видомъ аббата, въ которомъ сказывается, однако, сильный и предприимчивый умъ. Аббатъ назначенъ епископомъ, причемъ происходитъ еще комическій инцидентъ съ предназначеннымъ ему аметистовымъ кольцомъ. Баронесса Бонмонъ, приготовившая ему этотъ подарокъ, оставила кольцо у своего возлюбленнаго, арестованнаго за политическія проделки, связанныя съ процес-

сомъ. Кольцо епископа очутилось въ числѣ запечатанныхъ вещей,— въ этомъ тоже скрыто ироническое намѣреніе автора. Новый епископъ сразу вступаетъ въ борьбу съ правительствомъ, и романъ заканчивается письмомъ епископа Гитреля къ президенту республики, гдѣ твердо высказывается намѣреніе бороться съ вымогательствами республиканскаго правительства у преслѣдуемаго духовенства.

Фабула романа, какъ и всѣхъ другихъ, заканчивается ничѣмъ. Новый епископъ назначенъ, нравы остаются тѣми же, интриги идутъ своимъ чередомъ—въ ожиданіи новаго предмета стяжанія, который сосредоточить на себѣ интересы всего общества и объединить ихъ въ общемъ стремленіи.—З. В.

ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.

1 апрѣля 1899.

Статья А. Л. Боровиковскаго о „печатномъ листѣ“.—Мнѣніе уѣднаго предводителя дворянства о земской школѣ.—Земскія и церковно-приходскія школы.—Дворянскій надзоръ за школой.—Газетные права.—Распоряженія гг. министровъ народнаго просвѣщенія и земледѣлія и государ. имущ. объ увольненіи всѣхъ учащихся въ сиб. университетѣ, технологическомъ и горномъ институтахъ.—Сообщеніе Комитета самарскаго частнаго кружка помощи дѣтямъ крестьянъ, пострадавшихъ отъ неурожаа прошлаго года.—В. И. Жуковский; П. В. Макалинскій; В. О. Михневичъ †.

Въ нашихъ спеціально-юридическихъ газетахъ и журналахъ появлялось до сихъ поръ очень мало статей по вопросамъ, относящимся къ юридическому положенію печати. Отчасти, быть можетъ, это объясняется тѣмъ, что печать подлежитъ дѣйствію не столько права, сколько усмотрѣнія; но въдъ и самое усмотрѣніе основывается, или, по крайней мѣрѣ, должно основываться на тѣхъ или другихъ постановленіяхъ закона, могущихъ служить предметомъ систематическаго толкованія. Нельзя не привѣтствовать, поэтому, всякую экскурсію строго-юридической мысли въ область, такъ мало, до сихъ поръ, освѣщенную теоріей права. Такою экскурсіей является статья извѣстнаго юриста, сенатора А. Л. Боровиковскаго (автора замѣчательныхъ этюдовъ, объединенныхъ подъ заглавіемъ: „Отчетъ судьи“): „Печатный листъ“, помѣщенная въ послѣдней (мартовской) книжкѣ „Журнала Министерства Юстиціи“; она посвящена вопросу, котораго и мы коснулись недавно въ одномъ изъ нашихъ „внутреннихъ обзорѣй“¹⁾, и отличается такою же сжатостію, ясностью и силой, какъ и все выходящее изъ-подъ пера г. Боровиковскаго. Не со всѣми подробностями его аргументаціи мы можемъ согласиться—но важны не столько онѣ, сколько заключительный выводъ автора. Напомнимъ, вкратцѣ, сущность вопроса о „печатномъ листѣ“. Въ продолженіе слишкомъ тридцати лѣтъ, понятіе о печатномъ листѣ, отъ котораго, по закону 6 апрѣля 1865 г. (ст. 6-й Уст. о ценз. и печати), зависитъ демаркаціонная черта между сочиненіями подлежащими и неподлежащими предварительной цензурѣ,—опредѣлялось, на основаніи правилъ, утвержденныхъ министрами внутреннихъ дѣлъ, 18 мая 1867-го года, числомъ такъ-называемыхъ типографскихъ квадратовъ (измѣняющимся соотвѣтственно размѣру листа) и числомъ строкъ въ квадратѣ; въ настоящее же время, рас-

¹⁾ См. „Вѣстн. Европы“ за 1899 г., № 1, стр. 354—5.

поряженіемъ министра внутреннихъ дѣлъ, отъ 7 августа 1898 г., оно опредѣляется числомъ буквъ, которое не должно быть менѣе 33 тысячъ въ листѣ. По мнѣнію г. Боровиковскаго, принципъ, положенный въ основу распоряженія 1898-го г., соответствуетъ *идеѣ* закона больше, чѣмъ тотъ, изъ котораго исходили правила 1867-го года. „Мысль закона,—говорить г. Боровиковскій,—была, очевидно, въ томъ, что *малыя* сочиненія остаются подъ предварительной цензурой, а *большія* отъ нея освобождаются. По какому же признаку рационально отличать *малое* сочиненіе отъ *большого*? Не можетъ быть, чтобы законъ имѣлъ въ виду взять за такой признакъ исключительно *форматъ* книги, исключительно количество занятыхъ *какою бы то ни было* печатью квадратовъ. Это было бы все равно, что измѣрять словесную рѣчь не по ея продолжительности и болѣе или меньшей быстротѣ произнесенія словъ, а по тому, громко или тихо, баритономъ или теноромъ она произносится. Для меня несомнѣнно, что разница между *большимъ* и *малымъ* сочиненіемъ заключается *единственно* въ томъ, много или мало сочинено, а когда сочиненіе напечатано, то *единственнымъ* критеріемъ для отличія большого отъ малаго представляется количество *текста*; при разнообразіи же формата, шрифта и набора, *единственнымъ* счетчикомъ текста должно быть количество *буквъ* набора“.

Мысль закона мы понимаемъ точно такъ же, какъ г. Боровиковскій, но заключеніе выводимъ изъ нея другое, находя, что правила 1867-го г. согласуются съ нею несравненно больше, чѣмъ распоряженіе 1898-го г. Доказательство этому мы видимъ, между прочимъ, въ словахъ самого г. Боровиковскаго, сказанныхъ имъ въ другомъ мѣстѣ его статьи: „по точному смыслу 6-й ст. Уст. ценз., всякое оригинальное сочиненіе, объемомъ не менѣе десяти печатныхъ листовъ, свободно отъ предварительной цензуры. Таково *право*, дарованное издателямъ *закономъ*—право громадной важности. *Количество текста, долженствующаго сохраняться въ листѣ, закономъ не указано; слѣдовательно, это предоставлено усмотрѣнію издателей*“¹⁾. Если количество текста въ листѣ предоставлено закономъ усмотрѣнію издателей, то какимъ же образомъ опредѣленіе минимальнаго числа буквъ, образующихъ листъ, можетъ болѣе соответствовать *мысли закона*, чѣмъ опредѣленіе числа типографскихъ квадратовъ, входящихъ въ составъ листа? Если отъ числа такихъ квадратовъ и числа строкъ, помѣщенныхъ въ каждомъ квадратѣ, зависитъ, косвенно, количество буквъ, а слѣдовательно и размѣръ сочиненнаго и напечатаннаго, то какимъ же образомъ можно утверждать, что измѣреніе книги квадратами равносильно измѣренію

¹⁾ Въ цитатахъ изъ статьи г. Боровиковскаго мы сохраняемъ обыкновенно курсивъ автора, но въ послѣдней фразѣ—курсивъ нашъ.

продолжительности рѣчи ея тономъ или тембромъ? Продолжительность рѣчи и голосъ, которымъ она произнесена—понятія безусловно несоизмѣримыя, чего отнюдь нельзя сказать объ *объемѣ* сочиненія и *форматѣ*, въ которомъ оно напечатано...

Мы объясняемъ себѣ происхожденіе правилъ 1867-го года слѣдующимъ образомъ. Выпускъ въ свѣтъ сочиненій безъ предварительной цензуры былъ поставленъ закономъ въ зависимость отъ числа печатныхъ листовъ. Понятіе о печатномъ листѣ—какъ прекрасно показано въ началѣ статьи г. Боровиковскаго—понятіе неточное, но все-таки не вовсе лишенное опредѣленности, „въ особенности при нѣкоторомъ поясненіи“. Листы бываютъ различной величины: такъ какъ въ законѣ о минимальной величинѣ листа ничего не сказано, то онъ примѣнимъ къ листамъ всякой величины, т.-е. всякаго формата—конечно, формата не выдуманнаго *ad hoc*, а употребительнаго въ печати. Существуетъ, далѣе, извѣстное, обычное отношеніе между форматомъ и числомъ строкъ въ страницѣ; какъ бы малъ ни былъ форматъ, ниже извѣстнаго минимума число строкъ не падаетъ. При практическомъ примѣненіи закона нужно, слѣдовательно, установить такія нормы, которыя отвѣчали бы дѣйствительному положенію печатнаго дѣла; другими словами, нужно оставить просторъ „усмотрѣнію“ издателей, но предупредить явный съ ихъ стороны обходъ закона, т.-е. печатаніе книгъ въ небывало-маломъ форматѣ или съ небывало-малымъ числомъ строкъ на страницѣ, съ очевидною цѣлью освободить отъ предварительной цензуры, вопреки намѣренію законодателя, очень незначительное по объему сочиненіе. Это именно и было сдѣлано правилами 1867-го года, не возбуждавшими, сколько намъ извѣстно, никакихъ жалобъ со стороны издателей, никакихъ возраженій въ печати. Они вытекали если не изъ буквы, то изъ смысла закона, чего, по нашему убѣжденію, никакъ нельзя сказать о распоряженіи 1898-го года. Фактическое различіе между ними весьма велико: при дѣйствіи правилъ 1867-го г., безъ цензуры, какъ указываетъ и г. Боровиковскій, могло выйти сочиненіе въ 11 тыс. буквъ, т.-е. вдвое меньшее противъ объема, признаваемого минимальнымъ въ силу распоряженія 1898-го года. Цѣль этого распоряженія заключается не въ томъ, чтобы предупредить обходъ закона, а въ томъ, чтобы измѣнить его примѣненіе и ограничить сферу его дѣйствія.

Впрочемъ, изъ того, что г. Боровиковскій считаетъ распоряженіе 1898-го г. „болѣе соотвѣтствующимъ идеѣ закона“, тѣмъ правила 1867-го года, не слѣдуетъ еще, однако, чтобы онъ находилъ его вполне согласнымъ съ закономъ. Для опредѣленія минимальнаго содержанія листа именно въ 33 тысячи буквъ—г. Боровиковскій не видитъ въ законѣ „ни малѣйшаго основанія“. Какъ и другіе критики распоряженія

1898 г., онъ усматриваетъ въ немъ „крайнюю неясность“, грозящую „массою недоразумѣній“, и „чрезмѣрную требовательность“, иллюстрируемую, въ видѣ примѣра, указаніемъ на листъ „Журнала Министерства Юстиціи“, въ которомъ не болѣе 32 тыс. „мѣстъ“ (т.-е. мѣстъ для буквъ, еслибы онѣ слѣдовали одна за другою безъ всякихъ промежутковъ) и не болѣе 29 тыс. дѣйствительныхъ буквъ. Онъ спрашиваетъ, сочтутъ ли одинъ листъ за два, если въ немъ не 33 тысячи, а 66 тысячъ буквъ—и наоборотъ, сочтутъ ли два листа за одинъ, если въ каждомъ изъ нихъ по 16.500 буквъ? При утвердительномъ отвѣтѣ на эти вопросы оказалась бы нарушенной указанная закономъ норма—*печатный листъ*. Все это приводитъ г. Боровиковскаго къ убѣжденію, что вопросъ о печатномъ листѣ долженъ быть разрѣшенъ въ законодательномъ порядкѣ. Разсматривая его съ этой точки зрѣнія, онъ высказываетъ нѣсколько весьма интересныхъ соображеній. „Какой резонъ,—спрашиваетъ онъ,—освобождать отъ предварительной цензуры *большія* книги—и не освобождать *малыя*? Вѣдь если данная книга направлена ко злу, то чѣмъ она больше, тѣмъ больше зла. Съ этой точки зрѣнія, рациональнѣе освободить отъ цензуры *малыя* книги. И при томъ, даже и безцензурныя изданія выдерживаются въ цензурѣ семь дней; маленькую книжку можно процензировать въ полчаса—а чтобы „раскусить ядъ“ многостранный книги, мало и недѣли. Поэтому, еслибы было признано основательнымъ дѣлать въ цензурномъ отношеніи различіе между *большими* и *малыми* книгами, то цѣлесообразнѣе было бы оставить подъ предварительной цензурой *большія* книги—и освободить отъ нея *малыя*, а не наоборотъ. Въ оправданіе существующаго различія—по *величинѣ* книгъ—говорятъ, что большая книга имѣетъ и большую продажную цѣну—слѣдовательно, ея „лекторія“ меньше, сосредоточивается среди интеллигенціи и не идетъ въ народъ. Но тогда такъ и постановите: книга цѣною, скажемъ, не ниже рубля предварительной цензурѣ не подлежитъ, независимо отъ того, сколько въ ней листовъ и сколько въ листѣ буквъ. На это могутъ возразить: злонамѣренные авторы и издатели станутъ злоупотреблять своею полною свободою назначать книгамъ любыя цѣны—и такимъ образомъ отъ произвола издателей будетъ зависѣть освобождать книги отъ предварительной цензуры назначеніемъ высокихъ цѣнъ. Въ такомъ случаѣ возьмите для цензуры другой признакъ: книги, по *содержанію* своему могущія идти въ народъ, либо *учебники*, предназначенные для школъ, подлежатъ предварительной цензурѣ; а всѣ прочія, каковы бы ни были ихъ объемы и цѣны, освобождаются отъ цензуры“. Итакъ, норма, заключающаяся въ количествѣ печатныхъ листовъ, „слишкомъ неопредѣленна и едва ли цѣлесообразна, ибо служащая основаніемъ предварительной цензуры воз-

возможность вреда отъ книгъ отнюдь не зависитъ отъ ихъ размѣровъ. Нѣсколько болѣе цѣлесообразнымъ казалось бы взять за норму продажную цѣну книгъ, ибо отъ цѣны зависитъ ихъ распространенность; но и этотъ признакъ ненадеженъ и зависитъ отъ произвола издателей. Остается еще признакъ—содержаніе книги; но различать, съ цензурной точки зрѣнія, книги по этому признаку едва ли цѣлесообразно потому, что большая или меньшая способность книги къ широкому распространенію зависитъ не только отъ предмета, о которомъ она трактуетъ, но еще болѣе отъ способа изложенія (популярный, общедоступный — или строго научный, специальный); тутъ регламентація была бы бессильна—и открылся бы слишкомъ неограниченный просторъ личнымъ взглядамъ исполнителей закона. За отсутствіемъ такихъ внѣшнихъ признаковъ, по которымъ можно было бы раздѣлить книги на подлежащія и не подлежащія предварительной цензурѣ, не рациональнѣе ли сохранить только цензуру карательную, а изъ предварительныхъ оставить лишь цензуры *спеціальныя* (инострannую, духовную, придворную) и *добровольную*—для желающихъ подвергнуть ей предполагаемую къ выпуску въ свѣтъ книгу?—Что единственною рациональною формою цензуры представляется цензура карательная, т.-е. преслѣдованіе произведенія печати не иначе, какъ послѣ выхода его въ свѣтъ и не иначе, какъ въ общемъ судебномъ порядкѣ, на основаніи положительнаго закона—это никогда не подлежало сомнѣнію въ глазахъ всѣхъ тѣхъ, кому дорогъ свобода печатнаго слова; но чрезвычайно отрадно было встрѣтить провозглашеніе этой истины авторитетнымъ пристома на страницахъ „Журнала Министерства Юстиціи“. Къ несчастію, въ настоящее время меньше чѣмъ когда-либо можно надѣяться на скорое осуществленіе ея въ русской дѣйствительности. Весьма важно, поэтому, сохраненіе за нашей печатью хоть тѣхъ немногихъ правъ, которыя даны ей закономъ 6-го апрѣля 1865-го года. Къ числу такихъ правъ принадлежитъ освобожденіе отъ предварительной цензуры сравнительно объемистыхъ книгъ, въ томъ видѣ, въ какомъ оно практиковалось, согласно съ закономъ, до осени 1898-го года. Поднимать вопросъ о томъ, не опаснѣе ли большія сочиненія, чѣмъ малыя, рискованно уже потому, что отвѣтъ на него можетъ быть данъ такой: опасны и тѣ, и другія! Принятіе особыхъ мѣръ предосторожности по отношенію къ сочиненіямъ небольшого размѣра—это почти неизбѣжный фазисъ въ исторіи постепеннаго вымиранія предварительной цензуры; окончаніе его совпадаетъ, обыкновенно, съ установленіемъ полной свободы печати. Особыхъ мѣръ предосторожности по отношенію къ сочиненіямъ обширнымъ не принималось, сколько намъ извѣстно, нигдѣ—но это еще не гарантія противъ принятія ихъ у насъ, если распространится мысль о пропор-

ціональности между величиной книги и величиной возможного от нея зла. Чрезвычайно рискованно было бы, также, обуславливать безцензурность книги ея содержаніемъ или назначеніемъ, не поддающимся точному опредѣленію и допускающимъ самыя разнообразныя, самыя придирчивыя толкованія. Заменить масштабъ наименьшаго объема, безъ вреда для литературы, можно было бы только масштабомъ наименьшей цѣны — но рассчитывать на такую замену слишкомъ трудно, какъ это указано и г. Боровиковскимъ. Изъ всего этого мы выводимъ слѣдующее заключеніе: въ ожиданіи того счастливаго момента, когда будетъ отмѣнена предварительная цензура, всего правильнѣе стоять на почвѣ закона, съ которымъ несовмѣстимо опредѣленіе печатнаго листа произвольно назначеннымъ наименьшимъ числомъ буквъ, гораздо болѣе высокимъ, чѣмъ дѣйствительный минимумъ, выработанный практикою и нѣсколько десятилѣтій сряду не возбуждавшій никакихъ недоразумѣній.

Въ виду толковъ о земской школѣ и о значеніи народнаго образованія, не бесполезно обратить вниманіе на слова одного изъ уѣздныхъ предводителей дворянства, огражденнаго самымъ положеніемъ своимъ отъ подозрѣнія въ тенденціозности, соприкасающейся съ неблагонадежностью. Въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“ помѣщенъ рядъ статей г. Алексѣя Еврейннова, подъ общимъ заглавіемъ: „Администрація, полиція и населеніе“.

„Никакія хозяйственныя культурныя мѣропріятія“ — читаемъ мы въ одной изъ нихъ (№ 68) — „немыслимы среди одичалаго отъ вѣкового невѣжества сельскаго населенія... Необходимо устройство школъ, чтобы создать необходимый въ деревнѣ мыслящій элементъ, который могъ бы читать печатное и понимать предлагаемое устно. Вотъ почему земства, какъ учрежденія живыя, хозяйственныя, раньше всего задались созданіемъ народной школы, обратясь къ этому медленному, правда, но зато вѣрному средству проведенія въ населеніе полезныхъ знаній и правильныхъ способовъ лучшаго хозяйства. Не по прихоти своей земства взялись за школу и не изъ модныхъ тенденцій несутъ на нее обложеніе единственнаго своего достоянія — многострадалной земли. Только незнавшіе и незнающіе положенія вещей могутъ поднимать голосъ противъ просвѣтительной дѣятельности земства. Незнакомыя съ этимъ положеніемъ лица находятъ, что тѣ 7 милліоновъ рублей ¹⁾, которые тратятъ на народное образованіе 34 земскихъ губерній, со-

¹⁾ Въ настоящее время сумма земскихъ расходовъ на начальное образованіе значительно выше, дохода, если мы не ошибаемся, до 9 милліоновъ рублей, — но это не ослабляетъ, а усиливаетъ аргументацію г. Еврейннова.

ставляютъ *чрезмѣрность* обложенія, дагѣ болѣе нетерпимую. Всѣ—эти 34 земскія губерніи, тратящія 7 милліоновъ рублей на начальное народное образованіе, собираютъ эти деньги по крайней мѣрѣ съ 150 милліоновъ десятинъ земли (каждая губернія имѣетъ отъ 4 до 5 милліоновъ десятинъ земли), и такимъ образомъ эта *изумительная* *чрезмѣрность* выражается всего въ 0,05 копѣйки на десятину! Конечно, въ нѣкоторыхъ губерніяхъ съ болѣе густымъ населеніемъ обложеніе выше,—доходитъ и до 5 и 8 копѣекъ даже съ десятины земли,—но и тутъ еще очень далеко до *чрезмѣрности*, о которой не стѣсняются заявлять даже такіа лица, которымъ скорѣе, чѣмъ кому-либо другому, должна быть хорошо извѣстна истина и настоящее положеніе дѣла. Такимъ образомъ, крики противъ заботъ земства о народномъ образованіи на почвѣ *чрезмѣрности* обложенія составляютъ одну лишь патріотическую маску, которою хотятъ прикрыть свои скрытыя вождельнія оставить русскій народъ въ одичаломъ состояніи полного невѣжества... Устраненныя отъ руководства начальной школой, земства тѣмъ не менѣе продолжаютъ увеличивать ассигнованіе на расходы по школамъ и, несмотря на массу встрѣчаемыхъ препонъ, продолжаютъ стремиться къ всеобщему обученію. Вѣдь отдѣльныя земства у насъ сговариваться между собою не могутъ—даже съѣздъ предсѣдателей губернскихъ управъ былъ запрещенъ—а тѣмъ не менѣе, 34 русскія земства, не сговариваясь, единомысленно идутъ по пути насажденія и развитія школьнаго дѣла! Очевидно, что разъ 34 губерніи съ 400 уѣздами, не сговариваясь между собою, дѣлаютъ одно дѣло, какъ самое главное въ ихъ дѣятельности, то само собою, по простой логикѣ, это—дѣло дѣйствительно нужное, необходимое, безъ котораго всѣ остальные дѣла не могутъ быть плодотворными и достигать своей цѣли... Не надо забывать, что въ земствѣ участвуютъ лишь сельскіе хозяева, люди практики, горькой дѣйствительности,—слѣдовательно, не ради торжества тѣхъ или другихъ теорій дѣлающіе *чрезмѣрное*, будто бы, самообложеніе: они скупно и расчетливо расходуютъ каждый грошъ, а потому разъ они рядомъ поколѣній за 35 лѣтъ продолжаютъ увеличивать расходы на народное образованіе, то эти расходы дѣйствительно вызываются хозяйственными и чисто практическими соображеніями. Ради обузданія того же просвѣтительнаго стремленія, признаваемого почему-то либеральнымъ, земство осословили; должности предсѣдателей и членовъ земскихъ управъ росписали по класснымъ чинамъ. Но и такое средство не помогло: сословныя земства какъ будто съ еще большимъ рвеніемъ стали развивать начальную школу—и вотъ, тогда заговорили объ изыятіи народнаго образованія вовсе изъ вѣдѣнія земства. Конечно, это самое вѣрное средство остановить просвѣщеніе массъ

и задержать развитіе грамотности. Въ чиновныхъ рукахъ на бумагѣ школь, пожалуй, окажется гораздо больше, чѣмъ ихъ теперь содержитъ земство: тому намъ достаточно являютъ примѣры церковно-приходскія школы,—но изъ этого еще не будетъ вытекать, что народъ дѣйствительно станетъ грамотнымъ и вѣковое его невѣжество, наконецъ, кончится“.

Нужно надѣяться, что эти слова, звучація глубокимъ, искреннимъ убѣжденіемъ, не пройдутъ безслѣдно... Иллюстраціи къ основному тезису г. Евреинова можно найти чуть не ежедневно въ разныхъ органахъ печати. Вотъ, на примѣръ, что пишутъ въ газету „Югъ“ изъ херсонскаго уѣзда: „Въ с. Качкаровкѣ двѣ начальныя школы — земская и церковно-приходская школа грамоты ¹⁾ для дѣвочекъ. Земская школа переполнена учащимися обоюго пола, церковно-приходская почти пуста; ее посѣщаютъ лишь восемь дѣвочекъ, которымъ не удалось поступить въ земскую школу за недостаткомъ мѣста. То же явленіе наблюдается и въ сосѣдней деревнѣ Саблуковкѣ; здѣсь церковно-приходскую школу посѣщаетъ нѣсколько большее число учениковъ, но крестьяне предпочитаютъ посылать своихъ дѣтей въ земскую школу въ с. Качкаровкѣ, хотя имъ и приходится совершать путешествія болѣе чѣмъ въ три версты. Причина этого явленія зависитъ, главнымъ образомъ, отъ состава учащихся. Въ земской школѣ с. Качкаровки учителемъ состоитъ, уже около 20 лѣтъ, лицо со среднимъ образованіемъ, вполне знающее свое дѣло, и при немъ—двѣ помощницы съ гимназическимъ образованіемъ. Въ церковно-приходскихъ школахъ учительствуютъ: въ Качкаровкѣ — псаломщикъ мѣстной церкви, а въ Саблуковкѣ—крестьянинъ, много лѣтъ назадъ учившійся въ качкаровской земской школѣ и много уже позабывшій“. Что описанныя здѣсь явленія не составляютъ исключенія—доказательствомъ этому служить официальный отчетъ о состояніи церковно-приходскихъ школъ въ самарской епархіи (см. № 57 „Русскихъ Вѣдомостей“). Образовательный цензъ учащихся въ этихъ школахъ весьма невысокъ: получившихъ достаточное образованіе насчитывается только 19,3%. Къ числу недостатковъ преподаванія отцы-наблюдатели относятъ, между прочимъ, слѣдующее: одни изъ законоучителей, занимаясь съ однимъ отдѣленіемъ, совершенно оставляли безъ вниманія учениковъ другихъ отдѣленій, или же, спрашивая одного ученика, совершенно забывали другихъ; другіе законоучители ограничивались только задаваніемъ уроковъ на домъ „отъ сихъ и до сихъ“, не объясняя заданнаго; третьи, при спрашиваніи учениковъ, злоупотребляли своими подсказываніями

¹⁾ Это выраженіе неясно: церковно-приходская школа и школа грамоты—не одно и то же. Послѣдующее изложеніе даетъ поводъ думать, что рѣчь идетъ о церковно-приходской школѣ.

и приучали учениковъ не обдумывать своего отвѣта на предложенный вопросъ, а ждать, когда спрашивающій самъ начнетъ отвѣтъ, и тогда уже доканчивать его; четвертые не обращали должнаго вниманія на торопливое, монотонное и механическое чтеніе молитвъ; пятые совершенно не приучали учениковъ къ громкому, послѣдовательному, связанному пересказу урока. Въ обученіи чтенію учителями больше обращалось вниманія на обученіе механизму чтенія, въ ущербъ его выразительности и осмысленности; очень мало удѣлялось вниманія на сложный пересказъ читаемаго. Аналогичные недостатки замѣчены и въ обученіи ариметикѣ и правописанію... Какъ поставлены въ духовномъ вѣдомствѣ мѣры къ внѣ-школьному образованію народа—объ этомъ въ печати встрѣчается мало свѣдѣній. Въ владимірской епархіи, судя по корреспонденціи „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“, существуетъ стремленіе заключить эти мѣры въ весьма тѣсные предѣлы. Въ шуйской женской воскресной школѣ былъ устроенъ на Рождествѣ школьный праздникъ съ елкой, танцами и туманными картинами. Мѣстное епархіальное начальство отнеслось къ этому неодобрительно; особенное порицаніе вызвали танцы и туманныя картины. И то, и другое, запрещено въ церковно-приходскихъ школахъ на будущее время; разрѣшены только чтенія (безъ картинъ) религіозно-нравственнаго содержанія и изъ книгъ, допущенныхъ и одобренныхъ для библіотекъ церковно-приходскихъ школъ, а также пѣніе гимновъ и пѣсенъ изъ книги: „Сельскіе хоры“, В. И. Шемякина.

Въ сохраненіи земской школы заинтересовано, между прочимъ, и дворянство, не только какъ главная составная часть земства, но и какъ сословіе, играющее, въ лицѣ своихъ предводителей, дѣятельную роль въ завѣдываніи свѣтскимъ начальнымъ обученіемъ. Насколько желательно, однако, содѣйствіе дворянства процвѣтанію и развитію, на земской почвѣ, начальной народной школы, настолько же несимпатичнымъ было бы усиленіе чисто внѣшняго, формальнаго его контроля надъ школой. Нельзя не пожалѣть, что именно и только къ такому усиленію была направлена записка, представленная недавно казанскому губ. дворянскому собранію однимъ изъ его членовъ, Д. А. Корсаковымъ. Въ настоящемъ положеніи начальныхъ школъ авторъ записки видитъ двѣ слабыя стороны: изолированность учащихся, не находящихъ, на мѣстахъ, „надежной руки помощи“, и недостаточное признаніе инспекціей народныхъ училищъ своей подчиненности предводителю дворянства, какъ предсѣдателю училищнаго совѣта. Нѣкоторые изъ инспекторовъ „ведутъ крайне неряшливо канцелярію уѣздныхъ училищныхъ совѣтовъ“, возлагаютъ переписку по дѣламъ учи-

лишь на учительницъ и учителей, ставятъ послѣднихъ соглядатаими надъ попечителями школъ и позволяютъ себѣ невѣжливо относиться къ дворянамъ-землевладѣльцамъ, принимающимъ дѣятельное участіе въ устройствѣ и содержаніи школъ въ ихъ собственныхъ имѣніяхъ". Предложенія автора записки, въ томъ видѣ, въ какомъ они формулированы имъ по совѣщаніи съ уѣздными предводителями и приняты дворянскимъ собраніемъ, сводятся къ слѣдующему: 1) просить губ. предводителя представлять собранію свѣденія о нравственномъ состояніи начальныхъ народныхъ училищъ и преподавательскаго въ нихъ персонала; 2) просить уѣздныхъ предводителей пользоваться ст. 41 Полож. о начальныхъ училищахъ, предоставляющею губ. училищнымъ совѣтамъ избирать, по ходатайству уѣздныхъ предводителей, довѣренныхъ лицъ для наблюденія за нравственнымъ состояніемъ начальныхъ народныхъ училищъ; 3) просить попечителя казанскаго учебнаго округа, чтобы инспектора начальныхъ училищъ имѣли пребываніе въ предѣлахъ своего района; 4) ходатайствовать передъ министерствомъ народнаго просвѣщенія, чтобы распоряженія мѣстной учебной власти сообщались ею для свѣденія губ. предводителю, и 5) заявить особому совѣщанію по дѣламъ дворянства желаніе, чтобы инспектора народныхъ училищъ назначались попечителемъ учебнаго округа по соглашенію съ губ. предводителемъ,—чтобы дворянство получило право избирать отъ себя въ составъ училищныхъ совѣтовъ, губернскаго и уѣздныхъ, по одному члену,—и чтобы дѣлопроизводство въ училищныхъ совѣтахъ было возложено на предводителей дворянства и ихъ канцеляріи.

Допустимъ, что всѣ эти предположенія осуществляются: много ли выиграетъ отъ того начальная школа? Порядка въ дѣлопроизводствѣ училищныхъ совѣтовъ будетъ, можетъ быть, больше — но не отъ него зависить благосостояніе школы; инспектора начальныхъ училищъ будутъ жить въ предѣлахъ своихъ районовъ — но важно не то, гдѣ живутъ, а то, какъ часто они обязываютъ вѣренныя имъ школы (не говоря уже о *характерѣ* этихъ обязывающихъ, могущихъ имѣть и серьезно-педагогическое, и рутинно-наблюдательное значеніе); дворянство будетъ располагать подробными свѣденіями о начальныхъ школахъ — но оно можетъ имѣть ихъ и теперь, заимствуя ихъ, напримѣръ, изъ отчетовъ земскихъ членовъ училищныхъ совѣтовъ, хорошо извѣстныхъ предводителямъ, какъ предсѣдателямъ земскихъ собраній; больше будетъ дворянскихъ голосовъ въ училищныхъ совѣтахъ — но и теперь вліяніе дворянства достаточно обезпечено здѣсь предсѣдательствомъ предводителя ¹⁾; больше

¹⁾ Ссылка на то, что земство имѣетъ теперь въ училищномъ совѣтѣ двухъ представителей, а дворянство — только одного (предводителя), необудительна уже потому, что земство даетъ значительную часть средствъ на содержаніе начальныхъ школъ, а

будеть числиться помощниковъ предводителя по ст. 41-й Полож. о начальн. училищахъ—но дѣйствительную пользу они по прежнему будутъ приносить только тамъ, гдѣ предводитель сочувствуетъ школѣ и ищетъ себѣ сотрудниковъ въ этой области по собственному побужденію, а не подъ вліяніемъ постороннихъ внушеній. Отъ увеличенія числа „наблюдателей“ за школой учащимъ не будетъ ни тепло, ни холодно; изолированность ихъ можетъ уменьшиться только отъ близости лицъ, горячо принимающихъ къ сердцу народное образованіе—а дѣятельности такихъ лицъ далеко не вездѣ благопріятствуютъ мѣстныя условія. Если ст. 41-ая Полож. о начальн. училищахъ до сихъ поръ, въ большинствѣ уѣздовъ, оставалась и остается мертвой буквой, то это зависѣло и зависитъ отъ причинъ, которыхъ не можетъ устранить постановленіе казанскаго дворянскаго собранія... Остается, затѣмъ, мысль о назначеніи инспекторовъ народныхъ училищъ по соглашенію попечителя учебнаго округа съ губернскимъ предводителемъ дворянства—мысль, внушенная, очевидно, аналогичнымъ порядкомъ избранія кандидатовъ въ земскіе начальники. Оставляя въ сторонѣ вопросъ о томъ, къ какимъ результатамъ приводитъ эта система въ области мѣстнаго суда и управленія, ограничимся однимъ замѣчаніемъ, достаточно ясно, какъ намъ кажется, говорящимъ противъ примѣненія ея къ выбору инспекторовъ народныхъ училищъ. Земскіе начальники назначаются или, по крайней мѣрѣ, должны быть назначаемы изъ среды мѣстныхъ дворянъ-землевладѣльцевъ. Есть, поэтому, нѣкоторое основаніе предполагать, что предводители, губернской и въ особенности уѣздной, знаютъ кандидатовъ на должность земскаго начальника и могутъ указать, кто изъ нихъ удовлетворяетъ требуемымъ ею условіямъ (хотя, конечно, самое пониманіе этихъ условій бываетъ весьма различно). Ничего подобнаго нельзя сказать о кандидатахъ на должность инспектора народныхъ училищъ; они не приурочены и не могутъ быть приурочены къ данной мѣстности, и губернской предводитель въ огромномъ большинствѣ случаевъ рѣшительно ничего о нихъ не знаетъ. Да и съ какой точки зрѣнія предводитель могъ бы повѣрять ихъ компетентность? О способности ихъ къ дѣлопроизводству гораздо лучше можетъ судить учебное начальство, а степень вѣжливости ихъ съ дворянами можетъ обнаружить только опытъ... Въ виду всего сказаннаго, экскурсія казанскаго дворянскаго собранія въ сферу начальной школы кажется намъ совершенно неудавшеюся.

дворянство, за немногими исключеніями, никакого участія въ содержаніи ихъ не принимаетъ.

Далеко не всѣ явленія нашей жизни подлежатъ, въ самый моментъ ихъ возникновенія, гласному и всестороннему обсужденію. Весьма прискорбно, что этого не хотятъ признавать или съ этимъ не хотятъ сообразоваться нѣкоторые органы нашей печати. Заимствуемъ изъ двухъ №№ „Московскихъ Вѣдомостей“, слѣдующихъ непосредственно одинъ за другимъ (18 и 19 марта), небольшіе отрывки, характеризующіе эту особенность нашихъ современныхъ газетныхъ нравовъ: „руководящая нашимъ общественнымъ мнѣніемъ либеральная печать за послѣднее время дѣлала все возможное для того, чтобы ужъ совершенно сбить съ толку молодежь, не говоря ей ни единого слова объ ея обязанностяхъ, а толкуя ей объ однихъ только ея правахъ, не предостерегая ее отъ увлеченій, а поощряя ее въ нарушеніи законнаго порядка“. Нѣсколько дальшѣ эта „печатная агитація“ называется „бесовѣстной и безжалостной“. На слѣдующій день рѣчь идетъ опять о статьяхъ петербургской печати, „поощряющихъ (!!!) молодежь къ сопротивленію правительственнымъ властямъ“, „имѣющихъ цѣлью не образумить, а еще болѣе разжечь молодежь“. „Какъ же вы хотите“,—читаемъ мы нѣсколько дальшѣ,—„чтобы пылкая молодежь окончательно не потеряла голову, когда университетскія власти твердятъ ей одно, а петербургская пропаганда (?) на всѣ лады говоритъ ей совершенно другое“? Два дня спустя, по другому поводу, та же газета заявляетъ, что „въ нашей либеральной литературѣ свили себѣ гнѣздо самые разнообразныя элементы, связанные между собою лишь ненавистью къ *русской Россіи*“. Комментаріи излишни...

Въ „Правительственномъ Вѣстникѣ“ напечатаны слѣдующія распоряженія г. министра народнаго просвѣщенія: 1) „Въ виду продолжавшихся среди студентовъ с.-петербургскаго университета безпорядковъ, сдѣлавшихъ невозможными учебныя занятія, всѣ студенты сего университета увольняются. Объ условіяхъ обратнаго пріема сдѣланы уже указанія начальству университета“; 2) „Въ виду возобновившихся среди студентовъ технологическаго института императора Николая I безпорядковъ, препятствующихъ правильному ходу учебныхъ занятій, всѣ студенты сего института увольняются. Объ условіяхъ обратнаго пріема сдѣланы указанія начальству института“.

Такое же распоряженіе сдѣлано министромъ земледѣлія и государственныхъ имуществъ по отношенію къ студентамъ горнаго института императрицы Екатерины II-й.

Положеніе дѣлъ въ неурожайныхъ губерніяхъ продолжаетъ быть весьма тяжелымъ. Неутѣшительныя свѣденія, напримѣръ, о мензелинскомъ уѣздѣ (уфимской губ.) сообщаютъ г. Шмурло (въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“) и кн. С. И. Шаховской (въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ“). Послѣдній (о которомъ мы говорили, не называя его по имени, въ предыдущей хроникѣ) организовалъ помощь нуждающимся въ хлѣбѣ въ Карамалинской волости и думаетъ приступить къ ней въ сосѣдней, Истинской волости. Пожертвованія могутъ быть направляемы къ нему черезъ доктора А. А. Андреева, въ Бугульмѣ (самарской губерніи). Намъ часто приходилось говорить о Комитетѣ для помощи пострадавшимъ отъ неурожая, существовавшемъ при Императорскомъ Вольномъ Экономическомъ Обществѣ съ конца марта по конецъ іюня прошлаго года. Недавно общему собранію Вольнаго Экономическаго Общества былъ доложенъ денежный отчетъ этого Комитета. Въ теченіе трехъ мѣсяцевъ онъ получилъ пожертвованій на сумму болѣе 106 тыс. рублей: въ апрѣлѣ—около 34, въ маѣ—около 44, въ іюнѣ—около 28 тыс. рублей. Пожертвованія продолжали поступать въ Общество и послѣ закрытія Комитета, но въ гораздо меньшихъ размѣрахъ: съ 1 іюля 1898 по 1 марта 1899 г.—съ небольшимъ 14 тыс. рублей.

Комитетъ самарскаго частнаго кружка помощи дѣтямъ крестьянъ самарской губерніи, пострадавшихъ отъ неурожая прошлаго года, сообщаетъ намъ, что по 25 декабря 1898 г. итогъ поступившихъ къ нему пожертвованій составлялъ 30.403 руб. 55 к. Къ 23 февраля общая цифра пожертвованій возросла до 94.200 рублей.

„На эти средства кружкомъ организована продовольственная помощь дѣтямъ въ видѣ общихъ столовыхъ и кухонъ въ 40 селеніяхъ ставропольскаго уѣзда, 23-хъ бугульминскаго, 5-ти николаевскаго, 5-ти самарскаго, 5-ти бузулуцкаго и 1 бутурусланскаго. Во всѣхъ этихъ селеніяхъ кормится 10.600 дѣтей. Въ нѣкоторыхъ исключительныхъ случаяхъ, какъ напр. въ татарскихъ селеніяхъ ставропольскаго уѣзда Мордово-Озерѣ, Мулеевомъ-Врагѣ и Кубань-Озерѣ, вслѣдствіе полного отсутствія на мѣстахъ лицъ, которымъ можно было бы поручить завѣдываніе столовыми, кружку пришлось временно ограничиться раздачею продовольственныхъ продуктовъ въ нуждающіяся семьи. Но этотъ видъ помощи оказался мало достигающимъ цѣли, и кружокъ уже приступилъ и въ этихъ селеніяхъ къ устройству столовыхъ, поручая завѣдываніе таковыми надежнымъ лицамъ, приглашаемымъ со стороны.

„Къ 1-му марта предполагено расширение уже существующихъ столовыхъ и организація продовольственной помощи въ рядѣ новыхъ селеній ставропольскаго, бугульминскаго и самарскаго уѣздовъ, такъ

что общее число дѣтей, продовольствіе которыхъ будетъ обезпечено до новаго урожая, достигнеть цифры 15 тысячъ.

„Къ сожалѣнію, этимъ далеко не исчерпывается дѣтская нужда населенія самарской губерніи. Есть еще много селеній, къ которымъ Комитетъ не могъ придти, съ помощію за недостаткомъ не только средствъ, но и рабочихъ силъ; есть рядъ другихъ селеній, которыя до послѣдняго времени казались болѣе обезпеченными, и потому имъ отказывалось кружкомъ въ продовольственной помощи. Теперь, однако, и эти селенія почти сплошь сравнялись въ нуждѣ съ наиболѣе обездоленными неурожаемъ, и крайне тяжело имъ отказывать въ поддержкѣ, когда ихъ собственныя средства уже вполнѣ истощились.

„Лучшимъ доказательствомъ все еще возрастающей народной нужды служить одновременное появленіе и быстрое развитіе цынги во многихъ пунктахъ самарской губерніи. Всего болѣе отъ нея страдаютъ татарскія селенія ставропольскаго уѣзда, но получаютъ свѣдѣнія о появленіи ея и въ другихъ уѣздахъ. Борьба съ развившеюся цынгою выходить изъ рамокъ дѣятельности кружка и непосильна для него по отсутствію въ немъ лицъ, которымъ могла бы быть поручена организація средствъ для этой борьбы. Но тѣмъ важнѣе и настоятельнѣе являются предупредительныя мѣры продовольственной помощи въ тѣхъ селеніяхъ, которыя ее до сихъ поръ отъ кружка не получали, и которыя, не сегодня, такъ завтра, явятся неизбѣжными очагами для развитія этой эпидеміи, какъ прямого результата плохого и недостаточнаго питанія въ теченіе цѣлой зимы.

„Всѣ члены самарскаго частнаго кружка глубоко тронуты довѣріемъ, съ которымъ отнеслось къ нимъ русское общество. Но пусть не охлаждаются чувства жертвователей. Притокъ новыхъ пожертвованій тѣмъ цѣннѣе и желательнѣе, что онъ дастъ возможность обезпечить значительно большее число дѣтей, такъ какъ на остающіеся четыре мѣсяца до новаго урожая обезпеченіе каждаго ребенка обойдется не болѣе 4-хъ рублей“ ¹⁾.

Русская присяжная адвокатура понесла въ послѣднее время двѣ крупныя потери: въ февралѣ скончался В. И. Жуковский, замѣчательный ораторъ, великій мастеръ ироніи и сарказма; въ мартѣ—П. В. Макалинскій, историкъ сословія, давшій въ своей книгѣ: „С.-Петербургская присяжная адвокатура“ (Спб., 1889 г.) полный обзоръ всего сдѣланнаго ея с.-петербургскимъ совѣтомъ за первые двадцать два года его

¹⁾ Пожертвованія Комитетъ проситъ направлять въ Самару, казначею кружка, управляющему самарскимъ отдѣленіемъ торгово-промышленнаго банка, Александру Семеновичу Медвѣдеву.

существованія — обзоръ, равносильный кодексу адвокатской этики. Онъ успѣлъ, какъ мы слышали, собрать и сгруппировать всѣ матеріалы, относящіеся къ послѣднему десятилѣтію—и этотъ трудъ, по всей вѣроятности, скоро выйдетъ въ свѣтъ, какъ дополненіе къ его первой книгѣ. Много поработалъ П. В. Макалинскій, въ свое время, и надъ нашей слѣдственной частью, и какъ одинъ изъ первыхъ и лучшихъ судебныхъ слѣдователей, и какъ авторъ комментарія къ соотвѣствующему отдѣлу устава уголовного судопроизводства.—Литературный міръ потерялъ В. О. Михневича, даровитаго газетнаго работника и неутомимаго изслѣдователя разныхъ сторонъ русской исторіи и русской современной жизни, посвятившаго имъ нѣсколько обширныхъ, талантливо написанныхъ сочиненій.

ИЗВѢЩЕНІЯ

Отъ Императорскаго Казанскаго Университета.

Къ столѣтнему юбилею, наступающему въ 1904 г., Совѣтъ Казанскаго Университета постановилъ выпустить въ свѣтъ исторію Университета и біографическій словарь его профессоровъ и преподавателей, и въ видахъ достиженія возможной полноты изданій обращается ко всѣмъ учрежденіямъ и лицамъ, которыя располагають соотвѣтствующими матеріалами, съ покорнѣйшей просьбой не отказать въ заблаговременной доставкѣ таковыхъ въ Казанскій Университетъ на имя г. Ректора. Все доставленное будетъ принято Университетомъ съ глубокой благодарностью и сохранено въ цѣлости до востребованія.

Издатель и отвѣтственный редакторъ: М. Стасюлевичъ.

СОДЕРЖАНІЕ

ВТОРОГО ТОМА

Мартъ — Апрель 1899.

Книга третья — Мартъ.

	СТР.
Распоряженіе министра внутреннихъ дѣлъ, 20 февраля 1899 г.	3
Куда идти?—Романъ въ двухъ частяхъ.—Часть вторая: I-VIII.—П. Д. БОБОВЫКИНА	5
Позднія воспоминанія о давно минувшихъ временахъ.—Для моихъ дѣтей и вну- чать.—I.—А. И. ДАН. ШУМАХЕРА	89
Увядшій листь.—Стих. Н. Ленау.—Съ вѣм. Н. Г.	129
Промышленныя „республики“.—Изъ наблюденій надъ экономическими коопера- ціями въ Англіи.—С. И. Р-ТЬ	131
Аргонавты.—Повѣсть.—Съ польскаго.—VII-VIII.—ЭЛИЗЫ ОРЖЕНІКО	168
Начало желѣзнодорожнаго дѣла въ Россіи.—1836—1855. I-II. В. В. Салова	221
„Хозяинъ“.—Повѣсть изъ крестьянскаго быта восточной Германіи.—Der Butt- nerbauer, von W. v. Polenz.—XV-XXII. Съ вѣмек. А. Б.—Г.—	269
Петербургскіе рабочіе и ихъ экономическое положеніе.—Замѣтки и наблюденія врача.—М. И. ПОКРОВСКОЙ	323
Конрадъ Валленродъ.—Изъ поэмы Мицкевича.—Пѣсня IV: Разговоръ.—Перев. В. И. А. Д. МАРКОВЪ	343
Хроника.—Внутреннее Овозраженіе.—Манифестъ и „Основныя Положенія“ 3-го февраля.—„Земскій Ежегодникъ“ Вольнаго экономическаго общества и общеземскій періодическій органъ, проектируемый московскою губер- нскою земскою управою.—Протесты губернаторовъ тверскаго и кур- скаго.—Вопросъ о портретахъ.—Освобожденіе земства отъ нѣкоторыхъ обязательныхъ расходовъ	353
Иностранное Овозраженіе.—Кончина Феликса Фора и президентскіе выборы во Франціи.—Новый президентъ, Эмиль Лубэ.—Жизнь и дѣятельность Фора.—Успѣхи современной демократіи.—Французскія дѣла и англій- ская политика.—Министерскій кризисъ въ Венгріи	375
Литературное Овозраженіе.—Памяти Ѳ. И. Буслаева: рѣчи и обзоры его трудовъ. —А. Н. Пыпинъ.—Собраніе сочиненій Н. А. Голышева.—Въ сороковыхъ годахъ, Ч. Вѣтринскій.—Сборникъ старинныхъ бумагъ въ музеѣ П. И. Щукина.—Т.—Новыя книги и брошюры	387
Новости Иностранной Литературы.—I. Aug. Strindberg, Margit, la femme du chevalier Bengst.—II. L. Rouanet, Drame religieux de Caldéron.— III. R. Kiepling, The Day's Work.—З. В.	403
Некрологъ.—Л. И. Поливановъ.—В. И. С. СОЛОВЬЕВА	421
Изъ Овощественной Хроники.—Новыя вѣсти изъ неурожайныхъ губерній.—Ходъ продовольственнаго дѣла въ вятской губерніи.—Некрологъ: Е. А. Пе- ретцъ	423
Извѣщенія.—Отъ Императорскаго Казанскаго Университета	428
Библиографическій Листокъ.—Уставъ уголовного судопроизводства, съ позднѣй- шими узаконеніями, и т. д. Составл. М. Шрамченко и В. Ширковичъ. Вліяніе морской силы на французскую революцію и исторію 1793— 1812). Исслѣдованіе кап. А. Т. Мэхена (A. Mahan). Въ 2-хъ т. Т. II. —Генрихъ Гейне. Собраніе сочиненій. Ред. П. Вейнберга. Т. IV.—Исто- рія права русскаго народа, Н. П. Загоскина.—„Отрокъ-мученикъ“, улицкое преданіе, В. М. Михѣева	
Овѣявленія.—I-IV; I-XVI стр.	

Книга четвертая. — Апрель.

	стр.
Куда идти?—Романъ въ двухъ частяхъ. — Часть вторая: IX-XIX. — Окончаніе.—П. Д. БОБОРЫКИНА	429
Милліоны, и что съ ними надо дѣлать? — Филантропическій планъ американскаго милліонера.—ИВ. ИВ. ЯНЖУЛА	511
Аргонавты.—Повѣсть.—Съ польскаго.—IX-XI. — Окончаніе. ЭЛИЗЫ ОРЖЕНШКО.	540
Начало желѣзнодорожнаго дѣла въ Россіи.—1836—1855 гг.—III-IV.—В. В. САЛОВА	581
Тиранія любви.—Эскизъ изъ романа: „Haine d'amour“, par Daniel Lesueur.—Ю. З.—А.	627
Позднія воспоминанія о давно минувшихъ временахъ.—Для моихъ дѣтей и внучать.—П.—Окончаніе.—А. Л. ДАН. ШУМАХЕРА	694
„Хозяинъ“.—Повѣсть изъ крестьянскаго быта восточной Германіи. — Der Büttnerbauer, von W. v. Polenz.—XXIII-XXX.—Окончаніе. — Съ нѣм. А. Б.—Г.—	729
Зимніе сны.—Стих.—О. МИХАЙЛОВОЙ	784
Хроника.—Внутреннее Овозраженіе.—Рѣчь г. министра финансовъ въ засѣданіи комиссіи по упорядоченію хлѣбной торговли.—Экономическая обезпеченность массы и народное образованіе.—Ходатайство тифлискаго дворянства. — Законъ 18-го января о земскихъ одионочныхъ работахъ.—Квартирный налогъ и избирательное право. — Одно изъ удобствъ самоуправленія.—Опубликованные документы по финляндскому вопросу	786
Земская школа и толки о земской школѣ.—Замѣтка.—К. К. АРСЕНЬЕВА	802
Иностранное Овозраженіе.—Идея разоруженія въ Европѣ и международная практика государствъ.—Внѣшняя политика Англіи и другихъ державъ.—Подвиги американцевъ на Филиппинскихъ островахъ.—Печальныя противорѣчія и недоразумѣнія.—Внутреннія дѣла въ Германіи и Франціи	817
Литературное Овозраженіе.—Остафьевскій Архивъ князей Вяземскихъ, т. I: Переписка кн. П. А. Вяземскаго съ А. И. Тургеневымъ.—Извѣстія Р. Археологическаго Института въ Константинополѣ.—А. П.—Внѣшкольное народное образованіе въ Зап. Европѣ и С.-Америкѣ; Народные университеты въ Англіи, М. Деклерка; Программы чтенія для самообразованія; Народный домъ и его обществ.-воспит. значеніе, В. Я. Данилевскаго. — Въ тихой пристани, П. А. Даниловъ.—Т.—Графъ А. И. Остерманъ и раздѣлъ Турціи. проф. М. Кочубинскаго.—А. П.—Новыя книги и брошюры.	830
Новости Иностранной Литературы.—I. Valerie Matthes, Italienische Dichter der Gegenwart.—П. К.—овъ.—II. H. Sudermann, Die Drei Reiherrfedern.—III.—Anatole France, L'anneau d'améthyste.—З. В.	851
Изъ Овщественной Хроники.—Статья А. Л. Боровицкаго о „Печатномъ листѣ“.—Мнѣніе уѣзднаго предводителя дворянства о земской школѣ.—Земскія и церковно-приходскія школы.—Дворянскій надзоръ за школой.—Газетные нравы.—Распоряженія гг. министровъ народнаго просвѣщенія и земледѣлія и государ. имуществъ объ увольненіи всѣхъ учащихся въ сиб. университеты и технологическомъ и горномъ институтахъ.—Сообщеніе Комитета самар. части кружка помощи дѣтямъ крестьянъ, пострадавшихъ отъ неурожаа прошлаго года.—В. И. Жуковскій, П. В. Макалинскій и В. О. Михневичъ ф.	867
Извѣщенія.—Отъ Императорскаго Казанскаго Университета	882
Библиографическій Листокъ.—Н. П. Погодинъ, т. XIII, Ник. Барсукова.—Сумерки просвѣщенія, В. В. Розанова.—Трудовая помощь въ скандинавскихъ государствахъ, П. Ганзена.—Данія. Сельское хозяйство въ Даніи, въ связи съ общимъ развитіемъ въ странѣ. Н. А. Крюкова.	
Объявленія. — I-IV; I-XX стр.	

Жизнь и труды М. П. Погодина. Извола Барсукова. Книга XIII. Сиб. 99. Стр. 413. Ц. 2 р. 50 к.

Новый выпуск обнимает собою жизнь двух лет, отъ 14 июня 1853 г. до 18 февр. 1855 г.; зато это были первый периодъ восточной войны. Авторъ хроника, оставаясь впрямь своей программѣ, писалъ въ виду, конечно, не военную исторію этого времени, а характеристику общественныхъ настроеній — и въ особенности того лица, памяти котораго посвященъ весь его трудъ. То, что являлось прежде разбланнымъ во различныхъ сочиненіяхъ и изданіяхъ, а также въ журнальныхъ и газетныхъ статьяхъ той эпохи, въ хроникѣ автора собрано весьма тщательно и изложено въ последовательности времени. Однимъ изъ противниковъ войны, съ своей точки зрѣнія, былъ, какъ известно, митрополитъ Филаретъ; еще въ 1850 г., когда война была бы подготавливаема, онъ писалъ: „въ наше время мы много хвалимся, и не довольно всаеся“... „Вы очень рѣшительно, — говорилъ онъ же А. Н. Муравьеву, — предсказываете паденіе турецкой имперіи, и ей это, конечно, неприятно; да и намъ не подумало бы торжествовать заранее, а подумать, каковъ будетъ день Господень! Даже послѣ извѣстия войны, Филаретъ писалъ своему наѣздиннику: „не правится мнѣ, что князь Воронцовъ сравниваетъ эту войну съ войною 1812 года“. Погодинъ былъ въ то время глашатаямъ прямо противоположныхъ взглядовъ, и въ своихъ „политическихъ писемлахъ“ восклицаетъ: „Придетъ же скорбе, Неворова бомба, въ Петербургъ; намъ нуженъ сигналъ пережизня на другую квартиру! Придетъ, Неворова бомба, ты, вѣрно, по закону Немезиды, упадеши въ министерство иностранныхъ дѣлъ (Погодинъ былъ въ особенно недовольствѣ)... Гори все огнемъ! Мы оставимъ въ Петербургѣ „Мѣднаго Всадника“, стережъ устье Невы... Или иль, — отъ соскучится одинъ, и, взмучивъ брови, вѣрно, попорочитъ своего коня въ Золотому Рогу, а церковь Исаака Далматскаго, въ честь его ангела, мы достроимъ ему на берегахъ Далмачіи, наспротивъ города Бара, гдѣ починають мочи Николая Чудотворца“... Впрочемъ, и самъ Погодинъ, тутъ же, сознавая: „въ военный всѣхъ чувствъ моихъ написала я эти строки; такое возмѣненіе не соотвѣтствуетъ сновостію Исторіи“... Тѣмъ не менѣе, онъ не вычеркнулъ этихъ строкъ.

Отмечая проповѣдники. Сборникъ статей по вопросамъ образованія. В. В. Романовъ. Сиб. 99. Стр. 240. Ц. 1 р.

Хотя авторъ и предупреждаетъ, что тема его статей, появлявшихся въ разное время и въ различныхъ изданіяхъ, есть собственно не русская школа, ведавшая по происхожденію и не имѣвшая для себя другихъ основъ, кромя подражательности и традицій, — но сказанное имъ въ предисловіи о результатахъ школы едва ли не должно быть отнесено, главнымъ, если не исключительно образомъ, къ нашей школѣ: „кого не поразитъ, — восклицаетъ авторъ, — безъ основанія, — что, такъ много участъ, такъ тщательно участъ, при столь усовершенствованныхъ дидактич., методич. и педагогич., мы извѣстъ плодъ всего этого сварбе отрицательный, немалъ положительный“... Авторъ ищетъ причины

того, что у насъ забыта именно философія воспитанія, не приняты во вниманіе, такъ сказать, геологическія пласты, концы, поверхностную плёнку „нашемя“ мы поэтому такъ безуспѣшно ищемъ“. Но у насъ забыто и многое другое, не менѣе существенное, чего, впрочемъ, касается и самъ авторъ въ своихъ статьяхъ, представляющихъ не мало интереснаго, такъ что мы постараемся возвратиться къ нимъ и остановиться на нихъ подольше.

Трудовая помощь въ скандинавскихъ государствахъ. Составилъ П. Гапановъ. Печатано по распоряженію Канцеляріи Ея Величества Государыни Императрицы Александры Теодоровны. Сиб. 99. Стр. 279. Ц. 3 р.

Настоящее изданіе является результатомъ тщательнаго изученія авторомъ тѣхъ новѣйшихъ прѣхковъ помощи бѣднымъ, какіе твердо установились именно въ союзныхъ съ нами скандинавскихъ государствахъ, Даніи, Швеціи и Норвегіи, гдѣ „трудовая помощь“, т. е. помощь бѣднымъ посредствомъ доставленія имъ труда, явилась главное мѣсто въ дѣлѣ благоустройства, вытѣсняя тѣмъ прежніе способы помощи, такъ сказать, душевой, т. е. деньгами или натурой. Въ упомянутыхъ странахъ, — по словамъ автора, — „мало-по-малу, путемъ опыта, установились принципы, въ силу котораго каждый человекъ, даже самый убогій, признается способнымъ и потому обладающимъ на мѣрѣ силъ трудиться для обезпеченія себѣ права на существованіе, а вслѣдствіе этого *труда*, какъ въ дѣлѣ воспитанія подросткаго поколѣнія, такъ и въ дѣлѣ прирѣшнія взрослыхъ, сталъ играть преобладающую роль“. Трудъ г. П. Гапанова заслуживаетъ особеннаго вниманія со стороны всѣхъ, кто желалъ бы изнакомиться съ подробностями наилучшей организаціи благотворительности. Самое изданіе богато снабжено изящно выполненными рисунками, придающими наглядность изложенному въ текстѣ.

Данія. Сельское хозяйство въ Даніи, въ связи съ общими различіями въ странѣ. П. А. Кривовъ. Съ картою и 28 рис. Сиб. 99. Стр. 327. Изд. мин. земледѣлія и государственныхъ имуществъ.

Авторъ относитъ Данію къ числу нашихъ „конкурентовъ“ на международномъ рынкѣ, такъ какъ наша страна считается по прежнему наименѣе развитою, а Данія, — по словамъ автора, — даже „исключительно сельско-хозяйственная страна, гдѣ другія отрасли промышленности почти отсутствуютъ“. Тѣмъ не менѣе, въ ней сельское хозяйство поставлено на такую высоту, что преобладающій классъ населенія — фермеры, пользуются необычными въ другихъ странахъ благосостояніемъ. При этомъ, въ Даніи не ищется никакихъ естественныхъ богатствъ; почва бѣдная, нѣтъ всемірной торговли. Но съдѣлательству автора, шлетъ „конкурентъ“ достигъ такого положенія вещей жителями, доступными для всѣхъ, но не падѣтъ распространенными: высокою народною культурностью, въ соединеніи ея съ трудолюбіемъ и бережливостію населенія, а также при помощи разумныхъ правительственныхъ мѣропріятій. Самое изданіе труда можно назвать дѣломъ роскошнымъ: оно украшено, впрочемъ, весьма изящными иллюстраціями.

въ 1899 г.

(Тридцать-четвертый годъ)

„ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ“

ЕЖЕМЯСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ ИСТОРИИ, ПОЛИТИКИ, ЛИТЕРАТУРЫ

— выходитъ въ первыхъ числахъ каждаго мѣсяца, 12 книгъ въ годъ
отъ 28 до 30 листовъ обыкновеннаго журнальнаго формата.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА.

	На годъ:	По полугодіямъ:		По четвертямъ года:			
		Январь	Іюль	Январь	Апрѣль	Іюль	Октябрь
Вѣст. доставленъ въ Конторѣ журнала . . .	15 р. 50 к.	7 р. 75 к.	7 р. 75 к.	3 р. 90 к.	3 р. 90 к.	3 р. 90 к.	3 р. 80 к.
Въ ПЕТЕРБУРГѢ, съ доставкой . . .	16 „ — „	8 „ — „	8 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „
Въ МОСКВѢ и друг. городахъ, съ перес. . .	17 „ — „	9 „ — „	8 „ — „	5 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „
За границей, въ госуд. почтов. союза . . .	10 „ — „	10 „ — „	9 „ — „	5 „ — „	5 „ — „	5 „ — „	4 „ — „

Отдѣльная книга журнала, съ доставкой и пересылкою — 1 р. 50 к.

Примѣчаніе. — Вмѣсто разсрочки годовой подписки на журналъ, подписка по полугодіямъ: въ январѣ и іюлѣ, и по четвертямъ года: въ январѣ, апрѣлѣ, іюлѣ и октябрѣ, принимается — безъ повышенія годовой цѣны подписки.

Книжные магазины, при годовой и полугодовой подпискѣ, пользуются обычною цѣною.

ПОДПИСКА

принимается на годъ, полугодіе и четверть года:

ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ:

- въ Конторѣ журнала, В. О., 5 л., 28;
- въ отдѣленіяхъ Конторы: при книжныхъ магазинахъ К. Рикера, Невск. просп., 14; А. Ф. Цинзерлинга, Невскій пр., 20, и товарищества „Издатель“, Невск. пр., 68—40.

ВЪ КИЕВѢ:

- въ книжн. магаз. Н. Я. Оглоблина, Крещатикъ, 33.

ВЪ МОСКВѢ:

- въ книжныхъ магазинахъ: Н. Н. Мамонтова, на Кузнец-Мосту; П. П. Карбасникова, на Моховой; въ маг. „Русск. Мысли“ и въ Конторѣ Н. Петковской, въ Петровскихъ линіяхъ.

ВЪ ОДЕССѢ:

- въ книжн. магаз. „Образованіе“, Ришельевскій, 12.

ВЪ ВАРШАВѢ:

- въ книжн. магаз. „С.-Петербургскій Книжн. Складъ“ и Н. П. Карбасникова.

Примѣчаніе. — 1) Почтовый адресъ долженъ заключать въ себѣ: имя, отчество, фамилію, съ точнымъ обозначеніемъ губерніи, уѣзда и мѣстожительства и съ названіемъ ближайшаго къ нему почтоваго учрежденія, гдѣ (NB) допускается ислѣдъ журналовъ, если нѣтъ такого учрежденія въ самомъ мѣстожительствѣ подписчика. — 2) Перемѣна адреса должна быть сообщена Конторѣ журнала своевременно, съ указаніемъ прежняго адреса, при чемъ городскіе подписчики, переходя въ иногородныя, доплачиваютъ 1 руб., а иногородные, переходя въ городскіе — 40 коп. — 3) Жалобы на несправность доставки доставляются исключительно въ Редакцію журнала, если подписка была сдѣлана въ вѣдомствѣ поставщика мѣстахъ и, согласно объявленій отъ Почтоваго Департамента, не позже какъ по полученіи слѣдующей книги журнала. — 4) Билеты на полученіе журнала высылаются Конторою только тѣмъ изъ иногородныхъ или иностранныхъ подписчиковъ, которые приложатъ къ подписной суммѣ 14 коп. почтовыми марками.

Издатель и отвѣтственный редакторъ М. М. Стасюлевичъ.

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“:

Сиб., Галеріи, 20.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА ЖУРНАЛА:

Вас. Остр., 59, 98.

ЭКСПЕДИЦІЯ ЖУРНАЛА:

Вас. Остр., Академ. пер., 7.

